

БАРОН ЛМ
СТИВ МИЛЛЕР

БАРОН ЛМ
СТИВ МИЛЛЕР

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

БАРОН ЛМ
СТИВ МИЛЛЕР

БАРОН ЛМ
СТИВ МИЛЛЕР

БАРОН ЛМ
СТИВ МИЛЛЕР

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

SHARON
LEE

STEVE
MILLER

CONFLICT OF HONORS

AGENT OF CHANGE

CARPE DIEM

ШАРОН
ЛИ

СТИВ
МИЛЛЕР

КОНФЛИКТ ЧЕСТИ
АГЕНТ ПЕРЕМЕН
ЛОВИ ДЕНЬ

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Л55

Серия основана в 1999 году

Sharon Lee & Steve Miller
CONFLICT OF HONORS
AGENT OF CHANGE

1988

CARPE DIEM

1989

Перевод с английского Т.Л. Черезовой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник А.Я. Ломаев

Печатается с разрешения Meisha Merlin Publishing, Inc.
и литературных агентств Jabberwocky и Александра Корженевского.

Подписано в печать 29.05.2003. Формат 84х108 1/32
Усл. печ. л. 41,16. Тираж 7 000 экз. Заказ № 2384

Ли Ш.

Л55 Конфликт чести. Агент перемен. Лови день: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Ш. Ли, С. Миллер. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 780, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-015609-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-0083-5 (ЗАО НПП «Ермак»)

Человечество колонизировало сотни планет. Теперь в Галактике бок о бок живут, торгуют и воюют потомки землян — и «чужие». В этом мире действуют Вал Кон — галактический мастер плаща и кинжала, непревзойденный агент перемен — и Мирн, наемница-землянка, опаленная огнями безжалостных космических схваток. Из мира — в мир!

От опасности — к опасности!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Steve Miller and Sharon Lee, 1988, 1989
© Перевод Т.Л. Черезова, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

КОНФЛИКТ ЧЕСТИ

ПЛОЩАДЬ СТУПЕНЕЙ ДЕВЫ

**1002-й (МЕСТНОЕ СЧИСЛЕНИЕ)
1375-й (СТАНДАРТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ)**

Восьмая песнь по Полуденнице: сумерки.

На площади вокруг Ступеней Девы начала собираться толпа: мужчины и женщины в яркой рабочей одежде. Кое-где трепетали на вечернем ветру сапфировые и серебряные ризы Круга.

Последние отзвуки Восьмой песни отразились от гладких стен Дома Круга, и толпа выжидающе замерла.

В узком проулке на полпути к площади шевельнулась худенькая девушка. Она поправила на плече тесемку сумки, но глаза ее неотрывно смотрели на Ступени Девы, где стояли две женщины из Внутреннего Круга.

Та, что была пониже, воздела руки, призывая к молчанию. Толпа затаила дыхание, легкий смерч закружился по площади. Девушка в своем проулке вздрогнула и прижалась ближе к стене.

— Мы собрались, — закричала на всю площадь более высокая из двух, — отдать Матери дух нашей сестры, нашей дочери, нашей подруги. Ибо уходит от нас сегодня та, которую недавно называли Неясыть. — Она подняла руки, а другая опустила их, переходя ко второй части ритуала.

— Но да не опечалятся сердца ваши, ибо Неясыть уходит на попечение Той, кто есть Мать нас всех, кто наставит и приготовит ее для следующего пребывания среди нас. Возрадуйтесь же и завидуйте доле нашей сестры Неясыти, так скоро призванной пред глаза Матери.

Толпа тихо произнесла «Олли!», и невысокая ведьма продолжила свою речь. В ее голосе появились гипнотизирующие интонации, из тех, которые подобают произнесению сильнейших заклинаний.

— Ушедшая к Матери нашей, чтобы учиться и расти, Неясыть больше не будет среди нас. Целую человеческую жизнь будет она

сидеть у ног Матери, вбирая ее величие, невидимая более для нас. В этом обороте Колеса Неясыть не увидит больше никто. Она ушла. Да будет так.

— Да будет так, — откликнулась высокая.

— Да будет так! — вскричала толпа, громко подхватив знакомые слова.

Худенькая девушка не сказала ничего — только отодвинулась еще дальше в проулочек. Смерчик подкатился к ней, мгновение играл недавно остриженными волосами — а потом улетел искать новые забавы.

Высокая женщина, стоявшая на краю толпы, быстро рванулась куда-то, но мгновенно остановилась. Девушка подалась вперед, и ее губы неслышно сложились в слово «Мама!». Но она снова попятилась, так и не произнеся этого слова.

Все было бесполезно. Неясыть умерла по приказу той, которая была матерью Неясыти в этом обороте Колеса. Погребальный костер для всех ее вещей был зажжен в Полуденницу, и мать смотрела на огонь с ледяным лицом и сухими глазами. Девушка тоже была там. Она плакала — так сильно, что, возможно, эти слезы были и за мать. Но теперь слез не осталось.

В сумке, переброшенной через плечо, были те немногие вещи, которые ей удалось унести из своей кельи в крыле Дев в Доме Круга. Надетая на ней одежда была куплена в магазине подержанных вещей у реки: темная мягкая рубашка со слишком длинными рукавами, натиравшая соски, не привычные к тесной одежде, тугое трико, тоже темное, за исключением светлой заплаты на правом колене, башмаки межпланетника со стоптанными каблуками. Серьги были ее собственные: много лет назад дрожащие от гордости за нее старческие руки вдели их ей в мочки. Семь серебряных браслетов в сумке были не ее. В нарукавном кармане рубашки лежала одна монета — земная десятка.

Женщины Внутреннего Круга ушли со ступеней. Толпа раскололась на группы и зашумела. Девушка беззвучно растаяла в узком проулочке, пытаясь придумать какой-нибудь менее отчаянный план на будущее.

«Неясыть умерла. Да будет так».

В конце проулочка девушка повернула налево, к далекому красноватому зареву.

«Можно бы, — подумала она неуверенно, — отправиться к Молчаливым Сестрам в Калсйту. Они не станут спрашивать, как тебя зовут, откуда ты или зачем пришла. У них можно остаться жить, не произнося больше ни слова, никогда не выходя из Сестринского дома, никогда не касаясь другого человеческого существа...»

— Лучше умереть! — огрызнулась она, обращаясь к ночи и к себе, — и захохотала.

Собственный смех показался ей ужасным — ломаным, неестественным. Она запустила пальцы в нелепую шапку кудрей и дернула себя за волосы с такой силой, что мерзкий смех сменился слезами. А потом она пошла в сторону разгорающегося розового сияния.

32-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

148-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ВТОРАЯ ВАХТА 10.30

— Лиადийцы! Лживые, богами проклятые, голомордые сыны собачьи!

Смятый комок одежды полетел в сторону открытой сумки, брошенный скорее страстно, чем метко. Не сходя с места, Присцилла поймала ком и аккуратно уронила в сумку. Обычных комментариев Шелли о растрачиваемом зря таланте на этот раз не последовало.

— Жалкий, вонючий, недоделанный кораблик! — продолжала Шелли на пределе своего мощного голоса. — Дежурство каждую вторую вахту. Земляне — извольте отойти и выбирайте слова, когда разговариваете с лиадийцем! Штрафы за это, штрафы за то... Увольнения на берег — дудки, побыть одной — тоже. Делать нечего — только стоять вахту и спать вахту, стоять вахту... Дьявол!

Она бесцеремонно запихнула остаток одежды в сумку, шмякнула сверху коробку с дисками и застегнула клапан с такой силой, что Присцилла невольно поежилась.

— Первый помощник — жулик, второй помощник — задрыва... Держи!

Она сунула Присцилле толстый коричневый конверт.

Ее молодая товарка недоуменно моргнула:

— Что это?

— Копия моего контракта и отступные — кантра, как оговорено. Думаешь, я позволю, чтобы первый или второй наложили на них свои лапы? Все выгребла подчистую. Но поверь мне: лучше остаться без сбережений и работы, чем сделать еще один перелет на этом корыте! — Шелли замолчала и придвинулась к товарке, сопровождая каждое слово тычком указующего пальца. — Передай

этот конверт купцу, девонька, и скажи, что я ушла. Если у тебя есть хоть капля умишка, то с ним ты вручишь ему и свой.

Присцилла покачала головой.

— У меня нет отступных, Шелли.

— А если бы были, ты бы ушла? — Шелли сочувственно вздохнула, колыхнув мощным телом. — Ну, по крайней мере ты предупреждена. Сможешь продержаться до конца полета, девочка?

— Осталось всего шесть месяцев по стандартному. — Она тронула Шелли за плечо. — Все будет нормально.

Шелли недоверчиво хмыкнула, повесила сумку на плечо и сделала два шага, которые отделяли койку от двери. В коридоре она снова повернулась к Присцилле.

— Будь осторожна, девонька. Жаль, что мы встретились не в самые лучшие времена.

— Удачи тебе, Шелли, — откликнулась Присцилла.

Казалось, она собиралась добавить что-то еще, но ее товарка уже повернулась и тяжело зашагала прочь, ссутулив плечи и опустив голову в безмолвном протесте против низких потолков.

Присцилла направилась в противоположную сторону — к апартаментам купца. Она только немного пригибала голову. Для землянки она была невысокая, так что между потолком и ее кудряшками оставалось не меньше ладони, но на «Даксфлане» было нечто такое, что требовало склоненных голов.

«Чепуха», — твердо сказала она себе, поворачивая за угол у причала шаттлов.

Только это была не чепуха. И все, что говорила Шелли, было правдой. И не только это. Быть на «Даксфлане» землянкой означало принадлежать к низшему классу существ: каюты позади грузовых трюмов, полуостывшая еда в кафетерии, переделанном из пристыкованного грузовика. Купец вообще не владел земным языком, да и капитан знала всего несколько слов, отдавая приказы на ломаном торговом, не затрудняя себя такими любезностями, как «спасибо» и «пожалуйста».

Присцилла вздохнула. Ей и прежде случалось служить с лиадийцами на других кораблях, но на лиадийском корабле она оказалась впервые. Она не могла сказать, были ли условия одинаковыми на всех кораблях. Ее мысли снова вернулись к Шелли: та поклялась, что больше никогда не поступит на лиадийский корабль. А ведь Шелли держалась неплохо, пока два порта тому назад от них не ушел целитель, которого заменили на простой механический лечебный набор. Эту меру называли временной.

— Очередные лиадийские враки! — заявила Шелли. — Все они лжецы. Все!

Первый помощник был жулик, а второй — задрыга (что бы это ни значило, мысленно отметила Присцилла). Один — лиадиец,

вторая — землянка, но до того похожие, словно дети одной матери.

Присцилла подумала, что, возможно, купец принимает на службу только людей определенного типа. Но тогда как же это характеризует Присциллу Мендоса, которая так рвалась получить место суперкарга, что даже не потрудилась осмотреться как следует. Но ей действительно очень хотелось получить это место. Всего за десять лет она прошла путь от техника пищевой службы (что было практически равносильно судомойке) до члена основного экипажа, где стала заниматься работой с грузами. И в числе ее целей оставался сертификат пилота — хотя на «Даксфлане» не оказалось возможности приблизиться к осуществлению этой мечты.

Каюта купца оказалась запертой. Когда она приложила ладонь к датчику, приглашения войти не последовало. Ну что ж. Она покачала головой при звуке колокола. 11.00. В эту вахту ей не выспаться.

Присцилла решила, что пакет Шелли можно было бы передать и капитану. Она двинулась дальше по коридору по направлению к рубке, но приостановилась, услышав голоса справа. Мужчина говорил на повышенных тонах, возмущенно. Женщина пыталась его успокаивать.

Дверь в лиадийскую кают-компанию была открыта. Не обращая ни на что внимания, Сав Рид Оланек тряс какой-то бумагой перед лицом своей кузины, капитана Челсы Йо-Ваад.

— Отказали! — кричал он на официальном языке, и голос его звенел от ярости. — Они посмели! Когда я всю жизнь оставлял этот палец свободным, чтобы надеть на него только кольцо мастера-купца!

Он помахал униженными кольцами пальцами перед лицом Челсы, которая заморгала, машинально отмечая фамильный камень, школьные камни и клановый камень среди сверкающей выставки менее внушительных меланти Сав Рида.

— Там сказано, что вы можете повторить запрос, кузен, — нерешительно проговорила она. — Надо только подождать стандартный год.

— Ха! — крикнул Сав Рид (как она могла бы заранее предсказать). — Повторить запрос? Ну нет! Вот им! — Он снова схватил письмо и разорвал его дважды, отбросив обрывки прочь. — Они сочли меня недостойным? Им будет преподан урок. Мы им покажем — «Даксфлан» и я, — как работает настоящий мастер-купец!

С этими словами он повернулся, и его взгляд упал на тень в дверях.

— Эй, ты! — рывкнул он на торговом, пересекая кают-компанию (на это ушло всего четыре шага его коротеньких ног). — В чем дело, Мендоса?

Присцилла с поклоном протянула ему конверт.

— Я не хотела мешать вам, сэр, — ответила она на торговом, — но Шелли ван Уиткин попросила, чтобы я передала вам вот это.

— Так.

Он вскрыл конверт, без особого интереса взглянул на бумагу и, лениво поиграв монетой, спрятал ее себе в пояс.

Присцилла успела увидеть, что это была одна кантра — и у нее упало сердце. Подобная сумма была ей настолько не по средствам, что ей нечего было и мечтать о том, чтобы последовать примеру Шелли. Наверное, она могла бы перебежать с корабля на другой, но от одной мысли о таком бесчестье ее затошнило.

— Можешь идти, Мендоса, — сказал купец.

Она еще раз поклонилась и направилась обратно в коридор. На пороге ее догнали слова, которые купец произнес на высоком лиадийском, обращаясь к капитану Йо-Ваад — что-то насчет заработанной кантры и того, что можно будет не кормить лишнюю обжору.

32-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

151-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ПЕРВАЯ ВАХТА 1.30

«Даксфлан» был в двух днях пути от Альционы, и обед выглядел ужасно. Суперкарго Мендоса безропотно приняла свой поднос и направилась с ним в переполненную столовую для землян. Краем глаза она увидела, как из-за стола у двери ей машет рукой второй помощник Дагмар Коллиер. Не поворачивая головы, Присцилла направилась к только что освободившемуся угловому столику. Инстинкт самосохранения не позволял ей садиться спиной к шумному помещению, хотя соблазн был очень велик.

Хмуро взглянув на жирный суп, она отложила ложку и взялась за пластиковую кружку с отбитым краем. Улыбаясь, она отхлебнула чуть теплый кофету, вспоминая, как Шелли никогда не садилась за стол «Даксфлана», не рассыпавшись возмущенными возгласами, которые всегда сводились к тому, что экономически невыгодно подавать на торговом корабле не настоящий кофе из зерен, а кофету.

Шелли была убеждена в том, что, предлагая землянам кофету, купец намеренно их оскорбляет. Однако Присцилла слышала, как лиадийские члены экипажа ругают подаваемый им на «Даксфлане»

напиток под названием чай, который явно не с Солсинтры. Шелли владела только самыми начатками лиадийского, как высокого, так и низкого, случайно усвоенными на работе, и скептически отнеслась к предположению Присциллы, что на корабле плохо обращаются со всеми членами экипажа.

Суперкарго решительно отставила кружку и снова взялась за ложку. Как ни противно выглядит суп, но это — обед, и лучшего ей не получить. В качестве альтернативы предлагался размоченный рогалик и липкий кусок сыра, и печальный опыт убедил ее в том, что они несъедобны до тошноты. Придется есть суп.

Зачерпнув ложку остывшего супа, Присцилла обнаружила, что снова — уже в который раз за последние две вахты — думает о тех контейнерах, которые они взяли на борт на Альционе Первой. Опечатанный груз. В этом нет ничего необычного. Она получила накладные, в которых перечислялось, что именно содержится в опечатанном трюме — вес товара, его распределение. Все в соответствии с правилами. И все же было что-то такое...

Скрип стула, тяжелый удар — и с ней оказалась второй помощник. Присцилла вздрогнула, обрызгав рукав жирным супом. Стиснув зубы, она стала терпеливо промокать пятно, стараясь не встретиться взглядом с Дагмар. Та ухмыльнулась и откинулась на спинку стула, вытянув перед собой длинные ноги.

— Испугалась, Присси?

Худые плечи Присциллы невольно расправились. Ухмылка Дагмар стала еще шире.

— Я задумалась.

В мягком и ровном голосе суперкарго не было никаких эмоций.

— Она такая, наша Присси, — снисходительно бросила Дагмар. — Всегда думает. — Она нависла над крошечным столиком и дотронулась до тыльной стороны изяшной кисти, насладившись невольной попыткой ее обладательницы отстраниться. — А как насчет после обеда? Что, если я принесу что-нибудь, чтобы отвлечь тебя от мыслей, и мы развлечемся?

— Извините, — ответила Присцилла, надеясь, что в ее тоне действительно слышно сожаление. — Но я еще не оформила схемы размещения грузов. Мне придется потратить часть свободного времени на то, чтобы доделать работу.

Дагмар покачала головой: втайне она наслаждалась бесконечным запасом предлогов, которые Присцилла находила для отказов. Игра шла уже три месяца. Дагмар сочла свою дичь достойной долгого преследования. Все было бы легче, не будь девица таким хорошим работником и не пользуйся она такой популярностью среди других членов экипажа. Присцилла не увлекалась наркотиками, не спала с кем попало. Однако Дагмар не сомневалась в том,

что в какой-то момент девушка потеряет бдительность и обнаружит уязвимое место. И когда она наконец поймает Присси... Тем более сладкой будет победа.

— Ничего, — утешила ее Дагмар. — Работай так усердно, как тебе хочется. Приятно видеть такое усердие в новом работнике. А в конце полета — если ты будешь очень хорошо себя вести — тебя будет ждать награда.

Она слегка прищурилась, надеясь увидеть на лице своей жертвы признаки испуга. Ничего не заметив, она пустила в ход козырный туз.

— Награда, — повторила она и, протянув руку, взяла тонкие холодные пальцы. — Как тебе насчет такой... В конце полета мы с тобой — вдвоем — пойдем и устроим Сто часов наслаждения? А? Сто часов любви, ласки, вкусовости и выпивки! Хорошо звучит, правда?

Присцилла мысленно признала, что это звучит действительно хорошо. Если не считать предложенного общества.

Она осторожно отняла у Дагмар свою руку.

— Вы очень щедры, — пробормотала она. — Но я не...

Второй помощник снова поймала ее пальцы.

— Подумай хорошенько. Времени много. — Она сжала руку, пока не услышала хруст костей, и только потом ее отпустила. — Красивые тонкие пальчики. Тебе надо бы носить кольца. — Она снова улыбнулась и повернула собственную руку так, чтобы в свете мрачно блеснули грязные камни на кольцах, которые она носила по три на каждом жирном пальце. — Я куплю тебе колечко, — нежно пообещала она. — После наших Ста часов.

Присцилла сделала глубокий вдох, стараясь подавить в себе внезапно вспыхнувшее желание нанести тяжелые телесные повреждения. Она встала.

— Уже уходишь?

Суперкарго кивнула.

— На вычисления уйдет время.

Она сбежала из столовой.

«Кольцо»! Святая Мать! Присцилла поймала себя на том, что задыхается и почти бежит по узкому коридору. Замедлив шаги, она заставила себя разжать кулаки и, внешне спокойная, направилась к своей каюте.

Мысленно она продолжала кипеть. Постоянные домогательства второго помощника были достаточно неприятными, но по крайней мере от нее можно было отделаться отговорками. А вот во время прошлой вахты к ней в кабинку зашел первый помощник Пимм тел Джадис, и чем меньше она будет думать об этом эпизоде, тем лучше.

Оказаться между этими двоими со всей их властью на таком корабле, где ни купец, ни капитан не собирались выступить на стороне землянки против лиадийца или вмешиваться в отношения двух землян... Присцилла шлепнула ладонью по датчику в двери и, прежде чем войти к себе в каюту, переключила освещение на яркое.

В каюте было пусто.

«Ну, еще бы!» — насмешливо подумала она, входя и запирая за собой дверь. Прислонившись головой к двери, она на секунду прикрыла глаза. Стресс, недосып, плохое питание... Она начинает нервничать, придумывать лишние проблемы. Конечно, первый помощник не стал бы прятаться у нее в каюте, чтобы застигнуть ее врасплох.

Пока.

— Проклятие! — в сердцах бросила она и направилась к тесной кабинке освежителя.

Сняв с себя одежду, она запихнула ее в авточистку, включив программу суперочистки. Действуя более осторожно, она вынула из ушей серебряные серьги с опаловыми подвесками и положила их на полочку под коротким зеркалом. Потом она включила режим «горячий» с интенсивностью «игольчатый» и шагнула под потоки.

32-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

152-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

19.45

Присцилла потеряла горящие от усталости глаза и откинулась на стуле, хмуро глядя на экран. Она оказалась права. Поначалу она не поверила своим результатам и перепроверила все еще раз, а потом и третий. Сомнений не оставалось. Она пыталась сообразить, что ей теперь делать. Ей совершенно не хочется иметь дело с контрабандой наркотиков, а как суперкарго она за них расписалась!

Качая головой, она снова склонилась над клавиатурой.

Прежде всего, решила она, ей следует запечатать эти данные конфиденциальным кодом суперкарго. Потом надо принять холодный игольчатый душ в надежде на то, что он компенсирует бессонную ночь — ведь через час ей заступать на вахту! Она встала и потянулась.

Она не станет принимать никаких решений, пока не поспит в течение хотя бы одной вахты. Дело слишком важное, ошибки допустить нельзя.

Из репродуктора над дверью зазвучали дребезжащие слова объявления:

— Названные члены экипажа должны явиться ко второму причалу шаттлов в 20.00: второй помощник Дагмар Коллиер, пилот Берн дэа Маан, суперкарго Присцилла Мендоса, грузчик Тайлли Зелд, грузчик Ник Лаз Галрадин.

— Что? — возмущенно спросила Присцилла у репродуктора. — У второго причала в 20.00? Да ведь это меньше чем через десять минут!

Она стремительно бросилась к столу и очистила экран, потом снова обернулась и обвела взглядом крошечную каюту, отмечая местоположение своего скудного имущества. Среди него не было ничего такого, что могло бы понадобиться ей на Джанкалиме. Пригладив волосы руками, она вышла из каюты.

Только на пути к причалу она вдруг удивилась, почему ее вообще вызвали. На Джанкалиме они только оставляли груз, и этим обычно занимались первый или второй помощник и пара грузчиков.

Может, кто-то ошибся? В ее расписании, которое она проверила на прошлой вахте, не значилась высадка на планету, это она знала точно. Если подумать, то просто глупо брать в такой полет суперкарго. Почти так же глупо, как посылать в него купца.

Она быстро повернула за угол и резко остановилась, едва не натолкнувшись на низенького мужчину, оказавшегося прямо перед ней.

Купец Оланек повернул голову и неулыбчиво кивнул в знак узнавания.

— Мендоса. Как всегда вовремя.

Он говорил на торговом и с очень сильным акцентом.

— Спасибо, сэр, — сказала она, из вежливости замедляя шаги так, чтобы не опередить его.

Как-то получилось, что она не сообщила купцу о том, что немного владеет его родным языком. Посмотрев на его профиль, она мысленно пожала плечами. О вспыльчивости купца на «Дакс-флане» ходили легенды, но сегодня он показался ей исключительно благодушным.

— Вы будете высаживаться на планету? — почтительно спросила она.

— Конечно, я буду высаживаться на планету, Мендоса. Иначе зачем я здесь?

Присцилла не стала обращать внимания на прозвучавшее в его голосе раздражение и продолжила спрашивать.

— Значит, произошло изменение планов? Насколько я знала, на Джанкалиме была намечена только выгрузка. Если мы будем брать на борт груз...

— Следовательно, я должен заключить, что ваша информация была неполной, Мендоса, — оборвал ее раздраженный купец.

Присцилла закусила губу. Было бы неразумно досаждать купцу дальше. Она наклонила голову и отстала, пропуская его в шаттл перед собой. А потом со вздохом села в первое же свободное кресло и закрыла глаза. Полет от корабля до планеты займет полчаса. По крайней мере она сможет вздремнуть.

— Привет, Присси! — прозвучало у нее над ухом. — Ты ведь не спишь, правда?

На ее бедро легла горячая рука.

Стиснув зубы, Присцилла открыла глаза и выпрямилась.

На Джанкалиме был всего один космопорт: он располагался на восточной оконечности южного континента, в непосредственной близости от океана и на краю второго по величине города планеты.

Наблюдая за тем, как Тайлли и Ник Лаз выгружают немногочисленные контейнеры и платформы, из-за которых они здесь появились, Присцилла решила, что космопорт самый что ни на есть средненький. Тут были три горячие площадки для межпланетных кораблей, четыре люльки для шаттлов и пара дюжин стальных ангаров. Все площадки пустовали, хотя в последней люльке обнаружился удивительно ухоженный шаттл.

Присцилла перевела взгляд на металлическое здание справа. Перекосившаяся вывеска гласила, что здесь находится офис начальника порта. Купец Оланек скрылся там сразу после посадки. Дагмар плелась за ним следом, словно распухшая тень.

Будто услышав, что суперкарго думает о ней, Дагмар появилась в дверях и кивком приказала Присцилле следовать за собой.

— Поможешь мне, Присси? Купец просит принести пару короб из дальнего склада. Вдвоем мы как раз справимся.

Удивленно подняв брови, Присцилла оглянулась на крепкого Тайлли и миниатюрного Ник Лаза, которые как раз устанавливали последнюю платформу.

— А, дай им передохнуть, Присси, — проворчала Дагмар. — Они и так уже много потрудились.

Доброта была несвойственна второму помощнику. Видимо, она хотела остаться с Присциллой без свидетелей, чтобы снова ее помочь. Не имея отговорок, суперкарго кивнула и зашагала рядом с ней, осмотрительно стараясь держаться на расстоянии.

Когда они вошли на склад, там автоматически загорелся свет. Дагмар уверенно повернула направо. Отставшая на несколько шагов Присцилла шла следом. После еще нескольких поворотов они очутились в затхлом коридоре, где свет был не таким ярким, как в начале склада. Вдоль коридора шли металлические двери без каких бы то ни было надписей и знаков.

Присцилла не могла понять, что купцу могло понадобиться в явно заброшенной части склада, но она пожала плечами. Она — суперкарго. Ее обязанность — размещать на корабле то, что купец принял для перевозки.

Но было бы неплохо, возмущенно думала она, если бы купец счел нужным сообщить своему суперкарго о своем намерении взять груз на Джанкалиме.

Дагмар медленно шла по коридору — Присцилле показалось, что она подсчитывает двери. Потом второй помощник остановилась и вложила в щель карту.

Свет над дверным проемом зажегся, но больше ничего не произошло. Дагмар мрачно хмыкнула.

— Ты у нас хорошо разбираешься в компьютерах. Попробуй-ка.

Ее тон внушил Присцилле безотчетное беспокойство. Она взяла карту, вставила ее — и была вознаграждена не только вспыхнувшим светом, но и щелчком в дверном механизме.

Дагмар толкнула дверь — и снова хмыкнула.

— Проклятую штуку заклинило. Иди-ка сюда, Присси. Ага, так. Я буду тянуть дверь сюда, чтобы она стала в паз, а когда она начнет открываться, ты заходи между створок и толкай. Понятно?

— Понятно.

Дагмар уперлась руками в дверь и напряглась. Секунду казалось, что механизм откажется подчиниться. А потом Присцилла увидела появляющуюся щель. Когда она стала расширяться, она просунула туда пальцы и прибавила свои усилия. Щель стала еще шире. Она протиснула тело в отверстие и толкнула изо всех сил.

В эту секунду позади нее мелькнула тень, и голос Дагмар произнес:

— Как же это ты, Присси, такого дурака сваяла?

В следующее мгновение что-то ударило ее за ухом, и она упала, ощущая во рту соленый вкус.

КОСМОПОРТ ДЖАНКАЛИМА

209-й ГОД ПО МЕСТНОМУ КАЛЕНДАРЮ

Высоко на боковой стене оказалось окно — и это было хорошо. Дверь была заперта с другой стороны — и это было плохо. Голова болела, и это, решила Присцилла, было самое плохое. Ни ссадина на лице, ни боль в плече ни в какое сравнение с головой не шли, хотя пульсирующая боль в ребрах претендовала на второе место.

Двигаясь с крайней осторожностью, Присцилла подошла к окну и, встав на цыпочки, вытянула шею. Здесь выхода не будет: окно представляет собой сплошное противовзрывное стекло, но даже если бы у нее оказалось средство его пробить, само отверстие было слишком мало даже для ее худого тела.

За окном ухоженный шаттл по-прежнему стоял в потрепанной люлке.

Шаттл «Даксфлана» исчез.

«Они меня оставили!» — подумала она, окутанная туманом головокружения и боли. А потом, вдруг осознав реальность происходящего, она громко ахнула, так что бок ее обожгло огнем. «Оставили меня! Здесь, за запертой дверью, без возможности выбраться! Как они могли меня оставить? Купец должен был бы меня хватиться... Или если не меня... Но как они могли меня не хватиться? Тайлли, Ник Лаз, Берн... Как они могли улететь?»

Она сделала глубокий медленный вдох, заставив себя не обращать внимания на боль.

— Я не намерена, — сурово сообщила она пустому помещению, — терпеть истерики.

Ее голос отразился от голых стен и вернулся обратно, грудной, странно успокаивающий. Присцилла закрыла глаза и сосредоточилась на ровном дыхании, пока ее паника не унялась.

«Мне необходимо отсюда выбраться», — сказала она себе, тщательно подбирая слова.

Она осмотрела свою тюрьму. Пусто. Пыли нет. Полутьма. Единственным источником света служило окошко. Ей придется сделать все необходимое прежде, чем за окном стемнеет.

Прислонившись к стене, она перебрала содержимое карманов: стило, блокнот, удостоверение личности, клейкая лента, расческа, две земные монеты, магнитная рулетка, перочинный нож, калькулятор... Ничего достаточно тяжелого, чтобы разбить триплексное окно, или достаточно прочного, чтобы отжать дверь.

Она снова выглянула из окна. Снаружи было так же пусто, как и в помещении, где она оказалась. Присцилла устроилась удобнее и стала оценивать свои ресурсы.

Стило? Вряд ли. Оно вернулось в карман. Та же процедура была проделана с блокнотом, расческой, удостоверением и деньгами.

Лента? Присцилла временно ее оставила. Перочинный нож? Почему бы и нет. Рулетка? Нет... Да! Да, минутку... Магниты... замок... Надо открыть замок!

Она встала на колени у двери, чтобы щель для карточки оказалась на уровне ее глаз, и осторожно заглянула внутрь. Может получиться...

Сев на пятки, она развернула рулетку и безуспешно попыталась вытащить тонкие прямоугольные магниты пальцами. Ножик ей помог: спустя пятнадцать минут у нее в руках оказались четыре плоских магнита, к каждому из которых был прикреплен длинный хвост из клейкой ленты. Присцилла прижала их к двери рядом с прорезью для карточки.

Кончиком ножа она вставила магниты в щель замка, один за другим, благодаря Богиню за то, что внутри механизма оказалось всего четыре контакта и что никто не планировал использовать склад в качестве тюремной камеры.

Когда последний магнит встал на место, она вытащила нож и затаила дыхание. Ничего не случилось.

«Неверная комбинация», — сказала она себе и терпеливо вставила лезвие ножа обратно, изменив полярность крайнего слева магнита.

Она перебрала двенадцать комбинаций, и перед глазами у нее уже плясали цветные пятна, когда наконец раздался тихий щелчок. Едва осмеливаясь дышать, она перевела взгляд выше.

Сигнальная лампочка над дверью загорелась!

Присцилла поспешно встала, машинально сложила нож и убрала его в карман. Подавшись вперед, она прижала ладони к двери и приготовилась ее толкать — когда створка неожиданно отодвинулась.

Присцилла вывернулась, ахнула — и успела выровняться прежде, чем оказавшийся по другую сторону мужчины успел вытянуть руку, чтобы ее схватить.

— Погоди-ка! — Он схватил ее за запястье. — Ты кто такая?

— Присцилла Мендоса. Суперкарго с «Даксфлана».

— Вот оно как, а? — Он уставился на нее. — Ты немного не на месте, тебе не кажется?

— Несомненно. — Она стиснула зубы от боли и с трудом заставила себя говорить ровно. — Произошло... какое-то недоразумение. Я уверена, что купец Оланек за меня поручится. Он был у начальника порта...

— Был-то он был, — согласился мужчина. — Но потом он со своими людьми улетел. И о пропавшем члене экипажа ничего сказано не было. Надо думать, он заметил бы, что его суперкарго рядом не оказалось, а?

Присцилла вздохнула.

— Боюсь, что я не готова ничего сказать по этому поводу. Вы меня отсюда выпустите или нет?

— Знаешь, мистрис, не пытайся мне мозги запудрить. Постарайся придумать для мастера Фарли что-нибудь получше. Он шагнул назад, продолжая крепко держать ее за руку. — А теперь идем-ка со мной.

Присцилла стиснула зубы и твердо зашагала с ним в ногу.

Яркий свет солнца настолько сильно усилил ее головную боль, что она невольно ахнула. Внезапно крепкая хватка ее спутника оказалась ей желанной: без его поддержки она упала бы.

Солнечный свет сменился тенью. Ее конвойный приостановился, приложил ладонь к сенсорной пластине — и дверь открылась. Повинуясь его толчку, Присцилла шагнула в гулкую пустоту какого-то помещения. На пустом рабочем столе были расставлены четыре темных монитора. Под потолком на расписании полетов горела только одна янтарная строчка, казавшаяся особенно яркой в сумеречной комнате:

«ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА», СОЛСИНТРА, ЛИАД.

Присцилла застыла на месте, глядя на расписание. Лиадийский корабль, конечно, но... Милосердная Богиня, они действительно улетели! Они покинули орбиту, улетели из сектора — без нее! Ее намеренно бросили на этом жалком мирке!

— Идем, мистрис, я не намерен возиться с тобой весь день.

Мужчина дернул ее за руку, и она ошеломленно последовала за ним.

Она сознавала, что ей следовало бы кипеть гневом, но многочисленные потрясения и боль приглушили все ее эмоции. Единственным ее желанием было поспать — но этого как раз сделать было нельзя. Ей надо было предстать перед начальником порта и объяснить ему свое присутствие в пустом складе. Ей понадобятся деньги... работа. Две земные монеты — это богатством не назовешь, даже на самой захолустной планетке.

— Сюда, мистрис. — Человек снова нетерпеливо потянул ее за руку.

Стиснув зубы, Присцилла заставила себя проглотить резкость, и послушно пошла, куда было велено.

Начальник порта Фарли оказался толстяком с печально обвисшими желтыми усами и виноватыми голубыми глазами. Моргая, он посмотрел на Присциллу, а потом повернулся к ее конвойному.

— Ну-ну, Лайем. Что это тут у тебя?

Мужчина снова стиснул ей руку и выпрямился, так что создавалось впечатление, будто он вытянулся по стойке «смирно».

— Компьютер сообщил, что кто-то вскрывает замок на двери Три-А в седьмом коридоре первого склада. Это одна из пустых секций, мастер Фарли.

Начальник порта кивнул.

— Я пошел проверить: решил, что там какая-то неполадка, сами понимаете. — Он рывком выдвинул Присциллу вперед. — А там, внутри, была вот эта! Говорит, будто она — Присцилла Мендоса, суперкарго с «Даксфлана», который только что улетел.

Начальник порта снова заморгал.

— Но что ты делала на складе, девочка? Тем более там — он пустует уже несколько лет!

Присцилла глубоко вздохнула, заметив, что боль в боку немного стихла — теперь ребра только тупо ныли.

— Купец Оланек и второй помощник Коллиер зашли в это здание, чтобы переговорить с вами, сэр, — сказала она. — Я была снаружи, следила за разгрузкой. Спусти какое-то время второй помощник вышла и попросила меня пройти с ней на склад. Она сказала, что купец велел принести что-то из одного из хранилищ. Когда мы туда пришли, она вложила в замок карточку и попросила меня помочь ей открыть дверь, потому что ее заклинило...

— Еще бы, — пробурчал Лайем. — Проклятую штуку не открывали уже лет десять.

— А потом, — завершила свой рассказ Присцилла, — она ударила меня по голове и оставила в помещении. Когда я пришла в себя, то попыталась вскрыть замок с помощью пары магнитов из моей рулетки.

Начальник порта изумленно уставился на нее.

— Ударила по голове и заперла на складе? Это члена своего экипажа-то? С чего ей было так делать?

— Откуда мне знать? — огрызнулась Присцилла, но потом с трудом улыбнулась. — Послушайте, можно я сяду? У меня и правда болит голова.

— Конечно, безусловно... — Он был явно растерян. — Лайем...

Смотритель складов неохотно отпустил ее руку и поставил у стола стул, встав прямо за ним. Присцилла осторожно села, схватившись за пластиковые подлокотники.

— Спасибо.

— Не за что. — Мастер Фарли вздохнул, побарабанил пальцами по стальной крышке стола, зажмурился, потом снова открыл глаза. — При вас, конечно, найдется какое-то удостоверение личности.

Она кивнула, заработав новую вспышку боли и разноцветные пятна перед глазами. Рука, протягивавшая начальнику порта удостоверение, дрожала. Заметив это, она почувствовала прилив гнева.

Мастер Фарли принял у нее пачку документов и по очереди вставил карточки в считывающее устройство на столе. Внимательно изучив экран, он вздохнул и снова повернулся к ней.

— Ну, документы у вас в порядке. Суперкарго «Даксфлана», приписанного к Чонселте, Лиад. Все ясно, как божий день. — Он покачал головой. — Буду говорить с тобой честно, девочка. Не могу понять, с чего им было так тебя бросать. Суперкарго на торговом корабле — важная персона. И твои слова насчет того, будто тебя ударили по голове и заперли... Все не сходится. И вот что еще я

тебе скажу: купец Оланек заходил ко мне, и мы приятно поболтали. Но я не видел второго помощника, о которой ты говоришь. И тебя я тоже не видел.

— Короче, вы мне не верите.

Он помахал рукой, пытаясь ее успокоить.

— Право, девочка. Признайся, что все это кажется неправдоподобным.

— Я охотно это признаю, — ответила Присцилла. — И мне не больше вашего известно, почему они это сделали. Может, второй помощник считала, что у нее есть основания на меня обижаться — но вряд ли такие, чтобы разбивать мне голову.

И тут она вдруг ясно поняла: значит, все было сделано по приказу купца. Дагмар не стала бы ее отключать и запирасть в пустом складе, не получив на это приказа. Если бы она вдруг решила, что Присцилла ее оскорбила, то скорее попыталась бы ее изнасиловать. А раз этот приказ отдал купец, то значит...

Мастер Фарли поменял позу, и стул под ним пронзительно закрипел.

— Ну вот что, девочка. Я просто должен сказать, что сделанного не изменишь. Я не вижу, чтобы ты совершила какое-то нарушение. Так, Лайем?

— Да, — с сожалением признал сторож. — Похоже, что так.

Начальник порта кивнул.

— Значит, самое разумное, что мы можем сделать, это вернуть тебе документы и отпустить.

Он пододвинул к ней пачку ее карточек.

Присцилла недоуменно уставилась на него.

— Отпустить, — ошеломленно проговорила она. — Но я здесь случайно! У меня совсем нет денег. Я здесь ни с кем не знакома.

Приказ отдал купец. А это значит, что ее вывод оказался верным: «Даксфлан» перевозил огромное количество запрещенного наркотика. Не важно, как он докопался до ее выкладок, запечатанных личным кодом. Он их обнаружил, отдал должное ее способности прийти к правильным выводам — и поспешно избавился от опасной свидетельницы.

— Тебе следует отправиться в посольство, — говорил тем временем Фарли, сочувственно и виновато. — Наверное, они отправят тебя домой.

Домой?

— Нет! — сказала она испуганно. — Я хочу попасть... Мне необходимо добраться до Арсдреда.

Это был следующий порт на маршруте «Даксфлана». «А что дальше?» — спросила она себя, удивленная собственной решимостью. Не найдя ответа, она на время отложила этот вопрос. Ей следует двигаться последовательно.

— До Арсдредра, — твердо повторила она.

Фарли посмотрел на нее с сомнением.

— Ну, если надо, так надо, девочка. Но не мне знать, как ты это сделаешь. Ты сказала, что денег у тебя нет...

— Тот корабль, который сейчас на орбите, «Исполнение долга». Это торговый корабль?

Он кивнул, недоуменно моргая.

— Прекрасно. — Она сделала глубокий вдох, пытаясь заставить свою пульсирующую болью голову работать. — Мастер Фарли, я понимаю, что вы не обязаны мне помогать. Но мне хотелось бы устроиться работать на «Исполнение долга». Вы мне не поможете?

— Об этом тебе надо говорить не со мной, девочка. Тебе нужен мистер Сондерсон, он их представитель. — Тут начальник порта гордо выпятил грудь. — «Исполнение долга» останавливается здесь каждые три года, регулярно.

Корабль, который регулярно заходит на Джанкалим? И при этом лиадийский корабль! Присцилла начала колебаться, пытаясь представить себе условия, которые были бы еще менее привлекательными, чем на «Даксфлане». Воображение ей изменило, и она напряженно улыбнулась начальнику порта.

— А как мне связаться с мистером Сондерсоном?

— У него контора в городе, — произнес у нее за спиной Лайем. — Любуй тебе ее укажет.

— Это верно, — неохотно согласился мастер Фарли, а потом вдруг расправил плечи и закрутил усы. — Если хочешь, можешь связаться с ним отсюда по комму.

На этот раз улыбка ее была искренней — хотя причинила не меньше боли.

— Огромное вам спасибо.

— Не за что, девочка. Рад помочь, — пробормотал он, краснея. — Лайем проводит тебя к комму.

Он демонстративно повернулся к экрану, стоявшему у него на столе, а Присцилла встала.

Казалось, Лайему ужасно хочется снова схватить ее за руку, но он ограничился тем, что почти наступал ей на пятки, пока они шли по короткому коридору к комнате связи. Он указал ей на экран местной связи и, мгновение поколебавшись, набрал код мистера Сондерсона. Присцилла благодарно улыбнулась ему — и он залился густой краской.

Мистер Сондерсон оказался стариком. Его лицо было сплошь затянуто сетью морщин, в которой блестели обсидианово-черные глаза. Он выслушал, как она представляется, сообщает о своей недавней работе на «Даксфлане» и выражает свое желание получить работу на корабле, который в настоящий момент находится на орбите.

— Насколько я знаю, госпожа Мендоса, «Исполнение долга» сейчас не имеет вакансий. Однако если вы согласны секунду подождать, я проверю, не ошибся ли я.

— Благодарю вас, сэр. Я ценю ваши усилия.

— Полно, мне это ничего не стоит! Минутку, пожалуйста.

Старое лицо сменилось изображением невероятного пейзажа, выполненного всеми оттенками оранжевого и бирюзового цветов. Эта картинка явно не была предназначена на то, чтобы умерять жуткую головную боль, и Присцилла закрыла глаза.

— Госпожа Мендоса?

Отчаянно краснея, Присцилла распахнула глаза.

Мистер Сондерсон приветливо ей улыбнулся.

— Капитан объявил, что желает пригласить вас на собеседование, госпожа Мендоса, и спрашивает, удостоите ли вы его своего посещения. — Он благовоспитанно кашлянул. — Он предупредил, что на «Исполнении долга» имеется очень хороший суперкарго. Ему не хотелось бы, чтобы вы отправлялись к нему с неправильным впечатлением, если вы не готовы согласиться на какую-либо другую должность.

Присцилла секунду колебалась, гадая, какую должность мог иметь в виду капитан. Однако она была полна решимости попасть на Арсдред.

Она посмотрела на изображение мистера Сондерсона, который терпеливо ждал ее ответа, и попыталась представить себе, как он разжигает аппетит капитана восторженным описанием ее внешности со всеми синяками и ссадинами. Эта мысленная картина заставила ее ухмыльнуться.

— Вы очень добры, — ответила она старому джентльмену, тщательно подбирая слова. — Я готова согласиться на любую должность в экипаже, какая найдется на «Исполнении долга». Где и когда я смогу увидеть капитана?

— Я пришлю госпожу Дайсон, нашего пилота. Через двадцать минут — вас устроит? Прекрасно. Она доставит вас на «Исполнение долга». Я сообщу капитану Йос-Галану о том, что вы летите.

— Вы очень добры, — снова сказала Присцилла.

— Ничуть. — Мистер Сондерсон улыбнулся. — Удачи вам, госпожа Мендоса.

Он отключил связь.

Присцилла со вздохом откинулась на спинку стула. У нее было двадцать минут до того момента, когда за ней явится пилот Дайсон. Она посмотрела на Лайема.

— Мне можно где-нибудь умыться и вымыть руки?

Он хмыкнул и мотнул головой.

— В конце коридора, первая дверь налево. Все только самое простое.

— Главное, чтобы работало.

Она с трудом поднялась со стула и прошла мимо него в коридор. Лайем вышел за ней и прислонился к стене, скрестив руки на груди. Он смотрел, как она открывает дверь и входит в туалет.

Душа там не оказалось, что было обидно. Присцилла очень надеялась, что горячая вода поможет ей хоть отчасти избавиться от боли в ушибленных местах. Однако в туалете были раковина, вода и мыло. Она обойдется и этим.

Присцилла машинально подняла руки, чтобы вынуть из ушей серьги, и ошеломленно замерла: ее пальцы нащупали только голые мочки ушей. Она медленно подошла к небольшому зеркалу, висевшему на дальней стене.

В нем отразилось овальное лицо с нежной кожей, окруженное ореолом черных кудрей, широко поставленные огромные черные глаза под дугами темных бровей, гневно раздутые ноздри. На изящной линии скулы уже начал проявляться синяк. В безупречно правильных мочках были видны небольшие отверстия. На левом заметна была тонкая полоска крови, словно его чуть-чуть порвали.

«Как она посмела? — возмущенно подумала Присцилла. — Мои серьги, подарок к дню моей женственности, принадлежавшие моей бабушке! Как она...»

Волна ярости, внезапная и ошеломляющая, вытеснила боль и страх. Присцилла начала дрожать: так ей хотелось ощутить в своих руках шею Дагмар.

«Арсдред, — сказала она себе, стараясь умерить ярость. — Я с ними обоими расквитаюсь. Мне бы только попасть на Арсдред».

Постепенно ярость стала управляемой. Присцилла обособила ее и изолировала, чтобы к ней можно было прибегнуть в нужный момент.

Она напряженно прошла к раковине, включила холодную воду и начала ополаскивать ею лицо.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

**130-й ДЕНЬ ПОЛЕТА
ЧЕТВЕРТАЯ ВАХТА
18.00**

— Уснула, Мендоса? — спросила пилот Дайсон, не вставая с кресла пилота.

Присцилла открыла глаза и села прямее.

— Просто отдыхаю.

— По мне, так ладно. Конечная остановка примерно через пять минут. Там вас встретят и проводят к капитану. Ясно?

— Да. Спасибо.

Дайсон фыркнула.

— Не надо меня благодарить, Мендоса. Я просто сообщаю факты.

Она включила комм, назвала цепочку цифр, хмыкнула, услышав подтверждение, и снова сосредоточилась на пульте управления.

Орбита и скорость были согласованы с такой неприужденностью и точностью, что Присцилла молча восхитилась квалификацией пилота, одновременно пожалев о том, что так и не смогла закончить обучение.

Начались всевозможное звяканье и клацанье, потом послышался отчетливый, но негромкий удар. Дайсон одним движением отключила пульт.

— Прибыли. Двигай, Мендоса.

— Хорошо. — Она отстегнула ремни и встала. — Спасибо.

— За это мне платят, Мендоса. Вали отсюда, ладно?

Присцилла ухмыльнулась.

— До встречи.

Она прошла через шлюз, открыла люк — и замерла, изумленно моргая.

Под ногами у нее оказался ковер. Высокие потолки, ощущение простора... Она попала в парадную приемную!

Ошибки быть не могло. Слева от нее, шагах в двадцати были сгруппированы кресла и диваны — для землян и лиадийцев в равной пропорции. Еще дальше к стене была придвинута платформа, прямо за которой находилась фреска, изображающая огромное дерево с пышной зеленой кроной. Позади и чуть дальше парил крылатый дракон, казавшийся почти игрушечным рядом с деревом, которое он охранял. Изумрудные глаза бронзового яростного зверя смотрели прямо на нее. Под корнями дерева были какие-то слова, написанные лиадийскими буквами.

Присцилла тихо вздохнула, вспомнив крошечного Фин Тона, который обучал ее лиадийскому в обмен на равное количество уроков игры в го. Однако в его уроки чтение не входило. Присцилла медленно повернула голову к правой стене, на которой оказался коллаж из фотографий и рисунков.

Она явно оказалась не там, где надо. Ей следует вернуться на причал и проверить, нет ли там еще одной двери, которая выведет ее в какое-то более разумное место, где окажется тот сопровождающий, который проведет ее к капитану.

В следующую секунду она уже отказалась от этого плана. Над дверью, в которую она вошла, сигнал атмосферы приобрел рубиновый цвет, указывая, что на причале установился вакуум.

Присцилла повернулась. Значит, ей надо проверить дверь прямо перед собой? Или внутрикорабельный комм? Надо полагать, что в столь просторном помещении комм все же удастся отыскать.

За этой мыслью пришли разнообразные вопросы относительно самого помещения. По ее опыту, торговые корабли не отводили лишнее пространство под бальные залы или аудитории. В это помещение без труда уместились бы три трюма «Даксфлана».

Присцилла одернула сама себя: не время предаваться догадкам. Сначала нужно найти внутреннюю связь.

Дверь на противоположной стороне открылась, и в комнату ворвался запыхавшийся человек. Он резко остановился примерно в двух шагах от Присциллы и отвесил неловкий поклон.

Она с облегчением поняла, что это не лиадиец. Но — ребенок?!

— Вы — госпожа Мендоса? — спросил он и, не дожидаясь ответа, затараторил: — Крелм! Мне ужасно стыдно. Мне полагалось ждать здесь, когда вы войдете. Капитан шкуру с меня спустит!

Присцилла приветливо ему улыбнулась. Это был коренастый мальчик-землянин лет одиннадцати, одетый в простые брюки и рубашку. На правом рукаве и на подбородке у него красовались пятна жира. На левом плече оказалась вышитая надпись «Арбетнот».

— Я здесь всего минуту, — сказала она ему. — Не может быть, чтобы он спустил с вас шкуру за такую малость.

Мальчик взвесил ее слова, по-птичьи склонив голову набок.

— Ну, все равно не исключено. Он ведь велел мне быть здесь, так? И это невежливо: вы сошли с шаттла, а вас никто не встретил. — Он вздохнул. — Я и правда извиняюсь. Я собирался быть здесь.

— Я принимаю ваши извинения, — официально проговорила Присцилла. — Кстати, это не вы должны проводить меня к капитану?

— А, крелм! — снова повторил мальчик и рассмеялся. — Ну, я и напутал! А он-то велел мне, чтобы я приветливо вас встретил. — Его карие глаза устремились на нее с надеждой. — Я это сделал?

— Превосходно, — заверила его она, борясь с непривычным приступом смеха.

— Ну, тогда ладно, — успокоился он и, повернувшись, жестом пригласил ее идти с ним. — Меня зовут Горди Арбетнот. Я юнга.

— Рада познакомиться, — серьезно ответила Присцилла.

Она боролась с желанием удивленно озираться по сторонам. И это — корабль, который регулярно прилетает на Джанкалим, каждые три года? В тот небольшой уголок, который она успела увидеть, целиком поместился бы «Даксфлан». Она открыла было рот, чтобы узнать у Горди, сколько трюмов у «Исполнения долга», но передумала и задала вместо этого совсем другой вопрос:

— А что это за помещение там, куда вы за мной пришли? Я решила, что повернула не туда, когда сошла с шаттла.

— Это приемная, — небрежно бросил мальчик. — На тот случай, когда у нас гости. Большинство из нас, возвращаясь на корабль, обычно проходит через грузовые причалы.

— Но я — гость? — Она нахмурилась. — У вас бывает много гостей?

Горди пожал плечами:

— Иногда капитан устраивает приемы. А иногда с нами кто-нибудь летит, потому что мы бываем там, куда не ходят лайнеры, или потому, что мы летим туда быстрее.

— О!

Они вошли в лифт, и ее проводник быстро нажал несколько кнопок. Вскоре дверь открылась в более узкий коридор — достаточно широкий для того, чтобы по нему могли рядом пройти четыре ладийца, прикинула Присцилла. Пахло корицей, смолой и кожей. Сделав глубокий вдох, Присцилла ненадолго задержала дыхание, а потом протяжно выдохнула.

Горди ухмыльнулся.

— Здесь пахнет лучше всего. Это — трюм номер шесть. — Он указал рукой: — А это — рабочий кабинет капитана.

Присцилла резко втянула в себя воздух и прикусила губу из-за острой вспышки боли в голове.

Она твердо сказала себе, что беспокоиться ей не о чем. Капитан хочет с ней поговорить. Самое страшное, что может случиться, — это что он не найдет для нее работы. Когда это произойдет, тогда и будет время думать над другим способом добраться до Арсдреда.

Горди приложил ладонь к сенсорной пластине на ярко-красной двери капитана. Раздался мелодичный звонок и негромкое приглашение войти.

Дверь открылась.

Присцилла перешагнула порог следом за мальчиком, а потом остановилась, с откровенным изумлением оглядываясь по сторонам.

Снова ее поразил простор помещения. Вдоль одной стены стояли бесчисленные полки с книгами на дисках, книгами в переплетах и музыкальными записями. На другой стене висел гобелен, выполненный в темно-малиновом, тускло-золотом, яшмово-зеленом и бирюзовом тонах: переплетающийся геометрический узор, одновременно и успокаивающий, и удивительный. Под ним располагался бар, а сбоку — еще одна полка с дисками, перемешанными с безделушками. Прямо впереди, в центре комнаты, стояли два стула — они располагались перед деревянным письменным столом с экраном компьютера и двумя неаккуратными стопками каких-то распечаток. Слева от стола оказалась закрытая дверь с диагональ-

ной красной полосой. В углу комнаты располагалось глубокое и удобное кресло, рядом с которым на ковре валялись несколько книг и альбом для эскизов. На журнальном столике рядом с креслом тоже были навалены книги. На втором таком же столике стояла шахматная доска. Над ней склонился седовласый человек в темно-синей рубашке, сидевший на краю дивана.

Капитан — старик! Присцилле стало легче дышать.

Горди Арбетнот шагнул к столику и кашлянул.

— Капитан? — сказал он на земном. — Вот госпожа Мендоса, она пришла поговорить с вами.

— Так быстро? Пилот Дайсон превзошла себя. — Мужчина вздохнул и покачал головой, не отрывая взгляда от доски. — Помоему, эта глупая задача решения не имеет.

Он встал и сделал несколько легких шагов в сторону Присциллы, и только потом наклонил голову.

— Я — Шан йос-Галан, госпожа Мендоса.

Он был высокий. Среди лиадийцев он должен считаться великаном. Серебряные глаза, опущенные густыми черными ресницами, смотрели прямо в ее глаза. И он оказался не старым: волосы цвета инея ввели ее в заблуждение. Его лицо было лицом человека примерно одного с ней возраста.

Но, Богиня, что это было за лицо! Большеносое, широкоскулое, большеротое. С широким лбом, треугольным подбородком и тонкими белыми бровями, поднимавшимися от больших глаз к вискам. Ничего менее похожего на обычные изящные черты лиадийцев нельзя было отыскать, не отправившись в Икстранг.

Присцилла вздрогнула, опомнилась и отвесила сдержанный поклон в земном стиле.

— Капитан йос-Галан, — четко проговорила она, — я счастлива вас видеть.

— Ну, значит, вы — одна из немногих, — заметил он. Выговор у него оказался совершенно не лиадийским: так говорят земляне из образованных классов. — Хотя мои родственники иногда тоже утверждают нечто подобное. Но, конечно, у них было время ко мне привыкнуть. Горди, предложи госпоже Мендоса что-нибудь выпить. И моя рюмка куда-то исчезла, но где бы она ни была, она скорее всего пуста. За что я плачу тебе деньги?

Мальчик ухмыльнулся и направился к бару. Остановившись на полпути, он обернулся к Присцилле.

— Красное вино — лучше всего, — серьезно сказал он. — Но, наверное, белое тоже неплохое. А еще есть бренди — насчет него я не уверен...

— Что ты вообще об этом знаешь? — спросил капитан. — Прикладываешься к моим запасам, пока я не вижу, а, Горди? И кто

сказал, что красное лучше всего? К этому выводу тебя привел твой собственный утонченный вкус?

— Вы пьете красное, кэп.

— Беспринципный мальчишка. Не положено предлагать бренди человеку, который пришел на собеседование. Старайся приобрести хоть какие-то манеры!

— Слушаю, сэр, — отозвался Горди, которого этот укор, казалось, нисколько не смутил. — Госпожа Мендоса? У нас есть красное вино, белое, желтое канарское, зеленое, голубое — то есть мисравтор, — а еще чай и кофе...

Присцилла снова ощутила пугающее желание рассмеяться. Решив, что это истерика, она сурово подавила в себе смех.

— Белое, пожалуйста, — сказала она мальчику.

Тот кивнул и повернулся к бару.

— Проходите, садитесь, — пригласил ее капитан, помахав крупной загорелой рукой в сторону стульев и письменного стола.

Блеснул камень его единственного кольца — большой резной аметист мастера-купца.

Она послушно прошла следом за ним к рабочему столу и рада была опуститься на один из стульев. Мастер-купец? Этот уродливый и слишком высокий лиадиец — мастер-купец? И капитан в придачу? С рассеянной улыбкой Присцилла приняла от Горди бокал с вином.

На «Даксфлане» Сав Рид Оланек — который был просто купцом — и капитан Йо-Ваад делили между собой управление кораблем и командой. Это было единственным, в чем «Даксфлан» следовал правилам, которые она усвоила на других кораблях. Ведь работа капитана — не синескура, а работа купца — и того сложнее. И тем не менее перед ней находится мужчина, который, похоже, выполняет обе эти обязанности. И не только их. Во всей галактике наберется всего пара дексон — две дюжины дюжин — мастер-купцов.

— Горди!

В ясном и довольно красивом голосе капитана послышался легкий укор. Присцилла заставила себя сосредоточиться на происходящем.

— Да, кэп?

Подававший капитану рюмку мальчик застыл. Шан йос-Галан со вздохом прижал широкий палец к пятну жира на его рукаве. Горди покраснел и прикусил губу.

— И такое же у тебя на подбородке. У нас кончилась вода? Или мыло? Или в твоем появлении с жиром на лице есть какое-то значение в плане религии или суверий? Может, ты нанес его намеренно и после долгих размышлений, считая, что подобное украшение лица заставит госпожу Мендоса посмотреть на тебя

благодарнее? Ты надеялся, что она будет настолько потрясена искусным размещением этого пятна, что не станет ругать тебя за то, что ты опоздал ее встретить?

— Откуда вы... — Тут Горди оборвал свой вопрос и поднял взгляд к лицу капитана. — Я не ладиец, кэп.

— Я сумел заметить этот факт самостоятельно. Несомненно, ты считаешь, будто это имеет какое-то отношение к данному вопросу. Он взял рюмку и откинулся на спинку стула.

— Да, сэр.

— Ты меня заинтриговал. Будь любезен объяснить.

— Да, сэр. — Горди сделал глубокий вдох и расправил сутулые плечи. — Ладийцы считают лицо... э-э... центром сосредоточения характера. Из-за этого ладийцы не пользуются косметикой, как это могут делать земляне — чтобы... выглядеть наряднее или казаться более привлекательными.

Он сделал паузу. Капитан поднял рюмку и помахал ею, приглашая его продолжать. Горди кивнул.

— Кроме того, лицо имеет для ладийцев... эротическое... значение. Существуют определенные социальные ситуации, когда между ладийцами допускаются такие прикосновения, которые запрещают земные правила поведения. Но только очень близкие люди — такие как члены семьи — прикасаются рукой к лицу или лицом к лицу. — Он сделал новый вдох. — Из этого следует, что ладийцы должны особенно стараться держать лицо чистым. Земляне, чья культура не имеет сильного табу в отношении лица, не столь строги.

Наступило короткое молчание, во время которого Шан Йос-Галан поднес рюмку к губам.

— «Табу» — это слишком сильно сказано, — заметил он. — Думаю, больше подошло бы слово «традиция». И если ты уж занялся обобщениями, Горди, то ладийцы обожают традиции.

Он снова поднес рюмку к губам и на этот раз, как показалось Присцилле, даже сделал небольшой глоток.

— Как бы то ни было, ты, похоже, неплохо овладел фактами, — глубокомысленно продолжил он. — Однако я не уверен, что твои выводы верны. Это часто случается, когда экстраполяция проводится на основе общего, а не конкретного. В любом случае я обнаружил — опять-таки с помощью самостоятельных наблюдений, чтобы не сказать на опыте, — что быть чистым приятнее, чем быть грязным. Кроме того, я заметил, что предпочитаю смотреть на чистые лица, а не на грязные. Это, полагаю, мое личное предпочтение. Я могу и ошибаться. Однако поскольку я капитан этого корабля, то, полагаю, обладаю достаточным весом, чтобы позволить себе некоторые безобидные причуды. Так что повторяю в четвертый раз: Гордон, я предпочитаю, чтобы ты приложил усилия содержать себя

по возможности в незапятнанном состоянии. — Он снова поднял рюмку. — В следующий раз мне придется тебя оштрафовать. Какую сумму ты счел бы разумной?

Мальчик опустил глаза. Он потер грязный рукав, а потом поднял взгляд.

— Десятку?

— Вполне справедливо. — Капитан ухмыльнулся. — Я замечаю в тебе задатки игрока. Или купца. Мы сядем за ленч примерно через полчаса.

Горди моргнул:

— Ленч?

— Да, ленч. Я употребил не то слово? Сыр, фрукты, рогастики — всякое такое. Поговори с Билли Джо: я полагаюсь на ее способность помочь разобраться с этим вопросом. А теперь лети.

— Есть, сэр.

И он исчез. Дверь за ним с тихим шелестом закрылась.

Шан йос-Галан покачал головой.

— Моя судьба — воспитывать мальчишек. — Он поднял рюмку. — Вы готовы перейти к собеседованию, госпожа Мендоса? Или вы передумали?

Присцилла отпила глоток вина и посмотрела прямо ему в глаза.

— Я готова перейти к собеседованию, капитан.

— Отважное создание. — Он вытянул руку и повернул два рычажка, установленных на крышке стола. — Назовите, пожалуйста, ваше имя и родную планету.

— Мое имя — Присцилла Делакруа и Мендоса. Я родилась на Синтии. Я гражданка Земли.

— Значит, вы почитаете Богиню? — На его лице отразился острый интерес. — Следуете исключительно ее учению?

— Я это делала, — осторожно ответила она. — В конце концов, Она составляет часть повседневной жизни... Но я летаю на торговых кораблях с шестнадцати лет. А в галактике Богиня не имеет такой власти, как на Синтии.

— С шестнадцати... — повторил он, неожиданно прекратив расспросы о Богине. — Что вы знаете?

Она подняла брови:

— Я знаю, как готовить на команду из двадцати человек, как мыть посуду для команды из тридцати трех человек, как шифровать сообщения, как расшифровывать сообщения. Я умею водить тележку, рассчитывать распределение веса груза, определять вместимость трюмов. Когда у меня была такая возможность, я училась пилотировать. С расстояния в двести шагов моя точность стрельбы из стандартного пулевого оружия составляет девяносто процентов. Я говорю на торговом, земном, кренском и синтийском языках.

По-лиадийски я понимаю лучше, чем говорю. В случае необходимости могу браться за навигацию.

Он кивнул.

— Ваша последняя должность?

— Суперкарго на «Даксфлане», приписанном к Чонселте.

— И сколько вы занимали эту должность?

— Четыре месяца, — ответила она, усилием воли сохраняя спокойствие. — Я заключила контракт на Тулоне.

— Вот как? — Он поднес рюмку к губам. — И почему вы пожела-
ли получить работу на «Долге»?

— У меня не было выбора.

Разлетающиеся к вискам брови нахмурились.

— Неужели мистер Сондерсон все еще занимается насильственной вербовкой? Я его просил прекратить это дело, госпожа Мендоса, даю вам слово.

Уже в третий раз за час Присцилла почувствовала, что вот-вот рассмеется. На этот раз она утопила смехок в глотке вина.

— Извините, это было невежливо. Я имела в виду, что я... была уволена с «Даксфлана». Ваш корабль на Джанкалиме сейчас единственный, так что я обратилась к вам.

— Понятно. — Он отпил вина. — Похоже, ваше увольнение оказалось неожиданным.

— В высшей степени.

Он снова кивнул, сел поудобнее и положил ладони на крышку стола.

— Госпожа Мендоса, у меня здесь имеется копия вашего послужного списка...

Он развернул монитор к ней.

Присцилла нахмурилась. Ее взгляд механически заскользил по строчкам записей. «Божья коровка»... «Как вам это понравится»... «Тайбег»... «Зельда»... «Данте»... «Даксфлан».

— Бесстыдный, наглый сукин... — Тут она осознала всю чудовищность увиденного и, ахнув, замолчала. Это была полная гибель. Она встретилась взглядом с Шаном Йос-Галаном. — Это ложь.

— Вы хотите заявить это официально? — Он повернул экран обратно к себе. — Выглядит довольно плохо, правда? «Подозревалась в воровстве. Сбежала с корабля на Джанкалиме, 1385 год по стандартному календарю». — Он откинулся на спинку стула и пригубил вино, пристально наблюдая за ней. — Я не знаю ни одного честного капитана, который принял бы на корабль человека, в послужном списке которого есть такие слова, даже если принять во внимание превосходные отзывы в остальных записях. Что случилось с вашими сергами?

— Второй помощник ударила меня по голове, — бесцветным голосом ответила она, пытаясь справиться с потрясением. — Когда я пришла в себя, их уже не было.

— Странное поведение со стороны второго помощника, — заметил он. — Но, возможно, тут были смягчающие обстоятельства. Вы плохо относились друг к другу?

— Я плохо относилась к ней. А ей я нравилась даже слишком.

Капитан играл с ней, заставлял говорить, когда говорить было совершенно бессмысленно. Присцилла крепче сжала рюмку, стараясь сохранять внешнее спокойствие. Она на его корабле, в его власти... И кто хватится женщины, заподозренной в воровстве и сбежавшей со своего последнего корабля? Кто поверит возможной воровке, если она пожелает выдвинуть неправдоподобные обвинения против мастер-купца? Должно быть, он вызвал ее послужной список во время разговора с Сондерсоном и увидел эту ужасную запись.

Сидящий напротив нее человек резко выпрямился.

— И все же, — продолжал допытываться он, требуя, чтобы она не отвлекалась, — при том, что вы ей так нравились, она бьет вас по голове и крадет ваши серьги. — Он сделал глоток. — Простите меня, госпожа Мендоса, но это звучит еще более странно.

— Так приказал купец, — ответила Присцилла, цепляясь за спокойствие с таким упорством, словно в нем была ее последняя надежда на спасение.

«Пусть он услышит меня, Богиня! — мысленно молила она. — Пусть он поверит правде».

— А, милый Сав Рид. — На его лице отразилось легкое удивление. — Он любит приятно пошутить, знаете ли, госпожа Мендоса. Но, надо полагать, у него были другие возможности, буде он воспыла желанием получить ваши серьги. Зачем было приказывать второму помощнику бить вас по голове, чтобы получить их? Разве он не мог просто приобрести их у вас? — Тут он прищелкнул пальцами. — А! Он предложил вам разумную сумму, а вы отказались их продавать. Отчаявшись...

— Прекратите! — Она резко подалась вперед, не сводя с него глаз. — Капитан Йос-Галан, пожалуйста, не надо! Мне необходимо попасть на Арсдред. Это крупный порт, я надеялась, что ваш корабль сделает там остановку. Любые обязанности, которые вы для меня выберете... Я готова отработать стоимость проезда как помощник кока, а после вахты можете запираить меня в чулан! Вам необязательно мне верить — думайте, что хотите. Я не вижу ничего смешного в том, что человека бросили и испортили ему послужной список, лишив возможности найти... найти честную работу... — Ее голос начал срываться. Ужаснувшись, она закусила губу и сжала руки, чтобы они не дрожали. — Мне необходимо попасть на Арсдред.

Он отвел глаза и сделал еще один глоток вина, а потом начал покачивать остатками на дне.

— Месть, — тихо проговорил он, обращаясь к рюмке, — это весьма справедливое желание. Среди лиадийцев мсть представляет собой своего рода жанр искусства. Существуют строгие правила. Имеются определенные виды наказания, которые не считаются достойной мстью. — Он посмотрел на нее. — Например, смерть. По крайней мере она не должна случаться непосредственно от руки мстителя. В том случае, если бесчестье, сопровождавшее подведение итогов, окажется настолько глубоким, что другого выбора не останется... — Он пожал плечами. — Так. — Он отставил рюмку в сторону и внимательно посмотрел на Присциллу. — Я не потерплю на своем корабле убийцу.

Присцилла изумленно уставилась на него.

— Но вы потерпите воровку?

— Вы сказали, что это ложь. Или я неправильно вас понял? Может быть, ложью было нечто другое?

Дрожь, которая ее била, стала сильнее и распространилась на ноги. Верил ли он ей? Или послужному списку? Понять что-то по его лицу было невозможно.

— Запись «Даксфлана» — о том, что я воровала, а потом сбежала с корабля — это ложь.

— Вы хотите заявить это официально? — снова спросил он.

Присцилла покачала головой.

— Мне этого не доказать. Как я это сделаю? «Подозревалась в воровстве». Его слово против моего, а он — купец. «Сбежала с корабля». — Она невесело улыбнулась. — Меня ведь там нет, правда? Хотя зачем кому-то, кто способен думать на день вперед, сбежать с корабля на Джанкалеме с двумя монетами в кармане...

— И без сережек в ушах, — согласился он. — Но, может быть, вы поняли, что вас вот-вот разоблачат, и испугались. Возможно, Джанкалим стал вашей последней возможностью убежать. Ножные кандалы такие неудобные... Такому неудачному планированию можно придумать объяснения. — Он склонил голову набок. — Но почему Сав Рид приказал второму помощнику ударить вас по голове, госпожа Мендоса? Следуя вашим указаниям, я отбрасываю желание завладеть вашими серьгами.

— Я ничего не могу доказать, — снова повторила она. — Мне кажется, что они перевозили контрабанду.

— Правда? Какая странная мысль пришла вам в голову! Вы сказали об этом Сав Риду, и он, вполне естественно, оскорбился. Результатом стало нападение второго помощника, склад...

— Я не настолько глупа, — проворчала Присцилла, не понимая, почему капитан ухмыляется. — На корабле был опечатанный груз, — продолжила она свое объяснение. — У меня были декларации — я знала, что там якобы находится. Но... что-то показалось мне странным. Я толком не знала, что именно. И мне пришло в голову проверить расчеты пилотирования — просто чтобы убедить себя в том, что у меня разыгралась фантазия.

— И вы узнали, как обстояло дело?

— Расчеты настолько отклонялись от реальности, что капитана следовало бы признать безалаберной дурой. Или она должна была точно знать, что делает. — Присцилла вздохнула. — И я проверила плотности грузов.

— Правда? — Он подался вперед. — А почему вы вдруг... О нет — вы же учились пилотировать! А я вас прервал. Простите меня, госпожа Мендоса. Вы проверили плотности, подставили их в уравнения капитана — и?..

— Капитан знала, что делает. Плотности не соответствовали тем веществам, которые якобы были погружены. «Даксфлап» перевозит преимущественно лекарственные препараты. Я начала проверять списки, подбирать цифры... — Она покачала головой. — Помоему, на борт взяли беллакезу. Она значится в документах как асерзерин. Но асерзерин совершенно не соответствует цифрам. Беллакеза соответствует, но соответствует и сахар. Только зачем называть сахар асерзерином?

Она пожала плечами.

— Все это выглядело очень интересно, но я ничего не могу доказать. Я ни разу не видела это вещество. И готова спорить на последний грош, что этих данных под моим личным кодом в компьютере уже нет.

Он кивнул и снова откинулся назад, уставившись в потолок. Присцилла допила вино и осторожно поставила рюмку на стол. «Что будет теперь?» — подумала она, но заставила себя сидеть спокойно, положив открытые ладони на колени.

Капитан вдруг резко повернулся к ней.

— Мы улетаем с Джанкалима через четырнадцать часов, — медленно проговорил он. — Прежде чем мы с вами сможем обсудить конкретные вопросы, требуется провести несколько тестов. Они довольно длительные, и, к сожалению, мне этим вечером необходимо отправиться на планету. Если вы чувствуете себя в силах, вы можете пройти тестирование сразу после ленча. Корабль может временно предоставить вам гостевую каюту, и мы с вами снова побеседуем в семь часов. Хорошо?

— Хорошо.

Он кивнул и, похоже, собирался добавить еще что-то, когда дверь открылась, впуслав умытого Горди с сервировочным столиком, уставленным всевозможными яствами.

— Как раз вовремя! — воскликнул Шан йос-Галан, отключая рычажки. — Вот теперь можно предлагать бренди, Горди...

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

131-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ПЕРВАЯ ВАХТА

1.30

Бывшая суперкарго Присцилла Мендоса откинулась на спинку стула, смакуя настоящий кофе. Перед ней на столе стояли остатки чрезвычайно съедобной трапезы.

Тесты оказались длинными — и довольно странными. Среди стандартных бумаг оказались произвольные списки слов, которым требовалось дать определения, вопросы относительно ее вкусов в книгах, музыке, спорте и искусстве и анкеты, выяснявшие ее мнение по удивительно широкому кругу вопросов.

Присцилла вздохнула, наслаждаясь вкусом кофе. Она испытывала глубокую усталость, мысли стали медленными и расплывчатыми. Вскоре надо будет снова посмотреть на выданную ей карту и попытаться найти дорогу к своей каюте. Но, получив наконец возможность немного отдохнуть, не имея никакого дела, она была рада просто сидеть и неспешно пить кофе, бесцельно скользя взглядом по огромному и почти пустому залу столовой. От дежурного кока она узнала, что в первом часу люди едят редко. Он со смехом отмахнулся от ее извинений и наполнил ей тарелку, поставленную на поднос вместе с белой кружкой, над которой поднимался ароматный парок.

— Это для начала, — сказал он с широкой улыбкой. — Если не хватит, приходите за добавкой.

— Спасибо, — ответила Присцилла, удивленно заморгав при виде тарелки.

Ей уже много месяцев не приходилось видеть такое количество еды за раз. Кок снова рассмеялся и вернулся к своей работе.

Глаза у Присциллы начали слипаться. В полусне она удивилась, почему чувствует себя так уютно. И этот вопрос заставил ее выпрямиться и быстро покончить с кофе. Ведь разговор с капитаном утром закончится тем, что она снова окажется на Джанкалиме, и положение ее будет ничуть не лучше, чем сегодня днем, — если

не считать нескольких возможностей сытно поесть. Как многое зависит от результатов ее тестов — и от капитана. Неужели он действительно ей поверил?

Она тут же гневно спросила себя, с какой стати капитану Йос-Галану было ей верить, и, вздохнув, подняла взгляд от стола.

Напротив нее оказался землянин среднего роста. Он стоял, держа в руке кружку с кофе, и на его круглом лице было написано восхищение.

У Присциллы упало сердце. «Ну вот, снова начинается», — подумала она.

— Привет! — непринужденно сказал мужчина. — Похоже, вы единственный человек на борту, который за все время полета не отправил ни одной радиограммы.

— Это потому, что я не на борту, — ответила Присцилла, а потом улыбнулась и покачала головой. — Нет, это звучит совершенно бессмысленно. Я имею в виду — я просто в гостях...

— О? — заинтересованно отозвался он и протянул ей пухлую ладонь. — Расти Моргенштерн, связист. Приятно познакомиться, госпожа...

— Мендоса. — Она слабо пожала протянутую руку и испытала большое облегчение, когда он не стал пытаться продлить рукопожатие. — Присцилла Мендоса. Присядете?

— Спасибо. — Он ссутулился над столом, поставив на него локти и обхватив кружку обеими руками. — А у кого вы гостите, можно полюбопытствовать? И почему они оставили вас есть в одиночестве?

— Кажется, я плохо объясняюсь. На самом деле я хочу получить на корабле место. Я недавно закончила тестирование, и мне предстоит увидеться с капитаном в семь часов и узнать свои результаты. — Она вздохнула. — Но все это кажется мне бессмысленным. Мистер Сондерсон — агент с Джанкалима — сказал, что экипаж корабля укомплектован полностью.

— Ну, это правда. — Он замолчал и сделал глоток кофе. — А какая у вас специальность?

— На прошлом корабле я была суперкарго.

Расти покачал головой.

— Суперкарго у нас чертовски хороший — старый Кен Рик. Старше самого сатаны лет на сорок и хитрее раза в два. Ни за что не играйте с ним в карты. — Он сделал еще глоток. — Но это ничего не значит. Если кэп решит, что вы подойдете, то для вас обязательно что-нибудь найдется.

Присцилла изумленно моргнула.

— Как это?

— Ну, вот вроде как с... — Он ткнул в ее сторону пальцем. — С юнгой! Вы видели Горди?

Она широко улыбнулась.

— Он встретил меня, когда я прилетела.

— Славный паренек. Но дело в том, что у нас была пара разных юнг. Один был запасным астронавигатором. Вторая больше времени проводила с Кен Риком и вместо того, чтобы подносить вино, училась распределять грузы. Последний парень — похоже, он все время только и делал, что играл с кэпом в шахматы. А Горди — тот обучает кэпа... как же это?... Реструктурированному гэльскому? Какая-то чертовщина — староземный диалект. Оказывается, там, откуда Горди родом, все на нем разговаривают.

— Капитан учит староземный у Горди Арбетнота? — Присцилла взяла со стола кружку и хмуро в нее заглянула. — Зачем?

Расти пожал плечами.

— Кэп любит поговорить.

— Я уже заметила. Но — староземный? И при этом какой-то малораспространенный диалект?

— Хотите — сами у него спросите. Я не знаю. Но вернемся к теме: если ваши тесты будут на уровне, вас возьмут. И вы будете работать. — Он ухмыльнулся. — Тут все работают.

— Но, похоже, место юнги занято, — напомнила ему Присцилла.

— Кэп что-нибудь придумает, — уверенно заявил Расти. — Хотите еще кофе?

Она улыбнулась:

— Да, спасибо.

— Не за что. Какой вы любите? Черный. Сейчас вернусь.

Он вернулся почти мгновенно и вручил ей кружку, а сам остался стоять, глубокомысленно ее рассматривая. Присцилла осторожно отпила глоток, надеясь, что связист не скажет ничего неуместного.

— Если у вас найдется минутка... — начал он, и Присцилла стиснула зубы, — то давайте пройдем в салон. Там есть экран. Мы сможем вывести данные по спекгрузам, и вы подскажете мне массу способов заработать деньги. Это было бы очень интересно: вы ведь были суперкарго и много чего знаете.

Присцилла протяжно выдохнула и с улыбкой встала.

— Ладно.

— Тогда нам сюда.

Стараясь не отстать от связиста, она спросила:

— А что такое спекгруз?

— Спекулятивный, — объяснил Расти и ухмыльнулся при виде ее недоумения. — Видите ли, каждый член экипажа может, если захочет, отвести определенный процент заработка в течение полета на спекуляцию. Например, можно торговать деревом — я лично

очень этим интересуюсь. Или духами. Это довольно рискованно, но у Лины вроде получается. Музыкальными инструментами... ну, не знаю. Сравнительно недавно у нас было немного крествельской икры. Это — одна из находок Горди. Распродали всю в следующем же порту. — Он покачал головой. — Из парнишки выйдет чертовски хороший купец. Угадывает, на что будет спрос в следующем порту, даже если мы не знаем, в какой именно следующий порт зайдем. Ну, вот и пришли.

При их приближении дверь открылась, и Присцилла следом за связистом перешагнула через порог в помещение, полное приятного полумрака и негромких разговоров. В ярко освещенном углу шла игра в карты — Расти помахал игрокам и получил пару-тройку рассеянных ответных взмахов. В салоне находилось еще несколько человек: некоторые сидели небольшими компаниями за разговором, некоторые — одни, с книгами или рукоделием.

— А вот и Лина, — заметил Расти и сделал крюк к стоявшему отдельно креслу, в котором темноволосая лиадийка читала какую-то книгу в переплете.

Она подняла глаза и приветливо улыбнулась.

— Раа Сти! Тебя так быстро выпустили из клетки?

— Сейчас не так рано, как тебе кажется, — ответил он и жестом пригласил Присциллу подойти ближе. — Это Присцилла Мендоса. В эту вахту она на корабле гость. А в следующую у нее назначено собеседование с экпом. Присцилла, это — Лина Фаалдом, главный библиотекарь.

Присцилла встретилась с серьезными глазами цвета меда и, повинувшись безотчетному порыву, сделала нечто такое, чего никогда не делала по отношению к Сав Риду Оланеку или кому-нибудь из команды «Даксфлана»: она выполнила поклон равных, точно такой, какой ей показывал Фин Тон.

— Я рада с вами познакомиться, Лина Фаалдом, — произнесла она, стараясь как можно правильнее произнести слова лиадийского приветствия.

Женщина захлопала в ладоши.

— Она говорит по-лиадийски! Ну, вот видишь, Раа Сти, разве тебе не стыдно? — Она встала и изящно исполнила ответный поклон. — А я не менее рада этому, Присцилла Мендоса. — Выпрямившись, она добавила на земном: — Может быть, вы убедите этого ленивца Раа Сти начать учить лиадийский.

— Зануда, — дружелюбно сказал Расти. — Я собирался показать Присцилле спекгруз. Постоишь у нас над душой?

— Не знаю. А как стоят над душой?

— Это значит — стоять сзади и смотреть через плечо, — объяснила Присцилла. — Расти хочет, чтобы я подала ему какие-нибудь идеи о том, как заработать деньги.

— Деньги, деньги! У Раа Сти и так денег больше, чем он может проиграть. Зачем ему понадобилось еще? Но — да, я хотела бы постоять у вас над душой. Спасибо.

Экран оказался в углу напротив того места, где шла игра в карты. Расти поднес ладонь к сенсору, а потом набрал свой код. Лина устроилась на ручке его кресла, а Присцилла села на пуф слева от него, подобрав под себя ноги.

— Ну вот. Трюм шесть, содержимое. Двадцать кило красного дерева, десять кило желтой сосны, пятьдесят восемь галлонов духов «Бесконечное желание»... «Бесконечное желание»?..

Расти бросил на сидящую рядом с ним лиадийку возмущенный взгляд.

— Дело в запахе, — с достоинством объяснила ему Лина, — а не в названии.

— Ну, ты у нас специалист. Четыреста бушелей необработанного хлопка и тридцать две дюжины бутылок настойки тенгоу. — Он покачал головой. — Надеюсь, паренек опять не ошибется.. Ну, что скажешь, Присцилла?

— Впечатляет, — искренне ответила она. — По-моему, вы сделали хороший выбор: главным образом предметы роскоши. Хотя я в древесине не разбираюсь. Тридцать кило представляется мне или слишком большим или слишком маленьким количеством.

— Это для скульпторов, — объяснила Лина. — Куда бы мы ни прилетели, везде есть художники, которые ищут что-нибудь новое. Раа Сти начал покупать дерево... о, очень давно, еще когда капитаном был отец нашего капитана. Теперь у нас есть заказы. Дерево становится... обычным грузом. Нас ждут.

Присцилла кивнула, задав новый вопрос, который у нее возник.

— У вас целый трюм отведен под спекулятивные грузы? А как насчет налогов на объемы?

— Их оплачивает кэп. С условием, что с любой прибыли определенный процент отходит в пользу корабля. Но корабль разделяет и убытки — это справедливое соглашение.

— Более чем справедливое. — Она сделала глоток почти остывшего кофе. — Похоже, ваш капитан довольно необычный.

— Он — хороший капитан, — сказала Лина.

— А «Долг» приносит хорошие доходы, — добавил Расти, снова поворачиваясь к экрану. — Большая часть дерева предназначается для Арсдредра. Гильдия ремесленников сделала большой заказ. Возможно, мы там подберем какие-нибудь мелочи, однако это вряд ли: туда заходят почти все корабли, которые оказываются в этом секторе. Какое-то время шестой трюм будет пустовать. — Он посмотрел на Присциллу. — Так денег не заработаешь.

— Но вы же только что сказали, что на дерево у вас заказ, — напомнила она. — Значит, вы получите прибыль, правильно?

— Да, наверное. — Он почесался. — Вот что я тебе скажу: давай попробуем совместить наше увольнение на берег, когда будем в Арсдредде. Тогда мы сможем вместе провести разведку. Кто знает? Может, что-нибудь и приглядим под спектруз. Или даже для корабля.

Присцилла изумленно уставилась на него.

— Разве вы забыли? Может быть, меня на Арсдредде и вообще не будет. — Она допила остаток кофе и покачала головой. — Значит, вы все ищете груз для корабля. А чем же занимается мастер-купец?

Лина рассмеялась.

— Он ведет торговлю, — ответил Расти. Его круглое лицо было совершенно серьезным. — Мы не занимаемся торговлей. Но что-то приглядеть может каждый. Кэпу ведь всюду не поспеть, и можно упустить выгодную сделку просто потому, что нельзя быть в трех местах сразу. Так что на планету летит как можно больше членов команды. Если ты что-то видишь, то срочно бежишь к ближайшему комму и вызываешь кэпа или Кэйзин Не-Зейм — первого помощника. Если предложение оказывается удачным, тебе положена премия. — Он удивленно заморгал. — В чем дело?

— Ни в чем. Я... На моем последнем корабле... не поощрялась... высадка членов команды на планеты. А всей торговлей занимался один купец.

— На мой взгляд, глупое правило, — решительно заявил связист.

— Это не слишком умно, — медленно подтвердила Лина. — В успешной торговле корабля заинтересованы все. Мы все получаем свою долю от прибыли. Вполне естественно сделать так, чтобы мы все прилагали как можно больше усилий к тому, чтобы максимально увеличить прибыль. — Она внимательно посмотрела на Присциллу. — Возможно, прежде вы служили не на очень хорошем корабле.

— Возможно, это так, — сухо согласилась Присцилла и быстро прикрыла ладонью неудержимый зевок. — Простите. День у меня получился длинный. Мне надо найти свою каюту...

Она выпрямила ноги и встала.

Кивнув, Расти погасил экран и вышел из ниши. Один из игроков оторвался от карт и призывно помахал ему рукой.

— Сейчас приду! — ответил связист и повернулся обратно. — Присцилла, готов спорить на три монеты, что ты будешь на «Долге» на Арсдредде.

— У меня не найдется трех монет, чтобы сделать ставку, — невесело улыбнулась она. — Но я надеюсь, что вы правы. Было приятно с вами познакомиться.

— Увидимся позже, — отозвался он и направился к карточному столу.

— Не обижайтесь на Раа Сти, — сказала Лина, помахав рукой в сторону его удаляющейся спины. — Вы знаете, как пройти отсюда к вам в каюту?

— У меня есть карта, — ответила Присцилла, запуская руку в карман.

Хрупкая лиадийка рассмеялась.

— Карта — это хорошо, но она проведет вас по всем главным коридорам. А я знаю короткие пути. Если вы не против, я вас провожу. Мне тоже пора отправляться спать.

— Мне не хотелось бы причинять вам беспокойство...

— Никакого беспокойства, — заверила ее Лина. — Подождите только, пока я заберу свою книгу.

Выйдя из салона, они повернули налево, а не направо, как указывала карта, и прошли по нескольким коротким зигзагообразным коридорам, которые привели их в центральный коридор. По нему они миновали несколько закрытых дверей — на одной была табличка «Гимнастический зал», на другой — «Бассейн», — а потом снова свернули в более узкий и менее ярко освещенный проход.

У третьей двери справа Лина простилась с ней, улыбнувшись и приветливо кивнув головой.

— Спите спокойно, Присцилла Мендоса. Я надеюсь завтра вас увидеть.

— И вам тоже спокойного сна, Лина Фаалдом, — тихо отозвалась Присцилла по-лиадийски. — Спасибо вам за заботу.

В ее затуманенном усталостью сознании каюта почти не запечатлелась. Она отыскала авточистку и уложила туда свою одежду, надеясь, что черное пятно с желтого манжета исчезнет при обычной обработке.

На полке над кроватью оказались часы. Она настроила сигнал на шесть часов, со вздохом свернулась на великолепно мягкой постели и запоздало помахала рукой в сторону сенсора освещения.

Она заснула прежде, чем в комнате стало темно.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

131-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ВТОРАЯ ВАХТА

6.55

— Присцилла Мендоса?

Она вздрогнула, чуть было не расплескав остаток кофе, и, моргая, подняла взгляд на крошечную женщину, неожиданно возникшую перед ней. Это оказалась лиадийка средних лет, с глубокими морщинами на золотой коже возле уголков рта и глаз, с седеющими русыми волосами.

Присцилла улыбнулась.

— Извините. Я замечталась. Чем могу вам служить?

Строгое выражение красивого лица несколько не смягчилось.

— Капитан вас приветствует, госпожа Мендоса. Он просит вас прийти к нему, если вы уже позавтракали. — Она немного помедлила, а потом добавила, едва заметно наклонив голову: — Я — Кэйзин Не-Зейм.

Первый помощник.

Присцилла снова улыбнулась, несмотря на то что мышцы лица плохо ей повиновались, и отодвинулась от стола.

— Я как раз поела. Я пойду к капитану, как только отнесу поднос.

Она была почти уверена в том, что найдет дорогу: во время завтрака она внимательно изучала выданную ей карту.

— Я вас провожу, — неуступчиво объявила Кэйзин Не-Зейм.

Присцилла снова почувствовала страх. Ее отправят с корабля — или потребуют, чтобы она осталась. Невозможно было определить, какой вариант хуже. Завтрак превратился у нее в желудке в ледяной ком. Она внезапно вспомнила женщину, с которой познакомилась накануне вечером, и пожалела о том, что не имела возможности поговорить с ней подольше.

Присцилла осторожно установила поднос с грязной посудой на ленте конвейера и повернулась к первому помощнику.

— Благодарю вас, Кэйзин Не-Зейм. Теперь я готова.

Капитан сидел за рабочим столом, бегая пальцами по клавиатуре. Рядом стояла рюмка вина, а две вчерашние пачки бумаг породили еще две себе подобные.

— Капитан, — официально объявила первый помощник, — здесь Присцилла Мендоса, которая пришла говорить с вами.

Он рассеянно поднял голову.

— Госпожа Мендоса? Доброе утро. С вашего разрешения, я займусь вами через секунду. Кэйзин, друг мой, ты не зайдешь ко мне через час?

— Конечно, капитан.

Она осуждающе поклонилась, но капитан уже устремил взгляд обратно на экран, так что Присцилла решила, что он этого не заметил. Нахмурившись, первый помощник резко повернулась. Автоматическая дверь постаралась хлопнуть за ней погромче.

Присцилла осталась стоять, пытаясь справиться с леденящим комком тошноты. Кусая губу, она изучающе смотрела на сидевшего за столом мужчину, пытаясь наблюдением победить страх.

Он — полная загадка, решила она. Очень высокий, кожа не золотая, а теплого коричневого оттенка. Как и у всех виденных ею лиадицев, кожа лица у него была по-младенчески нежной, без

какого бы то ни было признака бороды или усов. На смуглой коже ярко выделялись белые волосы и брови. Худые щеки и выразительный рот неприятных ощущений не вызывали.

На самом деле, подумала она, если не судить его по канонам лиадийской внешности, он покажется совсем не уродливым.

Сложен он был определенно неплохо. Под просторной рубашкой можно было разглядеть контуры широких плеч, держался он очень прямо, но в то же время без чопорности. Его крупные руки двигались над клавиатурой с экономным изяществом, и вряд ли они на ощупь были бы по-детски пухлыми, как у Расти Моргенштерна.

Он вдруг кивнул, отодвинулся от стола и потянулся за рюмкой. Потом поднял голову — и разлетающиеся брови резко сдвинулись.

— Что, у Сав Рида мания величия? Садитесь, садитесь. Вы поели? Хотите выпить? Спали хорошо?

Присцилла ответила, глядя ему в лицо:

— Не знаю. Спасибо. Да. Нет. Очень. А вы?

— Неплохо, — сказал он, поднимая рюмку. — Хотя мистер Сондерсон толкует слово «вечер» довольно смело. Мы ставили шарады. И пели куплеты. И самая младшая госпожа Сондерсон попыталась добиться от меня обещания жениться на ней, когда она достигнет брачного возраста. — Он покачал головой. — Увы, я понял, что ее больше привлекает перспектива летать по всей галактике, чем моя элегантная персона, так что этот блестящий брак сорвался. Я получил результаты вашего тестирования. Заинтересованы ли вы в том, чтобы их обсудить?

Присцилла попыталась вернуть бунтующий желудок на место.

— Да, сэр.

Он быстро пробежал пальцами по клавишам.

— Физика, математика, астронавигация — да, да, да. Цвета — красные, синие, литературные вкусы... Да! — Он оторвал взгляд от экрана. — Пребатут. Помните этот вопрос? «Сколько пальцев на ногах должно быть у пребатута?» И вот Присцилла Мендоса отвечает: «Столько, сколько ему удобно иметь». Я знал только одного человека, который ответил на этот вопрос таким же образом.

— Правда? — спросила Присцилла, у которой похолодели руки. — И она тоже подозревается в воровстве?

— В воровстве? Нет. Он — разведчик. Хотя, если подумать, у этих двух специальностей должно быть некое сходство. Никогда не смотрел на это с такой точки зрения. Когда в следующий раз с ним увижусь, обязательно об этом спрошу...

Он снова перевел взгляд на экран, что-то напевая себе под нос.

Присцилла осторожно обхватила пальцами подлокотники, отказываясь погостить на наживку, заключавшуюся в его последнем замечании, — если это была наживка. Пусть он сам говорит — тем более что ему это, похоже, очень нравится.

Он пошевелил плечами, в последний раз нажал клавишу и откинулся на спинку стула.

— У вас нет лицензии пилота? Это не годится, правда? Посмотрим... Сорок восемь членов команды, считая капитана — и восемь из них пилоты. Определенно, этого слишком мало. Вам придется учиться, госпожа Мендоса. Я буду на этом настаивать. Каждую девятую вахту вы будете являться в рубку на занятия.

— Подождите минутку! — Она судорожно вздохнула. — Вы меня берете? В качестве пилота?

— В качестве пилота? — хладнокровно переспросил он. — Нет, как я могу это сделать? Вы ведь не пилот, не так ли, госпожа Мендоса? Именно поэтому вам и придется учиться. С лицензией проблем не будет. Я имею квалификацию мастера для всех условий... вас что-то беспокоит?

— Простите, — сказала она, тщательно подбирая слова. — Мне казалось, вы — капитан. И, конечно, мастер-купец. Так вы еще и пилот?

— Всего понемножку. В конце концов «Долг» — это семейное предприятие. Корабль принадлежит Клану Корвал и управляется им. А пилотирование у нас, так сказать, в крови. Я получил лицензию первого класса, когда мне было шестнадцать стандартных лет. Но, конечно, мог бы получить и на несколько лет раньше. Первый самостоятельный полет выполнил на этом корабле в четырнадцать, но правила есть правила, а там ясно сказано, что лицензию можно получать только по достижении шестнадцати стандартных. Но, как я говорил... что я, собственно, говорил? А, да. Раз я — мастер-пилот, то задержки с получением лицензии у вас не будет. Вы уверены, что у вас нет лицензии, госпожа Мендоса? Хотя бы третьего класса?

— Уверена, капитан. — События развивались слишком стремительно. Этот поток слов грозил напрочь смыть ее и без того едва удерживаемое спокойствие. — Но какая же у меня будет должность?

— Гм? А! Библиотекарь любимцев.

— Библиотекарь любимцев?

— У нас очень неплохая библиотека любимцев, — совершенно серьезно сообщил он ей. — А теперь перейдем к деталям. Мы находимся почти на половине маршрута. Я могу предложить вам стабильную оплату от Джанкалима до Солсинтры — примерно одну десятую кантры по прибытии. Вы можете претендовать на минимальную долю прибыли, которую получит корабль, начиная с этого момента. Премии за нахождение груза и особые поощрения в том же размере, что и для остальных членов команды, в зависимости от выгоды найденного груза и заслуг, которые оцениваются большинством голосов экипажа. — Он поднес рюмку к губам. — Вопросы есть?

У нее их был миллион, но сформулировать она смогла единственный.

— Почему, — раздраженно спросила она, — вы постоянно манипулируете рюмкой, если никогда из нее не пьете?

Он ухмыльнулся:

— Но я из нее пью. Иногда. Еще вопросы есть?

Она вздохнула:

— Какой на корабле вычет за обучение пилотированию?

— Если вы не являетесь на занятия каждую девятую вахту, то капитан штрафует вас на двадцать монет. Три пропуска без уважительной причины или предупреждения являются основанием для немедленного аннулирования вашего контракта. Усвойте, пожалуйста, госпожа Мендоса: пока вы остаетесь членом экипажа, обучение пилотированию является важной частью ваших обязанностей. Я не допускаю манкирования обязанностями: штрафы — дело совершенно серьезное. — Он помолчал, его светлые глаза оценивали ее реакцию. — Вы это поняли?

— Да, капитан. — Она прикусила губу. — Просто на всех остальных кораблях, где я служила, за обучение с меня брали плату, и я им занималась в свое свободное время. На «Даксфлане» мне было отказано в разрешении продолжить обучение.

— Ах, Сав Рид, Сав Рид! — Капитан покачал головой. — Однако теперь вы не на «Даксфлане», и их правила здесь не действуют. Итак. Ваш непосредственный начальник... нет, корабль предоставляет вам кредит в размере недельного жалованья на приобретение одежды. Данная сумма будет вычтена из вашей доли в конце полета. Пожалуйста, закажите все необходимое с общего склада. Ваш непосредственный начальник — Лина Фаалдом. Она — главный библиотекарь.

— Я с ней познакомилась вчера вечером...

— Да? Она представит вас обитателям библиотеки любимцев и познакомит вас с вашими обязанностями. Не думаю, чтобы они оказались особенно тягостными, так что вы должны будете выполнять дополнительные обязанности, которые будут определяться по мере необходимости. Вашим инструктором по пилотированию будет Дженис Уэзерби. В том случае, если она будет занята, ее подменю я. Полагаю, это все. Условия вас устраивают?

— Поскольку я была почти уверена в том, что этим утром снова окажусь на Джанкалиме, то — да, капитан, условия меня устраивают. — Она сделала паузу, взглядываясь в его лицо. В какой-то момент их разговора ее страхи развеялись, так что она испытывала легкую слабость и постепенно разливающуюся по телу теплоту. — А вам действительно нужен библиотекарь любимцев?

— Ну, у нас же его не было, — ответил он, разворачивая к ней экран. — Так что, наверное, нужен. Приложите ладонь вот сюда, пожалуйста.

* * *

Шан Йос-Галан откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову. Казалось, будто его взгляд устремлен на хрустальный мобиль, укрепленный в дальнем углу у потолка. На его лице застыло выражение глуповатой мечтательности. Он не оглянулся на звук открывающейся двери. Можно было подумать, что он даже не заметил, что в комнате, кроме него, появился еще кто-то.

Однако Кэйзин Не-Зейм была не из тех, кто мог поддаться на такую уловку. Она уселась на стул, который недавно занимала Прицилла Мендоса, и устремила хмурый взгляд на повернутое в профиль лицо капитана. Ее неуступчиво прямая спина не прикасалась к спинке.

— Вы заключили с ней контракт? — спросила она на высоком языке.

Каждый слог буквально источал ледяное недовольство.

— Я же сказал, что намерен заключить с ней контракт, — мягко напомнил капитан мобильной скульптуре, обращаясь к ней на земном. Он лениво повернул стул, вынул руки из-за головы и сел прямее. — В чем дело, Кэйзин?

— Она слишком красива.

Ее земная речь звучала не менее холодно.

— Но она же в этом не виновата, правда? Люди ведь себе лица не выбирают, верно? Если выбирают, то я хотел бы знать, почему мне об этом не сообщили.

Пожилая лиадийка устремила на него взгляд, в котором появилось нечто опасно похожее на улыбку.

— То есть мне предлагается ее пожалеть?

— А что в этом может быть плохого?

— Что плохого? И вы еще спрашиваете? Или это опять игры? Прошу вас, не трудитесь... — Она помолчала, и было видно, с каким трудом она овладевает собой. — И что будет плохого — для корабля, команды, вашего клана и Шана Йос-Галана, если Сав Рид Оланек продемонстрирует, что он не только бесчестен, но и хитер? Что будет плохого, если эта столь несчастная и столь прекрасная женщина окажется его орудием — клинком, прижатым к вашей шее? Что плохого...

— Кэйзин...

Большие руки капитана поднялись в успокоительном жесте, на лице отразилась тревога за Кэйзин.

Она устало привалилась к спинке стула.

— Шан, это мой последний полет. Я бы предпочла, чтобы он прошел спокойно.

— Нет оснований опасаться, что это будет не так, друг мой. Зачем Сав Риду может понадобиться внедрять на «Долг» — кого? Шпиону? Убийцу? Он уже получил за мой счет очки, и хорошенько посмеялся. У него нет оснований идти на такие ухищрения. У него вообще нет оснований вспоминать о происшедшем — может, только

чтобы посмеяться и пересказать эту историю в очередной таверне, в доказательство безумной глупости Шана Йос-Галана. — Он смущенно улыбнулся. — И он будет недалеко от истины, правда?

Она безмолвно взмахнула рукой.

— Ты слишком много беспокоишься, Кэйзин — и без всяких оснований. Случай, совпадение. Я не верю, чтобы Сав Рид захотел бы, чтобы Присцилла Мендоса оказалась здесь — если полагать, что ему вообще хотелось что-то в связи с ней, не считая, возможно, ее смерти. Думаю, он просто два раза поступил так, как диктовали обстоятельства. Забавно — но отнюдь не невероятно, — что жертвы обоих его поступков встретились.

— Отнюдь не невероятно и то, что Оланек стал осторожен — или даже что он стал чересчур жаден. Какие он получит очки, если он поставит на колени весь Клан Корвал...

Брови Шана сурово сдвинулись.

— Ты действительно считаешь, что такое возможно? Не то, чтобы он не был способен на такую жадность или на такое безрассудство... Кэйзин, «Долг» следует по прежнему маршруту. В память о тех годах, которые мы провели вместе, о том времени, которое ты потратила на то, чтобы меня вырастить, я постараюсь сделать остальную часть полета как можно более спокойной. Тем временем, пожалуйста, постарайся проявить снисходительность к Присцилле Мендоса. — Он поднял рюмку и сделал неспешный глоток. — И как по-твоему, Кэйзин, что было бы лучше: иметь клинок — если, конечно, такой клинок существует — у себя перед глазами или обнаружить, что он нацелен нам в спину?

Она улыбнулась.

— Ты воздашь ему по заслугам?

— Приняты меры, чтобы по всем счетам было заплачено, — пообещал он и допил вино.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

135-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ВТОРАЯ ВАХТА

9.30

Держа в руке неизменную рюмку, Шан Йос-Галан завернул за угол и оказался в зоне отдыха. Впереди маячила стройная фигурка в яркой малиновой тунике, перетянутой серовато-голубым кушаком. Он удлинил шаги и догнал ее у пересечения с коридором, ведущим к спортивному залу.

— Удачная встреча, Лина.

Она повернула голову и ослепительно улыбнулась.

— Шан! Я рада тебя видеть.

— А я тебя. Как всегда. Ты сегодня особенно хороша. Направляешься на вечеринку? Возьмешь меня с собой? Обещаю не хвастаться своим высоким положением. Как ты находишь свою помощницу?

Она рассмеялась.

— Но я как раз хотела поговорить о Присцилле! У тебя и правда есть минутка? Я знаю, сколько у капитана дел. Я тебя почти не вижу...

— Тоскуешь? — Он с насмешливым взглядом поднял рюмку. — Конечно, говори со мной о Присцилле. Жильцы одобряют? Ты с ней не справляешься? Отправить ее к Кену Рику?

— О нет, только не к Кену Рику! Малыши в восторге. Мастер Фродо даже мурлычет. Но ты это предвидел. — Она остановилась и вопросительно заглянула ему в лицо. — Шан... Что с ней? Ты не знаешь? В ней есть радость, это чувствуется, но она ее отвергает... прячет... Она мне очень нравится. А тебе?

— Тебе не кажется, что кого угодно расстроило бы, если бы его ударили по голове, бросили без денег, с испорченным послужным списком и без друзей?

— Дело не только в этом, — не согласилась Лина. — Ей нужно исцеление.

— Вот как? — Он отпил глоток. — Ты с ней не справляешься?

— Нисколько. Но, возможно, ты...

— Я? — Он рассмеялся. — Я не целитель, Лина. Я капитан.

— А! — Она презрительно отмахнулась от этого предлога. — Можно подумать, у тебя нет способностей и подготовки! — Она наклонила голову, стараясь оценить информацию, лишь малую часть которой давало ей выражение его лица. — Шан?

Он слегка пожал плечами, отказываясь обсуждать эту тему, и едва заметно нахмурился.

— Какими... духами ты сегодня надушилась, Лина?

— Теми, которые мы купили, — «Бесконечное желание». — Она рассмеялась. — Раа Сти это название не нравится.

— И он прав. — Капитан отступил на пару шагов. — Очень сильные, правда? Ты, кажется, не упоминала, что они имеют свойство афродизиака.

— А они и не имеют! — Она ухмыльнулась. — Ты уверен, что дело в духах?

— Прости меня, — пробормотал он. — Ты всегда меня восхищашь, Лина, но сегодня я был далек от любовных мыслей. Если это не афродизиака, то нечто близкое. Тебе объясняли, как они действуют?

— Дело в запахе... — Жестом испросив его согласие, она перешла на низкий лиадийский, к которому прибегают при общении друзья. — Это усилитель собственного запаха человека. И если ты чувствуешь некое влечение к этому человеку, то при использовании духов оно усилится. Это безопасно, друг мой, уверяю тебя.

— Я, — ответил капитан на земном, — отнюдь в этом не уверен. На некоторых мирах существуют законы относительно духов и веществ, которые... как это звучит официально?.. «Лишают права выбора и размягчают волю»? Что-то примерно столь же помпезное. — Он снова отпил вина и отошел еще на шаг. — Сделай мне одолжение и отнеси флакон в лабораторию, Лина. Мне ужасно не хотелось бы нарушить закон.

— Они совсем безобидные! — Лина нахмурилась. — И они не лишают права выбора — не больше, чем Целитель, поощряющий к радостям жизни...

Шан ухмыльнулся.

— Думаю, ты прибегаешь к казуистике. Так ты и правда идешь на вечеринку? Мне хотелось бы тебя сопровождать. Исключительно из научного интереса, понимаешь? Было бы любопытно наблюдать, как твои духи действуют на целую комнату ни о чем не подозревающих людей.

— Я, — укоризненно объявила ему Лина, — иду наблюдать за партией в пинг-понг между Присциллой и Раа Сти. Если хочешь, можешь идти со мной. Хотя если ты и дальше намерен так оскорбительно от меня пятиться...

Он рассмеялся и предложил ей согнутую в локте руку.

— Я уже овладел собой. Ну что ж, давай навяжем себя соперникам в пинг-понге.

Расти вспотел и запыхался. На его круглом лице застыло выражение упрямства и усталости.

Присцилла, наоборот, оставалась безмятежно-спокойной и парировала его удары с небрежной легкостью, почти не глядя на шарик. Однако ей удавалось постоянно пробивать его отчаянную защиту. Счет стремительно рос в ее пользу.

— Двадцать одно! — сказал он, и его голос сорвался. — Не могу поверить!

— Нет, Раа Сти, Присцилла действительно выиграла двадцать одно очко, — услужливо подтвердила Лина. — Я тоже считала.

— Вот поэтому я и не могу поверить. — Расти тяжело облокотился на стол и покачал взмокшей головой в сторону Присциллы. — Ты меня разгромила! Не понимаю. В половине случаев я даже не видел мячика.

— Это потому, что у вас реакция, как у дохлой коровы, — объяснил Шан, не желая уступать Лине в любезности.

Связист повернулся к капитану и бросил на него возмущенный взгляд:

— Ну, спасибо!

— Всегда рад служить...

— Может быть, — попробовала помочь ему Присцилла, оборвав готового взорваться Расти, — дело в том, что ты смотришь на мячик. Я этого почти никогда не делаю.

— Тогда как ты знаешь, где он? — Он вытер мокрый лоб рукавом и шумно вздохнул. — Проклятие, Цилла, я же хорошо играю в пинг-понг! Я играю уже много лет!

— Но не с пилотами, — заметил капитан, делая глоток вина.

— А при чем тут это?

— Очень даже при чем. Подумайте, Расти. У вас замедленная реакция. Вы движетесь рывками, а не плавно, вы не в состоянии понять, где предмет окажется. — Он приветственно поднял рюмку. — Не переживайте так сильно, друг мой. У каждого из нас есть свое место в жизни. В конце концов, я ведь не мог бы занять ваше место за пультом связи или работать на...

— Как же, не могли бы! — пробормотал связист, неуклюже крутя ракетку на столе.

— Вы что-то сказали, Расти?

— Не важно. — Он повернулся и неожиданно бросил ракетку Шану, который лениво поймал ее левой рукой. — Сыграйте-ка с ней вы.

Капитан недоуменно моргнул:

— Почему?

— Вы пилот. Она пилот. Может, мне удастся подсмотреть что-то полезное. — Ухмыляясь, Расти покинул поле боя и упал в кресло у стены. — И вообще мне нужно отдохнуть. Вы ведь не хотите, чтобы я умер от переутомления?

— Да, это была бы трагедия. Такой молодой, такой красивый, такой богатый... Ему бы жить и жить... Госпожа Мендоса? Хотите сыграть? Обращаю ваше внимание на то, что на вашей стороне перевес: юность против подорванной нездоровым образом жизни старости.

Присцилла проглотила смешок. Лина нахмурилась.

— Конечно, капитан. Я буду рада с вами сыграть. Вы дадите мне фору?

— Это вы должны предложить фору мне, — ответил он, поставив рюмку на столик и неспешно направляясь к игровому столу. — Пожалуйста, не забывайте, что я немощен и очень уязвим. Ваша подача?

Она кивнула, а мячик уже летел над сеткой... чтобы его послали обратно с небрежной энергией. Он полетел к краю стола и едва в него попал, был пойман во время отскока и направлен обратно через сетку с вращением. И вернулся снова, на самый край ее игровой зоны — и был перекинут краем ракетки на его половину.

— Двадцать семь на двадцать пять, — сказала Присцилла почти сорок минут спустя. Она даже ухмыльнулась своему противнику. — Неплохая игра, капитан.

— Пришлось бороться за каждое очко, — согласился он, укладывая ракетку на стол и направляясь за рюмкой. — Пожалуйста, заметьте, Расти, что мне с трудом удалось победить. Ну, вам удалось подсмотреть что-то полезное?

— Что? Я отправляюсь в дом для инвалидов. — Связист покачал головой. — Вот это скорости! Если бы я не слышал ударов, то подумал бы, что вы меня разыгрываете: притворяетесь, будто играете невидимым мячиком.

Присцилла направилась к Лениному креслу и осторожно села на его подлокотник. Лиадийка ей улыбнулась.

— Ты очень хорошо сыграла, подруга.

Подруга. Для Лины в этом слове не было ничего необычного, но, слыша его, Присцилла неизменно испытывала теплое волнение. Она мягко улыбнулась.

— Спасибо. — Почувствовав небольшую неловкость, она пошевелила плечами. — Этой ночью у меня не будет извинений для бессонницы.

Лина слегка повернулась к ней.

— Ты плохо спишь? На нашем корабле?

Присцилла позволила себе роскошь еще раз улыбнуться.

— На этом корабле я сплю лучше, чем... чем обычно. — Она снова пошевелила плечами, легко ими пожав. — Это пустяки. Я с этим справляюсь.

— Через два дня мы будем на Скандальной, — заметила Лина непонятно в связи с чем. — Только отправим груз. А потом, еще через три дня, мы окажемся на Арсдредде. Ну, как тебе у нас нравится после того, как ты прожила здесь целую неделю?

— Неужели прошла уже неделя? — Этот вопрос почему-то заставил ее вспомнить интонации Шана йос-Галана, и она снова улыбнулась — почти лениво. — Мне очень у вас нравится. Все были так добры...

Конечно, если не считать Кэйзин Не-Зейм. Что происходит с этой женщиной? Присцилла опустила взгляд и увидела, что хрупкая золотистая рука Лины лежит на подлокотнике кресла у самого ее колена. Ее пальцы казались сильными, ловкими и удивительно красивыми. Не думая ни о чем, кроме того, как приятно будет это сделать, Присцилла накрыла ее кисть ладонью — и, удивившись собственному поступку, поспешно взглянула на лиадийку.

Лина ей улыбнулась.

Присцилла вздохнула. Ей показалось, что звук принесли откуда-то издалека. «Подруга», — подумала она, и ее пальцы нежно сжали руку Лины. Она почувствовала ответное теплое пожатие и

улыбнулась в четвертый раз за пять минут. С другого конца комнаты до нее доносился негромкий разговор: Расти с капитаном что-то обсуждали. Она покачала головой.

— Похоже, я устала сильнее, чем думала.

— Да? Хочешь пойти спать? Если хочешь, я пойду с тобой.

Присцилла заглянула подруге в лицо. Богиня, как же ей трудно будет проститься с Линой...

— Я хотела бы, чтобы ты пошла со мной, — тихо сказала она. — Это будет хорошо.

— Я тоже так считаю, — отозвалась Лина, не отпуская ее руки.

На противоположной стороне комнаты Расти вдруг вздохнул.

— Ну вот, мне казалось, что я ей нравлюсь! — пожаловался он. — А она взяла и ушла с Линой!

Шан рассеянно огляделся.

— Боюсь, что тебя переиграли. Лина надушилась своими новыми духами.

— Вот как? — с интересом спросил связист. — Черт! Да эта штука нас всех сделает богачами!

Они дошли до каюты Присциллы, и когда дверь открылась, вошли туда вместе. Перешагнув порог, Лина остановилась и чуть вопросительно улыбнулась своей высокой спутнице. Очень осторожно она прикоснулась к синяку, который еще был замечен на бледной щеке.

— Мне очень жаль, что тебе сделали больно, подруга.

— Это было не так уж страшно... — пробормотала Присцилла, заглядывая ей в лицо.

Медленно, ощущая непобедимую нежность, она наклонилась и поцеловала Лину в губы.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

136-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

11.30

НА ОРБИТЕ СКАНДАЛЬНОЙ

Нормишка Мастер Фродо радостно забурчал и бросился к дверце люка со всей скоростью, на которую были способны его кривые лапки. Трое его спутников более медленно вылезли из своих уютков и пошли следом. Малыш издал негромкий и полный достоинства приветственный рокот.

Присцилла аккуратно отмерила три порции и расставила их по специально отведенным местам. Малыш, Делм Бриат и Леди Сельф с энтузиазмом принялись за еду, а Мастер Фродо остановился рядом, буквально вибрируя от нетерпения. Когда последняя порция была поставлена на место, он протянул когтистую лапку и зацепил складку рукава.

— Ты решил, что я о тебе забыла? — спросила Присцилла, когда он вскарабкался вверх по ее руке.

Мастер Фродо потерся головой о ее пальцы.

Присцилла с улыбкой пересадила его себе на плечо. Он повозился и сел на задние лапки. Одна передняя лапка уцепилась за кудряшки над ухом, а второй он серьезно принимал зернышки кукурузы, которые распахивал в защечные мешки.

— Сегодня мне работать на связи, — сообщила Присцилла, пока Мастер Фродо утолял голод. — В двенадцать я должна явиться к Тони сиг-Элла.

Ее собеседник не стал отвечать прямо, хотя качеством поглощения пищи дал понять Присцилле, что Тони сиг-Элла — неплохой человек, которого принимают у себя все приличные нормишки.

Поскольку по библиотечным записям Присцилла могла убедиться в том, что Тони нередко посещала очаг нормишек, эти сведения ее не удивили. Однако она поблагодарила Мастера Фродо за его рекомендацию и ласково почесала за ушком, прежде чем вернуться обратно в террариум.

Он с тихим вздохом устроился на песчаной почве, повернул голову и посмотрел вверх, умоляюще протягивая лапку.

Присцилла снова улыбнулась.

— Больше не получишь, — строго объявила она, нежно поглаживая ему пузико. — Иначе станешь совсем толстым.

Мастер Фродо дал понять, что среди нормишек некая солидность фигуры считается привлекательной. Однако, конечно, Присцилла вправе думать, что хочет. Ему неприятно об этом упоминать, но ей самой лишняя порция зерна не помешала бы.

Захваченная этим мысленным диалогом, Присцилла покачала головой.

— Я всегда была тощая, — сказала она, закрывая и запирая люк.

Она снова покачала головой. Говорит сама с собой, словно Провидица! Если кто-нибудь ее на этом поймает, то ее отправят в лазарет раньше, чем Мастер Фродо успеет за нее вступить.

Но почему-то даже эта мысль ее не встревожила. На самом деле пару вахт назад Лина поймала ее за разговором с Мастером Фродо. Единственная реакция лиадийки заключалась в том, что она ласково дернула за округлое ушко и предупредила Присциллу, чтобы та не позволяла нормишке выклянчить у нее дополнительную порцию.

— Он у нас мошенник, — объяснила Лина, смеясь проделкам забавного создания. — И не поддавайся на его обаяние. Он будет бесстыдно этим пользоваться.

Присцилла вышла из библиотеки любимцев через боковую дверь, которая сообщалась с основной библиотекой. Лина сидела за кафедрой и хмурилась на экран. Однако подняв голову, она сразу же улыбнулась. Все еще не привыкнув к такой теплой и непринужденной дружбе, Присцилла затаила дыхание.

— Все обихожены, — сообщила она, стараясь сохранить внешнее спокойствие. — Я ухажу к связистам.

— Да? Передай от меня привет Тони. Мы в этот полет что-то редко видимся. — Лина прикоснулась к белокожей хрупкой кисти. — Встретимся за главной трапезой, подруга?

— Да.

Она глубоко вздохнула, чувствуя, как у нее колотится сердце. Лина улыбнулась.

— Ну, тогда увидимся за едой. Всего хорошего, Присцилла.

— Всего хорошего, Лина.

Рубка связи находилась напротив библиотеки шестью уровнями выше: ее купол в центральной части корабля был абсолютно симметричен куполу мостика, располагавшегося шестью уровнями ниже. Присцилла вошла в лифт, набрала код места назначения и устроилась в углу.

Библиотекарь любимцев. Она выполняла связанные с этой должностью обязанности только одну вахту. Когда она просыпалась, на экране в каюте уже значилось ее задание — всегда с учетом времени, которое было необходимо для того, чтобы позаботиться о существах, вверенных ее опеке. После чего ее направляли куда-нибудь еще: в ремонтный отсек, где она помогала голенастому Сету с капитальным ремонтом, на камбуз в помощь болтливой Билли Джо, в трюмы рассматривать графики распределения грузов с схидным стариком Кен Риком. И, конечно, на внутренний мостик для обучения пилотированию под началом Дженис Уэзерби — второго помощника и пилота первого класса.

«Я здесь всего неделю, а работала, похоже, везде — кроме библиотеки любимцев», — подумала Присцилла. Однако она обнаружила, что такое разнообразие заданий ее не угнетает. Наоборот: это почему-то помогало ей чувствовать себя более непринужденно. А всевозможные новые личности, с которыми она сталкивалась, приводили ее в восторг.

Люди. Здесь можно было бы приобрести друзей. Она уже нашла по крайней мере одну подругу. А поскольку прежде у нее вообще не было друзей, то подобное сокровище просто не поддавалось оценке.

Лифт остановился, и дверца открылась. За ней оказался ярко освещенный желтый коридор. Присцилла прошла по нему до конца, неслышно ступая по упругому полу, приложила ладонь к сенсорной пластине и вошла.

Всюду мигали лампочки. Одна приборная доска верещала, требуя внимания. На экране, встроенном в дальнюю стену, вспыхивали оранжевые цифры: семь кряду, пауза, повтор.

Людей видно не было.

— Привет!

— Привет! Да! Сейчас!

За центральным пультом что-то поспешно зашебурилось. Присцилла направилась в сторону странных звуков — и чуть было не налетела на человека, идущего в противоположном направлении.

— Вы — Присцилла Мендоса, да?

— Я — Присцилла Мендоса, — подтвердила она, делая поклон равных. — Вы — Тони сиг-Элла?

— А кто же еще? Нет, мы не встречались — не обращайтесь внимания...

Был сделан укороченный вариант такого же поклона. Присцилла мысленно попыталась решить, как бы к подобному приветствию отнесся Фин Тон, но тут ее руку поймали неожиданно сильные пальцы. Тони потянула ее к пульту.

— Вы — дешифровщик, да? Вы работали на отраженной связи и знаете сигналы? Барахлит внутрикорабельная, и мне нужно время, но сообщения... Понимаете? Если вы будете просто расшифровывать поступающие и шифровать то, что надо отправить... У меня появится время, и мы не выйдем из графика. Все будет хорошо! — торжествующе закончила крошечная связистка, выдвигая для Присциллы стул.

Присцилла уселась и быстро обвела взглядом экраны, передатчики, приемные устройства. Оборудование оказалось стандартным: она с ним справится без проблем.

— А как мы сможем передавать сообщения по кораблю? — спросила она. — Если внутренняя связь не работает...

— Я говорила с капитаном, — прервала ее связистка, потирая худые руки. — В рубку пришлют юнгу, и он будет разносить готовые сообщения. Это будет быстро. Вы знакомы? Справитесь?

— Справлюсь. — Присцилла ответила как можно серьезнее, хотя из нее опять рвался смех. Она судорожно сглотнула. — Лина Фаалдом просила передать вам привет. Она сказала, что в этом полете вы редко видите.

— Лина! — Озорное личико осветилось улыбкой, глаза вспыхнули. — Я с ней свяжусь — скажем, чтобы вымолить у нее прощение!

Веселый смех сопровождался едва заметным прикосновением к плечу Присциллы. А потом она осталась одна. На другом конце рубки Тони уже снимала кожаную с шумной доски.

Присцилла покачала головой и занялась работой.

Горди только что ушел с третьей пачкой сообщений. Присцилла услышала звук открывающейся двери, но не придала этому никакого значения. Почти все ее внимание было поглощено необычно сложным переводом.

«Неужели тут действительно написано «жаждет ваших чрезвычайно набожных закупок»?» — размышляла она, приподняв пальцы над клавиатурой. Сообщение было адресовано мастер-купцу «Исполнения долга». Следовало не спешить, чтобы не сделать ошибки.

— Что, — спросил у нее над ухом голос с сильным акцентом, — вы здесь делаете?

Присцилла подняла голову. У нее упало сердце. Перед пультом стояла Кэйзин Не-Зейм, и по ней было видно, что она не намерена смягчаться.

— Меня сюда направили, — начала она.

— У вас нет допуска для этой работы! — рявкнула первый помощник. — Кто определяет ваши обязанности?

— В начале каждой вахты мои обязанности выводятся на мой экран, — объяснила Присцилла, стараясь говорить как можно спокойнее. — На эту вахту я была направлена к Тони сиг-Элла, к которой должна была явиться в двенадцать.

— Кто ваш непосредственный начальник? — угрожающе осведомилась Кэйзин.

— Лина Фаалдом.

— Лина Фаалдом. И по вашему мнению, библиотекарь обладает статусом, который позволяет ей направлять вас в рубку связи для расшифровки сообщений?

Сарказм этого вопроса ощущался безошибочно.

— Похоже, — огрызнулась Присцилла, — у нее был статус, чтобы направлять меня в ремонтный отсек, в трюмы, в камбуз и отдел гидропоники. Почему мне следовало думать, что в эту вахту положение иное?

— Вот как? — На лице первого помощника появилось странное выражение. Она повернулась, осмотрела помещение рубки — и взгляд ее остановился на фигурке, скорчившейся в дальнем углу. — Связист!

Тони обернулась и со вздохом подбежала к ним.

— Да, первый помощник?

— Как эта женщина попала к вам?

Связист недоуменно моргнула.

— В соответствии с приказом, первый помощник. Я ее ожидала. В сообщении капитана было сказано — в двенадцать.

— Капитан...

— Первый помощник, она мне нужна! — взмолилась Тони, словно вдруг ей стало понятно, к чему клонятся эти вопросы. — Она была чрезвычайно полезна. Внутренняя связь почти налажена. Могу обещать — до того, как мы уйдем с орбиты! Только не забирайте ее сейчас! Сообщения... вы ведь понимаете необходимость!

По выражению лица Кэйзин было ясно, что она не понимает необходимости. Она перевела взгляд с Тони на Присциллу, напряженно застывшую за пультом, а потом наклонила голову.

— Вопрос допуска, связист. Однако раз вы получили приказ от капитана, говорить больше не о чем.

С этими словами она сделала поворот на месте и ушла из рубки.

Присцилла и Тони переглянулись, а потом крошечная связистка широко развела руками, выражая полное недоумение.

— Вы работаете хорошо. Когда мы уйдем с орбиты, экраны опустеют. Первый помощник... — тут она едва заметно повела плечами, — она бывает немного раздражительна. Не обращайтесь к ней.

Получив еще одно нежное прикосновение к плечу, Присцилла осталась одна. Справившись с недоумением, она занялась расшифровкой сообщений.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

137-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ПЕРВАЯ ВАХТА

1.30

Присцилла резко обернулась — и застыла на месте. Переулочек за ее спиной был полон людей. Они сжимали кулаки, на лице каждого было написано праведное возмущение. Она отступила, забыв об опасности позади нее...

Пока ее драгоценная сумка не была вырвана у нее из рук, а сама она не получила такой удар в спину, что упала на колени посередине переулочка.

Стремительно вскочив, она яростно обернулась к Дагмар.

— Это мое! Отдайте!

— Твое? — издевательски переспросила женщина. Рядом с ней со смехом встал Пимм тел-Джадис. — А я слышала совсем другое, Присси.

Дагмар рывком раскрыла сумку и, запустив туда руку, начала копаться в содержимом. А потом с криком торжества она подняла кулак, в котором сжимала семь серебряных браслетов Девы-в-Круге.

Толпа закричала.

Первый камень ударил Присциллу в ногу одновременно с кулаком Дагмар, врезавшимся в лицо.

Второй камень попал ей в правую руку, и хрустнула сломанная кость.

Третий сломал ей ребро, и она закричала, свернувшись в клубок на грязной земле переулка, стараясь защитить голову. Камни летели все сильнее, а толпа выкрикивала презрительные имена: Врунья! Трусиха! Ничтожество!

— Присцилла!

Она почувствовала на себе чьи-то руки и стала вырываться.

— Присцилла! Нет, денубиа, не надо...

Голос был знакомый, встревоженный.

— Лина?

Присцилла застыла неподвижно, едва осмеливаясь верить своим чувствам.

— Конечно, Лина. А кто же еще? — Руки нежно прикоснулись к ее лицу, волосам. — Открой глаза, денубиа. Тебе страшно меня увидеть?

— Нет, я... — Ей удалось это сделать — и она увидела встревоженное лицо подруги. — Мне очень жаль, Лина.

— И мне. Такой ужас, милая моя. Что это было?

Добрые руки продолжали ее ласкать, сочувствие, словно целительное тепло, окружило ее. Присцилла вздохнула и покачала головой.

— Пустяк. Просто дурной сон.

— Да? — Лина провела пальцами по скуле Присциллы, потом — по стройной шее. Ее ладонь остановилась между грудями с розовыми сосками. — По-моему, очень дурной сон. У тебя колотится сердце.

— Мне приснилось... мне приснилось, что меня побивают камнями.

Она содрогнулась, судорожно вздохнула и попыталась найти внутреннее равновесие.

— Побивают камнями? — Лина нахмурилась. — По-моему...

— Таков обычай на моей... на планете, откуда я... Там бросают камни в преступницу, пока она... пока она не умрет.

— Коулечи! — Хрупкая лиадийка резко села и провела пальцем по лбу подруги. — Неудивительно, что ты испугалась. — Она наклонила голову. — Но с тобой такого на самом деле не было?

Присцилла заставила себя улыбнуться.

— Нет, конечно.

Ей наконец удалось найти протоптанную тропу к спокойствию, и ее духовные ноги ступили на нее.

— Я не очень храбрая, — тихо призналась она Лине.

Когда ресницы Присциллы опустились, а дыхание выровнялось, ладийка нахмурилась. Она осторожно развернула мысленное волокно, как сделала бы с собратом-целителем, протянула его по самому безопасному направлению — и чуть не вскрикнула, когда Присцилла достигла убежища, которое искала, и плотно закрыла за собой дверь.

Дверь библиотеки открылась, и высокий широкоплечий мужчина лениво прошел в центр комнаты и остановился, держа в руках рюмку и глядя на фигурку, склонившуюся над главным пультом. Прошло почти пять минут, прежде чем она с резким вздохом выпрямилась и заговорила с непринужденностью давнего друга.

— Между землянами бывают целители, друг мой?

Он задумался над ответом, направляясь к ней.

— Насколько мне известно, официально — нет. — Он наклонился над экраном, глядя на перевернутые вверх ногами буквы. — Тебе надо попробовать слово «эмпат», мое сокровище. Оно числится в рубрике «отклонения от нормы».

— «Отклонения от нормы»!

Лина вскинула голову, возмущенно сверкнув глазами.

— Это не я его туда внес, — мягко напомнил ей Шан. — Я только предложил тебе помощь. Оно нашлось там, когда его искал я.

И тут Лина поняла, что Шан должен был провести такой поиск несколько лет назад. Она улыбнулась.

— Прости. Мне пришлось много поработать — с минимальным результатом. Я... несколько разозлилась.

Он слегка поклонился.

— Я мог бы предложить помощь.

— Действительно, мог бы. — Она снова улыбнулась и дотронулась до напряженной щеки. — Спасибо тебе, друг по ложу и коллега. Не откажи мне в любезности и сделай это предложение в другой раз.

— Хорошо. — Он отпил вина. — Только не бодрствуй всю вахту, пожалуйста, Лина.

— Ха! Кто бы говорил! Или капитану спать не положено? — Она тихо засмеялась, но быстро посерьезнела. — Кэйзин пожаловалась мне, что Присцилла была направлена туда, где ей не следовало быть.

— Я слышал. — Шан покачал головой. — Чего она от меня хочет? Сначала она объявляет мне, что это ее последний полет и мне не следует требовать от нее решений, касающихся дальнейших

полетов. А потом она устраивает мне серьезную выволочку за то, что я осмелился выполнить ее указания! Скажу тебе, Лина, жизнь капитана — это не мед!

— Увы! — с трудом выговорила она сквозь смех.

Он ухмыльнулся, приветственно поднимая рюмку.

— Желаю удачного поиска, главный библиотекарь. И доброго сна.

— Доброго сна, Шан.

Но он уже ушел.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

139-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

-16.00

Корабль «Исполнение долга» плавно сошел с орбиты и по тщательно просчитанной траектории в нормальном пространстве долетел до точки прыжка, где, не дрогнув, перешел в гиперпространство.

Присцилла провела последнюю проверку, еще раз подтвердила пункт назначения и время прибытия, отключила пульт и откинулась на спинку стула, с трудом подавляя улыбку.

— Неплохо, Мендоса, — сказала Дженис Уэзерби с места второго пилота. Она взглянула на хронометр, закрепленный на пульте. — Время заканчивать. Пока.

— Хорошо, — рассеянно ответила Присцилла, продолжая смотреть на потухший экран.

На этот раз это не было тренажерной записью: это был главный экран пилота на капитанском мостике, и она сама все сделала! Она, Присцилла Делакруа и Мендоса, рассчитала траекторию, составила уравнения, выбрала координаты — сделала все, полагаясь на свои знания и способности.

Не отворачиваясь от экрана, она закрыла глаза, наслаждаясь чувством уверенности в своих силах. На какое-то мгновение стало не важно, что она — отверженная, безымянная, что на имя Мендоса у нее не больше прав, чем у Расти Моргенштерна.

— Заснули, госпожа Мендоса? Готов признать, что это кресло очень удобное, но оно может понадобиться кому-то еще.

Она открыла глаза и ухмыльнулась капитану. Тот стоял, упершись бедром в приборную доску и держа в руке рюмку.

— Извините, капитан. Я дала волю вульгарному самодовольству.

— Ну, это ободряет, — сказал он с ответной ухмылкой. — Я был готов поверить, что вы лишены недостатков. Но теперь, когда вы готовы признаться в самодовольстве, я уверился в том, что мы прекрасно поладим. Дженис несколько лаконична, правда?

— Возможно, она пытается уравновесить вас, — предположила Присцилла и тут же в ужасе прикусила губу.

Шан Йос-Галан рассмеялся.

— Возможно. Возможно. Наверное, кому-нибудь следовало это сделать. Вы стоите двойную вахту? Но вам все равно разрешается сделать часовой перерыв, чтобы поесть. Судовые правила. Да и дел здесь маловато, правда? — Он рассеянно посмотрел на серый экран. — Все уже сделано. Почему бы не уделить вахту-другую себе?

— Спасибо, капитан, — сказала она. — Я это сделала. Хорошей вахты.

— Хорошей вахты, госпожа Мендоса.

Он приветствовал ее высоко поднятой рюмкой.

Она договорилась встретиться с Линой и Расти на главной трапезе в семнадцать часов. Присцилла повернула налево, в противоположную сторону от лифтов. У нее еще было достаточно времени, чтобы размять ноги, затекшие во время долгого сидения в кресле пилота.

Смакуя свое недавнее достижение, она прошла по коридору примерно четверть мили, спустилась на лифте вниз, когда коридор привел ее в тупик, и улыбнулась мрачному Кен Рику, выйдя из лифта на уровень ниже.

«Я прекрасно себя чувствую», — осмелилась она признаться, осторожно шупая эту мысль, словно сломанную кость. Ответом была едва заметная боль, которую удалось подавить еще одной теплой мыслью.

«У меня есть подруга». Это была ее первая настоящая дружба со времени детства на Синтии. Эта дружба существовала отдельно от внезапно возникших физических отношений. Время от времени у нее были любовники. Было приятно получать ласки и любовь и... успокаиваться. И было просто великолепно иметь право отвечать на это взаимностью по мере своих сил и возможностей. Но самым ценным было не это, не это заставило ее заново оценить те планы, которые она для себя составила.

Мысленно она снова услышала сонный голос подруги: «Присцилла? Засыпай, денубиа. Все хорошо».

Все хорошо. Впервые за очень много лет она позволила себе поверить в то, что со временем все действительно может стать хорошо. Если она останется членом команды этого корабля с его стран-

ным капитаном, неуклюжим Расти Моргенштерном и Горди, старым суперкарго и Мастером Фродо, и Линой... конечно, Линой...

Возможно, если она здесь останется... Если она перестанет думать о Сав Риде Оланеке и Дагмар Коллиер и сосредоточится на будущем, полном дружеских отношений, где все может быть хорошо...

— Что вы здесь делаете?

Резкий голос заставил ее остановиться. Присцилла заморгала, обнаружив, что стоит в незнакомом коридоре, куда принесли ее оставленные без надзора ноги. Она перевела взгляд на Кэйзин Не-Зейм и наклонила голову.

— Извините. Я задумалась и заблудилась. Сюда нельзя заходить? Я сейчас уйду.

— Неужели? — Первый помощник гневно поджала губы. — Вы просто повернетесь и уйдете, правда? Я спросила вас, что вы здесь делали. И я жду ответа. Немедленно.

— Извините, Кэйзин Не-Зейм, — сказала Присцилла, тщательно подбирая слова. — Я дала вам ответ. Я задумалась на ходу и заблудилась.

— И заблудились именно так, что оказались у главного компьютера? Я добыю от вас правды, Присцилла Мендоса! Еще раз спрашиваю: что вы здесь делаете?

— Не думаю, чтобы это вас касалось! — взорвалась Присцилла. — Раз вы не желаете верить правде, с какой стати мне ее повторять?

— Вы! — Если прежде первый помощник была зла, то теперь она уже разъярилась. — Сколько он вам платит? — спросила она. С каждой секундой ее акцент становился все сильнее.

Землянка непонимающе на нее уставилась.

— Одну десятую кантры по прибытии в Солсинтру...

— Хватит!

Наступило молчание, во время которого Кэйзин мерила ее взглядом. Жесткие черты ее лица не изменились. Она открыла рот, собираясь сказать что-то еще, но тут же его закрыла — ее взгляд устремился Присцилле за спину.

— Идите! — рявкнула она. — И потрудитесь больше здесь не блуждать. Вы меня слышите?

— Я вас слышу, Кэйзин Не-Зейм, — ровным голосом ответила Присцилла.

Кивнув, она повернула обратно. Шан йос-Галан стоял, прислонившись к стене и скрестив на груди руки. В одной из них он продолжал небрежно держать рюмку вина.

Присцилла сделала глубокий вдох.

— Удачной вахты, капитан.

— Удачной вахты, госпожа Мендоса, — нейтрально проговорил он.

Она прошла мимо него и скрылась за поворотом коридора.

Шан повернулся к Кэйзин.

— Поправь меня, если я ошибся, — мягко проговорил он. — Членам команды разрешен доступ во все части корабля?

— Да, капитан.

— Да, капитан, — повторил он, без труда выдерживая ее взгляд. — Присцилла Мендоса — член команды, Кэйзин. Не могу понять, как получилось, что ты об этом забыла, но в будущем прошу тебя постараться это помнить. И есть такая вероятность, что ты должна извиниться.

Первый помощник сделала очень-очень глубокий вдох.

— Скажи, что ты ей доверяешь!

— Я ей доверяю, — просто сказал он, давая Кэйзин поблажку, положенную старому другу.

— Она тебя околдовала!

— Я полностью собой владею, уверяю тебя, — сказал он ледяным тоном на земном, а потом переключился на высокий язык, в модальность лорда, обращающегося к вассалу. — Я действую, приняв во внимание законы необходимости.

Кэйзин низко поклонилась. Гордость за него просвечивала даже сквозь ее обиду. Некоторые смели утверждать, что жена Эр Тома йос-Галана подсунула ему в качестве первенца чистокровного землянина. Если бы эти люди могли только увидеть его таким — с источающим лед взглядом и надменным выражением лица! Кто бы мог увидеть его таким и после этого сказать, будто он не принадлежит Клану Корвал плотью и кровью?

— Простите, капитан, — пробормотала она. — Будет так, как вы сказали.

— Я рад это слышать, — ответил он на земном.

ПОРТОВЫЙ ГОРОД АРСДРЕДА

728 ГОД ПО МЕСТНОМУ КАЛЕНДАРЮ ПОЛУДЕННЫЙ БАЗАР

Порт Арсдредра ревел. Он толкался, вопил, наваливался, пел, приплясывал, обнажался до блестящей наготы, закутывался с ног до головы в яркие цвета и сверкающие драгоценности. Большую часть шума — и почти все краски — порождали люди за прилавками, перед витринами и за тележками, нагруженными доверху Боги-

ня знает чем. Это были арсдредцы, темнокожие земляне с огромными карими глазами, крючковатыми носами и стремительной речью. Они рядились в многослойные полупрозрачные яркие одежды и громко расхваливали свои товары. В полуденном зное они даже не потели!

Конечно, некая часть шума приходилась и на долю тех, кому эти товары предлагались. Узкие улочки были забиты представителями полудюжины рас — всевозможными землянами, изящными лиадийцами, темноглазыми пеладинами, безволосыми тримуватами, безмолвными улварами. Присцилла вздрогнула, когда в поле ее зрения возникла огромная фигура: неужели сюда прилетают и икстранцы? — но это оказался всего лишь громадный аус, с копной золотых волос и окладистой бородой. Нагнув голову, он что-то басил, обращаясь к крошечной женщине, семенившей рядом.

— Огнекамни, прекрасная леди? Здесь самые лучшие. Специально для вас: бледные, как ваша кожа, черные, как ваши волосы! Для вас, прекраснейшая, — что, как не лазурь? И всего двадцать монет: жертва на алтарь вашей красоты! Только примерьте и посмотрите, как они вам идут!

— Ткани, благородная леди? Шарфы? Алые, золотые, зеленые, бежевые, синие! Можно повязывать на голову, можно носить на поясе. Дешево, благородная.

— Фарфор, леди? Путеводители... Мороженое... Благовония... Драгоценные камни...

Мир.

Присцилла завернула за угол на менее людную улицу и облегченно вздохнула. По расписанию, она получила увольнение в порт в первый же день по прилете. Расти с Линой получили увольнение одновременно на третий день, что заставило лиадийку нахмуриться. Расти философски пожал плечами.

— Ну, может, в другой раз.

Втайне Присцилла почувствовала облегчение. Спутник по увольнению быстро распознал бы состояние ее финансов. Она была рада не обременять друзей этой информацией, чтобы не ставить себя в положение, когда ей пришлось бы выслушивать добросердечные предложения о займе или, что еще хуже, о подарке.

Мысленно говоря себе, что все сложилось к лучшему, она зашагала по раскаленной улочке. День отдыха перед непростым завтрашним днем. Другой новостью расписания было сообщение, что в следующую рабочую вахту ей предстоит ассистировать суперкарго йо-Ланне при разгрузке шаттлов на планете.

Она дошла до первого перекрестка, когда ее окликнул знакомый голос.

— Привет, госпожа Мендоса! У вас сегодня тоже увольнение? Хотите объединиться?

Она повернулась, чтобы улыбнуться прямо в круглое — и идеально чистое — лицо Горди Арбетнота.

— Боюсь, что я буду тебя задерживать, — осмотрительно сказала она, но почти сразу же быстро добавила: — Но ты ведь здесь не один, Горди?

Он поморщился.

— Ну, почти что. Кэп говорит, что у меня достаточно ума, чтобы не ввязаться в какую-нибудь историю, но неприятности случаются, а если они произойдут со мной, то мой дед ломает ему нос. Так что мы пошли на компромисс.

Он отцепил от пояса какое-то устройство и поднял повыше, демонстрируя его Присцилле. Это оказался миниатюрный комм.

— Он настроен прямо на код кэпа. Если я попадаю в переделку — даже самую маленькую, — то мне велено включать связь и громко орать. — Горди вздохнул и снова посмотрел на Присциллу, пытаясь держаться как можно более хладнокровно. — Думаю, это не слишком плохо, правда, госпожа Мендоса?

Присцилла честно ответила:

— Это звучит очень великодушно. И разумно. Немало людей, знаешь ли, сочли бы тебя просто маленьким мальчиком.

— Да, это так, — подтвердил он. — Даже ма сказала что-то в том же духе, когда дед объявил ей, что обо всем договорился с кэпом. А обычно она... тоже разумная. Но Морган ей все уши прожужжал насчет того, что Шан на самом деле нам не родня — и к тому же лиадиец. Наверное, — заключил Горди, немного запыхавшись, — от такого кто угодно станет неразумным.

— Судя по твоим словам, это действительно так, — согласилась она с улыбкой. — А капитан тебе родственник?

Горди кивнул и пристегнул комм обратно к поясу.

— Ма Шана была сестрой деда. Так что мы родственники — Шан, и Вал Кон, и Нова, и Антора. Ну, то есть, — честно разъяснил он, — не Вал Кон. Он только с ними воспитывался. Но я тоже зову его кузеном. А он — кузен Шана, так что, наверное, мы все-таки родня. — Он ухмыльнулся Присцилле. — Так хотите объединиться? — снова спросил он.

Присцилла покачала головой.

— Думаю, я лучше просто поброжу здесь, приведу мысли в порядок, отдохну немного. Завтра мне помогать Кен Рик.

Горди засмеялся.

— Ну, тогда вам действительно лучше отдохнуть. Кен Рик неплохой дядька, но он любит заставить человека помучиться. И здорово умеет это делать. Вот что я вам скажу: мне возвращаться на шаттл в последний час по корабельному времени. Давайте полетим вместе, хорошо, госпожа Мендоса?

— Хорошо. — Она улыбнулась ему. — Можешь звать меня При-сциллой. Все остальные уже зовут меня так.

— Кэп не зовет, — поправил ее Горди, уходя. — Но я буду. Пока, Присцилла.

— Пока... мистер Арбетнот.

Это вызвало новый взрыв смеха. Присцилла с улыбкой покачала головой и свернула на перекрестке налево, удаляясь от шума торговли.

По корабельному времени было немногим больше девятнадцати часов. Чувствуя себя превосходно, Присцилла вышла из общественного парка и лениво направилась по узкой аллее, которая заворачивала в сторону порта.

Большинство магазинов на улице были закрыты, но ее внимание привлекла ярко освещенная витрина, на которой были выставлены чрезвычайно замысловатые шахматы, вырезанные из белого и красного дерева и украшенные ограненными камнями. Она задержалась, рассматривая фигурки и мысленно сравнивая их с теми, которые она видела у капитана. Те фигуры были вырезаны из черного дерева и кости, но очень просто: это был набор для человека, который играет в шахматы, а не для любителя экзотики.

Присцилла пошла дальше. Следующая витрина под вывеской «Сокровища Тилы» была заполнена ослепительной коллекцией безделушек. Веер из резной слоновой кости лежал рядом с аляповатой диадемой с огнекамнями, золотая цепочка зеленоватого цвета была брошена на переплетенную книгу — возможно, ценную и явно старинную. Ваза из резного пластика соседствовала с тончайшим фарфором, знавшим лучшие времена.

Очарованная этим сочетанием красоты и безвкусицы, Присцилла подошла ближе к витрине, пытаясь подробнее разглядеть ее содержимое. Резная деревянная шкатулка со сломанными петлями, старинные очки с прозрачными стеклами... и при виде следующего предмета у нее перехватило дыхание. На стопке разномастных блюдец с цветочным узором ненадежно пристроился хрустальный триглант, которого художник сумел запечатлеть в момент задумчивости — крылья полураскрыты, хвост плотно обернут вокруг передних лап... Очаровательная фигурка — и ее собственная!

Ее собственная. И самая любимая из всего, что ей удалось увезти с собой с Синтии. Это она сама заказала хрустальную фигурку у художника, заплатила за нее заработанными своими руками деньгами. Она сама сделала для нее устланную бархатом коробочку, в которой она так хорошо смотрелась.

Возможно, воровка решила, что коробочка ничего не стоит.

На негнувшихся ногах Присцилла вошла в магазин, сжимая в кулаке две монеты. Спустя пятнадцать минут она вышла на улицу,

бережно укладывая завернутую в бумагу фигурку в карман. Она напомнила себе, что это были ее последние монеты, стараясь вызвать у себя страх.

Однако она испытывала только теплую радость. У нее есть триглант! У нее есть место на «Исполнении долга». Когда они придут на Солсинтру, у нее будет одна десятая кантры. Этого должно быть достаточно. У нее есть друзья — кажется, трое. Этого было настолько больше чем достаточно, что у нее почти не оставалось места для печали из-за остальных своих вещей, оставшихся в руках владельца «Сокровищ Тилы».

Она свернула на ближайшем перекрестке: теперь она уже спешила в порт. Справа от нее шевельнулась какая-то тень. Присцилла поспешно повернулась.

— Здравствуй, Присси, — проговорила Дагмар с широкой улыбкой.

Она сделала два шага вперед.

«Богиня, помоги мне!»

— До свидания, Дагмар, — проговорила она сквозь зубы и попыталась пройти мимо нее.

Крупная землянка загородила ей дорогу, ухмыльнувшись еще шире.

— Ну, лапочка, ты же не допустишь, чтобы нас разлучил такой пустяк, как головная боль? Я ведь просто выполняла приказ, Присси. И я так рада снова тебя видеть!

— А я вас видеть не рада. До свидания.

Она отвернулась.

Дагмар поймала Присциллу за руку и с силой дернула на себя. Вторая рука нашла ее грудь и грубо стиснула.

Присцилла вывернулась со всей силой, которую смогла собрать, и ударила костяшками сжатого кулака прямо в мерзкую улыбочку своей противницы. После этого она резко развернулась и сумела высвободиться.

Дагмар рванулась вперед и схватила ее за рубашку. Присцилла продолжила поворот. Ткань разорвалась, и Дагмар отлетела назад, пытаясь удержаться на ногах.

Пора было бежать. Присцилла метнулась вперед.

Это оказалось просто.

Дагмар была крупнее — и, несомненно, сильнее. И, конечно, она была более привычна к таким приключениям, чем ее жертва.

Но она двигалась так медленно!

Присцилла уже разобралась, в чем суть. Двигаясь со скоростью пилота, глядя глазами пилота, она нанесла удивительное количество ударов — хотя те, что получила она сама, оказались чувствительными.

Она уклонилась назад, направила звучный удар в ухо, оказавшийся только отчасти удачным, и получила тычок в плечо, от которого рука на мгновение онемела.

Сделав еще несколько уверток, она обнаружила способ окончить гоединок — быстро и в свою пользу. Она начала поворот, чтобы занять нужное положение...

Тихое жужжание предупредило ее о новой опасности, и она резко подалась назад, тяжело перекатившись на правый бок. Теперь она уже жалела, что у нее не хватило осмотрительности убежать раньше.

Дагмар достала вибронож.

Горди опаздывал.

Он стремительно пробежал через городской парк, вызвав переполох среди местных птиц вроде уток, и влетел на проезд Парктон. Он миновал витрину с шахматами, даже не взглянув на нее, хотя и чуть притормозил, оказавшись вровень с «Сокровищами Тилы» — из уважения к полисмену, идущему на полквартила впереди.

Здесь была развилка: боковая улица уходила в сторону порта. Горди завернул туда — и потрясенно застыл.

Впереди него оказалась Присцилла Мендоса в разорванной почти до плеча рубашке. Она пригibasась, словно двуногий, прекрасный и смертельно опасный хищник, осторожно огибая крупную и ширококостную женщину. Та поворачивалась вместе с ней.

Положение двух соперниц изменилось достаточно, чтобы Горди увидел и остальное. Крупная женщина держала нож.

Судорожно сглотнув, он стремительно бросился обратно.

Присцилла хладнокровно следила за ножом. Это было возможно. Она может двигаться быстро. Дагмар медлительна. Нужно только избавиться от ножа — она на ножах не дерется.

Присцилла бросилась вперед.

Дагмар повернулась — так медленно — и пальцы Присциллы стремительно скользнули между ее собственными, выбив из них гадко жужжащий нож и отправив его в темноту. Крупная землянка закончила поворот и всем телом врзалась в свою противницу, пытаясь схватить и удержать два тонких запястья. Она с силой прижала ее к себе, и Присцилла не смогла дышать...

— Ну-ка, ну-ка! Прекратите это сию минуту!

Сильные руки схватили, дернули — и она снова обрела способность дышать.

Присцилла бессильно обмякла. Она была слишком благодарна за сладкий воздух, чтобы возмущаться наручниками, которые умело зашелкнулись на ее запястьях. Дагмар, как она вскоре заметила, оказалась в более печальном состоянии. Похоже, она получила

заряд парализатора, и теперь ее выворачивало у стены. Лицо у нее побагровело.

Полисмен кончил надевать наручники, отвернулся — и его брови поднялись вверх одновременно с парализатором.

— Хорошо, мой мальчик, игры кончились. Отдай его мне, пожалуйста.

Горди моргнул, повернул вибронож и вручил его полисмену рукоятью вперед. Тот осторожно принял оружие, а потом сорвал комм с пояса мальчика и пристегнул к своему собственному.

— Он мой!

— Тогда ты получишь его обратно после суда. Вытяни руки.

— Я не надену наручники!

Горди решительно выставил вперед свой по-детски округлый подбородок.

— Тогда поедешь в отключке, у меня на плече. — Полисмен оценивающе осмотрел его. — Только как бы мне тебя не уронить.

Горди посмотрел за спину полисмена, на Присциллу. Ей удалось криво улыбнуться и кивнуть. Он протянул руки.

АРСДРЕД

ЗАЛ СУДЕБНЫХ СЛУШАНИЙ 728 ГОД ПО МЕСТНОМУ КАЛЕНДАРЮ ВЕЧЕРНИЙ БАЗАР

Улики были выставлены на столе у дальней стены слева: вибронож, мини-комм, кучка сверкающих осколков, которые когда-то изображали отдыхающего тригланта.

Арестованные сидели справа. Стройная женщина и мальчик сидели рядом друг с другом и как можно дальше от массивной женщины с покрытым ссадинами лицом. В соответствии с приказом судьи всем были введены успокоительные средства. Хотя враждебные действия не возобновлялись, совершивший арест полисмен не спускал с них глаз. С инопланетниками никогда нельзя ничего знать наверняка.

Присцилла боролась с лекарственной дремотой, пыталась сохранять ясность мысли. Полисмен сказал, что они ждут прибытия представителей командования с «Даксфлана» и «Исполнения долга», чтобы можно было начать слушания.

«Это будет Кэйзин Не-Зейм, — вяло соображала Присцилла. — Она меня не любит. А тут сама Богиня пошлет ей возможность от меня избавиться».

Лина. Что подумает Лина? Разрешат ли Присцилле поговорить с ней, объяснить случившееся прежде, чем «Долг» покинет орбиту? Она затаила дыхание: туманная дымка вдруг рассеялась, оставив после себя почти неудержимое желание броситься на пол и зарыдать.

«Дура! — сурово сказала она себе. — Надо было убежать».

За дверью послышался шелест одежд. Горди придвинулся к ней вплотную.

— Может, это судья, — сонно проговорил он. — Хорошо бы так. Крелм, Присцилла! Знаешь, как мы опоздали? Шан с меня шкуру спустит!

Ее ответ прервал производивший арест полисмен.

— Всем встать перед судьей Келбаром!

Она встала. Почувствовав, как пальцы Горди скользнули ей в ладонь, она вздрогнула от неожиданности, а потом сжала его руку.

— К тебе это тоже относится! — говорил тем временем полисмен Дагмар.

Та что-то пробурчала и с трудом поднялась на ноги.

Судья Келбар прошествовал в зал — внушительная фигура в солнечно-желтой судейской мантии. Суровые карие глаза на секунду остановились на трех правонарушителях, а потом он картинно уселся на свой трон. Последовал ленивый взмах рукой, который был четко переведен полисменом:

— Арестованные, сядьте!

Дагмар хмыкнула и плюхнулась обратно на скамью. Присцилла села тихо, а вот Горди глубоко вздохнул.

«Поскорее, Богиня!» — молилась Присцилла.

Словно в ответ на ее мольбу дверь открыли снаружи, впустив в зал невысокого светловолосого мужчину.

Присцилла решила, что Сав Рида Оланека вызвали с какого-то вечера: на нем была рубашка из переливчатого розового шелка, а светлые брюки — явно бархатные. Его уши, пальцы и пряжка ремня искрились драгоценными камнями, а на шее красовался титановый ошейник, который стоил вдвое больше, чем тот заработок, которого она так и не получит на Солсинтре.

Признав облеченного властью человека, судья прищелкнул пальцами, давая знак арестованным встать, а сам поплыл навстречу пришедшему.

— Добрый вечер, дражайший сэр, — приветливо произнес он на торговом, делая широкий взмах рукой. — Я сожалею о том, что мне пришлось вас сюда вызвать. Я уверен, что вопрос не слишком серьезен и тут же разрешится, как только прибудет ваш достойный коллега. Я — судья Келбар.

Он был удостоен беглым взглядом ярко-голубых глаз и самым небрежным поклоном.

— Я — Сав Рид Оланек, купец с «Даксфлана» из Лиад, — холодно проговорил он. — Однако боюсь, что вы слишком оптимистичны. — Он указал на Присциллу, которая ответила на его взгляд с твердым спокойствием. — Это существо — опасный преступник. Нет никаких сомнений в том, что это воровка. Какие еще преступления...

— Добрый вечер! — произнес жизнерадостный голос на земном, опередив на долю секунды своего владельца.

Сав Рид Оланек проглотил остаток фразы, а Присцилла почувствовала, как сидящий рядом с ней Горди зашевелился.

Это все-таки не Кэйзин Не-Зейм.

На нем была рубашка, только чуть уступавшая в яркости его волосам, и мягкие черные брюки. Пряжка на его поясе была всего лишь из серебра, форма которой на глазах Присциллы изменилась с причудливой птицы на невероятный цветок. На мочке правого уха висела аметистовая подвеска, идеально сочетавшаяся по цвету с камнем в кольце мастер-купца.

Более приятного зрелища Присцилла в жизни не видела. Она сказала себе, что теперь все будет хорошо, и даже не задумалась над тем, почему она так решила.

Он улыбнулся судье и непринужденно поклонился, а потом направился к нему, протягивая руку.

— Я — Шан Йос-Галан, сэр. Я не очень опоздал? Простите меня, пожалуйста. Я был у герра Сасони... Но, наверное, мне не следует продолжать. Только я готов уже был заключить очень... интересную... сделку, так что это большая удача, что ваш посланец поймал меня вовремя.

Судья откровенно рассмеялся и обменялся с ним рукопожатием.

— Но это ужасно! — воскликнул он. — Надо надеяться, вы смогли заручиться ее ключом для дальнейшего? Я не прощу себе, сэр...

— Пустяки, — спокойно заверил его капитан. — Я уверен, что мы разберемся с нашим делом в считанные минуты, и я вернусь... Да, кстати, а в чем дело, сэр? Я...

Тут он повернул голову — и его взгляд вроде бы впервые упал на его возмущенного коллегу.

— Добрый вечер, Сав Рид Оланек, — вежливо произнес он на высоком лиадийском.

— Вы? — огрызнулся тот.

— Ну конечно, я! Я ведь не мог стать кем-то другим, правда? Эта маленькая неприятность вызвала ваше раздражение? Я уверен, что мы уладим все в считанные секунды. Судья показался мне очень милым, вы со мной согласны? Как я только что ему сказал... О, но я забыл: вы ведь не владеете земным, правильно? Печально, поскольку так много людей на нем говорят, но, несомненно, у вас есть на то свои соображения.

— Есть, и вас они не касаются. — Купец Оланек помахал рукой в сторону арестованных, но взгляд его не отрывался от капитана. — Вы могли бы счесть за лучшее обратить свои ограниченные умственные способности к текущему делу. Возможно, вы недооценили неприятность.

— Да? — Серебристые глаза рассеянно скользнули по арестованным. — Ну, я должен сказать, что, судя по всему, член вашей команды — я заключаю, что она член вашей команды — немного потрепана. В подпитии, наверное. Но вы слишком опытный купец, чтобы позволить пьяной драчке между членами команды испортить вам весь вечер.

— Уважаемые господа! — твердо напомнил судья на торговом. — Мы не могли бы перейти к слушанию дела? Я уверен, что все мы предпочли бы оказаться где-нибудь в другом месте. — Он снова картинно уселся и сделал знак арестованным приблизиться. — Джентльмены, будьте любезны опознать эти лица.

Купец Оланек ткнул пальцем:

— Это — Дагмар Коллиер, второй помощник на «Даксфлане».

— И вы, как ее командир, готовы поручиться за нее?

После едва заметной паузы купец ответил утвердительно.

— А остальные двое, — весело проговорил капитан, — мои, сэр. Юный джентльмен — это Гордон Арбетнот, юнга с «Исполнения долга» и мой родственник...

— Вы хотите сказать, что признаете это родство? — Высокая речь как нельзя лучше передала возмущение купца. — Он же чистокровный землянин! Неужели вы совершенно равнодушны к соблюдению чести своего клана?

— Ну, мы же в конце концов наполовину земляне, — мягко ответил капитан. — Вы ведь знали это, когда делали предложение моей сестре, не правда ли? А он — хороший парнишка.

— Вы это не серьезно!

— Он — под крылом Клана Корвал. — Тон капитана изменился, голос стал почти ледяным. — Не заблуждайтесь относительно моих слов.

— Ха! Корвал расправляет свое крыло опасно широко — как бы не сломалось. То же относится и к сучке рядом с ним?

Она напряглась, готовясь дать волю возмущению.

— Присцилла! — рявкнул капитан, и она застыла, краснея.

— Вы держите это существо на коротком поводке, — заметил купец. — Сколько оно получает? Или оно служит за одно удовольствие смотреть на ваше прекрасное лицо?

Капитан покачал головой.

— На родной планете Присциллы Мендоса, Сав Рид, ваши слова считались бы оскорблением, платой за которое может стать

только ваша смерть. Какая удача для вас, что ее знание нашего языка пока школярское. Но я снова забыл о приличиях! Вы же знакомы! — Светлые глаза остановились на ней. — У вас не найдется приветствия для достопочтенного купца?

Она изумленно воззрилась на него. Неужели он действительно ждет... И тут, вспомнив еще один урок Фин Тона, она улыбнулась. Отпустив руку Горди, она отвесила низкий поклон.

— Простите мне эту ситуацию, мастер-купец, — проговорила она на своем медленном высоком лиадийском, — и поверьте моей глубочайшей радости видеть вас.

— Что! — вскрикнул явно потрясенный Сав Рид. — Как это возможно, что...

— Уважаемые, — сказал судья, — я должен настаивать на том, чтобы вы не отвлекались.

— Конечно, сэр! — Капитан был пристыжен. — Простите нас, пожалуйста. Мой коллега увлеченно изучает генеалогию и просил пояснений относительно того, какое место Горди Арбетнот занимает на нашем фамильном древе. Итак, продолжим. Леди в разорванной рубашке — Присцилла Делакруа и Мендоса. Она имеет частный контракт с капитаном «Исполнения долга», служит в качестве библиотекаря, пилота и проходит подготовку на должность второго помощника. — Он улыбнулся. — Я счастлив поручиться за обоих.

Что все это значит? Пилот? Подготовка на должность второго помощника? Присцилла попыталась вспомнить точные формулировки своего контракта, но голос судьи помешал ей собраться с мыслями.

— Поскольку за всех троих есть кому поручиться, слушание начинается. Нам известно следующее: данный нож принадлежит Дагмар Коллиер. Мы провели чтение отпечатков и установили, что это так. Она этого не отрицает.

Важно отметить, что на рукояти найдено еще два набора отпечатков, помимо тех, которые оставлены проводившим арест полисменом: отпечатки Гордона Арбетнота и слабые и очень смазанные отпечатки, которые, как мы полагаем, принадлежат Присцилле Мендоса.

Судья замолчал и внушительно откашлялся.

— А теперь мы заслушаем проводившего арест полисмена.

Заявление стража порядка оказалось коротким и по существу. К нему обратился Гордон Арбетнот, который крикнул, что на улице Халвингтон идет драка. Прибыв на место, он обнаружил «этих двух личностей» в тесных объятиях, причем более крупная женщина очевидно пыталась лишить меньшую способности дышать. Проводивший арест полисмен пришел к выводу, что эта цель была почти достигнута, почему и произвел превентивный выстрел пара-

лизатора по большей женщине, надел на обеих драчуний наручники и, повернувшись, обнаружил Гордона Арбетнота «вот с этим ножом, сэр» в руках. В связи с этим в интересах справедливости на Горди также были надеты наручники, и всех троих доставили в участок. Полисмен замолчал, почесал в затылке и добавил, что конфисковал у Гордона Арбетнота небольшой прямоугольный предмет, пристегивавшийся к поясу, — скорее всего это был мини-комм и как таковой не представлял никакой угрозы. Но в тот момент он не видел смысла идти на дополнительный риск.

— Совершенно правильно, — одобрительно проговорил капитан, и полисмен смущенно улыбнулся.

Судья дал ему знак сесть.

— Теперь мы слушаем Дагмар Коллиер.

Дагмар медленно вышла вперед и бросила быстрый взгляд на купца Оланека. Тот не стал встречаться с ней взглядом.

Она сделала жалкую попытку расправить плечи. Когда она заговорила, голос ее звучал хрипло, слова она выговаривала крайне невнятно. «Надеюсь, что у нее все зубы сломаны», — подумала Присцилла.

— Мы с Присси — давние приятельницы, — говорила Дагмар судье. — Раньше вместе служили на «Даксфлане». Мне показалось вполне нормальным подойти и сказать «привет», когда я увидела ее на улице. — Она пожала плечами. — Наверное, она порядочно хлебнула, Ваша Честь, потому что она просто взяла и на меня набросилась.

После короткого молчания судья сухо осведомился:

— Это ваша версия происшедшего?

Дагмар моргнула:

— Да, сэр.

— Понятно. Мы будем готовы выслушать вас снова, если вам придет в голову что-то новое после того, как выскажется Присцилла Мендоса.

Присцилла шагнула вперед.

— Мы с госпожой Коллиер никогда не были дружны, — возмущенно начала она. — Она обокрала меня и продала мои вещи... в мелочную лавку на Парктон...

Судья поднял руку.

— Этот вопрос здесь не рассматривается. Пожалуйста, ограничьте ваше заявление происшествием на улице Халвингтон.

Присцилла закусила губу.

— Я увидела госпожу Коллиер на улице Халвингтон, — начала она снова, — когда возвращалась в порт. Она заговорила со мной. Я ответила на ее приветствие и попыталась пройти мимо. Госпожа Коллиер преградила мне дорогу и схватила меня. Я считаю, что она

намеревалась меня изнасиловать, но, возможно, это несправедливо. В тот момент казалось, что ее намерения именно таковы, и я... — тут она замолчала и перевела взгляд на капитана, — я вышла из себя, — виновато призналась она.

Капитан кивнул, и Присцилла снова обратилась к судье:

— Я пыталась защищаться от того, что сочла нападением. Госпожа Коллиер продолжала преграждать мне путь и в какой-то момент вытащила нож. Я смогла ее обезоружить, но она меня схватила. Вот почему я оказалась в том нелепом положении, из которого меня спас полисмен. — Она вздохнула. — Таково мое заявление.

— Очень ясно, госпожа Мендоса. Спасибо.

— Я хотел бы указать, — неожиданно заговорил Сав Рид Оланек, — что вражда между этими двумя личностями представляется давней...

— Вот именно, — прервал его капитан, — и в связи с этим, судья, я позволю себе предположить, что каждая имела полную возможность излить свои чувства. Конечно, справедливо наложить на них штраф за нарушение общественного порядка. Но поскольку маловероятно, чтобы они в ближайшее время снова встретились...

Судья Келбар тепло ему улыбнулся:

— Я вполне полагаюсь на то, что вы сумеете контролировать своих подчиненных в течение всего времени вашего пребывания в порту, господа. Моя вера в вашу благонадежность позволяет мне не требовать того, чтобы обе правонарушительницы оставались в течение этого периода на борту. Но, конечно, им не разрешается покидать пределы порта. Да, и, разумеется, будет наложен штраф. — Он сдержанно кашлянул. — За драку на улице — сто монет с каждой. За то, что было обнажено смертоносное оружие — двести пятьдесят монет. За владение вышеупомянутым оружием без лицензии Арсдред — шестьсот монет. Соппротивление при аресте... — Он поднял голову и улыбнулся — сначала Горди, потом капитану. — Думаю, это мы забудем. Плата за перевозку — по пятьдесят монет с каждого.

Таким образом, с Дагмар Коллиер через ее поручителя Сав Риду Оланека взимается штраф в тысячу монет. С Присциллы Мендоса через ее поручителя Шана йос-Галана — сто пятьдесят. С Гордона Арбетнота с его поручителя Шана йос-Галана — пятьдесят монет. Оплату можете произвести на выходе, через кассу.

Он встал и величественно покинул зал суда. Следом вышел полисмен.

Шан пристально всмотрелся в застывшее лицо Оланека.

— Тысяча монет, — сочувственно пробормотал он на торговом. — Это вас не слишком затруднит, Оланек? Если хотите, я могу дать вам в долг.

— Спасибо, нет! — огрызнулся тот, отрывисто кивая своей подчиненной.

Шан вздохнул.

— Какой вы вспыльчивый, Сав Рид! Плохо спите? Надеюсь, вы не больны. Ну, по крайней мере мы знаем, что совесть у вас чиста, правда? Кстати, похоже, госпожа Мендоса потеряла очень необычные серьги. Вы слышали про Калинтака с Медузы? Чудесный парень, очень добродушный. А какие вещи ему удастся впихнуть в самое маленькое пространство! Встроенные датчики, следящие устройства и все такое прочее... Если вам понадобится нечто в этом духе — ведь вы так любите украшения...

Дагмар Коллиер застыла рядом с ним, потрясенно уставившись на него.

— Датчики? — переспросила она с ужасом и любопытством. — И насколько маленькие?

— О, вас это заинтересовало? Он очень дорого берет, знаете ли. Но просто крошечные! Например, ему достаточно самой обыкновенной сережки. Художник...

— А, хватит! — рявкнул Сав Рид, резко поворачиваясь. — Не обращаешь внимания на этого шута. Пошли!

И он удалился в сопровождении Дагмар.

Шан покачал головой и протянул руку Горди, который сразу же подошел и положил на нее свою ладошку.

— Ну, дети мои... Госпожа Мендоса?

Присцилла подошла к столу с уликами и стала осторожно собирать осколки хрусталя, укладывая их один за другим себе на ладонь.

— Крелм! — пробормотал Горди, подходя к ней. — Присцилла, что ты делаешь? Она же разлетелась вдребезги!

Присцилла не подняла головы.

— Это — мое единственное имущество на всем свете, и я без него не уйду.

Она говорила совершенно ровно, и от такого отсутствия эмоций у Шана волосы встали дыбом. Он поспешно подошел к ней, вытащил из рукава шелковый платок и уронил его на стол перед ней.

— Вы порежетесь, Присцилла. Возьмите вот это.

— Спасибо.

Ее голос остался ровным, но ему показалось, что он смог различить слабый отзвук чего-то...

Держась за руки, они с Горди ждали, пока она не собрала все осколки, увязав их в платок. Горди взял ее за руку, и все вместе они отправились в кассу платить штрафы.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

143-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ПЕРВАЯ ВАХТА 2.00

— Сделай мне одолжение, Горди, — негромко проговорил капитан, — забудь сообщить матери о том, что ты был арестован.

— А я был? — ошеломленно спросил мальчик. — То есть — это ведь было не по-настоящему. Со мной ничего не сделали.

Капитан рассмеялся.

— Ты был под арестом, могу тебя заверить. На разных планетах детали могут меняться, но общая картина остается одинаковой: наручники, судья, штрафы. Матери о таком слушать не любят, даже если им тщательно объяснить, что ты был совершенно невиновен. Кстати, я вспомнил: а как на этой штуке оказались твои отпечатки?

— Присцилле приходилось туго, — объяснил Горди. — А там валялся этот нож. Я пытался понять, как он работает...

— Правда? И с какой целью, позволь узнать?

— Ну, я подумал, что если порежу Дагмар руку, она ее отпустит.

— Теоретически — да, — признал капитан. — Явись к Паллину Конраду после завтрака. Вижу, тебе пришло время научиться самозащите.

— Есть, кэп. — Он немного помолчал. — Шан...

— Да, дорогой?

— А я имею право... Можно мне рассказать деду, что меня арестовали? Я ведь не сделал ничего плохого...

Присцилле показалось, что в последних его словах прозвучала глубокая неуверенность.

Прошуршав каблуком по мостовой, капитан опустился на одно колено, так что его глаза оказались на одном уровне с лицом Горди.

— Ты просто непременно расскажешь об этом деду, — твердо проговорил он, кладя большие ладони на сутулые плечи мальчика. — Он будет тобой горд. Ты действовал предусмотрительно и благородно, ты пришел на помощь своей коллеге и другу. — Он приложил ладонь к нежной щеке. — Ты поступил прекрасно, Горди. Спасибо.

— Да. — Присцилле показалось, что ее голос доносится откуда-то издалека. — Спасибо тебе, Горди. Ты спас мне жизнь.

Моргая, он уставился на нее через плечо своего кузена.

— Правда?!

Она кивнула, не представляя себе, что сейчас может отражаться у нее на лице.

— Она действительно брала надо мной верх. Я не могла дышать. Ты все сделал правильно.

Ей смутно казалось, что надо было бы найти еще какие-то слова, но в этом не было необходимости. Последняя тень сомнения исчезла с юного лица. Он ухмыльнулся.

— Я герой!

— Ты — невыносимая обезьяна. — Капитан выпрямился и протянул ему руку. — И тебе давно пора вернуться на корабль. Пойдем.

Они некоторое время шли молча. Успокоительное снова начало брать над ней верх, и Присцилла споткнулась. Обретя равновесие, она спросила поверх головы Горди:

— А что там было насчет вашей сестры?

— Маленькая шутка Сав Рида, — непринужденно ответил капитан. — Ему было забавно сделать предложение о браке моей старшей сестре.

— Что? — вознегодовал Горди. — Этот тип? Кузине Нове?!

— Именно этот тип. Действительно кузине Нове. А что? Тебе кажется, ему больше подошла бы Антора? Должен признаться, это мысль. Он такой светлый, а она — такая темная... Но ему больше понравилось сочетание светлого со светлым. И его вряд ли можно винить, Горди. Это — просто вопрос вкуса.

— А что вы сделали? — угрожающе осведомился Горди, не обращая внимания на этот поток чуши.

Капитан посмотрел на него сверху вниз.

— А что я мог сделать? Меня не было дома. И потом, Нова сама в состоянии о себе позаботиться. Просто сказала этому парню, что предпочла бы совокупиться с геатайским грязеедом, и отправила его восвояси. — Он вздохнул. — Боюсь, он плохо это принял. Ну откуда ей было знать, что эти создания внушают ему ужас? Я уверен, что она смогла бы сравнить его с чем-то не менее отвратительным, если бы она могла это заподозрить. Она очень находчивая, твоя кузина Нова. И чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь в том, что ты прав, Горди! Конечно, Антора подошла бы ему гораздо больше! Жаль, что он сам этого не понял и позволил себе увлечься хорошеньким личиком. Возможно, нам следует подсказать...

— Хорошеньким? — чуть не задохнулся от возмущения мальчик. — Кузина Нова — красавица!

— Ну, — признал брат упомянутой леди, — вообще-то да. Но на твоем месте я не стал бы особенно на этом заикливаться, Горди. Такое может случиться с каждым. И она ведь действительно умная.

Они наконец добрались до люлек и молча прошли к своему шаттлу. У входа высилась высокая фигура. Два пальца поднялись вверх в небрежном приветствии.

— Вечер, кэп.

— Добрый вечер, Сет. Вот тебе два пассажира. Пожалуйста, позаботься о них получше, оба немного позевывают... кажется, это правильное слово?

— Наверняка, — добродушно отозвался голенастый пилот. — А сами не летите?

— Дела, Сет. Долг зовет.

— Ему надо получить ее ключ, — услужливо объяснил Горди.

— Нахал. — Его кузен вздохнул. — Не забудь, Горди: на следующей вахте — к Паллину.

— Нет, кэп... то есть — да, кэп. Я не забуду.

Капитан рассмеялся и пошел было обратно, но опомнился и вернулся, извлекая что-то из кармана на поясе.

— Какой я забывчивый! Я же помнил, что оставалось что-то еще! Госпожа Мендоса?

Она вздрогнула:

— Да, капитан?

Он протягивал ей плоский прямоугольник — какую-то карточку. Присцилла механически ее взяла.

— Поосторожнее с ней, госпожа Мендоса, — мягко укорил он ее. — Право, это не то, что можно оставлять где угодно. Добрый вечер.

И он исчез.

Присцилла хмуро посмотрела на карточку, но то ли свет был слишком тусклый, то ли в глазах у нее помутилось из-за успокоительного, только она так и не смогла разобрать, что на ней написано. Она сунула карточку в карман к завязанному в узелок платку и следом за Горди вошла в шаттл.

Когда они причалили к кораблю, Горди крепко спал. Щелчок стыковки заставил Присциллу выйти из дремоты, но никакими усилиями ей не удалось пробудить ото сна своего спутника.

Она со вздохом расстегнула свою сеть безопасности, потом — его. Ее неуклюжие попытки взять его на руки должны были бы разбудить и мертвого, смутно подумала она, но Горди только пробормотал что-то невнятное и попытался еще крепче свернуться в кресле. Присцилла потерла лоб тыльной стороной ладони и попыталась заставить себя сообразить, что следует предпринять.

— Отключился полностью, — прокомментировал возникший рядом с ней Сет. — Мне надо лететь обратно. Сможешь отнести его сама или нам лучше позвать Вилта?

Присцилла надеялась, что ей удалось ответить ему улыбкой, а не гримасой.

— Я смогу его нести. Вот поднять его — это проблема.

— Не-а, не проблема, когда человек настолько разоспался.

Он нагнулся, схватил одну руку, дернул, повернулся — и протянул Присцилле охапку мальчишки.

Она взяла Горди и позволила проводить себя к люку грузового причала. Он автоматически открылся, и она шагнула в коридор, чуть моргая на желтый свет, не имевший источника.

Перед ней с живой непоследовательностью сна возник парящий в воздухе бронзовокрылый дракон. Нет. Это была картина на стене — уменьшенная репродукция композиции из зала для приемов. «Под крылом клана Корвал», — вдруг вспомнила Присцилла. Она поудобнее взяла свою ношу и начала длинный путь к каютам членов команды.

Она сумела добраться, только изредка пошатываясь, до начала коридора, в котором находилась каюта Горди, когда позади нее раздались быстрые шаги и встревоженный возглас:

— Присцилла! Это Гордон? Что... Все в порядке, подруга?

— В порядке? — Она тупо уставилась на Лину. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы найти подходящий ответ. — С Горди все в порядке. Дело в основном в той глупой штуке, которую нам ввели в полицейском участке. Оно... от него тупеешь. Я и сама почти сплю.

— А! — Лиадийка зашагала рядом с ней. — В полицейском участке? А капитан знает?

Присцилла кивнула — и вынуждена была остановиться, чтобы окончательно не потерять равновесия.

— Он пришел, чтобы заплатить за нас штраф... О милосердная Богиня! — Она остановилась и судорожно стиснула Горди, который что-то протестуяще пробормотал. — Милосердная Богиня! — повторила она еще раз, хотя Лине показалось, что это отнюдь не молитва. — Сто пятьдесят монет! Из одной десятой кантры? А одежда... — Она тяжело вздохнула и снова пошла вперед. — Разорена. Совсем без денег.

Лина встревожилась еще сильнее, но не стала досаждать Присцилле расспросами, а только заметила, что они уже добрались до каюты Горди. Взяв его руку, она приложила его ладонь к сенсорной пластине замка.

Присцилла положила мальчика на постель, сняла с него ботинки, развернула одеяло и укрыла его. Лина стояла у двери, молча наблюдая за ее действиями.

Когда Горди был удобно устроен, Присцилла обвела взглядом его каюту, едва заметно кивнула, а потом наклонилась и взъерошила его мягкие волосы.

— Ма? — сонно спросил Горди.

Она вздрогнула, но не отняла руки.

— Это только Присцилла, Горди. Спи спокойно.

Лина вышла следом за ней. Несмотря на то что Присцилла была наполовину оглушена успокоительным, за ней все равно было трудно успевать.

В конце коридора Присцилла собралась повернуть направо. Лина поймала ее за руку.

— Нет, Присцилла. Твоя каюта в другой стороне.

— Мне надо в библиотеку! — запротестовала она. — Сейчас же.

— Не сейчас, — решительно возразила Лина. — Сейчас тебе надо отдыхать. Библиотека никуда не денется до следующей вахты.

Присцилла помотала головой.

— Мне надо посмотреть мой контракт.

— Твой контракт? Присцилла, это — *конселем* — просто абсурд! Какая тебе польза от контракта, когда тебе надо спать? Ты заключила его до Солсинтры. Сможешь его посмотреть в любой момент — все четыре месяца до конца полета. Иди и ложись.

— Он солгал, — объявила Присцилла безапелляционно, упрямо сжимая губы.

Лина вздохнула.

— Кто солгал? И зачем... Капитан солгал? — Она потрясенно уставилась на подругу. — Это на него совсем непохоже, денубиа. Может, это какое-то недоразумение?

— Я очень устала, — внятно проговорила Присцилла, — от всяческих недоразумений. Мне надо посмотреть мой контракт.

— Конечно, надо, — согласилась Лина. — Очень плохо, если у тебя с капитаном недоразумение. Давай пойдем к тебе и выведем файл на компьютер.

Она обхватила подругу за талию.

Присцилла напряглась и отстранилась — едва заметно. Глаза Лины расширились, однако она промолчала, хотя и убрала руку. И стала ждать.

— Ладно, — сказала наконец Присцилла. Ее упрямое выражение лица немного смягчилось. — Давай так и сделаем. Спасибо тебе, Лина.

— Я рада помочь, — осторожно ответила Лина и свернула вместе с Присциллой в сторону ее каюты. — Что случилось, подруга?

Наступило долгое молчание, а потом землянка встряхнулась и ответила:

— На меня напали на улице. Горди попытался мне помочь, и нас троих арестовали. Капитана вызвали с вечера, чтобы он... поручился за нас.

— Как и следовало, — отозвалась Лина и остановилась, дожидаясь, пока Присцилла приложит ладонь к сенсорной пластине замка.

Секунду Присцилле казалось, что она не узнала своей двери. Потом она с трудом пошевелилась и приложила ладонь к центральной панели. Когда дверь отъехала в сторону, она вошла. Лина шла за ней по пятам.

— Как и следовало, — повторила Присцилла, стоя в центре каюты и озираясь по сторонам так, словно попала сюда впервые. Она резко повернулась. — Его поручительство обошлось ему в сто пятьдесят монет! — воскликнула она с неожиданной, но очень обнадеживающей вспышкой эмоций. — Сто пятьдесят! А к моменту прилета на Солсинтру я заработаю одну десятую кантры! Я уже должна кораблю за одежду, а все мои вещи... все мои вещи пропали...

Она вдруг опустилась на кровать, рывком запустив пальцы в облако черных кудрей.

Лина подошла к ней и осмелилась положить ладонь на напряженно застывшее плечо. Почувствовав, что Присцилла сильно вздрогнула от неожиданности, она нахмурилась.

— Я не нападала на тебя на улице, — строго напомнила она.

Присцилла подняла на нее виноватые глаза. Лина улыбнулась и прикоснулась кончиками пальцев к бледной щеке.

— Конечно, не нападала. Я слишком хорошо воспитана. — Она нежно потянула за сбившуюся кудряшку. — И еще одна вещь. На корабле существует... юридический фонд. Поскольку напали на тебя, то, наверное, твой штраф будет компенсирован из фонда. Об этом тебе следует поговорить с капитаном. Он был на тебя сердит?

Присцилла удивленно моргнула.

— Кажется, нет. А разве он когда-нибудь сердится?

Лина рассмеялась.

— Если бы он рассердился, ты бы в этом не сомневалась. Так что на твоём месте я не стала бы тревожиться из-за заработка. Скорее всего он останется цел. А теперь разреши я вызову твой контракт.

Она прошла к экрану.

Позади нее Присцилла встала с кровати, неуверенно прошла к полке под зеркалом и начала вынимать из кармана вещи. Узелок из носового платка она осторожно положила в стороне от остальных мелочей. Похлопав себя по карману, чтобы убедиться, что он пуст, она нащупала нечто плоское и жесткое — карточку, которую капитан дал ей у стоянки шаттла. Она вытащила ее и наконец прочла — и у нее перехватило дыхание.

— Лина!

Лиадийка мгновенно оказалась рядом.

— Что?

Присцилла протянула ей карточку. Рука с трудом ей повиновалась.

— Скажи, пожалуйста, что это?

Лина быстро осмотрела карточку с обеих сторон.

— Это временная лицензия пилота второго класса на имя Присциллы Делакура и Мендоса. *Гешада*, подруга. Хорошая работа!

— Хорошая работа. Хорошая...

Присцилла уставилась вдаль невидящим взглядом, а потом вдруг запрокинула голову и издала звук настолько вымученный, что его никто не назвал бы смехом. А потом она согнулась пополам, давясь рыданиями.

Лина обхватила ее обеими руками и проникла в ее сознание уверенным движением целителя, миновав истончившиеся барьеры и мощно ударив в защищенный резервуар боли.

Присцилла вскрикнула и упала на колени. Лина прижала ее крепче и мысленно чуть отстранилась, не мешая буре бушевать.

Спустя какое-то время рыдания затихли, и Лина отвела подругу в постель. Когда они легли лицом к лицу, Лина снова установила контакт, охватывая все возможные уровни.

Присцилла шевельнулась, приподняла мокрые от слез ресницы и одним пальцем бережно проследила черты лица подруги. На ее лице отразилось усталое удивление.

— Я вижу тебя, сестра, — прошептала она.

А потом ее рука упала на постель, и она заснула, согретая симпатией и любовью.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

143-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ВТОРАЯ ВАХТА

6.00

— Но почему нам нельзя продать духи здесь? — возмущенно спросил Расти, глядя на Лину поверх поднятой вверх вилки с куском мороженого тоста.

Лиадийка вздохнула.

— Потому что это... А! Я забыла это слово. Это значит заставить одного любить другого, а...

— Афродизиак, — подсказала Присцилла, отрываясь от завтрака. — На некоторых планетах афродизиаки запрещены. Наверное, Арсдред относится к их числу.

Расти хмуро уставился в тарелку.

— Раа Сти, не надо! — Лина открыто смеялась. — Ты себе еду испортишь! Все не так плохо. Мы продадим в другом порту. — Она с притворной суровостью погрозила ему пальцем. — Ты решил, что я ввела нас в расхody! Но я еще не кончила бросать кости! Вот увидишь, друг: духи будут проданы — и очень выгодно!

Расти явно не был убежден, и Лина снова рассмеялась.

— Присцилла? — окликнул ее из-за плеча запыхавшийся голосок. Повернувшись, она увидела юнгу, сжимавшего в руках какую-то коробку.

— Доброе утро, Горди, — сказала она, адресуя ему несколько усталую улыбку. — А мне казалось, что на эту вахту у тебя назначено обучение самообороне.

— Крелм! — презрительно ответил он. — Я отзанимался уже час назад!

Он протянул ей коробку, явно ожидая, что она ее примет. Присцилла послушно приняла ее, недоумевая, что в ней может оказаться.

— Кэп вас приветствует, — официально сообщил мальчик, — и приносит свои извинения за то, что отправил вас на планету одну. — Горди наклонил голову набок, словно любопытная птичка. — Он сказал, что сглупил, Присцилла. Но, наверное, это я тебе передавать не должен был, как ты считаешь?

— Скорее всего нет, — согласилась она. — Так что мы сделаем вид, что ты не передавал.

— Правильно. Ну, я полетел. Привет, Лина! Расти!

Присцилла продолжала сидеть, держа коробку на коленях, пока Раста с некоторым нетерпением не осведомился, собирается ли она ее открывать.

— Да, конечно, — пробормотала она, не двигаясь.

«Позволил мне идти в увольнение одной? Богиня, это была проверка? — изумленно думала она. — Он проверял, не предпочту ли я все-таки мечь?»

Тут ей пришло в голову, что, пожалуй, капитан наблюдал за ней гораздо более пристально, чем она думала. Она покачала головой и взялась за тупоконечный нож для желе.

Клейкая лента легко разорвалась. Присцилла отложила нож в сторону и открыла коробку. Там оказалось несколько предметов, завернутых по отдельности в яркую тонкую бумагу.

Она очень медленно достала первый предмет. Она разворачивала его так же медленно, отказываясь поверить в то, что подсказали ей его форма и вес, пока ее глаза не дали ей свое, неопровержимое свидетельство.

Предметом оказался гребень из розового дерева, украшенный сложной резьбой в виде звезд и цветов. Зубья были отполированы долгими годами расчесывания волны волос, доходившей до пояса, а в последние годы — короткой шапки непослушных кудрей.

Присцилла перевела дыхание, отложила гребень в сторону и снова запустила руку в коробку. Она по очереди извлекла оттуда щетку для волос и ручное зеркальце, составившие комплект с гребнем, несколько фигурок из обожженной глины, тонкую папку с

плоскими фотографиями, калейдоскоп с бронзовым корпусом, четыре книги в переплетах, девять музыкальных записей и три тонких серебряных браслета.

Присцилла несколько мгновений держала браслеты в руке, а потом положила их рядом с остальными вещами. Когда-то их было семь: полный набор Девы-почти-Жены. Она продала их в разное время, когда требовали обстоятельства. И с каждым расставаться было трудно, настолько, что она почти заболела.

Она осторожно положила браслеты рядом с остальными вещами. На дне коробки оставалась еще одна вещь: маленькая коробочка из красного бархата. Хмурясь, она достала и ее.

— Что все это? — спросил Расти, нарушив долгое молчание.

— Мои... вещи, — с запинкой ответила Присцилла. — Мои личные вещи, которые остались на «Даксфлане». — Она продемонстрировала им коробочку. — За исключением этой. Я не знаю...

Она подняла крышку.

Серьги.

Не ее серьги — те были причудливые и довольно старые. А эти были новые. Простые колечки. Однако их простота была обманчивой: по весу и блеску было ясно, что это — платина. И мастер, который их изготовил, подписал каждую гордым росчерком.

Присцилла посмотрела на Лину.

— Они не мои.

— А!

— Почему? — прошептала она.

Лина приподняла плечи.

— Он прислал свои извинения. Возможно, ему казалось, что тебе причитается. Возможно, тебе следует спросить.

— Да...

Она аккуратно закрыла крышку и положила коробочку вместе с остальными вещами.

Расти взял калейдоскоп и посмотрел в него.

— Симпатично, — пробормотал он.

— Богиня, вы только посмотрите, сколько сейчас времени! — внезапно воскликнула Присцилла, отодвигаясь от стола. — Я ничем не лучше Горди! И Кен Рик с меня шкуру спустит! Лина...

— Я о них позабочусь, — пообещала ее подруга, беря со стола зеркальце и начиная снова заворачивать его в бумагу. Она подняла голову и тепло улыбнулась. — Иди. Поцелуй за меня Кен Рика.

— Сама целуй, если тебе это так важно, — парировала Присцилла и исчезла.

Расти взял кусок смятой бумаги и неловко обернул им калейдоскоп.

— Кэп ведет себя странно, — глубокомысленно заметил он.

Лина подняла взгляд.

— Ты так считаешь?

— Угу, считаю. — Он пристально посмотрел на нее, а потом вернулся к остаткам своего завтрака. — И не пытайся запудрить мне мозги и говорить, будто ты так не думаешь. Мы с тобой слишком давно знакомы, чтобы у тебя это прошло.

— Ну, — осмотрительно отметила Лина, — у него может быть на это много причин.

Расти с ухмылкой допил остатки кофе.

— Я так и знал, что ты одурела, — торжествующе объявил он, отодвигаясь от стола. — Если придумаешь больше одной причины, приходи в рубку и расскажи мне о них.

Кен Рик встретил запыхавшуюся Присциллу только возмущенным взглядом. Шлепнув ей в руки папку с накладными, он отправил ее наблюдать за разгрузкой четвертого трюма, язвительно добавив что-то насчет своей надежды на то, что у нее хватит ума правильно уравновесить груз на шаттле.

Присцилла округлила глаза.

— Спасибо, — проговорила она благоговейным шепотом. — Если бы вы мне не напомнили, я бы ни за что этого не сделала. Лина говорила мне, что вы добрый.

Старик подозрительно посмотрел на нее и сказал, что прекрасно знает: Лина ничего подобного не говорила. Но Присцилле показалось, что его голос звучит уже не так сердито.

В четвертом трюме находились сельскохозяйственные растения — белmekит и трасвельд. Оба находились в состоянии стасиса, и в качестве пункта назначения оба раза были указаны склады некоего герра Полифанта Сасони, Инопланетный базар, Арсдред. Последний контейнер значился в ее накладной как «образцы товара». Она последовала за тележкой к причалу шаттлов, думая о завтраке.

Кен Рик взял у Присциллы документы, проверил цифры, хмыкнув, одобрил распределение веса и взмахом отправил ее в шаттл.

Присцилла автоматически направилась к креслу второго пилота, но ее спутник резко ее одернул.

— Ты совсем тупая? — спросил он, сам занимая кресло второго.

Присцилла недоуменно смотрела на него, пока он с досадливым фырканьем не указал на пульт управления. — Давай, женщина! Не заставляй меня зря тратить время!

— Вы хотите, чтобы это я отвела шаттл в порт?

— Нет, я хочу, чтобы шаттл летел сам по себе, — с удовольствием огрызнулся Кен Рик. — Мне сказали, что ты пилот. Вот и пилотируй.

Он сложил руки на груди поверх сетки безопасности, откинулся назад и закрыл глаза.

Присцилла пристегнулась в кресло пилота. Сначала медленно, а потом увереннее ее пальцы начали двигаться по пульта управления, выводя данные о вращении, расстоянии, скорости ветра, состоянии верхних слоев атмосферы... Затем она выбрала траекторию полета, получила место посадки и дала сигнал готовности.

Они отошли от «Долга» аккуратным кувырком, полетели по направлению к планете по нужной дуге, через несколько мгновений вошли в атмосферу почти без удара и выполнили подлет, подтвержденный диспетчером порта. Ветер немного мешал, но ей удалось вести шаттл ровно. Она прикусила нижнюю губу, но пальцы ее уверенно двигались по пультам.

По-лебединому плавно они опустились на площадку. Присцилла еще раз проверила показания приборов и отключила управление, затем повернула рычаги, фиксировавшие люк, и отстегнула сетку.

Кен Рик уже вставал со своего кресла.

— Неплохо, — ворчливо проговорил он, — для первой попытки. Присцилла ухмыльнулась.

— Высокая похвала.

Кен Рик только хмыкнул и отвернулся.

ИНОПЛАНЕТНЫЙ БАЗАР АРСДРЕДА

728 ГОД ПО МЕСТНОМУ КАЛЕНДАРЮ УТРЕННИЙ БАЗАР

— И кроме того, — сказал толстяк в ярко-синей накидке, — у нас есть четырнадцать дюжин огнекамней самого высокого качества во множестве цветов — двойная радуга! Несомненно, почтенный купец сочтет необходимым приобрести столь достойный товар.

Шан осторожно затянулся кальяном, который хозяин так любезно ему предложил. Дым был наркотическим: слегка для человека, сидевшего напротив него, гораздо более значительно — для лиаидийца, даже крупного и хорошо подкрепившего свои силы антиинтоксикантами.

— Огнекамни, — проговорил он, задумчиво выпуская кольцо дыма. — Но почтенный торговец шутит! Почему мне может захотеться покупать огнекамни какого бы то ни было качества, когда ими торгует вся галактика? Выгоднее возить лед. Или атмосферу.

Толстяк улыбнулся все так же жизнерадостно.

— Я вижу, что почтенный купец — человек разборчивый, со вкусом к прекрасному и редкому. По счастливому стечению обстоятельств на наших складах имеется также тусодийский шелк первого прядения, элбамийская настойка, эссенция джоберкерни, ферленг пракилли, табак — подобный тому, которым мы сейчас наслаждаемся...

Почтенный купец зевнул и выпустил еще одно колечко.

— Герр Мината, прошу меня извинить! Когда герр Сасони упоминал о вас — о ваших складах, о редкостях... Но я неправильно понял! Я недостаточно владею вашим языком. Тысяча извинений за то, что я потратил ваше время, сударь! Поверьте, я ваш покорный...

Он встал, отвесил поклон — скорее любезный, чем виноватый — и собрался уйти.

— Мастер-купец!

Он повернулся обратно, и на его лице отразилась озабоченность.

— Да, герр Мината? Чем я могу быть вам полезен?

Толстяк опустил глаза и начал теревить складку накидки.

— Возможно, мы могли бы поговорить еще раз, — деликатно предложил он.

— Это было бы приятно! — отозвался Шан с нескрываемым удовольствием. — У нас, как всегда, будет павильон на Охряной площади на территории порта. Вам его любой покажет. Пожалуйста, приходите. Я буду весьма счастлив вас там видеть.

Он снова поклонился и повернулся к выходу. На этот раз торговец не стал его удерживать.

Оказавшись на улице, Шан втянул в себя пропеченный воздух и позволил себе секунду торжества. Эта рыбка попалась — тут можно было не сомневаться. Ферленг пракилли — вещество, которое для одних было просто духами, а для других — необходимой составляющей религиозных ритуалов. Тусодийские шелка... Перед его мысленным взором предстал образ Присциллы Мендоса, закутанной в прозрачный гранатовый шелк.

А вот этого не надо, сурово сказал он себе, прогоняя это видение и сливаясь с потоком пешеходов, направляющимся на инопланетный базар. Контейнер с образцами уже должен быть доставлен, а у Кен Рика наверняка найдется что сказать, если его капитан не явится на установку павильона на Охряной площади.

Партию товара пришлось доставить на склад герра Сасони, где она была передана очень деловому молодому человеку, который сначала осмотрел упаковку и серьезно пересчитал ящики — и только потом подписал накладные и вручил их обратно.

Возвращаясь на Охряную площадь к Кен Риду, Присцилла неспешно двигалась в потоке пешеходов и тележек, растягивая

первую возможность побыть наедине с собой после вчерашней стычки с Дагмар.

Временная лицензия второго класса у нее в кармане не оказалась ни поддельной, ни иллюзорной. Подтвержденная мастер-пилотом Шаном Йос-Галаном, она была выдана и зарегистрирована арсдредским отделением Галактического союза пилотов.

Пилот — даже с временной лицензией второго класса — никогда не останется без работы, думала она, аккуратно поворачивая на грузовой тележке за угол. Красно-желтая карточка у нее в кармане была залогом надежного и respectable будущего, она обещала возможность передышки, если таковая ей потребуется после прилета на Солсинтру. Ей можно будет даже не сразу искать новое место!

Приближаясь к более густому потоку движения, она снизила скорость, а потом остановилась: стало ясно, что водитель тележки, застрявшей боком поперек проезда, не сразу сможет исправить свою ошибку. Она со вздохом выпрямилась и рассеянно скользнула взглядом по людной улице.

Как здесь было непохоже на Джанкалим! Воздух наполнял завывание двигателей грузовых тележек и более басовитый гул монопоездов, бегущих по лабиринту эстакад и рельсов, накрывавшему порт сверху. И, конечно, голоса: громкие разговоры, песни, споры.

Присцилла зевнула и попыталась ухватить ускользающую нить мыслей. Она еще не посмотрела свой контракт. Этим она займется в первую очередь, как только кончит смену. А потом она поговорит с капитаном.

Скользя глазами по оживленной яркой толпе, она подумала, что ей необходимо будет поговорить с капитаном о нескольких вещах. То, что он вернул ей ее имущество, оставалось загадкой. Лина сказала что-то относительно того, что «ей причитается», но в этом не видно было никакого смысла. Она — землянка. Ни одному лиадицу не придет в голову, что его честь требует вести с ней счеты. А если возвращение ее вещей подсказано не чувством чести, то тогда что же, во имя Богини, означают подаренные серьги?

Присцилла вдруг села прямее и пристально всмотрелась в толпу: она заметила знакомую массивную фигуру, которая только что свернула на Турмалиновый проезд.

Дагмар.

Ее руки судорожно стиснули рычаг управления. Она шумно выпустила воздух сквозь зубы.

«Прекрати это! — строго приказала она себе. — Чтобы та, кто служила Богине, испытывала ненависть к собрату...»

Она резко сглотнула и мысленно вернулась к дружескому теплу — чтобы встретить насмешку даже там. Хорошая работа, Лина?

— Ну же, ласточка, двигай! Путь свободен!

Присцилла встряхнулась, механически включила скорость и снова направила тележку вперед, решительно отказываясь думать о чем бы то ни было.

— Не торопилась, однако? — спросил Кен Рик, но с таким видом, что было ясно: ответа он не ждет. — Понравился заведующий складом?

— Поперек Коралловой площади застряла грузовая тележка, — бесцветным голосом ответила Присцилла, слезая на землю и подавая ему накладные.

Он взял документы и пристально посмотрел на нее. Присцилла пожала плечами. В конце концов, пристальные взгляды были для старого суперкарга делом обычным.

— Ладно, — сказал он спустя несколько секунд. — Помогите мне с образцами. Когда придет капитан, павильон будет установлен.

— А капитан пришел, так что работу можно продолжить без пауз, — заключил этот джентльмен, с улыбкой направляясь к ним. — Слава богам. Я был уверен, что опаздываю, и ожидал получить выволочку, мастер Кен Рик!

— Вы — плохой мальчик, капитан, — сурово отозвался старик.

— Ну вот, мои ожидания оправдались! Спасибо тебе, дружище. А теперь... — Он медленно повернулся, оценивая своих непосредственных соседей. — Прекрасно, рядом — нечто временно-постоянное. Мы будем его игнорировать, наслаждаясь сознанием собственного превосходства. Юго-восточный угол, полагаю, Кен Рик: так наш нерлигг привлечет к себе больше внимания. Товар герра Сасони благополучно доставлен?

— Присцилла Мендоса только что вернулась со склада. Полет в порт прошел превосходно.

— Превосходно? — спросила Присцилла. — Вы мне сказали — не слишком плохо.

Кен Рик хмыкнул и нырнул с головой в ящик с образцами.

— Это он дал волю чувствам, — объяснил капитан. — С Кен Риком такое случается довольно часто. Моему отцу неоднократно приходилось делать ему замечания по этому поводу.

Объект этой откровенной лжи обернулся и пронзил его суровым взглядом.

— Вы собираетесь помочь мне ставить павильон?

— Абсолютно! Ничто не заставит меня пропустить такое мероприятие! Я только что имел просто чудесную беседу с торговцем герром Минатой. Мы могли бы продолжать ее часами, настолько мы сходились с ним во всех важных вопросах. Но, извиняясь, я сказал ему — нет, я просто обязан идти ставить павильон, потому что мастер Кен Рик держит меня в ежовых рукавицах.

У Присциллы вырвался тихий звук — нечто среднее между чиханием и кашлем. Капитан посмотрел на нее с любопытством.

— Вы здоровы, госпожа Мендоса?

— Совершенно здорова, сэр. Благодарю вас.

Она взялась за скользкую ткань павильона, упорно не поднимая глаз.

— А теперь, — объявил Кен Рик, пихая край ткани капитану в руки, — мы начнем.

Им далеко не сразу удалось уложить углы так, чтобы Кен Рик остался доволен. В конце концов они сумели это сделать, после чего клапаны были закрыты и павильон начал надуваться.

Присцилла отошла немного в сторону и, наблюдая за первым волнообразным подъемом, заметила краешек бронзы на фоне ярко-желтой ткани и наклонила голову, словно приветствовала друга.

— Корвал — это дракон или дерево? — спросила она, ни к кому в особенности не адресуясь.

— Ни то, ни другое, — ответил капитан, — или оба. Дерево — это Джелаза Казон, оно первоначально было символом Клана Торвин, линия Йос-Фелиум. Дракон — это Мегелаар, Клан Алкиа, линия Йос-Галан. Вместе они — Клан Корвал.

Присцилла слегка сдвинула брови.

— Два Клана соединились, чтобы создать один?

— Ну, дело в том, — с улыбкой сказал он, — что на самом деле у них не было выбора. Кантра Йос-Фелиум была единственным представителем своего Клана на корабле переселенцев (когда он приземлился на Лиад, понимаете?), если не считать ее неродившегося ребенка. Тор Ан Йос-Галан был в том же положении. То есть он не был беремен, так что, возможно, его положение было даже хуже. Она была пилотом, а он — вторым пилотом. Когда они наконец нашли планету — благополучно посадили корабль, — Кантра попросила его, чтобы он вырастил ее наследника в том случае, если с ней что-нибудь случится. Он согласился на это, бедное дитя: он готов был отказаться от Алкии и войти в Клан Торвин. Но, похоже, Кантра вдобавок ко всем своим прочим недостаткам была человеком справедливым, так что Торвин и Алкиа прекратили существование, и возник Клан Корвал. — Он нетерпеливо пошевелил плечами. — Семейная история. Но вы сами спросили.

— Конечно. Ваш Клан возник, когда корабль прилетел на Лиад?

Присцилла продолжала хмуриться. Ей казалось, что все это было очень давно.

— Юный дом, — жизнерадостно объявил капитан. — Выскачка. Некоторые могут проследить свою историю до Старого Мира. Например, семейство Сав Рида...

— Капитан, — окликнул его Кен Рик с сиденья тележки, — я поеду к Тессел и узнаю, есть ли новости. Если вы не предпочтете поехать сами.

— Я, — ответил капитан, — предпочту запачкать руки, устанавливая нерлигиг. Безусловно, отправляйтесь к Тессел. И пожалуйста, произнесите все те вежливые слова, которые, похоже, ей так нужны, чтобы чувствовать себя комфортно.

Кен Рик неожиданно ухмыльнулся. Тележка легко влилась в поток транспорта, направлявшегося на запад.

Капитан неспешно прошел к ящику с образцами, покопался в нем некоторое время и вынырнул с набором инструментов в одной руке и темным нерлигигом в другой.

Бросив инструменты на землю, он сел на ящик перед медленно надувающимся павильоном и положил нерлигиг себе на колени.

— Можно с тем же успехом провести время ожидания с пользой, — пробормотал он с таким видом, словно цитировал чьи-то слова. — Почему бы вам не пройтись, госпожа Мендоса? Здесь для вас сейчас дел нет.

Присцилла помедлила, задетая его небрежным предложением уйти. Однако он продолжал склоняться над механизмом, делая в нем какие-то — видимо, необходимые — изменения, так что в конце концов она обиженно удалилась.

Охряная площадь была оживленным торговым участком в тени станции монорельсовой дороги. Жужжание поездов смешивалось с постоянным завыванием грузовых тележек. Присцилла смотрела на витрины и палатки других купцов с такого расстояния, которое говорило о том, что она к числу покупателей не относится. Нескольких вещей показались ей соблазнительными, и она пожалела о своих потерянных деньгах. Надо полагать, Дагмар присвоила ту наличность, которую нашла в каюте Присциллы на «Даксфлане».

Когда Присцилла лениво направилась обратно к уже полностью надувшемуся павильону с его приметными драконом и деревом, Шан по-прежнему был поглощен своим делом. Присцилла вдруг поняла, что ей очень приятно смотреть, как он что-то терпеливо отлаживает. Его большие ловкие руки умело обращались с инструментами.

Нахмурившись, она покачала головой. У нее не было абсолютно никаких оснований получать удовольствие от присутствия капитана — однако она уже дважды ясно испытала такое ощущение. И она была отнюдь не уверена в том, что ей следует это приветствовать. Она раздраженно отвела взгляд.

Тележка ехала без водителя. Она ускоряла движение, чему способствовал двойной груз, зажатый в переднем манипуляторе. И она должна была вот-вот столкнуться с павильоном «Долга».

Потом Присцилла так и не смогла вспомнить, бежала ли она или просто перелетела то расстояние, которое их разделяло. Она

ударилась о капитана со всего разбега, заставила скатиться с ящика, покатилась сама, когда он вывернулся из-под нее, слыша вблизи от себя звуки разрушений. И, наконец, задыхаясь, ударилась о стенку временно-постоянного павильона.

Полная ужаса, она поднялась на колени.

Шан лежал неподалеку от нее, спиной к стене. Глаза его были закрыты. Если он и дышал, то делал это очень тихо.

— Капитан? — прошептала она и приложила ладонь к его щеке.

Разлетающиеся брови сдвинулись, темные ресницы стремительно поднялись.

— Не делай этого, Присцилла.

— Хорошо. — Она уронила руку и неуверенно посмотрела на него. — Вы не ранены?

— Нет, — отрывисто бросил он. — Я не ранен.

Он сел и посмотрел ей за спину. Серебряные глаза казались невероятно огромными. Присцилла обернулась.

Павильон исчез, нелепо накрыв нечто, что билось, раскачивалось и завывало, словно пойманный в сеть вильмабий. Вокруг начала собираться толпа.

— Твою руку, Присцилла, пожалуйста, — попросил капитан, продолжая смотреть на место катастрофы.

Она встала и протянула ему руку. Он принял ее помощь и взял ее за руку. Его пальцы легко сомкнулись вокруг ее запястья.

— Капитан? — тихо проговорила она. Ей не хотелось поднимать эту тему, но она понимала, что это необходимо. — Я недавно видела Дагмар на Турмалиновом проезде.

— Она имела право там находиться, Присцилла: это порт. А, полисмен! Как мило.

Он направился к представителю власти. Поскольку он продолжал держать Присциллу за руку, она пошла с ним.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

143-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ВТОРАЯ ВАХТА 10.30

К счастью, в библиотеке было пусто. Сейчас у Присциллы не было желания ни с кем разговаривать. Даже с Линой. У двери в библиотеку любимцев она нашла установленный в стороне от других экран и уселась за него, неловко нажимая клавиши.

Разговор с полисменом в порту был интересный. Высвобожденная из-под опавшего павильона тележка была опознана одним истощенным джентльменом в вишневом с белым одеянии как собственность его нанимателя, некоего герра Рейеса. Он заметил ее отсутствие приблизительно за двадцать минут до происшествия и сообщил о ее исчезновении полиции, прежде чем начать довольно длительное пешее возвращение в город. По случайному совпадению он как раз свернул на Охряную площадь, когда Дерево и Дракон внезапно завопили, содрогнулись и опали.

Быстрый осмотр полисмена на месте происшествия показал, что на рычаге управления вообще отсутствуют какие бы то ни было отпечатки.

В этот момент Присцилла открыла было рот. Пальцы капитана на секунду сжались на ее запястье. Присцилла молча закрыла рот.

Это происходило еще три раза в течение разговора капитана с полисменом, и один — когда он говорил с явно потрясенным Кен Риком. Затем капитан перепоручил Присцилле Кен Рик и велел ему отвести ее в шаттл.

— Что? — вскрикнула она. — Но почему?

Капитан спокойно встретил ее взгляд.

— У тебя была трудная смена, Присцилла. Можешь отдыхать до ее окончания, а в час зайди ко мне. Возвращайтесь как можно скорее, Кен Рик. Нам предстоит немало работы. Я пока поговорю с клерком торговца Рейеса.

Мелодичный звон компьютера вернул Присциллу к настоящему. Она ввела свои команды, а потом несколько беспокойных мгновений ждала, пока не был найден и открыт нужный файл.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК. ПРИСЦИЛЛА ДЕЛАКРУА И МЕНДОСА.

Она начала нетерпеливо его пролистывать, а потом вдруг нажала кнопку «Пауза» и вернулась к предыдущей странице.

«1385 год по стандартному календарю, Тулон. Временно — «Даксфлан», суперкарго. Перевод на Джанкалиме по соглашению на «Исполнение Долга», пилот (врем. второй), библиотекарь. Дополнительные замечания: может командовать; начата подготовка на должность второго помощника».

Она перечитала эту запись дважды, каждый раз начиная сначала и внимательно прочитывая каждую строчку. В списке не было упоминаний о воровстве и побеге с корабля. «Перевод на Джанкалиме по соглашению».

В конце записи она снова сделала паузу, изумленно глядя на подтверждение регистрационного центра на Ван Дике. Оно было датировано двумя стандартными неделями раньше.

— Не может быть, — сказала она экрану.

Но слова не менялись. Она еще раз их перечитала, а потом ввела следующую команду.

«Контракт подписан между Присциллой Делакруа и Мендоса с одной стороны и Шаном Йос-Галаном в качестве капитана «Исполнения долга» с другой стороны. Первая сторона обязуется выполнять обязанности, сопряженные с должностью библиотекаря любимцев, а также проходить обучение пилотированию каждую девятую вахту неукоснительно, а также выполнять любую дополнительную подготовку или поручение, которые вторая сторона сочтет разумными и справедливыми».

Присцилла откинулась на спинку кресла. Вот оно. Она мимолетно — и запоздало — вспомнила совет, полученный гораздо более юной Присциллой: «Вот что я тебе скажу, малышка. Никогда не подписывай лиадийских контрактов. Не важно, насколько внимательно ты их читаешь. Если они отказываются подписывать твой, отказывайся от сделки. Так безопаснее».

Однако не было ничего дурного в обучении на второго помощника. Она предпочла бы, чтобы ей об этом сообщили, но не сомневалась, что намерения у капитана были добрые.

И только когда она давно погасила экран и ушла из библиотеки, ей вдруг пришло в голову задуматься над тем, почему она в этом не сомневается.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

143-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

16.00

Присцилла вышла из лифта и решительно направилась в рабочий кабинет капитана. На ней были желтая рубашка и защитные брюки, те же самые, что были в тот день, когда она впервые шла по этому коридору. В кармане у нее лежала временная лицензия пилота второго класса. Остальное ее имущество осталось в каюте, которая была отведена ей. Аккуратная стопка одежды лежала рядом с приготовленной для нее пластиковой коробкой. Ей надо не забыть сказать капитану, чтобы он предложил ее браслеты какому-нибудь коллекционеру. Поскольку они представляют собой редкость, то заплаченная за них цена должна компенсировать значительную часть ее долга перед кораблем.

Она завернула за угол рядом с шестым трюмом — и чуть было не налетела на Кэйзин Не-Зейм.

Первый помощник опомнилась первой и адресовала ей неожиданный поклон: такой низкий, какой положен капитану. Причем он сопровождался странным жестом, который Присцилла совершенно не поняла.

— Рада вас встретить, Присцилла Мендоса, — проговорила Кэйзин быстро и непринужденно — совсем не так, как обычно. — Мне давно следовало попросить у вас прощения за свое поведение несколько вахт тому назад, когда мы разговаривали недалеко от центрального компьютера. — Она сделала глубокий вдох и подняла голову. — Пожалуйста, извините меня. Я была невежлива и вела себя неправильно.

Присцилла моргнула, немедленно овладела собой и, в свою очередь, поклонилась, хотя и не так низко. Не стала она пытаться и повторить незнакомый жест первого помощника.

— Окажите мне честь и забудьте о происшедшем, Кэйзин Не-Зейм. Я сделаю то же.

Лиадийка наклонила голову.

— Вы очень добры. Будет так, как вы сказали. А теперь я с вами прощусь.

— Всего вам доброго, Кэйзин Не-Зейм, — пробормотала Присцилла, прижимая ладонь к двери капитана.

— Входи!

Он стоял, зацепив большие пальцы за ремень брюк, склонив свою яркую голову над шахматной задачей. Присцилла заметила, что задача уже новая, и мельком подумала, было ли все-таки у предыдущей решение. Когда дверь за ней закрылась, он поднял голову и улыбнулся.

— Привет, Присцилла. Ты хорошо отдохнула в прошлую вахту?

— Я навестила Мастера Фродо, — ответила она, нерешительно остановившись между стульями у рабочего стола и диваном.

— Очень приятное общество. По крайней мере я всегда находил его таковым. Кен Рик определяет его как смертельно симпатиченькое. Но Кен Рик нравятся змеи. Что я могу тебе налить?

— Спасибо, капитан, ничего.

Она остановила выбор на одном из кресел у его стола, подошла к нему и пристроилась на подлокотнике.

— Ничего? — Разлетевшиеся брови сдвинулись. Он направился к ней. — Ты сердита, Присцилла? Или это я сержусь? Если это я, то уверяю тебя, что это не так. А если ты... Но ты ведь понимаешь, что я должен был отправить тебя обратно на корабль? Было бы непросительно оставить тебя в порту, тем более что я уже подверг тебя такой опасности.

— Вы подвергли меня опасности? — Она изумленно уставилась на него. — Все обстоит совсем наоборот, капитан! Это я подвергла опасности вас. Вот почему я предпочла бы не принимать ваше предложение выпить. Я задержу вас ненадолго. — Она заставила себя спокойно встретиться с ним взглядом. — Мне кажется, что мне разумнее всего немедленно покинуть «Долг».

— Вот как? — Он немного помолчал. — Какое странное понимание разумности! Но если бы ты задержалась достаточно надолго, чтобы выпить, Присцилла, что бы ты предпочла? Вопрос чисто теоретический, конечно.

Светлые глаза смотрели на нее с насмешкой.

— Пустые догадки, поскольку я так долго не задержусь, — четко произнесла она. — Я пришла только для того, чтобы сказать...

— Что тебе разумнее всего немедленно покинуть «Долг», — прервал ее капитан и поднял обе руки, прося прощения. — Ты это уже сказала. Я тебя слышал. А теперь, Присцилла, пожалуйста, слушай внимательно: это очень важно. Ты могла бы хотя бы немного подумать о моем отношении к этому вопросу. Я хочу пить, ты рассказываешь бессмысленные истории, которые с тем же успехом можно было бы поведать, выпив со мной рюмку вина, как положено человеку цивилизованному. — Он склонил голову набок. — Пожалуйста, постарайся быть хоть немного вежливой, Присцилла.

Она почувствовала прилив смеха, но проглотила его — не слишком успешно. У нее вырвался тихий звук, похожий на икоту.

— Красное, пожалуйста, — сказала она, глядя на него с возмущением.

— Красное, — повторил он, направляясь к бару. — Прекрасный выбор, как тебе скажет даже Горди. Хотя, конечно, нет ничего плохого в белом, зеленом или даже голубом. И красное не испортит тебе аппетит перед главной трапезой. Ты ведь отобедаешь со мной, правда, Присцилла? Признаю, что мне следовало сначала узнать, нет ли у тебя других планов, но мне показалось невежливым пригласить тебя для разговора в обеденное время, а потом лишить обеда.

Она отпила немного вина и сделала новую попытку.

— Капитан, но вы же не можете не понимать, что чем дольше я останусь с вами — на «Долге», — тем большая опасность вам будет угрожать? Если я уйду, то вы...

— Присцилла, у тебя прискорбная склонность упираться во что-то одно, — прервал он ее, усаживаясь на край стола и покачивая ногой.

Она сжала зубы и встала.

— Спасибо вам за все, что вы сделали, капитан, но мне действительно надо идти.

— А ты не можешь этого сделать, Присцилла: у тебя контракт. Ты обязалась оставаться на этом корабле до Солсинтры. Это —

четыре месяца, в соответствии с нашим маршрутом. У тебя ведь нет денег, чтобы заплатить отступные, правда? Так я и думал. — Он приветственно поднял рюмку. — Похоже, ты застряла, дитя мое. С тем же успехом можешь сесть и допить вино.

— Я не дитя!

— Ну откуда же мне это знать, если ты упорно ведешь себя, как ребенок? Право, тебе следовало бы обуздать свою страсть к мелодраме и заявлениям об уходе.

— К мелодраме! — Она бросила на него возмущенный взгляд, опасно сжимая ножку рюмки. — По крайней мере я не самодур и...

— Самодур?

— Самодур, — с удовольствием подтвердила она. — И диктатор. И упрямец. Как будто вы не видите, почему...

— Самодур! Ну уж... Присцилла, когда мы вернемся на Солсин-тру, я обещаю познакомить тебя с теткой моего брата, Карин. И ты еще называшь меня самодуром! Но до этого тебе придется заняться высоким лиадийским — произношение у тебя ужасное. И еще одно! Как ты посмела заявлять о своей глубочайшей радости видеть меня? Неужели ты совсем не знаешь, что такое пристойность? Я же с тобой почти не знаком!

— И не познакомьтесь, — объявила она, внезапно успокоившись. Она поставила рюмку на край стола. — Потому что я уйду. Наплевать мне на все контракты. Можете подавать на меня в суд.

— Не собираюсь. Но я тебя арестую, если ты меня к этому принудишь. — Он стоял перед ней, и лицо его стало совершенно серьезным. — Присцилла, ну будь же хоть немного благодарна! Неужели ты не понимаешь, что сегодня днем ты спасла мне жизнь?

Она изумленно открыла рот, борясь с желанием схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть.

— А вы это понимаете? Вы ведете себя так, будто... Капитан ЙосГалан, если вы это знаете, тогда отпустите меня! Вы же не можете не видеть, что чем скорее я исчезну, тем скорее вы окажетесь в безопасности! Вас перестанут пытаться убить...

— Нет, погоди. — Большая теплая рука сжала ее локоть. — Присцилла, пожалуйста, — сделай мне одолжение. Сядь, пожалуйста... Вот твоя рюмка. А теперь, пожалуйста, скажи мне, что произошло сегодня в порту.

Она осторожно села, взяла рюмку и сделала один глоток, умеря сердцеебие и призывая спокойствие.

— Вы знаете, что там произошло, капитан. Вы там были.

— Я там был, — подтвердил он, снова приставиваясь к краю стола. — Но я лиадец. Ты — землянка. Судя по твоим словам, оказывается, что в нашем представлении произошли две совершенно разные вещи. — Он подался вперед, пристально глядя ей в лицо. — Расскажи мне, Присцилла. Пожалуйста.

Она сделала еще один глоток вина и посмотрела прямо ему в глаза.

— Сегодня кто-то намеренно попытался убить вас, направив на вас грузовую тележку, заклинив ручку управления и выпрыгнув из нее. По милости Богини, я оказалась достаточно близко, чтобы оттолкнуть вас в сторону. — Она судорожно вздохнула. — Я полагаю — хотя и не могу представить никаких доказательств, — что попытку убить вас сделала Дагмар Коллиер. Я также полагаю, что приказ отдал Сав Рид Оланек, который нанес по вам удар потому, что вы предоставили мне убежище. Так что если я уйду с «Долга», заявлю о себе как свободном действующем лице, покушений на вашу жизнь больше не будет.

— Вот оно, — тихо проговорил он, чуть сдвинув брови. — Зачем жертвовать собой, чтобы обеспечить мне безопасность, Присцилла? Конечно, если признать все сказанное вами за истину.

— Я принесла вам опасность, — терпеливо разъяснила она. — Только справедливо будет, если я ее унесу. Это — долг чести.

— Правда? — Он поднял было рюмку, но передумал и опустил ее снова. — Тогда, боюсь, у нас конфликт чести. Кодекс, в котором я вырос, утверждает, что, поскольку я был настолько невнимателен, что тебе пришлось спасать мне жизнь, я стал твоим должником. Даже если не принимать во внимание то, что разрешить тебе уйти значило бы совершить убийство — если моя оценка характера госпожи Коллиер верна, — я обязан предоставить тебе защиту корабля. Или, вернее, моих возможностей. Отослать тебя отсюда — беззащитную и неподготовленную, — чтобы отвлечь от меня опасность, было бы безумием чистой воды. И к тому же совершенно бесчестно. Было бы гораздо разумнее — и не нарушало бы кодекс чести... и долга! — остаться в относительной безопасности и воздать им то, что им причитается.

На этот раз он выпил вина — медленно, а потом опустил рюмку и покачал головой.

— Дело в том, Присцилла, что ты не знаешь правил. Я готов признать, что присоединение к игре тебя и госпожи Коллиер немного изменило положение, но не настолько, чтобы это играло большую роль. Основные моменты определенно не изменились. Я говорю достаточно мрачно или мне завернуться в черный плащ и насмешливо захихикать?

— А вы смогли бы захихикать? — с интересом спросила она.

— Скорее всего нет. — Он ухмыльнулся. — Но я буду очень стараться, если это убедит тебя уступить моему самодурству, диктату и... что там было третье?

— Упрямство, — подсказала Присцилла, хоть у нее и хватило совести покраснеть.

— Достаточно правильная оценка моих недостатков. Хотя ты упустила любопытство и привычку вмешиваться не в свои дела. Кстати, твои подозрения относительно Сав Рида несправедливы. Я не думаю, чтобы он приказал меня ликвидировать. Мне представляется, что госпожа Коллиер действовала по собственной инициативе. Сав Рид — человек ограниченный даже в своей глупости. А убивать меня было бы чрезвычайно глупо. — Он сделал глоток вина. — И потом, я не думаю, что мне удалось настолько сильно его испугать.

Она моргнула.

— А вы пытались? О, серьги!

— Серьги. Но, похоже, это только подвигло госпожу Коллиер на неразумный поступок. Прискорбно. Сав Риду следовало бы тщательнее отбирать своих людей. Я посмотрел послужной список госпожи Коллиер. Пустое любопытство, как ты понимаешь. Она была десантником. Уволена с позором. Осложнения с сослуживцами. — Он наклонил голову. — Я сказал, что она была десантником, Присцилла. Пожалуйста, будь внимательна. Насколько ты была близка к тому, чтобы убить ее?

— Я не... — Она не смогла выговорить лжи, опустила глаза, а потом снова посмотрела на капитана. — Она так медлительна! Но я ошиблась насчет ножа, так что это она почти убила меня, а не наоборот.

— Ошибка по неопытности, надо полагать. Не думаю, чтобы такое повторилось. Прости меня, Присцилла. Мне это показалось разумным.

Это высказывание оказалось еще более непонятным, чем обычно. Она решила запомнить его, чтобы обдумать позже.

— А каковы правила, капитан?

— Правила... — Он замолчал и задумчиво посмотрел на нее. — Чью жизнь ты сегодня спасла, Присцилла?

— Шана йос-Галана, — ответила она недоуменно.

— Вот как? Хорошо. Это немного упрощает дело. Так, о чем... А, правила! А ты не хочешь сначала услышать историю? Мне всегда удобнее соотнести правила с чем-то конкретным, а тебе? Моя отвратительная память! Но, может, у тебя она лучше.

— Она просто ужасная, — серьезно сказала она. — Я предпочту выслушать историю.

Он улыбнулся.

— Неплохо, Присцилла. Если немного поупражняешься, то будет получаться довольно убедительно. Еще вина? Нет? Ну ладно.

Он опустошил рюмку, поставил ее в сторону и сцепил пальцы рук на колене.

— Для простоты дела, — задумчиво проговорил он, — мы скажем, что история начинается с клана Племя, семьи Сав Рида.

Очень старый и весьма уважаемый дом. Но последние лет сто по стандартному календарю у него началась тяжелая полоса, так что денег... ну, стало не так много, как прежде. Состояния растут и состояния убывают. Положение Племя хотя и неприятное, но не отчаянное. Есть все основания полагать, что должная осторожность и кропотливый труд помогут им восстановиться. Со временем.

Он помолчал, потом пожал плечами.

— К сожалению, оказалось, что Сав Рид — человек нетерпеливый. Он желает поднять Племя на вершину прямо сейчас. Полагаю, он долго ломал себе голову и наконец придумал прекрасный план: взять себе спутницу жизни. У него есть происхождение, манеры, привлекательное лицо, изящная фигура — чрезвычайно завидный мужчина во всех отношениях. Не стоит и говорить о том, что представитель клана Племя может жениться на ком пожелает.

Присцилла улынулась:

— И вот как получилось, что он сделал предложение вашей сестре.

Капитан ухмыльнулся.

— Ну, это действительно не лишено смысла, знаешь ли. Нова — совершеннолетняя и может выбирать себе в мужа или спутники жизни кого захочет. У нее есть происхождение, манеры, привлекательное лицо, изящная фигура... И, по счастливому стечению обстоятельств, она весьма богата. Нет причин, чтобы они не были друг с другом счастливы.

У Присциллы вырвался странный звук — не икота и не чиханье, а смешок. Гортанный и откровенно веселый.

— Но она бесцеремонно отправила его восвояси.

— Вот именно. Но ее терпение подверглось суровому испытанию, знаешь ли. Дурачок отказался принять отрицательный ответ. Он все делал и делал ей предложения. В тот последний раз он появился к ней с утренним визитом единственно для того, чтобы снова убеждать ее согласиться. — Он вздохнул. — Мы все не отличаемся мягким характером. Йос-Галаны — очень вспыльчивая семья. А ЙосФелиумы еще хуже. Как бы то ни было, тот утренний визит оказался последней мерзкой каплей, и она его вышвырнула вон. — Он серьезно посмотрел на Присциллу. — Мне бы не хотелось, чтобы ты плохо о ней думала, Присцилла. Она честно очень старалась быть вежливой.

— Я в этом не сомневаюсь. Очень раздражает, когда люди не верят тому, что ты им говоришь. — Ее улыбка погасла. — Но если возникла... вендетта... то она со стороны купца Оланека, так ведь, капитан? Если ему захотелось считать, что ваша сестра его оскорбила?

— Мне следовало заранее предупредить тебя, — сказал капитан, со вздохом беря в руку пустую рюмку, — что это — довольно долгая история. Не хочешь еще вина? Когда говоришь, всегда хочется пить.

— Казалось бы, вы должны к этому привыкнуть.

— Ты несправедлива ко мне, Присцилла. Я часто молчу. Например, если верить сообщениям, я почти никогда не разговариваю во сне.

Он уже стоял у бара. Она повернула стул за ним, впервые обратив внимание на то, как сидит на нем рубашка, какая выделка у ремня, как плавно падает ткань от колена до стопы. Он всегда был одет с безупречной простотой. И только теперь она поняла, что ткань была дорогая, а покрой идеально подогнан под фигуру. Это не готовая одежда из автомата или со склада!

Он обернулся, изгибая брови.

— Да?

— Вы говорили, что ваш Клан — Корвал — возник недавно?

Она смущенно замолчала, не представляя себе, как можно вежливо закончить этот вопрос.

Он улыбнулся и подал ей рюмку.

— О, мы достаточно уважаемы. В конце концов, мы можем проследить свою генеалогию до Кланов Торвин и Алкиа, а от них — до Старого Мира. Конечно, приходится сожалеть, что мой отец счел нужным допустить в Клан земную кровь, но я не знаю за земной кровью никаких недостатков. Пуристы могут хмуриться, но немного найдется таких Кланов, в истории которых не затесались бы где-нибудь землянин-другой. Мой брат говорит, что стайные черепахи просто зовут всех «кланами людей» и больше себя не затрудняют. Достаточно скоро — в соответствии с их взглядом на мир — мы все станем одной расой. Никаких землян. Никаких лиадийцев. Никаких полукровок. — Он приветственно поднял рюмку. — Готовы ко второй главе?

— Да, пожалуйста.

— Думаю, мы снова начнем с Сав Рида. Почему бы и нет? Он и Челса йо-Ваад относятся к Клану Племя. Челса — неплохой пилот, но мозгов у нее почти нет. Она делает то, что ей приказывает Сав Рид. Что печально.

А еще в этой истории фигурирует Шан йос-Галан, а он, прошу вас иметь в виду, глупец. — Он помолчал. Брови его чуть подергивались. — Ты что-то сказала, Присцилла?

— Я хотела узнать, как глупец мог стать мастер-купцом, — повторила она.

Он ухмыльнулся.

— Это легче, чем ты думаешь. И мой отец не мог требовать от меня меньшего. — Его лицо снова стало серьезнее. — Некоторое количество людей придерживаются мнения, что Шан йос-Галан глупец, Присцилла. В этом есть определенные преимущества. Чтобы ты не расстраивалась, могу сказать, что некоторое количество

других людей считают, что Шан Йос-Галан не глупец. Однако Сав Рид к их числу не относится.

Итак, продолжим. В ходе своих торговых операций Сав Рид закупил некоторое количество меззик-корня. Он очень быстро портится, но приносит большую прибыль, если направляешься с ним на Бриникс. Сав Рид направлялся, отсюда и корень. Он вылетел с системы Тулон к Бриниксу. И вернулся примерно через час после того, как «Долг» остановился у первой планеты Тулона. Вскоре я встретил Сав Рида в баре и услышал его рассказ. «Даксфлан» срочно вызван по делу клана Племя в другое место. Меззик-корень испортится раньше, чем он сможет его доставить на место. Не собираюсь ли я в сторону Бриникса? Может, я соглашусь купить партию по сходной цене, оказав тем самым помощь собрату-лиандийцу и при этом обогатившись?

Он пожал плечами.

— Это был хороший шанс, и я им воспользовался. Действительно бывает, что человека внезапно вызывают по делам клана, и ему приходится по мере возможности избавляться от груза. Мне ничего не известно было о почтенном купце, не считая того, что он досадил моей сестре (а это сделать несложно). Например, она очень редко бывает полностью довольна мной. Цена была уплачена, груз перевален. Завершив остальные дела, «Долг» вылетел из системы в сторону Бриникса — и обнаружил, что этот мир находится под медицинским карантинном и, по прогнозам, останется в этом состоянии в течение местного года, гораздо дольше того срока, когда меззик-корень начнет портиться.

Он замолчал, чтобы выпить вина.

— Главный диспетчер говорил вежливо, но не скрывал своего удивления. «Даксфлан» под командованием капитана Йо-Ваад был на орбите всего несколько дней тому назад и обещал доставить на Тулон известия о карантине.

Присцилла судорожно вздохнула.

— Сколько вы потеряли?

— Сорок кантр. Но зато я сильно укрепил и улучшил свою репутацию великопнейшего глупца, что надо считать прибылью.

Он покачал головой.

— К моменту нашего возвращения на Тулон эту историю знал уже весь купеческий клуб. Сообщение было доставлено через две минуты после того, как «Долг» сделал прыжок. «Даксфлан» улетел, взяв на борт нового суперкарго.

— И это было сделано... как компенсация за то, что ваша сестра его оскорбила?

Присцилла нахмурилась.

— А вот тут, — ответил капитан, — я не уверен. Нова достаточно взрослая, чтобы самостоятельно блюсти свою честь. Если Сав

Рид недоволен тем, каким он видит его характер, то искать удовлетворения следовало бы у нее. Конечно, он мог решить, что я запретил этот брак — в качестве Главы Семейства, понимаете? Я этого не делал и, наверное, не стал бы делать, если бы она остановила свой выбор на нем. Но это дело вообще прошло мимо меня. Я узнал обо всем уже задним числом и по кусочкам от Вал Кона (впрочем, от него все можно узнать только таким образом). Вал Кон был настолько любезен, что указал Сав Риду на дверь в тот его утренний визит.

Он пошевелил плечами — почти пожал ими.

— Но какова бы ни была причина, существует долг — уже некоторое время. Уверенность Сав Рида в том, что я слишком глуп, чтобы считаться достойным... — Он замолчал, сдвинув брови. — Вот что случается нечасто, — пробормотал он. — Извини меня, Присцилла, но мне не хватает знания земного. Это можно назвать «долговой партнер»?

Он отпил немного вина, с пристальной рассеянностью рассматривая узор ковра.

— Ну, назовем это долговым партнером, — решил он наконец. — Это звучит не так нелепо, как все остальные варианты.

Присцилла поерзала на стуле.

— Это произошло в системе Тулон?

Он поднял взгляд.

— Да. В начале нашего полета.

— И вы по-прежнему не оплатили ему за... милосердная Богиня! — сорок кантр?

Масштаб его убытков потрясал.

— Сорок кантр — это не самое главное. Я должен дать ему урок, чтобы впредь в обращении со мной он соблюдал вежливость и уважительность, не говоря уже о честности. — Он отпил вина, не сводя глаз с ее лица. — Для этого нужны время и тщательное планирование, Присцилла.

— Так что вы обрадовались, когда я явилась к вам с просьбой принять меня на борт, — сказала она, быстро делая выводы. — Я могла стать полезным оружием.

— Ради космоса, Присцилла, только не начинай снова преувеличивать! — Он остановился перед ней, подняв раскрытые ладони в успокаивающем жесте. — Я дал бы тебе работу, даже если бы Сав Рид был моим лучшим другом! Только безумец отказывается от человека с твоим потенциалом. — Он ухмыльнулся. — Глуповат — да. Сумасшедший — нет. И тут нет никакой благотворительности. Ты свою плату отработываешь.

— Правда? — спросила она, не поддаваясь соблазну проглотить эту лесть и успокоиться. — А когда я начну подготовку на второго помощника?

— А ты уже начала, — ответил он, медленно опуская руки. — Кен Рик о тебе очень высокого мнения. И Тони. И Лина. А также Сет, Вилобар, БиллиДжо, Расти и Мастер Фродо. Если все и дальше пойдет в том же темпе, то к Солсинтре у тебя будет достаточно опыта. Способности у тебя уже имеются. Ты сердисься, Присцилла? Разве тебе не хочется получить эту квалификацию?

— Конечно, я хочу ее получить, — раздраженно ответила она. — Просто я предпочитаю бы, чтобы мне об этом сказали, вместо того чтобы узнавать обо всем случайно.

— Самодурство, — печально проговорил он. — Я буду стараться с ним бороться, но не жди чудес. Я такой уже давно.

— Вы не намного старше меня, — сурово заявила она ему. — Как вам удался этот фокус с моим послужным списком — ведь он датирован прошлой неделей! И никаких упоминаний о воровстве и побеге с корабля.

— А! — Он вернулся к столу, снова устроился на его краешке и взялся за рюмку. — Боюсь, что это опять диктат и самодурство, Присцилла. Пожалуйста, будь ко мне снисходительна. — Он сделал глоток. — Я связался с капитаном «Данте», чтобы он дал более подробную характеристику, принял каждое его слово за истину и направил ваш новый послужной список по узкому лучу на ВанДик с пометкой, что данная запись аннулирует всю информацию, датированную более ранними числами.

Он торжествующе ухмыльнулся.

— Сав Рид испортил тебе послужной список в пределах сектора. Но он — скупердый, и курьерское сообщение будет идти на ВанДик несколько месяцев. Только представь себе его огорчение, когда он обнаружит, что его сообщение о твоей противозаконной деятельности вернулось с пометкой «Аннулировано приложенными данными». Как ты думаешь: он подаст официальную жалобу? И станет рисковать слушанием, на котором ему придется конкретно доказать твои так называемые преступления? Он будет настаивать на том, чтобы его очень отрицательный отзыв был включен в список рядом со всеми этими превосходными характеристиками? — Он приветственным жестом поднял рюмку. — Думаю, что нет.

— Вы направили данные по узкому лучу... Капитан, разве вы не знаете, как дорого стоит использование узкого луча?

— Нет. Расскажи.

Его серебряные глаза смеялись.

Присцилла нахмурилась, отыскала свою рюмку и сделала хороший глоток.

— Не беспокойся на этот счет, Присцилла. У нас на борту есть узколучевая установка: любимая игрушка Расти. Одна из услуг, которую «Исполнение долга» предлагает на более отсталых плане-

тах, это использование узкого луча. За плату, конечно. А я считаю это сообщение полностью окупившимся, когда представляю себе выражение лица Сав Рида, с которым он прочтет эти самые «приложенные данные». О, наконец-то обед! — прервал он сам себя, услышав мелодичный звонок двери.

Горди радостно улыбался им из-за сервировочного столика.

— Я вовремя, — обратился он с немалой гордостью их внимание на этот факт. Оставив столик, он подошел к Присцилле. — Теперь ты тоже герой.

— Нет, — решительно ответила она. — Я не герой, Горди.

Он немного запрокинул голову, чтобы заглянуть ей в лицо. Было видно, что он недоумевает. Повернувшись к капитану, он спросил:

— Шан? Разве нет?

— Она же только что сказала, что нет, не так ли, Горди? Люди имеют право сами решать, кто они, правда? Если Присцилле сейчас не хочется быть героем, то она не обязана быть. Возможно, она просто проголодалась. Очень трудно быть героичным на голодный желудок.

Мальчик рассмеялся и вернулся к столу, где начал открывать крышки и выпускать на волю всевозможные ароматы. Присцилла внезапно поняла, что очень хочет есть.

— Кен Рик просил передать, что нерлигиг работает нормально, — сказал Горди, не поворачиваясь.

Капитан удивленно посмотрел на него.

— Правда? Он проверил его на всех режимах?

Горди кивнул.

— Он сказал, что ящик довольно сильно помят, но поскольку он служит для привлечения внимания, то это не имеет значения. — Он сделал паузу и посмотрел на своего старшего родственника. — Он и правда так сказал.

— Конечно. Кен Рик не считает нужным приукрашивать свою речь ради кого бы то ни было. Я бы всерьез обеспокоился о его здоровье, если бы он вдруг начал это делать. И потом, он познакомился со мной, когда я был младше тебя и вдвое неуклюжее. Несомненно, из-за этого ему порой трудно проявлять ко мне должное уважение. А как насчет павильона? Он собрал новые образцы? И ему... нет, не важно. Я попозже сам туда выберусь и поговорю с ним. Обед уже готов?

— Ах, полно, Джонни Гален, — проворчал Горди с наигранным акцентом.

Капитан рассмеялся и сделал глоток вина.

— Бесстыдный шенок. Я терплю такое от твоего деда. Но я больше тебя. Пожалуйста, старайся об этом помнить.

— Задира, — сказал Горди, расставляя тарелки с удивительно громким стуком и звяканьем.

— Самодур, — поправил его капитан и улыбнулся Присцилле, которая отвела глаза.

Горди отошел от стола на шаг.

— Готово. Мне остаться?

Капитан бросил на него удивленный взгляд.

— Разве я приглашал тебя на обед, Горди? Прости, я как-то об этом факте забыл. Припоминаю, что мне докладывали, как сильно ты отстал в учебе. Этого обстоятельства мой дядя — а твой дед — мне не простит. Нам пора устроить проверку, правда? За завтраком.

Горди судорожно сглотнул.

— Слушаю, сэр.

— Что, настолько плохо? — Он поднял рюмку. — Ну, тогда тебе следует посмотреть, сколько ты успеешь выучить заранее. И изволь лечь спать в пределах разумного. Ты мне больше не понадобишься.

— Слушаю, сэр, — снова ответил Горди. Он выглядел таким комично расстроенным, что Присцилла с трудом удержалась от смеха. — Спокойной ночи, кэп. Спокойной ночи, Присцилла.

— Спокойной ночи, Горди, — ответила она, тепло ему улыбнувшись.

— Доброй ночи, Горди. — Капитан протянул руку и взъерошил мальчишке волосы. — И постарайся спать спокойно.

Мальчик ему улыбнулся, отвесил неловкий поклон и ушел. Дверь закрылась за ним с тихим шипением.

— А теперь, Присцилла, если ты подвинешь стулья к столу, я пока наполню нам тарелки. Надеюсь, что ты проголодалась не меньше, чем я.

Чуть позже, утолив первый голод, она откинулась на спинку стула и устремила взгляд на его макушку. Густые, аккуратно подстриженные волосы поблескивали в мягком свете лампы.

— Джонни Гален? — поинтересовалась она.

Он поднял глаза и улыбнулся.

— Мой дядя Ричард вообразил, что лиадийцы — это «маленький народец» из староземных легенд. Отсюда и появились прозвища Артур Гален и Джонни, Нора и Анни Гален. И их сводный брат, король Эльфландии.

— Ох, нет! — вырвалось у нее со смешком, которого она не заметила.

— Ох, да, — заверил он ее. — И все это сопровождалось обращениями вроде «мой повелитель» и «ваше величество». Довольно забавно, по правде говоря. В конце концов моему отцу удалось положить этому конец, но, кажется, ему пришлось прибегнуть к угрозам.

— Но он позволил, чтобы его называли Артуром, а вас — Джонни?

— Ну, не совсем так, — ответил он, берясь за рюмку. — Видишь ли, он не откликался на «Артура», так что если дяде Дику действительно нужно было с ним поговорить, ему приходилось говорить «Эр Том». Я не возражал против «Джонни» — моя мать достаточно часто называла меня «Шанни». Антора всегда была «Анни». Насколько мне известно, Нова никогда не откликалась на «Нору». — Он отпил немного вина. — Надеюсь, Вал Кон не считает, что он должен получить компенсацию за всю эту королевскую чушь. Я в этом сомневаюсь. Несмотря на все свои недостатки, дядя Ричард — великолепный рассказчик. А Вал Кон страстно любит разные истории.

Присцилла хмуро посмотрела на стол, а потом подняла взгляд.

— Капитан, а что значит — «долговой партнер»?

Он отставил рюмку в сторону, взялся за щипчики и снова принялся есть. Присцилла немного помедлила, а потом занялась собственной тарелкой, пытаясь понять, не оскорбили ли ее.

— Долговой партнер, — медленно начал капитан, — это тот, с кем вы заняты сведением счетов. — Он бросил на нее быстрый взгляд из-под ресниц. — Как я уже упоминал, существует множество правил, которые определяют мщение — сведение счетов — и как его можно осуществлять. Одно из них заключается в том, что компенсация полагается только уважаемым лицам. Например, животным право компенсации не предоставляется.

Он помодчал, пристально наблюдая за выражением ее лица.

— «Существа», — прошептала Присцилла, забыв о ложке, засыпавшей на пути к ее рту. — Он говорил о нас в среднем роде, о Горди и обо мне.

— Действительно, говорил, — осторожно согласился капитан. — Наиболее неприятное качество высокого лиадийского заключается в том, что на нем так легко отрицать достоинство. — Он внимательно посмотрел на нее. — Я не говорю о тебе в среднем роде, Присцилла. Из всех людей в галактике я был бы среди последних, кто это мог бы сделать. Но Сав Рид считает, что все не лиадийцы — вообще не люди. — Он поднес рюмку к губам и сделал небольшой глоток. — То, что он сделал с тобой на Джанкалеме, он никогда не сделал бы в отношении к лиадийцу. Даже к тому, которого он считал бы совершенным дурнем, абсолютно не интересующимся собственной честью, честью своего семейства и своего корабля. — Он ухмыльнулся. — Сав Рид был уверен, что ему все сошло с рук, Присцилла. Можешь себе представить, как он приуныл, когда я не только подвернулся вовремя, чтобы тебя выручить — и это после того, как он решил, что благополучно от тебя избавился, — но и начал высказывать угрозы относительно серег и нечистой совести. Это, конечно, мелочи. Но он понимает, что ему ничто не сошло с рук. Он может

по-прежнему сомневаться в моих способностях, но теперь он знает, что я намерен свести с ним счеты.

Она бережно положила ложку на стол.

— Но... животное... не имеет права на помощь.

Он снова отпил вина, не сводя с нее глаз.

— Но ты ведь не животное, правда, Присцилла? Разве ты не личность? Разве ты не имеешь права требовать уважения к себе? Ты можешь быть животным, если пожелаешь признать, что ты животное. Или ты можешь совершенно ясно показать ему, что ты — находчивый и умный человек, достойный всех прав, положенных людям.

Он поставил рюмку на стол и крепко сжал свои крупные губы.

— Он украл у тебя имущество, деньги, человеческое достоинство. А ты говоришь о том, чтобы сыграть роль животного, пожертвовав своей жизнью ради моей. Присцилла, неужели ты не видишь, что он у тебя в долгу? Как он посмел отдать приказ применить против тебя насилие? Как он посмел украсть заработанные тобой деньги, принадлежавшие тебе вещи, твою репутацию? И по какому праву он вообще подверг риску твою репутацию, наняв тебя суперкарго для перевозки контрабанды? — Он протянул ей руку. — Может, ты предпочтешь остаться, Присцилла? Мы вместе заставим его заплатить.

Не колеблясь ни секунды, она вложила свою руку в его.

— Да, — четко проговорила она. — Мы это сделаем.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

143-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ЧЕТВЕРТАЯ ВАХТА

18.00

Присцилла приложила ладонь к двери. Она открылась почти одновременно с негромким «Входи!», раздавшимся внутри.

Лина с улыбкой вскочила из-за своего рабочего стола.

— Присцилла! Как дела, подруга?

— Хорошо. — Присцилла ответно улыбнулась, кладя свои руки на протянутые ей навстречу ладошки. — Ты занята? У меня ничего срочного.

— Нет! Входи и поговори со мной! Если я еще хоть минуту посмотрю на этот ужасный отчет, то у меня начнется сильная мигрень. — Она со смехом потянула Присциллу за руки. — Спасай меня!

Они уселись на кровать: Лина — в центр, скрестив ноги, Присцилла — на край.

— Ну, так какое у тебя несрочное дело?

— Боюсь, что мой вопрос покажется тебе бессмысленным, — извинилась Присцилла, теребя край покрывала. — По крайней мере я не могу придумать, как его осмысленно сформулировать. Лина, разве Шан йос-Галан не капитан?

Хрупкая лиадийка изумленно моргнула.

— Конечно, капитан! Ты шутишь, подруга?

— Я же сказала, что получается бессмыслица, — напомнила ей Присцилла. — Я только что обедала с капитаном...

Она замолчала. Лина сложила ладошки на колене, ожидая продолжения.

— Я обедала с капитаном, — медленно повторила Присцилла. — Когда я уходила, я спросила его относительно возвращения моих вещей. Он сказал, что расходы на их выкуп взял на себя корабль, что я должна считать это компенсацией за то, что подвергалась опасности. — Она помолчала, слегка нахмурив брови. — А потом я спросила насчет сережек, потому что они — не мои...

— И? — мягко спросила Лина.

— Он сказал, что серьги — это подарок от Шана йос-Галана и что капитан не имел к этому никакого отношения.

— Он так сказал? — Лина передернула плечами. — Значит, это правда.

Присцилла вздохнула.

— Да, я в этом не сомневаюсь. Но, Лина, если Шан йос-Галан — капитан...

— Но ты ведь понимаешь, что капитан говорит — и действует — за корабль, — ответила ее подруга, тщательно подбирая слова. — Так? А Шан говорит за себя. Это... я не знаю земного слова. У Шана йос-Галана много... ролей! Он — капитан, мастер-купец, пилот. Три голоса, которыми он может говорить на «Долге». На Лиад он еще и лорд йос-Галан. Он только хотел убедиться, что ты понимаешь, какое лицо он использовал — в какой роли выступал, — когда сделал тебе подарок.

Присцилла недоуменно уставилась на нее.

— А это что-то меняет? Но он — один и тот же человек, какой бы титул он ни использовал!

— Конечно, один и тот же. Но у капитана есть особые обязанности, ответственность. Эти обязанности отличаются от обязанностей мастер-купца. А у пилота свой особый список обязанностей. — Лина неуверенно пожевала губу. — Это — просто меланти, Присцилла. — Она вздохнула при виде полной растерянности, отразившейся на подруге, и сделала еще одну попытку. — Это верно, что Шан йос-Галан — капитан. Но капитан — не Шан йос-Галан.

— Я над этим поработаю, — пообещала Присцилла с виноватой улыбкой. — Возможно, земного слова и не существует, Лина. —

Она склонила голову к плечу. — У меня действительно ужасный акцент на лиадийском?

— Нет. Кто тебе так сказал? Ты очень тщательно выговариваешь слова и внимательно прислушиваешься, но ты ведь только учишься.

— Капитан... по крайней мере мне кажется, что это был капитан, но, возможно, это был Шан Йос-Галан... сказал мне, что у меня ужасное произношение и что он собирается познакомить меня со своей теткой... нет, с теткой его брата.

— С леди Карин? Ильянга килачи... Нет! Присцилла, он обещал, что это сделает?

— Он сказал, что обязательно меня с ней познакомит, — сказала она, развеселившись. — Неужели она такая ужасная?

— Ты даже себе не представляешь! Она такая благопристойная... Ах, какой он негодник! Мы будем заниматься — мы с тобой — очень усердно. И завтра же я выберу подкрепляющие записи. Ты можешь обучаться во сне? Прекрасно. А еще уроки этикета. — Она посмотрела на подругу и взмахнула обеими руками. — Что заставило его сказать такое? С леди Карин...

— Я сказала ему, что он — самодур, — призналась Присцилла.

— И он решил продемонстрировать тебе, как это выглядит на самом деле. — Лина ухмыльнулась. — Тогда — так тебе и надо. Как ты могла говорить так невежливо?

— У меня это вырвалось, когда он сказал мне, что у меня склонность к мелодраме.

Лина рассмеялась.

— Похоже, у вас был прекрасный обед! Сплошной обмен комплиментами.

— Уроки этикета необходимы, — с улыбкой согласилась Присцилла и тут же посерьезнела. — Лина, а почему мне не следовало говорить капитану... мастер-купцу... «поверьте моей глубочайшей радости видеть вас»?

Лина с ужасом посмотрела на нее.

— Ты это сказала? Шану? При людях?

— И на высоком языке, — смущенно призналась ее подруга. — Я безнадежна?

— Неудивительно, что он дарит тебе серьги! — воскликнула Лина, беря ее за руку. — Присцилла, ты больше никогда не должна так говорить. Эта фраза подходит... для брата, наверное, или человека, с которым ты вместе росла... для спутника жизни.

— Правда? Ну, тогда я рада, что я так сказала. Это было именно то, что нужно.

— Присцилла! — взмолилась Лина. — Это совершенно неприлично! Ты больше не должна так делать!

— Хорошо, — благодушно пообещала она. — Думаю, мне это больше не понадобится. — Тут она тихо засмеялась, и Лина затаила дыхание. — Бедняга Сав Рид!

Лина нашла Шана в спортивном зале. У порога она остановилась и стала смотреть, как он взмахивает ракеткой, ударяет мяч, разворачивается, попадает, уклоняется, снова ударяет — все быстрее и быстрее, пока мяч не превратился в белесый потек между стеной и ракеткой. Капитан двигался энергично и элегантно, не промахиваясь, не замедляя движения.

Подождав несколько мгновений, она прошла вперед, направляясь к стене, и услышала, как мяч ударился у нее над плечом.

— Лина! Ты покушаешься на самоубийство? Я мог в тебя попасть!

— Нет, — хладнокровно ответила она, меняя направление движения. — Для этого ты слишком быстр, мой друг.

— Бывают и несчастные случайности.

Шан направился к ней, держа в одной руке ракетку, а в другой — мячик. Волосы его влажными стрелками прилипли ко лбу, придавая ему слегка сатанинский вид. Он тяжело дышал, на рубашке винно-красного цвета видны были темные пятна пота. Лина подавила прилив теплого сочувствия. Она остановилась на предписанной правилами дистанции и строго посмотрела на него.

— Вы вмешиваетесь!

Она заговорила на высоком лиадийском, как старший с младшим.

— Я всегда вмешиваюсь, — мягко ответил он на земном. — И ты это знаешь.

— В данном случае вы прекратите это делать. Немедленно.

Эти слова были по-прежнему сказаны на высоком языке, повелительно — как и полагалось.

— Боже мой! — пробормотал Шан, глядя на нее с очень убедительным недоумением. — Ты не возражаешь, если я сяду?

Она рассмеялась и вместе с ним повернула к боковым скамейкам.

— Ты невыносим! — сказала она уже на земном. — И заслуживаешь выволочки.

— Часто, — сердечно признал он, опуская ракетку и мячик в отверстие в стене и опускаясь на первое попавшееся место. Длинные ноги он вытянул перед собой. — Ну, ругай меня.

Лина нахмурилась. Шан был в странном настроении. Она начала осторожно.

— Шан, давай говорить серьезно. Пожалуйста. Ты можешь причинить вред.

Она осторожно вытянула волокно сознания. Ее встретило сопротивление: знакомая преграда целителя. Шан редко прибегал к

столь полному уединению, и во все годы их дружбы он ни разу не делал этого по отношению к ней. Даже тогда, когда трагически погибла его мать, или тогда, когда Эр Том Йос-Галан отвернулся от близких и долга, чтобы последовать за ней.

Лиана разорвала контакт и молча посмотрела на него.

— Очень нехорошо, — сказала она наконец, — когда целители спорят относительно должного подхода. Особенно тогда, когда исцеление уже началось.

— Я с тобой согласен, — отозвался Шан.

— Это хорошо. Тогда я признаюсь тебе, что я удивлена. Мы ведь разговаривали, правда? И было решено, что я начну действовать, хотя Присциллу к тебе влекло не меньше, чем ко мне. Ты настоял, мой друг: сказал, что ты не целитель, а капитан.

— Правильно. В данном случае я не выступаю как целитель.

Лиана подавила вздох. Шан был в своем самом упрямом настроении: в нем проявилась упорная сдержанность, которая была всегда характерна для представителей клана Корвал. В каком-то отношении это было кстати — если она не может читать его из-за барьера, то и он не может ее читать. Стена — как и многие аспекты целительства — явление взаимное.

Лиана снова остановилась на этой последней мысли. С исцеленным обычно устанавливается эмоциональная связь. Присцилла... Возможно, он опасался взаимности, ощутив в ней силу — даже несмотря на страшные искажения, вызванные пережитой болью. А если он испытывает настолько сильное влечение, что опасается процесса исцеления...

— Чего ты хочешь, мой верный друг? — спросила она.

Он беспокойно пошевелился.

— Я хочу быть ей другом.

Вот как.

— И ее любовником!

Лиана намеренно сказала это очень резко. Если он еще этого не знает...

Шан ответил, с трудом подбирая слова:

— Я не камешный. Ты должна была это заметить.

— Тогда лучше бы тебе было самому взяться за ее исцеление! Контакт ведь был, с самого начала! Исцеление противоположного пола идет быстрее, тебе это известно! Почему...

— И чтобы она считала, будто ее наняли быть капитанской шлюхой? Нет уж, спасибо!

В этих словах был лед Клана Корвал.

Лиана изумленно моргнула и мельком подумала о своей собственной защите.

— Почему она должна была так посчитать, друг мой?

Шан вздохнул.

— Она обратилась ко мне — к капитану — за защитой. Один лиадиец уже лишил ее статуса личности. Было бы отнюдь не чудесно, если бы второй продолжил... — Он снова раздраженно пошевелился. — Присцилла — землянка, Лина. Она не выросла в понимании меланги. Для Присциллы я — капитан. Она в этом убеждена. Это было бы равносильно изнасилованию, так нарушило бы доверие... — Он судорожно вздохнул и запустил пальцы в волосы, так что они встали дыбом. — Я ошибался, дружище. Я выступаю здесь как целитель — в том отношении, что отказываюсь выступать в этой роли.

— Я лиадийка, — тихо проговорила Лина. — И я ее начальник.

— Но вы подруги. И полагаю, что власть старшего библиотекаря над младшим несколько меньше той, которую капитан может проявить по отношению к члену команды.

Наступившее молчание грозило затянуться. Шан внезапно подался вперед и сжал руки Лины между своими ладонями.

— Я хочу, чтобы она была здорова. Полна радости и энергии. Я хотел бы получить ее дружбу, но я не буду — не намерен ее принуждать. Пара серег? Если хочешь, назови их компенсацией за еще одну обиду, которую нанес ей купец Оланек. Лина, если это хоть немного облегчит...

— Ты уже сказал, что это твой подарок ей, — напомнила ему Лина. — Но я не думаю, что случилось что-то плохое. — Тут она тепло улыбнулась. — Друзей иметь хорошо.

— Я тоже так считаю. — Он прислонился к стене. — Я предоставляю исцеление тебе. Даю тебе слово.

— Ну ладно, — сказала она, успокаиваясь, но тут же прижала палец к виску. — Да, я чуть не забыла второе. Когда она уважительно тебя приветствовала, она не понимала, что делает. Я объяснила, и это не повторится. Ты не должен на нее сердиться.

— Сердиться на нее? — Он рассмеялся. — Я был от нее в восторге! Она не могла бы действовать удачнее, даже если бы я заранее ее подготовил. Какой сокрушительный удар получил бедный Сав Рид! Ты бы видела его лицо! Я готов был ее расцеловать.

— Тебе не следует провоцировать ее на неправильное поведение, — укоризненно сказала Лина. — А еще хочешь называться ее другом! Ей очень важно научиться вести себя правильно. Особенно если ты намерен представить ее леди Карин.

— Да, Лина, — согласился он с совершенно неубедительной покорностью.

Она покачала головой.

— Нет, так не пойдет. Я тебя знаю. Мы с Присциллой будем работать над ее произношением, и она будет получать уроки во сне. Леди Карин найдет ее безупречной.

— Надо понять, что для тебя это — вопрос твоей чести?

Лиана рассмеялась и встала.

— Ты совершенно невозможен! Доброй ночи, мой старый друг. — Она очень нежно прикоснулась к его щеке, обратив внимание на то, что стена по-прежнему на месте. — Хороших тебе снов.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

144-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ПЕРВАЯ ВАХТА 1.30

Сны ему снились плохие. И разговор с Горди отнюдь не исправил его плохого настроения. Он начал с того, что рывкнул на мальчика, и его расположение духа не улучшило осознание того, что в этом тоне он говорит точь-в-точь как отец.

Он раздраженно прошел к бару и налил себе рюмку утреннего вина. Ему нужно было сделать несколько дел на корабле, и только потом он мог отправиться на планету, чтобы начать местную торговую неделю. Он резко уселся за стол и развернул к себе экран.

— 3-3-3!

Шан поднял голову, пытаясь сообразить, откуда исходит неприятный звук.

— 3-3-3!

Он безжалостно передвинул кучу документов по крышке стола и в конце концов откопал блестящую голубую панель с двумя кнопками без надписей. Он наугад нажал одну из них.

— Да?

— 3-3-3!

Шан со вздохом нажал вторую кнопку.

— Да?

— Кэп? Это Расти говорит. Извините, что беспокою.

— Расти? Разве у тебя сегодня не увольнение? Я считал, что ты будешь танцевать на улицах сразу с двумя красотками.

— Ну, я вообще-то так и собирался, — серьезно ответил Расти. — Но когда мы прилетели в порт, там нас поджидали... ну... две личности. Они говорят, что никому с «Долга» не разрешается прибывать на планету и что они летят на корабль. — И после короткой заминки он добавил: — Они говорят, что у них ордер, кэп.

— Неужели? Интересно, и что же нам делать с этими весьма интересными сведениями? И какое это имеет отношение к уволь-

нениям членов команды? Старайся говорить яснее, Расти: я чувствую, что сегодня соображаю немного хуже.

— Ну, они говорят, что хотят вас видеть. Наверное, они все объяснят вам лично.

— Чудесно. И... что это за личности, Расти? Дипломатические? Полицейские? Встревоженные граждане?

— М-м... — Голос Расти затих, потом зазвучал снова. — Кажется, капитан Эр Том говаривал, что если у хозяина дома кинжал, то вам следует захватить кинжал и боевой нож?

— Звучит похоже на него.

— В соответствии с этими правилами вам бы следовало иметь при себе три кинжала и мачете.

Шан ухмыльнулся.

— И эти грозные личности желают нанести мне визит? Будь добр, Расти, попроси Сета, чтобы он доставил этих гостей как можно скорее. Горди их встретит и сыграет роль провожатого. Ты можешь им компании не составлять, если не хочешь.

— Так точно. У меня нет желания избавиться от завтрака. Я прилечу с Кен Риком, поскольку его тоже эвакуируют.

— Великолепно. Спасибо тебе за звонок, Расти. Ты всегда находишь такие веселые темы для разговора!

Связист рассмеялся и отключил комм.

Шан развернул кресло и нажал на кнопку, вызывая Горди. Дождаясь прихода юнги, он выдвинул ящик стола и начал смахивать в него все бумаги.

Дверь открылась, чтобы впустить притихшего и довольно бледного юнгу.

— Да, сэр?

Шан виновато протянул ему руку.

— Прости меня, дорогой. Это все мой ужасный характер. Даю тебе слово: я не хотел, чтобы мой выговор получился настолько яростным.

Горди сумел выдать улыбку, хотя и довольно бледную.

— Все нормально. Мне надо было заниматься. Наверное, я заслуживал, чтобы мне дали взбучку.

— Так меня! — воскликнул его кузен, с ухмылкой прищелкнув пальцами, но тут же покачал головой, прогоняя улыбку. — Чрезвычайная ситуация, Горди. Сбегай к Зелне и возьми образец древесины... Вот такой. — Его ловкие крупные кисти изобразили в воздухе куб. — По дороге обратно зайди к Калипсо и попроси его одолжить антиквариат. Лети!

Горди исчез. Вернулся он в рекордно короткое время, нагруженный затребованными предметами, которые выгрузил на совершенно пустой рабочий стол.

— Хорошо, — сказал Шан, рассматривая экспозицию. — Теперь следующее задание. Вскоре в приемной появятся две личности. Пожалуйста, приведи их ко мне.

— Слушаю, сэр, — ответил мальчик, бросаясь к двери.

— Да, Горди!

— Что, кэп?

Шан ухмыльнулся.

— Можешь не торопиться.

Гости были недовольны. Они следовали за Горди, отчужденно шурша одеяниями. Полы их желтых, как сера, мантий задевали за стены, руки лежали на эфесах шпага. Наконец они оказались у красной двери (не ведая того, что дважды прошли вдоль всего корабля), и Горди включил переговорное устройство.

— Входите!

За ясным звуком голоса Шана из-за открывающейся двери послышался странный тяжелый удар.

Горди вошел в комнату. Шан небрежно откинулся на стуле, стоящем перед столом, крышка которого была пуста — не считая дубового бруска, в который был вогнан топорик с деревянным топищем.

Шан поднял рюмку и вопросительно выгнул брови.

Помня правила поведения, Горди поклонился.

— Капитан Йос-Галан, к вам для разговора пришли Будок и Релгис.

— Добрый день, почтенные. Хороший денек, не правда ли? Чем я могу вам служить?

Лысый Релгис обошел Горди и неохотно поклонился.

— Добрый день, капитан, — хрипло проговорил он на земном. — Мы — приставы арсдредского суда. Мой долг предписывает мне сообщить вам, что с нами бумаги, в соответствии с которыми вашей команде запрещается появляться на планете в течение того времени, которое понадобится муниципалитету Арсдред для инспекции и проверки вашего груза. По этому же предписанию вам запрещено вести куплю-продажу до тех пор, пока не будут закончены следственные мероприятия по проверке обвинений, выдвинутых против торгового корабля «Исполнение долга» и Шана Йос-Галана, капитана и мастер-купца.

Он помолчал и сурово посмотрел на лиядийца из-под кустистых бровей. Шан неспешно пил вино.

— Обвинение, — продолжил Релгис раздраженным тоном, — заключается в контрабанде незаконных лекарственных средств и запрещенных животных.

— «Исполнение долга» обвиняется в провозе контрабанды? — осведомился капитан наипмягчайшим тоном. — Могу ли я узнать имя того, кто выдвинул это обвинение?

Релгис посмотрел на него с подозрением, явно пытаясь сформулировать ответ. Молчание нарушил его коллега, который с неуклюжим добродушием объяснил, что на самом деле обвинений против корабля или его командира не выдвинуто.

— Релгис оговорился, сэр. Дело в том, что суд получил заявление, в котором говорится о подозрении в контрабанде. Я уверен, вы согласитесь, что это — дело очень серьезное.

— О, конечно, — ответил Шан, поднимая рюмку. — Особенно когда подозрение вызывает мой корабль.

Будоку хватило совести смутиться.

— Ну, вполне естественно, что вы смотрите на это именно так, — признал он, обменявшись удивленным взглядом со своим коллегой. — Я уверен, что вам неудобно лишать команду увольнений и терять несколько дней торговли. Но если вы невиновны — в чем я не сомневаюсь, — то никакого серьезного ущерба не будет, не так ли? Вам будет разрешено заниматься делами в обычном порядке.

— Муниципалитет, — заявил Релгис, возмущенный столь примирительным тоном, — должен убедиться в истинности или беспочвенности подозрения в контрабанде. Тут не может быть чрезмерной бдительности.

— Понимаю. Еще какие-то подозрения, господа? Или это — вся ужасная правда?

Релгиса снова сбила с толку столь добродушная рассеянность. Будок взял инициативу на себя и шумно прочистил горло.

— У нас также есть ордер на задержание некой Присциллы Делакруа и Мендоса, члена команды «Исполнения долга». Ее предписано допросить с применением глубокого вмешательства и удерживать до получения дальнейших сведений.

— По какому обвинению? — тихо осведомился Шан, наклоняясь вперед и отставляя рюмку в сторону.

— Подозрение в воровстве.

В игру снова вступил Релгис.

— Неужели? — Шан с интересом посмотрел на него. — А я всегда находил ее скрупулезно — нет, скажем, даже чрезмерно честной. Кто ее обвиняет?

— Внимание суда к этому делу привлек купец Сав Рид Оланек, сэр. Когда будут получены дополнительные сведения, будет принято решение относительно того, какой инстанции подобает рассматривать это дело — местной или галактической.

— А если она невиновна? — осведомился Шан, подпирая голову рукой.

Правая его рука легла рядом с деревянным чурбаком.

— Если она невиновна, — благодушно сообщил Будок, — она будет отпущена.

— Что, конечно, — сладким голосом проговорил Шан, — ее крайне обрадует, если «Долг» тем временем улетит. — Он рассеянно провел пальцем по топорщику. — А что именно она якобы украла у купца Оланека? Одежду, которая была на ней надета? Когда она перешла ко мне, больше ничего у нее не было.

Двое приставов переглянулись.

— Несомненно, это будет включено в...

— Дополнительные сведения купца Оланека, — договорил за них Шан. — Конечно. Могу я посмотреть на бумаги, которые вы принесли, господа? Должен сказать, что я считаю крайне маловероятным, чтобы госпожа Мендоса была воровкой. Что до разрешения снять ее с борта этого корабля и поместить в тюрьму на... когда ожидается эта информация?.. Как глупо, я что-то не припомню...

— Мы этого не говорили, — сурово ответил Релгис. — Не более десяти дней местного времени.

— Капитан, — добавил Будок, выразительно глядя на своего партнера.

Релгис напыжился, извлек из-под мантии бумаги и довольно непочтительно протянул их Шану.

— Спасибо, — сказал капитан, принимая их в той же манере, в какой они были поданы. Он взглянул на застывшего рядом юнгу. — Горди, будь любезен привести госпожу Мендоса.

— Э, нет! — рявкнул Релгис, так стремительно преграждая Горди путь к двери, что его мантия взметнулась вверх. Он угрожающе положил руку на эфес шпаги. — Очень хитроумная мысль, капитан, но она не пройдет! Послать за ней юнгу, как же! Вернее, предостеречь ее. А потом он нам скажет, что она сбежала!

— Сбежала? — Шан заморгал, изо всех сил стараясь изобразить глуповатую заинтересованность. — Интересно, куда она может сбежать? Я, кажется, достаточно ясно припоминаю ваше утверждение относительно того, что никого из моей команды на планету не пустят. — Он задумчиво взял рюмку и сделал небольшой глоток. — Конечно, «Долг» — корабль большой, — признал он, — но все-таки не настолько большой, вы согласны? Я уверен, что вам удалось бы ее выследить, буде ей придет в голову от вас спрятаться.

Увидев, что лысина Релгиса заблестела от пота, он немного смягчился.

— Сходи за госпожой Мендоса, — мягко велел он Горди. — Скажи, что я хочу немедленно ее видеть. И, пожалуйста, не упоминай о присутствии этих двух личностей.

Горди изумленно воззрился на него, но все же сумел взять себя в руки настолько, чтобы поклониться и, направляясь к двери, пробормотать:

— Слушаю, сэр.

Под возмущенным взглядом коллеги Релгис позволил ему уйти. Шан сделал еще глоток вина и начал неспешно изучать постановление суда.

Не прошло и десяти минут, как дверь дала мелодичный сигнал.

— Входите! — громко сказал Шан, не отрывая взгляда от документов, которые уже выучил наизусть.

Двое приставов повернулись к двери, положив руки на эфесы шпаг. Они были готовы встретиться лицом к лицу с отчаянной преступницей, которая входила в комнату без всякого сопровождения.

Релгису удалось сохранить невозмутимость. Будок откровенно изумился. Присцилла адресовала обоим дружелюбную, хотя и несколько недоуменную улыбку и прошла мимо них.

— Вы хотели меня видеть, капитан?

Он поднял голову, сурово подавив укол боли при виде ее попрежнему ничем не украшенных мочек ушей.

— Доброе утро, госпожа Мендоса. Извините, что я вызвал вас к себе так срочно. Однако эти джентльмены... — Он кивнул в сторону Будок и Релгиса и замолчал, хмурия брови. — Ах, какие у меня ужасные манеры! Госпожа Мендоса, это — Релгис и Будок, служащие арсредского суда. Они пришли, чтобы вручить вам вот эту бумагу.

Он протянул ей соответствующий документ.

Она приняла его, пристально взглянув на капитана. Щеки ее вспыхнули, а потом резко побледнели. Шан справился с желанием протянуть ей руку. Вместо этого он взялся за рюмку и устремил мысленный взор на Стену.

— Неужели он никогда не остановится? — воскликнула Присцилла, швыряя бумагу на его письменный стол. — Он преследует меня, называет преступницей, оставляет умирать — а теперь еще устраивает мой арест! Допрос с глубоким вмешательством! И чего он рассчитывает этим добиться? Купец с корабля, укомплектованного распутниками и бездомными дурнями!

Она резко повернулась и походкой тигрицы направилась к двум приставам. Релгис невольно сделал шаг назад, а Будок нервно облизнул губы.

— Кого подмазали? — угрожающе спросила она. — Подозрение в воровстве! И информация будет представлена позднее?! А меня задержат и допросят, со мной будут обращаться как с воровкой на основе информации, которая никогда не будет получена, и в этом я могу поклясться! — Она высокомерно выпрямилась. — Я никуда с вами не пойду.

— Ну, — осторожно проговорил Будок, — у вас нет выбора, мисс. У нас есть ордер, так что вы обязаны подчиниться. Таков закон.

Присцилла презрительно фыркнула.

— Это — лиадийский корабль. Вы здесь не распоряжаетесь.

— Но вы — землянка, — напомнил ей Будок, пытаясь говорить рассудительно.

— Возможно, мне следовало бы объяснить, — виноватым тоном вмешался Шан, — что госпожа Мендоса служит на этом корабле в соответствии с частным контрактом, заключенным между нею и Бесспорным наследником Клана Корвал.

Наступила недолгая тишина, а потом Будок тоном, выражавшим одновременно испуг и изумление, спросил, не это ли Семейство Дерева и Дракона является торговым представителем мира Треллен.

— Именно Дерева и Дракона, — тепло улыбнулся ему Шан. — И как раз мир Треллен. Контракту между нами уже почти две сотни стандартных лет. Как вы осведомлены!

Эти сведения могли произвести глубокое впечатление на Будок, однако Релгис усмотрел в них только откровенную попытку помешать исполнению закона. Он собрался с мужеством и сделал один шаг в сторону Присциллы.

— Как бы то ни было, — сурово объявил он, — закон все равно остаётся законом. Эта женщина — землянка, и она отправится с нами. — Он перевел взгляд на мужчину, продолжавшего сидеть за столом, и решительно выпятил подбородок. — Она — не лиадийка, даже если этот ваш какой-то-там наследник и лиадиец. У нас ордер не на ее контракт — у нас ордер на нее саму!

— Бесспорный наследник, — мягко уточнил Шан. — Слава богам, не сам наследник. Госпожа Мендоса права, знаете ли. Частный контракт такого рода гарантирует ей покровительство Бесспорного наследника. Что равносильно покровительству Клана Корвал. А Клан Корвал — это юридическое лиадийское лицо. — Он допил вино и отставил рюмку в сторону. — Интересная ситуация, правда? Я уверен, что адвокаты могут обсуждать ее гораздо дольше десяти местных дней. А вы как считаете?

— Право, капитан, — нервно проговорил Будок, — будьте благоразумны. Никому не хочется связываться в такой длительный процесс. Подумайте, какие это расходы! Лучше позволить ей уйти с нами. Может быть, судья позволит ей вернуться сразу же после допроса — в свете ее контракта, понимаете? — Он снова облизнул губы. — Я уверен, что мы можем все уладить.

— Правда? — спросил Шан. — Прекрасно. Мне тоже так кажется. — Он взял спорное предписание и, нахмурившись, принялся его демонстративно изучать. — Здесь ничего не говорится относительно залога, — пробормотал он, ощущая на себе внимательный взгляд Присциллы. — Несомненно, это недосмотр судь. Кто же... О! Судья Зар? Какое приятное совпадение!

Он с очаровательной тупостью улыбнулся приставам, стараясь не встретиться взглядом с Присциллой.

— Сейчас мы все уладим! — радостно объявил он. — Я знаком с судьей Заром. Какая удача!

Он нажал кнопку на синем пульте у себя на столе.

— Рубка! — сообщил ему энергичный голос.

— Доброй вахты, рубка. Вы не заняты? Нельзя ли разыскать для меня судью Абрахансана Зара из Портового Города на Арсдредзе? Мне бы хотелось с ним поговорить.

— Сию минуту, капитан. Вывести связь на экран в вашем кабинете?

— Это было бы прекрасно, рубка. Спасибо. Поторопитесь, пожалуйста. У нас гости, и я их задерживаю.

— Слушаю, сэр.

Связь прервалась.

Шан молча кивнул и затребовал комм из соответствующей ячейки. Затем он включил инфоэкран и набрал быструю цепочку кодов. Краем глаза он заметил, что Присцилла подошла ближе и устроилась на подлокотнике ближайшего кресла, держа в поле зрения и двух приставов, и своего капитана.

Релгис и Будок переглянулись, но не нарушили неловкого молчания. Релгис очень надеялся на то, что судья обрушит на голову капитана и его подчиненной одну из своих громоподобных лекций.

Комм тихо зажужжал.

Шан развернул стул, быстро нажал фиолетовую кнопку на левом поле экрана и кивком приветствовал сурового человека в рубиново-красной мантии. На нем был также красный тюрбан, скрепленный сверкающей брошью с нелафаном. Глаза у него были темные и глубоко посаженные, а властный нос оказался даже внушительней, чем у Шана.

— Я — судья Зар, — бесстрастно сообщил он.

— Да, сэр, — непринужденно согласился Шан. — Мы знакомы, хотя, наверно, вы меня не помните. Мой отец, Эр Том йос-Галан, и я принимали вас на борту «Исполнения долга» несколько стандартных лет назад по случаю введения Вашей Чести в должность.

Лицо на экране несколько смягчилось, губы едва заметно изогнулись.

— Действительно, сэр, я сохранил о вас воспоминания — и самые приятные. Как поживает ваш отец? Я счел бы за честь, если бы вы с ним отобедали в моей резиденции, буде длительность вашего пребывания здесь это позволит.

Шан сделал вдох, даже не заметив, что он оказался гораздо более глубоким, чем предыдущий. После стольких повторений фраза стала привычной, а внутренний голос, который стонал «Мой

отец умер!», превратился в бессловесную искру боли. Ровным голосом он произнес фразу, которая была дословным переводом с высокого лиадийского:

— Я сожалею, что вынужден первым сообщить вам о том, что сердце моего отца прекратило свой труд почти три стандартных года тому назад.

Складки вокруг губ судьи пролегли глубже. Он склонил голову.

— Мне больно это слышать. Я стал богаче благодаря общению с ним, хотя оно и было таким недолгим.

— Я передам моим родным ваши слова, сэр. Спасибо вам.

Старый судья кивнул.

— А теперь скажите, чем я могу быть полезен сыну Эр Тома йос-Галана.

Шан улыбнулся.

— Имело место досадное недоразумение. По крайней мере мне кажется, что это недоразумение. — Он поднял ордер так, чтобы его собеседник мог видеть, что написано на бумаге. — Это было доставлено двумя служащими арсдредского суда — Будокком и Релгисом. Это — ордер на задержание и допрос одного из членов моей команды, Присциллы Делакруа и Мендоса. Оказывается, купец Сав Рид Оланек обвинил ее в воровстве.

Судья Зар кивнул.

— Я его помню. Признаю, что мне не хотелось разрешать ему давать клятву относительно такого обвинения перед самым его отлетом из сектора, но он сослался на срочные дела и заплатил штраф и плату за клятву. Все было сделано в соответствии с законом, и он пообещал представить дополнительную информацию по обратной связи в течение десяти дней по местному календарю. Я выполнил свои обязанности в соответствии с уложением.

— Я в этом не сомневаюсь, — вежливо согласился Шан. — Однако тут присутствует несколько моментов, о которых вы знать не могли. Один из них заключается в том, что купец Оланек сильно невзлюбил госпожу Мендоса. Я не могу точно сказать почему. Однако совершенно определенно известно, что она не только ничего у него не воровала — наоборот, это он ее обокрал. Член его команды в течение прошлого дня по местному календарю продала личные вещи, принадлежавшие госпоже Мендоса, в лавке на проезде Парктон под названием «Сокровища Тилы». Ею владеет фрау Помтраф. У нее хорошая память.

Судья кивнул.

— Я вам благодарен. Эти сведения, конечно, будут проверены. — Он поднял голову и устремил на него свой пронизывающий взгляд. — Однако вы пока не сказали, чем я могу быть вам полезен, Шан йос-Галан.

— О, желательно сделать одну мелочь: исправить недосмотр. — Он пошуршал бумагой. — Здесь ничего не сказано о залоге, сэр. Дело в том, что госпожа Мендоса — важный член экипажа. Я не могу обходиться без нее в течение десяти дней. Даже в течение десяти минут! Что мне делать?

Губы судьи невольно дернулись, однако он очень серьезно согласился с тем, что здесь действительно имел место недосмотр.

— Вы должны понять, что ордер выписан в соответствии с клятвой истца. Закон надо соблюдать.

— Конечно, надо! — Шан повернул инфозэкран к судье. — Я чуть было не забыл! Вот послужной список госпожи Мендоса. И я хочу вас спросить: можно ли предположить, чтобы человек с подобным послужным списком запятнал свою честь воровством?

После нескольких секунд молчания судья сказал:

— Полагаю, что залога в одну кантру — наличным, конечно — в данном случае будет достаточно. Вы гарантируете присутствие госпожи Мендоса в том случае, если дело дойдет до суда?

— Корвал гарантирует, — официально ответил Шан и кивнул головой на изумленно открывших рты служащих. — Эти два господина могут забрать деньги с собой? Это безопасно?

— Релгис и Будок совершенно надежные люди.

— Я в этом уверен. Мне и в голову не приходила мысль о нечестности. Просто... одна кантра, вы сказали? Вы уверены, что им не нужно дать в сопровождающие вооруженного охранника?

Релгис возмущенно вскрикнул, а лицо на экране улыбнулось.

— Полагаю, охранника не понадобится, сэр. Я ценю вашу заботу.

— Лишняя осторожность никогда не повредит, — очень серьезно ответил Шан. — Ведь на невинных граждан нападают на улицах какие-то головорезы... — Он со вздохом развел руками. — Вы были очень добры, сэр. Однако я вынужден еще немного злоупотребить вашей любезностью.

Он продемонстрировал своему собеседнику второй документ.

Судья быстро его просмотрел и покачал головой.

— Этот вопрос вне моей юрисдикции. Однако я знаком с судьей Бермертом, который был одним из подписавших этот документ. Позвольте мне связаться с ним и попросить поговорить с вами.

— Вы очень добры, сэр, — еще раз повторил Шан. — Простите, что я вас побеспокоил.

— Никакого беспокойства. Мой долг следить за тем, чтобы закон исполнялся, но невинные люди не страдали. — Он чопорно поклонился. — Будьте здоровы, Шан йос-Галаи. Вы придете пообедать со мной завтра вечером?

— Я был бы просто счастлив, сэр. Но я полагаю, что запрет на посещение моей командой вашей прекрасной планеты распространяется и на меня тоже.

— Глупости, — отрывисто бросил судья. — Я пришлю за вами мою яхту, сэр. Вас доставят прямо ко мне домой. Никаких проблем у вас не будет.

Шан широко улыбнулся.

— В таком случае я с удовольствием принимаю ваше приглашение, сэр. Буду счастлив вас увидеть.

— Хорошо. До встречи.

Экран погас.

Шан нажал желтую кнопку, и экран погрузился обратно в недра стола. Он рассеянно открыл небольшой ящичек справа и извлек оттуда потрепанную лаковую шкатулку.

— Кантра, — пробормотал он и вывалил содержимое шкатулки на стол.

Монеты зазвенели, покатались кругами, отскочили в сторону и ударились о деревянный брусок с вогнанным в него топориком: земные монеты всевозможного достоинства, лиадийские монеты, местные монеты с полудюжины планет, несколько грубо обработанных цитринов и кольцо резного малахита.

— Кантра, — снова пробормотал Шан, заметив, что Будок невольно шагнул ближе.

С неуклюжей неспешностью он выбрал из кучки десять монет в одну десятую кантры и поманил служащего к себе.

— Одна, две, три... — Он осторожно отсчитал все десять монет на вспотевшую ладонь и кивнул. — Десять. Вы согласны?

— Да, капитан! — выдохнул Будок.

— Прекрасно. — Он ткнул пальцем в сторону Релгиса. — Извольте дать расписку.

Релгис возмущенно посмотрел на него, но послушно написал требуемый документ. Шан нажал кнопку на крышке стола. Дверной сигнал немедленно зазвенел, и створка отъехала в сторону, впуская в комнату мрачнолицего Горди.

Шан улыбнулся.

— Эти почтенные люди уходят, Гордон. Пожалуйста, отведи их в приемную и проследи, чтобы им подали закуски. Сет доставит их на планету, как только сможет. — Он адресовал улыбку приставам, стараясь, чтобы она получилась совершенно идиотической. — Я вам так благодарен за визит, господа! Он доставил мне огромное удовольствие. Всего вам доброго.

— Всего доброго, капитан, — ответил Будок с низким поклоном.

Релгис тихо фыркнул и поклонился, молча и очень небрежно. Оба повернулись и следом за Горди вышли.

Когда дверь закрылась, Присцилла встала и протянула руку.

— Можно мне наполнить вам рюмку, капитан?

Он встревоженно посмотрел на нее.

— Спасибо, Присцилла. Красного, пожалуйста. И налей чего-нибудь себе.

Присцилла несколько мгновений смотрела на топорик в деревянном чурбаке, а потом отвернулась, чтобы налить вина в баре.

— Это Пендрагон! — неожиданно объявила она.

Глядя ей в спину, Шан нахмурил брови.

— Пендрагон? О, тот тип со столом! Насколько я помню — одна из самых любимых историй Вал Кона. Он даже назвал одну из своих проклятых кошек Мерлином. — Он нахмурился еще сильнее. — Но это же просто фантазия дяди Ричарда, Присцилла. Совпадение. Аналоги драконов широко распространены по всей галактике, знаешь ли.

Она кивнула, протянула ему рюмку, а потом устроилась в кресле напротив него.

— Сто монет позавчера вечером, ужасное происшествие вчера, кантра сегодня. Во что я обойдусь вам завтра?

Голос ее звучал очень мягко, но глаза лихорадочно блеснули.

Шан проверил Стену и, оставив ее на месте, поднял рюмку.

— Я не думаю, чтобы ты завтра что-то мне стоила, Присцилла. И сегодня ты тоже не принесла мне никаких расходов. Сав Рид намеревался причинить мне неудобство — так что, похоже, меня принимают всерьез! Как приятно. — Он сделал небольшой глоток. — Он обвинил «Долг» в перевозе контрабанды. Как оригинально придумано, правда? Нам будут проверять представители судебных органов Арсд্রেда.

— Если только знакомый вашего знакомого не воспользуется своим влиянием, — сухо заметила она.

— Ну, я в этом сомневаюсь. А тебе как кажется? Попробовать стоило, конечно. Нет смысла беспокоить господина дэа-Гаусса, пока он нам не понадобится. Моя сестра, Первый представитель клана, предпочитает, чтобы наш адвокат всегда был у нее под рукой. Дело в том, что его такт и хитроумие удачно компенсируют ее вспыльчивость. Кстати, ты была великолепна.

— Я уже подумала, что со мной все кончено. — Она секунду смотрела на него взглядом, в котором возмущение боролось со смехом, а потом покачала головой и улыбнулась. — А вы действительно Бесспорный наследник Клана Корвал?

— Конечно. По таким вопросам не лгут, знаешь ли. В противном случае можно навлечь на себя весьма значительные неприятности. И потом, если хочешь знать, я предпочел бы не быть Бесспорным наследником. Особенно когда Вал Кон ищет приключений по всей Вселенной, занимается разведкой новых планет и вовсе не спешит поместить между мною и этим предназначением собственного наследника. — Он вздохнул. — Боюсь, что из меня получился бы не слишком хороший Делм.

Наступило молчание, во время которого Присцилла пригубила вино, не сводя глаз с топорика. Переведя наконец взгляд на его лицо, она спросила — как ему показалось, очень осторожно выбирая слова:

— Вы не сделаете мне одно одолжение?

— Я обязательно попытаюсь, Присцилла, — ответил он с не меньшей осмотрительностью. — В чем оно заключается?

— Я подумала: не могли бы вы составить мне список всех тех людей, кем вы бываете, чтобы я знала, кого вызывать.

Он ухмыльнулся.

— Боюсь, что список окажется чересчур длинный. А некоторые персоны настолько близки, что различить их может только лиади-ец. — Он отставил рюмку в сторону и принялся загибать пальцы. — Глава семейства Йос-Галан. Бесспорный наследник Клана Корвал. Опекун наследника семейства... это шутка. Брат Вал Кона, Новы и Анторы. Кузен Вал Кона. Опекун Анторы. Отец Пэйдди. Мастер-пилот...

Он вздохнул.

— Это слишком скучно, Присцилла. Если собьешься, называй меня «Шан», а я разберусь, кого ты имела в виду.

— Почему бы мне не называть вас просто капитаном?

— Я так и знал, что ты это скажешь! — пожаловался он.

Неожиданно для него она улыбнулась и указала на топорик.

— А в чем идея?

— Мой отец говаривал — как мне сообщили сегодня, — что если у хозяина дома, который вас принимает, кинжал, то вам следует взять кинжал и боевой нож. Думаю, он имел в виду какую-то другую ситуацию, но Расти имел любезность напомнить мне эти слова сегодня утром, когда предупредил о визитерах.

Он высвободил топор — и два куска разрубленного чурбака покатались по полированной крышке стола.

— А вот мой брат говорит, что ничто так не охладит пыл человека, как вид обнаженного клинка. — Он продемонстрировал сй топорик, и Присцилла откинулась на спинку кресла. — Я вижу, что он прав. Это очень утешительно. Я решил, что устрою своим гостям наглядное напоминание о силе. — Он ухмыльнулся. — Лиадийские фокусы, Присцилла. Прости меня.

Она пожала плечами.

— Это подействовало, правильно? И они тоже прибегли к фокусам. Угрожали и вели себя так, словно весь закон на их стороне.

— Короче, самодурствовали.

— Я чувствую, вы мне это никогда не забудете. — Она вздохнула. — Мне есть смысл сказать, что я сожалею?

— А ты действительно сожалеешь? Ты могла бы попросить у меня прощения, если ты считаешь, будто я обижен. Но обычно

лиадийцы не просят прощения. Видишь ли, это — признание своей вины. Извинения рассматриваются как признание того, что другая сторона имеет основания считать себя оскорбленной, обиженной или ущемленной. При этом не страдает твое право действовать так, как ты считаешь нужным.

Она удивленно раскрыла глаза.

— Так вот почему Кэйзин Не-Зейм была так на меня зла, когда мы столкнулись у главного компьютера! Я все время говорила ей «Извините».

Она сделала глоток вина, молча обдумывая новые сведения.

Шан играл с топориком, поворачивая его то так, то эдак, отмечая про себя его уравновешенность и ощущение тяжести на ладони. Отложив опасную игрушку, он снова взял рюмку и пригубил вино, позволив себе роскошь наблюдать за выражением лица Присциллы.

Словно ощутив на себе его взгляд, она подняла глаза. На ее губах появилась легкая улыбка.

— У вас ко мне есть что-то еще, капитан? Мне сейчас положено учиться пилотировать.

— Учишь меня командовать моим кораблем? — Он указал рюмкой на дверь. — Ну, возвращайся к делам. И спасибо тебе за помощь.

— Не за что, капитан, — безмятежно отозвалась она. — Меня это ничуть не затруднило.

ПОРТОВЫЙ ГОРОД АРСДРЕДА

ПОЛУДЕННЫЙ БАЗАР

Господин дэа-Гаусс откинулся на спинку сиденья и позволил себе секунду самодовольства. Ход дел к настоящему моменту был вполне удовлетворительный. Правда, напомнил он себе, он отнюдь не смирился с тем, что его срочно выдернули с Лиад и кинули через всю галактику практически без предупреждения. Если бы его nasledница не заключила недавно брачного контракта, привязавшего ее к поверхности планеты, то Корвал представил бы более молодой и менее проверенный представитель семейства дэаГаусс. И старший дэа-Гаусс так и заявил Первому представителю Клана Корвал.

Леди Нова ответила на это заявление легким кивком и продолжила излагать его задание ясным и спокойным голосом. От этого воспоминания господин дэа-Гаусс снова ощутил прилив тепла. Леди Нова была удивительно похожа на отца и не по годам разумна и компетентна.

«Она справится», — с удовлетворением решил господин дэ-Гаусс.

Они все в конце концов должны справиться. Конечно, очень обидно, что столь влиятельный Клан, как Корвал, преждевременно перешел в руки людей, которые слишком молоды для того, чтобы взять на себя все обязанности. Даже старший, Шан — теперь Тоделм ЙосГалан, — не достиг еще полного совершеннолетия. А юный Вал Кон, будущий Делм, вообще еще птенец, каким бы талантливым разведчиком его ни считали.

Немолодой джентльмен откинул голову на подголовник. Его долг — проследить за тем, чтобы в этот переходный период все шло как нужно. Семейство дэ-Гаусс вело дела Клана Корвал в течение жизни многих поколений — к их взаимной выгоде.

Они — дети сообразительные, напомнил он себе с гордостью почти что старшего дядюшки. Он и его близкие были бы поистине людьми недостойными, если бы Клан Корвал потерял свои позиции, пока Вал Кон не надел кланового кольца.

Такси плавно остановилось. Господин дэ-Гаусс открыл глаза и выглянул из окна. Убедившись, что такси доставило его куда нужно, он взял свой портфель и дорожный бьюар, опустил нужную монету в щелку таксометра и вышел из такси через открывшуюся дверь. Он удивленно моргнул, когда в него ударила волна шума, цвета и запахов инопланетного базара, а потом неспешно направился к люлькам шаттлов.

У люльки 712 стоял вооруженный охранник. Господина дэ-Гаусса это не встревожило: много он и не ожидал. Что его удивило, так это присутствие еще двух людей, которые громко пререкались с охранником.

— Меня это совершенно не интересует! — громко объявляла толстуха с украшенными самоцветами косами. — Вам могут отдавать приказы хоть Четыре тысячи Небесных воинов! Я — посланница Гриттл, со Скандии! Вы видели мои документы. Вы проверили их подлинность. У меня срочное дело на борту «Исполнения долга»!

— Под запретом, — лаконично перебил ее охранник. — По распоряжению судьи Бермерта.

Лицо толстухи приобрело странный багровый цвет, который довольно интересно сочетался с серебряными полосками, проведенными вокруг глаз. К охраннику обратился второй спорщик:

— Я — Чон Лайл, агент мира Треллен в данном секторе. Мне необходимо быть на борту «Исполнения долга». Клан Корвал — лицензированный представитель мира Треллен в вопросах торговли с другими планетами. Обвинение в незаконных сделках, выдвинутое против флагманского корабля, должно считаться обвинением против моего мира!

Морщины между бровями господина дэа-Гаусса расправились. Здесь явно ошущалась рука Первого представителя Клана Корвал. Он шагнул вперед, удостоив охранника легкого кивка, как значительной персоне и подобает приветствовать простого насмного работника.

Охранник скучаяще посмотрел на него.

— Можете ничего мне не говорить. Вы хотите попасть на «Исполнение долга».

— Вот именно, — ответил он, не заблуждаясь насчет этого внешне быстрого понимания. Он протянул охраннику трижды сложенный кусок оранжевого пергамента. — При мне постановление судьи Бермерта, которым эта привилегия предоставлена мне, а также всем тем, кого я сочту необходимым для выполнения моих обязанностей. — Он сделал широкий жест в сторону посланницы и агента. — Эти люди относятся к их числу. Извольте проверить подлинность этого документа. Я спешу.

Охранник вздохнул, принял бумагу и развернул ее одним ловким движением кисти. Его глаза быстро скользнули по немногочисленным строчкам, потом вернулись к началу документа и снова двинулись вниз, уже медленнее. Не отрывая взгляда от страницы, он снял комм с пояса, включил его, произнес несколько отрывистых слов, а потом выслушал ответ. Затем он кивнул.

— Ладно, коротышка, — сказал он, возвращая документ господину дэа-Гауссу, который аккуратно его сложил и спрятал себе в рукав. — У тебя все по закону. — Охранник заглянул в люк шаттла. — Эй, Сет! Клиенты!

После этого охранник снова принял свою предписанную правилами позу: руки сложены на груди, ноги расставлены на ширину плеч.

Высокий остролицый землянин вышел к началу трапа, посмотрел на троих ожидающих, а потом поклонился пожилому лиядийцу.

— Слушаю, сэр?

Ответом ему послужила легкая улыбка и настоящий — хоть и неглубокий — поклон. Клан Корвал берет на работу людей достойных. Все как надо.

— Я — дэа-Гаусс, поверенный Клана Корвал. Лорд йос-Галан меня ждет. — Он указал на своих спутников. — Это — посланница Гриттл со Скандии и агент Чон Лайл с мира Треллен. Его милость будет весьма рад их принять.

Сет кивнул и посторонился, пропуская их в шаттл.

— Добро пожаловать на борт, господа, мадам. Мы взлетим, как только диспетчерская даст нам разрешение.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

147-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

15.00

— Этот груз опечатан!

Более высокий из инспекторов повернулся и тяжело вздохнул, обдав своим дыханием низенького суперкарго, в девятый раз повторив, что их долг — провести инспекцию и...

— Осмотреть трюмы, товары, оборудование и генеральный груз «Исполнения долга», приписанного к Солсинтре, Лиад и находящегося под командованием Шана Йос-Галана, мастер-купца, — нараспев произнес Кен Рик и раздраженно воздел руки. — Я это знаю. А еще я знаю, что этот груз опечатан. Вы понимаете, что это значит? «Опечатан» — это значит, во-первых, что этот груз был доставлен на борт агентством, арендовавшим данный трюм, закреплен так, как они считали нужным, и заперт на их замок. Во-вторых, это означает, что, опечатав груз в месте отправки, агентство уверено — и заплатило за эту уверенность, — что трюм по-прежнему будет опечатан, когда груз попадет в место назначения. В-третьих, это означает, что если вы двое... личностей... вскрыете этот люк, «Исполнение долга» потеряет плату за перевозку размером приблизительно в пятнадцать кантр — это пятьсот двадцать пять тысяч монет по-вашему! И скорее всего еще в десять раз большие убытки за счет того, что в дальнейшем не сможет перевозить опечатанные грузы.

Более высокий инспектор вздохнул.

— Я знаю курс перевода валют, сэр. А еще я знаю, в чем заключается мой долг. Вы же понимаете, что в случае контрабанды полагаться на корабельные документы — это глупость чистой воды.

Кен Рик задохнулся.

— Как вы смеете!..

Ему вдруг перестало хватать земных слов. Сжав зубы, он прошагал вперед, встал перед люком трюма, ставшего камнем преткновения, скрестил руки на груди и уперся пятками в пол.

— Этот трюм опечатан, — объявил он со спокойствием, которое его капитан мгновенно оценил бы как крайне угрожающее. — И останется опечатанным.

— Как и должно быть, — произнес сухой голос слева от него. — Если, конечно, один из этих господ не является официальным представителем компании, чья печать стоит на грузе.

— Господин дэа-Гаусс!

Поверенный Клана Корвал поклонился.

— Господин йо-Ланна. Рад видеть вас в полном здравии.

— А я рад видеть вас, сэр, — отозвался Кен Рик, адресуя инспекторам крайне схидную улыбку. — Чем могу вам служить, господин дэа-Гаусс?

Его собеседник на секунду задумался.

— Мне понадобится рабочий кабинет. Насколько я понял, эти лица — инспектора... э-э... арсдредского суда?

— Это именно так, — заявил более высокий из инспекторов, выходя вперед и протягивая руку. — Я — Дженнер Халоти. Мой коллега — Крис Уильям. Наш долг требует... — тут он опасливо посмотрел на суперкарго, — ...обыскать данный корабль на предмет наличия контрабанды и нелегальных товаров.

— Но мне представляется, — отозвался поверенный, не замечая протянутой ему руки, — что ваша компетенция не распространяется на трюмы, опечатанные компаниями, не имеющими связей с Кланом Корвал или «Исполнением долга», если при этом не будет присутствовать представитель данной компании. — Он осмотрел инспекторов так, как смотрят на соперника перед началом поединка. — Данное условие преследует две цели. Представитель присутствует при вскрытии печати и обыске груза и может официально подтвердить, что это — действительно тот самый груз. Кроме того, если этот груз окажется нелегальным — или будет содержать контрабанду, — то у вас, господа, будет виновник в лице этого представителя. Присутствует ли... — тут он посмотрел на печать у люка, — на борту представитель производственной компании «Пинглит» господин йо-Ланна?

— Нет, сэр, такого на борту нет, — с удовольствием сообщил ему Кен Рик. — Однако с нами летит посланница Мэй с Вингольда, планеты, на которой расположен «Пинглит». А также посланники Шарп, Суганаки и Гомес с планет, имеющих с ними торговые связи.

— Превосходно, превосходно. — Глаза старого поверенного загорелись. Кен Рик знал, что это — знак предвкушения битвы. — Если эти господа соизволят последовать... Господин йо-Ланна, прошу прощения — есть какое-нибудь помещение, где я мог бы работать?

— Вы можете воспользоваться моим кабинетом, сэр, — предложил Кен Рик с великолепной сердечностью. — Сюда, пожалуйста.

— Со всем нашим уважением, господин... э-э... дэа-Гаусс?.. Но мы должны выполнять наши обязанности.

— Конечно, должны! — согласился он. — У всех нас есть свои обязанности. Однако в данном случае ваша обязанность должна будет выполняться после моей. — Он отвесил чопорный, почти надменный поклон. — Будьте добры пройти с нами, господа.

* * *

Шан Йос-Галан с ленивой поспешностью завернул за угол, держа в правой руке рюмку вина, а левой баюкая большое зеленое растение. Он резко остановился, так что ветви дерева заколыхались над его головой, и заморгал с убедительнейшей тупостью.

— Инспектора ушли, Кен Рик? Или у вас перерыв на полуваж-тенный чай? Пожалуйста, не думайте, что я хочу лишиться вас чего бы то ни было, но...

Кен Рик ухмыльнулся.

— Господин дэ-Гаусс на борту.

— Неужели? Как это приятно! Ему отвели каюту? О, вы направляетесь его навестить? Какой я глупый — ну конечно, вы идете к нему! Очень правильно: ведь вы с ним такие добрые друзья. Пара партий в контрашанс, несколько рюмок вина, обмен новостями... Но как же инспектора, Кен Рик?

— С инспекторами сейчас господин дэ-Гаусс. Он пришел прямо к трюмам в поисках вашей милости и взял все в свои руки. Меня отправили за переходником и цветным экраном, чтобы он мог работать более эффективно.

— Вы оставили инспекторов одних с господином дэ-Гауссом? — Шан широко улыбнулся. — Бедные инспектора. Как вы считаете, Кен Рик, я должен прийти им на помощь? Нехорошо, если против нас выдвинут обвинение в жестоком обращении с людьми, имеющими ограниченные умственные способности!

— Господин дэ-Гаусс вызвал ко мне в кабинет трех посланников, которые имеют отношение к сложившейся ситуации. Он сейчас инструктирует инспекторов. Думаю, какое-то время им ничего особенного не грозит. — Кен Рик фыркнул. — Вы знаете, что мы воспользовались услугами местной бухгалтерской фирмы для подсчета убытков, которые несут порт и корабль, пока на «Исполнении долга» лежит запрет?

Шан потрясенно уставился на него.

— Неужели? Это мы умно поступили, правда? А как мы это сделали?

— Мы опубликовали объявление, — объяснил старый суперкарго, чей голос едва заметно подрагивал, — в деловой газете порта.

Шан громко расхохотался, так что растение у него в руках опасно затряслось.

— О, небо! О нет! В деловой газете порта? Кен Рик, на наши души легло пятно: мы ввели профессионала в любительскую игру! Кстати об этом — думаю, мне следует присутствовать в качестве арбитра. Моя милость не пропустит такого зрелища даже за... Ладно. — Он протянул растение Кен Рику. — Окажи мне любезность и отнеси вот это в каюту посланника Келмик. Она сказала мне, что ей неуютно в отсутствии какой-нибудь зелени.

Кен Рик вздохнул.

— Как дела в библиотеке любимцев?

— Лина с Присциллой держатся. Право, у нас просто необыкновенная команда! Когда я уходил, инспектора обливались кровью, но не сдавались. На обеих дамах не было ни царапины.

— И не будет, — с удовольствием предсказал суперкарго. — Пожалуйста, передайте господину дэа-Гауссу, что я о нем не забыл и что он в ближайшее время получит нужное оборудование.

— Обязательно передам, — пообещал Шан, устремляя свои быстрые легкие шаги к кабинету суперкарго.

Кен Рик ухмыльнулся и направился к гостевому коридору. Ветви растения трепыхались у него над головой при каждом шаге.

— А еще, — поучительным тоном объяснял господин дэа-Гаусс своим слушателям, когда Шан вошел в кабинет суперкарго, — следует учесть, что люди, работающие на клан Корвал, получают жалование, которое на десять—пятнадцать процентов превышает жалование аналогичных служащих на других кораблях. Это, конечно, означает больший объем трат во время увольнений членов команды кораблей клана. Я рассчитываю получить точные экстраполяции в течение... О, ваша милость!

Он немедленно встал и низко поклонился.

Шан подавил вздох и кивнул.

— Господин дэа-Гаусс, я счастлив вас видеть. Простите, что я не пришел лично вас встретить, когда вы поднялись к нам на борт.

— Ваша милость очень любезны. Понятно, что вашего внимания требуют много вопросов. Господин йо-Ланна прекрасно обо мне позаботился. Полагаю, не будет слишком оптимистичным сказать, что дела идут хорошо и вскоре будет положен конец этому недоразумению.

— Я уверен, что все мы на это надеемся, — серьезно откликнулся его милость. — Будьте добры, продолжайте. Наблюдать за вашей работой всегда невероятно полезно.

Господин дэаГаусс принял этот комплимент, серьезно кивнув, и снова уселся. Шан прошел налево, обменялся вежливыми улыбками с четырьмя посланниками и занял такую позицию, откуда он мог видеть лица инспекторов и рабочий экран поверенного.

— Мы в ближайшее время, — вернулся к прежней теме поверенный клана Корвал, — должны получить ответ от производственной компании «Пинглит». Если они согласятся на предложенный им вариант — то есть, ваша милость, на то, чтобы счесть присутствие этих четырех лиц, посланников Мэй, Шарпа, Гомеса и Суганаки, равносильным присутствию одного из их агентов, — то мы сможем приступить к снятию печати и инспекции трюма номер

сорок три. Тем временем, господа... — тут он повернулся к обалдевшим инспекторам, — ...я прошу вас представить мне список помещений корабля, которые уже были осмотрены, — и удостоверение на каждое из них.

— Удостоверение, сэр? — с трепетом переспросил более низкий инспектор (Шан вспомнил, что его зовут Уильямом). — Какое именно удостоверение?

Господин дэГаусс устремил на него суровый взгляд из-под нахмуренных бровей.

— Разумеется, удостоверение о том, что в указанном помещении не найдено ничего противозаконного. Мне нет нужды спрашивать, так ли это. Иначе быть просто не могло.

Инспектор Уильям переглянулся со своим напарником.

— Это не так? — возмущенно спросил господин дэ-Гаусс.

Более низкий инспектор судорожно сглотнул.

— Нет, сэр, конечно. То есть — мы не обнаружили никаких запрещенных веществ в тех трюмах, которые проинспектировали на данный момент. Однако, сэр, нам даны указания обыскать весь корабль целиком и выдать удостоверение по окончании проверки.

— Этого недостаточно, — объявил господин дэ-Гаусс, снова поворачиваясь к экрану. — И кроме того, я нахожу необъяснимым, что на это задание направлены всего две группы инспекторов. Корабль такого размера, как «Исполнение долга»! Это просто смешно. А пока вы занимаетесь своим делом, Корвал теряет сумму порядка... — он нажал кнопку с благоговейной нежностью, какую другой мужчина мог бы приберечь для прикосновения к щеке возлюбленной, — ...семь кантр за торговые сутки. Арсдредский порт теряет четыре целых восемь десятых кантры за торговые сутки. И эта сумма не включает в себя убытки со стороны тех торговцев, которые гарантировали поставки товара, полагаясь на нашу надежность. Нам необходимо как минимум еще две команды инспекторов.

— Я, — негромко проговорила посланник Суганаки, — почла бы за честь, если бы мне было дозволено наблюдать за работой одной из этих групп. Абсурдно, что команде приходится нести все тяготы инспекции, когда здесь присутствуют так много моих коллег, обязующихся оказывать помощь. Я уверена, что у всех членов команды есть свои регулярные обязанности, которые им необходимо выполнять, несмотря ни на что.

Шан поклонился.

— Благодарю вас, мадам. Именно такое содействие нам и нужно. Если бы я мог предположить, что «Долг» вот так возьмут на абордаж, то я с самого начала полета заключил бы контракт с гораздо большим количеством народа.

— Это, безусловно, оказалось событием неожиданным и беспрецедентным, — совершенно серьезно согласилась Суганаки, хотя глаза ее весело заискрились. — Возможно, объявление на приеме, назначенном на этот вечер, позволит моим коллегам узнать о ситуации, в которой требуется их помощь. — Она повернулась к поверенному Клана Корвал. — Мне кажется, что даже четырех дополнительных групп для инспекции не было бы чрезмерно много. «Исполнение долга» — большой корабль.

— Весьма достойное предложение, посланник. Приношу вам мою благодарность. Я узнаю у судьи Бермерта, как нам получить дополнительных инспекторов. А теперь... — Тут раздался сигнал внутрикорабельной связи, и господин дэаГаусс нажал кнопку переговорного устройства. — Да?

— Говорит рубка, господин дэа-Гаусс, — официальным голосом объявил Расти. — Производственная корпорация «Пинглит» согласилась с вашим предложением. Бумажная копия соглашения будет доставлена ближайшим курьерским кораблем. Они просят вас сообщить им, чем они еще могут быть полезны.

— Превосходно, рубка. Благодарю вас. — Он отключил связь и обвел всех присутствующих удовлетворенным взглядом. — Ну что ж, теперь давайте отправимся в трюм сорок три.

Гораздо позже, когда инспектора отправились на планету, Шан проводил господина дэа-Гаусса до гостевого коридора.

— У меня для вас послание от Первого представителя, ваша милость, — негромко проговорил старый поверенный на высоком лиадийском. — Она просила меня передать вам, что клан берет на себя все расходы, связанные с этими событиями, поскольку удар направлен на Клан Корвал в целом, а не только на «Долг» или вас самого.

Шан рассеянно кивнул.

— Первый представитель, моя сестра, проявляет большую щедрость.

Такой ответ был в высшей степени уместным. Господин дэа-Гаусс откашлялся, готовясь говорить дальше. Ему редко приходилось видеть его милость столь податливым. В эту секунду он не помнил, что каждый период послушания, который ему приходилось видеть у Шана, непосредственно предшествовал какой-нибудь безумной выходке. — У меня также есть для вас послание от лорда Йос-Феллиума.

Крупные губы изогнулись в улыбке.

— Правда? И что же сказал мой брат?

Поверенный Клана Корвал немного замялся. Послание было странным: небрежным до неприличия. Однако господин дэа-Гаусс был убежден в том, что молодой Вал Кон унаследовал хитроумную прямооту своего отца, а это значило, что подлинное послание скры-

валось за теми словами, которые ему поручено было передать. Тщательно стараясь передать все в точности, он медленно проговорил:

— Он просил меня сказать вам, что не сомневается в том, что у хорошего разведчика и хорошего вора есть определенное сходство в важных сторонах личности. Он благодарит вас за предложение новой карьеры и спрашивает, что он может иметь честь украсть у вас в первую очередь.

Шан расхохотался.

— Изменник! Его надо было утопить сразу после рождения. Сколько он пробудет дома?

Господин дэ-Гаусс разрешил себе негромко фыркнуть, выражая неодобрение такими словами, сказанными в адрес наследника Клана Корвал, и чопорно ответил:

— Он провел на Лиад всего четверть релюммы, а потом неожиданно получил приказ вылететь на разведку. Насколько я знаю, он покинул планету в тот самый день, когда я предстал перед Первым представителем. Я по чистой случайности имел честь ненадолго увидеть его и обменяться с ним приветствиями.

Шан задумался над услышанным.

— Получил неожиданный приказ заняться разведкой, вот как?

— Да, милорд. И это стало ударом для леди Новы. Она пригласила в гости леди Имельду. Полагаю, она рассчитывала на брачный контракт между этими сторонами, так что его милость смог бы исполнить свой долг перед кланом.

— Но она уже оправилась? — озабоченно спросил Шан.

Господин дэ-Гаусс растерянно заморгал.

— Прошу прощения, ваша милость, я вас не понял. Кто уже оправилась?

— Моя сестра. Нашла кого попытаться навязать Вал Кону!

— Леди Имельда, — строго заявил старый поверенный, — принадлежит к хорошему клану. Она благородна и послушна.

— Очень послушна. И недостаточно глупа или недостаточно блестяща, чтобы у нее что-то вышло. Вал Кон уже через релюмму был бы на грани нервного срыва. — Они задержались у двери темно-синего цвета. — Готов спорить с вами на что угодно, сэр, что этот неожиданный приказ вылететь на разведку последовал после личной просьбы о вызове.

На это можно было бы дать несколько ответов — но все они были бы совершенно непристойными. Господин дэ-Гаусс решил хранить ледяное молчание. Его милость ухмыльнулся и поклонился.

— Ваша каюта, сэр. Надеюсь, вы найдете все в соответствии с вашими пожеланиями. Прием для посланников будет в двадцать часов. Надеюсь увидеть вас в числе веселящихся.

Господину дэ-Гауссу ничего не оставалось, как только поклониться и уйти к себе.

Шан направился к своим комнатам. Его большие шаги стремительно несли его в нужном направлении, а лоб задумчиво морщился.

Конечно, парню следует исполнить свой долг перед кланом. Каждый должен дать клану своего личного наследника или наследницу. Даже Шан, неисправимый циник, дал Клану Корвал дочь, которая со временем займет его место как глава семейства Йос-Галан, как командир «Долга»... Будь они прокляты с их упрямством! Если бы только Нова попыталась попросить Вал Кона заняться поисками какой-нибудь подходящей леди, все могло бы пойти нормально.

Шан вздохнул, остановился в центре своей спальни, закрыл глаза и начал дышать глубоко и ровно, как его когда-то научили мастера-целители. Постепенно все его тревоги — семейные, профессиональные, личные — улеглись.

Надо решать проблемы по очереди, сказал он себе с уверенным спокойствием.

И перед его внутренним взором возник образ Присциллы — такой, какой он видел ее в последний раз, когда она с воинственным блеском в глазах вступила в схватку с запуганными инспекторами.

Он со стоном опустился на кровать и закрыл лицо руками.

«Ты хочешь слишком многого, твоя милость, — сказал он себе. — Постарайся быть достойным ее дружбы. И если тебе повезет, то у тебя это получится».

Он поднялся на ноги и направился к освежителю, скидывая на ходу одежду. Там он встал под игольчатый душ, решительно направив свои мысли на предстоящий присм для посланников и на то, какую пользу можно будет из него извлечь.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

148-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ЧЕТВЕРТАЯ ВАХТА

17.00

— Тебе необходимо иметь платье!

— Лина...

— Нет! — воскликнула хрупкая лиядийка, хватая подругу за руку. — Ты идешь на прием, одетая как положено. Я больше ни о чем не желаю слушать!

Присцилла не сдавалась. Закусив губу, она сказала:

— Лина, мне жаль, искренне жаль. Но у меня нет денег, милая. Совсем. И я уже потратила часть будущего заработка, купив те вещи, которые ношу сейчас. Платье... вечернее...

— Ха! — Лина вскинула вверх свои изящные руки, а потом шагнула вперед, легко прислонясь к плечу своей более высокой подруги. — Я куплю платье, и ты его наденешь, чтобы сделать мне приятное, а? — Она улыбнулась. — Все устроилось!

Присцилла улыбнулась и покачала головой.

— Я не могу обращаться к тебе с такой просьбой, Лина. Почему ты...

— А почему нет? — прервала ее Лина. — Мы же сестры: ты сама это сказала! Разве я могу позволить, чтобы моя сестра шла на прием, одетая не так, как надо? И при чем тут просьбы: тебе удивительно трудно сделать подарок! — Она со смехом потянула Присциллу за руку к входу на общий склад. — Идем, денубиа. Тебе надо учиться красиво принимать подарки.

Землянка тихо засмеялась.

— Еще один урок этикета? А потом ты еще велишь мне надеть серьги, которые мне подарил капитан!

— А почему бы и нет? — спросила Лина. — Фасон у них удачный. По-моему, они будут на тебе очень хорошо смотреться. Шан — человек благородный, он не делает подарка, чтобы потом закричать: «Вы у меня в долгу!» — Она заглянула подруге в глаза. — Серьги твои, Присцилла. Это подарок, сделан добровольно. Нет ничего плохого в том, чтобы их надеть.

Она провела подругу через первый зал, где хранилась рабочая одежда и повседневная обувь, а потом — даже мимо праздничных туник и мягких туфель — в следующую комнату, где сказочные ткани манили взгляд со всех сторон, а в воздухе пахло праздником.

— Не думаю... — начала Присцилла, озираясь вокруг, словно дикарка.

— Ха! — снова воскликнула Лина, не оставляя ей времени на возражения. — Почему тебе не иметь платья, которое тебе к лицу? — Она снова чуть прижалась к подруге, протягивая ей как руку, так и мысленное прикосновение, умерившее зарождающуюся панику. — Присцилла, ты такая красивая! От этого — лишняя радость. Почему не доставить удовольствие себе — и тем, кто тебя видит, — надевая красивые вещи? Событие этого требует!

Но Присцилла уже не слушала. Она наклонилась и нежно погладила Лину по голове, а потом положила пальцы под острен-

кий подбородок и повернула ее лицо так, чтобы на него падал свет. Лина встретила взгляд ее вспыхнувших глаз спокойно: все Дороги ее души были открыты, Стена находилась позади.

— Ты из Круга, — прошептала Присцилла, обращаясь не столько к Лине, сколько к себе. — Я ощущаю, как от тебя исходит тепло, словно от пламени в камине, подруга. И раньше — боль, потом исцеление...

Она убрала руку. Лина не опускала головы и продолжала смотреть прямо в глаза Присцилле.

— Ты — Жена, Лина? Или ты Ведьма?

— Я была Женой. Два брачных контракта, как положено. И я — мать двух сыновей, Бей Лора и Зака. По специальности я — библиотекарь, по подготовке — целитель. Я не знаю, кто такие Ведьмы, подруга.

— Целитель? — Присцилла нахмурилась. — Целитель — это... Плетельщица душ. Так мы называем их на Синтии. Когда кто-то болен душой...

— Когда кто-то не принимает радости, — согласилась Лина. — Шан говорит, что правильное название на земном — это эмпат. — Она немного поколебалась. — Я не уверена. По моим впечатлениям... Целитель может помочь не каждому. Есть такие, кого я совсем не чувствую. И существует специальная подготовка: надо научиться способам защиты, освоить методы...

— Да, конечно. — Присцилла продолжала хмуриться. — Но я...

— Ты, — перебила ее Лина, — отталкивала радость, отрицала смех и возможность доброты. Так не могло продолжаться! У меня была возможность тебе помочь. Почему мне было этого не сделать? — Она подалась Присцилле навстречу, не обращая внимания на присутствие посторонних, по-прежнему не закрывая всех Дорог. — Присцилла! Мы сестры. Ты это сказала. Я этого не отрицаю.

Она ощутила вспышку боли — такой острой, словно капля концентрированной кислоты, а потом — волну радости, почти такой же обжигающей. Лина обвила руками талию подруги и крепко ее сжала, чувствуя, как Присцилла тоже притягивает ее к себе.

— Сестра и подруга...

Напоследок стиснув ее так сильно, что кости захрустели, Присцилла ее отпустила. Лина поняла, что ее Дороги затопила яркая, звонкая радость ее подруги. Ей едва хватило сообразительности закрыться, чтобы не опьянеть окончательно.

— Пошли! — сказала она с улыбкой и взяла Присциллу за руку. — Давай выберем тебе великолепное платье!

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

148-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ЧЕТВЕРТАЯ ВАХТА 20.00

Когда Лина ушла, Присцилла еще долго стояла перед зеркалом, разрываясь между ужасом и восторгом.

Платье действительно было великолепное: черный блескошелк с причудливо разбросанными серебряными молниями, которые переливались и танцевали при каждом ее движении. Ткань закрывала ее тело от колен до шеи, от плеча до запястья, скрупулезно повторяя все линии, которые она облежала. Разрез справа позволял делать шаги привычной длины, на мгновение дразняще открывая гладкое бедро. Одной Богине известно, сколько мог стоять такой наряд. Когда Присцилла задала этот вопрос, Лина ей не ответила.

Она хмуро посмотрела на свое отражение. На правом запястье у нее было три оставшихся браслета, на левой руке — кольцо с голубой эмалью, одолженное у Лины. Серебряная лента молнией переливалась ее штормовые кудри. И все же чего-то не хватало.

Присцилла медленно вернулась к шкафу и покопалась на полке. Бархатная коробочка приятно согрела ладонь. Возвращаясь к зеркалу, она открыла защелку, а потом аккуратно вдела кольца в мочки ушей и отступила на шаг, чтобы оценить результат.

В следующую секунду она кивнула, от чего кольца затанцевали. Положив пустую коробочку на столик, она вышла из каюты.

Расти воззрился на нее с нескрываемым восторгом, а потом шагнул вперед и галантно предложил ей согнутую в локте руку.

— Цилла, ты просто несравненна. Как насчет контракта на совместное проживание?

Она ухмыльнулась.

— Ты слишком долго сидел в рубке, друг мой.

— Ну, это правда, — мрачно отозвался он. — Когда кэп и господин дэ-Гаусс объединили свои усилия, мне показалось, что я вообще больше не уйду со связи! Клянусь, мы захватили четырнадцать основных точек!

— Звучит серьезно, — посочувствовала она. — Попробуй уйти в библиотеку любимцев и защищать право Мастера Фродо на жизнь.

Расти возмущенно фыркнул.

— Зануды! Почему бы им не найти себе какое-нибудь настоящее дело? Можно подумать, мы стали бы возить контрабанду!

Наверное, все свои шарики порастеряли, раз попробовали повесить это на «Долг»!

Тут к ним подошла Лина рука об руку с пожилым лиадийцем в парадной черной тунике и строго подходящих к событию брюках пепельного цвета.

— Присцилла, это господин дэа-Гаусс, поверенный Клана Корвал, — проговорила она с торжественностью, которую можно было стерпеть только благодаря ее улыбке. Повернувшись к своему спутнику, она повторила формулу знакомства: — Господин дэа-Гаусс, это Присцилла Мендоса, моя близкая подруга.

Библиотекарь любимцев и поверенный обменялись поклонами.

Выпрямившийся господин дэа-Гаусс позволил себе улыбнуться.

— Леди Мендоса, я счастлив нашему знакомству. Леди Фаалдом отзывалась о вас чрезвычайно тепло.

— Я рада с вами познакомиться, господин дэа-Гаусс, — тепло сказала Присцилла и добавила дипломатичную фразу: — Я уверена, что дружба Лины послужит связующим звеном между нами.

— Я тоже так подумал, — отозвался пожилой поверенный, придя в восторг от такой вежливости. Он кивнул ее спутнику. — Господин Моргенштерн! Как вы поживаете?

— Да неплохо, сэр, — ответил Расти так, словно он не провел большую часть этого дня, выполняя инструкции немолодого лиадийца. — А как поживаете вы?

— Благодарю вас, сэр, я нахожусь в полном здравии, несмотря на то что совсем недавно был вынужден совершить перелет. А, я вижу посланника Кунга! — Он умело адресовал поклон одновременно Присцилле и Лине. — Прошу меня простить. Долг всегда приходится ставить выше удовольствия.

— Бедный посланник Кунг! — пробормотал Расти, когда господин дэа-Гаусс отправился к своей жертве.

Лина рассмеялась.

— Ах, он не так уж плох, этот старый джентльмен. Он искренне пытается заботиться о людях. Он не виноват в том, что работу он любит больше.

— Как скажешь, — с сомнением ответил Расти, которого ее уверения явно не убедили. — По крайней мере он не заводится с полоборота, как эта леди... как там ее? Карин? Помнишь, когда она и ее сын летели с нами? По-моему, Шан и носа не показывал в гостевой отсек, пока она была на борту! Даже капитан Эр Том нервничал.

Лина улыбнулась.

— Но ведь это длилось всего несколько недель. А остальной полет прошел очень хорошо. Ха! А теперь я должна извиниться! Я обещала поговорить с господином Лайлом. И нам действительно надо вести себя с ними любезно, потому что мы хотим, чтобы они

на нас работали. — Она поклонилась им как равным и адресовала Присцилле отдельную улыбку. — Леди Мендоса, господин Моргенштерн.

Расти покачал головой и картинно вздохнул.

— Ну, вообще-то она права. Мне следует найти ту глупую тетку, которая так заинтересовалась узким лучом, и продемонстрировать свою воспитанность. — Он поднял руку и виновато ухмыльнулся. — Еще увидимся.

Присцилла осмотрелась. Господин дэа-Гаусс что-то серьезно обсуждал с истонченным и невероятно высоким землянином. Дженис Уэзерби и Тони развлекали разговором трех или четырех гостей, которые то и дело весело смеялись. Кен Рик вежливо слушал толстую женщину с разрисованным лицом и множеством косичек, украшенных самоцветами, а Лина мило улыбалась явно замороженному джентльмену (Присцилла заключила, что это и есть господин Лайл). Расти исчез в толпе, скопившейся в дальней стороне зала. И она не смогла найти еще одного человека, которого искала взглядом.

Она раздраженно пожала плечами и наугад пошла сквозь толпу. Какая ей разница, если Шан йос-Галан решил не приходить на прием?

— Конечно, было бы весьма прискорбно, — доверительно говорил посланник Гомес, обращаясь к старику в одеянии арсдредца, — если бы Клан Корвал сообщил своим союзникам и торговым партнерам, что их корабли больше здесь не останавливаются.

— Ущерб придется восстанавливать на протяжении жизни нескольких поколений, — пробормотал кто-то еще рядом с Присциллой. — Экономическая катастрофа... второразрядный порт...

Проскальзывая с улыбкой мимо Дженис и Тони, Присцилла невольно задалась вопросом, действительно ли клан Корвал настолько влиятелен. Неужели он может разорить космопорт? Оставить без работы тысячи людей? Просто дав знать, что его корабли больше не будут здесь останавливаться? Это казалось невероятным. И в то же время Шан йос-Галан потерял по вине Сав Риды Оланска небольшое состояние и заявил, что деньги при этом его волнуют меньше всего!

«Он — человек честный, — подумала Присцилла. — Если бы денежные потери были по-настоящему серьезными, он бы мне сказал».

Заметив стоящего в одиночестве посланника, имевшего важный вид в своей украшенной лентами тунике и широком кушаке, она улыбнулась и поклонилась.

— Добрый вечер. Я — Присцилла Мендоса, член команды «Исполнения долга».

Посланник оказался одержим жаждой знаний. Ему хотелось узнать как можно больше о «Долге», его капитане, Клане Корвал, библиотеке любимцев и членах команды. Присцилла отвечала на его

вопросы, внося кое-какую правку, где ей это казалось необходимым. В кои-то веки она была рада своей привлекательной внешности, которая позволяла ей притвориться немного глуповатой. Хотя она не могла считать свою игру столь же вдохновенной, как исполнение Шана йос-Галана, для данной аудитории этого оказалось достаточно.

Распределение групп изменилось, и посланник Присциллы начал разговор с кем-то себе подобным. Получив свободу, она отошла. В поле ее зрения попал Сет: сложившись чуть ли не пополам, он говорил что-то на ухо Тони. Расти оказался рядом с композицией из комнатных растений вместе с Кэйзин Не-Зейм. Держась довольно официально, он что-то рассказывал группе слушателей.

А под самыми крыльями дракона, прислонившись к стене и внимательно слушая блондинку в форме посланника, обнаружился Шан йос-Галан. Он был одет в парадный костюм, в котором сочетались лиадийские и земные элементы: белая рубашка с кружевом, парчовый пиджак, темные облегающие брюки. С мочки правого уха свисала аметистовая подвеска. Присцилла, испытывая явное облегчение, шагнула в его сторону.

Он поднял взгляд, и его большой рот раздвинулся в улыбке. Присцилла застыла на месте и почувствовала, что краснеет.

— Госпожа Мендоса?

Раздавшийся за ее плечом голос оказался неприятно пронзительным. Она обернулась и улыбнулась толстухе с множеством косичек.

— Да! Чем я могу вам служить?

Женщина улыбнулась, на секунду разрушив линии своей парадной раскраски, и проделала резкое движение, которое Присцилла истолковала как поклон.

— Я — посланник Диа Гриттл со Скандии. Суперкарго йо-Ланна сказал мне, что вы — уроженка Синтии.

Улыбка на лице Присциллы застыла. Она была уверена, что побледнела. К счастью, посланник Гриттл этого, похоже, не заметила.

Присцилла кашлянула.

— Да, это так, сударыня...

Она закончила фразу легким подъемом интонации, словно вопрос.

Посланник резко кивнула.

— Я так и подумала, когда увидела, как вы вошли. Похожи на мать.

Присцилла глубоко вздохнула, с трудом проталкивая воздух сквозь сведенное судорогой горло.

«Только не здесь, Богиня! — взмолилась она. — Только не сейчас!»

— Леди Мендоса, посланник Гриттл, простите, что прерываю ваш разговор, но со мной человек, который очень хочет с вами познакомиться, леди.

Это говорил господин дэа-Гаусс. У Присциллы от облегчения подогнулись колени. Мысленно она возблагодарила Богиню. Улыбка, которой она одарила поверенного клана Корвал, была искренней.

— Конечно, сэра.

Посланник Гриттл проямлила нечто невнятное, но, несомненно, подобающее случаю. Господин дэа-Гаусс поклонился, представляя джентльмена, который подошел с ним.

— Присцилла, леди Мендоса, могу я представить вас судье Абрахантану Зару?

Старый судья шагнул вперед, шелестя рубиново-красным одеянием, и протянул ей холодную узкую руку.

— Я рад с вами познакомиться, леди Мендоса. Особенно потому, что это дает мне возможность лично принести вам мои извинения.

— Извинения, сэра? — Лоб Присциллы на секунду наморщился, а потом разгладился. — А, ордер! — воскликнула она, стараясь изобразить внезапное просветление. — А я и забыла, сэра. Пожалуйста, забудьте и вы.

— Вы очень добры. — Судья с улыбкой поклонился. — Но я хочу сказать вам, что не в моем обычае клеймить кого-то как вора на основании столь скудных доказательств, как те, что представил купец Оланек. Конечно, говорил он очень убедительно. Но я служу Закону и считаю себя виновным. Этот ордер не следовало выписывать.

— Ордер! — Посланник Гриттл воззрилась на судью с недоверием. — Вы выписали ордер на арест? Вы хоть на секунду задумались, сэра? Вы приняли во внимание, с кем вы имеете дело? — Она сделала глубокий вдох, и ее голос зазвучал еще пронзительнее, перекрывая шум зала. — Даже подумать о том, что Мендоса с Синтии может быть вором... Это недопустимо, сэра! Мы на Скандии имеем торговое партнерство с Синтией. Я лично знакома с семейством Мендоса. Это оскорбление, сэра! И почти нестерпимое! Какое... Был назначен залог? — спросила она у бледной и напряженной Присциллы.

— Был назначен залог в одну кантру, — пробормотал судья после секундной паузы, — который выплатил корабль «Исполнение долга». Клан Корвал гарантировал присутствие леди Мендоса в том случае, если дело дойдет до суда. — Он слабо улыбнулся. — Чего, я уверен, не случится.

— Мендоса с Синтии не нуждается, чтобы кто-то гарантировал ее слово! — огрызнулась посланник. Сунув руку в бархатный ридикюль, висевший на ее широкой талии, она достала оттуда одну тускло поблескивающую монету и сунула ее в руку судьи. — Скандия удваивает залог! Так мы стоим за своих союзников.

Присцилла провела языком по пересохшим губам, а потом открыла рот, чтобы сказать... что?

Ей на помощь снова пришел господин дэа-Гаусс. Он шагнул вперед и с прохладной улыбкой предложил посланнику свою руку.

— Леди Мендоса поистине счастлива, что ее родная планета имеет такого верного торгового партнера. Позвольте мне предложить вам рюмку вина, посланник.

Присцилла кивнула судье Зару, а когда подняла взгляд, то увидела, что он улыбается с неподдельной веселостью. Ее губы ответно изогнулись.

— А теперь я должна просить прощения у вас.

Его улыбка стала еще шире.

— Без всяких оснований, леди Мендоса. Вы же не грубили! — Он посмотрел куда-то за ее плечо. — Я вижу, что подали закуски. Позвольте мне проводить вас к столу.

— Вы очень добры, — поспешно ответила она, — но я... мне надо прямо сейчас увидеть одного человека. Возможно, мы сможем поговорить попозже.

Двигаясь с быстротой и грацией пилота, она проскользнула сквозь густую толпу и вышла в коридор. Стремительно пройдя по нему, она свернула за угол и привалилась к стене, слушая отчаянное биение своего сердца.

«Эта ужасная женщина! Кто слышал ее слова? Скорее всего все присутствующие. И она утверждает, что знакома с Анмари Мендоса! Всематерь, что мне делать?»

— Добрый вечер, Присцилла. Спишь? Ужасная толкучка, правда? Моя милость в таких случаях мало на что годится. Я страшно огорчаю мою сестру: ни манер, ни умения вести светский разговор!

Она стремительно открыла глаза и задыхнулась.

— Капитан!

— Иногда, — согласился он. Его светлые глаза насмешливо блеснули. — Тебе не нравится прием? Господин дэа-Гаусс показался мне очень довольным.

Ее лицо немного оттаяло, губы едва заметно дрогнули. Это еще не было улыбкой, но хотя бы шагом в том направлении.

— У меня не хватило духа сказать ему, что я не леди, — призналась она, стараясь попасть в легкий тон. — Боюсь, ему это будет неприятно.

Шан рассмеялся.

— Господин дэа-Гаусс в этих вопросах никогда не ошибается. Советую тебе приспособиться к своей аристократичности. — Он склонил голову набок. — Это будет не так уж трудно, правда, Присцилла? В конце концов, Мендоса с Синтии...

Ее лицо смертельно побледнело, рука поднялась, словно пытается отстранить его.

— Нет!

— Присцилла! — Он стремительно подался вперед, протягивая ей руку. — Присцилла, это была шутка! Я... я совсем не хотел тебя расстроить! — Он сделал еще один шаг, с силой прикусив губу. — Извини, Присцилла.

Ее рука задрожала, опустилась — и стиснула его пальцы.

— Ничего, — с трудом выдавила она, делая прерывистый вдох. — Пожалуйста, не надо спрашивать...

— Я не спрашиваю. У меня нет права спрашивать, Присцилла. Это была всего лишь шутка. У тебя был такой вид, словно тебе очень полезно было посмеяться. — Он виновато улыбнулся. — Мой проклятый язык!

Ее дрожащие губы уже готовы были улыбнуться.

— Посланник Гриттл...

— Ага, поневоле задумаешься, правда? Как ей удалось стать посланником? Как ты считаешь, она могла для этого кого-нибудь прикончить?

— Если это так, то еще есть надежда. — Улыбка наконец появилась, и она не отняла у него руки. — Может быть, кто-нибудь прикончит и ее.

Шан рассмеялся.

— Остается только надеяться. — Тут он вздохнул. — Моей миссии положено вернуться на празднество. Ты пойдешь со мной? Или отправляешься спать?

Она убрала руку, но продолжала улыбаться.

— Наверное, я постою здесь еще минуту-другую. А потом вернусь.

— Хорошо, — согласился он, неохотно направляясь обратно. На углу он обернулся. — Присцилла!

— Да, капитан?

По его лицу пробежала едва заметная тень, которая исчезла прежде, чем Присцилла успела понять, в чем дело. Он слегка поклонился.

— Так, ничего. Увидимся позже, Присцилла.

Она осталась одна.

Прислонившись к стене, она закрыла глаза и стала дышать так, как учат всех Новопосвященных: вдыхайте спокойствие, выдыхайте смятение. Вдыхайте силу, выдыхайте слабость. Вдыхайте надежду, выдыхайте отчаяние.

Спустя несколько минут она открыла глаза, выпрямилась и вернулась в зал приемов.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

155-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ПЕРВАЯ ВАХТА 4.00

Шан застонал и перевернулся. Длинная рука выпросталась из-под одеяла и безошибочно шлепнула по пластине будильника. Подчиняясь этой подсказке, в каюте зажегся свет и заиграла музыка. Громко.

— Подождите вы! — пробурчал он, садясь и причесывая волосы пальцами. Музыка немного стихла — что весьма оценила его раскалывающаяся от боли голова. — Проклятая травка! Поднимает вас до облаков, а потом дает по башке камнем. И зачем только ее курят?

Спальня не ответила.

Ну что ж — недельная торговля принесла неплохой доход. Похоже, арсдредцы приложили все усилия к тому, чтобы «вернуть» каждую кантру убытков, которые так тщательно отслеживала портовая деловая газета. Оставалось только огорчаться, что прибыль еще никому не помогала избавиться от мигрени.

Шан снова застонал, а боль усилилась с возвращением памяти. Господин дэ-Гаусс высказал желание побеседовать с его милостью этим утром по вопросам, касающимся Клана Корвал. Великолечно.

Он осторожно спустил ноги на пол и встал, поморщившись. Может, ему еще не поздно отказаться от своего лордства? Но в этой мысли не было убежденности. Он нужен брату и сестрам, так что лордом Шан останется.

— Душ, — решительно сказал он себе. — И завтрак. Кофе. Чудесный горячий кофе.

Завтрак — это была недурная мысль. А кофе — так просто гениальная. Вооружившись второй по счету дымящейся кружкой, Шан переместился в свой рабочий кабинет, обмениваясь кивками и словами приветствия со встречаемыми членами команды.

Хорошая новость, решил он, прикладывая ладонь к сенсорной пластине, заключается в том, что его разговор с поверенным клана не может не быть коротким. «Долг» получил разрешение уйти с орбиты Арсдреда по прошествии одного корабельного часа.

Дурная новость заключалась в том, что господин дэ-Гаусс мог вместить в один час больше благовоспитанных правоучений, чем проповедник культа Морелеки. Особенно пугали слова «по вопросам, касающимся Клана Корвал».

Если Шан не заблуждается, то ему предстоит мастерская выволочка.

Ставя кружку на рабочий стол и удобно устраиваясь в капитанском кресле, Шан размышлял о странностях жизни. Почему хваленые власть и привилегии лордства нисколько не защищают человека от благонамеренного приставания тех, кто заботится о его благе?

Раздалась трель дверного сигнала, и Шан вздохнул. Секунду он делал вид, что намерен молчать, а потом с сожалением решил, что это некрасиво, и взялся за кружку.

— Входите!

Господин дэа-Гаусс сделал от порога три шага, а потом низко поклонился, как агент своему лорду.

Шан кивнул и сделал глоток обжигающе горячего кофе.

— Господин дэа-Гаусс. Как радостно видеть вас таким цветущим! Трудности всегда шли вам на пользу, сэр. Садитесь, пожалуйста.

— Ваша милость все так же любит пошутить, как я вижу, — укоризненно отозвался пожилой поверенный. — Однако дело, по которому я пришел, весьма серьезное. Я уверен, что ваша милость в следующие несколько минут будет слушать меня со всем вниманием.

— Конечно, — вежливо отозвался Шан.

Господин дэа-Гаусс пристально посмотрел на Шана. Обе ноги поверенный твердо поставил перед собой, руки сложил на коленях. Прямая спина не касалась спинки сиденья.

— В процессе выполнения распоряжений, данных мне Первым представителем Клана Корвал, — отчетливо проговорил он, — я обнаружил факты, которые указывают на то, что вы взяли на себя сведение счетов с Сав Ридом Оланеком из Клана Племиа. Я спрашиваю, так ли это.

«Ну, начинается», — подумал Шан. Он слегка наклонил голову.

— Это так.

Господин дэа-Гаусс резко выдохнул.

— Возможно, следует счесть прискорбным, — начал он, хотя в его тоне Шан не заметил никакой особой мягкости, — что ваша милость приступили к такому мероприятию, не сочтя нужным сначала проконсультироваться с теми, кто лучше разбирается в делах такого толка. Если бы меня осведомили о ситуации в самом ее начале, счета можно было бы свести быстро и, смею сказать, красиво. В настоящем случае...

— В настоящем случае, — перебил его Шан, позволяя ноткам досады пробиться в его слова, — я являюсь капитаном этого корабля. Как капитан, я обязан защищать его честь, честь его экипажа и мою собственную честь как капитана.

— Совершенно верно, — согласился господин дэа-Гаусс. — Однако положение не столь ясно. В ваши обязанности капитана не входит вовлечение корабля и его экипажа в сведение счетов без информирования об этом Первого представителя. В конце концов,

долг Первого представителя заключается в том, чтобы защищать честь Клана. А я рассматриваю это как удар по Клану Корвал в целом. — Он помолчал, потирая сухие руки. — Думаю, вы осведомлены о том, что Сав Рид Оланек ранее дал вашей сестре, Первому представителю, основание считать, что он перед ней в долгу?

Шан сделал глоток кофе и пожал плечами.

— На мой взгляд, дело в том, что моя сестра, Первый представитель, дала Сав Риду Оланеку повод считать, что долг существует в отношении его самого. Но — да, я был об этом осведомлен. Положение дела от этого мало менялось.

— В чем, — очень сурово сказал пожилой поверенный, — и заключается суть моих замечаний. Я состарился на службе интересам Клана Корвал. Только тщеславие могло заставить такого молодого и неопытного человека, как вы, считать, что он может взять на себя столь важное дело, не имея рядом более старшего и искушенного советчика.

Он замолчал. Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, это не самый лучший тон, который можно было выбрать при разговоре с Шаном, известным своей непредсказуемостью.

— Конечно, — добавил он более мягким тоном, — ваша милость еще молоды. Опыт приходит с возрастом, когда мы наблюдаем за действиями людей старше нас и изучаем их мысли. Мое самое искреннее желание — это помочь вам, вашему семейству и вашему клану. Я делал это всю мою жизнь. Если я говорил слишком вольно, то только потому, что знаю: молодость сильнее всего ошибается именно тогда, когда стремится сделать все, как надо.

Наступила пауза — достаточно долгая, чтобы внушить господину дэа-Гауссу страх, что он действительно зашел слишком далеко. В соответствии с властью Шана — и определенно в соответствии с его характером — он мог опасаться, что от его помощи откажутся, а его самого немедленно отправят обратно на Лиад. В этом случае встреча господина дэа-Гаусса с Первым представителем обещала стать крайне болезненной. Нова йос-Галан имела четкие понятия о том, каковы ее обязанности исполняющего обязанности Первого представителя. Она не потерпит поражения.

— Итак, — непринужденно заметил Шан, — что вы хотите от меня, сэр? Чтобы я передал командование «Долгом» в ваши умелые руки? Или остановил сведение счетов на том, что уже сделано, и надеялся, что этого окажется достаточно?

Господин дэа-Гаусс поспешно напомнил себе, что непредсказуемость Шана — это палка о двух концах.

— Я слышал от всех одно: что вы — превосходный капитан, — спокойно ответил он. — И купец высшего класса. Что же до текущей проблемы... Возможно, ваша милость сочтет нужным ознакомить меня с тем, какие шаги были предприняты?

— На четыреста двадцать восемь планет были отправлены сообщения по узкому лучу, в которых содержалось общественное и гражданское предупреждение и указывалось на участие принадлежащих к «Даксфлану» лиц в совершенном в порту насильственном преступлении. К настоящему моменту получено триста подтверждений по узкому лучу и обратной связи. Также была оповещена Торговая комиссия, которая прислала свою благодарность и обещание расследовать это дело. — Он сделал паузу. — Я надеюсь, что вы не сочтете эти усилия совершенно неэффективными.

Господин дэ-Гаусс осторожно вздохнул.

— Мне, конечно, хотелось бы познакомиться с записями вашей милости для моего собственного просвещения. — Он секунду подумал, а потом осмелился задать еще один вопрос: — Леди Мендоса — ваш партнер в этом предприятии?

— Леди Мендоса, — ответил Шан, губы которого вдруг сурово сжались, — была объектом жестокого обращения, а ее честь была поставлена под сомнение. Приказами и прямыми действиями Сав Рида Оланека. Вы можете найти подробности в ее личном деле. — Он подался вперед, одним пальцем набрал цепочку цифр и выпрямился во весь свой немалый рост. — Если вы сядете за мой стол, сэр, вы сможете увидеть, какие меры были предприняты на данный момент. Надеюсь, вы найдете их не слишком бездейственными. — Он слегка поклонился. — Уверен, что вы меня извините, сэр. Долг зовет меня на мостик. Корабль вскоре покинет орбиту.

— Конечно, ваша милость, — ответил господин дэ-Гаусс, поднимаясь на ноги.

Он проводил уходящего Шана поклоном, а потом направился к его столу, доставая из рукава самописец.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

155-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ВТОРАЯ ВАХТА

6.00

— Уходим с орбиты Арсдреда, — задумчиво проговорил Расти. — Давно пора. Знаешь, что я тебе скажу, Цилла: по-моему, никогда мне еще так не надоедал ни один порт! Потерял кучу денег... Ну, не корабль. Кэйзин за завтраком сказала, что портовый доход представляется ей вполне удовлетворительным. — Он ухмыльнулся. — А это переводится так, что капитан отхватил крупный куш.

Присцилла почти беззвучно засмеялась.

— Но это хорошая новость, так ведь? По возвращении на Солсинтру твоя доля станет больше. И ты не потерпел убытков на спектрузе, правда? Кажется, на дерево был предварительный заказ?

— Угу, тут все в порядке. Но дело в том, что нам пришлось заплатить большой штраф, чтобы... э-э... убедить инспекторов, что проклятые духи Лины в некоторых местах не запрещены, пусть даже на Арсдредде на них запрет и наложен. И что мы вовсе не собирались продавать их на Арсдредде. — Он замолчал, и на его круглом лице отобразилось изумление. — А знаешь что? Мы ведь собирались предложить немного и здесь, только кэп запретил. Уф! Чуть было не накололись! Я тебе скажу, Цилла, Шан чертовски хорошо знает свое дело!

— Ну, — отозвалась Присцилла, пока перед ними открывалась дверь, ведущая на мостик, — он ведь все-таки мастер-купец.

— Еще бы! Что собираешься делать после вахты? Давай захватим Лину и устроим пикник в саду! Я угощаю.

— Звучит приятно. Но может быть, у Лины другие планы.

Расти поставил свою чашку кофе на стол с коммами.

— Я проверю, прежде чем мы пойдем. Ну, пока, пилот.

— Работай, связист.

Она пошла дальше по мостику — мимо пульта навигации, вокруг метеорологии. Ее путь лежал к пультам пилотирования. Улыбаясь, она устроилась в кресле и кивнула третьему помощнику Джил Дон Балатрину. Тот ответил рассеянным полупоклоном.

— Рано пришла, а, Мендоса? — спросила Дженис Узэрби. Она тоже пришла на вахту загоя. — Ну, можешь начать вычисления.

Она откинулась на спинку своего кресла, демонстративно скрестила руки на груди и устремила взгляд на пустой экран помощника пилота.

Присцилла кивнула, вставила свою карточку в паз, ввела данные о начале своей вахты и начала вызывать цифры, строя на экране изображение. Нахмутив брови, она проверила получившийся результат, сделала несколько уточнений, снова все проверила и кивнула. Изящный палец прикоснулся к клавише отправки, и изображение повторилось на дублирующем экране. Присцилла откинулась в кресле и картинно закрыла глаза.

— По мне, так все нормально, Мендоса. Вводи и запускай.

Она кивнула и подавила вздох. Ее тонкие пальцы порхали по пультам. «По мне, так все нормально» в устах Дженис было высшей похвалой. «Может, это ребячество, — подумала Присцилла, — но было бы приятно услышать, что я сделала то или это хорошо!»

Раздался мелодичный сигнал, негромкий шум голосов затих, сменившись одним голосом, ясным и греющим душу.

— Всем доброе утро. Отчет всех постов, пожалуйста. Полагаю, все готовы к отлету?

* * *

Экран был сплошь серым за исключением красных цифр в правом нижнем углу, где отсчитывалось «реальное время», которое они проводили в гиперпространстве.

Присцилла удобнее устроилась в кресле пилота, ощущая тепло, разлившееся у нее в груди. С момента ухода с орбиты и до входа в прыжок пилотировала она. В течение всей вахты Дженис сидела и внимательно за всем наблюдала, но от нее не последовало ни указаний, ни поправок.

Дженис встала и потянулась.

— Ладно, Мендоса. Я сбегая вниз и схвачу чашку кофе. Должна вернуться до конца прыжка. Если не вернусь, действуй сама. Там настоящее захолустье. Ничего сложного. Тебе что-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

Второй помощник кивнула.

— Ладно. Вернусь через пару минут.

— Ваша милость? Я могу немного переговорить с вами?

Шан со вздохом остановился, давая господину дэа-Гауссу возможность с ним поравняться.

— Добрый день, сэр, — вежливо сказал он. — Чем я могу быть вам полезен?

— Несколько слов по вопросу о том, что происходит между кланом Корвал и Сав Ридом Оланеком, ваша милость. Я взял на себя смелость приказать провести проверку кредита «Даксфлана» во всех портах этого сектора. Это в некотором смысле продолжение собственной тактики вашей милости.

Шан поднял руку.

— Господин дэа-Гаусс, я сожалею. Мы должны выйти в нормальное пространство меньше чем через пять минут. Долг снова зовет меня на мостик.

— Конечно, — пробормотал старый поверенный. — Можно ли мне пойти с вашей милостью?

Путей для отступления не было. Шан утвердительно склонил голову.

— Конечно, сэр.

Он двинулся к мостику, сурово подавив желание перейти на свой привычный стремительный шаг.

— Я уверен, — сказал господин дэа-Гаусс, что ваша милость сообщит леди Мендоса о том шаге, который я предпринял. А еще необходимо выяснить, оповестила ли она свой Дом о том факте, что он стал партнером Клана Корвал в вопросе, касающемся удовлетворения чести. У меня создалось впечатление, что на Синтии Дом Мендоса пользуется большим влиянием и охватывает разномоб-

разные меланчи. Было бы разумно установить с ними дружеские отношения.

Он помолчал, и Шан рассеянно кивнул. Поскольку ему пришлось принять скорость старого лиадийца, он не успел попасть на мостик до окончания прыжка. Сигнал прыжка прозвучал спокойной трелью.

Они завернули за угол и вошли в длинный коридор, который вел к мостику. Господин дэ-Гаусс нервно кашлянул, почувствовав, как по кораблю прошла шекочущая волна, возмущающая приближающийся переход.

— Ваша милость очень успешно провели начальные шаги. Предупреждения заставят купца Оланека понести большие потери в деньгах, гибкости и времени. Конечно, в этом деле, как в шахматах, которые, насколько я знаю, изучает ваша милость, важно планировать свои дальнейшие ходы, принимая во внимание контрмеры, к которым может прибегнуть ваш противник.

Легкая дрожь прыжка. И ниоткуда — отовсюду — вой сирены. Над головой у Шана панель освещения переключилась с желтой на красную, а сам Шан внезапно исчез, бегом бросившись на мостик.

Цифры в углу экрана наконец остановились и начали блеснуть: на мостике прозвучал сигнал выхода из прыжка. Вытянутая рука Присциллы замерла над пультом.

«КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ» вопили алые буквы. Ее руки стремительно замелькали над клавишами, включая защитные экраны, вызывая данные. Тем временем ее глаза осматривали показания приборов, оценивая происходящее, насколько большое и быстрое и...

НАПАДЕНИЕ ИЗВНЕ

Запасные экраны включены, сигнал начала прыжка дан, координаты снова введены, аккумуляторы... Быстрее, аккумуляторы! Теперь она уже видела противника — экран дал максимальное увеличение: крошечный корабль, ошестинившийся орудиями, идет на второй заход к цели... Аккумуляторы, аккумуляторы... Есть!

Ее рука легла на кнопку прыжка, взгляд устремился на датчик расстояния. Места хватало — едва-едва. И...

— Прекрасно сработано, Присцилла.

Крупная рука сжалась на ее запястье, убрав ее пальцы с кнопки, пока сам капитан стремительно усаживался в кресло второго пилота и всаживал свою карточку в паз.

— Последовательность А-29, вариант 42... вторые экраны включены? Конечно...

Пальцы Присциллы послушно заплясали, передавая командование капитану. Она услышала, как он бросил Расти приказ включить картинку и еще один — кому-то неизвестному относительно башни 7.

— Поскорее, Расти. будь добр.

— Поймал, кэп. Ваш экран.

Изображение заполнило оба их экрана: мостик чужого корабля, на несколько порядков меньше их собственного. За пультом сидел какой-то мужчина. Откуда-то сбоку женский голос, поначалу неразличимый, быстро становился ясным:

— Сказать Джури, чтобы начинала заход?

— Вам следует обратить внимание, — произнес капитан рядом с Присциллой, — на положение орудийной башни на нашем дальнем борту.

Пилот второго корабля изумленно поднял голову, стремительно сделал какие-то поправки на оставшемся невидимым для них пульте и чертыхнулся.

— Прикажи Джури оставаться на месте! — бросил он через плечо.

— Мудрое решение, — мягко проговорил капитан. — Мне неприятно говорить об очевидном, но теперь на ваш корабль наведено пять башен. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Пилот судорожно вздохнул.

— Вы правы.

Он оглянулся назад, и на экране возник еще один человек — мужчина старше пилота, суроволицый и спокойный.

— Что происходит, Клаус?

Пилот молча ткнул пальцем во что-то, находившееся за пределами обзора наблюдателей с «Долга». Командир на секунду задумался, а потом повернулся к экрану и кивнул.

— Ничего личного, капитан. Контракт.

— Контракт, — повторил Шан. — С кем?

Командир ухмыльнулся и покачал головой.

— Это конфиденциально. Но скажу вам одно: ему очень хотелось вывести вас из игры.

— Неужели? Надеюсь, вы получили деньги наличными и вперед, сэр. Нет? — При виде появившегося на лице наемника смущения он укоризненно покачал головой. — Это было очень непредусмотрительно с вашей стороны. Полагаю, вы уверены в том, что вышли на нужный корабль?

— Он дал мне вашу кривую выхода из прыжка, примерные сроки появления, приблизительную массу... Очень приблизительную.

— Но названия он вам не сказал? И вы не спросили... Да, но зачем бы вы стали это делать! Это — «Исполнение долга», сэр.

Клан Корвал. Семейство Дерсва и Дракона. Остановите меня, когда услышите нечто знакомое.

— «Дерзаю!»

Оставшаяся невидимой женщина задохнулась от благоговейного восторга.

— Изучаете геральдику? Совершенно верно. «Дерзаю».

Казалось, второму капитану очень неудобно. Его глаза перешли с экрана на невидимый пульт пилота, потом снова устремились на экран.

— Ладно, капитан, что вы предлагаете? У вас есть оружие и масса, чтобы поддерживать огонь. Вы собираетесь пустить все это в ход?

— Это зависит от вас, разве нет? Думаю, не было бы нарушением конфиденциальности, если бы я спросил вас, не звали ли вашего нанимателя Оланек и не назывался ли его корабль «Даксфлан»? Вам не надо говорить «да», достаточно сказать «нет».

Ответом стало молчание.

Шан покачал головой.

— Надеюсь, вы хотя бы половину денег получили в виде аванса, сэр. Нет? Сорок процентов? Тридцать? Двадцать пять?! — При виде глубочайшего смущения капитана наемников он искренне расхохотался. — Мне за вас стыдно, сэр! Неужели ваша матушка никогда не говорила вам, чтобы вы не подписывали лиадийских контрактов? Двадцать пять процентов аванса за дело, которое навсегда сделает вас изгоями? Спросите мнение вашей служащей относительно того, позволит ли вам семейство, чьим девизом служат слова «Дерзаю», остаться безнаказанными в случае успеха.

Капитан наемников пожал плечами.

— Контракта не было, — смущенно признался он. — Это было джентльменское соглашение. Но я знаю, где его найти.

— Я в этом не сомневаюсь, — дружески проговорил Шан. — Мне, наверное, следовало бы сказать, что «Даксфлан» тоже неплохо вооружен. И капитан считается метким стрелком.

Капитан понурил голову.

— Какая ваша цена?

— Убирайтесь отсюда! — отрезал капитан йос-Галан, чей голос вдруг стал жестким и холодным. — Мы определили и зарегистрировали ваши корабли. В данный момент вся информация по узкому лучу передана Объединенной Торговой комиссии. Я советую вам найти себе новую область работы.

Командир оглянулся назад.

— Скажи, чтобы Джури и Сал уходили. Мы сделаем то же, если капитан отведет свои орудия.

* * *

Последний корабль добрался до точки перехода и, мигнув, исчез. Приборы Присциллы показали, что вокруг «Исполнения долга» во всех направлениях на протяжении нескольких световых минут пусто. В кресле рядом Шан Йос-Галан глубоко вздохнул и ледяным голосом произнес:

— Второй помощник.

После секундной паузы Дженис ответила у него из-за спины:

— Да, капитан?

— Вы явитесь к капитану сразу же после первого часа. Вы принесете первый экземпляр вашего контракта. Можете идти к себе в каюту.

Присцилла затаила дыхание, ощутив потрясение пилота. Какою-то долю мгновения ей даже казалось, что одна из них протестующе вскрикнет.

Второй помощник тихо откашлялась.

— Слушаю, капитан.

И Присцилла услышала, как она уходит.

Ее затопило чувство облегчения — ошеломляюще сильное, — а к нему примешивались возмущение, боль и почти безумная радость. Захваченная водоворотом эмоций, она сжала руки на подлокотниках, стараясь найти спокойствие. Выброс адреналина, сказала она себе, продолжая искать тропу к тишине.

— Госпожа Мендоса.

Она перевела дыхание и смогла ответить:

— Да, капитан?

— От лица этого корабля и Клана Корвал, госпожа Мендоса, я приношу вам глубочайшую благодарность. На вашем месте я не смог бы действовать лучше, если принять во внимание те ресурсы, которые находились в вашем распоряжении. Я только надеюсь, что держался бы не хуже. — Он извлек свою карточку из паза и рассеянно спрятал ее в карман. — Сразу же после первого часа состоится собрание экипажа. Мне хотелось бы, чтобы вы зашли ко мне сразу же после него.

— Конечно, капитан.

Ее внутреннее смятение немного улеглось. Осмелившись повернуть голову, Присцилла встретила с парой любопытных светлых глаз — и тут эмоции снова захлестнули ее. Иные, хотя и не менее сильные: неудержимое желание откинуть голову и рассмеяться, обнять сидящего рядом с ней человека...

И когда ей уже стало казаться, что она пропала, тропа вдруг нашлась. Она стремительно понеслась по внутреннему пути, нашла дверь и с силой захлопнула ее за собой.

Рядом с ней Шан резко вздохнул, быстро встал и повернулся к вошедшим пилотам новой вахты.

— Пульты ваши, — отрывисто бросил он.

Вилобар поклонился.

— Вахта меняется, пилоты.

Присцилла с трудом встала. У нее все еще кружилась голова от слишком большого количества эмоций, которые пришлось пережить слишком быстро. Однако уйти она не смогла: дорогу ей перегородил капитан, который гневно смотрел на господина дэа-Гаусса.

— Ну, сэр? — требовательно спросил Шан.

Пожилой поверенный склонил голову.

— Мне составить послание Первому представителю, ваша милость?

— Полагаю, — ледяным тоном ответил Шан, — что это — обязанность капитана. Благодарю вас за вашу заботу.

Господин дэа-Гаусс низко поклонился.

— Простите мне мою смелость, ваша милость. Вы, конечно, всецело правы.

— Рад это слышать, — отрезал капитан и стремительно прошел мимо него, направляясь к связистам.

Присцилла проводила его взглядом. Потом, осознав, что наблюдает за ним, она покраснела и отвела взгляд. Однако ее инстинктивное движение в сторону было остановлено.

Господин дэа-Гаусс поклонился ей — не так низко, как капитану, но со взмахом руки, свидетельствующим о глубочайшем уважении. Присцилла заставила себя остановиться и составить подходящую к случаю фразу на лиадийском.

— Господин дэа-Гаусс, чем я могу вам служить?

— Это я хотел бы служить вам, ваша милость. Вы не примете мои услуги для установления контакта с вашим семейством? Возможно, их следует поставить в известность о случившемся. — Он внимательно посмотрел на нее. — Я прошу вашего снисхождения, миледи, если мое предложение неприятно.

Присцилла ошеломленно уставилась на него, но потом опомнилась и вежливо кивнула.

— Вы — сама доброта, сэр. Спасибо вам за заботу и предложение, но я отказываюсь. Нет необходимости беспокоить Дом Мендоса моими делами.

Господин дэа-Гаусс секунду колебался. А потом, наученный своим последним общением с лордом Йос-Галаном, он решил проявить осторожность. Поклонившись снова с таким же уважением, он пробормотал:

— Как пожелаете, миледи.

Он отступил в сторону, давая ей пройти.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

155-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ТРЕТЬЯ ВАХТА 12.00

— Нет, — ответил Лине Горди, — совсем. — Он сделал ужасающе большой глоток молока. — Наверное, я просто тупой. Или слишком хилый. Как я ни стараюсь, мне никак не удастся держаться. Я каждый день прихожу в зал, хватаюсь за перекладину, а Паллин пытается меня оторвать. — Он вздохнул. — И у него всегда получается. И он все твердит, что я должен представить себе свою силу, как реку, которая течет по моей руке и наливается в пальцы, которые хватают перекладину. Но знаешь что? Это... ну вообще... глупо! Реки ни за что не хватаются.

— Действительно, они этого не делают, — совершенно серьезно согласилась Лина. — Но, наверное, Паллин просто хочет, чтобы ты понял: сила — это нечто текучее. Это... э-э... переменная величина.

Горди недоуменно на нее уставился.

— Тут я тоже смысла не вижу, — решил он. — Либо ты сильный, либо — нет. Быстрота у меня неплохая, но Паллин говорит, что мне надо сначала научиться держаться, а уже потом — как бить или убегать.

— О! — только и отозвалась Лина, встав в тупик.

Она взяла чашку и посмотрела на третьего члена их компании.

Присцилла сидела, обхватив обеими руками чашку кофе и устремив взгляд в ее темные глубины. Она отодвинула обеденные блюда, не притронувшись к ним, и, казалось, была полностью погружена в свои мысли. Но теперь она подняла голову и, сдвинув брови, перевела внимание на мальчика.

— Я знаю одну вещь, которая могла бы помочь, — тихо сказала она. — Тебе это может показаться глупым, но это помогает.

— Я готов попробовать все что угодно, — заявил Горди, со стуком ставя стакан на стол, чтобы подчеркнуть собственную решимость. — Не могу себе представить ничего более глупого, чем слова, будто, думая о реке, станешь сильным.

Присцилла слабо улыбнулась и сделала глоток кофе.

— Чтобы это сделать, — медленно проговорила она, — ты должен закрыть глаза и сесть прямо, но без напряжения, и сделать два глубоких вдоха.

Он выполнил ее указания: передвинулся так, чтобы обе его ноги стояли на полу, и расправил худенькие плечи.

Лина замерла, обратив на обоих свои чувства целителя. Горди источал доверие и юную любовь, не тронутую страхом. А Присцилла...

Полностью исчезли серые и коричневые тона нерадости, холод неучастия. Присцилла стала пламенем — факелом — уверенности и сострадания. Словно потайная дверь в темном и безрадостном погребке вдруг распахнулась, впуслав туда все сияние солнца. Лина наблюдала за тем, как Присцилла раскрылась и окружила собой детскую любовь и доверчивость. Ее внутреннее зрение показало ей, как Присцилла высвободила из яркой ткани эмоций Горди одну крепко закрепленную нить уверенности в себе и умело начала плетение.

— А теперь, — сказала она, и Лине показалось, что в голосе подруги тоже прибавилось глубины и звучности, которых только что там не было, — ты станешь деревом, Горди. Сначала представь себе дерево — мощное, крепкое дерево в расцвете своих сил. Дерево, которое не согнет ни один ветер, не сломает ни один снегопад.

Мальчик сосредоточенно нахмурился.

— Как Дерево Клана Корвал.

— Да, — согласилась Присцилла все тем же полным уверенности голосом, — именно как Дерево Клана Корвал. Представь его себе живым. Его корни погрузились глубоко в почву, вбирая из нее силу, дождь с небес. Сосредоточься на этом князе деревьев. Приблизься к нему в своих мыслях. Приложи ладонь к его стволу. Ощути запах его листвы, его аромат.

Она замолчала, пристально наблюдая за Горди.

Лина осторожно отставила чашку, изумленно глядя на плетение. Мастер из Дома целительства мог бы сделать точно то же, что делала сейчас Присцилла...

На лице мальчика сосредоточенность сменилась радостью.

— Оно — мой друг!

— Твой друг, — подтвердила Присцилла. — Твое второе «я». Подойди еще ближе. Прислонись спиной к его стволу. Почувствуй, как силен твой друг. Прижмись к нему теснее. Разреши Дереву взять тебя, сделать тебя единым целым с ним. Почувствуй, какие вы сильные — ты с твоим другом. Твоя спина — как ствол, и сила, бегущая по тебе, приходит из глубины. Это чистая, живая, совершенно непоколебимая сила. Ты такой сильный...

Наступило недолгое молчание. Горди сидел с радостным лицом, окруженный любовью, принимая образ в свою душу. И Лина услышала, как образ встает на место с таким чистым звоном, которого не мог слышать наружный слух. И в следующую секунду он с тихим шелчком закрепился. Присцилла осторожно отдалилась. В ткани души мальчика Лина не смогла различить никаких следов нового плетения.

Рядом с ней Присцилла нарисовала в воздухе перед лицом Горди какой-то знак.

— А теперь тебе пора прощаться с твоим другом, Горди. Сделай с ним еще один общий вдох... шагни... еще... Ты можешь навещать его, когда захочешь. Твой друг всегда с удовольствием тебя примет.

Она взяла чашку кофе и сделала еще один глоток.

— Разве ты не хочешь сладкого, Горди? — спросила она, и ее голос прозвучал совершенно обыкновенно.

Мальчик открыл глаза и широко улыбнулся.

— Здорово! — сказал он, продолжая улыбаться. — А завтра ты мне так сделаешь?

Она удивленно подняла брови.

— Я? Я ничего не делала, Горди. Это сделал ты. Тебе достаточно только закрыть глаза и подумать о своем Дереве, и ты возродишь свои силы. — Она улыбнулась. — Проверь это завтра на Паллине.

— Крелм! Вот он удивится, когда не сможет меня оторвать! — Горди рассмеялся и посмотрел на часы. — Но, наверное, сладкого я уже не буду. Надо идти в зал собраний и проверить, чтобы все было в порядке, пока экипаж не начнет собираться. Ну, увидимся, Лина! Спасибо, Присцилла!

И он ушел.

— Это поможет? — осторожно спросила Лина.

Присцилла улыбнулась.

— Обычно помогает. Это простой заговор, но очень полезный. Он один из первых, которым обучают Новопосвященную, когда ее вводят в Круг для подготовки.

— Заговор?

Лина плохо понимала это слово. Присцилла не спрятала внутреннее пламя, а только заслонила его. Лина не знала, поняла ли ее подруга весь смысл происходящего.

— Так это называют... на Синтии, — виновато говорила тем временем Присцилла. — Заговор. Другие, возможно, могут назвать это гипнозом или голосовыми фокусами и психологией. Но какое бы название этому ни давали, это работает. Образ такой легкий, и такой сильный.

Она снова улыбнулась.

— А для... Посвященной... так важно быть сильной? — поинтересовалась Лина, осторожно нащупывая дорогу, держа все пути открытыми на тот случай, если подруга потянется к ней как целитель к целителю.

Присцилла отпила немного кофе и кивнула.

— Обучение тому, как принимать решения, обучение применению голоса, символов силы... а потом — более крупное волшебство, для которого может потребоваться переплетенная сосредото-

ценность десяти или двенадцати членов Круга. Быть сильной очень важно.

Лина склонила голову набок, подыскивая самые правильные слова. Звон, возвестивший об окончании первого часа, прервал ее мысли.

Присцилла встала и протянула ей изящную руку.

— Пойдешь на собрание со мной, подруга?

Лина улыбнулась и вложила свои пальчики в более крупную ладонь подруги. Внутренние тропы остались пустыми. Присцилла не пошла к ней навстречу.

— Конечно, — пробормотала она. — И нам надо занять место для бедного Раа Сти. Он всегда опаздывает.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

155-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

13.30

Дженис держалась стоически.

Да, ей понятна причина ее увольнения. Небрежное выполнение своих обязанностей — дело серьезное. Нет, она не готова принять предложение стать пилотом шаттла на одном из меньших кораблей Клана Корвал, хотя и благодарна капитану за такое предложение. У нее есть друзья на Ангелусе, четвертой планете системы, в которую они только что вошли: она собирается погостить у них, прежде чем искать новое место. Немного помолчав, она решила высказать мнение, что Мендоса — чертовски хороший пилот, созрела для первого класса.

Шан кивнул, отсчитывая монеты, которые обеспечивали расторжение их контракта. Дженис сообщила ему, что упаковала вещи и может покинуть «Долг» немедленно. Прощаться ей не с кем.

Шан снова кивнул, повернул переключатель и адресовал несколько негромких слов Сету, дежурившему на причале шаттлов. Отлет Дженис был назначен на четырнадцать часов. К этому моменту они окажутся на расстоянии перелета шаттла от Ангелуса.

Прозвенел сигнал двери. Капитан стремительно вскочил и обернулся.

— Входите!

Кэйзин Не-Зейм вошла в комнату, резко остановилась и ответила капитану глубочайший поклон.

— Здравствуйте, капитан.

— Если вы пришли, чтобы напомнить мне о том, что я должен присутствовать на собрании экипажа, Кэйзин, то в этом нет необходимости. Память у меня в полном порядке, хотя, полагаю, очень скоро она начнет ухудшаться.

Приходя в себя от потрясения, она снова поклонилась. Лицо ее оставалось бесстрастным.

Шан резко вздохнул и прошел мимо нее к бару. Оглянувшись через плечо, он налил чашку мисравота и попытался найти более спокойный тон.

— Кэйзин, вы не выпьете?

— Спасибо, — нейтральным тоном ответила она, — но — нет. — Она подождала, пока он не повернется к ней лицом, а потом добавила: — Если это не будет вам неприятно, капитан, я хотела бы пойти с вами. Есть вопрос, который нужно обсудить. Вопрос о перераспределении обязанностей, чтобы компенсировать отсутствие второго помощника.

— Хорошо.

Он прошел к двери и с поклоном пропустил ее впереди себя. Это было в высшей степени неуместно: высокий чин обеспечивал такую привилегию ему. Но что ей оставалось делать, когда он таким повелительным жестом направил ее к дверям?

— Дело в том, — вернулась к своему делу Кэйзин, пытаясь справиться с обидой, — что третий помощник не хочет, чтобы его повысили до второго. Он считает, что лишен необходимой квалификации, что его время реакции недостаточно для того, чтобы выполнять такие обязанности, как те, что были связаны с недавно закончившейся вахтой.

Она сделала паузу. Шан ничего не ответил.

— Я согласна с его оценкой своих сильных и слабых сторон. Он готов помогать в исполнении тех административных обязанностей, которые ложатся на второго помощника. — Она очень серьезно посмотрела на капитана. — Рекомендация первого помощника своему капитану заключается в том, что так и следует сделать. На короткое время. И с определенными условиями.

— Капитан вас слушает, — отозвался Шан, не делая ей никаких уступок. — Каковы условия?

Еще один нюанс зазвучал в симфонии эмоций, которой была Кэйзин. Холодящий туман... смущение, понял Шан — и изумился.

— Ввиду близкого ухода первого помощника на покой, — ровным голосом проговорила она, — и отсутствия второго помощника, вкупе с неспособностью третьего помощника занять данную должность, интересы корабля требуют, чтобы для командования был подготовлен еще один человек — и срочно. Я обращаюсь к

капитану с просьбой прикрепить к первому помощнику Присцилле Мендоса, чтобы ее можно было усиленно обучать обязанностям второго помощника.

— Ваши доводы, пожалуйста.

— / нее есть способности. Вы сами определили ее для подготовки. Я признаю, что ваша программа не настолько интенсивна, как та, которая будет предложена мною. Однако, по моим наблюдениям, Присцилла Мендоса обладает сильным характером, быстрым умом и уверенностью суждений. Я полагаю, что она принесет кораблю пользу, если только ей будет предоставлена такая возможность. А если нет, — тут Кэйзин пожала плечами, — то положение корабля будет не хуже, чем в настоящий момент.

— Существует явление, которое земляне называют «конфликтом личностей». Капитан наблюдал признаки наличия данного явления в отношениях первого помощника и Присциллы Мендоса.

— Первый помощник с собой справилась.

Шан кивнул.

— Ваша рекомендация имеет смысл. Она будет осуществлена с часа завтрашнего дня при условии, что госпожа Мендоса даст свое согласие. Капитан будет ожидать от первого помощника ежедневных докладов о ходе подготовки и прогрессе — или отсутствии оного.

Он задержался у двери зала собраний и поклонился.

— Простите мне мой неуклюжий язык, мой старый друг. Я сожалею, что причинил вам боль.

Чувство облегчения было для нее равносильно затяжке арсдерского дыма. Она улыбнулась и ответила поклоном.

— Все забыто.

— Обоими, — отозвался он как подобает и прошел в помещение впереди нее.

Шан откинулся на спинку кресла и отпил небольшой глоток. Зал был полон. Те члены команды, чьи обязанности не позволяли им присутствовать на собрании лично, наблюдали за ним со своих постов по мониторам. Царивший в комнате шум свидетельствовал об общем хорошем настроении и уверенности.

Он проверил свою внутреннюю Стену, а потом позволил едва заметной щели появиться в ее непроницаемом заслоне.

Горячая, переливающаяся, ослепительная льдистость чуть не хлынула на него. Он сделал глубокий вдох, еще сузил щель и начал перебирать самые крупные нити, скользя вдоль переплетений горячих цветов, не сливаясь с ними, но и не отделяя себя от людей.

Удовлетворившись увиденным, он замкнул щель, отпил немного вина и мгновение подержал его во рту, пересохшем от затраченных усилий. Конечно, экипаж возмущен нападением. Но паники

или ужаса не ощущалось совершенно. Они были уверены в своем корабле — и в своем капитане.

Он сожалел, что не разделяет их уверенности.

Он пошевелил пальцами, и лампы в помещении померкли, а главный экран начал светиться. Болтовня экипажа стихла.

— Вы все знаете, — непринужденно начал капитан, — что сегодня предупреждение о прыжке прозвучало дважды. Я хотел бы, чтобы вы все посмотрели запись событий, которые заставили пилота включить этот сигнал.

Краем глаза он заметил, как Присцилла вздрогнула. Лица протянула ей руку, и ее более высокая подруга снова села неподвижно, но на ее лице отражалась тревога.

— Мы в минус двадцати секундах от выхода из маршрутного прыжка. За пультом пилот Мендоса. И вот — нормальное странство.

«КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ», — вопили алые буквы. Руки Присциллы стремительно замелькали над клавишами, включая защитные экраны.

— Первый защитный экран включен. — НАПАДЕНИЕ ИЗВНЕ. — Запасные экраны включены, координаты введены, сигнал начала прыжка дан. Мы ждем дозарядки аккумуляторов. Аккумуляторы полностью заряжены, и мы готовы улечь.

На экране его собственная рука остановила завершение маневра. Изображение застыло, освещение снова включилось на полную силу.

— Время реакции, — сказал Шан главным образом пилотам, которые могли это оценить. — От момента первого предупреждения до полной защиты — полторы секунды. От полной защиты до готовности к прыжку — две секунды. Мы были готовы улечь спустя двадцать четыре секунды после первого сигнала тревоги. Большая часть этого времени ушла на ожидание дозарядки аккумуляторов.

Тишину в зале собраний нарушил едва слышный шелест рук пилотов, которые начали двигаться по воображаемым пультам, пока мозг пилотов отсчитывал секунды.

В правой стороне зала на ноги поднялся Сет. Шан ему кивнул.

— Да?

— Я предлагаю, чтобы Присцилла Мендоса получила премию в виде увеличенной доли прибыли. Она выручила нас из трудного положения. Та торпеда была направлена прямо на двигательный сектор. Если бы она в нас попала, ущерб получился бы серьезный.

Не успел Сет договорить, как уже вскочил Расти.

— Я поддерживаю.

— Я тоже, — откликнулся Кен Рик. — И предлагаю также корабельную компенсацию, капитан. Здесь есть долг.

Джил Дон Балатрин робко поддержал это предложение.

Шан кивнул.

— Будут какие-то комментарии? Возражения? Аргументы? Нет? Голосуем открыто: кто «за»?.. Первый помощник?

— Единогласно, капитан.

— Мой подсчет дал тот же результат. Спасибо. — Он подписал бумагу, лежавшую перед ним. — Зарегистрировано и сделано. — Он слабо улыбнулся всем присутствующим. — Также зарегистрировано и сделано — двойная оплата риска для всего экипажа, которая будет выплачена на Солсинтре. Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

— Спасибо. Все свободны.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

155-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

14.00

В атмосфере ощущалась такая напряженность, что волосы на руках у Присциллы встали дыбом. Она сосредоточила все свое внимание на гобелене, висевшем над баром.

— Бренди, Присцилла?

Она вздрогнула, потом выдавила из себя улыбку.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он вручил ей рюмку, а потом прошел дальше, направляясь к рабочему столу.

Она последовала за ним и устроилась на стуле, стоявшем справа. Напряженность ощущалась ею как едва слышный звон.

Капитан отпил глоток выбранного им напитка.

— Горди сказал, что ты научила его быть деревом, — заметил он. — Я не говорю, что это — плохая мысль, Присцилла. Но я не могу не задуматься над тем, какотреагирует его мать, если я передам в ее объятия сына, покрытого зеленой листвой.

У нее вырвался тихий смешок.

— Нет, это внутреннее дерево. Паллин все время говорил Горди, чтобы он представил себе свою силу в виде реки. Но Горди уверен в том, что сила — это сила, и вариаций тут нет.

— Понимаю. — Светлые глаза смотрели на нее очень внимательно. — Это был очень добрый поступок, Присцилла. Спасибо тебе за заботу о моем родственнике.

Она сделала кистью движение, которому научилась по гиппно-записям, предоставленным ей Линой.

— Доброта тут ни при чем. Он мне нравится. Он напоминает мне Брэнда — моего младшего брата — таким, каким я его в последний раз видела.

— Приношу тебе мои соболезнования. Но, возможно, когда ты в следующий раз приедешь домой, то убедишься, что он превратился в юного джентльмена. Я помню, как эта метаморфоза произошла с Вал Коном. — Он рассмеялся, и напряженная атмосфера словно заискрилась. — Это было по-настоящему страшно!

Она тоже засмеялась — тихо и неуверенно. Делая глоток бренди, она заметила потайное течение теплого восхищения: такого она не испытывала с того времени, когда была Сестрой в Храме.

— Я попросил тебя ко мне зайти, — продолжал тем временем капитан, — для того, чтобы обсудить новую структуру управления на корабле.

Она молча ждала пояснений.

Он вздохнул.

— Дженис Уэзерби нас покинула, освободив должность второго помощника. Ты должна признать, что это — проблема. К третьему помощнику обращались, но он вежливо — я бы даже сказал, с забавной поспешностью — отказался от повышения. Первый помощник обратилась к капитану с просьбой о новом кандидате для подготовки на эту должность. — Он вытянул в ее сторону широкий указательный палец. — О тебе.

— Обо мне? — недоверчиво переспросила она, пристально глядя на капитана. — Я не имею квалификации, чтобы выполнять обязанности второго помощника.

— А разве я сказал, что имеешь? Тогда прошу меня простить, Присцилла. Я намеревался сказать, что Кэйзин попросила меня прикрепить тебя к ней, чтобы она научила тебя быть вторым помощником. Как это говорится? Ах моя ужасная, ужасная память!.. Ага! — Он прищелкнул пальцами. — Обучение на рабочем месте!

К напряженности и восхищению прибавилось смятение. Присцилла отпила еще бренди.

— Я не... Но почему я?

— А почему не ты? В конце концов, ты уже начала проходить подготовку. Я, конечно, признаю, что обучение, предложенное Кэйзин, будет гораздо более напряженным, но это то же самое обучение. Разница только в интенсивности. — Он немного помолчал. — Кэйзин — очень хороший учитель, Присцилла. Она летает на «Долге» больше пятидесяти лет, из них тридцать — в должности первого помощника. И она много обучала и меня — каким бы неблагодарным ни было это занятие.

Присцилла судорожно вздохнула.

— Я ей не нравлюсь.

— Нет. Она тебе не доверяла, насколько я понимаю. Но я также полагаю, что это — в прошлом. Но даже если бы это было не так, Кэйзин не из тех, кто позволит какой-то личной предубежденности помешать ей делать для корабля все, что в ее силах. — Он замолчал, вопросительно глядя на нее. — Ну, Присцилла? Ты хочешь получить эту должность?

Хочет ли она получить эту должность? Как жизнь! Испытывая глубочайшее изумление, она заглянула в себя — и обнаружила там такую же уверенность, как та, что позволила Горди найти Дерево.

— Да, — просто ответила она.

— Хорошо. Тогда остается объяснить несколько вещей. — Он помолчал, потом кивнул. — Во-первых, необходимо, чтобы ты получила лицензию пилота первого класса. Ты будешь приходить на мостик ежедневно сразу по окончании своей вахты. Я буду тебя обучать. Нет никаких препятствий к тому, чтобы к моменту нашего возвращения на Солсинтру ты стала пилотом первого класса.

Она подумала над тем, что он ей сказал.

— Шан?

Напряженность каким-то непонятным образом изменилась, хотя теплота осталась.

— Да, Присцилла?

— Разве при этом не получится... — Она вздохнула и сделала вторую попытку сформулировать свою мысль: — Капитан.

— А что капитан, друг мой?

— Если я должна буду являться для уроков при смене с вахты, разве капитану не придется нести тройную вахту?

— Время от времени. — Он ухмыльнулся. — Капитан сделан из прочного материала. Когда я знакомился с кораблем, я часто имел двойные вахты: меня обучали Кэйзин и мой отец, — а потом не спал еще полвахты, готовясь к следующему дню. — Он вопросительно наклонил голову. — Ты возражаешь, чтобы тебя обучал капитан, Присцилла?

— Нет, конечно...

Она ощутила эхо напряженности и эхо тепла. Если она не проявит осторожности, это эхо может ее захлестнуть.

— Прекрасно, значит, этот вопрос мы решили. Остальные моменты. Второй помощник подписывает стандартный корабельный контракт. Это означает, что ты больше не будешь находиться под моим покровительством, а перейдешь под покровительство «Исполнения долга»...

Остаться без его покровительства? Паника затянула отклики эха ледяной корочкой. Выйти из-под крыла клана Корвал, где были тепло, дружба и помощь? Оказаться изгоем... Стать...

— Присцилла! — Его голос превратился в пламя здравого смысла, которое стало растапливать лед. — «Исполнение долга» принадлежит клану Корвал и управляется им. Корабельный контракт гарантирует тебе такую помощь, какой не в состоянии дать частный контракт с Шаном Йос-Галаном. Конечно, перед тем как его подписывать, ты его прочтешь.

— Да, конечно...

Чувствуя себя ужасно глупо, она поспешно сделала глоток бренди.

— Ты, конечно, хочешь узнать условия оплаты. — Он постучал по клавишам и развернул экран к ней. — Второй помощник получает три кантры за короткий полет плюс половину корабельной доли. Премии и выслуга лет... в настоящий момент неприменимы. Ты, конечно, начинаешь с низшего уровня оплаты. Нам осталось лететь четыре месяца, так что это следует пропорционально изменить... плюс количество, причитающееся по предыдущему контракту... компенсация за опасность... корабельная доля, надо о ней не забыть... о, и повышение доли... минус долг кораблю. Ну, кое-что из этого нельзя будет окончательно оценить до возвращения на Лиад, но, по-моему, я ничего не забыл, Присцилла. Вот минимум. Эта сумма тебя устраивает?

Сумма была потрясающей. Светящиеся янтарные цифры представляли собой такое количество денег, какого она в жизни не имела. Этого хватило бы на то, чтобы трижды выкупить ее заложенные браслеты. Она могла бы купить Сто часов для Лины, и у нее все равно остались бы деньги на одежду, на книги, на записи, на жилье, на еду. Возможно, такой суммы она не заработала за всю свою жизнь... И это за один полет!

— Это... тут должна быть ошибка!

— Правда? — Шан нахмурился и повернул экран к себе. — Ну, тогда давай подсчитаем все снова. Базовый оклад второго помощника, процентный пересчет...

Она ощущала накатывавшиеся одна за другой волны эмоций: восхищение, волнение, возбуждение, усталость... Присцилла почувствовала, что она распухает под их напором, принимает их в себя и снова излучает, опять и опять. Радостное возбуждение все росло — как никогда с той поры, когда они с Неясытью...

Неясыть мертва.

А отголоски набегали все стремительнее — оттуда, где вообще не должно было быть звуков. Где не могло существовать движения. Благая Богиня... Она представила себе Дерево. Она сделала глубокий вдох, слыша, как голос Шана произносит какие-то цифры, и прислонилась к стволу — такому знакомому и уютному. Дерево получилось! Может получиться и Вихрь.

Она начала первую последовательность и почувствовала, как образ встает на место и приобретает отдельную жизнь. Спасибо тебе, Богиня! Ей необходимо попасть в свою каюту в течение ближайшего часа. За Спокойствием были покои Сна: окончание танца Вихря.

— Нет, Присцилла, боюсь, что эта цифра правильная. Но ты должна понять, что это — короткий полет и что нам до Солсинтры осталось меньше четырех месяцев. Если ты возобновишь свой контракт по окончании полета, то получишь больше. Это — простая арифметика. Ты будешь работать с самого начала и до конца, а следующий маршрут — длинный. На него уходит целый год. Присцилла?

Она прошла через Первую и Вторую Двери. Следующей была Дверь Спокойствия, где ей можно будет на какое-то время задержаться, пока она не войдет в Сон.

— Эта сумма более чем достаточна, капитан, — пробормотала она. — Я удивилась потому, что она показалась мне очень большой.

— О! Ну, «Долг» — это же все-таки флагман Клана Корвал. Ты ведь не хочешь, чтобы мы платили столько же, сколько на рудовозе, правда?

— Да, капитан.

Спокойствие было уже совсем близко... а потом она вошла в него. Присцилла спокойно вздохнула и сделала глоток бренди.

Сидевший напротив нее капитан напряженно застыл, потом встряхнул головой и встал.

— Кажется, мы обсудили все основные вопросы, Присцилла. Ты начнешь свои занятия с Кэйзин в час. Я буду ждать тебя на мостике для урока пилотирования в шесть. Когда ты проснешься, у тебя на экране будет копия контракта второго помощника. Доброй ночи.

Такая резкость была для капитана нехарактерна. Однако Присцилла решила, что он тоже устал, и, кланяясь, улыбнулась ему.

— Доброй ночи, капитан.

Дверь за ней закрылась — и в этот момент у Шана подкосились ноги. Он с судорожным вздохом рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

С трудом овладев собой, он тяжело поднялся на ноги и направился было к двери с красной полосой, за которой была его личная каюта. Но у двери он остановился.

Повернувшись, он пересек комнату и вышел в коридор.

Там было тихо и царил полумрак: очень кстати для его отчаянно пульсирующей болью головы. Инстинктивно отыскивая нужную дверь, он приложил ладонь к сенсору.

Секунду он испытывал отчаяние: ее нет! Но тут дверь отъехала в сторону. Глаза цвета меда вопросительно устремились на него.

— Шан? — А в следующую секунду она уже обхватила его рукой за пояс и завела в каюту. — Мой бедный друг! Что случилось? Ах, денубна...

Позволив усадить себя на кровать, он спрятал лицо в теплую ложбинку у основания ее шеи и почувствовал, как начинается исцеление.

— Она отгородилась от меня, Лина. Она уже дважды от меня отгородилась!

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

155-й ДЕНЬ ПОЛЕТА ЧЕТВЕРТАЯ ВАХТА 20.00

Контракт был совершенно ясен. К нему было добавлено приложение, где оговаривалась минимальная сумма, которую второй помощник получит на Солсинтре, и содержалась формула, по которой она была исчислена. В приложении оговаривалось, что данная цифра не является окончательной и будет пересчитана после прилета на место по той же формуле с учетом дополнительных премий, премий за нахождение нового товара, корабельных долей или долгов.

Присцилла приложила руку к экрану и почувствовала легкое покалывание в ладони: машина зарегистрировала отпечаток. Тихий гудок был знаком заключения контракта.

Когда она отняла руку от экрана, ее пальцы сжались в полузакрытый кулак. Она секунду смотрела на него, а потом широко улыбнулась и повернулась, чтобы надеть рубашку.

Когда Присцилла повернула за угол, дверь Лининой каюты открылась. Она ускорила шаг.

— Доброе утро.

— Присцилла! Рада тебя видеть, подруга. А я уже считала себя обреченной на одинокий завтрак из-за того, что разнежилась в постели!

Присцилла решила, что это пошло Лине на пользу. Лицо ее буквально светилось, губы мягко изгибались. Она так и лучилась теплой радостью и удовлетворением.

— Ты прекрасна! — сказала она неожиданно и потянулась за хрупкими золотистыми пальчиками.

Лина рассмеялась.

— Хотя мне, конечно, очень неприятно возражать подруге, я считаю необходимым сообщить тебе, что по клановым меркам считаюсь лишь умеренно привлекательной.

— Слепцы, — прошептала Присцилла, а Лина снова рассмеялась.

— Но я слышала, что ты всего через час должна начать работу в качестве второго помощника! — весело проговорила она. — Гешада, денубиа. Кэйзин очень осмотрительна, но она человек холодный. Такой уж у нее характер. Не обращай на это внимания.

— Хорошо, не буду, — согласилась Присцилла, благоговейно глядя на подругу.

— Обидно, что у тебя не будет времени, чтобы регулярно приходить в библиотеку любимцев, — продолжала трещать Лина. — Ты там многого добилась. Я даже не рассчитывала на то, что молодых сильфокков удастся хоть немного приручить. И другие тоже заметили, как много ты там смогла изменить. Да, вот и Шан только этим утром сказал...

Присцилла ахнула, почувствовав удар обжигающей боли, и стремительно отшатнулась от ревности к спокойствию... чтобы обнаружить, что ей преградили дорогу, а тонкая рука сжала ее запястье.

Лина вскрикнула:

— Не надо!

Присцилла замерла — внешне и внутренне.

— Ладно.

— Хорошо. — Лина улыбнулась. — Мы с Шаном — давние друзья, Присцилла. А к кому еще ему было обратиться, когда он был травмирован и ему понадобилась помощь? А ты... Денубиа, тебе не следует ограждать так неожиданно: вежливость требует предупреждать о таком! Это же больно! Ты ведь не можешь не знать... Неужели твои учителя никогда не говорили тебе, что с собратом-целителем себя так не ведут?

— Собратом-це... — Присцилла попыталась понять услышанное, но сначала уцепилась за первую нелепость. — Ты хочешь сказать, что открыта все время?!

Лина заморгала.

— А мне следовало бы вечно прятаться за Стеной и бояться воспользоваться тем, чем я владею? А ты бы добровольно согласилась на слепоту, вместо того чтобы пользоваться глазами? Я — целитель! Как же мне не быть открытой?

Присцилла была засыпана недоумением-симпатией-досадой-следами пережитого удовольствия. Стараясь устоять перед напором эмоций, она слышала вздох подружки.

— Совсем необязательно терять голову. Ты можешь закрыть-ся наполовину? Сейчас тебе необязательно чувствовать все от-тенки.

Присцилла отыскивала нужные приемы, действуя неуверенно, словно новичок. Мощные волны эмоций превратились в фон. Она глубоко вздохнула: ее мысли уже были заняты вторым аб-сурдом.

— Шан — целитель? Мужчина?!

Улыбка Лины стала по-кошачьи довольной.

— Это так верно, что Шан — мужчина, — пробормотала она, и Присцилла снова ощутила болезненный укол ревности. — Верно и то, что он — обученный и умелый целитель. Разве я люблю тебя меньше, денубиа, если люблю и других?

— Нет. — Она снова вздохнула, продолжая разбираться с непонятной ей нелепостью. — Это... На Синтии мужчины — даже по-священные в Круг — не бывают плетельщиками душ. Нас учат, что они лишены этой способности.

— Возможно, на Синтии они ее лишены, — сухо ответила Лина. — В конце концов, Шан — лиадиец, и учение Синтии до нас пока не добралось. Тех из нас, кто способен это вынести, учат обращать внимание, пользоваться данными, которые дают нам все наши чувства. Шан не из тех, кто способен только воздвигнуть Стену и оберегать свое душевное равновесие, никогда за нее не выглядывая. И я тоже. И это больно, денубиа, когда ты находишься в контакте с кем-то и вдруг — без всякого повода и без предупреждения — от тебя отгораживаются. Ты больше не должна так делать. Экстренная ситуация — дело другое: ты должна действовать, чтобы спасти себя. Если вдруг оказывается, что тебе необходимо отгородиться от другого целителя, полагается сказать: «Извините, но я нуждаюсь в уединении» — и только потом скрываться за Стеной.

Присцилла понурила голову.

— Я не хотела сделать ему больно. Я хотела его защитить! Мне казалось, что я создаю... ложное эхо, из-за того, что устала.

Ее охватили сочувствие, тепло и приязнь. Присцилла почув-ствовала, как ее отпускает напряжение, и подняла голову. Лина улыбалась.

— Он знает, что боль была причинена ненамеренно. Лучшей компенсацией будет просто больше так не делать. — Она протянула руку. — Пойдем, нам придется спешно заглатывать еду!

ТРЕАЛЛА ФАНТРОЛ, ЛИАД**ГОД ПОД НАЗВАНИЕМ ТРОЛШ
ТРЕТЬЯ РЕЛЮММА
ВТОРОДЕНЬ БАНИМ**

Таам Оланек сделал еще один глоток превосходного бренди, смакуя его букет. Нову Йос-Галан вызвали с приема несколько минут тому назад.

— Дела, — тихо сказала она Элдему Глоди, с которым разговаривала.

Оланек позволил себе с любопытством подумать, что за дело могло заставить Первого представителя ведущего клана Лиад (в конце концов, что толку притворяться, будто это не так?) на столь долгое время оставлять прием, на котором она исполняет роль хозяйки.

Конечно, оставалась леди Антора, которая только-только окончила университет, но держалась с непринужденностью, сделавшей бы честь и человеку лет на десять старше ее. В данную минуту она с очень милой серьезностью выслушивала леди Йо-Хата. Он подумал было, не вызволить ли девочку из когтей этой старухи, но тут леди Антора сама сумела это сделать, да так изящно, что он преисполнился восхищения. Отнюдь не красавица, не то что ее сестра: по общепринятым меркам слишком пышные грудь и бедра — но ума и вкуса предостаточно.

Оланек мысленно признал, что это относится ко всем Йос-Галанам. Даже уродец-старший может похвастаться таким острым умом, что того и гляди обрежешься.

Их недостаток — как каждого в отдельности, так и всех вместе — заключался в их молодости. Если боги пожелают, они перерастут — или перехитрят — этот недостаток без особых проблем, и Корвал по-прежнему будет оставаться на своей вершине, яркий и неколебимый.

А Племя будет медленно скатываться в забвение.

Оланек раздраженно поднес к губам рюмку. Это казалось ему несправедливым.

— Элдема Оланек? — произнес рядом с ним мягкий влекущий голос.

Он повернулся и сделал поклон — не ниже положенного, но без чувства раздражения. То, что она обратилась к нему как к Первому представителю, а не как к лорду Оланеку или Делм Племя, было достойно внимания.

Он улыбнулся.

— Элдема йос-Галан. Чем я могу вам служить?

— Вашим терпением, сэр, — пробормотала Нова. Ее бледные губы изобразили то, что для нее считалось улыбкой. — Я глубоко сожалею в том, что это необходимо. Возможно ли, чтобы вы позволили небольшому делу помешать вашему удовольствию?

Все более странно. Он медленно кивнул.

— Я полностью в вашем распоряжении.

Было очевидно, что Нова желает обращаться с ним как с коллегой. Интересно, зачем Клану Корвал обсуждать какие-то дела с кланом Племиа, когда они вращаются в столь разных сферах? И почему это происходит в такой странный момент, посредине пышного и весьма приятного приема? Почему не связаться с ним завтра в его кабинете? Неужели ее дело может быть настолько срочным?

Тем не менее он вышел следом за ней из зала, отказавшись от новой рюмки бренди. Они молча прошли рядом по широкому коридору, который перешел в следующий. Там его спутница повернула направо.

Оланек заметил, что эта часть дома гораздо старше. Двери в ней были деревянные, с большими нарядными ручками в центре. Нова йос-Галан остановилась у второй по порядку двери, повернула ручку и отступила в сторону, с поклоном пропуская его вперед.

Этот знак был приятен: никто не мог обвинять Клан Корвал в склонности к лести. Какой им был бы от этого прок? Оланек кивнул и прошел в комнату.

Он остановился у самого порога, чтобы рассмотреть помещение. Это оказался кабинет или офис, где дерево и ковер с красным узором создавали атмосферу тепла. Символ Клана Корвал, почтенные Дерево и Дракон, висели над горящим камином. Он сделал шаг к огню, услышал шорох — и повернулся к хозяйке дома.

Она жестом попросила у него прощения — изящные руки стремительно взметнулись — и прошла к письменному столу. Оланек последовал за ней.

— Будьте так добры, прочтите это сообщение. Мне следует пояснить, что оно только что получено по узколучевой связи.

«Приветствие от капитана Шана йос-Галана Элдема Нове йос-Галан», — говорили ярко-желтые буквы. Такое начало послания от брата к сестре было что-то чересчур официальным — но это деловое письмо. Оланек допил остатки бренди и стал читать дальше.

Закончив чтение, он застыл в полном молчании, а когда заговорил, то тон его был ледяным, а слова — из самого высокого наречия.

— Племиа не в восторге от этой шутки, Элдема. Мы требуем...

— Нет, — спокойно прервала она его, — вы не требуете. Невозможно думать, будто мой брат мог придумать и сыграть подобную шутку. Невозможно, чтобы он выдвинул официальные обвинения таким образом — в виде вопросов капитана «Исполнения долга» к своему Первому представителю. — Она глубоко вздохнула, и сапфирово-синяя ткань платья у ее горла затрепетала. — Мой брат не дурак, Элдема. Он разбирается в поступках и последствиях поступков. Что, я полагаю, он продемонстрировал, пока сам был Первым представителем. Вам следует знать, что в момент нападения на мостике находился господин дэа-Гаусс. Я предоставлю вам решать, мог ли он принять участие в подобном, не будь все переданные нам сведения абсолютно правильными.

— Я хотел бы поговорить с господином дэа-Гауссом.

— Конечно, — спокойно согласилась она. — Я уже отправила послание, отозвав его специально для этой цели.

— Возможно, следовало бы вернуть обратно и корабль вашего брата, — угрожающе сказал он.

Она высокомерно подняла брови.

— Не вижу оснований. Их маршрут уже почти закончен. Капитан Йос-Галан получил указания от своего Первого представителя, за которыми он обращался. На данный момент, естественно. — Она устремила на него многозначительный взгляд своих необычных лиловых глаз. — Нет нужды говорить, что Клан Племя будет действовать благородно и разумно, слушая во все уши, глядя во все глаза. Корвал на это рассчитывает.

Чтобы его так поучала эта девчонка, когда он был Первым представителем — да, и Делмом к тому же! — дольше, чем она прожила на свете! Он овладел собой, поднес к губам опустевшую рюмку — и с достоинством кивнул.

— Племя только желает самостоятельно прийти к выводам, как и подобает, чтобы потом возобновить переговоры с Кланом Корвал. — Он сделал короткую паузу. — Я попросил бы — если Первый представитель Клана в своей мудрости сама не сделала этого, — чтобы капитана Йос-Галана... умолили... задержать ответный удар, пока все заинтересованные стороны не смогут разобраться в происходящем.

Нова Йос-Галан кивнула.

— В этом и заключалась суть указаний Первого представителя капитану Йос-Галану. Я не сомневаюсь в том, что Племя даст такие же указания капитану йо-Ваад.

— Конечно, — ответил он сквозь стиснутые зубы.

Его собеседница поклонилась и улыбнулась.

— Тогда наше дело закончено, Элдема. Благодарю вас за терпение, которое вы ко мне проявили. Надеюсь, вы сможете вернуться к тем развлечениям, которые вам предлагает прием.

Почему-то Оланек очень в этом сомневался.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

155-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ВТОРАЯ ВАХТА

6.00

Кэйзин Не-Зейм оказалась дотошной учительницей — и очень упорной. Голова Присциллы уже была до отказа набита новыми сведениями. А надо было выучить еще так много!

Она спешила, чтобы не опоздать на свой урок пилотирования с капитаном.

Капитан! Она нырнула в лифт и набрала код, который соответствовал сердцевине корабля и внутреннему мостику. Сотрясаемая бурей информации, она в течение последних шести часов не вспоминала о капитане.

Он оказался целителем — плетельщиком душ, хотя прежде ей никогда не приходилось слышать, чтобы мужчина овладел этим искусством. Он был постоянно открыт, постоянно чувствовал, постоянно знал...

Знал ее эмоции. С самого начала он прочитал ее, прикоснулся к ее чувствам и знал ее так же близко, как... Правящая Сестра.

Нет! Так не делают. Это неприлично, это богопротивно! Способность читать души дается Богиней, через Ее избранных. Неясность, которая умерла, была такой избраницей, а Присцилла Мендоса — ее добровольным вместилищем. Использовать силу сознательно, без божественного направления...

Дверь открылась, и Присцилла вышла в коридор. Она нырнула в первую попавшуюся подсобку и замерла с отчаянно бьющимся сердцем.

«Богиня, помоги мне! — мысленно взмолилась она. — Помогите! Я заблудилась...»

Дерево, Вихрь, Комната Спокойствия, Наблюдательный пост — за последний день она прибегла ко всему. Она, которая была ничем и никем, — если не считать того, что когда-то в ней жила Святая.

Забыв о времени, она закрыла глаза и заглянула в Глубинные Покои, где в давнем прошлом пела душа Старейшей.

Неясность?

Эхо мысли окружила тишина. Там не было никого, кроме Присциллы.

А Присцилла магией не владеет.

Магия действовала! Она уцепилась за эту мысль и открыла глаза. Три — нет, четыре раза магия действовала! И в обещании, которое она дала Лине, не было примеси неуверенности. Она не станет отгораживаться от капитана. Она будет держать Балахон

наготове, чтобы приглушить сильную вспышку и как можно лучше защитить его от боли.

Прозвучал сигнал времени, и она ахнула.

Тарлин Скепелтер, направлявшаяся в подсобку 28, чтобы сменить вышедший из строя сенсор, стала свидетельницей интереснейшего зрелища: новый второй помощник со всех ног неслась прочь от нее, в сторону внутреннего мостика.

— Нет! Совершенно бессмысленно!

Она поняла это прежде, чем он это сказал, и едва успела пригасить вспышку направленной на себя ярости. Сидевший рядом капитан стремительно подался вперед и провел всей своей большой кистью по пульту. В следующую секунду он уже вскочил на ноги и навис над ней.

— Ты злишься, Присцилла?

Она поморщилась от такой громкости и заставила себя удерживать Балахон на месте.

— Да.

— Ну, так злись! Ты можешь пилотировать гораздо лучше! Горди, и тот мог бы пилотировать лучше! Из всех непростительно небрежных, бездарных попыток пилотирования, что мне приходилось видеть...

— И надо полагать, вы смогли бы лучше — если бы половина вашего внимания была не на пульте, а на том, чтобы следить за отголосками!

— А я тебя просил следить за отголосками? Я сказал вам, чтобы вы следили за пультом, пилот! Если вы не можете сосредоточить на нем все ваше внимание, то мы сейчас же отменим все занятия! Я не допущу, чтобы корабль подвергался опасности из-за того, что пилот думал о чем-то, помимо текущей ситуации!

Он стал жужжащим пламенем ярости. Присцилла подсознательно отмахнулась от него, хотя при этом ее власть над собственным гневом ослабела.

— А я не просила, чтобы меня сажали за пульт с открытым настежь эмпатом! Что я должна была делать? Забыть о том, что переливается? А как насчет...

— Да! Именно это ты и должна была делать! Проклятие... — Он снова плюхнулся в кресло второго пилота и вскинул руки вверх. — Присцилла, разве я хрустальный? Неужели ты считаешь, что я разобьюсь при первом же контакте с вполне заслуженной злостью на себя?

Она молчала, кипя раздражением и не пытаясь его сдерживать.

Капитан вздохнул. Теперь он излучал не столько гнев, сколько чувство досады, за которым ощущались призывки интереса-восхищения-тепла-дружбы.

— Я не открыт настежь, Присцилла. В этом нет необходимости. Тебя ясно слышно и без этого. И к тому же я не кретин. Я могу

изменять уровень восприятия, если атмосфера станет настолько напряженной, что мои мысли начнут разбегаться. Кроме того, я пилот! Я успел поработать с десятками разных людей. Один из лучших пилотов, с которыми мне доводилось работать, пребывал в состоянии ужаса на протяжении всей вахты. Еще одна почти все время почти спала, каким бы отчаянным ни было положение, но при этом ее реакции были идеально точными. Однако стоило только спросить ее, почему она сделала то или это — и она впадала в панику... — Он чуть повернулся и адресовал ей примирительную улыбку. — Я не хрустальный, друг мой. Даю тебе слово.

Присцилле страшно хотелось потянуться к нему, ухватиться за его тепло, закутаться в него. Она тряхнула головой.

— Я... Лина сказала, что... целители всегда открыты, если не считать экстренных ситуаций. На... Меня учили оставаться закрытой, за исключением тех случаев, когда требуется плетение души, а по выполнению долга возвращаться в Спокойствие.

Его реакцией стало недоумение, смешанное с возмущением.

— Тогда как же ты занимаешься любовью?

— Это не для того!

Капитан передернул плечами.

— Прости меня, Присцилла. Похоже, наша подготовка была очень разной. Однако для этих уроков, пожалуйста, знай, что я могу о себе позаботиться — за исключением захлопывающихся у меня перед носом дверей! Ты приходишь сюда учиться пилотировать. Когда мы встретимся в следующий раз, я буду рассчитывать на то, что ты сосредоточишься исключительно на пилотировании. Если ты решишь пребывать вне Спокойствия, то не старайся подавить любую вспышку раздражения или радости. Если хочешь быть закрытой, то, пожалуйста, позаботься о том, чтобы уйти за свою Стену раньше, чем придешь сюда.

Он встал.

— На сегодня урок окончен. Увидимся завтра, Присцилла.

ТРЕАЛЛА ФАНТРОЛ, ЛИАД

ГОД ПОД НАЗВАНИЕМ ТРОЛШ ТРЕТЬЯ РЕЛЮММА ШЕСТОДЕНЬ ЧЕЛЕТА

Таам Оланек находил путь к истине тяжелым. Даже показания такого-безупречного свидетеля, каким был господин дэ-Гаусс, оказались недостаточными, чтобы извлечь его от затруднений.

Из чувства милосердия Нова сидела молча, хотя они обсуждали основные факты снова и снова. Она нашла в себе силы выполнить эту задачу, вспоминая те бесчисленные случаи, когда Шан дурил ей голову. Когда очарование этих эпизодов померкнет, она сможет начать перечисление тех моментов, когда Шан своим поведением доводил их отца до полной ярости.

Всему миру было известно, насколько непредсказуем Тоделм йос-Галан. Обвинения были бы бесполезны, конечно. Напоминать Шану о его роли Главы семейства йос-Галан — значило вызывать его на новый взрыв возмутительных поступков, специально рассчитанных, казалось, на то, чтобы заставить ее краснеть.

Но никто и никогда не осмелился бы утверждать, что Тоделм йос-Галан не является человеком стопроцентно порядочным.

И в то же время она понимала, что на месте Таама Оланека любой скорее предположил бы, что Шан наконец скатился до бесчестия, чем поверил, будто Клан Племиа нанес удар Клану Корвал.

— Эта Мендоса, — говорил тем временем Оланек господину дэа-Гауссу, — кажется, я не до конца все понял. Кто она, сэр? Какова ее роль в этих событиях?

Итак, они наконец перешли с Шана на более глубокие вопросы. Нова попыталась уверить себя, что имеет место прогресс. Вполне удовлетворительный.

Господин дэа-Гаусс откашлялся.

— Леди Мендоса родом из высокого Дома на планете Синтия, в секторе Тардом. Вахтенный журнал корабля говорит, что клан Племиа в лице Сав Риды Оланека — или тех, по отношению к кому он является лордом — причинил ей значительный ущерб. Собираются сведения, которые это подтвердят. Однако я не сомневаюсь в том, что записи «Исполнения долга» соответствуют действительности.

Он выжидательно замолчал.

Делм Племиа наклонил голову (чем заслужил молчаливое одобрение Новы). Человек более слабый, видя господина дэа-Гаусса в подобном настроении, обязательно пробормотал бы «конечно». Племиа просто стал ждать дальнейших пояснений.

Они не замедлили.

— Создается впечатление, что идет учет меланти, связанных с этими событиями. Леди Мендоса по происхождению землянка, так что может потребоваться некоторое время, чтобы все разъяснилось. Было отправлено сообщение Дому Мендоса с информацией о ситуации, какой она была к моменту моего возвращения на Лиад. Ответа я пока не получил. Тем временем леди Мендоса готова идти дорогой клана Корвал, так что я говорю и от ее имени.

— Ее положение? — продолжал расспросы Оланек. — Некоторые меланти должны быть очевидны, сэр. Например: здесь гово-

рится, что она служит по частному контракту. Могу я из этого заключить, что капитан Йос-Галан распространяет покровительство всего Клана Корвал на свою любовную игрушку?

Нова вынуждена признать, что такой вопрос закономерен для того, кто не знаком с привычкой Шана спасать всех бездомных собачек и кошек галактики. И в нем определенно не было ничего настолько неуместного, чтобы господин дэ-Гаусс возмущенно выпрямился и резко втянул в себя воздух.

— В момент моего отлета, — ледяным тоном сообщил он Племя, — леди Мендоса служила на «Исполнении долга» стажером — вторым помощником и пилотом второго класса. Именно она несла вахту в тот момент, когда произошло нападение на «Долг», и именно она предотвратила повреждения и гибель людей. То, что она почтила капитана Йос-Галана своей дружбой, не вызывает сомнения. Леди Фаалдом также является объектом ее дружеских чувств. Личность, о которой мы говорим, не может дарить бесцельного отношения.

Великие боги, вот это хвала! Нова с трудом удержалась, чтобы не воззрится на поверенного Клана Корвал.

Таам Оланек сделал примирительный жест. Яркая эмаль кланового кольца отбросила яркий блик.

— Я не хотел проявлять неуважения ни к леди, ни к капитану, сэр. В целях достижения полной ясности такой вопрос задать следовало. Вы сами упомянули о сложностях меланти.

Господин дэ-Гаусс слегка кивнул.

— Меланти фигурирует совсем в другом плане, сэр. Несомненно, ответ Дома Мендоса разъяснит ситуацию. Есть ли еще какие-то вопросы, требующие ответа? Не могу я служить вам еще чем-нибудь?

Оланек резким поворотом кисти убрал записи со своего экрана и вздохнул.

— Полагаю, что оставшиеся вопросы лучше будет задать моему родственнику. Элдема, я отправлюсь на «Даксфлан» и выясню, что делалось, а что — нет. Я прошу, чтобы в интересах Кланов Корвал и Племя меня сопровождал господин дэ-Гаусс.

— Я, — негромко проговорил старый поверенный тоном предостережения, — глаза и уши Клана Корвал.

— Я прошу о вашем присутствии именно поэтому, сэр. Вы имеете репутацию человека дальновидного и мудрого советчика. В столь сложной ситуации разумно предусмотреть, что Клану Племя может понадобиться и то, и другое ваше качество.

— Клан Корвал, — спокойно сказала Нова, — возражений не имеет.

Господин дэ-Гаусс на короткое мгновение встретился с ней взглядом и при этом почти улыбнулся. Он сдержанно кивнул Оланеку, выражая свою готовность служить.

— Я готов отправиться в путь по слову Племя.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД**171-й ДЕНЬ ПОЛЕТА
ТРЕТЬЯ ВАХТА
14.00**

Присцилла приближалась к нему с грацией пилота, протянув изящную руку. На ее лице загоралась улыбка радости. Едва дыша, он ждал, переполненный головокружительной радостью. Она не воздвигла Стены, не закрыла дверей — и это было ее выбором, сделанным свободно! Он подставил лицо ее ласковому прикосновению, целуя ресницами ее ладонь. Его сознание потянулось к ней, выходя за защитные барьеры.

Измученный вздох закончился тихим смехом.

— Шан...

Ее рука легла на его другую щеку, повернув его лицо навстречу любящему взгляду. Чувство пело между ними, поднимаясь к невыносимым высотам. Он ощущал стремительное биение своего сердца и знал, что ее пульс не отстает от его собственного.

Она поцеловала его.

Одно отчаянное мгновение он стоял совершенно неподвижно, захваченный отраженным восторгом, а потом ощутил ее вопрос — и его губы ответили ей. Он притянул ее тело к себе, а их песни стали переплетаться между собой, создавая единую мелодию.

И тут пронзительно заверещал будильник.

Она вздрогнула — и исчезла, хотя он пытался удержать ее.

— Присцилла!

Его разбудил собственный крик, хотя будильник создавал гораздо больше шума. Резко повернувшись на сбившейся постели, он гневно ударил ладонью по выключателю и упал обратно на подушку, крепко зажмурив глаза от усиливающегося освещения.

— Дьявол, дьявол, дьявол, ДЬЯВОЛ!

Заиграла музыка: «Праздничные радости» Артелмы, со страстью исполненные на омнихоре его братом Вал Коном.

— Дьявол! — еще раз с чувством бросил Шан и направился в освежитель.

Спустя некоторое время он прошел через столовую, возвращаясь из кабинета суперкарга. Этим утром Кен Рик был немного резок. Наверное, еще не успокоился из-за того, что господина дэГаусса неожиданно отозвали на Лиад.

Присцилла с Расти сидели за угловым столиком, наклонив друг к другу головы. Чувствуя, как у него от ревности сводит желудок, Шан взял себе чашку кофе и спелую страфлodyню.

«Целитель! — с издевкой сказал он себе. — Ты не можешь управлять даже собственными чувствами! А что такого ты прочел в ней, что дало бы тебе право на ревность? Дружелюбие? Короткие вспышки восхищения, оцененной эмоциональной поддержки, желания?..»

Он судорожно вздохнул и решительно вгрызся в сочный плод. «Такие чувства человек может испытывать к кому угодно. Старайся взять себя в руки, Шан».

— Привет, кэп! — приветствовала его из дверей камбуза БиллиДжо. — Вы ведь позавтракаете по-настоящему, правда? Нельзя дожить до ленча на одном яблоке!

Он улыбнулся ей, минуту поболтал о работе камбуза, согласился взять сладкий рогалик, которым она твердо решила его накормить, и снова налил себе кофе. Из столовой он ушел через боковую дверь, решительно не глядя в сторону уединенного столика в углу.

На капитанском экране мигал сигнал о полученном сообщении. Он положил рогалик на край бара и, усаживаясь в кресло, нажал кнопку «Прием».

От сестры узколучевых сообщений больше не было, отметил он. Хотя бы эти страхи можно забыть. Продолжая пить кофе, он просматривал список сообщений. Ничего срочного. Так, письмо от Дорты Кэйл. Может быть, на этот раз сделка состоится. А это что такое?

Узколучевое послание с Синтии, адресованное господину дэа-Гауссу?

Хмурясь, он сделал запрос, обнаружил, что это — ответ на отправленное сообщение, и вызвал текст, начиная смутно припоминать все обстоятельства. Кажется, Присцилла принадлежит к влиятельному семейству? Господин дэа-Гаусс пожелал ознакомиться их с положением дел.

«Дэа-Гауссу на торговый корабль «Исполнение долга». От дома Мендоса, Круг реки Синтия. На запрос касательно Присциллы Делакруа и Мендоса. Дочь Дома, носящая это имя, год рождения (по местному календарю) 986, год ухода к Богине (по местному календарю) 1002. Конец сообщения».

Он уставился на экран. «Уход к Богине»? Умерла?! Он представил себе Присциллу мертвой, и у него чуть не остановилось сердце. Он резко потрянул головой.

— Не глупи, Шан.

Он очистил экран и запросил занесенные в банк данных личные данные Присциллы вместе с теми, которые были автоматически затребованы с переписи земель.

На экране параллельно появилось два набора цифр: шифр сетчатки, отпечатки пальцев, группа крови, генная карта.

Женщина, назвавшаяся Присциллой Делакура и Мендоса, действительно была Присциллой Делакура и Мендоса: это можно было утверждать с точностью до 0,999.

Мендоса с Синтии... Он вспомнил холодную волну отчаяния, бледное как мел лицо Присциллы, руку, которой она его отстраняла:

— Вы не должны спрашивать...

Но господин дэа-Гаусс, чтоб он был проклят, спросил. И присланный ответ оказался хуже, чем полное отсутствие ответа.

Он испытал сильное искушение уничтожить сообщение. Однако он понимал, что это — слабость. И глупость. Если в течение разумного периода времени ответа не будет получено, господин дэа-Гаусс просто пошлет еще один запрос.

Ну, из нее получился удивительно деятельный труп. Он сделал глоток кофе, глядя в никуда. Спасти капитана. Спасти корабль...

— Что она могла сделать, о космос?

Он со вздохом допил кофе.

Самым легким и простым объяснением было бы — сбежала. Легко можно поверить, что Присцилла разочаровалась в жесткой социальной структуре, где вся власть принадлежит священничеству.

Значит, так. Юная Присцилла сбегает, а ее семья, чтобы не потерять лица, объявляет ее умершей. В конце концов, какой у них выбор? Местные записи отражают этот «факт».

Однако земная перепись, которую не волнует местная политика, по-прежнему числит Присциллу Делакура и Мендоса в числе живых, весьма даже живых.

Просто. Спокойно. Даже логично. Если не считать того, что что-то не сходится.

— Она может быть преступницей, — громко сообщил он пустой комнате. — Я так не думаю. Лина в такое не поверит. Господин дэа-Гаусс, не обладающий и каплей эмпатии, в такое не поверит. А, дьявол!..

Любой путешественник может с уверенностью утверждать, что местные преступления бывают самыми разнообразными и любопытными. То, что на одной планете считается уголовным преступлением, на другой не заставит побледнеть даже самую добрую из добропорядочных бабуть.

Остракизм. Преступление, которое наказывается таким образом, должно быть самым серьезным.

От мира к миру среди самых серьезных преступлений есть различия. Но они не так уж велики.

Умерщвление родича. Изнасилование. Похищение ребенка. Убийство. Манипулирование сознанием. Порабощение. Богохульство.

Убийство? Она, безусловно, была готова причинить Сав Риду Оланеку тяжелые телесные повреждения. Он сохранил яркие воспоминания об их первом собеседовании с его бурей ярости, ужаса и смертельной усталости. Убийство исключить нельзя.

Умерщвление родича?

Похищение ребенка?

Манипулирование сознанием? Порабощение? Она — эмпат, и очень сильный. Эти преступления тоже возможны.

Богохульство?

Он вздохнул. Прекрасное слово — «богохульство». Может означать все что угодно.

Необходимо получить точное определение ее преступлений: это нужно для корабля и для Клана. Корвал обязан ей многим. Жизненно необходимо знать человека, перед которым у клана долг, — знать досконально. Находясь на борту «Исполнения долга», Присцилла Мендоса продемонстрировала изящество и силу меланти. Однако она не возникла из небытия два месяца назад, как бы ему этого ни хотелось. Необходимые действия может предпринять капитан «Долга» или же их может предписать господин дэ-Гаусс — ради блага Клана Корвал. В обоих случаях желания и склонности Шана йос-Галана никакой роли не играют. Существует необходимость.

Проклиная эту необходимость, он набрал новый код и повернулся, чтобы отдать нужные распоряжения рубке.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

171-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ЧЕТВЕРТАЯ ВАХТА

16.00

— Присцилла? — виновато прервал ее Горди. — Привет, Расти. Присцилла, я тут подумал: ты не можешь научить меня быть драконом?

Расти возмущенно нахмурился. Она ощутила искру его раздражения, но не стала на него реагировать.

— Драконы возможны, — признала она, оценивая сияние предвкушения, которое буквально источал мальчик, — но они очень трудны. Для них нужны умения и дисциплина.

И душа святого? В течение последних суматошных недель Лина приложила немало труда, демонстрируя, как в этой огромной все-

ленной положено вести себя эмпатам. В этих уроках постоянно фигурировало понятие меланги. А души — нет.

Рядом с ней шумно вздохнул Горди.

— Но ведь ты-то умеешь это делать, правда?

Умеет ли она? Дракон был заклинанием Внутреннего Круга, но душа Неясыти была древней. Она знала путь...

Перед ее мысленным взором открылась последовательность действий. Внутреннее ухо уловило первый шорох кожистых крыльев. Она вздохнула и повторила действия в обратном порядке.

— Да, — признала она, испытывая глубокое изумление, — я умею. И если ты действительно хочешь научиться, я могу начать тебя обучать. Но между Деревом и Драконом лежит очень много занятий, Горди. И нет никаких гарантий, что ты это сможешь освоить.

— А Расти может быть драконом? — спросил Горди, видимо, пытаясь определить диапазон.

— Я не желаю быть драконом, — безапелляционно объявил тот. — Меня вполне устраивает быть связистом. Тебе никуда не надо идти, парень?

— Сейчас — нет. Через двадцать минут мне надо будет помогать Кен Риду. Присцилла, а почему не все могут научиться этой драконьей штуке? Дерево-то легкое!

— Конечно. — Дерево, Комната Спокойствия — это могли усвоить все. Более серьезную магию? Лина не имеет иной души, кроме своей собственной. — Дерево — это очень простое заклинание, Горди. В нем только хорошее. А в Драконе есть и то, и другое: это и щит, и оружие. К нему нельзя прибегать по пустякам. Можно прожить целую жизнь и ни разу не попасть в такое положение, когда возникнет необходимость призвать Дракона.

Он нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что дракон — это и хорошо, и плохо? Это — такая же чушь, как река Паллина!

— Парадокс — это мощная магия. Река силы — это базовый парадокс. Дракон невероятно сложен, Горди. Надо научиться уравновешивать добро и зло, силу, которая охраняет, и силу, которая пожирает. Надо быть осторожным, чтобы огонь не пожрал твою волю, или примитивная сила не победила твое... сердце. И нельзя... парить... слишком близко к солнцу.

Беспокойство Расти проникло сквозь словесную сеть. Она отодвинулась от стола и улыбнулась им обоим.

— А еще нельзя опаздывать на занятия по пилотированию, которые ведет капитан. Поговори со мной попозже, Горди. Если ты не остынешь. Расти, спасибо тебе, друг. Боюсь, что за главной трапезой мы не увидимся. Следующие две вахты у меня плотно расписаны.

Он присвистнул:

— Ничего себе занятие по пилотированию!

— Зато я сегодня не занимаюсь с Кэйзин Не-Зейм, — ухмыльнулась она. — Настоящий отдых!

Хохот Расти провожал ее до самой двери.

Ей удалось добраться до причала шаттлов раньше него. На несколько секунд.

— Доброе утро, Присцилла. Как всегда, вовремя.

— Доброе утро, капитан.

Он резко остановился и отвесил ей такой поклон, какой должен был бы оказаться невозможным из-за висящей у него на плече сумки.

— Второй помощник, пусть сегодня к вам придет успех. Я вижу, что попал в немилость.

— Можно подумать, вы бы очень огорчились, будь это действительно так! — парировала она, принимая первые лучи его ауры с чем-то похожим на жажду.

Еще пару недель назад она бы изумилась собственному нахальству. Просто невероятно, насколько быстро она привыкла полагаться на чувство, которое не может принадлежать ей.

— Очень огорчился бы, — ответил он, жестом приглашая ее пройти к причалу впереди него. — Подходящий денек для короткого полета на шаттле, правда?

Это хотя бы звучало разумно. «Долг» в настоящее время находился в нормальном пространстве и неспешно приближался к Дайен в системе Ироби.

— Если, по мнению мастер-пилота, дополнительное время за управлением шаттла необходимо, — ответила она.

— Однако какая ты сегодня важная! Повторение — мать учения, как говаривал дядя Дик. Шевелись, Присцилла. Опаздывать не годится.

Он уронил сумку рядом с креслом второго пилота и уселся, закрепляя паутину безопасности и одновременно разглядывая показания приборов. Присцилла пристегнулась в кресле пилота, ощущая его радостное возбуждение, словно свое собственное: чисто школярский восторг от возможности провести день без учителей и надзирателей, предвкушение чего-то еще, наложившееся на его привычную жизнерадостность. И проблески чего-то еще, что она сначала приняла за его хорошо сдерживаемую нервную энергию, но теперь оценила как нечто более острое — почти тревогу.

— Пульт мне, пожалуйста, — пробормотал он, снуя пальцами по клавиатуре.

Она послушно переключила управление шаттлом на пульт второго пилота и откинулась на спинку кресла, наблюдая за его работой.

Сигналы вспыхивали и гасли. Раздавались звонки, гудки и жужжание: он проводил предполетную проверку с такой скоростью, которая показалась бы головокружительной любому, кто не был пилотом. Из отсека был откачан воздух, люк внешней оболочки «Долга» открылся — и они, кувыряясь, отлетели от корабля. Шан тихо рассмеялся, выполнил быструю цепочку маневров, столь же стремительно отключил экраны и приборы — и вернул управление ей.

— Экран, пожалуйста.

Она послушалась, запоздало встревожившись.

«Долг» оказался нелепо далеко, огромный, как луна — в левом нижнем углу сетки координат. Четыре крохотные планетки Ирроби безмятежно висели ниже.

Шан указал на вторую планету.

— Я хочу оказаться там, если тебе не трудно. Через... — тут он быстро взглянул на часы на пульте — ...восемь часов мы должны сесть в порту Свунакет. Займись.

Он развернул кресло, расстегнул сетку безопасности и потянулся за сумкой. Под его руками она превратилась в переносной компьютер. Демонстрируя полную незаинтересованность ее действиями, он углубился в работу.

Присцилла сжала зубы, проглотив едкое замечание, и взялась за решение скучной задачи: надо было определить, где именно они находятся в отношении того места, куда пожелал направиться капитан.

ДАЙЕН

ПЕРВЫЙ ВОСХОД

— Порт Свунакет, капитан. Пилот сожалеет о том, что приземление состоялось на пять минут раньше указанного времени.

Он поднял голову и рассеянно заморгал. Поскольку в последние два часа его аура представляла собой ровную картину сосредоточенного внимания — примерно такую же, как при игре в шахматы, — то эта уловка ее с толку не сбила.

— Все еще кипишь, Присцилла?

Рассеянность сменилась широкой улыбкой.

Она заставила свои губы не изгибаться.

— Это был отвратительный трюк!

— Я прекрасно помню, как такой устроил мне отец, — сочувственно сказал он. — И не только этот. В большинстве случаев совершенно не по-сыновнему. Кстати, ты прекрасно справилась,

особенно когда мы попали в турбулентность. Эти дивные градины! Право, местная погода прекрасно мне подыграла!

Смех захватил ее врасплох, наполнив ее живот, грудь, голову и сердце — и, наконец, всю кабину.

— Вы — ужасный человек!

Шан со вздохом принялся упаковывать переносной компьютер.

— Тетка моего брата, моя старшая сестра — а теперь еще ты! Я склоняюсь перед вашим коллективным разумом, Присцилла.

— Еще бы! — Она встала, и сеть безопасности со шелчком втянулась обратно в пазы. — Пилот ждет дальнейших распоряжений капитана.

Он отставил сумку с компьютером в сторону и с явным удовольствием потянулся.

— Капитану в настоящее время услуги пилота не нужны, спасибо. Однако ему хотелось бы, чтобы второй помощник сопровождала его в некое место в городе, где надо будет делать кое-какие дела.

Она подозрительно посмотрела на него.

— Какие именно дела?

— Ну-ну, Присцилла! Я же купец! Мне ведь надо хоть изредка торговать, правда? Хотя бы, чтобы поддерживать иллюзию.

Он адресовал ей ироничный поклон.

— И мне понадобится твоя поддержка — здесь. Я буду идти на положенном расстоянии позади тебя. Место, куда мы направляемся, находится на Тралута Сиамн. Название фирмы «Фашольт и дочери». — Он помахал своей крупной кистью. Блеснуло кольцо мастер-купца. — Веди меня!

Она остановилась в тени арки и выглянула на улицу. Шан следовал чуть позади.

В лучах масляно-желтого маленького солнца сновали или прогуливались женщины, поодиночке и парами. Позади каждой, на почтительном расстоянии в три шага, шел мужчина или мальчик — а порой и двое. Одна немолодая женщина прогуливалась, опираясь на руку молодого мужчины: оба в роскошных одеждах и дорогих украшениях, в сопровождении процессии из шести мальчиков, поразительно красивых в строгих туниках и брюках.

Присцилла проводила их хмурым взглядом. Мальчики распространяли вокруг себя одинаковое довольство. «Игрушки, — подумала она. — Ухоженные — и, возможно, даже обласканные — любимцы».

— Ну, Присцилла?

Его голос звучал очень тихо. Она прочла в нем озорство — и нечто более серьезное.

Она обернулась и гневно посмотрела на него.

— Предполагается, что вы мне принадлежите?

Он кивнул.

— Но не горюй. — Он привычно пощупал ткань своей рубашки, прихватив ее двумя пальцами, потом постучал по кольцу мастера и причудливой серебряной пряжке на поясе, провел рукой по обтянутому мягкой тканью бедру. — Ты явно меня балуешь.

Она покраснела:

— Непонятно почему.

— Жестоко, Присцилла. Я не считаюсь неумехой. А еще я плот, механик, знаток вин, тканей, пряностей...

— И неисправимый болтун! — договорила она с чуть насмешливым возмущением. — Будь вы моим, я бы вас выпорола!

Разлетающиеся к вискам брови изумленно изогнулись.

— Насилие? Вы можете попортить товар, высокая дама. Разумнее попытаться произвести обмен на менее шумную модель, если постоянно звучащий голос вас раздражает.

— Не соблазняйте меня! — попросила она.

Напряженно выпрямившись, она повернулась и зашагала по улице.

Нагнув голову так, чтобы спрятать улыбку, Шан пошел следом.

Ломар Фашольт оказалась круглолицей и взлохмаченной женщиной. Туника на ней была приятного розового цвета. Как только Присцилла вошла к ней в кабинет, она широко улыбнулась и велела дочери уйти.

— Добрый вам день, сестра Мендоса, — сердечно поздоровалась Ломар, выходя из-за сияющего полировкой стола из терловой древесины и протягивая надушенную руку. Присцилла пожалала ее и облегченно улыбнулась.

— И вам добрый день, сестра.

Ломар негромко рассмеялась, и ее взгляд устремился Присцилле за плечо.

— Шанни! Какая радость для старушки! Так ты все-таки решился на мне жениться? Твоя комната готова и ждет тебя!

Он засмеялся и шагнул вперед, чтобы поклониться. Присцилла отметила, что это — поклон глубокого уважения.

— Очень приятно тебя видеть, Ломар, — мягко ответил он. — И сколько у тебя теперь мужей?

— Восемь! Представляешь себе? Но ничего нельзя поделаться, Шанни: я не могу не делать деньги! А чем больше у меня денег, тем больше мужей они мне навязывают. — Она покачала головой. — Последний — просто щенок, ровесник моей младшей дочери! Что, по их мнению... — Она нервно взмахнула рукой. — Ну ладно, я отправила его учиться, бедного ягненочка. Хотя очень трудно найти учителей, которые не считают ниже своего достоинства обучать мальчика. Но я все болтаю, а вы оба стоите! Проходите, садитесь.

— Мне кажется, — не отступал от темы Шан, — что я не очень подойду на роль девятого, правда? Я привык к некоторой свободе. — Он ухмыльнулся и развалился в кресле, вытянув ноги перед собой. — И потом, я тоже не лишен способности делать деньги. Сколько мужей ты можешь прокормить?

— О, наверняка еще несколько! Хотя не столько, сколько мне хотели бы навязать. Будь я на двадцать лет моложе, я бросила бы эту глупую планету и устроилась где-нибудь в другом месте. Не знаю, почему мои дочери здесь остаются — и тут я говорю истинную правду! — Она села, обласкав их теплой улыбкой. — Ну, я так и подозревала, что ты откажешься, милый, но надежда умирает последней. Ты бы меня смешил. Почему ты здесь, Шанни?

Еще до того, как он ответил, Присцилла уловила искру недоумения.

— Я здесь, потому что у меня есть товар для продажи. Клан Корвал торгует с домом Фашолт уже два поколения.

— И больше этого делать не будет. Я надеялась, что мое послание было достаточно ясным. — Круглое лицо отразило печаль. — Ведь это правда, Шанни, что твою семью — твой клан — возглавляет мужчина?

Он нахмурился и сел прямее.

— Да, конечно: Вал Кон — наследник по старшей линии, будущей Делм. Но йос-Фелиумы — не купцы, Ломар: торгуют йос-Галаны. Две разные семьи.

Она секунду думала над услышанным, а потом осведомилась:

— И кто мать твоей... линии, Шанни? Нет, это не так звучит, да? Я не знаю правильного слова.

— Тоделм, — подсказал он его, еще более недоуменно. — Я. Ломар, в чем дело? Неужели мы чем-то тебя оскорбили? Ты недовольна нашей политикой, нашими ценами? Но это ведь можно исправить! Мы так долго торговали!

— Неужели ты думаешь, что я этого не знаю? Долго, взаимовыгодно и всегда так приятно было встречаться! Твой отец всегда был готов посидеть, выпить пару рюмок, рассказать мне, что делается в огромной галактике... И ты такой же, как он... — Она грустно улыбнулась. — Все было бы лучше, Шанни, будь ты девушкой.

Шан сел очень прямо, не сводя глаз с лица собеседницы.

— Ломар, я в растерянности. Я всю жизнь был мужского пола, и мой отец тоже. А торговля всегда шла хорошо!

— Разве я не сказала то же самое? — Она вздохнула, излучая горе и симпатию. — Все дело в новом законе, Шанни. Из храма Трижды благословенные велели нам вести торговлю только с теми семьями, которые, как и подобает, возглавляют женщины. Не торговать с кораблями, если их капитан и купец не женщины. — Она

нервно переставила на столе какие-то безделушки, а потом резко подняла глаза. — Это — закон, Шанни!

— Ломар, — Шан говорил очень осторожно, — контракт между Кланом Корвал и семьей Фашольт заключен во время жизни наших бабушек. Он гласит, если память мне не изменяет, вот что... Да! «Между Петреллой Йос-Галан или назначенными ею лицами и Тулет Фашольт или назначенными ею лицами». — Он повел плечами — почти пожал ими — и улыбнулся. — Мы оба — назначенные ими лица.

— Знаю, — ответила она, качая головой. — Казалось бы, тут есть некая надежда, правда? Я написала прошение, добавив, что среди инопланетников существует обычай считать женщин и мужчин равными. — Она поморщилась. — Трижды благословенные сказали совершенно определенно: торговля разрешается только с теми семьями или кораблями, которые теперь возглавляют женщины. Пусть инопланетники и следуют неестественному обычаю, но это еще не повод для того, чтобы мы делали то же самое.

— В конце концов, — тихо проговорил Шан, — ведь Богиня всех нас создала по Своему образу и подобию.

— Не богохульствуй, Шанни.

Присцилла пошевелилась.

— Так нас учат — на Синтии.

Немолодая купчиха улыбнулась.

— Здесь не Синтия, сестра. Здесь мы следуем указаниям храма. Или нас ломают на кусочки и рассеивают по всему миру, отрывая мать от дочери и сестру от сестры.

Присцилла подняла руку и начертила в воздухе Знак Предотвращения. Ломар кивнула.

— Так, и я тоже надеюсь. Но похоже, что мои пожелания в этой жизни не исполнятся. Возможно, следующий оборот Колеса приведет меня в более счастливое время.

— Да будет так, — прошептала Присцилла, и Ломар склонила голову.

Шан осторожно кашлянул.

— Допускают ли трижды... благословенные, чтобы я поговорил с вами о товаре, который принадлежит члену моей команды? Леди Фаалдом, которая возглавляет свое семейство, и к тому же женщина! Присцилла подтвердит мои слова. Или нам лучше уйти?

Она внимательно посмотрела на Шана.

— Этот товар действительно собственность леди Фаалдом, Шанни? Почему она сама не пришла ко мне?

Присцилле показалось, что он был немного уязвлен этим вопросом.

— Конечно, это груз Лины! Я ведь так сказал, правда? А что до того, почему она сама не пришла, так зачем ей было это делать?

Я — мастер-купец, она — библиотекарь. Вполне разумно, чтобы в этом вопросе ее интересы представлял я.

Ломар покачала головой.

— Если она принесла тебе клятву, то глава она семьи или нет... Извини, Шанни. Закон есть закон. Я не смею.

Дав волю глубокой тревоге, Шан резко подался вперед, протягивая через стол руку.

— Ломар, уезжай отсюда!

Она потянулась ему навстречу и ласково потрепала по руке.

— Ну-ну, милый. Какой ты хороший мальчик, Шанни! Но все будет в порядке.

— Не будет все в порядке! — отрезал он. — И ты, и я — мы оба знаем, что все будет все менее и менее в порядке. Перекроить торговлю с половиной галактики? Это безумие — или нечто хуже! Это самоубийственно. Вы будете голодать — это если на вашей стороне будет удача. А если нет... Общество, которое поработило половину своего населения? Ломар, что происходит, когда рабы замечают, что их господа слабы?

— Революция, — проговорила Присцилла, почувствовав, как в ней просыпается предвидение. — Война. Ненависть. Смерть.

— Я изучала историю, сестра. — Ломар вздохнула и снова погладила Шана по руке. — Что же мне, остаться без монеты, чтобы купить путеводитель, Шанни? Мне надо ликвидировать вложения. Для этого нужны время и тщательный расчет. А мои дочери? Это невозможно. Не сейчас.

Купчиха села прямо. Присцилле показалось, что она постарела у них на глазах.

Шан сидел напряженно, тревога окружала его почти видимым облаком. А потом он тоже со вздохом выпрямился.

— Конечно. Ты поступишь так, как сочтешь разумным. У тебя есть мой узколучевой код, Ломар?

Она тихо засмеялась:

— И твой личный код, и код «Исполнения долга». А зачем?

— Одолжение, ради нашей дружбы. Когда будешь готова, сообщи мне. Будет предоставлен транспорт. А еще я обещаю стать вторым компаньоном в любом деле, которое ты пожелаешь начать.

Она рассмеялась уже громче.

— Странное создание! И опять — зачем?

Шан даже не улыбнулся.

— Здесь тебя знают. Чтобы обосноваться на новом месте, тебе понадобится местный кредит. Имея меня компаньоном, ты эту проблему снимаешь. — Тут он все-таки улыбнулся — устало и невесело. — Ты действительно умеешь делать деньги, Ломар. Я это знаю. Почему бы мне не предоставить тебе помощь в обмен на прибыль, ради которой мне не придется себя утруждать?

Она покачала головой.

— Но ты ведь родом с Лиад, Шанни. Я не...

— Клан Корвал, — мягко прервал он ее, — пользуется репутацией повсюду. За исключением, наверное, этой планеты.

Наступило короткое молчание, а потом она развела руками.

— Хорошо, тогда — компаньон без участия в делах. Скажем, на пять лет? Лучше на десять. А потом я твою долю выкупаю.

Он кивнул.

— Это будет легко устроить. Но это — чисто деловая сторона. Главное, чтобы ты переехала и перевезла всех своих как можно скорее... Прости за вольность, старый друг. Семейство Йос-Галан будет радо — счастливо — видеть вас своими гостями в течение какого-то времени, чтобы ты смогла осмотреться и принять решение на основе всей информации.

— Ты — хороший мальчик, Шанни, — снова повторила она. — Я это буду помнить. А теперь, дорогой мой, боюсь, что я должна попрощаться с вами обоими.

— Мы не подвергли вас опасности, сестра? — спросила Прицилла, пока они шли к выходу.

Ломар улыбнулась и тоже похлопала ее по руке.

— Благослови тебя Богиня, дитя мое, все еще не настолько плохо. Но лучше не испытывать то, что Шанни называет судьбой. Пусть вас не оставляет Ее улыбка, дети мои.

Прицилла быстро шагала по утренним улицам. Беспокойство Шана усиливало ее собственное. У себя за спиной она ощущала холодок тревоги, скрывший его привычное тепло.

«Матерь, даруй нам безопасность!» — мысленно молила она.

Впереди показались ворота космопорта. Она ускорила шаги и облегченно вздохнула, проходя в заповедник инопланетников. У нее за спиной тревога Шана тоже немного уменьшилась.

«Благодарю тебя, Богиня!» — беззвучно выдохнула она.

И тут же ощутила изумление — и возмущение, похожее на вспышку молнии.

Она обернулась и увидела, как женщина в белом одеянии бесцеремонно трясет Шана.

— Тварь! Как ты посмел пройти мимо меня, не отдав земного поклона? — Ее посох поднялся у него над головой с намерением вызвать страх, а не ударить. Ярость Шана вспыхнула ярким пламенем, и женщина снова его встряхнула. — Как тебя зовут, бездушный?

— Хлад, высокая дама.

Тихий голос был в полном противоречии с ревом его ярости.

— Хлад, вот как? «Высокая дама», неужели? Ты что, совсем не умеешь себя вести или слишком туп, чтобы узнать храмовницу с первого взгляда?

Присцилла ощутила волну злобной силы. Воплощения! Она раскрылась, отклонила удар незнакомки и ощутила, как ее собственная сила устремляется наружу...

— Хватит! — рявкнула она.

Оба стремительно повернулись к ней и изумленно на нее уставились.

— Хлад, — резко приказала она, — извинения трижды благословенной. А потом — за мою спину!

Долю ссекунды ей казалось, что он не станет ей подыгрывать. А потом он напряженно поклонился, коснувшись лбом собственных колен.

— Простите его, трижды благословенная. Вашей святости не хотели нанести оскорбления.

Такое извинение едва ли можно было назвать нижайшим: аристократическая ярость сыпалась из него искрами, словно мощный заряд электричества. И трижды благословенную оно не смягчило. Ее посох стремительно вытянулся вперед, перекрыв ему путь к отступлению.

— Он будет прощен. После наказания, как предписано. Публичная порка...

— Я сказала — хватит! — вскричала Присцилла, излучая суровую властность, силу духа и благоговение. — Неужели вы учините насилие над этим человеком, когда на нем лежит печать самой Матери?

Она протянула руку и начертила светящийся знак перед лицом Шана так, чтобы храмовница смогла его прочесть.

— В этом мужчине есть больше, чем вам дано знать. У него есть силы, как у храмовой сестры! Глубокая ученость, умение действовать — тайна. И еще большее!

Жрица была надежно поймана: ее окружила сверкающая словесная сеть. Присцилла резко потянула на себя благоговение, тайну, веру — и начала плетение. И тут она заметила нечто еще: одну мощную ноту, которая становилась все более властной и страстной, росла, переливалась, лучилась... Копье величия, потрясающее в своем великолепии.

Это был Шан, излучавший на всех уровнях.

Захваченная словесной сетью храмовница ахнула и подняла руку, чтобы заслонить глаза от этого сияния.

Нота еще усилилась, и Присцилла сделала нужные поправки. Наверное, он пойман, захвачен отголосками ловушки, которую устроила трижды благословенная...

Нота замерла, а потом перешла в глассандо: сила уменьшалась с каждым биением, пока последнее не приостановилось, рассыпая поющие радуги... и исчезло.

Трижды благословенная обвисла в своей сверкающей сети, пульсируя тайной. А мужчина стал просто мужчиной и ничего не излучал.

— Так вы видели, — провозгласила Присцилла, осторожно размыкая сеть. — Так вы слышали. Так будет. Мы живем в благословенное время, юная сестра, когда со всех сторон нас окружают тайны и чудеса. Смотрите пристально на все, что вы видите, и знайте, что Богиня защищает каждого из нас.

— Олли! — прошептала храмовница. — Я благословенна без меры, видев подобное чудо. Старшая сестра, я прошу прощения. И вашего благословения.

Присцилла подняла руку и начертила положенные знаки у глаз, ушей и сердца.

— Во имя Ее, прощение, как Она прощает каждого из Своих детей. Ходите под Ее покровом. Живите праведно. Служите долго.

Храмовница покорно склонилась, а Присцилла повернулась и сделала Шану знак следовать за ней. Они ушли — медленно, не оглядываясь.

Шан рухнул в кресло второго пилота, и его голова ударилась о подголовник. Он приоткрыл один серебряный глаз.

— Пожалуйста, Присцилла, я был бы очень рад получить предупреждение, когда тебе в следующий раз понадобится подобная поддержка.

В его голосе звучали нотки улыбки и усталости. Его аура... его аура — исчезла.

«Нет!»

Она неловко села и потянулась по внутренним путям, пытаясь отыскать его тепло так, как слепой ищет лицом прикосновения солнечных лучей. Ее поиск натолкнулся на гладкую Стену, холодную и скользкую, словно зеркало. Она преграждала дорогу, не отталкивая. А он, наверное, за этой преградой...

— Присцилла?

Она вернулась в физический мир, стараясь успокоиться.

— Мне не пришло в голову спросить... Мне показалось... Я испугалась, что вы попали в отголоски.

Он фыркнул.

— Я не попадался в отголоски с двенадцатилетнего возраста, Присцилла. Верь хоть немного в мои способности!

— Да, конечно... — Но это стало настоящим кошмаром: он рядом с ней, а она не может слышать, не может убедиться... — Шан...

Он чуть подался вперед и протянул ей руку. Ярко блеснул гранями перстень мастер-купца.

— Я здесь, друг мой.

В его голосе и на его лице была тревога за нее, но внутри — только ужасная, неприступная холодность. Она сжала его пальцы, ощущая их тепло. Этого было мало.

— Шан...

— Я устал, Присцилла, — мягко сказал он. — Мне уже давно не приходилось устремляться вовне сразу по всем дорогам. Позволь мне отдохнуть. — Он всмотрелся в ее лицо, сжал ее пальцы. — Я снова у тебя в долгу.

— Пожалуйста... — начала она, а потом судорожно вздохнула и нашла подобающую фразу на высоком лиадийском: — Умоляю вас забыть об этом.

Он снова откинулся в кресле, и его пальцы выскользнули из ее руки.

— Я вижу, что Кэйзин — внимательная учительница. — Быстрый взгляд на пульт позволил ему заметить белый огонек близости. — «Долг» на орбите. Великолепно. Летим домой.

Домой. Несмотря на то что он по-прежнему прятался за своим зеркалом, она ощутила чувство облегчения и уловила нотки настоятельной потребности.

— Да, Шан, — сказала она и поспешно поправилась: — Да, капитан.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

177-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ВТОРАЯ ВАХТА

9.00

Кен Рик смотрел на него, отказываясь верить услышанному.

— Приготовить трюм тридцать два к приему груза? — переспросил он наконец.

Шан поднял брови и вдобавок бросил на него высокомерный взгляд.

— Вы с этой задачей справитесь, Кен Рик, не так ли? Или трюм тридцать два уже полон?

— Нет, он не полон, — огрызнулся старый лиадиец. — Как вам прекрасно известно. Но вы же не берете... а, будь проклят этот язык! — этот ланза пелшек! Его груз?!

— Не беру? Ну, мне было приятно это узнать, мастер Кен Рик. Благодарю вас за информацию. Но, знаете ли, у меня было такое впечатление, что я все-таки собирался его взять. — Он помолчал, а потом мягким голосом нанес решающий удар. — А еще мне казалось, что суперкарго получает приказы от капитана.

У Кен Рика на глазах выступили слезы.

— Шан! Но он же... пытался убить «Долг»! — А потом он перешел на высокий язык, модальность обращения старшего к юнцу чужого клана. — А теперь вы берете его груз и гарантируете доставку! Ваш отец...

— Поступил бы точно так же! — закончил Шан ледяным тоном на земном. — Это не относится к сведению счетов. Товар нужен — необходим — на Теофолис. Начальник порта обратился к нам из-за этой необходимости. Мы гарантируем доставку — из-за необходимости. Мы ведь летим на Теофолис, не так ли, Кен Рик? Прояви немного благоразумия, ради всего святого! Какими бы мерзкими акулами мы показались людям, если бы стало известно, что к «Долгу» обратились в Рэгттауне с просьбой, а мы отказались взять груз.

— Да, конечно.

Он ответил едва слышным шепотом, но на земном. Он поклонился как обучаемый обучающему.

— Простите...

— Ах, чтоб тебя, надоедливый ты старик! Ты же набрасывался на меня все эти годы. Пожалуйста, не начинай вести себя прилично!

Кен Рик рассмеялся.

— Признаюсь, это потребовало бы немалых усилий. — Он снова поклонился, как подчиненный начальнику. — С позволения капитана, я иду готовить тридцать второй трюм к приему груза.

— Спасибо, Кен Рик, — мягко ответил Шан. — Я был бы тебе очень признателен.

БАШНЯ НАЧАЛЬНИКА, ТЕОФОЛИС

ЧАС КОРОЛЕЙ

Начальница порта Роминкофф смотрела на пожилых господ. Сам по себе тот факт, что они вообще перед ней стояли, свидетельствовал о находчивости и состоятельности. Размер взятка, необходимых для того, чтобы провести двух человек вверх по лестнице ее подчиненных до ее кабинета, был несомненно велик. Она мысленно пообещала себе узнать, какова сейчас такса. Приятно знать, как оцениваются ваши услуги.

Более молодой из пришедших поклонился, но не низко.

— Я, — объявил он, тщательно произнося слова торгового языка, — Таам Оланек, Делм Племиа. Моему клану принадлежит корабль под названием «Даксфлан», который в настоящее время должен был находиться в порту. Я обнаружил, что он не прибыл.

Начальница порта села прямее. Возможно, пожилой господин заплатил все-таки не слишком много.

— Тут я с вами согласна, сэр, — ответила она любезно. — «Даксфлан» не прибыл.

— Я надеялся, — продолжил Таам Оланек, Делм Племиа, — что вы не откажетесь сообщить мне, что вам известно об этом. От других лиц я узнал, что посадочное пространство было зарезервировано и отмены резервирования не было. И что здесь ожидают грузы.

— И мы ожидаем грузов, — договорила она, растеряв часть своей вежливости. — Вот именно. Похоже, вам известно все, что я могла бы сообщить вам о ситуации, сэр. «Даксфлан» опоздал на четыре местных дня. Однако можете успокоить себя, что с ним не произошло ничего плохого. У меня есть сообщения, что корабль находится в пределах сектора и ведет торговлю в неких... э-э... свободных от пошлин портах. Похоже, прежние обязательства не учитываются. — Она сдвинула перед собой пальцы обеих рук. — Что весьма неприятно. Это, конечно, неприятно вам, но еще больше — Теофолису. Среди грузов, которые должен был доставить «Даксфлан», находилось два отправления из Рэггтауна, состоящих из лекарственных препаратов. Они были необходимы для завершения программы вакцинации. А еще — драгоценности, которые должен надеть регент во время коронации, назначенной на следующую неделю. Согласно последнему сообщению из Рэггтауна, эти отправления по-прежнему находятся на складах, ожидая доставки.

Наступило короткое молчание. Начальница порта уже решила было, что давала объяснения слишком быстро, так что ее немолодые посетители не смогли ее понять.

Делм Племиа поклонился.

— Положение очень серьезное. Клан Племиа гарантировал доставку. Доставка будет осуществлена. Если вы разрешите мне воспользоваться вашим оборудованием, я позабочусь о том, чтобы найти субподрядчика для доставки груза из Рэггтауна.

Ну что ж. Это уже было неплохо. Начальница порта кивнула.

— Я попрошу провести вас к связистам, сэр. Минутку.

Ее рука потянулась к пульту, но замерла на поддороге: раздался щелчок замка в двери справа, откуда появился ее запыхавшийся помощник.

— Госпожа начальник порта! — начал он, запоздало заметил посторонних и замолчал.

Начальница порта Роминкофф выразительно подняла брови:

— Продолжай.

— Да, госпожа. Мы получили узколучевое сообщение с торгового корабля «Исполнение долга». В нем говорится, что они везут грузы с Рэггтауна. — Помощник судорожно глотнул воздух и закончил доклад: — Предположительное время прибытия — в течение следующих местных суток.

— Ну вот. — Она широко улыбнулась посетителям. — Похоже, проблему за нас решили.

Однако оказалось, что Тамм Оланек не оценил счастливого поворота событий. С застывшим от гнева лицом он набросился на помощника:

— Как могло получиться, что «Исполнение долга» везет груз «Даксфлана»?

Юноша испуганно моргнул и посмотрел на свою начальницу, ища поддержки. Она кивнула.

— Порт... портовое начальство Рэггтауна, господин... — пролепетал он. — «Исполнение долга» попросили взять грузы, которые были срочными и скоропортящимися. Место нашлось, и... капитан... любезно согласился...

— Как оно и должно быть, — неожиданно пробормотал второй посетитель. Первый стремительно развернулся и негодующе уставился на него. — Я предлагаю подождать до завтра. Капитан йос-Галан, несомненно, будет рад сообщить вам все подробности.

Несколько мгновений длилось напряженное молчание, а потом первый господин поклонился второму.

— И даже так, — тихо сказал он, а потом повернулся к начальнице порта и снова поклонился — на этот раз ниже. — Я благодарю вас за доброту и прошу прощения от лица моего клана. Конечно, контракты надо выполнять. Я даю слово, что в будущем так и будет.

Начальник порта не испытала сочувствия к купцу «Даксфлана». Гнев, горевший в глазах пожилого господина, был вполне праведным.

— Я, конечно, рада, что настоящий кризис был так вовремя разрешен. Не будет забыто и то, что ваша первая реакция, сэр, заключалась в том, чтобы предложить свой выход из ситуации. — Она встала и поклонилась обоим посетителям. — Было очень приятно с вами беседовать. Надеюсь, мы еще встретимся.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — отозвался второй господин, очень четко кланяясь.

Он предложил руку своему спутнику и заботливо провел к двери.

Начальница порта кивнула помощнику.

— Сообщите мне, когда «Исполнение долга» окажется на орбите. Думаю, мне надо приветствовать капитана йос-Галана. Лично.

РЭГГТАУН

537 ГОД ПО МЕСТНОМУ КАЛЕНДАРЮ

Сумма оказалась чудовищная. Стоя позади купца, капитан йо-Ваад с трудом сохранила спокойное выражение лица. Торговля на Дретхилите не принесла им и половины этой суммы, которая к тому же ушла на оплату неиспользованной посадочной площадки. И товар тоже ушел, так что будут новые убытки, а на Теофолисе их будет ждать еще один счет.

— То есть как это, — спросил Сав Рид, и в его голосе начали появляться визгливые ноты, которых она так боялась, — моего груза тут нет? Вы даете мне поддельную накладную и одновременно говорите, что товара у вас на складе нет? Тогда где он?

Управляющий складами пожал по-земному широкими плечами.

— Вы не появились, клиент встревожился и попросил кого-то другого взять груз. Его отправили вчера.

— По какому праву? Кто? Какой корабль забрал мой груз? Потому что, говорю я, это не что иное, как кража!

Мужчина снова пожал плечами.

— Это дело ваше и вашего клиента, мой друг. Груз взял Дерево и Дракон. А теперь насчет...

— Дерево и Дракон... — ошеломленно повторил Сав Рид. А потом он закричал, коверкая торговое наречие почти до неузнаваемости: — Йос-Галан! Воры, шлюхи, идиоты! Мой груз! Мой! И вы отдадите его йос-Галану? Дурак!

Он порвал в клочья накладную, швырнул обрывки в лицо ошалевшего управляющего и стремительно ушел, не глядя по сторонам. Челса йо-Ваад секунду поколебалась, испытывая соблазн — очень сильный соблазн — дать ему уйти. Потом она быстро повернулась к управляющему складами, стягивая с пальца нирелиновое кольцо, а с запястья — тяжелый чеканный браслет.

— Они старинные, — быстро проговорила она, кладя их ему в руки. — Этого хватит, если вы продадите их в антикварном магазине. И она бегом бросилась за Сав Ридом.

Сав Рид шагал по посадочной площадке для шаттлов. Чуть позади него двигалась массивная фигура второго помощника Коллиер. Значит, он не оставался без охраны. Чувствуя некоторое облегчение, Челса уцепилась за его рукав.

— Сав Рид! Кузен, я вас умоляю — оставьте это. Это... вы слышите много об этом думаете. Закончите дело. Объясните, что вы квиты.

— Квиты? — Он стянул ее руку, сжав губы, сверкая глазами. — Мы квиты?! С преимуществом этого жаболицего полудурка и

полукровки? Именно из-за Йос-Галана мы терпим убытки в каждом нашем предприятии! Йос-Галан украл наш груз, очернил наше имя, гонит нас из одного порта за другим... Никакой речи о том, что мы квиты, и быть не может! — Он вытянул руку с крепко сжатым кулаком. — Я раздавлю их — обоих! Дурака и его шлюху-сестру! — Он помолчал секунду и добавил: — И сучку-землянку, которая прижимает свою щеку к его лицу!

У Челсы судорогой скрутило желудок от страха... перед ним? за него? Она обхватила его кулак дрожащими руками.

— Сав Рид, это же Корвал! Оставьте это! Оставьте! — Она умоляла его со слезами на глазах. — Давайте вернемся домой, кузен!

— Ха! — Он вырвал у нее руку, и его кольца порвали ей ладони. — Корвал! Свора недоростков, привыкших к богатству и покою, вот и все! Но ты такая же, как все: скажи им «Корвал!», и они трепещут, как бы не нанести обиды. — Он плюнул в пыль и зашагал дальше. Второй помощник не отставала от него. — Труссы!

Слезы заструились у нее по щекам. Она на секунду приостановилась, справилась с собой и медленно пошла следом за ним.

ГОРОД КОРОНЫ, ТЕОФОЛИС

ЧАС ВАЛЕТОВ

Дагмар потрогала рукоять ножа и дала добыче немного оторваться — но не слишком далеко. В самом начале она чуть было их не потеряла, когда решила, что в их хождениях есть хоть какой то смысл, до того, как поняла, что они просто следуют прихотям мальчишки.

Она выскользнула из дверного проема и неспешно пошла за ними, ускорив шаги, когда они свернули за угол. Мальчишка тянул женщину за руку — они направлялись к порту. Медленно, время от времени возвращаясь обратно, они завершали примерно круговой маршрут. Дагмар ускорила шаги.

Скоро. Скоро Присси заплатит за то, что натравила беловолового полукровку на «Даксфлан», забрав их прибыль. Забрав прибыль Дагмар. Долю Дагмар. Да, ее долю. Без нее купец ни за что не догадался бы взять на борт снадобье. Именно она показала ему, как это будет выгодно для корабля и его драгоценного клана. Именно у нее были все связи, именно она показала ему, как надо вести эту игру. Так что она получила долю от прибыли. Вознаграждение за сделку. То, что лиадиец назвал бы счетом.

Они снова остановились. Дагмар скользнула в переулок, а потом выглянула из-за угла, чтобы не потерять их из виду. Присси со смехом показывала на что-то, выставленное в витрине магазина за шесть дверей от Дагмар. Мальчик прижался носом к стеклу.

Это будет мальчишка. Она уже решила. Как ни приятно было бы сделать больно Присси, поставить черные синяки на эту белую кожу, сломать хрупкие косточки... Дагмар вытерла потные ладони о брюку, наслаждаясь приливом похоти, который породили эти мысли. Может...

Нет. Она схватит мальчишку. Это причинит самую сильную боль — и Присси, и ее полукровке-любовнику.

Они снова двинулись дальше. Дагмар пощупала нож и дала им уйти немного вперед.

Вывеска гласила «Электронные радости Диллиби». Горди остановился и подошел ближе к застекленной витрине. Он источал такую звонкую радость, что оставалось только удивляться, как это физические уши не воспринимают ее как кошачье мурлыканье. Присцилла улыбнулась и легко положила ладони ему на плечи. Он уютно ими пошевелил, не отрывая взгляда от пестрого кружения за стеклом.

Прошло пять минут — и не было никаких признаков того, что его интерес спадает. Присцилла ласково сжала его плечи.

— Пошли, Горди.

— У!

Она тихо засмеялась и взъерошила ему волосы.

— Сам ты «У!». Шаттл улетает ровно через корабельный час. Может, тебе капитан и простит, если ты его пропустишь, а вот мне — нет. Пошли.

— Ладно, — сказал он, продолжая смотреть на витрину.

Присцилла вздохнула и отошла шага на два.

— Горди!

— Угу, иду.

Покачив головой, она прошла немного дальше по кварталу, настроив свое внутреннее зрение так, что рисунок его эмоций оставался четким.

Удар страха пронзил ее одновременно с его криком. Она стремительно обернулась.

— Присцилла!

С быстротой пилота она рванулась обратно к женщине и вырывающемуся из ее рук ребенку. Когда до них оставалось всего два шага, женщина повернулась, упершись плечом в столб для гирлянд и одной рукой уложив мальчика себе на бедро. При этом вторая оказалась у его груди, прижимая к поднятому вверх подбородку что-то блестящее.

— Замри, Присси.

Блестел вибронож — пока отключенный.

Присцилла замерла.

— Хорошо. Очень хорошо, Присси. Оставайся на месте. — Дагмар гадко ухмыльнулась. — Где твой беловолосый дружок? Сегодня он тебя выручать не явится?

Горди источал ярость и ужас. Присцилла отключилась от его эмоций. Она открыла узкий коридор: от своего сердца к Дагмар. И тогда она услышала, попробовала на вкус и увидела жажду убийства, страх, ярость и похоть. Рваная какофония, в которой не было закономерностей: она сдвигалась, замирала и снова распадалась, опять и опять.

Безумие.

Горди попытался вывернуться из рук Дагмар и вскрикнул, когда она жестоко его стиснула.

— Будешь хорошим мальчиком, — прорычала она, — и я позволю тебе жить. — Тут она издала звук, немного похожий на смех. — Ага, я позволю тебе жить — минуту. А может, две.

Ища какой-нибудь инструмент, Присцилла пошарила в своем сознании и обнаружила некий ритм. Она подхватила его, и в ту же секунду почувствовала в себе движение другого и увидела мелькание света и темноты, которое охватывало крупную голову Дракона. Гигантские крылья развернулись — она пропустила ритм заклинания по своему телу. Она чуть отклонилась направо, но не сделала шага.

— Стой на месте! Если хочешь, чтобы мальчишке осталось побольше секунд, Присси, то замри и не шевелись! — Дагмар с ухмылкой пошевелила ножом, но не включила его. — И не отводи глазки, милочка. Я хочу, чтобы ты пересказала своему дружку, как все было.

— Хорошо, — согласилась Присцилла тоном, рассчитанным на магию: слова превращались в липкие шелковые нити. — Я буду смотреть, Дагмар. Конечно, буду. Но неужели я должна буду рассказать ему все? Это было бы неразумно. Если я расскажу ему все, тогда они тебя заполучат, Дагмар. Они будут знать, кто ты. Они будут знать, где тебя найти.

Далекие крылья наполнились ветром и замерли. Она решилась сделать еще один полушаг, не отпуская глаз Дагмар. В это же время ее сердце следило за сердцем Дагмар.

— Лучше ты его отпусти. Дай ему уйти — и тебе тоже дадут уйти. Отпусти его и будь свободна. Отпусти его и отдохни. Отдохни и успокойся. Покой и безмятежность. Отпусти его. Уйди свободно. Никаких погонь. Никаких жертв. Отпусти его...

Эмоции Дагмар выравнивались, соединялись в нечто похожее на здравый разум. Вдалеке Дракон медлил, оставаясь готовым к полету.

Тяжелый грузовик прогрохотал по соседней улице, разрушив сплетенный Присциллой круг. Нож в руке Дагмар снова прижался к горлу Горди.

— Замри! — прошипела она.

Присцилла стояла спокойно, не отрывая глаз от врага, не позволяя ей отвести взгляда.

— Дагмар, — снова начала она, подхватывая нить плетения.

— Дружок выкупил твои вещички, Присси? — перебила ее Дагмар. — Выкупил, так ведь? Но не сережки. Их больше никто не увидит. С жучками были, да? Ну, теперь уже нет. Взяла молоток и разбила их в пыль. И выпустила пыль в космос. — Она резко захохотала. — Пусть попробует их отыскать! Хотел проследить, куда мы летим! Хотел поймать нас на продаже? Ничего у него не вышло! Не так уж он умен, а?

— Это была уловка, — пробормотала Присцилла на фоне поднятого Драконом вихря. Она заледенела. Она пылала. Она сопротивлялась, еще надеясь на силу своего голоса и слов. — Всего лишь уловка, Дагмар. Он хотел тебя напугать, только и всего. Как ты напугала меня. Я скажу ему, как это было. Я скажу ему, что ты — серьезный противник. Что ты хотела свести счеты. Что ты свела счеты. Мы в расчете, Дагмар. Ты можешь отпустить мальчика. Отпусти его, Дагмар. Это — маленький мальчик. Всего лишь мальчик. Он не может причинить тебе вреда. Отпусти его и спокойно уйди.

Шаги на соседней улице перерезали тонкую нить. Дагмар крепче ухватила заложника.

— Тут многовато народа. Двигайся, парень. Славно так, медленно. Присси, а ты стой, пока я тебе не разрешу двигаться.

— Нет!

Горди извернулся и ухватился рукой за столб с гирляндами. Мысленно Присцилла увидела Дерево, зеленое и полное жизни. Его корни глубоко ушли в камни тротуара, почву и магму, до самого сердца планеты...

Дагмар выругалась и рванула Горди. Ее и без того безумные эмоции разбились в нечто, несовместимое с порядком. Она снова рванула, а потом решила оставить попытки и нажатием большого пальца разбила нож.

Присцилла слышала его гул, низкий и злобный.

А в ней крылья бились громом. Огромное тело заслонило сердце и глаза, разум и душу, с криком накопленной за долгую жизнь ярости — огнем Дракона!

БАШНЯ НАЧАЛЬНИКА, ТЕОФОЛИС

ЧАС ВИКОНТОВ

«Будет интересно посмотреть, как она сумеет отправить отсюда господина дэа-Гаусса без меня», — думал Шан, медленно попивая вино. Желание начальницы порта охватывало его теплом, и он бесстыдно в него погружался. Планировалось взаимное удовольствие, не основанное ни на старой дружбе, ни на ожидании чего-то большего: именно то, что ему было нужно.

«Врачу, — с иронией сказал он себе, — исцелился сам».

Вино оказалось превосходным.

— Так признайтесь, капитан, — лениво говорила начальница порта. — Это предложение вас заинтриговало.

Это был мастерский ход. Они обсуждали возможность вложения ее личных средств, и в разговоре они с господином дэа-Гауссом участвовали наравне. Шан улыбнулся и, вскинув густые темные ресницы, послал начальнице порта многозначительный взгляд.

— Меня всегда интригуют, — смело заявил он, — предложения дам.

Она рассмеялась, весьма довольная его ответом.

— Возможно, мы с вами могли бы встретиться, чтобы обсудить этот вопрос более подробно. — Она кивнула, адресуя улыбку не только молодому капитану, но и пожилому поверенному. — Господин дэа-Гаусс, конечно, придет с вами. Я уверена, что нам обоим понадобятся его советы.

Он приветственно поднял рюмку.

— В ближайшие дни — завтра и послезавтра — торговля займет все мое время. Вы должны понимать, мадам, что мне необходимо увидеться с целым рядом людей, с которыми я веду дела.

— Конечно, — понимающе отозвалась она. — Возможно, мне следует зайти к вам обоим на Большую Площадь через день-другой. Возможно, к этому времени вы будете лучше представлять свое дальнейшее расписание.

— О, это было бы чудесно! — воскликнул он с широкой улыбкой. — Я буду счастлив видеть вас, мадам.

Так оно и будет, хотя он будет гораздо более счастлив увидеть ее этой ночью — как она и планирует.

— Тогда я, конечно, буду у вас.

Она хотела было добавить что-то еще, но остановилась: дверь справа открылась — несомненно, это подавали третью перемену блюд.

Однако у вошедшего не было ни подноса, ни сервировочного столика, и вид у него был встревоженный.

Начальница порта нахмурилась:

— Что такое?

— Прошу у вас прощения, мадам, — официальным тоном проговорил ее помощник. — Вас вызывает участковый полицейский Велник. Он уверяет меня, что дело срочное.

Секунду она колебалась, хмурия брови, но потом движением кисти направила помощника к настенному экрану. Сама она повернулась к столу.

— Извините меня, пожалуйста, за эту помеху, господа. Моя должность сопряжена со многими привилегиями. Однако наличие свободного времени к их числу не относится. Это займет не больше секунды. Не обращайтесь внимания.

— Ничего страшного, — заверил ее Шан с сочувствующей улыбкой. Господин дэГаусс молча кивнул.

Участковый полицейский имел озабоченный вид. Что было вполне понятно, решил Шан: начальник порта не скрывала своего неудовольствия.

— В чем дело?

Полицейский судорожно сглотнул.

— Извините, что я вас побеспокоил, тра Роминкофф, — поспешно проговорил он. — На первый взгляд дело кажется обычным. Но мальчик настаивал, чтобы мы с вами связались. Говорит, что он — подопечный... капитана йос-Галана.

Шан пересел, устремив пристальный взгляд на экран.

Начальник порта отрывисто кивнула.

— Он находится здесь. С мальчиком что-то случилось?

На лице Велника появилось облегчение.

— Нет, тра Роминкофф, с ним все в полном порядке. Но у нас тут мертвая землянка...

«Нет!»

В следующую секунду он уже летел во всех направлениях одновременно — это был взрыв поисковых волокон, которые промчались мимо ауры начальника порта, и господина дэ-Гаусса, и ливрейного слуги за дверью, и персонала на кухне в конце коридора... Он растягивал, растягивал их, как не мог ни один целитель, пытаясь увидеть город за стенами, разыскивая один знак, одну жизнь... Присцилла!..

В его оставшемся далеко позади теле что-то хрустнуло — и отозвалось болью, которая слилась с новой болью, когда его поиск с силой ударился в границы его возможностей и был отброшен назад...

Он уронил сломавшуюся ножку рюмки рядом с расколовшейся чашечкой в яркую лужицу вина и крови и обмотал кисть салфеткой. Начальница порта стремительно повернулась обратно к экрану, прищелкнув пальцами.

— Быстро! Кто мертв?

— Дагмар Коллиер, мадам. — Полицейский запинался, переводя взгляд с Шана на начальника и обратно. — Уроженка Тройта. Второй помощник с «Даксфлана», приписанного к Чонселте.

Которого они здесь не ждали! Шан проглотил проклятие и увидел, как на лице начальника порта отразилась та же мысль.

— Доставьте мальчика сюда, — приказала она полицейскому.

Он покачал головой.

— У нас задержана женщина, которая убила Дагмар Коллиер, тра Роминкофф. Она призналась. Но убийство требует официального судебного процесса, поскольку наказанием служит реабилитация...

— Нет!

Этот возглас вырвался у него раньше, чем он успел овладеть собой.

Начальница порта бросила быстрый взгляд на Шана, а потом снова сосредоточила свое внимание на экране.

— Женщина, которая призналась, — друг мальчика? Он отказывается уехать без нее?

— Да, тра Роминкофф.

— Госпожа начальница порта! — Ему каким-то образом удалось не потерять контроль над голосом, несмотря на острую боль в руке и ужас в сердце. — Личность, о которой идет речь, — это член моей команды. Мне позволено выступить в ее защиту?

Реабилитация! Боги, реабилитация — здесь...

— Возможно, она не поняла. Она здесь впервые. И, возможно, не все... обстоятельства... были выяснены участковым полицейским.

Она кивнула.

— Конечно. Ваше право — выступить в защиту члена вашей команды, капитан. — Она снова устремила взгляд на полицейского. — Мы приедем в течение часа. Сообщите об этом подопечному капитана. И позаботьтесь о том, чтобы охранник пропустил нас без задержки.

— Слушаю, мадам!

Он отдал честь по всем правилам, и экран потемнел. Начальница порта встала.

— Аптечку! — бросила она оцепеневшему помощнику.

Тот умчался, чтобы вернуться в считанные секунды. Мистер дэ-Гаусс принял у него аптечку и самолично нанес линимент, закрыл глубокий разрез и забинтовал все мягкой тканью. Он буквально источал озабоченность.

Аура старика раздражала Шана почти сверх меры, а сложное переплетение ярости, недоумения и — восхищения? — со стороны начальницы порта чуть было не довело его до слез. Он с трудом начал последовательность, которая должна была закрыть его восприятие, снять самую острую боль от шока, так чтобы он смог через час раскрыться — возможно, даже не понапрасну.

— Моя машина ждет, господа, — сказала начальница порта. Лицо у нее было встревоженное.

— Вы — сама доброта, мадам.

Он с трудом воспроизвел положенную формулу, встал и поклонился.

— Глупости! — отрезала она. — Мой долг — следить за тем, что происходит в этом порту, капитан. И это включает в себя отправленные правосудия. — Она указала на своего терпеливого помощника. — Мелекка проводит вас до машины. Я скоро к вам присоединюсь. Мне надо заняться срочным делом.

Она исчезла, взметнув вихрь яркой ткани.

— «Даксфлан» в порту, — негромко сказал Шан господину дэ-Гауссу, пока они шли за Мелеккой к машине. — Интересно, правда?

— Очень, — согласился старый поверенный.

И вздохнул.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК

ГОРОД КОРОНЫ, ТЕОФОЛИС ЧАС ДЕМОНОВ

В комнате находилось слишком много народа. Начальница порта Роминкофф приостановилась, чтобы разобраться, кто есть кто. Молодой капитан даже не замедлил шага.

— Шан!

Мальчик оказался довольно маленьким и пухлым. Он со всех ног бросился им навстречу. Молодой капитан опустился на одно колено, поймал пытающегося затормозить мальчугана и обнял его — почти отчаянно.

— Горди! — Он чуть отстранил мальчика, быстро провел руками вдоль пухлого тела, прикоснулся к гладкой щеке. — С тобой все в порядке, дорогой?

— Крелм! — возмущенно фыркнул мальчик. — Со мной-то все в порядке. — Круглое личико затуманилось. — Шан — они меня не слушают! Я им говорил, говорил! Они не лечат ей руку, и...

— Тш-ш... — Он снова погладил мальчика по щеке, а потом ласково прижал палец к его губам. — Горди. Успокойся на минутку, ладно? — Маленькое тело немного расслабилось, словно одних этих слов было достаточно. — Хорошо. Где сейчас Присцилла?

Карие глаза наполнились слезами.

— Я пытался им не дать... — Он судорожно вздохнул. — Они посадили ее в клетку.

— Ну-ну, молодой человек! — проговорил участковый полицейский, опасливо приближаясь к ним. Его взгляд перебежал с лица начальника порта на мужчину с мальчиком, а потом — обратно к ее лицу. — Это не клетка! Это — камера предварительного заключения, честное слово!

Капитан легко выпрямился и наклонил голову.

— Камера предварительного заключения, — тихо повторил он.

Полицейский невольно облизнул пересохшие губы. Начальница порта с трудом заставила себя не улыбаться.

— Я — капитан «Исполнения долга», — внятно продолжил Шан. — Госпожа Мендоса — член моей команды. Я здесь для того, чтобы защищать ее интересы, как оговорено в торговых соглашениях. Вы освободите ее из... камеры предварительного заключения — и препроводите сюда, чтобы все можно было сделать... в соответствии с законом.

Начальница порта с еще большим усилием подавила желание улыбнуться. Да, этот молодой капитан нравился ей все больше и больше.

Участковый полицейский тем временем начал качать головой.

— Боюсь, что я не могу этого сделать, капитан. В соответствии с ее собственным признанием, она — убийца. Мы спросили ее дважды, как полагается по закону. Она поняла вопросы и ответила на них. Дважды. Она говорила что-то безумное, но не про это. Закон говорит, что в таких обстоятельствах мы задерживаем преступника до суда, который происходит на следующий день. Скорее всего в свете собственного признания и за отсутствием свидетелей судья вынесет приговор к реабилитации...

— Как это — «за отсутствием свидетелей»? — возмущенно спросил капитан. — Мальчик говорит, что рассказывал вам, как все происходило, и что вы отказались его слушать!

Полицейский Велник протестующе поднял руку.

— Его показания не учитываются, капитан. Он — несовершеннолетний.

— На его родной планете, — раздался сухой голос из-за плеча капитана, — возраст мастера Арбетнота рассматривается как достаточный для дачи свидетельских показаний.

— Я уверен, господин... э-э...

— Дза-Гаусс, — представился поверенный, выступая вперед. — Я — деловой представитель клана Корвал, членами которого являются капитан Йос-Галан и, в силу опсункства, мастер Арбетнот. Будьте любезны, разъясните причины вашего отказа принять показания от свидетеля, который находится в здравом рассудке и является достойным членом общества. Вы сами заронили зерно сомнений, заявив, что леди Мендоса говорила нечто иррациональное по вопро-

сам, не относившимся к конкретному происшествию. Вам подобает представить судье все интерпретации событий, которые были доступны. Иным способом правосудие осуществлять невозможно.

— Послушайте...

Пришло время вмешаться начальнице порта.

— Господин дэа-Гаусс затронул важную тему и задал вполне законный вопрос, — лениво проговорила она от двери. — Почему мальчику было запрещено давать показания, Велник? Я следила за процессами, на которых говорили дети гораздо более младшего возраста, нежели этот мальчик, — и их выслушивали.

— Тра Роминкофф, по закону все свидетели по делам, где произошли преступления, сопряженные с насилием, должны давать показания под действием того же средства, которое вводится обвиняемой. Людям, не достигшим совершеннолетия, то есть девятнадцати стандартных лет, применение данного средства не может быть предписано.

— Что это за средство? — очень тихо спросил капитан.

— Пиммадрин, — ответила начальница порта. — Его используют уже много лет. «Я» временно растворяется, что дает весьма правдивые ответы. — Она посмотрела на участкового полицейского. — И все же мне по-прежнему кажется, что я видела, как показания давали очень маленькие дети. Закон говорит «предписано». А что, если предложен свободный выбор?

Он передернул плечами.

— В тех случаях, о которых вы упоминали, тра Роминкофф, разрешение давали родители.

— Или официально признанный опекун?

Он поклонился.

— Но это опасно? — все так же тихо спросил капитан.

— Опасно? Нет. Врач изменяет дозу в соответствии с весом тела и дежурит у монитора. Однако это неприятно. Это не такая вещь, которую навязывают тому, кто не может... ребенку. Побочными эффектами являются головокружение, спазмы желудка, жар, потеря ориентации. Некоторые люди на несколько дней слепнут, но это бывает редко. Доктор здесь, он может рассказать вам все более подробно.

— Я это сделаю, — неожиданно вмешался мальчик, дергая капитана за рукав. — Шан? Скажи им, что я это сделаю! Я твой подопечный. Дедушка мне сказал!

— Дорогой, подумай хорошенько. Побочные эффекты, похоже, весьма неприятные. И основной эффект тоже не слишком хорош. Я сделаю то, что ты мне скажешь. Решать тебе. Но подумай, Горди. Ты должен быть уверен.

— Шан, это же Присцилла! — Он схватился за большую руку, встревоженно заглядывая ему в лицо. — Они сказали... Ты знаешь,

что они с ней сделают, если судья скажет, что ее надо... надо реабилитировать?

— Знаю, Горди. Тише.

Но Горди не желал замолчать. Он повис у капитана на руке и, глядя на господина дэ-Гаусса, адресовал объяснение ему. Его голос бился обо все стенки комнаты.

— Они сказали, что... раз она — убийца... то она попадет в банк донорских органов. Ее опустят в ванну и будут кормить через трубки, пока кому-нибудь не понадобится, например, глаз. Тогда они возьмут у Присциллы глаз. И она будет плавать там дальше, пока кому-нибудь не понадобится еще один глаз, или почка, или легкое, или нога... И ее будут разрезать, кусок за куском...

— Горди! — Капитан упал на колени, крепко прижал мальчика к плечу и зарылся лицом в его светлые волосы. — Перестань, Горди. Пожалуйста.

Наступила полная тишина.

Мальчик отстранился, осторожно приложил пальцы к осунувшейся щеке мужчины и хлопнул носом.

— Шан, ты бы сказал им, что я буду свидетелем. Нельзя, чтобы они... Присцилла же ХОРОШАЯ!

— Да, — прошептал капитан, медленно вставая с колен. — Я тоже это знаю.

Он едва заметно поклонился участковому полицейскому.

— Принято решение, что мой подопечный будет давать показания на слушании дела госпожи Мендоса. Будьте любезны сообщить нам время и место слушания, а также должную процедуру заявления на участие в нем.

— Нет причин, — вмешалась в разговор начальница порта, — почему бы не устроить слушания прямо сейчас. Я имею право выступать в качестве судьи в делах, касающихся порта. Можно будет начать, как только доставят мою мантию и подготовят помещение.

Она бросила взгляд на дежурного, который поспешно сделал вызов.

Мантия тяжело легла ей на плечи. Возможно, дело было в отсутствии привычки: она редко принимала участие в подобных делах. Обычно она предпочитала, чтобы все шло по заведенному порядку и своим чередом. Возможно, дело было в маленьком мальчике. Или молодом капитане. По особому разрешению они сидели рядом. Глаза беловолосого великана-лиадийца были суровыми, а глаза мальчика — тусклыми и пустыми из-за снадобья.

Она тяжело вздохнула, звякнула колокольчиком, давая сигнал к началу слушания, и монотонно зачитала первые документы. Установив личности присутствующих, она взглянула на монитор. Удов-

летворенно кивнув, она снова посмотрела на мальчика. Лицо у него было чуть влажным, глаза широко открылись, зрачки расширились так, что каряя радужка почти исчезла.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Горди.

Голос у него был вялым, почти сонным.

Начальница порта посмотрела на карточку и нахмурилась. Она снова обратилась к мальчику.

— Хорошо, Горди. Как твое полное официальное имя?

— Гордон Ричард Арбетнот.

Она кивнула.

— С какой планеты ты родом?

— С Нового Дублина.

— Каков твой возраст в стандартных годах?

— Мне одиннадцать лет.

— Как зовут твоего отца?

Молчание.

Она нахмурилась:

— Горди, как зовут твоего отца?

— Его отец, — прошептал господин дэ-Гаусс ей на ухо, — умер.

— Понимаю. — Будь оно проклято, это снадобье! Оно неуклюжее, сбивает с толку. — Горди, как звали твоего отца?

— Финн Гордон Арбетнот.

Еще одно подтверждение.

— Как зовут твою мать?

— Кэти-Роза Дэвис.

И еще одно. Она повернула голову.

— Доктор, мы установили, что средство действует?

— Да, тра Роминкофф.

— Превосходно. Мы переходим к даче показаний.

Она помолчала, приводя в порядок свои мысли. Необходимо было учитывать ограничения, налагаемые снадобьем.

— Горди, когда вы с Присциллой Мендоса прибыли на планету?

— С первым шаттлом.

С первым шаттлом? Что это за время?

— Примерно в час регента, — тихо проговорил капитан, и она кивнула в знак благодарности. — Почему ты был с Присциллой Мендоса, Горди?

— Мы были партнерами по увольнению.

— Вас назначили ходить друг с другом?

— Нет.

Она вздохнула.

— Как вы стали партнерами по увольнению?

— Я спросил Присциллу, не станет ли она моим партнером, и она сказала «хорошо».

— Кто выбирал, куда вы пойдете в городе?

— Я.

— Это ты захотел пойти на улицу Ницше?

— Да.

— Почему?

— Мне показалось, что там интересно.

— Присцилла Мендоса просила тебя пройти по улице Ницше?

— Нет.

— Дагмар Коллиер просила тебя пройти по улице Ницше?

— Нет.

— Присцилла Мендоса действительно убила Дагмар Коллиер, Горди?

— Да.

Она проглотила проклятие, услышав это невинное признание. Велник рядом с ней пошевелился. Она увидела, как губы капитана сложились в беззвучное слово, — и озвучила его:

— Почему Присцилла Мендоса убила Дагмар Коллиер?

— Чтобы спасти меня.

Сидевший по другую сторону от нее господин дэГаусс слегка подался вперед, сосредоточенно глядя на неоформившееся юное лицо.

— Ты был в опасности, Горди?

— Да.

— Как получилось, что ты оказался в опасности?

— Я не пошел с Присциллой, когда она меня позвала.

Начальница порта мысленно пообещала себе навести справки относительно возможности использования какого-нибудь другого средства для допроса.

— Горди, я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что происходило с той минуты, когда ты не пошел с Присциллой на улице Ницше, и до прихода полицейского, который произвел арест.

— Присцилла сказала, что шаттл улетает через корабельный час и что, может, мне капитан и простит опоздание, но ей — нет, и что нам надо идти. Она отошла на два шага и сказала: «Горди!» Я ответил: «Угу», и она отошла еще немного, и я уже собрался идти с ней, и тут меня схватили, и это оказалась Дагмар, и она меня дернула и держала, и я попытался убежать, а она прижала меня к столбу и уложила себе на колено, и Присцилла побежала к нам, а у Дагмар был нож и она сказала: «Замри, Присси». И Присцилла остановилась.

Наступила коротенькая пауза, и мальчик облизнул губы.

— Где Дагмар держала нож, Горди?

— Поперек моей шеи. У меня под подбородком.

— Ладно, Горди. Присцилла остановилась. Что потом?

— Дагмар сказала, чтобы Присцилла оставалась там. Она спросила, где Шан. Я снова попытался вырваться, и она — она сделала

мне больно. Она сказала, если я буду себя хорошо вести, она даст мне прожить минуту или две.

Снова наступила пауза. Начальник порта шелкнула пальцами, не отрывая взгляда от потного лица.

— Она сказала, что Присцилла должна смотреть. Чтобы рассказать Шану, как все было.

Пришла помощник начальника порта со стаканом воды. Начальник жестом направила ее к мальчику.

• — Отдохни минутку, Горди, и попей.

Он послушался, жадно осушив весь стакан.

— Ладно, Горди. Значит, Дагмар велела Присцилле смотреть, чтобы она смогла рассказать Шану, как все было. Что потом?

— Присцилла стала говорить. Я не помню, что она говорила, но голова у меня стала какая-то странная. Она говорила, и немного прошла вперед, и рука у Дагмар расслабилась, и я уже решил убежать, но тут на соседней улице что-то зашумело, и Дагмар опять напрягла руку и заставила Присциллу остановиться. Присцилла попробовала говорить снова, но Дагмар спросила, выкупил ли Шан вещи Присциллы. Она сказала, что разбила Присциллины сережки в пыль, а пыль выбросила в космос. Она сказала, что Шан не умный и не поймает их на продаже этой штуки. Присцилла снова начала говорить, и у меня снова стало странно в голове, но тут послышались шаги и Дагмар попробовала заставить меня идти с ней — потому что «тут слишком людно», сказала она. Но я испугался и не захотел с ней идти и ухватился за столб, и не отпускал, и подумал про Дерево, как меня научила Присцилла. И Дагмар включила нож. Я услышал, как он жужжит, и испугался, и держался, и думал о Дереве, и тут услышал... рычание. Словно огромный зверь. И Присцилла бежала быстро — быстрее, чем Шан бегает. И Дагмар меня отпустила, а Присцилла... все было так быстро! Она схватила Дагмар и повернула, и что-то сделала руками. Я услышал шелчок, как ветка ломается. Дагмар упала. Присцилла минуту постояла, а потом тоже упала.

Он судорожно сглотнул.

— Я подошел и отбросил ногой нож подальше от Дагмар, а потом попробовал помочь Присцилле встать. У меня не получалось, и я подумал, что она... подумал, что она мертвая. Но она пришла в себя и назвала меня «Брэнд», и голос у нее был какой-то странный, словно ей больно говорить. А потом она встала и велела мне возвращаться на «Долг». Я сказал, что Шан будет недоволен, если я оставлю ее одну, когда она попала в неприятности, а она обняла меня и бросила камень в витрину «Портновского универмага Марселя». А потом она сказала, что убила Дагмар и что сейчас придут полицейские и арестуют ее за убийство. Она снова велела мне уходить, но я не послушался. А потом пришел полисмен.

Начальница порта откинулась на спинку кресла и с закрытыми глазами досчитала до двадцати пяти. Потом она открыла глаза.

— Участковый полицейский Велник, — очень медленно проговорила она. — Я желала бы теперь увидеть запись... признания... Присциллы Мендоса.

Женщина оказалась худенькой, среднего роста по земным меркам. Велник и производивший арест полицейский возвышались над ней, словно два великана. Волосы у нее были короткие, темные и вьющиеся, на лице — грязь. Огромные глаза — угольно-черные, полные усталости.

— Присцилла Делакруа и Мендоса, — ответила она прерывистым шепотом на вопрос арестовавшего ее полицейского.

— Планета рождения?

— Синтия.

— Вы служите на торговом корабле?

— Да.

— Назовите название корабля, его порт приписки и вашу должность.

— «Исполнение долга». Солсинтра, Лиад. Пилот, условный первый класс. Второй помощник.

— Вы убили женщину Дагмар Коллиер?

— Да.

— Вы намеренно убили женщину Дагмар Коллиер?

— Да.

— Где вы убили Дагмар Коллиер?

— Перед магазином «Электронные радости Диллиби» на улице Ницше в городе Короны на Теофолисе.

— Когда вы убили Дагмар Коллиер?

— Час назад.

— Вы пытались скрыться после того, как убили Дагмар Коллиер?

— Нет.

— Почему?

— Мне некуда было бежать.

Молодой капитан протестующе вскрикнул. Словно услышав его подсказку, участковый полицейский Велник спросил у Присциллы Мендоса:

— Почему вы не вернулись на «Исполнение долга»?

— На «Долг» убийц не берут.

Капитан резко втянул в себя воздух.

— Ваше имя, — продолжил допрос полицейский, — Присцилла Делакруа и Мендоса?

— Да.

— Вы намеренно убили женщину Дагмар Коллиер?

— Да.

— Опишите ваши действия, которые привели к смерти Дагмар Коллиер.

— Я призвала Дракона. Когда он оказался со мной, мы зарычали и бросили огненный шар, чтобы отвлечь внимание Дагмар от Горди. А потом я сломала ей шею.

Наступило короткое молчание, во время которого участковый и производившие арест полицейские недоуменно переглянулись.

— Вы, Присцилла Делакура и Мендоса, — осторожно проговорил участковый полицейский, — сломали шею Дагмар Коллиер с намерением добиться ее смерти?

— Да.

— Вы уроженка Тройта?

— Нет.

— Как ваше полное имя?

— Присцилла Делакура и Мендоса.

— С какой планеты вы родом?

— С Синтии.

— Вы убили Дагмар Коллиер?

— Да.

Снова короткая пауза.

— Где Дракон сейчас?

— Над Деревом.

— Сколько будет два плюс два?

— Четыре.

— Вы произнесли какую-нибудь ложь с тех пор, как были доставлены сюда производившим арест полицейским?

— Нет.

— Дагмар Коллиер убил Дракон?

— Нет.

— Кто убил Дагмар Коллиер?

— Я.

— Вот видите, — сказал Велник, обращаясь ко всем присутствующим, когда зажегся свет. — Драконы, деревья...

— Дерево и Дракон, — сурово прервал его господин дэГаусс, — это герб Клана Корвал. На нем изображен дракон, охраняющий покрытое листвою дерево. Девиз «Дерзаю!». Леди Мендоса хорошо знакома с этим гербом. Он выставлен на «Исполнении долга» во многих местах.

— Так что это имело для нее смысл — она понимала, что говорит.

— Да! — рявкнула начальница порта и стремительно встала. Велник отступил на шаг. — Она понимала, что говорит и что делает. Мальчик жив. Личность, которая могла стать его убийцей, мертва. Присциллу Мендоса не спросили, почему она намеренно и

обдуманно убила Дагмар Коллиер, участковый полицейский. Ваш допрос был далеко не полным.

Велник облизнул пересохшие губы и вытянулся в струнку.

— Доктор, снадобье, которое вы ввели Мендоса, еще действует?

Он покачал головой.

— Оно довольно быстро выводится из организма. Сейчас она на нисходящей. — Он обвел взглядом присутствующих. — Ей нельзя делать новую инъекцию в течение двух дней. Это — медицинский факт. Она может не оправиться.

Начальница порта кивнула.

— В этом нет необходимости, спасибо. Я выношу следующее решение по этому делу. Присцилла Делакруа и Мендоса признана невиновной в убийстве. Защита ребенка на этой планете — не преступление! Производивший арест полицейский, приведите Присциллу Мендоса сюда, чтобы ее можно было передать заботам капитана.

Господин дэ-Гаусс встретился взглядом с молодым капитаном.

— «Даксфлан»...

— Мои подчиненные в настоящий момент занимаются этой проблемой, господа, — ответила она, поворачиваясь к ним. — Даже с учетом их некомпетентности корабль в эту минуту должен быть арестован на низкой орбите. И там, полагаю, мы можем его оставить до завтра.

Старый поверенный поклонился.

— Вы совершенно правы, мадам. Я должен упомянуть, что вражда между леди Мендоса и Дагмар Коллиер имеет давнее происхождение. Я имею точные сведения о том, что Дагмар Коллиер уже один раз угрожала насильственными действиями ее милости и мастеру Арбетноту. На Арсдредде.

— Я буду благодарна вам, если вы сообщите мне подробности того происшествия, сэр. И еще — капитан, мне очень стыдно, что моя недоработка стала причиной случившегося. Дагмар Коллиер не должна была находиться в порту. Я в этом виновата и глубоко сожалею. Пожалуйста, распорядитесь мной для разрешения этой проблемы.

— Вы очень добры, мадам, — ответил он с бледной улыбкой.

— Госпожа начальница, — проговорил вернувшийся в одиночестве полицейский, явно совсем разнервничавшись. — Мадам, она... отказывается идти. Я открываю дверь и зову, но она просто сидит, госпожа начальница.

— Я пойду к ней. — Молодой капитан отодвинулся от мальчика и поманил к себе поверенного. — Будьте так добры, сэр.

— Конечно.

Господин дэ-Гаусс осторожно уселся и непривычной рукой обхватил детские плечи, позволив голове опуститься ему на плечо.

— Пойдемте, — резко приказал капитан полицейскому, стремительно шагая к двери. Тому пришлось догонять его бегом.

КАМЕРА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО УЧАСТКА

ГОРОД КОРОНЫ, ТЕОФОЛИС ЧАС ШУТОВ

Комната была безжалостно ярко освещена — так что даже теней в ней не осталось. В центре койки сжалась оборванная фигурка, сидящая скрестив ноги, обхватив руками свой пояс и положив голову на левое колено. Ее сотрясала мелкая непрерывная дрожь.

— Пошли, Мендоса! — резко окликнул полицейский, отпирая дверь камеры.

Несчастный комок даже не пошевелился.

Полицейский нервно облизнул губы и сделал новую попытку.

— Ну же, Мендоса! Твой босс пришел!

Никакой реакции.

Шан дотронулся до локтя полицейского.

— Оставьте нас. Я ее приведу.

Тот начал было отрицательно качать головой: губы уже приоткрылись, чтобы процитировать какое-нибудь бессмысленное правило.

— Идите! — Он усилил приказ отзвуком ярости.

Полицейский подскочил от неожиданности — и сбежал.

В Шане пылала раскаленная добела ярость — ярость клана Корвал. Он с трудом подавил ее, пригасил, спрятав до того момента, когда она сможет ему пригодиться. Успокоившись, он подошел к краю койки.

— Присцилла!

Она содрогнулась, и он чуть не задохнулся от боли. Снова взяв себя в руки, он присел рядом с ней на корточки, упершись руками в край матраца.

— Присцилла, это Шан.

— Шан... — В прерывистом шепоте слышалась обжигающая мука. — Шан, у меня не было времени проверить!

От ее боли у него перехватило горло — даже при том, что он оставался за защитным экраном. В следующую секунду он убрал защиту, соткав нить успокоения, любви...

И столкнулся с ужасом-желанием-томлением-горем-стыдом-любовью... С водоворотом чувств, острых до боли. Он ахнул и впился ногтями в матрац, стараясь отыскать ту нить, которую соткал для нее. Уцепившись за эту нить, он резкими рывками вернулся обратно — и с трудом призвал Стену.

Она стремительно встала на место — с такой силой, что у Присциллы вырвался стон, хотя она так и не подняла головы.

— Мой милый друг... — Он медленно разжал пальцы. — Присцилла, пожалуйста, посмотри на меня.

Она по-прежнему молчала и не двигалась — если не считать постоянной дрожи.

— Присцилла?

— Я... предпочту... поговорить... с вами. Пожалуйста, Шан... Они собираются... меня убить. Я... Вы не могли бы побыть со мной? Пожалуйста! Пока... за мной не придут. — Она судорожно вздохнула. — Вы... все время уходите...

Он заставил свой мозг работать, понять ее слова.

— Я уже был здесь, Присцилла?

— Кажется... да. Я... говорила с вами — пыталась сказать вам... Я пыталась... пыталась достичь асептиль, но вы были закрыты. И я попробовала... удержать вас, а вы ушли, и я подумала, что вы рассердились... — Она едва заметно пошевелилась, крепче сжав руки у себя на поясе. — Кама се матра те эзо ми...

Это была синтийская речь. Он терял ее — и не мог действовать, не осмеливался выйти из-за Стены. Сотрясаясь от дрожи, он протянул руку и погладил растрепанные кудри.

— Присцилла, пожалуйста, посмотри на меня! Я понимаю, что не слишком радую взор, но ты же не захочешь меня обидеть!

Она ничем не показала, что слышит его. Но потом медленно, почти неуклюже она распрямилась и села прямо, обхватив правую руку левой. На испачканном измученном личике угольно-черные глаза казались бездонными.

Он улыбнулся и перенес руку с ее головы на колено.

— Спасибо. А теперь, раз у меня появилась такая склонность то появляться, то растворяться... Дай мне твою руку, Присцилла.

Ей понадобилась почти минута на то, чтобы сделать требуемый жест, но она все-таки протянула ему дрожащую левую руку.

— Хорошо. — Он стянул со своего пальца кольцо мастера и надел его ей на большой палец, где оно все равно держалось не очень прочно. — Если ты вдруг обнаружишь, что я снова исчез, заметь, что на тебе мое кольцо. Я должен буду вернуться хотя бы ради него, правда?

Она подумала над этими словами.

— Да.

Он вздохнул, легко удерживая ее руку.

— Какое я чудовище! Удивительно, что ты вообще даришь мне свою дружбу, Присцилла. Я поражаюсь тебе. Что у тебя с рукой?

— Обожгла.

— Бросала огненные шары?

Она сильно вздрогнула. Его пальцы слегка сжались на ее руке, и она снова расслабилась, облизнув губы.

— Да. Я... не привыкла... бросать огненные шары.

— Еще бы! Ты в силах идти?

— Да.

— Вот и хорошо. — Он встал. — Тогда пойдем.

Она недоуменно посмотрела на него, и рука, которую он держал, дернулась.

— Пойдем куда?

— На «Долг». Ты ранена, и устала, и тебя тошнит. И я устал, и господин дэ-Гаусс устал, и даже Горди устал. — Он широко улыбнулся. — Начальник порта тоже устала, но она с нами не пойдет.

Она попыталась высвободить руку. Он ей не позволил.

— Я не могу.

Он нахмурился:

— Не можешь?

— Шан... — У нее на глазах показались слезы, потом перелились через край и проложили дорожки на щеках. — Шан, я убила Дагмар!

— Да, я знаю.

Наклонившись, чтобы взять ее вторую руку, он обнаружил, что ее лицо так близко, что он мог бы прижаться щекой к ее щеке. «Присцилла, я тебя люблю...» Он с трудом справился с чувствами и нашел в себе силы говорить с ней мягко.

— Мне очень жаль, Присцилла. До этого не должно было дойти. У тебя не должно было возникнуть такой необходимости. Прости, я плохо о тебе заботился.

— Ты сказал...

— Я сказал «никаких убийц», будь проклят мой язык! Но самозащита — это не убийство, как и защита жизни друга. — Он резко вздохнул, пытаясь избавиться от самой острой боли. — Пожалуйста, Присцилла, ради той дружбы, которая есть между нами — разреши мне увести тебя на «Долг». Тебе нужны забота, исцеление, кров, под которым ты могла бы спать. Когда ты поправишься, я лично отведу тебя туда, куда ты пожелаешь. Позволь мне помочь тебе.

На ее лице и в глазах отражались смутение. Она молчала.

Он поднял руку, чтобы прикоснуться к платиновому кольцу у нее в мочке уха, погладить опустившуюся на него кудряшку.

— Пожалуйста, Присцилла!

— Суд...

— Уже состоялся. Горди дал показания. Начальница порта выступила в роли судьи. Тебя признали невиновной в убийстве. Никто не придет и не уведет тебя умирать. Пришел только Шан, чтобы увести тебя домой.

— Домой... — Ее пальцы на секунду судорожно сжались, потом ослабели. — Пожалуйста, Шан, уведи меня домой.

— Конечно, Присцилла.

Встав, она зашаталась и ухватила за его руку, чтобы не упасть.

— Ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы идти самостоятельно, друг мой? Или мне попросить начальницу порта, чтобы тебе нашли кресло?

— Не надо.

Она решительно выпрямилась, сжав зубы.

— Прекрасно. — Он обхватил ее за талию и повернул к двери. — Господин дэ-Гаусс, — предсказал он с напускным весельем, — ужаснется.

Если господин дэ-Гаусс и ужаснулся, то прекрасно это скрыл. Поклон, который он ей адресовал, был самым низким.

— Леди Мендоса!

Она кивнула: большего не позволили ни ее головокружение, ни обнимавшая ее за талию рука Шана.

— Господин дэ-Гаусс. Я рада вас видеть.

— Вы очень добры. — Он взглянул на Шана. — Врач сделал мастеру Арбетноту укол, который, как он надеется, снимет самые неприятные побочные эффекты или хотя бы позволит ему спать, пока они не пройдут. Он также дал нам распечатку с формулами обоих препаратов.

— Недурно, — спокойно ответил Шан, словно не было ничего удивительного в том, что Горди лежит на скамье, мертвенно-бледный и неподвижный.

— Я не... — Присцилла дернулась, словно для того, чтобы идти к мальчику. Рука у нее на талии чуть заметно сжалась, и она повернулась, чтобы заглянуть в серебристые глаза. — С ним же все было в порядке! Его собирались отправить на «Долг»!

— Но он отказался возвращаться без вас, — объяснил незнакомый голос. — А потом стало необходимо дать ему снадобье, чтобы можно было выслушать его показания.

Присцилла заморгала, пытаясь сфокусировать зрение. Высокая красивая женщина в сверкающем вечернем платье официально улыбнулась и поклонилась.

— Госпожа... леди Мендоса. Я — Элиана Роминкофф, начальник порта на службе у регента. Позвольте мне принести вам мои извинения: в городе, порученном моим заботам, такого не должно было произойти. Когда вы отдохнете... в удобное для вас время...

связитесь, пожалуйста, со мной, чтобы мы смогли встретиться и обсудить справедливую компенсацию.

— Да, конечно, — промямлила Присцилла.

Она не в состоянии была толком услышать то, что ей говорила незнакомая женщина. Она стремительно погружалась в темно-синий туман, где единственной реальностью была рука Шана, державшая ее за талию, и сильное тепло его тела, дававшего ей опору. Она резко оттолкнула от себя синий туман и потянувшись наружу, зачерпнув из ближайшего источника энергии.

Сила щедро потекла к ней, чистая и бодрящая. Она выпрямилась. Комната вокруг нее снова стала четкой. Она кивнула обращавшейся к ней женщине.

— Госпожа начальник порта, прошу меня простить. Я сейчас... нездорова. Я с вами свяжусь, и мы поговорим.

— Ну, значит, все хорошо. — Женщина перевела взгляд немного дальше, и ее улыбка из официальной стала теплой. — Капитан Йос-Галан, помните, что я вам сказала. В этом деле я полностью к вашим услугам. Вы в любой момент можете воспользоваться моими глазами и ушами. — Тут она поклонилась и взмахнула рукой, перебив его ответ. — В данный момент вам необходимо позаботиться о ваших людях. Моя машина вас ждет. Если вы разрешите, участковый полицейский понесет мальчика. Леди Мендоса, ваша лицензия и бумаги — у господина дэ-Гаусса.

— Спасибо вам, — мягко сказал Шан. — Вы — сама доброта.

Путь до машины оказался благословенно коротким. Присцилла опустилась на сиденье. Рука Шана по-прежнему поддерживала ее, его сила подпитывала ее. Она сжала кулак вокруг большого пальца, чтобы лучше ощущать его кольцо. А потом она повернулась внутрь себя и отключила источник сил.

Последнее, что она помнила, — это что ее голова легла ему на плечо.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

181-й ДЕНЬ ПОЛЕТА
ТРЕТЬЯ ВАХТА
14.00

Шан дрожащей рукой наклонил бутылку. Бренди выплескивалось на крышку бара, случайно попадая и в чашку. Стиснув зубы, он сумел наполнить ее наполовину и даже вернуть графин на полку.

Присцилла была в лазарете, под грамотным присмотром Лины. Горди тоже находился там. Оба лежали в постели и спали. Что следовало бы делать и ему — предварительно выполнив упражнение, которое сняло бы пульсирующую боль в висках и позволило отдохнуть. Бренди — не самое лучшее лекарство для эмбата в его состоянии.

Он сделал глоток и на секунду недоуменно нахмурился на пятно у себя на манжете. Кровь.

Да, конечно. Надо не забыть отправить начальнику порта набор хрустала. Глупый Шан. Силы своей не помнит.

Сав Рид Оланек... Боги, если бы он мог сомкнуть пальцы на тощей шее Сав Риды Оланека...

«И что потом?» — насмешливо спросил он себя, делая новый глоток. Пылающий лед гнева Клана Корвал зашевелился за преградами, которыми он его окружил. А потом он заплатит по счету своей собственной жизнью! Неужели он подвергнет опасности леди, приемного сына, корабль?

Присцилла... Этот ужасный взрыв ненависти к себе, ужаса и смятения. Последствия действия снадобья? Или какой-то более постоянный фактор? Лина должна знать.

Он остановился на полпути к комму. Лина будет знать — рано или поздно. А когда она это узнает, узнает и Шан Йос-Галан. Он не станет сейчас делать ничего, что могло бы отвлечь ее от главной задачи.

— Ложись в постель, Шан, — сказал он себе.

Однако он медлил, отпивая понемногу бренди и устремив невидящий взгляд на гобелен над баром.

Мелодичный дверной сигнал заставил его вздрогнуть всем телом.

— Входите! — громко сказал он.

Вошел господин дэ-Гаусс с шуршащей пачкой бумаг в руке. Выражение его лица говорило о том, что он принес важные новости. О его усталости — или важности дела — свидетельствовало то, что он заговорил сразу же, не став даже кланяться.

— Ваша милость, я получил отчет госпожи Вельтрад, которую вы направили на Синтию по делу леди Мендоса. Оказывается...

— Нет!

Господин дэ-Гаусс моргнул.

— Прошу прощения, ваша милость?

— Я сказал, — повторил Шан пронзительным от напряжения голосом, — нет. Нет, я не желаю слышать отчет Химены. Нет, я не желаю знать, какое именно преступление якобы совершила Присцилла. Нет, я не хочу, чтобы этот отчет появился на моем экране в начале следующей вахты. Нет, я не хочу, чтобы Химена со мной связывалась или прилетала сюда, чтобы самой рассказать мне то, что содержится в ее отчете. Нет.

Господин дэа-Гаусс оценил ситуацию. Шан стоял в центре комнаты, держа в забинтованной руке на четверть полную чашку. Залитый кровью манжет изящно падал на побелевшие от напряжения костяшки. Суровое смуглое лицо казалось вытесанным из древесины стрелла, и только в серебряных глазах горели искры безумия.

— Сообщение с Синтии, — начал он снова, — говорит о том, что...

— НЕТ! — Шан стремительно пересек комнату и надвинулся на господина дэаГаусса. Его лицо было холодно-гневным, слоги высокой лиадийской речи потрескивали, словно наэлектризованные. — Я вас не слышу! Идите.

Господин дэа-Гаусс не отступился. Он видел подобное раньше — у Эр Тома йос-Галана. Должная реакция никогда не включала в себя отступление.

— Вы предпочтете услышать все не от меня, а от Первого представителя? Это — вопрос о корабельном долге. Требуется внимание капитана.

Какое-то мгновение Шан застыл совершенно неподвижно. А потом он повернулся, прошел к своему столу и сел, аккуратно оставив чашку в сторону.

— Йос-Галан вас слышит, — проговорил он на высоком лиадийском: Тоделм, разговаривающий с наемным служащим.

Господин дэа-Гаусс подошел ближе. Ему не было предложено сесть привычным небрежным жестом. Шан бесстрастно ждал. Господин дэа-Гаусс поклонился.

— Тоделм, со слов Химены Вельтрад, которая предложила деньги за документально подтвержденную информацию, мне стало известно, что Присцилла Делакруа и Мендоса была подвергнута остракизму на своей планете за преступление, называемое «богохульством». Это произошло десять стандартных лет тому назад. Подробности этого преступления подробно изложены в докладе госпожи Вельтрад. В данный момент я хотел только заверить вас, что в случае данного инцидента меланти Синтии нанесен сильный урон. Действия леди Мендоса, как всегда, были безупречными.

— И все-таки кто-то ее упрекнул. И очень сурово. — Высокая речь не допускала тепла. — Извольте объяснить этот парадокс.

— Да, Тоделм. Я не в курсе тонкостей ситуации, доложенной госпожой Вельтрад. Насколько я понимаю, леди Мендоса, будучи ученицей в Доме Круга (это называется «Дева» или «Новопосвященная жрица»), навлекла на себя обвинения из-за героического поступка. Я признаюсь, что не понимаю, почему спасение трех жизней могло вызвать такие обвинения. Доклад госпожи Вельтрад заставляет думать, что это можно объяснить соображениями доктрины, а не логики. Как бы то ни было, леди Мендоса призвали

мастера ее ремесла. Ей было предложено отречься от содеянного и подвергнуться соответствующему наказанию. Леди Мендоса отказалась раскаяться. После этого ее лишили имущества и звания и запретили заниматься ремеслом. Чтобы не потерять лица, ее семейство также ее изгнало. — Господин дэа-Гаусс помолчал, глядя в ледяные глаза. — Это была политика, Тоделм, а не справедливость.

— Так. — Шан медленно допил бренди и вернул чашку на стол. — Йос-Галан вас услышал. Вы оставите доклад мне. У вас что-то еще, что мне следует услышать в данный момент?

— Нет, Тоделм.

— Хорошо. Вы можете идти.

Поверенный Клана Корвал поклонился и повернулся к двери.

— Господин дэа-Гаусс.

Он повернулся:

— Да, Тоделм?

Шан устало улыбнулся и положил перебинтованную руку на доклад Химены.

— Спокойного вам сна, сэр. И спасибо.

С чувством абсурдного облегчения господин дэа-Гаусс ответно улыбнулся.

— Спокойного вам сна, ваша милость. И не за что.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

181-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ТРЕТЬЯ ВАХТА

16.00

Шан поднял голову, пытаясь определить, что за звук он слышит. Право... А! Дверной сигнал.

— Войдите.

Дверь раздвинулась, и она вошла — худенькая и невысокая, с золотистой лиадийской кожей.

— Мой верный друг!

— Лина. — Воспоминания вернулись с такой силой, что его несчастная голова содрогнулась от боли. Он стремительно начал вставать. — Присцилла...

— Отдыхает. И здорова. — Тонкие руки взметнулись вверх в успокаивающем жесте. — И что важнее — она пришла в себя. Мы с ней говорили. Она в полном сознании, она понимает, что случилось, сознает, что была необходимость и она действовала так, как

могла. — Лина вздохнула. — Большая часть бреда, о котором ты мне сказал, должна быть отнесена на счет снадобья — и отчаяния. Жизнь приучила ее не ожидать ни помощи в трудную минуту, ни избавления от боли. Исцеление дало немало, но такой урок забывается нескоро.

Шан закрыл глаза. А когда они снова открылись, Лина была потресена тем, насколько глубокая усталость в них отразилась.

— С ней все будет в порядке, — пробормотал он, и его красивый голос звучал тускло и неровно. — Спасибо тебе, Лина, что ты пришла мне об этом сказать. У тебя ведь время отдыха, кажется?

— И у тебя тоже, — довольно резко объявила она. — Присцилла отправила меня позаботиться о том, чтобы ты тоже спал. Она сказала, что ты полон гнева — и боли.

Он рассеянно потер рукой лоб.

— Сглупил. Пытался увидеть всю планету... — Он постучал пальцем по стопке бумаг. — Пришлось прочесть доклад Химены. Господин дэ-Гаусс... Героический поступок. Ей надо бы с этим прекращать, Лина. Она все время себя травмирует. Спасает трех человек, используя какую-то штуку, которой ее еще не учили. Но она сказала, что старая душа — они дают новопосвященным старые души со старыми именами. Душу Присциллы звали Неяситью. Очень сильная дама. Очень уважаемая. Сказала, что это сделала старая душа во славу Богини, и... Кто знает? Короче, ее выгнали. Хорошо иметь при себе ручную *драмлизу*, но когда она начинает требовать того, что ей положено, то это становится опасным.

Лина нахмурилась и отняла у него пустую чашку.

— Присцилла — волшебник, Шан?

— Очень возможно. Тебе бы стоило посмотреть, как она... Нет, я надеюсь, что ты этого не увидишь. Делает такое, что нам, жалким целителям, и не снилось. А с какой легкостью... — Он снова потер лицо. — Боги, боги, какая же она сильная!

Лина подалась вперед и погладила теплые густые волосы.

— Шан. Иди в постель.

Он недоуменно заморгал.

— В постель?

— Ты устал. Тебе надо отдохнуть, дать время на исцеление. Сколько бренди ты выпил?

— Полчашки, — пробормотал он. — Но чашечка ничего себе, да?

Она рассмеялась, разрываясь между досадой и чувством облегчения.

— Иди в постель, денубиа. — Она схватила незабинтованную руку и потянула его с собой. — Шан, имей совесть! Я обещала моей чалекет проследить, чтобы ты отдохнул. Ты хочешь, чтобы я отвернулась от нее тогда, когда я ей нужна?

— Чалекет?

— Присцилла назвала меня сестрой. Я вижу, что мое сердце с ней согласно. Так ты ляжешь?

— Раз уж ты так меня уговариваешь. Но толку тебе от этого будет мало, сокровище мое.

Он с трудом поднялся на ноги, но не пожелал опереться на плечо, которое она ему подставила. С трудом доковыляв до внутренней двери, он приложил ладонь к сенсорной пластине.

Лина уговорила его лечь на кровать, расстегнула тугую парадную рубашку и села рядом. Она гладила его по голове и что-то тихо приговаривала, сплетая сеть теплого утешения и наполняя желанием спать глубоко и долго.

Спустя какое-то время глаза его закрылись, дыхание выровнялось.

Лина продолжила плести и гладить его, пока не ощутила, что он достиг первых глубин, где начинается первичное исцеление. Тогда она осторожно встала и бережно накрыла его одеялом, притушила свет и отключила будильник. Кэйзин пообещала, что отдых капитана без нужды прерываться не будет.

Устроив все как нужно, Лина наклонилась и погладила его по щеке.

— Спи спокойно, мой друг, — прошептала она.

И ушла.

ГОРОД КОРОНЫ, ТЕОФОЛИС

ЧАС СУДЬИ

Такси подъехало к краю пешеходной дорожки и остановилось. Водитель оглянулся через плечо и проговорил что-то на своем варварском диалекте. Сав Рид ответил холодным взглядом.

— Машина дальше ехать не может, — проговорил водитель на резком торговом. — В порту разрешается только пешеходное передвижение. С вас пять монет.

Сав Рид молча протянул ему соответствующую сумму и вышел из такси. У него за спиной водитель сплюнул сквозь зубы и пробормотал:

— Тля!

Однако его поступок был недостоин внимания Сав Рида: всего одно слово на земном.

Он осторожно пошел через заполненный людьми порт, остро ощущая отсутствие телохранителя. Этим утром Дагмар Коллиср не

явилась к оговоренному заранее месту встречи. Ему неизвестно было, что могло случиться с этим существом, но он отбросил мысль о ней, нетерпеливо пожав плечами. В конце концов, кого это интересует? Если Дагмар Коллиер пожелает сбежать с корабля раньше, чем закончится полет, то это не волнует никого, кроме самого этого существа. «Даксфлану» ее неостребованное жалование будет на что потратить.

По пешеполосе навстречу ему решительно шел какой-то мужчина — немолодой: в его редеющих волосах седины было больше, чем темного цвета. Сав Рид окаменел.

Его Делм продолжал энергично шагать навстречу, а потом остановился на положенном расстоянии и наклонил голову.

— Родич, я вас приветствую.

Сав Риду удалось изобразить поклон.

— Как и я приветствую вас, родич и Делм. Мне удивительно видеть вас здесь, так далеко от Дома и семейства.

— Не более удивительно, — сухо отозвался его старейшина, — чем мне — видеть вас здесь, когда начальник порта сообщает мне, что «Даксфлан» отсутствует.

— Мы заняли орбиту примерно на уровне четвертой планеты, мой Делм. Нам было... удобнее... воспользоваться другим кораблем, чтобы доставить товар с «Даксфлана» на первую планету.

— Вот как. — Таам Оланек с холодной улыбкой протянул ему руку. — Прошу вас, пройдите со мной. Мне любопытно услышать об этом столь удобном способе. Вы передали свои грузы по субподрядам другим, Сав Рид?

Несколько шагов они шли молча.

— Возникла необходимость, — пробормотал наконец Сав Рид, — приобрести корабль, который бы служил шаттлом между «Даксфланом» и портом. Этот метод очень прост, сэр, и прекрасно работает.

— Должен ли я понять, — спросил Племиа, — что вы по сути превратили «Даксфлан» в грузовой склад?

— Вот именно, — подтвердил Сав Рид, весьма довольный собой. Его Делм глубоко вздохнул.

— Понятно. Простите за вопрос, родич, но такая покупка, как торговый корабль... Казалось бы, мне следовало заметить на своем столе столь крупный счет. Однако я его что-то не припоминаю.

Сав Рид торжествующе улыбнулся, не замечая тревоги на лице собеседника.

— Это была мелочь, сэр: нам не понадобилось прибегать к кредиту. Мы заплатили наличными.

— Наличными, — бесстрастно повторил Племиа. Секунду или две он шел молча, а потом вдруг резко выпрямился и крепче взял Сав Риду за руку. — Я только сейчас вспомнил, родич: вот о чем я

хотел с вами поговорить. Я узнал от начальника порта, что члена вашей команды — некую Дагмар Коллиер — нашли мертвой в городе недалеко от порта.

— А, так вот куда оно делось, — спокойно отозвался Сав Рид. — А я-то гадал! Ну, оно всегда отличалось дурным характером.

— Вот как? — тихо переспросил Таам, с трудом проталкивая слова мимо вставшего в горле ледяного комка. — И давно ли Дагмар Коллиер служила вам, родич?

Сав Рид передернул плечами.

— Кажется, два или три полета.

— О! — Остановившись, Таам резко повернулся к своему собеседнику. — Сав Рид, умерла женщина, которая находилась на вашей службе последние четыре года! Неужели вы хотя бы не пойдете в участок, чтобы забрать ее тело и как подобает возвратить его ее близким?

На юном лице отразилось искреннее недоумение.

— Нет. А с чего мне это делать? Не думаю, чтобы у него была родня. Оно же из землян, понимаете? — добавил он, реагируя на ошеломленное молчание своего Делма.

— У землян тоже бывает родня, Сав Рид, — тихо проговорил Таам. Его глаза налились слезами: неожиданно страх сменился жалостью. — Они люди, так же как и мы. — В устремленных на него прозрачных глазах по-прежнему читалось только непонимание и удивление. Он нежно прикоснулся к гладкой щеке. — Но даже если бы это было не так, дитя мое, мы-то люди! Наш крест и наша гордость в том, чтобы всегда и во всем вести себя порядочно.

— Да, конечно. Но — земляне, сэр...

— Оставим это, дитя. Это будет сделано. — Он снова взял Сав Рида за руку и повел дальше. — Я узнал от Клана Корвал, что вы с молодым Шаном попытались свести какие-то шенячы счета. Неужели вы еще не переросли такие шалости, Сав Рид?

Рука, которую он удерживал, напряглась. Молодое лицо тоже напряженно застыло.

— Это не шалости, сэр, — это серьезно. Я поставлю йос-Галана на колени — уродливого братца и первую сестру! Да, и юного Вал Кона тоже! Как он посмел так обойтись с гостем? Это было настоящим оскорблением, сэр! Они ни на минуту не задумались о том, какого уважения заслуживает представитель Клана Племя! Они получают урок — и не скоро его забудут! «Корвал!» — блеет Челса, и на лице у нее появляется страх! Сброд, невоспитанные юнцы! Они у меня в долгу, сэр, и я с ними сквитаюсь. Это я обещаю!

— Понятно, — снова печально сказал Таам. Он глубоко вздохнул. — Тогда, я полагаю, вы будете рады услышать еще одну новость, которую я принес вам. Корвал требует встречи в присутствии

начальника порта и свидетелей, чтобы подвести итоги и закрыть все счета. Время встречи назначено на вечер по местному времени, если вы сочтете возможным присутствовать.

— Корвал требует встречи! — расхохотался Сав Рид. — Но еще бы — у них нет выхода! Как они могут допустить, чтобы этот идиот старший себя погубил? — Он высвободил руку и с серьезным видом поклонился. — Я буду сопровождать вас с величайшим удовольствием сэра.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД

182-й ДЕНЬ ПОЛЕТА

ВТОРАЯ ВАХТА

8.30

Сон ушел, и Присцилла открыла глаза. Помещение показалось ей смутно знакомым: не ее собственная каюта, но и не тюремная камера... «Лазарет», — подсказала ей память. Лина погрузила ее в сон, заставив плыть на волне одной звучной ноты, чтобы проснуться, когда стихнет последнее целительное эхо.

Сколько прошло часов? В этой мысли не было ни тревоги, ни настоятельной потребности получить ответ. Она по-кошачьи потянулась в постели, заметив, что правую кисть у нее свело судорогой в странном положении: большой палец спрятан в глубину кулака.

Она медленно сняла напряжение — и огромный аметист кольца мастера засверкал в сумраке комнаты. Присцилла улыбнулась. Богиня да благословит тебя, мой милый, за то, что ты привез меня домой.

Она снова потянулась, наслаждаясь каждым движением, а потом села, сбросив тонкое одеяло. Пора вставать, какой бы сейчас ни был час. И она просто умирает с голода!

Дверь слева с тихим вздохом открылась.

— Доброе утро, красавица!

Она вздрогнула, а потом улыбнулась долговязому медику.

— Вилт! Ты всегда пугаешь своих пациентов, когда они едва успели проснуться?

— Так разумнее, — ответил он, беря ее руку и начиная снимать мягкий бинт. — Если они близки к инфаркту, лучше пусть это случится здесь, где о них будет кому позаботиться.

— Это кто же о них сможет позаботиться? — удивленно спросила она, и он рассмеялся, складывая бинты в лоток.

— Давай-давай, показывай себя с самой плохой стороны. Только не забывай, кто здесь проводит прививки. Рука выглядит прекрасно. Чертовский ожог — никогда ничего подобного не видел: с внутренней стороны, между запястьем и локтем. — Он покачал головой. — Как это ты умудрилась?

Она ответила, глядя ему прямо в глаза:

— Бросила огненный шар.

— Да неужели? Ну, тогда тебе повезло, что ты не осталась без пальцев. В следующий раз лучше надень перчатку.

— Если Богиня будет благосклонна, то следующего раза не будет.

— Ну, тебе виднее. Как горло?

— В порядке.

Вилт с напускной суровостью покачал головой.

— Думаешь, я поверю тебе на слово? Открывай-ка рот, красавица. И даже не думай кусаться.

Она неохотно подчинилась. Вилт провел тщательный и, как она заподозрила, намеренно неспешный осмотр, потом хмыкнул и отошел от постели.

— Выглядит неплохо. Но на всякий случай в следующую пару дней береги голос.

— Пусть за меня говорит капитан, — подсказала она выход.

Он снова рассмеялся.

— Он так и так это сделает. Я знаю Шана с тех пор, как пришел на корабль учеником медика, а он был тогда не старше Горди. И все это время он говорит без умолку. Наверное, даже родился разговаривающим. Его мать была лингвист, так что этим все, наверное, и объясняется. Гены, знаешь ли, — глубокомысленно пояснил он, и Присцилла негромко рассмеялась. Он отступил еще дальше, резко отбросив шутливость. — Ладно, красавица, а теперь слушай внимательно. За то время, которое прошло с момента твоего отлета в увольнение и возвращения на корабль, ты ухитрилась потерять одну десятую веса тела. На кухню отправлены специальные меню, составленные лично для тебя. Ты будешь съедать все, что тебе подадут, пока не восстановишь вес. И чтобы ты не вздумала жульничать, мы тебя будем взвешивать в начале каждого твоего дежурства. — Он посмотрел на часы. — Вкусный и высококалорийный завтрак будет здесь через три минуты. После того как ты съешь все, что будет стоять на подносе, можешь воспользоваться освежителем — он в коридоре напротив. Лина приготовила там для тебя чистую одежду. Вопросы есть?

— Нет.

— Великолепно. — Он легонько хлопнул ее по плечу и ухмыльнулся. — Увидимся позже.

— Вилт!

— Да?

— Горди в порядке?

Он фыркнул.

— Этот парень? Встал уже давно. Потребовал, чтобы его пустили посмотреть на тебя. Лина увела его помогать в библиотеке любимцев. Сказала, что ты зайдешь за ним туда, когда проснешься.

— Хорошо, так я и сделаю.

— Прежде чем хоть что-то делать, ты позавтракаешь. Ага! — Он торжествующе посторонился, пропуская санитара с сервировочным столиком. — Ну, приятного аппетита!

Присцилла вышла из-под потока сушики, причесала пальцами непослушные кудри и хмуро посмотрела на свое отражение в зеркале. Ее учителей всегда тревожила ее худоба: они говорили, что ее тело — вместилище Неясыти — недостаточно сильное, чтобы выдержать работу серьезных заклинаний.

Зеркало свидетельствовало о том, что они были правы. Потеря четырнадцати фунтов означала торчащие ребра и острые бедра, обтянутые кожей кости пясти и запавшие ключицы. Она обхватила ладонью грудь и вздохнула. Вид у нее, как у жертвы катастрофы. Резко отвернувшись от зеркала, она залезла в шкафчик.

Свежая одежда оказалась неожиданно высокого качества. Присцилла не могла понять, где Лина могла найти такие вещи: у них был такой вид, словно их сшили вручную по мерке, а не покупали на складе. Изумленно она развернула шелковистую рубашку, заметив, что воротник у нее пышный и широкие гофрированные рукава собраны на узком манжете с рюшем. Ее цвет был переливчато-розовым. Мягкие брюки приглушенного синего цвета. Бархат? Она осторожно провела рукой по ворсистой ткани. Брюки немного расширились ниже колена и доходили точно до подъема новых черных ботинок. Она продела в пояс кожаный ремень, застегивавшийся на пряжку из розоватого агата, и снова повернулась к зеркалу.

— Тоделм! — прошептала она, прикоснувшись к воротнику, который обрамил ее лицо и отбросил на щеки теплый цвет румянца.

Лина приготовила ей костюм, который мог бы надеть глава лиаидийского семейства, направляющийся по официальным делам.

Она неуверенно подошла к зеркалу и приложила к стеклу палец, чтобы проследить черты своего лица: тонкие брови, прямой нос, удивительные скулы, упрямый подбородок, пухлые губы — а вокруг них ореол спутанных иссиня-черных кудрей, оттененных с обеих сторон изящным изгибом платиновых колец, вдетых в уши.

— Присцилла Мендоса, — вслух сказала она.

На одной руке блестел данный на время аметист — и это было неправильно. Она не мастер-купец.

Но она и не изгой.

Она заглянула в фиолетовые глубины, размышляя над этой новой идеей.

«Неясить вернулась к Матери».

Это — истина.

И что означает эта истина через десять лет, через две дюжины миров — неужели смерть? Что значит эта истина здесь, в том месте, которое сердце Присциллы назвало домом, где ее окружают друзья, наполняет сила, которую она считала ушедшей?

Старый поверенный неизменно называл ее «леди Мендоса», обращаясь к ней с величайшим уважением. Лина не видела ничего необычного в том, что ее подруга владеет силой, ее удивляло только то, что ее никто не обучил правилам вежливости при ее применении. Шан...

Но о Шане было невозможно думать спокойно. Он определенно относится к ее способностям — и к своим собственным — как к чему-то естественному и приемлемому.

Она вспомнила его вопрос: «Но как же ты занимаешься любовью?» — и прижала ладонь к внезапно загоревшейся щеке. Не делай этого, Присцилла...

Прошлым вечером... Что из случившегося было галлюцинацией, а что — реальными действиями? Он пришел — у нее на пальце и сейчас оставалось свидетельство этого! Он привез ее домой. Что еще помимо этого было правдой?

Испытывая сильное беспокойство, она повернулась и ушла из освещителя.

В коридоре она в нерешительности остановилась. Ей пора было заступать на дежурство. Однако Вилт не говорил, что она отпущена из лазарета, а ее наряд не был рассчитан на то, чтобы выполнять в нем обязанности второго помощника.

— Привет, Присцилла. Ты не могла бы уделить мне несколько секунд?

Вопрос Шана прервал ее размышления.

— Сколько угодно секунд! — с радостью ответила она ему, одновременно пытаясь почувствовать его ауру.

Аура была приглушенной, хотя Присцилла и ощутила вспышку какого-то непонятного чувства, когда он приостановился и пристально посмотрел на нее.

— Ты здорова, Присцилла? Ответь мне правдиво, пожалуйста, без героического стоицизма.

— Здорова. — Она уловила его сомнение и бессознательно шагнула к нему с успокаивающей улыбкой. — Я немного потеряла в весе — сильные заклинания всегда так действуют. Вилт заставил меня съесть просто невероятное количество еды! Но я здорова. По правде говоря, я как раз готовилась выписаться отсюда и вернуться на вахту.

— На вахту? Присцилла... — Он замолчал и осмотрелся. — Ты была в этой комнате? Ты не возражаешь, если мы поговорим там? Я...

Что-то случилось. Присцилла усилила внимание, стараясь прочувствовать что-то по его ауре, но ощутила только диссонанс боли, горечи, гнева, отчаяния... Эта смесь была столь нехарактерна для Шана, что она не узнала бы его, если бы ее физические глаза были закрыты.

— Конечно.

Он посторонился, пропуская ее в палату первой, потом закрыл за ними дверь и опустился на единственный стул. Она неуверенно устроилась на кровати.

Наступившее молчание было неловким. Попытка прочесть его подсознание — хуже, чем просто бесполезной. Она стянула с большого пальца кольцо мастер-купца и протянула его Шану.

Он уставился на него — и его отчаяние стало сильнее. Потом, взяв кольцо, он зажал его двумя пальцами и стал поворачивать, рассматривая игру света в гранях.

— Ты уже решила, — спросил он хрипло, не отрывая взгляда от кольца, — куда мне тебя отвезти?

Она молча смотрела на него, и ее тело наполнилось леденящим холодом.

— А почему, — с трудом выдавила она, — вы должны куда-то меня отвозить?

— Я дал тебе слово, — сказал он аметисту. — Ты только сказала, что останешься, пока не... выздоровеешь, Присцилла.

Перебрав отрывочные, путанные воспоминания прошедшего дня, она вспомнила эти слова и облизнула пересохшие губы.

— Вы сказали, что... пришли отвезти меня домой.

— Разве? — Он по-прежнему отказывался встретиться с ней взглядом, продолжая смотреть на кольцо, которое держал в руке. — Тогда я так и сделаю, Присцилла. Но сначала ты должна сказать мне, где это. Дом.

— Шан!

Ее пронзила мучительная боль. Она не стала пытаться ее приглушить. В нем поднялась ответная волна тревоги — и он наконец поднял голову.

— Вы не хотите, чтобы я уезжала! — воскликнула она, уверенная в том, что это так. — Тогда почему...

— Мои желания не имеют значения, Присцилла! Важно, чего хочешь ты! Если существует место, где ты дома, где ты знаешь, что если с тобой что-то случится, то есть кто-то... кто угодно!.. кто поможет тебе, я тебя туда отвезу. Прослежу, чтобы ты была в безопасности... устроена...

Его голос, звучавший непривычно резко, сорвался. И темные ресницы сразу же опустились, скрыв от нее его глаза.

Он сделал вдох, потом — еще один. В водовороте его чувств разобраться было невозможно.

— Женщина из экипажа моего корабля считала, что ей некуда обратиться в момент серьезнейшей опасности... Мне стыдно, Присцилла. Я подвел тебя как капитан... и как друг.

— Я хочу остаться. — Ее слова были едва слышным вдохом. Она стиснула руки на матраце и попыталась снова: — Капитан, пожалуйста! Вы никогда меня не подводили. Это я виновата — тем, что не научилась достаточно быстро... не поняла, что значит быть членом команды. — По ее щекам текли слезы, и она не пыталась их сдерживать. — Шан, ради Матери! «Долг» — это мой дом! Не... не заставляй меня уезжать!

Она судорожно вздохнула и отпустила матрац, чтобы дрожащими пальцами утереть слезы.

— Право, Присцилла, тебе следовало бы заранее предупреждать меня, если ты хочешь, чтобы я снабжал носовыми платками нас обоих!

Она испуганно ахнула — почти засмеялась и прижала протянутый квадрат ткани.

— Спасибо.

— Не стоит. У меня их дюжины. Просто сейчас при мне их всех нет.

Он выпрямился на стуле. Его лицо стало не таким мрачным, в ауре появились проблески того, что могло быть надеждой.

— Кораблю не хватало бы услуг второго помощника, — проговорил он осторожно. — По сведениям капитана, обучение второго помощника проходит превосходно и с каждой вахтой она берет на себя все больше обязанностей. Первый помощник довольна. Капитан также доволен.

Меланти. Она постаралась сделать очень ровный вдох и выдох, расслабляя мышцы грудной клетки так, как ее учила Лина и уроки под гипнозом.

— Второй помощник всем сердцем желает продолжить служить кораблю и капитану.

Чувство облегчения прохладным каскадом потекло от него к ней.

— Хорошо. Ты вернешься к своим обязанностям по прошествии четырех вахт. — Он поднял руку, останавливая ее протесты. — На местную полночь назначена встреча в офисе начальника порта, Присцилла. Поскольку ты глубоко вовлечена во все происходившее, тебе хорошо было бы там присутствовать. Там будут также Делм Племиа, Сав Рид Оланек, начальник порта Роминкофф, Шан йос-Галан, Гордон Арбетнот, господин дэ-Гаусс и Лина Фаалдом в роли наблюдателя.

— Счеты?

— Вот именно, счесть. Кстати, это напомнило мне Тоделм. Господин дэ-Гаусс желает сейчас встретиться с вами на несколько минут, чтобы уточнить масштаб долга, который несут перед вами кланы Племиа и Корвал...

— Корвал ничего мне не должен! — воскликнула она. — Если тут есть какой-то долг, то это я в долгу у Клана Корвал за то, что он дал мне работу, за...

— Присцилла, постарайся все-таки вести себя разумно! Если бы тебя не было на этом корабле, то очень возможно, что сейчас корабля вообще не существовало бы, и неизвестно, был бы капитан или нет. Долг корабля существует. Как и личный долг.

— Нет, — упрямо сказала она. — Я не приму от тебя платы. Никакого долга сейчас не осталось, если он когда-то и существовал. — Она подалась вперед, нерешительно протягивая руку. — Шан! Ты дал мне... жизнь. Я дала тебе жизнь. Мы квиты.

Он немного помедлил, а потом вложил свою руку в ее.

— Хорошо. Квиты, Присцилла. — Он улыбнулся. — Ты умеешь торговаться. Господин дэ-Гаусс нас ждет. Я могу проводить вашу милость на встречу с ним?

— Нет, — ответила она, стискивая его пальцы и с пьянящей радостью впивая его просветлевшую ауру. — Но ты можешь проводить своего друга.

Шан широко улыбнулся и встал.

— Так гораздо лучше, я согласен с тобой. — Он адресовал ей поклон равных. — Иди вперед, Присцилла.

БАШНЯ НАЧАЛЬНИКА ПОРТА, ТЕОФОЛИС

ЧАС ВЕДЬМЫ

Десять минут до назначенного часа.

Таам Оланек строго запретил себе такое излишество, как перекладывание лежащих перед ним на столе бумаг. Не допускается, чтобы Делм выказывал беспокойство. Справа от него молча сидел Сав Рид. Таам понимал, что его молодой родич так и не понял, что происходит, и жалость боролась в нем с гневом. Он ненадолго задумался над тем, что могло послужить причиной безумия купца, но отогнал мысли об этом. Это едва ли имело значение.

На другой стороне комнаты господин дэ-Гаусс тихо говорил о чем-то с начальницей порта Роминкофф. Остальные участники встречи еще не появлялись.

Дверь зажужала и была открыта охранником, поставленным рядом с ней. Таам Оланек почувствовал, что у него перехватило дыхание.

Вошли некрасивая лиадийка в костюме Тоделма, рядом с ней шел светловолосый мальчик-землянин. Таам Оланек снова задышал свободнее. Конечно, Корвал придёт последним. Это соответствовало процедуре.

— Я не сяду с ним за один стол!

Ребенок остановился, устремив взгляд на... «На меня?» — изумился Таам.

Нет. На Сав Риду.

Женщина положила руку мальчику на плечо, мягко обратившись к нему на земном.

— Гордон! Мы пришли сюда, чтобы уладить прошлые разногласия. Ты это знаешь. Чтобы это сделать, мы должны сидеть и говорить друг с другом.

— Я, — процедил сквозь стиснутые зубы Гордон, — не сяду с ним за стол. Он назвал меня «оно» и сказал, что Присцилла — воровка.

Чувствуя бесконечную печаль, Таам Оланек встал и прошел через комнату. «Ребенок, Сав Рид», — подумал он.

Они с господином дэГауссом дошли до места одновременно. Попросив разрешения взмахом кисти, Таам Оланек поклонился ребенку: как старший молодому человеку, обладающему статусом. Мальчик посмотрел на него с недоверием, но ответил на поклон как положено, а потом выпрямился и стал ждать.

— Я, — сказал Таам Оланек, тщательно выговаривая слова на непривычном языке, — Таам Оланек. Человек, против которого вы возражаете, это тот, кто будет повиноваться моему приказу. Удовлетворит ли вас, молодой человек, если я пообещаю, что мой родич Сав Рид в продолжение нашей встречи будет вести себя с подобающей вежливостью?

Карие глаза смотрели на него пристально: взгляд был оценивающим. Таам встретил его спокойно. Мальчик посмотрел на господина дэ-Гаусса.

— Это правда?

В тоне не было ничего оскорбительного: он просто запрашивал информацию. Таама Оланека это позабавило.

Господин дэ-Гаусс наклонил голову.

— Слово Делма Племя безукоризненно, мастер Арбетнот. То, что он обещал, будет.

— Ладно. — Мальчик кивнул. — Благодарю вас, Делм Племя. Таам любезно поклонился:

— Это вам спасибо, мастер Арбетнот.

Господин дэа-Гаусс представил терпеливо ожидавшую женщину:

— Племя, это Тоделм Фаалдом, клан Дешнол.

Он склонил голову.

— Тоделм, я рад с вами познакомиться.

Она поклонилась — как глава семейства Делму другого клана.

— Я рада познакомиться с вами, Племя.

Ни голос, ни выражение ее лица не выдавали ее мыслей. Вела она себя в высшей степени благопристойно.

Как наблюдатель, Тоделм Фаалдом села в конце стола слева. Мальчик сел справа от нее, рядом с господином дэа-Гауссом. Сав Рид посмотрел на обоих холодно. Он не пытался ни здороваться с ними, ни представляться.

Часы над дверью пробили, почти заглушив дверной звонок.

Женщина была высокая, хотя не намного выше Шана йос-Галана, который шел чуть позади за ее правым плечом, темноволосая и стройная. Если бы не бледная кожа, ее можно было бы принять за лиадику. Она была облечена в спокойную властность, словно нарядку на костюме Тоделма.

Плавным шагом она пересекла комнату и, подойдя к начальнице порта, поклонилась ей как равной.

Глядя на то, как грация молодой женщины отражается в ее спутнике, Таам Оланек понял, что видит пилота. Теперь ему стала понятной вспышка возмущения со стороны господина дэа-Гаусса. Она может быть возлюбленной, эта величественная леди, но ничьей игрушкой она быть не может.

— Начальник порта, — говорила тем временем женщина мягким и неожиданно низким голосом, — я счастлива снова вас видеть. Пожалуйста, примите мою благодарность за вашу доброту ко мне и моему другу.

Начальница порта искренне улыбнулась, а потом отрицательно помахала рукой.

— Вам не за что меня благодарить, леди Мендоса. Мой долг был ясен. Я полагаю, что за нами по-прежнему остается компенсация: надо будет оговорить ее, прежде чем вы улетите.

Темноволосая женщина негромко согласилась и отступила в сторону.

Шан йос-Галан поклонился начальнице порта.

— Мне приятно снова вас видеть, мадам. Пожалуйста, примите и мою благодарность, чтобы отмахнуться от нее, как от благодарности леди Мендоса.

Она рассмеялась.

— Урок вежливости, капитан? Хорошо. Я принимаю благодарность от всех, включая мальчика, хотя он мне ее не предлагал.

Наверное, он реалист. — Она обвела рукой присутствующих. — Мы все в сборе. Господин дэ-Гаусс?

Поверенный Клана Корвал выпрямился во весь свой небольшой рост и глубоко поклонился двоим вошедшим.

— Тоделм йос-Галан, Тоделм Мендоса! Здесь присутствуют Элиана Роминкофф, начальник порта; Таам Оланек, Делм Племиа; Лина Фаалдом, Тоделм и наблюдатель; Гордон Арбетнот, приемный сын и свидетель; Сав Рид Оланек, купец.

Племиа кивнул. Рядом с ним Сав Рид резко дернулся и огрызнулся:

— Леди Мендоса?

Лицо женщины осталось безмятежно спокойным. Казалось, она ничего не слышала. Йос-Галан явно услышал: в его светлых глазах появился стальной блеск.

Племиа повернулся к молодому родичу. Медленно, прибегнув к Повелительному наклонению высокого языка, он приказал так, чтобы слышно было всем:

— Вы будете вести себя здесь с подобающей вежливостью!

Как это ни невероятно, но Сав Рид заметно обиделся.

— Конечно, сэр.

Таам беззвучно вздохнул и увидел, как по лицу Лины Фаалдом пробежала тень какой-то реакции. Леди Мендоса села во главе стола. Лорд йос-Галан сел справа от нее. Племиа чуть было не вздохнул громко. Тем самым Корвал продемонстрировал, что поддерживает требования, которые выдвигает Тоделм Мендоса, и заявляет, что его собственные требования менее весомы.

— Следует сообщить присутствующим, — объявил господин дэ-Гаусс, — что от Элдема йос-Галан получено узколучевое сообщение. Оно звучит так... — Тут он взял лист бумаги из лежащей перед ним стопки. — «В настоящем деле между Кланами Племиа и Корвал Тоделм йос-Галан говорит самым голосом клана. Я, Нова йос-Галан, Первый представитель по доверенности, Клан Корвал».

Йос-Галан склонил голову. Его уродливое лицо было строгим.

— Будет так, как нас инструктирует Первый представитель.

Господин дэ-Гаусс отложил лист.

— Для сведения счетов будет принято, что Присцилла Делакура и Мендоса действительно Тоделм. Поскольку она предпочла отделиться от Дома Мендоса с Синтии, она должна также рассматриваться как Делм Мендоса Вне планеты...

— Вне планеты? — воскликнул Сав Рид, прервав пожилого поверенного. — Скорее уж вне закона!

— Сав Рид! — Таам Оланек позволил своему раздражению прозвучать в его голосе. — Я снова напоминаю вам, что я требую от вас вежливости по отношению ко всем, кто здесь присутствует!

— Какая разница, — спросил молодой лиадиец с лихорадочным блеском в глазах, — если эта сука скажет, что оно — Тоделм? Наши счета с Кланом Корвал, который имеет легкомыслие поручить говорить за него этому шуту...

— ВЫ БУДЕТЕ МОЛЧАТЬ!

Волна жара прошла мимо щеки Таама и растворилась прежде, чем он успел осознать, что эти слова прозвучали на высоком лиадийском, в модальности высшей власти в отношении человека без всякого статуса, и что эти слова были сказаны Присциллой Мендоса.

Рядом с ним Сав Рид открыл рот. Горло его напрягалось. Он не издал ни единого звука.

— Ваш Делм, — продолжила женщина на безупречном лиадийском, — будет говорить за вас. Когда потребуются ваши слова, вам будет дозволено говорить.

— В высшей степени правильно, — пробормотал господин дэа-Гаусс.

Таам быстро обвел взглядом присутствующих. Шан Йос-Галан оставался бесстрастным. Начальница порта была озадачена, но спокойна. Глаза Гордона Арбетнота широко распахнулись. Леди Фаалдом смотрела на темноволосую женщину с благоговейным изумлением.

— Клан Корвал, — негромко проговорил лорд Йос-Галан на торговом, — признает свою вторичную роль в переговорах. Долги перед леди Мендоса намного больше и должны быть оплачены. Мы поддерживаем ее требования и руководствуемся ее соображениями.

— Прекрасно.

Племиа кивнул, изо всех сил стараясь не думать о том, чему только что был свидетелем. Рядом с ним сидел онемевший Сав Рид и мелко дрожал.

— Тоделм Мендоса! Я видел предоставленную господином дэа-Гауссом информацию, касающуюся ваших претензий к клану Племиа. Также я слышал от моего родича то, что убедило меня в справедливости ваших претензий. Нет сомнений в том, что Племиа перед вами в долгу. Размер этого долга необходимо установить. Мне интересно услышать ваши соображения по этому вопросу.

Черные глаза смотрели на него совершенно спокойно.

— Сав Рида Оланека необходимо немедленно снять с командования «Даксфланом».

Он напрягся.

— Это решать клану, Тоделм.

— Тогда я требую от клана такого решения, — безмятежно отзывалась она. — Сав Рид Оланек не способен командовать. Если бы завтра его проинспектировала Гильдия Купцов, сэр, то его нашли бы некомпетентным и лишили лицензии. Более того, — она подняла руку, не давая ему протестовать, — я заявляю вам сейчас, сэр, что ваш родич не обращает внимания на честь его экипажа — не только землян, но и лиадийцев. В его груз были включены запрещенные вещества. Относительно беллакезы я могу поклясться, относительно других — только догадываюсь. Он представляет опасность для чести вашего клана, сэр, для чести вашего корабля... и для себя. — Она посмотрела на мужчину, сидевшего справа от нее. — Допускается ли, чтобы я попросила леди Фаалдом высказаться... в качестве целителя?

— Если Племя согласится.

Таам наклонил голову.

— Племя не возражает.

— Целитель Фаалдом!

— Да, леди Мендоса?

— У меня сложилось ощущение, что Сав Рид Оланек... не совсем адекватен. Вы смогли составить свое мнение? Вы не поделитесь им с нами?

Целитель едва слышно вздохнула.

— Мое мнение совпадает с вашим. Сав Рид Оланек безумен. Такую картину я иногда наблюдала, в основном в связи с потреблением опасных наркотиков. Болезненное пристрастие к беллакезе, например, может создать подобную картину.

— Его можно исцелить?

В голосе землянки слышалась искренняя надежда. Таам Оланек посмотрел на нее с изумлением.

Целитель поколебалась.

— Это выше моих способностей.

— Выше всяких способностей, Лина?

Она не готова была сдаться, и изумление Оланека усилилось еще больше.

— На Лиад, возможно, кто-то справится. Думаю, дорога будет длинной и утомительной. — Она снова вздохнула. — Если Племя пожелает, я смогу назвать имена и дать направление.

— Вы очень добры, целитель. Приношу вам мою благодарность.

— Вам понадобятся эти имена, сэр, — сообщила ему леди Мендоса. — Мое второе требование заключается в том, чтобы его исцелили.

— Тоделм, — с глубоким достоинством ответил он, — вам нет нужды этого требовать. Ребенок получит все, что требуется.

Она опустила голову.

— Простите меня, сэр. Я не хотела вас обидеть.

— Никаких обид, Тоделм. Могу я узнать, что еще сопряжено с уплатой долга Клана Племиа?

— Следует напомнить, — вмешался йос-Галан прежде, чем леди снова заговорила, — что было совершено несколько покушений на леди Мендоса, что равносильно жизни всего ее Дома целиком. Первую попытку надо отнести целиком на счет Сав Риды Оланека, который приказал Дагмар Коллиер это сделать. Второй и третий инциденты также лежат на купце Оланеке из-за его неспособности контролировать поступки той, которая находилась у него на службе.

— Есть также практические моменты, — вставил господин дэа-Гаусс. — Невыплаченное жалованье, отступные по контракту, одежда, компенсация опасности для жизни, компенсация за унижения, перенесенные во время службы на «Даксфлане», потеря фамильных ценностей...

— За ценности, — прервал его йос-Галан, — расплатится Клан Корвал, сэр. Факты показывают, что они были уничтожены в отместку за слова, произнесенные капитаном йос-Галаном.

Господин дэа-Гаусс сделал пометку у себя в бумагах.

— Хорошо. Сумма, которую был бы должен Клан Племиа, не будь за ним других долгов, составляет две кантры.

Племиа кивнул. Его удивило то, что женщина получала столь низкую плату, что у нее было так мало имущества.

— Племиа выражает готовность выплатить две кантры в качестве компенсации за все перечисленное.

— Леди Мендоса, — мягко проговорил йос-Галан, — отказалась от своего права на жизнь купца Оланека в качестве компенсации за покушения на ее собственную. Компенсация, установленная Советом Кланов за жизнь пилота первого класса, составляет триста кантр. Следует помнить, что леди Мендоса в настоящее время является воплощением своего семейства и Клана. Следует полагать, что человек в ее положении захотел бы создать прочную основу для своего Дома. Трое детей, полагаю, это вполне разумное количество. Можно не без оснований предположить, что это потомство унаследует врожденные способности пилотов. Значит, девятьсот кантр за нерожденных детей.

Дюжина сотен кантр!

— Справедливая сумма, — пробормотал Племиа, чувствуя, как у него обрывается сердце. — В наши намерения входит полная уплата всех долгов. Однако с разрешения леди Мендоса я предложил бы альтернативный план: Племиа выплачивает сумму в пят-

надцать сотен кантр в течение четырех стандартных лет, причем деньги получаются с прибыли «Даксфлана»...

— Нет! — резко сказала она. — Я не хочу получать деньги от «Даксфлана»!

Он устало поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Леди, заверяю вас, что не всю прибыль «Даксфлан» получал нелегально. Выплата трехсот семидесяти пяти кантр в каждый стандартный год будет гарантирована даже в том случае, если «Даксфлан» не сможет заработать такую сумму. Этот план для вас приемлем?

Она несколько секунд пристально смотрела на него, потом перевела взгляд дальше.

— Господин дэа-Гаусс!

— Да, Тоделм?

— Если Клан Корвал не возражает, сэр, мне хотелось бы, чтобы вы взяли на себя обсуждение этих... деталей. Сумма в двенадцать сотен кантр немедленно или пятнадцати сотен на протяжении нескольких стандартных лет меня устраивает. Помимо этого было бы... утешительно... знать, что вы блюдете мои интересы.

— Корвал не имеет возражений, — вставил лорд йос-Галан, — в том случае, если господин дэа-Гаусс считает, что может взять на себя эту задачу.

— Я принимаю ваше поручение, Тоделм Мендоса. Я почитаю за честь служить вам. — Он наклонил голову. — Возможно, Делм Племиа и я встретимся завтра, чтобы обсудить этот вопрос более подробно.

— Конечно, сэр. Как вам будет угодно.

— Теперь мы переходим, — объявил господин дэа-Гаусс, — к долгам, которые причитаются Клану Корвал. Имели место убытки, намеренно подстроенные Сав Ридом Оланеком. Имело место оплаченное нападение на «Исполнение долга»...

— Корвал, — вмешался йос-Галан, — для сведения счетов выдвигает следующие требования. От Племиа — двадцать кантр в счет убытков от покупки меззик-корня. Капитан йос-Галан также выплатит кораблю двадцать кантр, что послужит ему уроком впредь быть внимательнее. Кроме того, Клан Корвал также настаивает на том, чтобы купца Оланека немедленно сняли с «Даксфлана» и отправили домой, чтобы начать его исцеление. И последнее. Капитан йос-Галан желает поговорить с Делмом Племиа и капитаном йо-Ваад относительно управления торговыми кораблями и планирования торговых маршрутов. Такое обсуждение может принести Племиа выгоду.

Таам Оланек совершенно растерялся, однако сумел кивнуть.

— Племиа соглашается на условия компенсации Клану Корвал.

— Быть посему, — официально провозгласил господин дэ-Гаусс, делая соответствующие пометки.

— Мне кажется, что компенсация также полагается мастеру Арбетноту, — нерешительно проговорил Таам, все еще плохо осознавая, что именно произошло.

— Мне? — Мальчик удивленно посмотрел на него. — Шан! Разве этот... разве Делм Племиа что-то мне должен?

— Ты ведь подвергался немалой опасности из-за того, что делал купец, Горди.

Йос-Галан говорил так спокойно, словно обсуждал второсортную пьесу.

Мальчик нахмурился и покачал головой.

— Единственное, что он мне должен, так это извиниться за то, что называл меня «оно». Но раз его будут показывать целителю, то, наверное, он и сам все поймет, так что все в порядке. Опасности меня подвергла Дагмар, а она заплатила столько, сколько могла. — И тут, как это ни удивительно, ребенок наклонил голову и на вполне приличном высоком лиадийском сказал: — Спасибо, сэр, но полагаю, что мы квиты.

Таам ответно склонил голову.

— Благодарю вас, мастер Арбетнот. Если у вас будет необходимость, то вы всегда можете воспользоваться именем Племиа.

— Спасибо, — снова сказал Горди в ответ на адресованный ему взгляд леди Фаалдом.

Племиа посмотрел на начальницу порта.

— Мадам, я прошу вашей помощи. «Даксфлан» необходимо обыскать и удалить с него все нелегальные вещества. Вы не могли бы проинформировать меня относительно порядка действий в таких случаях?

Она сдержанно кивнула.

— Делм Племиа, я почту за честь вам помочь. Позвольте мне с этой целью посетить вас завтра в полдень.

— Вы очень добры, мадам. Я вас благодарю.

— Полагаю, — сухо объявил господин дэ-Гаусс, — что собрание может быть окончено.

Не встретив возражений, он сложил свои бумаги.

Сидевшие во главе стола два Тоделма встали, поклонились и плавно направились к двери. На пороге женщина повернулась и, подняв руку, начертила в воздухе невидимый знак.

— Сав Рид Оланек, — провозгласила она на высоком лиадийском, — теперь вы можете говорить.

Они прошли в дверь и исчезли.

Таам Оланек почувствовал легкое дуновение — словно лопнул пузырь. Рядом с ним Сав Рид громко разрыдался.

65-й КОРАБЕЛЬНЫЙ ГОД**287-й ДЕНЬ ПОЛЕТА
ТРЕТЬЯ ВАХТА
16.00**

Исполняющая обязанности первого помощника Мендоса направлялась к рабочему кабинету капитана. Трюм номер шесть, пустовавший в течение последних двух месяцев, дразнил память запахами кожи, смолы и пряностей. Она сделала глубокий вдох, а потом с широкой улыбкой выдохнула ароматный воздух. Трудно было поверить в то, что уже через пять часов они выйдут на орбиту Лиад. Трудно было поверить во все то, что произошло за пять месяцев. От библиотекаря любимцев она поднялась до исполняющей обязанности первого помощника. Она чуть не засмеялась, прикладывая ладонь к двери.

Капитан хмуро смотрел на экран компьютера. Его аура носила яркие следы раздражения. При ее появлении он поднял голову и раздражение померкло.

— Привет, Присцилла.

Она улыбнулась, привычно наслаждаясь его аурой.

— Вы хотели меня видеть?

Он ухмыльнулся.

— Прекрасно. Когда сомневаешься, старайся действовать осторожно. Капитану надо обсудить с первым помощником несколько вопросов. Кроме того, первому помощнику полагалось выяснить, что Лина Фаалдом намерена делать со своими проклятыми духами.

Присцилла рассмеялась.

— Она нашла покупателя в Чонселте. Они намерены разливать дистиллят и продавать его по одной кантре за четверть унций. Название «Воспоминания о празднике».

Она замолчала: Шан хохотал.

— Ох, нет! Бесстыдница, бесстыдница! Ей следует переквалифицироваться из библиотекаря в купца, Присцилла! «Воспоминания о празднике», ну надо же! Она опасная женщина. — Он откинулся на спинку стула, продолжая широко улыбаться. — Надеюсь, она зарезервировала какую-то часть для экипажа?

Присцилла кивнула. От наслаждения у нее кружилась голова.

— Все, кто захочет получить часть прибыли духами, могут это сделать. До двух флаконов.

Он снова рассмеялся, уже тише.

— Прекрасно, прекрасно! Налей себе чего-нибудь выпить, Присцилла, и садись.

Она направилась к бару.

— А что вы пьете?

— В настоящий момент — ничего. Но я выпил бы бренди, если ты будешь так любезна мне налить.

Она наполнила две рюмки, подала ему бренди и устроилась в левом кресле.

Шан сделал небольшой глоток, не спуская с нее светлых глаз.

— Ты уже решила, что будешь делать, Присцилла?

— Делать?

Он виновато взмахнул рукой.

— Конечно, ты теперь у нас человек довольно состоятельный. Ты можешь предпочесть вообще ничего не делать. Но скажу тебе откровенно, Присцилла, ничегонеделание — это ужасно скучная работа. — Он задумчиво выпил еще немного. — Не то чтобы многие люди не находили это занятие совсем не утомительным. Например, мой двоюродный брат Пат Рин. Лучшие драгоценности, самые популярные знакомые... Да если бы он не играл в рулетку с подозрительно постоянным успехом, у него вообще не было бы своих денег, а жить на свои четверть доли он не смог бы.

Она улыбнулась:

— Думаю, что хорошего игрока из меня не получится.

— Честно говоря, я тоже. Но ты можешь иметь совсем иные планы. Купить дом, земли, начать переговоры с разными людьми — заложить основу для будущих контрактов и союзов.

— Чтобы создать свой собственный клан! — догадалась она.

— Вот именно — чтобы создать свой собственный клан. В этом ведь нет ничего предосудительного, правда?

Она пригубила вино, изучая своего собеседника. Эмоциональная аура сказала ей слишком мало. Он не был в отчаянии, но она почувствовала... неуверенность, которая примешивалась к желанию, на которое она в последнее время реагировала все более остро.

— Я собиралась инвестировать мои деньги, — негромко сказала она. — Господин дэ-Гаусс любезно предложил мне свои услуги.

Шан приветственно поднял рюмку.

— Как я вижу, Клану Корвал придется искать себе нового поверенного. Господин дэ-Гаусс явно влюбился. Признаюсь, Присцилла, я надеялся, что это всего лишь юношеская влюбленность, которая окажется недолговечной.

Она рассмеялась.

— Скорее уж он находит меня слишком юной для того, чтобы управлять моими собственными делами! Он помог мне получить деньги и статус, и теперь как же он может оставить меня — я ведь могу все испортить!

— Довольно точная оценка меланти господина дэа-Гаусса в данной ситуации, — признал Шан. — Но ты так и не сказала мне, что собираешься делать, Присцилла.

— У вас были известия от Кэйзин Не-Зейм?

Разлетающиеся брови сдвинулись.

— Она благополучно привела «Даксфлан» домой и продолжает тесно сотрудничать с Племиа, пересматривая корабельные порядки и разрабатывая маршрут, который не был бы для них непосильным. Кажется, она надеется показать ему преимущества работы в кооперации с нами, с каковым проектом я и желаю ей успеха. Племиа не слишком понравилась эта мысль, когда я ее высказал ему во время наших разговоров.

— Она рассчитывает закончить свою работу там в такие сроки, чтобы успеть на следующий полет «Долга»?

Новый прилив неуверенности. На этот раз Присцилла знала, что это ее собственная неуверенность.

Шан не скрыл удивления:

— Кэйзин уже довольно давно предупредила меня о своем намерении уйти на покой по окончании этого полета. Как то и положено, что несомненно признал бы господин дэа-Гаусс. В некотором отношении даже удачно, что нам попался «Даксфлан» со всеми его проблемами. Это придало ее мыслям новое направление — отвлекло от... окончания ее карьеры. — Он снова отпил немного бренди. — Капитаном Кэйзин был мой отец, Присцилла. Они вместе управляли кораблем в течение тридцати лет. Ей трудно видеть на его месте другого, хотя она сама помогала готовить меня для этой роли. Она летала с нами так долго только для того, чтобы убедиться, что я справляюсь со своими обязанностями. Ее последний долг по отношению к ее капитану.

— Так вам нужен будет и первый помощник, и второй?

— Безусловно. Что снова возвращает нас к моему первому вопросу, Присцилла. Ты уже подумала о том, что будешь делать? Твой контракт истекает... когда?... через день?

— Через четырнадцать часов, — механически уточнила она.

Ее мысль лихорадочно работала. Она не знает еще очень многого, ей надо еще столько выучить и узнать... А на «Долге» были люди, которые летали тут всю жизнь, с детства до преклонных лет. Кэйзин Не-Зейм служила на корабле пятьдесят лет, тридцать из них — рядом с капитаном. С капитаном, которому она продолжала служить даже после его смерти...

Шан продолжал неспешно пить бренди. Она ощутила в нем напряженность, непонятную сдержанность. Решение надо принять ей самой. «Богиня, какая я дура! Почему мне легче представить себе, что я буду смотреть в его лицо, слышать его голос, ощущать

его эмоции в течение еще тридцати лет, чем подумать о том, чтобы остаться без всего этого хотя бы на неделю?»

Она нервно облизнула губы.

— Если... Я предпочла бы не возобновлять мой контракт второго помощника... — Она ощутила его острую боль, которая мгновенно была подавлена, и поспешно договорила: — ...и заключить новый, как первый помощник!

Ее подхватило звонкое торжество, переплели сложные извивы других эмоций, из которых она смогла выделить страсть, облегчение и радость — и еще что-то, что буквально обожгло ее. Она не смогла определить, что это было: весь хор был почти мгновенно взят под контроль и сдержан так, что стал едва различимым гулом.

— Спасибо тебе, Присцилла.

У нее отчаянно колотилось сердце, она задохнулась от силы его чувств, которые пробудили ее собственные. «Богиня, какое эхо!» — подумала она. Но это было не эхо.

— Присцилла! — Он стоял перед ней, излучая тревогу. — Прости меня.

— Нет. — Она отставила рюмку в сторону, неуверенно протянула к нему руку. Он взял ее обеими руками. — Шан...

— Да, Присцилла?

Она перевела фразу с высокого лиадийского, поскольку правила гласили, что между лиадийцами это делается именно так. Ей было отчаянно важно, чтобы он понял, чтобы не счел ее амбициозной, не знающей своего места выскочкой без клана и родни.

— Ты поделишь со мной удовольствие, Шан?

Его пальцы сжались, и между ними пробежала искра изумленной радости, которая, однако, была притушена чем-то еще. Обратившись в духовную сферу, ее внутренний взор увидел Стену, толстую и глухую, а в ее гладкой поверхности была всего лишь узкая щель. На ее глазах щель стала расширяться, пожирая Стену, пока та не исчезла, и там остался только... Шан.

Теперь она ощущала не просто звук, или ауру, или даже случайное дуновение какой-то незнакомой пряности. Это было все: переплетенное целое, открывшееся ее внутреннему зрению. Шан был без защиты, открылся перед ней полностью.

Присцилла вскрикнула, вскочила на ноги, схватила его за плечи.

— Нет! Шан, ты не должен!

И тогда появилась печаль — хотя и не отчаяние, и духовный ландшафт растаял, снова скрывшись за почти сплошной Стеной. Присцилла бессильно привалилась к Шану: ей мучительно жаль было того, от чего она только что отказалась. Она уткнулась лицом ему в плечо.

— Присцилла, я снова прошу у тебя прощения. — Голос у ее уха был очень нежным. — Я не хотел тебя расстроить.

Она сделала дрожащий вдох и отстранилась от него.

— Я...

Она не находила слов. «Богиня! — подумала она. — Я дважды дура!»

Он вздохнул и подвел ее к дивану. Сев рядом с ней, он взял ее за руку.

— Когда я пришел забрать тебя из полицейского участка в Теополисе, Присцилла, ты сказала одну вещь.

Она напряглась. Что именно из ее обрывочных и путаных воспоминаний было реальностью?

— Ты сказала, — мягко продолжил он, — вот что: «Шан, у меня не было времени убедиться».

Она немного расслабилась. Это она помнила.

— Да, это так.

— Это может оказаться правдой и сейчас, Присцилла. Не надо торопиться. И есть много оснований для того, чтобы... убедиться.

Она пыталась усвоить услышанное, согласовать лиадийское понятие любовного удовольствия с тем, что она испытывает по отношению к нему.

— Я просила... об удовольствии. И ты его хочешь!

— Присцилла, моя самая драгоценная! — Он поднял ее руку, прикоснувшись губами к ее ладони, проведя щекой по кончикам ее пальцев. — Конечно, я его хочу! Но не за счет твоей уверенности. Я был бы тебе плохим другом, если бы согласился на такой обмен. — Он вздохнул. — И я уже тебя рассердил.

— Не рассердил! — запротестовала она, зная, что Шан может прочесть в ней отсутствие этого чувства. — Просто... Шан, это неправильно — так сильно открываться. Позволять кому-то видеть... все, что ты есть.

— Даже когда этот кто-то — мой милый друг? Даже когда я хочу сделать этот дар?

Она открыла было рот, чтобы ответить утвердительно, но не смогла этого сделать.

— Так меня учили, — виновато сказала она. — Мне и в голову не приходило усомниться в этом.

И в этот момент она поняла, как называлось то обжигающее чувство, и к глазам у нее подступили слезы. Действительно, не было времени...

Он ощутил ее понимание и кивнул.

— Есть и другие основания, чтобы не торопиться, как я уже сказал. Например, подумай о своей новой должности. Разве ты хочешь, чтобы люди говорили, будто ты стала первым помощником потому, что ты — любовница капитана?

Она резко подняла голову.

— Это касается только нас, и больше никого!

— Не только нас, — возразил он. — Это — вопрос меланти и командования кораблем. Экипаж должен знать, что двое людей, которые стоят во главе команды, — люди порядочные и надежные. И действительно способны командовать. Когда это будет доказано, ты сможешь взять какого угодно любовника — и столько любовников, сколько пожелаешь! Но тебе ведь действительно еще предстоит пройти очень интенсивную программу обучения, пока ты достигнешь уровня Кэйзин.

Как это ни странно, она почувствовала, что может смеяться.

— Как будто я этого не знаю!

Он широко улыбнулся — с облегчением и восхищенно.

— Ты поживешь на Лиад, Присцилла?

Она кивнула.

— Погошу у Лины, пока не подберу себе собственного дома.

— Хорошо. Тогда у тебя будет надежная гавань на то время, пока мы стоим на причале. А следующий маршрут будет длинным — полный стандартный год. Думаю, этого времени будет достаточно, чтобы все поняли, что получается, а что — нет. — Он еще раз сжал ее пальцы. — Несмотря на все, из нас может не получиться хорошей команды, Присцилла. Такое порой случается.

— Мы — хорошая команда, — заявила она, с изумлением услышав в своем голосе напевность Провидицы. — А станем еще лучше. Самой лучшей.

В серебряных глазах появился озорной блеск.

— Ты говоришь очень уверенно, Тоделм. Не хочешь заключить небольшое пари? Скажем, на кантру? Победитель будет определен на Солсинтре по окончании следующего полета.

— Договорились.

Она ухмыльнулась, удивляясь тому, насколько непринужденно себя чувствует, и читая такое же глубокое спокойствие в Шане. Значит, на каком-то уровне они понимают друг друга. Фигуры танца Богини определяют остальное. Она крепко пожала крупную руку, а потом выпустила ее и встала.

— Доброго сна, мой друг.

— Доброго сна, Присцилла.

Она направилась к двери.

— Присцилла!

— Да?

— Я могу навестить тебя у Лины, Присцилла? Это может прибавить уверенности.

Она улыбнулась, умиротворенная.

— Видеть вас будет для меня глубочайшей радостью.

АГЕНТ ПЕРЕМЕН

Глава 1

1392 (СТАНДАРТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ)

Человек, который не был Терренсом О'Грейди, согласился пойти по-хорошему.

И это, как утверждал Сэм, было неопровержимым доказательством. Терри никогда в жизни не делал ничего по-хорошему, если можно было устроить драчку.

Пит, который шел слева от Сэма позади пленника, не был в этом так уж уверен. По всем приметам они все-таки взяли именно Терренса О'Грейди. У него были курчавые волосы песочного цвета, курносый нос, голубые глаза за архаичными очками в черной оправе, и шагал он, чуть прихрамывая на левую ногу: согласно его досье, хромота досталась ему в память о несчастном случае, когда он занимался горными разработками в астероидах Терадо.

Они остановились у двери, заглубленной в кирпичной стене тупика. Шедший впереди Рас поднял кулак и два раза громко стукнул по толстым криловым доскам.

Они ждали, прислушиваясь к шуму ночного города, доносившемуся из дальнего конца тупика. А потом дверь бесшумно отворилась на хорошо смазанных петлях, открывая взглядам длинный коридор.

Перешагивая через порог, Пит стиснул зубы и уставился в спину идущего впереди человека. Человека, который не был Терренсом О'Грейди. Скорее всего не был.

В этой спине ничего необычного не было: чуть сутулые плечи, немного ниже плеч Пита. В досье говорилось, что Терренс О'Грейди был довольно низким и худым для землянина — на добрых шесть дюймов ниже среднего роста. Это делало его неоценимым напарником для крупнотелого Сэма, который без всяких усилий орудовал тяжелым горнодобывающим инструментом, но не годился для обследования узких проломов, кратеров и трещин, где могли скрываться богатые жилы.

Сэм и Терри заработали на астероидах немалые деньги. А потом Терри бросил добычу, купил себе участок земли с атмосферой и занялся земледелием, воспитанием детей и даже политикой.

А спустя восемь лет Сэм получил от жены Терри сообщение по отраженной связи: Терренс О'Грейди исчез.

Как и положено старому другу, Сэм отправился повидать жену и детей Терри. Он попытался хоть что-то выяснить. Труп найти не удалось, но Сэм объявил Терри погибшим. Тот был слишком упрямым мечтателем, чтобы так сразу все бросить. Если же вспомнить его невезучесть, то до старости ему было никак не дожить.

Сэм говорил, что три года назад Терри убили.

Но в последнее время вдруг появились слухи — а потом и этот человек с лицом мертвого и называющий себя его именем.

Заворачивая за угол, Пит встряхнулся — и чуть было не налетел на пленника.

— Не зевай! — хрипло прошептал Сэм.

Они завернули за следующий угол и оказались в ярко освещенном пустом офисе.

Человек, который не был Терренсом О'Грейди, чуть было не улыбнулся.

С этого момента он уже знал расположение всех четырнадцати помещений дома, напряжение в розетках, местонахождение всех окон и дверей, температуру воздуха и даже узор и расцветку ковровых покрытий.

В его мысленном Контуре значение 0,7 сменилось на 0,85. Спустя мгновение вторая цифра поменялась с 5 на 7. Первая дробь показывала Вероятность Выполнения Задания, вторая — Вероятность Личного Выживания. В последнее время ВВЗ была значительно выше ВЛВ.

Его охранники остановились у лифта, и обе цифры увеличились еще на одну десятую. Когда дверцы лифта раздвинулись на третьем этаже, Контур замерцал и отключился: чем ближе начало действий, тем менее точными становились расчеты.

Письменный стол был потрясающе красив — тиковое и красное дерево с инкрустацией, импорт с Земли.

Человек, сидевший за столом, тоже был импортирован с Земли, но красивого в нем ничего не было. У него было брюшко и агрессивная черная борода. На сверкающем дереве лежали переплетенные изнеженные пальцы. Он рассматривал пришедших с вялым интересом.

— Благодарю вас, джентльмены. Вы можете отойти от пленного.

Рас и Шкипер отошли назад, оставив у стола мистера Джигера человека, который не был Терренсом О'Грейди.

— Мистер О'Грейди, я полагаю? — промурлыкал Джигер.

Коротышка слегка поклонился и выпрямился. Руки его свободно висели по швам.

Погрузившийся в бороду Джигер нахмурился. Ухоженный ноготь постучал по крышке стола.

— Вы не Терренс О'Грейди, — решительно объявил он. — Эти приборы показывают, что вы даже не землянин. — С неожиданной для столь холеного типа стремительностью он вскочил, хлопнув руками по столу. — Вы, черт вас побери, шпион этих вырожденцев, вот вы кто, мистер... О'Грейди! — прорычал он.

Пит содрогнулся, а Сэм ссутулил плечи. Рас судорожно сглотнул. Пленник пожал плечами.

На секунду все потрясенно застыли. А потом Джигер выпрямился и вышел из-за стола. Усевшись на него, он заправил большие пальцы за петли брюк и посмотрел вниз на пленника.

— Знаете, мистер... О'Грейди, — непринужденно проговорил он, — вы, вырожденцы — все вырожденцы, а не только гуманоиды, — похоже, решили, что мы, земляне, за себя постоять не можем. Что мощь Земли и настоящих людей — это такая шутка.

Он покачал головой.

— Икстранцы нападают на наши миры и захватывают наши корабли, лиадийцы подмяли под себя всю торговлю, черепахи нас в упор не видят. Нас заставляют платить чудовищные пошлины в так называемых федеративных портах. И заставляют платить в кантрах, а не звонких земных монетах. Наши законы попираются. наших людей высмеивают. Или выдают себя за них. Или убивают. И нам это надоело, О'Грейди. Очень надоело.

Невозмутимый коротышка продолжал стоять неподвижно, а на его лице отражалось вежливое внимание.

Джигер кивнул.

— Вам, вырожденцам, пора научиться относиться к нам, землянам, серьезно. Может быть, даже с уважением. Уважение — это первый шаг к справедливости и равноправию. И чтобы продемонстрировать вам, как я верю в справедливость и равноправие, я собираюсь кое-что с вами сделать, О'Грейди. — Он резко подался вперед, так что его борода оказалась в четверти дюйма от гладкого лица пленника. — Я собираюсь разрешить вам со мной говорить. Прямо сейчас. Вы расскажете мне все, мистер О'Грейди: как вас зовут, с какой планеты вы родом, кто вас послал, сколько у вас было женщин, что вы ели на ужин, зачем вы здесь... Все расскажете.

Он выпрямился и снова вернулся за стол. Сложив руки на полированной крышке, он улыбнулся.

— Когда вы это сделаете, мистер О'Грейди, я, может быть, позволю вам жить.

Коротышка рассмеялся.

Джигер резко выпрямился и хлопнул ладонью по скрытой кнопке.

Пит с Сэмом бросились влево, Рас со Шкипером — вправо. Пленник не пошевелился — и в него ударила струя воды под высоким давлением, отбросив назад так, что он врезался в стену. Прижатый потоком воды, он пытался прорваться к окну.

Джигер выключил водяную пушку, и пленник упал на пол. Искореженные очки оказались в паре футов от его протянутой руки.

Рас дернул его за обмякшую руку и поставил на ноги. Коротышка пошатнулся и выпрямился, подслеповато глядя по сторонам.

— Ему нужны очки, — сказал Пит, наклоняясь за сломанной древностью.

— Никакие очки ему не нужны! — возразил Рас, гневно глядя на пленника.

Коротышка близоруко прищурился на него.

— А, какого черта! Отдай их ему.

Рас толкнул пленника к столу. Пит подошел ближе.

— Мистер Джигер? — робко проговорил он. Ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Ну?

— Если он не О'Грейди, то почему вода не смыла с него грим или что там у него?

Иллюстрируя свою мысль, Пит схватил коротышку за светлые завитки и сильно дернул. Тот поморщился от боли.

— Операция? — предположил Джигер. — Имплантаты? Инъекции и глубокая настройка кожи? Это не важно. А важно — и для него, и для нас — только одно: сканер показал, что он вырожденец. А Терри О'Грейди вырожденцем не был, это точно.

Он снова сосредоточился на пленнике, который пытался вытереть очки краем промокшей рубашки.

— Ну, мистер О'Грейди, выбор за вами. Быстро говорить или медленно умирать?

В наступившей тишине Пит пытался не слышать отчаянный стук собственного сердца. Он терпеть не мог этот этап работы.

Коротышка вдруг резко нырнул в сторону, ушел от Раса, увернулся от Шкипера и Сэма. Швырнув Питу под ноги стул, он метнулся к столу. Сэм успел его схватить — и неожиданно взлетел в воздух. Коротышка швырнул в Джигера сломанные очки и прыгнул к окну.

Джигер, вскочивший с ревом, машинально очки эти поймал. Бывший пленник завертелся между Расом и Шкипером и отскочил в сторону, так что они налетели друг на друга. Он успел выскочить в окно раньше, чем Пит почуял запах акронита и бросился в сторону коридора.

Взрыв убил Джигера, отшвырнув Пита еще на десять футов — в безопасность.

Глава 2

С одежды капала вода. Беглец держался переулков, бесшумно передвигаясь по самым темным углам. Где-то к западу резко завывали сирены, но он прошел несколько кварталов, так и не увидев полицейских автомобилей.

Он призраком проскользнул по узкому переулку и скрылся в неосвященном вестибюле. Спустя две минуты он уже открывал дверь своей квартиры.

Оставленные им контрольные знаки были на месте, и коротышка несколько расслабился. Хозяин не увидел ничего странного в том, что кому-то нужна квартира, чтобы «было куда деваться, когда человеку захочется разнообразия». Гораздо больше его заинтересовала перспектива заработать несколько монет по секрету от налоговиков.

Человек вошел в спальню, и там зажегся свет. Вошедший стянул рубашку через голову, растянул стягивавший талию ремень и направился в ванную.

Включив душ, он сбросил сапоги и брюки. Оставшись нагишом и чуть дрожа от холода, он открыл стоявшую на умывальнике корбочку и вытащил оттуда три пузырька.

Теперь, когда задание было выполнено, показатель ВЛВ у Контура поднялся до 0,9 — что не могло не радовать. Человек вздохнул и повысил свои шансы, открыв первый из пузырьков.

Он начал втирать вонючий лиловый гель в свои песочного цвета кудри, недовольно морща нос и ежась, когда пальцы попадали в колтуны. Тщательно смазав обе брови, он с облегчением закрыл пузырек.

На второй пузырек он посмотрел с глубоким отвращением. Приблизившись к зеркалу, он несколько секунд всматривался в льдисто-голубые глаза под лиловыми бровями, а потом неохотно открыл крышечку с пипеткой и твердой рукой закапал в каждый глаз по две капли раствора, шумно выдыхая воздух сквозь зубы.

По щекам потекли слезы. Моргая, он медленно считал про себя. Когда вернулась способность четко видеть, он снова приблизился к зеркалу, запустив палец в рот. Из-за щек были извлечены вставки из упругого материала. Человек снял с зубов коронки, выплюнул их, после чего принялся за скобу, изменявшую форму подбородка. Вытащив ее, он осторожно подправил форму ушей и носа, с удовлетворением глядя, как к ним возвращаются знакомые очертания.

Последний пузырек он взял с собой под душ. Его содержимое оказалось ярко-зеленым, липким и еще более вонючим, чем предыдущие составы. Он натер этой жижей всю поверхность кожи,

причем старался не дышать, покрывая себе лицо. На счет «пять» он встал под водопад горячей воды и ахнул от боли в щеках, подбородке и носу.

Спустя десять минут он уже насухо вытирался: стройный молодой человек с прямыми темными волосами и зелеными глазами, глубоко посаженными на скуластом лице с золотистой кожей. Расчесав пальцами волосы, он быстро прошел в спальню. Плечи он держал прямо, двигался плавно и уверенно.

Он облачился в темные кожаные брюки и жилет, холщовую рубашку и мягкие высокие сапоги, застегнул на поясе широкий ремень и проверил кобуру с пулевым пистолетом. Самый важный клинок он спрятал в левый рукав, метательный нож отправился в ножны в задней части воротника. В ремённом кошельке оказались вполне приличные денежные средства и достаточно убедительные документы. Зашелкнув кошелек, он осмотрелся.

Документы Терренса О'Грейди и опустевшие пузырьки из-под составов отправились в карманную мусоросжигалку. Снятую одежду он смял было, но глянул на дымоуловитель и решил распорядиться ею иначе.

Еще раз быстро пройдясь по квартире, он убедился, что в ней все в порядке. Если он собирается попасть на последний шаттл до Первой станции, ему пора отправляться.

Он бросил десятку на стол, чтобы она попалась на глаза хозяину, взял узел с одеждой и выключил свет.

Приблизившись к космопорту на три квартала, он смело прошел через полосу света: явно либо сторож, либо грузчик, направляющийся на ночную смену. Одежда уже валялась в трех разных проулках, и он не сомневался, что на такой планете, как Лафкит, для нее скоро найдутся новые владельцы.

Ночь стояла необычайно тихая. Улица, по которой он шагал, была пуста. Он резко свернул в переулок. Интуиция подсказала ему, что вокруг слишком уж тихо. Заметив, что остановленная в дальнем конце улицы машина очень похожа на патрульную, он растворился в темноте и свернул еще раз, направляясь к порту под углом.

Темный переулок странно изгибался. Громады складов заслоняли собой прожекторы космопорта. Полагаясь на слух и прекрасно развитое чувство направления, коротышка двигался бесшумно, хотя и не очень быстро.

Звук выстрела из пулевого оружия заставил его напряженно замереть, определить, откуда он донесся, и подождать продолжения. Оно последовало. И не одиночный выстрел, а целая канонада. Положив руку на кобуру, он осторожно двинулся на шум.

Переулок повернул еще раз и вышел к освещенной площадке, где вокруг погрузочной платформы рассыпались пятеро вооружен-

ных людей, пригибаясь позади грузовых контейнеров и тележек. Перед платформой рыжеволосая женщина прижимала дуло пистолета к горлу какого-то землянина, используя его тело как щит между собой и остальными пятью.

— Ребята, ради Бога! — хрипло вопил заложник. — Я отдам вам мою долю. Клянусь, отдам! Просто сделайте, как она...

Один из прятавшихся за контейнером шевельнулся. Заложник напрягся, испуганно засипев. Женщина бросила его и нырнула под ненадежную защиту деревянного ящика. Под пулями от него полетели щепки, и она откатилась в сторону, забыв про убегающего заложника. Один из пятерых нападавших приподнялся, чтобы стрелять.

Пистолет коротышки отрывисто рывкнул — и убийца повалился на контейнер. Из мертвых пальцев выскользнул пистолет.

— Сюда! — завопил один из спрятавшихся. — Тут кто-то...

Пуля просвистела у коротышки над плечом, и он бросился в укрытие, равно проклиная интуицию и инстинктивную реакцию. У платформы женщина успела вскочить и непринужденно вывела из игры еще одного своего противника. Коротышка обнаружил, что стал объектом пристального внимания еще одной убийцы, и хладнокровно проделал три дыры в контейнере, за которым она пряталась. Оттуда донесся вскрик — и все.

Неожиданно последние двое убийц выскочили из-за укрытий и бросились на рыжеволосую, беспорядочно стреляя. Она нырнула за контейнер и стала отстреливаться, но они продолжали бежать, хотя на рукаве бежавшего впереди мужчины начало расплываться алое пятно.

Коротышка тщательно прицелился. Бегущий впереди упал. Спустя долю секунды выстрел женщины прикончил последнего из пяти.

Мужчина осторожно вышел из-за укрытия и поднял руку в приветственном жесте.

Сваливший его без сознания удар был полной неожиданностью.

Одному удалось убежать, что было плохо.

Рыжеволосая вернулась в переулок и, наклонившись, пощупала темноволосую голову и проверила пульс у основания тонкой шеи. Застыв неподвижно, она отсчитывала его бисние в течение целой минуты, а потом села на пятки, бессильно опустив руки на колени.

— А, дьявол!

Она посмотрела на темную фигуру незнакомца, мысленно приказывая ему прийти в себя, взять пистолет и скрыться.

«Тебе сегодня не везет, Робертсон, — мысленно сказала она себе. — Этот парень спас тебе жизнь. Ты хочешь его здесь оставить?»

Называя себя последней дурой, она подняла оброненный пис-

толет и заправила его себе за пояс. А потом она наклонилась, покрепче ухватила незнакомца и взвалила его на себя.

«Слава Богу, — подумала она спустя какое-то время, опуская свою ношу на расколотые плитки пола, — что существуют роботакси». И еще она могла благодарить Бога за идиотское везение: на улице никого не было, когда машина остановилась, не появился никто и за все то время, пока она волокла безжизненное тело по тротуару и затаскивала его в дом.

Она вздохнула, распрямляя спину и расслабляя мышцы плеч, заранее предчувствуя, как сильно они будут болеть завтра. Она не ожидала, что такой коротышка может оказаться таким тяжелым, хоть он и был ростом выше ее. Впрочем, все были выше ее.

Наклонившись, она расстегнула защелку на кошельке незнакомца и вытащила оттуда пачку документов. Бесшумно присвистнув, когда подтвердилось очевидное, она снова сложила пачку, не сводя глаз с безжизненного лица.

Высокие скулы, плавно сходящие к острому подбородку, крупный рот, прямые брови над закрытыми глазами, густые блестящие волосы, упавшие на гладкий золотистый лоб... Юношеское лицо, хотя по документам ему тридцать стандартных. Гражданин Лиад. А, черт бы его побрал!

Она вернула документы на место, закрыла кошелек, а потом отошла на безопасное расстояние и уселась на полу, подобрав под себя ноги. Машинально вынув шпильки из уложенной вокруг головы косы, женщина начала ее расплетать, не спуская пристального взгляда с неподвижно лежащего мужчины.

«Скорее всего, — сказал он себе, — у тебя разбит череп. А еще вероятнее, ты остался без денег, без пистолета и без ножей, что чертовски некстати. Если еще и Среднереченский нож пропал, оправдаться будет непросто». Тем не менее, решил он, не открывая глаз, получить шанс прийти в себя — это уже большая удача для человека с расколотым черепом и полным отсутствием мозгов.

Он открыл глаза.

— Привет любителю острых ощущений.

Она сидела по-турецки на разбитых плитках кафеля и заплетала свои медные волосы в длинную косу. Ее кожаный костюм был темным, как и его собственный, а белая рубашка свободно зашнурована серебряной тесьмой. Одна рука перевязана черным шарфом, пристегнутый к бедру пистолет казался приемлемо смертоносным.

Она ухмыльнулась:

— Как черепушка?

— Жить буду.

Он медленно сел, с удивлением заметив, что нож остался у него в рукаве.

— Интересная теория.

Он невозмутимо посмотрел на нее, отметив разворот плеч и обманчиво мягкие движения пальцев, заплетающих косу. А потом вспомнил, как хорошо она держалась во время перестрелки. Контур показал, что он может ее устранить — если понадобится. Но для верности ему придется ее убить: она знает свое дело, и просто отнять у нее оружие не получится.

Он дал расчетам погаснуть, слегка удивившись тому, что ему не хочется ее убивать.

Громко вздохнув, он сел по-турецки, намеренно скопировав ее позу, и положил руки себе на колени.

Она снова ухмыльнулась:

— Крепкий парень.

Это прозвучало похвалой. Она закончила плести косу, завязала ее конец узлом и закинула за спину. Изящная рука легла на рукоятку пистолета.

— Ну, скажи мне, крепкий парень, как тебя зовут, что ты здесь делаешь и на кого работаешь? — Она наклонила голову. На ее лице не было и тени улыбки. — Считаю до десяти.

Он пожал плечами.

— Меня зовут Коннор Филлипс, я суперкарго, раньше служил на свободном торговом корабле «Салин». Сейчас болтаюсь без дела.

Она засмеялась, вытащила пистолет и сняла его с предохранителя.

— У меня слабость к красавцам, — ласково сказала она, — поэтому я дам тебе вторую попытку. Но на этот раз говори мне правду, крепкий парень, или я разнесу твое лицо на все четырнадцать простых пунктов, и тебя вместе с ним. Аккази?

Он медленно кивнул, не сводя с нее глаз.

— Давай.

— Меня зовут...

Он недоуменно замолчал: похоже, удар по голове действительно повредил ему мозги. Но предчувствие настолько сильное...

— Меня зовут Вал Кон Йос-Фелиум. Лиадийский агент. Я очутился здесь, потому что только что выполнил задание и спешил попасть на шаттл, когда оказался у погрузочной платформы, где некая женщина и еще несколько типов немножко поссорились. — Он выгнул бровь. — Полагаю, шаттл улетел?

— Четверть часа тому назад. — Устремленные на него серые глаза оставались непроницаемыми. — Лиадийский агент?

Он вздохнул и развел руками, повернув открытыми ладонями вверх — это был его собственный жест.

— Наверное, меня можно назвать шпионом.

— О! — Она поставила пистолет на предохранитель, убрала его в кобуру и кивнула ему. — Это мне нравится. Очень нравится. — Она медленно вытащила из-за пояса его пистолет, бросила ему, а потом кивнула на дверь. — Проваливай.

Его левая рука стремительным движением поймала пистолет. Убирая его в кобуру, он покачал головой.

— А как же ответное представление? Кто ты, чем занимаешься, на кого работаешь? — Он неожиданно улыбнулся. — У меня из-за тебя такая головная боль...

Она снова указала на дверь.

— Двигай. Убирайся. Исчезни. Уходи. — У нее в руке снова появился пистолет. — Это твой последний шанс.

Он наклонил голову и с легкостью встал на ноги — и увидел, что она тоже стоит, уверенно наставив пистолет ему в живот.

«Весьма деловая особа, что и говорить», — подумал он с улыбкой.

— У тебя, случайно, не найдется расписания шаттлов? Похоже, мои сведения устарели.

Она нахмурилась.

— Нет. Двигай давай, крепкий парень. Расписание в этой дыре найдется в любой информбудке. — Ствол пистолета чуть отклонился в сторону двери. — Мне твое общество надоело. Аккази?

— Понимаю, — пробормотал он.

Он отвесил ей поклон, как равной. А в следующую секунду уже оказался за дверью, определяя свое местоположение, прислушиваясь к ночи.

Через мгновение он уже определился: яркое сияние на... ну, да, на востоке... это космопорт. Он оказался несколько дальше от цели, чем в тот момент, когда так не вовремя закемарил. Вроде бы недалеко от того района, где Терренс О'Грейди снимал вторую свою квартиру.

Звуки за дверью говорили, что там кто-то деловито двигается. Он опознал в этом шуме перемещения человека, у которого нет времени, но который действует быстро, спокойно и целенаправленно. Его уважение к рыжеволосой женщине возросло еще больше.

Он сосредоточил свое внимание на улице. В полуквартале от двери под уличным фонарем стояли двое мужчин, которые о чем-то тихо совещались, наклонив друг к другу головы. Из подворотни справа донеслись неспешные шаги двух пар ног: прогуливаются двое друзей.

Он оторвался от темной стены и энергично зашагал по улице: человек, который знает, куда идет, но особо не спешит.

Мужчины под фонарем, похоже, обсуждали ставки на какое-то спортивное соревнование, сравнивая официальные прогнозы со своими собственными соображениями. Он миновал их, почти не взглянув, направляясь к голубому свечению информбудки на дальнем углу квартала. Мимо него прошла еще пара: они под ручку направлялись к зданию, откуда он только что вышел.

Он двинулся дальше, и вскоре слух сказал ему, что за его бесшумными шагами эхом движется еще одна пара ног. Включился Контур, сообщая шансы немедленного нападения: достоверность 0,98. Его шансы на выживание в течение ближайших десяти минут составляли 0,91.

Информбудка возвышалась справа от него: свет голубой полусферы играл в вечернем тумане аляповатыми призраками. Он решительно повернул в ее сторону, ускоряя шаги. Тот, кто шел следом, тоже прибавил шагу, чтобы не отстать.

Он оказался у двери и неловко дернул дверную ручку. Ему на плечо легла рука — и он позволил себя повернуть. Его руки действовали со смертоносной точностью.

Мужчина упал, не издав ни звука. Вал Кон опустил на одно колено, убедился в том, что шея незнакомца сломана, — и в следующее мгновение уже снова был на ногах: он бежал обратно.

Он пронесся мимо опустевшего фонарного столба и нырнул в более глубокую тень, созданную конусом света, ощутив запах чистого ночного воздуха — и чуть заметный оттенок грубого одеколона.

Они стояли перед зданием неровным полукругом, повторяя тот же маневр, который так недавно привел к катастрофическим результатам. Одна пара стояла у ограды, отгораживавшей проход между домами, а еще трое — на некотором расстоянии друг от друга, дальше от света. Неверная тень с запахом дешевого одеколона поместилась у самой двери, чтобы либо убить ее на выходе, либо напасть неожиданно, если она побежит.

Вал Кон решил, что бежать она не будет.

Он опустил на одно колено, ожидая, чтобы наблюдатели начали действовать, — и надеясь, что та женщина предвидела такой неприятный поворот событий и подготовила себе запасный выход. Возможно, она уже сейчас находится в новом убежище и посмеялась бы, узнав, что он вернулся.

Неужели она отправила его на смерть — чтобы он отвлек на себя ее преследователей, пока она будет скрываться? Он на секунду задумался об этом, но тут же отбросил эту мысль: открылась дверь и она вышла из дома.

Он вскочил на ноги и бесшумно побежал.

Женщина закрыла дверь, и убийца у дверей начал действовать. Что-то — шум? движение в полумраке? мысль? — выдало его на секунду раньше, чем ему было бы нужно, и она нырнула вперед, ударившись о землю плечом и сделав перекат. Но выстрел ее запоздал. Убийца был уже над ней...

Он ахнул, уронил оружие и скрюченными пальцами схватился за шею, а она продолжала катиться. Ее пистолет кашлянул два раза, причислив к мертвым двоих медлительных мужчин. Словно изда-лека она услышала еще три резких выстрела и почему-то определенно почувствовала, что рядом легли еще три трупа.

Справа — двое мертвых. Слева — еще трое безжизненно сгрудились у ограды. И четвертый — стоит прямо, держа руки на уровне пояса ладонями к ней.

Она настороженно застыла в пугающей тишине и поманила его к себе пистолетом.

— Эй, крепкий парень! — позвала она хрипловатым шепотом.

Он подошел, опустив вниз безоружные руки, и остановился на таком расстоянии, что мог бы ее схватить. Она инстинктивно отступила на полшага, но тут же рассмеялась и снова шагнула к нему.

— Спасибо, — сказала она, и ее голос прозвучал уже более уверенно.

Она убрала пистолет и кивнула в сторону одинокого убийцы.

— А с ним что? Я уже решила, что он меня сделал. И тут он берет и падает!

Вал Кон прошел мимо нее и присел рядом с убитым, стараясь не попасть в лужу крови. Она подошла и встала у него за спиной, заинтересованно наклонившись.

Он перевернул труп и оторвал руки, прижатые к липкому горлу.

— Нож, — пробормотал он, извлекая лезвие из раны и обтирая о рубашку убитого.

— И даже не лазерный клинок! — изумленно сказала она. — Необычная игрушка, правда?

Он пожал плечами и вернул клинок в ножны за воротником.

Она скорчила гримасу в сторону убитого.

— Ну и месиво!

Почувствовав, как он вдруг напрягся, она быстро посмотрела ему в лицо:

— Новые гости?

— Кажется, вы здесь пользуетесь популярностью. — Он предложил ей согнутую в локте руку. — Приглашаю вас на ужин, — с улыбкой сказал он. — Надо бы стряхнуть их с хвоста.

Она вздохнула, сделав вид, что не заметила предложенной им руки.

— Хорошо. Двигаем.

Спустя мгновение мертвецы остались на улице одни.

Глава 3

В продымленном припортовом гриль-баре было полно смазчиков, водителей буксиров, заправщиков и местного уличного сброда. Две женщины играли на гитарах, создавая надоедливый и туповатый музыкальный фон, а в перерывах между номерами поглощали свою плату в виде еды и напитков.

Рыжеволосая устроилась у стены поудобнее, обхватив ладонями тепловатую кружку с местным кофету и разглядывая своего слутника, пока он разглядывал посетителей. Добираясь сюда, они сменили три роботакси, а также несколько частных машин. Выполняя роль добровольного наблюдателя, она убедилась, что они оторвались от преследователей, но ее сосед явно не хотел рисковать.

— А теперь, — негромко проговорил он, продолжая следить за помещением, — ты можешь начать с того, что назовешь мне свое имя, а дальше пойдешь по списку.

Она молча продолжала пить кофету, и он повернулся и посмотрел на нее ничего не выражающими зелеными глазами. Она вздохнула и отвела взгляд.

Двое заправщиков бросали кости за угловым столиком. Она рассеянно наблюдала за игрой, автоматически подсчитывая мелькающие очки.

— Робертсон, — сказала она ломким шепотом и откашлялась. — Мири Робертсон. Отставной солдат-наемник, телохранитель без работы. — Она снова посмотрела ему в лицо. — Извини за беспокойство. — Она помолчала и снова вздохнула, потому что следующую фразу произнести было гораздо труднее. Она не часто говорила эти слова. — Спасибо за помощь. Она была мне нужна.

— Так мне показалось, — согласился он, продолжая говорить на земном без всякого признака акцента. — Кому нужна твоя смерть?

Она махнула рукой.

— Кажется, очень многим.

Зеленые глаза снова устремились на нее.

— Не пойдет.

— Нет?

В уголке его рта чуть заметно билась жилка. Он справился с тиком и снова начал наблюдение за баром.

— Нет, — тихо повторил он. — Ты не дура. Я не дурак. Так что тебе следует найти другой способ мне солгать. Или, — добавил он тоном человека, стремящегося быть справедливым, — ты могла бы сказать правду.

— И с чего бы я стала это делать? — удивилась она, сделав еще глоток отвратительного напитка.

Он вздохнул:

— Тебе не кажется, что ты у меня в долгу?

— Так я и знала, что ты об этом вспомнишь! Можешь сразу забыть об этих штучках, залетный. В этой юмореске лиадиес — ты. Земляне очки не считают.

Он вздрогнул почти незаметно — она едва заметила. Но когда она быстро подняла глаза, он с совершенно спокойным лицом продолжал наблюдать за завсегдатаями бара.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего. — Он поудобнее привалился к стене. — Ладно, тогда более убедительная причина. Тот, кто хочет тебя убить, к этому времени уже должен был связать нас с тобой, и охота идет уже на нас двоих. Мой новый враг — это один человек, у которого есть деньги, чтобы купить услуги других? Или группа, которую мы почти всю перебили? Я могу спокойно улететь с этой планеты, или по возвращении домой я обнаружу у очага моего Клана наемных убийц? — Он помолчал. — Твоя опасность — это моя опасность. Твоя информация может спасти мне жизнь. Я хотел бы остаться в живых. Для солдата позорно не знать своего врага! — Он повернул голову, чтобы снова взглянуть на нее, и приподнял одну бровь. — Этой причины достаточно?

— Достаточно.

Она допила остаток кофету и поставила кружку на столик. Устремив взгляд на растрескавшийся пластик, она снова прислонилась к стене.

— Половину стандартного года назад я ушла из корпуса наемников, — начала она совершенно ровным голосом. — Решила где-то осесть, узнать какую-то одну планету, пожить спокойно... Нанялась телохранителем в одном месте под названием Наоми. Масса богатых параноиков уезжают туда, когда уходят на покой. У всех есть телохранители. Признак статуса.

Короче, на третий день на бирже меня нанял человек, который назвался Болдуином. Сиром Болдуином. Заплатил мне вперед за три месяца. Чтобы продемонстрировать свою надежность.

Она покачала головой.

— Ему действительно нужна была охрана. Я работала на него пять-шесть местных месяцев. Время от времени гадала, чем же он таким занимался, что ему теперь нужна такая охрана...

Она замолчала: к ним подошел официант, который подлил ей в кружку еще кофету, а Вал Кону — чаю.

— И? — поторопил он ее, как только официант отошел.

Она пожала плечами.

— Оказалось, что раньше Сир Болдуин был другим человеком. И этот человек работал на Хунтавас. Про Хунтавас слышал, крепкий парень?

— Межпланетная преступная сеть, — пробормотал он, продолжая смотреть в глубь бара. — Наркотики, азартные игры, проституция, контрабанда. — Он бросил быстрый взгляд на ее лицо. — Крупные неприятности.

— Ты сам захотел знать.

— Да. Что было потом?

— Наверное, ему эта работа надоела. Ушел на покой, не выплачив неустойки. Прихватил с собой малость наличных и конфиденциальную информацию. Наверное, всем кушать хочется...

Оказалось, что я защищала его от его прежних коллег. Они его выследили и потребовали заплатить «по справедливости».

Она отхлебнула кофету, который ей совершенно не хотелось пить, и покачала головой.

Молчание затянулось. Подавив желание прикоснуться к ее плечу, Вал Кон попробовал тихо спросить:

— И что? — Когда второе «И что?» не вызвало никакой реакции, он резко бросил: — Мири!

Его оклик был похож на щелчок пальцев перед самыми глазами.

Она вздрогнула и подняла глаза. Лицо ее было сведено гримасой.

— Он устроил двойную уловку. Всех надул. Болдуин созвал всех домохозяев — от повара до младшей горничной. Сказал, что нас хотят захватить. Что нам надо сражаться.

Вся прислуга сражалась — а большинство никогда раньше и пистолета-то в руках не держали! Мы отказались впускать приятелей Болдуина, а когда они стали настаивать, мы тоже стали настаивать. Неприятно смотреть, когда вот так приходится биться неумехам... Когда я поняла, что нам не выстоять, я преданно отправилась искать моего нанимателя, чтобы исполнить свой последний долг. Я ведь была его телохранителем, так?

Она пожала плечами и выпила еще немного кофету.

Вал Кон вопросительно посмотрел на нее.

— Ты не понял? Он исчез. Сбежал. Смылся. Оставил нас сражаться и умирать. Кажется, пятерым из нас удалось уйти. Значит, четырнадцать не смогли. Садовник не смог. Горничные не смогли. Повар... не знаю. Когда я видела его в последний раз, вид у него был неважный.

Она снова пошевелила плечами, но не совсем ими пожала.

— Не знаю, кого еще им удалось выследить, но я была его телохранителем, все законно, с контрактом и регистрацией. Им понадобилось всего два часа, чтобы сесть мне на хвост.

Она пару минут пристально смотрела ни на что в особенности, а потом снова сделала глоток из кружки.

— Я прилетела сюда, потому что тут один человек должен мне деньги, и есть одна подруга, которая... кое-что для меня хранит. Мне лучше бы все забрать. Не уверена, что снова смогу попасть в этот сектор...

Мужчина рядом с ней сидел молча. Она заставила себя успокоиться, отпить кофету, чтобы чем-то себя занять. Мысленно она стала перебирать знакомых, раздумывая, где можно провести ночь, раз уж у нее эта ночь появилась.

Скамья закрипела — и она вышла из задумчивости, встретившись с решительными зелеными глазами.

— Ты пойдешь со мной, — объявил он тоном человека, который все взвесил и принял решение.

— Я — что?

Он копался у себя в кошельке.

— Ты пойдешь со мной. Тебе понадобятся новые документы, новое имя, новое лицо. Все это будет обеспечено.

Он поднял руку, оборвав ее протесты.

— Лиадийцы считают очки, не забыла? Долг работает в обе стороны.

Он бросил на стол горсть земных монет, расплачиваясь за ужин, а потом встал и двинулся к выходу, не проверяя, идет ли она следом.

Спустя секунду она пошла.

Такси высадило их у скромно освещенного белокаменного здания в зажиточной части города. Дверь в вестибюль бесшумно распахнулась, и Вал Кон двинулся по огромному перканскому ковру. Его отражение в зеркальных стенах не отставало от него.

Мири приостановилась у двери, не доверяя яркому свету. Мысленно называя себя последней дурой, она зашагала по ковру и оказалась за спиной своего спутника в тот момент, когда он извлек палец из прорези замка и сказал в микрофон швейцара: «Коннор Филлипс».

Пульт загудел, шель открылась и оттуда выехал большой, украшенный завитушками ключ. Вал Кон просунул указательный палец левой руки в кольцо и с полуулыбкой повернулся к Мири.

— Поднимаемся на два этажа, — тихо произнес он, направляясь к раздвижным дверям.

Мири шла следом, отстав на полшага. Она позволила ему вызвать лифт, войти в него первым и выйти, когда кабинка остановилась.

Коридор оказался немного темнее, чем вестибюль внизу, и Вал Кон приостановился, а потом двинулся дальше. Мири решила, что он прислушивался. Он повернул голову из стороны в сторону, и в развороте его плеч немного убавилось напряженности. Нелепый ключ он вставил в скважину второй двери слева.

Дверь отъехала в сторону, и в квартире загорелся свет. Они перешагнули через порог. Мири остановилась в проеме, опуская руку к пистолету.

Дверь за спиной со вздохом закрылась.

Пройдя в комнату, Вал Кон обернулся, приподняв одну бровь и демонстрируя развернутые ладони.

— Я ничего плохого тебе не сделаю. — Он опустил руки. — Я слишком устал.

Она осталась на месте, осматривая комнату.

Перед ней из большого окна открывался вид на ночной город. Рядом стоял просторный диван с подушками, напротив него — два мягких кресла и стол. Справа оказалась омнихора с закрытой от пыли клавиатурой. Еще правее закрытая дверь, окруженная высокими, до потолка, стеллажами, уставленными коробками с записями и коммуникатором: островок повседневности.

Влево тоже уходили полки, полные кассет, перемежаемых изредка статуэтками и безделушками. Дальше был бар с двумя мягкими табуретами — и еще одна закрытая дверь. Еще дальше, позади округлой арки, поблескивал кухонный кафель.

— Довольно шикарно для суперкарго.

Он пожал плечами.

— Торговец был удачливым.

— Гм. — Она небрежно указала за спину. — Там — единственный выход?

Он наклонил голову в сторону окон, прошел направо, открыл дверь и поманил ее к себе.

Спальня — с кроватью, которая сгодилась бы и для небольшой оргии, — соединялась с ванной, предназначенной как для влажного, так и для сухого мытья и снабженной автокамердинером для ухода за одеждой. Окон здесь не было.

Она вышла обратно, и Вал Кон провел ее через центральную комнату ко второй двери — за ней оказалось зеркальное отражение первой спальни с такой же ванной.

В кухне имелось довольно высоко расположенное оконце и еще одна дверь.

— За ней — технический коридор, который выходит в другой, а тот заканчивается у лестницы, которая...

— Приведет меня в подвал? — предположила она.

Он улыбнулся и вернулся в центральную комнату.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Еще как! Но сначала приму душ. А потом буду спать — часов двенадцать. Или, может, сначала выпью, а потом приму душ. Ки-нак, — добавила она в ответ на его вопросительный взгляд, назвав напиток наемников.

Он нахмурил брови, просматривая меню.

— Похоже, бар очень неполон, — извиняющимся тоном сказал он. — Могу я предложить земного виски?

— Виски? — переспросила она изумленно.

Он кивнул, и она осторожно устроилась на одном из табуретов.

— Виски вполне годится, — сказала она. — Льда не клади. Ощущение блаженства разбавлять не следует.

Он нажал кнопку — и передал ей тяжелую стеклянную стопку, наполовину заполненную янтарной жидкостью.

Прикрыв глаза, она сделала маленький глоток и неподвижно застыла на несколько мгновений, после чего испустила вздох глубочайшего удовлетворения.

Вал Кон ухмыльнулся и ввел в бар свой выбор.

— Что это?

Она уже снова открыла глаза.

Он покачал бокал с тонкой ножкой, где заколыхалась бледно-голубая жидкость.

— Алтанийское вино, мисравот.

— Так здесь выбор ограниченный, да?

— Не такой уж плохой для квартиры, которую сдают внаем.

— Ну, что ж, — согласилась она, разыгрывая сцену со всей серьезностью. — Когда соберешься покупать квартиру, не забудь о том, какие ушеченные бары постоянно пытаются всучить. Пусть на нем золотыми буквами напишут «люкс» и заправят пшеничным спиртом.

— Буду помнить, — серьезно пообещал он, обходя бар по дороге к окну.

Однако он остановился, не дойдя до него, и вместе этого устроился на угловом диване, чуть было не вздохнув, когда мягкие подушки приняли в себя его тело. Отпив вина, он все-таки вздохнул. Голова у него болела ужасно.

Позади двигалась Мири. Он опустил голову на подушку. Держа стопку в руках, она прошла мимо дивана на почтительном расстоянии, обошла кресла и приблизилась к окну сбоку. Стоя чуть в стороне, она стала смотреть на улицу, время от времени умело отхлебывая виски.

Он вдруг понял, что Мири очень устала. Неизвестно, сколько времени она провела в бегах. А он слишком устал, чтобы задавать ей новые вопросы. Он полуприкрыл глаза. Попытку довериться другому человеку трудно делать на фоне головной боли и усталости.

Она отвернулась от окна, и на ее лице промелькнуло изумление, когда она увидела, как он сонно растянулся на подушках, закрыв глаза длинными ресницами, открыв шею.

«Она видит мою уязвимость», — подумал он, и эта фраза нашла какой-то отклик в его гудящем от боли черепе. Он повернул голову и открыл глаза.

— Я совсем выжата, — тихо сказала она. — Где мне спать?

Он махнул рукой.

— Выбирай.

Спустя секунду она кивнула и пошла направо. Дойдя до двери спальни, она обернулась и посмотрела на него.

— Спокойной ночи.

И исчезла раньше, чем он успел ответить.

Когда дверь закрылась, он вздохнул и сделал большой глоток вина. Ему тоже следовало бы отправляться спать.

Вместо этого он быстро встал и подошел к окну так, как это сделал бы свободный человек. Он смотрел в окно так, словно находился в безопасности и не ожидал нападения врагов.

Улица была ярко освещена и пустынна. Легкий ветерок время от времени начинал трепать какой-то кусок пленки.

«Как хорошо, — подумал он, — что это место не обнаружили. Мне нужно отдохнуть, нужно какое-то время не быть О'Грейди, Филлипсом или еще кем-то. Нужно время побыть самим собой».

Он поднял руку, чтобы расчесать пальцами прядь, упавшую ему на лоб, и в мгновение болезненного озарения узнал этот жест как свой собственный. Неожиданно в его поле зрения возник Контур, заслонив собой улицу. ВВЗ была 0,96. ВЛВ мерцала, дергалась — потом на секунду вспыхнула твердой цифрой 0,89, а потом погасла.

Он проглотил вино и снова откинул волосы со лба. Вал Кон йос-Фелиум, Клан Корвал. Приемыш Клана Средней Реки... Он мысленно произнес все слоги своего среднереченского имени, словно это было заклинание, с помощью которого можно было отогнать нежеланные мысли.

Перед ним возникло лицо жены Терренса О'Грейди. Оно то расплывалось, то снова становилось четче под раскаты назойливой музыки из бара, где этим вечером сидели они с Мири Робертсон.

Он допил бокал одним глотком, недостойным такого вина. Сколько лиц он запомнил, сколько личин переменял за последние три года? Сколько жестов он заучил, а потом отбросил вместе с именами и лицами возлюбленных, родителей, детей, кошек и собак?

Сколько людей он убил?

Он резко отвернулся от окна и пошел искать омнихору на ощупь, точно слепой.

Стоило ему прикоснуться к пластине — и клавиатура зажглась. Он отыскал у себя в голове отзвуки мелодии из бара, подхватил ее пальцами и решительно бросил в омнихору, прогоняя лицо женщины, которая была не его женой, заменяя его картиной песни.

Пальцы секунду бегали вверх и вниз по клавиатуре, потом снова нашли резкий ритм и наполнили им комнату. В голове болез-

ненно отозвалось эхо, руки сбились — потом снова стали двигаться уверенно. Он правой поймал ритм, а левой начал заплетать вокруг него мелодию. Прибавил темп, нашел намек на более давний ритм, перешел на него — вот так...

Его правая рука секунду держала ритм, перемещая паузы и диапазоны, усиливая звук. Видения отступили. Сила музыки прогнала в беспокойное повиновение, в чуткий сон имена мертвецов, которых он знал, и лица тех, кто умер безымянными.

К нему пришло новое озарение, которое чуть было не потерялось в вихре музыки: этот талант принадлежал Вал Кону йос-Фелиуму, был усвоен и отточен ради радости, а не по необходимости.

Навязчивый ритм стал замедляться, сменяясь новым. Он заиграл то, что нашли его пальцы, и понял, что играет плач с планеты, на которой оказался в начале своей карьеры разведчика. Он украсил этот плач, урезал его до самого костяка, еще больше его замедлил; доиграл его до конца — и обнаружил, что его руки замерли.

Звук еще на несколько секунд задержался в воздухе, пока инструмент расставался с погребальным песнопением, и Вал Кон уронил голову на стопорную досочку. Он был опустошен. В нем не осталось чувств.

«Спать, — подумал он с кристальной ясностью. — Отдых. Сию минуту».

Он встал — и она оказалась здесь, незнакомка, которая спасла ему жизнь. Она стояла у открытой двери спальни — распущенные рыжие волосы, без пистолета, с развязанной шнуровкой. Ее серые глаза смотрели прямо на него. И выражение на ее лице не было ему знакомо.

Она слегка поклонилась ему, сложив руки по земному обычаю.

— Спасибо, — сказала она и, снова поклонившись, быстро повернулась, чтобы уйти.

— Всегда пожалуйста, — ответил он, но дверь уже была закрыта.

Он осторожно прошел через гостиную ко второй закрытой двери. Как он вошел туда, как заснул — этого он уже не помнил.

Глава 4

Мири проснулась и потянулась медленно, фокусируя взгляд на часах на противоположной стене. Она проспала часов десять с хвостиком. Недурно. Мири скатилась с кровати и направилась в душ.

Спустя полчаса, подсохнув и освежившись, она вытащила из-под подушки пистолет, запихнула в карман комбинезона, предос-

тавленного автокамердинером, и направилась на поиски белков, углеводов и идей.

Но первым, что она нашла на кухне, оказался кофе! Сваренный из настоящих земных зерен напиток дымился в чашке справа от нее, пока она заказывала пищу и вызывала последние новости на экран, установленный над столом.

Главное сообщение ее не заинтересовало. Что-то насчет взрыва в местном штабе Партии Земли. Один человек погиб, двое ранены, некий Терренс О'Грейди разыскивается как явный подозреваемый. Появилось изображение О'Грейди — оно тоже нисколько ее не заинтересовало, и она нажала клавишу «Убрать» в поисках чего-нибудь полезного.

Транспортное происшествие. Столкновение, жертв не было. Сегодня должен собраться Совет по роботам... «Убрать», — сказала она себе и снова нажала клавишу.

Она сделала глоток кофе, смакуя его так же, как накануне вечером смаковала виски. «Бывает же у людей хорошая работа, — подумала она. — Виски и кофе...»

Она быстро просмотрела еще три статьи, задержалась на коротком сообщении о шести трупах, обнаруженных в переулке в районе складов. По предположению полиции, работа Хунтавас.

Еще одно сообщение — о всплеске автомобильных угонов, включая четыре роботаки. Все автомашины обнаружены на стоянке у космопорта с работающими двигателями и стертой памятью. Мири улыбнулась — он не сказал ей, куда отправляет машины — и нажала «Убрать». Газета разворачивалась на экране: шел раздел некрологов, затем — реклама по разделам. Она продолжала завтракать.

Работа Хунтавас.

Неприятно, что кому-то удалось связать происшествие с Хунтавас. Если бы нашли мертвой ее одну, было бы очередное нераскрытое убийство. И придется что-то предпринять, чтобы ее не нашли мертвой в ближайшем будущем.

Крепкий парень, похоже, считает, что нашел подходящее решение. Быстрый и полный капремонт за счет Лиал: новые документы, новое имя, новое лицо, новая жизнь. Прощай, Мири Робертсон, здравствуй... ладно, какая разница?

Она неохотно призналась себе, что почему-то разница есть. Мири допила кофе, подалась вперед, чтобы поставить чашку на стол, и замерла: ее глаза зацепились за знакомую фразу.

«Требуется: СУПЕРКАРГО. Обязательно: опыт работы, знакомство с транспортировкой продукции инопланетных ремесел, духов, напитков, ксеномедпрепаратов. Обращаться к дежурному помощнику, свободный торговый корабль «Салин». Ксенофобы, нар-

коголики и политики не требуются. Иметь при себе документы. Не имеющим документов просьба не беспокоиться».

Она все еще продолжала смотреть на экран две минуты спустя, когда Вал Кон вышел на кухню.

— Доброе утро, — сказал он, направляясь к поварскому пульта, чтобы выбрать завтрак.

Мири откинулась на спинку стула, не отрывая глаз от экрана.

— Эй, крепкий парень!

Он подошел к ней и встал рядом. Не глядя на него, она махнула рукой в сторону экрана. Он наклонился посмотреть, и их руки на секунду соприкоснулись. Снова выпрямившись, он тихо вздохнул, и его дыхание потревожило нежные волосы у нее на виске. Вал Кон присел на край стола и выпил глоток молока, беззаботно болтая ногой. Мири подметила, что карманы на его комбинезоне не оттянуты. Безоружный.

Он вопросительно поднял бровь.

Она ударила по столу кулаком так, что пустая чашка из-под кофе зазвенела, и возмущенно воззрилась на него.

— Так кто ты все-таки такой? — процедила она сквозь сжатые зубы.

Заметив, что у нее колотится сердце, Мири заставила себя успокоиться и снова откинуться на спинку стула.

Он отпил еще молока, пристально глядя ей в глаза.

— Меня зовут Вал Кон йос-Фелиум, второй представитель Клана Корвал. Я работаю агентом перемен. Шпионом.

Она указала на экран:

— А это?

Он пожал плечами:

— Кожа из чистой лжи слишком легко рвется. Под ней должны быть мясо и кости. — Он замолчал, чтобы выпить еще молока. — Я прилетел на эту планету как суперкарго на «Салине». В моих документах говорилось, что я — Коннор Филлипс, гражданин Кианга. Когда «Салин» вышел на орбиту, Коннор Филлипс поругался с главным корабельным старшиной и в результате этой внезапно вспыхнувшей вражды подал заявление об уходе, вступающее в силу после разгрузки всех грузов местного назначения. Тем временем, чтобы не деморализовать команду судна, он арендовал эту квартиру на то время, пока будет подыскивать себе подходящую службу. Вот почему у нас оказалось уютное убежище в трудные времена. — Он улыбнулся. — Неплохой парень этот суперкарго Филлипс.

Она закрыла глаза. «Когда хватаешь судьбу за хвост, — подумала она, — помни, что на противоположном конце у нее зубы».

— А где шпиона научили так играть на омнихоре?

Его брови удивленно нахмурились, но он ответил, тщательно подбирая слова:

— Меня научила моя родственница, Энн Дэвис. Ей приятно было видеть, что у меня есть талант, потому что у ее собственных детей его не оказалось.

— Твоя родственница.

Она не была уверена, что это был вопрос, но он ей ответил.

— Да. Моя... тетка? Жена брата моего отца?

— Тетка, — подтвердила она, удивленная таким колебанием при его блестящем владении земным языком.

— Больше, — задумчиво проговорил он. — Она была... моя приемная мать. После смерти моей матери я оказался у нее дома и рос с ее детьми.

— И это более настоящее, чем Коннор Филлипс, или менее? — спросила она настойчиво. — Ты хоть сам знаешь точно, кто ты?

Он внимательно посмотрел на нее.

— Если ты спрашиваешь, не безумен ли я, какой ответ тебя больше успокоит? Я знаю, кто я, и я тебе об этом сказал. Даже когда я на задании, я знаю, кто я на самом деле.

— Правда? Это успокаивает.

Она сказала это без всякой уверенности, чувствуя, что снова напряглась.

— У тебя проблема, Мири Робертсон?

— Да. Проблема. Проблема в том, что я не понимаю, почему ты стал мне помогать. Твоя логика не выдерживает проверки. Если ты был Коннором Филлипсом, почему бы тебе снова не стать им? Найди себе работу на корабле и улетай. Ты легко можешь выбраться! Хунтавас не знают, кто ты: какое у них могло быть описание? Что ты низенький? Худой? Темноволосый?

Она пошевелила плечами, стараясь немного расслабиться.

— Главная опасность — это мое присутствие. Если меня рядом не будет, на тебя только глянут и отвернутся.

У него в голове возникло уравнение, показывающее ему, как он может уйти: его побег уравновешивался ее гибелью. Ей много о нем известно, она может представлять опасность. «Право, если я... — подумал он. — ...Нет!»

Он заставил Контур отключиться, не желая знать, насколько полезной будет ему ее смерть.

Отодвинув в сторону пустой стакан, он начал читать меню завтрака.

Она излучающе смотрела на его профиль, но смогла прочесть лишь вежливый интерес к сведениям, приведенным в перечне блюд.

— Ну? — спросила она.

Он поднял изящную руку, чтобы выбрать яичницу, а потом посмотрел на нее.

— По-моему, мои вчерашние доводы остались в силе. Может быть, у Хунтавас нет точного описания моей внешности. А может,

у них есть фотоизображение. Я не имею права игнорировать такой вариант.

Перед ним зажглась еще одна формула — на этот раз в ней фигурировала не смерть Мири, а ее измена. Формула была отмечена как приблизительная: было немало шансов, что ценой его жизни она выкупит у Хунтаवास свою.

Затенив длинными ресницами глаза, он снова повернулся к пульту и выбрал горячий хлеб и фрукты. Вынув тарелки из подавальщика, он вернулся к столу и сел напротив Мири.

Она молча встала, набрала себе немного более крепкий вариант земного кофе и снова вернулась за стол.

— И где же оказываюсь я? Вместо мишени Хунтаवास я становлюсь политической пленницей Лиад, так?

Он покачал головой: казалось, почти все его внимание поглощено разрезанием спелого страфля на две равные порции. Он протянул ей половину. Она не взяла, и он положил половинку на стол поближе к ней.

— Так куда же это нас приводит? — продолжала настаивать она, и голос ее зазвучал резче.

— Думаю, — ответил он, прожевывая кусок яичницы, — туда же, где мы были вначале. Мы оказались вместе. Мы хотим жить. Каждый из нас уже внес нечто важное в дело нашего выживания. Если нам повезет, мы все это переживем. По правде говоря, мы творим свое счастье, просто делая то, что должно быть сделано, и так, как это получается сделать.

Он откусил кусок хлеба, нахмурился, протянув руку за стаканом, которого не оказалось на месте, и со вздохом провел пальцами по волосам.

— Поскольку наша цель — это наше общее выживание, думаю, тебе следует рассказать мне об этих людях: мужчине, который должен тебе деньги, и подруге, которая хранит твои вещи, — чтобы мы могли правильно спланировать свои действия.

Он отодвинулся от стола и отправился заказать у повара еще молока.

Мири пила кофе, остро ощущая вес пистолета у себя в кармане. Она разбиралась во взаимном выживании: именно поэтому у многих в отряде Гирфальк были напарники. Доверие давалось ей нелегко, однако одно было несомненно: этот ее спутник умел вести себя в трудной ситуации.

— Ладно, — медленно проговорила она. — Человек, который должен мне деньги, — это Мерф. Ангус Дж. Мерфи. Третий. Он был в моем отряде наемников. Решил, что слишком много придется убивать. — Она улыбнулась сидящему напротив нее мужчине. — Хотя романтики и доблести тоже на этой работе было нава-

лом. Короче, он захотел соскочить — и было спокойнее его отпустить, раз ему так хочется.

Вал Кон ел, наблюдая за выражением ее лица, пока она говорила. — В общем, я одолжила ему почти всю сумму неустойки, — продолжала Мири. — Предполагалось, что он вернет ее мне с процентами через три стандартных года. Прошло почти четыре.

Она удобнее откинулась на спинку стула, оставив нетронутую половинку плода лежать между ними, словно знак вызова. Кажется, он этого не заметил.

— Мерф упрямится?

— Отсутствует, — поправила она. — Адрес зарегистрирован в общем регистре. Дома никого нет. — Она покачала головой. — У меня не было времени ловить соседей для беседы. Почему-то, помня его, я решила, что он будет дома.

Она снова отпила немного кофе.

— Подруга, которая хранит мои вещи, — это Лиз. Сначала она была подружкой моей матери. До ее жилья ближе от того места, где мы с тобой встретились, чем отсюда. Планировала позвонить ей, убедиться, что она дома и не собирается уходить, — и зайти за своей коробкой.

— А потом продолжить поиски отсутствующего Мерфа?

— Слушай, — сказала она, широко открывая глаза и улыбаясь, — а соображалка-то у тебя работает почти так же, как у настоящего человека!

К ее изумлению, он рассмеялся — и этот звук странно контрастировал с его непроницаемым лицом и ровным голосом. В его смехе звучала радость! Мири определила эти сведения туда же, где эхом звучала музыка, которую он извлек из омнихоры.

— Самым разумным, — сказал он, — было бы тебе позвонить твоей подруге Лиз и объяснить ей, что тебе нужны твои вещи. А еще объясни, что сама ты за ними не зайдешь, а пришлешь напарника...

— Не годится.

Он покачал головой.

— Подумай. Так меньше риска. То, что они знают меня, — это возможно. То, что знают тебя, — точно. А то время, которое уйдет у меня на выполнение этого поручения, ты бы с успехом использовала для розыска Мерфа.

Он помахал рукой в сторону гостиной.

— Комм тут вполне присланный. Вся планета к твоим услугам.

Она уставилась в кофейную гушу, раздумывая над его предложением. Ее собственная жизнь была ее делом, но может ли она рисковать жизнью Лиз только из-за ощущения, что этот смертоносный незнакомец желает ей добра? И для пушего интереса — лиадийский незнакомец. Все знают, что лиадийцы играют по крупному: похоже, это вопрос гордости этой расы. Мири закрыла глаза.

«Приходит решающий момент, Робертсон, — сказала она себе. — Либо ты доверяешь ему стоять у тебя за спиной, либо нет».

Она открыла глаза.

— Лиз терпеть не может лиадийцев.

Прямые брови сдвинулись, губы почти что изогнулись. Он стукнул по столу стаканом недопитого молока.

— Похоже, вся галактика терпеть не может лиадийцев, — сказал он.

Он откинулся назад, поставив стул на две задние ножки, и яростно вгрызся в свой страфль.

Почему-то это помогло ей решиться. Мири встала, поставила свою чашку в окошко посудомойки и направилась в большую комнату.

— Я ей позвоню, — бросила она через плечо.

Лиз оказалась дома. А еще ей очень не понравилось, что Мири отправит своего «напарника», а не зайдет за коробкой сама.

— И с каких это пор у тебя вообще появился напарник? — осведомилась она, пристально глядя на Мири. — Ты всегда играла одна.

— Времена меняются, — сказала ей Мири, пытаясь говорить так, будто они действительно изменились.

Лиз хмыкнула, и ее глаза смягчились.

— Насколько крупно ты влипла?

— Крупнее, чем на прошлой неделе, мельче, чем на следующей. Ты знаешь, как это бывает.

Лиз это знала: когда-то она тоже была наемником.

— Вообще-то ты можешь оставить ее здесь. Чтобы она тебе не помешала, если тебе придется спешить.

— Это так, — согласилась Мири. — Но я отправляюсь в Большое Путешествие. Кто знает...

— Когда ты вернешься, — договорила за нее Лиз. — Ладно, присылай своего партнера. Внешность? Или я просто передаю твои вещи первому растрепе, который скажет, что пришел сюда за коробкой Рыжика?

Она ухмыльнулась.

— Я бы сказала — низенький. Наверное, худой. Темные волосы — пора стричься. Зеленые глаза. Мужчина. — Она прикусила губу и посмотрела Лиз прямо в глаза. — Лиадиец.

Но, к удивлению Мири, Лиз только кивнула.

— Буду его ждать. Берсги себя, девочка.

Ее изображение погасло.

Мири отодвинулась от комм и обнаружила позади себя Вал Кона. Он стоял так, чтобы видеть экран, но чтобы его самого не видно было. Комбинезон он сменил на темные кожаные брюки и

темную рубашку. На поясе у него был поношенный ремень, на ногах — не менее поношенные сапоги.

Незаметно было, чтобы он был вооружен.

Мири открыла было рот — но потом вспомнила примитивный ножик, который спас ей жизнь, и закрыла рот без всяких комментариев.

— Твоя подруга меня ждет.

— Ты слышал. — Она замялась. — Проследи, чтобы за тобой никто не увязался, ладно? Лиз и моя мать... — Она неопределенно взмахнула руками. — Кроме Лиз, у меня близких нет.

На его лице промелькнула улыбка.

— Я буду осторожен.

Он взмахнул рукой, включив в этот жест всю квартиру.

— Это — безопасная квартира. Тебе не нужно из нее выходить. И не нужно никого впускать. Я выйду и войду сам. Ты можешь разыскивать Мерфа через комм. Он шифрован и не прослеживается.

Она наклонила голову набок.

— Ты говоришь мне, что я в безопасности.

Он слабо улыбнулся, двинув плечами так, что она затруднилась расшифровать этот жест.

— Прости, — пробормотал он. — Но, пожалуй, да.

Она ухмыльнулась и, покачав головой, снова повернулась к комму.

— Просто привези мне коробку и не дай себя убить, ладно? Ко времени твоего возвращения я уже Мерфа прищучу.

— Ладно.

Она обернулась и успела увидеть, как за ним закрывается дверь, ведущая в коридор.

Вызов, отправленный на квартиру мистера Ангуса Мерфи Третьего, не принес приятных результатов. Прямой комм мистера Мерфи временно отключен, получила Мири ответ. Сообщения ему можно передавать по другому номеру. Она набрала этот номер, обнаружила, что это номер секретарских услуг, и немедленно прервала контакт, который установила, не включая экран.

— Не звоните нам, мы сами с вами свяжемся, — пробормотала она, хмурясь.

Будет лучше, если Мерф не узнает, что она находится на планете.

Придется взяться за соседей, решила она, хотя ей не нравился такой курс. С ее везением соседом Мерфи окажется местный босс Хунтавас, на столе у которого будет лежать ее портрет. Конечно, она может отключить экран, но кто станет давать информацию пустому экрану?

Пустой экран исключается. Но собственное лицо тоже использовать нельзя.

Она подалась вперед, хмуро изучая пульт комм. Весьма шикарный, решила она спустя несколько минут. У Сира Болдуина в его роскошном жилище и то был не лучше. Откинувшись назад и позволив своему взгляду остановиться на неброской роскоши комнаты, она вспомнила, что деньги и вкус — это очень разные вещи. В конце концов, достаточно только вспомнить, каких любовниц водил к себе Болдуин.

Неожиданно улыбнувшись, она вскочила и побежала к себе в спальню.

Стоя перед зеркалом в гардеробной, она распустила волосы и тщательно их расчесала. Спустя несколько секунд автокамердинер выдал горсть сверкающих шпилек с драгоценными камнями и сеточек, в которые можно было уложить завитки, узлы и переплетения, возникшие из медного цвета массы. Кроме этого она получила косметику, сверкающие серьги, кольца восьми разных размеров и металлов и ожерелье из покрытых эмалью серебряных цветов.

Немного подумав, она решила, что комбинезон — это как раз то, что надо для такого случая, но только распустила застежку впереди немного ниже, а потом, посмотревшись в зеркало, еще немного ниже. Ухмыльнувшись своему отражению, она задержалась только для того, чтобы еще гуще наложить тени под глазами, после чего вернулась к коммю.

Мири выбрала фирму с одним офисом в самом престижном доме со сдающимися внаем апартаментами. Изобразив на своем лице (как она надеялась) глуповатую тревогу, она набрала номер.

— «Миландер и Зантал, получение платежей». Здравствуйте! — обрадованно сообщила секретарша.

Мири растянула губы в улыбке, не открывавшей зубов.

— Добрый день, — проговорила она с густым йаркским акцентом. — Мне надо поговорить с кем-нибудь... тут один тип, да, поминасшь? Он мне кучу денег должен, и вот не платит.

Секретарша изумленно моргнула, но быстро пришла в себя.

— Да, конечно. Я уверена, что наш мистер Фаррант будет рад...

— Не, — заявила Мири, — не. Это, милочка... тонкое дело, понятно, да? У вас там женщины есть, которым рассказать можно? — Она снова растянула губы в неулыбчивой гримасе. — Девичьи дела, золотко. Ну, ты меня поняла.

Секретарша судорожно сглотнула.

— Вообще-то у нас есть миз Миландер.

— Еще чего! — запротестовала Мири. — Неужели сама босс?

— Не совсем, — призналась секретарша, совсем смутившись. — Миз Сьюзен Миландер — внучка миз Лавинии Миландер.

— У, так это же класс! Вот со Сьюзен мы и почирикаем о девичьем, золотишко. Ты ей просто скажи, что на связи Амабель Глизон.

— Разумеется, миз Глизон, — ответила секретарша, с облегчением возвращаясь к привычной роли. — Подождите секунду...

На экране появились пастельные разводы, которые должны были радовать взор Мири, пока она ждет. Она подняла руку, нажала две кнопки и снова села в позе терпеливого ожидания.

Прошло некоторое время, пока секретарша искала миз Миландер и сообщала ей о поведении звонящей — со всеми подробностями. Мири продемонстрировала свою улыбку смуглой молодой женщине в строгом деловом костюме.

— Миз Глизон? — спросила молодая женщина. Она говорила с нарочитой растяжкой аристократки.

Мири неловко кивнула.

— Миз Миландер, вы так добры, что согласились поговорить со мной и вообще. Я просто не знала, к кому обратиться, знаете ли, и когда эта миленькая девушка, которая отвечает у вас на вызовы, сказала, что вы на работе... — Она взмахнула руками, затрепетав унизанными кольцами пальцами. — Бывает же такое, о котором надо поговорить с другой женщиной...

— Вот как? — отозвалась аристократка. — И о чем же вы хотели со мной говорить, миз Глизон?

— Ну, миз Миландер. Мне... мне можно называть вас Сьюзен? То есть вы такая дружелюбная и все такое...

Мири подалась вперед, так что ворот ее комбинезона распахнулся.

Женщина на экране судорожно вздохнула.

— Если так вам легче, миз Глизон, то, конечно, зовите меня Сьюзен.

— Спасибо. Ну, понимаешь, Сьюзен, тут замешан парень. — Мири снова помахала руками и закатила глаза. — Ну, это всегда бывает парень, правда? Короче, мы какое-то время встречались, и я ему понравилась, и он мне понравился. То есть у него были деньги, и работа постоянная — механиком на шаттле. Не жмотился покупать девушке подарки, водить по хорошим ресторанам... — Мири пожала плечами, не спеша продолжить рассказ. — Предложил мне пожениться: стандартный гетероконтракт, в пункте «потомство» говорится, что он будет заботиться о тех детях, которые у нас родятся, пока мы будем женаты, даже если мы контракт продлевать не станем.

Она замолчала.

— Я знакома со стандартным контрактом брака и потомства, миз Глизон. Вы его подписали?

— Угу, ну, подписали. Я к нему переехала. Спустя три месяца оказалось, что я беременна. Я думаю, что все в порядке — там ведь

был пункт про потомство... — Она замолчала, резко наклонила голову и подняла руку, чтобы вытереть глаза. — Этот подонок от меня ушел!

Наступило короткое молчание. Мири подняла голову, отважно демонстрируя свою улыбку.

— Я не вполне понимаю, миз Глизон, какое отношение это имеет к фирме «Миландер и Зантал», — проговорила Сьюзен Миландер с профессиональным недоумением.

— Я ж к этому и веду, — ответила Мири, с усилием беря себя в руки. — Дело в том, что он ушел. Контракт был сроком на три года. Я рожаю ребенка, а он говорит, забудь, мол, контракт тут ни при чем, потому что ребенок не его!

— А он не его? — спросила миз Миландер, глядя на «миз Глизон» почти с удивлением.

Мири передернула плечами.

— Да вроде бы его. Конечно, тут проблема, потому что это случилось примерно тогда же, когда мы контракт подписывали. Я же не знала, что он предложит мне контракт, и... ну, я же живой человек, понимаешь, Сьюзен? А механики две недели работают, две недели — дома.

— Но я все еще не понимаю, зачем вам понадобилась фирма по сбору долгов, миз Глизон.

— Но он задолжал мне деньги! — воскликнула Мири на повышенных тонах. — Он подписал контракт, где сказано, что он будет платить за всех сопляков, которых я рожу, пока мы женаты. Да и он, может, его, а не еще чей-то. И мы ведь были женаты! — Она глубоко вздохнула и позволила себе заговорить немного спокойнее. — Он должен мне кучу денег. И говорит, что не станет платить. Вот почему мне понадобилось агентство по сбору долгов, миз Миландер. Чтобы вы выбили из него мои деньги.

— Понимаю... — Миз Миландер немного помолчала. — Миз Глизон, боюсь, что на данный момент вам нужно не агентство по сбору долгов. Я бы посоветовала вам заручиться услугами адвоката. Если вы поговорите с юристом и он сочтет целесообразным предъявить вашему мужу иск за невыполнение условий контракта, выиграет ваше дело и получит решение суда, по которому вашего мужа обяжут выплатить вам определенную сумму, а затем, если ваш муж откажется эту сумму выплатить, «Миландер и Зантал» будут счастливы вам помочь. — Она сложила домиком пальцы под подбородком. — Однако сначала вам следует нанять адвоката, миз Глизон, и добиться решения суда в отношении того, должен ли ваш муж содержать вашего ребенка или же он имеет право на расторжение контракта. Мы не в состоянии помочь вам в этих вопросах.

— О! — проговорила Мири, и кончики ее ярких губ немного опустились вниз. Она выдавила из себя еще одну отвратительную

улыбку, хотя у нее уже начало болеть лицо. — О, ну, тогда все прекрасно, Сьюзен. Я знаю пару адвокатов. Деловые парни.

Она снова подалась к экрану и протянула руку, словно хотела потрепать собеседницу по руке.

Миз Миландер была женщиной закаленной. Она не отпрянула от этой невозможной ласки, хотя и поджала губы.

— Спасибо тебе огромное за помощь, Сьюзен, — проворковала Мири, нажимая клавишу «Разъединить».

Она смеялась не меньше пяти минут, бессильно упав на мягкие подушки и захлебываясь от хохота. Из уголков ее густо накрашенных глаз лились слезы. Когда она успокоилась настолько, чтобы держаться на-ногах, то отправилась на кухню за чашкой кофе.

Усевшись перед коммом, она начала редактировать сделанную запись.

Лиз сама открыла дверь и осталась стоять, пристально глядя на него.

Вал Кон адресовал ей поклон юноши старшему и, выпрямившись, увидел, что она продолжает хмуро разглядывать его с высоты своего роста.

— Я пришел сюда, — тихо проговорил он, — за коробкой Мири.

Не говоря ни слова, она открыла дверь шире и пропустила его в комнату. Убедившись, что замки закрылись, она провела его по короткому темному коридору в ярко освещенную комнату. Он остался стоять в дверях, а она прошла к единственному стулу — вообще единственной пустой поверхности, не заваленной книжными пленками.

— Иди сюда, лиадиец.

Это был приказ, и довольно резкий.

Он как всегда бесшумно прошел по комнате и остановился перед ней, свободно сложив руки на груди.

Она молча смотрела на него, и он ответил тем же, обратив внимание на темные волосы, подернутые сединой, морщины в уголках губ и глаз, сами глаза и подбородок. Он понял, что перед ним человек, привыкший командовать и для которого командование является обязанностью.

— Ты пришел за коробкой Мири.

— Да, Элдема, — мягко сказал он, адресуя ей вежливое обращение к Первому представителю Клана.

Она хмыкнула:

— Скажи мне, лиадиец: почему я должна тебе доверять?

Он поднял брови:

— Мири...

— ...Тебе доверяет, — прервала она, — потому что ты — красавец. Этот недостаток приобретаешь, когда растешь там, где нет

ничего прекрасного, а кругом сплошные опасности. Совсем не похоже на солнечную Лиад.

Он продолжал спокойно стоять, ожидая продолжения.

Лиз резко мотнула головой.

— Так оно бывает, когда вырастаешь на планете вроде Пустоши, каким-то образом ухитряешься оттуда вырваться — и наконец встречаешь красоту. Тебе хочется дать ей все шансы. Тебе не хочется думать, что красивая крыса — все равно крыса. И что она все равно тебя цапнет.

Она крепко сжала губы.

Вал Кон ждал.

— Мне наплевать, если у тебя три головы, одна уродливее другой! — рывкнула она. — Я хочу знать, с чего это я должна тебе доверять?

Он вздохнул.

— Вы можете доверять мне потому, что сюда меня прислала Мири. Вам судить, могла ли она сделать это — даже потеряв голову от моей красоты, — если бы я представлял для вас опасность.

Она рассмеялась:

— А ты горячий. Тебе это понадобится. — Она тут же посерьезнела. — Во что она влипла, что ей вообще понадобилось тебя посылать? Почему было не прийти самой?

— Влипла в такое, что безопаснее не знать подробностей, — осторожно ответил он. — Важно только, что влипла.

— Ага. Влипла в такое, что всех нас когда-нибудь ждет?

Ее слова прозвучали довольно тихо: ему показалось, что она говорит сама с собой. Однако она продолжала так смотреть на него, что он начал опасаться, не выросла ли у него и правда еще одна голова.

— Ты отправишься с ней, когда она будет улетать? А? Будешь ее прикрывать? Она назвала тебя своим напарником.

— Элдема, когда мы улетим, то улетим вместе. Мне кажется вероятным, что нам удастся уйти от беды. Совсем уйти.

Контур никак не отреагировал на этот оптимизм, не опроверг его, что очень обрадовало Вал Кона.

Женщина неожиданно кивнула, а потом повернулась к заставленному всякой всячиной столу и достала из-под стопки книжных пленок черную лакированную шкатулку. Она была шириной в две его ладони, а длиной — вдвое больше. Слишком большая, чтобы удобно войти в карман или кошель.

Лиз нахмурилась, еще покопалась на столе и отыскала весьма не новую холщовую сумку, горловина которой затягивалась шнурком. Она положила шкатулку в сумку, затянула шнурок и вручила ему готовый пакет.

Он шагнул вперед и принял его, перебросив шнур через плечо.

— Спасибо, — сказал он и поклонился в знак благодарности.

Когда стало ясно, что она больше ничего не намерена ему сказать, он повернулся, собираясь уйти.

Он уже почти вышел в коридор, когда она заговорила:

— Лиадиец!

Он остановился и повернулся — быстро и плавно.

— Да, Элдема?

— Позаботься о Мири, лиадиец. И без этих ваших штучек. Просто старайся как можно лучше заботиться о Мири, покуда сможешь.

— Элдема, именно таково мое желание.

Повернувшись на каблуке, Вал Кон вышел.

Лиз вздохнула. Ей было больше нечего сказать, кроме... Но девочка и так это знает. Знает ведь?

Она услышала, как лиадиец отпирает замок, услышала, как дверь тихо открылась и закрылась.

Спустя несколько секунд она по старой памяти пошла проверить, запер ли он за собой дверь.

Миссис Хансфорд проявила неподдельный интерес. Ей уже много лет не приходилось принимать вызов с корабля, но связь работала так же, как ей помнилось: с небольшими помехами и странными задержками, и с постоянным ощущением, будто губы говорящего произносят не совсем то, что она слышит.

Конечно, было жаль, что сообщение предназначалось не ей, но разочарование было гораздо слабее, чем радостное возбуждение от столь редкого события и возможности посплетничать.

Да, сказала она темноволосой серьезной молодой даме на экране, она хорошо знает Ангуса. Славный мальчик, не устраивает буйных вечеринок, не шумит, когда не полагается. А невеста у него — просто прелесть! Жалко, что его нет в городе, чтобы самому получить сообщение...

Где он? О, сейчас как раз университет отпустил своих студентов, и он с невестой отправился отдыхать в Эконси. Им хотелось побыть вдвоем, поэтому он не оставил своего номера. Конечно, они не ждали...

Не было известно, что она здесь появится? Ох, какая обида!.. Но миссис Хансфорд не стала распространяться на эту тему: в конце концов с ней говорили с борта корабля, а это баснословно дорого. Серьезная молодая леди сказала что-то насчет исследований, которые Ангус проводил, когда летал в космосе. Ну, надо же!

Миссис Хансфорд предложила молодой даме что-нибудь перекусить и огорчилась, услышав, что она пробудет на планете всего

несколько часов. Действительно, шансов на то, что за это время она отыщет Ангуса, так мало...

Может быть, она сможет это сделать на обратном пути, услышала миссис Хансфорд. Или, может быть, миз Миландер в следующий раз сможет заранее известить о своем появлении. Но исследования — вы же понимаете, как много приходится разъезжать...

Миссис Хансфорд с этим согласилась, хоть ей самой и не приходилось улетать со своей планеты.

Когда разговор закончился, миссис Хансфорд очень об этом пожалела. Но все равно — разговор с кораблем! Оказывается, Ангус имеет в своей области больше веса, чем она предполагала. Подумать только!

Мири откинулась на спинку стула, пощелкала переключателями и тихо улыбнулась. Устроить задержку было совсем не трудно: она просто раза три отправила сигнал через несколько спутников и по одной континентальной кабельной линии. Ее новый партнер назвал этот комм «приемлемым»! Она попыталась угадать, свойственно ли ему все преуменьшать.

Наслаждаясь новой порцией великолепного кофе, она анализировала полученные сведения. Не слишком богатые, но их может хватить. Пощелкав новыми переключателями, она впечатала слово «Эконси» в поле запроса.

У нее за спиной прошелестела дверь — и она вскочила и обернулась, сжимая в кармане рукоять пистолета, пока Вал Кон с синим холщовым мешком через плечо еще только входил в комнату. Он застыл в дверях, подняв обе брови. На его лице застыл почти комический ужас.

Она надула губы и отпустила пистолет.

— Тебе не нравится мой макияж?

— Наоборот, — пробормотал он, — я просто потрясен.

Он снял завязку с плеча и протянул мешок ей. Она разве что не вырвала его у Вала Кона из рук и сразу же уселась по-турецки рядом с омнихорой. В следующую секунду она уже достала шкатулку, быстро скользнув бледными пальцами по блестящей черной поверхности. А потом она положила коробку себе на колени и посмотрела на него.

— Как Лиз?

— В целом я бы сказал, что она пережила нашу встречу лучше, чем я, — рассеянно ответил он, не сводя с нее глаз.

Он прошел в комнату и сел на табурет у омнихоры.

Волосы. Неужели можно скрутить одну шевелюру в такое количество непривлекательных узлов и шишек? Не будь перед ним наглядного доказательства, он никогда бы в это не поверил. А еще

она намазала лицо какой-то косметикой, которая плохо скрыла веснушки, усыпавшие ее нос, и сделала с глазами что-то такое, отчего они стали казаться намного больше обычного, но удивительно потускнели. Цвет румян был выбран необыкновенно точно, чтобы совершенно не сочетаться с цветом ее волос, а синий цвет помады был электрически ярким. Все ювелирные украшения — а их было чересчур много — спорили друг с другом своей аляповатостью. Он покачал головой, продолжая изумляться.

Она заметила его жест и изобразила отвратительную улыбку, которая состояла только из растягивания сомкнутых губ и создавала складки на щеках.

— Тебе нравится, как я выгляжу, котик?

Он сложил руки на крышке омнихоры и пристроил подбородок на сгибе локтя.

— По-моему, — четко произнес он, — ты похожа на шлюху.

Она рассмеялась, захлопав унизанными кольцами руками.

— То же подумала и женщина из фирмы по сбору долгов! — Она быстро отсмеялась и скосила на него свои потускневшие глаза. — Какое дивное у тебя было лицо! Не помню, когда я в последний раз видела такое изумление. — Она покачала головой. — И чему тебя только учили в шпионской школе?

Он ухмыльнулся.

— Кое-что не может исправить даже шпионская школа. Меня растили воспитанным мальчиком.

— Да что ты говоришь? — Она посмотрела на него, восторженно округлив глаза. — И что случилось?

Он не клюнул на ее подначку и кивнул в сторону комм.

— Мерф?

Она вздохнула.

— Отдыхает с невестой в каком-то месте под названием Эконси. В Южном полушарии. Это я уже узнала. Я собиралась посмотреть, что еще знает комм, но тут вошел ты и оскорбил мою прическу.

— Эконси — это курорт на восточном побережье в Южном полушарии, — сообщил он ей чуть нараспев, вычитывая информацию, пробегающую перед его мысленным взором. — Он расположен на оконечности полуострова и с трех сторон окружен океаном. Постоянное население — 40 тысяч. Временное население — приблизительно 160 тысяч. Основная промышленность: игорный бизнес, продукты питания, крепкие напитки, гостиничный бизнес, развлечения, импорт экзотических товаров. — Он помолчал, проверил еще кое-что и кивнул. — Имеет связи с Хунтавас, но не принадлежит им.

Мири уставилась на него. Выражение ее лица невозможно было прочесть под толстым слоем косметики.

— Такой ум, и пропадает зря.

В нем вспыхнуло необъяснимое раздражение, и он нахмурился.

— Может, ты все-таки сходишь умоешься?

Она ухмыльнулась.

— Зачем? Разве я испачкалась?

Однако она поднялась с пола и направилась со шкатулкой в свою комнату. Позади нее Вал Кон открыл крышку инструмента и прикоснулся к пластине клавиатуры.

В ванной Мири сняла с пальцев кольца, вынула из ушей серьги и со звоном отправила их и колье в приемное отверстие автокамердинера. Взглянув на пульт, она увидела, что ее кожаные брюки наконец почищены, — и комбинезон отправился следом за аляповатыми украшениями. Она закрыла крышку, нажала кнопку звонка и прошла к умывальнику.

Смывать краску с лица было труднее, чем ее наносить. Особенно липкими оказались тени для век. Но наконец ей удалось отчистить лицо, а еще через минуту она уложила косу аккуратной короной вокруг головы.

Она легко натянула брюки, обхватившие тело словно мягкая вторая кожа. Потом она сунула ноги в сапожки, завязала узел на нарукавном шарфе и вышла в спальню с ремнем, на котором был предусмотрен кошель для мелких предметов.

Усевшись на край смятой постели, она взяла лакированную шкатулку и покрутила ее в руках, словно фокусник, нажав все семь замков в нужном порядке. Раздался звонкий щелчок, слышный даже на фоне тихой мелодии омнихоры из соседней комнаты. Мири поставила шкатулку и подняла ее крышку.

Открыв поясной кошель, она надавила на заднюю перегородку, выдвинула потайную стенку и отложила в сторону.

Из шкатулки она извлекла ключ из чуть светящегося синего металла, тонкую пачку бумаг, плохо ограненный рубин размером с четвертак, кольцо из резного малахита и золотой перстень, слишком крупный для ее пальца, со вставкой из мутного сапфира. Все это она спрятала в тайное отделение кошель. После этого она достала из шкатулки последний предмет, нахмурилась и застыла на месте, положив его на ладонь.

Рассеянное освещение спальни выхватило из темноты полосу красного, черту золотого, поле темно-синего. Она перевернула странный предмет — и свет отразился от гладкой металлической поверхности, зацепившись за гравировку. Она снова повторила жест, который проделывала уже сотни раз с тех пор, как получила эту штуку: провела пальцем по гравировке, пытаясь разгадать чужие буквы или символы.

В комнате за стеной раздался сигнал комма: один... второй.

Мири отправила диск к остальным своим сокровищам, закрыла потайное отделение и пошла к двери, на ходу продевая ремень в петли пояса.

Вал Кон встал на втором зуммере и направился к комму. Он нажал две клавиши: «Отключить экран» и «Связь».

Его брови изумленно поднялись, когда он увидел, что в вестибюле внизу стоит один из четверых мужчин, которые вчера взяли его в плен. За спиной у него стояли еще шестеро. Он покачал головой, стараясь избавиться от нарастающего ощущения дежавю.

— Мистер Филлипс? — спросил мужчина, которого он узнал.

— Да, — ответил Вал Кон, беря пульт дистанционного управления с крышки комма.

— Мистер *Коннор* Филлипс, — продолжал спрашивать начальник отряда. — Бывший член экипажа «Салина»?

Вал Кон направился через комнату к бару.

— Это было бы бессмысленно отрицать, — сказал он дистанционному пульту. — Я был суперкарго на «Салине». С кем я говорю? И почему? Я распорядился, чтобы меня не беспокоили!

Он положил пульт на сверкающую крышку бара и включил экран меню.

— Меня зовут Питер Смит. Я сотрудничаю с полицией в расследовании взрыва, который вчера ночью имел место в штаб-квартире Партии Земли.

Вал Кон выбрал из меню двойное бренди.

— Мне это ни о чем не говорит, мистер Смит. Если только мне не следует понять это так, что меня подозревают в устройстве взрыва в... где вы сказали? Во Дворце Земли?

— Штаб-квартире Партии Земли. — В этом уточнении слышалась злоба. Потом наступила пауза, словно говоривший переводил дыхание. — Мы разыскиваем мужчину по имени Терренс О'Грейди, который устроил взрыв и исчез. Мы опрашиваем всех, кто прилетел на планету в течение последних пятнадцати дней. Нас интересует несколько вопросов, связанных с этим... происшествием. Отказ помогать полиции в расследовании дела, мистер Филлипс, — проговорил Пит с очень убедительной добродетельностью, — это уголовное преступление.

Вал Кон заказал еще бренди.

— Вы меня пристыдили.

В дальней части комнаты открылась дверь в спальню Мири, и она вышла оттуда, на ходу застегивая ремень. На секунду задержавшись у экрана комма, она прошла в дальнюю спальню.

— Мистер Смит, — проговорил Вал Кон, заказывая очередную рюмку бренди, — меня несколько не интересует, поймаете ли вы того... индивидуума, который взорвал эту штаб-квартиру. Однако, поскольку вы уже меня потревожили и поскольку я не хочу, чтобы со мной обращались как с преступником, вы можете задать мне свои вопросы.

— Вот и прекрасно, — сказал Пит. — Теперь, если вы прикажете швейцару нас впустить, то мы отнимем у вас всего несколько минут...

— Оставьте, мистер Смит, не делайте вид, что вы меня не поняли. Я сказал, что вы можете задать мне свои вопросы, но не говорил, что впущу вас к себе в дом. Присутствие представителя полиции поставит меня в данный момент в очень невыгодное для переговоров положение.

Мири бесшумно положила пистолет на бар и исчезла по направлению к кухне. Вал Кон заказал рюмку бренди, пристегнул пистолет к поясу и стал ждать.

После небольшой паузы снова послышался голос Пита:

— Хорошо, мистер Филлипс, раз вы настаиваете. Где вы были вчера между 10.45 вечера и полуночью?

Мири появилась снова, вопросительно посмотрела на ряд рюмок с бренди, выстроившийся на баре, и бесшумно подошла так, чтобы видеть экран комма.

— Прошлой ночью, — непринужденно объявил Вал Кон, — я встречался с друзьями. У нас была вечеринка с фейерверком и разговорами.

Он заказал еще рюмку бренди.

— Понятно. И вы, конечно, можете сообщить имена и адреса этих друзей, — сказал Пит. Оставаясь в вестибюле, он мотнул головой, и двое из его отряда направились к лифтам. Мири вернулась к бару.

— Могу, — ответил Вал Кон. — Не сообщу, но могу.

— Понятно, — снова сказал Пит. — Мистер Филлипс, вы знакомы с человеком по имени Терренс О'Грейди?

— Нет.

Вал Кон вручил Мири две рюмки бренди и указал на дверь ее спальни. Она недоуменно застыла на месте. Он сунул руку в бар, извлек оттуда зажигалку и заправил ей за пояс. Ее лицо озарила веселая улыбка понимания, и она отправилась выполнять задание.

— Мистер Филлипс, я буду настаивать на том, чтобы вас увидеть.

— Мистер Смит, я буду настаивать, чтобы вы предъявили юридически действенный документ, который дает вам такое право.

Мири вернулась за еще двумя рюмками, которые унесла во вторую спальню. Из двери в дальнем конце гостиной уже начал просачиваться дым.

— У вас есть еще вопросы? — спросил Вал Кон у Пита.

— Почему вы ушли с «Салина»?

— Это место оказалось не таким выгодным, как я надеялся, мистер Смит. Однако я не вижу, какое отношение это может иметь к вашим проблемам. «Салин» не перевозил взрывчатых веществ. Я не встречался с человеком по фамилии О'Грейди. Я ни об одном

человеке с такой фамилией не слышал с момента прибытия на Лафкит. Сомневаюсь, чтобы я вообще хоть раз в жизни был знаком с человеком по фамилии О'Грейди, но даю вам право расследовать такую возможность.

Из его бывшей спальни сладко заструился дымок, смешавшийся с дымом из спальни Мири.

Он перестал заказывать бренди и вылил содержимое одной из оставшихся рюмок на ковер вокруг бара. Появившаяся Мири взяла еще две рюмки, отнесла их к креслу комм и дивану, прикоснувшись зажигалкой к подушкам.

— Мистер Смит! — окликнул Вал Кон дистанционный пульт.

Мири вернулась за оставшимися рюмками и принялась поливать ковер.

— Что? — огрызнулся Пит.

— У вас есть еще вопросы? А то мне пора возвращаться к делам.

Он предупреждающе поднял руку, остановив Мири, которая собралась было поджечь ковер.

— Еще... Угу, есть. — Пит громко втянул в себя воздух. — Вы, случайно, не вырожденец, мистер Филлипс?

— А вы, случайно, не собачья задница, мистер Смит?

Вал Кон нажал клавишу «Разъединить».

Мири поднесла зажигалку к ковру.

Где-то в глубине здания задребезжали звонки, из спальни Мири послышалось шипение: включилась автоматическая противопожарная система. Из-за входной двери донеслись крики.

Мири и Вал Кон уже скрывались за люком кухни. Лиадиец хлопнул его за собой, повернул две рукоятки и, резко обернувшись, увидел, что Мири потрясенно качает головой.

— Очень благовоспитанно.

Он ухмыльнулся.

— Спасибо.

А потом они не спеша двинулись по узкому подсобному коридору к ожидавшему за стенами большому миру.

Глава 5

Он относился к мужскому полу, хотя это редко имело для него значение. По правде говоря, он почти не относился к мужскому полу в том смысле, в каком к мужскому полу относят лир-кота, бородатого земного жеребца или хомяка. Гораздо большее значение для него имело его имя, которое могло бы занять около трех

часов знакомства, если бы его называли людям, а в полном виде потребовало бы почти половины суток. Для виз и других официальных документов, которые требовали торопливые люди, существовало несколько сокращенных форм его имени, которые ему нравились.

Он был величествен, как и подобало Т"карэ и существу, возраст которого превышал девятьсот стандартных лет, хотя среди представителей его расы считалось, что он порой позволяет себе торопливые поступки. На визах он именовался так: Двенадцатый Панцирь Пятый Высиженный Нож Весеннего Помета Фермера Зеленодрова из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Точильщик.

Немногие избранные представители Человеческих Кланов (они сами называли себя землянами и лиадийцами) довольно хорошо знали его как Точильщика. Такая неофициальность ему нравилась: она напоминала о тех ранних годах, когда он осваивал свое ремесло и жизненную роль.

На этот раз с ним путешествовали другие официальные представители его Клана: Помощник, Эксперт, Хранитель. А на орбите планеты остался Наблюдатель. Большинство членов Клана остались дома: растили ножи в холодных прекрасных пещерах Средней Реки. Их пятерых Старейшины отправили в большую вселенную, чтобы узнать, какие ножи там требуются. В документах это огромное приключение значилось как «изучение рынка», хотя сам Точильщик мысленно обозначал его как «образование». В конце концов, сначала следовало узнать, кто и как использует ножи, и только потом решать, каким должно быть лезвие, какую ему придать кромку, какую рукоять отполировать, какие ножны сформировать. Он не сомневался в том, что ножи нужны, как и в том, что ножи от Клана Средней Реки нужнее всего.

Позади остались семь лет этого беспокойного путешествия. Точильщик был почти уверен, что еще лет через семь они уже будут иметь всю информацию, которая понадобится Старейшинам.

Будучи относительно молодым, Точильщик не считал себя особенно крупным: в начале путешествия его двенадцатый панцирь был еще опасно мягким, да и сейчас еще не до конца отвердел. Однако существа, не принадлежавшие к Стае, смотрели на него с трепетом: представители рабочих классов почти не путешествовали, и его четырехсотфунтовая бутылочно-зеленая фигура была на треть крупнее, чем у стройных и быстрых представителей Посольских Кланов, которых посылали на планеты людей.

Поскольку Точильщик был молод, он любил развлекаться. По правде говоря, именно поэтому он со своими тремя спутниками неповоротливо спешил по широкому тротуару квартала, состоящего из очень высоких зданий пастельных цветов. Некое музыкальное

произведение должно было исполняться в здании, до которого надо было еще немного пройти по этой улице, а потом еще сколько-то — после поворота. Можно было бы сказать, что краткость этого произведения — оно едва превышало время произнесения полного имени Точильщика на земном языке — не заслуживает того, чтобы пройти такое расстояние с такой скоростью. Однако сородичи хорошо знали страсть Точильщика к музыке и были расположены составить ему компанию в этом удовольствии.

И так они шли, стараясь не сходить с полосы мягкого материала, которым земляне покрывали свои тротуары. И почему было не воспользоваться камнем, который прослужил бы не меньше одного-двух поколений, пожелал узнать Эксперт, который отличался ехидством. Зачем использовать этот... этот *бетон*, который так быстро изнашивается? Если бы Стая использовала такой материал, то пришлось бы отбросить все дела и только постоянно обновлять дороги.

Помощник напомнил Эксперту, насколько коротка человеческая жизнь.

— Поэтому много их собственных поколений пройдут по этой поверхности прежде, чем она полностью износится. И в своей торопливости они к тому времени могут перейти на совершенно другой материал, так что для них это не расточительность, брат.

Какой ответ Эксперт дал бы на этот мягкий укор, так и осталось неизвестным: в этот момент позади взвыла сирена, а ей ответила еще одна, впереди. На противоположной стороне улицы как раз напротив членов Стаи одно из зданий запело само себе пронзительную песню.

Точильщик остановился, замороженный.

Здание продолжало свое пение, а его окружили люди, и каждый издавал крики, создающие новую торопливую гармонию. Контрапунктом к ней служил пронзительный вой сирен, установленных на двух только что подъехавших ярко-красных автомобилях.

Точильщик сошел с тротуара и двинулся через забитую улицу к тому зданию, которое пело. Члены его Клана, увидев, что он попал во власть своей страсти, направились за ним.

Они прошли через толпу к входу, напоминая стадо слонов,двигающихся по саванне, и приказ полисмена их не остановил. Возможно, они его даже не слышали. Или просто одобрили его голос как часть песни, не обратив внимания на смысл слов, переплетающихся в новом ощущении.

Охваченный восторгом Точильщик вошел в вестибюль. Его родня двигалась следом. Здесь, как он заметил, звук сирен звучал не так резко. Богатый контрапункт певцов стих до первобытного рычания, на фоне которого одинокая песня здания, состоящая из одной ноты, рвалась вверх, торжествующая и почти светящаяся.

Но тут присутствовали новые текстуры, несомненно, задуманные как оформление этой музыкальной пьесы: мягкость коврового покрытия под ногами, четкость красок, резкость света, отражающегося от зеркальных поверхностей в оправках. Точильщик шагнул глубже в это ощущение, открыв свое сознание навстречу целостности произведения искусства.

Члены его Клана терпеливо ждали.

«Чертовски легко», — подумала Мири с привычной подозрительностью ко всему, что казалось легким. Подсобный коридор закончился небольшим тупичком рядом с вестибюлем второго этажа, и там пришлось подождать, пока приехавшие спасатели не начали стучать в двери и выводить людей из опасной зоны. Вал Кон с Мири незаметно смешались с группой эвакуируемых, так что их тоже спасли.

Когда их группа оказалась в вестибюле, лиадиец так же незаметно от нее отделился и призраком скользнул в тени, отбрасываемые группой деревьев в кадрах. Заинтригованная этим возвращением к сложностям, Мири пристроилась следом за ним.

В течение следующих нескольких минут обстановка в вестибюле стала более шумной и суматошной. Повсюду сновали полисмены и пожарные, крича и расталкивая людей. Мири успела увидеть, как двое спасателей толкают к выходу Питера Смита, и ухмыльнулась.

— Крепкий Парень?

— М-м?

В вестибюль забрел выводок черепах, и он уставился на них, чуть сдвинув брови.

— А ты знаком с Терренсом О'Грейди?

Зеленые глаза скользнули по ее лицу, нахмуренные брови расправились, уступив место вежливой маске. Мири приготовилась услышать ложь.

Одна из бровей чуть изогнулась. Он сделал медленный вдох, а потом протяжно выдохнул.

— Я не знаком с Терренсом О'Грейди, — медленно проговорил он. — Но в течение нескольких дней я был Терренсом О'Грейди.

Он все-таки сказал правду! Мири заморгала.

— Этого я и опасалась. — Она кивнула в сторону инопланетян в вестибюле. — Твои друзья?

Он снова стал к ним приглядываться.

— С такого расстояния точно не скажешь. Но они могут оказаться... моей родней.

Она недоуменно посмотрела на него и увидела, как выражение крайней сосредоточенности сменяется глубочайшей радостью: в

тот момент один из Стаи начал вещать что-то непонятное голосом, похожим на корабельный гудок.

— Это Точильщик!

— Кто? — переспросила она, испуганно схватив его за плечо.

— Точильщик, — повторил он. — Тот, большой в центре — это мой брат Точильщик.

— А!

Она хмуро посмотрела на группу черепак, потом — на него. «Может, он сбрендил, Робертсон, — встревоженно подумала она. — Но по нему не похоже».

Члены Стаи стояли рядом. Трое из них ждали с явным терпением, ни на что в особенности не глядя, в то время как четвертый — шумный, на голову выше своих спутников — выражал оживленное внимание. «Точильщик», — напредила себе Мири его имя.

— Ладно, — сказала она, решив на время принять его шутку. — И что он здесь делает?

— Думаю... — он помолчал, не сводя глаз с четырех инопланетян, — думаю, он слушает музыку.

Мири с трудом сохранила расползающееся по швам терпение.

— Какую музыку?

Ее партнер взмахнул изящной рукой, обозначив столпотворение, царящее в здании и вокруг него.

— Точильщик — большой ценитель музыки. Я познакомился с ним, когда учился на разведчика-первопроходца. У меня была с собой переносная омнихора...

Он встряхнул головой, продолжая смотреть на черепак. Лицо его было радостным, губы полуулыбались.

— Ему понравилась моя игра. После того как я... с ним познакомился, он предложил мне место среди своих домашних в качестве музыканта Клана. — Полуулыбка ненадолго стала широкой улыбкой. — А еще он предложил выписать мне спутницу жизни или несколько возлюбленных, чтобы я не заболел от тоски по себе подобным.

Мири потрясенно смотрела на него.

— Разведчик-первопроходец? — переспросила она благоговейным шепотом.

Его лицо замкнулось, словно капкан захлопнулся: кожа плотно обтянула скулы, вокруг глаз напряглись скрытые мышцы. Улыбка исчезла, будто ее никогда и не было.

«Будь проклят твой язычок, Робертсон!»

— И что теперь, босс? — спросила она, стараясь говорить совершенно спокойно.

Он уже выходил из крошечных джунглей.

— Пошли поговорим с Точильщиком.

Они быстро прошли через вестибюль, увертываясь от пожарных и толп спасаемых жильцов. Вал Кон остановился перед самым большим членом Стаи. Мири встала у него за плечом.

Медленно, распрямив руки, он отвесил поклон юноши старшему, как и положено тому, кто еще не обрел панцирь, обращаться к величию того, у кого затвердел уже двенадцатый панцирь. С гибкостью танцовщика он согнулся так, что его лоб коснулся колен, а потом так же медленно выпрямился и встал, дожидаясь, чтобы его приветствие было принято.

Неспешный размеренный поклон, исполненный в должном темпе и как контрапункт царящему вокруг неистовству, привлёк внимание Точильщика. Он всмотрелся в крошечные фигурки, стоящие перед ним: существо с ярким мехом стояло в неподвижном почтении, а то, которое исполнило поклон, привлёкший его внимание, носило явное сходство с...

— Клянусь Первым яйцом Первой Стаи! — прогудел он радостно на торговом наречии. — Это мой брат-музыкант! Победитель драконов! Незнакомец, который учит! Ах, признаюсь, у меня были подозрения, но теперь они превратились в уверенность! Скажи мне, брат, — продолжал он, понизив голос до обычного крика и помахивая трехпалой рукой размером с голову младенца, — это — твоё, правда?

Вал Кон отвесил еще один медленный поклон, немного менее глубокий, чем первый.

— Я польщен тем, что ты узнал мою работу, — пробормотал он негромко, тоже на торговом. — Но я прошу тебя оказать милость твоему мягкому брату. Эта работа, которую я не предполагал тебе продемонстрировать, — договорная. Она должна остаться анонимной, известной одному мне — и теперь тебе, брат, — а также этой леди, которая мне ассистировала.

Вздых Точильщика пронёсся ураганом.

— Какой гений таится в моем брате! Каким благородством устремлений обладает тот, кто понимает, что искусство можно освободить, дав ему возможность следовать своей судьбе и воплощению!

Я снова у тебя в долгу и прошу, чтобы ты простил мое внимание к произведению искусства, заставившее тебя сделать такой поклон. Как твой брат я прошу, чтобы ты больше так мне не кланялся.

Он помолчал, взирая на своего брата-музыканта с изумленным восторгом в огромных, как блюдца, глазах.

— Я часто раздумываю о том последнем произведении, которое ты сыграл для Клана, когда ты сопоставил элементы музыки своего народа с музыкой моего. И я не перестаю удивляться, что тебе

удалось это сделать без всякой предварительной подготовки. Мне кажется, что большинство представителей твоей расы почтили бы на лаврах, если бы им удалось достичь столь виртуозного владения инструментом. Но ты... Я вижу, что ты осваиваешь новые области, переплетая нити твоей работы с элементами дисгармонии и ритма...

Он позволил себе замолчать, чтобы снова просмаковать музыкальное произведение, рождающееся сейчас.

— Это я должен кланяться тебе! — неожиданно объявил он и, попытавшись осуществить это намерение, чуть было не уронил проходившего мимо пожарного.

Его брат взмахнул многопалой рукой, словно пытаясь остановить поток похвал.

— Это слишком... Я тебя благодарю. — Он повернул ладони вверх в хорошо знакомом Точильщику жесте. — Ты позволишь?

— Говори. Я позволяю все такому брату и такому гению.

— Мне хотелось бы попросить, чтобы ты на несколько дней удостоил своего общества меня и мою спутницу. Дело в том, что нам необходимо путешествовать, а этому были... препятствия. Мне представляется, что мы могли бы попасть к месту нашего назначения без каких-либо домогательств, если бы ты удостоил нас своим покровительством.

Вал Кон помолчал, чуть склонив голову набок.

— Если желаешь знать, — медленно добавил он, — то произведение, которое ты видишь, — это только часть более крупного и сложного опуса, исполняемого нами.

— Это будет сделано! — объявил Точильщик, поворачиваясь к своим родичам, которые терпеливо стояли рядом. — Это будет сделано! — повторил он на самом торжественном из диалектов Стаи.

Остальные изобразили быстрые поклоны, мысленно снова отметив прискорбную торопливость Точильщика. Однако Т"карэ может иметь брата, и кто может отказать брату Т"карэ во вполне разумной просьбе?

— Все устроено, — проговорил Точильщик на торговом. — Мой брат может распоряжаться несколькими днями. Это так немного, но тем самым я могу начать выплачивать долг. Я...

— Когда вы, чертовы черепахи, уберетесь к дьяволу из этого вестибюля?

Задавшая этот вопрос полисмен с парализатором наготове была здоровенной мускулистой теткой, закаленным ветераном множества бунтов и уличных побоищ. Она возвышалась над Вал Коном, словно мастиф над рысью.

Точильщик посмотрел на нее с высоты своего роста, поражаясь безрассудной смелости такого маленького и мягкого существа.

«Маленькое мягкое существо», оставаясь в блаженном неведении относительно своего проступка, тем временем продолжало тираду:

— Неужели вы, тупые рептилии, не понимаете, что это здание горит, что в нем на свободе находится опаснейший преступник, что мы эвакуируем всех жителей и что вы всему этому мешаете? Ты... — Она дернула парализатор в сторону Вал Кона. — Ты кто такой?

— Специалист по лингвистике Нор Тон йос-Квентл, из...

Мири на секунду закрыла глаза.

— Ты здесь зарегистрирован? — прервала его полисмен.

— Нет, я здесь с этими...

— Тогда, ради Хейзуса, уноси отсюда свою задницу! — заорала полисмен, снимая парализатор с предохранителя и размахивая им для вящей выразительности. — И забирай с собой свой зоопарк. Здание эвакуируется. Если хочешь стоять здесь и дожидаться, чтобы на тебя упала крыша, — добавила она, неожиданно увидев положительную сторону происходящего, — то, наверное, никто не будет особенно огорчен потерей пары вырожденцев и стада черепах.

Она повернулась и зашагала дальше, на ходу убирая парализатор в кобуру.

Вал Кон посмотрел на Точильщика.

— Нам рекомендовано спешить, брат мой, иначе с помощью местных блюстителей порядка на нас может обрушиться крыша.

Точильщик вздохнул.

— Я надеялся насладиться окончанием твоей композиции, но, несомненно, ты прав. Мне грустно видеть так много людей, не восприимчивых к искусству.

С этими словами он развернулся по широкой дуге — словно пароход, меняющий курс в середине океана, подумала Мири, — и направился к двери. Один из трех его родичей пошел с ним рядом. Остальные двое остались на месте. Вал Кон схватил Мири за руку и потащил за собой, и вторая пара черепах пристроилась следом за ними, превратившись в их эскорт.

— Что происходит? — прошипела она ему на земном, пока они двигались к двери. — Кто, к дьяволу, этот Нортон Квентин? Почему мы...

— Нор Тон йос-Квентл, — уточнил он. — Он специалист по лингвистике в местном...

Она локтем ткнула его в бок.

— Слушай ты... ты... черепаший брат! Это все — просто безумие! Сначала ты выводишь нас в вестибюль, и никто не знает, кто мы. И тут ты вдруг решаешь привлечь к нам внимание, оказавшись в родстве с какой-то там Стаей, случившейся в вестибюле. А потом становишься еще кем-то! Ты просто хамелеон какой-то!

Он ухмыльнулся, наслаждаясь возможностью смотреть сверху вниз на кого-то, когда кругом все такие высокие.

— Я твой напарник, как ты и сказала Лиз. Как розу ты ни назови...

В следующую минуту он уже выяснял, что за лексикон может усвоить молодая девушка, ведущая жизнь наемника.

Мири с изумлением узнала, что представители Стаи — персоны важные. Комнаты для двух людей, сопровождающих Точильщика, были мгновенно предоставлены в том госте, где остановилась делегация, ведущая изучение рынка. Далее им предоставили отдельный кабинет в ресторане, где вскоре устроили трапезу из пищи отдельно для людей и для членов Стаи, с напитками и приборами, требующимися для каждого вида. Из какого-то далекого помещения для приемов умыкнули концертную омнихору, которую также поместили в столовой.

В ожидании трапезы — даже до того, как подали напитки, — Мири была официально представлена Точильщику, Помощнику, Хранителю и Эксперту, причем каждый был представлен своим сокращенным именем с визы.

— А как ваше имя? — спросил у нее Помощник.

Мири пожевала губу, пытаясь сообразить, что к чему.

— Мири Робертсон Отставной Солдат-Наемник, Бывший Личный Телохранитель, Вооружена и Готова Путешествовать.

Справа от нее послышался какой-то тихий звук: это ее спутник подавил чихание. Точильщик и Хранитель торжественно моргнули.

— Неплохое имя, — решил Т"карэ, — для еще юного существа.

Мири поклонилась в знак благодарности, что очень понравилось Точильщику, который счел ее очень хорошо воспитанной. Он начал с ней разговор о музыке и в конце концов спросил, играет ли она на каком-нибудь инструменте, как его младший брат.

Она покачала головой и призналась, что хотя может наиграть на омнихоре мелодию, одним пальцем и спотыкаясь, это нельзя по праву назвать игрой.

— Я немного пою, — сказала она Точильщику, когда они усаживались за стол, — но Крепкий Парень говорит, что вы — ценитель. В моем голосе нет ничего особенного.

Точильщик помолчал, обдумывая услышанное. Большую часть он понял, но кое-что его озадачило.

— Полагаю, что я не знаком с этим человеком, который так высоко меня поставил. Моя память не подсказывает мне лица, которое соответствовало бы имени Крепкий Парень. Я редко бываю так невнимателен, и это меня беспокоило.

— Среди землян порой принято, — пояснил Вал Кон, подавая Мири рюмку вина и укоризненно качая ей головой, — снабжать

человека тем, что известно как прозвище. Оно чаще всего бывает подсказано некоей характеристикой данного человека, которая считается особенно яркой и тем не менее не отражена в официальном имени. — Он помолчал, налил себе рюмку канарского и уселся между Точильщиком и Мири. — По какой-то только ей понятной причине Мири назвала меня Крепким Парнем.

— Понимаю, — проговорил Точильщик, принимая от Хранителя стакан с молочным напитком. — Меня радует, что земляне продолжают подстраивать свои имена. Прежде я этой тенденции у них не замечал. Но об этом приятно знать.

Он выпил свой напиток с явным удовольствием.

— Мне было бы приятно, — продолжил он, — если бы после окончания трапезы вы с Мири сыграли и спели.

Вал Кон наклонил голову. И, мгновение поколебавшись, Мири повторила его движение.

Разговор перешел на задание, которое было поручено четырем членам Стаи. Мири не вслушивалась, скорее ощущала неспешные голоса, торжественные фразы и длинные периоды как успокаивающую музыку.

Она отломилась от батона и неторопливо намазала его маслом. Точильщик неплохой парень, лениво решила она. А Помощник — лапочка. А Эксперт... Она ухмыльнулась. Как бывший сержанти она испытывала к Эксперту особое чувство.

Тут она заметила, что стеснительный и маленький (относительно, конечно) Хранитель смотрит на нее глазами размером с тарелочки для салата, и улыбнулась ему. Он быстро опустил голову и вдруг очень заинтересовался своей тарелкой.

Мири ела хлеб, наслаждаясь ощущением... безопасности? Она сделала глоток вина и решила, что черепахи ей нравятся.

— Тебе будет приятно знать, — гулко объявил Точильщик ее партнеру, — что когда ты снова нас посетишь, то сможешь есть пищу и пить напитки, предназначенные для тебе подобных. Мне было крайне стыдно, что наш Клан не мог обеспечить тебя ничем, кроме супов, в которых ты не был уверен и которые не содержали всех питательных веществ, какие требуются твоему организму. А пить ты мог только воду, поскольку наше пиво было слишком крепким.

Чтобы умерить мой конфуз, во время нашего путешествия я приобрел продукты питания, приготовленные твоим народом для твоего народа. И меня заверили, что эти вещи хранятся более двухсот этих стандартных лет.

Тут он помолчал и, настолько осторожно, насколько это позволял его гулкий голос, спросил:

— Как ты считаешь, ты сможешь вернуться к нам, как ты обещал, в течение ближайших двухсот лет?

Сидевший рядом с Мири Вал Кон замялся, и, бросив на него взгляд, она с удивлением поймала на его лице выражение, в котором узнала грусть.

— Определенно раньше, чем пройдет двести лет, — ответил он с неубедительной жизнерадостностью. — Лиადийцы живут не так долго, как вы. — Он поднял рюмку и сделал хороший глоток вина. — Но как я вообще могу тебя навестить, если ты ищешь приключений по всей галактике?

— О, — ответил Точильщик, — но ведь наша экспедиция почти завершена! Мы вернемся в пещеры Средней Реки меньше чем через семь стандартных лет.

Вал Кон рассмеялся.

— Я и не подозревал, что вы настолько близки к концу, — заметил он, и разговор перешел на другие темы.

В конце концов было решено, что настало время развлекаться. Поклонившись черепахам, Мири с Вал Коном перешли к омнихоре. Он пробежал пальцами по клавишам, рассыпав водопад звуков, и посмотрел на нее из-под длинных ресниц.

— Что споешь, о Путешественница?

Она не ответила на укол и сосредоточенно нахмурилась.

— Ты знаешь «Блюз Джимми Дули»?

Он сдвинул брови.

— Не уверен.

Она встала рядом с ним и наклонилась, чтобы наиграть sentimentальную мелодию. Он послушал пару тактов, а потом его правая рука начала наигрывать аккомпанемент, а левая передвинулась дальше по клавиатуре, подхватила ее неуверенную мелодию, решительно ее встряхнула и поставила на ноги.

Мири выпрямилась.

— Показушник.

Он ухмыльнулся, переключил регистры, отрегулировал высоту звука и замедлил продемонстрированный ею мотив, так что он превратился во вступление.

Мири повернулась к слушателям и запела.

Вал Кон признался себе, что поет она хорошо, и использовал омнихору, чтобы заполнять паузы, которые оставлял в песне ее голос. Конечно, у Мири не было большого диапазона, но она знала возможности своего голоса, а выбранная ею песня — преувеличенные жалобы на трудности, с которыми сталкивается программист Дули, — прекрасно соответствовала ее таланту.

Песня закончилась после ровно дюжины куплетов, что он тоже оценил.

Члены стаи неподвижно сидели за огромным столом. У Точильщика сияли глаза.

Вал Кон переключил регистры и заиграл вступление к вечно популярной космической балладе «Чужак за бортом». Мири рассмеялась и чуть было не пропустила момент, когда ей нужно было вступить.

Вечеринка затянулась до раннего утра.

Глава 6

На персонал гьотта в Эконси члены группы Точильщика произвели еще большее впечатление, чем на работников «Ратуши», где они провели предыдущую ночь. Конечно, Стая успела прожить в «Ратуше» уже несколько недель — возможно, к ней просто немного привыкли.

Стае предоставили апартаменты из шести спален, звездой окружавших просторную гостиную. Заикающийся управляющий объяснил, что омнихора входит в стандартную обстановку номера.

Апартаменты были признаны приемлемыми, управляющему было велено провести Помощника и Хранителя на кухню, где они смогут распорядиться относительно трапез, пока Точильщик и Эксперт совершат предварительный обход магазинов импортных товаров Эконси.

Мири посмотрела на Вал Кона и откашлялась.

— Я попробую узнать по комму, где остановился Мерф, — сказала она, неловко кивая в сторону своей спальни.

Он молча кивнул и направился к омнихоре.

Сеть охотно выплюнула имя Мерфа, и комм немедленно соединил ее с конторкой портье его гьотта.

— Мистер Мерфи и его гостя сняли на несколько дней один из наших островных эрмитажей, — сообщил ей улыбчивый молодой человек из «Архипелага». — Они должны вернуться на материк... сейчас уточню... Да. Завтра днем. Хотите оставить ему сообщение?

— Нет, спасибо, — ответила Мири, скрипнув зубами. — Я еще точно не знаю своих планов. Я свяжусь с ним, когда узнаю, что буду делать. Просто я подумала, что если бы он был свободен сегодня...

Она не стала договаривать, и молодой человек на пару киловатт притушил свою улыбку в профессиональном сочувствии.

Она поблагодарила его и отключила связь, кипя от раздражения.

Медленно повернувшись на месте, она осмотрела свою спальню. Конечно, не так роскошно, как квартира, которую Коннор

Филлипс арендовал в Миксле, но отдельный комм, встроенный в бюро, был приятной мелочью. А кровать была просто гигантская.

В ванной опять была предусмотрена возможность влажного и сухого мытья, и еще был солярий, а автокамердинер находился в отдельной комнате с зеркалами от пола до потолка. Поддавшись капризу (любое занятие было лучше, чем мысли о том, как именно можно отравить Мерфу жизнь), она вызвала каталог камердинера.

Когда на экране начали появляться изображения, она тихо присвистнула. Дьявол — она выбрала себе не ту профессию! Солдат много не заработает — если только ему крупно не повезет. И личные телохранители тоже не составляют себе состояния, если только их босс не умирает, преисполненный благодарности — и от естественных причин. Мири на секунду задумалась, пытаясь сообразить, какой профессией надо было бы заняться, чтобы позволить себе наряды, предлагаемые автокамердинером этого гьотта.

Вздохнув, она отключила камердинера. Точно можно было сказать одно: любой трюк, который позволил бы человеку одеваться вот так, был не из тех, которые может выучить наемник из гетто.

Эта мысль повлекла за собой следующую, и пальцы Мири уже открывали потайное отделение кошелька. Эмаль на диске казалась почти ослепительной в ярком свете гардеробной, но яркое освещение не сделало знаки более понятными.

Она какое-то время стояла, хмуро глядя на таинственную штуку. А потом, решительно потряхнув головой, отправилась на поиски своего партнера.

Управляющая вторым магазином оказалась более понятливой. Она поворачивала тот нож, который они носили с собой для этой цели — Точильщик называл его «образцом», — в разные стороны, так что неяркий свет то выхватывал, то прятал хрустальное лезвие, создавая художественный узор.

— Он прекрасен! — выдохнула она, осторожно укладывая нож на бархатную подушечку для демонстрации дорогих ювелирных украшений. — Я уверена, что каждый год могла бы продавать по несколько сотен. Почему бы нам не начать с немедленной поставки партии в пятьдесят штук? Через шесть месяцев я буду лучше представлять себе, как они продаются, и смогу сделать новый заказ. — Она посмотрела на более крупного из двух инопланетян, который показался ей главным. — Вас устроит пятьдесят процентов вперед и пятьдесят — по получении товара?

— Вполне устроит, — вежливо ответил Точильщик. — Но, похоже, я выражался недостаточно ясно. Моя беспомощность в вашем языке не перестает меня удручать. Вопрос вот в чем: «Немедленно», насколько я понимаю значение этого слова, неосуществи-

мо. Необходимо некоторое время, чтобы поощрить нож к росту до нужного размера, чтобы можно было установить должную заточку, сформировать и вырастить рукояти и ножны...

Управляющая нахмурилась.

— Сколько времени?

Точильщик взмахнул рукой.

— Чтобы нож был таким, как этот — если мы сегодня же оповестим тех, кто остался дома, — двадцать этих стандартных лет.

— Двадцать... — Она судорожно вздохнула и посмотрела на чудесную вещь, лежащую на бархате. — А что, если бы вы... э-э... поощрили... нож поменьше? Скажем, вдвое меньше, чем этот? Сколько времени потребуется на это?

Точильщик подумал.

— Возможно, пятнадцать лет. Некоторые работы, как вы понимаете, ускорить нельзя, хотя какое-то время экономится за счет того факта, что не приходится поощрять нож вырастать таким большим.

— И ничего нельзя сделать, чтобы немного ускорить этот процесс? Я хочу сказать — двадцать стандартных лет...

У двери магазина зазвенел колокольчик, возвещая о появлении еще одного покупателя. Вернее, двух покупателей, как увидела управляющая, глядя мимо панциря молчаливой черепахи. И оба — хорошо одетые и ухоженные.

— Извините, — пробормотала она Точильщику, немного переместившись вдоль прилавка. — Что вам угодно, сударь? Вам показать что-то определенное?

Старший из двух покупателей улыбнулся и взмахнул рукой.

— Ничего определенного. Подарок ко дню рождения моей дочери. Я бы хотел посмотреть, пока вы закончите заниматься этими господами.

Она улыбнулась и кивнула.

— Пожалуйста, не спешите. А если я могу вам чем-то помочь...

Не заканчивая фразы, она вернулась к Точильщику и Эксперту.

— Вы должны понять, что... человек не может в течение двадцати стандартных лет дожидаться исполнения контракта. Вы уверены, — очень искренне спросила она у Точильщика, — что никак не можете ускорить этот процесс?

Точильщик своей массивной годовой изобразил покачивание, которое, насколько он понял, означало отрицание.

— Сожалею, но это невозможно. Если бы мы попытались такое сделать — как это делалось в прошлом, когда ножи поощрялись к мгновенному росту — примерно три стандартных года от мысли до клинка... — Он испустил могучий вздох. — Такие ножи дефектны. Они не выдерживают жестких критериев, которые Клан Средней Реки предъявляет к своим лезвиям.

Тот, который вы видите перед собой, не разлетится на части, какова бы ни была провокация. За исключением, должен признать, массивной травмы, какую можно ожидать при аварии наземного транспортного средства или столкновении астероида с космическим кораблем. Дефектный клинок разлетится и превратится в пыль уже при втором ударе об обычный камень. Мы, как мастера, гордые своим ремеслом, не можем поощрять клинок вырастать раньше, чем должо, зная, что он окажется настолько плохим.

Он взмахнул рукой, и Эксперт шагнул вперед, чтобы вернуть образец в ножны из мягкой растительной кожи.

— Ну, — сказала управляющая, стараясь не показать разочарования, — мне очень жаль. Мне бы очень хотелось иметь в магазине ваши ножи. — Она изобразила улыбку. — Спасибо вам за то, что вы уделите мне время.

Точильщик склонил голову.

— Наше время было потрачено удачно. Мои благодарности за то время, что вы подарили нам.

Они с Экспертом повернулись — осторожно, потому что магазин был набит хрупкими вещами — и направились к двери.

— Извините, господа, — проговорил старший из двух хорошо одетых мужчин.

Точильщик остановился. Позади него Эксперт остановился тоже: ему нельзя было двигаться дальше, поскольку брат загородил ему дорогу.

Мужчина слегка поклонился — так, как местный принц поклонился бы другому принцу, проезжающему через его страну.

— Мое имя Джастин Хостро. Я невольно услышал сейчас ваш разговор. Многое из сказанного вами меня заинтересовало, и, полагаю, я вижу возможность нашего обоюдного процветания. Я был бы очень счастлив, если бы вы нашли время пройти со мной в мой офис, где мы могли бы обсудить этот вопрос подробнее.

Точильщик был доволен. Поистине, человек с поразительно утонченными манерами и великолепными оборотами речи. И более того — пожелавший больше узнать о ножах Средней Реки. Он наклонил голову.

— Мы с братом счастливы узнать ваше имя и будем рады обсудить с вами наше мастерство. Давайте, как вы и сказали, пройдем в ваш офис и поговорим.

Джастин Хостро снова поклонился.

— Я в восторге от вашей готовности. Не могу ли я попросить вас дать мне одно мгновение, чтобы я завершил покупку подарка для моей дочери?

— Хорошо, — ответил точильщик. — Мы с моим родичем будем ожидать вас и вашего сородича на улице.

Если их новый знакомый задержался в магазине дольше, чем на испрошенное им мгновение, этот отрезок времени оказался не настолько значительным, чтобы Точильщик или Эксперт заметили его промедление. Джастин и его спутник быстро к ним присоединились. Его спутник нес большую, нарядно упакованную коробку.

— О! — воскликнул Точильщик. — Какой вкус вызывает сделанный вами выбор! Насколько превосходны эти цвета: такой смелый желтый, и так великолепно умиряют его черные ленты! Я полагаю, что ваша дочь будет очень довольна таким подарком.

Мужчина, несший предмет его похвал, остановился как вкопанный и заморгал, глядя на своего начальника. Однако Джастин Хостро только положил руку на плечо Точильщика и мягко повернул его в другую сторону, приговаривая:

— Ах, мое сердце радуют эти слова: я вижу, что у вас острый глаз. Признаюсь, у меня были сомнения. Возможно, желтый чересчур смел? А черный — слишком строг? Но раз они заслужили от вас такую похвалу, я успокоен.

Спутник мистера Хостро, покачивая головой, пристроился к Эксперту, и каждый из них последовал за своим начальником.

ВВЗ составляла 0,9, ВЛВ — 0,82. Вал Кон переключил регистры омнихоры, и его пальцы отыскивали интересное переплетение звуков, а мысленные цифры погасли.

Окутав себя музыкой, он не услышал тех немногих звуков, которые сопровождали ее появление в комнате, и его чувство тела тоже не предупредило о ее приближении. Удар диска о мягкую крышку омнихоры прозвучал неожиданно громко.

Отточенные реакции не дали ему вздрогнуть от неожиданности, но его глаза быстро метнулись сначала к ее лицу, потом — к диску и снова к ее лицу.

— Привет, Мири.

— Что это? — спросила она резким тоном, ткнув пальцем в диск.

— Это — Знак Дома. — Он снова перевел взгляд на нее, стараясь, чтобы его голос звучал мягко и ровно. — В данном случае — Клана Эроб, который является Домом, выбравшим в качестве своей резиденции иную планету, нежели Лиад. Они — уважаемые торговцы. — Он повел плечами. — Вот все, что я знаю.

— На обратной стороне надпись, — сказала ему Мири.

Ее голос немного смягчился, но по-прежнему сохранял тревожащую его напряженность.

Он взял диск, перевернул его своими изящными пальцами и вздохнул.

— Это родословная. Последняя запись не закончена. Она гласит: «Мири Тайазан, родившаяся в год, названный Амрасам». — Он

осторожно уронил знак обратно на крышку омнихоры и посмотрел на Мири. — Это будет примерно шестьдесят пять стандартных лет тому назад.

— Тайзан, — пробормотала она, придав имени земное произношение. — Каталина Тайзан — моя мать. Мири Тайзан... бабушка, наверное. Мама могла назвать меня в честь бабушки. Она ничего мне не говорила. Только что ее мать умерла в 1358-м, во время лихорадок, когда толстокошки...

Она замолчала, встряхнув головой.

— Похоже, она много чего мне не говорила. Когда я сказала ей, что вступила в отряд наемников Лиз, она дала мне эту штуку. Сказала, что она принадлежала ее матери и что ее радует, что эта штука вырвалась с Пустоши... И я тоже.

Ее взгляд внезапно стал острее.

— Ты знал, — сказала она, и это было констатацией факта, а не обвинением.

Он кивнул.

— Я был настолько уверен, насколько это было возможно, хоть это ничего и не меняло. Я был удивлен тем, что ты не знаешь, что считаешь себя такой землянкой. — Он адресовал ей улыбку. — Ты посмотри на себя. Все знают, что лиадийцы низкие и мелкие по сравнению с остальными людьми, что сердцебиение немного другое и состав крови чуть отличается...

Она пожала плечами, и ее ответная улыбка была совершенно искренней.

— Мутация в приемлемых рамках. Так сказано в моих документах.

— А я именно это и говорю, — пробормотал он, — потому что реальной разницы нет. Заметной разницы. Я слышал, что все мы происходим от одного семени — земляне, лиадийцы, икстранцы.

— И икстранцы тоже? — Едва он успел кивнуть, как она уже ухватила за другой факт: — Ты это официально утверждаешь?

Он провел пальцем по гладкой эмали знака Эроб.

— Мой отец утверждал. У него был доступ к наиболее полным генетическим данным и... кос-какой другой информации. По правде говоря, он передал эти сведения Партии Земли.

— Что?! — Она непонимающе уставилась на него. — Партии Земли? И что они сделали — посмеялись над ним?

Он снова повел плечами, стряхивая неожиданное напряжение.

— Они попытались подослать к нему убийцу.

Она выдохнула воздух сквозь зубы, почти что присвистнув.

— Это на них похоже, знаешь ли. Особенно если они решили, что он прав. Но ты сказал — они попытались.

Он опустил глаза, взял диск и стал его поворачивать.

— Они попытались... Он шел с моей матерью — она была его спутница жизни, понимаешь, а не жена по контракту. Она увидела, как тот человек вынул пистолет, — и шагнула вперед, оттолкнув отца в сторону. — Он продолжал крутить диск в пальцах. Свет переливался по многоцветной поверхности. — Выстрел попал в нее. Они стреляли разрывной пулей. У нее не было шансов.

— И поэтому, — проговорила она после долгого молчания, — ты объявил вендетту всем землянам.

Его брови тесно сомкнулись.

— Нет, не объявлял. — Он небрежно бросил диск на мягкую крышку. — Какой смысл объявлять вендетту землянам? Из-за того, что один человек с пистолетом сделал то, что ему приказали? Возможно — вероятно, — он считал, что защищает свою семью, свой Клан, свою планету — всех — от какой-то ужасной судьбы. Я бы счел, что смерть одного человека — это очень дешевая цена, которую можно заплатить за то, чтобы в один момент покончить с подобной угрозой.

Он согнул руки и откинулся назад.

— Вендетта? Энн Дэвис, которая приняла меня как своего и выпустила как своего, — она была землянкой, хотя мой дядя, ее спутник жизни, был лиадийцем. — Он с полуулыбкой посмотрел на нее. — Мы с тобой могли бы стать партнерами, даже если бы ты была чистокровной землянкой. Между нашими расами нет ничего такого, что делало бы нас естественными врагами. Нет. Никакой вендетты.

Он взял Знак Клана Эроб и подал его Мири.

— Думаю, — медленно проговорил он, когда она приняла у него свой Знак, — что ни к чему мыслить такими категориями, как «лиадийцы», «Стая», «люди» или даже «икстранцы». Думаю, лучше думать — и говорить — конкретно: «Вал Кон», «Мири», «Точильщик». Если нужна категория крупнее — потому что для некоторых вещей нужно больше народа, — разумно думать: «Эроб», «Корвал», «Средняя Река». Тогда группа остается достаточно маленькой, чтобы все еще можно было перечислить тех, кто в нее входит. Если группа достаточно маленькая, то со временем можно узнать ее членов, части Клана. Разве есть угроза в словах «Хранитель», «Точильщик», «Терренс»?

Она продолжала держать на ладони Знак Клана. В ее глазах отразилось недоумение.

— Ты этому научился не в шпионской школе, — прямо заявила она.

Он опустил глаза и начал легко прикасаться к клавишам омнихоры.

— Да, — очень тихо сказал он. — Наверное, не там.

Она расстегнула кошель и сунула туда доказательство своей связи с Кланом Эроб, не отводя глаз от затылка Вал Кона, склонившегося над омнихорой.

— Тогда почему ты шпион, а не разведчик?

Контур ярко вспыхнул, и Вал Кон вскочил, прижав ладони к клавиатуре, готовясь положить конец той смертельной угрозе, которую она для него представляла. Он увидел, как в ее глазах вспыхнуло изумление, однако она мгновенно пригнулась в боевой стойке, чтобы отразить его нападение. Тренированный противник, который с каждым мгновением становился все опаснее...

— Мири... — Его голос сорвался, и он судорожно вздохнул. Подняв руку, он смахнул со лба прядь непослушных волос и сознательным усилием воли заставил Контур уйти из его сознания. — Мири, пожалуйста... Я... я хотел бы... сказать тебе правду. Я намерен сказать тебе правду.

Он увидел, как она делает над собой ответное усилие, как напряжение боя уходит из ее плеч и ног. Выпрямившись, она неуверенно улыбнулась.

— Но мне не следует искушать судьбу?

— Что-то вроде того, — согласился он, снова убирая волосы со лба.

Упрямая прядь тут же снова упала.

— Тебе надо бы постричься.

После прилива адреналина навалилась усталость. Его немного трясло, но в то же время ему было удивительно спокойно. Он мимолетно улыбнулся.

— Мне трудно серьезно отнестись к такому предложению, поскольку оно исходит от человека, чьи волосы отросли ниже талии.

— Мне нравится носить длинные волосы.

— И ты еще считаешь себя солдатом?

— Угу. Но, видишь ли, мне было велено никогда не стричься. Я просто выполняю приказ командира.

Он засмеялся и неожиданно почувствовал, что ему хочется говорить. Объясниться. Оправдаться.

— Приказы бывают непростыми, правда? — сказал он, снова усаживаясь за омнихору. — Я прилетел на эту планету потому, что здесь находился человек, который представлял большую опасность для очень-очень многих людей самых разных форм и размеров. Человек, который считал, что если чье-то сердцебиение или состав крови не совпадают с его собственными, то это — вырожденец, ничтожество. И этот человек убивал и мучил тех, у кого не было надежды.

Я летел сюда по приказу, но, увидев дела этого человека, я уверен в том, что поступил правильно. Наверное, сюда прислали меня, потому что в случае неудачи все списали бы на вендетту, и никто не стал бы копать глубже.

Он помолчал и продолжил уже медленнее:

— В конце концов, шпион я или разведчик, но я доброволец, правда? Я уже вызвался идти первым, избавляя вселенную от опасностей. Шпион или разведчик — это одно и то же. В любом случае я — агент перемен. Расходный материал, слишком удобный инструмент, чтобы им не воспользоваться.

Иногда, — продолжил он тихо, — инструменты программируют так, чтобы они себя защищали. Например, эту омнихору можно без труда двигать по гьотту. Однако если бы мы попытались вынести ее из здания, она начала бы выть или просто перестала бы работать. — Он внимательно посмотрел на Мири. — Эта омнихора может даже не знать, что она делает, когда граница будет пересечена. Некоторые схемы для нее недоступны. С инструментами порой так бывает.

Мири беспокойно кивнула.

— Но люди... — начала было она, однако оборвала возражение, когда дверь открылась, пропуская Хранителя и Помощника.

— Было договорено, — сообщил им Помощник, — что мы все вшестером пообедаем в так называемом «Гроте», расположенном внизу этого заведения. Обещано, что там будет музыка, что наш старший брат найдет приятным. А еще там будут танцы, что, как нам показалось, может быть приятно нашим друзьям-людям. И, — добавил он, понизив голос до того, что, как решила Мири, должно было обозначать шепот, — форма «Грота» может быть приятна нам всем, поскольку она напоминает систему пещер, расположенную на этой планете. Мы заказали столик на восемь часов и надеемся, что до праздника будет достаточно времени, чтобы вы успели освежиться, украсить себя и подготовиться. Нам не хотелось бы, чтобы вечер начался с неподобающей поспешностью.

Люди переглянулись, и Вал Кон поклонился.

— Мы благодарим вас за вашу внимательность. Шести часов для наших приготовлений будет более чем достаточно. Мы будем готовы к нужному моменту.

— Значит, все очень хорошо, — сказал Помощник. — Если вы позволите, мы сейчас совершим свой уход, чтобы провести должные анализы и также совершить приготовления к вечеру. Он обещается быть временем важных разговоров.

Люди поклонились в знак благодарности и согласия. Мири попыталась скопировать гибкий стиль Вал Кона и обнаружила, что он требует гораздо больших усилий, чем кажется со стороны. Стая ушла к себе.

Мири вздохнула.

— Ну, я не знаю, как я могу себя украсить, хотя идея насчет освежиться меня привлекает. Может, закажу у автокамердинера стильную новую рубашку.

Она говорила сама с собой, не ожидая ответа. Слова Вал Кона заставили ее подскочить от неожиданности.

— Знаешь, туда нельзя идти в таком виде, — серьезно сказал он. — Это же самый шикарный курорт на планете.

— Угу, но я не могу идти и в тех нарядах, которые предлагает этот камердинер! Ты хоть посмотрел, сколько эти штуки стоят? На деньги, которые тут просят за пару туфель, я могла бы организовать вторжение на Землю! Я здесь для того, чтобы получить мои деньги, или ты забыл? Дошло до того, что мне приходится доливать в кинак воду, чтобы выпить вторую рюмку. И я не могу влезать в долги, чтобы заплатить за вещь, которую надена всего раз в жизни!

Вал Кон наклонил голову и удивленно приподнял брови.

— В том, что на тебе сейчас, ты привлечешь к себе всеобщее внимание, — просто сказал он. — А Точильщик сказал, что все расходы на эту поездку он берет на себя, поскольку считает себя моим должником и потому что ему не пришло в голову поехать в Эконси, чтобы исследовать потребность в ножах на месте. И даже если бы он не пожелал распространить свое покровительство на тебя, я мог бы заплатить...

— Нет! — Она гневно нахмурилась. — Я так не делаю. Я могу просто остаться в комнате — отговориться, что у меня день поста или еще что-то в этом роде.

— А вот это было бы оскорблением после того, как Помощник потратил силы и время на то, чтобы заказать столик там, где мы все могли бы поесть и приятно провести время.

Он помолчал. Казалось, он внимательно изучает воздух.

— Будет лучше не брать пистолета.

С этими словами он открыл свой кошелек и достал тонкую полированную палочку, немного похожую на друметайскую счет-палочку.

— Лучше уложи волосы так, чтобы заколоть их вот этим.

Вал Кон сделал незаметное движение — и палочка разделилась, превратившись в рукоять тонкого смертоносного клинка, одна сторона которого была изогнута и гладко заточена, а другая имела опасные зазубрины.

Еще одно движение — и тонкий нож снова стал полированной палочкой. Из ножа в украшение. Повернув странное оружие, он протянул его Мири.

Она колебалась.

— Я не эксперт по ножам. Знаю только, как пользоваться стро-порезом.

— Если кто-нибудь подойдет настолько близко, чтобы тебя схватить, — сказал он совершенно серьезно, — вытаскивай ее, открывай, втыкай в него и беги. Он вряд ли за тобой погонится. — Он

снова протянул ей палочку-нож. — Сама простота. И вообще это только предосторожность.

Она перевела взгляд с ножа на его лицо. Решившись взять протянутое ей оружие, она сделала это осторожно и неохотно.

— Меня запугивают, — объявила Мири.

— Несомненно.

— Лазения спандок, — сказала она грубо.

Его брови снова взлетели вверх.

— Ты говоришь по-лиадийски?

— Достаточно, чтобы выругаться и худо-бедно продраться сквозь боевую диспозицию. И если кто-то заслуживает, чтобы его назвали деспотичным ублюдком, так это ты. Два раза столько.

Она направилась к себе в комнату, на ходу открывая и закрывая потайной нож.

У нее за спиной он пробормотал что-то по-лиадийски. Она стремительно обернулась, радуясь тому, что в эту минуту нож оказался закрыт.

— Это не смешно, космолетчик! — Слова на торговом были полны негодования. — Я не юная леди, и нечего приказывать мне не ругаться!

— Извини меня. — Он виновато поклонился и позволил себе спросить: — Куда ты идешь?

— Освежиться и украсить себя. После того как я решу, какие туфли надеть, у меня останется всего пять часов.

И она исчезла, оставив его удивляться неожиданному уколу одиночества и разбираться, какой порыв заставил его обратиться к ней в интимном наклонении, предназначенном для родственников. Или любовников.

Глава 7

Дверь закрылась со вздохом, эхом повторившим ее собственный, и Мири резко повернулась, бросив палку-стилет на стол.

«Отвратительная игрушечка, — подумала она, морща нос. Ее рука легла на рукоятку пистолета, висящего на бедре. — Вот он не менее смертоносен, но чем-то... чище? Прямее? Или просто меньше требует... чувства?»

Она беспокойно шевельнулась, а потом заметила свое отражение в зеркале у кровати и показала себе язык.

«Мири Робертсон, девушка-философ», — с иронией подумала она.

«Иланиа ффругудон...» Негромкий голос Крепкого Парня эхом прозвучал в ее голове, и она застыла, прикусив нижнюю губу.

Лиадийский язык был древен, неизмеримо древнее, чем пестрое собрание диалектов, претендовавших на звание земного языка, и имел две формы: высокую и низкую. Высокий лиадийский использовался для того, чтобы общаться в основном с посторонними — например, с коллегами по работе, незнакомцами, дальними знакомыми и продавцами в магазинах. На низком лиадийском обращались к родственникам, к старым друзьям, к детям... И никогда — к людям, которых считали расходным материалом.

Но Крепкий Парень два раза начинал движение, которое убило бы ее — автоматически, умело. Возможно, рядом с ним она уже с десяток раз была на волосок от смерти: ей понадобилось время, чтобы понять, что должна была скрывать маска безобидной вежливости, которую он порой надевал.

Его другое лицо — с подвижными бровями и светлыми улыбками — было лицом человека, который любит смеяться и легко умеет извлекать трогающие сердце мелодии из сложной клавиатуры омнихоры. Это было лицо человека, которого приятно знать. Лицо друга.

Напарника.

Она подошла к кровати и медленно улеглась, заставив натренированные мышцы расслабиться.

— Разведчик — это не шпион, — сообщила она потолку. — А люди — не инструменты.

Она закрыла глаза. Разведчики, подумала она. Разведчики ближе всего к героям... А он сказал — разведчик-первопроходец. Лучший из лучших: пилот, исследователь, лингвист, культуролог, ксенолог. Талантливый, гибкий, бесконечно находчивый. Будущее планеты зависело только от его слова. Будет ли она заселена? Открыта для торговли? Подвергнута карантину?

Мири открыла глаза.

— Разведчики нужны для того, чтобы все скреплять, — пояснила она потолку. — А шпионы нужны, чтобы все растаскивать.

А что он ей нес насчет инструментов!

Она перевернулась, спрятав голову в сцепленные руки, и заново пережила недавние минуты, когда она поняла, что он собирается броситься на нее, перепрыгнув через омнихору.

«Боги, вот это скорость!» — подивилась она.

Судзуки и Джейс отдали бы все боевые выплаты, полученные за годы, чтобы залучить такую скорость в свой отряд, не говоря уже о мозгах, которые этой скоростью управляли.

Но хватит о его мозгах. Она не понимала, почему он удержал себя в те моменты, когда она видела в его глазах свою смерть. Она не понимала, почему он доверил ей этот смертоносный клинок, почему говорил с ней... И на секунду она усомнилась в том, что он в своем уме.

Возможно, он просто псих.

«А от психов надо стараться держаться как можно дальше», — сказала она себе.

Она перекатилась на колени в центр огромной кровати, собралась, чтобы прыгнуть на пол. «Пора делать ноги, Робертсон. у тебя ума не хватит, чтобы разобраться в этой мешанине».

— Иди! — крикнула она себе еще через секунду, но не сдвинулась с места.

К черту Мерфа и деньги. К черту Хунтавас и их идиотскую вендетту. И тем более к черту фразу, сказанную на языке, который, может, и был родным для ее бабки, но не был родным для нее самой.

Да, и что потом? К черту человека, который уже два — нет, четыре — раза спас ей жизнь?

«Ты дура, Робертсон, — яростно сказала она себе. — Ты еще психованнее, чем он».

— Угу, ну, это же работа, — произнесла она вслух, чуть ссутулившись. — Я хоть чем-то занята.

Она сделала кувырок и приземлилась на ноги. По дороге в ванную она остановилась у стола и взяла небольшую деревянную палочку. Ее так легко спрятать... Она вспомнила Пустошь и один из многих случаев, когда такое приспособление было бы желанной защитой. Перед ее мысленным взором промелькнуло лицо, которое она не видела уже много лет, — и ее рука автоматически дернулась. Клинок вырвался на свободу, бесшумный и готовый к бою.

— А, какого дьявола, — пробормотала она, сложила нож и унесла его с собой в ванную.

Чуть позже, вымытая и облаченная в халат, с еще непросохшими волосами, она снова включила каталог автокамердинера. При виде первой картинки она нахмурилась, пытаясь понять, что изменилось — и чуть было не расхохоталась во весь голос, развеселившись и возмущившись одновременно.

Каталог не показывал цен.

«Ладно, — решила она, начиная его просматривать. — Если ему так хочется. Надеюсь, я его разорю».

Чуть позже она поймала себя на том, что пытается угадать, какие наряды могут ему понравиться, какие наряды могли бы склонить его принять предложение разделить с ней этой ночью огромную постель.

— Красавчик, правда? — сочувствующе спросила она у своего отражения и вздохнула.

Красивый, и опасный, и умный, и совершенно психованный. Она мысленно обругала себя, пытаясь понять, почему только сейчас опознала это чувство. Страсть. И не простая похоть, которая

быстро проходит, а классический вариант, как в «Потерянной неделе на Моравии».

Оглянувшись — и снова вернувшись к нарядам на дисплее камердинера, — она подумала, не удастся ли когда-нибудь заинтересовать его потерянной неделей. А потом снова себя обругала. С каких это пор у нее появилась неделя, которую можно было бы потерять?

Послужной список Коннора Филлипса, который неохотно предоставили с «Салина», включал в себя голограмму. Изображение скопировали и разослали полисменам, пожарным и спасателям, которые работали на пожаре в Миксле.

Сержант Мак-Каллох отреагировала немедленно.

— Ага, — сказала она Питу, — я его видела. Он, рыжая девчонка и четыре черепахи — они все ушли вместе. — Она наморщила лоб от усилия вспомнить поточнее. — Сказал, что его зовут как-то там и еще как-то йос еще кто-то. Имя, как у вырожденца. А ее имени не знаю. Тоже вырожденка. Говорили с черепахами на торговом — что-то насчет того, чтобы всем вместе путешествовать пару дней... — Она пожалала мощными плечами. — Мне очень жаль, мистер Смит. Если бы я знала, я могла бы их всех прямо там и задержать.

— Ничего страшного, сержант, — сказал начальник полиции, опередив досадливое ворчание Пита. — А вы не слышали чего-нибудь такого, что сказала бы, куда они направляются?

Сержант покачала своей огромной головой.

— Никак нет. Только что им следует держаться вместе.

— Ну, — сказал начальник полиции, — на самом деле, вы нам сильно помогли. Четыре черепахи и двое людей, путешествующие вместе? Их будет легко найти. — Он улыбнулся своей подчиненной. — Это все, сержант. Спасибо, что явились доложить. Вы проявили себя наилучшим образом.

— Слушаю, сэр. Спасибо, сэр. И вам спасибо, мистер Смит.

Сержант четко развернулась и строевым шагом вышла из комнаты, довольно резко закрыв за собой дверь.

— Ни фига себе! — выругался Пит. — И, надо думать, теперь нам надо только разослать бюллетень на четырех черепах и двух вырожденцев и дожидаться сообщений.

— На самом деле, — ответил начальник полиции, откидываясь на спинку кресла, — вы близки к истине. Мы рассылаем голограмму и просьбу сообщать обо всех компаниях из черепах и людей. С инструкциями установить наблюдение и доложить в штаб-квартиру в Миксле. Ни при каких обстоятельствах их не следует арестовывать.

— Что?!

Пит остановился на полушаге и возмущенно воззрился на своего собеседника.

Начальник полиции покачал головой.

— Подумай сам. Парень изобретателен: он устроил здесь славный отвлекающий маневр — ограниченный материальный ущерб, никакого риска для жизни. А если ты прав и он замешан в деле О'Грейди, то, наверное, он немного опасен.

Он устроил ногу на крышке стола.

— И еще: черепахи — это очень щекотливый дипломатический вопрос. Злить их мы не можем себе позволить. А они очень разозлятся, если считают парня своим другом, а его придет арестовывать какой-то сельский полисмен. — Он покачал головой. — Про девушку мы ничего не знаем, но разумно предположить, что она так же опасна, как парень. А черепахи и ее друзья.

Пит задумчиво заморгал:

— Так что нам надо подождать, пока их найдут и накроют, а потом бросить на них все, что у нас есть, — и так быстро, чтобы черепахи даже ахнуть не успели. А сказать «извините» можно будет потом.

Начальник кивнул:

— Вот именно.

— Дефектные клинки, — говорил Точильщик в тот момент, когда Мири вошла в комнату в начале вечера. — И только дефектные клинки, братья мои! Все, которые сейчас у нас есть — на складах, помнишь, Хранитель? Ближе всего к реке! И все, которые только может породить та трижды проклятая пещера! Кто бы мог такое вообразить?

— А какой может быть толк в дефектных клинках? — спросил Помошник, озадаченно кося глазами.

— О, их будут давать неким избранным членам организации этого Джастина Хостро. Этим личностям поручаются задачи, связанные с честью и целостностью организации. Джастин Хостро решил, что используемый в таких целях клинок должен использоваться только для этой цели и ни для какой другой. Более того, он должен быть безупречно изготовленным оружием, чтобы не подвести в момент выполнения самой задачи.

Эти ножи просто великолепно отвечают критериям, установленным Джастином Хостро, не так ли, брат?

Последний вопрос был адресован Эксперту, который наклонил голову.

— Это действительно так. Можно подумать, что Пещера Дефектных Ножей была создана и открыта только для того, чтобы мы могли заключить это соглашение с Джастином Хостро.

Вал Кон, устроившийся на ручке кресла чуть в стороне от кружка из членов Стаи, ухмыльнулся, различив ехидство, скрытое в этой фразе, и поднял голову на звук открывшейся перед Мири двери.

Она была одета в темно-синее платье, которое в некоторых местах облегалo ее, словно вторая кожа, а в других ниспадало свободно и изящно, словно водопад полуночной воды. Справа часть ее волос была уложена сложным узлом, в который была продета тонкая блестящая палочка. Остальная медная масса свободно падала на плечи и спину. Ее шея была обнажена, как и одна рука, на пальцах не было колец.

Когда она приблизилась к Точильщику и склонилась в поклоне, Вал Кон встал и незаметно ушел к себе в комнату.

— Да, моя самая младшая сестра, — прогудел Т"карэ, сразу же ее узнав. — Этот цвет тебе идет. Он подчеркивает пламя твоих волос. Поистине разумный выбор.

Мири поклонилась в знак благодарности.

— Я хотела поблагодарить вас за возможность надеть это платье. Ничего более красивого я никогда в жизни не носила.

— Искусство, которое ты воплощаешь, — это достаточный знак благодарности. Ты с моим столь красивым юным братом... Куда он ушел?

Крупная голова стала поворачиваться.

— Я здесь. — Вал Кон улыбнулся, бесшумно входя в гостиную. — Забыл кое-что.

Мири увидела, что он прекрасен. Темный кожаный костюм исчез: его заменила белая рубашка с широкими рукавами, туго схваченными на запястьях. Кружевные манжеты наполовину закрывали изящные кисти рук. У его горла тоже кипело кружево, а брюки темно-вишнего цвета были из какого-то мягкого материала, который так и хотелось потрогать. С мочки правого уха свисала зеленая серьга, на левой руке было золотое с зеленым кольцо. В мягком освещении комнаты его темные волосы шелковисто блестели.

Он поклонился ей и протянул принесенную из комнаты коробку.

— Я прошу прощения за нанесенную обиду.

— Я не обиделась.

Она взяла коробочку и осторожно подняла крышку.

Внутри сияло ожерелье из серебряной сетки с одним граненым камнем синего цвета и серебряное кольцо в форме невероятной змеи, крепко сжимающей в челюстях камень такого же цвета.

Она застыла, остолбенев, а потом глубоко вздохнула и заставила себя встретиться с ним взглядом.

— Спасибо. Я... — Она тряхнула головой и попробовала снова. — Палесси модасса.

Это была официальная фраза, выражавшая благодарность.

Вал Кон улыбнулся.

— Не стоит благодарности, — ответил он, потому что ему показалось безопаснее придерживаться земного языка. Он слегка дотронулся до ожерелья указательным пальцем: — Можно мне?

Ее губы изогнулись в улыбке.

— Конечно, почему бы и нет?

Сначала она надела кольцо на левую руку, а потом подняла обе руки, чтобы поднять волосы с шеи.

Он надел на нее ожерелье с ловкостью, говорившей о прошлом опыте, а потом осторожно высвободил волосы Мири из ее рук и уложил их волной у нее на спине. Мири подавила волну возбуждения и сумела сохранить маску бесстрастности, когда Вал Кон встал рядом с ней и поклонился Точильщику.

— Я думаю, мы готовы праздновать, старший брат, — сказал Вал Кон. — Приятно ли будет тебе пойти с нами?

Глава 8

Чарли Нараншек сунул свой табельный пистолет в нарукавный карман мундира. Он всегда носил его там, хотя его работодатели в «Гроте» снабдили его большим и очень вычурным пистолетом, приказав носить на видном месте. Тут были затронуты его чувства. Заступая на работу в качестве вышибалы, Чарли чувствовал себя лучше, зная, что его дневное оружие находится при нем. На него нападала дрожь, стоило ему только представить себе, как он вытаскивает красивую штучку, пристегнутую к поясу, и пытается ею прицелиться.

Чувства, решил Чарли, захлопывая дверцу шкафчика, — это вещи важные. Это — ключи к внутреннему «я». Прислушиваться к собственным чувствам, действовать в соответствии с ними — это разумно.

Проходя мимо дежурной, он приветственно поднял руку.

— Вечер добрый, Пэт.

— Эй, Чарли! — Она поманила его к себе и повернула экран на вращающейся подставке так, чтобы ему стали видны яркие янтарные буквы. — Посмотри-ка на это, ладно? Может, выйдешь на них на своей второй работе.

Он хмуро прочел надпись: «Разыскиваются...»

— Четыре черепахи и два человека? Они что, спятили?

Пэт пожала плечами.

— Кто знает? А тебе не кажется, что черепахи были бы в восторге от «Грота»? От этой хитрой танцплощадки без гравитации?

Она подергала затянутыми в мундир плечами, пародируя танец, который мог бы быть в моде на какой-нибудь покрытой джунглями планете, где копья и каноэ все еще считаются довольно мощными штуками.

Чарли хмыкнул.

— Конечно. Только она не без гравитации, а с пониженной гравитацией. — Он снова посмотрел на экран и покачал головой. — Наблюдать, но не вступать в контакт. Сообщить о местопребывании в штаб-квартиру в Миксле... Вести наблюдение... Считать вооруженными и опасными?

Он посмотрел на Пэт, а та поморщилась и прикоснулась к клавиатуре. На экране развернулось описание внешности двух людей, входящих в группу.

— Мужчина: темные волосы, зеленые глаза, худощавый, рост примерно сто шестьдесят, возраст от восемнадцати до двадцати пяти. Женщина: рыжие волосы, серые глаза, худощавая, рост примерно сто пятьдесят, возраст от восемнадцати до двадцати пяти. — Он выпрямился и развернул экран в прежнее положение. — И они вооружены и опасны? Да при их росте нельзя даже взять оружие, не то что из него выстрелить. Вот черепахи — дело другое. Если такая на тебя наступит, будет больно.

Пэт рассмеялась и замахала на него рукой.

— Выметайся отсюда, совместитель чертов. Не знаю, чего я хотела от человека, который не может прожить на жалованье полисмана.

Он ухмыльнулся и направился к выходу.

— До встречи, Пэт. Постарайся не дать этим юнцам захватить полицейский участок в мое отсутствие, ладно?

— Угу. Только смотри, не танцуй с черепахами, старик.

Дверь закрылась, заглушив звук ее смеха. Чарли бросился к ближайшей остановке такси. Ему надо поторопиться, иначе он опоздает.

Помощник превзошел себя. Стая не только сидела в отдельной нише с прекрасным видом на музыкантов и знаменитую танцплощадку, но он к тому же — поскольку Стая все-таки была в гостях на территории людей — устроил так, чтобы четверо инопланетян ели свою пищу с помощью столовых приборов землян.

Точильщик по очереди извлекал приборы из служившей им ножнами салфетки, поворачивая во все стороны каждую вилку, нож и ложку и изумленно изучая их своими огромными глазищами.

— Что вы думаете, братья? — спросил он всех присутствующих, поднимая ложку повыше. — Это тоже нож? Тут есть что-то вроде лезвия...

Хранитель извлек одну из своих ложек и попытался проверить ее балансировку.

— Действительно, это могло бы быть ножом, старший брат, и нам по силам было бы поощрить подобную форму. Но вот эта вещь... — Он продемонстрировал десертную вилку. — Три острия? Шесть кромок, как я опасаюсь.

— Пустяк! — заявил Точильщик. — Думаю, что если бы мы поставили эту проблему перед...

Здесь смысл потерялся в гулком ворчании, которое, как решила Мири, было родным языком Стаи.

Она наклонилась к своему партнеру.

— Они это серьезно или как?

— М-м? — Он слегка вздрогнул и повернулся к ней. Широкий рукав его рубашки скользнул по ее обнаженной руке. — Конечно, серьезно. Клан Средней Реки создает лучшие ножи на родной планете Точильщика. А это равносильно утверждению, что они создают лучшие ножи во всей известной вселенной.

— А что это значит — лучшие? Это значит красивые, или удобные, или неразрушаемые?

Он ухмыльнулся и подлил вина в их рюмки.

— Да. Ножи Средней Реки имеют кристаллическую структуру, подобную хрусталу, тонко выделанные, с великолепными рукоятками, с дивными ножами... Несомненно, прекрасные вещи. И полезные, поскольку нож — это все-таки инструмент. Точильщик и его Клан поощряют столько разных лезвий, сколько есть всяких применений, от отверток до молитвенных ножей. — Он сделал глоток вина. — Неразрушаемые? Точильщик всегда старается подчеркнуть, что среднереченский клинок разлетится на куски при условиях, которые ему нравится называть «травмирующими». К ним относится полное разрушение здания или транспортного средства в момент нахождения там этого ножа...

Она рассмеялась.

— Но ложки?

Он достал одну из нескольких ложек, завернутых в его салфетку. С рассеянным изяществом откинув с кисти руки кружево, он продемонстрировал ей этот прибор, проведя пальцем по краю.

— Здесь есть симметрия, видишь? И назначение. Польза. И, действительно, некие приятные формы. — Он пожал плечами и отложил ложку в сторону. — Кто знает? Возможно, скоро — скажем, во второй половине жизни твоих внуков — среднереченские ложки будут последним криком моды среди богатых и влиятельных.

— Действительно, — прогудел Точильщик, — именно так я и подумал, юный брат! Если это такие вещи, которые используются ежедневно, то зачем их изготавливать из мягкого металла, который

так быстро изнашивается? Почему бы им действительно не быть из кристаллов, поощряемых нашим Кланом, чтобы ими пользовались в течение многих сотен ваших стандартных лет?

Мири снова засмеялась и приветственно подняла рюмку.

— Безусловно, это так! Наверное, люди просто близоруки.

— Мы вас за это не виним, — поспешно сказал Помощник. — Ведь вы не сами выбрали себе такую короткую жизнь. Но представляется расточительством и высокомерием обречь творения ваших рук на забвение только потому, что вы сами...

Он замялся: конец его фразы был очевиден и изящного выхода не предвиделось. Точильщик шумно его спас.

— Неверно, брат: преходящее — это форма искусства. Более того, оно может быть самой высокой формой искусства: сам я еще не пришел к окончательному решению, а других мнений по этому поводу не слышал. Разве мы сами не были свидетелями творчества этого нашего младшего брата, который пользовался звуком, рисунком движений и отраженным светом? Оно сделано — и уходит, и, уходя, меняется. Искусство, братья. И кто знает, быть может...

Увидев, что Точильщик снова находится во власти своей страсти, члены его Клана приготовились слушать.

Остальные двое обменялись взглядами, улыбками — и отпили вина.

Чарли вошел в восточную дверь «Грота» точно вовремя и почти не запыхавшись и приветственно помахал своему напарнику, работавшему днем.

— Эй, Джордж! Какие новости, парень? В подземельях Эконси все тихо?

— Довольно тихо, — признал его напарник, худой смуглый мужчина, которого вышибли из полиции за нанесение подростку травмы со смертельным исходом. — В южной части сидит компания, за которой следовало бы приглядеть. Группа настоящих черепах и пара людей.

— Как-как?

Чарли выпучил глаза, но сразу же опомнился и заставил себя моргнуть.

— Черепахи, — терпеливо повторил Джордж. — Четыре штуки. Два человека, мужчина и женщина. Молодые. Проблем нет, только шумят немного. Но такие уж они, эти черепахи: не могут вести разговор так, чтобы в соседнем доме стены не потрескались. Просто присматривай за ними. Хотя ксенофобы к нам редко заглядывают.

Чарли кивнул.

— Угу, но никогда не знаешь... Я буду изредка туда заглядывать. А что за ребята?

— Красивая парочка. Он темный. Она рыжая. Не оранжевая, — неожиданно решил пояснить он. — Скорее, коричнево-рыжая.

— Каштановые волосы.

— Угу, каштановые. Маленькая такая. Похоже, неплохо проводят время, все шестеро. То и дело смеются.

Он пожал плечами и двинулся к бару.

— Ну, хорошо, — сказал Джордж, поняв его намек. — Надеюсь, они будут довольны своим пребыванием в прекрасном Эконси. — Он поднял руку. — Пока, приятель.

— Не напрягайся.

Джордж уже махнул рукой стоящему за стойкой Мэйси, заказывая свою первую в этот вечер рюмку.

Чарли дежурил в восточном и южном залах и к тому же присматривал за танцплощадкой с пониженной гравитацией, которая находилась в самом центре. Дженис Долтон патрулировала в западном и северном зале и тоже присматривала за танцплощадкой. Еще двое курсировали повсюду и присматривали за всем.

В восточном зале было спокойно. Чарли перехватил спор по поводу счета, не дав ему разрастись в громкий скандал, и передал его ближайшему управляющему. Он проводил рано напившегося посетителя к ближайшему выходу и посадил его в такси. Он приветственно кивнул двум постоянным клиентам и направился в южную часть.

«Хорошая компания собралась», — решил он, бросая взгляд на танцплощадку и две одинаковые барные стойки, отмечавшие переход из восточного зала в южный. Заметив одного из курсирующих дежурных, Марка Свенгера, он поманил его к себе.

— Как дела?

— Неплохо, — ухмыльнулся Марк.

Хороший парнишка: ночами он работал в «Гротте», а днем учился, собираясь стать юристом. Чарли надеялся, что этого не произойдет: неприятно было бы вот так потерять друга.

— Как там вечеринка черепах? — спросил он. — Еще идет?

— О да! Похоже, они просидят тут до будущего года. — Марк покачал головой. — Друг, ты не поверишь, сколько за тем столиком пьют вина и пива! Может, им и придется пробыть тут год.

Чарли вопросительно наклонил голову:

— Безобразничают?

— Нет, просто веселятся. Немного громко, но, наверное, черепахи всегда так: они ведь такие здоровенные. Но забавно идти мимо и слышать, как большой гудит что-то девушке на земном, а тот, что чуть поменьше, немного тише гудит что-то парню на торговом, а остальные двое судачат на таком, которого, по-моему, никто не знает!

Марк засмеялся.

— Настоящие граждане вселенной, а? — Чарли тоже ухмыльнулся.

— Настоящий цирк, — уточнил Марк. — Но не противно. Даже, пожалуй, симпатично. Похоже, у них никаких забот нет. — Он осмотрелся и поднял руку: — Думаю, мне лучше двигаться вместе с течениями, старина.

Чарли кивнул и направился в другую сторону.

— Пока, друг.

Южный зал начал заполняться посетителями, но на танцплощадке народа было немного. Чарли решил, что для танцев еще рановато: оркестр только начал разогреваться. Он увидел брешь среди толпы вокруг столика с закусками и проскользнул в нее, начав двигаться вдоль дальней стены.

И тут он их увидел. Четыре черепахи возвышаются над всеми и гудят. Двое людей: она — бледнокожая и хрупкая, синяя ткань платья подпигивает пламя волос, он — невысокий, непринужденно чувствующий себя в великолепной белой рубашке, как будто всегда так одевается. Чарли увидел, как он наклонился и что-то сказал ей на ухо. Она рассмеялась и поднесла к губам рюмку.

«Вооружены и опасны? — подумал Чарли. — Вот еще!»

Он бросил взгляд на площадку, потом проверил бары, стол с закусками и главный вход в зал и продолжил двигаться вдоль стены. Он вдруг заметил, что коротышка сидит так, чтобы тоже все видеть, и подумал, не сделано ли это специально. Однако он скептически хмыкнул и покачал головой, сказав себе: «Старик, ты слишком долго был полисменом».

С центрального столика его окликнул знакомый, и Чарли остановился с ним поболтать. Повернувшись, он успел увидеть, как паренек выходит из ниши, где стоял столик черепах. Чарли кивнул знакомому, пообещал в ближайшее время ему позвонить и пошел дальше, хмуро разглядывая рыжеволосую девушку и пустующий стул рядом с ней.

Он еще раз быстро осмотрел зал — танцплощадку, бары, выход, стол с закусками — и удовлетворенно кивнул. А потом он направился к столику черепах. Наступило время перерыва в работе.

Мири откинулась на спинку стула, время от времени отпивая небольшие глотки вина. Басовитое убаюкивающее гудение родного языка Стаи обволакивало ее со всех сторон. Вечер стал похож на грезы, и она решила, что это сделало не только вино.

У нее не было причин думать, что это не так: все известные элементы волшебной сказки были налицо. Она наряжена в чудесное платье, шсю ее обвивает ожерелье, на пальце кольцо — и все

это стоит больше, чем она могла бы получить за целый год в случае наилучших премиальных. И это — подарки от спутника, который красив, обаятелен и интересен.

И не в себе.

Она прогнала эту мысль очередным глотком вина и на фоне гроыхающего разговора Стаи уловила звук приближающихся шагов. Мири ощутила слабую тревогу: ее партнер ходил совершенно бесшумно, и это не были шаги официанта. Она поставила рюмку на стол и повернулась.

Высокий, жилистый мужчина, темно-коричневый и жизнерадостный, широко улыбнулся и поклонился, прижимая руку к сердцу.

— Меня зовут Чарли Нараншек, — проговорил он, выпрямляясь. — Я заметил, как вы сидите, и подумал, может, вы захотите потанцевать?

Мири пристально посмотрела на него, заметив украшенный пистолет на брском ремне и блеск серебристой нити в ткани мундира, а потом снова перевела взгляд на его лицо. Он продолжал ухмыляться, весело поблескивая глазами. Она ответно улыбнулась.

— Конечно, — ответила она. — Почему бы и нет?

Он помог ей встать и подал руку, чтобы увести на танцплощадку.

— Только будьте осторожны, — предостерег он ее. — К нашей площадке надо привыкнуть. Сила тяжести тут примерно шесть десятых от нормальной.

Она скосила на него глаза и ухмыльнулась:

— Думаю, что справлюсь.

Чарли крепко ухватил ее за руку и перевел через границу смены силы тяжести, чутко ловя приметы неуверенности. И когда она приспособилась к новой силе тяжести без малейшей запинки, мысленно выругал себя.

— Бывали в космосе? — спросил он, когда они заняли место и начали раскачиваться в такт музыке.

Она со смехом закружилась на месте.

— Не-а. Просто много танцевала.

— Правда? — спросил он, когда танец снова свел их вместе. — Но не на Лафките. Это — единственная танцплощадка с пониженной силой тяжести на всем нашем комочке грязи.

Она махнула рукой в сторону стола, за которым продолжали басовито гудеть черепахи.

— С такой командой нетрудно догадаться, что мы бываем в космосе.

Чарли улыбнулся, отказываясь принять ее вызов, и взял за руку, готовясь к следующей фигуре танца.

— Но они могли бы оказаться просто приезжими друзьями, правда? И вы и ваш... муж?... просто их развлекаете.

— Брат. — Она наклонила голову. — Вы ждали, чтобы он ушел?
 — Ну конечно, — ответил он. — Поймите, это не значит, что я не считаю вас достаточно хорошенькой, чтобы сражаться на дуэли...
 Она рассмеялась и, кружась, отошла от него, подчиняясь законам танца.

Вал Кон вернулся в зал через южную дверь и прошел мимо двух баров и стола с закусками — не торопясь, но и не задерживаясь. Пробиваясь сквозь толпу, он услышал низкий голос Точильщика — а потом внезапно увидел их столик.

Он замер на месте, почувствовав, как у него судорогой свело желудок, а потом машинально вздохнул и спокойно осмотрел зал, совершенно протрезвев. Поймав проблеск синевы в рисунке танца, он увидел, как маленькая бледная рука соединилась с большой смуглой, и неторопливо направился к краю площадки, чтобы дождаться ее там.

Танец снова свел их вместе.

— Вы так и не сказали мне свое имя, — напомнил ей Чарли.

— Роберта. — Она приняла его руку, чтобы сделать полный оборот. — А мой брат — Дэнни. Если хотите узнать имена остальной компании, то надо идти туда, где можно удобно устроиться, потому что на это уйдет немало времени.

— Это не страшно. — Он заметил, что она вздрогнула, и нахмурился. — Что случилось?

— Ничего. — Она бросила ему улыбку. — Чуть было не упала.

— Как! И это — старый космический волк?

Она снова ухмыльнулась и, кружась, начала последнюю фигуру танца, снова бросив взгляд на своего напарника, который стоял у края танцплощадки, наблюдая за танцем с вежливым, отстраненным интересом.

Она завершила кружение, присела и выпрямилась, мысленно ругая себя за то, что поддалась чарам вина, музыки и грез. Ее рука в последний раз встретилась с рукой Чарли — и музыка смолкла.

Она улыбнулась и направилась к краю площадки.

— Спасибо. Это было здорово.

— Эй! А как насчет еще одного танца?

Он быстро догнал ее и потянулся за ее рукой.

Мири увернулась от его прикосновения, сделав вид, что это получилось случайно, и направилась прямо к неподвижной фигуре у края танцплощадки.

— Извините, Чарли, но меня ждет мой брат.

Она адресовала ему еще одну улыбку, надеясь, что он не заметит скрывающуюся под ней напряженность. А еще она надеялась, что он отойдет.

Он продолжал идти следом за ней.

— Ну, у вашего брата ведь нет причин откусить вам голову, правда? И потом, мне, наверное, надо перед ним извиниться за то, что я похитил у него сестру, стоило ему отвернуться.

Мири мысленно чертыхнулась. Они уже приближались к краю площадки, и там стоял мужчина с холодным замкнутым лицом...

Стиснув зубы, она сделала вид, что споткнулась и ухватилась за обе его руки. Он не пошатнулся под ее весом. Она сильнее сжала пальцы, сминая тонкое кружево манжет, и выдавила из себя тихий смешок.

— А вот и мой брат, так что мы оба можем перед ним извиниться, — сказала она Чарли, крепко дернув оба запястья, которые она держала, перед тем как их отпустить.

— Дэнни, это — Чарли Нараншек, — сказала она, пытаясь протолкнуть веселые слова сквозь ком застрявшего в горле страха. — Пока тебя не было, он пригласил меня потанцевать, и я согласилась. Извини. Мне следовало бы подумать, что ты встревожишься.

Она откинула голову, и ее серые глаза встретились с холодным зеленым взглядом.

Чарли присоединил свои извинения, довольно хмуро рассматривая стоящего перед ним юношу. Красавчик, это бесспорно. Но в устремленных на него глазах тепла меньше, чем в блестящем камне, висящем в мочке его уха, или втором — ограненной вставке кольца. Он расправил плечи и широко улыбнулся.

— Мне, право, очень жаль, мистер... Но я заметил, как ваша сестра сидит одна, такая красивая, одинокая... Я подумал, может, мы немного развлечемся. Потанцуем. Поговорим. Ну, вы понимаете. — Он снова улыбнулся. — Я понимаю, что вы имеете право немного сердиться. В наше время человек должен за сестрой приглядывать. Это я точно знаю. Но я совершенно безобидный и не хотел, чтобы у нее были неприятности.

Одна бровь немного приподнялась, и глаза чуть заметно потеплели.

— Моя сестра, безусловно, в состоянии сама о себе позаботиться, сударь, и я очень сомневаюсь, чтобы ее пугало мое неудовольствие.

Он адресовал Чарли улыбку, и его лицо еще сильнее оттаяло.

— Если она рассказывала вам сказки о моем ужасном характере, то, боюсь, мне придется вас заверить, что я не кусаюсь.

«Вот так-то лучше», — подумал Чарли.

— Ну, вот и прекрасно. Я бы очень огорчился, если бы из-за меня брат поссорился с сестрой. — Он повернулся к девушке. — Так как насчет еще одного танца?

Она со смехом покачала головой.

— Извините, Чарли. Думаю, наши друзья слишком долго оставались одни. Нехорошо было бы их обижать.

Чарли быстро посмотрел в сторону столика, за которым сидели четыре черепахи: они молчали, и их глаза-блюдечки были устремлены... на танцплощадку? Чарли не был в этом уверен, но его желудок почему-то решил, что это так.

Он осторожно раскланялся: ей поклонился низко, прижав руку к сердцу, ему — не так низко, сложив руки на уровне пояса, и получил их ответные поклоны. Он проводил их взглядом до столика, а потом вернулся к своим обязанностям вышибалы и миротворца, и чувства его были в смятении.

Вал Кон дождался, чтобы они оба уселись, и разговор Стаи снова окружил их звуковым коконом. Он налил вина себе и Мири и пригубил свою рюмку, стараясь тянуть время, чтобы справиться с непривычным чувством. С удивлением и растерянностью он узнал в этом чувстве гнев. Замерцал Контур — ВЛВ равнялась 0,79.

Взяв свою рюмку, Мири смотрела на его профиль. Это лицо больше не ассоциировалось для нее с ложью и смертью, но и не было лицом того обаятельного спутника, который был с ней в начале вечера. Ругать себя было бесполезно, так что она откинулась на спинку стула и стала ждать, когда разразится гроза.

Наконец он глубоко вздохнул:

— Мири!

— Угу?

— Ты должна понимать, — медленно проговорил он, наблюдая за движением людей в южном зале, а не за ее лицом, — что я — человек, получивший специальную подготовку. Это означает, что я быстро реагирую на ситуацию, которую воспринимаю как опасную. Принимая во внимание твоё нынешнее положение, то, что ты в моё отсутствие пошла танцевать с мужчиной, у которого два пистолета, это...

— Один пистолет, — уточнила она. — У тебя в глазах двоится.

— Два пистолета. — Его обычно ровный голос прозвучал почти резко. — Не вини меня за то, что ты слепая.

Она втянула воздух сквозь зубы и нашла взглядом Чарли в толпе около бара: он разговаривал с какой-то толстухой. Она еще раз внимательно посмотрела на него.

— Один пистолет, — повторила она. — На ремне.

— Второй пистолет, — сообщил он все так же резко, — в нарукавном кармане справа. Да и сам ремень — это оружие, поскольку в нем содержится устройство, с помощью которого он может вызвать подкрепление.

Пистолет там действительно был: теперь Мири смогла различить очертания пулевого пистолета в кармане на правом рукаве и

рассеянно отметила, что это оружие будет гораздо надежнее, чем красивая игрушка на поясе. Она взяла рюмку и одним глотком допила вино, после чего протяжно вздохнула.

— Я прошу прощения, — проговорила она, когда он снова наполнил ее рюмку. — И я пойду завтра проверять зрение.

Над океаном в полночь должен был состояться фейерверк.

Когда самый младший брат — музыкант — растолковал Точильщику смысл этого объявления, тот сразу же понял, что должен при этом присутствовать. Вот еще одно проявление того, что он имел удовольствие определить как Преходящее искусство: нечто делается только для того, чтобы тут же прекратить свое существование!

Эксперт и Хранитель не проявили никакого интереса к этой демонстрации искусства и поделились своим общим желанием пройтись по городу, посмотреть, какие им там откроются чудеса. Приняв такое решение, они попрощались с остальными членами компании, которые в ожидании полуночи заказали себе еще по порции того, что пили весь вечер.

— Ты не составишь мне завтра утром компанию, брат? — спросил Вал Кон у Помощника. — У меня есть одно дело, и твоя помощь будет для меня неоценимой.

Помощник наклонил голову:

— Я к услугам брата моего брата.

— Дело, юный брат? — осведомился Точильщик. — Возможно, художественного плана?

Вал Кон рассмеялся.

— Ничуть. Мне только показалось, что нам с Мири может скоро потребоваться транспортное средство, и я хочу о нем позаботиться прежде, чем этот момент наступит.

— Мой брат мудр. Но знай, что наш корабль, который находится в доке на так называемой Первой станции на орбите возле этой планеты, целиком в твоём распоряжении, если он тебе потребуется. — Он помолчал, устремив свои огромные свечящиеся глаза на маленькую фигуру своего брата. — Ты — почетный член Клана, Вал Кон йос-Фелиум Разведчик. Не забывай.

Вал Кон застыл, не донеся рюмки до поверхности стола, а потом медленно довел это движение до конца.

— Ты слишком щедр. Твоя доброта переполняет меня радостью, и я тебя благодарю. Но я не думаю, чтобы нам понадобилось экспроприировать твой корабль, Точильщик.

— И тем не менее, — проговорил Т^нкарэ, глотая пиво, — помни, что, буде возникнет на то необходимость, тебе достаточно сказать одно слово, и он станет твоим.

— Я не забуду, — тихо пообещал его брат.

— Этого достаточно, — объявил Точильщик. — Итак, кто сопровождает меня на эту демонстрацию фейерверков?

— Я, старший брат, — предложил Помощник, одним глотком допивая пиво.

Мири подавила зевок.

— Извини, Точильщик, но я так устала, что боюсь заснуть в разгар фейерверка и упасть в океан.

— О! Но этого не случилось бы, — сообщил ей Точильщик, — потому что твои братья окружили бы тебя и защитили. Однако если ты очень устала, то было бы мудро вернуться к себе в комнату и лечь спать. Если, конечно, ты не сгораешь от желания увидеть это чудо.

— Фейерверки? Мне уже случалось видеть фейерверки. Наверное, я могу пропустить этот раз.

— Неужели уже случалось? Тогда, может быть, мы сравним наши впечатления завтра, если ты окажешь мне такую честь?

Он привел свою мощную фигуру в стоячее положение и протянул руку, чтобы поддержать Помощника, который, похоже, несколько перебрал.

Мири подавила еще один зевок и ухмыльнулась этой громадине.

— Конечно, мы завтра поговорим о фейерверках. Почему бы и нет?

— Это хорошо. Юный брат, что хочешь делать ты?

Вал Кон встал, чтобы помочь Мири отодвинуть свой стул от стола, едва заметно вздрогнув, когда она не обратила внимания на предложенную им руку.

— Думаю, я вернусь с Мири в наши комнаты, — сказал он Точильщику. — Я тоже устал.

— Тогда мы будем ждать встречи с вами завтра. Спите крепко. Удачных вам снов.

Мири смотрела, как Точильщик с Помощником величественно движутся по переполненному залу. Она обратила внимание, что они ни с кем не столкнулись и не причинили серьезных телесных повреждений никому из веселящихся гуляк, хотя это объяснялось не столько ловкостью их движений, сколько бдительностью упомянутых гуляк. Она ухмыльнулась своему спутнику.

— В моем родном городе в этом случае говорят: «Напились, как судьи».

— Почему «как судьи»? — поинтересовался он, пропуская ее впереди себя.

— Там, откуда я родом, Крепкий Парень, на такую глупость, как стать судьей, способны только пьяницы.

Они проложили себе менее впечатляющий путь через яркие завихрения посетителей и оказались у южного выхода как раз в тот момент, когда Чарли Нараншек прошел мимо двух баров, совершая второй обход своей территории.

— Ах, Роберта, неужели вы уйдете, не потанцевав со мной еще раз?

Ее брат, шедший чуть позади, четко развернулся и встретился глазами с Чарли. Она повернулась медленнее, улыбнулась и покачала головой.

— Чарли, я совершенно выдохлась! Выжата. Дошла. — Она махнула крошечной ладошкой в сторону шумной толпы. — Почему бы вам не найти себе кого-нибудь поживее?

— Но я вас еще увижу? — спросил он, стараясь, чтобы его вопрос прозвучал как можно более прочувствованно.

Она рассмеялась и взяла брата под руку, поворачиваясь вместе с ним к двери.

— Если будете смотреть внимательно. Берегите себя, Чарли.

— И вы тоже, Роберта, — сказал он опустевшим дверям, а потом повернулся, чтобы закончить свой обход.

Глава 9

На столике у двух самых мягких кресел в гостиной были приготовлены кофейник, чайник и полагающиеся к ним кувшинчики, горшочки, ложечки и чашки, а также тарелка с печеньем. Увидев их, Мири рассмеялась и направилась прямо туда.

— Тот, кто сказал, что ангелов-хранителей не существует, был грязным лжецом, — заявила она, наливая себе чашку кофе. — А ты хочешь?

Он кивнул.

— Только, пожалуйста, чаю.

— Кофе тебя не устраивает? — возмущенно спросила она, меняя сосуды и переставляя чашки.

— Я кофе не люблю, — ответил он, занимая то кресло, откуда лучше всего было видно дверь.

Он с улыбкой взял у нее чашку.

— Ты, мой любезный, просто маньяк. — Она упала в кресло напротив него и глубоко вздохнула. — Сколько же мы с тобой выпили?

Он с сомнением посмотрел на чай, решил, что он еще слишком горячий, и поставил чашку на стол.

— Три бутылки на двоих.

— Три?! Неудивительно, что я веду себя как невежественная дура. Ох, как же у меня завтра будет болеть голова! Или сейчас уже завтра?

— Через несколько минут.

Он всмотрелся в ее лицо, отметив напряженные мышцы вокруг глаз, улыбку, удерживаемую на губах усилием воли, а не радостью...

Словно ощутив пристальность его взгляда, она резко повернула голову, отбросив волну волос за обнаженное плечо.

— Нам с тобой надо поговорить.

— Хорошо, — благодушно отозвался он. — Начинай ты.

Полные губы на мгновение раздвинулись в усмешке, но тут же снова сжались.

— Я не полечу на Лиад, Крепкий Парень. Это я тебе прямо говорю. Никакого вранья. Я себе нравлюсь такая, какая я есть. Мне нравится, как я выгляжу. Я не хочу становиться кем-то другим.

Она сделала глоток кофе, поморщилась, когда он обжег ей язык, и поставила чашку на столик.

— Я знаю, что это может показаться смешным тому, у кого одновременно три или четыре имени, но черт с ним, я же просто тупой солдат-наемник! И никем другим становиться не хочу. Так что спасибо за щедрое предложение, но... спасибо, не надо. Я его ценю, но согласиться не могу.

Он продолжал сидеть совершенно спокойно, положив расслабленные руки на подлокотники кресла и скрестив в лодыжках вытянутые вперед ноги.

Спустя несколько секунд она подалась вперед.

— Разве теперь не твоя очередь? — мягко спросила она.

Он приподнял бровь.

— Я дожидался окончания.

— Вот как, — проговорила она без всякого выражения и вздохнула. — Ладно, тогда вот окончание. Я благодарна тебе за помощь, которая была своевременной и немалой. Я знаю, что не появишься ты в тот момент, я была бы мертвяком. Я обязана тебе жизнью, и не могу расплатиться с тобой иначе, чем подарить тебе твою, разойдись с тобой. Прямо сейчас.

Так что завтра я заберу у Мерфа свои денежки и уйду — медленно и спокойно, и никто ничего и знать не будет. Машина мне не нужна, так что можешь не затруднять беднягу Помощника. И я уверена, что космический корабль мне не понадобится, так что Точильщик тоже может расслабиться.

Она взяла чашку, сделала менее обжигающий глоток и продолжила:

— Полагаю, что — благодаря твоей помощи — Хунтаवास на время потеряли мой след. У меня должно получиться улететь с планеты раньше, чем они поймут, что я исчезла. А с этого места я уже справлюсь, согласен? Я играла в одиночку всю мою жизнь и смогла дожить до этого дня...

Он слушал ее, закрыв глаза. Когда она позволила своему голосу затихнуть, его ресницы дрогнули, и он вздохнул.

— Мири, если ты начнешь осуществлять тот план, который только что обрисовала, твои шансы улететь с планеты будут меньше двух процентов. Один шанс из пятидесяти. Твой шанс дожить до завтрашнего утра будет примерно ноль целых три десятых: тридцать процентов, три шанса из десяти. Вероятность того, что ты будешь жива в следующие дни, на порядок меньше.

— Это ты так говоришь! — огрызнулась она, почувствовав прилив гнева.

— Так говорю я! — резко парировал он. — А я так говорю, потому что я знаю. Я ведь говорил тебе, что прошел хорошую подготовку? Особую подготовку? Одним из ее результатов является способность вычислять — рассчитывать шансы, если хочешь — на основе известных факторов, сознательно и подсознательно отмеченных деталей, экстраполируя то огромное количество данных, которые я собрал. Если я говорю, что скорее всего ты уже к вечеру будешь мертва, если уйдешь без моей помощи, то изволь этому верить, потому что это так!

— С какой стати я должна в это поверить?

Он закрыл глаза и очень глубоко вздохнул.

— Тебе следует мне поверить, — сказал он, и каждое слово прозвучало так четко, словно это было заклинанием, — потому что я так сказал и потому что это правда. Поскольку ты, похоже, этого требуешь, я поклянусь в этом. — Он внезапно открыл глаза и поймал ее взгляд. — Честью Клана Корвал я, его Второй Представитель, Свидетельствую Эту Истину.

Тут сказать было нечего. Лиاديцы редко упоминали честь своего Клана — это было святое. Поклясться честью Клана означало, что они совершенно серьезны, стопроцентно серьезны, что бы там ни было.

И глаза, удержавшие ее взгляд, — в них были гнев и даже горечь, они сверкали от досады, но они не лгали. Она содрогнулась, и смысл его слов упал на нее тяжким грузом. «Робертсон, он действительно уверен, что завтра ты будешь трупом, если бросишь этот зверинец».

— Хорошо. Ты это сказал, и ты в это веришь, — проговорила она, чтобы выиграть время на размышления. — Ты должен понять, что мне немного трудно в это поверить. Я еще не встречала людей, которые могли бы предвидеть будущее.

Это не прозвучало как извинение — и он не успокоился.

— Я не предвижу будущего. Я просто пользуюсь имеющимися данными и вычисляю вероятности. — Его голос был похож на ледяную сталь. — Ты не «тупой солдат-наемник», как мне кажется, и мне непонятно твое упорное желание вести себя так, как будто это правда.

Она невольно резко хохотнула.

— Запишите Крепкому Парню очко, — приказала она какому-то невидимому арбитру, но тут же снова стала серьезной. — Не возражаешь, если я пару минут поиграю с твоей вычислалкой шансов? Просто чтобы кое в чем убедиться? Может, я и не тупая, но уж точно упрямая.

Он взял свою чашку и снова удобно устроился в кресле.

— Хорошо. Давай.

— Какова вероятность того, что нас заложит Точильщик?

— Абсолютно никакой, — сразу же отозвался он. — Чтобы говорить точнее, то, по расчетам, больше вероятности, что нас заложу я, а не Точильщик. Результат приближается к нулю.

— Вот как? — сказала она, поднимая брови. — Приятно знать. Точильщик очень к себе располагает, медведище этакий. — Немного помолчав, она спросила: — Какова была вероятность того, что я могла тебя убить при нашей первой встрече?

Онпил чай, глядя, как на табло перед его мысленным взором возникают цифры, а потом постарался бесстрастно сообщить ей данные.

— Если бы ты попробовала это сделать, пока я был без сознания, то порядка девяноста девяти сотых — почти наверняка. После того как я пришел в себя, но перед тем как ты вернула мне пистолет и в предположении, что сама ты хотела бы остаться в живых, — возможно, ноль целых пятнадцать сотых, пятнадцать шансов из ста. Если считать, что твое собственное выживание не было основным соображением, вероятность достигла бы трех десятых — почти одна треть вероятности успеха.

Он помолчал, выпил еще чаю, посмотрел на цифры, которые выдавал ему его мозг, и продолжил анализ.

— После того как ты вернула мне мое оружие, твои шансы на успех упали почти до трех сотых, если бы тебе нужно было убить меня любой ценой. Кстати, три процента — это значительно больше, чем имели бы против меня большинство солдат, но у тебя есть быстрота, плюс великолепное чувство пространства и слух. И еще — ты не стала бы меня недооценивать из-за моего сложения, как это сделали бы другие противники.

Он мог бы долго продолжать в том же духе — эти цифры действительно были ему интересны. Он обнаружил, что ее шансы выжить во время первого нападения Хунтаवास составляли бы целых двадцать процентов, не появившись он на сцене. Шансов отразить вторую волну было значительно меньше.

— Погоди, — сказала она, прервав эти размышления. — Это значит, что ты *позволил* мне тебя задержать. Почему?

— Я не хотел тебя убивать. Ты не представляла угрозы выполнению моей задачи и мне самому, а также всем тем планам, которые я подготовлен осуществить...

— Премного благодарна! — сказала она, обрывая его слова. Налив себе еще кофе, она осторожно откинулась в кресле, обхватив чашку пальцами. Ее серые глаза пристально смотрели на него. — Какова вероятность, что тот тип Чарли мог убить меня на танцплощадке?

Он со вздохом закрыл глаза и добавил в уравнения несколько сознательных переменных.

— Если не принимать в расчет Точильщика и его родню, которые более наблюдательны, чем принято думать, и вспомнив, что оружие для тебя непривычное, но что ты — умелый солдат, а он — всего лишь полисмен или охранник... Во время моего отсутствия вероятность того, что он тебя ранит, составляла четыре десятых, вероятность твоего серьезного ранения с потерей возможности обороняться — три десятых, и две десятых — то есть двадцать процентов — была вероятность того, что его нападение было бы успешным. Расчет сделан для первой попытки применить оружие. В присутствии Стаи у него не было бы возможности совершить вторую.

Он открыл глаза, допил чай и снова закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Он уже давно не делал такого полного расчета вероятностей.

— После того как я вернулся, его шансы ранить тебя стали — один из двадцати — примерно до сорок девять сотых.

— Высоко себя ценишь, а? — Она нахмурилась и немного подалась вперед. — Но, Крепкий Парень, какова вероятность того, что он попытался бы?

Он пошевелил плечами, испытывая непонятную досаду.

— У меня недостаточно информации. Я не знаю, кто он или почему пригласил тебя танцевать. При нем было скрытое оружие, и хотя он немолод, но в хорошей форме. У него быстрые рефлексy и наметанный взгляд — он явно обученный охранник. Конечно, это не делает его убийцей. Но в твоём ненадежном положении давать противнику лишние шансы очень легкомысленно.

— Но, — не сдавалась она, — он же мог пригласить меня потанцевать просто потому, что я показалась ему симпатичной, а ему хотелось танцевать.

Вал Кон кивнул и налил себе еще чаю.

— Ты так не считаешь, — сказала она. — Почему?

— Что-то неопределенное... Ты бы назвала это интуицией.

— Понятно. А интуиция — это не то же, что твой проклятый компьютер в черепе?

Он снова кивнул, откидывая со лба волосы.

— Интуиция не раз меня выручала — может, даже спасада мне жизнь, — когда я был разведчиком: догадки на основе минимальной информации или просто какое-то внутреннее чувство. Контур — это совсем другое: чтобы его включить, нужен какой-то план действий или озабоченность. Интуиция может просто заставить

меня опасаться некой пещеры или искать трещину во льду... Это не то, что я вижу в поле моего зрения, ясно и определенно.

— Конечно, — пробормотала она. — Это очевидно.

Она проглотила остатки кофе, словно это был кинак, и с четким стуком вернула чашку на стол.

— Ну, ладно, — заговорила она снова. — Помнишь, когда мы обрели свои души на проклятие, поджигая то привозное бренди?

Он улыбнулся и кивнул.

— Насколько велика была опасность? Там повсюду были стражи порядка, которые тебя поджидали...

Вал Кон заметил, что она очень пристально за ним наблюдает. Это его озадачило.

— Как только мы оказались в вестибюле, вероятность того, что нас узнают, была практически нулевой. Пит ведь не знал, кого он ищет — не имеющий лица голос в комме. Когда мы с ним в последний раз встречались лично, у меня были светлые волосы, голубые глаза и очки. Полагаю, что мы с тобой могли безопасно пройти через вестибюль. Нас никто не остановил бы. Более того, все были бы счастливы, что мы так быстро уходим.

— Но ты знал, что там окажутся Точильщик и его шайка.

Он рассмеялся:

— Я понятия не имел, что Точильщик вообще находится в этом секторе! Это — совпадение, я его не вычислял и не предчувствовал. Именно поэтому Контур не дает стопроцентной вероятности: я мог бы поскользнуться на куске пластиковой упаковки и сломать себе шею.

— Ну, это успокаивает, — проговорила она, заметно расслабившись. — Я уже начала думать, что ты — супермен, а у тебя просто двигатель форсирован. — Ее губы изогнулись. — Послушай, Крепкий Парень!

«Ну, что еще, — растерянно подумал он, — ведь все вроде налажилось?»

— Да?

— И какие сейчас у меня шансы на то, чтобы убить, покалечить или просто вывести тебя из строя в какой-то момент? У тебя достаточно информации, чтобы это вычислить?

Информации было достаточно: уравнение светилось у него в поле зрения. Он заставил его погаснуть.

— У тебя нет на это причин. Я помог тебе и желаю помогать и дальше.

— Мне интересно. Если бы мне понадобилось, — настаивала она, не сводя с него глаз. — Побалуй меня.

Уравнение не желало гаснуть. Оно висело перед его внутренним взором, словно обладало собственной волей, и ярко светилось. Он снова отбросил прядь со лба.

— Я не хочу тебя убивать, Мири.

— Я ценю это чувство, но это не ответ.

Он ничего не ответил, а наклонился вперед, чтобы осторожно поставить чашку на стол. При этом он старался не смотреть на Мири.

— Я хочу получить эти цифры, космолетчик!

В ее голосе зазвучали повелительные нотки.

Он выгнул бровь, скользнув взглядом по ее лицу, и начал сообщать ей сведения, которые ей следовало знать, прежде чем услышать цифры — и предпринять какие-либо действия.

— Данные очень сложны. Полагаю, что сейчас у тебя шансов меньше, чем раньше: я знаком с тем, как ты двигаешься, ходишь, как двигаются твои глаза, как звучит голос, сколько у тебя силы. Тебе трудно использовать фактор внезапности. И то, что ты задала этот вопрос, значительно понизило твои шансы. То, что ты видела меня в действии, знаешь про Контур и заслужила мое уважение, увеличивает твои шансы, но, думаю, не настолько, насколько они уменьшились. — Он сделал глубокий вдох, медленно выпустил воздух и продолжил, следя за тем, чтобы его голос звучал совершенно бесстрастно: — Итак, ответ заключается в том, что в случае конфронтации у тебя примерно два шанса из ста на то, чтобы меня убить, и три шанса из ста, чтобы серьезно меня ранить. При отсутствии открытой конфронтации твои шансы стали гораздо выше, чем раньше: я тебе доверяю и могу сделать ошибку.

С другой стороны, твои шансы после нападения на меня остались в живых дольше пяти минут стали значительно ниже, чем раньше. Это стало бы весьма эмоциональным событием для нас обоих. А если бы об этом узнала Стая, то даже если бы ты после нападения осталась жива, это было бы всего лишь на несколько дней.

Она застыла в полной неподвижности, чуть ссутулившись. Она отвела взгляд от его лица и стала рассматривать узор на ковре, и при этом очень глубоко вздохнула.

Он тоже не шевелился, пока не понял, какие именно чувства прочел в ее глазах. Ему еще не приходилось видеть у нее этой эмоции, и теперь его грудь и живот пронизал ледяной укол чего-то, что невозможно было назвать.

Двигаясь стремительно и бесшумно, он вскочил с места и опустился рядом с ней на одно колено, заглянув ей в лицо и протянув руку — но не прикоснулся к ней.

— И теперь тебе страшно.

Услышав его виноватый голос, она поморщилась, покачала головой и села прямее.

— Я сама напросилась, так ведь?

Она пристально на него посмотрела — и увидела морщинки тревоги в углах глаз и мрачно сжатые губы.

«Он не знает, — неожиданно поняла она. — Он не понимает, что именно он сказал...»

Поддавшись порыву, она протянула руку и отвела упавшую ему на лоб непослушную прядь.

— Но, — осторожно проговорила она, — я боюсь не тебя.

Тут она встала, внезапно вспомнив о своем наряде, о кольце у себя на руке, о своем смятиении — и о составленном в начале вечера плане, включавшем утреннее пробуждение рядом с ним.

Она обошла вокруг кресла и направилась к себе в комнату.

Вал Кон выпрямился, провожая ее взглядом.

У двери она повернулась — и остановилась, увидев выражение его лица. Она подождала лишнюю секунду, потому что ей показалось, будто она уловила едва заметное движение в ее сторону, тень... Но в следующее мгновение все уже исчезло. Его зеленый взгляд был совершенно нейтрален.

— Доброй ночи, Вал Кон.

Он адресовал ей поклон, как равной.

— Доброй ночи, Мири.

Дверь со слабым шуршанием закрылась за ней. В следующую секунду загудел, включившись, замок.

Глава 10

Было холодно — и Мири дрожала в огромной шерстяной рубашке. Это была хорошая рубашка, почти без прорех. Подарок отца в минуту редкой заботы о своем единственном ребенке. Заботы, которая была результатом еще более редкого явления: он ее заметил. Она была такая маленькая, такая щуплая. Отсюда и рубашка, которую она носила дома и на улице, поверх остальной одежды, закатав рукава до запястий. Незаправленный подол свисал до колен.

Было не только холодно, но и сыро — типичная зимняя погода Пустоши. По правде говоря, слишком холодно, чтобы двенадцатилетняя девочка выходила на улицу, какая бы прекрасная рубашка у нее ни была.

Ветер дергал ее за волосы, и она подняла воротник рубашки, заправив косички внутрь, немного спустила рукава и втянула под них пальцы. Ветер снова подул — и она засмеялась, притворяясь, будто ей тепло.

Заворачивая в переулок Тайсона, она подумала, что день выдался хороший. Она провела его, бегая по поручениям старика Уилкина, и в кармане у нее звенела мелочь на целую четверть

монеты. Мама опять кашляла, и можно будет купить чаю, чтобы успокоить горло.

Из ниоткуда ей на плечо опустилась тяжелая рука, резко развернув направо. Удар в ухо отбросил ее на стену, наполовину оглушив.

— Ого, да тут лакомый кусочек, правда, Дафна? Скупщик даст нам за него немало, а?

Говорил мужчина, севшим от грезодыма голосом.

Мири встряхнула головой, пытаясь сообразить, что происходит. Перед ней качались две фигуры. Мужчина нависал над ней, крепко обхватив ее руку длинными пальцами. Борода у него когда-то была русой, стала черноватой и спутанной от небрежения и долгой привычки к дыму. Он тупо ухмылялся. На правой стороне потертого ремня висел пистолет.

— За такую худышку? — Женщина подошла к своему приятелю. Как и он, она была облачена в грязную кожу, но на плечи накинула одеяло, заменившее ей плащ. — И потом, скупщикам надо, чтобы они годились в дело сразу, а не через пять стандарт. — Она отвернулась. — Двинь ей пару раз, чтобы затуманить мозги, и давай уходить с этого чертова ветра.

— Годились в дело сразу? Мы можем употребить ее сейчас, Дафна. Да-да, можем. Смотри!

Он ухватился второй рукой за ее прекрасную рубашу и дернул, разрывая швы и пуговицы. Содрав с Мири рубашку, он швырнул ее в замерзшую грязь у стены.

— Смотри, Дафна, — повторил он, протягивая руку, чтобы ухватиться за вторую рубашку.

Мири нырнула вниз, потянувшись за пистолетом в замусоленной кобуре. Он попытался схватить ее за шею, но промахнулся и поймал только косичку. Девочка завопила, извиваясь по-змеиному, и впилась зубами в грязную кожу под коленом.

Он заорал от боли и неожиданности и выпустил ее волосы. Она снова рванулась за пистолетом и успела его выхватить. Он размахнулся и отшвырнул ее в сторону; Мири отлетела, больно ушибла ребра о стену. Мужчина взревел. Мири увидела, что он заносит ногу для удара, и увернулась, взмахнув тяжелым пистолетом, а потом откатилась в сторону, дергая предохранитель.

Где-то над собой она услышала новый рык, встала на колени и подняла пистолет, сжимая его рукоять обеими руками.

— Ах ты, чертов пашенок! Да я тебя...

Мири нажала на крючок.

Он пошатнулся, удивленно раскрыв глаза. Она выстрелила снова, и левая сторона его лица превратилась в кашу. Он начал падать, и она отскочила в сторону, выпрямившись и повернувшись, наставив пистолет на Дафну, которая стояла у дальней стены, изумленно открыв рот и выставив перед собой руки.

— Спокойней, малыш, — начала женщина. У нее дрожал голос. Мири нажала на крючок. И еще. И еще.

После первого же выстрела женщина дернулась. Второй выстрел отшвырнул ее к стене. При третьем она уже сползала на землю, так что Мири могла и промахнуться при последнем выстреле.

Она медленно разжала пальцы, уронив пистолет в грязь. Стиснув зубы, она опустилась на колени рядом с мужчиной, стараясь не испачкаться в крови, и открыла его кошель, выхватив со дна несколько пластиковых монет.

У женщины в кошельке денег оказалось больше. Мири взяла их все, запихнув в карман брюк вместе с грошами, которые заработала в тот день.

Она вернулась за рубашкой, но когда наклонилась за ней, ее начала бить дрожь. Она резко выпрямилась и уставилась на два трупа. Желудок у нее сводило спазмами. Давясь, она сложила пополам — и ее вырвало. Потом она привалилась к стене и еще какое-то время дрожала.

Внезапно до нее донеслись возбужденные голоса: люди бежали на выстрелы, хотя в этой части города их звук не был непривычным. Оттолкнувшись от стены, Мири бросилась бежать.

Она проснулась, обливаясь потом и сотрясаясь от дрожи.

Боги! Ей уже очень давно не являлся этот кошмар. Она заставила себя глубоко дышать, неподвижно лежа на широкой мягкой кровати, пока дрожь не прошла. Потом она тихо встала и босиком подошла к столику.

Часы сообщили ей, что уже утро. Довольно позднее утро. Крепко обхватив себя руками под небольшими грудями, Мири отправилась в ванную и включила холодный душ.

Его разбудил чей-то громкий оклик. Он лежал неподвижно, прислушиваясь к зву.

Это был его собственный голос. Слово «Дариа!»

Дариа? Определенно это имя. Он спокойно лежал на мягком просторе своего ложа, закрыв глаза, и ждал, пока его память сообщит ему еще что-нибудь.

Ждать пришлось довольно долго. Он так редко видел сны, а имен_ему пришлось запомнить столько...

Дариа дэа-Лузиам.

Он мысленно взвесил это имя, сдвинув брови над закрытыми глазами. Но больше ничего не всплыло.

В досаде Вал Кон повернулся на бок, вскочил, одновременно открывая глаза, и направился в ванную, чтобы плеснуть в лицо холодной водой.

«Слишком много вина и слишком мало сна», — решил он, насухо вытираясь полотенцем. Чересчур мало сна. Он поймал в зеркале свое отражение и мрачно посмотрел на хмурое лицо в стекле.

Дариа?

И наконец перед его мысленным взором появился образ. Стройная женщина одного с ним роста, темные короткие волосы лежат завитками, глаза как яркие сапфиры, губы смеются. Старше его, хотя и ненамного.

Лицо в зеркале напряглось, хмурые глаза чуть расширились.

Она была старше его ровно на год. Ему было семнадцать, ей — восемнадцать. Выпускникам было запрещено брать в любовники младшекурсников, но обходные пути существовали, и они их нашли. Они строили планы. Она сдаст Соло — последний экзамен — и проработает год, пока он будет проходить практику одиночной разведки. Когда закончит учебу он, они станут командой. Такие вещи случались. И кому это делать, как не им? Она — лучшая на своем курсе, он — на своем.

В тот день, когда Дариа отправлялась на Соло, она со смехом поцеловала его, пообещав, что с триумфом вернется в день их рождения, до которого оставалось полгода.

Но в день их рождения она не вернулась. Поиски в том секторе, куда ее отправили, в конце концов дали несколько обломков металла и пластика, очевидно, когда-то бывших частями разведывательного корабля.

Вал Кон резко встряхнул головой. Приблизив лицо к зеркалу, он заглянул к себе в глаза.

«Ты ее любил! — гневно сказал он себе. — И ты едва смог вспомнить ее имя?»

Глаза в зеркале ответили на его взгляд, прозрачные и зеленые.

Спустя несколько секунд он отвернулся от зеркала и направился к камердинеру за своей одеждой.

Глава 11

До чего же приятно снова надеть кожаный костюм, решила Мири, туго затягивая шарф на руке. Она немного постояла, глядя на горку вещей на столике: полированную палочку, сине-серебряное кольцо и кольцо в форме змеи.

Она неуверенно взяла кольцо, свернула его и убрала к остальным сокровищам, спрятанным в потайном отделении кошель. Кольцо она снова надела на палец левой руки и, чуть улыбаясь, унесла палочку с собой в спальню.

Уже у двери она ощутила какую-то неправильность и стремительно повернулась, открыв нож и приготовившись к бою. Увидев, что это просто поднос с кофейником, чашкой и накрытой тарелкой, она немного расслабилась.

Чуть сдвинув брови, она покачала головой, переводя взгляд с подноса с завтраком на дверь.

Заперта. Прошлой ночью она заперла дверь, и сигнал у косяка сообщал ей, что дверь и сейчас заперта.

В запертые номера гостиницы завтрак не приносят.

Не закрывая ножа, она подошла к подносу и недоверчиво посмотрела на его содержимое.

Из носика кофейника поднимался ароматный пар, а под крышкой оказался завтрак из яйца, булочки и поджаренного мяса.

Между кофейником и чашкой была пристроена записка.

Она взяла ее двумя пальцами: это оказался одинарный листок жемчужной гостиничной бумаги, сложенный пополам. На обороте жирными буквами с обратным наклоном было написано ее имя.

Хмурясь, Мири развернула записку, рассеянно сложив нож и заправив его за пояс.

«Мири! — говорили сильные черные буквы. — Я пошел с Помощником добывать машину и рассчитываю вернуться к середине дня. После этого я отправлюсь с тобой навещать Мерфа, а вечером мы сможем отправиться в путь. Приятного аппетита».

В нижней части листка были выстроены угловатые буквы из чужого алфавита: возможно, ими было написано его имя.

Мири начала сыпать проклятиями. Она начала по-лиадийски, что показалось ей особенно уместным, переключилась на земной, потом на диалект Ауса, методично прошлась по ярскому, рюссу, восткиту и спанскому. Швырнув смятый листок на поднос, она покачала головой и плеснула кофе в чашку.

И стала рассказывать по комнате с чашкой в руках, продолжая кипятиться. Пустая чашка вернулась на блюдце с громким стуком.

— Будь он проклят! — пробормотала она, что было довольно-таки жалким завершением сказанного ранее.

Повернувшись спиной к остывающему завтраку, она гневно протопала к двери.

Точильщик и Хранитель стояли около омнихоры, громко беседуя на своем языке. Заметив ее, Точильщик прервал свою речь и поднял руку.

— Моя юнейшая сестра! Доброе утро тебе. Надеюсь, ты спала хорошо и результативно?

— Ну, — ответила она, улыбаясь, — я спала. А ты?

— Нам еще не время спать, — ответил Точильщик. — Хотя, наверное, оно уже близко, потому что мне немного зевается. Возможно, в следующем месяце мы поспим.

Мири потрясенно моргнула.

— О!

Справа от нее возникло какое-то движение, и она обернулась. Это оказался Хранитель: он медленно плелся вперед, неловко склонив голову. Левой рукой он протягивал ей что-то.

Она взяла протянутую вещь, недоумевая. Это оказался какой-то кожаный конверт, длинный и очень узкий, черный, как ее костюм, но поразительно мягкий.

— Для клинка, который был у тебя вчера, — смущенно пробормотал Хранитель. — Насколько я понимаю, клинки этого изготовления состоят из металла, а это вещество весьма легко ржавеет и теряет остроту. Важно защищать его от подобной травмы. Я сожалею, что не смог предложить его тебе вчера вечером, но самый юный из моих юных братьев не посвятил нас в свои мысли.

Пожалуйста, не сочти нас невежливыми, — добавил он. — И не думай, что мы жалуемся на решение нашего брата. Просто порой торопливость человеческих поступков вызывает у нас растерянность. — Он наклонил голову еще сильнее, и Мири вдруг поняла, что это попытка стать ниже, чем она. — Мы желаем тебе радости и долгих теплых дней.

У нее защипало глаза: она была глубоко тронута, хотя кое-что в его словах было довольно непонятно.

— Спасибо тебе, Хранитель. Я... благодарна. Ты и твои братья очень добры, и я не могу представить себе, чтобы вы были невежливыми.

— Спасибо тебе, — ответил Хранитель. — И знай, что мы смотрим на то пламя, которое есть ты, с благоговением и большой симпатией.

Он наконец выпрямился и попятился, чуть было не опрокинув омнихору.

Мири вытащила палочку-нож из-за пояса. Тайное оружие легко скользнуло в мягкие ножны, которые она прикрепила к ремню слева. При этом она на секунду усомнилась, положено ли доставать нож наперекрест.

— Сестра моя! — окликнул ее Точильщик.

Она с улыбкой повернулась к нему:

— Да, мой брат?

Он наклонил голову.

— Для меня будет честью, если ты составишь мне компанию на пути в офис Джастина Хостро. Сегодня мы должны получить нашу долю авансом, вот почему я туда направляюсь. Я хотел бы, чтобы ты сопровождала меня, потому что ты явно хорошо разбираешься в людях, а я, весьма возможно, нет.

Мой брат, которого ты называешь Помощником, поднял вопрос о предназначении тех дефектных ножей, которые хочет купить

Джастин Хостро. Он совершенно законно спросил, какое существо намеренно станет заказывать инструмент с изъяном и даже заявит, что желает иметь только такой? Мой брат озабочен таким поведением и чувствует, что, возможно, Джастин Хостро — вор, который хочет лишить нас платы за товар.

Мири уставилась на него.

— И ты хочешь, чтобы я сказала тебе, не мошенник ли он?

— Это, — ответил Точильщик, — составляет суть моей просьбы.

Она пожала плечами:

— Сделаю, что смогу.

— Этого достаточно. Пойдем.

Чарли Нараншек был недоволен. Он потратил немало энергии и почти не спал, убеждая себя в том, что ему незачем сообщать о своей встрече с Шайкой Ребят и Черепах по той причине, что он видел их уже после смены с дежурства.

В конце концов, ничего более нелепого он еще не слышал. Черепахи — не опасные существа, они просто неуклюжие и забавные. И ребятишки — они и были просто ребятишками. Может, немного слишком нежные, чтобы быть братцем и сестрицей, но это в юрисдикцию местной полиции не входит. Особенно в отношении такой парочки, инопланетников.

Вооружены и опасны. А как же! Кто-то в Миксле решил немного пошутить.

Заставив свою совесть подчиниться, Чарли заснул — чтобы уже через секунду его разбудил будильник. Он с трудом справился с утренними делами, но успел в участок вовремя, чтобы забрать своего напарника и патрульную машину. Лавируя в потоке транспорта, он направился в торговый квартал на дневное патрулирование.

За поворотом от Эконси на Серф, когда машина проехала мимо закусочной и центра развлечений, его напарник вдруг резко подался вперед.

— Эй, смотри-ка! — воскликнул он, вытягивая палец.

Чарли посмотрел — и выругался.

Из офиса Честного Ала «Прокат Машин» выходила черепаха. Рядом с ней шел сам Ал. А чуть приотстав, в черной коже и рубашке, с кобурой пистолета, удобно пристегнутой к ремню справа, шел братец Дэнни.

Продолжая чертыхаться, Чарли включил комм и сделал доклад.

Мири вдохнула соленого воздуха и с улыбкой посмотрела на Точильщика.

— Хороший денек.

Т"карэ приостановился, чтобы посмотреть на небо и попробовать воздух могучим вздохом.

— Полагаю, ты можешь оказаться права, — признал он. — Небо чистое, и воздух хороший, хотя и не такой хороший, как дома. Но этого и следовало ожидать, и не следует проявлять мелочность и отрицать, что на других планетах есть свои дни красоты, только из-за того, что они — не твоя родина.

Она рассмеялась и удлинила шаги, стараясь идти с ним в ногу.

— Было бы разумно, — заметила она, — сказать мистеру Хостро, что я — твой адъютант. Если он — денежный мешок, то решит, что это значит «телохранитель», и ты наберешь очки.

— Хороший план, — решил Точильщик. — Ибо я обратил внимание, что когда дело идет о деньгах, выгодно громко заявлять о своей значимости.

Мири ухмыльнулась, а потом наморщила нос: ее локоть ударился о непривычную вещь у пояса.

— Точильщик?

— Да, сестра моя?

— Точильщик, я не хочу быть невежливой, но, наверное, лучше мне все-таки спросить, потому что я не все поняла. Может быть, мне следовало спросить у Хранителя, но он такой застенчивый...

— Это верно, — сказал Точильщик. — Мой брат Хранитель не выдвигает себя вперед так, как, возможно, следует личности, уверенно шагающей по галактикам, но он персона чуткая и шепетильная, и всегда стремится поступать должным образом. — Он обратил на нее свои светлые глаза. — Наш подарок не доставил тебе удовольствия?

— Ой, нет, он доставил мне большое удовольствие! Но, видишь ли... Я не понимаю, почему я вообще получила подарок, и мне бы очень не хотелось, чтобы между нами возникло какое-то недоразумение. Особенно когда мне так легко открыть свой болтливый рот, задать вопрос и услышать, что ты скажешь.

— Моя сестра мудра, — объявил Точильщик, заворачивая за угол, где он чуть было не затоптал двух разукрашенных драконов-нестаяй дам, которые рука об руку следовали им навстречу.

— Тогда знай, — сказал он, несколько не смутившись возникшей сумятицей, — что мы сделали тебе подарок, чтобы продемонстрировать нашу радость и наше удовлетворение тем, кого наш брат избрал себе в спутницы жизни.

Мири недоуменно моргнула:

— И кто же этот брат?

— Самый юный из моих многих, тот, которого ты называешь Крепким Парнем.

— Вот как. — Она обдумала услышанное. — Точильщик, Крепкий Парень говорил тебе, что он собирается... э-э... на мне жениться?

— Увы, нет, что я считаю не похожим на него. Но я убежден, что этот вопрос просто ускользнул от его внимания: несомненно, он был поглощен своим творчеством. Возможно, планировал свою следующую композицию.

Они снова завернули за угол, на этот раз без инцидентов.

— Мы поняли это только вчера вечером, когда стало видно, что он дал тебе нож-в-палке, который был с ним, когда он впервые оказался среди нас, — продолжал он. — И при этом я уверился в том, что в его молчании не было оскорбления, поскольку он счел нужным сначала жениться на тебе по нашему обряду, с даром ножа. Насколько я знаю, его собственное племя обменивается драгоценными камнями или украшениями — которые он и вручил тебе позже, в нашем присутствии.

— Гм. А разве нормально, чтобы человек брал себе спутника жизни, не предупреждая об этом никого? Даже того, с кем заключается брак?

Точильщик задумался над ее вопросом.

— Я слышал, что такое среди людей бывает, — сказал он спустя несколько минут. — Но я уверен, что мой брат не стал бы поступать таким образом, потому что он добрый и пожелал бы убедиться в том, что его внимание не вызывает отвращения.

Мири остановилась и уставилась на своего огромного спутника. Точильщик тоже остановился, полностью парализовав все движение. Людям пришлось обходить их по мостовой.

— Он — какой?

Она услышала, что ее голос срывается, и судорожно сглотнула.

— У моего брата нежное сердце, — проговорил Точильщик, и его мощный голос прозвучал удивительно тихо. — Он не стал бы причинять вред ни одному существу или предмету, которые не есть его заклятые враги. И он не стал бы по собственной воле причинять огорчение. Я видел, как он плакал с той, чей супруг лежал убитым, и как баюкал на руках младенца, который был чуть ли не больше его самого. Невозможно, чтобы он заключил с тобой брак без твоего ведома и согласия.

Наступило долгое молчание. Мири закрыла глаза и сосредоточилась на том, чтобы дышать ровно. «Псих, псих, — повторял голос у нее в голове. — Он совершенно не в себе!»

У нее над головой зарокотал голос Точильщика. Она открыла глаза и посмотрела наверх.

— А разве ты сама не находишь его таким?

Протянув руку, она поймала два из его трех пальцев.

— Наверное, я не так хорошо его знаю, — проговорила она серьезно и встряхнула головой, словно для того, чтобы прочистить мозги. — Спасибо, Точильщик. Я рада, что мы смогли поговорить.

Он наклонил свою массивную голову и оставил свои пальцы у нее в руке.

— И я тоже, — заявил он.

— Это наш парень! — заорал Пит, стукнув шефа полиции по плечу.

Тот кивнул и снова включил связь.

— Похоже, это он, агент. Не пытайтесь — повторяю — не пытайтесь приближаться к подозреваемому. Он очень опасен. Мы пришлем специалистов из центра. По возможности ведите за ним наблюдение, не показываясь и не рискуя собой. И выясните, где остановилась эта черепаха. Возможно, девица дожидается там.

— Слушаю, сэр, — ответил Чарли, мужественно пытаясь не выказать досады. — Когда нам можно ожидать ваших специалистов, сэр?

— Через три часа самое большее, — ответил начальник. — Я сейчас свяжусь с начальником вашего участка и обговорю расписание. А вы не упускайте этого парня. Что, вы сказали, они делают?

— Похоже, берут в аренду автомобиль, сэр. Только быстро они этого не сделают, если им нужен такой, в который поместится и черепаха.

— Хорошо. Конец свя... Да, агент!

— Слушаю, сэр?

Начальник всмотрелся в лицо Чарли более пристально, чем тому бы хотелось.

— Ты только смотри, чтобы они не сели в машину и не уехали, понятно, агент? Мы хотим быстрее с этим развязаться, чтобы этот парень не успел еще кому-нибудь навредить. — Начальник придвинулся к экрану. — Ты имей это в виду... Чарли, да?

— Так точно, сэр.

Чарли с трудом сдержался, чтобы не ударить по клавише отключения связи, и постарался изобразить на лице наивное изумление.

— Что ж, Чарли, я уверен, что, по-твоему, этот парень кажется совсем неопасным. Но это только показывает, какой обманчивой бывает внешность. Это из-за него во время ограбления в Миксле погибло пять человек. Поставил их к стенке и пристрелил, раз — и все! — Он шелкнул пальцами. — И среди них была маленькая девочка. Восемилетняя, Чарли.

Чарли издал положенные возгласы, хотя мог бы и не трудиться: его напарник старался за двоих.

— Так что будьте осторожны, но не теряйте его из виду. Помните, что он ладиец. Сами небось знаете, какие эти типы скользкие. — Шеф кивнул экрану. — Действуйте, агенты.

Он прервал связь.

Пит восхищенно присвистнул.

— Жаль, что я до этого не додумался.

Шеф ухмыльнулся, подался вперед и набрал номер участка Эконси.

— Недурно, правда? Намек на зверство очень впечатляет, Питер.

Он нахмурился на сигнал занятой линии, отключил связь и сделал новую попытку.

— Тебе пора готовить твоих ребят. Пятнадцати лучших должно хватить. Я добавлю двадцать полисменов Микслы и двадцать Эконси. — Линия по-прежнему была занята, и он отключил комм. — Чтоб были здесь через час. Сможешь?

— Смогу.

У третьей машины некий потенциал был. Щуплый паренек склонился над двигателем: тонкая рука, ухватившаяся за край крыла, только и не давала ему рухнуть вниз головой в механизм. Другой рукой он обследовал контакты, проверял уровень жидкости и тыкал в разнообразные контрольные устройства. Это продолжалось уже довольно долго. Честный Ал и Помощник ждали, причем Ал пытался не ломать руки.

Наконец он закончил, проверив то, что ему взбрело в голову проверить. Соскользнув с крыла, он вытер обе ладони о кожаные брюки.

— Двигатель в порядке, — сказал он, обращаясь поверх головы Ала к черепаше. — И мощность нас устроит.

— О да! — энергично вмешался Честный Ал. — Это — одна из ранних моделей, когда был спрос на скорость и размеры. Она не такая новая, как те две, о которых мы говорили, но определенно ее можно назвать прекрасной машиной!

Человечек улыбнулся.

— Возраст в данном случае роли не играет. А вот практичность важна. Вы видите размеры Т"карэзиана"аб. Остальные члены посольства имеют похожие габариты. — Он кивнул в сторону машины. — Думаю, этот автомобиль может подойти посольству. Однако есть еще пара других вопросов.

— Конечно, конечно! — расплылся в улыбке Честный Ал. — Эта машина была лучшей в своем роде. Просто королева!

Человечек снова улыбнулся и помахал рукой в сторону салона.

— Один вопрос: полагаю, сиденья регулируются?

— О, конечно!

— Конечно, — эхом повторил клиент. — Но интересно, регулируются ли они по отдельности?

Он открыл дверцу.

— Дело в том, — пробормотал он, — что хотя большинство членов посольства довольно... крупные и им надо много места, в Группе взаимодействия есть и другие, несколько меньшего размера. Одним из них могу считаться я, — сказал он, улыбаясь Алу. — И мне было бы сложно вести машину, если бы все места были отрегулированы так, чтобы вместить главных членов посольства.

— Вот эта регулировка.

Ал продемонстрировал ее действие, изменив высоту шести сидений раздельно, а также подвигав их вперед и назад.

— А! — восхищенно проговорил человечек. — Превосходно.

— И, конечно, здесь имеется личный комм с дополнительным каналом, с помощью которого можно следить за прогнозом погоды, курсом акций...

Он покрутил колесико, иллюстрируя свои слова, и клиент пробормотал что-то восторженное.

— В этой модели также предусмотрено управление внутренней средой... Вот здесь. Если их превосходительства предпочли бы, например, более высокое содержание кислорода... Или большую влажность? А вот здесь можно поляризовать стекла, если они находят наш свет неприятным.

— Действительно, королева, — сказал коротышка.

— А здесь, — объявил Ал, постукивая по датчику, установленному с краю приборной доски, — находится генератор сигнала, который мы настроим так, чтобы он соответствовал статусу вашего посольства. Таким образом, полиции достаточно будет только направить на вас считывающий луч — и они сразу поймут, что вы важные особы и вас не следует беспокоить.

— Чудесно! — с улыбкой откликнулся его клиент. — Я уверен, что этот автомобиль полностью соответствует нашим требованиям.

Он отступил на шаг, вдруг нахмурился и замер, глядя на кузов цвета свежей зелени. У Ала сердце ухнуло в пятки.

— Не уверен, что этот цвет достаточно приятен.

Сердце Ала вернулось на положенное ему место.

— Как я мог это упустить! — Он поманил коротышку обратно к приборной доске. — Вот это устройство: мы поворачиваем его вот так. А теперь смотрите!

Клиент послушно посмотрел, увидел, что кузов стал ярко-желтым, и расплылся в мальчишеской улыбке.

— Вы находите этот цвет приятным? — с надеждой спросил Ал.

— Позвольте мне переговорить с Т"карэзиана"аб.

Он отошел туда, где странное существо стояло, рассеянно глядя на обсуждаемый автомобиль.

— Мы почти приняли решение, брат, — проговорил Вал Кон, перейдя на смесь лиадийского и языка Стаи. — И я благодарю тебя

за то, что ты был так добр, что согласился меня сопровождать. Не желаешь ли посмотреть на машину и сказать мне, когда она приобретет цвет, который доставит тебе удовольствие?

Помощник устремил свои огромные глаза на хрупкую фигурку своего самого младшего брата.

— Я выбираю цвет? — воскликнул он, обрадовавшись. — Это ты добр, брат, — а мне оказана честь. Я непременно буду смотреть и скажу тебе, когда оттенок мне понравится.

Коротышка вернулся к машине, на ходу улыбнувшись Алу, и сел на место водителя. Он взялся за регулирующее цвет устройство.

Цвет кузова из ярко-канареечного стал золотистым, потом янтарным, потом — бронзовым, потом — бежевым, потом — коричневым, потом — охряным, потом...

Громкий голос прогудел что-то непонятное, выведя Ала из ступора. Стоящая перед ним машина приобрела цвет, который антиквары называли «пожарный автомобиль».

Коротышка выбрался из-за руля и осмотрел дело своих рук, слегка прищурился, словно от слишком яркого света. Встретившись взглядом с Алом, он пожал плечами.

— А, ладно. Мы арендуем эту машину, — заявил он, подходя к Алу и беря его за руку. — Посольство будет на этой планете один местный год. Давайте мы оплатим вам двухлетнюю аренду, чтобы вы не беспокоились за сохранность своего имущества. Это вас устроит?

Честный Ал заморгал, позволяя увести себя к конторе.

— О да, — с трудом выдавил он. — Вполне устроит.

— Прекрасно. Насколько я понимаю, вы можете прямо сейчас отладить генератор так, чтобы мы могли уехать на этом автомобиле?

Ал кивнул, окончательно лишившись дара речи.

— Превосходно! — вежливо проговорил коротышка. — А теперь о плате. Вы предпочтете земные монеты или лиадийские кантры?

Мири решила, что у этого Джастина Хостро дела идут недурно. Кабинет у него был почти таким же стильным, как у Сира Болдуина, хотя вкус, руководивший подбором настенной живописи и безделушек, был иным. Более искусственным, пожалуй. Болдуин был поклонником искусства Земли, хотя в библиотеке у него висел оригинал Беланзиума.

В личном кабинете Джастина Хостро висели два полотна Беланзиума, и на каждом изображался вид какой-то планеты из космоса. Характерное свойство, делавшее каждую настоящим сокровищем, заключалось в ощущении, будто зритель действительно находится в космосе, а этот мир висит перед ним, заполняя собой огромное окно обзорной палубы.

Мири переключила внимание с картин на Джастина Хостро, который удобно устроился за своим отполированным стальным столом.

— Вот сумма, которую мы обговорили. Пожалуйста, пересчитайте и убедитесь в том, что мы правильно поняли друг друга, — говорил он.

Точильщик выполнил его пожелание: он открыл предложенный ему кошель и вытащил прозрачные свертки с монетами. Мири отметила про себя, что это лиадийские монеты, но заставила себя сохранять невозмутимое выражение лица. Чертово состояние в лиадийских монетах. А ведь это — только пятьдесят процентов аванса. За ножи, которые гарантированно сломаются.

Точильщик разложил монеты кучками по семь, а потом смахнул каждую обратно в кошель. Он наклонил голову.

— Сумма правильная в том смысле, что это — первая половина общей стоимости, которую мы обговорили.

— Хорошо. — Мистер Хостро улыбнулся и вытащил из лежащей перед ним папки листок с распечаткой. — Это — список мест, куда следует направить первые партии. Желательно, чтобы в каждое было доставлено по три сотни, и таким образом первая партия составит три тысячи ножей. Для вашего удобства в документе места назначения обозначены как торговым, так и местным названием.

Он передал список Точильщику, который принял его и просмотрел.

— Это будет сделано, — сказал он, складывая лист и убирая его в кошель к монетам, — в течение следующего стандартного года, как мы говорили. Первая партия должна быть доставлена в первое место в течение ближайших трех стандартных месяцев, это правильно?

— Правильно, — ответил сидевший за столом мужчина.

— Тогда, — заключил Точильщик, вставая и медленно наклоняя голову, — мы очень хорошо друг друга понимаем.

Мистер Хостро тоже встал и адресовал Точильщику свой поклон одного монарха другому.

— Я рад, что это так. И да будут наши торговые отношения долгими и взаимовыгодными.

— Да будет так, — ответил Точильщик. — Иметь с вами дело очень приятно. Надеюсь, что в будущем наши переговоры будут идти так же.

Он начал неспешный поворот, а Мири в своей роли телохранительницы направилась к двери и внимательно проверила коридор. Точильщик вышел следом за ней, и дверь за ними закрылась.

Джастин Хостро сидел у себя за столом, и между его бровями пролегла едва заметная морщинка.

— Мэтью!

На его зов немедленно явился его помощник.

— Да, мистер Хостро?

— Та женщина, Мэтью. У меня такое чувство, будто я уже видел ее лицо. Возможно, в наших досье? — Он сдвинул кончики своих идеально ухоженных пальцев. — Да. В наших досье. Недавно. Пожалуйста, выясни, кто она.

— Сию минуту, мистер Хостро.

Помощник уселся за экран досье и начал поиск.

Инструкция оказалась старой и плохо читалась. Ал шурился на экран, пытаясь разобраться с оглавлением. На мигающем сером фоне извивались белые буквы, с которыми его глаза справиться не могли. Он вздохнул и виновато посмотрел на коротышку, радуясь, что черепаха осталась на улице.

— Наверное, мне лучше позвонить в Бюро регистрации. Глаза у меня стали никудышные.

Коротышка был само сочувствие.

— Проблемы, сударь? Давайте я попробую разобраться. Ну, конечно, дипломатические машины: И-1. — Он вызвал соответствующий раздел. — Я уже через секунду его найду, если вы будете любезны его записать.

Честный Ал полез под стол и вынырнул с куском розового картона и старинным стилем.

— Вот он! — объявил его клиент. — Гораздо проще, чем беспokoить Бюро регистрации, правда? Вот код, который нам нужен: ДИЗ — 9736 — Я — 7558 — Т.

— ДИЗ — 9736 — Я — 7558 — Т, — зачитал Ал.

— Правильно.

— Ну, вот и хорошо. Тогда я пойду запрограммирую ваш генератор — и вы можете ехать. Еще пять минут, сударь. — Он помолчал и сделал настолько глубокий поклон, насколько позволил ему животик. — Спасибо вам за помощь, сударь.

Коротышка улыбнулся.

— Не за что, — пробормотал он, отключая инструкцию. Пождав, когда Ал уйдет, он повернул колесико обратно.

— Точильщик, если ты не возражаешь, я с тобой тут расстанусь. У меня есть одно дело.

— Это дозволено, — ответил Точильщик. — Когда ты к нам вернешься?

Мири пожала плечами.

— Думаю, скоро. Ничего сложного, но дело сделать надо.

— Понимаю. Иди и решай свой вопрос, юная сестра. Я буду ждать того момента, когда мы снова увидимся.

Она улыбнулась, встряхнула головой и перешла на другую сторону улицы. Там она обернулась, чтобы помахать рукой, но То-чильщик на нее не смотрел.

Ярко-красная машина притормозила у тротуара за полквартала перед ними и высадила своего пассажира.

Чарли тоже притормозил и высадил своего напарника, напомнив ему, что он должен только не выпускать черепаху из виду и сам не светиться. А потом Чарли уже надо было ехать следом за красной машиной.

Похоже, водитель красной машины не заметил, что за ним следят. Он ехал, не нарушая правил, в пределах допустимой скорости. У стоянки с самообслуживанием в бедном районе города, примыкавшем к гэтоттам, он выбрал место рядом с выездом и вышел из машины, чтобы опустить в счетчик нужное количество монет.

Чарли припарковался прямо перед красной машиной и открыл дверь. К тому моменту, когда он обошел свой автомобиль, водитель второй машины уже стоял, привалившись к дверце и скрестив руки на груди.

Чарли неспешно подошел к нему и кивнул:

— Привет, Дэнни!

— Здравствуйте, агент Нараншек, — ответил парнишка с холодной любезностью.

Чарли покачал головой и вздохнул.

— Я решил, что тебе интересно будет узнать, — сказал он, — что полиция объявила розыск на тебя и твою сестру. Там говорится, что вы вооружены и опасны. — Он посмотрел на запястье. — Примерно через два часа важные парни из Микслы приедут, чтобы арестовать вас обоих.

Дэнни кивнул.

— Спасибо. Я ценю вашу заботу.

— Ну, так прекрати ее ценить, — проворчал Чарли, — потому что она не о тебе, а о твоей сестре.

— Знаю, — прозвучал спокойный ответ. — И тем не менее я благодарен.

— Да неужели? — Он судорожно вздохнул. А, какого черта! — Шеф из Микслы говорит, что ты пристрелил там пять человек, и одна из них — маленькая девочка.

Обе брови выразительно поднялись.

— Ложь. Но я благодарю вас и за эту информацию.

— Я знаю, что он врал, — раздраженно проговорил Чарли. — Но дело-то в том, что больше никто этого знать не будет. Человеку свойственно ожидать худшего. На львов охотиться интереснее, чем на кисок.

Парнишка слабо улыбнулся, опустил руки и отодвинулся от машины.

— Тебе лучше уйти. Думаю, было бы очень опасно, если бы тебя застали за разговором со мной. Еще раз спасибо.

Он обошел машину, направляясь через автостоянку к гьотту.

Чарли сел в свою машину и дал задний ход. Выезжая со стоянки, он посмотрел в зеркальце и успел увидеть, как парнишка перемахнул через ограду и опустился на тротуар по другую ее сторону. Двигался он по-кошачьи ловко.

— Мистер Хостро?

— Да, Мэтью?

— Вы не могли бы подойти сюда, сэр? Кажется, я нашел файл этой женщины.

Джастин Хостро вышел из-за стола и неспешно направился к пульту файлов. Подойдя ближе, он наклонился, глядя через плечо своего адъютанта.

— Да, похоже. Прекрасная фотография, не правда ли, Мэтью? Мири Робертсон. — Он легко дотронулся до плеча своего помощника. — Пожалуйста, сбрось мне копию этого файла. Думаю, прежде чем принять решение, мне следует пересмотреть это дело.

Глава 12

Молодой человек, сидевший в алькове, еще никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым. Имея от природы поэтический склад характера, он обнаружил, что эта мысль ему нравится, и сидя рядом с деревом мелекки в кадке в ожидании своей возлюбленной, он позволил себе размышлять на эту тему и дальше.

Да, жизнь — это штука прекрасная: приятные неспешные дни постепенно переходят в страстные ночи, наполненные любовью, вином и беседами. Сильвия — женщина красивая, любящая, нежная и щедрая. А еще она весьма состоятельная... Но это почти не заслуживает внимания. Его чувства настолько сильны, что поднимаются выше финансовых соображений.

У задней двери алькова послышался шорох, и молодой человек улыбнулся. Это чудесное создание пытается к нему подкрасться! Он встал со стула и повернулся к ней навстречу.

Листья, загораживавшие задний вход, раздвинулись, и она бесшумно шагнула в кабинет, держа правую руку у рукоятки пистолета.

— Эй, Мерф! Что новенького?

Улыбка сбежала с его лица, а глаза сделали недурную попытку вылезти на лоб.

— Сержант?

Ее брови поднялись так высоко, что исчезли под челкой.

— Ты меня не ждал? А ведь я тебе, кажется, писала! — Она наклонила голову, устремив на него внимательные серые глаза. — Хорошо выглядишь! — приветливо сказала она. — Преуспеваешь. И забот никаких, да? Сидишь спиной к двери.

— Здесь не одна дверь, — ответил он ей, стараясь не обращать внимания на то, как у него заныло под ложечкой. — И потом, я слышал, что ты идешь.

Она сделала еще пару шагов, и на ее лице появилось то выражение, которое он так хорошо помнил по прошлым временам. Он втянул живот, намереваясь принять выволочку, как положено хорошему солдату.

— Ты меня слышал, тупая ты свинья, — проговорила она, ухитряясь смотреть одновременно на него и на ту часть вестибюля, которая была видна у него за плечом, — потому что я позволила тебе меня услышать! А если бы я сегодня не была в хорошем настроении, то уже некому было бы нести эту чушь. — Она указала на стул, с которого он только что поднялся. — Садись.

Он сел.

Она повернула второй стул так, чтобы наблюдать за вестибюлем, Мерфом и задней дверью, а потом уселась, положив руку рядом с пистолетом. Откинувшись назад, она молча разглядывала его, пока его не прошиб пот.

— Послушай, сержант, — начал он, радуясь, что у него не сорвался голос. — Я собирался перевести тебе деньги через банк...

— Да что ты говоришь? — заинтересованно переспросила она. — Ну, я рада, что у тебя были такие добрые намерения. Видно, что тебя хорошо воспитывали. — Она рассеянно погладила пальцем рукоятку пистолета. — А еще это показывает, что ты вор, друг мой, потому что я все еще не получила мои деньги.

— Я могу все объяснить...

Она подняла руку.

— А это очень невежливо: напомнить, что на объяснения кинак не купишь?

Он нервно облизал губы.

— Я сделаю перевод.

— Ну, это совсем не обязательно, — миролюбиво объявила она. — Ведь я уже здесь, так что можешь отдать их мне наличными.

— Наличными?!

На этот раз голос у него уже сорвался.

— Наличными.

— Сержант, у меня при себе нет такой суммы!

Он начинал чувствовать себя испуганным — и загнанным в угол.

— Неужели? Очень жаль. А какая сумма у тебя при себе есть?

— Примерно четыреста пятьдесят монет. — Врать ей бесполезно: этот урок он хорошо усвоил. — Почти все у меня в номере.

Наступило короткое молчание.

— Ладно, — сказала она. — Я возьму четыреста пятьдесят наличными, а остальное — натурой. — Она протянула свою изящную руку ладошкой вверх. — Серьги.

— Что? Сержант, послушай, пойдем со мной в номер, я отдам тебе все мои наличные, а на остальное выпишу чек, ладно?

Она вздохнула: глубоко и с сожалением. Он судорожно сглотнул.

— Ангус, — серьезно проговорила она, — не дразни судьбу. — Она покачала протянутой рукой. — Серьги. Сейчас же.

Он медленно вынул кольца из ушей и осторожно положил их ей на ладонь. Она зажала их в кулак, а ее серые глаза заскользили по нему. Мерф судорожно дернул рукой, пытаясь спрятать кольцо.

Она уловила его движение, кивнула и протянула руку.

— Кольцо.

— Проклятие, сержант... — начал он.

Она встретила с ним взглядом.

Он громко сглотнул и начал снова, уже тише:

— Послушай, только не кольцо, ладно? Это — подарок от моей... от Сильвии. — Похоже, на Мири это впечатления не произвело. — Послушай, это обручальное кольцо. Оно дорогое для меня — но не для ломбарда.

Протянутая рука не дрогнула.

— Давай договоримся, Ангус: мне — кольцо, а тебе — возможность жить и наслаждаться своей девицей. Гони.

Со слезами на глазах Мерф стянул кольцо с пальца и положил его ей на ладонь.

Почувствовав его вес, Мири выразительно подняла брови.

— Платина с понджемом и сапфиром? Недурное выражение чувств.

Кольцо исчезло следом за серьгами, а она продолжила осмотр его персоны.

— Давай подумаем...

Часы в холле показывали, что полдень уже миновал. Вал Кон вызвал лифт, поднялся на третий этаж и вошел в гостиную, готовясь принять взрыв возмущения.

Его братья сидели кругом в центре комнаты, и как только он закрыл дверь, звучные фразы их родной речи ударили его с силой раскатов грома.

Точильщик поднял руку, приветствуя его приход, но не прервал потока своих высказываний. На низком столике громоздились

внушительные количества фруктов и пива, а также целая головка сыра и неоткрытая бутылка вина.

Мири в гостиной не оказалось. Дверь в ее спальню была закрыта.

Он ощутил слабое покалывание в затылке и направился к ее двери. Не заперто. Он осторожно перешагнул через порог.

Кровать застелена, в комнате — профессионально прибрано, никаких следов хозяйки. В ванной — то же самое. Он быстро вышел из комнаты и стремительно осмотрел остальные помещения апартаментов, хотя уже практически не сомневался в том, что ее там нет. Покалывание в затылке переросло в настоящую тревогу.

Вернувшись в гостиную, он подошел к сидящей Стае и, оставившись рядом с Точильщиком, сделал поклон, говоривший о его срочной потребности сказать нечто.

Точильщик ответил взмахом руки, сообщившим его брату, что его выслушают следующим. Вал Кону осталось только поклониться и отойти.

Взяв кусок какого-то плода и ломоть крошащегося золотистого сыра, лиадиец уселся на край более высокого стола чуть в стороне от черепаш и приготовился дожидаться своей очереди, вооружившись терпением и болтая не достающей до пола ногой.

Проходя мимо молодого человека, Сильвия улыбнулась и наклонила голову. Она знала, что выглядит отлично и что костюм подчеркивает ее внешность. Никаких платьев массового пошива из камердинера! Это платье было сшито специально для нее настоящим художником, и каждая линия громко заявляла об этом.

Она приостановилась, пытаясь найти в вестибюле высокую спортивную фигуру своего жениха, и чуть было не просмотрела его — он сидел в алькове, полускрытым за комнатными растениями. Улыбаясь, она направилась к нему, а потом, заметив, что он не один, приостановилась у колонны, чтобы оценить ситуацию.

В алькове с ним оказалась крошечная женщина, одетая в поношенный кожаный костюм вроде тех, которые носят рабочие космических кораблей и солдаты-наемники. У нее были рыжие волосы, заплетенные в косу и уложенные вокруг головы аляповатой медной короной.

Сильвия вспомнила, что Ангус был наемником: это был короткий эпизод, пока он был еще подростком. Он не упоминал никаких друзей, которые бы остались у него с того времени, но, возможно, эта маленькая женщина относится именно к ним? Сильвия собралась было продолжить свой путь, намереваясь проявить любезность по отношению к неотесанной знакомой жениха.

Ангус снял с шеи цепь и вручил ее маленькой женщине, которая немедленно спрятала ее к себе в кошель.

Сильвия оцепенела.

Ангуса грабят!

В душе Сильвии поднялось возмущение. Никто не смеет грабить ее и ее близких! Этого просто не делают. Похоже, этой малышке очень нужен урок этикета.

Она задержалась еще на секунду, запечатлев в памяти все детали одежды и внешности незнакомки, а потом резко развернулась и направилась к ряду коммов, расположенному в дальней части вестибюля.

Заказав разговор за счет вызываемого (Сильвия не носила при себе мелочи), она набрала номер личного телефона в рабочем кабинете своего отца.

На вызов немедленно ответил его адъютант, который чуть наклонил голову, как только ее узнал.

— Привет, Мэтью, — проговорила она, как всегда любезно. — Пожалуйста, немедленно соедини меня с отцом. Это очень важно.

— Конечно, миз Хостро.

— Так, Инталья: веди свою группу на уровень развлечений. Установи наблюдение за выходами и лифтами.

Корнблатт, оцепил этот вестибюль. Пусть кто-нибудь дежурит в центре связи и еще кто-то — у главной силовой установки.

Смит, мы с тобой и вот эти ребята будем наблюдать за лифтами в вестибюле. И все вы помните: это — крайне опасные личности. Мы предпочли бы захватить их живыми, но если понадобится, стреляйте на поражение. По местам!

— Ну, младший брат, я рад, что ты вернулся. Этот мой брат описал, как ты проявил свое художественное мастерство при приобретении машины, при этом сделав вид, что ты ее не приобретал. Гениально. Такого художника, как ты, мир еще не видел.

— Ты очень добр, — пробормотал объект его похвал, отряхивая пальцы от сырных крошек. Он подался вперед. — Точильщик, где Мири?

Т"карэ на секунду задумался над этим вопросом.

— Не знаю, брат. Она упоминала о том, что ей надо завершить какое-то дело. Кроме этого...

Он покачал своей массивной головой.

— В более ранний период этого дня мы ходили с ней вместе, — сказал он, — и разговаривали о вещах, имевших для нас важность. Она очень удивилась, обнаружив, что вступила с тобой в брак, мой брат.

Вал Кон оцепенел. Присутствуй при этом Мири, выражение его лица в эту секунду заставило бы ее расхохотаться. Он глубоко вздохнул.

— И это вполне понятно, — согласился он, хотя его голос едва заметно подрагивал.

Хранитель, разглядывавший узор ковра, на котором он сидел, поднял глаза.

— Мы хотели только увеличить радость, когда прошлой ночью нам показалось, что ты заключил ножевой брак с нашей сестрой. Конечно, ты не сказал нам, что намерен это сделать, но нам известно, как торопливы вы, люди, и наш старший брат считал, что если ты обдумывал в тот момент свою следующую композицию, то мог быть настолько рассеян, что забыл проинформировать своих братьев. Мы сделали плохо, брат?

Он облизал сухие губы, мысленно просчитывая варианты.

— Да, — сказал он. — Боюсь, что вы сделали плохо.

— Это меня печалит, — сказал Хранитель. — Можно ли нам спросить, в чем именно дело?

Наступила довольно долгая пауза, которая потребовалась Вал Кону на то, чтобы прогнать полоску цифр, бежавшую перед его мысленным взором. Он вздохнул.

— Это очень запутанно, брат. Наибольший ущерб был причинен тогда, когда вы назвали ее моей супругой. Она меня боится, а это заставит ее бояться меня еще сильнее. Однако это можно будет исправить.

— Она боится тебя, брат?

Этот вопрос задал Помощник, но Вал Кон повернулся к самому старшему из них.

— Точильщик, пожалуйста, скажи мне, когда Мири рассталась с тобой и что именно она сказала.

Точильщик моргнул своими огромными глазами.

— Было три часа, когда я вошел в вестибюль этого гьотта, а юнейшая из моих сестер покинула меня у двери всего на один вздох раньше. Ее слова были ответом на мой вопрос о том, когда она к нам вернется. Она сказала: «Думаю, довольно скоро. Ничего сложного, но этим надо заняться». С этим мы с ней расстались.

Он протяжно выдохнул воздух, который задержал, дожидаясь ответа. Маловероятно, чтобы Мири солгала Точильщику. Он закрыл глаза и потер лоб.

— Ладно. Но сейчас уже пять, а она не вернулась.

— Это значит только, что это дело заняло больше времени, чем она ожидала, — пророкотал Точильщик.

Вал Кон открыл глаза.

— Я тоже на это надеюсь.

Он соскользнул со стола и глубоко поклонился.

— Говори, — приказал Точильщик.

— Прошу простить мою торопливость, брат. Я сожалею, что вынужден так поступать. — Он протянул руки ладонями вверх. — В ситуацию вмешались непредвиденные события, и это может означать, что нам действительно понадобится воспользоваться вашим кораблем. Все готово? Если необходимость застигнет нас, мы сможем сесть на борт и отправиться уже сегодня вечером?

— Наблюдателю было сказано ожидать тебя, одного, или с юнейшей из моих сестер, либо мою сестру, одну. Для вас все готово. Есть пища в избытке — и такая, которая питательна для людей. Есть книги на многих языках, а также несколько видов музыкальных инструментов.

— Ты очень добр. Меня печалит то, что я должен высказать еще одну просьбу.

— Говори, — снова приказал Точильщик, не отводя светящихся глаз с лица своего юного брата.

— Сейчас я иду искать юнейшую из твоих сестер. Если случится так, что она вернется в мое отсутствие, пожалуйста, перескажи ей все, о чем мы говорили на этой встрече, и попроси, чтобы она ждала до шести часов. Если к этому времени я не вернусь, ей следует отправиться на автостоянку на улицах Пенс и Селест и найти красную машину. В это транспортное средство она может сесть, набрав на кодовом замке число 615. Ей следует немедленно поменять цвет автомобиля и ехать в ближайший шаттл-порт. Ей не следует останавливаться ни в коем случае. Добравшись до космостанции, она должна найти ваш корабль и улететь. — Он прикусил губу и закрыл свое внутреннее око, чтобы не видеть уравнения, отрицавшего подобную возможность. — Передай ей, что я вычислил шансы, и они плохие. Но скажи также, что она — человек удачливый, и если она будет осторожна и бдительна, все будет хорошо.

— Я скажу все это моей сестре, — пообещал Точильщик. — Должен ли я говорить, что в это последнее ты не веришь?

Вал Кон вздохнул.

— Брат, прошу тебя этого не делать. У людей свои определения правды, и не всякая правда говорится вслух.

— Я понимаю, и все будет сделано так, как ты говоришь. Название нашего корабля... но ты спешишь. Запомни только, что он находится на причале 327 на уровне Е.

— Брат, я не могу выразить, насколько твое великодушие переполняет радостью мою собственную душу. — Он поклонился Точильщику, а потом остальным молчащим членам Стаи. — Соберите много мудрости, о мои братья, и с пользой употребите собранное.

— Долгой тебе жизни, юный брат, и много радости в ней, — ответил Точильщик, отпуская его.

Вал Кон направился к двери — не бегом, но очень быстро. Дверь открылась и закрылась, словно по волшебству, — и он исчез.

Точильщик повернулся обратно к своим родичам и сделал Эксперту знак, чтобы тот налил ему стакан пива.

— Наш брат, — изрек он, делая щедрый глоток, — великий художник.

Джастин Хостро кивнул.

— Да, понимаю. Это счастливое стечение обстоятельств, Сильвия, хотя, конечно, очень печально, что она пожелала ограбить твоего друга...

Он позволил себе замолчать и, опустив глаза, переложил на столе бумаги. Его дочь, хорошо изучившая его манеры, промолчала и стала дожидаться продолжения с максимально возможной выдержкой.

Он снова поднял взгляд и слабо улыбнулся.

— Сильвия, дорогая, я пошлю группу моих сотрудников в твой гьотт, чтобы препроводить эту даму в мой офис. Тем временем окажи мне любезность и позаботься, чтобы она осталась... в пределах досягаемости.

Ее ровные брови чуть сдвинулись.

— В пределах досягаемости?

Он взмахнул рукой, отказываясь обсуждать детали.

— Именно так. Закажи ей выпивку, пригласи к себе в комнату, обольсти ее — но удержи в гьотте еще на двадцать минут. После этого можешь ее отпустить. Поняла?

— Да, папочка.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Ты и твой друг по-прежнему планируете пообедать со мной сегодня вечером, не так ли?

— Конечно, — ответила она не без удивления.

Он кивнул.

— Тогда до встречи, милая. О! Вот что, Сильвия...

Она замерла, держа руку у кнопки отключения:

— Да, папочка?

— Будь осторожна, милая. Боюсь, эта дама... отличается довольно вспыльчивым характером.

Он снова улыбнулся и отключил связь.

Сильвия со вздохом вышла из комм-будки и направилась к алькову.

* * *

Вал Кон вызвал лифт, напряженно прикидывая варианты. Конечно, Мири отправилась в гютт напротив, к Мерфу. Чтобы его дожидаться? Или она договорилась с ним встретиться? Двери лифта с шорохом открылись, и он вошел в кабинку, направив ее в вестибюль.

Когда лифт с мелодичным звоном остановился, дверь открылась, и он сделал два шага в вестибюль.

— Вот он! — заорал голос, успевший стать ему слишком знакомым.

Вал Кон застыл на месте и скользнул взглядом по толпе тщательно размещенных лиц. Слишком многие имели пистолеты. И слишком многие направили их на него. Прямо перед ним стоял Питер Смит.

В напряженном молчании он услышал щелчок снимаемого с предохранителя пистолета.

Он с разворотом вскинул ногу, так что его стопа ударила по руке Пита, и нырнул в сторону открытого лифта. Пуля просвистела над его плечом, пока он перекачивался по полу остаток расстояния, отделявшего его от кабинки. Еще одна попала в двери раньше, чем он успел их закрыть и нажать кнопку «вверх».

На пятнадцатом этаже он остановился, заклинил двери монетой, подбежал к пульту и вызвал еще несколько лифтов.

Три приехали сразу же: из одного вышла пожилая супружеская пара, направившаяся под руку по коридору, даже не заметив невысокого молодого человека, который проскользнул у них за спиной и заклинил двери.

Четыре из семи лифтов выведены из строя, и все шансы за то, что очень скоро остальные три привезут ему многочисленное общество.

Хорошо: что теперь? В комнату — и из окна? Он поморщился. С пятнадцатого этажа, причем в него наверняка будут стрелять снизу? Тут даже никаких подсчетов не нужно.

Вниз по служебной лестнице? Если таковая имеется. Он не занес в память все детали этого строения — вот и дурак. Он позволил себе думать, что находится в безопасности под защитой надежной громады тела Точильщика.

Вал Кон покачал головой. Значит, выбираться надо так, как он пришел — пробиваться в «Грот» с его дюжиной выходов.

Он медленно повернулся, осматривая пустой коридор. Тут, несомненно, должно оказаться что-то такое, чем он сможет воспользоваться. Спустя секунду пришло воспоминание, и он направился направо, в короткий тупичок.

Чулан с принадлежностями для уборки был заперт, но это было легко поправимо. Он быстро выбрал нужные предметы, чутко

прислушиваясь к звукам прибывающих кабин и жалея о том, что с ним нет напарника, который следил бы за лифтами.

Набрав несколько бутылок и пачек бумаги, он вернулся к лифтам, оставив незапертую дверь тихо качаться на петлях.

Когда Сильвия подошла к алькову, они как раз выходили оттуда. Плечи Ангуса беспомощно сутулились. Маленькая женщина легко успевала за ним, бесшумно переступая кожаными сапожками.

Прячась за оплетенной плюшем колонной, Сильвия смотрела, как они идут через вестибюль к лифтам. Когда они сели в кабинку, она прошла следом и остановилась, наблюдая за указателем этажей. Четвертый этаж — они вернулись в их номер! Этой сучке было мало того, что было на нем: ей понадобилось еще!

Дрожа от ярости, Сильвия вызвала лифт.

Вал Кон хмуро посмотрел на указатель. По причинам, известным одной только полиции, три незаклиненных лифта остались внизу: два на уровне вестибюля и один — в «Гроте». У него была теория относительно этого маневра, но ее следовало проверить.

Смяв бумагу в плотный шар, он пропитал ее спиртосодержащей жидкостью и поднес к ней зажигалку. Пламя мигнуло — и разгорелось, дав симпатичный дым.

Он осторожно бросил его в первый из четырех лифтов и расклинил дверцы.

Дверь в номер открылась — и Мерф вздохнул. Он снова вздохнул, еще глубже, когда подошел к столу и вложил палец в замок. На гладкой поверхности неожиданно возник ящичек, и Мерф извлек из него кошель, который протянул стоявшей рядом женщине.

Она кивнула в сторону стола.

— Пересчитай их. Я знаю, что намерения у тебя самые добрые, но память никудышная, приятель.

Он выполнил ее указания: нервным движением открыл кошель и вытряхнул его содержимое на крышку стола. Монеты со звоном покатались в стороны — одна упала на пол.

Он раздраженно нагнулся за ней, уложив в первую стопку по десять.

У двери послышался какой-то звук.

Мерф поднял голову как раз в тот момент, когда створка отъехала в сторону, пропустив в номер его невесту, гибкую, элегантную и красочную в вечернем платье, расшитом драгоценными камнями. Он пошел к ней, чтобы обнять, — и услышал характерный щелчок снимаемого предохранителя.

Сильвия застыла на месте, широко раскрыв глаза и раздувая ноздри.

Мерф стремительно повернулся.

— Послушай, сержант: ты что, думаешь, у нее в кармане бомба?

Глядя на стоящую у двери женщину, Мири покачала головой.

— Заканчивай считать, Ангус.

Она слегка повела дулом, показывая Сильвии, что дверь надо закрыть.

— Славное платье, — проговорила она, когда это было сделано. — Мы с Мерфом как раз заканчиваем одно дело. Осталось всего несколько минут, а потом я уйду, и вы двое сможете друг друга утешить.

Сильвия судорожно сглотнула, решила не обращать внимания на пистолет и перевела взгляд на своего возлюбленного, который заканчивал последнюю стопку монет.

— Четыреста пятьдесят семь пятьдесят, — объявил он, выпрямляясь.

Женщина с пистолетом мельком посмотрела на стопки монет и кивнула, снова глядя на Сильвию.

— Хорошо. Обратно в кошель.

— Ангус, — спросила Сильвия гневно, — эта женщина тебя грабит?

— Граблю? — переспросила сама женщина. — Ничуть. Мерф должен мне деньги: его отступные наемникам плюс проценты, как мы с ним уговорились, когда я дала ему займы. Он немного задержался с выплатой, но, думаю, теперь все в порядке, правда, Мерф?

Ангус протянул ей заново наполненный кошель.

— Я все равно считаю, что тебе лучше было бы дожждаться, чтобы я сделал перевод, а не отбирать все драгоценности. Ты не выручишь и половины их стоимости...

— Но так я получила все сейчас, — оборвала она его, убирая деньги в свой кошель. — И мне они нужны прямо сейчас! Наличные, а не чек, который я смогу реализовать еще неизвестно когда.

Она позволила себе бросить на него презрительный взгляд.

— Когда тебе нужны были деньги, ты, жалкий *кашсута*, я их тебе дала! Так теперь не скули, что вернул долг тогда, когда они понадобились мне! — Она чуть повела дулом. — С дороги, лапочка.

Сильвия облизнула губы и осталась стоять.

— Но, сержант — так вас зовут, кажется? — если вам нужны наличные, то у меня при себе тоже есть немного. — Она изобразила свою самую обаятельную улыбку. — По крайней мере позвольте мне выкупить кольцо Ангуса.

Глава 13

Лифт, отправленный наверх, должен подниматься, а не опускаться. Таким образом, его теория получила подтверждение.

Тихо вздохнув, он вошел в среднюю кабинку, вынул нож из ножен на шею и начал работать над пультом с кнопками. Грех было так использовать клинок, но делать нечего, и он действовал с осторожной стремительностью, пока не освободил один угол металлической пластины. Спрятав нож на место, он вытащил из жилета кусок проволоки и загнул один конец в виде крючка.

Несколько мгновений были потрачены зря, пока он освобождал крючок, застрявший в механизме, спрятанном за пластиной. Наконец наиболее важная для него кнопка выдвинулась в ответ на нажатие проволоки. Он кивнул и отпустил проволоку висеть в этой неустойчивой позиции.

А потом отправился готовить остальные лифты.

Кольцо, стило и булавка были выкуплены обратно в целом за восемьсот монет, так что сумма наличными сравнялась с той, что была дана в долг, плюс-минус сотня. Мири оставила цепочку и серьги в счет невыплаченных процентов.

— До встречи, Мерф, — сказала она, закрывая кошель и поворачиваясь к двери.

Хмуро посмотрев на женщину у выхода, она повела пистолетом.

— Ладно, лапочка, с делами все. С дороги.

Сильвия облизала губы.

— Знаете что, сержант? Думаю, я смогла бы взять займы еще пару сотен... если вы хотите и проценты получить наличными. На это уйдет еще пара минут. Мне надо только позвонить моему...

— Ангус, твоя невеста слишком много болтает. У меня все, и я ухожу. Она стоит у меня на пути. Можешь убрать ее, или ее уберу я. Выбирай.

Мерф вздрогнул и шагнул к Сильвии.

— Дай сержанту пройти, милая. У нее здесь больше нет дел.

— Но, Ангус, это ведь совсем не трудно! Ей надо только подождать здесь, пока я позвоню папочке и попрошу займы...

— Нет! — отрезала крошечная женщина. — Я и так здесь задержалась, лапочка. Двигай, или я в тебя выстрелю. И это, — сообщила она доверительно, — тебе не понравится.

Мерф уже слышал такую угрозу и знал, что это не пустые слова. Отбросив галантность, он рванулся вперед, сгреб свою любимую в

охапку и перенес ее с дороги. Она бессильно колотила его по плечам кулачками, но женщина в кожаном костюме стремительно скользнула мимо них, ударом ладони открыв дверь.

Все было готово. Он быстро расклинил лифты один за другим и крепко взялся за проволоку, зацепленную за пульт.

«Ладно, командир, — сказал он себе. — План такой: проезжаем мимо вестибюля с помощью подручного средства. Выходим на уровне «Грота» и быстро перемещаемся в гьотт Мерфа. Не разговариваем с незнакомцами, особенно с полисменами. Проще простого».

Он покачал головой, услышав, как у его лифта тренькает сигнал.

«Старик, ты оптимист».

Он иронично улыбнулся.

Они чуть-чуть не захватили ее в номере. Но один из них успел заметить, как она скользнула за угол к служебным лифтам, и поднял крик.

Мири бросилась бежать. Ей повезло: из лифта как раз выезжал робуборщик, нагруженный бутылками с чистящими составами и пачками бумаги. Она схватила его за голову и раскрутила так, что он потерял равновесие и покотился прямо под ноги мужчины, который бежал первым. А потом она нырнула в лифт, нажала кнопку «вниз» и навалилась на нее всем телом.

Лифт поехал вниз, послушно повинаясь непрерывному приказу, и остановился так резко, что она испугалась бы, будь у нее время на подобную роскошь.

Она выскочила из него, не успев оценить обстановку, и лифт закрылся и уехал наверх прежде, чем она сообразила его заклинить.

«Ну, теперь уже ничего не сделаешь, — подумала она. — Надо найти выход раньше, чем прибудет толпа болельщиков».

В помещении было полутемно, но это было нормально для полуподвала, в котором хранились коробки с чистящими составами и бог еще знает с чем. Она оказалась в чреве гьотта, трущобе внутри дворца. Мири глотнула затхлый воздух. Чувствуешь себя почти как дома. Ну и где же здесь выход?

Чарли Нараншек стремительно крутанулся на пятке, чуть было не сбив с ног своего временного напарника, специалиста из столицы.

— Какого дьявола?

Специалист равнодушно посмотрел на группу людей, входивших в гьотт напротив.

— Еще группа наших, наверное: будут следить, чтобы они не прорвались в тот гьотт.

Но Чарли успел разглядеть одно лицо.

— А вот и нет, приятель. Это — Хунтавас.

— Да что ты? — отозвался специалист, снова принимаясь скупаяще рассматривать улицу. — Напряженный вечерок.

Дверь оказалась заперта: это обстоятельство заставило ее вспомнить завершающую фразу очень неприличного анекдота. Из дальнего конца подвала донеслось завывание спускающегося лифта.

Она посмотрела на замок: металлический стержень выскакивает из двери и уходит глубоко в косяк. Для хранения моющих принадлежностей не стали тратить компьютерных штучек-дрючек. Однако замок работал, еще как работал!

Шум лифта стал громче. Мири пошевелила плечами, и ее локоть ударился о непривычную подвеску — ножны и нож...

Нож оказался у нее в руке раньше, чем она успела додумать мысль. Она осторожно ввела клинок в то место, где язычок замка входил в косяк, и нажала.

В дальнем конце подвала открылись дверцы лифта.

Вестибюль был полон дыма. Начали выть сирены, включились огнетушители. Шум достиг чутких ушей Стаи, сидевшей тремя этажами выше, и Точильщик настолько забылся, что в нарушение этикета не дослушал заданного его братом Экспертом вопроса, встал и торопливо направился к двери.

— Пойдемте, братья! Разве я не говорил, что он — могучий талант? Давайте посмотрим, что он создал в данный момент.

С этими словами он ушел, исчезнув в конце коридора.

Помощник, Эксперт и Хранитель двинулись следом, хотя Эксперт на секунду задержался, чтобы выразить Хранителю свое удивление по поводу возбудимости их родича.

— Казалось бы, — сказал он, — что к моменту достижения двенадцатого панциря и к тому же став Т"карэ такого могущественного Клана, как наш, можно было отбросить подобную ребяческую торопливость и вести себя как подобает взрослому.

Они успели выйти в коридор, прежде чем Хранитель сформулировал ответ.

— Возможно, — смущенно проговорил он, сознавая свой низкий статус седьмого панциря, — дело в том, что наш брат и сам художник.

Они разбились на группы и стали поочередно обходить все ряды коробок. Мири прикусила губу, продолжая орудовать ножом. У нее уже почти получилось...

Со звонким шелчком, показавшимся слишком громким ее напряженному слуху, язычок ушел в дверь. В следующую секунду

Мири уже проскользнула за дверь и, повернув вставленный с другой стороны ключ, снова крепко заперла дверь.

Она сделала глубокий вдох и поморщилась. Пандус, на котором она оказалась, пах отвратительно, хотя робуборщиков это, наверное, не смущало. И по правде говоря, ее тоже не должно было бы смущать: пандус вел наверх, а именно это доктор и прописал.

Так что она отправится наверх, предпочтительно на уровень «Грота», откуда множество выходов на улицу. Выбравшись из гюг-та, она найдет комм и звякнет Точильщику, который, конечно, скажет ей, какие распоряжения Крепкий Парень дал относительно ее дальнейших действий.

И в связи с этим встает интересный вопрос: что она все-таки будет делать теперь?

Не забегай вперед, Робертсон. Действуй шаг за шагом.

Запах становился не таким противным. Или ее нос совершил чудеса приспособления. И сверху доносились какие-то звуки. Много звуков. Ну, может, кто-то устроил вечеринку. Чем больше народа, тем веселее — и тем легче ей будет незаметно проскользнуть мимо них.

Пандус повернул и закончился перед дверью. Она постаралась как можно тише вскрыть замок и, чуть приоткрыв дверь, выглянула. Там оказалась кухня, безупречно чистая, огромная и пустая: Мири проскользнула внутрь и тихо прикрыла за собой дверь.

Вечеринка в соседней комнате была что надо: она оказалась и громче — и не такой громкой, какой ощущалась с пандуса. Дрожь от топота ног, которая чувствовалась снизу, стихла, но зато появилось нечто...

Она застыла — и звук повторился. Вечеринка, как же! Это — свист пули, или ее двоюродная бабка Агнес вылупилась из яйца.

Мири осторожно прошла по сверкающему чистотой полу к изуворчатой хромированной двери, чуть приоткрыла одну створку и заглянула внутрь.

Вооруженные мужчины и женщины — около тридцати — распределялись по «Гроту» скорее с осторожностью, чем в соответствии с какой-то тактикой. Предмет их интереса скрывался где-то за восточным баром. И что бы это ни было — или кто бы это ни был, — но стрелять оно умело. Стоило кому-то из вооруженной толпы показать хоть малейшую часть тела, как в этой части немедленно появлялось пулевое отверстие. Методично. Что могло означать только одно: призом в этой охоте на тигра был ее папарник.

Мири нахмурилась, а потом ухмыльнулась: еще один противник был продырявлен. Дырка в руке с оружием, очень красиво.

Шансы примерно равны, решила она. Не стала бы ставить на одну из сторон...

Ее ухмылка вдруг стала шире — и она нырнула обратно в кухню.

«Полисмены, — подумал Вал Кон, делая очередной выстрел, — лишены чувства юмора».

И если уж на то пошло, чувства безнадежности они тоже лишены. Почему, ради всего святого, они готовы оставаться на месте, стрелять и попадать под выстрелы, неся все новые потери и не нанося никакого ущерба? Почему они не сложат вещички и не уйдут домой, не скажут «хватит», не признают, что проиграли, — что-то одно или все сразу? И поскорее. У него кончаются пули.

Мири заклинила дверь в начале пандуса в открытом положении, а несколько секунд спустя проделала то же самое с дверью в подвал.

Судя по доносившимся оттуда звукам, ее преследователи все еще прочесывали ряды коробок, пытаясь ее найти. Она ухмыльнулась и направилась в сторону ближайшего источника звуков.

Мужчина заглядывал в коробку, где она могла бы спрятаться, не будь там полно бутылок с полиролью. Мири вытянула руку и завалила ближайшую связку метел.

Он стремительно обернулся, вытащил пистолет — и она побежала, стараясь создавать при этом как можно больше шума.

Шум привлек внимание его дружков, которые сбегались ему на помощь. Мири завернула за угол, находившийся дальше всего от двери пандуса, резко остановилась, чуть не столкнувшись с пятерыми из них, а потом развернулась и понеслась обратно, прежде чем они осознали, что она была рядом.

В дополнение ко всему она выстрелила через плечо, сделав пробор мужчине, бежавшему первым, а потом прибавила скорость, стремительно пронеслась мимо еще одной группы, отбросив одного на остальных троих, словно кеглю, и завернула за угол, ведущий к пандусу.

Они с ревом неслись следом. Она на секунду приостановилась, проверяя, успели ли они заметить, куда именно она исчезает.

Поджарый мужчина с совершенно лысой головой завернул за угол, поднимая пистолет.

Мири нырнула за дверь.

Надежды на победу не было. Наверное, он уведет с собой внушительный почетный караул, но эта мысль его нисколько не утешала. Как не утешала и формула, зависшая перед его мыслен-

ным взором. Он стиснул зубы, сделав последнее усилие, чтобы ее прогнать: самоубийство — это неприемлемое решение.

Формула погасла, сменившись новой. Она сильно напоминала ту, которую он отказался признавать в присутствии Точильщика. Теперь уже очень скоро он будет мертв. Возможно, Мири еще жива, но и ее конец близок.

Он высунулся из-за прикрытия и выстрелил, попав какому-то мужчине точно в глаз. Мимо провизжала пуля, отбив щепку от пластика у него над головой, но он успел спрятаться в свое укрытие. Открыв рукоятку, он зарядил пистолет остатками патронов и чуть изменил положение тела, заглянув за угол в поисках новой мишени.

Раздался дикий вопль, от которого у него волосы встали дыбом. Из кухни выскочил призрак в черной коже и белой рубашке. Призрак размахивал пистолетом, а за ним по пятам бежал отряд вооруженных мужчин.

— Мы идем, Крепкий Парень! — заорала первая фигура, стреляя в группу осаждающих.

Ошеломленные блюстители порядка открыли ответный огонь, и бегущий отряд рассыпался и бросился в укрытия, отвечая на выстрелы. А их предводительница нырнула в сторону, перекатилась и, прячась за столами, стульями и баром, стала пробираться к нему.

Вал Кон ухмыльнулся и стал ждать, время от времени добавляя свои выстрелы к всеобщей суматохе, чтобы отвлечь внимание от ее продвижения.

Она оказалась рядом с ним до смешного быстро и со вздохом привалилась к внутренней стенке бара, глядя на бой сквозь резной экран.

— Привет, Мири.

Она укоризненно покачала головой.

— Не знаю, как это ты попадаешь в такие переделки. Стоит оставить тебя одного на пять минут...

— Это я попадаю в переделки? — Он помахал в сторону зала. — А это ты как назовешь?

Она широко открыла глаза.

— Эй, я же твоя подмога, космолетчик! И имей в виду: я такое делаю не для всех.

Он рассмеялся и выстрелил в женщину, которая ползла к их укрытию. Она упала и больше не двигалась.

Мири выглянула с другой стороны, добавила несколько выстрелов к общему веселью и нырнула обратно.

— Неплохая вечеринка.

— Может, ты так и думаешь, — сказал он ей, — но я здесь уже довольно давно, и на мой вкус она становится чересчур разнузданной.

— Правда? — Она кивнула в сторону ближайшего выхода. — Хочешь уйти?

— Если ты не против. — Он продемонстрировал ей пустой магазин. — Дай мне немного зарядов, и я тебя прикрою.

По каналу срочной связи пришел вызов: все отряды немедленно стягивать к «Гроту». Описание, хотя и краткое, больше напоминало военные действия, чем арест двух недомерков, ограбивших банк.

Напарник сразу же бросился на вызов, на бегу доставая оружие. Чарли сделал два шага следом за ним и остановился, почти ослепленный озарением.

Круто повернув, он направился на автостоянку на углу Пенс и Селест, стараясь двигаться как можно быстрее.

Мири перелезла через ограду, а Вал Кон пошел по периметру стоянки, осматривая улицу.

Она бесшумно прыгнула вниз и быстро скользнула в сгущающиеся сумерки, прячась за немногочисленными машинами. Двигаясь по диагонали, она пыталась сообразить, что предпринять, если в первом ряду лицом к выезду окажутся две красные машины.

Двигаясь в нужном направлении, она вынуждена была оставить тень последней машины и выйти на открытое пространство.

В первом ряду стояла всего одна машина. Но перед машиной вырисовывался силуэт мужчины, слишком высокого и чересчур массивного.

Мири застыла, и ее рука инстинктивно дернулась по направлению к пистолету, раньше чем она успела остановить это движение.

— Привет, Чарли.

— Привет, Роберта. — Его пистолет был наготове и направлен ей прямо в живот. — Где твой брат?

— Должен быть где-то поблизости, — жизнерадостно ответила она, глядя ему в лицо, а не на оружие. — Обычно бывает именно так.

— А он, случайно, не в «Гроте», а? Не расстреливает полисменов с остальными Хунтавас?

В его тоне звучала ледяная уверенность, и эта уверенность не давала дрогнуть его пистолету.

«Ты сможешь выстрелить в нее — убить ее, — если понадобится?» — спросил он себя.

Ответа он не знал.

Она качала головой.

— Мы не Хунтавас, Чарли.

— Правда? Полисмены идут вас брать, Хунтавас собираются в здании напротив — и бабах! — война. Хунтавас защищают своих, но помогать незнакомцам они не привыкли.

— Это получилось случайно. А объяснять сложно. — Она решила идти напролом. — Чарли, послушай: я спешу, ладно? Как насчет того, чтобы я позвонила тебе, когда в следующий раз окажусь в городе? Мы выпьем, и я все тебе расскажу.

Никакой реакции. Она в общем-то и не рассчитывала на нее: он ведь в форме и все такое прочее, но попытаться стоило. Где, к черту, Крепкий Парень?

— Из Микслы нам сообщили, — говорил тем временем Чарли, — что твоего брата разыскивают за убийство пятерых человек. И среди них был восьмилетний ребенок.

Он пристально наблюдал за выражением ее лица, пытаясь оценить ее умение притворяться.

Она нахмурилась и покачала головой.

— За то время, пока я его знаю, — нет. Ребенка — нет. — Она вздохнула. — Я не хочу сказать, что он этого не сделал бы. Просто — что не делал. По-моему.

Ее глаза чуть прищурились, уловив движение в сумерках у него за спиной. Она почти вздохнула.

— Чарли, — тихо проговорила она, — ты мне нравишься, вот почему я не стала доставать пистолет и почему говорю тебе вот что: у тебя за спиной вооруженный человек. Он убьет тебя без колебаний и сожалений, если ты сейчас же не бросишь пистолет.

Чарли колебался, прикидывая вероятность того, что это блеф, и не бросал оружия.

Она вскинула вверх обе руки, и на ее лице отразилось нечто, что в неверном свете походило на страх.

— Ну же, Чарли!

Он бросил пистолет и ногой оттолкнул его в сторону.

— Вот и прекрасно, — мягко проговорила она. — Мне очень жаль, но очнешься ты с головной болью.

Удар пришелся ему прямо над левым ухом, достаточно сильный, чтобы дать нужный результат. В беспамятство он унес ее лицо.

Блестящая коричневая машина со спокойной целеустремленностью двигалась по улицам Эконси, направляясь к материку и шаттл-порту. Стекла были затемнены, закрывая пассажиров автомобиля от взоров черни. Генератор давал сигналы всем, кто имел возможность их принять.

— А это было не слишком жестко? — осведомился мужчина, сидевший рядом с шофером.

— Что именно? — спросила она, послушно притормаживая у мигающего сигнала.

— «Он убьет тебя без колебаний и сожалений», — монотонно процитировал Вал Кон.

Мири быстро взглянула на него. Он сидел абсолютно прямо на комфортабельном сиденье и смотрел в окно. Его напряженность ее удивила. Как только предупреждающий сигнал перестал мигать, она проехала через перекресток и пожала плечами.

— В прошлом ты выказывал такую склонность, — проговорила она как можно мягче.

Возможно, он фыркнул. Или, может быть, он просто выпустил слишком долго задерживаемое дыхание — резко и мощно.

— Я постараюсь исправиться, — проговорил он, и его голос прозвучал совершенно невыразительно. Спустя секунду он передвинулся на сиденье, сдвинув плечи так, чтобы удобно устроиться на подушках, и закрыл глаза. — Не останавливайся ни в каком случае, — велел он ей. — И разбуди меня, когда доберемся до порта.

Теперь наступила ее очередь фыркнуть, но, похоже, он этого не услышал. Ритм его дыхания сказал Мири, что он спит.

Она раздраженно крутанула руль, так что машину бросило сначала налево, а потом направо. Он расслабленно перекатывался вместе с рывками машины, но его дыхание не изменилось.

— Надо думать, когда мы будем на месте, ты еще потребуешь чаю с теплыми лепешками, — проворчала она.

Плавно вписавшись в очередной поворот, она выехала на магистраль.

Самое подходящее место, чтобы перекрыть дорогу, было у последнего моста на материк, и именно там устроили заставу. Мири вздохнула и чуть сбросила скорость.

— Эй, Спящая красавица!

Он уселся ровно, не проявляя никакой торопливости.

— Застава, — сообщила она ему очевидное.

— Не сбрасывай скорость.

Она искоса посмотрела на него. По виду не скажешь, что он псих. Но, с другой стороны, он всегда выглядел нормальным. Ну, почему бы и нет? Она вела машину прямо и с той же скоростью.

Застава приближалась. Там мигали предупредительные огни, и уже видны были выражения лиц людей, стоящих впереди вдоль дороги.

А потом произошло нечто странное. Заграждения стали оттачивать в сторону, а полисмены отошли с дороги, пряча пистолеты в кобуры или опуская автоматы.

Мири глубоко вздохнула, тщательно сохраняя скорость движения.

Стоящая поперек дороги машина съехала в сторону за доли секунды до столкновения. Мири выпустила воздух точно отмерен-

ными порциями. Коричневая машина продолжила свое величественное движение по мосту в сторону материка.

— Крепкий Парень!..

— Да?

Он уже устраивался на сиденье — несомненно, собираясь снова заснуть.

— Почему они это сделали?

— Вероятно, решили, что межпланетный инцидент — слишком дорогая плата за возможность остановить и осмотреть личное транспортное средство посла Икстранга.

— О! — Она секунду помолчала, переваривая услышанное. — Мне не хочется лезть в твою личную жизнь и все такое прочее, но ты, случаем, не украл эту машину у икстранцев?

— Насколько я знаю, делегация Икстранга в этом секторе в настоящее время находится на Оменски.

— Самое подходящее для них место, — согласилась она. — Надеюсь, они крепко его полюбят и не захотят уехать.

Она сделала левый поворот на широкое шоссе, и вскоре прямо перед ними оказался прожектор на башне шаттл-порта.

— Извини, что я так тупа, — сказала она, — но у меня не было возможности поспать. Почему полиция решила, что мы — посол Икстранга?

— Генератор так говорит. — Он потряс головой и сел прямее. — Боюсь, я прочел не тот код из справочника в агентстве проката. Он действительно очень плохо читался: буквы расплывались и мигали. Надо полагать, один из контактов отошел.

Она пристально посмотрела на него.

— А ты, разумеется, к этому не имел никакого отношения.

Он повернулся к ней, широко открыв глаза:

— А какое я мог иметь к этому отношение?

— Не важно. Наверное, мне лучше не знать.

До порта оставалось уже всего полквартала, и она начала успокаиваться — впервые после начала разговора с Мерфом.

«У нас все-таки может получиться...»

— О дьявол!

Она завернула машину — спокойно, спокойно — в боковой переулок, доехала до конца и свернула на более широкую улицу, удаляясь от башни.

— Ты видел то же, что и я?

Он кивнул.

— Да. Проверяют всех на входе. Боюсь, что вблизи мы оба за икстранцев не сойдем.

— Забавно, о чем только в жизни не приходится жалеть! — Она вздохнула. — И что теперь?

Вал Кон помолчал, что Мири сочла за дурной знак.

— Давай подъедем к порту немного ближе и бросим машину. Если нам удастся смешаться с группой, проходящей через контроль, то у нас появится шанс внести сумятицу и пробраться.

Она рассмеялась и повернула налево. Вскоре, сделав правый поворот, они уже снова направлялись к порту.

— Планов нет, но, боги, сколько у нас нахальства! — Она оставила машину у бордюрного камня и с ухмылкой выключила двигатель. — Ладно, пошли брать пропускной пункт.

Глава 14

С улицы ситуация выглядела еще хуже, чем из машины. Даже признавая за ними двумя внушительные способности к нанесению увечий и созданию неразберихи, Мири была на девяносто пять процентов уверена в том, что им не удастся незаметно пробраться через контроль. Она не стала спрашивать у своего спутника официальные оценки.

А он их ей не предлагал — просто молча стоял рядом в густой тени, которую они выбрали себе под наблюдательный пункт, и молча наблюдал за процедурой.

Спустя некоторое время она ощутила, как он переступил с ноги на ногу.

— Пойдем пропустим по рюмочке.

Она повернула голову, но в чернильном пятне, где они расположились, его лица не видно было.

— Похоже, это самое полезное, что мы сейчас можем сделать, — согласилась она. — Может, даже по две или три. А потом можем вернуться и попытаться прорваться. Будет не так больно, когда нас продырявят.

Она ощутила тень его смеха. Он вышел на тротуар.

— У тебя нет веры, Мири.

— Совершенно нет, — сказала она, догоняя его. — И родители у меня тоже были нерелигиозные. А мы действительно сделаем перерыв на кинак, когда тут повсюду полиция и Хунтаवास?

Он свернул в узкий переулок, в дальнем конце которого многочисленные огни вывески обещали дешевое тепло и шум.

— А почему бы и нет? — спросил он.

Она перевела этот вопрос так: «А ты можешь предложить что-нибудь получше?»

Предложить ей было нечего — и она пошла следом.

* * *

Третий бар оказался самым шумным: он был почти до отказа набит людьми в кожаных комбинезонах и другой рабочей одежде. Это было идеальное укрытие, хотя там почти не нашлось места для еще двух тел, даже таких миниатюрных.

Вал Кон задержался у входа, оценивая обстановку, а Мири остановилась у него за спиной, рассеянно наблюдая за толпой. Внезапно она напряглась, и он быстро перевел взгляд на нее, пытаясь понять, что случилось.

Она с ухмылкой подалась чуть вперед, шуря глаза от дыма. В следующую секунду она повернулась к нему, все с той же довольной ухмылкой.

— Крепкий Парень, ты — гений. Пошли.

Она направилась вперед.

Он поймал ее за руку, мягко обхватив пальцами запястье.

— Скажи мне.

— Часть этой толпы — ребята из Гирфалька. Моего прежнего отряда. — В ее голосе звучало радостное возбуждение. — Пошли, Крепкий Парень.

Он последовал за ней, опасаясь потерять ее в давке и клубах дыма. Она проталкивалась и лавировала, двигаясь с уверенностью человека, который знает свою цель.

Что это за цель, Вал Кон не знал. Он удовлетворился тем, что она остается в поле его зрения. А когда она задержалась у затора, он занял место за ее левым плечом.

Затор рассосался, и она двинулась дальше, и он сохранял свою позицию, пока они не вырвались в центр зала.

Здесь было не так тесно, хотя большую часть пространства занимал великан-землянин — более крупных Вал Кону видеть не приходилось. Росту в нем было не меньше двух с половиной метров, плечи шире панциря Точильщика. Грудная клетка с мощными ребрами говорила, что родом он с планеты, где кислорода мало, и на всем его теле не было ни грамма лишнего жира. Его длинные русые волосы стягивал черный шнурок. Пышная завитая борода — вполне возможно, надушена. Он пил что-то коричневое из литровой кружки, властно положив руку на плечи стройной смуглой женщины, рядом с которой любой мужчина, кроме этого, показался бы карликом.

Мири направилась прямо к русоволосому божку. Вал Кон продолжал идти следом. Она остановилась, чуть расставив ноги и оперев руки в бока, задрав голову вверх.

Полубог допил содержимое кружки и вытянул руку, чтобы поставить ее на стойку, и тут его бирюзовый взор упал на вставшую перед ним женщину.

— Рыжик! Клянусь высочайшей, холоднейшей и самой сверкающей Магнетой! Глубочайшей бездной Стиматы Пять! Кля...

У него не хватило слов, и он наклонился, обхватил талию Мири своими ручищами и подбросил вверх, словно куклу. Потом он поймал ее и одарил таким поцелуем, что менее бдительная особа просто утонула бы в нем.

Она поймала его за волосы, сильно дернула и шлепнула ладню по виску.

— Джейсон! Опусть меня вниз, ты, шмельдьведь-переросток! — Она снова отвесила ему оплеуху, и Вал Коң содрогнулся, оценив силу удара. — Поставь меня...

— На пол, — договорил за нее Джейсон, бережно усаживая ее на стойку. — Конечно, дорогуша. Но здесь даже еще лучше. Ах, как твое появление греет человеку сердце, малышка моя... Но тут что-то не то! Бармен! Кинак сержанту, раз-два! Или тебе тройной, любимая?

— Одинарный, — сказала Мири, устраиваясь на стойке по-турецки и махая рукой в сторону своего спутника. — И моему напарнику тоже.

Взгляд Джейсона переместился на невысокого мужчину в темной коже, отметив пистолет, закрепленный так, чтобы его удобно было выхватить правой рукой через туловище. Другого металла на нем не видно было. Незнакомец был худ, но в нем чувствовалась упругость, говорившая о том, что в рукопашной он за себя постоит. Боец, без дураков. Именно такого человека Рыжику и надо иметь рядом.

Он перевел взгляд на безбородое лицо с золотистой кожей и встретился с глазами, теплыми и уютными, как осколки зеленого стекла. Ревнивый, значит. Не самое лучшее качество, поскольку напарники не всегда бывают любовниками, но какая разница — лишь бы это обостряло его бдительность.

— Напарник, да? — нараспев переспросил он, снова поворачиваясь к Рыжику. — Немного экзотичен на твой вкус, казалось бы... — «Почему бы не завести этого мужичка посильнее?» Он оглянулся. — Бармен!!! А, вот они мы, любимая...

Бармен сунул Мири в руку одну стопку, а вторую протянул Вал Кону. Тот заглянул в темные глубины и отважился отпить немного сомнительного напитка. И не смог замаскировать дрожь, пробежавшую по телу.

Мири рассмеялась.

— Вот так, — объяснила она, проглатывая четверть своей стопки. — Только не пробуй ее на вкус, пули ради! Это и убить может.

— Оно в любом случае может. — Он с полуулыбкой выгнул бровь. — Насколько хорошо это пойло горит?

Она снова рассмеялась, а потом, не вставая, повернулась, протянув обе руки к подходившей к ним женщине.

Она была невысокой по земным меркам и сложена по-бульдोजьи. Ее блестящие и очень короткие волосы были черными как смоль, синие раскосые глаза сидели на розовошемом некрасивом лице. Она производила впечатление женщины практичной и умелой. Взяв Мири за обе руки, она наклонилась к ней и нежно поцеловала в губы.

Мири ответила на поцелуй с явным удовольствием и, продолжая удерживать одну из рук женщины, повернулась обратно.

— Крепкий Парень, это Судзуки. Она мой друг и старший командор Гирфалька. — А потом она небрежно махнула рукой в сторону светловолосого божества. — А это — Джейс.

— Ах, как жестоко, малышка моя! — воскликнул полубог. — Бессердечная, бессердечная! Когда я вспомню, сколько ночей я не спал без твоей...

— Без моей чего, ношконнер? Охраны? — Она снова повернулась к женщине. — И почему ты его терпишь?

Казалось, Судзуки всерьез задумалась над ее вопросом.

— Думаю, — проговорила она наконец голосом, который, казалось бы, должен был прозвучать слишком тихо и потонуть в окружавшем их шуме, — что дело в его бороде. Как он за ней ухаживает! Сколько часов проводит, расчесывая и поливая духами! Я видела, что он гладит ее даже в разгар боя. Да. — Она кивнула. — Я действительно думаю, что дело в бороде. Хотя, конечно, — добавила она тоном человека, намеренного быть до конца честным, — храпит он тоже мило. Помнишь, Рыжик, когда мы были на той передовой... на Синтатике... и нам не нужно было выставлять на ночь охрану, потому что храп Джейсона распугал все зверье?

Среди собравшейся вокруг группы раздался хохот, и Джейсон уронил свою массивную голову на руки, театрально застонав.

Окружающие снова засмеялись, и Вал Кон позволил себе чуть-чуть расслабиться, справившись с желанием всадить в полубога нож — исключительно из принципа. Он признался, что Судзуки ему понравилась: действительно, было бы честью служить в отряде под ее командованием.

Он передвинулся влево, к стойке, поставил туда стопку с жутким пойлом — и почувствовал, что кто-то остановился слишком близко, прижав его к стойке. Он повернулся, насколько это было можно, и нахмурился.

Она ухмыльнулась: землянка среднего роста. Крупная, со сложением тяжелоатлета. У обоих бедер по пистолету, из правого сапога торчит рукоять стропореза, мощные груди растягивают шнуровку рубашки. Ухмыльнувшись еще шире, она протянула широкую ладонь и погладила его спину от плеча к плечу.

— Красивая игрушечка, сержант, — проговорила она поверх его головы. — Мы за него подеремся, да?

Мири засмеялась, проглотив еще четверть стопки.

— Мы за него не подеремся, нет. Отвали, Полеста.

— Ну, сержант, ты же меня знаешь. Она будет честной, эта драка: о ней сложат песни, кто бы ни получил приз. Неужели ты пропустишь возможность поединка между такими, как мы?

— С удовольствием пропущу. Где твой напарник? Ты напилась.

Почувствовав небольшую слабость, Вал Кон осторожно перенес вес тела. Но даже в пьяном виде Полеста была достаточно бдительной и закрыла ему путь, небрежно выставив бедро.

— Сержант не хочет со мной драться? — спросила она.

В этих словах прозвучали явственные отзвуки какого-то ритуала. Вал Кон напрягся в ожидании ответа Мири.

— А вот теперь ты поняла! — восхищенно объявила она. А потом, понизив голос, она угрожающе добавила: — Убирайся отсюда, Полеста. Я не дерусь с пьяными и не дерусь с психами, так что ты в безопасности сразу по двум причинам.

— Знаменитый сержант не желает драться! — провозгласила Полеста, обращаясь к залу, в котором сразу стало слишком тихо. — И я забираю приз как штрафное очко!

Он нырнул, пытаясь уйти справа от нее, пригнувшись ниже привычных ей противников, — и на секунду был задержан парой затянутых в кожу ног. Она запустила пальцы в волосы у него на затылке и рванула назад, открыв шею.

Потеряв равновесие, он не стал сопротивляться. Подобрал под себя ногу, он нашел нужный упор и приготовился к повороту...

Она наклонилась, прижалась к его губам и поцеловала: грубо, крепко, запуская язык ему в рот, под аккомпанемент взрывов хохота собравшихся вокруг зевак.

Он лягался и извивался, ничуть не заботясь о том, чтобы не сломать себе шею. Почему-то это оказалось для Полесты неожиданностью, и она его выпустила.

Он приземлился на обе ноги у стойки, выпрямив спину, с ледяным взглядом. Мири заметила, что лицо у него побледнело, а вся фигура выражает возмущение. Тут стоял не вежливый убийца, а мужчина, сжигаемый яростью. Она бесшумно встала на стойке бара, готовясь его поддержать.

Вал Кон демонстративно повернулся к Полесте спиной и взял со стойки свою стопку. Повернувшись обратно, он сделал глоток кинака. Прополоскал рот.

И выплюнул кинак на пол.

Снова отвернувшись, он тихо поставил стопку на стойку.

Толпа взорвалась оглушительным хохотом, а лицо Полесты побагровело, словно закат на Теледаине.

— Такого оскорбления я никому не спущу! — заорала она и замахнулась.

Он увернулся, воспользовался свободным пространством, которое внезапно образовалось вокруг, и отодвинулся от нее, чтобы обрести свободу движений.

Она снова замахнулась, и он схватил проносящуюся мимо него руку, повернув тело — вот так — и запустил Полесту в полет. В последний момент он напрягся, чтобы лишить маневр силы, и выпустил ее.

Она рухнула на пол в двух метрах от него со звуком, похожим на маленькое землетрясение. Вал Кон сделал глубокий вдох, глядя, как какой-то мужчина отделился от замолкшей толпы и подошел к простертой на полу воительнице. После некоторых уговоров, сопровождавшихся несколькими пощечинами, Полесту удалось посадить, хотя она все еще была немного ошеломлена.

Вал Кон отошел обратно к бару. Люди расступались перед ним. Не обращая внимания на раскрытый рот Джейсона, он привалился спиной к прочному пластику справа от Мири. Он чувствовал себя выжатым — почти обессиленным, и попытался понять, в чем дело. На бросок он сил почти не затратил: воспользовался инерцией противника.

Рядом с ним чуть пошевелилась Мири, и он заглянул ей в лицо.

— Бросил вполсилы.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Ты ведь хотела, чтобы я исправился, — напомнил он ей и услышал, как резко прозвучал его ответ. Он протянул руку. — Дай-ка мне этой штуки.

Она протянула ему свою стопку, и Вал Кон выпил остальной кинак — на этот раз проглотив. Втянув в себя воздух, он резко выдохнул.

— Ужасно, правда? — сказала она, забирая пустую стопку и вручая ее Джейсу.

Блондин поднял брови. Мири едва заметно кивнула. Он изобразил на лице муку и отправился искать бармена.

Толпа уже распалась на новые группы. На другой стороне зала напарнику Полесты удалось заставить ее подняться. Неожиданно она оттолкнула его и решительными, хотя и нетвердыми шагами направилась к бару.

— Где он? Убежал, а? Решил, что все закончено, так? Да я...

Напарник встал перед ней, схватил ее за плечи и уперся пятками в пол. Она встряхнулась, словно мастиф, но он ее не отпустил. Он продолжал ее держать, даже когда она подняла кулак — и опустила его.

— Ну? — закричала она на него. — Меня оскорбили. И я должна это стерпеть, да? Быть кроткой? Быть доброй?

Мужчина встряхнул ее, но она, казалось, этого не заметила.

— Полеста, сержант была права. Ты напилась. Ты сделала ошибку. Он показал тебе, что это ошибка. Все закончено, ладно? Ничего плохого не случилось.

Он оглянулся через плечо, встретившись с зелеными глазами мужчины по правую руку Рыжика.

— Ошибка! — настоятельно повторил он.

— Ошибка, — мягко согласился Вал Кон. — Ничего плохого не случилось.

Мужчина перестал казаться таким страшно напряженным. Он снова занялся Полестой, потянув ее за плечи.

— Пошли. Закажем кофе и чего-нибудь поесть. Через час нам уже двигать. Если ты к тому моменту не протрезвеешь, то снова потеряешь свое снаряжение...

С этими словами он усадил ее за столик у дальней стены комнаты.

Вал Кон принял из рук Мири стопку и одним глотком выпил половину.

— Наверное, ты права, — сказал он.

— В чем? — спросила она, с удовлетворением отмечая, что его лицо снова приобрело свой обычный цвет, а плечи немного не так напряжены.

Он поставил полупустую стопку на стойку и, повернув голову, улыбнулся ей.

— Мне нужно подстричься.

Она ответно ухмыльнулась.

— Наверное. А можешь вместо этого отрастить волосы еще длиннее и завязывать лентой, как Джейс.

— Нет уж, спасибо, — начал было он, но тут предмет их разговора снова вернулся к ним, и Вал Кон не закончил фразы.

— Как насчет того, чтобы полопать вместе? — прогудел Джейсон. — До нашего шаттла осталось чуть больше часа...

Мири подняла руку и поймала его ухо.

— До чего осталось больше часа?

— До отлета нашего шаттла. Ты что, решила, что мы останемся на Лафките, малышка моя? Здесь не воюют... Нет, дорогуша, не надо его откручивать, я к нему привязан. Они у меня парные, как говорится.

Она выпустила его и слезла на пол.

— Где Судзуки?

— Так я это тебе и говорю, любимая. Старший командор Рихальто и младший командор Кармоди приглашают тебя и твоего напарника отобедать с ними в прискорбно малоэлегантной обстановке.

новке задней столовой этого заведения, где можно будет вспомнить прошлое и пролить слезы в кинак.

— Крепкий Парень...

Он уже стоял с ней рядом.

— Безусловно, — пробормотал он, — давай пообедаем с Судзуки и Джейсоном.

Откинувшись на спинку неустойчивого пластикового стула, Вал Кон решил, что единственная причина, по которой люди пьют кинак, видимо, заключается в том, что после него даже кофе кажется вкусным.

Он поставил кружку на стол и очень тихо вздохнул. Сидевшая напротив него Судзуки улыбнулась.

— Я еще не поблагодарила тебя за то, что ты спас Полесте жизнь, — проговорила она своим негромким голосом.

Его брови сдвинулись.

— Спас жизнь? — переспросил он.

— Этот смертельный прием состоит из четырех движений, так ведь? — Она не стала дожидаться его кивка. — Все, кто наблюдал за вами, видели: ты сделал только три — и поэтому Полеста осталась жива. Я благодарна за это, потому что она — один из сильнейших бойцов отряда, берсеркер. К сожалению, те же качества, которые делают ее такой ценной в бою, превращают ее в обузу, когда мы не участвуем в боевых действиях.

Она замолчала, чтобы сделать глоток кофе.

— Я восхищена умением, с которым ты ее утихомирил, — продолжила она. — Мне казалось, что это невозможно сделать, не убив ее, — вот почему Рыжик отказалась драться.

Мири фыркнула.

— С этой безнадегой? Убить ее — значило бы оказать ей услугу. Она же чокнутая, Судзуки.

— И тем не менее она полезна. Как ты прекрасно знаешь. Я не говорю, что ты проиграла бы в этой стычке, дружок; я лишь говорю, что ты не захотела бы лишиться меня бойца, которого я считаю ценным для отряда. — Она накрыла ладонью пальцы Мири. — Ты правильно выбрала себе напарника.

Мири рассмеялась и взялась за кружку, чтобы не отвечать подруге.

— И к тому же, — добавил Джейсон, — Полеста теперь так обзавилась, что когда мы попадем на Литаксин, она в одиночку справится с противником. Остальные могут наслаждаться оплаченным отпуском. — Он покачал головой, бросив на своего невысокого собеседника восхищенно-завистливый взгляд. — Парень, ну у тебя и скорость!

— Советую тебе об этом не забывать, — отозвался Вал Кон, снова берясь за кружку и направляясь с ее содержимым.

Джейсон рассмеялся и отвел взгляд.

— Ну, Рыжик, как насчет того, чтобы снова к нам записаться — с тем повышением, которое мы тебе предлагали? На Литаксине нас ждет та еще работенка — не буду тебя обманывать, малышка моя, — и ты нам очень пригодилась бы. Не сомневаюсь, что гражданка пришлась тебе не по вкусу, да и разезды дорого обходятся, когда их не оплачивает заказчик. — Он протянул свою огромную руку. — Так как, Рыжик? Лейтенантские нашивки и право получить первую пулю? Ты ведь не откажешься?

Мири посмотрела на Судзуки, и та кивнула.

— Мы были бы рады принять тебя обратно. Ты это знаешь. Мы не можем предложить твоему напарнику то, чего он не заработал, но он умелый боец, и мы были бы рады зачислить его в наш список. Не вижу, почему бы ему не стоять с тобой рядом.

«Нет! — подумал Вал Кон: формула вспыхнула, словно ледяная молния. — Нет, это плохое решение, Мири!»

Она легко прикоснулась к пальцам Джейсона и Судзуки.

— Предложите мне это потом, — сказала она им. — Я рада, что вы хотите принять меня обратно. — Она наклонила голову. — А пока мне нужна ваша помощь. Как, ребята?

Судзуки кивнула:

— Если это в наших силах.

Мири взглянула на своего напарника. На его лице было то самое невыразительное выражение. Чувствуя легкую тошноту, она снова повернулась к Судзуки.

— Нам нужно добраться до Первой без особой огласки, — сказала она. — В порту устроили какую-то чертову проверку. Мы не можем ее проходить. Можете, конечно, спросить почему, — но долго рассказывать.

Она замолчала, ожидая вопроса.

Судзуки пила кофе.

— Ты хочешь, чтобы мы тайком протащили вас через контроль и увезли на Первую?

— Угу.

Старший командор Гирфалька пожала плечами.

— Не вижу, почему бы нам этого не сделать, — сказала она, глядя на своего помощника.

Джейсон радостно ухмыльнулся и опасно откинулся на своем стуле, потягиваясь.

— Проще простого.

— Тогда займись этим. — Судзуки посмотрела на свою боевую подругу. — Еще чем-нибудь помочь?

— Не... Да! Казна может себе позволить выкупить кое-какую ювелирку? Мне нужна наличность, а не цацки.

Взгляд Судзуки на секунду упал на кольцо в форме змеи и снова вернулся обратно — с насмешливым вопросом. Мири рассмеялась.

— Другие цацки. На одну каждый имеет право.

— Ну, пойдем разыщем Призрака и послушаем, что она скажет. — Судзуки отодвинулась от стола и мимоходом приобняла Джейсона за плечи. — Не хочешь начать собирать народ? Уже пора.

— Все пилит, пилит, — пробормотал он, вставая. — Тогда я просто возьму Крепкого Парня с собой, хорошо? Пусть летит с группой Янси.

Вал Кон медленно поднялся из-за стола.

— Мири! — Он немного помедлил, а потом досадливо пожал плечами. — Причал 327, — сказал он ей. — Уровень Е. Встречай меня там через пятнадцать минут после прибытия.

Она отвернулась и взяла Судзуки под руку.

— Конечно, — ответила она.

— И сколько, — спросила Доэрти, — это будет продолжаться?

— Пока нам не скажут прекратить? — предположил Карлак.

— Что будет сделано лет этак через двадцать. Или не будет.

Доэрти стояла на дежурстве с раннего утра. До конца ее смены оставалось всего десять минут, и тут пришел приказ: «Всему персоналу дежурить на входах в порт до разрешения кризисной ситуации». Карлак понимал, что у нее есть основания злиться, но не до такой степени.

— Начальник полиции считает, что их возьмут еще до конца ночи. Это — опасные преступники. Я слышал по рации. Их ищет вся полиция планеты, так что они попробуют улететь. Начальник был уверен, что они попытаются это сделать, как только смогут.

Доэрти сказала что-то нелестное о личных привычках начальника полиции. Немного поразмыслив, она добавила еще одно соображение, которое указывало на то, что с анатомией она знакома гораздо лучше, чем с практической генетикой.

Карлак вздохнул и подумал, не послать ли за новой порцией кофе и сладких булочек.

— Ох, благословенный Бальтазер! — прошептала Доэрти, однако это было непохоже на молитву.

Карлак поднял голову:

— Что такое?

— Наемники! — огрызнулась она, направляясь к выходу. — Сотни и сотни наемников, и проходят не в тот вход, черт их подери!

Старший командор Хигдон был в отвратительном настроении. Это не обязательно было плохо. И это определенно не было редкостью. Человек методичный и аккуратный, он не любил задержек, не допускал он и того, чтобы соображения штафинок оказывались

весомее обязанностей самых младших членов его отряда. Так он и сообщил двум образцовым штафиркам, которые посмели остановить его в тот момент, когда он вошел в ворота во главе своего отряда, и потребовать, чтобы все остановились, построились и предъявили документы.

Командор Хигдон документов не одобрял.

Доэрти заскрипела зубами.

— Приказ полиции, командор. Никто не имеет права сесть на шаттл, не предъявив документов и не получив разрешения. Идет розыск опаснейших преступников, и в полиции считают, что они попытаются улететь на шаттле. Если они попадут на Первую, шансы на их поимку резко понизятся. А если им удастся сесть на корабль, их уже не удастся привлечь к ответственности.

— И очень хорошо! — объявил командор с явным смаком. — Общество уничтожает свой лучший генофонд — своих «преступников». Охотится на них и убивает. Если полиция и судейские добьются своего, мы превратимся в нацию овец! Это их надо отлавливать и прибивать их шкуры к стенкам! К черту их всех.

Решив этот вопрос к собственному удовлетворению, он повернулся к своему помощнику, чтобы отдать приказ идти.

— Что бы там ни было, — не отступалась Доэрти, — у нас есть приказ, и мы выполняем свои обязанности. Откуда нам знать: может, в ваш отряд затесались те мошенники?

— Хотел бы я, чтобы они тут были! — парировал Хигдон. — Хорошие бойцы мне всегда нужны. А что до твоих приказов — к черту и их тоже. У меня у самого есть приказ и конкретные сроки, и, боюсь, у меня есть средства убедить тебя, что мои потребности более насущные.

Он поднял руку.

Ночь разорвал громкий звук. Доэрти внезапно поняла, что этот звук издали много-много пулевых пистолетов, снятых с предохранителей.

Она открыла рот, слабо представляя себе, что собирается сказать. Ее спасло появление невысокой круглолицей женщины в стандартном кожаном костюме, которая прошагала к маньяку во главе колонны.

— Какого черта вы тут застряли? — спросила она. — У нас нет лишнего времени, Хигдон.

— Мы с этой штафиркой как раз обсуждали этот вопрос, Судзуки, — ответил он. — Похоже, она решила, что мы обязаны — что все мы и каждый из нас обязан — предъявить ей документы перед посадкой в шаттл на Первую.

— Что? — Женщина повернулась к Доэрти, которая моментально пожалела, что появилась на свет. — Нас ждут. У нас отдельный шаттл. У нас мало времени. Мы не боимся риска. Больше никаких задержек.

И она удалилась.

Хигдон выразительно посмотрел на стоящую перед ним парочку. Мужчина, отметил он, явно поблек. Женщина была покрепче, но даже и она явно осознала свою беспомощность перед лицом приготовившего оружие отряда закаленных наемников.

Она отошла в сторону, оттащив за собой мужчину.

— Ладно, командор. Но я обязана сообщить вам, что о вашем неподчинении будет доложено начальнику полиции.

Хигдон расхохотался и опустил руку. Предохранители снова защелкнулись, пистолеты вернулись в кобуры. Как только это было сделано, младший командор дал приказ идти.

Шеренга за шеренгой прошагали по полю к отдельному шаттлу, загружаясь без нарушения строя. За невообразимо короткое время все наемники вошли в люк. Двери загерметизировали, и шаттл взлетел.

Доэрти, поддерживавшая связь с ближайшим полицейским отделением, сообщила о происшедшем. Дежурная, говорившая с ней, явно скучала.

— Вряд ли наемники стали бы их укрывать, — сказала она. — Шеф считает, что они — одиночки. Я дам ему знать, что они не дали себя проверить, но шума, наверное, не будет. Этот взлет был назначен дней за десять. Никаких сюрпризов.

Оказалось, что Янси — это та стройная смуглянка, с которой Джейсон был в начале вечера. Она ухмыльнулась Вал Кону, высказала восхищение его умением и передала мужчине с иссиня-черной кожей и копной ярко-оранжевых волос.

— До прилета на Первую Крепкий Парень будет твоим напарником, Уинстон. Смотри, чтобы его никто не поломал.

Тот ткнул большим пальцем в сторону своего подопечного.

— Это его-то? Пусть лучше он посмотрит, чтобы никто не поломал меня!

Янси засмеялась и ушла, а Уинстон похлопал Вал Кона по плечу.

— Пошли, юноша. Мне надо взять снаряжение — и мы строимся.

Так они и сделали. Ждать в очереди им пришлось дольше, чем хотелось бы Вал Кону, хотя большую часть времени он провел, вытягивая шею и пытаясь посмотреть через головы высоких землян в поисках низенькой стройной фигурки.

— Сынок, — сказал ему наконец Уинстон, — брось ты тревожиться за сержанта Рыжика. Во-первых, она покрепче всех в этом проклятом отряде, включая и Полесту. А во-вторых, Судзуки снимет шкуру с каждого, кто допустит, чтобы с ней что-то случилось. А потом Джейсон превратит его в мокрое место.

Вал Кон усмехнулся.

— Похоже, я даром трачу время.

— Твое время, трать как хочешь, парень. Просто мне показалось... Хоп! Вот мы и пошли.

Они зашагали по узкому переулку, потом — по основной дороге в сторону порта. Они не столько маршировали, сколько двигались в такт, как единое целое.

У самого входа они остановились, и до них донеслись слабые отзвуки каких-то пререканий. Звук приготовленного к бою оружия был более громким, и Вал Кон напрягся. Где Мири?

Уинстон легонько тронул его за локоть.

— Расслабься. Это просто Хигдон закатил очередную истерику. Отсюда до Икстранга более раздражительного типа не найдется. Просто чувствует себя не в своей тарелке, если не злится. Не знаю, как он еще не растерял свой отряд, это точно. По-моему, когда записываешься, надо думать не только о премиях и праве на грабеж. Конечно, людей много, и у каждого свои представления о том, что правильно...

Он замолчал, прислушиваясь к щелчкам пистолетов, ставящихся на предохранители.

— А теперь мы пойдем.

Они прошли через ворота, по полю, по пандусу... Зашли в шаттл, прошли по проходу, где каждому надо было найти, за что ухватиться: места хватало только чтобы стоять.

Вал Кон остановился у ременной петли, закрепленной слишком высоко на стене, и покрепче уперся ногами. Вскоре по шаттлу разнесся лязг закрываемой двери, лампы померкли, и он услышал завывание включенных на полную мощность двигателей.

— Ты как, малыш? — спросил Уинстон.

— Все нормально.

Шаттл взлетел.

Глава 15

Первая станция.

Со всеми наемниками Вал Кон прошел через причальный тоннель 6 на уровне Ж и попал в главный коридор. Тут он дотронулся до плеча своего спутника.

— Здесь я с вами расстанусь, — сказал он. — Спасибо за заботу.

Уинстон ухмыльнулся.

— Сынок, мне не хотелось, чтобы сержант Рыжик отправила меня в расход. — Он ласково хлопнул ладонью по плечу. — Ну, води себя хорошо.

Он ушел с остальными, а Вал Кон покинул строй и скользнул в понижающий переход «Сириус», который вел на уровень Е через Л.

Понижающий тоннель предоставлял медленный спокойный спуск — парение, рассчитанное не на космонавтов, а на туристов. Он опустился до уровня Е, ухватился за петлю и лениво перекатился в коридор. Причал 327 находился слева, на другой стороне выгнутой стены станции. Он направился туда большими прыжками, наслаждаясь слегка пониженным притяжением.

У входа на причал Мири не оказалось. Он нахмурился, сверяясь с внутренними часами. Со времени прибытия прошло семь минут.

Ну что же, он дал ей пятнадцать.

Прислонившись к внутренней стене коридора, он встал так, чтобы наблюдать и за переходом в обоих направлениях, и за входом на причал 327, и приготовился ждать.

Судя по тому, что сказал Уинстон, сбор наемников был назначен у причала 698, на уровне Ж и с противоположной стороны станции. Там они сядут на частный корабль и отправятся на Литаксин уже через двадцать минут после прилета на Первую.

Он снова нахмурился, пытаясь понять, почему ему кажется, будто с названием этой планеты связано что-то важное. Литаксин?

В скрытой за изгибом стены части коридора раздались шаги, и он напрягся, стремительно положив руку на рукоять пистолета. Огромным усилием воли он снова непринужденно прислонился к стене и спустя мгновение обменялся небрежным кивком с женщиной в форме и с рабочим поясом электрика. Звук ее шагов постепенно удалился в противоположном направлении, и он напряг слух, пытаясь уловить слабые признаки приближения Мири.

Она не придет. Он был в этом уверен, хотя не видел никаких цифр, которые подтвердили бы эту уверенность. Она решила вернуться к Судзуки, к отряду Гирфальк. Наемники — гарантия ее безопасности. Она будет считать, что Хунтаवास не будут там за ней охотиться.

А в следующую секунду он уже бежал, стремительно несясь по коридору в поисках подъемного тоннеля на уровень Ж. И наконец цифры пришли: они вспыхивали и гасли перед его мысленным взором, словно молнии.

«Ошибка, Мири! — беззвучно крикнул он. — И печальные последствия более чем очевидны».

Он увидел подъемный тоннель, схватился за петлю и скатился внутрь, оттолкнувшись ногами, чтобы подниматься быстрее. Не обращая внимания на петлю на уровне Е, он нырнул и перекатился по-профессиональному, сразу же перейдя на бег.

Вал Кон бежал. Вокруг него мелькали номера причалов, а цифры все мерцали, мерцали. У причала 583 поперек коридора застрял робогрузчик, а рядом три человека выкрикивали друг другу приказы. Он нашел в себе какие-то резервы скорости, оттолкнулся обеими ногами, взлетел, шлепнул руками о бот, сделал поворот и приземлился по другую сторону коридора, сразу же перейдя на бег. Крики были бессмысленными звуками где-то далеко позади.

Шестнадцать минут.

Вход на причал 698 был пуст, но впереди слышались голоса. Значит, наемники все еще в переходном отсеке.

Семнадцать минут. Перед его усталым мысленным взором в безумной пляске мелькали цифры.

В руке перед ним появился пистолет. Он оттолкнул его в сторону, нырнув в толпу тел. Тел было уже меньше — он увидел свою цель и заставил себя приближаться к ней, сбросив скорость.

Перед ним возникло огромное препятствие. Он увернулся, только потом осознав, что это препятствие зовут Джейсоном. Его цель была всего в двух шагах, бесстрастно наблюдая за ним. Вал Кон окликнул ее в тот момент, когда ему на плечи упали тяжелые руки. А в следующую секунду ему заломили руки за спину.

— Судзуки!

Восемнадцать минут.

— Слышу, — сказала она своим тихим голосом. — Что тебе нужно?

— Мне нужно поговорить с Мири. Если она останется с отрядом, ей угрожает большая опасность.

Судзуки заметила, что дышит он часто, но не задыхается, как можно было бы ожидать от человека, который двигался так быстро и успел сделать так много. Он не обращал внимания на захват Джейсона, словно это был сущий пустяк, словно он едва заметил, что его скрутили. Его зеленые глаза сверкали и были совершенно разумными.

Она пожала плечами.

— Нам всем здесь угрожает большая опасность. Такая уж у нас работа.

— Другая опасность. Опасность, которая грозит всему отряду. Ты ведь не думаешь, что Хунтаvas не станут убивать еще несколько человек, чтобы добраться до того, кого они хотят уничтожить? И даже если они окажутся щепетильными, можешь ли ты быть уверена, что следующий взятый тобой наемник — это не убийца, которого наняли, чтобы убить Мири? — Он чуть подался вперед в руках у Джейсона. — Ты не сможешь защитить ее от Хунтаvas, Судзуки. Не сможешь, если рассчитываешь пополнять свой отряд или размещать его с другим подразделением.

— А ты ее защитити можешь?

— Возможно.

Рядом с Судзуки возник адъютант.

— Командор? Нам сообщили о задержке. Мы улетаем через час, а не немедленно, как планировалось.

Судзуки рассеянно кивнула, продолжая наблюдать за мужчиной, которого удерживал Джейс. Удерживал ли? Ей пришло в голову, что Крепкий Парень просто позволяет Джейсону держать его, чтобы она чувствовала себя спокойной и продолжала слушать.

— А если она не захочет к тебе прислушаться? — спросила она. — Если она улетит с отрядом, что является ее правом и привилегией?

— Она погибнет в течение стандартного года, даже если ни разу не будет участвовать в бою. Клянусь тебе, что это правда.

Наступила долгая пауза, в течение которой голубой взгляд мерился с зеленым. Рыжик сказала, что он ненормальный. Бояться его надо — это определено...

— Позволь мне поговорить с Мири, — проговорил он, и его ровный голос никак нельзя было счесть голосом сумасшедшего. — Я тебя умоляю, Судзуки.

И кем бы ни был этот мужчина, умолять он не привык.

Судзуки вздохнула.

— Отпусти его, Джейсон.

Ее приказ был исполнен с секундной задержкой. Хрупкий мужчина обратил на свое освобождение так же мало внимания, как и на пленение.

Судзуки чуть повысила голос:

— Рыжик!

— Я здесь.

И она возникла за спиной своего командира. Сверкающие серые глаза обожгли его лицо.

— Неужели ты сам не понимаешь, когда тебя бросили, ты, карлик лопухий? Неужели мне надо разложить все по полочкам...

— Рыжик!

Мири замолчала на половине проклятия, быстро переведя взгляд на Судзуки.

— Что?

— Выслушай его. Может, он по-настоящему ненормальный, как ты и говорила. Но это не значит, что ему не хватает информации или что его сердцу не дорого твое благополучие.

— Если у него есть сердце. — Она снова посмотрела на него. — Говори.

— Останься с Гирфальками — и погибнешь в течение года. Точно и определено. Клянусь моим Кланом.

Ее брови удивленно взметнулись, но она промолчала.

Он поднял руки ладонями вверх.

— Мири, прошу тебя! Возьми корабль. Одна, если ты меня боишься. Но ты не можешь остаться с Гирфальками и выжить.

— Шансы?

— Никаких, — ответил он без обиняков. — Десяносто девять и девять десятых процента за то, что ты не проживешь дольше стандартного года. У Хунтаवास репутация. — Он глубоко вздохнул. — Возьми корабль, Мири.

— Какие шансы, если я это сделаю?

Она смотрела на него в упор.

— Шестьдесят процентов за то, что проживешь пять стандартных.

— А если мы сядем на корабль вместе?

— Пятьдесят на пятьдесят на пять стандартных лет.

Короткая пауза.

— Твои шансы выжить, если я возьму корабль одна. Рассчитай на пять лет, если надо.

Он открыл рот — и закрыл его, сильно нахмутив брови.

— На пять лет — шансы нулевые. Восемьдесят процентов против того, что я проживу девять месяцев.

Ее зрачки немного расширились.

— А если ты летишь со мной?

— В течение пяти лет, шестьдесят процентов против моего выживания. — Он покачал головой. — Мири, возьми корабль.

— Если я тебя брошу, тебя ждет смерть! — заорала она. — Ты что, сам не слышал, что сказал?

— Слышал.

— Тогда почему?

Он повел плечами:

— Если человек не в себе, разве ему нужны еще какие-то резоны?

Она набрала полную грудь воздуха, медленно выдохнула, а потом шагнула к Судзуки и поцеловала ее в губы. Когда она прошла мимо великана и парнишки, ее кулак стремительно ткнулся в похожую на бревно руку.

— Не надрывайся, Джейс.

Вал Кон стоял, глядя ей вслед. У выхода она остановилась.

— Шевелись, Крепкий Парень! У меня лишнего времени нет.

Только тогда он двинулся за ней, пробираясь мимо замолкших наемников. У выхода он тоже повернулся.

— Джейсон!

Его левая рука стремительно распрямилась, бросив что-то снизу.

Джейс рефлекторно вытянул руку, поймал вращающийся предмет и выругался.

— Что это? — спросила Судзуки, придвигаясь к нему.

Он протянул пойманный предмет.

— Мой стропорез. Проклятый воришка вытянул его у меня из-за пояса.

Судзуки пожала одним плечом.

— Ну, тогда у нее действительно могут быть шансы.

— Но она сказала, что он псих!

— А кто не псих?

Проверить наемников оказалось невозможно. Во-первых, их оказалось чертовски много. Во-вторых, ни один не отвечал на вопросы, даже самые невинные: ответами были только отрывистые ругательства да пистолеты и ножи, которые внезапно появлялись в умелой руке.

Другие пути расследования, которыми он обычно мог пользоваться, в этом случае были закрыты: наемники не любят, чтобы кого-то из них убивали, а не в интересах Костелло было бы оставлять в живых солдата, допрошенного «с применением методов».

И вот, хоть ему и было неприятно это делать, он отправил по очень узкому лучу на поверхность Лафкита краткое сообщение о своей неудаче. Он добавил, что местом назначения отряда будет Литаксин — в основном для того, чтобы продемонстрировать свою заботу об интересах организации, поскольку считал, что его начальство скорее всего обладает этой информацией. Можно было почти не сомневаться, что начальник уже уведомил своих людей в секторе Литаксина. Потому что ему очень хотелось задержать их раньше, чем они выберутся из-под юрисдикции Лафкита. Вопрос профессиональной гордости. Боссы отличаются гордостью.

«Ну что ж, — сказал себе Костелло, — возможности одного человека безграничны».

Его комм тихо потрескивал все то время, пока его сообщение шло до соответствующего пульта на планете, и Костелло поспешно протянул руку, чтобы отключить ток. Однако он застыл неподвижно, недоверчиво глядя на ярко-фиолетовый сигнал, который только что загорелся на пульте: «Готовьтесь получить инструкции». Какого дьявола?

Наблюдатель был растерян. Он выполнил приказы своего Т"карэ и подготовил корабль к тому, чтобы его заняли люди, вплоть до того, что вынул из нижнего трюма контейнер с напитками и второй — с продуктами, поставив их там, где их легко будет отыскать: у карты на мостике.

Определенные вещи были убраны со своих мест и упакованы в контейнеры, которые затем переместились в хранилище при причале. Температура воды, текущей в бассейны, была понижена до нормальной температуры тела человека, а освещение модифициро-

вано так, чтобы зрение пассажиров не пострадало от долгого полета в полумраке.

Температура атмосферы в корабле тоже была понижена — естественно, за исключением Помещения с Растущими Созданиями, — а соотношение кислорода и азота изменено. Помощник сделал все это, правильно и очень торопливо, как и приказал Т"карэ, и теперь все было готово и ожидало прибытия людей.

В чем и заключалась проблема Наблюдателя.

Наблюдатель терпеть не мог людей. Они были мягкие. Они были маленькие. Их скрипучие голоса ранили слух, словно гвозди, скребущие по доске. Они постоянно сновали туда-сюда, не тратя времени ни на любезности, ни на этикет. Наблюдатель именно в этом видел причину, что они умирают так быстро после рождения. Они не имели для вселенной ни смысла, ни пользы, и Наблюдатель смотрел на них — на отдельные личности и на вид в целом — с замороженным ужасом человека, страдающего фобией к паукам.

Т"карэ оставил дополнительные инструкции, которые Наблюдатель не мог выполнить до появления этих людей. В инструкции входила демонстрация работы двигателя и пульта управления кораблем, а также помощь в задании того курса, который люди сочтут необходимым. Ему также велено было научить их правильно включать автопилот, чтобы корабль своим ходом вернулся на Первую станцию Лафкита и к Наблюдателю.

Хорошо. Ему будет трудно находиться в таком тесном контакте с людьми, какой нужен для того, чтобы научить их управлять кораблем, но он сумеет это сделать. Точильщик также пожелал — и в этом заключалось самое ужасное в стоящей перед Наблюдателем проблеме, — чтобы, если люди того захотят, Наблюдатель сопроводил их туда, куда они пожелают лететь, и служил им так, как он поклялся служить брату сестры его матери, Т"карэ.

Мысль о том, что ему придется провести срок, измеряемый месяцами, в обществе людей — пусть даже одного человека, — вызывала у Наблюдателя такое чувство тошноты, что у него даже возникла мысль не открывать люка, когда пришло известие, что они действительно прибыли. Единственное, что помогло ему справиться с этим желанием, была мысль о наказании, ожидающем его, когда выяснится, что он отказался выполнить приказ Т"карэ.

Пряча отвращение в глубине души, Наблюдатель отправился открывать люк.

Молча, плечом к плечу, они прошли по длинному коридору уровня Ж.

У понижающего тоннеля Мири шагнула первой, поплыла вниз и скатилась в коридор. Спустя секунду Вал Кон тоже забрался в кори-

дор: он воспользовался петлей и не спешил. Приземлившись, он чуть подпрыгнул и пошатнулся, не сразу восстановив равновесие.

Она нахмурилась и искоса посмотрела на него, не замедляя шага.

Ей показалось, что он отвратительно выглядит. Кожа на скулах туго натянулась, глаза ввалились. Вокруг полных губ пролегли глубокие морщины, плечи чуть ссутулились.

— Что с тобой?

Это были их первые слова после ухода от наемников.

Взгляд его зеленых глаз был привычно острым.

— Я устал.

«Очень устал», — подумал он, заставляя себя не отставать от нее. Ну что ж, идти осталось совсем немного, потом — несколько минут разговора с наблюдателем Точильщика, и он сможет отдохнуть... отдохнет. Ему совершенно необходимо отдохнуть... Поспешно отбросив эту мысль, чтобы ее ритм его не убаюкал, он поднял руку, чтобы указать вперед.

— Там.

— Пошли. — Вместе с ним она завернула в посадочный узел. — Как зовут этого?

— Точильщик назвал его Тот, Кто Наблюдает.

— Наблюдатель? — удивилась она, сдвинув брови.

Вал Кон пожал плечами.

— Должно сойти, — сказал он. — Я с ним не знаком.

— О!

Люк был прямо перед ними, вызывающее устройство — в самом его центре. Вал Кон поднял руку и нажал на него, с трудом подавив желание податься вперед и перенести свой вес на полупрозрачный кристалл люка.

Время шло. Мири, стоявшая у него за спиной, снова нажала на вызов.

— А что, если он спит? — пробормотала она.

На этот вопрос ответа не требовалось, за что он был благодарен. Слова размывались и теряли четкость, словно его сознание уже не справлялось с процессом превращения звука в смысл.

Крышка люка начала бесшумно подниматься.

Когда отверстие стало достаточно большим, они вошли во внутреннее помещение, где их ожидала черепаха из Стаи, размером меньше самого маленького из сопровождающих Точильщика. Встречающий положил руку на пульт управления, установленный в стене из сплошного камня, и люк закрылся и загерметизировался.

Черепаха поклонилась — и Мири поспешно закрыла рот, с трудом проглотив возглас удивления. «У него нет панциря!» — подумала она, но тут же поняла, что ошиблась: очень маленький

панцирь сидел между его плечами, словно рюкзачок. Наверное, это был еще подросток.

Завершив поклон, хозяин корабля начал звучно говорить на языке Стаи. Он едва успел произнести первые слоги того, что должно было стать первым словом, когда Вал Кон начал двигаться.

Он поклонился — не так низко, как кланялся Точильщику и даже Хранителю (он только низко наклонил голову и чуть округлил плечи), и прервал речь черепахи.

— Несомненно, — произнес он на торговом, — Т"карэ сообщил о том, что мы очень торопимся. У нас нет времени на обмен именами и другие формальности. Пожалуйста, проводи нас на мостик и покажи то, что нам надо знать.

Наблюдатель замер на месте. Негодование боролось в нем с отвращением. С великим сожалением он подавил оба этих чувства. Как сказала стоящее перед ним мягкое существо, его Т"карэ отдал приказ. Его долг состоял в том, чтобы терпеть и повиноваться.

— Как пожелаете, — ответил он, выплевывая зазубренные осколки языка, называемого торговым, и надеясь, что говорит с должной торопливостью. — Помещение мостика находится в той стороне.

Он повернулся, чтобы вести их туда, не проверяя, следуют ли они за ним.

Мири показалось, что мостик здесь размером с «Грот» — а может, и больше. Было трудно определить точный размер помещения, потому что пульт был обращен к большому кристаллу, свисающему с дальней стены. Внутри кристалла были узоры из звезд, и Мири посмотрела на него пристальнее, заставив себя мысленно встряхнуться.

«Навигационный комплекс, тупица, — сказала она себе. — Внимательнее!»

Она медленно повернулась, осматривая весь мостик. Большой стол в окружении мягких диванчиков стоял у стены напротив навигационного комплекса. В одной из боковых стен и в задней стене была вырезаны полочки. Большая их часть оставалась закрытой, но пара была открыта и пустовала. В углу стояли две большие картонные коробки. На боку одной было написано: «Осторожно, стекло», а на второй «Верх».

Левая стена была гладкой, хотя Мири показалось, что при более внимательном осмотре там тоже обнаружатся хранилища. Из стены выступал широкий карниз на такой высоте, на которой, наверное, было бы удобно сидеть Точильщику.

Она нахмурилась и продолжила свой осмотр. Помещение оказалось не совсем симметричным. Ее разум настаивал на пропорциях, которые были для нее наиболее привычными, и от усилий,

требующихся для того, чтобы воспринимать все как есть, ее немного замутило. Мири стала рассматривать сами стены, заметила, что они выглядят так, будто сделаны из сплошного камня, а не из листовой стали, и нахмурилась еще сильнее.

У нее за спиной слышались рокот Наблюдателя и отрывистые от усталости ответы Вал Кона. Она бесшумно подошла к пульту и стала смотреть на него из-за спины своего напарника.

— Вот это — устройство для повторной калибровки. Когда корабль отдыхает, ты делаешь новые измерения и вводишь настройку. Это нужно для удобства. Если случится вот это, ты тоже должен сделать новую калибровку, с помощью вот этого устройства — вот так.

Вал Кон кивнул.

— Как часто корабль отдыхает?

— Корабль отдыхает четыре часа на каждые восемь часов работы.

Человек глубоко вздохнул, с усилием проталкивая воздух в легкие, и закрыл глаза, чтобы лучше видеть мысленное изображение. Начальная процедура такая-то. Чтобы провести проверку, измерения и корректировку курса, надо подождать, чтобы корабль вошел в режим отдыха, и проделать необходимые изменения — вот так. Отдохнув, корабль возобновляет работу вне зависимости от того, была проведена корректировка или нет. Он кивнул и открыл глаза.

— Очень хорошо, — проговорил он, стараясь отключить ту часть своего сознания, которая недоумевала, что означают эти звуки. — Теперь мы должны ввести свой курс.

— Куда вы желаете направиться? — осведомился Наблюдатель сквозь захлестнувший его ужас. Только бы это не заняло годы!

— На Волмер. Координаты планеты В — 8735 — 927 — 3...

Позади него резко дернулась Мири,

— Это лиадийская планета! Я же говорила тебе, Крепкий Парень: я не полечу ни на Лиад, ни на любую планету под контролем Лиад!

Откуда-то из самых глубин своего существа он извлек последний осколок терпения и внятности и принес его ей в дар.

— Это планета, где в равной мере представлены интересы Лиад, Земли и Стаи. — Его голос звучал почти ровно. — Оттуда мы можем отправиться в любом из четырнадцати направлений первого порядка. Я знаю, что ты не полетишь на Лиад.

Это ее не убедило.

— Мне это не нравится, и я не...

Но у него истощилось терпение, и время тоже кончалось.

— Молчать!

Она моргнула — и заткнулась.

Наблюдатель нажимал кристаллические кнопки нежных цветов, зажигая и гася их в последовательности, которая на ее неопыт-

ный взгляд представлялась совершенно неупорядоченной. Спусти какое-то время он отодвинулся от пульта.

— Ваша цель установлена, — объявил он. — Вы прибудете туда примерно через три недели по корабельному времени. Конечно, по окончании полета вам надо будет провести новую калибровку хронометров. Когда вы сойдете с корабля — при условии, что у вас больше не будет в нем потребности, — вы нажмете вот это.

Он указал на красный диск, расположенный отдельно на правой части пульта.

— После нажатия диска у вас будет достаточно времени для того, чтобы сойти с корабля прежде, чем он начнет путь обратно.

«Неужели возможно, что они не попросят?» — подумал он с робкой надеждой.

Три недели? Мири нахмурилась, с трудом подсчитывая в уме расстояние до сектора, в котором был расположен Волмер. Нет. Наверное, он ошибся в переводе единиц времени. Полет должен был бы занять не более двух дней. Ну, ладно — он ведь еще только парнишка. Если только он правильно ввел координаты, с ними все будет в порядке.

Вал Кон оттолкнулся от стены и снова слегка поклонился.

— Спасибо тебе за помощь. Я...

Он помолчал, совершенно четко и ярко представляя себе свои намерения.

— Я попрошу тебя сказать моему брату Точильщику, — начал он, медленно формируя каждое слово в уме и только потом произнося его вслух, — что если до его внимания дойдет известие о том, что я прожил... менее долго... чем другие представители моей расы, мне... было бы приятно... чтобы он распространил на эту свою сестру Мири всю честь и... содействие... которые принадлежали бы мне, если бы я... дожил до того момента, когда... вернулся бы к нему, как обещал.

Он помолчал, чтобы обдумать сказанное. Похоже было, что зерно своего пожелания он передать сумел.

— Скажи также моему брату, — добавил он, произнося слова все медленнее, — что своим знакомством он почтил и обогатил меня, и что моя... любовь... остается с ним во всех его предприятиях.

Он понимал, что этого недостаточно, но был не в состоянии продолжать. Точильщик поймет.

Наблюдатель смотрел на стоящее перед ним маленькое, мягкое, шатающееся существо. Он почти понял, почему Т^мкарэ оказывает ему такие почести. А потом второе существо, с рыжим мехом, протянуло к говорившему свою многопалую руку. Наблюдателя затосило, и мгновенное понимание исчезло.

— Эти вещи будут сказаны моему родичу Т^мкарэ. — Он поклонился. — Я дам сигнал, когда достигну конца тоннеля. Тогда ты

нажмешь диск, цвет которого голубой, как я тебе показал, и твое путешествие начнется.

Вал Кон кивнул, не касаясь протянутой руки Мири и заставляя себя стоять без посторонней помощи.

— Я вынужден просить тебя очень торопиться, направляясь к концу тоннеля. Нам надо улететь в течение пяти стандартных минут.

В Наблюдателе снова вспыхнуло возмущение, но чувство облегчения оказалось все-таки сильнее. Ему не придется служить этим чудовищам! Ему только надо будет ждать в тихой прохладе коридора, изредка выходя на поиски пищи, пока к нему не вернется корабль. В свете такого избавления можно было стерпеть неучтивость.

— Будет так, как ты сказал.

Без дальнейших формальностей он повернулся и ушел с мостика.

Спустя минуту Мири услышала звук открывающегося и почти сразу же — закрывающегося люка. Она посмотрела на Вал Кона, который раскачивался на месте, не сводя глаз с голубого диска.

— Босс, ты с катушек съехал? Мне не нужна защита Точильщика. Ты же дал нам равные шансы, забыл?

— Мири...

Его слабый голос затих. Он не посмотрел на нее.

Она прошла к ближайшему диванчику и села.

— Заткнись, — закончила она за него. — Есть, сэр.

Часть пульта зажглась, и Вал Кон поднял руку, положил ее на голубой диск и нажал.

В навигационном комплексе погасли звезды.

— Уже? — потрясенно спросила Мири. — Может, он хотел сказать — через три часа?

Костелло вынырнул из понижающего тоннеля и направился вдоль уровня Е — он не бежал, но шагал быстро.

Черепахи, во имя Панца! Можно подумать, с него мало было попыток говорить с наемниками. Теперь он еще должен идти и пытаться разговаривать с черепахами! Ах, ладно: он на почасовой оплате, а сегодня ему еще должны будут определенно доплатить за переработку. А может, еще и за опасность.

Из тоннеля номер 327 выходила крупная зеленая личность. Костелло ускорил шаги. Зеленая личность что-то сделала с пультом дверей и нажала кнопку вызова. Костелло перешел на бег.

— Эй, ты!

Черепиха не повернулась. Она прижалась головой к двери и застыла совершенно неподвижно, как это мог бы сделать человек, который долгое время был в заключении — а теперь снова вдохнул воздух свободы.

Костелло подбежал, задыхаясь, и положил руку на плечо Наблюдателю.

— Эй!

Наблюдатель открыл глаза. Увидев на своем плече отвратительную неправильную руку, он отшатнулся и стремительно обернулся к тому, кто позволил себе такой возмутительный жест.

Костелло поднял руки, успокаивающе раздвинув пальцы.

— Эй, я извиняюсь. Не имел в виду ничего дурного. Просто я ишу своих приятелей. Думал, может, вы их видели.

Он замолчал, но черепаха только молча смотрела на его руки.

— Двое юнцов, — сказал Костелло, продолжая свою историю. — Пареньку примерно... ну, двадцать, двадцать пять. Темноволосый, зеленоглазый, худой. Девчонке — симпатичная такая, маленькая — восемнадцать или двадцать. Рыжие волосы, серые глаза. Я подумал, может, вы их видели, — снова повторил он.

Наблюдатель не ответил.

Костелло решил играть грубо.

— Слушай, ты! — прорычал он, придвигаясь ближе и грозя черепахе пальцем. — Я вижу, что ты что-то скрываешь. И не пытайся притворяться дурачком, ясно? Потому что я знаю, как заставить говорить таких, как ты. Так что лучше скажи мне, где эти юнцы...

Хватит! Хватит с него оскорблений, тошноты, страхов и слишком многочисленных пальцев на слишком маленьких руках! Хватит, с него более чем достаточно!

Наблюдатель стремительно подался вперед.

И Костелло завопил, отдергивая руку, на которой были ровно откушены два пальца.

Глава 16

Стены, решила Мири, должны быть стабильными. Им не следует, например, становиться то мохнатыми, то прозрачными. И по ним не должны в непредсказуемые моменты пробегать яркие сполохи красок.

И руки не должны проваливаться в стену, когда до нее дотронуешься, и ноги не должны становиться туманными. Короче, все в целом не должно быть настолько... неопределенным. И почему ей так хорошо? Она же не пьяная!

Мири вздохнула, что оказалось очень приятно.

Насколько она могла судить, в плюсы идет то, что им предстоит пробыть на этом корабле не слишком долго: ведь он смог уйти с Первой без разгона, прыжка или еще чего-то.

Угу, это было недурно: просто скользнули...

Она не смогла сосредоточиться на этой мысли. Стена, на которую она смотрела, на секунду стала призрачной, превратившись в какой-то зеленый туман. Мири показалось, что по другую ее сторону она увидела бриллиант размером с десяток автомобилей.

Она рассеянно провела пальцами по собственной руке. А потом повторила это движение. Из какой нежной ткани сшита ее рубашка! Она погладила себе по руке в третий раз, блаженно жмуря глаза.

Уперев руки в бока, она немедленно открыла для себя дивную мягкость старой кожи, ухоженной и чистой, — и вскочила на ноги, держа руки дальше от тела. На полу был узор, которого она прежде не замечала: многослойные отпечатки — следы ног членов Стаи, один поверх другого, выдавленные в прочном каменном полу.

Она тихо засмеялась, а потом нахмурилась в ответ новой мысли. Ей кажется, что эти почти галлюцинации — результат работы двигателя. А что, если на самом деле это значит, что что-то не так... с ней? Что, если она больна? Или сошла с ума?

Ну, если она сбрендилась, то из нее будет хорошая пара Крепкому Парню, философски решила Мири. Бывают вещи и похуже.

Тем не менее опасения следовало проверить. Мири импульсивно расплела косу и потянула прядь волос вперед, чтобы посмотреть на нее.

Все было так, как она опасалась. Волосы стали какими-то размытыми, и каждая прядка была немного ярче и немного не такой четкой, как обычно.

Забросив косу за спину, она повернулась и вышла из библиотеки, направляясь к пульту управления и к своему напарнику. Стена, мимо которой проходила Мири, вдруг стала ярко-золотой. Не замедляя шага, девушка показала стене язык.

Когда пульт управления начал деформироваться, Вал Кон встал.

Ну, не столько деформироваться, сколько... блекнуть? На контурах предметов появились радужные ореолы, от которых ему было страшно некомфортно. Он сосредоточенно попытался определить, где именно заканчивается один из его ногтей.

Этот эксперимент оказался очень интересным. Он мог свести вместе края ногтей больших пальцев и ощутить это, вот только он готов был поклясться, что ощущает это прежде, чем они соприкасаются, и после того, как раздвигаются. Еще более странным оказалось то, что его большие пальцы и тонкие волоски на тыльной стороне рук кажутся лишенными материальности.

Устал. Он очень, очень устал. Ему необходим отдых.

Но он не в состоянии был отдыхать: так называемый Контур Выживания постоянно включался, снова и снова, сам по себе, и

каждый раз выдавал цифры, которые вроде бы к нему отношения не имели, но все равно вызывали взрыв энергии, когда контур настаивал, что уж на этот-то раз он домой не попадет.

Домой? Он закрыл глаза, пытаясь представить себе дом, но странные эффекты нарушали работу памяти.

«Шан? — подумал он почти с отчаянием. — Нова?»

Но лица его родных не возникли перед его мысленным взором.

Точильщик? А вот эту личность ему легко удалось себе представить вплоть до зубодробительного гула его голоса. И это воспоминание привело за собой другие — о жизни с Кланом Средней Реки...

«Вернуться домой, — подумал он. — Вернуться домой и стать музыкантом Клана...»

Но были еще формулы — когда он играл на омнихоре: Контур показывал ему, что чем дольше он играет, тем ниже его шансы на конечное выживание. А теперь эти внезапные вспышки, когда все ощущалось таким... нереальным...

Усевшись за стол для карт, он быстро произвел анализ. Наблюдаемые им эффекты не походили на действие тех ядов, которые его учили распознавать. Они казались почти галлюцинаторными и тем не менее конкретными, что говорило против спор в воздухе или еще чего-то в том же духе.

Это должен быть эффект работы двигателя — так по крайней мере он надеялся.

Он мягко потер себе запястье, изумляясь тому, какое сильное наслаждение доставляет ему это действие, и закрыл глаза.

ВВЗ: 0,2.

Не так уж необычно. Если не считать того, что он не указал Контур задания, вероятность выполнения которого следовало рассчитывать.

Музыка. Точильщик сказал, что на борту есть инструменты. Боги, как бы кстати сейчас было сесть за омнихору!

Дисплей у него в голове мгновенно понизил ВВЗ до 0,1.

Но в этом ведь не было никакого смысла, так?

Или был?

Почему музыка должна представлять для него опасность? Ему необходимо расслабиться. Ему необходимо заснуть, отдохнуть. Надо дать инстинктам успокоиться. В прошлом он успешно использовал для этого омнихору.

Если бы здесь было место — а на таком большом корабле место должно найтись, — он мог бы начать сеанс Л-апелеки.

Он покачал головой. Чтобы упражняться в учении Стаи, необходимо спокойствие. Между заданиями он находил время, чтобы доходить без напарника даже до Пятой Двери, и неизменно чувствовал себя более... живым.

«Мне надо вернуться домой», — подумал он.

Но нет — это не вело никуда. Вспышки перед его мысленным взором дали новые показания ВЛВ: цифру, которую ему не хотелось регистрировать в сознании.

Вероятность его личного выживания в течение тридцати дней понизилась до 0,09.

«Чтобы должным образом пользоваться Контуром Выживания, необходимо, чтобы мысли были спокойными», — вспомнил он.

Если бы только ему удалось успокоиться! Он был уверен, что цифры стали бы выше.

Одна из стен вспыхнула ярко-золотым светом, потом ее прорезали желтые полосы и оранжевые пятна, потом она стала красной, а пол расцветился зеленым. А его рука стала еще менее четкой.

«Хорошо, что Мири здесь нет», — подумал он.

Он был бы не в состоянии терпеливо принимать ее вопросы, уделять ей внимание... И все же он был рад, что вытащил ее с территории Хунтавас, что после прилета на Волмер у нее появится возможность жить дальше. Рад, что вернулся за ней.

А почему он это сделал? Что она такое, как не смертельная опасность, которая постоянно становится все более опасной? Опасна тем, что ей известно — тем, что он сам ей рассказал! Тем, что она видела — а он не сомневался в том, что она видела многое. Она несет в себе угрозу и опасность, для него и его задания...

— Какого, к черту, задания?

Он вскочил, гневно глядя на хаотические стены, а потом медленно выдохнул воздух и провел пальцами по волосам.

«Успокойся, — мягко сказал он себе. — Перестань лихорадочно соображать. Это — корабль Точильщика, в случае неприятности сюда пробьется только военная машина». У него есть безопасность, надежность: по крайней мере пока. На следующие пару недель. Он в безопасности. Он может расслабиться.

Стараясь не смотреть на текучий пол, он осторожно прошел к противоположной стене и уселся на широкий, обтянутый тканью карниз. Спустя несколько секунд он лег и начал обдумывать свои планы относительно того, как помочь Мири. Возможно, именно это и подсчитывал Контур?

«Нет, — напомнил он себе. — У тебя силы кончились. Опыт подсказывает тебе, что долгосрочным планированием следует заниматься в хорошем состоянии. Расслабься».

Закрыв глаза, он стал проделывать простой прием релаксации, которому научился еще давным-давно, кадстом училища: вспомнить по очереди все цвета радуги, приписав каждому особое свойство. Немного расслабить тело, затем — сознание. Еще немного расслабить тело, и спокойное сознание поможет расслабиться еще

больше. Начав с этого приема, можно уйти глубоко, задать себе цели или войти в специальные состояния для обучения, воспоминания или управления рефлекторными реакциями.

Расслабиться. Он начал ритуал, лежа совершенно спокойно, опустив руки. «Представь себе красный цвет. Красный — цвет расслабленных мышц...»

Это потребовало сосредоточенности: в сознании вспыхивали другие цвета. Красный. Он поставил его перед своим мысленным взором, заставив себя расслабить напряженные мышцы грудной клетки. Ощутил теплое течение крови в жилах. Расслабил мышцы шеи, потом — мышцы ног и продолжил выполнение приемов. Он смотрел сквозь мелькающие в его сознании цвета, видя только тот цвет, который был ему нужен, двигаясь через уровни, расслабляясь физически — мысленно — физически — мысленно.

Вал Кону казалось, что он парит, едва ощущая успокаивающее давление ткани и кожи на тело. Мысленно он приблизился к области переключения, к глубинам сознания, где он мог задать своему сознанию какую-нибудь задачу или просто заснуть, если ему того захочется.

Его мысли сосредоточились на фиолетовом цвете — конце радуги. За цветом начало формироваться запрещенное, непрошеное. Вал Кон попытался его подавить, но лишь усилил. Последовательность образов была ему знакома: это была одна из программ переподготовки из Лекционного курса — серии пыток и уроков, которые превратили его из разведчика в шпиона. Он запоздало попытался разрушить чары радуги, но оказался заперт в них и вынужден был смотреть. Там. Перед ним. Гибнущие люди. Его объекты. Его жертвы.

Эта программа оценивала эффективность убийств. После окончания подготовки ей не положено было работать.

Однако она оценивала его последний бой.

Мужчина, которому он попал в глаз: это сочтено весьма эффективным. Плечи ползущего человека защищают его сердце и легкие, а попасть в позвоночник трудно.

Полупригнувшаяся женщина. Это просто эффективно: небольшой сдвиг от центра к левой стороне грудной клетки. Даже если рана не смертельная, она будет выведена из строя до конца боя.

Теперь он был уже целиком захвачен анализом: пять, шесть, семь, десять, двенадцать... Каждый выстрел, который он сделал, чтобы спасти Мири, спасти себя. Все эти люди — погибшие и так ярко запомнившиеся. Совсем немного плохих попаданий. Почти нет промахов. Погибшие. Кровь на полу, на стенах. Нож, брошенный в спрятавшегося убийцу, оценен как превосходный удар в данных обстоятельствах. Следовало убить и того мужчину, и ту женщину....

Нет! Это Мири!

Обучающий обзор продолжался, уводя Вал Кона все дальше и дальше в мертвое прошлое.

Переход до мостика убедил Мири сразу в нескольких вещах. Во-первых, ткань ее рубашки давала просто непристойное наслаждение: она была одновременно мягкой, уютной и эротичной.

Во-вторых, только теперь она по-настоящему оценила размеры корабля Точильщика. Она уже успела пройти через комнату, наполненную занятой плавательным бассейном, а наполовину — газонном, и через второе помещение — гигантскую спальню.

В-третьих, она пришла к убеждению, что странные эффекты — цветовые вспышки и меняющаяся расплывчатость окружения — были реальностью. Они ничем не напоминали те галлюциногены, которые она принимала много лет назад, не походили они и на те странные искажения сознания, вызванные попавшим в ногу отравленным копьём.

Успокоенная этой мыслью, она вошла на мостик — и замерла на месте.

У пульта Вал Кона не оказалось.

Она постаралась не обращать внимания на странные цвета пола и стен и радуги, которые то и дело вспыхивали в кристалле, расположенном в центре... Трудно увидеть что-то определенное, когда все вокруг все время меняется. Она еще раз обвела взглядом помещение мостика.

Вон там! Вал Кон лежал на одном из длинных массивных сидений, но вид у него был отнюдь не спокойный. По правде говоря, больше всего он походил на жертву яда: застывший, с четко обрисованными узлами мышц, искривленными губами, крепко зажмуренными глазами.

Мири медленно приблизилась к нему и остановилась рядом, хмурая брови. Она заметила, что у него сжаты кулаки. И он дышал.

— Эй, Крепкий Парень!

Никакой реакции.

— Я к тебе обращаюсь! — сделала она новую попытку, повысив голос.

Ничего.

Она положила руку ему на плечо.

— Ну же, Крепкий Парень, это важно!

Она встряхнула его — сначала слабо, потом сильнее.

— Крепкий Парень! Идти пора!

Приказной тон не сработал, что было весьма плохо.

Он вспотел, и непослушная прядь волос приклеилась по лбу. Цвет лица у него был землисто-бежевым.

Мири закусила губу и попыталась найти у него на запястье пульс. Сердце у него билось сильно и ровно, но быстро. Пока все в порядке, но если он в скором времени не очнется, все может измениться.

Она дернула его за руку, заставив сесть, надеясь добиться реакции. Ничего.

— Вал Кон! — крикнула она, используя свой голос как кнут, превратив его имя в приказ вернуться. — Вал Кон!

Он не отреагировал.

Она выругалась — тихо и с чувством, определив боевой шок, известный иначе как истерический паралич. Она достаточно часто видела его, чтобы знать все симптомы — и способ лечения.

Некоторых людей было легко вывести из этого состояния: достаточно было, чтобы знакомый голос произнес их имя. Другим требовались более решительные меры. Лучше всего работала боль — физическая и безотлагательная.

Она стремительно подалась вперед, крикнув ему прямо в лицо:

— Вал Кон!

Никакой реакции. Даже его быстрое дыхание не сбилось с ритма.

Она отступила на шаг, рассматривая логическую задачу. Несколько подходов гарантировали верную смерть — при условии, что пациент придет в себя так же стремительно и полностью, как те пациенты, которым она помогала в прошлом.

А возможно, он придет в себя на порядок быстрее.

В конце концов она решила ударить его ногой в плечо, надеясь, что при повороте окажется вне его досягаемости.

Она еще раз попробовал его позвать и потрясти — на всякий случай, вдруг боги передумали. А потом она сделала глубокий вдох и резко выбросила ногу, перейдя в поворот сразу же после контакта, подавшись налево...

Контакт потряс ее с силой мощного кнута, заставив содрогнуться и пошатнуться. Левая рука отказала, бессильно повиснув вдоль тела. Он нападал, а она увертывалась. Она поняла, что не успевает уйти от захвата, и когда он ее бросил, она покатилась, гася инерцию с каждым переворотом, прижимая к телу потерявшую подвижность руку, — и врзалась в противоположную стену, вскрикнув от удара.

Издалека до нее донесся звук, который мог быть ее именем.

«Устал, — подумала она заторможенно. — Он устал».

Вот почему она все еще жива.

— Мири!

Она заставила себя открыть глаза и неловко перевернулась, чтобы сесть у стены. Рука все еще ей не повиновалась. Он стоял рядом с ней на коленях, на расстоянии вытянутой руки, и землิส-тый цвет мучительной боли уже сошел с его лица.

— Я в порядке, — сказала она, усилием воли заставляя это быть правдой.

С его лица сбежало выражение ужаса, но глаза оставались напряженными.

— Прости меня...

Он замолчал, тряся головой.

Она попыталась ухмыльнуться, на что он никак не отреагировал.

— Ладно, любой может ошибиться, — проговорила она. Потом поудобнее привалилась к стене и стиснула зубы: к руке стала возвращаться чувствительность. Здоровой рукой она дотронулась до его плеча: — Как насчет того, чтобы принести мне попить, друг?

Он встал и отошел. Она откинулась назад и закрыла глаза, пытаясь по степени болезненности определить, сломана ли у нее рука.

Какое-то непонятное чувство заставило ее насторожиться, и она открыла глаза. Он снова стоял рядом с ней на коленях, молча протягивая кружку.

Вода оказалась холодной, роскошно освежая пересохшее до боли горло. Она поставила кружку на пол рядом с собой. На этот раз ее адресованная ему улыбка была почти настоящей.

— Спасибо.

Он не ответил. Ужас тенью лежал в глубине его глаз.

— Мири, как ты можешь называть меня другом?

— Ну, — признала она, — бывают дни, когда это делать труднее, чем в другое время.

Однако он не принял шутки. Она вдохнула и пошевелила рукой, осторожно сгибая пальцы. Значит, не сломана.

— Тебе следовало улететь без меня, — сказал он ей.

— Я не бросаюсь друзьями, — огрызнулась она. — И ты стоял там, рискуя кровавой баней, потому что насчитал мне меньше стандартного года. А у тебя было еще меньше — и ты об этом не думал! — Она тряхнула головой. — Скажи мне, почему ты это сделал, почему ты спасал мне жизнь последние три или тринадцать раз! У тебя нет причин быть мне другом!

— И я тебе солгала, — добавила она через секунду. — Попыталась убежать и оставить тебя умирать.

— Ты этого не знала. И вполне логично, чтобы моя продолжительность жизни была меньше твоей. Ты вступаешь в бой, сражаешься с противником, которого тебе указали — так же как тебя указали ему, получаешь плату и двигаешься дальше. Если ты встретишься в баре со своим прежним противником спустя стандартный год, или десять, или двадцать, что произойдет?

— Что? Наверное, поставлю ему выпивку, а потом он поставит мне, а над третьей мы пустим слезу по добрым старым временам.

— Вот именно. А окажись в том же положении я, мой прежний противник немедленно возобновит враждебные действия. С каж-

дым заданием у меня добавляется еще один-два врага. Рано или поздно моя удача иссякнет, а моему бывшему врагу повезет, и я погибну. Положение таково, что я уже проигрывающая сторона. три года жизни для шпиона — большой срок.

— Ты хочешь сказать, что ждешь, когда тебя пристрелят? — недоверчиво воззрилась она на него.

Вал Кон покачал головой.

— Нет. Я сделал выбор, кем быть; именно потому, что я настроен на выживание. Я борюсь даже тогда, когда у меня вообще нет шансов. Мне удастся сохранять жизнь — каким-то образом, почему-то. Для разведчика — хорошее качество. Для шпиона — очевидно, просто необходимое. — Он наклонил голову. — А ты все еще не ответила мне, почему взяла меня с собой, когда ты меня боишься — и могла улететь одна.

— Я же сказала тебе: я друзьями не бросаюсь. Даже таким другом, который не в себе и может меня убить.

— Нет!

Его реакция была слишком бурной и слишком быстрой.

Мири выразительно подняла брови.

— Нет? Ну, это же ты у нас считаешь шансы. — Она легко прикоснулась к его лбу. Он отшатнулся, и она покачала головой. — Не думаю, что тебе оказали должную услугу, вставив тебе в голову эту штуку. Не стоит удивляться, что ты сбрендил.

Она снова пошевелилась и подняла руку над головой. Рука была почти как новая, если не считать ноющей боли в верхней части плеча и еще одной, при глубоком дыхании, что было признаком ушиба ребер.

— Поможешь старушке встать?

Борясь с тошнотворным головокружением, она схватила его за руки и уронила голову ему на плечо. Он терпеливо держал ее, и она неожиданно заметила, как приятно ей его прикосновение, какая мягкая на нем рубашка, и какая теплая — согретая теплом его кожи.

Она попыталась высвободиться, и он отпустил ее, хотя оставался рядом, пока она шла через комнату к столу, который то увеличивался, то уменьшался в почти слышимом ритме.

— Думаю, нам обоим необходим крепкий старомодный сон, — объявила ему она. — Спальные помещения в том коридоре. Я тебе покажу.

Мири повернулась, пошатнулась — и упала бы, если бы он не оказался рядом, подхватив ее под локоть. Как только она обрела равновесие, он мгновенно убрал руку, и она повернулась к нему лицом.

В его глазах все еще таился ужас. У нее вдруг возникло ощущение, что это чувство никогда их не оставит.

Придвинувшись к нему, она взяла его под руку, притворившись, будто не заметила его попытки отстраниться.

— Может, у нас получится лучше, если мы обопремся друг на друга?

Он не ответил, но позволил ей держаться за него и вести по коридору.

Она искоса посмотрела на его лицо.

— Вал Кон йос-Фелиум, Второй представитель Клана Корвал?

— Да.

— А кто Первый представитель? — спросила она, решительно игнорируя калейдоскопические узоры, которыми забавлялись стены и пол.

— Моя сестра Нова.

— Вот как? И что делает Второй представитель?

Он почти улыбнулся.

— То, что прикажет Первый представитель. — После короткой паузы, он пояснил: — Второй представитель не обладает властью, за исключением тех случаев, когда Первый представитель не в состоянии выполнять свои обязанности. В этой ситуации Второй представитель берет их на себя до тех пор, пока к Первому представителю не вернется работоспособность или пока не выберут нового.

— А как выбирают Первого представителя? — не успокаивалась Мири. — По возрасту? Нова старше тебя?

— Нова моложе — ненамного. Старший — Шан. Он был Первым представителем после того как... как дядя Эр Том умер. Но он купец, понимаешь, поэтому он подготовил Нову к этой роли, а потом отказался стать Вторым, сказав, что слишком подолгу отсутствует на планете. — Его голос звучал уже почти нормально. — Нова лучше всего подходит на роль Первого: она почти все время проводит на Лиад, и она — Памятующая, что очень полезно, когда она выступает от Клана перед Кланами.

— А ты мало бываешь на Лиад, правда? Как же ты получил место Второго?

Он даже улыбнулся.

— Так у Новы есть убедительная причина высказывать свое недовольство тем, что я редко бываю дома.

Она рассмеялась и кивком указала на мерцающую дверь.

— Нам сюда.

Они вошли, и Вал Кон позволил Мири подвести его к кровати. Он отнял свою руку, только когда она уселась, не доставая ногами до пола, и повернулся, чтобы идти.

— Вал Кон!

Выгнув бровь, он оглянулся. Ужас по-прежнему был на месте.

Она помахала в сторону кровати.

— Ты ведь тоже вымотался, или ты забыл? Из-за этого все и началось. А эта кровать такая большая, что тут мог бы улечься весь отряд Гирфальк, и тесно бы не было. — Она ухмыльнулся. — Я на твою честь посягать не буду.

Он мимолетно улыбнулся, вздохнул и вернулся обратно.

— Ладно.

Сев на край постели, он погладил покрывало и взглянул на женщину, которая уже свернулась клубочком, закрыв глаза.

— Мири?

Ее глаза тотчас раскрылись.

— Чего?

— Спасибо тебе за заботу. Я... оказался в ловушке... собственных мыслей.

— Нет проблем. Раньше мне приходилось это делать раза три-четыре в год. Часть радостей сержантской должности. А теперь спи, хорошо? И потуши свет, если догадаешься, как он работает.

Он тихо рассмеялся.

— Есть, сержант, — прошептал он и взмахнул изящной кистью перед пластиной, установленной высоко в стене над кроватью. Освещение отключилось, оставив две неяркие круглые лампы, красную и голубую, имитировавшие чужие луны.

Он лег поверх покрывала, боясь закрыть глаза...

— Спи, парень, — заворчала на него Мири.

Вал Кон послушно закрыл глаза.

И заснул.

Он проснулся, не зная толком, что именно заставило его пробудиться, и замер, прислушиваясь, не открывая глаз. Тишина... Нет. Звук сонного дыхания рядом. У него онемела правая рука, которую что-то придавило.

Он открыл глаза.

Это оказалась Мири. Ее лицо было затоплено сном, голова улеглась ему на правую руку, рука ее замерла у его щеки, запустив пальцы ему в рубашку.

В центре груди возникло странное острое ощущение: боль, и в то же время не боль. Сстиснув зубы, он проглотил вскрик и заставил себя несколько раз медленно вдохнуть и выдохнуть. Ощущение стало менее острым, но осталось — одновременно как холод и тепло.

Ему еще не доводилось видеть ее лицо в покое. Он отметил тонкие дуги бровей над глазами со светлыми ресницами, россыпь веснушек на носу, захватившую кое-где и щеки. Ее пухлые губы слабо улыбались, словно она видела во сне что-то приятное.

«Прекрасная Мири», — подумал он, изумившись сам этой мысли и безотчетно протянув руку, чтобы погладить ее по щеке.

Всего шесть часов назад он пытался ее убить.

Он отдернул руку, сжав кулак, и заставил себя отбросить эту мысль, определить, что же все-таки его разбудило.

Корабль прекратил работу.

Он чуть подвинулся.

— Мири!

Она пошевелилась, ресницы ее затрепетали — и она попыталась прочнее устроить голову у него на руке.

— Мири, — повторил он, — проснись.

Серые глаза открылись, на долю секунды устремив на него мягкий взгляд, а потом жестко сощурились.

— Зачем?

— Корабль остановился, и моя рука мне понадобится.

Она нахмурилась, выпустила его рукав и, перевернувшись, села с неловкой грацией кошки.

— Остановился? Мы уже прилетели?

— Нет, — ответил он, растирая онемевшую руку. — Наблюдатель сказал, что корабль отдыхает после того, как двигатель проработает восемь часов. Сейчас двигатель отключен, а это означает, что у нас четыре часа в нормальном пространстве, чтобы провести повторную калибровку и измерения и внести необходимые поправки.

Покалывание показало, что к его руке возвращается способность действовать. Он свесил ноги с кровати и легко спрыгнул на пол.

Мири осмотрелась. Психоделические ощущения, похоже, пропали, и можно было только благодарить богов за эту милость. Она сползла к краю кровати и прыгнула вниз.

— Ну, так чего мы ждем? Мы идем на мостик или нет?

Она несколько минут смотрела на навигационный комплекс, а потом прошла к пульту и села верхом на одну из скамеечек, лицом к напарнику.

— Вал Кон!

Он мельком посмотрел на нее и снова перевел взгляд на пульт.

— Да?

— Э... Я не пилот и не навигатор, так что, возможно, я что-то упустила, но... Разве расположение звезд не осталось таким же, как когда на этой лоханке заработал двигатель?

Он вздохнул и сел немного прямее, чтобы разгрузить спину.

— Нет, не совсем. На самом деле мы в четырех световых годах от Первой. — Он подался вперед, чтобы проверить показания какого-то прибора, а потом с полуулыбкой снова перевел взгляд на ее лицо. — Или можно сказать иначе: мы как раз добрались до земного короткого прыжка.

— Что? — Она посмотрела на него с новой подозрительностью. — Ты надо мной смеешься!

Он протестующе поднял руки.

— Нет. И над нами не смеюсь. Корабли Стаи... довольно сильно похожи на саму Стаю. Я точно не помню, как именно работает их двигатель — это относится к тем вещам, которые тебя заставляют учить, но в которых нет ровно никакого проку... — Он последовательно нажал три какие-то кнопки, глядя на комплекс. — Но он работает совсем на ином принципе, не на том, который используют земные и лиадийские корабли. Это — движитель на замещении электронов. Не то чтобы это что-то проясняло.

— Это все равно что сказать, будто понимаешь, как в земном корабле использовано нарушение конгруэнтности, — согласилась она, рассеянно хмурясь на комплекс. — Но так мы будем выбирать из этого сектора чуть ли не сто лет!

— Не совсем. Три или три с половиной недели до Волмера, если считать, что Наблюдатель правильно ввел координаты.

— Ну, я так и сказала. — Она наклонила голову. — Так ты не помнишь, как работает этот двигатель, — только что он другой?

— Мне случается порой что-нибудь забывать, — пробормотал он.

— Это почему-то на тебя не похоже. — Она встала. — Я иду в библиотеку. Если для меня тут нет никакого дела?

Снова сосредоточившись на пульте, он покачал головой.

Она пожала плечами и ушла, стараясь не обращать внимания на вспыхнувшее в ней раздражение.

Глава 17

На то, чтобы разобраться со всеми делами, ушло какое-то время. К счастью, пальцы пострадавшего были извлечены в целостности и сохранности, так что были все шансы на то, что они будут успешно приживлены. Срезы, как сообщил врач по комму мистеру Ингу, были почти хирургически точны.

Когда этот вопрос был улажен, Ингу понадобилось больше времени, чем он надеялся (хотя и не больше, чем он ожидал), чтобы извлечь информацию у молодого члена Стаи, который сидел за столом напротив него, подвергая серьезному испытанию на прочность самое надежное кресло, которое удалось отыскать на Станции.

Пятно на экране превратилось в голову и плечи еще одной черепахи.

— В чем дело? — осведомилась она.

Инг наклонил голову.

— Могу ли я иметь честь, — заговорил он на торговом, — побеседовать с тем, которого кратко называют Двенадцатый Панцирь?

Пятого Высиженного Ножа Весеннего Помета Фермера Зеленодерева из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Точильщик?

Огромные глаза моргнули:

— Представьтесь, пожалуйста.

Чрезвычайно кратко — для черепахи. Инг начал робко надеяться, что еще три-четыре часа, и ему удастся все аккуратненько закончить.

— Говорящего с вами зовут Ксавьер Понстелла Инг, Начальник Дневной стороны Муниципалитета Первой Станции Лафкита. Существо на экране наклонило голову.

— Я сообщу Т"карэ. Пожалуйста, не прерывайте связи.

Черепаха исчезла с экрана, на котором возник абстрактный узор, голубой, зеленый и оранжевый.

Инг перевел взгляд с экрана на своего пленника.

— Возможно, — предложил он, — вам лучше было бы перейти сюда, где ваш родич сможет вас видеть, и вам удобнее будет разговаривать друг с другом.

Наступившее молчание оказалось таким долгим, что Инг уже начал сомневаться в том, поняли ли его. А потом черепашонок поднялся с кресла и шаркающими шагами обошел вокруг стола, чтобы встать за плечом у Инга.

Абстрактный узор на экране сменился новым членом Стаи. Инг понял, что это существо — старое: его панцирь почти закрывал ему плечи.

— Я тот, с кем вы желали говорить, Ксавьер Понстелла Инг. Чтобы сберечь ваше время, следует сразу же сказать, что я, находясь среди людей, не имею возражений против имени Точильщик.

Глубокий бас рокотал в динамиках, набрав по дороге помехи. Инг наладил прием и низко склонил голову.

— Говорящего с вами чаще всего называют Инг, — сказал он. — Боюсь, что на Первой имела место ссора между родичем, которого вы оставили наблюдать за вашим кораблем, и неким человеком.

Он сделал паузу, но, казалось, Точильщик готов выслушать его до конца.

— Я не знаю точно, из-за чего она началась, — продолжал он, — потому что человек находится в шоке из-за полученных им травм, а ваш родич, похоже, не очень хорошо владеет торговым языком. Коротко говоря, ваш родич, похоже, откусил два пальца человеку, находившемуся на станции. Это — уголовно наказуемое преступление, оно называется «нанесение телесных повреждений», и для него предусмотрены соответствующие наказания. Однако, поскольку в происшествии участвовал ваш родич, я не взял на себя смелость наказывать его без вашего ведома и согласия.

Инг надеялся, что старик окажется существом благоразумным.

— Это человеческое существо, — сказал Точильщик. — Каково было имя?

— Герберт Алан Костелло, — ответил Инг, недоумевая.

— А! И каково состояние Герберта Алана Костелло? Кажется, я слышал, что для людей опасно испытывать состояние, называемое шоком.

Инг решил, что престарелый джентльмен искренне обеспокоен. Он этого не ожидал, видя отношение черепашого молокососа.

— Я недавно разговаривал с врачом, который заверил меня, что пальцы будут пришиты обратно и их работа восстановится, возможно, полностью, с вероятностью до девяноста процентов. Очень удачно, что нам удалось получить пальцы обратно в столь хорошем состоянии.

— Действительно, очень удачно, — согласился Точильщик. — Вы говорили о наказании. В Клане принято осуществлять наказание членов Клана. Мне было бы стыдно, если бы сказали, будто я настолько отошел от правил поведения, что допустил, чтобы моего родича наказал член другого Клана, как бы постыдно этот родич себя ни вел. Я был бы глубоко благодарен, если бы вы соблюли этот обычай. Я обещаю вам, что указанный индивидум будет наказан за свое преступление в полной мере.

Я был бы также очень глубоко благодарен, — продолжал он, — если бы вы выяснили сумму, потраченную на лечение Герберта Алана Костелло, а также расходы на содержание его дома в течение того периода, когда он не сможет выполнять свои профессиональные обязанности. Я выплачу эту сумму Герберту Алану Костелло вместе с той компенсацией за кровь, которая соответствует происшедшему. Я рассчитываю, что вы дадите мне свои рекомендации, поскольку я не в состоянии оценить размер компенсации, положенной человеку, неспособному регенерировать потерянное. Я хотел бы сделать все необходимое, чтобы этот позор не повредил добрым отношениям, существующим между Стаей и Кланами людей.

Инг моргнул.

— Вы очень щедры, — начал он.

Точильщик помахал огромной кистью.

— Я глубоко огорчен тем, что член моего Клана мог поступить подобным образом. Я повторяю, что он не останется безнаказанным. Он молод и не имеет опыта, но это не извиняет того отсутствия вежливости, о котором вы меня осведомили. На мне лежит обязанность исправить случившееся и надеяться на то, что к Герберту Алану Костелло полностью вернется владение рукой.

Точильщик перевел взгляд вверх и чуть назад, и взгляд его больших глаз стал заметно жестче. На секунду Инг пожалел стоявшего позади черепашонка.

— Мне также стыдно, — проговорил Точильщик, обращаясь к Ингу, но устремив взгляд на Наблюдателя, — что у вас почему-то создалось впечатление, будто мой родич не говорит на торговом. Его знание этого языка вполне удовлетворительно. Мне совершенно непонятно, почему он не отвечал, когда к нему обращались на этом языке, и не объяснился со Старшим-на-службе.

Инг готов был поклясться, что Наблюдатель съезжился.

— Возможно, — предположил он, — ваш родич тоже переживает некий шок. Иногда такое состояние на время лишает некоторых индивидуумов дара речи, даже на том языке, которым они владеют с детства.

Дьявол, это же еще совсем мальчишка!

— Вы очень добры, — проговорил Точильщик с впечатляющей торжественностью. — Я отмечаю вашу попытку смягчить удар, нанесенный нашей чести, но я не убежден в том, что дело обстоит именно так.

— Наблюдатель! — рявкнул он все на том же торговом. — Ты явишься ко мне. Ты явишься с тем человеком или людьми, которых Ксавьер Понстелла Инг сочтет нужным отправить с тобой, чтобы быть уверенным, что ты не нанесешь ущерба другим существам до того момента, когда окажешься под моим присмотром. Ты явишься с той торопливостью или медлительностью, какую Старейшина Инг сочтет подобающей. И более того, ты будешь говорить, когда к тебе обращаются, и отвечать на все вопросы с честью и настолько полно, насколько это позволяет время. Ты будешь размышлять о применении вежливости среди и между всеми народами, и к моменту прибытия ты будешь готов отчитаться мне в своих поступках. Ты понял все, что я тебе сказал?

— Да, Т"карэ.

Голос Наблюдателя был едва слышным.

— И ты будешь подчиняться?

— Да, Т"карэ, — ответил Наблюдатель еще тише.

— Я оставляю тебя под опекой Старейшины Ксавьера Понстеллы Инга, который отправит тебя ко мне в соответствии со своими обычаями и традициями. До свидания.

Последние слова, по-видимому, были адресованы им обоим. Экран внезапно потемнел.

Ингу показалось, что парнишка явно потрясен.

— Ладно, Наблюдатель, почему бы тебе не присесть, пока я буду договариваться о транспорте? Мы доставим тебя на планету уже к завтрашнему дню.

Какие бы наказания ни ждали Наблюдателя за дальнейшее несоблюдение вежливости, он не смог заставить себя поблагодарить Старейшину Инга за эту заботливость.

* * *

Библиотеку Точильщик собрал внушительную, даже с учетом того, что меньше трети всех книг было написано на том языке, на котором Мири умела читать. Недолгий поиск среди них позволил ей обнаружить «Детскую энциклопедию космических двигателей» профессора Томаса Свифта и «Начальный курс высокого лиадийского» Энн Дэвис.

Энн Дэвис? Это имя показалось ей смутно знакомым. Мири отыскала считывающее устройство, удобно свернулось на мягком карнизе, который, похоже, у Стаи исполнял обязанности кресел, и первой вставила именно эту пленку.

«Энн Дэвис, — говорилось в биографии, приведенной в начале, — была гейдельбергским стипендиатом и признанным специалистом по сравнительной лингвистике. В число ее работ входил свод основных земных диалектов, считающийся эталоном для современных лингвистических исследований. Однако наиболее широко известно ее глубокое исследование высокого лиадийского, а также несколько грамматик и самоучитель этого сложного и прекрасного языка. Рукопись, очерчивавшая грамматику и рассматривавшая структурные изменения низкого лиадийского, осталась незавершенной к моменту ее смерти. Ее пережили трое ее родных детей — Шан, Нова и Антора Йос-Галан — и приемный сын Вал Кон Йос-Фелиум».

Мири заморгала, вспомнив рассказ о тетке, которая научила его играть на омнихоре. «Твое типичное везение, Робертсон, — подумала она. — Как только бросила думать, кто же он такой, тут тебе и сообщают».

Она перемотала запись и отложила в сторону для дальнейшего изучения, а потом вставила в считыватель вторую книгу, поудобнее устроилась на сиденье и включила перелистыватель.

«В настоящее время в исследованной Галактике используется четыре типа космических двигателей, — жизнерадостно сообщили ей в первой главе. — Наиболее хорошо известны три: земной, или двигатель на принципе нарушения конгруэнтности, лиадийский, или двигатель на ретракции кварков, и двигатель черепах, или двигатель на замещении электронов. И до сей поры никому не удалось выяснить принцип, на котором работает четвертый тип двигателя, использующийся икстранцами».

— Естественно, черт подери, — прокомментировала она.

Икстранцы никогда не допускали захвата своих кораблей: при необходимости уничтожались целые боевые экипажи. Несколько кораблей все же удалось угнать — в основном хитрым лиадийцам, которые, надо признать, занимались этим дольше землян. Эти захваченные корабли самоуничтожались при насильственном проникновении, унося с собой абордажные команды. Самой хорошей

чертой икстранских кораблей была их немногочисленность. Самой плохой — сам факт их существования.

«В земных и лиадийских кораблях, — продолжала книга, — используется математическая вероятность, называемая константой подобия, позволяющая кораблям очень быстро проходить огромные расстояния. Поскольку земные и лиадийские математики представляют это понятие немного по-разному, двигатели на нарушении конгруэнтности и на ретракции кварков несколько различаются с точки зрения того, за сколько времени данный корабль проходит данное расстояние.

Например, земной грузовой корабль может пройти 50 световых лет за 50 секунд. Тот же самый полет займет у лиадийского корабля 50 часов. Такое сравнение, конечно, используется для обычных расчетов.

Сообщалось, что лиадийцы имеют некоторое количество кораблей, в основном одно- и двухместных, которые хотя и не превосходят земные в скорости, однако способны выполнять маневры в непосредственной близости от планет. Таким образом, это дает им преимущество перед теми кораблями, которые должны отойти от ближайшего планетного тела на несколько световых часов для осуществления маневра конгруэнтности».

«Угу, лиадийские корабли-разведчики быстрые и могут делать разные шуточки, а тебе завидно, — подумала Мири. — А корабли Стаи?»

«Двигатель на замещении электронов, применяемый Стаей, основан на способности электрона появляться на новой орбите раньше, чем он покинет свою первоначальную орбиту...» Чего? «Это означает, что передвижение кораблей Стаи осуществляется в виде серии физических «прыжков» протяженностью приблизительно в один световой день, и перед каждым корабль должен убеждаться в том, что там, куда он направляется, для него есть место».

Мири закрыла глаза и энергично потерла ладонями щеки, а потом снова перечитала последний отрывок.

«Этот способ передвижения, — продолжила книга, — чрезвычайно эффективно использует энергию, поскольку продвижение корабля осуществляется за счет материи, находящейся вокруг корабля. Именно это свойство двигателя объясняет способность кораблей Стаи летать в плотных звездных полях, а не пытаться их избегать, как это делают корабли землян и лиадийцев. Движение на основе замещения электронов также гораздо медленнее, чем обсуждавшиеся нами два других способа, но для представителей Стаи время редко имеет значение...»

Включив перелистыватель, она быстро просмотрела остаток книги, пытаясь отыскать сообщения об idiotских побочных эффектах двигателя Стаи. Она ничего не нашла. Судя по всему, люди

на кораблях Стаи не летали. Что в некотором смысле было не лишено смысла: зачем тратить на дорогу три недели, когда другой корабль может пролететь это расстояние за два дня?

Она покачала головой и откинулась назад. Видимо, это было очередное следствие короткой продолжительности жизни. Приходится рисковать жизнью ради возможности прожить подольше. Интересно, какое воздействие галлюциногены оказывают на Точильщика.

Отодвинув считающееся устройство в сторону, она потянулась и полезла было в свой кошель за сухим пайком, но пальцы ее остановились на застежке. На этой лохани должны быть продукты, вспомнила она. Крепкий Парень — Вал Кон — скорее всего знает, где именно.

Она скатилась с карниза и неспешно направилась на мостик.

Для того чтобы найти специальный шаттл и охрану, понадобилось чуть больше получаса. С Первой станции до Эконси Наблюдателя доставят на спецшаттле, а далее грузовик доставит его в гыот, где его будут ждать его родичи. Инг сообщил Наблюдателю, что уже на следующий планетный день ему предстоит встретиться с Точильщиком.

Наблюдатель склонил голову, как и подобает при разговоре со Старейшиной, и ответил настолько вежливо, насколько мог, хотя язык, называющийся торговым, был плохо приспособлен к любезностям.

— Спасибо за вашу заботу обо мне. Я сожалею о доставленных хлопотах.

— Ну, я тоже об этом сожалею, — откровенно ответил Инг. — Но что сделано, то сделано, и тебе придется принять наказание. Просто вытерпи то, что тебе будет назначено, а потом подтянись, хорошо? Совсем не нужно, чтобы подобное повторялось.

Наблюдатель пробормотал, что в словах Старейшины Инга, несомненно, есть немало истины. Наблюдатель обязательно тщательно обдумает услышанное.

Инг решил на этом успокоиться и увел парнишку в камеру предварительного заключения, где ему предстояло находиться под наблюдением испуганной охранницы, пока за ним не придут с шаттла.

Выйдя из библиотеки, Мири свернула не направо, а налево, в результате чего ей не пришлось проходить мимо плавательного бассейна. Вместо этого она попала в сад. Растения были подвешены в горшках, карабкались по решеткам и ползли по земле, окружая живописные лужайки и удобные скамейки. Это был очень приятный уголок, если не считать слабоватого освещения и атмосферы несколько более жаркой и влажной, чем нравилось Мири,

выросшей на Пустоши. И все же она задержалась в этом помещении, рассматривая лиловые и желтые цветы, стелившиеся по земле, и яркие красные гроздья фруктов на карабкавшейся по решетке лозе. Несколько рассеянно она подумала, не виноград ли это и какое вино из него получилось бы.

В конце концов она покинула сад, прошла по короткому коридору, который пересекался с переходом, ведущим в спальню. А оттуда она уже очень быстро попала на мостик.

На мостике Вал Кона не оказалось. Мири признала, что он вовсе не обязан был там находиться, имея в своем распоряжении все помещения этого гигантского корабля. И все-таки ее это раздосадовало — а когда она увидела на столе горку... предметов, то встревожилась.

Она настороженно приблизилась к столу и остановилась, убрав руки за спину, хмуро перебирая разложенные предметы взглядом.

Ну, вот это пистолет. А вон там явно метательный нож, который он продемонстрировал ей в переулке возле ее убежища... сколько же времени прошло с тех пор? Но это — просто шнурок от его рубашки, а плоский металлический четырехугольник выглядит просто как кредитная карточка, а вон то — его сапоги...

Он бесшумно вошел в комнату у нее за спиной, и она мгновенно обернулась, вопросительно подняв брови.

— Что ты сделал со своим лицом? — спросила она. — Оно все красное.

Он улыбнулся и подошел к столу.

— Мыло Точильщика — это песок! Я рад, что у меня вообще осталась кожа, хоть какого-то цвета.

Она молча осмотрела его: волосы влажные, лицо немного расцарапано, рубашка не зашнурована, рукава закатаны — и кожа на руках тоже стерта. Мири невольно подумала, с какой же силой он тер себя песчаным мылом. На нем не было ремня и сапог. Она перевела взгляд на его лицо и не обнаружила на нем следов вчерашнего ужаса. Он встретил ее взгляд спокойно. Глаза у него были прозрачными, бездонно-зелеными.

Отведя взгляд, она махнула рукой в сторону горки на столе.

— Устроил уборку?

— Это — оружие, Мири. Мне хотелось бы, чтобы ты его спрятала. Прошу тебя.

— И почему это мне всегда достаются самые веселые задания? И зачем? И даже если бы я это сделала, сапоги — не оружие, друг. И ремень тоже, если не говорить о некоторых особых обстоятельствах, которыми я готова рискнуть. Мужчине не следует ходить в незашнурованной рубашке — это не аристократично. И тебе следует оставить кредитку — никогда не известно, когда могут понадобиться наличные.

Он взял черный шнурок, который стягивал его рубашку, пропустил сквозь пальцы и позволил своим рукам выполнить соответствующие движения.

— Гаррота.

С помощью кредитной карточки он отщепил стружку от каменной стены у себя за спиной. Стружку он протянул ей.

— Гильотина.

Перевернув ремень, он продемонстрировал ей три разных слоя на его внутренней стороне:

— Взрывчатка, электронная отмычка, пила.

Положив ремень, он указал на сапоги.

— В правом каблуке находится заряд взрывчатки, а из носка выходит шип для лазанья. В левом — шип для лазанья и ручные отмычки в каблуке.

Он сел, внезапно обессилев, и взмахом руки указал на ворох проволоки, шпилек и еще каких-то металлических штучек.

— Все, что может потребовать момент. Шпильку вгоняют за ухо, проволокой тыкают в глаз... Смерть. Или...

— Я поняла, — оборвала она его объяснения и потом долго стояла молча, рассматривая горку. Что-то привлекло ее внимание, и она вытянула заинтересовавший ее предмет.

Черные ножны из мягчайшей замши защищали и ласкали убранный в них клинок. Ручка была сделана из какого-то материала, который блестел, словно отполированный обсидиан, — но был теплым на ощупь.

Она мягко обхватила его пальцами и вытащила клинок.

Он блестел на солнце, ловя и отражая лучи света: живое существо, она готова была в этом поклясться, состоящее из зеленого и черного хрустала.

Мири благоговейно убрала клинок в гнездо. Рукоять не подходила к ее руке, и не было сомнений в том, что она была сделана специально под одну руку. Она молча протянула нож Вал Кону.

Его рука рванулась вперед, сжалась — и упала.

— Тебе его дал Точильщик. — Это не было вопросом. — Давай попроще, парень: ты убьешь меня ножом, который тебе дал Точильщик, а я не буду спорить с тем, что заслуживала смерти. — Она толкнула нож в его сторону. — Бери его!

Он неуверенно послушался, нежно проведя пальцами по рукояти.

Мири резко повернулась и широко взмахнула руками.

— И все остальное тоже! Надевай, раскладывай по местам, выбрасывай — мне наплевать! Прятать их бессмысленно, и я этого делать не собираюсь.

И она вдруг села, учащенно дыша и с трудом подавляя вспышку гнева.

— Мири, послушай меня. Я могу убить тебя...

Она фыркнула:

— Я это уже слышала, космолетчик.

Он покачал головой.

— Я могу тебя убить. В любую минуту. Мне... кажется, ты права, и я... иду по острию бритвы. — Он помолчал, выравнивая дыхание. Он должен добиться, чтобы она его поняла! — Ты можешь достать пистолет, чтобы его почистить, а яотреагирую только на пистолет, а не на чистку — и ты погибнешь. Вчера вечером я был близок к тому, чтобы тебя убить...

Она ударила кулаком по столу и стремительно вскочила:

— Голыми руками, кашутас! Ты даже не потрудился достать ни одну из этих чертовых штук, и я уверена, что и дальше не достанешь!

Она села так же неожиданно, как вскочила, судорожно сглотнула слюну, пытаясь смягчить пересохшее горло, и устремила взгляд на сверкающую и переливающуюся серебряную змею, которая крепко держала в челюстях голубой камень.

— Я не верю, что ты меня убьешь, — сказала она. — И не желаю верить.

Он дождался, чтобы она подняла глаза, а потом предельно мягко проговорил:

— Мири, скольких человек я убил с момента нашей первой встречи?

Она округлила глаза:

— А что, ты сам не считал? — Она сразу же резко покачала головой. — Это были незнакомые люди. В целях самозащиты. В боевых условиях. А вчера вечером обстоятельства были особые. Ты был не в себе — боевой шок. Я уже такое видела. И знала, что ты выйдешь из него, словно тигр, сражающийся с циклоном. Моя ошибка заключалась в том, что я решила, что успею вовремя вернуться. Ну, мы напортачили и остались живы, так что можем об этом поспорить. Некоторым везет.

— Мири...

— Нет! — заорала она, а потом уже более спокойно добавила: — Нет. Я не желаю больше ничего об этом слышать. Ты убедишь меня только тогда, когда убьешь, *аккази*? По-моему, большого психа, чем ты, я еще не встречала — и это комплимент, если учесть, что тебе удалось сделать, тихо сходя с катушек. И я думаю, что штука, которая в этом виновата, штука, из-за которой ты такой чокнутый, это твой проклятый оценщик, который сидит у тебя в башке и сам с собой разговаривает.

Люди — не цифры, и ситуации, в которых участвуют люди, по определению не упорядочены — в них работают шансы, ошибки, неудачи и удачи. Их нельзя просчитать. — Она потеряла лицо ладонями и глубоко вздохнула. — Испорти эту штуку, и будешь нор-

мальным, как камень. Брось эту работу и устройся играть на омни-хоре в каком-нибудь шикарном заведении...

Она замолчала и снова потеряла лицо.

Он ждал, пристально глядя на нее.

— А, я слишком много болтаю. — Она встала на ноги и помахала рукой в сторону горки, сложенной между ними. — Давай договоримся: ты указываешь мне путь к продуктам, а я приготовлю нам чего-нибудь поесть, ладно? А пока я этим занимаюсь, изволь, Панца ради, избавиться от всего этого хлама!

Глава 18

Волмер.

За одно это слово пришлось заплатить очень дорого, но приказано было о расходах не думать. Узнав, что именно купили его деньги, Джастин Хостро кивнул и отдал еще более дорогостоящие приказы.

Корабль. Две дюжины людей наивысшего класса. Оружие. Все следовало собрать немедленно и отправить к Волмеру.

Мэтью поклонился и проследил за тем, чтобы все было сделано так, как приказано.

В конце концов он зашнуровал рубашку, натянул сапоги и выпрямился, чтобы застегнуть на поясе ремень. Из горки с оружием он вытащил клинок Клана, метательный нож, пистолет. Вновь обнаружив в себе сильное отвращение к шпилькам, цацкам и кислоте, которое он испытывал в шпионской школе, он отодвинул их в сторону. Немного поколебавшись, он забрал кредитную карточку и проволоку.

Унеся груды отвергнутого хлама в дальний конец комнаты, он открыл в казавшейся монолитной стене нишу, свалил все внутрь и снова закрыл дверцу. Подойдя к пульту, он последовательно нажал две кнопки и удовлетворенно кивнул, ощутив слабую вибрацию.

Когда он вернулся к столу, Мири оторвалась от своих приготовлений.

— Что ты сделал?

— Выбросил их за борт. Они никогда мне не нравились. — Он пожал плечами. — Когда я в первый раз увидел эту маленькую подушечку с кислотой, меня чуть не вывернуло.

Он уселся на краю стола и стал наблюдать за ней.

Она накрыла крышкой миску, где в результате должно было оказаться грибное суфле, взяла две кружки и вручила ему одну из них, помахав в сторону миски.

— Обед надо залить водой на сорок пять минут. Надеюсь, ты очень любишь грибное суфле, потому что больше ничего в той коробке нет. И я надеюсь, что вино тебя тоже устроит, потому что во втором ящике одно вино. — Она ухмыльнулась. — Насчет хрустальных бокалов — прошу прощения, какова еда, такова и посуда.

— По-моему, неплохо.

Он сделал глоток и выгнул бровь, демонстрируя удовольствие.

— Я так и боялась, что оно окажется по-настоящему хорошим, — тоскливо проговорила Мири.

— Оно хорошее, — сказал он озадаченно. — Попробуй.

Она сделала осторожный глоток и вздохнула.

— Угу. Проблема в том, что так входишь во вкус, что хочется пить его всегда. Перестаешь ценить кинак.

— А Лиз сказала, что тебе нравится все хорошее, — пробормотал он.

— Лиз сказала, — резко поправила его Мири, — что я не разбираюсь в красивых вещах. Что мне кажется, будто прекрасное не может причинить такую же боль, как уродливое. Это старо.

Она посмотрела сердито.

Он молча выдержал ее взгляд и отпил еще глоток.

Спустя минуту она пожала плечами.

— Точильщик говорил, что ты — мягкий и хороший. Ну и что?

Неожиданная вспышка боли заставила его лицо застыть.

— Некоторые люди так считали...

— Угу.

Ее тон явно выражал недоверие. Он подумал, что у нее есть на то все основания. Действительно, кто бы мог такое подумать?

— Точильщик, — сказал он, внезапно ощутив потребность услышать имена тех, кто его любил. — Шан, Нова, Антора...

— Родственники, — поддела она его.

— Дариа...

Он запоздало прикусил язык. Мири вопросительно подняла брови.

— Дариа? А кто это? Твоя учительница в первом классе?

— Мы были любовниками.

— А потом она узнала, какой ты на самом деле.

Он сделал большой глоток вина и заглянул на дно кружки.

— Она погибла, — четко проговорил он.

— Правда? Ты ее убил?

Он ахнул, резко подняв голову. В прищуренных глазах ясно читалось возмущение. Губы у него изогнулись. Он заставил себя дышать медленно и глубоко.

— Нет, — сказал он Мири, — я еще не дошел до того, чтобы убивать тех, кого я люблю.

Стукнув кружкой о стол, он встал и ушел.

Мири долго стояла и дышала — только дышала. Когда она почувствовала, что полностью владеет собой, то взяла его кружку и пошла его искать.

Того, Кто Наблюдает привели пред лицо его Т"карэ четыре человека-охранника, и какое-то время его присутствие игнорировалось: эта величественная фигура предлагала людям еду и питье. Они отказались — достаточно вежливо, хотя и кратко, сказав, что долг требует их немедленного возвращения после передачи Наблюдателя в руки его родича.

Итак, они распрощались, и Точильщик наконец обратил внимание на сына сестры своей сестры.

— Ты приготовился дать мне отчет в своих поступках? — осведомился он на торговом.

— Родич, — начал Наблюдатель на их родном языке.

— Нет. — Точильщик взмахнул рукой. — Мы будем говорить на языке, называемом торговым, поскольку тебе необходимо упражняться в его применении. — Он дал ему знак продолжать. — Ты можешь продолжить свой доклад.

— Родич, — повторил Наблюдатель на варварски кратком языке, называемом торговым. — Мне стыдно, что я позволил себе настолько выйти из равновесия из-за поведения личностей, перед которыми вы сочли себя в таком долгу, что предоставили им право потребовать наш... наш корабль... что я совершил насилие по отношению к созданию... существу... настолько более слабому, чем я...

— Прекрати.

Наблюдатель повиновался и замер в молчании, стараясь сохранить личное достоинство под пристальным взглядом Т"карэ.

В должный срок Точильщик заговорил снова.

— Возможно, было бы полезно, чтобы ты больше рассказал мне о тех личностях, которые пришли и забрали для себя наш корабль. Сделай это.

— Они пришли вместе, Т"карэ: одно с темным мехом, второе — с ярким, оба очень маленькие. Темное прервало меня, когда я начал представляться. Оно сказала, что они слишком торопятся, чтобы обмениваться именами, и что я должен проинструктировать оно...

— Нужное местоимение в этом случае будет «он», поскольку личность, о которой ты говоришь, — мужчина расы людей. Его спутник с ярким мехом — женщина той же расы, и ее надо называть «она», используя тот падеж этого местоимения, который требуют правила грамматики, действующие в данном языке. Продолжай.

Наблюдатель пристыженно съехался — получать инструкции, словно он только вылупился! — и вернулся к нити своего повествования.

— ...проинструктировать его, Т"карэ, относительно правил пилотирования, чтобы направить корабль туда, куда он пожелает. Это я сделал и ввел координаты планеты под названием Волмер, или В-8735-927-3, как он потребовал. А потом он попросил, чтобы я сказал вам вот что...

Он замолчал, дожидаясь позволения.

Оно было дано — взмах руки.

Тщательно придерживаясь услышанных слов и интонаций, Наблюдатель повторил: «Я прошу тебя передать моему брату Точильщику...» Дойдя до конца устного послания, он снова замолчал. Т"карэ взмахнул рукой, предлагая ему продолжать.

— А потом он велел мне уходить, сказав, чтобы я сделал это с величайшей торопливостью, поскольку он намерен начать труды корабля спустя пять стандартных минут. И все это время, родич, — вскричал Наблюдатель, больше не в силах сдерживаться, — я не видел вежливости и внимания со стороны этого существа, который не назвал мне ни своего имени, ни имени своей спутницы и не спросил моего. И он не...

— Ты будешь молчать, — приказал Точильщик.

Он закрыл глаза и открыл их спустя какое-то время.

— Ты молод, — проговорил он, — и, возможно, ничего не знал о той личности, о которой ты говорил. Это может отчасти объяснить твое недовольство его поведением, хотя, по моему мнению, для тебя должно было быть важнее, что он — мой брат.

Так знай же, Неосведомленный, что этого человека зовут в соответствующей данному моменту полноте Вал Кон Йос-Фелиум Разведчик, Художник Преходящего, Убийца Старейшего Дракона, Весеннего Помета Фермера Зеленодрева из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Крепкий Парень. Знай также, что я не делаю своими братьями тех существ, которые этого не заслуживают. И знай, наконец, что человек, носящий это имя, все еще — до сих пор — имеет возраст, при котором он не достиг бы и первого своего панциря, будь он представителем нашего народа.

Он помолчал, давая Наблюдателю возможность обдумать услышанное.

— Подумай также вот о чем, — продолжил он. — Тон послания моего брата указывает на то, что его жизни угрожает опасность. Оцени же теперь то, что он прервал совершение действий, необходимых для спасения его самого и его спутницы, чтобы передать мне свое предсмертное желание, как и подобает между братьями, и заверить меня в своем уважении и любви. Я не нахожу в его поступках невежливости. Он поступал так, как подобает порядочному и великодушному существу любой расы. И мне стыдно, что представитель моего Клана настолько забыл о нормах поведения и морали, что не смог увидеть и понять это.

Наблюдатель понурил голову.

— Я тщательно обдумую то, что вы сказали Т"карэ.

— Сделай это. Но пока продолжи свой рассказ. Как случилось, что Герберт Алан Костелло получил увечье от члена моего Клана?

— После того как ваш брат отпустил меня, Т"карэ, я очень быстро прошел по переходу, запечатал внутреннюю дверь и дал сигнал, что я снаружи. Я ощутил вибрацию включенного двигателя, и в то же мгновение услышал, как какое-то создание кричит на торговом. Слова были такие: «Эй, ты!» Я не понял, что они адресованы мне, пока эта личность, которая зовется Герберт Алан Костелло, не положила руку мне на плечо.

При воспоминании об этом Наблюдатель не сдержал дрожи отвращения. Точильщик сделал ему знак продолжать.

— Он спросил меня, куда улетели ваш брат и его спутница, и, когда я не ответил, он произнес слова, которые показались мне угрожающими. Он сказал, что если я не отвечу, куда делись эти двое, то есть способы заставить меня это сказать. В тот момент я был выведен из равновесия моей неспособностью оценить по достоинству вашего возвышенного брата, и когда Герберт Алан Костелло произнес эти слова и поднес пальцы к моему лицу, я его укусил. — Наблюдатель понурил голову. — Вот что случилось, Т"карэ. Мне стыдно.

— Как и должно быть. Теперь ты явишься к своему родичу Эксперту и ознакомишь его с моим желанием, чтобы ты служил ему так, как он пожелает. Также подумай над тем, что я тебе сказал, а я подумую над тем, что сказал мне ты. О твоём наказании мы поговорим в другой раз.

— Да, Т"карэ.

Она нашла Вал Кона в атриуме: он лежал на животе на газоне с упругой голубой травой, положив подбородок на сложенные руки. Если он и слышал ее шаги, то не подал виду.

Глядя на него сверху вниз, Мири подумала, не перерезать ли ей себе горло, однако отвергла этот выход как трусливый. Она уселась рядом с ним так, чтобы он мог увидеть ее, если пожелает повернуть голову.

Он не пожелал.

Мири ущипнула себя, проверяя, действительно ли она здесь, и облизала губы.

— Меня глубоко огорчает то, что я причинила тебе огорчение, — начала она на спотыкающемся высоком лиадийском. — И мне больно, что я навлекла на себя твое неудовольствие. Испытывая потребность сказать то, что я считала важным, я тебя ранила. То, что мной руководили самые высокие побуждения, меня не оправдывает. — Она глубоко вздохнула и быстро добавила на земном: — Я — мерзкая хамка.

У него задрожали плечи, и он повернулся к ней.

— Мири...

— Эй, я действительно прошу прощения! Но, знаешь, ты должен делать на меня скидку. Я не ожидала, что ты на это купишься. Меня как снежком ударило...

Он уже открыто смеялся.

— Мири, как ты можешь говорить такие нелепости?

— Я тренируюсь, — серьезно ответила ему она. — Ежедневно. Даже когда неважно себя чувствую. — Она протянула ему кружку. — Вот твоё вино.

Он не стал его брать, хотя и перевернулся, чтобы сесть лицом к ней, так же скрестив ноги и положив руки на колени.

— Лиз действительно сказала, что ты слишком мало опасаясь красоты.

— Ага, ну она хотя бы не сказала тебе, что я — девочка хорошая, — проговорила она, хмуро глядя на кружку.

— Скорее всего решила, что это я и сам пойму.

Она быстро бросила взгляд на него лицо, но так и не смогла прочесть его выражения.

— Ну вот, теперь ты действительно надо мной смеешься.

— Правда? Земной язык плохо приспособлен для комплиментов.

— Не то что лиадийский, — согласилась она, — в котором вообще невозможно составить фразу.

— Высокий язык бывает негибким, — задумчиво признал он. — Но это потому, что его предназначение очень сходно с земным: передавать информацию, решать торговые и технические вопросы, держать других на расстоянии. Низкий язык существует для того, чтобы выражать чувства, отношения — человеческие вещи. Большая часть смысла содержится в интонации: похоже на то, как работают педали на омнихоре. Это для того, чтобы использовать слова более эффективно.

— Похоже, учить его нелегко.

— Учится он легче, чем объясняется, по-моему. Это обнаружила Энн. Кажется, именно поэтому она так и не закончила свою вторую грамматику.

Мири пошевелилась, досадуя на то, что держит кружку.

— У Точильщика в библиотеке есть ее книга о высоком лиадийском. Я подумала, что выучу язык как следует, раз мне надо убить почти три недели.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Значит, ты отправишься к своей семье?

— У меня нет... О! Ты имел в виду тот Клан — Как-его-там. — Она покачала головой. — Они мне не семья.

— Эроб — твой Клан, Мири. Я уверен, что они горды были бы узнать о существовании такого отпрыска, как ты.

— Ну, не знаю, с чего бы, — озадаченно ответила она. — Явилась бы я к ним, как черт к монаху.

Вал Кон поднял бровь:

— Прости, не понял?

— Вот видишь? А нас даже познакомили.

Он покачал головой и нахмурился.

— Ты — дочь Клана, отважная и сильная, с быстрым восприятием и мышлением. Я не знаю Дома, который был бы настолько богат людьми, чтобы отвернуться от тебя. Ты была бы для Эроба ценным приобретением. Они радостно приняли бы тебя, и ты получила бы права, причитающиеся тебе по рождению.

— Об этом речи не идет, — заявила Мири. — Я их не знаю, и они меня не знают. Я определенно не обратилась бы к ним, оказись я в беде. Уж скорее пошла бы к Точильщику.

Наступило недолгое молчание.

— Возможно, — тихо проговорил он, — если ты будешь в беде, то лучше пойти к Точильщику.

Мири осторожно поставила кружку на траву рядом с собой. Казалось, Вал Кон этого не заметил.

— А как ты стал братом Точильщика? — спросила она, больше потому, что затянувшаяся пауза ее смутила, чем потому, что собиралась задать такой вопрос.

Он снова поднял бровь:

— По праву дракона, которого мы с ним победили.

— Дракона?!

— Признай за мной некоторое знакомство с этим видом. Дракон занимает видное место на гербе Клана Корвал.

— И он выдыхал огонь и все такое прочее?

— Возможно, — признался он, — что мы поразили его прежде, чем он закончил высшее образование. Однако он бесспорно был драконом. Полагаю, он компенсировал свою неспособность дышать огнем тем, что отрастил по крайней мере в три раза больше зубов, чем нужно, и вырастил их в три раза более длинными, чем, на мой взгляд, было строго необходимо. Ужас до чего страшный.

Она всмотрелась в его лицо, угадывая какую-то шутку, и уловила едва заметную тень того, что могло оказаться... озорством?

— Значит, вы с Точильщиком на пару его убили, — предположила она, — просто хрустальным кинжалом и горсткой камушков.

— Нет, у Точильщика было копье. А у меня, конечно, был пулевой пистолет, но эта тварь была такая огромная, что стрелять в нее — значило только даром время тратить. — Он покачал головой. — Я обалдел от страха и схватился за пояс в поисках оружия покрупнее. Самым сильным, что у меня было, оказалась ракетница, и я выстрелил ему в морду. Это отвлекло его как раз на то

время, которое нужно было Точильщику, чтобы нанести смертельный удар. Везение.

— Некоторым везет, — согласилась она недоверчиво. — Ты уверен, что не забыл упомянуть еще о чем-нибудь? И ничего не придумал?

— Все случилось именно так, — сказал она, округлив глаза. — А зачем мне это придумывать? Точильщик рассказал бы тебе то же самое.

— И почему я в этом сомневаюсь? — спросила она, но тут же подняла руку. — Не важно. Мне не хочется заставлять тебя лжесвидетельствовать. — Она указала на кружку. — Так ты хочешь вина или не хочешь?

— Я бы очень хотел выпить этого вина, — сказал он, не делая движения, чтобы его взять, и даже на него не глядя. Лицо у него стало совершенно серьезным, и он пристально смотрел ей в глаза. — В чем дело, Мири?

«А, дьявол», — подумала она.

— В каком смысле?

Вал Кон отбросил прядь со лба и поднял брови.

— Значит, мне определить порядок объяснений?

Он стал ждать, но она его переждала, и его губы едва заметно изогнулись.

— Хорошо. Почему ты меня толкнула — чтобы не сказать загла — в ловушку?

Она помедлила, мысленно услышав его голос: «Я намерен говорить тебе правду...» Столько долгов, поняла она вдруг. И каждый надо вернуть в той же валюте.

Она нервно облизала губы и попыталась объяснить.

— Мне хотелось подчеркнуть — добиться, чтобы ты понял, — что, возможно, ты не тот человек, которым был раньше. Но мне кажется, что ты и не такой, каким себе кажешься. — Она помолчала, пытаясь выразиться яснее. — Всякий, кто что-то делает, иногда делает такое, чем не приходится гордиться. И надо... надо на этом научиться и стараться больше не повторять ту же ошибку.

Она глубоко вздохнула и с трудом справилась с желанием закрыть глаза.

— И не надо... брать на себя целиком всю вину за то, что тебя заставил сделать кто-то другой. Особенно когда, — заключила она стремительно, — совершенно ясно, что этот другой прошелся у тебя по мозгам в сапогах и сильно подпортил все контакты!

На его губах промелькнула улыбка.

— Почему ты взяла на себя такую обузу — доказывать этот факт? При том, что, веришь ты этому или нет, я опасен и непредсказуем?

— Я не хочу... чтобы ты погиб. А когда тебя переделывают по чьим-то требованиям — это ведь смерть, согласен?

Он ответил после короткого молчания:

— Возможно. Но что тебе до этого?

Она повела головой — это был не совсем жест отрицания. И при этом она не отвела взгляда.

— Ты сказал, что был разведчиком — разведчиком-первопроходцем...

— Да.

Она почувствовала, что напрягается, но постаралась не обращать на это внимания.

— Ты помнишь, как это — быть разведчиком?

Его брови плотно сдвинулись.

— Как я могу не помнить?

— Просто проверяю. — Она постаралась говорить совершенно спокойно. — Разведчики — это не то же, что шпионы.

— Правильно, — хладнокровно ответил он. — Чтобы стать шпионом, разведчику надо немало обучаться. — Он помолчал, а потом мягко добавил: — Я прошел все это обучение, Мири.

— Так ты говоришь. Но ты помнишь, каково быть разведчиком, а это уже больше, чем я ожидала...

Она оборвала фразу, а потом заговорила вроде бы о другом:

— Ты знаешь, что такое друзья — есть ведь Точильщик и — что такое напарники... Ладно, — сказала она, похоже, разобравшись со всем к своему удовлетворению. — Мне есть дело, потому что ты пытаешься быть моим другом. Может, ты даже не знаешь почему — это не страшно, потому что я тебе друг, и будь я проклята, если понимаю, почему это так. И мы напарники — хотя, кажется, у нас это не очень получается.

Люди, — продолжила она с видом человека, объясняющего элементарные истины, — помогают своим друзьям. На этом и держится мир. Если бы люди не помогали своим друзьям, он бы развалился. Я против этого, поэтому я помогаю моим друзьям. — Она пристально посмотрела на него, пораженная выразившимся на его лице беспокойством. — Ты все это понял, Крепкий Парень?

Он закрыл глаза и опустил голову.

— Так как, не вышло у меня? — спросила она после паузы, которую ее натянутые до предела нервы восприняли как бесконечную.

Его плечи дернулись, и он поднял голову.

— Надеюсь, что вышло, — пробормотал он.

Резко выпрямившись, он улыбнулся, глядя ей в глаза.

— Друга иметь хорошо.

Взяв кружку, он отпил большой глоток и протянул вино ей.

Она застыла с наполовину вытянутой рукой, вглядываясь в его лицо. Его улыбка стала шире, осветив глубины глаз, и он едва заметно кивнул.

С трепещущим сердцем она приняла кружку и допила оставшееся вино, ответно улыбнувшись.

Вал Кон ухмыльнулся и встал на ноги, с поклоном предложив ей руку. Она положила пальцы ему на ладонь.

— Как ты думаешь, обед уже готов? — спросил он, пока они шли по садовой дорожке к скрытой за цветами двери.

— Думаю, обед уже сгорел, — ответила она. — Я никогда не умела готовить.

Двигатель начал работать полчаса назад. Протянув руку за кружкой, Вал Кон замер, заинтересовавшись движением, которое началось за спиной у Мири.

Пол начал колыхаться, меняя цвет с коричневого на фиолетовый. Вздохнув, он закрыл глаза.

— Уже начинается? Кажется, в прошлый раз на это ушел почти час.

Его глаза изумленно распахнулись.

— И ты тоже?

— Думаешь, ты особенный? Хотя я пока... Не-а, вот и мы! — Стена прямо за ним вспыхнула оранжевым. — Гадость! Никогда не любила оранжевый. — Она вздохнула. — И вообще, чертовски глупый принцип для космического двигателя.

Вал Кон отпил немного вина.

— Похоже, мне в школе не мешало учиться прилежнее. — Он повел кружкой, указывая на все, что их окружало. — По-твоему, это — эффект работы двигателя?

— Так говорят осведомленные лица, — заверила его Мири. — В книге «Космические двигатели для чайников» говорится, что двигатель на замещении электронов основан на принципе, по которому электрон прибывает на новую орбиту раньше, чем ушел со старой. Так что корабль со всем содержимым, а это включает и нас с тобой, во время работы двигателя находится одновременно в двух разных местах.

Она сделала глоток, стараясь не обращать внимания на то, что стол начал пульсировать и светиться.

Вал Кон уставился на нее с выражением глубочайшего недоверия.

— Поправь меня, если я ошибаюсь. Это означает, что каждый электрон корабля и всего его содержимого, включая, как мне напомнили, и нас с тобой, возбуждается дважды на каждое возбуждение в нормальном пространстве?

— По-моему, звучит правильно. Но я солдат, а не физик.

Он посмотрел через ее плечо в сторону мостика. Пол теперь переливался разными цветами, и его прорезали темные молнии, а из пульта сочились лиловые и малиновые пары. Скамейка пилота светилась голубыми змеистыми полосками.

Сделав глубокий вдох, он протяжно выдохнул и тихо произнес что-то на языке, звучавшем, как стекло, ломающееся под стальной кувалдой.

— Чего-чего? — заинтересованно переспросила Мири.

— Не важно. Не годится, чтобы юнейшая из сестер Точильщица слышала, как его брат о нем отзывается.

— Я как раз об этом думала, — сказала она, допивая вино и бережно возвращая кружку на переливающийся стол. — Насколько Точильщик не похож на нас в том, как он относится... ко всему этому? Может, такие перемены происходят настолько быстро, что он ничего не успевает заметить. Или, может, он вообще этого не видит. — Она нахмурилась. — А мы-то это видим?

Он повел плечами.

— Если сознание обрабатывает нечто как опыт, значит, это опыт. Возможно, реальность определить труднее, чем истину...

— Зрительные эффекты не такие уж неприятные, — призналась Мири спустя минуту. — Лучше всего сосредоточиться на чем-то другом и дать им уйти на второй план. Или мы можем спать следующие три недели... Наверное, нет. В прошлый раз видела очень странные сны. А ты?

Вал Кон рассматривал навигационный комплекс: в это мгновение казалось, будто он превратился в аквариум со спящими во все стороны разноцветными рыбками разного размера.

— Я снова не вижу, — рассеянно пробормотал он, а потом тряхнул головой и снова стал смотреть ей в лицо. — У меня такое чувство, что грибное суфле — хотя оно чрезвычайно вкусное — за три недели может слегка надоесть. Не желаешь ли помочь мне совершить обход корабля? Возможно, мы отыщем кладовку с различными видами человеческой еды.

У нее загорелись глаза:

— Кофе!

Он ухмыльнулся, встал и потянулся:

— Случались вещи и более странные.

Командир корабля, икстранец Хализ, анализировал данные сканирования: один корабль, со слабой защитой, с тремя жизненными формами. Несомненно земной и в нормальной ситуации не заслуживающий внимания. Однако в последнее время с добычей не везло, и экипаж проголодался.

— Выйти в нормальное пространство.

Добыча немедленно возникла перед ними: частная яхта, которая могла похвалиться только скоростью. Командору в прошлом уже приходилось видеть два таких судна: оба были личными кораблями, принадлежавшими одному человеку, а не военному отряду. У них не было вооружения, а щиты были просто жалкими.

— Скан-контакт, — объявил адъютант, как только прозвучала низкая нота гонга. Спустя мгновение он добавил: — Постороннее сканирование. Нас увидели.

Корабль на экране развернулся и начал ускорение.

— Местное радио, — доложил адъютант. — Похоже, они вызывают помощь!

— Ответные сигналы? — спросил Хализ.

— Отсутствуют.

В голосе адъютанта звучало радостное предвкушение битвы.

Хализ ощутил ответную радость.

— Преследуем.

Точильщик сам ответил на вызов и кивнул, узнав говорящего.

— Ксавьер Понстелла Инг, приятно вам дня.

— И вам также, сударь, — ответил Инг, низко наклоняя голову. — Я получил запрошенную вами информацию относительно

Герберта Алана Костелло.

— Вы очень добры. Есть ли также новые известия относительно физического состояния этого индивидуума?

— Пальцы пришиты и, судя по всему, нервы будут приживаться, а кости — срастаться. Конечно, следующие несколько дней будут решающими, но врач полон оптимизма.

— Это — радостное известие. Я сообщу моему родичу, и он возрадуется.

Инг в этом усомнился, однако не стал высказывать это вслух. Не годится оскорблять старого джентльмена.

— Относительно других вещей, которые вы хотели узнать: работодатель Герберта Алана Костелло — человек по имени Джастин Хостро, частный предприниматель из Эконси. Я сожалею, что не смог узнать у помощника мистера Хостро точный размер заработной платы, получаемой Гербертом Аланом Костелло...

— Индивидуум Хостро мне известен, — объявил Точильщик, прервав его совершенно не в манере Стаи. — Мы вели с ним дела. Я сам переговорю с ним по этому поводу. Да, полагаю, так будет лучше всего. — Он снова кивнул человеку в зеленом мундире. — Ксавьер Понстелла Инг, вы были в высшей степени любезны и услужливы. Я благодарю вас за заботу о моем родиче и за вашу готовность принять во внимание наши обычаи. Мой Клан не забудет.

— Я выполнял свои обязанности, — заверил его Инг. — И я радуюсь тому, что смог вам служить.

— Тогда радости вам, Ксавьер Понстелла Инг, и хорошей, долгой жизни.

Глава 19

«Это, — строго говорил себе Вал Кон, — должно прекратиться». Однако не было особой надежды на то, что это произойдет в ближайшее время.

Мири была права: визуальные эффекты легко было игнорировать. Надо было просто сосредоточиться на очередном деле и не отвлекаться на расплывчатые двери, углы или потолки, а также вспышки ярких цветов. Такое не могло происходить. Поэтому надо было просто проходить через все это.

Физиологические эффекты были вопросом более сложным.

Рубашка ласкала ему грудь и руки при каждом движении, когда он с наслаждением проводил ладонями по обтянутой кожей бедрам. Когда он досадливо поднял руку, чтобы отбросить упавшие на глаза волосы, скользнувшая сквозь пальцы шелковистая субстанция чуть не заставила его прослезиться от блаженства. Он раздраженно прижал руку к мерцающей стене и вел по ней в течение нескольких шагов, но и тут вынужден был признать свое поражение.

Все было таким тактильно приятным!

Были вещи и похуже. В этот момент перед ним шла Мири, так что Вал Кон мог любоваться ее стройной сильной фигуркой и дразнящим покачиванием бедер. Это зрелище доставляло ему наслаждение, которое само по себе не было удивительным. Он уже довольно давно заметил, что созерцание физической оболочки Мири приносит ему определенное удовлетворение. Он даже подмечал за собой тенденцию смотреть на нее все чаще и чаще. И это не внушало ему особой тревоги.

Однако теперь, когда биение двигателя рождало в его теле и сознании множество мелодий чувственности, это стало весьма тревожным.

Перед его внутренним взором возникло мерцание — и он увидел формулу, показавшую, как он мог бы заполучить ее к своему (но не их взаимному) полному удовольствию. ВВЗ колебалась между 0,985 и 0,993.

«Убирайся!» — мысленно прорычал он, и Контур погас, оставив во рту металлический привкус.

Необходимо было выбрать менее опасную позицию. Удлинив шаги, он пошел рядом с Мири, что обеспечило им обоим большую безопасность. Или так он хотел надеяться. Она повернула к нему лицо и улыбнулась, давая возможность полюбоваться нежным изгибом ее шеи и тем, что скрывалось под шнуровкой ее белоснежной рубашки.

Он резко остановился, зажмурившись и заскрипев зубами. «Опять ошибся, — подумал он. — Это становится закономерностью».

Ее ладонь согрела ему руку, и он стремительно открыл глаза, обнаружив, что она встала ближе, чем ему хотелось бы — и все же недостаточно близко, — и заглядывает ему в лицо. На ее лице сочувствие боролось со смехом.

— Немножко похоти никому еще не повредило.

Он встряхнул головой, словно это движение могло проветрить ему голову.

— Прошло много времени.

— С таким-то лицом? Не надо врать своей бабушке. — Смех победил сочувствие. — Готова поспорить, что в Галактике полно зеленоглазых ребятишек.

— Бесчисленное множество, — согласился он. — Но все не мои.

— Какая расточительность! — прошептала она, скользнув ближе, так что их бедра соприкоснулись. Медленно, явно наслаждаясь каждым движением не меньше, чем он, она провела ладонями вверх по его рукам от локтей до плеч. — Сможем на этом сосредоточиться.

Его руки самовольно легли ей на талию, некрепко ее удерживая. Он заметил, что дрожит. «Да, — подумал он неожиданно, с уверенностью хорошо сработавшей интуиции, к которой не примешивался яд воздействия двигателя. — Да, да и да!»

Нет.

Чуть отстранившись, он всмотрелся в ее лицо и нашел то, что искал в мягкой складке губ и глубине глаз. С поразительной ясностью он понял, что видел все это уже довольно давно — только она об этом не подозревала. Всю жизнь Мири вела игру в одиночку, и если она сможет отвергнуть свои ощущения, пока они не вышли на уровень сознания, списать их на вызванное эффектом двигателя удовольствие...

Он отстранился еще на дюйм.

— Подожди.

Она напряженно застыла и сжала губы.

— Наверное, я не лучше Полесты, да?

На ее лице отразилась обида — но и облегчение.

— Ах, Мири...

Он уткнулся лицом в ее теплые яркие волосы, потерял лицом и лбом об их шелковые пряди, взъерошив ей челку и наполовину

распустив косу. Его отступление было рассчитано с точностью до миллисекунды. Чтобы убрать руки с ее талии, понадобилось больше дисциплинированности, чем для того броска, который не сломал Полесте шею.

— Ну...

Уголки ее губ опустились, и она наполовину отвернулась.

Он поймал одну маленькую ручку и дождался, чтобы она снова повернулась и посмотрела на него.

— Когда двигатель отключится, — сказал Вал Кон.

Мири нахмурилась:

— Что?

— Давай вернемся к этому разговору, когда снова выйдем в нормальное пространство. — Он склонил голову набок и чуть улыбнулся. — Не сердись на меня, Мири.

Напряженное лицо смягчила тень улыбки. Она отняла руку и пошла дальше.

— Твое место в дурдоме, друг мой.

— Наблюдатель!

— Да, Т"карэ?

— Передай моему родичу Эксперту мои сожаления по поводу тех сложностей, которые я могу доставить ему, попросив, чтобы ты сопровождал меня туда, где ведет свои дела Джастин Хостро.

— Да, Т"карэ.

— Скажи также нашему родичу, что в том случае, если в течение трех стандартных часов он не получит от нас известий либо по комму, либо путем нашего возвращения, то ему следует сообщить об этом событии моему брату Т"карэзиана"аб, передав ему моим голосом, что ему следует действовать так, как он будет считать должным в данном случае, постоянно помня о том, что в случае нашего невозвращения Джастина Хостро следует считать виновным в захвате ножей четырех членов нашего Клана.

— Как это, родич?

— Возможно, это преувеличение, — уже мягче сказал Точильщик, — но когда имеешь дело с Кланами людей, следует быть готовым к плохо продуманным действиям. Сделай, как я сказал. Мы отправимся через пятнадцать единиц, которые эти создания наименовали минугами.

Добыча оказалась легкой, грабеж не принес ничего стоящего. Однако успех вдохнул в экипаж новую жизнь, и командор Хализ, довольный тем, что удача повернулась к ним лицом, отдал приказ увести корабль в подпространство.

* * *

— В какую сторону теперь? — спросила Мири у развилки коридоров.

Вал Кон посмотрел на развилку со своим новым чувством ясности и указал направо:

— Туда.

— Ты у нас главный.

Она прошла следом за ним по выбранному коридору, мрачно глядя на коварные стены — что оказалось неудачной мыслью. Тогда она перевела взгляд на Вал Кона, шедшего впереди. В некотором отношении этот выбор был не лучше, хотя смотреть на него было приятнее, чем на стены. Она живо вспомнила его теплоту и стройную силу, то, что обещали его руки, сомкнувшиеся у нее на талии, — и до крови закусила губу, стараясь идти ровно, хотя ее трясло от желания.

Он остановился и наклонился к стене, словно что-то изучая. Хотя как можно изучать что бы то ни было при нынешней буре ощущений, Мири понять не могла. Она прислонилась к стене напротив и стала ждать.

Вал Кон прижал ладони к стене и, казалось, попытался что-то оттолкнуть. После нескольких минут усилий он покачал головой и выпрямился.

— В чем дело? — спросила Мири.

— Здесь та кладовая, которая нам нужна, — ответил он, не поворачиваясь к ней. — Но она заперта, а я не могу толком рассмотреть пластину замка: она плывет и меняется.

Это был полный абсурд! По другую сторону двери были еда, питье и музыка — он это знал. Чтобы его остановила такая мелочь, как неспособность телесного зрения воспринять...

Ответ возник прямо за его глазами, в том пространстве, которое было отведено под появление Контра, и повис там, светясь. Его аура сильно напоминала интуитивную догадку. Конфигурация запирающей пластины стала четкой. Он подумал об увиденном изображении — и дверь отъехала в сторону без его прикосновения.

Вал Кон остался стоять.

— А я не знала, что ты так можешь, — заметила Мири с другой стороны коридора.

— А я и не могу, — сказал он и шагнул вперед.

Открытая дверь склада оказалась не иллюзорной. Он прошел внутрь.

Спустя мгновение Мири оттолкнулась от стены и двинулась за ним.

Это оказалось ошибкой. В ту секунду, когда она перешагнула порог, на нее навалились всевозможные запахи: пряности, древес-

ные опилки, шерсть, мята, мускус... Вкупе со зрительными и тактильными ощущениями это оказалось чересчур. Более чем чересчур.

Она тяжело опустилась на первый предмет, который показался настоящим. Крепко обняв себя руками, она скорчилась, закрыв глаза. Ее трясло, словно заболевшего ребенка.

Она этого не вынесет. Восемь часов? Немыслимо!

— Мири. Мири!

— Что?

Это слово было хриплым всхлипом.

— Протяни руку и возьми вот это. Мири! Протяни руку и возьми вот это. Сейчас же.

Вал Кон явно не оставит ее в покое, пока она не послушается. Ей удалось высвободить одну руку и огромным усилием открыть глаза.

Вал Кон сидел у ее ног на меняющемся полу и протягивал ей откупоренную бутылку вина. Мири приняла ее, недоуменно заморгав.

— И что теперь?

— Пей.

— Пить? Из горлышка?

Собственный смех показался ей неприятно пронзительным, но любая шутка была лучше, чем никакая.

— Было достаточно трудно найти вино, чтобы еще искать рюмки, — недовольно ответил он. — Пей.

Она покачала головой.

— Вечно приказываешь мне что-то сделать. Никаких доводов, только...

— Алкоголь подавляет ощущения, — сказал он. — Пей вино.

— Иди к черту!

Он сделал глоток.

— Наверное, — задумчиво проговорил он, — я смог бы влить его тебе в глотку.

— Тиран.

Но она сделала большой глоток, решив пить вино так, как пьют кинок: не наслаждаясь его вкусом, а чтобы опьянеть.

Спустя минуту она остановилась, чтобы перевести дыхание, ухмыляясь и трясая головой.

— А я-то считала тебя парнем, который всегда видел только правое!

Он изогнул бровь:

— Как антоним к левому?

— Как антоним к неправому! — Она замолчала, чтобы сделать еще глоток. — Я-то росла там, где о праве не слышали. Там не было ни денег, ни перспектив, ни образования, ни мозгов.

— О! Тогда ты считала правильно. Клан Корвал очень древний. У нас было много времени на то, чтобы накопить богатство. Вероят-

но, деньги определили высокое качество моего образования, отчего мне было легче сдать испытания, чтобы учиться на разведчика. — Он сделал большой глоток. — Однако я не думаю, чтобы мозги были исключительным уделом тех, кто... видит только правое.

— Да неужели? — Она подалась вперед, что было рискованно, хотя дрожь у нее почти прошла. — Почему ты сказал тогда «нет»?

Теперь он уже поднял обе брови.

— Просвещенный эгоизм. Двигатель все еще работает.

— А я-то не заметила! — Она села прямее и приложила к бутылке. — Как тебе удался этот номер с дверью?

Вал Кон медленно отхлебнул вина и поставил бутылку на взрывающийся пол рядом с собой.

— Когда я стал подрастать, то заметил, что у меня есть способность... брать предметы... физически к ним не прикасаясь. В моем Клане такие способности встречаются. Однако испытания показали, что мой талант слишком слаб, чтобы его серьезно развивать, хотя меня научили его контролировать так, чтобы он не препятствовал нормальной жизни.

Этот талант не возрастал и не исчезал — он остался прежним, когда я повзрослел. Я иногда с ним играл, но для того, чтобы использовать его для чего-то серьезного, требовалось прилагать слишком много усилий. За то время, что я простирали свои мысли и переносил к себе чашку с другого конца комнаты, я мог пройти то же расстояние, взять чашку руками, попробовать ее содержимое — и устать гораздо меньше.

Он замолчал, чтобы поднять бутылку и снова выпить вина.

— А потом мой талант исчез. Я... — Он глубоко вздохнул, мысленно восстанавливая цепочку событий. Да, время совпадает. Слишком многое требовало Равновесия... — Думаю, что... энергия... вырабатываемая некоторыми функциями, не связанными с выживанием, используется для подпитки Контура.

Мири больше не дрожала, но чувствовала холод.

— Функции, не связанные с выживанием? Например, такие, как сны? Или либидо?

Он закрыл глаза и кивнул.

— Или музыка. Или самые слабые... экстрасенсорные способности. — Он открыл глаза. — В ту ночь, когда мы встретились, я играл впервые за почти четыре года.

Она наклонила голову набок.

— Если у тебя их не было, а теперь появились — это значит, что Контур загнулся? Или... это какое-то механическое устройство у тебя в голове? Что они сделали?

— Что они сделали... — Он пожал плечами. — Я более или менее уверен, что это — не материальный имплантат, введенный в

мозг. Это было бы не эффективно, поскольку в конце концов ткани отторгают имплантированное устройство.

Он снова приложился к бутылке, обдумывая проблему.

— Думаю, это должно быть похоже на... управляющую программу, наложенную на...

Он замолчал, почувствовав, что в нем поднимается нечто, похожее на гнев — только это чувство несло с собой глубочайший холод, а не огонь.

— Наложенную на и замещающую собой, — продолжила Мири, пристально наблюдая за его лицом, — тот набор программ, который зовется Вал Коном йос-Фелиумом.

Вал Кон не ответил. Они оба пришли к правильному выводу.

— Вал Кон!

— Да?

— Мне что-то не нравится твое начальство.

Он мимолетно улыбнулся.

— Мне тоже.

— Но теперь она накрылась, да? — настаивала Мири.

«Так ли?» — спросил он у себя. И ответом оказалось немедленное включение уравнивания, показавшего последние цифры его шансов на выживание. Прогноз ВЛВ на тридцать дней составлял теперь 0,06.

— Нет.

— Что же тогда случилось? Что-то же должно было вызвать... О! — Она закрыла глаза и тут же снова их открыла. — Двигатель.

Он допил остатки вина, несколько мгновений смотрел на извивающуюся бутылку, а потом отставил ее в сторону.

— Похоже на то. Кажется, когда двигатель корабля работает и каждый электрон у меня в голове возбуждается дважды, у меня хватает способностей, чтобы держать в равновесии то, что у меня было изначально, и то, что было в меня вложено.

И даже больше. Прежде я никогда не мог пользоваться магическим зрением настолько эффективно, чтобы удалось поймать изображение запирающей пластины и код замка.

Мири тоже допила вино и поставила бутылку на пол.

— И что теперь случится?

— Корабль будет работать еще какое-то время, а потом отдохнет. — Он посмотрел ей в глаза и чуть улыбнулся. — Ты чувствуешь себя лучше?

— Лучше. Так, словно меня побили. Сшибли с ног. Растоптали. И пересekali. Но определенно лучше. Что теперь?

Он встал, в последнюю секунду вспомнив, что подавать ей руку не следует.

— Я предлагаю забрать продукты и все необходимое из запасов, пока у меня работает дополнительное зрение.

* * *

Хунтавас приземлились на планету всего через несколько часов после прилета, несмотря на повышенные ставки бакшиша, необходимые для подобной скорости. На планете деньги с необычайной щедростью были потрачены на покупку всевозможных данных о посадках кораблей, прибытии новых лиц, выдаче виз и заполнении анкет.

— Их здесь нет, — сказал Джефферсон спустя несколько часов, с отвращением отбрасывая последнюю пачку бумаг.

— Как это — нет? А где им еще быть? Может, они прилетели и снова ушли в прыжок? Ты это проверял?

Борг Тансер, заместитель командующего операцией, был невысоким крепким мужчиной, склонным к некоторому занудству. Он метко стрелял и быстро соображал в трудной ситуации, так что Джефферсону с ним повезло. И сейчас он себе об этом напомнил.

— Мы проверили. В системе почти полгода не было ни одного корабля Стаи. Их здесь нет. И не было. — Он покачал головой. — Черт, не понимаю.

— Да? Тогда вот что: давай разделим команду. Половина прочешет планету частым гребешком. Вторая половина берет корабль и возвращается обратно. Может, они пережидают в паре прыжков отсюда, ждут, чтобы все улеглось.

Джефферсон немного подумал, собрал распечатки и сложил их в пачку.

— Угу, так и сделаем. Боссу очень хотелось заполучить их обоих. Вели себя невежливо.

Однако Тансер чувством юмора не отличался. Он стремительно встал и резко кивнул.

— Ладно. Тогда я беру команду, и мы отсюда выкатываемся. Пока.

И он исчез.

— Пока, — рассеянно отозвался Джефферсон.

Он несколько секунд смотрел на пачку бумаг, а потом отодвинулся от стола и направился к комму, чтобы сделать своему боссу предварительный доклад.

Мэтью оторвался от последних сведений и равнодушно посмотрел на двух членов Стаи.

— Я очень сожалею, господа, но мистер Хостро распорядился, чтобы его ни в коем случае не беспокоили. Я буду счастлив передать ему...

— Мне нечего ему передавать, — прервал его Точильщик. — Мое дело к Джастину Хостро имеет срочный характер и не терпит дальнейших отлагательств. Пожалуйста, дайте ему знать, что я здесь и должен сейчас же с ним переговорить.

— Мне очень жаль, сударь, — снова повторил Мэтью, — но мне не разрешено тревожить мистера Хостро ни по каким вопросам.

— Я понимаю, — сказал Точильщик. — И посему лично вторгнусь к нему.

Он повернулся, неожиданно быстро для столь крупного создания обогнул комм, остановился у запертой двери ровно на столько, сколько времени ушло на то, чтобы протянуть руку и оттолкнуть створку (которая протестующе взывала) вдоль паза в стену, а потом торжественно переступил через порог кабинета Хостро. Наблюдатель двигался за ним по пятам.

Джастин Хостро восседал за своим отполированным стальным столом, погружившись в пачку бумаг. Услышав скрежет вскрытой двери, он поднял голову. В ответ на явление Точильщика он встал.

— Что означает это вторжение? — спросил он. — Я дал строгий приказ, чтобы меня не тревожили. Я знаю, вы простите меня, если я скажу, что у меня срочное дело...

— У меня тоже срочное дело, — сказал Точильщик. — И его надо решить с вами в этот момент и на этом месте.

Он направился к единственному предмету мебели, пригодному для члена Стаи, взмахом руки приказав Наблюдателю остаться у двери.

Джастин Хостро секунду помедлил, а потом также уселся и сложил руки на столе, убедительно изображая спокойствие.

— Итак, сударь, поскольку вы здесь и уже обеспокоили меня, давайте уладим ваше срочное дело.

— Я пришел, чтобы поговорить с вами, — объявил Точильщик, — относительно должной цены крови, которую наш Клан должен выплатить за тот ущерб, который мы причинили Герберту Алану Костелло.

— Костелло? — Хостро нахмурился. — Это не важно, сударь, мы сами оплатим его расходы. Однако мне жаль, если он вас оскорбил.

— Вина лежит на нас, — сказал Точильщик, — и платить следует нам. Наш Клан блюдет свою честь. Мы платим то, что должны.

— Мой Клан тоже блюдет свою честь, — отрезал Хостро, стараясь справиться с раздражением, — и мы заботимся о своих. Пожалуйста, больше не думайте об этом, сударь. Хунтавас позаботится о Герберте Алане Костелло.

— Хунтавас? Таково имя вашего Клана, Джастин Хостро?

— Да. Это очень сильный Клан — он охватывает множество планет и звездных систем. Мы насчитываем сотни тысяч членов и заботимся о каждом из них, от самых малозначительных до самых высокопоставленных.

— А! — откликнулся Точильщик и наклонил голову. — Это греет мне душу, Джастин Хостро. Правда, я прежде не слышал о вашем многочисленном Клане и прошу прощения за свою неосве-

домленность. К счастью, вы меня просветили, и теперь мы можем вести дела как подобает. Правильно ли это в ваших глазах?

— Без всякого сомнения, — согласился Хостро, заставив себя расслабить сжавшиеся в кулаки руки.

— Так знайте, как Старейшина вашего Клана, что ваш родич, Герберт Алан Костелло, угрожал физическим ущербом — и, возможно, прекращением существования, — трем моим родичам.

Он взмахнул огромной рукой, указывая на Наблюдателя.

— То, что этот мой родич нанес серьезную травму Герберту Алану Костелло, не прощено и в должное время будет наказано. Однако перед тем, как он начал действовать, имела место угроза, и это обстоятельство меняет заслуженное им наказание. Я хочу узнать, — заключил он, — имеете ли вы сведения о конфликте, существующем между вашим родичем и двумя членами моего Клана, которые здесь не присутствуют.

Хостро глубоко вздохнул и позволил себе несколько меньшую сдержанность.

— Если в число тех, чье родство вы признаете, входит женщина, известная как Мири Робертсон, то я должен сказать вам, что Костелло действовал в соответствии с полученным им от меня указанием: задержать ее, а также ее спутника, если она будет не одна.

— О! И как Старейшина Старейшину могу я спросить вас в интересах взаимно удовлетворительного решения: почему вы дали вашему родичу такое указание?

— Эту женщину мой Клан объявил вне закона. Недавно она вместе со своим спутником явилась причиной смерти нескольких моих родичей, а также вызвала конфликт между моим Кланом и... Кланом полиции.

Он мимолетно подумал, не воспользоваться ли пулевым пистолетом из верхнего ящика своего стола, но вспомнил сломанную дверь и остался сидеть неподвижно.

Точильщик был озадачен.

— Мири Робертсон была членом вашего Клана? Я хотел бы узнать, какие законы она нарушила, чтобы к ее имени добавилось наименование «вне закона», и за что она должна заплатить жизнью. Казалось бы, достаточным наказанием было бы одно из двух?

— Она нанялась телохранителем к одному из тех, кто сам был объявлен вне закона, и в этом качестве убила много моих родичей. Мы намерены отнять у нее жизнь, хотя она никогда не была членом Хунтавас.

— Она вам не родич, Джастин Хостро, и тем не менее вы ее судите и намерены наказать?

Наблюдатель встревоженно наблюдал за Т"карэ: ноты, прозвучавшие в его голосе, ему очень не понравились.

— Это так, — сказал Хостро.

Точильщик покачал своей массивной головой.

— Вы меня озадачили, Джастин Хостро. Мы не так ведем дела между Кланами. Позвольте мне говорить прямо, чтобы между нами не возникло непонимания. Женщина Мири Робертсон и мужчина Вал Кон йос-Фелиум приняты в члены Клана Средней Реки Весеннего Помета Фермера Зеленодрева из Логова Копьеделов. Конечно, они молоды и порой чересчур торопливы в своих поступках. Возможно, они в чем-то нанесли вам урон. Наша задача как Старейшин Клана состоит в том, чтобы определить, какой именно урон имел место и как можно добиться равновесия. Мой Клан — Клан чести, мы платим долги. Наш Клан много путешествует, и мы убедились в том, что не следует лишать народы их обычаев.

Но знайте, Джастин Хостро: какой бы урон вам ни был нанесен, не вам отнимать ножи у этих двух. Если после рассмотрения они будут сочтены заслуживающими смерти, то это наказание осуществят их собственные родичи, а не Клан Хунтавас. Это вам ясно?

— Хунтавас, — произнес Хостро с угрозой, — могущественный Клан. Мы берем то, что хотим и как хотим. Включая ножи родичей Логова Копьеделов.

Точильщик торжественно встал с кресла. Наблюдатель положил руку на рукоять ножа.

Однако Т"карэ почему-то заставил его остановиться.

— Вы из Человеческих Кланов, — прогудел он, — и поэтому торопливы. Знайте вот что: в нашей истории был Клан, который произвел суд над членом Клана Логова Копьеделов, вопреки всем традициям и без справедливости. И двум членам нашего Клана было поручено провести расчеты с этим семейством ренегатов.

Он замолчал и сделал полшага, оказавшись у края стола Хостро.

— Имени этого Клана уже нет в Книге Кланов, — медленно проговорил он. — И комбинации этих качеств уже нет в генофонде. Подумайте, Джастин Хостро, прежде чем отнимать нож у кого-то из Логова Копьеделов.

Хостро молчал. Уничтожить целое семейство? А он назвал Хунтавас своим семейством — бесчисленные тысячи, да. Но члены стаи живут по две тысячи лет и больше...

— Вы меня слышали, Джастин Хостро? — спросил Точильщик.

— Я вас слышал.

— Хорошо. Однако мне приходилось замечать, что у членов Человеческих Кланов память даже короче, чем продолжительность их жизни. Позвольте мне оставить вам напоминание о нашем разговоре.

В это мгновение в руке Т"карэ появился Кланоклинок. Лезвие молниеносно скользнуло вниз — и, легко войдя в стальную крышку стола Хостро, застыло, чуть подрагивая.

Джастину Хостро удалось секунду хладнокровно смотреть на это, а потом перевести взгляд на Точильщика.

— Как Старейшина моего Клана, Джастин Хостро, я знаю, что наши клинки достойны — юнейшие не менее, чем старейшие.

Он протянул руку, извлек своей нож из столешницы и вернул его в ножны.

— Подумайте над тем, о чем мы говорили, Джастин Хостро. Я вернусь к вам через один стандартный час, и вы сможете сказать мне свое решение, чтобы мы продолжили разговор. Или начали распрю. — Он повернулся к двери. — Пойдем, Наблюдатель.

Они быстро исчезли, оставив мистера Хостро осторожно трогать пальцем бритвенно-острый порез на столе.

На расстоянии одного прыжка до Волмера вокруг холодного солнца вращался мертвый пылевой шар. Пояса осколков отмечали орбиты, где прежде были три или даже четыре дополнительные планеты. Больше ничего датчики не отметили.

Борг Тансер отдал приказ начать второй прыжок.

Глава 20

Они высыпали из одной коробки сублимированных улиток и наполнили ее сублимированными яйцами, овощами, кругом сыра, сухофруктами и чаем. К великому разочарованию Мири, кофе так и не нашелся.

— Так ты говоришь, Точильщик повел себя необычно? Отчего? Вал Кон ухмыльнулся.

— Возможно, он тебя не ждал — а я кофе не люблю.

— Не знаю, почему ты не согласился на его предложение остаться, — сказала она, качая головой. — Уж я-то уцепилась бы за того, кто бы обо мне так заботился.

Он наклонился, чтобы добавить к припасам пакет какао и пакет сухого молока.

— Я стал разведчиком не для того, чтобы всю жизнь сидеть на одном месте.

Мири замолчала. Она знала, что вошла в опасную зону, а сейчас она не чувствовала себя готовой к какой бы то ни было опасности.

— Хлеба не видел? — спросила она.

Он выпрямился, хмуро посмотрел на ящики, громоздящиеся со всех сторон.

— Вряд ли... — Тут морщины у него на лбу разгладились, и он указал на картонную коробку справа от нее. — Галеты сгодятся?

— Вполне. — Она открыла коробку, вытащила металлическую банку и вручила ему, стараясь не обращать внимания на желтые и бирюзовые искры, сыплющиеся на руку. — Этого пока хватит?

— Похоже, на пару дней этой еды нам должно хватить, — сухо ответил он. — Ты немного не подождешь? Есть еще кое-что...

— Нет проблем. — Она помахала ему рукой и взяла поставленную рядом с ящиком сардин бутылку, из которой они пили по очереди. — Но если к твоему возвращению я напьюсь, тебе придется нести меня домой.

Вал Кон ухмыльнулся.

— Справедливо, — сказал он, и горы ящиков поглотили его.

Мири устроилась на полу рядом с собранными припасами и закрыла глаза, забыв о бутылке в руке. Двигатель корабля работал уже... сколько?... четыре часа? Осталось вытерпеть еще четыре. «Но ты же крепкая?» — сказала она себе.

Ее мысли вернулись к Вал Кону — и закружились, как цветочные пятна на полу и стенах. «Будет говорить со мной, когда отключится двигатель, да? — подумала она. — Что это, к черту, значит? Проклятые лиадийцы. Никогда ничего прямо не скажут»... Она резко пошевелилась, отставила бутылку, не открывая глаз, и пересмотрела свое мнение относительно трехнедельной спячки.

Возможно, она даже задремала, потому что не заметила его возвращения. Не заметила она и пальцев, которые на секунду засыпали над ее яркой головой. А потом он убрал руку и опустился перед ней на колени.

— Мири?

Он окликнул ее совсем тихо, не желая тревожить, — но она сильно вздрогнула, стремительно открыла глаза и напрягла плечи. А в следующую секунду уже расслабилась.

Он безмолвно протянул ей три предмета.

Первый можно было узнать даже сквозь текущие радужные контуры — это была переносная омнихора. Цвета второго корчились и мерцали так сильно, что она не получила от них никакой информации. А третий...

Мири приняла его из рук Вала Кона, обхватив ладонями, чтобы удостовериться в том, правильно ли истолковала форму, а потом поднесла к губам, сыграла трель — и перешла на гаммы. Подняв глаза, она увидела, что Вал Кон улыбается, и широко улыбнулась в ответ.

— Заметь: я не спрашиваю, откуда ты узнал, что я умею играть на губной гармошке.

— Эта штука так называется? Я в первый раз вижу такую. Мне показалось, что ты можешь знать...

Он улыбался, и в его ярких зеленых глазах ясно читалась радость.

— Гармоника, — подтвердила она, водя пальцами по гладким металлическим бокам. — Или гармошка. — Она прищурилась на неопределяемый третий инструмент. — А это что?

Он повернул ее.

— Гитара. Кажется. По крайней мере, нечто с корпусом и струнами. — Он легко встал и положил оба инструмента в коробку с принадлежками. — Хочешь положить гармошку туда же?

— А... — Она нахмурилась: ей очень не хотелось расставаться с гармошкой. — Она Точильщика, да? Лучше мне ее вернуть.

Она неловко перекатилась на колени, а потом замерла: он стоял прямо перед ней, вытянув вперед руки — в нескольких дюймах от катастрофы.

— Мири, если она доставляет тебе удовольствие, оставь ее себе. Точильщик назвал тебя родичем, а этот корабль — имущество Клана, он принадлежит всем в равной мере. Если ты хочешь отблагодарить Точильщика за этот подарок, сыграй для него при следующей встрече.

— Я не краду у друзей, — решительно возразила она. — А Точильщик назвал меня сестрой только из-за... — Она опомнилась и закрыла лицо ладонями. — Ну, что за глупый принцип у этого двигателя!

— Только из-за чего? — спросил он, хотя и догадывался, что она ответит.

— Из-за тебя, — сказала Мири, и ему захотелось дотронуться до нее — такой измученный был у нее голос. — Он сделал ошибку. Сказал, что нож, который ты мне дал — там, в Эконси...

Она не смогла договорить.

Вал Кон сделал глубокий вдох, а потом очень тихо выдохнул.

— Точильщик решил, что я заключил с тобой ножевой брак, — проговорил он спокойно. — Логичное заключение, с его точки зрения, хотя я и не поговорил с ним, как полагалось бы юному брату. Вина на мне. Я не подумал. И мне жаль, что я причинил тебе боль.

Он сжал левую руку в кулак, чтобы не позволить себе прикоснуться к ней, и продолжил:

— Относительно первого: Точильщик не назвал бы тебя сестрой, чтобы потом лишиться этой чести. Он принял тебя в Клан. Поженились ли мы или нет, ты носишь клинок, данный тебе одним из его родичей, — и он считает, что ты его достойна.

Увидев, что Мири не открыла лица, он вздохнул и сделал еще одну попытку.

— Я могу попытаться объяснить тебе все, что знаю о традициях и обычаях Стаи и Клана Точильщика, хотя на это уйдет больше времени, чем необходимо для того, чтобы с относительным ком-

фортом сидеть здесь на полу. Может быть, пока ты удовлетворишься тем, что Точильщик не принимает в свою семью недостойных и что быть названным его родичем — это одновременно и огромная обуза, и великая радость?

Вал Кон закусил губу и отстранился. Он даже не был уверен в том, что Мири вообще его слышала.

— С практической точки зрения в данный момент это значит вот что: гармоника тебя радует? Если это так, то ты должна ее взять и попытаться освоить на благо Клана. Это — твой долг.

— Ах, вот как! — Ее шепот прозвучал с интонацией вопля. Она резко подняла на него взгляд и тряхнула головой. — Ну, это просто показывает, что дела никогда не бывают настолько плохими, как кажется. Когда я начала побег, у меня не было ничего: ни отряда, ни денег, ни убежища. А теперь, когда мне показалось, что у меня осталось и того меньше, вдруг оказывается, что где-то по дороге я приобрела мужа, семью и... что? сотую долю?... космического булыжника, который работает на самом психованном на свете двигателе. Даже две семьи! — уточнила она и вскочила на ноги, крепко сжимая гармошку в руке. — Может, это меня пора в дурдом сажать, потому что я определенно не понимаю, что делаю.

Она секунду смотрела на Вал Кона, а потом безнадежно махнула рукой и, резко повернувшись, нетвердыми шагами вышла из кладовой.

Вал Кон медленно поднялся на ноги и наклонился за коробкой.

— Три семьи, — тихо сказал он.

Комм затарахтел, заставил Джефферсона с проклятием броситься к нему.

Он просмотрел пришедшие от Хостро инструкции и ткнул пальцем в кнопку, чтобы их скопировать. Рассыпавшись в еще более цветистых проклятиях, он очистил экран и переправил сообщение Тансеру. Машина затарахтела, затихла — и затарахтела снова, выплыв обратное послание, которое он хотел отправить. Корабль находился в подпространстве.

Отругавшись, Джефферсон дал комму задание отправлять послание каждые десять минут, пока оно не будет получено кораблем Тансера, а потом остался сидеть, глядя на экран. Живот у него сводило коликами.

Он на секунду вспомнил о сыне и, качая головой, попытался уверить себя, что это послание найдет Тансера раньше, чем он найдет добычу.

Состав, который Точильщик использовал как мыло, действительно оказался песком! Мири щедро им воспользовалась, наслаждаясь слабой болью, а потом расплела косу и вымыла голову.

Помещение бассейна было полно музыкой, хотя она не знала, что переносная омнихора имеет такой диапазон. Насколько она могла судить, никакого порядка в подборе исполняемых номеров не было. Земные баллады перемежались лиадийскими хорами, а потом сменялись непристойными песенками космолетчиков и такими вещами, подобных которым она вообще никогда не слышала. А все это перемежалось неприхотливыми отрывками, похожими на детские игровые песенки.

И это длилось, длилось и длилось. Вал Кон исполнял каждый осколок музыки, который когда-то слышал. В чем-то это было еще хуже, чем эффект двигателя.

Музыка оборвалась и снова зазвучала, острозубая и рычащая, напомнившая Мири язык, на котором ругался Вал Кон. Она поплыла к бортику бассейна, и в этот момент Вал Кон добавил к издаваемым им звукам новый элемент: тонкое, тихое завывание, которое переплеталось и скручивалось с отвратительной главной мелодией, иногда становясь громче, а иногда — нет. Ей показалось, что это похоже на лиадийскую песню, которую он сыграл раньше.

А потом мелодия снова изменилась — зазвучала громче, усилилась настолько, что у нее перехватило дыхание: от этого вопля у нее бешено заколотилось сердце и закрутились мысли.

Мири потянулась за своими сложными горкой вещами и прижала их к груди. Медленно, сгибаясь так, словно ей навстречу дул буран Пустоши, Мири пошла искать убежище в библиотеке.

Корабль отдыхал приблизительно пятнадцать минут, когда Мири вернулась на мостик. Волосы у нее все еще были распущены и не высохли после ванны.

— Я вас приветствую, звездный капитан, — сказала она спине Вала Кона, надеясь, что ее высокий лиадийский значительно улучшился.

— Энтранзия волект, шатрез, — рассеянно пробормотал он, глядя то на пульт, то на навигационный комплекс.

Мири прошла к столу для карт. Стараясь не дотронуться до молчащей омнихоры и гитары, она поставила на столешницу сыр.

— Как я могу, — спросила она, доставая нож, — выучить высокий лиадийский, если ты упорно отвечаешь мне на низком?

— А я так делаю? Наверное, у меня проблемы с акцентом.

Она подняла брови.

— Похоже, у тебя вот-вот испортится настроение, друг.

Он откинулся назад, скользя пальцами по пульту и глядя на комплекс.

— Обычно меня считают выдержанным, — тихо сказал он. — Но, конечно, меня еще ни разу не испытывали в таких суровых условиях.

Она рассмеялась и отрезала себе кусок сыра.

— Испортится, и еще как. Сарказм! Я не виновата, если ты забыл свой родной язык.

Он ввел еще две поправки и встал из-за пульта, а потом перешел к столу. Она отхватила кусок сыра и протянула его на кончике ножа. Вал Кон взял сыр и сел на скамью рядом с омнихорой, поставив одну ногу на сиденье.

— Спасибо.

— Не за что. — Она отрезала кусок и себе и уселась верхом на вторую скамью. — А что ты тогда сказал?

Он выгнул бровь.

— Разве корни так различаются?

— О, «большой привет» я поняла, но там было еще слово — ша...

— Шатрез, — пробормотал он, откусывая сыр.

— Правильно. Что это значит?

Он закрыл глаза и чуть нахмурился. А когда снова открыл, то тихо вздохнул.

— Песня сердца? — Он покачал головой. — Не совсем то, но похоже.

Она моргнула и поменяла тему разговора.

— На скольких языках ты говоришь?

Он доел сыр и отряхнул руки.

— На том же уровне, на каком я владею земным, — на пяти. Я знаю еще десять настолько, чтобы попросить еду и ночлег. И лиадийский. И торговый.

— Так много? — Она покачала головой. — И на земном ты говоришь лучше, чем большинство тех, для кого он родной. Только немного странно, что у тебя нет акцента.

Он переменял положение, потянулся за гитарой и начал возиться с торчащими наверху колками.

— Когда-то у меня был акцент, — пробормотал он, поворачивая колок и дергая струну. — Но когда меня отправили... в командировку... то сочли, что было бы неразумно, если бы я говорил на земном с лиадийским акцентом.

— О! — Она перевела дыхание. — Мой друг, тебе следовало бы бросить твою работу.

— Я над этим думаю.

— А о чем тут думать?

— Как это сделать.

Он дернул очередную струну. Дзынь!

Она изумленно воззрилась на него.

— Скажи им, что с тебя хватит, что командировка закончена и ты хочешь снова стать разведчиком. Можешь добавить «пожалуйста».

Блямс!

Он покачал головой, прислушиваясь к вибрирующей струне.

— Они ни за что на это не согласятся. Я прожил слишком долго, узнал слишком много, до слишком многого додумался сам.

Бумс!

— Тебя убьют?

Мири явно в это не поверила, и он особенно оценил то, что она постаралась, чтобы ее голос прозвучал совершенно прозаично.

Он быстро провел пальцами по струнам у порошка и поморщился от получившейся какофонии. Перед его мысленным взором бежали цифры: ему не следовало вести этот разговор, ему вообще не надо было помогать Мири, он напрасно за ней вернулся... Казалось, цифры пытались сказать ему именно это. И теперь он расплатится своей жизнью. Он попытался не обращать на цифры внимания. ВВЗ составляла 0,08.

— Вал Кон!

Он поднял голову, удерживая гитару на коленях за хрупкий гриф. Цифры бежали все быстрее, переключаясь с одного Контура на другой, так быстро, что он почти не успевал за ними следить.

Смерть и опасность. Позор и смерть. Бесчестие и уничтожение...

Его мышцы напрягались, дыхание учащалось — а цифры все бежали.

— Вал Кон!

В ее голосе звучала все большая тревога.

Он помотал головой, с трудом подбирая слова.

— Скорее всего, меня убьют, — выдавил он из себя, заворуженно наблюдая, как цифры вспыхивают, бегут обратно и снова вспыхивают, подсчитывая падающие шансы на то, что он проживет месяц, неделю... — Хотя мой Клан действительно силен, что несколько снижает... — Ему было трудно дышать. Казалось, он слышит себя откуда-то со стороны, а в нем самом, там, где была истина, где был ОН, он ощущал жар и потребность спрятаться. — ...Вероятность того, что меня убьют открыто.

У него пересохло во рту. Шум в ушах усиливал удары сердца, колотившегося о почти опустевшие легкие.

Он крепче сжал гитару и встретился взглядом с Мири.

— Они не захотят конфликта... конфликта с Кланом Корвал. Так что... вероятно... меня просто...

Он обильно потел, но руки у него были ледяными.

— Просто?... — переспросила она едва слышным шепотом.

— Просто сотрут... а телу дадут вернуться домой.

Воздух был слишком горячим и слишком разреженным, но только для него, а не для Мири. Ему необходимо было убежать от нее... уйти... УЙТИ! ПОСМОТРИ НА ЦИФРЫ!

Трр-рах! Гриф гитары раскололся у него в руке, и он отскочил назад, роняя гитару и ловя ртом воздух. Он искал выход. Рубашка

душила его, а перед ним злобно горели цифры: он мертв, мертв, нулевой шанс на выживание. Он изо всех сил ухватился за стену, чтобы не упасть.

— Нет! Нет! Не здесь! Черт подери, не здесь!

«Я не умру здесь. Я выберусь...»

— Вал Кон!

Отчаянный крик пробился сквозь его панику, на секунду разорвав пути ужаса. Это имя показалось ему таким надежным: Вал Кон. На самом деле — Вал Кон йос-Фелиум Разведчик, Художник Преходящего, Убийца Старейшего Дракона, Весеннего Помета Фермера Зеленодрева из Логова Копьеделов Клана Средней Реки... и откуда-то ее голос добавил: «Крепкий Парень!»

Он рыдал и держался. А потом вдруг обнаружил, что задыхается, прижавшись к прочной каменной стене. В нескольких шагах от него с протянутыми руками и страхом в глазах стояла Мири. Он постепенно выровнял дыхание и заставил себя успокоиться, чувствуя, как воздух охлаждает его, а руки начинают согреваться.

Цифры были четкими: ноль и ноль. Никакой надежды на выживание по выполнению задания. Само задание провалено. И, следовательно, он мертв.

Он сделал еще один вдох, привалился к стене и принял медленное сползание на пол как вполне естественное и даже приятное. Вырвавшийся у него звук был почти смехом.

— Вал Кон! Ты здесь?

Он кивнул.

— Здесь, — ломким голосом сказал он.

Она осторожно приблизилась и опустилась рядом с ним на колени, пристально глядя ему в лицо своими серыми глазами.

— Мири?

— Угу.

Его дыхание все еще замедлялось, легкие болели от чрезмерно интенсивного дыхания, но он был спокоен. Он знал свое имя и знал при этом, что он в безопасности.

— Мири, кажется, я только что умер.

Ее брови взлетели вверх, и она протянула руку, прижав прохладные пальцы к пульсу у основания шеи. Качая головой, она убрала руку.

— Сержант Робертсон вынуждена доложить о сбое в системе, сэр.

Он рассмеялся: рваный, колющий звук. А потом поднял обе руки и провел пальцами по промокшим от пота волосам.

— Умер, — повторил он. — Контур показал, что я мертв, в ту секунду, когда я сказал тебе, что меня сотрут. — Его дыхание уже почти вошло в норму, и он чувствовал себя совершенно спокойным, хотя и измотанным, как никогда прежде. — Кажется, я сум поверил... запаниковал или... еще что-то. Я им верил!..

— А Контур, — с надеждой спросила Мири, — он исчез? Сломался?

— Нет... Здесь, по-прежнему. Думаю, не сломался. Но, возможно, его запрограммировали так, чтобы он мне глал... Ты это понимаешь? — неожиданно спросил он у нее. — У меня отняли так много! Сказали — чтобы я выжил. Ведь выжить же важно, правда? Мою музыку, мои сны... так много... и все для того, чтобы давать жизнь штуке, которая лжет... — Он потер лицо ладонями. — Не понимаю...

Мири осторожно прикоснулась к его руке. Он мгновенно перевел взгляд на нее, заметив ее неуверенность и напряженность.

— Да?

Она прикусила губу.

— Извини... что значит — стереть?..

Ее голос был тихим и робким, почти не ее.

Он чуть поменял позу, ударившись ногой об упавшую гитару. Неловко двигаясь, он поднял инструмент, нежно обхватив расколовшийся гриф.

— Ах ты, бедняжка...

Подняв глаза, он слабо улыбнулся.

— Стереть — это... — Он покачал головой, с тревогой ожидая появления призрачных уравнений. — Был создан аппарат, в соответствии с идеей о том, что было бы... удобно... если бы шпион не изображал кого-то, а становился им. Считалось, что этого можно добиться... сгладив собственную личность шпиона и наложив поверх нее другую. — Он ничего не видел. Экран перед его внутренним взором оставался пустым. — Когда задание будет выполнено, вторую личность устроят, а личности агента позволят вернуться.

Он замолчал, чтобы перевести дыхание. Мири пристально наблюдала за его глазами. На лбу у нее залегла тонкая морщинка.

— Аппарат работал плохо. Единственное, что он делал, — это полностью устранял первую личность. На остатки привить новую личность не удавалось. И обычным обучением уже нельзя было воспользоваться. Личность исчезала безвозвратно, хотя тело могло дожить до весьма почтенных лет.

Ее сотрясла дрожь, и она опустила голову, судорожно сглотнув и зажмурившись. Ее затошнило.

— Мири!

Теплые пальцы скользнули по ее щеке, потом легли под подбородок, мягко настаивая на том, чтобы она подняла голову. Она послушалась, не открывая глаз, и спустя секунду почувствовала, как он утирает ей слезы.

— Мири, посмотри на меня, пожалуйста.

В следующий момент она открыла глаза, но улыбнуться не смогла.

Его собственная улыбка получилась более убедительной, чем при прошлой попытке. Он покачал головой.

— Было бы разумнее не оплакивать меня, пока тебе не покажут мое тело.

— Если мне покажут зомби, я его пристрелю!

— Я буду тебе очень благодарен, — серьезно ответил он.

Мири выдавила кривую улыбку, внимательно посмотрела в его усталые глаза. Ей хотелось надеяться, что недавняя сценка — это последняя драма, поставленная его безымянными боссами. Достаточно отвратительная — и потенциально достаточно смертоносная. А что, если бы в ту секунду, когда включилась эта проклятая... паника, он вел перестрелку или находился в какой-нибудь еще сложной ситуации, к которым он так склонен?

Убийство с помощью экстраполяции? Она отбросила эту мысль.

— Как ты сейчас? — решила она спросить, когда Вал Кон опустил руку, нашел ее ладонь и осторожно переплел с ней пальцы.

Он улыбнулся.

— Устал. Не каждый день удается умереть и остаться в живых, чтобы рассказать об этом.

Она ухмыльнулась и сжала ему руку.

— Хочешь встать? Или принести тебе одеяло?

— Встать, наверное.

Но это было легче сказать, чем сделать. Каким-то образом им двоим удалось подняться на ноги. Они стояли рядом, привалившись друг к другу.

Вал Кон смог пошевелиться первым — и, к их взаимному удивлению, он прижал Мири к себе и уткнулся лицом в ее волосы, шепча что-то на языке, не похожем на земной или торговый. А потом он чуть отстранил ее и серьезно заглянул в ее недоверчивое лицо.

— Нам надо поговорить с тобой об очень многих вещах, но сначала я должен сказать многое самому себе — и проверить, какие дам ответы. Мне нужно остаться одному — может, один день, а может, два. Я возьму еды, найду еще одну комнату...

Она возмущенно выпрямилась:

— У тебя нет причин убежать от меня...

Он нежно прижал пальцы ей к губам, прервав на полужразе.

— Не от тебя. Но подумай: в течение двух дней я дважды испугал нас обоих — и сильно. Мне нужно время — когда этого времени так много — на то, чтобы найти того, кто я, когда уже известны двое, которые не я. — Он погладил ее /лицо от губ к щеке. — По-моему, нам обоим надо это знать.

Не доверяя своему голосу, Мири кивнула.

— Мири Робертсон. — В его голосе заметны были отголоски ритуала. — Пожалуйста, подумай, хочешь ли ты стать моим напар-

ником — остаться моим напарником. Через несколько дней мы поговорим.

Он быстро наклонился, поцеловал ее в лоб, а потом отпустил и повернулся, чтобы набрать продуктов на время своего одиночества. Сломанную гитару он оставил на столе. Настанет день, пообещал он себе, и он починит инструмент.

Глава 21

Мири уже в четвертый раз ускользала в библиотеку, тайком посмотрев на своего напарника. Она чувствовала себя шпионкой: ведь она согласилась оставить его одного! Но несмотря на наслаждение, которое дарила ей чудесная библиотека Точильщика, оказавшаяся в ее распоряжении, она обнаружила в себе потребность убедиться, что с Вал Коном все в порядке.

Во второй раз она изумилась тому, что видит: Вал Кон стоял в центре большой комнаты и медленно двигался, закрыв глаза. Он замирал на месте — на минуту, две минуты, три, — и тут она замечала, что за это время он успел сделать пол-оборота. Его движения были сильными и гибкими, как в танце, но МЕДЛЕННЫМИ, словно он был Точильщиком, подражающим росту цветка.

И в середине этого движения он вдруг начинал бежать, подпрыгивал или садился, чтобы расслабиться или сосредоточиться. А потом вставал и повторял то же самое. Или не совсем то же самое.

Мири не сомневалась, что во всем этом есть какая-то метода. Она не желала думать, что это тоже может оказаться сумасшествием.

Чтобы занять время, она занималась более обычными физическими упражнениями, чтобы, когда этот период сказочной безопасности закончится, ее тело было готово сражаться, действовать.

А книги! Она переварила грамматику высокого лиадийского, а потом быстро проглотила подряд небольшую книжку стихов какой-то Джоанны Уилчекет, довольно длинный том, объяснявший сложности командной игры под названием бокдингл (она решила, что это больше похоже на ожесточенный бой, чем на игру), а потом познакомилась с тем, как правильно установить время создания квантиквийской резьбы по дереву. Закончила она историей некой планеты Труанна, которая самоуничтожилась еще в 250 году по стандартному календарю.

Она провела целый период отдыха, читая словарь земного и изумляясь всем тем словам, которых никогда не слышала — а ведь это был ее родной язык! Целый час был посвящен приключенческому роману

древнего земного писателя. Когда она его дочитывала, у нее от смеха болел живот — но она стала искать на полках другие такие же.

Проходя по кораблю, она заметила, что странные эффекты работы двигателя гораздо менее заметны на корме, где находились трюмы. И библиотека тоже была более или менее терпимой — когда она приспособилась. Хуже всего положение дел было на мостике.

Она пообещала себе рассказать об этом Вал Кону.

Труды корабля закончились — а потом начались снова. К концу третьего дня Мири забеспокоилась: вместо книги на экране считывающего устройства ей мерещился Вал Кон, лежащий неподвижно. Но потом она мельком увидела, что он очень усердно занимается знакомыми ей упражнениями.

С облегчением решив, что ничего страшного не происходит, она продолжила путь к бассейну.

Корабль отключился на отдых — и Мири проснулась. Потянувшись, она поняла, что разбудило ее не это, а свежий запах завтрака, повисший в воздухе, аромат, дразняще похожий на кофе и... Кофе?

Она села на карнизе — спать в библиотеке стало ее привычкой: было слишком грустно укладываться в одиночестве на огромную черепашую кровать. Заплетая волосы в свободную косу, она прислушалась к собственному обонянию.

Все-таки это был кофе, решила она и отправилась на разведку.

Вал Кон сидел, скрестив ноги, у походной печки в центре широкого коридора и наблюдал за входом в библиотеку. На левой горелке были мясо и оладьи, а на второй дымился керамический кофейник с темным густым кофе.

— Доброе утро, шатрез.

— Утро, — ответила она, глядя на него от двери.

— Надеюсь, ты со мной позавтракаешь?

Он махнул рукой в сторону приготовленной походной посуды: тарелок, чашек, бумажных салфеток и одноразовых приборов.

— Это настоящий кофе? — спросила она, подходя ближе.

— Это тебе судить, друг мой. На пачке было написано что-то вроде «Настоящий бразильский, качество гарантировано».

Она расплылась в улыбке и пододвинула ему чашку:

— Наливай, черт подери!

— Есть, сержант, — пробормотал он, указывая на коврик, который он для нее расстелил.

Она села, подобрав под себя ноги, и всмотрелась в его лицо. Он повернулся, протягивая ей чашку, и иронически приподнял бровь.

— Что-то не так, Мири Робертсон?

Она взяла чашку. Боги, как же хорошо пахнет настоящий кофе!

— Ты кажешься... другим, — сказала она ему.

— А! — Он опустил плечи движением, которое она так толком и не понимала. — Прощу прощения.

— А не за что.

Она сделала глоток и закрыла глаза, чтобы насладиться вкусом и выгадать время. Другим, определенно. Живым? Глаза у него стали ярко-зелеными, а лицо — менее изможденным, менее... закрытым.

Она открыла глаза, поймала на себе его взгляд и улыбнулась. Да. Казалось, будто теперь силы наполняют его радостью, а не гонят за пределы выносливости.

— Где ты нашел все это добро? — спросила она, указывая на завтрак, стоящий на плитке. — Кажется, мы решили, что кофе на корабле нет.

— Я... плохо соображал, — объяснил он, — когда искал в прошлый раз. Точильщик всегда все делает основательно, так что я стал искать походные наборы. Он видел, как я ими пользуюсь, когда жил с Кланом.

Он ухмыльнулся.

Во втором трюме оказался примерно восьмилетний запас походных наборов. Земных наборов, так что казалось логичным предположить, что в них окажется кофе.

Мири изумленно уставилась на него.

— Плохо соображал? Хотела бы я знать почему! У тебя ведь в тот момент других забот не было!

Он рассмеялся и перевернул мясо и лепешки.

Она сделала еще глоток кофе.

— Вал Кон?

— Да?

Она чуть нахмурилась, наблюдая за выражением его лица.

— Как ты, мой друг?

— Я... в порядке. Не в идеальном порядке. И даже не в полном порядке. Была... значительная травма, и почти не было ухода. Считалось, что я настолько долго не проживу. — Он покачал головой. — Мне придется немало потрудиться, чтобы все зажило как следует. Она немного помялась.

— Мне... нужно было убедиться, что у тебя все нормально, и я... подглядывала за тобой. Эти медленные штуки, которые ты делал, — они для того, чтобы... все зажило как следует?

Вал Кон кивнул.

— Это называется Л-апелека. Система, принятая в Стае. Это... — Он замолчал, полускрыв глаза, и потом тихо засмеялся и развел руками, повернув ладони вверх. — Самое лучшее, что я могу сказать на земном, — что это способ... подтвердить себя. Или порадоваться правильному образу мыслей.

— О!

Мири заморгала.

Вал Кон рассмеялся во весь голос.

— Прости, шатрез, но на земном лучше не скажешь. Я прекрасно знаю, что такое Л-апелека, и уверен, что смог бы это тебе объяснить, но ты должна сказать, какой язык хочешь выучить первым: низкий лиадийский или язык Стаи?

Она рассмеялась, но очень быстро посерьезнела.

— А Контур?

— Существует. — Он пристально посмотрел на нее. — Контур — это инструменты, Мири. Они не требуют какого-то образа действий, только поясняют его.

Она отпила кофе.

— Но ты — не инструмент.

Его лицо на секунду заledenело.

— Думаю, нет.

Он занялся сковородой, а она стала смотреть на него.

Как странно! Мири заметила, что ей стало тепло, хотя до того не было холодно. А еще он будто утешил ее. Может быть, раньше ей было грустно, только она сама этого не замечала?

Вал Кон разделил содержимое сковороды поровну на две тарелки.

Мири решила, что он действительно хорошо выглядит. Уверен именно в себе, а не в том, что он способен сделать.

Придвигая ей тарелку, Вал Кон вопросительно взглянул на чашку.

— Еще кофе, шатрез? Обидно, если пропадет то, что в кофейнике.

— Такого не будет! — Она со смехом подставила ему чашку. — Спасибо, напарник.

— Вот как? — Он заинтересованно посмотрел на нее и взял свою тарелку. — А я уже боялся, что не так задал вопрос. — Он помолчал, глядя, как она принимается за завтрак, и тихо спросил: — А второй?

Она недоуменно нахмурилась:

— Что второй?

— Значит, вот этот вопрос действительно был задан не так, — пробормотал он, обращаясь, похоже, к самому себе, и, взяв вилку, начал есть.

Мири покачала головой и продолжала завтракать, наслаждаясь вкусом, ароматами и безмолвным товариществом.

Вал Кон ел свою порцию с аппетитом, глядя на Мири. Было заметно, что она отдохнула: исчезли морщинки усталости, не покидавшие ее лица с момента их первой встречи. И казалось, она стала держаться более непринужденно, словно тоже определила, кто она. И взгляд ее, когда она на него смотрела, не был настороженным. Он радостно принял этот кусочек тепла — и осмелился надеяться.

Через несколько минут он отставил тарелку и откинулся назад, чтобы смотреть, как она сидит, привалившись спиной к стене и обхватив ладонями чашку.

— Завтрак был вкусный. — Она улыбнулась ему. — Спасибо.

— На здоровье, — ответил он. — Мири?

— Угу?

Он переменял позу и заставил себя смотреть ей прямо в глаза. ...

— Только если этого хочешь ты, Мири...

Она поставила чашку и посмотрела на него с полным вниманием.

— Говори.

— Я был бы очень рад, — проговорил он, тщательно выбирая каждое слово, — если бы... факт... нашего брака остался в силе.

Она моргнула. Потом моргнула еще раз и отвела взгляд, опустив голову и протянув руку за чашкой.

Вал Кон затаил дыхание.

— У тебя ведь есть родные, семья? — спросила она, не поднимая головы. — Они, должно быть, не... слишком обрадовались бы... если бы ты женился на ком-то, кто... на такой, как я. Особенно когда ты не... — Она с трудом сглотнула. — Напарники бывают любовниками — иногда.

Он медленно выдохнул.

— На это, — негромко сказал он, — можно дать несколько ответов. Первый — это что право выбрать себе жену принадлежит мне, а не Клану. — Он помолчал, а потом решился добавить: — А я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Ее плечи вздрогнули, но она не подняла взгляда. Подождав секунду, он продолжил:

— Маловероятно, чтобы я вернулся на Лиад, шатрез.

Тут она посмотрела на него, и ее взгляд был полон теплого сочувствия:

— Тебе жаль?

— Жаль, — признался он. — Но я уверен, что умереть мне было бы гораздо жальче. — Он улыбнулся. — Пойми: я предлагаю тебе не слишком выгодную сделку: худой коротышка, единственные деньги которого — это те, что у него в кошельке, и который может похвастаться только тем, что немного играет на омнихоре...

— Так много? — ухмыльнулась она. — Худой коротышка?

— Так меня описали твоей подружке Лиз...

Она рассмеялась, одним глотком допив кофе. Вал Кон ухмыльнулся.

— Точильщик — парень честный?

— Честнее не бывает.

— И... наш брак... признается законами и так далее?

Он обдумал ее вопрос.

— Думаю, да. Должность, которую занимает Точильщик — Т"ка-рз, — это нечто среднее между отцом, капитаном, капелланом и мэром. Если мы заключили брак по обычаю — и, если хочешь, стали напарниками — и это удостоверяется и подтверждается Стаей, то

мало кто осмелится подвергать это сомнениям. Стая, как слон из притчи, ничего не забывает. И все помнит правильно. Если ты согласна — если ты действительно этого хочешь, — то это сделано.

Она глубоко вздохнула.

— Это на самом деле? — тихо спросила она. — Ты это делаешь не потому, что так... удобно?

Он резко вскинул голову — а потом виновато улыбнулся.

— Для Логова Копьеделов Клана Средней Реки это факт. И это — то, чего я хочу полностью: чтобы ты была моим напарником, чтобы мы стали спутниками на всю жизнь.

Мири взяла чашку — и обнаружила, что она пуста.

— Больше кофе нет?

— Если хочешь, я могу заварить еще.

— Но?..

— Но я предпочел бы наполнить чашку вином, которое бы мы выпили вместе.

Она передвинулась на каменном полу, так чтобы оказаться рядом с ним.

— У тебя есть вино?

— Оно здесь, — ответил Вал Кон. — Но должен предупредить тебя, что это — зеленое ногалинское. Большая бутылка.

Ее брови взлетели вверх.

— Это же, кажется, сильнейшее средство для возбуждения страсти? И запрещено примерно на трех четвертях планет?

— Совершенно верно.

Мири покачала головой.

— А я-то считала, что Точильщик — существо невинное! — Она помолчала. — Муж?

«Благодарение богам!» — подумал он.

— Да, жена моя?

— Пожалуйста, открой бутылку.

Он улыбнулся и придвинулся к ней.

— Минутку...

Мири вскочила и вытащила пистолет при первом же вопле сирены. Вал Кон был уже в дальнем конце коридора. Мелькающие полосы света отбрасывали от него на каменные стены странные тени.

— На мостик — быстрее!

Они побежали.

— Что это? — спросила она, тормозя у самой двери.

— Сигнал бедствия. — Он уже сидел за пультом, стремительно работая руками, повернув голову к навигационному комплексу. — Но я не вижу... А!

Он усилил увеличение, и Мири тоже это увидела: дрейфующую массу, которая могла быть только кораблем. Не отрывая от него

взгляда, она вернула пистолет в кобуру и медленно направилась к пульту.

Вал Кон передвинул руку и начал говорить на торговом, медленно и раздельно.

— Говорит командор-разведчик Вал Кон йос-Фелиум с корабля Стаи, находящегося на касательной орбите. Мы слышим ваш сигнал бедствия и попытаемся провести спасательную операцию. Просим дать сведения о повреждениях и экипаже.

Он прикоснулся к розовому диску и прислушался.

Мири встала у него за спиной.

— На корабль с этой дурацкой тягой можно брать только черепаха! Обыкновенные люди с ума сойдут!

Он покачал головой, не отрывая взгляда от навигационного комплекса.

— А разве это не лучше, чем умереть?

Она положила руки ему на плечи, глядя на изображение дрейфующего корабля.

— И почему на все трудные вопросы должна отвечать я?

Сразу после выхода в нормальное пространство корабельный комм принял одновременно два сигнала: пронзительный вой сигнала бедствия и ясный размеренный голос, объявивший имя, местоположение и намерение оказать помощь.

Тансер вскочил с кресла, выругав пилота.

— Дай-ка увеличение! Откуда они тут... Вон они где!

Слева по борту, над кораблем икстранцев и жертвой аварии плыл астероид средних размеров. Выполняя приказ, пилот прибавил увеличение, а потом подумал и дал максимальное.

Несомненно: от крупной скалы отделился камень поменьше и полетел в сторону терпящего бедствие корабля, словно выпущенный из пращи.

Тансер ухмыльнулся.

— Спрячь нас! — приказал он.

— Чего?

— Спрячь нас! И быстрее, идиот! Ты знаешь, что на этой штуке?

Пилот быстро работал с пультом, спешно направляя корабль к скоплению космического мусора.

— Нет. А что?

— Те ребята, которых ищет Хостро!

— Откуда вы знаете? — проворчал пилот, обливаясь потом.

Он сравнял скорость корабля со скоростью обломков и медленно вплыл между ними.

— Это же корабль Стаи? — спросил Тансер исключительно для того, чтобы растянуть демонстрацию своей гениальности.

— Ага, — признал пилот.

— Дальше: «командор-разведчик Вал Кон йос-Фелиум» очень похоже на имя черепахи. Готов поставить десять против одного, что на этом камушке окажется маленькая девочка и ее дружок. И какие милые люди: летят помочь попавшим в беду.

Он откинулся на спинку кресла и довольно вздохнул.

— Так что будем делать, Борг? — спросил пилот, почувствовав, что от него ждут такого вопроса.

— Будем ждать, пока они высадятся на разбитый корабль, а потом возьмем их. — Тансер снова вздохнул и позволил себе широко улыбнуться. — Поймаем, как крыс, Томми. Это будет так легко, что даже почти противно.

Джефферсон с досадой поглядел на комм. Прибор перестал посылать сообщение пятнадцать минут назад, и при беглом осмотре его внутренностей причин неисправности обнаружить не удалось. Он захлопнул крышку и пошел к устройству внутренней связи, чтобы вызвать комм-техника.

Руки у него так дрожали, что правильно набрать номер удалось только со второй попытки.

Глава 22

Вал Кон уравнивал скорости и вращение, пристыковал гондолу к входному люку потерпевшего крушение корабля и взял пробу воздуха.

Насколько могла судить Мири, датчики показали, что атмосфера внутри второго корабля нормальная, утечки не обнаружены. Великолепно. Теперь им просто придется войти в тот корабль. Потому что там могут оказаться живые, слишком сильно травмированные или побоявшиеся ответить. Или у них мог сломаться пульт... Мири положила руку на пистолет и убедилась в том, что он легко выходит из кобуры.

Вал Кон блокировал пульт и с улыбкой повернулся к ней.

— Готова?

— Как никогда, — солгала она.

Мири все это не нравилось. Совершенно не нравилось. Тут пахло чем-то неприятным. Просто разило.

Вал Кон пошел первым, кувырком перекатившись из состыкованных люков в неизвестность. После секундного молчания до Мири донесся его голос:

— Давай, Мири.

Она глотнула воздуха и перекатилась внутрь, приземлившись в коридоре на ноги и с пистолетом на изготовку. Горело только

тусклое аварийное освещение, гравитация была чуть пониженная. Единственным звуком был гул систем жизнеобеспечения.

Вал Кон бесшумно двинулся по коридору. Она не без облегчения отметила, что его пистолет тоже наготове. Неохотно следуя за ним, она пыталась решить, есть ли смысл говорить, что на этом корыте живых нет.

«Робертсон, — спросила она себя очень серьезно, — ты — экстрасенс?»

«Никак нет, сержант», — ответила она.

«Вот и молодец, — одобрительно сказала она. — А теперь двигайся и прикрывай задницу своему напарнику».

Информация, которую получасовой интенсивный поиск дал относительно Стаи, многое объясняла, но не утешала.

Адвокат Хостро в ответ на его запрос дал ему понять, что слово члена Стаи относительно контрактов считается имеющим безусловную и обязательную силу. За девятьсот стандартных лет, в течение которых земляне имели юридические отношения со Стаей, Стая ни разу не нарушила своего слова в каком бы то ни было вопросе.

— Я бы не стал беспокоиться, Джастин, — утешающе сказал адвокат. — То, что Стая обещает, Стая делает. Об исключениях никто никогда не слышал. И не было случая, чтобы один из них солгал...

Джастин Хостро сердечно поблагодарил своего поверенного и отключил связь, занявшись папками, которые так быстро собрал ему исполнительный Мэтью.

Относительно деталей общественного устройства Стаи существовало много предположений. Общее мнение сводилось к тому, что оно чрезвычайно сложное и более чем конкурентоспособное. Джастин Хостро быстро просматривал данные, сам толком не зная, что именно он ищет.

Факт: было время когда воинственные икстранцы сочли Стаю легкой добычей. Было задокументировано много случаев нападения Икстранга на корабли Стаи — вплоть до некоего момента восемьсот лет тому назад.

Затем нападения прекратились. Было отмечено общее правило, что если корабли Стаи и Икстранга встречались в нормальном пространстве, никаких инцидентов не наблюдалось. Икстранцы летели дальше, Стая — тоже.

Джастин Хостро с тревогой почувствовал, что знает, почему так происходит. А уж если Стаю боятся икстранцы...

Он закрыл папку и застыл совершенно неподвижно, аккуратно сложив руки перед собой, глядя куда-то мимо края своего письменного стола.

Он был все еще погружен в раздумья, когда Мэтью объявил о возвращении Точильщика и Наблюдателя.

* * *

Единственный человек, оставшийся на земном корабле, спасению не подлежал. Мири бесстрастно подумала, что единственное, на что он годится, — это служить дуршлагом. Тот, кто его убивал, работал с параноидальной тщательностью.

Вал Кон выпрямился после осмотра трупа и покачал головой.

— Икстранг, — сказал он.

Это слово говорило о многом, и ни о чем хорошем.

— Откуда ты знаешь?

Он махнул рукой.

— Они пользуются крошечными пулями с лопастями, рвущими все на своем пути. Их пистолеты нарезаны на максимальное вращение...

Мири вздохнула.

— Казалось бы, мне пора привыкнуть не задавать тебе таких вопросов. — Она медленно повернулась, осматривая грузовой трюм, в котором они стояли. — Как они вошли на корабль?

— Сравнили скорости и вращения и пошли на abordаж. — Он пожал плечами. — Вскрыть грузовой люк легко: механизм не рассчитан на защиту от взлома...

Корабль содрогнулся от столкновения блокирующего магнита с корпусом, и из соседнего трюма раздался мучительный стон механизмов, приводимых в движение насильно.

— О дьявол! — выдохнула Мири.

Вал Кон уже поворачивался в сторону коридора.

— Беги! — рявкнул он. — Возвращайся в гондолу!

Она недоуменно уставилась на него. Бежать? Но от икстранцев убежать бесполезно!

Он схватил ее за руку, развернул и отпустил, толкнув к двери.

— Беги! Выбирайся отсюда к чертовой матери!

Мири побежала, чувствуя его у себя за правым плечом, быстрого и бесшумного — и ощущая абсурдное облегчение.

А потом она вдруг поняла, что Вал Кона за ее спиной уже нет.

Она затормозила, выругалась и прижалась спиной к стене, пытаясь смотреть одновременно в обе стороны. В двух шагах позади находилось ответвление коридора. Она заставила себя вспомнить последние мгновения. Когда точно он исчез?

Определенно сказать было невозможно. Он был рядом — а потом нет. Но он исчез раньше, чем она миновала то ответвление, — или по крайней мере так ей казалось.

Из грузовой части донеслись мужские голоса и гулкие удары сапог о металлический пол. Мири закусила губу. Если ей удастся набрать максимальную скорость, у нее есть шанс добраться до гондолы настолько раньше преследователей, чтобы успеть сообразить, как заблокировать от них люк.

Но Вал Кон остался там, чтоб он лопнул! Она мысленно выругалась.

Мири отлепилась от стены и осторожно двинулась обратно по коридору. Она отделилась от гондолы шага на четыре-пять, когда был сделан первый выстрел. Она застыла, прислушиваясь к шмятению и крикам... Земляне! А потом услышала другой звук, которого Вал Кон не мог предвидеть.

Несколько пар ног по-прежнему двигались в ее сторону.

Мири стремительно повернулась и нырнула в боковой коридор.

Джастин Хостро встал, поклонился Точильщику и жестом пригласил его сесть.

Т"карэ ответно кивнул и остался стоять.

— Решение, за которым я пришел, простое, — сказал он человеку. — Я полагаю, что вы сможете высказать мне принятое вами решение в нескольких словах. И в этом случае нет смысла тратить усилия на то, чтобы сесть.

Хостро наклонил голову и откашлялся.

— Мое решение как Старейшины Хунтавас заключается в том, чтобы отпустить ваших родичей живыми. Тем, кого я отправил на их поиски, было передано соответствующее сообщение.

Однако я должен сообщить вам, что я — самый младший из Старейшин моего Клана и, следовательно, не могу говорить за более высокопоставленных Старейшин. Именно их приказ поручил мне и моим... ближайшим родичам выполнить работу по задержанию упомянутых членов вашего Клана. Самый... старейший из наших Старейшин очень хотел бы получить от Мири Робертсон некую информацию, и можно с разумной достоверностью ожидать, что те методы, к которым он прибегнет, чтобы заставить ее говорить, сделают маловероятной ее длительное пребывание в живых.

Таким образом, вам следует понять, что хотя я согласился позволить вашим родичам сохранить их ножи, старейший из наших Старейшин по-прежнему считает Мири Робертсон вне закона. За ее голову назначено вознаграждение. Небольшое, если она погибнет во время захвата, более значительное, если те, кто ее захватит, будут достаточно умелыми, чтобы сохранить ей жизнь. Мужчина, который также является вашим родичем, Старшего Старейшину не интересует. Но если он по-прежнему будет с ней в тот момент, когда ее будут захватывать, он заплатит жизнью.

Точильщик потратил на размышления несколько стандартных минут.

— Я понял, — проговорил он наконец. — Пока достаточно того, что непосредственная угроза, которую представляли вы и ваши ближайшие родичи, устранена. Однако вы, конечно, сообщите мне имя и планету пребывания вашего Старшего Старейшины, чтобы

мы могли обсудить этот вопрос более подробно в отношении всех семей вашего Клана.

Хостро нервно облизал губы. Катастрофа. Катастрофа и скорее всего смерть. Он обдумал подобное будущее, потом рассмотрел единственную альтернативную возможность. Потом он сделал глубокий вдох и совершил, вероятно, единственный героический поступок в своей жизни.

— Разумеется, — сказал он Точилющику. — Я буду счастлив дать вам рекомендательное письмо к нашему Старшему Старейшине.

Им удалось отрезать Вал Кона от коридора. В разбитом дальнем трюме было четверо: трое Хунтаवास и он сам.

Один из троих поставил себе слишком амбициозную цель и за свою самонадеянность получил пулю в руку, но это не могло долго продолжаться. Ему придется выйти. И скоро. Прошло уже достаточно времени, чтобы Мири успела добраться до гондолы и запечатать люк, хотя управлять ею она не умеет. Этот пробел в ее образовании он намерен исправить, как только развяжется с текущими затруднениями.

Вал Кон открыл зарядную камеру, вздохнул и снова закрыл. Ему придется скоро выбираться, даже если ничего... На другом конце помещения шелкнула пустая обойма. У человека, стоящего возле самой двери, кончились патроны.

Вал Кон не стал медлить. Он послал две оставшиеся пули в человека, считавшего себя снайпером, всадил метательный нож в горло его спутника, который имел глупость высунуться из-за укрытия, чтобы прицелиться. Перехватив пистолет за ствол, он ударил им по руке единственного оставшегося в живых противника.

Тот заметил удар и увернулся, но потерял при этом пистолет, выскользнувший из потных пальцев. Вал Кон перебросил опустевший пистолет в правую руку, а в левую взял нож Точилющика — острый и смертоносный клинок сверкнул, направляясь в живот противника.

Тот успел упасть назад, перекатился и встал, сжимая в руке кусок металлической трубы.

Вал Кон скользнул влево, но его противник оказался быстрым и взмахнул трубой, не пуская к двери.

Вал Кон нырнул вперед, прикрываясь пистолетом, но труба вильнула в сторону, и пистолет выпал из внезапно онемевших пальцев лиадица. Вал Кон отскочил. На лице горел порез от острого металлического края.

Противник почувствовал преимущество, которое давало ему длинное оружие, и снова замахнулся трубой. Вал Кон инстинктивно прикрылся левой рукой, сжимавшей хрустальный клинок.

И его противник отпрянул назад, чертыхаясь: нож отхватил почти треть его оружия.

* * *

Она могла сидеть на месте и отстреливать их одного за другим весь день — и до глубокой ночи.

Как тактик, Борг Тансер не мог ею не восхищаться. Как командир отряда, он ненавидел ее за троих убитых, которые лежали у входа в ее тесный коридорчик. Конечно, существовали альтернативы. Например, они могли просто уйти и выпустить из этой развалины весь воздух.

Он всесторонне обдумал такую возможность, но решил этого не делать. Награда была выше — значительно выше — в том случае, если ее захватят живой. Если бы только он мог придумать какой-то способ выманить ее из этого проклятого тупика!

Неожиданно Тансер застыл на месте, резко повернувшись в сторону грузового трюма. Выстрелы, доносившиеся оттуда, смолкли. Он сделал несколько осторожных шагов вдоль коридора, проверяя, так ли это.

Тишина. И ребята, посланные на захват дружка, не подают голоса.

Вернувшись обратно к началу коридора, он тихо сказал несколько слов на ухо своему заместителю, а потом быстро, но осторожно пошел обратно, держа пистолет наготове.

Человек заорал, когда клинок вспорол мышцы и сухожилия у него на плече, но сумел кое-как вывернуться, оказавшись вне досягаемости и переложив свое оружие в другую руку.

Вал Кон перевернул клинок, взяв его за острие. Это не метальный нож, но когда выбора нет...

Взрыв и боль пришли одновременно. Ударом его развернуло на сто восемьдесят градусов. Он бросил нож в того, кто стоял в дверях с пистолетом, а потом темнота поглотила его. Удара опустившейся на голову трубы он уже не почувствовал.

Морджант стоял над рухнувшим дружком с трубой в руке. Из плеча у него струей текла кровь. Тансер бросил ему зажим из аптечки у пояса.

— Где Харрис и Зел?

— Погибли, — прохрипел Морджант, которому, казалось, не хотелось оставить своего поста над распростертым на полу телом. — Еще минута — и меня бы он тоже сделал. Рад, что ты пришел.

Он наклонился над телом, всмотрелся в него, а потом выпрямился и посмотрел на Тансера.

— Босс, он вроде бы еще дышит. Добить?

Но все внимание Тансера было сосредоточено на ноже, который по рукоятке ушел в стальную стену в двух дюймах от его головы. Он высвободил клинок и тихо присвистнул: хрусталь был целехонек, лезвие не зазубрилось. Он заправил нож себе за пояс.

— Босс? — снова окликнул его Морджант.

— Не надо.

Тансер убрал пистолет в кобуру и подошел к пареньку. Наклонившись, он схватил его за ворот и приподнял, словно утопшего котенка. Кровь стекала по его рубашке и капала на пол.

— Перевяжись! — рявкнул Тансер на изумленно уставившегося на него Морджанта. — И найди пистолет. Пойдем разговаривать с сержантом.

Последние пятнадцать минут они не вылезали. По-прежнему оставались на месте, но вне досягаемости. Время от времени один из них стрелял в сторону коридора — наверное, проверяют, не заснула ли она. Она не трудилась отвечать тем же.

Передышка в их деятельности позволила Мири перезарядить пистолет, проверить, сколько патронов у нее осталось, и глубоко задуматься о том, насколько неразумно нарушить приказы старшего по чину, не говоря уже о том, чтобы отходить хоть на шаг от напарника, когда обстановка явно накаляется.

Ни одна из этих мыслей не была особенно утешительной или полезной. Она прогнала их и переменила позу — и тут ее внимание привлекло какое-то движение у входа в ее коридор.

Мири подняла пистолет, дожидаясь, чтобы противник подошел на расстояние выстрела. Но он только швырнул сверток, который тащил в руках. Сверток упал на пол, покатился — и остановился достаточно близко от нее.

Она застыла, по-прежнему держа на прицеле человека у входа, но глаза ее были устремлены на того, кто застыл так неподвижно, неизящно разбросав руки и ноги.

«Нет! — подумала она. — О нет! Вал Кон, ты не мог...»

— Сержант! — громко крикнула мишень из входа в коридор.

Она не подняла глаз.

— Какого черта тебе надо? — спросила она негромко, полным ненависти голосом.

— Я просто хотел тебе сказать, сержант, что он еще жив. Но мы это поправим, если в ближайшие тридцать пять секунд ты не бросишь нам свой пистолет и пояс.

Она облизала губы.

— А откуда мне знать, что он еще жив? Поверить на слово тебе?

— Это — твоя ставка, сержант, а не моя. У тебя осталось еще пятнадцать секунд.

Поставив пистолет на предохранитель, она вскочила и изо всех сил швырнула его.

Он не долетел одного шага и заскользил по полу, остановившись у левого ботинка Тансера. Спустя секунду по той же траектории полетели ремень с кошельком.

Тансер засмеялся.

— Злючка, злючка! А теперь иди сюда, как положено хорошей девочке — и очень медленно. Не хочу, чтобы ты оступилась и получила пулю из-за того, что кто-то решил, будто ты задумала какой-то фокус. Мы потеряли пятерых из-за тебя и твоего друга, сержант. Гордишься собой?

— Да чего там, — ответила Мири, осторожно перешагивая через тело Вал Кона. По его темной рубашке расплылось более темное пятно крови. Она не могла сказать, дышит ли он. — У каждого бывают неудачные дни.

Глава 23

Тансер включил себя в отряд, который отконвоировал ее на корабль Хунтавас. Он собственными руками затолкал ее в камеру и запер замок.

Мири быстро осмотрела камеру: металлическая койка приварена к стене, санитарная установка в углу, пульт, напоминающий поварской. Она подошла к нему, запросила воды — и изумилась, получив полный стакан, в котором лениво плавали осколки льда. Она жадно прикинула к нему.

Внезапно дверь открылась, выпустив худого мужчину с обернутой лечебным бинтом правой рукой. Он тащил за воротник обмякшую темную фигуру.

Мужчина втащил свою ношу в камеру, явно не замечая оставляемого ею красного следа, и бросил к ногам Мири.

— Извини, сержант, но камера у нас только одна, так что придется потесниться. Но он тебе сильно не досадит, — утешил он ее. — Твой дружок скоро истечет кровью, и ты снова получишь камеру в свое полное распоряжение.

Если он надеялся добиться какого-то проявления чувств, то про считался. Нахмурившись, он перевел взгляд на неподвижный темный сверток, и чуть отодвинулся, нацелив пинок в незащищенные ребра.

Ее нога перехватила удар: каблук сапога точно и больно ударил по лодыжке. Морджант чуть было не упал, но удержался и быстро повернулся — чтобы обнаружить, что она стоит между ним и лежащим на полу человеком, а взгляд ее обещает смерть.

Он что-то буркнул и повернулся, чтобы уйти.

— Эй, герой!

— Чего?

Он повернулся обратно и весь ошетинился при виде выражения ее лица.

Она махнула рукой в сторону своего дружка.

— Аптечка у вас есть? Так уж случилось, что я против того, чтобы мой напарник истек кровью.

— Тогда придуши его, — посоветовал ей Морджант. — Живой нам нужна только ты. Зачем везти лишний груз?

Она пошевелилась — и он подскочил, пулей вылетел из камеры и поспешно запер дверь.

Техник устранила неполадку всего за пять минут и удалилась, унося плату наличными плюс пятнадцать процентов надбавки за хорошую работу.

Как только она ушла, комм затараторил, зажужжал и зажег зеленую лампочку — знак того, что команда Тансера подтвердила получение сообщения.

Джефферсон вздохнул и отвернулся, намереваясь успокоить истерпанные нервы несколькими глотками местного пива, и тут же стремительно обернулся назад, чувствуя, что его нервы натянулись еще сильнее.

Комм весело затарахтел и застучал. Зажглась фиолетовая лампочка — «Ждите сообщений»...

— Борг!

— Чего?

Тансер поднял голову от тарелки и обнаружил, что Томми протягивает ему распечатку.

— Сообщение от Джеффа, — сказал пилот. — Только что получили. Похоже, что-то срочное.

Тансер отложил вилку и взял лист.

— Спасибо.

Спустя минуту он яростно выругался и, быстро отодвинувшись от стола, рысцой покинул столовую.

Было темно и холодно, и дышать было больно. Дело в плохом воздухе: он обжигал легкие, входя и выходя из них. Надо остановиться: не следует дышать таким воздухом. Еще одна запись в длинном списке минусов...

Дрейфуя в холоде и темноте, он словно удалялся от необходимости дышать, потому что боль немного уменьшилась. Проплыв еще немного, он заметил, что находится над тоннелем еще более глубокой тьмы, чем та, в которой он двигался. Казалось, этот новый туннель выстелен темным мехом и обещает тепло. Бриллиантовые кончики ворсинок сверкали и манили, словно звезды.

«Да, — подумал он. — Мне надо туда, где тепло, звезды и сладкий чистый воздух...»

Ему показалось, что он постепенно приближается к этому источнику тепла и звезд, и он был доволен.

Внезапно вспышка живого огня рассекла темноту, и мгновение ушло. Он поплыл вверх, к прорезанной молниями темноте и боли, которая терзала его плоть хрустальными клинками...

Мири сделала все, что можно было, имея только воду и самодельную повязку из собственной рубашки. Пуля вошла и вышла чисто, едва задев легкое. С аптечкой такая рана зажила бы без проблем всего за пару дней. Но если у нее будут только вода и ткань, он умрет. Ей не удастся остановить медленное, упрямое кровотечение.

Мири устало потерла щеку окровавленной рукой и смоченным в воде шарфом промокнула ссадину на его лице. Не опасная рана, но оставила бы шрам, если бы... Она поспешно свернула этой мысли голову.

Его брови шевельнулись. Мири замерла. Он провел языком по пересохшим губам.

— Кто?

— Мири.

— Не умер?

Ресницы у него затрепетали, словно он изо всех сил пытался поднять их огромный вес.

— Пока нет, — сказала она ему, и ей каким-то образом удалось заставить свой голос звучать жизнерадостно и непринужденно. Она нежно убрала волосы у него со лба. — Но тебя немного поколотили. Просто лежи и отдыхай, *аккази*? Не пытайся разговаривать. Мы поговорим потом, когда ты отдохнешь.

Вал Кон выиграл сражение со своими ресницами и теперь наблюдал за ней. Его зеленые глаза были совершенно ясными.

— Не умеешь врать, Мири.

Она вздохнула и покачала головой.

— А ты думал, что у меня должно лучше получаться? Наверное, в последнее время мало практиковалась.

По его лицу что-то скользнуло — возможно, улыбка. Это мимолетное выражение промелькнуло так быстро, что Мири не успела его расшифровать.

— Воды нет?

Она помогла ему сделать глоток из второго стакана. Уже намокшая повязка впитала больше влаги, чем он сейчас выпил. А потом она осторожно уложила его голову. Он поймал ее руку и неловко переплел с ней пальцы, а потом закрыл глаза. Он лежал так неподвижно, что Мири показалось: он без сознания.

— Где?

Она вздохнула:

— На корабле Хунтавас.

— Прости меня...

— Только если ты меня простишь! — огрызнулась она. — Я не вернулась на ту дурацкую гондолу. Совершенно бесполезно: ведь я не умею ею управлять.

— Знаю. — Он помолчал, и на этот раз она точно увидела тень улыбки. — Просчет...

Мири пыталась придумать какой-нибудь ответ, когда замок начал поворачиваться. К тому моменту, когда дверь открылась, Мири уже успела перекатиться и встать на ноги между Вал Коном и входом в камеру.

— Как твой дружок, сержант?

В камеру вошел настороженный Борг Тансер. В одной руке у него был пулевой пистолет, в другой — аптечка.

— А что тебе до этого?

— Босс хочет, чтобы вы оба остались живы, — сказал Тансер. — Новые вводные. Раньше говорили только о тебе. А теперь оказалось, что у командора-разведчика Вал Кона йос-Фелиума тоже есть что-то ценное.

Он резко швырнул из-под руки аптечку, и Мири без труда ее поймала.

— Ну, так чего ты ждешь, сержант? — Он махнул пистолетом. — Давай латай его!

Пилот заморгал глазами на экран, выругался — и увеличил разрешение. Большой астероид — корабль Стаи — вел себя очень странно. Он ковылял по экрану, то появляясь, то исчезая. Он то сворачивался, то разворачивался, туда — сюда, туда — сюда — куда-то собираясь...

И исчез.

Томми потер глаза и поспешно нажал внутреннюю связь, потребовав, чтобы ему срочно принесли крепкого кофе.

А потом снова посмотрел на экран.

Исчез, определенно.

Вздохнув, он очистил пульт и начал проверку калибровки. Ему показалось, что это стоит сделать.

Джефферсон пару минут хмуро обдумывал последнее сообщение от босса, а потом передал его Тансеру, добавив от себя, чтобы он не прерывал связи, пока все не уладится. Сейчас было явно не время терять контакт друг с другом.

Им принесли свежие рубашки, а также матрас и одесало на койку. Поварской пульт обеспечил Мири горячей трапезой. Вал Кон потерял сознание, пока она обрабатывала его средствами из аптечки, и еще в себя не приходил. Она налила вторую кружку кофе и села на край койки, глядя, как он дышит.

Его грудь поднималась и опускалась в ритме спящего. Дыхание уже не было поверхностным и хриплым. Пульс, прощупывавшийся у основания шеи, был немного неровным и слабоватым, но не до опасной степени. Сутки отдыха — и все будет в порядке.

Ей понадобилось больше часа, чтобы остановить кровотечение из пулевых отверстий. Она потела и чертыхалась, а Тансер стоял над ней с пистолетом и рычал, чтобы она не испортила дела.

Мири даже попробовала залатать рану на лице. Слава богам, удар не попал по глазу: он рассек правую щеку по диагонали. Она сделала, что могла. По крайней мере шрам получится ровным, а со временем из ярко-красного станет бледно-золотым.

Его ресницы затрепетали — и он открыл глаза. Полные губы изогнулись в нежной улыбке. Он приподнял руку и прикоснулся к ее колену.

— О чем ты думаешь?

Мири моргнула.

— Что я тебя люблю, — сказала она, накрыв его пальцы ладонью. — Чертовски глупо, но что тут можно поделывать?

— Оставить как есть? — предположил он. А потом еще мягче добавил: — Мне можно теперь сказать тебе то же самое — что я тебя люблю — так, чтобы ты мне поверила?

— Угу, — ответила она, изумленно глядя на него. — Наверное. — Она рассмеялась. — И ты спасал меня от моей страсти, чтобы удержать ради моей любви? Настоящая мелодрама, звездный капитан!

— Командора-разведчика вполне достаточно, — пробормотал он, слабо пошевелившись. — А как здесь можно получить обед?

Она допила свой кофе и ухмыльнулась.

— Надо сказать своей сиделке (то есть мне), что хочешь есть. И тогда можно получить что-нибудь диетическое. Например, бульон.

Он со вздохом закрыл глаза.

— И несмотря на это, у меня такое чувство, будто я должен сказать тебе, что *очень* хочу есть.

Мири встала.

— Ладно, приятель, но помни: ты сам этого захотел!

Глава 24

Джастин Хостро отложил трехстраничную распечатку доклада Борга Тансера и сидел неподвижно, сложив кончики пальцев пирамидкой и не отрывая глаз от разреза в столе.

Оба живы. Хотя мужчина получил несколько ранений, кажется, он на пути к выздоровлению. Так что буква его договора с Точиль-

щиком выполнена. Теперь оставалось решить проблему, как заставить Робертсон понести наказание и при этом сделать так, чтобы казалось, будто Хунтавас к этому рук не приложили. В этом случае ему, возможно, удастся сохранить свою жизнь и работу.

У него в голове начал складываться некий план. Он нашел описание разбитой яхты и внимательно его перечитал. А потом он встал из-за стола и направился к коммуну у дальней стены кабинета. Подойдя к аппарату, он набрал код номера Точильщика в гюйте.

На вызов ответил черепашонок без панциря. Он поклонился, показывая, что узнал вызывающего, и попросил Хостро не прерывать связи, пока он пойдет позвать Т"карэ. Не дожидаясь согласия, он исчез, предоставив вызывающему любоваться аляповатым абстрактным узором.

Хостро содрогнулся и перевел взгляд на пейзаж Беланзиума, висевший над коммом. Он настолько глубоко ушел в его созерцание, что лишь голос Точильщика оторвал его от этого приятного занятия.

— Джастин Хостро? Вы хотели со мной переговорить?

Он поклонился.

— Это так, сударь. Я связался с вами, чтобы сообщить, что ваших родичей настигли те члены моей семьи, которым я поручил это задание. К счастью, оба здоровы, хотя в настоящее время и не находятся на свободе. Я также хотел проинформировать вас, что намерен отпустить их, вернув им оружие и предоставив корабль, на котором они могли бы продолжить свое путешествие. Дело в том, что, как сообщает наш пилот, тот корабль, на котором они летели, самопроизвольно включил двигатель и исчез.

Наступило долгое молчание.

— Мне приятно получить от вас эти известия, Джастин Хостро, — сказал наконец Точильщик, — и хотелось бы обратиться к вам с еще одной просьбой.

Хостро поклонился.

— Если исполнить ее в моей власти, сударь, то я это обязательно сделаю.

— Я жажду услышать голоса моих сестры и брата. Я просил бы вас сделать так, чтобы перед тем, как им будет предоставлена свобода, они поговорили бы в записывающее устройство, а ваши родичи по возвращении привезли эту запись мне.

Джастин Хостро улыбнулся.

— Нет ничего проще, сударь. Все будет сделано точно так, как вы сказали.

Вал Кон и Мири сидели на полу под поварским пультом.

— Как ты считаешь, чего они ждут? — спросил он, бережно удерживая стакан молока и меняя позу так, чтобы упереться спиной

в стену. — Они уже несколько дней висят в нормальном пространстве. Если мы с тобой такие ценные, то, казалось бы, Борг Тансер должен был доставить нас к своему боссу, не теряя ни минуты.

— Я готова вообще никогда никуда больше не лететь, — ответила ему Мири. — Пусть даже пейзаж несколько однообразен. Лучше небольшое однообразие, чем свидание с большим боссом. Мне кажется, что я не слишком ей нравлюсь. Или ему. А Джастину Хостро не нравятся мы оба. А Тансер работает именно на него. — Она отпила немного кофе. — Может, нам скостят срок за примерное поведение?

Он выгнул бровь.

— Сомневаюсь, чтобы тот, кто хоть немного с тобой знаком, пошел бы на такое.

— Ты, — сообщила она ему с глубоким сожалением, — станешь отвратительным стариком.

— Искренне на это надеюсь...

Дверь открылась, и в камеру вошел Борг Тансер. В руке он держал пистолет, а на плече у него висел диктофон. Диктофон он поставил на пол рядом с Вал Коном, который поднял голову, вопросительно выгнув бровь.

— Ты знаешь черепаху по имени Точильщик? — спросил Тансер. — Он говорит, что вы с ним родня.

— Да.

— Вот и хорошо, потому что Хостро договорился с черепахой, что вам вернут оружие и отпустят на все четыре. Ваш булыжник смылся, так что мы даже дадим вам корабль. Как, довольны?

Не дождавшись от них ответа, Тансер покачал головой.

— Черепаха Хостро не доверяет. Хочет услышать ваши голоса. Хочет услышать, как хорошо мы с вами обращались, и что вам ничего плохого не сделали, и что мы вас отпускаем, и что все честно и красиво.

Он указал на диктофон.

— Так что вы ему все это скажете. Прямо сейчас. На земном. — Он наставил пистолет на голову Мири. — Я сказал «прямо сейчас», командор!

Оба они приподняли брови. Вал Кон отставил стакан, взял диктофон на колени и нажал на кнопку «запись».

— Я приветствую тебя, брат, и благодарю тебя за мою жизнь и жизнь юнейшей из твоих сестер. Я должен сказать тебе следующие вещи, которые соответствуют истине: мы живы и с нами хорошо обращались — предоставили пищу, место для ночлега и медицинскую помощь. Я сожалею, что корабль Клана продолжил путь без нас. В тот момент, когда он нас покинул, он не имел повреждений и должен достичь цели как планировалось, поскольку в течение

семи периодов трудов он придерживался курса без каких бы то ни было отклонений.

Он поднял глаза, встретил раздраженный взгляд Тансера и снова склонился над диктофоном.

— Я также должен сказать, что нам вернут наши ножи и дадут корабль, на котором мы сможем продолжить наш путь. Я еще раз благодарю тебя, брат, за твои заботы о двух членах твоего Клана, столь неразумных и торопливых.

Он нажал кнопку «стоп» и вопросительно посмотрел на Тансера.

— Твоя очередь, сержант. Не забывай: все мило и приятно.

Мири взяла диктофон и включила его.

— Привет, Точильщик, — проговорила она тягуче и монотонно, совершенно не так, как говорила обычно. — Все прекрасно. Жаль, что тебя здесь нет. Привет семье и скоро увидимся.

Она стукнула по выключателю и отпихнула диктофон к Тансеру.

Тот поднял его за ремень, изумленно качая головой.

— Не понимаю, сержант, как тебе удалось прожить так долго. — Он помахал пистолетом. — Ладно, пошли.

— Куда пошли? — спросила Мири.

— Разве ты не слышала, что я только что сказал? Мы даем вам корабль и отпускаем. Вы — свободные граждане, понятно? Хунтаवास свое слово держат. — Он снова повел пистолетом. — Пошевеливайтесь.

Мири стояла на мостике разбитой яхты, оборачивая талию ремнем и глядя на экран. Корабль Хунтаवास находился в самом его краю и стремительно уменьшался. А потом исчез.

Она вздохнула и перевела взгляд с экрана туда, где на спине лежал Вал Кон, ковыряясь под пультом пилотирования.

— Улетели, — сообщила ему она.

Он не ответил, продолжая работать. Мири села на пол и стала ждать. Спустя какое-то время он вынырнул из-под пульта и сел. Волосы у него промокли от пота и прилипли ко лбу.

— Ну, — сказала она, — поделись своими плохими новостями. Мы тут просидим пару дней, пока в нас не врежется какой-нибудь осколок? Или полетим на досветовой к Волмеру?

Он устало улыбнулся.

— И прилетим в виде скелетов? По правде говоря, плохие новости могли быть гораздо хуже. Я могу, вопреки всем правилам, тут кое-что закоротить и на встречных токах набрать мощности на один скромный прыжок.

— Один прыжок? — Она вопросительно подняла брови.

— Один *скромный* прыжок. До Волмера мы не доберемся.

— Ну что же, — сказала она, ударившись локтем о подвешенный к поясу нож и поморщившись, — один прыжок лучше, чем ни одного. Чем я могу помочь?

* * *

Охота после захвата земной яхты шла удачно, и командир корабля Хализ был доволен. Теперь пришло время собрать добычу, вернуться домой, сделать доклады и получить премию и похвалу, полагающиеся по такому случаю.

Хализ отдал приказы, и корабль ушел в подпространство. Может, стоит оказать новому адъютанту честь отвести домой земной корабль.

Мири вздохнула, вытерла лоб рукавом и еще раз рассмотрела кучу мусора, которую она собрала в переднем трюме. Вал Кон по-прежнему сидел на мостике, переналаживая внутренности корабельного двигателя. Мири было поручено уменьшить массу, которую им придется перемещать, когда настанет время.

Она снова вздохнула, вспомнила местонахождение еще одного ненужного груза и двинулась в том направлении.

Мертвец весил немало, даже при малой гравитации, и пришлось возиться с ним дольше, чем хотелось, пока удалось отволочь его в общую кучу. Наконец она опустила его на пол и выпрямилась. Тяжело дыша, она смотрела на труп и думала, кем он мог быть и остались ли у него близкие.

Есть люди, для которых семья что-то значит. Например, Вал Кон. И Точильщик. Этот мужчина был землянин, а земляне в Клань не объединяются. И все же, неожиданно подумала она, медленно осваивая новую для нее мысль, могут быть какие-то люди, которым хотелось бы узнать, что с ним случилось.

Она наклонилась и изучила содержимое карманов погибшего, достав оттуда бумаги, монеты, плоский и гибкий металлический прямоугольник, похожий на какой-то компьютерный носитель, и папку с голограммами женщины и двух маленьких мальчиков. Сложив все вместе, она сунула пакет к себе в кошель, а потом отправилась искать новый балласт для сбрасывания в космос.

Вал Кон сидел за пультом, и его пальцы двигались в размеренном ритме, словно он играл на омнихоре. Мири села в кресло второго пилота и стала смотреть на его профиль. Он проводил положенные ритуалы проверки, считывая результаты с мигающих индикаторов пульта.

Спустя несколько минут он откинулся на спинку стула и улыбнулся Мири.

— Все, что можно было выбросить, выброшено, — доложила она, шутливо отдав честь. — Как жизнь в мире чистоты?

Он помахал рукой над пультом.

— У нас есть тяга. У нас есть горячее. Куда бы тебе хотелось отправиться?

Она вопросительно склонила голову.

— А что есть поблизости? Что такое «скромный» прыжок? — Она пожала плечами и слабо улыбнулась. — «Принципы пилотирования для чайников»...

Вал Кон вдруг нахмурился и подался вперед, начав ощупывать короткую полку под пультом пилота. Потом он слез с кресла и заглянул туда, просунув руку до упора.

— В чем дело? — спросила она.

— Справочник координат. — Он сел на пятки и посмотрел на нее. — Мири, когда ты собирала все, чтобы выбросить, тебе не попадалась книга, примерно вот такая... — Он показал в воздухе своими золотистыми пальцами. — Она должна иметь кожаный переплет и тонкие металлические страницы. Ей полагалось бы быть в этой рубке.

Она покачала головой.

— Я бы сначала показала ее тебе, на тот случай, если это что-то нужное.

Он стремительно встал и обошел мостик, заглядывая за все пульты и кресла и под них. Мири тоже встала и нажала на сиденье своего кресла, проверяя, нет ли под ним чего-нибудь, но ничего не обнаружила. Она проверила кресло пилота таким же способом, а потом покачала головой. Ничего.

Она повернулась, чтобы объявить об этом, и застыла на месте. Вал Кон стоял в центре мостика, глядя на экран. На его лице ничего не отражалось.

— Справочник координат — это что-то важное? — решила она спросить, подходя к Вал Кону и осторожно кладя руку ему на плечо. Он перевел взгляд на ее лицо.

— Без координат прыжка сделать нельзя. Координаты определяют направление, форму, местоположение.

Мири задумалась над тем, что кроется за этими словами.

— Думаешь, Борг Тансер это знал?

— Да, — мрачно ответил он, — думаю.

— А без координат прыгнуть нельзя? — настаивала она. — Полагаться на удачу?

Он покачал головой.

— Я мог бы придумать координаты, чтобы начать прыжок, но при этом есть очень-очень много шансов на то, что мы выйдем из подпространства и окажемся внутри звезды, планеты или пояса астероидов, или внутри другого корабля, или...

Она зажала ему рот ладонью.

— Поняла.

Она закрыла глаза и стала думать. Тонкие металлические страницы? Она видела нечто похожее — совсем недавно. Не книгу, но что-то...

— Вроде этого?

Она расстегнула кошель, вытащила бумаги мертвеца и протянула Вал Кону металлический прямоугольник.

Вал Кон взял кусочек металла и вопросительно посмотрел на нее.

— Парень в трюме, — объяснила она. — Я подумала: может, кому-то важно будет узнать, что случилось.

— А! — Он кивнул. — Тогда мы скажем его семье. — Он снова поглядел на прямоугольник. — Зачем было иметь его при себе?

— Это поможет? — нетерпеливо спросила Мири.

Он уже шел обратно к пульта.

— Посмотрим, что скажет компьютер.

Снова усевшись в кресло пилота, он вставил страничку в паз, расположенный в верхней части пульта, потом повернул два колеса и нажал кнопку.

Замигали индикаторы, загорелись дисплеи. Мири снова вернулась в кресло второго пилота и приготовилась смотреть.

— Может, исследователь? — спросил Вал Кон скорее у себя самого, чем у нее, не отрывая взгляда от показаний пульта. — Или контрабандист?

Он покачал головой: индикаторы перестали мигать, паз выпустил металлическую страничку, давая захватить ее пальцами.

— Это поможет? — снова спросила она, пытаясь, чтобы в ее голосе не слышно было тревоги.

Вал Кон развернул кресло в ее сторону.

— Один набор координат находится в пределах досягаемости, — медленно проговорил он. — На этой странице их всего четыре. Я знаком только с одним, но он находится далеко вне пределов нашей досягаемости. Он соответствует планете под названием Пелоун — обитаемому миру на достаточном уровне развития, чтобы установить электронную связь в масштабах всей планеты.

Она моргнула.

— А космические полеты?

— Отсутствуют.

— А другие координаты? Те, куда мы можем долететь?

У нее возникло такое чувство, будто она уже знает ответ.

— Они мне неизвестны, — ответил он. — Я вспомнил координаты Пелоуна только потому, что был в той системе первопроходцем.

— Ну, не знаю, можно ли придумать что-то, что было бы намного хуже, чем остаться на всю жизнь в какой-то глухомани, где считают, что планетная комм-связь — это ужас какое достижение.

Он слегка улыбнулся.

— Это нечто гораздо менее впечатляющее, чем комм-связь, — мягко поправил он ее. — Передается только голос, изображения нет. И прием просто отвратительный.

Мири недоверчиво уставилась на него, но, похоже, он говорил совершенно серьезно. Она перевела взгляд на экран — и застыла на показавшемся ей целой вечностью мгновение, пока ее разум лихорадочно пытался найти слова, которые описали бы то, что видят глаза.

— Вал Кон? — хрипло проговорила она, с трудом выталкивая слова из сведенного судорогой горла.

— Да?

— Есть и еще что-то похуже, — сказала она. — В систему только что вошли икстранцы...

Глава 25

Пилот-икстранец недоверчиво воззрился на показания приборов, увеличил разрешение, проверил показания еще раз — и почувствовал, что сердце у него похолодело от ужаса.

— Командир, пилот просит разрешения обратиться.

— Разрешаю, — сказал Хализ.

— Корабль, который мы захватили во время прошлого пролета через эту систему, идет с включенным двигателем, командир. Сканирование показало наличие двух живых существ.

— Доклад пилота принят. Жди приказаний. Помощник!

— Я, командир!

— Мне докладывали, что на борту того корабля не осталось живых, помощник. Найдите того, кто солгал, и немедленно приведите ко мне.

Его помощник четко отдал салют.

— Немедленно, командир.

Он повернулся и вышел, печатая шаг.

Хализ посмотрел на экран. Премияльные за корабль ускользали между пальцами, и это абсолютно не радовало.

— Начать преследование.

Вал Кон тихо выругался, а потом стремительно повернулся обратно к пульту, снова загнал страничку в паз и запросил координаты места назначения, собственное положение, скорость и состояние аккумуляторов.

Они набрали приблизительно четверть той скорости, на которой способны были двигаться в реальном пространстве. Корабль Икстранга ускорился, идя на перехват.

— А мы можем улететь прямо сейчас? — раздался тихий вопрос слева от Вала Кона.

Он повернул голову. Мири неподвижно застыла в кресле второго пилота, не отрывая взгляда от экрана и растущего на нем силуэта икстранского корабля. Лицо у нее стало молочно-белым, вены резко выделились.

— Надо подождать набора мощности, чтобы корабль нацелился на координаты, — сказал он, постаравшись, чтобы его голос звучал ровно. — Через несколько минут мы улетим.

— Через несколько минут они уже будут здесь. — Она сильно прикусила губу и заставила себя перевести взгляд с экрана на его лицо. — Вал Кон, я боюсь икстранцев.

Он чувствовал, как напряжены все мышцы его лица, поэтому не стал пытаться послать ей улыбку.

— Я тоже боюсь икстранцев, — мягко проговорил он. Его глаза скользнули по пульту, потом — по экрану. — Пристегнись.

— Что ты собираешься делать?

Мири пристально наблюдала за ним. Ее лицо было уже не таким бледным, но все тело по-прежнему было напряжено.

— Земляне иногда играют в одну игру, — пробормотал он, деля свое внимание между экраном и пультом, пока его пальцы деловито возились с ремнями безопасности. — Называется «слабо»... Пристегнись, шатрез.

Она послушалась — механически, словно марионетка. А потом заставила себя снова откинуться на спинку кресла и стала смотреть на его профиль.

Вал Кон повернул какой-то выключатель.

— Я вас вижу, чракек икстранг. Пролетайте мимо нас. Мы недостойны стать вашей добычей.

Наступила пауза, необходимая для передачи сигнала, а потом голос, колющий, как битое стекло, ответил на торговом:

— Недостойны? Воры — это всегда достойная добыча! Этот корабль наш, лиадиец. Мы уже один раз его захватили.

— Простите нас, чракек икстранг, мы оказались здесь не по своей воле. Мы вас недостойны. Пролетайте мимо.

— Отдай мне мою добычу, лиадиец, или я отниму ее у тебя, и ты умрешь.

Мири облизала губы, упрямо не желая смотреть на экран. Лицо Вал Кона оставалось гладким и спокойным, голос звучал почти мягко.

— Если я отдам вашу добычу, то все равно умру. Пролетайте, охотник. На корабле только я, недавно получивший ранение.

— На моих сканерах вас двое, лиадиец.

Мири закрыла глаза. Вал Кон, сверяя показания пульта с изображением на экране, еще немного увеличил скорость корабля, доведя ее до половинной.

— Это всего лишь женщина, чракек икстранг. Что это говорит о вашем умении?

Наступило молчание, во время которого Вал Кон еще увеличил скорость и нажал ряд кнопок, которые задали бортовому компьютеру координаты прыжка.

— Когда тебя захватят, лиадиец, тебе будет приятно понаблюдать за тем, как я беру твою женщину? А потом я тебя ослеплю и отдам как игрушку моим людям.

— Увы, чраек икстранг, все это лишь причинит мне боль.

Полную мощность! Икстранский корабль был уже почти достаточно близко — начал заходить для abordaжа, сравнивать скорости и вращение...

— Это причинит тебе боль! — воскликнул икстранец. — Лиадийцам все причиняет боль. Изнеженная раса, созданная для того, чтобы служить добычей сильных. Со временем никаких лиадицев не останется. В городах Лиад будут жить дети Икстранга.

— А на кого тогда ты будешь охотиться, о смелый охотник?

Он перебросил несколько тумблеров, откинулся на спинку пилотского кресла и протянул Мири руку.

Корабль медленно начал вращение.

Икстранец разразился громким хохотом, внушавшим ужас.

— Прекрасно, лиадиец! После твоей смерти никто не скажет, что ты — недостойный кролик. Хороший маневр. Но недостаточно хороший.

Икстранский корабль на экране тоже начал вращаться, неуверенно подстраиваясь под вращение своей добычи.

Пальцы у Мири были холодные. Он ласково сжал их, быстро ей улыбнулся и отпустил руку, снова возвращаясь к пульту.

Он сильнее раскрутил корабль и еще немного увеличил скорость. Икстранцы сравнивали и то и другое. Вал Кон еще усилил вращение, а скорость менять не стал.

— Хватит, лиадиец! Чего ты рассчитываешь добиться? Корабль принадлежит нам, и мы будем действовать, чтобы его сохранить. Неужели ты вообразил, будто мне надоест эта игра и я улечу? Разве ты не понимаешь, что я могу сейчас открыть по тебе огонь и впустить в твой корабль вакуум?

— За разбитые корабли призовых денег не дают, чраек икстранг. И мало радости докладывать, что вас перехитрил лиадиец. Но, — добавил он с глубоким вздохом, — возможно, вы молоды, и это — ваша первая охота...

Из комм донесся вопль ярости — и икстранский корабль подошел еще ближе. Вал Кон еще увеличил скорость вращения. Гравитация внутри корабля увеличивалась. Даже руку трудно было приподнять над пультом, чтобы нажать нужные клавиши. Легкие с усилием прокачивали воздух. Он взглянул на Мири. Она тревожно улыбнулась.

— И насколько быстро ты намерен вращаться, лиадиец? Пока тебя не раздавит гравитация?

— Если понадобится. Я решил не дать вам получить призовые деньги за этот корабль, чракек икстранг. Это стало делом чести. Он прибавил обороты и остановил руку у рычага скорости.

— Не говори мне о чести, животное! Хватит играть! Сейчас мы... Вал Кон резко увеличил скорость до максимума, прибавил еще оборотов, замер, ведя мысленный счет, не отрывая взгляда от пульта... Прыжок!

Глава 26

Сотрясший икстранский корабль взрыв был похож на цунами. Перегруженная аппаратура заискрила и задымилась. Членов команды, не пристегнувшихся ремнями, разметало по стенам, полу и потолку с другими незакрепленными предметами.

Вращение не давало встать, шевельнуться, понять, что случилось. На секунду на корабле воцарился хаос, мертвой хваткой стиснувший легкие и нервы.

— Доклады! Доклады, немедленно!

Начали поступать доклады. Пилота оглушило так, что он ничего не соображает. Адъютанта ударило о стену...

Члены экипажа медленно приходили в себя. Хализ занял кресло пилота, прочел немыслимые показания и замедлил вращение аварийными ракетами. Адъютант пришел в себя и принялся за свою работу. Выяснилось, что целые отсеки погрузились в глубокий сумрак аварийного освещения и не отвечают на запросы.

Системы более не существовало. Отдельные процессоры выполняли свою работу, но главные компьютеры вышли из строя. Отказали и резервные.

Гравитация постепенно снижалась по мере того, как Хализ приводил к повиновению все новые функции корабля. Какому-то технику удалось заставить работать один экран, хотя для того, чтобы получить изображение по всем 360 градусам, Хализу пришлось поворачивать корабль.

— Командир, что случилось? — осмелился спросить адъютант.

— Работай! Поговорим потом.

Они вышли в нормальное пространство, продолжая вращаться. Руки заплесали по пультам, вспыхнувшему аварийным индикаторам, снижая ускорение, останавливая вращение, возвращая все системы к нормальному режиму.

Вал Кон, дрожа от наступившей реакции, обмяк в кресле пилота и повернул голову, выгнув губы в улыбке. А потом вздрогнул.

Сидевшая рядом Мири бессильно обмякла: сеть безопасности удержала ее в кресле, но голова у нее поникла, лицо мертвенно побледнело.

С трудом справившись с защелками, он встал с кресла и, встав рядом с ней на колени, нащупал у основания шеи слабый пульс.

— Мири? — прошептал он.

Сердце у нее билось ровно, дыхание осталось глубоким. Он облегченно прикрыл глаза, а потом быстро встал и взял ее на руки, положил к себе на колени, пристроив ее голову к себе на плечо, и сидел, прислушиваясь к ее дыханию и рассматривая незнакомый узор светил — ту систему, к которой летел корабль.

Спустя несколько минут Мири зашевелилась, пробормотала что-то невнятное и, подняв голову, заглянула ему в лицо, чуть щуря глаза, словно смотрела на чересчур яркий свет.

— Что ты сделал?

Он выгнул бровь.

— Когда?

Она подняла руку в неопределенном жесте, а потом пристроила ее ему на грудь.

— С икстранцами. Почему надо было подпустить их так близко? И гравитация...

Она содрогнулась, и он на секунду крепче обнял ее.

— Мне очень жаль, — сказал он, — насчет гравитации... Что до остального... — Он ухмыльнулся. — Позволь дать тебе первый урок пилотирования. Он заключается в следующем: никогда, ни при каких обстоятельствах не включай сверхсветовой двигатель, если в любую сторону от тебя на расстоянии менее одной тысячной световой секунды находится другой корабль или какая бы то ни было масса. Это крайне опасно. В тех случаях, когда это делали, результат был один из двух.

Иногда оба объекта уходят в гиперпространство, хотя это должен был сделать только один. Оба не возвращаются.

Вторая вероятность такова: поскольку дуракам везет, то для твоего корабля все пройдет, как надо, прыжок кончится благополучно. — Он вздохнул. — Но оставшийся корабль немедленно подвергнется действию энергии гистерезиса, пропорциональной скорости и вращению корабля, совершившего прыжок...

Мири изумленно воззрилась на него.

— Бедные икстранцы! — неискренне проговорила она. — А у нас все в порядке? Мы не сбились с курса? Что бы это ни означало. Он кивнул.

— Корабль остался цел, и мы на умеренной скорости приближаемся к незнакомой солнечной системе. Мы сможем начать ее сканирование через... — тут он посмотрел на пульт, — ...семь часов.

Она вздохнула.

— Зремени хватит на хороший долгий сон. Или на другое.

— Или на другое, — согласился он, подняв руку, чтобы ласково проследить кончиком пальца линию ее щеки.

Мири усмехнулась, но ее улыбка тут же погасла, и она чуть отстранилась от его нежного прикосновения. Лежавшая у него на груди ладонь своим давлением подчеркивала ее слова.

— Я хочу, чтобы ты учел одну вещь, ладно? Никаких сигналов бедствия. Даже если он сработает в пяти шагах от нас, мы с корабля не уходим, *аккази*?

— Да, Мири, — виновато пробормотал он, не справившись с улыбкой, притаившейся в уголке его губ.

— Ох, ты...

Она подалась вперед и поцеловала его.

Третья планета не лишена перспектив, решил Вал Кон спустя несколько часов. Для приличного сканирования расстояние было еще великовато — не то чтобы на этой развалине была аппаратура, идущая хоть в какое-то сравнение с приборами, устанавливаемые на борту кораблей Звездной разведки, — однако эта планета казалась наиболее вероятной из пяти.

— Они там все погибли, да? — спросил печальный голос у него за спиной. — Ни станций, ни шаттлов, ни спутников...

Мири смотрела на экран. Лицо у нее потемнело, потеряло нежный румянец любви. Она безнадежно качала головой, рассматривая пять крошечных планет и их чудесное желтое солнце.

— Мы застряли в самой заднице вселенной и никогда отсюда не выберемся. — Ее губы скривились, и она повернулась, чтобы посмотреть на него. — Ты думаешь, там есть люди?

Вал Кон вдруг вспомнил, что, в отличие от него, Мири специальной подготовки не получала.

— Много людей. По крайней мере на третьей планете. Видишь серебристое мерцание над континентом, похожим на винную бутылку?

Она прищурилась.

— Угу... А что это?

— Смог. — Он улыбнулся и взял ее за руку. — Послушай, Мири: где есть смог, там есть индустрия. Где есть индустрия, там есть средства, чтобы сделать передатчик. А где есть сигнал, туда рано или поздно придет спасательная экспедиция.

Он выгнул бровь — и был вознагражден неуверенной улыбкой.

— Ты ведь не думаешь, что Точильщик допустит, чтобы мы исчезли? — спросил он. — Он наверняка за нами прилетит — в ближайшие лет десять или около того...

Эпилог

Адъютант с инженером прибыли по вызову командира.

— Докладывайте, — приказал Хализ.

Инженер доложил, что положение достаточно плохое. Адъютант доложил, что есть убитые, а еще больше раненых. Корабль вряд ли сможет оказать сопротивление абордажной команде. Инженер, дрожа всем телом, добавил, что, возможно, для возвращения домой не удастся развить полную тягу.

Хализ задумался.

— Очевидно, — объявил он, — что корабль, с которым мы сблизились, во время предыдущего боя получил серьезные повреждения. Он взорвался, освободив энергию, остававшуюся в топливных элементах двигателя. — Он ткнул пальцем в инженера: — Если тебе дорог воздух, которым ты дышишь, в твоём докладе будет написано именно это! Кто доложил, что корабль пуст, адъютант?

— Сэр, это был мой заместитель, Трок.

— Ты лично его пристрелишь. А потом регистрируешь свое разжалование в помощники повара. Это будет твоим званием пожизненно. Ты ошибся в выборе помощников.

— Есть, сэр. Спасибо, сэр, — сказал помощник повара.

— Убирайтесь!

Хализ лениво потрогал крышку над кнопкой самоуничтожения, хотя решение он принял в тот момент, когда приказал застрелить человека. Если бы он намеревался уничтожить корабль, то приказал бы второму адъютанту нажать эту кнопку. Однако он все равно продолжал трогать крышку, пытаясь понять, не провели ли его: не взорвал ли себя тот маленький лиадиец преднамеренно. Или это все-таки была случайная авария.

Его внимание привлек далекий гул — эхо разнеслось по кораблю, как это всегда бывает при выстреле из пистолета.

Командир решил, что это все-таки была случайность. Ни разу за сотни лет лиадийцам не хватило мужества, чтобы поступить подобно икстранцам. Им не хватало чести, чтобы быть по-настоящему достойными противниками. И это измениться не может.

Случайность. Авария.

ЛОВИ ДЕНЬ

PROPERTY OF SOCIETY

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

1900-1901

Второй квадрант Сектор Рамал

Пилот-икстранец недоверчиво воззрился на показания приборов, увеличил разрешение, проверил показания еще раз — и почувствовал, что сердце у него похолодело от ужаса.

— Командир, пилот просит разрешения обратиться.

— Разрешаю, — сказал Хализ.

— Корабль, который мы захватили во время прошлого пролета через эту систему, идет с включенным двигателем, командир. Сканирование показало наличие двух живых существ.

— Доклад пилота принят. Жди приказаний. Помощник!

— Я, командир!

— Мне докладывали, что на борту того корабля не осталось живых, помощник. Найдите того, кто солгал, и немедленно приведите ко мне.

Его помощник четко отдал салют:

— Немедленно, командир.

Он повернулся и вышел, печатая шаг.

Хализ посмотрел на экран. Премияльные за корабль ускользали между пальцами, и это абсолютно не радовало.

— Начать преследование.

Вал Кон тихо выругался, а потом стремительно повернулся обратно к пульту, снова загнал страничку в паз и запросил координаты места назначения, собственное положение, скорость и состояние аккумуляторов.

Они набрали приблизительно четверть той скорости, на которой способны были двигаться в реальном пространстве. Корабль Икстранга ускорялся, идя на перехват.

— А мы можем улететь прямо сейчас? — раздался тихий вопрос слева от Вал Кона.

Он повернул голову. Мири неподвижно застыла в кресле второго пилота, не отрывая взгляда от экрана и растущего на нем

силуэта икстранского корабля. Лицо у нее стало молочно-белым, веснушки резко выделились.

— Надо подождать набора мощности, чтобы корабль нацелился на координаты, — сказал он, постаравшись, чтобы его голос звучал ровно. — Через несколько минут мы улетим.

— Через несколько минут они уже будут здесь. — Она сильно прикусила губу и заставила себя перевести взгляд с экрана на его лицо. — Вал Кон, я боюсь икстранцев.

Он чувствовал, как напряжены все мышцы его лица, поэтому не стал пытаться послать ей улыбку.

— Я тоже боюсь икстранцев, — мягко проговорил он. Его глаза скользнули по пульта, потом — по экрану. — Пристегнись.

— Что ты собираешься делать?

Мири пристально наблюдала за ним. Ее лицо было уже не таким бледным, но все тело по-прежнему было напряжено.

— Земляне иногда играют в одну игру, — пробормотал он, деля свое внимание между экраном и пультом, пока его пальцы деловито возились с ремнями безопасности. — Называется «слабо»... Пристегнись, шатрез.

Она послушалась — механически, словно марионетка. А потом заставила себя снова откинуться на спинку кресла и стала смотреть на его профиль.

Вал Кон повернул какой-то выключатель.

— Я вас вижу, чракек икстранг. Пролетайте мимо нас. Мы недостойны стать вашей добычей.

Наступила пауза, необходимая для передачи сигнала, а потом голос, колющий, как битое стекло, ответил на торговом:

— Недостойны? Воры — это всегда достойная добыча! Этот корабль наш, лиадиец. Мы уже один раз его захватили.

— Простите нас, чракек икстранг, мы оказались здесь не по своей воле. Мы вас недостойны. Пролетайте мимо.

— Отдай мне мою добычу, лиадиец, или я отниму ее у тебя, и ты умрешь.

Мири облизала губы, упрямо не желая смотреть на экран. Лицо Вала Кона оставалось гладким и спокойным, голос звучал почти мягко.

— Если я отдам вашу добычу, то все равно умру. Пролетайте, охотник. На корабле только я, недавно получивший ранение.

— На моих сканерах вас двое, лиадиец.

Мири закрыла глаза. Вал Кон, сверяя показания пульта с изображением на экране, еще немного увеличил скорость корабля, доведя ее до половинной.

— Это всего лишь женщина, чракек икстранг. Что это говорит о вашем умении?

Наступило молчание, во время которого Вал Кон еще увеличил скорость и нажал ряд кнопок, которые задали бортовому компьютеру координаты прыжка.

— Когда тебя захватят, лиадиец, тебе будет приятно понаблюдать за тем, как я беру твою женщину? А потом я тебя ослеплю и отдам как игрушку моим людям.

— Увы, чракек икстранг, все это лишь причинит мне боль.

Полную мощность! Икстранский корабль был уже достаточно близко — начал заходить для абордажа, сравнивать скорости и вращение...

— Это причинит тебе боль! — воскликнул икстранец. — Лиадийцам все причиняет боль. Изнеженная раса, созданная для того, чтобы служить добычей сильных. Со временем никаких лиадицев не останется. В городах Лиад будут жить дети Икстранга.

— А на кого тогда ты будешь охотиться, о смелый охотник?

Он перебросил несколько тумблеров, откинулся на спинку пилотского кресла и протянул Мири руку.

Корабль медленно начал вращение.

Икстранец разразился громким хохотом, внушавшим ужас.

— Прекрасно, лиадиец! После твоей смерти никто не скажет, что ты — недостойный кролик. Хороший маневр. Но недостаточно хороший.

Икстранский корабль на экране тоже начал вращаться, неуверенно подстраиваясь под вращение своей добычи.

Пальцы у Мири были холодные. Он ласково сжал их, быстро ей улыбнулся и отпустил руку, снова возвращаясь к пульту.

Он сильнее раскрутил корабль и еще немного увеличил скорость. Икстранцы сравнивали и то и другое. Вал Кон еще усилил вращение, а скорость менять не стал.

— Хватит, лиадиец! Чего ты рассчитываешь добиться? Корабль принадлежит нам, и мы будем действовать, чтобы его сохранить. Неужели ты вообразил, будто мне надоест эта игра и я улечу? Разве ты не понимаешь, что я могу сейчас открыть по тебе огонь и впустить в твой корабль вакуум?

— За разбитые корабли призовых денег не дают, чракек икстранг. И мало радости докладывать, что вас перехитрил лиадиец. Но, — добавил он с глубоким вздохом, — возможно, вы молоды и это ваша первая охота...

Из комм донесся вопль ярости — и икстранский корабль подошел еще ближе. Вал Кон еще увеличил скорость вращения. Гравитация внутри корабля увеличивалась. Даже руку трудно было приподнять над пультом, чтобы нажать нужные клавиши. Легкие с усилием прокачивали воздух. Он взглянул на Мири. Она тревожно улыбнулась.

— И насколько быстро ты намерен вращаться, лиадиец? Пока тебя не раздавит гравитация?

— Если понадобится. Я решил не дать вам получить призовые деньги за этот корабль, чракек икстранг. Это стало делом чести. Он прибавил обороты и остановил руку у рычага скорости.

— Не говори мне о чести, животное! Хватит играть! Сейчас мы...

Вал Кон резко увеличил скорость до максимума, прибавил еще оборотов, замер, ведя мысленный счет, не отрывая взгляда от пульта... Прыжок!

Лафкит Таверна Неефры

Земную тварь звали Джефферсоном. Она потела, с трудом выдавливая слова, лила теплое пиво себе в глотку, бесцельно размазывала ручищами, время от времени дергала своего собеседника за рукав — и все болтала, болтала...

Большая часть ее слов абсолютно не представляла интереса для лиадийца, который стоял рядом и аккуратно подносил к губам рюмку с отвратительным местным вином. Однако Тиль Фон сиг-Алда обладал немалым терпением — если не природным, то благоприобретенным, — и обрывки полезной информации, подмешанные к словесному хламу, были бесценными сокровищами.

— Икстранцы, — говорила тварь, возбужденно хватаясь за пустой стакан. — Ты ж понимаешь, кто еще это мог быть? Корабль обчистили, но не взорвали — Тансер сказал, за ним вернуться, никуда не денутся. У икстранцев за захваченные корабли премии дают...

Тут тварь замолчала. Ее собеседник махнул рукой бармену, требуя очередную порцию пива. Тварь рассеянно приняла стакан, выпила и вытерла рот тыльной стороной руки. Она тревожно обвела взглядом шумный бар и наклонилась так близко, что ее собеседник ощутил пары пива, запах пота и вонь страха. От сиг-Алды потребовалась вся его выдержка, чтобы не отшатнуться с омерзением.

— Тансер знал, что это икстранцы, — шепло прошептал Джефферсон, — точно знал! И оставил их там. Живых. Мог бы всадить в них пулю — быстро и чисто. Но черепаха сказала, чтобы их отпустили, а босс сказал — ладно...

Похоже, тварь задохнулась от ужаса. Она отстранилась, сверкая выкатившимися от страха глазами. Сидевший рядом слушатель сделал глоток вина и произнес что-то успокоительное в том роде, что поведение Стаи — неразрешимая загадка, но они вроде бы стараются не вмешиваться в дела... людей.

— Эта черепаха еще как вмешалась, — с жаром сказала тварь по имени Джефферсон. — Сказал, что они какая-то там родня — брат и сестра. Представляешь, что это за псих?

И она снова хлебнула пива.

Почти достоверно можно было сказать, что жертвами были Вал Кон Йос-Фелиум и сопровождавшая его женщина. Хотя зачем агенту могло понадобиться лететь куда-то в подобном обществе, понять было невозможно. Тиль Фон сиг-Алда заставил себя глотнуть еще приторного вина. Женщина... В штабе предположили неудачу на обратном пути — решили, что женщина, возможно, служила каким-то прикрытием. Достаточно убедительная теория.

Если только, подумал сиг-Алда, ему не удалось как-то сломать свою программу. Немедленно включившийся Контур показал, что подобное невероятно на 0,999. Агент ощутил некое отстраненное, слабое чувство облегчения. Контур был тайным оружием Департамента Внутренних Дел, беспристрастным мысленным компьютером, который имплантировали только самым лучшим агентам. Его руководство было необходимо для того, чтобы Департамент мог одержать победу над врагами Лиад. Он был неотъемлемой частью их подготовки. Программу сломать было невозможно.

Тварь по имени Джефферсон снова подалась вперед, дыша пивом в лицо сиг-Алде.

— У меня есть сын, — хрипло объявила она.

— Правда? — пробормотал агент. А потом, заметив, что тварь ждет какого-то другого отклика, сказал: — У меня самого есть дочь.

Тварь удовлетворенно кивнула — варварский земной жест — и немного отодвинулась.

— Тогда ты понимаешь.

— Понимаю?

— Понимаешь, что это значит, — пояснила тварь, излишне громко, но все-таки не настолько громко, чтобы в шумной таверне на нее обратили внимание. — Понимаешь, каково о них тревожиться. Мой мальчик... А та черепаха говорила... может, хвасталась. Может, вообще врал. Кто знает, что для черепахи правда?

Относилось ли это к делу или было очередным бредом этой твари? Сиг-Алда мысленно пожал плечами. Как это определишь?

— Но что она сказала? — спросил он у земной твари. — Та черепаха?

— Сказала, что его клан, или семья, или яйцо, или что там у них есть, перебьют всех членов семьи до единого, если мы не сделаем того, что она хочет. — Тварь допила остаток пива и со стуком поставила кружку на стол. Ее полубезумные глаза наполнились мраком отчаяния. — А Тансер оставил их прямо на пути у икстранцев — и это после того, как черепаха велела их отпустить. О боги!

Наступило долгое молчание, во время которого Контур показал шансы того, что Вал Кон Йос-Фелиум и его женщина, кто бы она ни была, остались живы, брошенные на корабле, ожидающем возвращения икстранцев и лишенные координат и аккумуляторов.

0,001.

Ну что ж. Он улыбнулся твари.

— Может, еще пива?

— Не...

Земная тварь начала дергаться и вдруг заторопилась — может, вдруг поняла, что излила свои тайны какому-то незнакомцу.

Сиг-Алда мягко взял землянина за рукав:

— Слушай, а никто не проверял, там ли еще тот корабль? Даже икстранцы могут время от времени ошибаться.

Полный отчаяния взгляд был снова устремлен в его лицо.

— Когда мы залетели посмотреть, он исчез. — Тварь судорожно сглотнула. — Тансер смеялся. — Острый кадык еще раз дернулся. — У Тансера ребятишек нет.

Тварь резко оттолкнулась от стойки бара и протянула заскорузлую руку:

— Мне пора. Спасибо за угощение.

Сиг-Алда вложил свою руку в лапищу твари, заставив себя выдержать давление и странное подергивание вверх и вниз.

— Может, еще увидимся.

— Угу. — В ответе Джефферсона уверенности не было. — Может быть. — Grimаса, приподнявшая угол губ, могла быть улыбкой. — Ну, доброй ночи.

Тварь повернулась и зашагала прочь, оставив сиг-Алду разглядывать липкую рюмку.

Джефферсон поспешно шел по узким переулкам и улочкам, проклиная свой длинный язык, свою жажду и жуткий сосущий страх в животе.

Тот мужчина был лиадиец. И может быть, женщина тоже. Икстранцы и лиадицы — враги до мозга костей. Они враждуют давно, еще когда землян здесь близко не было. Джефферсон попытался проглотить тошнотворный ужас. Икстранцы придумают, как обойтись с парой представителей древней расы своих врагов...

Джефферсон привалился к фонарному столбу, чтобы отдохнуть и дожидаться, пока пройдет судорожная дрожь. Однако его только затрясло сильнее, так что он изо всех сил вцепился в столб и зажмурился.

Он так и не увидел, как в глубине пустой улицы шуплая тень прицелилась, не услышал приглушенного, воспитанного хлопка पि-столета, не почувствовал, как пуля вошла ему в ухо, вспоров мозга.

* * *

Землянин медленно завалился, словно упав в обморок, — и остался лежать в луже тусклого света. Тиль Фон сиг-Алда спрятал оружие, посмотрел направо и налево, а потом осторожно приблизился к труп. Он быстро опустошил кошель и карманы, не оставив никаких ценностей. Убийство должно быть истолковано как обычный разбой — такое может случиться с каждым, кто в одиночку идет по темным проулкам Лафкита.

Джефферсон без принуждения сообщил ему много полезного. Оставить тварь в живых было бы опасно для самого сиг-Алды. Более того, это убийство было небольшим актом отмщения за то, что лиадийца — любого лиадийца — оставили икстранцам. И как это ни печально, но этот лиадиец был членом его собственного Департамента, причем одним из лучших. Имя Тансера было зарегистрировано. В докладе сиг-Алды оно будет упомянуто, и можно не сомневаться в том, что и здесь будут сведены счета.

Сиг-Алда отступил назад, отметив, что Контур обещает ему высочайшую вероятность попасть на шаттл, отлетающий на Первую станцию, а оттуда — на борт «Раслена», его корабля. Однако он медлил: ему не давала покоя некая мысль, которая вообще-то его волновать не должна была. Ему было только поручено определить, что именно произошло с Вал Коном йос-Фелиумом, который исчез, отправляясь в штаб с докладом. И все же оставалась эта проклятая женщина... Нет. Он улетит сегодня же, поскольку собрал на Лафките всю информацию, относящуюся к заданию. В его докладе командующему будет отражена уверенность Джефферсона в том, что йос-Фелиум и та женщина попали в руки икстранских пиратов, а также то, что Контур это подтвердил. Тратить время на попытки разузнать что-нибудь о прошлом той женщины бессмысленно. Ему не поручали составлять ее некролог.

С этой мыслью он повернулся и растворился в темноте, оставив улицу лужице света и тому, что лежало в ней.

Лиад Треалла Фантрол

— Нет! Ни в коем случае!

— Шан... — Нова йос-Галан бросилась вперед и тонкой рукой поймала брата за рукав. Запрокинув голову, она заглянула ему в лицо — и увидела, как в его серебряных глазах застывают льдинки, а вокруг большого рта пролегают упрямые морщинки, характерные для всех членов Клана Корвал. — Шан, ради всех богов!

Он сделал над собой усилие — глубоко вздохнул, потом вздохнул еще раз.

— Значит, Первый представитель желает, чтобы я заключил брачный контракт. Почему именно сейчас? Почему не на прошлой неделе и не на будущей? Тебе предложили выгодную сделку для самого тупого члена Клана? Это — бессмысленный произвол, сестра!

Она отпрянула, пораженная гневом, полыхнувшим в лице и в словах брата.

— Это из-за Вал Кона! Мне... мне надо принимать во внимание наши обязательства. Его нет уже так давно...

— А его в самом деле нет? Я действительно довольно давно его не вижу; можно ли сказать, что его нет?

Нова подняла руку, подошла к пульту и, нажав несколько кнопок, вернула экран к жизни.

Он подошел ближе, глядя, как она пролистывает информацию, а потом останавливается на нужном месте.

— «Однако точка зрения Первого представителя вполне верна в том, что касается необходимости обучения Наделма, — зачитала она. — Я обязуюсь явиться после своих тридцатых именин при первой же представившейся мне возможности, чтобы Первый представитель и поверенный Клана Корвал научили меня управлять Кланом. Первый представитель, моя сестра, совершенно ясно дала мне понять, что мне предстоит пройти обучение на Делма в кратчайшие сроки».

Кроющееся за этими немногими словами раздражение Шан ощутил так же отчетливо, как напряженность, звеневшую в Нове.

— Он дал мне слово — в последнем письме, которое я от него получила — уже три стандартных года тому назад. После его именин прошло больше релюммы, а никаких известий я так и не получила! Ради блага Клана Корвал я должна быть готова. И Род йос-Галан тоже должен быть готов!

— Значит, он мертв?

Его вопрос прозвучал совершенно спокойно. Не будь Нова так взвинчена, она бы этому спокойствию не поверила. Но и без того она ахнула и всмотрелась в его лицо, смутно ощутив, что в ходе этого разговора рамки *меланти* сместились, так что теперь это не Первый представитель Клана Корвал, элдема-пернарди, совещается с Главой рода йос-Галан, а младшая сестра умоляет о чем-то старшего брата.

— Мертв? — переспросила она, взволнованно переплетая золотистые пальцы. — Откуда мне знать? На мои вопросы не отвечают! В Разведке говорят, что его три года назад прикомандировали к Департаменту Внутренних Дел. В Департаменте Внутренних Дел говорят, будто ему предложили отпуск, а он от него отказался и что они не обязаны насильно отправлять человека туда, куда ему яв-

латься не хочется. Они отказываются передать просьбу, чтобы он навестил Клан при первой возможности...

«А вот тут, — решил Шан, — что-то не так. Даже Разведчики, которые пренебрежительно относятся ко многим лиадийским правилам, в свое время отправили через все звезды сообщение по открытому лучу, что Разведчика капитана Вал Кона Йос-Фелиума срочно ждут дома по делам Клана. И Вал Кон явился — на удивление быстро, — не оправившись от чрезмерного количества прыжков, которые он сделал без передышек, чтобы вместе со всеми стоять и плакать у гроба своей приемной матери».

— Если он отказывается к нам вернуться, — с отчаянием говорила Нова, — если он до сих пор так на меня сердится...

Шан знал, что в этом-то все и дело. Когда Вал Кон в последний раз был дома, он поругался со своей сестрой, Первым представителем, из-за ее настояний, чтобы он заключил брачный контракт и дал Клану наследника. Эта ссора длилась уже несколько лет, с небольшими вариациями, когда то один, то другая добивались какого-то преимущества. Нова, как Опекун Клана, не могла оказывать реального давления на Главу Клана, вне зависимости от того, считает ли он нужным в данный момент взять Кольцо и стать Делмом или остается всего лишь Вторым представителем. Однако Второй представитель обязан подчиняться Первому, как и любой член Клана, а Клан требовал от каждого своего члена ребенка — таков был общий Закон Клана. Интересная проблема меланти и этики, конечно, — и Шан был рад наблюдать за ней со стороны. Очевидно, что даже Вал Кон хотя бы отчасти подчинился требованиям меланти, о чем свидетельствует его недовольное письмо. И все же...

— Это на него непохоже, денубиа. Вал Кон никогда не был таким злопамятным.

Его попытка утешить сестру оказалась неудачной. Лиловые глаза Новы налились слезами, руки судорожно сжались.

— Значит, он мертв!

— Нет. — Он наклонился и обхватил ее лицо своими большими смуглыми ладонями. — Сестра, слушай! Разве Антора сказала, что он умер?

Нова заморгала, всхлипнула и замотала головой так энергично, что ее светлые волосы обвилились вокруг его запястий.

— А ты ее спрашивала?

Нова снова покачала головой. Тонкие волосы скользили по его рукам, словно драгоценный шелк, и он понял, что ее приводят в ужас две вещи.

— Антора — драмлиза, — терпеливо стал объяснять Шан, начиная в приливе жалости протягивать утешительную нить Целителя. — Она когда-то сказала мне, что мы все у нее в голове, как языки пламени. Лучше прямо спросить ее и узнать наверняка.

Нова провела по губам кончиком языка. Она колебалась.

— Спроси, — действительно повторил он, с удовлетворением замечая, как под плетением утешения и ненавязчивой надежды утихает ее волнение. — Если этот Департамент Внутренних Дел открыто нарушает клановые традиции, то мы сами начнем поиски. В конце концов, у Клана Корвал есть кое-какие ресурсы.

— Да, конечно, — пробормотала она, прижимаясь щекой к его ладони.

Столь открытая демонстрация нежности была для Новы совершенно нехарактерна. Шан осторожно снизил интенсивность влечения и отнял руки. С Новой все будет в порядке, решил он. Первый представитель Клана Корвал отличается спокойной рассудительностью. Даже без его помощи она очень быстро взяла бы себя в руки и сделала все, что сочтет необходимым для сохранения Опекаемого Клана ради Самого Корвала.

Шан чуть покачал головой. Он некоторое время занимал пост, принадлежащий теперь Нове, и сомнительная привилегия руководить Кланом, состоящим из столь разных и волевых личностей, не вызывала у него зависти. Его корабль, «Исполнение долга», был ему больше по вкусу и больше соответствовал его способностям. А Нове торговля была скучна неимоверно.

Он улыбнулся ей — единственный из трех йос-Галанов, унаследовавший рост их матери-землянки.

— Спроси Антору, — еще раз посоветовал он. — И скажи мне, что я могу сделать, чтобы помочь найти нашего брата.

Она ответила ему бледной улыбкой, лишь чуть-чуть изогнув бледные губы.

— Я подумаю. А тем временем ты подумай о том, с чего мы начали разговор...

В нем вспыхнул гнев, но он сдержал его, не желая дать Нове повод бояться, что она потеряла еще одного брата.

— Я не буду заключать брачных контрактов. Я свой долг исполнил, и Клан получил под опеку мою дочь. Я более чем исполнил свой долг: я слышал, что ребенок, которого получил от меня род Лазмелн, собирается стать пилотом. Оставим эту тему.

— Если Вал Кон погиб — если он *экликти*, — тогда Род йос-Галан должен быть готов занять положение Первого Рода Клана. Ты — Тоделм йос-Галан — глава нашего Рода! Ты — Анаделм, ты должен стать следующим Делмом, если Вал Кон...

— ЕСЛИ Вал Кон! — Гнев на секунду вырвался наружу, но он снова его спрятал. — Если даже Антора объявит, что наш брат умер, я все равно потребую, чтобы мне показали его тело: это мое право как родственника, мое право как *чалекет*, мое право как Анаделма! Ты меня так легко Главой Корвал не сделаешь, сестра. И брачного контракта я больше не заключаю, и в этом я даю клятву!

На ее лице отразилось глубокое потрясение. Горе будто клубилось вокруг нее горьким дымом, и он отвесил ей поклон — совершенно официальный.

— С позволения Первого представителя, — отрывисто сказал он и ушел, не дожидаясь этого позволения.

Лиад Солсинтра

Шан добрался до дома Присциллы с наступлением темноты, когда волшебные огоньки внутри прозрачной дорожки засветились под его подошвами, словно снежные хлопья. Двумя шагами взлетев по четырем ступенькам, ведущим в узкую прихожую, он приложил ладонь к двери. Она скользнула в сторону, впуская его, — и даже по прошествии стольких лет его сердце сжалось от ощущения этого чуда.

Присцилла лежала в кабинете на подушках перед только что разложенным огнем, в окружении бумажных сугробов. Их кот, Даблин, возлежал во всей своей полосато-апельсиновой красе на чисто вымытом деревянном полу. Услышав шаги Шана, он повел ушами, но не соизволил повернуть головы. А женщина подняла голову. Ее черные глаза смеялись, плетение эмоций переливалось радостью — нежностью — заботой — желанием.

— Привет, любимый.

— Тебе все-таки следовало бы переделать эту дверь, Присцилла. Сюда может войти кто угодно.

Присцилла тихо засмеялась, глядя, как Шан идет к ней, открытая своей радости и ценя ее. Она знала, что читает его чувства так же хорошо, как он читает ее... Или она читает лучше? В конце концов, Присцилла ведь была не просто Целительницей, она была драмлизой — одной из настоящих волшебниц. Правда, на Синтии, планете, где она родилась, правильно было говорить «ведьма».

— Ты ел? — спросила она, откладывая в сторону пачку бумаг и протягивая Шану руку. — Я могу распорядиться, чтобы Тейас что-нибудь тебе принесла.

Он взял ее прохладную руку и, повинувшись нежному, но настойчивому давлению, опустился на подушку, положив подбородок на кулак. Присцилла свернулась калачиком лицом к нему, устроив щеку на белоснежной руке. Она была обнажена до пояса, как обычно дома, и платиновые кольца у нее в ушах сияли на фоне коротких кудрей цвета грозовой тучи.

— Я не голоден, — ответил он, положив руку ей на грудь. Под его ладонью набух сосок, и он ощутил вспыхнувшее в ней желание. Посмотрев ей в глаза, он улыбнулся. — Привет, Присцилла.

— Привет, Шан. — Изящный палец проследил суровый контур его щеки, потом скользнул выше, чтобы скользнуть по дуге брови цвета инея. — Нова тебя рассердила.

— У нее на это талант. Слишком похожа на нашего отца, бедняжка. Бойтся, что навсегда прогнала Вал Кона или что он умер и теперь Кланом должна командовать она.

Когда Присцилла Мендоса оказалась на борту «Исполнения долга», со смерти его отца прошло уже два года. Однако она была знакома с Новой и Вал Коном: Даблин, который как раз начал у огня первые движения своего ритуала умывания, был получен ею в подарок от Вал Кона.

Присцилла нахмурилась:

— Но ведь это на него не похоже? Она связывалась с Разведкой? Передала ему просьбу приехать домой?

Шан со вздохом откинулся на подушки, устремив взгляд светлых глаз к потолку.

— Она попыталась. Но вот тебе еще одна странность, Присцилла. В Разведке говорят, что командор Вал Кон йос-Фелиум не работает у них больше трех лет: он был прикомандирован к некоему учреждению, которое называется Департаментом Внутренних Дел. Это тебе что-то говорит?

Она покачала головой.

— Ну и мне тоже, если на то пошло. Это надо проверить... Короче, Нова связывается с этим Департаментом Внутренних Дел и просит передать командору йос-Фелиуму послание — по праву родства, как она им говорит. Первому представителю необходимо, чтобы он прибыл в Треалла Фантрол, по делам Клана.

— Департамент Внутренних Дел счастлив ей помочь, — предположила Присцилла, когда молчание затянулось.

Шан хмыкнул.

— Департамент Внутренних Дел сообщает Первому представителю Клана Корвал, что с командором йос-Фелиумом в настоящий момент связаться не представляется возможным, и добавляет, что он — не лакей Клана Корвал, чтобы носиться с его сообщениями по всей галактике. Нова указывает им, что они нарушают Правила Кланов, поскольку командор не возвращался домой на отпуск все три года, которые работал на Департамент. Департамент отвечает, что ему несколько раз предлагали отпуск, от которого он неизменно отказывался, а они не считают себя обязанными заставлять человека ехать туда, куда он не хочет.

— И Нова в ярости бросает трубку, — пробормотала Присцилла. Он резко хохотнул:

— Совершенно точно!

— Но чего она добивалась от тебя? Ведь голос элдема-пернарди Клана Корвал имеет больше веса, чем голос Тоделма йос-Галана?

— Первый представитель в своей мудрости пожелала, чтобы Тоделм йос-Галан заключил брачный контракт.

Ее пронзил шок, приправленный изумлением, смятением — и первыми отголосками горя.

— Присцилла... — Он потянулся к ней телом и мыслями, прижал к себе. Ее кулачок уперся в его грудь, несмотря на волну утешения и любви, которой он затопил ее сознание. — Присцилла, этого не будет! Я этого не допущу, и я ей так и сказал. Мой долг выполнен, и...

— Если Первый представитель отдаст приказ, тебе придется. Но почему? — К другим мукам добавились отчаяние и ощущение, что ее предали: она причисляла Нову к своим друзьям. — Вал Кон умер, в этом дело? В Департаменте Внутренних Дел ее обманули? Нет — они ответили, что с ним невозможно связаться, значит, сказали правду. Своего рода. Если Вал Кон погиб...

Она приподнялась на локте и устремила на него широко распахнутые черные глаза.

— Тогда ты — Делм, да? Глава Клана Корвал.

— Я не Делм, Присцилла. Постарайся быть разумной! Прочитай мои чувства! Разве я его оплакиваю — брата моего сердца? Ну, скажи?

— Нет.

Он глубоко вздохнул, ощущая, как тепло ее любви просачивается в его кости, словно порция крепкого бренди.

— Обязанность Новы как Первого представителя заключается прежде всего в том, чтобы сохранять Клан Корвал для Вал Кона, который является Главой Клана. Но Клан существует и в том случае, если Вал Кона нет, и осмотнительному Первому представителю нужно учитывать все возможности, составлять планы на все случаи — так же, как капитану и первому помощнику, понимаешь?

Эти слова заставили ее улыбнуться, хотя она продолжала пристально наблюдать за ним.

— Нова должна учитывать возможность смерти Вал Кона, так же как и то, что он мог уйти из Клана, — продолжил Шан. — Но чувство собственной вины заставляет ее выбирать в первую очередь самый худший вариант. Не без основания — в последнее время йос-Фелиумы были склонны уходить из Клана. Например, дядя Даав — отец Вал Кона, вот уже двадцать пять стандартных лет или даже больше, как он исчез. Нова забывает, что он удалился ради Равновесия, а не в гневе. Не то чтобы это сильно меняло дело: исчез — значит исчез. Но ты должна понять, что Первый представитель обязана предусмотреть и такой вариант, когда йос-Галан станет Первым семейством Клана Корвал — если минует тридцать пятый день

рождения Вал Кона, а он не возьмет Кольца. Она просто начинает строить свою стратегию слишком рано и не имея достаточной информации. Корвал должен найти своего Наделма, а Первый представитель должен прямо поставить перед ним вопрос. Вот и все.

— А сколько Вал Кону сейчас? Тридцать?

— Недавно исполнилось, — подтвердил Шан. — У нас есть пять лет на то, чтобы его найти.

Присцилла не стала говорить, что разведчик может прятаться в двенадцать раз дольше и что галактика велика. Вместо этого она наклонилась к нему, устремив взгляд прямо в его глаза. Ее губы отделяло от его губ расстояние меньшее усика Даблина.

— Ты — мой, — сказала она.

Это не было приказом: это была констатация ее убежденности, открытая его возражениям.

Он поднял смуглые руки, бесцеремонно запустив пальцы в копну ее кудрей.

— Всем моим сердцем.

Уничтожив разделявшее их расстояние, она поцеловала его — неспешно, а потом, уступив его жару, крепче. Ее пальцы расправились с его рубашкой, потом — с ремнем... И они любили друг друга телом, сердцем и умом, в беспорядке рассыпав подушки и бумаги и надоев бедняге Даблину до зевоты.

Уже гораздо позже, когда они оба выпили по рюмке-другой и немного поели и поднялись в спальню, Присцилла, свернувшись под одеялом, прошептала ему на ухо:

— А с Вал Коном все в порядке? Даже если он жив, он мог попасть... в переделку.

Шан сонно рассмеялся и уткнулся лицом ей в плечо.

— Поверь мне, Присцилла. Где бы Вал Кон сейчас ни находился, у него есть все самое лучшее.

Орбита Запретный мир И-2796-893-44

Мири резко постучала по стене примерно на уровне своего плеча и услышала гул сплошного металла. Она вздохнула, одновременно и с облегчением, и с досадой. В переходе тайников не оказалось, а это означало, что ей не придется снова разбираться с горой любительских телескопов, кукол или драгоценностей. Правда, это означало и то, что на этом корыте нет ничего, что походило бы на

завош или витамин. А ведь у нее на руках находился наполовину исправившийся от ран солдат!

В одном из тайников обнаружилось единственное платиновое кольцо с двенадцатью идеально подобранными по цвету и размеру изумрудами. Вал Кон вручил его ей с изящным поклоном и улыбкой:

— Это тебе. Ручная работа.

— Оставь себе, — велела ему Мири. — Подходит к твоим глазам.

Однако он настоял на своем, и теперь кольцо лежало у нее в кошельке вместе с вышербленным сапфиром, гарнитуром из кольца и кольца, диском с эмалью, губной гармошкой и парой батончиков сухого пайка. Она бы все это променяла на горсть хороших пищевых добавок.

— Дьявол! — буркнула она и привалилась спиной к прохладной стене, гневно глядя на окружавший ее украденный комфорт.

Вал Кон отметил, что яхта великолепно оснащена, указав на новейшую систему очистки воды, подсвеченные потолки и стены и даже тип и мощность аккумуляторов, которые они разнесли на куски в том отчаянном прыжке от икстранцев.

Абордажная команда пиратов вымела яхту дочиста. На камбузе было пусто — даже поварской пульт демонтировали и унесли. Им просто крупно повезло, что икстранцы не искали тайников, иначе ей с Вал Коном не осталось бы и семги с солеными крендельками.

«И какого черта ты вообще здесь делаешь?» — неожиданно спросила она себя.

Все происходило так стремительно. Она замужем. Как, во имя всего святого, она оказалась замужем?

— Чертов лиадиец меня охмурил, — сообщила она пустому пешеходу.

А потом негромко засмеялась. Ее обошли три раза: она стала женой и напарницей лиадица, сестрой огромной бутыльно-зеленой черепахи, имя которой было длиннее самой Мири, застряла на испорченной прогулочной яхте на орбите планеты, которая, по уверениям ее нового мужа, наверняка находится под запретом.

— Скучала, а, Робертсон? Жизнь была недостаточно интересной, когда за тобой охотились одни только Хунтавас?

Она снова рассмеялась и покачала головой, а потом оттолкнулась от стены и отправилась обратно на мостик. Жизнь...

На мостике верещало радио и мелодично позванивал компьютер, а посреди этого шума тихо сидел стройный темноволосый мужчина. Мири застыла в дверях, и у нее екнуло сердце. Она пристально посмотрела на его неподвижную фигуру, вспомнив тот случай, который произошел всего несколько дней назад: тогда он был вот так же неподвижен — и смертельно опасен для них обоих.

Она неслышно прошла к креслу пилота, с облегчением отметив, что в его плечах заметно только обычное напряжение, вызванное усталостью и полной включенностью — ничего похожего на шок или неадекватную попытку обрести свободу.

Тем не менее, стоя незамеченной у него за спиной и глядя, с каким сосредоточенным лицом он протягивает свою изящную руку, чтобы чуть-чуть повернуть тумблер, Мири ощутила прилив страха. Похолодев, она импульсивно прикоснулась к его запястью, помогав отладке.

— Прекрати! — рявкнул он, быстро подняв голову.

— По-прежнему здесь, а, босс? — Она убрала руку. — Пора сделать перерыв.

— Позже.

Он снова повернулся к пульту, сосредоточиваясь на бессмысленной болтовне, которая летела с поверхности планеты.

— Я сказала — сию минуту, космолетчик!

В ее голосе звучала вся властность сержанта-наемника, и она приготовилась к ответному удару.

Его яркие зеленые глаза были снова устремлены на нее, губы сжались, и все его выражение говорило о том, что он намерен поступать по-своему, и к черту последствия... И вдруг он улыбнулся, отбрасывая прядь волос со лба.

— Шатрез, прости меня. Я ушел в работу, и хотел только сказать, что пытаюсь...

— Устроить себе неприятности, — перебила его Мири. — Ты не слезал с этого кресла уже десять часов. Тебе надо поесть, тебе надо пройтись, тебе надо отдохнуть. Не так уж давно между тобой и Последней Прогулкой стояли только автоврач и напуганный наемник.

Наступило долгое молчание: зеленые глаза мерились с серыми. Вал Кон первым вздохнул и отвел взгляд.

— Хорошо, Мири.

Она посмотрела на него с подозрением:

— Что это значит?

— Это значит, что я сделаю перерыв сейчас: немного похожу и поем с тобой. — Он устало улыбнулся и нежно провел пальцами по ее щеке. — Я иногда закикливаюсь на чем-то одном, несмотря на все усилия моих близких. — Его улыбка стала ярче. — Мне не хочется, чтобы ты решила, будто я плохо воспитан.

— Конечно, — неуверенно ответила она, почувствовав в его словах какую-то шутку. Она указала на пульт. — Ты все еще вылавливаешь информацию? Потому что я могу немного послушать, пока ты будешь отдыхать.

— Это было бы полезно, — сказал он, вставая и потягиваясь. Мири улыбнулась ему. Приятно было глядеть на подтянутое ловкое

тело и безбородое золотистое лицо. Подняв руку, она прикоснулась к его правой щеке, а он повернул голову и поцеловал кончики ее пальцев. — Скоро, — пообещал он и бесшумно скользнул к двери.

Укоризненно качая головой в адрес своего отчаянно забившегося сердца, Мири уселась в кресло пилота и взяла наушники.

На обед была первоклассная миловийская лососина, булийские закусочные крендельки и вода. Они обедали, сидя на ковре посреди разгрома, который воцарился, по-видимому, на месте личной каюты владельца яхты.

Вал Кон поглощал свою порцию быстро и сосредоточенно. Вид у него был такой, будто он загружает в топку белковое горючее, а вкус и разнообразие не имеют никакого отношения к приему пищи.

Она ела медленнее — надоела однообразная еда, — но заставила себя прикончить всю свою порцию. Когда она наконец подняла голову, то обнаружила, что Вал Кон пристально смотрит на нее.

— Весь этот корабль — просто психушка, — проворчала она. — Лососина лучшей марки, телескопы, куклы, драгоценности, тайники и страничка координат, полная Запретных миров. Что это значит?

— Предметы роскоши — это взятки, — тихо проговорил Вал Кон. — А тайники — для того, чтобы их прятать. Все очень просто.

— Вот как? — Она заморгала. — Кто-то торгует с карантинными мирами? Но это...

— Незаконно? — Вал Кон пожал плечами. — Это незаконно только в том случае, если тебя поймут.

— Ничего себе взгляды для Разведчика!

Он засмеялся:

— Я тебе еще не рассказывал о моей бабке?

— Не знаю, когда ты мог успеть это сделать. А что?

Он улыбнулся:

— Она была контрабандистка.

— Да что ты говоришь? — спокойно отозвалась Мири. — А чем старушка занимается сейчас?

— Прости, — пробормотал он. — Мне следовало бы сказать — моя далекая прабабка, Кантра йос-Фелиум, одна из основательниц Клана Корвал.

Она ухмыльнулась.

— Ну, тогда она вряд ли придет, чтобы ставить всех родственников в неловкое положение, так? — Тут до нее дошло. — Кантра? Как деньги?

— Вот именно, — ответил Вал Кон, неожиданно зевая. — Кантра, как деньги.

— Поспи-ка лучше, босс, — посоветовала она, без особой надежды на то, что он вдруг забудет о болтливом радио и цепочках сигналов, которые надо наложить друг на друга и записать.

— Неплохая мысль.

Он снова вздохнул и, не колеблясь, растянулся на ковре, положив голову ей на колени.

— Это что ты еще придумал?

— Я устал, Мири.

Она возмущенно посмотрела на его замкнутое лицо:

— И ты решил пристроить голову прямо сюда?

Один зеленый глаз приоткрылся.

— Мне положить ее на пол?

— Положить... Знаешь, что я тебе скажу? Ты донельзя избалован. Глаз закрылся.

— Несомненно.

— Богатенький мальчик из преуспевающей семьи. Никогда не знал неприятностей. Никогда не сталкивался с трудностями. У тебя всегда было что-то мягкое, куда пристроить голову...

— Несомненно. Однозначно. Монеты и кареты. Шелка и жемчуга. Малчеты и фельдофины.

Мири тревожно посмотрела на него, невольно отметив длинные темные ресницы и четко очерченные нежные губы.

— А что такое малчет и фельдофин?

Оба глаза широко открылись и посмотрели на нее из странно-го, перевернутого положения.

— Не знаю, Мири. Но что-то эти слова должны значить.

— Пора бы мне уже к тебе привыкнуть. — Она тяжело вздохнула и подняла руку, чтобы убрать прядь волос у него со лба. — Но я не умею спать сидя.

— А! Готов согласиться, что это — убедительная причина, чтобы я положил голову на пол. — Он так и сделал, а потом открыл объятия. — Иди в постель, Мири.

Она со смехом легла рядом с ним и пристроила голову ему на плечо.

Лиад Солсинтра

Зазвучал сигнал срочного вызова. Шан вскочил, разметав одеяла, и ударил ладонью по кнопке, еще не успев окончательно проснуться.

— Йос-Галан! — рявкнул он в микрофон и только потом понял, что рядом с ним стоит Присцилла.

— Это рубка, кэп. Извините, что потревожил.

— Ничего, Расти. Я люблю, чтобы мой сон прерывали на учения команды. Я полагаю, что у нас действительно учебная тревога и что на самом деле в рубке не лежит срочного сообщения, которое мне адресовано?

— Никак нет... То есть — да, сэр: вам действительно пришло сообщение, по узкому лучу, на ваше имя, с отметкой «срочно», закодированное. Получено примерно три минуты назад. Но вот что странно, кэп...

— Я так и знал, что тут будет какая-то закавыка! Не разочаруй меня, Расти!

— Да, сэр. Мы определили источник сообщения как местный — к северу от Солсинтры. Я решил, вам это важно.

— Но ведь мы сами находимся на севере Солсинтры... — Шан нахмурился. — Присцилла, ты, случаем, не посылая мне срочного вызова через «Исполнение»? Существуют более подходящие способы привлечь мое внимание.

— Такая мысль мне в голову приходила, — признала она с ухмылкой.

— Но в действия ты ее воплощать не стала. Ну, надо полагать, это кто-то пытается продать мне пальто. — Он быстро нажал несколько клавиш. — Передавай сообщение, Расти. И спасибо тебе за терпение, я на старости лет становлюсь ворчунном.

Из комм донесся взрыв смеха. Приемное устройство зажглось и загудело.

— Сколько мы друг друга знаем?

— Одним богам известно. Я вспоминаю тот день, когда принес тебя на корабль, совсем еще младенца...

— А тебя кэп Эр Том еще только задумывал! Рубка связь закончила.

— До свидания, рубка. — Он встряхнул головой, застучал по клавишам — и экран зажегся, показав одну строчку бессмыслицы. Только поверху шел призыв «Срочное!». Шан вздохнул. — Какой сегодня день, Присцилла?

— Втородень баним.

— Угу, да. И мы во второй релюмме, год треблома...

Он ввел нужную информацию, дополнил ее корабельным кодом и отступил на шаг, обняв ее за талию. Экран перед ними замерцал, и бессмыслица начала рассыпаться и формироваться заново, становясь понятной: ПОЛУЧЕНА ИНФОРМАЦИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ЗЕЛЕНОДРЕВА. ВЕРНИСЬ ДОМОЙ.

— Моя сестра прибегает к шпионскому коду. Нечто новое. — Он снова вздохнул, чуть сильнее сжал талию Присциллы, а потом убрал руку. — Приключения, Присцилла! Ты не начала скучать?

— Не особенно. — Она секунду колебалась. — Мне ехать с вами, капитан?

Он нежно прикоснулся к ее щеке.

— Это дело клановое, а не корабельное. Первому помощнику нет необходимости ехать со мной. Однако этим утром мне предстояла встреча с Сеннелем. Если ты будешь так добра...

Он легко прочел ее разочарование — и пробуждение вчерашних сомнений.

— Не беспокойся! — воскликнул он с жизнерадостностью, которая не соответствовала его ауре. — Я сомневаюсь, чтобы это был хитроумный план моего похищения с целью женить меня против воли на какой-нибудь особе из далекого Клана...

Присцилла невольно рассмеялась, а Шан ушел в гардеробную. Через несколько минут он появился снова, застегивая манжеты на голубой рубашке с пышными рукавами.

— Ты только посмотри, какой я послушный! Мой отец скончался бы от удивления. Первый помощник и капитан сегодня во второй половине дня должны встретиться с Делмом Интасси, чтобы обсудить возможный фрахт. Если по какой-то причине я не смогу придти, возьми с собой Кен Рика и заверь Интасси в том, что только слово моего Первого представителя могло помешать мне прийти на столь важную встречу.

— Хорошо.

Она распахнула балконные двери и смотрела во внутренний сад. На узор ее ауры наложился чуть заметный гул, который говорил о сосредоточенном размышлении.

Шан подошел к ней и тронул за плечо:

— Присцилла?

Она едва заметно вздрогнула и устремила на него взгляд антрацитовых глаз.

— Ты пообедаешь со мной сегодня вечером? Кажется, придется снова поговорить о той дури, которая засела у Новы в голове. — Он взял ее белую руку и заглянул ей в глаза. — Я не женюсь ни на ком другом, Присцилла. Клянусь тебе в этом.

У нее на глаза навернулись слезы — как и у него.

— Шан...

— Что?

Она судорожно вздохнула, а потом вдруг выпалила:

— А нам нельзя объявить себя спутниками жизни? Если мы... поступим по лиадийским законам... Нова ведь не сможет требовать, чтобы ты заключал брачный контракт, если у тебя есть спутница жизни, правда?

— Конечно, не сможет. Но Тоделм йос-Галан должен быть верен Клану Корвал. Поскольку у нас нет Делма, то заключить брак на всю жизнь я могу только с разрешения Первого представителя, а...

— Момент сейчас неподходящий.

— Отвратительный, точнее сказать. — Он посмотрел на руки свои и Присциллы, заметил, что аметистовое кольцо мастера-купца блестит в обрамлении ее изящных белых пальцев, и снова перевел взгляд на ее лицо. — Когда мы в последний раз были в порту, я пошел к Первому представителю, чтобы попросить у нее разрешения...

Присцилла замерла.

— Она тебе отказала?

— Я не стал спрашивать. Уже тогда момент был неподходящий. Я ведь купец, Присцилла! Было бы сумасшествием вести переговоры, находясь в невыгодном положении! — Часы у кровати возвестили тот час, когда они обычно просыпались, и он беспокойно шевельнулся. — Мне надо идти.

— Да. — Она выпустила его руку. — Передай своим сестрам от меня привет.

— Конечно. — Он помедлил, намереваясь ее поцеловать, ощутил, что она хочет скрыть свои чувства, и заменил поцелуй поклоном симпатии и уважения. — Мы скоро увидимся, Присцилла.

— Пусть этот день будет полон для тебя радости, любимый.

Лиад Треалла Фантрол

Шан бросил машину в вираж на вершине холма, переключил передачу и нырнул в подъездную аллею. Двигатель заурчал, набирая обороты. У подножия первого холма Шан притормозил, принимая во внимание возможное появление детей, кошек и собак, и продолжал движение на скорости, которую только пилот мог бы назвать умеренной.

«Проклятие, — подумал он, ведя машину по поворотам и изгибам, знакомым ему не менее ритма собственного сердца. — На Нову очень непохоже увлечение конспирацией! Этот Департамент Внутренних Дел встревожил ее сверх всякого разумения».

А может быть, ее тревога вполне разумна. Машина проскользнула под увитой цветами аркой и поехала по прямой аллее, обрамленной душистыми кустами колмено. Шан почувствовал, как по позвоночнику скользнул холодный восток, и он поежился, не смотря на теплое солнце Лиад.

Машина проехала последние повороты — правый, левый, крутой правый — и остановилась у дверей гаража. Шан вышел и захлопнул дверцу.

* * *

В южном крыле было тихо. Вопреки прошлому опыту казалось, что этим утром Пади и Сил Фор на самом деле занимаются со своими гувернерами — или заняты тихими разрушениями в другой части дома. Новехонькие близнецы Анторы, наверное, спят или гуляют в детской, внушая тем, кто о них заботится, необоснованную веру в то, что уж эти-то отпрыски Йос-Галанов не только веселые, но и уравновешенные.

Нянек так легко обмануть! Шан покачал головой и лениво зашагал по главному коридору, чутко прислушиваясь к усиливающемуся гулу колес, катящихся по полу из драгоценной древесины стреллы. В отличие от нянек и гувернеров, дворецкого Треаллы Фантрол провести практически невозможно.

Они встретились в пересечении коридоров. Дворецкий повернул оранжевый стеклянный шар, служивший ему головой, и приветственно помахал двумя из трех рук.

— Мастер Шан! Добрый день, сэр. Первый представитель ждет вас в кабинете.

Голос немолодого мужчины говорил на земном с нарочитой аристократической медлительностью и исходил откуда-то из стального живота дворецкого.

— Добрый день, Дживз, — спокойно сказал Шан. — Ты в последнее время не видел детей?

— Мисс Пади находится в саду с мистером пел-Джонной и занимается ботаникой. Мастер Сил Фор и миз Гамкода занимаются географией, а мисс Шинди и мастер Мик спят.

— Бог мой, какое примерное поведение! Боюсь, не заболели ли они.

— Напротив, сэр: они наслаждаются присущим им крепким здоровьем. Позволю себе заметить, что эта утренняя тишина может быть объяснена обещанием мисс Новы, что им будет разрешено увидеть вас только в том случае, если их поведение будет соответствовать высоким требованиям Клана Корвал.

— Еще страшнее! Но возможно, они пока не слишком хорошо усвоили историю семьи.

— Вот именно, сэр.

Шан ухмыльнулся и повернул направо.

— Тогда я иду к моей сестре в кабинет! Будь здоров, Дживз.

— Будьте здоровы, сэр.

Но, сделав не больше полудюжины шагов, Шан обернулся:

— Дживз!

— Да, сэр?

Средняя часть дворецкого повернулась, а оранжевый шар вопиительно загорелся.

— Мисс Антора дома? И Горди?

— Мисс Антора в кабинете с Первым представителем. Ваш приемный сын заключил союз удовольствия с Кари йо-Ланной и провел весь прошлый вечер в ее обществе. Вы желаете, чтобы я связался с Главда Эмпри и справился о нем?

— Это ведь внучка Кен Рика, кажется? Нет, не беспокой парнишку, просто попроси, чтобы он при первой же возможности связался со мной. Если он не застанет меня здесь или на улице Пелтраза, на «Исполнении» будут знать, где я.

— Хорошо, сэр.

Дживз снова развернулся и покатился заниматься другими делами. Шан ухмыльнулся и направился в кабинет.

Дверь открылась, и к нему повернулись сразу две головы, светловолосая и темноволосая. И на него устремились две пары глаз — лиловые и серебристо-серые. Антора встала и пошла ему навстречу, протягивая руки. Взаимная привязанность прокатилась между ними волной тепла.

— Шан-брат!

Он не принял ее рук, а, наклонившись, крепко обнял.

— Привет, денубиа. Как твой муж по контракту?

Она рассмеялась, сморщив носик:

— Уехал много дней назад, слава богам! Но близнецы прекрасные, правда?

— Действительно прекрасные. Я сам бы лучше не справился.

Это заслужило новый взрыв смеха. Ухватив брата за рукав, Антора потащила его по ковру туда, где его в хладнокровной неуверенности дожидалась Нова.

— Здравствуй, сестра.

Он улыбнулся и протянул ей руку, отметив, с каким облегчением она ее приняла. Он уже не в первый раз пожалел о том, что талант Новы позволял ей читать только воспоминания тех, кто уже умер, оставляя глухой к живым чувствам вокруг нее.

— Здравствуй, брат. Спасибо, что так быстро приехал.

— Как я мог сделать меньше, когда ты пошла на такие хлопоты и расходы! Только зачем, денубиа, было посылать сообщение на «Исполнение» по узкому лучу, когда тот же результат можно было получить, прибегнув к местной связи?

Она холодно заглянула в его лицо — само воплощение Первого представителя первого Клана Лиад — и стиснула его руку с такой силой, что он стал опасаться за целостность своих костей.

— Местные вызовы слишком легко отслеживаются, — ответила она. — Иди и посмотри, что мы получили.

Она указала на комм, установленный в углу большого письменного стола.

— Я уже видела, — сказала Антора в ответ на его паузу, и ее эмоциональный узор вдруг стал подозрительно невыразительным. — Не желаешь ли немного утреннего вина, чтобы легче читалось, брат?

— Вина — конечно. Но только не утреннего. Рюмку красного, пожалуйста.

Он взглянул на Нову, но на ее лице было написано только ожидание, а узор переливался, словно окраска хамелеона, и разобраться в стремительной смене тонов было невозможно.

Он уселся в кресло и наклонил экран так, чтобы удобнее было читать. Янтарные буквы составлялись в слова на высоком лиадийском.

* начало сообщения *

Приветствия.

Нове йос-Галан, Исполняющей Обязанности Первого Представителя Клана Корвал, Той Кто Помнит, Первой Сестре Нашего Общего Брата, Вал Кона йос-Фелиума Разведчика, Художника Преходящего, Убийце Старшего Дракона, Весеннего Помета Фермера Зеленодрова из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Крепкого Парня.

Шан моргнул и откинулся на спинку кресла, рассеянно приняв от Анторы рюмку, и попытался понять значение двух последних слов, которые были приведены на земном.

Да будет вам известно, что в двести сорок второй день этого стандартного года под номером 1392 наш брат и его спутница жизни, Мири Робертсон Отставной Солдат-Наемник, Бывший Личный Телохраниитель, Вооружена и Готова Путешествовать, улетели с Первой станции Лафкита, по свидетельству Того, Кто Наблюдает, на корабле Клана, спасаясь бегством от безымянных врагов.

Знайτε также, что в двести сорок шестой день этого стандартного года наш брат и моя сестра, его спутница жизни, попали в руки Клана Хунтавас из того рода, во главе которого стоит Старейшина Джастин Хостро, во время коего несчастья наш брат получил ранение от родича Старейшины Хостро.

«Боги всемогущие!» — подумал Шан. Он постарался подавить всплеск эмоций, чтобы его ужас не ударил по Анторе. Отпив немного вина, он нажал клавишу, чтобы прочесть следующую часть сообщения.

Переговоры со Старейшиной Хостро прошли удовлетворительно в том отношении, что рану нашего брата залечили. Далее было договорено, что нашим родичам вернут их ножи и дадут корабль, на котором они смогут продолжать свое путешествие, поскольку корабль Клана возобновил свои труды в тот момент, когда их удерживал Клан Хунтавас. Доказательства того, что это было сделано, предоставлены нам Джестином

Хостро и будут переданы вам через самого скорого курьера, услугами которого нам удастся заручиться.

До моего внимания было доведено, что Джастин Хостро является самым малым Старейшиной в Клане Хунтавас и не может ручаться за действия остальной части своего Клана. В этих обстоятельствах я отправляюсь на переговоры со Старейшим Старейшиной этого Клана в сей день пятьдесят пятый день стандартного года 1392. Я начинаю эти переговоры как брат и Т'карэ Мири Робертсон и как брат нашего общего брата, который путешествует вместе с ней.

И знайте, наконец, что местом назначения нашего брата был назван Волмер, обозначаемый как В-8735-927-3, и что он еще не прибыл в этот порт, хотя корабль человеческих кланов к этому времени уже должен был доставить его туда. Он также не связался со мной, как, я думаю, он сделал бы, если бы все было в порядке.

То, что Джастин Хостро мог вести переговоры нечестно, я буду обсуждать с Самым Старшим из Хунтавас. То, что наши брат и сестра приобрели статус, известный людям как «пропавшие без вести», — это информация, которую я почел своим долгом со всею поспешностью сообщить его остальной родне, чтобы меры по его поиску можно было начать со всей человеческой быстротой.

Связанный с вами общими родственниками и долгом, я приветствую вас. И пусть наши самые энергичные усилия увенчаются успехом.

Отправлено в сей день 255 стандартного года 1392

Двенадцатым Панцирем Пятого Высиженного Ножа Весеннего Помета Фермера Зеленодрова из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Точильщиком.

* конец сообщения *

Шан откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Мысли его неслись стремительно. Во-первых, сообщение прислал сам старик, тот самый брат Вал Кона Точильщик, в которого Шан никогда до конца не верил, несмотря на то, с какой убедительностью рассказывалась эта история. Во-вторых, конечно, сообщение надо будет проверить, поскольку существует возможность подделки, хотя и малая.

Третья мысль заставила его раскрыть глаза и наклониться над коммом. Отправив сообщение Точильщика в память, он начал устанавливать связь с «Исполнением».

— Шан... — окликнула его Нова, не скрывая беспокойства.

Он закончил запрос, нажал кнопку, отправившую сообщение, и снова взялся за рюмку.

— Анни, родная моя!

— Да, Шан-брат?

— Вал Кон жив, денубиа? Сообщи мне о состоянии дел — если можно, то на данный момент.

— Жив? — Она изумленно воззрилась на него. — Конечно!

— Хорошо. Просто превосходно. — Он посмотрел на нее поверх края рюмки. — И где именно?

Он ощутил ее смятение — чувство беспомощности, быстро переплавленное в мысль. Антора закрыла глаза и стала поворачиваться в разные стороны, точно собака, пытающаяся взять след. Нова зашевелилась и хотела было что-то сказать, но Шан поднял руку, призывая ее к молчанию и не сводя глаз со своей младшей сестры.

— Там! — неожиданно воскликнула она, указав пальцем вверх, в потолок и дальше, туда, где мог находиться Второй Сектор. Она открыла глаза. — Но очень далеко, Шанни. Я не... Когда ты бываешь на Волмере, ты не кажешься таким далеким...

— Насколько дальше Волмера? — Шан снова уловил ее чувство бессилия и наклонился к Анторе. — Я когда-нибудь казался тебе таким далеким? Если ты вспомнишь, когда примерно это было, мы сможем свериться с вахтенным журналом «Исполнения» и...

Но Антора уже качала головой.

— Никто из нас никогда не был так далеко... Нет. Когда отец... когда отец умирал, в самом конце... за день до того, как он... Тогда он был так же далеко. О нет! — Их захлестнула волна боли, выплеснутая Новой, и Антора бросилась к ней, чтобы обнять и встряхнуть. — Он жив, сестра! Это физическое расстояние, а не духовное! Я не могу объяснить тебе, как я ощущаю разницу, но разница есть! И есть еще одно отличие...

Она вопросительно посмотрела на Шана, и он кивнул.

— Вокруг Вал Кона есть... эхо. Это так же, как я ощущаю Присциллу. Не напрямую, понимаешь, а через Шана...

— Его спутница жизни, — пробормотала Нова, а потом вдруг стремительно повернулась к ним. — Спутница жизни! Ты знал о спутнице жизни? Кто она такая?

Шан поднес к губам рюмку.

— Я бы сказал, что она — женщина с хорошим чувством юмора: «Мири Робертсон Отставной Солдат-Наемник, Бывший Личный Телохранитель, Вооружена и Готова Путешествовать». А еще — личность, к которой надо относиться с уважением. А что до того, кто она еще, то как только на «Исполнении» получат данные по земной переписи... Ага! Как по заказу!

Он нажал на вспыхнувшую фиолетовую кнопку полученного сообщения, и экран стал заполняться янтарными буквами. На этот раз они складывались в земные слова.

— Ну, посмотрим. Планета рождения — Пустошь... Дата рождения — 28 день стандартного года 1365. Примечание: мутация в приемлемых пределах. Родители: Каталина Тайзан, Чок Робертсон. Получаемый заработок: полмонеты, день 116, 1375 стандартный... Бедное дитя! Эмигрировала с планеты 4 день, 1379 стандартный...

Причина эмиграции: возможность получения работы. А что за работа? А, вот... — Он нажал кнопку «дальше» и покачал головой. — Солдат-подмастерье, отряд «Психи Лизарди», Фендор. Старший командор Анжела Лизарди. Бедное, бедное дитя!

— Мутация...

Нова наклонилась у него над плечом, хмуро глядя на экран.

— В приемлемых пределах, — договорил Шан. — А на отсталой, неразвитой планете, вроде, например, Пустоши, фраза «мутация в приемлемых пределах» может означать несколько разных вещей. Но чаще всего это значит «наполовину или целиком лиадиец». — Он постучал по экрану. — Думаю, что Каталине Тайзан исказили имя так, чтобы оно звучало более или менее по-земному. Чок Робертсон звучит довольно определенно.

— Но кто она? — спросила Нова и нажала кнопку «дальше», пытаясь найти какие-то дополнительные сведения на пустом экране.

— Она солдат, сестра! — отрезал Шан. — Что с тобой? Если хочешь, мы можем запросить с «Исполнения» ее послужной список, чтобы узнать, где она бывала, после того, как перестала быть подмастерьем у «Психов Лизарди». Но ты уже знаешь про нее самое важное.

Нова выпрямилась и смерила его негодующим взглядом:

— И что же это?

— Она — спутница жизни Главы Клана Корвал, — ответил Шан и допил вино.

Орбита

Запретный мир И-2796-893-44

Прикосновение плоти к плоти дарило тепло, сонный уют — но вот неукрытый правый бок начал чертовски мерзнуть.

Не желая расстаться с дремотой, Мири теснее придвинулась к теплу Вал Кона — ей было так уютно, что можно было не обращать внимания даже на то, что длинная прядь ее волос оказалась под их телами и сильно натягивала кожу виска. Она слабо улыбнулась себе самой.

На какое-то время атмосфера стала по-настоящему жаркой. Все началось с того, что она протянула руку, чтобы прикоснуться к его правой щеке — той, которую поранили Хунтавас. Так она хотела пожелать ему доброй ночи.

Его глаза широко распахнулись. Подняв руку, он провел пальцем по линии шрама.

— Он тебя не отталкивает?

— Что? — Она изумленно моргнула, а потом покачала головой, прижавшись к его плечу. — В бою людей иногда ранят. Лучше парашютов, чем нечто более непоправимое.

— А!

Его пальцы снова легко скользнули по шраму. А в следующую секунду они уже расшнуровали ее рубашку, обнажив грудь. Он прикоснулся к едва заметному белому шраму там, где когда-то на Контрасте она поймала пулю на излете. Перекатившись с нею так, что она почти легла на него, он приподнял голову, чтобы поцеловать этот шрам.

Мири бывала во многих переделках и, наверное, приобрела больше обычного шрамов — если еще вспомнить ее отца... Но Вал Кон, в отличие от одного тупоголового гражданского, с которым она спала, не спрашивал, откуда они. Он просто терпеливо и внимательно выискивал каждый, чтобы наградить их поцелуями и ласками, пока она тоже не стала немного слишком жаркой.

А теперь она еще теснее прижалась к нему. Ровное биение его сердца наполняло ее слух. Он нашел шрамы даже на ее ногах — когда она выбивала ногами решетку с двери, пытаясь уйти из наркологической клиники. Тогда ее тонкие тапочки превратились в кровавые лохмотья. И она ушла бы — только тогда ее нашла Лиз и заставила клятвенно пообещать закончить лечение.

«Совершенно никакого смысла, — подумала она. — Потратила столько усилий на то, чтобы не помереть на Кламесе, а потом чуть даром не отдалась «облаку».

Она резко повернулась, полностью проснувшись и задыхаясь — словно вдруг оказалась на самом краю бездонной пропасти. «Облако». К тому времени, когда Лиз вытащила ее из клиники, она запихнула в себя столько этой гадости, что едва помнила собственное имя.

«А что, если он спросит себя, откуда эти шрамы? — требовательно спросила она у себя. — Ты скажешь ему правду, Робертсон? А? Богатому парнишке с Лиад, который водится с самыми лучшими людьми? Думаешь, он останется верен обещаниям, данным какой-то девчонке с Пустоши, которая так дурила от «облака», что удивительно, как она вообще осталась цела? Думаешь, ему интересно, сколько времени ты уже держишься?»

— Шатрез! — Его объятия стали крепче, и он повернулся так, чтобы видеть ее. Его зеленые глаза были затуманены полусном. — Что-то не так?

Она вздрогнула, а потом высвободила руку, прикоснулась к его губам и провела пальцами по шраму, до боли наслаждаясь его красотой.

— Ты лег мне на волосы, — сказала она.

* * *

Мири проснулась одна: ее голова лежала на свернутом жилете Вал Кона. Она вздохнула, с наслаждением потянулась — и к тому моменту, когда потягивание было закончено, уже окончательно пробудилась. С мостика доносилась нескончаемая болтовня радио. Она еще раз вздохнула, легко встала и, поспешно одевшись, направилась туда, прихватив его жилет.

Вал Кон стоял, погрузившись в задумчивость. Континент находящейся внизу планеты, похожий по форме на бутылку, обрел три измерения и заполнил собой мостик. Горлышко бутылки начиналось у выхода, дно заканчивалось у кресла пилота.

Мири изумленно покачала головой и, привалившись к дверному косяку, стала смотреть.

Клейкая лента из ремонтного набора превратилась в горные кряжи, пролегшие на севере и на юге. В ней были аккуратно прорезаны отверстия, позволявшие рекам течь в нужных направлениях. Карту усеивали лишние лампочки от приборов, где по одной, где группами. На карте лежало несколько трубок, а на полу рядом с каждой были написаны какие-то цифры.

Искусно использованные маркеры придали рельефу цвет. У рек были голубые границы, некоторые области были очерчены зелеными завитками, другие — околтурены коричневым. Три бумажных космических корабля стояли рядом с тремя самыми крупными скоплениями лампочек. В левой руке Вал Кон держал еще один. В правой был неровный кусок металла, который икстранцы откуда-то оторвали.

Мири задумчиво посмотрела на макет.

— Если ты проведешь свой транспортный корабль мимо голубых лампочек со стороны океана, то сможешь отключить красных так, что они и опомниться не успеют. А потом можно воспользоваться их ресурсами, чтобы захватить корабль. Голубым придется включиться, чтобы защищать себя, так что если сидеть тихо и не мешать им какое-то время биться лбом в твою оборону, тогда можно провести зачистку и начать охоту на зеленых...

Он перевел на нее яркие глаза и ухмыльнулся.

— Так мы планируем вторжение, сержант?

— По мне — так очень похоже на диспозицию, командор.

Вал Кон вышел из своего макета, бережно пристроил четвертый бумажный корабль у края континента, а потом направился к ней. Кусок металла он по-прежнему держал в руке.

— Не сомневаюсь, что твое вторжение удалось бы, — сказал он. — Но — увы — я не генерал, и побоялся бы им командовать.

— И я тебя не виню. Вторжения — штуки грязные. Но конечно, гарнизонная служба ужасно скучная.

— И припасы всегда в дефиците.

— Как в нашем случае. — Она кивком указала на карту. — И к чему эта мировая панорама?

Он осторожно повернулся, стараясь не наступить на горную гряду, и стал объяснять:

— Лампочки — это города, как они бывают освещены, когда мы пролетаем над ними ночью. Большие группы ламп — это крупные города, как вот здесь, одна-две — деревни и хутора. Так что голубые — это среднего размера город, из которого идет четыре трансляции.

— А трубы — это трансляционные башни?

Он кивнул:

— Зеленые — это самый крупный город. Подозреваю, что в нем есть довольно важный аэродром.

— А вот это? — Она указала на кусок металла у него в руках. — Куда ты пристроишь вот это?

Он взвесил кусок в руке, сделал два легких шага в глубину макета и очень уверенно поместил его между прибрежными горами и одиночной красной лампой, недалеко от места, где стоял бумажный космический корабль.

— Вот сюда.

— Прекрасно! — похвалила его Мири. — А что это такое?

— Мы.

Она хмуро посмотрела на карту, дожидаясь, чтобы у нее в уме возникла более или менее четкая картина.

— Идея в том, чтобы оставить корабль в горах, а потом спуститься вот по этому перевалу — если это перевал — в надежде встретить людей не доходя до города?

Он кивнул:

— Это — наилучший образ действий, который я смог сформулировать на основании тех ограниченных данных, которые нам удалось собрать. — Он вздохнул. — У нас не корабль Разведки.

Казалось, он искренне досадует на яхту за ее недостатки. Мири мимолетно улыбнулась, прошла вдоль макета и шагнула к нему.

— И когда мы приземлимся?

— Когда момент будет благоприятен, — пробормотал Вал Кон, рассеянно пододвигая металл ногой.

— А как по-твоему — благоприятный момент наступит скоро? — настаивала она. — Я спрашиваю потому, что рыбы у нас осталось еще на два дня, а печенья, может, на три, а потом у нас будет только вода.

— А! — отозвался он и чуть повернулся, чтобы еще раз взглянуть на свое творение. А потом он с улыбкой заглянул ей в глаза и сказал: — В этом случае я сказал бы, что благоприятный момент должен наступить сразу же после ленча.

Лиад Треалла Фантрол

Поверенный Клана Корвал уединился с Первым представителем, но прежде чем его умыкнули, он сумел совершить одно небольшое чудо и добыл финансовую историю землянки Мири Робертсон. Шан с улыбкой принял диск из руки старого джентльмена.

— Именно то, что мне было нужно, сэр. Спасибо, — сказал он и ушел с диском.

Оставшись один у себя в комнатах, он ввел информацию в компьютер и сделал глоток вина.

Похоже, финансовые учреждения не любили предоставлять кредиты солдатам-наемникам. Там шла цепочка из шести записей. Заявление принято. В кредите отказано, а потом вдруг неожиданно: «Кредит предоставлен. Банк Фендора, половина кантры, Мири Робертсон. Выплата в течение периода, не превышающего четыре стандартных года, под 10,5 процента. Поручитель Анжела Лизарди. Залог в виде пенсионного фонда 98-1077-45581 в «Илквит Секьюритиз». Сделка зарегистрирована в 353 день стандартного 1385 года».

Снова Анжела Лизарди — похоже, из тех командиров, которые принимают живое участие в своих подчиненных. И Мири Робертсон рискует своей пенсией ради половины кантры наличными. Интересно, зачем ей это понадобилось.

Ответа в данных не было, но было отмечено образцовое соблюдение графика выплат, а затем пометка: «Остаток выплачен целиком в 4 день стандартного 1388 года».

Она получила премиальные и прикончила долг, решил Шан, отпивая немного вина. При 10,5 процента — это самое разумное. Он нажал на кнопку, и финансовая история погасла, чтобы в следующее мгновение смениться послужным списком.

1379: солдат-подмастерье, «Психи Лизарди».

«Психи» подражались исполнить — и исполнили — несколько контрактов на нескольких планетах: Эскелли, Порум, Контраст, Скиттл, Кламас.

Шан оцепенел. Кламас?!

Он как раз протягивал руку к пульту, чтобы запросить дополнительные сведения, когда прозвучал дверной сигнал.

— Входите!

У него за спиной с шелестом отодвинулась дверь, но он нетерпеливо стучал по клавишам.

— Кламас? — спросила Антора у него за спиной. — А что такое Кламас?

— Именно это мы и пытаемся выяснить. И приходим к выводу, что моя память наконец настолько атрофировалась, что ко мне

пора приставлять надсмотрщика. Воспользуйся своим влиянием, сестра, и позаботься о том, чтобы это была Присцилла, хорошо?

Она рассмеялась:

— Можно подумать, у меня есть влияние! И зачем ты нужен Присцилле без памяти?

— Затем же, зачем я был бы ей нужен глухой. Прекрати орать мне в ухо.

Она сунула ему в ухо язык.

— Хватит, — проворчал он. — Возьми стул, садись и води себя как следует. Или уходи.

— Хорошо, Шан-брат.

Когда она отошла за стулом, он поднял голову.

— Скажи мне, денубиа, твой муж по контракту сохранил все свои способности? Если Йос-Галаны должны компенсацию за психический ущерб, то мне следовало бы выплатить ее до отлета «Ис-полнения».

— Я была к нему очень добра, Шанни. Честно-честно. — Она притащила стул к столу и чопорно уселась, сложив руки на коленях. — Вот так?

— Именно так. Притворись, будто тебя правильно воспитывали. А теперь, если только этот проклятый компьютер... Ага! Идем вперед!

Экран стал заполняться янтарными буквами. Шан дал ему загрузиться, потом нажал на «паузу» и замолчал — на большее время, чем ему могло понадобиться для того, чтобы считать с экрана информацию.

Антора откинулась на спинку стула и нахмурилась, наблюдая за его лицом и узором ауры, который вдруг померк от жалости.

— Мир развалился? — неуверенно спросила она. — Это ужасно, Шанни, но почему мы это читаем? Я думала, мы пытаемся что-то узнать о доме Вал Кона.

— Я и пытаюсь, — бесстрастно ответил он, включая медленное движение текста. — Она там была. «Психи Лизарди» были среди отрядов наемников, которых пригласили, чтобы вести местную гражданскую войну. Горстка людей успела выбраться с планеты прежде, чем стабильность нарушилась настолько, что спасательные работы пришлось прекратить. Там погибло бесчисленное множество людей — гражданских и военных... — Он снова нажал на «паузу». — Из «Психов Лизарди» в живых остались: старший командор Анжела Лизарди, временно исполняющий обязанности лейтенанта Рот Мак-Нили, сержант Мири Робертсон, рядовой Скандал Эрбакл, рядовой Лэссинтер Уинфильд. Пятеро! Боги, в отряде по штату почти триста!

— Ей сопутствует удача, — серьезно проговорила Антора, и Шан почувствовал, что у него волосы становятся дыбом.

— Ты так считаешь?

Но его сестра хмурилась.

— Разве это не странно? Я всегда считала, что Вал Кон выберет таму, у которой талант музыканта, как у него.

— А мы не можем считать, что у нее его нет, — напомнил ей Шан. — Хотя одним богам известно, о чем она может петь.

Антора устремила на него изумленные серебристые глаза.

— Она же жива!

— Безусловно. — Он ввел следующие команды, чтобы вернуться к послужному списку. — Давай посмотрим, чем она еще занималась, ладно?

Отряд «Психи Лизарди» был распушен в 1384 году, и в послужном списке Мири Робертсон оказался двухлетний пробел, а потом она снова объявилась на службе — в качестве сержанта «Гирфалька» под командованием старшего командора Судзуки Риальто и младшего командора Джейсона Рэндольфа Кармоди. Далее следовал еще один список заключенных и исполненных контрактов, перемежавшийся отметками о превосходном выполнении сержантом Робертсон своих обязанностей. В 1388 году ей присвоили чин старшего сержанта. В 1391 году она вышла в отставку. Командоры Риальто и Кармоди отметили в списке свое сожаление по поводу такого решения и готовность принять сержанта обратно в отряд в любую минуту.

Спустя несколько месяцев Мири Робертсон была зарегистрирована как телохранитель сира Болдуина с Наоми, и на этом послужной список заканчивался. Однако приглушенная трель сказала читавшим, что к списку приложена дополнительная информация.

Шан взглянул на Антору:

— Ну как, сестра? Продолжим?

— Безусловно! — воскликнула она и немного поерзала на стуле, демонстрируя свое любопытство.

Шан ухмыльнулся и нажал на соответствующую клавишу. Файл с приложением открылся — и его ухмылка погасла.

В 1392 году, через пять стандартных месяцев после того, как Мири Робертсон стала телохранителем сира Болдуина, отряд Хунтавас напал на его поместье, убив большую часть прислуги. Были зарегистрированы пропавшие без вести: сам Болдуин... и Мири Робертсон.

Приложение погасло, и Шан откинулся на спинку кресла.

— Ну как, сестра? Удача по-прежнему с ней?

— Похоже, что да, — тихо откликнулась Антора. — В конце концов ей удалось добраться с Наоми до Лафкита, а потом с Лафкита до Первой станции и в то неизвестное далекое место, где она сейчас находится с Вал Коном. И они оба живы. — Она склонила голову набок. — Разве тебе это не кажется удачливостью, Шанни?

— К несчастью, — ответил он после недолгой паузы, — кажется. — Он вздохнул и потер кончик носа. — А тебе не приходило в голову, что стайные черепахи могут неправильно толковать отно-

шения между людьми? Клянусь космосом: мы ведь даже не уверены в том, что это чертовое сообщение нам прислал Точильщик!

— Мистер дэ-Гаусс определил источник луча, — сказала Антора. — Подтверждение пока не получено, но, по его мнению, особых сомнений в подлинности сообщения нет. И я ведь сказала тебе, брат: я могу видеть спутницу Вал Кона через него, так же как через тебя я вижу Присциллу!

Он повернулся и пристально посмотрел на нее:

— Действительно, сказала. — Он нажал на кнопки, отключающие экран, вытащил диск с информацией и надежно спрятал. — И это напомнило мне, что сегодня вечером я ужинаю с Присциллой. Вот уж действительно кавардак! Если Вал Кону так нужна эта женщина, почему он не мог привезти ее домой? И когда это у него нашлось время, чтобы за кем-то ухаживать, да так, чтобы найти спутницу жизни? Если только...

Шан отодвинулся от стола и выпрямился во весь свой немалый рост, превращая Антору в пухленькую не по годам развитую девушку.

— Если только — что? — переспросила она.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Я вспомнил, что на обратном пути должен задать Дживзу один вопрос, только и всего. Пожалуйста, заверь Нову, что я в ее распоряжении. Мы будем ужинать в «Онджите», а потом вернемся домой, на улицу Пелтраза. И передай Горди, что я рассчитываю увидеть его завтра рано утром. Хватит ему прохладиться.

— О нет! — серьезно возразила Антора. — Он очень усердно трудился. Кари явно им довольна.

— Я счастлив за них обоих. — Он мягко подтолкнул сестру к двери. — Я иду навестить Сил Фора и Пади, а потом перекинусь словечком с Дживзом, вот и все. Будь умницей и помогай сестре.

— Хорошо, Шанни, — ответила самая сильная волшебница Лиад и послушно пошла по коридору.

Не без труда Дживз был обнаружен: он пристроился в углу комнаты домашнего очага, весь укутанный кошками. Шар головы был тускло подсвечен в режиме, который Вал Кон называл «сном». Шан откашлялся.

— Да, сэр?

Шар наполнился мягким оранжевым свечением жизни.

— Пожалуйста, не вставай! Мне надо только задать тебе один вопрос. Ты ведь готов отвечать на вопросы, правда, Дживз? Меня это не так уж и встревожило бы, если бы ты не был мозгом Треаллы Фантрол. Ведь если бы к нам попытались вторгнуться, пока ты дремлешь с кошками, то я не знаю, что могло бы случиться!

— Непрошенных гостей выдворили бы, сэр. Я не спал, а просто предоставлял утешение.

Шан снова потер кончик носа.

— Утешение? Мне следует заключить, что кошки чем-то расстроены?

— Они скучают по мастеру Вал Кону, сэр.

— Вот как. — Шан всмотрелся в многообразных и многоцветных кошек, умастившихся на металлическом теле Дживза. — Мне неловко об этом упоминать, но Пил Тор и Йодел никогда не видели мастера Вал Кона.

— Совершенно верно, сэр. Но Мерлин рассказал им о нем, так что они переживают его отсутствие так же остро, как и все остальные.

Поседевший от старости полосатый кот, свернувшийся около шарообразной головы, открыл один желтый глаз, словно проверяя, не дерзнул ли Шан усомниться в таком объяснении.

Шан отвесил ему поклон.

— Мне и в голову не придет сомневаться, сэр.

Кот закрыл глаз, а человек проглотил смехок.

— Дживз, могу ли я попросить тебя мысленно вернуться на семь или восемь стандартных лет — а возможно, и дальше? Мой брат в твоём присутствии никогда не упоминал о Мири Робертсон?

Наступило молчание. Шан терпел его почти минуту.

— Дживз?

— Работаю, сэр. Я ожидаю получить результат примерно... Готово! Мастер Вал Кон в моём присутствии никогда не говорил о Мири Робертсон или с ней. — После недолгого и совершенно нетипичного для роботов колебания Дживз добавил: — Простите.

— Тебе не за что извиняться, дружище. Мне пришло в голову, что Вал Кон мог иметь спутницу жизни в течение нескольких лет и просто забыл сообщить нам об этом. Ведь подобные вещи легко забываются, знаешь ли. Однако существовала малая доля вероятности, что он мог что-то сказать тебе, принимая во внимание опасности жизни разведчиков и солдат.

— Вы имеете в виду завешание.

— Вот именно — завешание.

Оранжевый шар замигал, и Мерлин укоризненно пошевелил ухом.

— Завешание, которое занесено в мои файлы, не менялось с 1382-го стандартного года. В нём Мири Робертсон не упоминается.

— Ну что ж, — сказал Шан. — Нет — значит нет. Спасибо тебе, Дживз, ты мне очень помог. Пожалуйста, продолжай утешать кошек.

— Утешение взаимно, сэр.

Шан вздохнул.

— Ты расстроен, Дживз?

— Просто я тоже скучаю по мастеру Вал Кону.

— Понятно. Прости, если это обидно, но тебя сделали мы с Вал Коном, что значит...

— Мысль о моем создании принадлежала Вал Кону.

Шан моргнул от неожиданности.

— Извини, не понял?

— Мысль о моем создании принадлежала Вал Кону, — повторил Дживз, вытягивая руку, чтобы почесать беспокоившуюся тигровую кошку. — Вы это сами говорили, сэр, на нескольких этапах моего создания.

— Действительно, говорил. — «И я надеюсь, что в более идиотском предприятии, — мысленно добавил он, — мне участвовать не придется!» — Спасибо, что привлек мое внимание к этому факту. Ну, бывай.

— Спасибо, сэр. Всего хорошего, сэр.

Шаги Шана удалились по коридору, и мгновение спустя Дживз зарегистрировал, что на южной террасе открылась и закрылась дверь. Одна из юных кошек, Йодел, тихо мяукнула и задергалась во сне. Дживз вытянул руку, чтобы ее погладить.

— Ну-ну, — сказал он. — Полно, полно.

Орбита

Запретный мир И-2796-893-44

Звуковой фон корабля из ровного гула превратился в пульсирующее рычание. Мири села в кресло второго пилота. В кресле пилота сидел Вал Кон, и его руки уверенно и точно прикасались к переключателям, кнопкам и тумблерам, словно он играл на омни-хоре. Все экраны горели, показывая различные и сменяющие друг друга панорамы лежащего внизу мира. Что-то бубнило радио. В центре пульта горело несколько красных индикаторов, на каковой факт Мири решила не обращать внимания.

— Из аккумуляторов больше мощности не получить, — пробормотал Вал Кон. — В ракетах управления высотой кончается топливо. Ракетная тяга? Ну, ладно, все равно ракеты — это роскошь...

Мири всмотрелась в его профиль.

— Это опасно?

— М-м? Пристегнись, пожалуйста, шатрез. Мы подходим к точке.

Изящный палец прикоснулся к дисплею, на котором крупными голубыми цифрами шел обратный отсчет от десяти. Мири закрепила сеть безопасности, глядя, как цифры подходят к концу. Когда вспыхнул ноль, она ощутила резкий толчок и сильную виб-

рацию. Вал Кон быстро повернул несколько переключателей, и вибрация почти прошла.

— Это о-пас-но? — снова спросила Мири, четко выговаривая слова и несколько увеличив громкость — на тот маловероятный случай, что он ее не расслышал с первого раза.

Он мимолетно улыбнулся и протянул руку, чтобы сжать ее пальцы.

— Опасно? Мы начали спуск без резервных ракет и реактивных двигателей на планету, где нет посадочных баков. К тому же мы не выбрали точное место посадки и нас сюда не приглашали. — Его улыбка стала шире. — Упражнение из учебников для начинающих.

— Ну, конечно, — пробормотала Мири. — И сколько людей получают травмы, когда учебник терпит аварию?

Вал Кон выгнул бровь:

— Ты сомневаешься в моем умении?

— Что? — искренне изумилась она. — Да что ты, босс, — я же не пилот! Мне просто интересно знать, сядем ли мы...

Она замолчала, потому что Вал Кон смеялся, тепло сжимая ее пальцы.

— Мири, я сумею посадить нас по возможности благополучно с учетом обстоятельств. — Он пожал ее руку и выпустил ее, снова поворачиваясь к пульту. — А что до того, сядем ли мы вообще — то ответ утвердительный. Наша скорость недостаточно велика, чтобы остаться на орбите.

Она наблюдала за тем, как он вводит новые уточнения, а когда он откинулся в кресле, то покачала головой.

— Крепкий Парень! — тихо окликнула его она.

Он посмотрел на нее:

— Да?

— Говори подчиненным не больше, чем нужно, чтобы быть с ними честным? — сказала она, не зная, что именно испытывает, восхищение или досаду. — Все эти штуки — на них нужна смелость. — Она махнула рукой в сторону пульта с красными индикаторами. — Играть с икстранцами в «слабо»... Когда ты устроил этот фокус с гистерезисом и мы прыгнули оттуда, какие были шансы на то, что мы останемся живы?

— А! — Вал Кон повернул к ней серьезное лицо. — Пилот не надеялся возвратиться в нормальное пространство.

— Думал, что мы развалимся в гиперпространстве, — перевела Мири это высказывание и кивнула своим собственным мыслям.

Обдумав все, она потянулась и похлопала его по руке.

— Хорошо. Ты сделал наилучший выбор. Абордажный отряд икстранцев против нас двоих, хоть мы и лихие ребята... — Она покачала головой. — И мне не хотелось бы тебя убивать. Слышала,

что если икстранцы загоняют тебя в тупик, то это — лучшее, что можно сделать для напарника.

— Порой, — пробормотал Вал Кон, — существуют иные альтернативы.

— Правда? И со сколькими икстранцами ты говорил лично?

— С одним, — сразу же ответил он. — Хотя, конечно, я застиг его врасплох.

Мири изумленно заморгала, а потом перевела взгляд на освещенный красными индикаторами пульт и на каждый экран по очереди.

— Не забудь рассказать мне об этом, — выдавила она наконец. — Позже.

— Хорошо, Мири, — ответил он, строго призывая к порядку подергивающиеся уголки губ, и повернулся к пульта.

Во время снижения корабль пять раз обогнул планету.

Мири заворуженно наблюдала за экранами: ей еще ни разу не приходилось находиться на мостике корабля во время посадки. И она скрупулезно записывала все сведения, которые считывал ей Вал Кон: координаты главных элементов рельефа, строение бассейнов крупнейших рек, направление и силу атмосферных потоков.

В ее обязанности входило также следить за радио, которое продолжало выдавать череду бессмысленных слов, перемежающуюся оглушительной музыкой. Однако во время третьего пролета над континентом к югу от намеченной точки посадки из динамика раздалась совсем другие звуки.

Увеличив громкость, Мири услышала возбужденные голоса и канонаду тяжелых орудий.

— Босс? — тихо окликнула она.

Он оторвался от пульта и хмуро прислушался к звукам радио.

— У кого-то война, — сказала Мири.

Вал Кон вздохнул, но его руки и глаза уже вернулись к пилотированию.

Мири продолжала слушать пойманную трансляцию, слыша отчаяние в мужском голосе и подсчитывая количество и ритм разрывов, пока яхта не вышла из полосы приема. Во время следующего пролета она снова поймала ту же волну, но теперь там играла музыка. А на следующем витка яхта оказалась в ионизированном слое, и ничего не было слышно.

Когда Вал Кон посадил корабль, редкие звезды сменились рассветом. Переход от баллистической траектории к управляемому снижению оказался для Мири неожиданно тяжелым: торможение слишком живо напомнило ей о том, как они уходили от икстран-

цев. Последний рывок вызвал невольный поток ругательств, которые она смущенно проглотила: к этому моменту полет снова стал ровным.

Вал Кон закрыл за ними люк и спрятал ключ в кошель, дрожа на морозном воздухе.

Мири наклонила голову:

— Тебе холодно?

— Немного, — пробормотал он, приподнимая бровь. — А разве тебе нет?

Она ухмыльнулась, встав на цыпочки.

— Там, откуда я родом, Крепкий Парень, это — разгар лета. — А потом она тоже содрогнулась от ветра, пронесшегося по лошадине. — Конечно, когда достигаешь моих преклонных лет, кровь становится жиже.

— Вот как? А я и не знал, что ты настолько старая.

— Ты меня не спрашивал, а я не говорила. — Она хмуро посмотрела на скособочившийся корабль — выщербленный обломок металла среди обломков камней. — А нам не следует спрятать его получше?

— Этого должно хватить. Не похоже, чтобы тут часто проезжали люди, а с воздуха он выглядит как обычная скала. У нас начнутся проблемы только в том случае, если местная технология выросла до обнаружения металлов на большом расстоянии. — Он вздохнул. — Мы могли бы отправить его обратно на орбиту, но могут найтись способы починить...

— Ну, в горе и радости... — Мири подошла ближе и вложила ему в руку свою ладонь. — Сагре диет и так далее. — Она ухмыльнулась, и он ответил слабой улыбкой, пожав ей руку. Она осмотрелась. — Ну и где же твой город? Я бы не отказалась от чашки кофе.

— На западе, — ответил он и улыбнулся ее недоумению. — Вон там, — пояснил он, указывая пальцем.

— Так почему было сразу не сказать? Хотя я все равно не понимаю, как это ты сразу же после посадки можешь определить, где верх, где низ. — Она содрогнулась под новым порывом ветра и наморщила нос. — Думаю, нам лучше идти.

— Да, похоже, так будет лучше всего, — согласился Вал Кон.

Он направился в сторону, тенью заскользив по обломкам сланца. Мири бесшумно пристроилась за ним.

Спустя час они остановились отдохнуть у ручья. Вал Кон опустился на колени, погрузил ладонь в быстрый поток — и обернулся, словно услышав возглас протеста, который Мири успела подавить.

— Шатрез, вода хорошая, — успокоил он ее. — И не думаю, чтобы овощи или зерна причинили нам вред. Мясо тоже должно

быть съедобное. А будут ли удовлетворяться все потребности нашего организма, покажет время. — Он снова опустил руку в ручей, напился и со вздохом выпрямился. — Если бы нас бросили не в яхте контрабандистов, а в разведывательном корабле, мы бы все это определенно знали еще до посадки. А так нам приходится рассчитывать на удачу.

Когда он подошел и уселся рядом, Мири прикрыла глаза.

— *Carpe diem*, — пробормотала она, усилием воли заставляя себя расслабиться.

— Что это?

Она открыла глаза и увидела, что он пристально на нее смотрит.

— Ты о чем?

— *Carpe diem*. Это не похоже на земной, а ты повторила эти слова уже несколько раз.

— А! — Она нахмурилась. — На самом деле это все-таки земной. Вернее, с Земли. Кажется, тот язык называли латынью. Очень старинный. Помню, я читала, что два или три языка, из которых произошел земной, возникли из латыни.

Мири замолчала, но он продолжал смотреть на нее с явным интересом.

— Когда я... болела... сразу после Кламаса, — продолжила она, — я стала много читать. Больше всего мне понравилась книга, которая называлась «Словарь фраз и поговорок». Это был вроде как список того, что люди говорили или думали — а порой и до сих пор говорят, — а рядом шло объяснение того, что это должно было значить на самом деле. Так вот, *carpe diem* должно означать «лови день», наслаждайся, пока можешь. Мне этот совет понравился. — Она покачала головой и улыбнулась. — Отличная книга. Жаль, что мне пришлось ее отдать.

— А сколько времени тебе удалось провести с этой книгой? — мягко спросил он. — После Кламаса?

— М-м? А, не так уж много. Под конец я расклеилась. Сама виновата. Самонадеянность меня подвела. — Она повернулась, отводя взгляд. — Хочешь на дорогу бутерброд?

Обе брови взлетели вверх.

— С семьей?

— У меня их четыре, — серьезно заверила его она.

— Кажется, я не проголодался. Спасибо.

Он встал на ноги одним изящным движением и протянул руку, чтобы помочь ей встать, хотя и знал, что она может встать самостоятельно — и так же легко, как он.

— И потом, — добавил он, тепло пожав ей руку, прежде чем отпустить, — ты, кажется, хотела кофе.

* * *

Город лежал в котловине, окруженной с трех сторон горами. Дома тянулись друг к другу в центре долины, которая представляла собой расширение только что пройденного перевала. Город был небольшим, что надо было признать за благо. Из домов пока никто не выходил, хотя солнце поднялось уже несколько часов назад. Поблизости Вал Кон увидел поле, засеянное каким-то зерновым растением, а ближе... Мири у него за спиной не было.

Он медленно обернулся и обнаружил, что она сидит верхом на упавшем дереве, глядя вниз на защищенный горами городок. В ее заострившемся лице, ссутуленных плечах и неподвижно сложенных на коленях руках читалась напряженность.

Он сделал шаг, намеренно шаркнув подошвой по камню. Она вздрогнула и посмотрела на него.

— Не возражаешь, если я немного отдохну? — спросила она звенящим голосом.

— Сколько хочешь. — Снова двигаясь бесшумно, Вал Кон подошел к дереву и уселся позади нее, свободно обхватив руками ее талию, ощущая, как застыл каждый мускул ее тела. Прижавшись щекой к ее волосам, он тихо выдохнул. — В чем дело, шатрез?

— Это я собиралась спросить у тебя. — Она со сдержанным гневом раскинула руки, требуя, чтобы он посмотрел вниз, в долину. — Что это?

Он на секунду задумался, а потом мягко ответил:

— Город. Гражданские. Небольшой городок, конечно, но для наших текущих нужд этого достаточно. Подобная структура, как правило, включает пригородные фермы или дома. Если это место соответствует данной закономерности, тогда это очень для нас хорошо. Мы могли бы подойти к отдельному дому и предложить свои услуги в обмен на... уроки языка.

Мири глубоко вздохнула.

— Вот это — город?

— Определенно город, — ответил он, стараясь, чтобы его ответ прозвучал совершенно обыденно. — А что еще это может быть?

— Одним богам известно. Он такой маленький...

Ее голос умолк, свидетельствуя о растущем напряжении.

— Вот как? Тогда, наверное, нам надо потратить несколько минут и проанализировать то, что мы видим. — Он вытянул руку и начал указывать. — Вон тот большой объект с множеством окон? Это, вероятно, какое-то административное здание. Мне кажется, в нем есть должное высокомерие.

Она хихикнула (добрый знак), и ему показалось, что ее мышцы чуть расслабились.

— А вон то приземистое с оградой?

— Рынок, — предположил он. — Или небольшой магазин. — Он указал дальше. — А что ты скажешь про вон то голубенькое?

— Парикмахерская? Или бар? — Она тихо засмеялась, явно убокаиваясь. — Или и то и другое?

— Возможно. Хотя, наверное, для того и другого было бы тесновато. А вон те металлические объекты — они ведь кажутся металлическими, ты согласна? — по сторонам дороги?

— Такси! — с уверенностью заявила Мири, приваливаясь к нему спиной.

Он оторвал щеку от ее волос и заглянул сбоку ей в лицо. Она чуть заметно улыбалась. Хорошо.

— Вот как? А теперь скажи мне вон про то здание, видишь? Позади маленького голубого, с башней и набалдашником сверху?

Она секунду молчала, а потом моргнула и ухмыльнулась:

— Бордель.

— Ты правда так считаешь? — пробормотал он. — Может, нам стоит начать с него?

Мири рассмеялась уже по-настоящему, положив голову ему на плечо, но быстро посерьезнела.

— Вал Кон!

— Да?

— Ты — ловкач.

Он выгнул бровь.

— Как мне говорили, этот недостаток присущ лиадийцам.

— Так говорят земляне. — Она нахмурилась. — А что говорят лиадийцы?

— О, ну... Лиадийцы... — Он на секунду прижал ее к себе. — Лиадийцы очень чопорные, знаешь ли. Так что скорее всего они вообще ничего не сказали бы.

— О! — Она глубоко вздохнула. — И что мы будем делать теперь?

— Я думаю, нам стоит отстегнуть пистолеты и спрятать их в кошель. В некоторых местах наличие оружия делает человека подозрительной личностью, возможно — даже преступником. И я думаю, нам следует каждому съесть еще по одному бутерброду — чтобы мы не возгордились... — Он присоединился к ее тихому смеху. — А когда мы поедим, нам следует спуститься в долину и поискать одну из пригородных ферм, о которых я говорил, и посмотреть, не удастся ли нам обменять труды наших молодых и сильных тел на кров, пищу и уроки языка.

— И все это — на одном бутерброде? Ну, ты у нас командуешь.

— А когда, — осведомился он, — будешь командовать ты?

— На следующей неделе.

Она встала, извлекла из кошелька сверток в пленке и вручила ему. Пока он его разворачивал, она отстегнула пистолет и кобуру и спрятала их.

Вандар

Ферма «Дуновение весны»

— Боррил! Ко мне, Боррил! Ветер заведи этого пса, куда... Ага! Так вот ты где, сударь мой! Этим утром тебе скеввитов не попалось? Или все сидели на деревьях и смеялись над тобой? Ну-ну, старичок... — договорила она уже мягче, когда пес с тихим тывканьем упал перед ней на брюхо, устремив на хозяйку желтые глазенки, полные обожания.

Она медленно наклонилась, быстро провела костяшками пальцев по угловатой голове и подергала за острые ушки. Выпрямляясь, она вздохнула и потерла поясницу, глядя на надпись на надгробном камне: «Джеррел Трелу, 1412—1475. Возлюбленный замур»...

«Возлюбленный замур!» Что за чушь! Как будто они были не просто Джерри и Эстра, пока работали вместе на ферме, растили сына и делали все, что приходилось делать, по очереди, рядом друг с другом. Он опирался на нее, она опиралась на него... Возлюбленный муж, как же!

Порыв ветра пронесся по двору, спустившись напрямиком с перевала Форнема, и ледяным укусом напомнил о зиме, хотя осень еще едва-едва началась. Фру Трелу вздрогнула и плотнее запахнулась в куртку.

— Ветер с каждым годом становится все холоднее, — проворчала она и тут же себя одернула. — Ты только послушай, что ты говоришь! Как раз за такие жалобы ты терпеть не можешь Агну Бригсби! Тратишь утро на нытье, словно тебе делать нечего!

Она фыркнула. Дел всегда было много. Она с трудом наклонилась и подняла сулимы, которые собрала для гостинной: всегда приятно вечером, слушая радио или читая, остановить взгляд на чем-то ярком.

— Пошли, Боррил! Домой!

Ветер с перевала снова обжег ее холодом, но она отказалась баловать его дрожью. Все приметы обещали тяжелую зиму. Она вздохнула, мыслями переносясь в дом, где они с Джерри прожили всю жизнь. Надо починить ставни, надо прочистить дымоход и проверить, не проржавела ли кровля. Хотя совершенно непонятно, что она сможет сделать, если окажется, что крыша готова провалиться. Дом был большой и холодный — слишком большой для одинокой старухи и старого пса. На самом деле он всегда был слишком велик, даже когда были живы Джеррел и парнишка и потом фру парнишки. И собаки, конечно. У них всегда были четыре или пять собак. А теперь остался только Боррил — последний представитель долгой традиции.

Казалось, ее мысли передались псу, затронув какую-то струнку: он вдруг бросился вперед и залаял с напускной яростью. Метнувшись за угол дома, он скрылся из виду.

— Боррил! — закричала фру Трелу, но любому дурню было ясно, что кричать бесполезно.

Она ускорила шаги и добралась до угла дома, как раз услышав, как Боррил переходит на полный сигнал «незнакомец у ворот».

На фоне лая послышался мужской голос, произносивший слова, которые фру Трелу опознала как иностранные.

Она завернула за угол — и изумленно остановилась.

Боррил стоял между нею и двумя незнакомцами: лаял и махал своим нелепым хвостом, похожим на шарик. Более высокий из двух снова резко что-то сказал — и лай смолк.

— Замолчи, пес! — рявкнул Вал Кон. — Как ты смеешь так к нам обращаться? Сидеть!

Боррил смутился. Интонации были правильные, но звуки были непохожи на те, которые произносила Она. Он замылся, а потом услышал позади себя Ее и бросился к Ней, с облегчением ожидая разрешения ситуации.

— Боррил, плохой пес! Сидеть!

Вот так-то лучше. Боррил сел, стуча хвостом по земле.

— Извините, пожалуйста, — продолжила фру Трелу, стараясь не глазеть на незнакомцев. — Вообще-то Боррил очень дружелюбный. Надеюсь, он вас не испугал.

Заговорил опять более высокий из двух. Он развел руки, показав ей пустые ладони. Фру Трелу нахмурилась. Не нужно было быть гением, чтобы понять: он не понимает, что ему говорят.

Вздыхнув, она шагнула вперед.

— Сидеть, Боррил!

Когда она сдвинулась с места, двое мужчин двинулись ей навстречу — и остановились, когда она замерла от изумления.

Более низкий мужчина вовсе не был мужчиной. Не был, если какие-нибудь иностранцы не разрешали мужчинам отращивать волосы, заплетать их в косу и укладывать их вокруг головы вульгарной медной короной. Значит, это — женщина, признала фру Трелу. Или, вернее, девушка. Но какая на ней одежда!

Фру Трелу не считала себя ханжой. Она прекрасно знала, что брюки — это очень удобная одежда, особенно для работы на ферме. Но эти брюки...

Во-первых, они, похоже, были сделаны из кожи — блестящей, черной кожи. Во-вторых, они были в обтяжку — облегли по-мальчишески плоский живот и ее... конечности. И штанины были аккуратно заправлены в высокие черные сапоги. Верх ее наряда — белая рубашка из какой-то мягкой белой материи — была бы, на взгляд фру Трелу, приемлемой, если бы шнуровку у стройной шеи затянуть

чуть ту же. А к свободному черному жилету придраться было нельзя. Но зачем, во имя льдов, женщине надевать такой широкий ремень? Может, чтобы подчеркнуть немисливо узкую талию?

— Неужели я так нелепо выгляжу? — спросила Мири.

Фру Трелу вздрогнула, переведя взгляд на ее лицо.

Красоткой ее не назовешь: лицо все из острых углов, над курносом носом — веснушки. Подбородок — крупный и упрямый, полные губы выглядят неуместно. Единственное, что в ней было привлекательного, — это пара очень выразительных серых глаз, которые в эту минуту с покорной терпеливостью были устремлены на лицо старухи.

Фру Трелу почувствовала, что краснеет.

— Извините, — пробормотала она, перевела взгляд на лицо спутника странной девушки — и поймала себя на том, что снова бессовестно глазее.

Угловатые черты девушки словно противоречили друг другу, черты ее спутника составляли единое целое. Высокие скулы уводили взгляд к острому подбородку, нос был правильной формы и не слишком длинный. Полные губы чуть заметно улыбались. Волосы у него были темно-каштановые, обрезанные прямо над ушами, а одна прядь падала на лоб над ровными темными бровями, почти попадая в поразительно зеленые глаза. Его кожа имела странный золотистый оттенок — за исключением свежего шрама поперек правой щеки.

На нем была такая же одежда, как и на девушке: облегающая кожа и широкий ремень, не скрывавшие его худобы.

Фру Трелу нахмурилась. У девушки кожа была бледная, особенно по сравнению с теплым тоном кожи мужчины. И вид у обоих был усталый. И осунувшийся. И не важно, что наряды на них такие странные. Да к тому же они иностранцы, и ни слова не знают на нормальном языке.

Ветер пролетел над широким газоном. Девушка вздрогнула — и это помогло фру Трелу принять решение. О чем это только думает ее замур — увел ее на улицу в такую холодную погоду без куртки и в плохо зашнурованной рубашке? Фру Трелу возмущенно посмотрела на него — и одна бровь вопросительно выгнулась, так что он вдруг стал похож на Боррила, когда тот пытается разобраться в одном из длинных монологов, которые она ему адресует.

— Ну что ж, — резковато сказала она молодой фру, — заходите. На обед есть суп, так что сможете согреться. И отдохнете, прежде чем идти дальше.

Она повернулась и зашагала в дом, осторожно ставя ноги на скрипучие ступени.

Осознав, что его могут оставить на улице, Боррил вскочил и понесся по газону, преодолев три деревянные ступеньки одним

неловким прыжком. Фру Трелу, возившаяся со своенравным замком на ветровой двери, недовольно заворчала:

— Боррил, сядь. Глупая ты тварь! Боррил!

Второй окрик был уже громче: пес прыгнул и чуть не сбил ее с ног.

— Боррил.

У нее за спиной прозвучал ровный голос, твердый и решительный. Старуха и собака обернулись.

Стройный замур стоял на второй ступеньке, чуть подавшись вперед и вытянув одну золотистую руку.

— Боррил! — сурово повторил он. — Сидеть.

Фру Трелу заворуженно смотрела, как пес завилял хвостом и уткнулся тупым носом в протянутую руку.

— Сидеть! — снова повторил владелец руки.

Боррил сел.

Мужчина опустил руку и легко потрепал острое ухо, повернув голову к девушке, которая встала с ним рядом.

— Боррил? — спросила она, неуверенно протягивая руку.

Глупая тварь твякнула и ткнулась головой в ее ладонь. Тщательно подражая своему спутнику, она потянула за ухо. Боррил в экстазе рухнул на бок, закатив глаза и выразительно вздохнув. Девушка запрокинула голову и расхохоталась.

Фру Трелу отодвинула защелку и широко открыла дверь.

— Ну, заходите! — сурово скомандовала она, увидев, что они продолжают стоять на второй ступеньке, пристально глядя на нее. — И не притворяйтесь, будто вы не проголодались. Вид у вас такой, будто вы досыта не ели со дня урожая.

Она раздраженно переложила суилимы в ту руку, которая придерживала дверь, и поманила робких гостей в дом.

Спустя секунду мужчина шагнул вперед. Он бесшумно поднялся на последнюю ступеньку и прошел через крыльцо в прихожую. Девушка шла за ним, отставая на полшага. Фру Трелу с трудом удержалась, чтобы не выговорить ей за невоспитанность. Неужели ее дом можно принять за притон, что она посылает вперед своего мужчину?

«Они иностранцы, Эстра, — напомнила она себе, идя перед ними по коридору. — Надо быть к ним снисходительнее».

Она высыпала цветы в мойку, прибавила огня под кастрюлей с супом и, обернувшись, увидела, что гости стоят рядом у самой двери и осматриваются вокруг так, словно впервые попали на кухню.

— Суп будет готов через пару минут, — сказала она и вздохнула, увидев, как девушка озадаченно заморгала, а мужчина непонимающе наклонил голову.

Чувствуя себя полной дурой, она постучала себя по груди.

— Фру Трелу, — объявила она, стараясь произносить каждое слово как можно четче и невольно говоря громче обычного.

Лицо мужчины изменилось, помолодев благодаря улыбке на несколько лет.

— Фру Трелу, — повторил он, четко имитируя ее интонацию.

«Значит, получается», — поздравила она себя. Указав на него, она наклонила голову, подражая Боррилу.

Он повел плечами и разомкнул губы, чтобы ответить.

— Говори правду, лиадиец, — пробормотала Мири, стоявшая рядом.

Вал Кон стремительно перевел взгляд на нее, подняв обе брови. Иронично улыбнувшись тому, что он прочел в ее взгляде, он снова повернулся к немолодой хозяйке дома, слегка поклонился и прижал ладонь к сердцу.

— Вал Кон йос-Фелиум, Клан Корвал.

Фру Трелу уставилась на него, пытаясь разобрать услышанное. Валконьос Феллум Кан Кореваал? Что это за имя такое... Нет, погоди! Кореваал? Ну, он ведь иностранец, и одному только ветру известно, что у него за варварский выговор! Она указала на него:

— Корвилл?

Ровные брови сдвинулись, и он нахмурился, устремив на нее свои зеленые глаза.

— Корвал, — настороженно подтвердил он, по-прежнему сделав более сильное ударение на втором слоге, а не на первом.

— Корвилл, — решила фру Трелу и указала на девушку, которая ухмыльнулась и пожала плечами.

— Мири.

— Мери? — переспросила фру Трелу, хмурясь.

— Мири, — поправила та, отказываясь смотреть на Вал Кона, хотя краем глаза и увидела, что он широко ухмыляется.

— Мери, — повторила фру Трелу и снова перевела палец на Вал Кона. — Корвилл.

Он кивнул, тихо проговорил: «фру Трелу», а потом указал подбородком на пса, свернувшегося на коврик у плиты:

— Боррил.

— Ну, хорошо. Теперь мы все перезнакомились, а обед почти готов. — Старуха подошла к плите, сняла с кастрюли крышку и помешала суп большой деревянной ложкой. Перейдя к буфету, она достала три миски и три тарелки, сунула их девушке в руки и помахала в сторону стола:

— Накрывай на стол, Мери.

Девушка нерешительно направилась к столу. Из глубины буфета фру Трелу извлекла три стакана и три разномастные салфетки, которые она вручила мужчине. Он принял их без видимого смущения и повернулся к столу. Фру Трелу кивнула сама себе и вернулась к мойке, чтобы спасти пригнанные суилимы.

— Привет, Мери! — пробормотал Вал Кон, расставляя стаканы рядом с мисками и тарелками, которые она принесла.

— Сам привет, Корвилл, мой друг. Похоже, ты будешь рифмоваться с Боррилом. Кстати — а что такое этот Боррил? — Она посмотрела на животное. — Не считая того, что он уродец, конечно.

— М-м? — Он рассматривал салфетки: одна была белая, вторая — зеленая, а третья — розовая. — Боррил — это собака, Мири. Вернее, нет, — поправился он. — Боррил — это вид, который здесь заполнил нишу домашнего животного — сторожа. — Он адресовал ей улыбку. — Так что, по всем разумным оценкам, он — собака.

— О! — Она тоже посмотрела на салфетки. — Кому какой цвет?

— Превосходный вопрос. Я и сам над ним задумался. — Он осторожно положил их в центр стола. — Мы это выясним.

Она ухмыльнулась:

— Хитроумно. Но чего-то все равно не хватает. А! — Она повернулась и пошла туда, где старуха продолжала возиться с цветами. — Фру Трелу?

Фру Трелу вздрогнула, чуть не уронив вазу, а потом немного нервно рассмеялась:

— Господи, девочка, ну, ты меня и напугала! В чем дело?

Мири заморгала, не поняв ни одного слова, открыла рот, чтобы спросить о недостающих предметах — и снова его закрыла. Старая дама поймет не больше, чем только что поняла она.

«Ладно, Робертсон, — сказала она себе. — Пустить в ход свои мозги — если они у тебя есть».

Она осмотрелась, потом взяла деревянную ложку, лежавшую на плите, и продемонстрировала ее фру Трелу. Потом повернулась и указала на стол, рядом с которым стоял ее напарник, с интересом за ними наблюдавший.

Старуха посмотрела на ложку, потом — на стол, а потом рассмеялась.

— Ох, память у меня стала никуда! Столовые приборы, да? — спросила она у девушки.

Та непонимающе улыбнулась.

Взяв у нее ложку, чтобы вернуть ее на место, фру Трелу снова вернулась к буфету.

— Ложки, — ясно произнесла она. — Ножи. Вилки.

— Ложки, — послушно повторила девушка, получая каждый вид прибора. — Ножи. Вилки.

— Правильно, — поощрительно сказала фру Трелу. Она взмахнула рукой, стараясь обозначить все предметы, которые держала девушка. — Столовые приборы.

Брови Мири сосредоточенно сдвинулись.

— Столовые приборы, — повторила она.

Хозяйка дома улыбнулась и снова занялась цветами.

— Ложки, — сказала Мири Вал Кону, засовывая их ему в руки. — Ножи. Вилки. — Она нахмурилась. — Это, кажется, довольно просто. А насчет «столовых приборов» что скажешь, босс?

— Возможно, «ножи», «ложки» и «вилки» — это отдельные названия, а все вместе называется «столовые приборы»?

— Неплохая догадка.

Он негромко рассмеялся.

— Но в этом и состоит работа разведчика: сначала угадываешь, а потом ждешь, чтобы проверить, правильной ли была твоя догадка.

— Вот как? — Вид у нее был недоверчивый. — А мне говорили совсем другое.

— Ах! Тебе говорили, что мы — герои, которые рискуют своей жизнью среди дикарей, что мы обладаем волшебным даром говорить на любом услышанном языке и всегда правильно понимаем все обычаи и намерения.

Его ярко-зеленые глаза озорно блестели.

— Не-а. Я слышала, что разведчики годятся только на то, чтобы пить модные вина и хвастаться тем, каких драконов они убили.

— Увы! Меня разоблачили!

— Мери! Корвилл! Несите миски сюда! Суп согрелся.

Мери ухмыльнулась:

— Это нам. Интересно, и что нам теперь положено делать?

Он оглянулся через плечо и увидел, как старуха снимает поварешку с крюка над плитой.

— Миски нести, кажется, — пробормотал он и, взяв две, намеренно тяжелым шагом двинулся к плите.

Мири удивилась непривычному шуму его шагов, но пожала плечами, взяла оставшуюся миску и пошла за ним следом.

Фру Трелу улыбнулась и налила суп в две миски, которые подставил ей Корвилл. Потом она наполнила миску Мери и прикоснулась к плечу девушки:

— Подожди.

Она открыла еще один ящик, достала полбуханки хлеба и протянула ей. Мири взяла его в свободную руку и понесла к столу.

Фру Трелу немного поколебалась, кивнула сама себе и прошла к леднику. Оттуда она достала масло. На секунду ее рука застыла над сыром, а потом опустилась вниз. При их-то худобе? И спрашивать нечего.

Держа одной рукой масло и сыр, она прихватила второй кувшин с молоком и закрыла дверцу коленом. У стола она налила молока во все три стакана, а потом стала искать свое место.

Только тут она заметила, что они оставили ей стул во главе стола — место Джерри. Они сидели друг напротив друга, на тех

местах, которые в последние годы принадлежали их парнишке и его жене.

Фру Трелу улыбнулась: ей было приятно, что они не притрунулись к своему супу. Значит, воспитанные, хоть и иностранцы. Она взяла ложку, попробовала суп, и они тоже приступили к еде. Убедившись в том, что они поняли, что могут продолжать есть и без нее, она положила ложку, придвинула к себе хлеб и с усилием отпилила три куса. Потом она вынула из бумаги сыр, отрезала для каждого из них по хорошему ломтю и разложила им на тарелки рядом с хлебом.

Свой кусок она засунула в тостер, напомним себе, что за ним надо следить. С прибором что-то случилось: в последнее время он сжигал хлеб до углей, даже не подав сигнал, что он готов.

Она снова взялась за ложку и занялась супом, поглядывая на своих гостей, но стараясь не проявлять невежливого любопытства.

Парнишка держал ложку в левой руке и ел серьезно: казалось, он все внимание сосредоточил на еде.

Мери была правша и казалась рассеянной: то и дело бросала быстрый взгляд то в одну сторону, то в другую. Она взяла хлеб, разломил его пополам и намочила в супе, сказав что-то парнишке. Тот засмеялся, потянулся за стаканом, а потом вдруг резко повернул голову и уставился на тостер.

— А, ветер забери эту штуку! — досадливо воскликнула Фру Трелу, шлепая рукой по кнопке, освобождавшей хлеб.

Тостер звякнул и выпустил обгоревший прямоугольник, который задымился, роняя угольки на скатерть.

— Пропади ты пропадом! — проворчала она сдержанно, помня, что не одна, и мстительно выдернула из розетки шнур.

Отпилив еще один кусок хлеба, она со вздохом намазала его маслом.

Она предложила своим гостям добавку, но они либо ее не поняли, либо побоялись злоупотребить ее радушием. Фру Трелу допила молоко, тщательно вытерла рот и сложила руки перед собой, пытаясь придумать, что же делать теперь. Самым разумным было бы отослать их восвояси. И, по правде говоря, выглядели они уже не такими уставшими, хотя у Мери лицо по-прежнему было более бледным, чем у Корвилла.

Мири наклонила голову и встретилась взглядом с Вал Коном.

— И что теперь?

— А теперь мы платим за еду, — пробормотал он.

Он придвинул к себе тостер, развернул его, опустил рычаг и заглянул в паз для хлеба. Мири минуту понаблюдала за ним, а потом встала со стула и собрала посуду.

Унося ее к мойке, она услышала, как Фру Трелу адресует очередную непонятную тираду «Корвиллу» и оглянулась через плечо.

Старуха встала и манила Вал Кона, показывая, чтобы он следовал за ней. Взяв тостер, он послушался, бросив перед уходом быстрый взгляд на Мири.

Она судорожно сглотнула, подавив непонятное желание побегать следом за ним. Вместо этого она заставила себя повернуться к мойке и сообразила, как пускать воду. Потом она догадалась, что видит мыло, и замерла, держа его в руке.

«Месяц назад ты понятия не имела о его существовании, — строго сказала она себе. — А теперь не можешь выпустить его из виду?»

Отрегулировав температуру воды, она начала делать пену, стараясь ни о чем не думать. К тому моменту, когда фру Трелу вернулась в одиночестве, вымытые стаканы уже сушились, а девушка усердно отдраивала миску.

Вандар «Дуновение весны»

Пока суд да дело, стало ясно, что их надо оставить ночевать. Корвилл отлично починил тостер. На это у него ушла почти вся вторая половина дня, но фру Трелу не склонна была придираться. Сама бы она тостер вообще не починила.

Помывшая посуду Мери была поставлена на вытирание пыли, а фру Трелу пошла подоить корову. К тому времени, как она вернулась, Корвилл уже дожидался ее, чтобы продемонстрировать отремонтированный тостер. Она немного над ним поахала и даже поджарила для всех по ломтику хлеба, чтобы это отпраздновать. К хлебу она подала остаток покитового варенья.

Удивленный взгляд на часы сказал ей, что пора начинать готовить ужин. Для этого она заручилась помощью Мери, предварительно направив внимание Корвилла на ковровчишку.

После ужина фру Трелу вышла, чтобы насыпать скаппинам их вечернюю порцию зерна, оставив Мери и Корвилла мыть посуду. Возвращаясь домой, она остановилась, дрожа на пронзительном ветру, и посмотрела в сторону острозубой пасти — перевала Форнема. Было ясно, что ночью соберется дождь.

И только двухголовое бессердечное чудовище выгнало бы пару этих бедолаг в ночь, когда еще до наступления утра с перевала должен был прийти холодный дождь.

На крыльце фру Трелу снова задержалась, прислушиваясь к их негромким голосам. Они переговаривались на своем наречии так, словно эти странные обрывки звуков действительно что-то могли значить. Покачивая головой, она прошаркала на кухню.

Мери как раз широко зевнула, запоздало прикрыв рот ладшкой.
— Устала? — спросила фру Трелу и улыбнулась, встретив непонимающую улыбку девушки.

Решительно протянув руку, она сжала хрупкую кисть:

— Пошли со мной.

Повернув в правый коридор, она провела их обоих вверх по главной лестнице, а там повернула влево, мимо верхней гостиной и лестницы на чердак, к старой комнате парнишки. Открыв дверь, она дернула за шнур выключателя и только потом выпустила руку Мери, указав на двуспальную кровать, на которой спали Гренник и его фру. И именно в этой кровати умерла его юная фру, пытаясь родить ребенка, который оказался для нее слишком крупным.

— Спать будете здесь, — сказала она Мери.

Девушка бесшумно прошла по тряпичному половику и выскобленными досками пола и села на край кровати. Улыбнувшись, она спряталась за ладшкой еще один зевок. Корвилл молча ждал у двери.

— Вот и хорошо, — сказала фру Трелу. — Доброй ночи, Мери. — Она кивнула мужчине. — Доброй ночи, Корвилл.

Закрывая за собой дверь, она услышала его негромкие слова:

— Доброй ночи, фру Трелу.

Вал Кон разобрал кровать и разделся, складывая свои вещи на скамье, стоявшей у стены. Скользнув под одеяло, он глубоко вздохнул, заставил себя расслабиться и остановил свой взгляд на Мири.

Она разделась, бросив одежду где попало, и подошла к висевшему на дальней стене зеркалу, разворачивая корону косы. Казалось, что она чуть покачивается на ногах, но сам Вал Кон чувствовал себя слишком усталым, чтобы поверить, что это — обман зрения.

— Ложись спать, шатрез.

Она обернулась и со слабой улыбкой сказала:

— Уговорил.

Чтобы добраться до постели, ей понадобилось слишком много времени — она действительно покачивалась. А потом она со стуком села на край кровати.

— Почему я такая усталая?

— Может быть, из-за высоты. А еще сегодня нам пришлось очень много соображать. Все незнакомое, надо улавливать и запоминать слова... — Он подвинулся и приподнял одеяло. — Мири, ложись. Ты замерзла.

— Все пилишь, пилишь. — Но она скользнула под одеяло. Как только она закрыла глаза, лицо ее начало разглаживаться. А потом оно вдруг снова напряглось, и она распахнула глаза. — Свет! А, черт с ним.

И она решительно снова закрыла глаза.

«Действительно, черт с ним», — мысленно согласился он и тоже закрыл глаза, позволив волне усталости захлестнуть его с головой.

Кто-то громко выкрикивал его имя. За плечи его держали грубые руки. Он вырывался — и его окликнули снова. Голос показался знакомым. Он вздрогнул, открыл глаза — и непонимающе уставился в нависшее над ним лицо.

— Это я, Мири! — взволнованно проговорила она.

— Да.

Тут он понял, что весь дрожит, и растерялся еще сильнее. Комната за спиной Мири была ярко освещена, спокойна и не содержала опасностей. Он снова посмотрел в глаза девушке:

— Что случилось?

Она неуверенно вздохнула:

— Тебе снился кошмар. Дурной сон.

Выпустив его плечи, она прилегла на бок, положив под щеку ладонь.

Дурной сон? Он мысленно направился за ним — и сразу же его отыскал. Мгновенно поняв суть увиденного, он почувствовал, что дрожит еще сильнее. Несмотря на озноб, одеяло его душило. Он сбросил его и начал вставать.

— Вал Кон?

Вал Кон посмотрел на нее, и она увидела складки, окружившие его рот, и тень страха в зеленых глазах. Его была настолько сильная дрожь, что это было даже заметно. Мири выпростала из-под одеяла руку и накрыла его кисть, ощутив холод и дрожь.

— От кошмаров есть старинное земное средство, — сказала она, постаравшись, чтобы ее голос звучал ровно. — Если тебе приснился кошмар, его надо кому-нибудь рассказать. Тогда он больше к тебе не вернется. — Она попробовала улыбнуться, хотя и не была уверена в том, что Вал Кон ее услышал. — Помогает.

Он глубоко вздохнул, а потом снова лег — неловко, словно тело у него одеревенело — и снова натянул на себя одеяло.

Мири придвинулась ближе, не дотрагиваясь до него, но предлагая свое тепло, надеясь умерить его дрожь. Протянув руку, она осторожно отодвинула волосы у него со лба.

— Это был не сон, — сказал он, и голос у него был таким же деревянным, как и тело. — Это было воспоминание. Когда Разведка... прикомандировала меня... к Департаменту Внутренних Дел... Я получил приказ и пошел его выполнять... немедленно, как и было обозначено. Я вошел в нужное здание и пошел по нужному коридору... и с каждым шагом, который я делал по этому коридору... что-то словно... кричало?... вопило... во мне... приказывая, чтобы я бежал, скрылся, чтобы ни в коем случае не шел дальше...

— А ты шел? — тихо спросила она.

Он издал какой-то звук, который не показался ей смехом.

— Конечно, шел. А что еще я мог сделать? Нарушить приказ? Бесчестье — позор... Стал бы экликти? Мой Клан...

Мышцы его вдруг напряглись, будто готовые разорваться.

— Я шел по коридору, преодолевая себя на каждом шагу, вопреки всем предчувствиям, вопреки интуиции. Единственный раз в жизни я не внял предчувствию...

Он закрыл глаза.

Мири встревоженно прижалась к нему.

— Я нашел в том коридоре нужную дверь, — монотонно проговорил он. — Я вошел и отдал свои бумаги и начал подготовку агента перемен. И они лгали, о боги, и заставляли ложь казаться правдой, и извращали то, что я видел, и то, как воспринимал мир. Они копались и рылись в моей голове, пока Вал Кон Йос-Фелиум не превратился в воспоминание. И это было больно...

Он сделал вдох, которого не могло хватить на то, чтобы наполнить его легкие — и внезапно его ужасающее самообладание сломалось, и он перекатился к ней, обхватил обеими руками и уткнулся головой ей в плечо.

— Ах, Мири! — воскликнул он, и голос его срывался от муки. — Мири, это было больно!

И разрыдался.

Она обнимала его, пока рыдания не стихли. Она гладила темноволосую голову, водила рукой по его спине и ощущала, как напряженность уходит, уходит... И наконец окончательно ушла вместе со слезами. Она еще некоторое время продолжала его обнимать, а потом вздохнула. Его дыхание сказало ей, что он уснул.

Мири пошевелилась, попытавшись осторожно отодвинуться, но его руки сразу же сжались крепче. Он повернул лежащую у нее на плече голову и что-то пробормотал во сне. Она вздохнула, смирившись с тем, что остаток ночи ей придется лежать без сна — и в неудобной позе.

Мири проснулась — и обнаружила, что Вал Кон очень серьезно смотрит ей в лицо.

— Доброе утро... — сонно пробормотала она. — А сейчас утро?

— Раннее утро, — тихо сказал он. — По-моему, фру Трелу еще не вставала.

— Вот и хорошо.

Она приподнялась, собираясь его поцеловать, — и остановилась.

— В чем дело? — спросил он.

Она пожала плечами, стараясь не встретиться с его яркими глазами.

— Я никогда не знаю, хочешь ли ты, чтобы я тебя поцеловала, или нет.

— А, ну это никуда не годится, — заявил он. — Проблема общения. Я бы сказал, что тебе разумнее всего было бы целовать меня всякий раз, как тебе захочется. Таким образом, ты в свое время сможешь выяснить, когда именно мне больше всего хочется принимать поцелуи.

— Вот как?

Она ухмыльнулась и наклонила голову, намереваясь только едва-едва прикоснуться к его щеке, но он повернулся и поймал ее губы своими. Его пальцы мгновенно погрузились в ее волосы, расплетая косу, легко поглаживая голову...

Когда поцелуй закончился, дрожащая Мири лежала у него на груди, переполненная желанием, страстью и любовью.

— Еще несколько таких поцелуев, — проговорила она, услышав, что ее голос тоже дрожит, — и я ни за что не ручаюсь.

Он мягко улыбнулся и выгнул бровь.

— Сейчас рано.

Она закрыла глаза: при виде него она ощутила острый укол... чего?

«Робертсон, — умоляюще сказала она себе, — только не раскисай мне тут!»

Она ощутила прикосновение его пальцев, нежных и дрожащих. Они скользнули по ее щеке, проследили изгиб шеи.

— Мири, пожалуйста, — тоскливо проговорил он, — мне бы очень хотелось получить еще один поцелуй.

Открыв глаза, она выполнила его просьбу — в самой полной мере.

Лиад Порт Солсинтры

Да, заверил Чивера голос немолодого мужчины на лошадном рысакном, Первый представитель с радостью примет мистера МакДарлаида, как только тот приедет. Следует ли прислать за ним машину из Треалла Фантрол, или у него есть собственное транспортное средство?

— У меня хватит денег на такси, — проворчал Чивер, не доверяя самому голосу, безликой решетке, из которой он исходил, таксу, спрятанному во внутренний карман жилета, и чуть ли не черепахе, которая его в это втравивала. Но испытывать недоверие к черепахе было глупо. Черепаха действовала честно. Черепахи всегда действуют честно.

— Прекрасно, сударь, — сказал ему голос. — Первый представитель ждет вашего приезда.

Индикатор связи погас.

— Ага, прекрасно, — пробормотал Чивер, выходя из будки в шумный прилив порта.

Он почти дошел уже до ворот города, прежде чем увидел такси и отчаянно замахал рукой, останавливая его. Когда он сел на место для пассажира, лиадийка-шофер бросила на него взгляд, который ему не слишком понравился.

— Мне надо в Треалла Фантрол, — резко сказал он на торговом.

— Ага.

Чивер возмущенно уставился на нее:

— Вы что, не знаете, как туда попасть?

— Я знаю дорогу. Поэтому вопрос формулируется так: «Вы способны оплатить проезд?»

Он досадливо вздохнул. Чертова лиадийка над ним смеется!

— Вам авансом оплатить дорогу туда и обратно? Назовите форму оплаты: уникредитки, монеты, лиадийские деньги — если найдется сдача с кантры.

Она несколько минут пристально смотрела на него, словно не замечая, что ее неподвижно стоящая машина весьма мешает пешеходам в порту.

— И вы желаете ехать в Треалла Фантрол?

Чивер стиснул зубы и заставил себя не смотреть на свои поношенные кожаные брюки, хотя краем глаза заметил, что рукав рубашки далек от свежести.

— Да, желаю. Это такси или нет? Можете отвезти меня в Треалла Фантрол?

— Действительно, это такси. А что до того, чтобы отвезти вас в Треалла Фантрол... — Она непонятно повела плечами. — Сегодня приятное утро для поездки.

Такси резко ворвалось в поток машин, набрало скорость, пронеслось по узкому переулку и в следующий момент уже нырнуло в главные ворота. Чивера вжало в спинку сиденья. Тихо проклиная тесное пространство для ног, он стал смотреть в окно, думая о своем корабле.

Солсинтра пронеслась мимо расплывчатыми зигзагами обсаженных деревьями улиц. Чивер неохотно признал, что наземный пилот знает свой квадрант досконально, а в следующую секунду напряженно выпрямился на коротеньком сиденье: они пронеслись через вторые ворота, на этот раз старинные, сложенные из камня и покрытые пурпурными цветами, — и неожиданно оказались за городом.

— Эй!

Таксистка обернулась, не сбавляя скорости.

— Куда мы, к черту, едем? — заорал Чивер, недоуменно глядя на нефритово-зеленый луг по одну сторону, деревья — по другую и извилистую дорогу, ведущую к какой-то башне, вздымавшейся к небу из-за купы деревьев в дальнем конце долины.

— Мы едем в Треаллу Фантрол. Эту цель выбрали вы сами. Я только согласилась доставить вас — туда, куда нам позволено ехать.

В ее последних словах прозвучало нескрываемое ехидство. Чивер мысленно осыпал проклятиями всех лиадийцев в целом, эту представительницу расы в частности и свою собственную неосмотрительность — он ведь сказал, что при нем есть кантра! Она действительно намерена везти его в Треаллу Фантрол — окольными путями.

— Место, куда я хочу попасть, находится в Солсинтре, — попытался возразить он спокойно.

— Тогда вы не хотите ехать в Треаллу Фантрол.

— Ага. — Он хмуро посмотрел в окно, туда, где детали возвышавшейся среди деревьев башни с каждой секундой становились все более ясно различимыми. На самом деле она походила не столько на башню, сколько на дерево — только кто же слышал о таком высоком дереве? — Вот это — Треалла Фантрол?

Таксистка рассмеялась:

— Ничуть. Это — Джелаза Казон. Может, вы предпочтете ехать туда? Хотя, как я слышала, Глава Клана сейчас там не живет.

— Треалла Фантрол, — твердо заявил Чивер, — это место, где живет Первый представитель Клана Корвал. Мне это известно.

— А разве я спорю? Посмотрите налево и увидите трубы.

Он обнаружил целых семь — они возвышались над кронами густой роши, — а потом снова потерял их из виду, когда такси понеслось по крутому склону, потом резко вильнуло налево и поехало дальше неожиданно медленно.

Они проехали около четверти мили, когда лиадийка снова посмотрела на него:

— Похоже, вас ждут.

Заметив ее удивление, он решил быть немногословным:

— С чего вы взяли?

— Когда я в прошлый раз везла пассажирку в Треаллу Фантрол, нас остановили, как только машина въехала на территорию. — Она снова повела узенькими плечами. — Надо полагать, ее не ждали.

Они проехали под аркой, и аромат цветов на секунду стал почти удушающим, но вскоре его прогнал острый освежающе-лимонный запах кустов, росших по обе стороны аллеи.

Кусты закончились, и машина повернула направо, потом почти сразу же налево — и выехала на овальную подъездную аллею, плавно затормозив у начала лестницы.

Чивер изумленно воззрился из окна, сжав руку в кулак. Все пакета у него в кармане: вдруг утроился, и он остро пожалел о том, что не задержался, чтобы купить новую рубашку.

— Треалла Фантрол, — объявила таксистка. — Я приму уникальные дитки.

Он порывлся в кошель и даже не проверил, сколько она с него взяла. Черепаха сказала, что дело срочное, что Чиверу следует доставить пакет от черепахи Первому представителю Клана Корвал в Треалла Фантрол со всей возможной поспешностью.

Таксистка сунула кредитную карточку в его обмякшие пальцы: — Спасибо тебе, пилот. Всего доброго.

Он вздрогнул, опустил карточку обратно в кошель и глубоко вздохнул. Таксистка повернулась к машине.

— Спасибо. Э-э... может, тебе лучше подождать.

— Ни к чему тратить время. Треалла Фантрол тебя ждала. Не думаю, чтобы тебя отправили обратно на такси.

Дверца захлопнулась, и такси тронулось. Разогнавшись на овальной аллее, оно исчезло за поворотом.

Чивер расправил плечи и зашагал вверх по лестнице.

Он приложил ладонь к пластине, расположенной в центре большой деревянной двери, и приготовился ждать. Он им не понравится — этим людям, которые здесь живут. И у него было неприятное предчувствие, что послание черепахи им тоже не понравится.

За дверью послышался недолгий рокот. А потом створку открыли изнутри, и голос, уже слышанный им в порту, осведомился:

— Мистер Мак-Фарланд?

На секунду ему отчаянно захотелось ответить отрицательно, сбежать вниз по ступенькам и, промчавшись по длинной аллее, вернуться в порт, к своему взятому напрокат кораблю. Захотелось избавиться от пакета и забыть о своем обещании доставить его адресату.

Захотелось нарушить слово, данное стайной черепахе?

— Ага, — с трудом выдавил он, неожиданно охрипнув.

— Не изволите ли войти, сударь? Мне приказано проводить вас в малый салон. Будьте добры пройти со мной.

Он вошел в бархатно-сумрачную прихожую, повернулся к хозяину дома — и у него отвисла челюсть. Приземистый металлический цилиндр этого, кажется, не заметил. Наверное, был слишком занят задвиганием тяжелой створки, чтобы обратить внимание на невоспитанность Чивера.

Закрыв дверь, робот развернулся и взмахнул одной из своих трех гибких рук:

— Прямо сюда, мистер Мак-Фарланд.

— Ладно... Э-э... Это с вами я говорил из порта?

Оранжевый шар, установленный в верхней части чудовищного устройства, мигнул, и все три руки плавно заколебались.

— Совершенно верно. Я — дворецкий, сударь. Дживз. Смею добавить — к вашим услугам.

— Ну, еще бы, — сказал Чивер и тряхнул головой. — Так мы идем... в малый салон?

— Совершенно верно. Если вы будете так любезны пройти со мной, сударь. Это всего в нескольких шагах по коридору.

Спустя несколько минут Чивер решил, что «несколько шагов» Дживза равны хорошей прогулке обычного человека. Только переход через мраморное фойе длился дольше, чем экскурсия по обычному земному дому. И он сам прибавил к этому переходу несколько секунд, задержавшись, чтобы поглазеть на красивый изгиб ступенек из бесценного дерева стреллы.

— Парадная лестница, — пробормотал Дживз, когда они двинулись дальше. — Под каждой ступенькой находится резное изображение эпизода Великой миграции и других выдающихся моментов истории. Мне сказали, что это впечатляет.

— Э-э... угу. Ага, весьма мило, — сказал Чивер и повернул следом за роботом в коридор, который оказался ненамного уже фойе.

Там были деревянные двери с хрустальными ручками, установленными в самом их центре, на обшитых деревянными панелями стенах то там, то сям мерцали невероятно нежные лампы. Под ногами тоже было дерево, мягко пружинившее под подошвами и заглушавшее шум, который издавали колеса роботов. Чивер покачал головой, пытаясь прояснить мысли, и чуть было не свалился на своего проводника.

— Вот мы и пришли, сударь. Надеюсь, вы найдете вид приятным — ведь сейчас цветет эталдом. К вам скоро присоединится лорд йос-Галан.

Чивер, который успел пройти на три шага внутрь комнаты, стремительно обернулся:

— Лорд йос-Галан?

Робот уже исчез.

— Мне надо видеть леди Нову йос-Галан, — сообщил он пустой комнате, — Первого представителя Клана Корвал. Черепаха говорила о леди Нове йос-Галан...

Зацепив большие пальцы рук за ремень брюк, он обошел комнату, с содроганием заметив, что его сапог оставил на кремовом ковре черную отметину. Книжные полки были полны — в основном книгами в переплетах, что сказало бы ему, насколько богаты обитатели этого дома, даже если бы об этом же не свидетельстествова-

ли дом, огромный парк и странный, но эффективный робот. Если люди и приобретали книги, то это были записи. В личной коллекции Чивера было несколько руководств по пилотированию и конкорданция к «Трем тысячам Траланда», хотя, конечно, он на «Мошке Люси» сам кое-что внес...

У него за спиной щелкнула и закрипела дверь, и Чивер, у которого была реакция пилота, стремительно обернулся. Пакет заставил его жилет немного распахнуться.

— Доброе утро! — воскликнул дружелюбный голос на земном, без примеси аристократической гнусавости или лиадийского пришепывания. — Мистер Мак-Фарланд, я полагаю? Я так рад с вами познакомиться, сэръ!

Мужчина, направлявшийся к нему, был ростом с землянина, хотя примерно на ладонь ниже самого Чивера. На нем были потрясающе чистые брюки и винно-красная рубашка с пышными рукавами, контрастировавшая с белыми волосами. Однако под шелvelюрой старика было молодое лицо: крупный нос, большие губы, изогнувшиеся в улыбке, светлые глаза под приподнятыми к вискам серебряными бровями. Он протягивал Чиверу большую руку, украшенную кольцом с аметистом.

— Шан йос-Галан к вашим услугам.

Чивер широко улыбнулся и с размаху пожал протянутую руку.

— Чивер Мак-Фарланд. Рад познакомиться.

— Взаимно. Но я уже, кажется, это сказал. Нехорошо повторяться. Неужели вам не предложили вина? Дорогой мой... Наше гостеприимство оставляет желать много лучшего. А ведь вы только что из порта. Ужасно пыльное место, этот наш порт Солсинтры. Вы не находите?

— Э-э... — только и промычал Чивер, когда большая ладонь легла ему на плечо, легонько подталкивая к скромной стойке из оникса.

— Вот именно, — согласился хозяин дома. — Не хотите ли утеренного вина? Виски? Мисравета? Бренди? У нас недурное нефритовое и вполне приемлемое белое, но скажу вам по секрету, сударь: красное их всех превосходит!

Виски... Чивер почти ощутил его вкус. Виски было бы очень кстати. Он с сожалением покачал головой.

— А у вас не найдется кофе? — Он адресовал своему собеседнику чуть виноватую улыбку. — Довольно давно не сплю, понимаете ли. Боюсь, как бы спиртное не ударило мне в голову.

— А это нам ни к чему, не так ли? Дживз, — сказал он, обращаясь, казалось, к самой комнате, — принеси, пожалуйста, кофе мистеру Мак-Фарланду.

Музыкально прозвенев хрусталем, он налил себе щедрую порцию красного вина.

— Я не мог не заметить нашивку на вашем жилете. «Линии Баскома», я не ошибся?

Ладонь Чивера невольно потянулась к левой стороне жилета, где когда-то яркая нашивка Солнечной системы почти полностью вылиняла.

— Угу...

— Вы работаете на «Линию»? — спросил Шан, поднимая рюмку. — Я как раз недавно заключил сделку с миз Лиллиан Баском и капитаном Барни Келлером. Вы с ними знакомы?

— Лиллиан... Я знаю... знал Лиллиан очень близко. А с Барни мы вместе сидели за пультом большого лайнера... Он тогда еще не был капитаном.

— О, так вы опытный пилот! Каково это — быть пилотом большого круизного корабля? Увлекательная работа?

Чивер пожал плечами:

— Неплохая. Но мне нравятся маленькие корабли — более послушные, более быстрые, и на них можно залезть и вылезти из узкого места раньше, чем тебя заметят. С большими кораблями это не проходит. Надо действовать по правилам. — Он кивнул. — Мне нравится управлять собственным кораблем.

— Правда? — пробормотал Шан. Тут открылась дверь, пропускающая в салон робота с подносом. — Вы спасены, сударь! Надеюсь, кофе будет вам по вкусу. Дживз, мистер Мак-Фарланд сказал мне, что не спал уже несколько дней и только чашка твоего лучшего кофе может помочь ему благополучно пережить ближайший час. Сливки, сударь? Подсластитель?

— Черный и не сладкий. Спасибо.

Чивер принял от робота дымящуюся чашку. Сведенный судорогой желудок напомнил ему, что в последние дни он к тому же очень мало ел.

— Я изумлен, — говорил тем временем Шан йос-Галан, — что вы появились столь быстро. Нас только вчера предупредили о вашем прилете.

Чивер обжег язык и поморщился.

— Я вылетел два дня назад.

— Правда? Кажется, вы были очень далеко.

— Дальше, чем вы думаете, — ответил Чивер не без гордости. — Глубоко во втором квадранте.

— Да, вот это полет! — восторженно заметил Шан. — И так быстро! Несудивительно, что вы устали. Если хотите, я могу передать моей сестре то, что вам поручено. Мне следовало бы с самого начала за нее извиниться. Мои ужасные манеры — прошу вас

меня извинить, сударь! Ее вызвали на переговоры с нашим деловым представителем. Но я заверяю вас, что мне вполне можно доверять...

Чивер со стуком поставил чашку на стойку.

— Черепаха велела передать пакет Первому представителю Нове йос-Галан. Мне было сказано — в собственные руки.

Светлые глаза пытливо смотрели на него поверх края рюмки.

— Похвально. — Он чуть повернул голову. — Дживз!

— Да, ваша милость?

— Пожалуйста, сообщите моей сестре, что мистер Мак-Фарланд может отдать свой пакет только в ее руки. Я рассчитываю, что ее светского умения хватит, чтобы извиниться перед господином дэ-Гауссом и расстаться с ним на полчаса.

— Конечно, сэр.

Робот выкатился из комнаты, закрыв за собой массивную дверь.

— Она придет сюда через пару минут, и тогда вы сможете поспать, сударь, не беспокойтесь.

— А? — Чивер воззрился на него с искренним изумлением. — То есть послушайте — я хочу сказать, это все мило и все такое прочее, мистер йос-Галан, но вам нет необходимости оставлять меня здесь. Я посплю пару часов в порту, пока буду дожидаться разрешения на взлет... У меня корабль арендованный, понимаете? Мы с черепахой условились, что они оплатят ремонт «Мошки Люси», если я доставлю от их имени этот пакет. Он пришел в бар и спросил, кто тут самый хороший пилот. Я ответил, что я, — не хвастаясь, ответил: глупо врать черепахе — и остальные подтвердили, что это так.

— Понимаю. Очень мило со стороны черепахи. Кстати, как ее звали? Вечно меня подводит память!

— Он велел, чтобы я называл его Точильщиком. Большой та-кой. Голосище — кажется, вот-вот барабанные перепонки лопнут. — Чивер снова взял чашку и залпом проглотил ее содержимое. — Интересный тип, а?

— Так мне рассказывали. Но я должен настоять на том, чтобы вы у нас остановились, сударь. Это самое малое, чем мы можем отплатить вам за беспокойство. Разрешите мне вас переубедить!

— Нет, послушайте, это...

— Шан?

Голос звучал мягко, с акцентом — и поразительно красиво.

И вошедшая женщина, которой принадлежал этот голос, оказалась стройной, миниатюрной, золотистой и совершенной. На чудесном заостренном личике, обрамленном золотыми волосами, сияли огромные лиловые глаза. Чивер не мог отвести от нее взгляда.

Крошечная богиня тоже смотрела на него, и между безупречными бровями пролегла чуть заметная хмурая морщинка.

Грозившее затянуться молчание прервал Шан йос-Галан:

— А, вот и ты, сестра! Позволь представить тебе мистера Чивера Мак-Фарланда, который привез предмет, который обязан передать только тебе.

Она склонилась в поклоне — таком изящном, что Чивер почувствовал, как у него на глаза навернулись слезы.

— Чивер Мак-Фарланд, я счастлива с вами познакомиться.

— И я сча... счастлив... с ва... вами познакомиться. — Тут в нем проснулась какая-то чудом сохранившаяся крупница здравого смысла. — У меня есть нечто, что я должен передать Нове йос-Галан, Первому представителю Клана Корвал.

— Этот человек — я, — мягко проговорила она. — Вы можете снять с себя ваше бремя.

Его рука невольно потянулась к внутреннему карману — но остановилась.

— Мне очень жаль, но, видите ли... поскольку я вас не знаю и вообще... Точильщик велел мне попросить, чтобы вы назвали ваше имя.

— Мое имя?

Морщинка стала глубже, и Чивер с трудом удержался, чтобы не рухнуть на колени, умоляя ее не затруднять себя: он отдаст ей пакет, если только...

— Мое имя, — совершенно серьезно сказала она, — Нова йос-Галан, Исполняющая Обязанности Первого Представителя Клана Корвал, Та Кто Помнит, Первая Сестра Вал Кона йос-Фелиума Разведчика, Художника Преходящего, Убийцы Старшего Дракона, Весеннего Помета Фермера Зеленодрова из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Крепкого Парня.

Это была музыка. Это была ангельская песнь. Он мог бы слушать ее голос часами — сутками — годами. Невозможно было бы представить себе, чтобы ему наскучило...

— Э-э... да, — промямлил он, наконец запуская руку в карман и извлекая оттуда пакет. — Держите.

Она обхватила нежными ручками пакет и еще раз поклонилась:

— Приношу вам мою благодарность, Чивер Мак-Фарланд, за ту службу, которую вы сослужили Клану Корвал. Пожалуйста, позвольте Дживзу проводить вас в гостевую комнату.

— Угу, — ответил он снова и сумел изобразить неуклюжий поклон — пародию на ее безупречное изящество. — Я... э-э... до свидания.

— До скорого свидания, — подтвердила она.

Уходя следом за роботом, он разрешил себе один раз оглянуться и увидел, что ее руки уже вскрывают пакет.

Лиад Треалла Фантрол

— Прекрати! — Горди провел рукой по экрану, так что атака Леди Царапки была перенесена с курсора на его пальцы. — И это тоже прекрати! Глупая кошка.

Она заморгала невинными чуть раскосыми голубыми глазами и аккуратно свернула лапки калачиком у белоснежной груди.

Горди протяжно вздохнул:

— Если не хочешь, чтобы я тебя выгнал, так и сиди. И больше не пытайся убить курсор, поняла? Мне надо закончить проверку.

Леди Царапка добродушно прищурила глаза, выражая согласие, и даже немного замурлыкала, но Горди все равно ей не поверил. Он снова сосредоточился на сетке уравнений, описывающей размещение и балансировку грузов в трюмах «Исполнения долга». Эту сетку уже проверили: суперкарго йо-Ланна, который ее составил, первый помощник Мендоса и капитан йос-Галан. У Горди было мало шансов найти ошибку, которую прозевала бы эта опытная команда. И у младшего купца не было особых оснований вдаваться в административные детали, однако Шан на этом настоял. Со взмахом руки, который заставил глаза всех присутствовавших устремиться на сверкавший на его пальце аметист мастер-купца, он объяснил, что в мире существует огромное количество фактов, так что Горди может не бояться узнать слишком много.

Погрузившись в проверку и перепроверку, он не услышал у себя за спиной легких шагов, и неожиданный оклик заставил его вздрогнуть.

— Приятная встреча, юный Гордон! И как ты сегодня поживаешь?

Пальцы Горди ударили сразу по трем клавишам, заставив компьютер обиженно загудеть. Краснея, он быстро повернул кресло.

— О! — неприветливо отозвался он. — Салют.

Стройный темноволосый джентльмен отвесил поклон, столь же безупречный, сколь и его наряд. Опытный в таких вопросах глаз нашел бы это творение шедевром изящества.

— Твой энтузиазм делает тебе честь. Право, неизменное тепло твоих приветствий всегда заставляет меня радоваться нашему родству.

«Ну, еще бы», — подумал Горди. Он медленно встал с рабочего кресла, возвышаясь над своим гостем, словно гора над муравейником, и со всей серьезностью адресовал ему поклон, принятый между членами одного клана.

— Простите меня, родич, — проговорил он на высоком лиадийском с едва заметным земным акцентом, — если мое внимание к работе скрыло от меня ваше приближение и облекло мое привет-

ствие не в слишком сердечную форму. Мы с вами знакомы достаточно давно, чтобы вы могли не сомневаться в том, насколько я вами восхищаюсь.

— О, прекрасно! — пробормотал Пат Рин, блеснув темными глазами. — Почти попадание. Ты молодец, юный Гордон.

Горди стиснул зубы, заставив свое лицо и голос оставаться спокойными. С каждой успешной торговой сделкой это давалось ему все легче.

— Чем я могу быть вам полезен, сударь?

— Я ищу твоего приемного отца, дитя. Он дома? Или мне, как прочим смертным, надо томиться у двери леди Мендоса в надежде его увидеть?

«Присцилла позаботится, чтобы тебя арестовали за бродяжничество», — мстительно подумал Горди, одновременно вежливо кивая.

— Он только что был в коридоре и разговаривал с Дживзом.

Пат Рин деликатно вздохнул и смахнул с травянисто-зеленого рукава воображаемую пылинку. На изящных пальцах поблескивали кольца.

— Разговаривал с роботом? Ну да, ведь Шан готов разговаривать с кем угодно, не правда ли? Я это неоднократно замечал.

— Мне его сюда позвать, сударь? На это уйдет не больше...

— Пат Рин! В добрый час, кузен, как поживаешь?

Горди стремительно обернулся к двери. Его лицо выражало изумление.

Пат Рин издал свой негромкий ехидный смешок и отвесил еще один изящный и иронический поклон:

— Здравствуй, родич. Я исключительно здоров. А как ты находишь себя?

— Я предоставляю это Присцилле, — ответил Шан, адресуя рассеянную улыбку в равной степени всем присутствующим: Горди, Пат Рину и Леди Царапке. — По утрам я в плохой форме, и если буду тратить половину времени на поиски себя — ну, ты же понимаешь, кузен, — тогда я вообще ничего не буду успевать.

Поток земных слов заставил Пат Рина нахмуриться, но он достаточно быстро ответил на том же языке:

— Я явился сюда в ответ на твой вызов. Чем йос-Фелиум может быть полезен йос-Галану?

Взгляд серебристых глаз вдруг стал пристальным.

— Йос-Фелиум? Ты принял на себя меланти Тоделма?

— Ничуть, — ответил Пат Рин, опуская глаза, чтобы полюбоваться игрой света в камнях своих колец. — Но, видишь ли, кузен, в последние несколько лет мы, йос-Фелиумы, остались без предводителя, так что у нас возникла привычка являться к Первому представителю Клана Корвал, чтобы решать вопросы, которые должны были бы улаживаться внутри рода.

— Насколько я понял, это жалоба.

— Наблюдение. Ты ведь сам Тоделм Йос-Галан. Ты стал бы бежать к Первому представителю по поводу каждого движения своих ближайших родственников?

Шан моргнул, и льдисто-пристальный взгляд снова стал рассеянным.

— Ну, в последнее время дела несколько запутались, кузен: ты и сам должен это признать. Клан сократился до горстки. Наделм снял с пальца Кольцо. Линии управления многократно скрещиваются и переплетаются. — Он улыбнулся. — Но мы кое-как плетемся вперед.

— А Наделм Клана находится неизвестно где, причем ничего не делается, чтобы его найти.

Шан промолчал.

Пат Рин пожал плечами и оторвал взгляд от колец.

— Когда вращаешься в свете, то обязательно сталкиваешься со слухами. Весь свет отмечает продолжающееся отсутствие Вал Кона Йос-Фелиума. Многие высказываются по поводу спокойствия Йос-Галанов. Они вспоминают, что у Клана Корвал Кольцо передают от пилота к пилоту. Они не забывают и о том, что Шан Йос-Галан носит знак мастер-пилота. — Он снова опустил взгляд и тихо договорил: — Тогда как Пат Рин Йос-Фелиум — никакой не пилот и никогда пилотом не будет.

Молчание затянулось. Горди наблюдал за выражением лица Шана, но ничего не мог прочесть.

— Внимать музыке слухов поистине опасно, — заметил Шан. — Но все это не имеет отношения к моему желанию тебя видеть, кузен! Я хотел поинтересоваться твоей поездкой.

Пат Рин невольно заморгал:

— Поездкой?

— Вот именно! Разве ты не намеревался слетать в ближайшее время на Филомену, чтобы немного отдохнуть от своих трудов?

— Да. Если уж на то пошло, то мои планы совершенно определились.

— Хорошо, хорошо. Просто превосходно! Я знаю, что тебе понадобится пилот, и это...

— Дело в том, что у меня нанят вполне удовлетворительный пилот, родич. Спасибо за внимание и заботу.

— Да, но, видишь ли, у нас под рукой оказался более чем просто удовлетворительный пилот. И тебе не придется входить в дополнительные расходы. Корвал возместит любую разницу в жалованье. — Он поднял рюмку и отпил глоток вина. — Этому целому веку нужна работа, родич! Ты ведь не станешь лишать его работы, которой он мог бы убить время?

Пат Рин устремил на него задумчивый взгляд своих темных глаз. Шан терпеливо перенес этот осмотр, заново отметив, насколько его кузен похож на Вал Кона: те же пышные темные волосы, ровные брови, твердая линия губ...

— Так, — пробормотал Пат Рин. — И что мне следует делать с моим новым пилотом, когда мы прилетим на Филомену? Пристрелить?

— Ну, это, конечно, тебе решать, — ответил Шан, — но у меня нет основания думать, что он будет настолько плохо тебе служить. — Он снова поднял рюмку. — Первый представитель настойчиво предлагает тебе взять его на работу на срок... ну, шести стандартных месяцев должно быть более чем достаточно.

Его хрупкий собеседник поклонился.

— Конечно, мое самое горячее желание всегда состоит в том, чтобы повиноваться Первому представителю.

— Да, — лениво протянул Шан, — я об этом слышал.

Пат Рин рассмеялся.

— Как мне недавно напомнили, внимать музыке слухов опасно. Пойми: ничто не заставит меня усомниться в твоих словах, но я жажду услышать пожелания Первого представителя из ее собственных уст. Не могла бы она найти время, чтобы поговорить со мной?

— Полагаю, она сейчас одна в кабинете. Хочешь, я попрошу Дживза тебя проводить?

— Спасибо, я знаю дорогу. — Он прощально поклонился. — Будь здоров, родич. Думаю, что до отлета «Исполнения долга» мы уже не увидимся. Счастливо тебе. И тебе тоже, юный Гордон.

Горди шумно выдохнул, повернулся к своему приемному отцу — и замялся.

— В чем дело?

— Пат Рин... не влюблен... в кузину Нову?

Шан покачал головой:

— Нет... Нет, я не думаю, чтобы Пат Рин был влюблен в кого-то. — Кроме самого себя!

Как это ни странно, Шан снова покачал головой:

— Ничуть.

Горди возмущенно вскинул руки, заставив Леди Царапку изумленно открыть глаза.

— Тогда почему же он такой?

— Ну, — задумчиво проговорил Шан, покачивая оставшееся на дне рюмки вино, — думаю, как и большинство из нас, он еще не сформировался до конца. Ты проверил эти расчеты?

Горди покраснел.

— Мне осталось еще минут пятнадцать.

— Хорошо. Я к этому времени вернусь. Завтра утром мы пойдем на «Исполнение», чтобы провести последнюю проверку. Отлет у нас назначен на рассвет Солсинтры, на втородень треслан.

— Мне надо будет попрощаться с Кари...

— Да, конечно. — Шан вздохнул. — Заканчивай работу, Горди. И он исчез, закрыв за собой дверь.

Шан нажал на кнопку «воспроизведение» и, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла, чтобы еще раз услышать запись слов Вал Кона, адресованных Точильщику.

«Я приветствую тебя, брат, и благодарю тебя за мою жизнь и жизнь юнейшей из твоих сестер. Я должен сказать тебе следующие вещи, которые соответствуют истине: мы живы и с нами хорошо обращались — предоставили пищу, место для ночлега и медицинскую помощь. Я сожалею, что корабль Клана продолжил путь без нас. В тот момент, когда он нас покинул, он не имел повреждений, и должен достичь цели, как планировалось, поскольку в течение семи периодов трудов он придерживался курса без каких бы то ни было отклонений».

Тут последовала короткая пауза, а затем Вал Кон договорил:

«Я также должен сказать, что нам вернут наши ножи и дадут корабль, на котором мы сможем продолжить наш путь. Я еще раз благодарю тебя, брат, за твои заботы о двух членах твоего Клана, столь неразумных и торопливых».

Корабль Клана Корвал уже был отправлен к координатам, обозначенным на послании Вал Кона. Точные данные относительно того расстояния, которое корабль Стаи прошел бы за «семь периодов трудов», были включены в разнообразные сведения, которые входили в доставленный Чивером Мак-Фарландом пакет. Конечно, эту вероятность необходимо было учесть, но Шан не питал надежд на то, что корабль Клана обнаружит Вал Кона и его спутницу жизни поблизости от этих координат.

Лента немного пошипела, а потом зазвучал другой голос — жизнерадостный и четкий, нараспев произнеся какую-то чепуху, словно бояться было абсолютно нечего: «Привет, Точильщик. Все прекрасно. Жаль, что тебя здесь нет. Привет семье и скоро увидимся».

Лента зашипела, щелкнула, шумно перемоталась обратно — и прибор отключился.

— Она мне нравится, — сообщил Шан полутемному кабинету. — Но, боги, брат мой — Хунтавас?

Между межгалактической мафией и Кланом Корвал уже много поколений существовало соглашение: вы не трогаете наших, мы не трогаем ваших. Просто, действительно, удобно.

— Почему ты просто не сказал им, кто ты? Они бросили бы Главу Клана и его Леди, как горячие угольки...

Похолодев, он представил себе иной сценарий. Вал Кон сообщает, кто он. Хунтавас, ужаснувшись своей ошибке и понимая, что

сведение счетов с Кланом Корвал будет губительно для обеих сторон, просто перережут два горла и оставят в космосе два тела...

— Боги!

Он стремительно вскочил, несколькими шагами пересек кабинет и устремил взгляд в сумеречный сад, где фонтан ловил последние лучи солнца, превращая его свет в изумруды.

Память вернула ему мальчишеский голос, который умоляюще спрашивал:

— Но ведь на самом деле Делма Корвал нет, правда, Шан? Это просто выдумка. И ты можешь стать им так же просто, как я.

И он вспомнил, как засмеялся в ответ:

— О нет! Глава Клана — ты, денубиа! Я не хочу быть Делмом.

— Но ведь ты мог бы, правда? — настаивал мальчишка Вал Кон из его воспоминаний.

Похолодев, Шан шепотом ответил ему из настоящего:

— Только если ты умрешь, денубиа.

Он решительно встряхнулся.

— Они живы, — прошептал он, заставив себя разжать кулаки и усилием воли Целителя выровняв сердцебиение. — Ты это знаешь из самого верного источника. Постарайся не терять голову, Шан.

И теперь надо было искать сразу двоих. Даже если Вал Кон... Его спутницу жизни надо найти и вернуть в Клан, потому что если у них не будет Делма, то еще можно надеяться на Делми. Слава богам, Нова это понимает. В тот долгий день корабли Клана Корвал совершили множество прыжков, ища известия — любые известия — о Вал Коне йос-Фелиуме и Мири Робертсон. «Спутники жизни будут держаться вместе, — сказал себе Шан, глядя, как удлиняющиеся тени деревьев тянутся к дому. — Найдем одного — и рядом окажется второй».

Вздыхнув, он отбросил тревожные мысли и выскользнул из особняка йос-Галанов, чтобы вернуться наконец домой к Прицилле.

Вандар Ферма «Дуновение весны»

Она с этим никогда не разберется.

Стоило ей решить, что она освоила какое-то слово, как оно ускользало, захваченное дужиной других. Она и кличку-то собаки едва могла вспомнить — что же говорить о породе? И все утро фру Трелу была не в духе: покрикивала на нее и толкала, когда Мири ее не понимала. А она почти все время ее не понимала.

После третьего такого случая Мири вырвалась от старухи и убежала, хлопнув за собой затянутой марлей дверью.

Упав на землю рядом с лысоватой клумбой, отмечавшей границу земли фру Трелу, Мири потерла ладонями лицо и постаралась успокоить взвинченные нервы.

— Это на тебя не похоже, Робертсон, — пробормотала она.

Однако этот укорнисколько не помог.

У нее разболелась голова. Подняв руки, она расплела косу. Медленно распуская волосы, она провела дрожащими пальцами по потрескивающим электрическими разрядами прядям, делая над собой колоссальное усилие, чтобы не начать вырывать их горстями. Сгорбившись, она устремила взгляд на ладони и сосредоточилась на дыхании.

Вскоре Мири поймала себя на том, что смотрит на мозоль, оставшуюся на пальце от спускового крючка. Разве ее руки приспособлены для того, чтобы готовить сладкую выпечку? Почему она должна сидеть и слушать бесконечное повторение названий порошков, гранул и сушеных листьев, которые кладут в еду? Она не собирается стать пекарем!

А еще хуже была вся эта чушь насчет замура и фру. Почему, если фру Трелу нужно, чтобы Вал Кон что-то сделал, она сначала спрашивает у Мири? С каких это пор он стал ее подчиненным? Но нет — тут тоже были правила, и одно из них гласило, что фру (жена? любовница? госпожа? возлюбленная?) может говорить своему замуру, что он должен делать, — и он обязан ее послушаться. Что же это за напарник такой?

Они догадались, что фру Трелу владеет домом и живет без замура. Они смогли ей объяснить, что ищут, где бы остановиться, и она им тоже рассказала что-то о себе — Вал Кон постепенно начал понимать, что она говорит. И ты посмотри, прошло меньше недели — и Вал Кон уже может кое-как объясняться с фру, а у Мири только все сильнее болит голова...

Как пострелять хочется, черт возьми! Немного побабахаеть — и нервы успокоятся. Но Вал Кону эта мысль не очень нравится — и если подумать, то она с ним согласна. Они здесь — где бы это «здесь» ни было — гости, так что не годится утыкать чье-нибудь священное дерево пулевыми отверстиями.

— Привет, Мери, — тихо проговорил он рядом с ней.

— Меня, — процедила она сквозь зубы, не поднимая головы, — зовут Мири.

Наступило короткое молчание.

— Это так.

Она сделала еще один глубокий вдох и сумела поднять голову и повернуться к нему.

— Извини. Дурное настроение.

— Слышал. — Он чуть улыбнулся. — Фру Трелу сказала мне, что ты — «взорное дитя». Интересно, что это такое?

Мири попыталась ответно улыбнуться, но почувствовала, что попытка не удалась.

— Что бы это ни было, наверняка что-то плохое. Я испортила что-то, что она учила меня печь. Велела мне положить туда пикули, а я положила молоко. Или наоборот. Я точно не знаю... Он нахмурился.

— Наверное, это все-таки молоко, а не пикули. Молоко — это та белая жидкость, которую мы пьем, так?

— Не знаю. Я же сказала тебе — не знаю! Каждый раз, когда мне кажется, что я запомнила значение какого-то слова — пристроила его к земному, она бросает мне еще сорок семь новых... — Мири досадливо всплеснула руками. — Так я никогда ничего не запомню!

— Шатрез... — Он наклонил голову набок. — А зачем ты пытаешься сопоставить эти слова с земными? Ведь это же только мешает! Может, если бы ты дождалась, пока твердо не усвоишь этот язык, а уже потом начала составлять словарь, все пошло бы лучше? Пока, наверное, стоило бы просто учить язык так, как будто тебя учат в школе.

— Я не ходила в школу! — огрызнулась она, услышав, как в ее голосе растет напряжение.

Вал Кон нахмурился:

— Что?

— Я сказала, — повторила она, пугающе четко выговаривая слова, — что не ходила в школу. Никогда. За всю мою жизнь. Акқазы?

Голова у нее гудела от боли. Она склонила лицо к земле и запустила пальцы в волосы.

— Нет.

Он взял ее за запястья, заставляя опустить руки. Она разрешила ему это сделать, но не подняла головы, по-прежнему глядя в землю. Вал Кон вздохнул:

— Мири, не надо от меня убегать. Пожалуйста. Я не понимаю, и мне хотелось бы, чтобы ты мне объяснила.

— Ты не понимаешь?

Она вскочила на ноги и рывком высвободила руки. Он тоже встал, не двигая руками, пристально и тревожно глядя на нее.

— Ты не понимаешь?! Тут и понимать-то нечего — все очень просто. На Пустоши, если ты платишь школьный налог, ходишь в школу. А не платишь — не ходишь. Пока все ясно? Мои родители были бедняки. «Бедняки» — понятно это слово, или и его надо объяснять? Настоящие бедняки. Почти нищие. Настолько нищие, что им едва удавалось каждый месяц наскрести столько денег, чтобы поддержать у домохозяина надежду когда-нибудь получить кварт-

плату полностью. И, если уж мы об этом заговорили, там были крысы... Про крыс ты понимаешь? А моя мать все время болела, а когда нам случалось раздобыть немного денег, то Робертсон приходил домой и все пропивал или прокуривал, бил нас обеих...

Она перевела дыхание и ужаснулась тому, насколько это похоже на рыдание.

— Так что я не ходила в школу, — бесстрастно договорила она. — Моя мать научила меня читать. А когда я поступила в отряд Лиз, она вбила мне в голову торговый и основы математики. Чтобы быть наемником, хорошего образования не нужно. Так что, наверное, поэтому я и не знаю, как правильно учат язык. Делаю все, что могу. Извини, если этого мало.

Вал Кон стоял неподвижно и не сводил с нее глаз. На его лице отражалась такая гамма эмоций, что она села — со всего размаху — и сжала зубы, чтобы не застонать под волной отчаяния.

«Ну вот, ты все и испортила, идиотка!» — сказала она себе и судорожно сглотнула, ожидая, что он повернется и уйдет.

— Мири! — Он стоял рядом с ней на коленях, протянув к ней руку, но не прикасаясь к ней.

— Теперь ты понимаешь?

Она говорила хриплым шепотом. Его непроницаемое лицо расплывалось у нее перед глазами.

— Да. — Он медленно приблизил к ней руку, держа ее на виду, словно она была диким зверьком, которого страшно было вспугнуть, и нежно погладил ее по щеке. — Извини, шатрез. Я был глуп.

У нее из глаз полились слезы.

— Нет, это я глупая. Я же тебе говорила.

— Действительно говорила, — согласился он. — И мне бы очень хотелось, чтобы ты поскорее перестала думать, будто мне нужно лгать. — Он пальцами стер с ее щек слезы. — Существует огромная разница между образованием и интеллектом, Мири. Ты не глупая. Как правило. — Он едва заметно ей улыбнулся. — И — как правило — я тоже не глуп. Но, как мне говорили, всем случается ошибаться.

Уголки ее губ чуть приподнялись.

— Я такое слышала.

— Вот и хорошо. — Он сел на пятки, устремив на ее лицо серьезные глаза. — И, сделав ошибки, давай подумаем, как их лучше исправить. — Он приподнял бровь. — У тебя очень болит голова?

Она удивленно моргнула.

— А кто говорил о том, что у меня болит голова?

— У меня до сих пор начинается головная боль, когда я пытаюсь делать перевод с одного языка на другой, — ответил он. — Заговори со мной на любом известном мне языке — и я отвечу на том же языке. Но стоит спросить меня, что слово одного языка означает на другом, и у меня на поиски ответа могут уйти часы. —

Он замолчал и откинул волосы со лба. — Ты не можешь кое-что для меня сделать, шатрез?

— Приложу все усилия.

— Их должно хватить, — пробормотал он, так сильно напомнив Мири Точильщика, что она невольно рассмеялась. Он посмотрел на нее из-под ресниц и тоже улыбнулся. — Тебе здесь удобно? Или ты предпочтешь уйти в дом?

— Мне хорошо, — поспешно ответила она, потому что в ее больной голове моментально возник образ разгневанной фру Тре-лу. Она скрестила ноги и постаралась выглядеть бодро. — Так что ты мне поручишь?

Вал Кон копался в своем кошеле.

— Это просто должно помочь мне придумать, как тебе лучше учить язык.

Его рука начала быстро двигаться, и, проследив за его движением, Мири увидела, что он бросил на землю несколько предметов.

— Закрой глаза! — приказал он, и Мири мгновенно послушалась.

Положив два пальца ей под подбородок, он поднял ее голову так, чтобы ее закрытые глаза смотрели в какую-то точку у него над головой.

— Не открывай глаз, — уже мягче сказал он, — и скажи мне, что ты сейчас видела на земле.

Ее брови дернулись.

— Начиная от тебя и двигаясь на восток: кредитная карточка — металлическая оранжевая с тремя тоненькими голубыми полосками. Одну ее сторону накрыла монета. Потом идет плоский белый камень размером в две монеты, потом — кантра, орлом — соединенные между собой звезды. Ближе всего ко мне лежит корабельный ключ, рядом с ним — стило, потом — короткая проволока, закрученная штопором. Кусок бумаги с надписью, не знаю, на каком языке, но почерк, кажется, твой. А потом мы вернулись к кредитке. — Она помолчала и кивнула. — Вот и все.

Наступившее молчание грозило затянуться.

Спустя почти минуту она почти робко спросила:

— Вал Кон?

— Да?

— Мне можно открыть глаза?

— Да.

Мири обнаружила, что он пристально на нее смотрит — и на его лице отражались смех, изумление и... гнев? Она не успела толком этого понять — вся эта смесь уже исчезла, а Вал Кон поднял бровь и кивком пригласил ее посмотреть вниз.

Она бросила взгляд на беспорядочный набор предметов и ухмыльнулась. Ее головная боль внезапно стала меньше.

— Ничего не упустила. Я боялась, что разучилась.

Вторая бровь поднялась вслед за первой.

— Глупа, Мири?

— Но это же пустяк! — запротестовала она, искренне удивившись. — Это же фокус, трюк. Его может выучить любой — он не имеет никакого отношения к мозгам!

— Понятно. Полезный трюк, правда? — Он подобрал предметы и как попало запихнул обратно в кошель. — И сколько ты можешь это помнить?

— По-разному. Этот набор скорее всего забудется к концу дня, если тебе не нужно, чтобы я помнила дольше. Но если нужно, лучше скажи мне прямо сейчас, потому что тогда я должна... — Она неопределенно взмахнула рукой. — Ты вроде как делаешь в памяти пометку, чтобы не забыть, что это надо помнить.

— Понятно, — снова пробормотал он, словно в ее объяснении не было ничего неясного. — А со звуками ты то же самое сделать можешь? Сделать на них пометку, чтобы не забыть?

Она покачала головой.

— Это получается, когда я вижу то, что мне следует запомнить: картину, узор или запись. — Она прикусила губу. — Я почему так мучаюсь с этой тарабарщиной? Потому что не умею пометчать звуки? Потому что не соображаю, как это выглядит.

Похоже, она склонна была сурово себя за это осудить.

Вал Кон с улыбкой покачал головой:

— У большинства людей есть некоторый предпочтительный... канал входящей информации. Я, например, настроен на звук. Я редко забываю услышанную музыкальную пьесу или слово. Это, наверное, природная склонность — почему-то мне всегда казалось, что звуки важнее, чем все остальное. — Его улыбка стала шире. — И поэтому, когда я стал кадетом, мне пришлось потратить много часов на коррективные занятия, пока я наконец не научился пометчать визуальные системы и восстанавливать их в памяти.

Он передвинулся, слепо глядя на пожухшую траву между ними. Мири ждала, чувствуя, что в ней снова накапливается напряжение. Когда Вал Кон повернул голову и посмотрел на нее, она сильно вздрогнула.

По его лицу скользнула тень тревоги, и он подался вперед, чуть сжав ее пальцы.

— Шатрез? — Он начал двигать пальцами, нежно растирая ей кисти. — Ты так напряжена, Мири. В чем дело?

Она фыркнула, не понимая, хочется ли ей отстраниться.

— Фру Трелу... — начала она.

— Подождет. Она была расстроена, когда говорила со мной. Думаю, ей тоже полезно посидеть спокойно.

Вал Кон сел рядом с ней на траву и взял ее за руку.

Почему-то это заставило ее напрячься еще сильнее.

— Зачем ты это делаешь? — огрызнулась она.

— Мне приятно к тебе прикасаться, — мягко проговорил он. —

Мне этого не делать?

«Да, не делать! — хотелось закричать ей. — Будь ты проклят — уходи, если собираешься уйти, пока все не стало еще хуже или...»

— Мне страшно, — призналась она ему, наконец определив чувство, которое ею владело.

— Страх — это неприятно, — ласково согласился Вал Кон. — А ты знаешь, что тебя пугает? Может быть, это что-то такое, с чем мы с тобой сможем справиться.

Мири сделала глубокий вдох и сжала его руку:

— Мне страшно застрять здесь — одной.

— О! — В его глазах отразилась тревога. — Я тебя брошу, Мири?

— Откуда мне знать, что ты сделаешь? Месяц назад я тебя в глаза не видела! Но тебе был бы прямой смысл действовать одному, разве нет? Сможешь быстрее учиться, будешь мобильнее, устроишься раньше и лучше. Ты — разведчик, а я никто...

— Нет... Мири. — Он приложил палец к ее губам. — Я не разведчик. Сейчас — нет. Сейчас я — человек, который пытается, с помощью своей напарницы и подруги, сделать так, чтобы они могли жить долго и радостно, вместе. А эта напарница, — добавил он с кривой улыбкой, — боится, что я от нее убегу.

На эти слова ответить было невозможно. Между ними воцарилось напряженное молчание.

— Или, — пробормотал Вал Кон, — меня прогоняют?

Она дернулась так, словно получила пощечину:

— Нет!

— Хорошо, — сказал он, снова сжимая ей пальцы. — Потому что я не уверен, что вел бы себя... благородно... в этой ситуации. — Одна бровь иронически выгнулась. — Мне тоже было бы одиноко, как ты думаешь? — Прочтя ответ по ее лицу, он вздохнул. — А! Мне одиноко не бывает...

Мири посмотрела на их переплетенные пальцы, глубоко вздохнула и подняла глаза:

— Вал Кон!

— Да?

Она снова вздохнула.

— Для меня все это непривычно. Не только разведка — вообще все. Быть напарником. Быть замужем. У меня никогда не было напарника. И не было потребности его иметь. — Она попыталась улыбнуться и увидела на его лице ответный проблеск улыбки. — Надо время, чтобы привыкнуть, — закончила она. — Прости, что...

Однако она не успела сказать, за что просит прощения: ее слова потонули в приветственном лае — к ним приближался Боррил. Уже

через секунду он подбежал к ним, шлепнулся на бок, тявкнул и закатил желтые глаза, предвкушая, как его потреплют за уши.

Мири с Вал Коном переглянулись и рассмеялись.

— Пес! — объявил Вал Кон, с силой дергая нелепое ухо. — Осмелюсь предположить, что ты и до нашего появления не страдал от недостатка внимания. А теперь, когда в твоём распоряжении оказались три пары рук, ты становишься просто невозможным...

Вандар Ферма «Дуновение весны»

Вал Кон вошел в комнату с нехарактерным для него шумом, чтобы не испугать хозяйку. Когда фру Трелу подняла голову, он поклонился:

— Фру Трелу?

Она улыбнулась с видимым облегчением.

— Кори! — сказала она, употребив укороченную форму его имени.

Она стала называть его так на второй день их знакомства. Услышав такое обращение, он выгнул бровь, но протестовать не стал. С тех пор он превратился в Кори.

— Ты нашел девочку? — спросила она. — Она успокоилась? Мне жаль, что я ее расстроила. Наверное, я и сама была слишком строга, но у девочки норы, что у твоего ветра!

Брови мужчины поползли вверх, и он подошел к ней ближе.

— Только шум, — проговорил он на своем ломаном бенском. — Как Боррил. Видит что-то, думает, плохое, делает шум. Может, что-то плохое уходит...

Он устроился на подлокотнике кресла Джерри и пристально посмотрел на нее.

Фру Трелу фыркнула:

— Плохое? Мери знает, что я не хочу ей зла!

Кори повел плечами:

— Здесь не как дома. Мири — она...

Он резко вздохнул и повернул к ней ладони жестом, который за последние дни стал ей хорошо знаком.

— Ты хочешь сказать — она скучает по дому. Тоскует. — Фру Трелу допила чай и отодвинула чашку в сторону. — Ну конечно, бедняжка! Я постараюсь быть с ней терпеливей, Кори. Передай ей это от меня, хорошо?

— Да.

Но он продолжал ждать, наблюдая за ней.

— Что еще? Ты проголодался? Я сделала бутерброды — они на кухонном столе. Где молоко, ты знаешь.

Улегшийся на полу у ее ног Боррил прочувствованно вздохнул. Кори засмеялся, а потом снова посмотрел на нее:

— Фру Трелу. Я прошу — для Мири. У вас в доме есть — эти... Он махнул узкой ладонью на стену, сплошь уставленную книгами. В основном это были книги Джеррела, покрывшиеся после его смерти пылью.

— ...для ребенков?

— Для детей, — поправила его она. — Могли остаться с того времени, когда Гренник — мой сын — был маленький. А что?

— Для Мири, — сказал он. — Учить слова.

— Книги помогут ей учить слова? — переспросила она. — Но у тебя так хорошо получается!

— Для Мири, фру Трелу, — в третий раз сказал ей Кори.

Она вздохнула:

— Ты — терпеливый мальчик. Хорошо, я схожу и посмотрю, остались ли у меня старые книги Гренника.

Он вопросительно наклонил голову:

— Скоро, фру Трелу?

— Ну, знаешь... — возмутилась она, уставившись на него.

Он встретил ее взгляд совершенно спокойно. Его зеленые глаза были ясными и бездонными.

Спустя секунду фру Трелу вздохнула и с трудом встала с кресла.

— Хорошо, Кори, — сказала она довольно кисло. — Скоро.

После ужина фру Трелу предоставила им двоим убираться на кухне, а сама пошла на чердак разыскивать старую коллекцию детских книг Гренника. Поднимаясь по узкой лестнице, она громко ворчала.

Мири налила воды в мойку и начала мыть посуду, а Вал Кон убрал со стола. Повернув к нему голову, она улыбнулась.

— Мне лучше, — сказала она.

Это было не совсем ложью. Ей действительно стало лучше — чуть-чуть. Головная боль прошла, но она все равно дергалась, словно оставшийся без кинака наемник.

Вал Кон закончил вытирать стакан и отставил его в сторону.

— Когда мы с этим закончим, то, если хочешь, я могу показать тебе способ сделать жизнь здесь... легче.

Мири посмотрела на него с сомнением: она не была уверена в том, что именно сейчас ей следует учить еще что-то новос. Поймав ее взгляд, Вал Кон наклонил голову.

— Я обещаю не устраивать тебе головной боли, — серьезно пообещал он.

Мири слабо улыбнулась:

— Ладно, чем черт не шутит.

Дрррррынь!

Мири стремительно обернулась, готовая к атаке, — и устала на черную коробочку на противоположной стене. До эти минуты она все время молчала.

Резкий звук повторился. Вал Кон приложил к ней руку, потом снял верхнюю часть и поднес к уху.

— Дом фру Трелу, — тщательно выговорил он на бенском.

Последовала пауза, наполненная потрескиванием, а потом заговорил женский голос, пронзительный и изумленный:

— Что? Кто это? Где Эстра?

Вал Кон тихо вздохнул.

— Дом фру Трелу, — четко повторил он. — Кори. Чердак.

Аппарат снова замолчал, и Вал Кон повернулся к Мири, заставшей у мойки. Он наморщил нос, заставив ее рассмеяться — потом голос из телефона разразился новой серией вопросов:

— Кори? Что ты там делаешь, Кори? Откуда ты?

Изумление сменилось жадным любопытством.

«Сплетница», — мрачно решил Вал Кон, подавив еще один вздох.

— Работать. Дом. Кто это?

— Что?! — ахнула звонившая. Но она явно не ожидала ответа, потому что сразу же добавила: — Это Атна Бригсби. Скажи Эстре, что я у телефона и хочу немедленно с ней поговорить!

— Стой, — сказал он, словно она была Боррилом, и оставил трубку болтаться на шнуре.

Он не спеша прошел по длинному коридору, поднялся по лестнице на второй этаж, а оттуда прошел к чердачной лестнице.

— Фру Трелу!

Наверху что-то упало и зашуршало.

— Что такое?

— Атна Бригсби на телефоне говорить с вами немедленно.

— Ветер забирай эту женщину! — проворчала фру Трелу, и Вал Кон ухмыльнулся. — Скажи ей, чтобы подождала, Кори. Я скоро приду.

— Да.

И он бесшумно исчез, снова спустившись по лестнице и пройдя на кухню.

— Ждать, — сказал он Атне Бригсби. — Фру Трелу скоро здесь.

Не дожидаясь ответа, он снова оставил трубку болтаться и, взяв полотенце, принялся вытирать гору чистой посуды, которую успела перемыть Мири.

К тому времени как фру Трелу вернулась к болтающейся трубке, аппарат возмущенно вопил, чего двое усердных работников у мойки словно и не слышали.

— Молодой человек? Молодой человек! Возьмите трубку, молодой человек! Что вы себе...

— Алло, Атна, — сказала фру Трелу, не удержавшись, чтобы не ухмыльнуться Кори, который выгнул бровь и продолжил вытирать посуду.

— Эстра? Ох, ну, слава богу! Я пришла в ужас. Этот невсжа... Кто он такой, Эстра? Я, конечно, спросила...

«Не сомневаюсь», — подумала фру Трелу.

— Кори и его фру помогают мне на ферме. Ты ведь знаешь, в последние пару зим я уже боялась, как бы тут все не рухнуло. Я решила, что стоит все привести в порядок и, может быть, весной продать.

Она замолчала, удивившись собственным словам.

— Ну, это было бы чудесно для тебя, дорогая, — сказала Атна Бригсби. — Я знаю, как тяжело тебе было содержать все в порядке после того, как не стало бедного Джеррела...

Фру Трелу стиснула зубы: Джерри и Атна никогда не любили друг друга.

— Но Расскажи же мне про них, Эстра, — продолжал голос у ее уха. — Откуда они? Я спросила у Кори, а он только сказал «дом».

Она издала пронзительный смешок.

«Молодец Кори», — подумала фру Трелу.

— Они не очень хорошо говорят по-бенски. Они беженцы — из тех, кто пережил то извержение и землетрясение в Порлинте в прошлом году.

— Но, Эстра, — запротестовала фру Бригсби, — когда сразу после катастрофы я заговорила с тобой о том, что нам следовало бы собраться и что-нибудь сделать для этих бедняжек, ты... ну, я буду говорить прямо. Ты очень холодно отнеслась, Эстра. А теперь вдруг пустила к себе в дом сразу двух беженцев — а они даже не говорят нормально!

Наступило молчание, которое фру Трелу злорадно не стала прерывать. Атна сама возобновила разговор, понизив голос:

— А ты уверена, что они женаты, Эстра? Я такие вещи слышала! Люди брали к себе беженцев, а они оказывались ворами или убийцами...

— Мери и Кори не воры! — отрезала фру Трелу. — И я искренне сомневаюсь, чтобы они были убийцами. Они просто молодые супруги, которым нужна была помощь как раз тогда, когда и мне понадобилась помощь, так что мы помогаем друг другу. — Она глубоко вздохнула, стараясь подавить раздражение. — Атна, мне действительно некогда.

— Конечно! Но нам обязательно надо встретиться! Скажем, в артас? Я прихвачу салатик со скаппином и пряников, и мы вчетвером можем чудесно пообедать и поболтать. Мы так давно не виделись, Эстра! Ну, я больше не буду тебя задерживать. Увидимся в артас, в обед. Береги себя, милая.

Она повесила трубку, оставив фру Трелу задыхаться от негодования.

Атна Бригсби придет в гости через два дня? Остановить ее, конечно, не удастся. Ее нос почуял пищу для сплетен, и она не успокоится, пока не побудет всех подробностей о Кори и Мери, а потом раззвонит по всему Джиллу и окрестностям.

Фру Трелу повесила трубку, повернулась к мойке — и ахнула, взглянув на молодую чету глазами постороннего.

Мери убирала кастрюльки, а Кори заканчивал вытирать посуду. На обоих были кожаные костюмы в обтяжку — другой одежды у них не было. На глазах у фру Трелу Мери взяла тяжелую чугунную сковороду и наклонилась, чтобы убрать ее в духовку. Фру попыталась себе представить, какое выражение лица будет у Атны Бригсби, если во время ее визита ей продемонстрируют такое же зрелище, и почувствовала огромный соблазн оставить все, как есть.

— Мери, — проговорила она, призвав себя к порядку, и пошла к плите за чайником. — Кори.

Они повернулись к ней. Молодая женщина придвинулась к своему мужу, широко открыв встревоженные глаза, казавшиеся особенно огромными на ее худеньком личике.

— Приближается зима, — сказала фру Трелу, стараясь говорить медленно, чтобы ее поняла и Мери, — и вам нужна будет теплая одежда. Завтра мы поедем в город и купим вам что-нибудь хорошее. Одежду получше, — добавила она, заметив, как неукротимые брови Кори ползут вверх.

— Фру Трелу, — пробормотал он, — купить... — Он повернул руки ладонями наружу. — Наверное, мы не купим.

Она нахмурилась.

— У вас нет денег, чтобы купить одежду, да? — Она покачала головой, притворяясь раздраженной. — И это после того, как вы столько здесь работали? Ты что, думал, что работаешь бесплатно, Кори?

— Обед, — неожиданно ответила Мери. — Ужин. Постель.

— Вы двое едите так мало, — с чувством сообщила ей старуха, — что на этом я выигрываю. Я должна вам кое-какую одежду — может, пару курток. Так мы будем в расчете за то, что вы уже успели сделать, ладно?

Мери посмотрела на мужа, а тот, как всегда, по-заморски повел плечами и чуть поклонился:

— Спасибо вам, фру Трелу.

— Всегда пожалуйста, — ответила она, неожиданно растрогавшись.

Кори взял жену за руку, и они вдвоем бесшумно выскользнули из кухни, оставив за собой только негромкое пожелание доброй ночи.

— Доброй ночи, дети, — тихо проговорила фру Трелу и повернулась к мойке, чтобы налить в чайник воды.

* * *

— Ты должна устроиться как можно удобнее, — мягко сказал ири Вал Кон. — Позже ты сможешь проделывать это в любой станковке, но во время обучения лучше, чтобы тебе было как жно удобнее. — Сидя на кровати, скрестив ноги, он улыбнулся. — Стоило бы расплести косу и снять сапоги. Можешь вообще деться, если так тебе будет лучше.

Расплетая косу, Мири ухмыльнулась:

— Мне не хотелось бы так тебя соблазнять.

— Я, — сурово заявил он, — выше этого. Не тебе считать раз-
чиков простыми смертными.

Она изобразила нарочито почтительный поклон ученика учите-
я, изумленно округлив глаза:

— Простите меня, командор. Я буду помнить.

— Постарайся, — приказал он и тут же ухмыльнулся. — А я стараюсь, чтобы мои мысли оставались чисты.

Мири встряхнула головой и быстро расчесала волосы пальца-
я, сев на лавку у стены, стянула с себя сапоги, а потом избавилась
одежды.

— И что теперь?

Он похлопал по кровати рядом с собой:

— Иди сюда и ляг.

Она легла на спину, устремив взгляд на его лицо и сжав правый
пак на груди.

— Тебе удобно? — спросил он. — Не холодно? Лучше, если ты
тянешь руки вдоль туловища и расслабишь пальцы. — Он ласко-
убрал медные пряди, прилипшие к ее щекам. Его пальцы легко
ользнули по ее губам. — Даю тебе слово, шатрез: это вещь хоро-
я. Славная и дружелюбная, совсем не страшная. Даже я смог ей
учиться с первого раза.

Она весело рассмеялась и легла так, как он ей посоветовал.

— Хорошо, — проговорил Вал Кон, обратив внимание на то,
е ее мышцы по-прежнему напряжены. — А теперь я расскажу
е, что будет происходить, а потом покажу тебе как. А потом я
прошу тебя повторить все самостоятельно, пока я буду за тобой
блюдать. Хорошо?

— Ладно.

Она смотрела прямо ему в глаза. Вал Кон положил ладони на
лени, не делая попытки разорвать между ними связь.

— Этот прием, — негромко сказал он, — называется «Радуга».
о способ расслабить ум и тело так, чтобы можно было повесить
имание и мыслить... правильнее. Когда человек напряжен и сму-
н, он делает ошибки. А напряжение и смятение выпивают из
изни радость, чего следует избегать. Мы должны стремиться уве-
чить радость, а не уменьшить, для этого и создана «Радуга».

Он почувствовал, что его голос приобретает нужный ритм, и поймал себя на том, что произносит те же слова, которые много лет назад услышал от Клонака тер-Мьюлена.

— Вот что тебе надо сделать, — сказал он Мири. — Представь себе цвета радуги, один за другим: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, и используй... ключ... каждого цвета, чтобы сильнее расслабиться. К тому моменту, когда ты дойдешь до конца радуги, ты будешь чувствовать себя очень хорошо: тебе будет тепло и уютно. Тебе может даже показаться, что ты паришь. А потом ты спустишься по ступенькам и пройдешь в дверь. Вот что произойдет. — Он выгнул бровь. — Продолжим?

Мири нахмурилась:

— Ты собираешься меня загипнотизировать?

— Нет. Я помогу тебе расслабиться. У каждого человека «Радуга» своя. Я могу показать тебе дорогу благодаря тому, что структура цветов имеет поверхностное сходство. Но твоя «Радуга» принадлежит тебе, шатрез. Никакой опасности нет. Если тебе станет страшно или неприятно или просто не захочется продолжать — тебе достаточно просто открыть глаза. Все будет происходить по твоей воле, а не по моей.

— Поняла. — Она закрыла глаза, потом со вздохом снова их открыла. Пока он говорил, ее левая рука успела сжаться в кулак, и она заставила себя распрямить пальцы, а потом послала ему криковую улыбку. — Ну, давай попробуем и посмотрим, что получится.

— Ладно. — Он улыбнулся. — Закрой глаза, Мири, и дыши глубоко. Старайся ни о чем в особенности не думать, пусть мысли проносятся мимо, не фиксируя твоего внимания...

Он на секунду прикрыл глаза, пытаясь найти нужный ритм для следующих слов. «Хитрющий старик, Клонак тер-Мьюлин, — подумал он. — Интересно, где ты сейчас?»

— Мири, — тихо заговорил он. — Пожалуйста, вообрази красный цвет. Представь его перед своим мысленным взором. Скажи мне, когда он станет отчетливо виден.

— Вижу, — сразу же сказала она.

— Хорошо. Удерживай его. Пусть он заполнит твою голову, вытеснив все мелкие неформившиеся мысли. Пусть там будет только красный цвет. Есть только красный цвет. Теплый, счастливый красный, целиком заполнивший твои мысли.

— А теперь, — проговорил он спустя несколько секунд, — пусть красный цвет потечет по твоему телу, начиная с макушки, согревая и успокаивая тебя. Сначала по лицу, потом — по шее, по плечам... Теплый, дружелюбный, успокаивающий красный...

И так он провел ее по «Радуге» — медленно, мягко, наблюдая, как из нее уходит напряжение, как смягчается ее лицо и замедляет-

ся дыхание. На желтом и еще раз на синем он напомнил ей — как когда-то напомнил ему Клонак, — что если ей хочется, она может открыть глаза и вернуться. Однако Мири не выбрала этого пути.

— Теперь ты сосредоточилась на фиолетовом цвете, — тихо проговорил он. — Это конец «Радуги». Как ты себя чувствуешь, шатрез?

— Спокойно, — пробормотала она чуть невнятно. — Мне тепло и... вроде как... пушисто. Надежно. — Она слегка улыбнулась. — Я рада, что мы здесь ближе.

Эти слова заставили его выгнуть бровь, но он мягко ответил:

— Я тоже рад. А теперь осмотришь, Мири. Ты видишь лестницу?

— Стою на верхней ступеньке, — ответила она ему без всякого удивления в голосе. — Она довольно длинная.

— Тебе не будет... беспокойно... если ты спустишься?

— Нет, — ответила она, не колеблясь. — Мне спуститься?

— Если тебе этого хочется, Мири.

— Ладно. — Наступило недолгое молчание, а потом она сказала: — Вал Кон!

— Да?

— Тут дверь.

— Вот как? — пробормотал он. — Какая дверь?

— Старинная: блестящее темное дерево и большая бронзовая ручка. И скважина с мой кулак.

— А почему бы тебе туда не зайти? Или ты предпочтешь вернуться?

— Я предпочту зайти, — решительно ответила она. — Но у меня нет ключа, который подошел бы к этому чудовищному...

— Посмотри у себя в кошель, — тихо подсказал он.

— Не-а, у меня нет такого... — Брови над закрытыми глазами изумленно дернулись. — Черт подери!

Следующая пауза оказалась более долгой, а потом она снова сказала:

— Вал Кон!

Ее голос был полон изумления и восторга.

— Да, шатрез?

— Это же библиотека! — выдохнула она. — Ты в жизни не видел столько книг... И кассеты, и книги... И письменный стол, и кресло, большое и мягкое. И свечи, и всякие безделушки, и... ой!

— Что случилось?

Он с трудом заставил свой голос остаться спокойным.

— Дело плохо, босс: тут пейзаж Беланзиума!

Он ухмыльнулся:

— Думаю, тебе нечего бояться. Тебе эта комната нравится?

— Ну еще бы — она великолепная! А твоя тоже такая?

— У всех комнаты разные, — мягко ответил он ей, решительно приказав себе не думать о том, в каком беспорядке должна нахо-

даться его собственная — если она вообще существует. — Я рад, что ты рада.

Он немного помолчал, а потом решил отклониться от метода Клонака.

— Мири?

— Угу.

— Можно я сделаю тебе подарок?

Ее брови чуть сдвинулись.

— Подарок? Зачем?

Вал Кон вздрогнул.

— Мне это доставит радость, — очень мягко сказал он. — Ты мне позволишь?

— Да.

— Спасибо, — очень серьезно проговорил он. — Посмотри на сиденье своего кресла. Ты видишь там книгу? Небольшая книга. И очень тонкая. В переплете, с бумажными страницами...

— Вот она! — Спустя секунду Мири неувверенно добавила: — Вал Кон? Она... она такая красивая! Ты уверен, что хочешь отдать ее мне?

Он протянул руку и остановил ее на волосок от ее почти спящего лица.

— Я желаю этого, — тихо сказал он, — всем моим сердцем. — Он помолчал. — А теперь послушай, и я расскажу тебе про эту книгу. Ты увидишь, что все ее страницы пустые, не считая первых четырех. На них я что-то тебе написал.

— Да.

— Хорошо. На первой странице написано «Спать», правильно?

— Да, — снова согласилась она.

— А на следующей, — продолжил он, — написано «Учиться», на третьей — «Успокоиться», а на четвертой — «Вернуться». Правильно?

— Совершенно правильно.

— Прекрасно. Теперь всякий раз, когда ты придешь в свою библиотеку, ты можешь сделать вот что: можешь посмотреть на эту книгу и выбрать, что ты будешь делать. Если ты выберешь сон, тебе достаточно просто открыть страницу, сосредоточиться на написанном на ней слове — и ты будешь спать. Если ты хочешь позволить своему мозгу просмотреть и усвоить события дня или если тебе надо решить какую-то определенную задачу, ты откроешь страницу с надписью «Учиться», сосредоточишься на этом слове — и твой разум будет готов к учебе. Если тебе станет беспокойно, ты можешь захотеть отправиться в свою библиотеку и посмотреть «Успокоиться». А если ты хочешь вернуться в мир за стенами твоей комнаты, тебе достаточно только обратить внимание на четвертую страницу — и ты проснешься.

Он подождал несколько мгновений, чтобы Мири успела все усвоить.

— Мири, пожалуйста, открой свой подарок на той странице, где я написал «Вернуться». Сосредоточься на ней...

Она вдруг вздохнула резче, а потом ее глаза открылись — и она улыбнулась Вал Кону — очень нежно.

Он ответил улыбкой.

— Привет, Мири.

— Привет. — Она по-кошачьи потянулась, улыбнулась еще шире и, протянув руку, прикоснулась к шраму на его щеке. — Ты прекрасен.

Он выгнул бровь.

— Я счастлив, что тебе нравлюсь, — пробормотал он. — Как ты себя чувствуешь?

— Великолепно. Может, этот фокус и не поможет мне разговаривать с фру Трелу, но если я каждый раз после прогулки туда и обратно буду чувствовать себя настолько спокойной, то у нас прогресс.

— Но это поможет тебе разговаривать с фру Трелу. Если ты этого пожелаешь, ты можешь пойти к себе в библиотеку и сосредоточиться на «Учиться» и «Спать». Тогда ты сможешь посвятить свое внимание пересмотру и осмыслению всего, что случилось — например, сегодня, — пока твоё тело и разум будут отдыхать. И назавтра у тебя будет доступ ко всем сегодняшним сведениям, а не к лутанице фактов, в которых ты не успела разобраться.

— Ну, как скажешь. — Она нахмурила брови. — А где ты научился этому фокусу?

Вал Кон вытянул ноги и устроился рядом с ней, положив голову на руку и глядя ей прямо в глаза.

— Это прием разведчиков. Меня научил человек по имени Клонак тер-Мьюлин, которого нанял мой дядя, чтобы он сделал Шана мастер-пилотом.

— Твой дядя нанял разведчика, чтобы учить твоего кузена водить корабли?

— О нет. Шан к тому времени уже много лет был пилотом! Ему просто нужна была подготовка, чтобы получить уровень мастера, и дядя Эр Том меньше всего удовлетвориться не хотел. А что до того, чтобы нанять разведчика... — Он повел плечами. — Клонаку надо было, чтобы его подвезли. Моему дяде для его сына нужен был самый лучший учитель. Так что была заключена сделка.

— А этой «Радуге» он учил тебя просто в придачу?

— По доброте. Видишь ли, он был знаком с моим отцом, и мы с Шаном ему очень понравились. Под его руководством я стал тогда пилотом третьего класса. — Он нежно погладил Мири по щеке. — Ты сделаешь для меня одну вещь?

— Постараюсь.

Он улыбнулся.

— Ты не можешь повторить это упражнение под моим наблюдением? И когда ты придешь в библиотеку, сосредоточиться на «Спать»? Прошедшие дни были для тебя слишком трудными. Мне очень жаль, что я не понял, насколько трудными, — тогда мы смогли бы справиться с этим быстрее. А завтра мы едем в город и покупаем одежду, что будет испытанием для всех нас...

Мири засмеялась и крепко прижалась губами к его губам. Он почувствовал, как ее пальцы нырнули в его шевелюру, и его кровь побежала быстрее. Когда она отстранилась, ее глаза продолжали смеяться.

— Ты точно хочешь, чтобы я заснула?

— Увы, — пробормотал он с полуулыбкой, выражавшей сожаление и восхищение.

— Тиран.

Но она перевернулась на спину и закрыла глаза. Очень скоро ритм ее дыхания сказал Вал Кону, что она заснула. И он сразу же последовал за ней.

«Исполнение долга» Орбита Лиад

Присцилла сняла рубашку и аккуратно уложила ее на кровать, потом чувственно потянулась и наклонилась, чтобы снять сапожки. Следующим оказался мягкий ремень со сложной серебряной пряжкой, за ним — темно-синие брюки.

Освободившись от одежды, она снова потянулась и прошла через каюту первого помощника к широкому, обитому тканью креслу. Она свернулась в нем, словно кошка, — и мимолетно улыбнулась, вспомнив Даблина, а потом закрыла глаза и начала процесс, который стер с ее лица всякое выражение.

Процесс шел своим чередом: дыхание стало глубже, сердцебиение замедлилось, превратившись в далекие глухие удары, следовавшие с большими интервалами, словно прибой за дюнами. Температура тела понизилась на четыре градуса. Присцилла убедилась, что все функции стабилизировались и останутся постоянными до тех пор, пока весь организм не погибнет от голода или травмы. После этого она переключила внимание на свое внутреннее убежище, вознесла короткую молитву о своей безопасности во время столь трудного предприятия, открыла дверь между Собой и тем, что не было ее Я, — и вышла.

Звуки, ослепительные узоры, манящие ароматы — это было «Исполнение» со всем, что было в нем, внезапно воспринятое

только через внутреннее чувство. Вот — Шан на мостике. Вот — Лина в салоне. Вот — Горди в офисе торговцев, Расти у коммандера, Кен Рик, Калипсо, Билли Джо, Вилт... Присцилла прикоснулась к каждому, порадовалась им — и отпустила.

«Исполнение» с его гомоном привычности и любви осталось позади, и она оказалась в одиночестве в шумном мире за пределами корабля. Она отменяла крики незнакомцев, призвала образ нужной ей ауры и сосредоточилась на нем, расширяя свое сознание настолько, что ее Я почти целиком превратилось в сетку тончайших антенн, которые прислушивались, дрожали, простирались все дальше и дальше...

И в тот момент, когда ее Я утончилось почти до предела, когда нить, привязывавшая ее к «Исполнению», к собственному телу, готова была порваться, она услышала/увидела/почувствовала нужную ей ауру.

Всего лишь едва заметный проблеск. Намек на нечто знакомое — едва различимый привкус кисловатой сладости...

Восприятие резко свернулось, и ее Я устремилось к замеченному проблеску, прямое в своем желании, целиком сосредоточенное на рисунке, все четче прорисовывавшемся в ее сознании. Она была настолько нацелена на контакт, что только в последнюю секунду заметила дополнительный узор, говоривший о защите, глубокой медитации.

На «Исполнении» ее тело громко вскрикнуло: восприятие и Я расширились, грозя раствориться. Она отчаянно пыталась погасить экстрасенсорный удар, цеплялась за распадающуюся страховочную нить, рвалась обратно. Самосознание внутри пылающего узла Я превратилось в дрожащий комок боли — и успело в последнюю секунду тяжелым камнем упасть в тело.

Она снова вскрикнула от боли, расходящейся по нервам и жилам. Сердце билось с перебоями, легким не хватало воздуха, тело взмокло от пота. И ей было жарко, жарко, слишком жарко...

Прохлада.

— Шан! — Ее крик был не менее отчаянным, хотя он и был Целителем и прекрасно владел своим искусством. — Шан, нет!

Прохлада обволокла ее, забирая жар и поглощая мучительную боль. Присцилла обмякла в его объятиях и открылась полностью, позволяя ему умерить даже воспоминание о боли, так что она исчезла полностью. Ритм сердца выровнялся, дыхание успокоилось... Она вздохнула и отдалась течению, не думая ни о чем.

— Присцилла.

Она с огромным усилием открыла глаза и посмотрела Шану в лицо, немного удивившись тому, что действительно лежит у него на руках.

— Никогда больше так не делай, Присцилла!

Лицо и голос были строгими. Усталое ведьминское чувство донесло до нее эхо его ужаса. Она решила, что неплохо было бы улыбнуться — и, возможно, у нее это даже получилось.

— Я видела Вал Кона.

Аура Шана изменилась, но настолько тонко, что она не смогла этого истолковать.

— Где?

Присцилла покачала головой.

— Это так не работает, любимый. Когда душа... идет на прогулку; направлений не существует. Он жив... здоров... Медитирует — возможно, музицирует. Мне следовало бы вспомнить, как во время игры его окружает музыка... Из-за этого-то я и попала в неприятности. Рванулась вперед, толком не присмотревшись. Такая же дуручка, как Антора.

— Не припоминаю, чтобы Антора когда-нибудь подвергала себя такой же сильной опасности, проверяя, как дела у нашего брата или у кого-то другого. Послушай меня: больше никогда так не делай. Ты не будешь подвергать себя опасности, разыскивая моего беглеца-брата, который, кстати, прекрасно может сам о себе позаботиться. — Его руки на секунду сжали ее сильнее, и на этот раз она без труда прочла изменения в его ауре. — Я не могу остаться без тебя, Присцилла. Будь же благоразумна.

Спорить было бесполезно — тем более пока он еще до конца не оправился от пережитого испуга. Как ни сильна была ее усталость, это она увидела. Еще раз улыбнувшись, она прижала ладонь к его суровой щеке.

— Конечно, дорогой, — прошептала она.

И заснула.

Звездный корабль «Горн», принадлежащий капитану Роберту Чен-Якобсу, при выходе на орбиту планеты под названием Каго

Полет был поспешным и удивительным. Капитан земного корабля, на котором летели Хранитель и его Т"карэ, оказался любезной личностью, ум которой был почти таким же ярким, как у Вал Кона йос-Фелиума Разведчика. Он был настоящим сокровищем, этот капитан Чен-Якобс, и Хранитель с радостью отвел ему место в своей памяти. Он уже хорошо понимал, сколь много можно научиться у торопливых представителей человеческих Кланов.

Достаточно только вспомнить, что его Т"карэ, известный людям как Точильщик, утверждает, что почерпнул неисчислимые уроки у своего названного брата, все того же Вал Кона йос-Фелиума Разведчика. А память у Т"карэ долгая и богатая! И действительно, вы только посмотрите, что узнал сам Хранитель за время последней недолгой встречи с братом Т"карэ и спутницей жизни этого брата. И Мири Робертсон была еще одним сокровищем. Хранитель часто думал о ее отточенном блеске — и все выше ценил то, что в нем было.

— За четыре дня от Лафкита до этого места, — проговорил рядом с ним Точильщик.

Хранитель с серьезным видом моргнул глазами:

— Человеческие кланы и их поступки поистине торопливы, брат. И однако их поспешность меня... воодушевляет и трогает отважность их усилий.

— Вот как?

Т"карэ внимательно посмотрел на него.

В голосе Т"карэ прозвучало нечто такое, что живо напомнило Хранителю о его положении Седьмого Панциря, — однако он не стусевался.

— Я ловлю себя на том, — сказал он вместо этого, — что смотрю на тот или иной поступок человека глазами нашей новой сестры. Это нелегкое дело и, возможно, дается мне не очень хорошо, однако я скажу тебе, брат, что тут существует некая... правильность, хотя такой взгляд не может не быть как торопливым, так и несовершенным.

Он немного засмутился под пристальным взглядом своего Т"карэ и самого старшего брата.

— Несомненно, над этим необходимо еще много думать.

— Несомненно, — спокойно откликнулся Точильщик. — Я прошу тебя, брат, почтить меня своими дальнейшими соображениями по этому вопросу после того, как обдумаешь его более тщательно.

— Обязательно, брат.

— Прошу вашего прощения, мудрейшие.

Капитан Чен-Якобс низко им поклонился, и Хранитель, видя его так, как видела бы его новая сестра, понял, что этот человек чем-то расстроен.

Его самый старший брат, пользуясь теми ресурсами, которые должны находиться в распоряжении Т"карэ и Старейшины Клана, пришел к такому же выводу.

— Мое прощение вам не требуется, потому что вы не причинили нам вреда, — заверил он человека своим гулким голосом. — Но я вижу, что вы обеспокоены, и надеюсь, что вы не получили дурных известий.

— Дурных известий? — Капитан развел руками, повернув ладони вверх жестом, напоминавшим любимый жест Вал Кона йос-

Фелиума Разведчика. — Кто знает? Но, садясь на мой корабль, вы упоминали о срочной необходимости добраться до Шалтрена, и я пообещал, что попытаюсь договориться о полете туда от Каго.

Точильщик устремил на него свои сияющие глаза.

— И вы этого не сделали?

— Сделал, мудрейший. Но вы говорили, что спешите, и я боюсь, что те приготовления, которые я сделал, могут оказаться недостаточными.

Точильщик ждал, не сводя с него светящихся глаз.

— Прошу вас принять во внимание, мудрейшие, что уважаемые корабли, как правило, на Шалтрен не летают. На самом деле мне удалось найти всего один. Он называется «Уллепет», и капитан пообещала внести вас обоих в список своих пассажиров.

— Пока эти известия представляются приятными, Роберт Чен-Якобс. Познакомьте нас со своим беспокойством.

Мужчина тяжело вздохнул и покачал головой, хотя Хранителю так и не удалось понять, что именно этот человек отрицает, — не помогло ему даже зрение его сестры.

— Я беспокоюсь о вас, мудрейшие. «Уллепет» и капитан Роллани готовы везти вас на Шалтрен. Однако они отправляются туда только через тридцать дней.

Наступило молчание — короткое для стайных черепах, но долгое для людей.

— Существует возможность, — сказал Точильщик, — арендовать корабль с пилотом с целью доставить нас на Шалтрен. Мы рассмотрим такую возможность. Ибо я должен признаться вам, Роберт Чен-Якобс, что меня несколько беспокоит человеческая торопливость и та скорость, с которой порой происходят события. Может оказаться, что в данном случае ожидание в тридцать дней будет слишком долгим. — Он повернул голову. — Что ты думаешь, юный брат?

Хранитель заморгал от неожиданности.

— Я? — Он почувствовал в себе уверенность, что тридцать дней — это долго, чересчур долго, и сообщил эту информацию своему Т"карэ, робко добавив: — Я так полагаю, брат, на основании своих попыток воспользоваться восприятием нашей сестры. Т"карэ...

Но Т"карэ в совершенно нестойкой манере уже повернулся обратно к капитану Чен-Якобсу.

— Мы с моим родичем благодарны вам за ваши усилия, но я также чувствую, что тридцать дней ожидания транспорта, даже самого уважаемого, — это слишком долгий срок. — Он протянул свою трехпалую руку и склонил голову. — Вы оказали нам немалую услугу, Роберт Чен-Якобс. Мы вам благодарны.

Человек секунду помедлил, прежде чем вложить свою руку в ладонь Точильщика.

— Мне жаль, что я не мог оказать вам лучшей услуги. Если я могу еще что-то сделать...

— Вы сделали все, о чем вас просили, и еще есть вероятность того, что мы воспользуемся вашими приготовлениями. Но сначала мы должны рассмотреть эту иную возможность. В людских делах несколько дней часто играют существенную роль.

Лиад Город Энволима

Тиль Фон сиг-Алда сидел в кабинете, окна которого выходили на космопорт Энволимы, и хмуро смотрел на экран. Чашка у его правой руки давно остыла. Пряный запах обволок его, на секунду вызвал досаду — а затем был удален прекрасной системой очистки воздуха.

Тринадцать!

Ни у какого другого Клана не было такого количества кораблей. Более того, можно было сказать, что Клан Корвал намеренно копит их. Торговые корабли, яхты, списанные разведчики, рудовозы, внутрисистемные мусоросборщики... Если в руки Клана Корвал попадал какой-нибудь корабль, там он и оставался до тех пор, пока никакими человеческими усилиями уже невозможно было поддерживать его в рабочем состоянии. И никогда на памяти самого сильного Памятующего никто из членов этого Клана по доброй воле не отдавал корабль — за исключением, возможно, самого первого корабля Миграции.

Тринадцать для такого флота были лишь малой каплей, однако даже Клан Корвал не мог позволить себе разбрасывать корабли по галактике словно семена. И то, что отлет тринадцати кораблей имел место в течение нескольких дней после того, как Опекун Клана попыталась навести справки о Вал Коне йос-Фелиуме, было... тревожным.

Из пяти крупных торговых кораблей на орбите Лиад остался только «Исполнение долга», так что, похоже, этого полукровку йос-Галана не коснулись те приказы, которые заставили менее влиятельных капитанов поспешно заявлять об изменении времени отлета и вызывать членов экипажа, прерывая их отпуска.

Ну что ж, Корвал всегда действовал в соответствии с требованиями собственного безумия — и, как правило, к вящей выгоде Лиад. Хотя, конечно, это никогда не было его основной целью. Корвал действовал в интересах Клана Корвал, просто так уж полу-

чалось, что его интересы были весьма обширными. Настолько обширными, что в одной земной энциклопедии Клан Корвал был обозначен как «Правящий дом Лиад», а его Делм уподоблен королю. И для личностей с ограниченными мыслительными способностями, таких, как земляне, это казалось верным.

Тиль Фон сиг-Алда прикоснулся к клавише и убрал список кораблей. Следующий файл оказался еще менее утешительным, и частое обращение к его содержимому не делало его более приятным. О, начинался он достаточно хорошо — с подтверждения того, что самое последнее задание Вал Кона йос-Фелиума было успешно выполнено: лидер Партии Земли во Втором квадранте, некий Келмонт Джигер, погиб в соответствии с планом: в точности как было приказано.

«Хорошо сработано», — вынужден был признать сиг-Алда и со вздохом открыл следующую страницу.

Теперь он просматривал собственные попытки отыскать пропавшего агента. Он уже в который раз пытался найти просчеты в своих рассуждениях, ту грубую ошибку в ходе умозаключений, из-за которой командующий поручил ему это трижды безнадежное задание. Даже подтверждение Контур и доклад, который он сделал под сывороткой правды, не поколебали его командующего. Агенту сиг-Алде поручили задание выяснить «без тени сомнения» местопребывание и состояние Вал Кона йос-Фелиума.

Сиг-Алда прекрасно знал, что агенты — это расходный материал. Однако командующий почему-то настаивал на том, чтобы все исчезнувшие были действительно пущены в расход, а не взяты в плен или перевербованы. Хотя Контур и Выбор должны были бы гарантировать, что это невозможно...

Сиг-Алда раздраженно вздохнул. Он дошел до того момента, когда необходимо стало проследить поступки, мысли и выводы Вал Кона йос-Фелиума. Его кабинет был завален отчетами о прошлых заданиях йос-Фелиума: для этих поисков ему дали полный допуск. Он запросил и получил файлы разведчика йос-Фелиума, прослушал их по несколько раз — пока негромкий голос и четкие формулировки агента не начали преследовать его даже в те недолгие часы, которые он отводил для сна.

И у него по-прежнему не было ни одной зацепки.

Некоторые вещи были очевидными: по завершении задания оба пути отступления остались неиспользованными. Пустой корабль остался на Первой станции Лафкита, накапливая деньги за простой. Прошлые задания показали, что йос-Фелиум — человек изобретательный: как и в прошлые случаи, были подготовлены альтернативные варианты и отработанные ситуации. На этот раз альтернативы, похоже, дали сбой, однако имеющихся данных было недостаточно, чтобы это считалось неоспоримым.

Более того: оказалось, что ему приходится изучать и сам Клан Корвал. Хотя Департамент учил — и убедительно демонстрировал! — что агента можно изъять из Клана для того, чтобы он более усердно защищал интересы самой Лиад, записи показывали, что значительная (хотя и не поддающаяся определению) часть успеха Йос-Фелиума определялась генами и безумным гением Клана Корвал. И Клан Корвал неожиданно оказался в круге широких интересов Департамента Внутренних Дел.

Корвал разослал тринадцать кораблей. Что же такое знает Клан? Сиг-Алда вновь просмотрел список. И на его глазах экран заморгал, а потом список переформировался и в нем появилось новое название: «Исполнение долга».

Вандар Ферма «Дуновение весны» и ее окрестности

Вал Кон проснулся, замерзший и недовольный. Мало того, что голова Мири не лежала у него на плече: ощущения его тела сказали ему, что ее вообще нет в постели. Однако до него донесся слабый шорох с дальней стороны комнаты — это могли быть и мыши, и его жена.

Он раздраженно открыл глаза.

Она стояла перед зеркалом у дальней стены, совершенно одетая, только без ремня, и была полностью поглощена укладыванием волос. Он увидел, как она закрепила сложный узел с правой стороны и осторожно убрала руки. Убедившись, что волосы держатся надежно, она порылась в вещах, лежащих на столике под зеркалом, и взяла тонкую отполированную палочку — нож, который он дал ей в Эконси, чуть больше месяца тому назад. Тот клинок, который скрепил их брак.

Мири открыла нож, снова его сложила — и пропустила через центр узла. Потом она несколько раз сильно встряхнула головой, но волосы и нож остались на местах.

— Очень мило, — заметил Вал Кон. — Значит, нам следует ехать в город нарядами?

Она ухмыльнулась его отражению в зеркале.

— Доброе утро, — сказала она, подходя к кровати и садясь на край. — Не знаю насчет нарядных, но я обратила внимание, что Фру Трелу не носит ремня и кошель. Это, наверное, значит, что мы тоже не сможем носить наши, когда купим ту новую одежду, кото-

рую ей приспичило нам дать. А без оружия мне будет не по себе — наверное, я слишком долго была солдатом.

Она пожала плечами.

Вал Кон выгнул бровь.

— Неплохо для дурочки.

— Негодай! — Однако Мири улыбалась. — Разве не ты говорил мне, что лиадийцы вежливые?

— Соблюдение норм, — проговорил он, лениво потягиваясь, — никогда не следует путать с вежливостью. — Он перевернулся и сел ближе к ней. — Как ты сегодня утром, шатрез?

— Очень хорошо, — серьезно ответила она, и он увидел подтверждение этому в ее прозрачных глазах и отсутствии напряженности в мышцах лица и тела. — «Радуга» — штука полезная, — добавила она и смущенно склонила голову. — Спасибо.

— Пожалуйста. Мне только жаль, что я не понял этого раньше, — я был недостаточно внимателен...

«Только настоящий слепец мог ничего не заметить», — сказал он себе с горечью, не простив себе того, что допустил подобное.

Однако Мири наклонила голову и нахмурилась.

— У тебя ведь были другие заботы, правда? Ты же не можешь постоянно за мной присматривать! И я ведь сама могла тебе об этом сказать? Дело не в том, что я считала, будто ты откажешься помогать, — я просто не думала, что тут можно что-то сделать. — Она виновато улыбнулась. — Я в первый раз замужем. Трудно привыкнуть, что можно просить о помощи.

Он накрыл ладонью лежащую на одеяле руку.

— Мы будем учиться вместе. Я ведь тоже никогда не был женат.

— Угу, ты говорил. — Она продолжала хмуриться. — А почему?

— Разведчики редко берут спутников жизни, — пробормотал он. — Следовало бы заключить хотя бы один брачный контракт — однако я не пожелал этого делать.

— Но почему? — настаивала Мири, пристально за ним наблюдая.

Он забавно округлил глаза.

— Я дожидался тебя, Мири.

Она рассмеялась и сжала ему пальцы.

— Ладно, твоя взяла... — начала было она, но тут ее взгляд упал на залитое солнцем окно, и она вскочила. — Панс милостивый, ты только посмотри, сколько сейчас времени! Мне надо накормить этих чертовых птиц, иначе фру Трелу взорвется. Босс, начини готовить завтрак, ладно? Я умираю с голоду...

И в следующую секунду она уже стояла у двери, взявшись за дверную ручку.

— Мне полагается компенсация! — воскликнул Вал Кон, удивив себя не меньше, чем ее.

Мири стремительно обернулась:

— Что?

Он сбросил с себя одеяло, встал с кровати и начал натягивать одежду.

— Мне полагается компенсация, — повторил он. — Я просыпаюсь, и подле меня нет моей жены. Я выражаю чувства удивительной глубины — и мне не верят. Мной помыкают. И все это, — закончил он, надевая через голову рубашку и устремляя на Мири возмущенный взгляд, — даже без такой малости, как поцелуй! Меня глубоко обидели.

— О!

Мири снова пересекла комнату и остановилась перед ним, глядя в его лицо. Вал Кон дурачился: она увидела озорной блеск в его зеленых глазах. Однако ей показалось, что за его позой таится нечто серьезное.

— И какую компенсацию я смогу тебе предложить?

Он поразмыслил над ее вопросом.

— Полагаю, — объявил он спустя несколько секунд, — что поцелуй немало способствовал бы восстановлению справедливости.

— Ясно. К счастью, в моем распоряжении как раз есть один поцелуй. Земная валюта тебя устроит?

Она подошла совсем близко, и его руки легли ей на талию. Ладони Мири скользнула вверх по его рукам и легли ему на плечи. Она заглянула в его яркие глаза.

Вал Кон улыбнулся:

— Земная валюта меня вполне устроит.

И он наклонил голову, чтобы получить положенное.

Фру Трелу вышла на непривычный запах из своей спальни на кухню и изумленно застыла.

На горелке на небольшом огне стояла самая большая чугунная сковорода, и в ее центре уже подрумянивалась щедрая горсть едкой корнелуковицы. Кори стоял у столика и натирал сыр прямо от куска. Под рукой у него были разложены несколько скаппиновых яиц, две веточки петрушки, кувшин с молоком и миска, а также нож и остатки корнелуковицы. Из чайника уже шел пар.

Мери с корзинкой для яиц направлялась к двери. Она повернулась, поставила корзинку на пол, подошла к плите и, налив чашку чаю, направилась с нею к столу. Она улыбалась.

— Доброе утро, фру Трелу, — четко проговорила она.

А в следующую секунду она уже исчезла, захлопнув за собой дверь.

Кори на секунду оторвался от натирания сыра и широко улыбнулся:

— Доброе утро, фру Трелу.

— И тебе тоже, — промямлила она, несколько ошарашенная этой бурной деятельностью. Готовить еду в такой час? Обычно все они выпивали по чашке чаю, а потом занимались делами до обеда. Она отпила немного чая и хмуро уперлась взглядом в узкую спину мужчины. — Кори!

Он повернулся с сыром в руках:

— Да, фру Трелу?

— Почему Мери так уложила волосы? Она выглядит... — Она выглядела странно, вот как. Варварская прическа. — ...необычно.

Кори повел плечами и чуть улыбнулся:

— Для города.

— Для города? Ей не нужно менять прическу, чтобы ехать в город. Коса вполне годится.

Одна бровь выразительно выгнулась.

— Это для города, фру Трелу, — повторил он. — Мири хорошо работала.

«И с этим, — подумала старуха, — похоже, спорить бесполезно». Кори снова занялся готовкой, а она сделала второй глоток чая. Ну и что ей за дело, если им хочется ехать в город в таком виде, словно они только что сбежали из цирка?

— Просто дело в том, — объяснила она спине Кори, — что с этой прической она выглядит не очень красиво.

А когда у женщины такая неинтересная внешность, как у бедняжки Мери...

Кори снова обернулся: теперь он вопросительно поднял уже обе брови.

— Фру Трелу. «Красиво» — это?..

— А? — Она поставила чашку и указала на вазу со сулимами, стоявшую на столе. — Цветы красивые.

— О! — Он полез в мойку и показал ей кремово-розовую чашку, которую сделала жена Гренника, — чудесную вещь, воздушную и гладкую. — Это красиво?

— Да, — согласилась она. — Чашка красивая. Очень красивая.

Кори секунду смотрел на чашку, а потом очень осторожно вернул ее в мойку. Потом он задумчиво разбил яйца в миску, добавил туда молоко, петруню и натертый сыр и взбил все вилкой. Вылив смесь на сковороду и чуть прибавив огонь, он поставил миску в мойку, залив в нее воду.

— Боррил, — спросил он под шум воды, — красиво?

Фру Трелу изумленно хохотнула:

— Нет! Кори, Боррил совсем некрасивый. Боррил...

Но в эту минуту дверь открылась, и на кухню явилась Мери, которая несла корзинку с тремя крупными яйцами. По пятам за ней шел непривлекательный Боррил.

— Красиво, — проговорил Кори, широко ей улыбаясь.

Мири непонимающе моргнула:

— Красиво?

Он взял у нее корзинку, поставил на столик, церемонно отвел ее к столу и картинно взмахнул рукой, указывая на цветы.

— Цветы — красиво, — серьезно объявил он.

Мири чуть поклонилась суилимам:

— Красивые цветы.

Поддерживая ее под локоть, Кори увел ее обратно к мойке, где он высоко поднял кремово-розовую чашку.

— Чашка — очень красиво.

Она вытянула тонкий пальчик и осторожно провела по покрытой глазурью поверхности.

— Очень красиво.

Поставив чашку, он обнял ее за талию и повернул лицом к псу, который зевал, свернувшись калачиком на половике.

— Боррил, — сказал он якобы ей на ухо, но на самом деле так, чтобы его слышала фру Трелу, — некрасивый.

Мири рассмеялась.

Кори прижал ее к себе, а потом посмотрел поверх ее головы на фру Трелу. Той показалось, будто она знает, что последует дальше.

— Мири красивая.

Мери ответно обняла его, а потом отступила на шаг, прижав ладонь к щеке со шрамом.

— Очень красивый ты, — сказала она и исчезла в чулане, чтобы спрятать яйца.

Кори вернулся к плите и налил чай.

Мери отнесла чашки к столу, но задержалась у буфета и обернулась через плечо:

— Фру Трелу? Вы есть? Хорошие яйца.

Фру Трелу удержала себя на грани отказа. Возможно, в их предложении было нечто разумное. Покупки — дело утомительное, почему бы и не начать день на сытый желудок.

— Немного съем, — ответила она, выдавив кислую улыбку. — Спасибо большое.

Стоящему у плиты Кори были поданы три тарелки. Мери достала хлеб, джем и масло, потом стремительно (или так показалось наблюдавшей за ней старухе) вернулась с приборами и салфетками. Придвинув к себе хлеб, она ловко отрезала три ровных ломтя и вручила один фру Трелу.

К столу прибыл Кори с тарелками. Одну он подал фру Трелу, вторую поставил перед стулом Мери, а потом уселся сам. Приняв кусок хлеба, он принялся за еду.

Фру Трелу взяла вилку и посмотрела в тарелку. Яйца совершенно не походили на нормальную яичницу: все перемешанные, пах-

нут сыром и приправами... Она неуверенно взяла маленький кусочек и попробовала.

Странно — но не противно. Она съела еще маленький кусочек, потом — побольше — и вдруг обнаружила, что ее тарелка опустела.

Тут ее внимание привлек глубокий вздох — и она посмотрела на Мери. Та откинулась на спинку стула, с широкой улыбкой обхватив чашку ладонями.

— Спасибо, — сказала она Кори. — Очень хорошие яйца.

Фру Трелу присоединилась к ее похвале.

— Да, спасибо тебе, Кори. Ты прекрасный повар. — Тут ей в голову пришла совершенно новая мысль. — Ты у себя дома этим зарабатывал на жизнь?

Наступило молчание, во время которого Кори не спеша доел хлеб с маслом и запил его глотком чая. Фру Трелу уже было решила, что не дождется ответа, когда он склонил голову набок.

— Я ем. Я готовлю.

Подумав, фру Трелу решила, что такой ответ нельзя было считать настоящим ответом. Однако это напомнило ей одну вещь, которую следовало установить совершенно четко, пока Атна Бригсби не начала терроризировать их своими вопросами.

— Кори, откуда вы?

Он посмотрел ей прямо в глаза:

— Дом.

Фру Трелу вздохнула:

— Да, Кори. Но где ваш дом?

Он ответил без слов, махнув изящной рукой на восток и чуть наверх — в направлении перевала Форнема.

Фру Трелу снова вздохнула:

— Ладно, Кори, сделаем вот как. Если кто-то тебя спрашивает, откуда вы, ты говоришь им «Порлингт». В наши края беженцы попадают редко, но бывают случаи и более странные, особенно если вам удалось заблудиться и прийти сюда через перевал.

Кори допил чай и посмотрел на жену.

— Дом — это Порлингт, — сообщил он ей, а потом строго поднял палец. — Ты откуда?

Мери невинно моргнула и послушно ответила:

— Порлингт. — А потом она ухмыльнулась и добавила: — Кори.

— Вздорное дитя, — отозвался он, но она только засмеялась и встала, чтобы убрать со стола.

Грузовик завелся с первого поворота ручки и ключа. Фру Трелу удовлетворенно кивнула и перегнулась через сиденье, чтобы открыть дверь для пассажиров. Ее гости были такие худенькие, что должны были уместиться все вместе впереди.

Дверца широко распахнулась, и Кори подтянулся в кабину. Девушка поднялась следом и застыла на ступеньке. Взгляд ее серых глаз был настроженным.

— Если во время управления этой штукой ей надо двигать руками, то, может быть, тебе не следует сидеть так близко, — серьезно сказала она Вал Кону. — Если не возражаешь, я устроюсь у тебя на коленях. Так у нее будет больше места. — Она ухмыльнулась. — Эта штука и так выглядит настолько ненадежно, что я не хотела бы улучшать шансы противника.

— Наверное, ты права, — пробормотал он, глядя на разнообразные рычаги и ножные педали. — Всегда неразумно мешать пилоту. Он отодвинулся к двери, и Мири села ему на колени, удобно устраиваясь.

— Нет! — рывкнула фру Трелу.

Удивившись, Мири заглянула Вал Кону в глаза.

— Ошибочка, босс. И что теперь, по-твоему?

— Попытаемся выяснить. — Он повернул голову к нахмурившейся старухе. — Нет? — переспросил он по-бенски. — Плохо?

Фру Трелу проглотила первый резкий ответ, пришедший ей в голову, и напредила себе, что они — иностранцы и только ветер знает, к чему они привыкли. Если уж на то пошло, можно вспомнить фру ее собственного сына: она была вспыльчивая и невозможна своеловная, однако Гренника слушалась и изол всех сил старалась быть ему хорошей женой.

Она вздохнула:

— Это хорошо, что вы, дети, друг друга любите. Очень красиво. И дотрагиваться друг до друга хорошо. Но в городе некоторые могут не понять, увидев, как Мери сидит тут как... ну, не важно. Когда вы дома, можно трогать друг друга и обнимать, и все в порядке. Но когда вы на людях, в городе — надо быть респектабельными.

Она замолчала, не зная, что именно им удалось понять из ее лекции. Одна бровь у Кори была выше другой, но он смотрел на нее совершенно серьезно. Мери тоже наблюдала за ней — и между ее бровями пролегла чуть заметная морщинка.

— У беженцев и без того дурная слава, — продолжала фру Трелу. — Вам же не хочется, чтобы в городе, например, не брали вас на работу, когда вы пойдете туда наниматься, из-за того, что вы не умеете себя вести, правда? Особенно это касается тебя, Кори: когда замур пользуется таким уважением и доверием... Ну, ты должен следить за тем, чтобы всегда делать честь своей жене, и не позволять ей делать вещи, которые заставят других плохо о ней думать. Так что ты, Мери, должна встать и дать Кори сесть рядом со мной... Хорошо. Садись, Мери, и закрой дверь.

Устроив всех, к своему полному удовлетворению, фру Трелу включила передачу и стала смотреть только на дорогу.

Мери вздохнула, осторожно откинулась на спинку сиденья — и обнаружила, что Вал Кон уже устроил там руку. Она теснее придвинулась к нему — и его рука крепче обняла ее за талию.

— Хитрец, — пробормотала она.

— Но такой милый хитрец. Тебе не показалось, что мы вели себя невежливо, но эта невежливость не была непростительной? Наверное, в случае нужды нам все-таки можно будет держаться за руки.

Мири подняла брови:

— Ты хочешь сказать — в том случае, если мне будет страшно.

— Или мне.

Она фыркнула.

Вал Кон посмотрел на нее.

— Какой я необыкновенный человек, — тихо проговорил он. — Мне никогда не бывает страшно или одиноко. И мне никогда не нужно смеяться или прикасаться к кому-то. Я совершенно подавлен собственным превосходством.

Мири мысленно поморщилась, услышав горечь в его ровно звучащем голосе и заметив, как потемнели яркие глаза. Она вспомнила, как Вал Кон плакал ночью. Осторожно опустив руку, она чуть пожала его пальцы и заставила себя нахально улыбнуться.

— Угу. Ну, я не стала бы так уж сильно поражаться. Во-первых, тебе следует помнить, как трудно выудить из тебя откровенный рассказ. Можно состариться, пока ищешь правильный вопрос. Ты управляешь окружающими — без демонстраций, втихую, — просто не принимаешь ответа «нет». И да помогут боги окружающим, когда ты даешь волю чувствам. — Она задумчиво посмотрела на него. — Но мне нравится за тобой наблюдать: ты умеешь пользоваться словами. Можно будет взять на заметку, если я решу снова стать сержантом.

Он рассмеялся и на секунду крепче ее обнял:

— Меня раскритиковали.

А потом грузовик свернул на более широкую дорогу, с грохотом переехал через металлические рельсы, юзом прошел поворот и оказался у поразительного сооружения — открытого дома посреди не дороги!

— Деревянный туннель? — спросила Мири.

— Тише, — отозвался Вал Кон.

И как разведчик и солдат, они стали вести наблюдение весь оставшийся путь, тщательно запоминая расстояния, направления и типы местности.

Вандар Джилл

Двухэтажный универмаг Бриллита стоял в самом центре города, прямо напротив многооконой башни и в непосредственной близости от небольшого голубого здания. Перед ним располагался овал увядшей травы, выращенной прямо посередине дороги, — это был так называемый городской сквер.

Фру Трелу перевела своих подопечных через улицу и поднялась по лестнице универмага. Тут она тихо выругалась, увидев, как из стекольной лавки вышла Мритис Вибекер и уставилась на них. Вы и десяти раз не вздохнете, как весь город уже будет знать, что Эстра Трелу приехала в город со своими ручными беженцами. Если в Джилле и найдется сплетница похуже Атны Бригсби...

Корвилл и Мери замялись на пороге, и фру Трелу решительно подтолкнула обоих в спину, заставив пройти в сумеречное помещение, засыпанное опилками.

— Скажи, а тебе не хочется дождаться того дня, когда тебя перестанут куда-то пихать? — тихо спросила Мири у Вал Кона.

У Вал Кона дернулись плечи, однако ему удалось не рассмеяться.

Фру Трелу взяла на себя роль предводителя и быстро провела их мимо прилавков, уставленных всякими штуковинами и интересными приспособлениями, которые ее подопечные с удовольствием рассмотрели бы подробнее. Они дошли до широкой лестницы, где перед началом подъема фру Трелу настороженно посмотрела в обе стороны — точь-в-точь как наемник, ожидающий, что отовсюду могут внезапно выскочить противники.

Однако ничего подобного не произошло, и она махнула рукой, приглашая Вал Кона и Мири проходить вперед. Повинуясь ее жесту, они поднялись по лестнице и дождались, пока она закончит свой менее быстрый подъем. Наверху она остановилась на несколько секунд, чтобы отдышаться.

— Хорошо, дети: вот мы и здесь. Сначала займемся Кори.

И она зашагала направо, увлекая за собой своих протеже.

— Ты ей нравишься больше, — сказала Мири своему напарнику.

— Неправда, — возразил он. — Она просто хочет от меня избавиться, чтобы больше времени провести с тобой.

— Эстра! Давно не виделись! Как поживаешь?

Говоривший оказался лысеющим толстячком чуть выше фру Трелу. На нем был серый пиджак с серыми же брюками, белая рубашка и темно-синий шейный шарфик. Он стоял в начале целого прохода, заставленного вешалками с одеждой.

Мири заморгала. Одежда? И ни одного автокамердинера поблизости! А как же определить, которая из этих одежд будет сидеть как следует? Если только этим не занимается этот лысенький дядька. «Боги, — подумала она, — ну и работенка!»

Фру Трелу как раз говорила про них:

— Порлум, это Кори. Он и его фру выполняют для меня кое-какую работу и, похоже, останутся тут на зиму. Решила, что им пора обзавестись нормальной рабочей одеждой.

Порлум осмотрел мужчину в темных кожаных штанах и жителе. Ростом немного ниже среднего, но ничего особенного. А вот его стройность может стать проблемой. Однако — рабочая одежда? Он улыбнулся невысокому мужчине, который не ответил на эту любезность, и кивнул фру Трелу:

— Я уверен, что мы сможем найти что-нибудь подходящее. Качественные теплые рубашки и прочные брюки, конечно. Сколько? И надо ли мне подбирать ему... э-э... нарядный костюм?

Фру Трелу нахмурилась.

— Три-четыре рубашки, наверное. Две пары рабочих брюк. И куртку тоже, Порлум. Ботинки... — Она посмотрела на высокие сапоги, в которые был обут Кори, и вздохнула. — Рабочие ботинки. Думаю, нарядный костюм мы пока отложим.

— Как скажешь, Эстра, — согласился мужчина. — Если замур пройдет со мной...

— Иди с Порлумом, Кори, — велела Вал Кону старуха. — Он проследит, чтобы ты выбрал то, что нужно. Мы с Мери встретим тебя дальше, когда подберем вещи для нее.

Она сомкнула пальцы на запястье девушки и потащила ее за собой.

Мири оглянулась через плечо и успела увидеть, как Вал Кон исчезает в проходе между рядами одежды. Она еще не успела отвернуться, когда он вынырнул обратно и помахал ей рукой, после чего тут же снова исчез.

Ухмыляясь, Мири позволила увести себя в глубину магазина, туда, где все было увешано одеждой, сильно отличавшейся от той, возле которой они оставили Вал Кона. Трупобразная женщина с неправдоподобно черными волосами, еще более неправдоподобными алыми щеками и тонкими недовольными губами посмотрела на Мири — и углы ее губ еще более недовольно опустились вниз. Она не делала попытки перехватить фру Трелу, которая осматривалась до тех пор, пока Мири не дернула ее за рукав, указав на неприветливую особу.

— А, вот ты где, Салисса, — проговорила фру Трелу с заметным холодком. — Это Мери. Она помогает мне на ферме, и ей пора купить нормальную рабочую одежду.

— Надо думать! — Салисса презрительно фыркнула, а потом повернулась к Мири. — Откуда ты взяла эти... вещи, которые на тебе? Ну и чудной у тебя вид!

— Конечно, она выглядит не как все, — огрызнулась фру Трелу. — Она же иностранка! И я знаю, что ей нужна одежда, поэтому мы здесь! Хорошие теплые вещи, Салисса, — такие, в которых она сможет работать. И не пытайся с ней разговаривать. Она понимает одно слово из десяти.

Она повернулась к Мири:

— Мери, иди с Салиссой. Она подберет тебе теплые красивые вещи для работы. А я куплю кое-что для себя. Потом я вернусь за тобой, и мы пойдем и найдем Кори.

Мири с тревожным чувством проводила старуху взглядом, а потом расправила плечи и повернулась, чтобы пригвоздить возмущенным взглядом Салиссу.

У невысокого мужчины оказался свой взгляд на вещи. Он настоял, чтобы ему показали разные виды рабочих рубаш, внимательно осмотрел каждую и наконец остановил выбор на смесовой ткани — шерсть с джуламом. Сам Порлум считал ее самой теплой и ноской. Правда, его мнения никто не спрашивал.

Столь же придирчиво покупатель осмотрел брюки и рабочие ботинки, хотя, как то и следовало, он доверился Порлуму в том, что касалось размеров и примерок. Он также разрешил, чтобы ему рекомендовали носки и ремень.

Однако во всех деталях главным оставался вкус Кори: начиная с гладких, а не клетчатых, рубашек и кончая прочными черными брюками. Выбранная им куртка была на перьях хойпера — прекрасное, теплое и хорошо сшитое изделие, оставшееся на вешалке из-за своего странного зеленовато-серого цвета. Увидев его, мужчина ухмыльнулся и сразу же снял с вешалки.

Порлум осмотрел получившийся результат и кивнул. Куртка сидела хорошо. Глубокие карманы и капюшон были как раз рассчитаны на зимние холода, а неяркий цвет подчеркнул удивительные зеленые глаза покупателя. Жаль, что Эстра не захотела купить ему нарядный костюм.

Кори на секунду застыл неподвижно, чутко наклонив голову, а потом указал на стопку вещей на прилавке — три рубашки, пара брюк, носки и тот странный костюм, который был на нем.

— Я приду за этим, — сказал он и исчез.

Вал Кон задержался на секунду, чтобы оценить представшую перед ним картину. Мири, одетая в нечто такое, что, как он был совершенно уверен, Мири никогда надевать не следовало, спорила с черноволосой женщиной. Фру Трелу стояла сбоку и, похоже,

пыталась разрешить конфликт, заставив Мири помолчать несколько секунд и дав незнакомой женщине одержать победу.

Он пошел вперед.

— Плохо, — говорила Мири темноволосой женщине с немалым жаром. — Не теплые! Фру Трелу говорить — теплые...

— С такими волосами и этими веснушками, — прервала ее незнакомка, — ты бы лучше позаботилась о том, чтобы выглядеть красиво! Разве не стоит немного померзнуть, чтобы знать, что ты выглядишь красиво, а не как сорванец!

— Право, Салисса, — сказала фру Трелу, — она тебя не понимает. И, Мери, если ты позволишь Салиссе показать тебе другие вещи...

— Больше никакие вещи, — решительно объявила Мири. — Плохая одежда. Моя одежда, — четко сообщила она Салиссе, — красивая!

— Те вещи, в которых ты пришла? — спросила продавщица. — Ну, наверно, если тебе хочется казаться... сорвиголовкой и...

— Ты, — прервал ее тираду негромкий голос, — не будешь говорить такие слова этой фру.

Салисса изумленно открыла глаза. Рядом с рыжеволосой женщиной внезапно появился мужчина, зеленые глаза которого были хладнокровно устремлены на продавщицу. Этот взгляд длился, как ей показалось, несколько долгих минут, а потом он заговорил снова:

— Ты понять мои слова?

Она нервно облизнулась:

— Да.

— Хорошо, — сказал мужчина без всякого выражения. А потом он повернулся к рыжеволосой. — Шатрез?

Мири с досадой воздела руки и посмотрела на себя.

— Фру Трелу говорить — тепло, — сказала она, придерживаясь бенского. — Не тепло это. Некрасиво. — Она слабо улыбнулась. — Боррил.

Уголки его губ чуть приподнялись, и он снова рассмотрел ее наряд. У ярко-желтой рубашки рукава были, конечно, длинные, но сшита она была из какой-то тонкой ткани, которая едва годилась бы для самых теплых дней этой планеты. Юбка была не настолько тонкая, но с рюшами и оборками — работать в такой было бы невозможно.

Он покачал головой и повернулся к старухе:

— Фру Трелу? Мири... права. Это — не тепло. Это некрасиво. Здесь есть одежда такая, как одежда Мири?

— Ну уж нет! — фыркнула Салисса с напускной уверенностью.

Зеленые глаза снова устремились на нее и скользнули — медленно и намеренно презрительно — вдоль всего ее тела, а потом снова вернулись к ее лицу. Он пожал плечами и снова повернулся к фру Трелу:

— Есть другие магазины.

— Что? — Она изумленно уставилась на него. — Ради ветров...
Да, есть другие магазины. Но это лучший магазин, Кори.
На секунду ей показалось, что он будет настаивать, но потом он повел плечами в этом своем странном жесте и вздохнул:

— Фру Трелу, вы... найдете Мири хорошую одежду. Шатрез, ты хочешь?

Она ухмыльнулась и махнула рукой на его новый наряд.

— Тепло. Для работы... — Она приложила ладонь к его груди, якобы чтобы потрогать рубашку. — Мягко.

Он взглянул на старуху, вопросительно подняв бровь:

— Это правильно? Не плохо? Респектабельно?

— Есть женские вещи вроде тех, которые на тебе. Но, Кори, Мири нужен хотя бы один костюм!

Он сдвинул брови:

— Костюм? Нарядный костюм? Не надо нарядный костюм.

Фру Трелу пожала плечами:

— Ладно, Кори. Мери, пойдем со мной, дорогая...

Но Мири задержалась на секунду, чтобы осмотреть его куртку.

— Красиво! — восхитилась она, широко ему улыбнувшись.

Он улыбнулся в ответ.

— Мери! — окликнула ее фру Трелу, и Мири рассмеялась и убежала.

Проведя девушку в небольшой отдел с брюками и рубашками в мужском стиле, но рассчитанными на женщин, фру Трелу обнаружила, что делать ей больше практически нечего. Недолгое общение Мири с Салиссой научили девушку пользоваться вешалками, а благодаря наблюдательности она запомнила значок, повторявшийся на всех вешах, которые выбирала для нее продавщица. Она выбрала четыре рубашки: бледно-голубую, темно-синюю, в черно-белую клетку и самую светлую желтую.

Фру Трелу одобрила такой выбор, признав, что сидят они неплохо, хотя у них возник недолгий конфликт по поводу брюк, которые старуха сочла слишком облегающими. Этот спор закончился, когда девушка померила пару, которую ей навязывала фру Трелу: она застегнула брюки и отпустила руки.

Брюки свободно соскользнули с талии на бедра и, похоже, могли в любую секунду продолжить спуск.

Фру Трелу вздохнула и признала, что придется взять другую пару. Когда они вышли из примерочной, то обнаружили там Кори: он стоял, привалившись к ближайшей стойке, перекинув что-то через руку. При виде Мири он выпрямился и улыбкой выразил одобрение светло-голубой рубашке и темно-синим брюкам.

— Очень красиво.

Шагнув вперед, он раскрыл для Мири куртку, которая была точной копией его собственной, только темно-синего цвета и на несколько размеров меньше.

Широко раскрыв глаза, девушка аккуратно положила охапку своей одежды на пол. Кори подал ей куртку, словно она была королева, а верхняя одежда была подбитой шелком меховой шубой, а не водоотталкивающим хлопком на перьях. Она засунула руки в глубокие карманы, надвинула капюшон так, что почти (но все-таки не до конца) закрыла свою странную прическу, а потом провела пальцами по рукаву, проверяя толщину подкладки.

Кори взял ее за плечи и повернул к зеркалу. Она долго изучала там свое отражение.

— Спасибо тебе, красиво... куртка? — сказала она, встретившись в зеркале с его взглядом. — Не Боррил, мы.

— Не Боррил, — согласился он, отвечая на ее улыбку и чуть сильнее сжимая ей плечи. — Очень красивые, мы.

А потом он отпустил ее и наклонился, чтобы поднять остальные вещи. Выпрямившись, он улыбнулся стоявшей молча старухе.

— Порлум будет... выписать... билет? За все сразу, — сказал он и сразу же ушел в сопровождении Мири. Спустя секунду фру Трелу пошла следом.

Катастрофа произошла в тот момент, когда Кори и Мери вышли на тротуар, неся свертки со своими новыми вещами, а также картонную коробку, в которую Порлум аккуратно уложил их прежнюю одежду.

— Эстра! Ну, надо же! Вот это сюрприз! — воскликнула Атна Бригсби, пересекая улицу с широкой улыбкой на лице и приветственно вытянутой рукой.

Смирившись с неизбежностью, фру Трелу выдавила из себя улыбку.

— Приятно тебя видеть, Атна, — сумела сказать она, но таким слабым голосом, что Кори нахмурился и бросил на нее быстрый взгляд из-под ресниц.

Как всегда, Атна Бригсби ничего не заметила. Она схватила фру Трелу за руку и начала трясти так, что у нее заныли кости. А потом она адресовала свою жадную улыбку двум худощавым фигуркам, терпеливо ожидавшим рядом.

— А это, наверное, Мери и Кори! — жизнерадостно предположила она. Мири услышала, как Вал Кон вздохнул. — Эстра, до чего забавно! Я случайно наткнулась на Мритис Вибекер, и она сказала, будто видела тебя заходящей в универмаг Бриллита с двумя мужчинами! Право, ей следует носить очки, которые прописал доктор Лорм, — но, милочка, тщеславие...

Она снова повернулась к беженцам, разглядывая их несомненно новую одежду.

— Фру Трелу очень добра, что купила вам одежду, — сказала она очень громко. — Вы оба ей благодарны, правда? И вы будете работать еще усерднее, чтобы за них заплатить.

— Они уже отработали свою одежду, — твердо заявила фру Трелу. — И они уже очень усердно работают. Думаю, если бы они стали работать еще усерднее, то я бы не выдержала. — Она повернулась к своим подопечным. — Почему бы вам, дети, не отнести покупки в грузовик? Нам ни к чему нести их в библиотеку.

— Да, фру Трелу, — сказал Кори и сразу же зашагал прочь. Мири последовала за ним после едва заметной паузы.

— Милочка! — воскликнула Атна, не дожидаясь, пока они отойдут достаточно далеко, чтобы ее не слышать. — До чего неинтересная девушка! И такая угрюмая! Я знаю, что у иностранцев ужасно странные взгляды на все, но, Эстра, ей же не больше шестнадцати!

Мири взглянула на Вал Кона, заметив хмуро сдвинутые брови и напряженные плечи:

— В чем дело?

Он взглянул на нее, и его губы раздвинулись в легкой улыбке.

— Эта ужасная женщина...

— Она? — Мири дернула головой в сторону двух старух. — Не обращай на нее внимания. Так и рвется услышать дурные вести о всех и каждом. Из-за нее заводиться глупо. Пустая трата времени. — Она искоса посмотрела на него. — Как и та дурочка из магазина. Ты с ней не церемонился, да? Заставил ее спуститься ступеньки на четыре. Я сама их пересчитала. Проблема в том, что она успела подняться всего на три.

Он ухмыльнулся, но тут же снова стал серьезным.

— Она не должна была так с тобой говорить.

Приостановившись, он осмотрел улицу, решил, что можно безопасно перейти к грузовику, и сошел с тротуара.

— Нет, правда, — снова заговорил он. — Она не должна ни с кем так разговаривать. Может быть, я преподаю ей урок, который она запомнит.

Мири секунду смотрела на его профиль.

— Надоедает, когда с тобой постоянно обращаются как с полным профаном, правда?

Он схватился за ручку дверцы, дернул ее — и улыбнулся Мири. Плечи и лицо у него уже были совершенно расслаблены.

— Очень даже надоедает. — Дверца не открылась, и он дернул за ручку еще раз. — Заперто.

Мири положила свои пакеты на землю.

— Я возьму ключ у фру Трелу, — предложила она, но Вал Кон покачал головой:

— В этом нет никакой необходимости.

Он сунул руку в карман и извлек оттуда длинную гибкую проволоку. Встав на ступеньку, он всего секунду повозился с проволокой и скважиной, а потом кивнул и повернул ручку вниз.

Дверца со шелчком открылась.

Ухмыльнувшись, он спрыгнул на землю, оставив за собой широко распахнутую дверь, и начал укладывать пакеты на сиденье.

Мири укоризненно покачала головой:

— Ленивец.

Когда все пакеты были убраны, Вал Кон захлопнул дверцу и совершенно серьезно проверил, закрылся ли замок.

— Потому что было бы очень плохо, — объяснил он Мири, протягивая ей руку, — если бы какой-нибудь отчаянный преступник похитил нашу новую одежду.

Она вложила пальцы в его руку.

— И что теперь? Обратно к фру Трелу и этой пронырливой сплетнице?

— Не сразу, — ответил он, осматриваясь. — Они заняты разговором. И я буду рад воспользоваться случаем посмотреть, что здесь есть. Фру Трелу все время нас торопит...

— Значит, идем гулять, — отозвалась Мири, удаляясь вместе с ним прочь от универсама и остановившихся перед ним женщин. — Как ты думаешь, сколько времени мы будем оставаться у фру Трелу, босс?

Вал Кон обдумал ее вопрос.

— Думаю, нам следует пробыть у нее зиму, чтобы полностью уплатить долг. — Он взглянул на нее. — Наша работа не стоила этой одежды, шатрез.

— Я тоже так считаю, — совершенно спокойно согласилась она. — Мы останемся на зиму, чтобы закрыть этот счет. А что потом?

— Следует также надеяться, что в течение зимы у нас будет возможность научиться хорошо говорить по-бенски, а также читать и писать, — продолжал Вал Кон. — После этого мы сможем уехать отсюда и выбрать себе какой-нибудь город, если ты того пожелаешь. Обычно в городах существует более широкий диапазон работ, которые можно выполнять за плату — какой бы плата здесь ни была. Возможно, что мы уже владем такими навыками, которые позволят нам быть... независимыми.

— И нас перестанут пихать. — Мири вздохнула. — Звучит великолепно. Если я начну манкировать занятиями, напомни мне, как я не люблю, когда меня пихают, ладно? И я снова возьмусь за дело.

Он склонил голову набок:

— Тебе это настолько неприятно? По-моему, намерения у нее добрые.

Она тихо рассмеялась:

— Угу. Просто уже много лет никто не осмеливался меня читать. А теперь эта старая дама, которую я могу переломить пополам одной рукой... — Она вдруг замолчала. — Синие чозмики, а это еще что такое?

Они подошли к витрине, содержимое которой так изумило Мири. Вал Кон чуть нахмурил брови, а Мири широко раскрыла глаза.

Устройство имело прямоугольную форму и было изготовлено из какого-то блестящего материала, который походил на металл. Передняя часть была покрыта стеклом, через которое видны были многочисленные катушки, провода и трубки. На верху и боках были какие-то набалдашники, из задней части выходила тонкая металлическая трубка, а под стеклом были еще набалдашники. Все устройство было увешано красными, желтыми и голубыми лентами.

— Понятия не имею, — признался Вал Кон. — Несомненно, какое-то устройство. Но что оно должно делать — или не делать... — Он пожал плечами. — Можно найти продавца и спросить.

Однако это оказалось невозможным. Дверь магазина была закрыта, а к витрине изнутри был прикреплен лист бумаги с написанными от руки символами.

Мири глубоко вздохнула:

— Нам надо научиться читать. Мимо нас проходит целый мир, черт побери!

— В должные сроки, — отозвался он, и его негромкий голос каким-то образом стал похож на гуденье Точильщика. — Не все происходит в одну секунду.

Дверь следующего магазина была открыта, и оттуда доносилась музыка. Настоящая, поняла вдруг Мири. Кто-то прямо сейчас играл на инструменте, а не включил записанную музыку, которую каждый вечер слушала по радио фру Трелу.

Вал Кон остановился, наклонив голову и сосредоточенно прислушиваясь. Мири тихо стояла рядом, наблюдая за ним и слушая звуки. Она решила, что игра ей нравится: это было нечто вроде гитары, но мягче, без резонатора.

Пьеса закончилась, и ее напарник очень тихо вздохнул и посмотрел на нее:

— Мири...

— Конечно, — ответила она и сжала его пальцы. — Давай войдем. Почему бы нет?

— А про этих ужасных бассиланских повстанцев ты слышала, Эстра? Они высадились на побережье, всего в двухстах милях отсюда! Трещают убежища — и все из-за того, что наш король когда-то давным-давно заключил договор с их варварским томаком! Ну, король

им, конечно, отказал, но — веришь? — сообщают, что они продвигаются в глубь континента! Они могут добраться даже до Джилла!

— Глупости, — заявила фру Трелу, беспокойно оглядываясь. — Королевская милиция быстрее ветра окружит эту горстку смутьянов. Они же просто шайка уголовников, вот кто они! Можно подумать, король допустит вторжение — пусть даже Бентрил не воевал с тех пор, как люди перестали пользоваться луками и стрелами и носить звериные шкуры.

— Ну, может, ты и права, дорогая, — печально согласилась фру Бригсби. — Но все же, Эстра, — а что, если кому-то из них удастся уйти?

Но фру Трелу тревожно оглядывала Центральную улицу, пытаясь отыскать две низенькие худые фигурки.

Вандар Джилл

Хакан Мельтц поднял голову от гитары и улыбнулся двум размытым фигурам в дверях.

— Привет! — проговорил он с присущим ему легкомыслием, приводившим в отчаяние его отца, владельца магазина, в котором Хакан сейчас сидел, играя на гитаре.

Отец не разрешал играть в магазине на гитаре — конечно, не считая тех моментов, когда надо было продемонстрировать качества инструмента потенциальному покупателю. К счастью для Хакана, его отец в этот момент находился в столице, присутствуя на созванном королем совещании в качестве городского головы Джилла.

Хакан снова улыбнулся — и две туманные фигурки прошли в магазин, так что он смог разглядеть их своими близорукими глазами.

Женщина была крошечной, как куколка, но в постановке ее головы и плеч и твердом взгляде огромных серых глаз чувствовалась уверенность взрослого человека. Уютно держась за руку своего спутника, она ответила на улыбку Хакана с искренним дружелюбием. Мужчина был примерно на три пальца ниже Хакана, фунтов на двадцать легче — и не имел усов. Его темные волосы были длинноваты для мужчины, а одну гладкую щеку пересекал свежий шрам. Улыбаясь, он поднял свободную руку и указал на инструмент в руках у Хакана.

— Очень красиво, — мягко проговорил он, произнося слова так, что они приятно щекотали ухо слушателю. — Это?

— Вот она? — Хакан протянул ему инструмент, и мужчина отпустил руку своей спутницы, чтобы его принять. — Это — двенадцатиструнная гитара.

— Двенадцатиструнная гитара, — пробормотал мужчина, поворачивая ее так, чтобы рассмотреть со всех сторон.

Потом он повернул гитару правильно и попробовал провести по струнам длинными пальцами, тихо засмеявшись получившемуся диссонансу. Осторожно обхватив пальцами левой руки гриф, он снова провел рукой по струнам и кивнул, словно этот результат ему понравился больше. Действуя медленно, то перебирая струны, то дергая их, он сумел извлечь из гитары мелодию. Хакан наблюдал за ним с растущим недоумением.

Мужчине гитара была незнакома — это было видно. Однако он обращался с ней как человек, который играл когда-то на чем-то похожем и знал, чего можно ожидать от дерева и жил.

А потом мужчина словно опомнился: он вздрогнул и поднял глаза с извиняющейся улыбкой.

— Простите, — сказал он, возвращая инструмент с явной неохотой, усилием воли разогнув сжимавшие гриф пальцы. — Прошло долго, — сказал он, словно объясняя свое поведение. — Я... — Он нахмурился и развел руками (как показалось Хакану, с досадой). — Это быть голод, — заключил он и вопросительно наклонил голову, словно не был уверен в том, что его поймут правильно.

Но если Хакан что-то и понимал, так это жажду творить музыку.

— Остался без инструмента? — спросил он, почему-то не сомневаясь в том, что только катастрофа могла разлучить этого человека с тем, на чем он играл. Отложив гитару в сторону, он махнул рукой в сторону полок с разнообразными музыкальными инструментами. — А на чем ты специализировался? — начал он, ощущая порыв, который, несомненно, вызовет стоны его отца. — Может, мы договоримся...

Из дальнего конца магазина забытая за музыкой женщина что-то произнесла, подчеркнув свои слова нажатием на три каких-то клавиши.

Брови мужчины взлетели вверх, и он устремил на Хакана яркие зеленые глаза.

— Это?

— Рояль, — сказал ему Хакан. — Ты играешь на рояле?

Но мужчина уже исчез, устремившись в дальнюю часть магазина.

Мужчина определенно умел играть на рояле — или на чем-то настолько похожем на рояль, что особой разницы тут не было. Он потратил несколько секунд на изучение инструмента: поднял брови, обнаружив педали, пробежал пальцами вверх и вниз по клавиатуре, отыскав «до» первой октавы, диссы и бемоли, а потом сыграл

гаммы. Затем его пальцы начали двигаться — как показалось Хакану, почти шутливо — и сыграли звонкую переливчатую мелодию, похожую на игру в прятки прохладным летним вечером.

Потом его руки переместились вверх и вниз по клавиатуре, вызвав к жизни уже не детскую музыку. Женщина, облокотившаяся на крышку рояля, тихо засмеялась и спела строчку на странном отрывистом языке. Мужчина ухмыльнулся и снова зашевелил пальцами, исполнив явное вступление.

Женщина улыбнулась Хакану, выпрямилась и начала петь. Он не шевелился, пока песня не закончилась, а потом бросился в другой конец комнаты за своей гитарой.

Именно за этим их спустя какое-то время и застала Кем Дарниль: Хакан тщательно подбирал мелодию, а рояль изредка его подправлял. Положив книги на прилавок, она бесшумно прошла к трюмке, стараясь не помешать музицированию.

Мужчина за роялем поднял голову и улыбнулся ей.

— Хакан! — негромко произнес он.

— М-м?

Хакан поднял взгляд, увидел кивок мужчины — и повернул голову.

— Кемми!

Он вскочил, согрев ее своей теплой улыбкой. Взяв за руку, он вывел ее вперед.

— Кемми, это Кори и Мири. Кори играет на рояле, а Мири поет. Удивительные вещи — ты ничего подобного не слышала! По крайней мере я никогда ничего подобного не слышал. — Он улыбнулся парочке, сидящей на пуфе за роялем. — А это, — гордо объявил он, — моя невеста.

Кем почувствовала, что краснеет, но сумела улыбнуться незнакомцам. Кори улыбнулся и наклонил голову в странно-чопорном полупоклоне. Мири широко улыбнулась.

— Привет! — сказала Мири.

Услышав ее акцент, Кем удивленно моргнула. Тем не менее они показались ей довольно милыми — и потом, они музыканты...

— Ой, боже! — воскликнула она вдруг, подавшись вперед. — Кори и Мери?

— Кори, — подтвердил мужчина, кивая.

— Мири, — сказала женщина.

— Вас обоих ищет фру Трелу, — сообщила им Кем. — Она ужасно встревожилась — испугалась, что вы потерялись.

Она замялась, вспомнив предостережение фру Трелу о том, что они плохо знают бенский.

Однако женщина — Мири? — повернулась к своему спутнику с выражением комического ужаса.

— Фру Трелу! — воскликнула она. — Плохие мы!

И она с трясущимися плечами спрятала лицо у него на плече.

Кори ухмыльнулся и нежно похлопал ее по спине. А потом он вздохнул, посмотрел на рояль, поднял руку и уронил ее на колено.

— Я не понимаю, — сказал Хакан, переводя взгляд с Кем на двух своих новых друзей.

— Они остановились у фру Трелу, — поспешно объяснила ему Кем. — Помогают ей на ферме. Она привезла их сегодня в город купить зимнюю одежду, а они куда-то забрели. Эта ненормальная Атна Бригсби теперь кричит, что они воры или того хуже.

— Но это же великолепно! — воскликнул Хакан, обращаясь к мужчине. — Кори, послушай меня: у фру Трелу есть рояль! И хороший — в сто раз лучше, чем это барахло, — добавил он, забыв об основных принципах торговли.

Кори сдвинул брови и покачал головой:

— Фру Трелу? Нет рояль, Хакан.

Мири пошевелилась и пробормотала что-то на языке, который резал Кем слух. Кори посмотрел на нее, потом на Хакана.

— Есть место...

Он замолчал и нахмурился. Осторожно подняв руки, он переплел изящные пальцы и продемонстрировал узел Хакану, вопросительно выгнув бровь.

— Заперто? Запертая комната, наверное? — Хакан взглянул на Кем, но та могла только пожать плечами. — Похоже на правду. Это был рояль ее замура, Кори. Он держал его в отдельной комнате. Наверное, она заперла комнату после его смерти. Но она должна разрешить тебе на нем играть. Она — молоток, старая фру Трелу. Ты просто ее спроси, и я уверен...

— Хакан... — Кори поднял руки ладонями наружу, словно желая остановить напор Хакана. — Слишком много слов, Хакан.

— А, ветер, я совсем забыл... — Он снова повернулся к Кем. — А что тебе велено было с ними делать, когда ты их найдешь?

— Предполагалось, что они пойдут в библиотеку. Фру Трелу уже туда направилась — на случай, если они придут раньше нее. А если бы я с ними столкнулась, мне надо было отвести их к ней. — Она хихикнула. — Наверное, считается, что я с ними столкнулась.

— Ну, тогда все просто, — решил Хакан, махая рукой обоим иностранцам. — Идем в библиотеку. Я попрошу фру Трелу вместо тебя, Кори.

— А как же магазин? — спросила Кем, давая себе слово, что ничто на свете не помешает ей увидеть выражение лица Атны Бригсби, когда фру Трелу будут возвращены ее подопечные.

Однако Хакан уже переворачивал на двери табличку, так что вместо «ОТКРЫТО» там стало значиться «ЗАКРЫТО». А потом он достал из кармана ключ.

— Один за всех, — объявил он, картинно приглашая всех выйти из магазина.

— И все за одного, — со смехом договорила Кем.

Хакан запер дверь и повернулся к началу улицы, беря за руки Кем и Мири, как это сделал бы ребенок. Держась за руки и весело смеясь, все четверо бросились бежать.

Лиад Треалла Фантрол

«К данным сведениям доступ ограничен».

Нова очистила экран и ввела второй, более внушительный пароль, да так быстро, что сидевшая рядом с клавиатурой кошка даже моргнуть не успела.

После паузы, длившейся какую-то долю секунды, из информационного центра пришел ответ: «К данным сведениям доступ ограничен».

Нова чертыхнулась — хотя, наверное, не так выразительно, как могла бы.

— Нет доступа для Совета Кланов! Кто посмел?

Ни кошка, ни экран ответа не дали, и после хмурого размышления она снова взялась за клавиатуру.

Новый запрос Центр обрабатывал несколько дольше, но в конце концов буквы начали медленно появляться на экране — казалось, сам компьютер озадачен тем ответом, который вынужден дать.

«Универсальный доступ закрыт. Запрос переадресован на Станцию Джи-лаба. Доступ закрыт».

— Вот как.

Наконец она получила хоть какую-то крупницу.

Она затребовала от центра карту Станций. В этом случае заминки не было вовсе. На экране загорелись переплетающиеся линии и разноцветные ромбы, обозначающие станции первого, второго и третьего ранга.

Нова замерла, глядя на светящееся фиолетовое пятно, которое обозначало станцию в Джелаза Казон. Дом Главы Клана Корвал, где копились все тайные приемы Клана век за веком, от Кантры до Даава...

«Еще не время», — прошептала она, нажимая пиктограмму «Запрос».

«Местоположение Станции Джи-лаба?»

В верхнем левом углу золотой индикатор третьего ранга загорелся ярче и запульсировал.

«Так просто?» Она была лиадийкой и не доверяла простоте. Она была членом Клана Корвал и почуяла ловушку. И все же...

«Подробно», — приказала она, и на ее глазах значок стал расти, а вокруг него развернулась новая карта, на которой возник знакомый контур Солсинтры. Затем оформилось здание, окружившее пульсирующий золотой значок, а в нижней части экрана появилась надпись: «Штаб-квартира разведки».

— Но ведь Вал Кон действительно разведчик, — рассудительно проговорила Антора чуть позже.

— Они от него отреклись! — воскликнула Нова, на секунду прервав свое метание по комнате и повернувшись к сестре. — Они сказали, что он прикомандирован к Департаменту Внутренних Дел! А информация о Департаменте Внутренних Дел закрыта — и для моего пароля, и для Совета Кланов.

— О! — Антора наклонилась над письменным столом и протянула палец, чтобы временный обитатель стола мог его обнюхать. — Добрый день, лорд Мерлин.

Нова проглотила вздох. Ей следовало бы знать, насколько бесполезно начинать такой разговор с Анторой. Но Шан улетел на «Исполнении», и к тому же она лишена едкого ума Пат Рина...

— Если станция расположена в каком-то месте, — спросила Антора, почесывая Мерлина за ушком, — то обязательно ли она принадлежит владельцам этого места?

Нова замерла.

— Нет. Нет, конечно. Но — разведчики...

— Разведчики — не боги, — заметила ее глупенькая младшая сестренка. — Вал Кон говорил, что разведчики много копаются в грязи и часто нарушают обычаи. — Она подняла голову. — Перевести информацию с одного терминала на другой легко. А еще проще спрятать информацию, которую честному потребителю даже искать не придет в голову, а потом ее перебросить так, что никто ничего не заметит. Станция третьего ранга? Кому придет в голову вторгаться в столь малозначительное учреждение? И кто станет искать следы манипулирования?

Эта идея заменила простоту путаницей сотни узлов, обусловив все порядочностью разведчиков Лиад. Она предполагала существование врага гораздо более опасного, нежели незарегистрированная организация, не склонная отвечать на вопросы. Нова села на подлокотник кресла и устремила на сестру изумленные лиловые глаза. Такая теория была привлекательна, да. Очень привлекательна.

— У разведчиков, — продолжила Антора, — нет причин лгать. Если бы наш брат по своему выбору стал экликти — даже если бы он умер! — подобные вещи происходили с членами Клана Корвал и раньше, правда? И Разведка присылала оповещение, как любому другому Клану.

— Истина. — Меланти разведчиков сомнения не вызывали. Скорее можно было бы предположить появление нового и тайного врага, чем думать, будто разведчики могли солгать. — Они говорят то, что знают. Меня тревожит то, что они могут знать не все. А еще сильнее меня тревожит, что глаза этого Департамента Внутренних Дел устремлены на нас, тогда как мы слепы.

Нова закрыла глаза, а Антора принялась чесать Мерлину подбородок, так что в течение нескольких минут в комнате было слышно только его мурлыканье.

А потом Нова стремительно встала, задев сестру и кота, и склонилась над клавиатурой.

— Что делаешь, сестра?

— Кто бы они ни были, у них должны быть деньги. Господин дэа-Гаусс мог бы... Добрый день, Сор Дал. У господина дэа-Гаусса есть время со мной поговорить?

— Сейчас узнаю, Элдема. Секундочку.

И уже в следующее мгновение сигнал ожидания исчез, давая место лицу их немолодого поверенного. Он уважительно наклонил голову:

— Здравствуйте, леди Нова.

— Здравствуйте, господин дэа-Гаусс. С вашей стороны очень любезно оторваться от работы и поговорить со мной.

Она следовала протоколу с хорошо скрытым нетерпением — и даже смогла изобразить сухую улыбку.

— Я всегда к услугам Клана Корвал, ваша милость. Чем я могу быть вам полезен?

«Боги! — подумала Нова. — Что же нам грозит, если господин дэа-Гаусс не тратит времени на церемонии?»

Она сделала жест, в знак того, что принимает истинность сказанного, и посмотрела прямо в усталые темные глаза.

— Мне требуется информация относительно делового предприятия, о котором мы с вами говорили чуть раньше, сударь. О его финансировании и расходах. И она нужна мне срочно.

Усталые глаза остались бесстрастными.

— Со стороны вашей милости очень предусмотрительно проверить все возможные непредвиденные обстоятельства, прежде чем пускать в дело свои ресурсы. Я этим займусь.

— Примите мою благодарность, сударь.

— Род дэа-Гаусс служит Клану Корвал, — хладнокровно ответил он. — Сейчас, как и всегда. С разрешения вашей милости?

— Конечно.

Экран погас.

— Господин дэа-Гаусс встревожен, — проговорила Антора у нее за плечом.

Нова оглянулась:

— Ты читаешь по комм-связи?

Антора удивилась и задумалась:

— Не думаю... Но сейчас мне это и не нужно было. Это очевидно.

И это от женщины, которая еле отличает дождь от солнца! Нова замаялась перед следующим вопросом, и, как это было свойственно Анторе, та прочла его и сразу дала ответ.

— Шанни попросил, чтобы я тебе помогала. Как будто я сама не стала бы, — добавила она, обиженно фыркнув. — И перед отъездом он сказал, что мне следует внимательно следить за... положением вещей и, не колеблясь, высказывать свои мысли. Он говорит, что часто существует несколько разных способов смотреть на что-то, и если я вижу одним или даже двумя способами, это еще не значит, что ты видела теми же способами. Он сказал, что тебе надо видеть как можно больше, чтобы обеспечить безопасность Клана.

— Неужели? Очень ему обязана за заботу.

— Не сердись на Шанни, сестра. Он ведь, знаешь ли, тоже будет искать. И с ним Присцилла. Я научила ее, как видеть Вал Кона. — Ее лоб чуть нахмурился. — Хотя она видит его не очень ясно — и я совсем не уверена в том, что она видит его так же, как его вижу я. И кажется, она при этом устает. Но у нее есть... ощущение... его. И его дамы. Она сможет почувствовать, если «Исполнение» окажется близко от них.

— Вот как? — Нова попыталась успокоить свои сбившиеся мысли. С ней часто случалось такое при разговоре с Анторой, которая принимала подобные способности так же непринужденно, как зрение и слух, хотя даже для того, чтобы говорить об этом, с трудом удавалось подбирать слова. — А ты можешь... видеть... Вал Кона и его даму прямо сейчас? С ними все хорошо?

Антора энергично кивнула.

— Вал Кон сейчас стал более Вал Коном, чем был долгие годы. А его дама очень яркая.

Она говорила с таким явным одобрением, что Нова позволила себе немного успокоиться.

— Я хочу перед прямой прогуляться, — тихо сказала Антора. — Пойдем со мной?

Прогуляться? Когда Вал Кон по-прежнему находится неизвестно где — пусть даже он и «стал более Вал Коном, чем был» — и одним только богам известно, что это должно означать! Может быть, он болел? И о чем она думает, эта его якобы спутница жизни, что так плохо о нем заботится?

— Сестра... — Руки Анторы обвилились вокруг Новы в совершенно неожиданном для той объятии. — С ним все в порядке. Больше того — по-моему, он счастлив. Мы его ищем. Мы делаем все, что можем, прилагая все свои силы. Вал Кон никогда не стал бы

обижаться, что ты позволила себе час удовольствий, когда у тебя не было других дел.

Нова ответно обняла сестру, наслаждаясь ее теплом.

— Да, правда. — Она чуть отстранилась, второй раз за последний час призвав себе на помощь улыбку. — Ну что ж, тогда давай погуляем. Погода действительно неплохая.

Лиад Треалла Фантрол

В доме было слишком пусто.

Нова вздохнула. Находящаяся перед ней информация явно важная — иначе ее на экране не было бы. Господин дэ-Гаусс не имел привычки беспокоить её по пустякам. Но в доме было слишком пусто. По ее приказу губернеры увезли детей в порт, предоставив им полдня отдыха. Антора с близнецами отправилась навестить леди йо-Ланну... Никто не требовал от нее внимания, не было причин принимать решение немедленно. Слова на экране пока не были настолько срочными, чтобы...

Она заморгала: ковер вдруг наполовину потерял синеву. И откуда у нее на столе вон там появился этот крошечный экран, тогда как всего секунду назад она смотрела на большой, янтарного цвета...

— Нет!

Нова попыталась оттолкнуть Воспоминание. Ее тошнило от усилия, необходимого, чтобы отделить знакомую ей комнату от другой, давно исчезнувшей, переделанной и снова переделанной. Но при этом она знала, что все ее усилия бесполезны, если пришло время Помнить. Отвращение на миг потонуло в отчаянии. Отчаяние было вызвано той властью, которую имели над ней прошлые поколения женщин Клана Корвал. Точильщик обратился к ней как к «Той, Кто Помнит». Она предположила — с почти полной уверенностью, — что Вал Кон рассказал о ее «таланте» заново переживать воспоминания тех, кто давно умер. В ней снова поднялось чувство омерзения, и она с силой оттолкнула Воспоминание.

Воспоминание развернулось, давняя комната постепенно стала все более реальной, а комната из «сейчас» померкла.

Нова виновато перебрала свои недавние поступки, гадая, какое из ее собственных решений или действий может быть когда-нибудь навязано какой-нибудь ни о чем не подозревающей девочке или отчаянно сопротивляющейся бабушке...

У нее закружилась голова. Она ухватилась за край стола, а потом решительно выпрямилась и перешла к дивану. Опустившись

на него с несвойственной ей неловкостью, она стала ждать видения, наполовину надеясь, что это будет только фантом, реальный и действительный для всех, кроме ее собственного тела.

Осторожно, пытаясь отстраниться от горечи, отвращения и отчаяния, она сделала глубокий вдох, потом еще один и начала выполнять упражнения по релаксации, которым ее научили Целители...

И оно пришло, обжигая так же сильно, как воспоминание о споре с Шаном.

Юноша-лиадиец с коротко стриженными волосами, какие носили несколько сот лет назад, возражал. Она знала его, до боли хотела уступить его требованиям — и тем не менее отказала.

— Да, Кер Лин, я тебя слышала. Однако мне кажется, что это ты не слышал меня. Сейчас я говорю не как твоя тетка. Я говорю как Делм!

Той частью своего сознания, которая была защищена магией Целителей, Нова вспомнила это имя, вспомнила и гораздо более взрослое лицо из портретной галереи в Джелаза Казон: Кер Лин йос-Фелиум, умерший семьсот двенадцать лет назад.

Его лицо застыло.

— Я слышу, Делм, — проговорил он с любезностью, которая едва прикрывала гнев. — И прошу, чтобы Делм выслушала меня еще раз.

Так что же, в конце концов, происходит? Делмом Кер Лина в тот момент должна была быть старая Ребока йос-Фелиум.

Нове вспомнилась вспышка нетерпения, потом — волна почти звериной любви, а потом она высокомерно дала ему разрешение:

— Ты можешь говорить. Но ты должен сказать что-нибудь новое или иное. Меня начинают утомлять твои «надо»!

Глаза. Боги и демоны, что за глаза у этого юноши! Яркосеребряные, сверкающие, гипнотизирующие. А какая воля!

— Я Видел, что весной стану разведчиком, — проговорил он с довольно убедительным спокойствием. — Я не женюсь до окончания моего третьего задания.

— А я говорю, что ты сделаешь это немедленно! Я увижу, как йос-Фелиум заключит брачный контракт с йо...

— Молчать!

Он взмахнул рукой, и слова застряли у нее в горле. Ее кости сотряслись от мощного приказа, а кровь застыла. Она встала, словно преодолевая сильный порыв ветра, и гневно посмотрела на него — на того, кто станет Делмом... ах да — если проживет достаточно долго!

— Объясни свои поступки! — приказала она, и слова на высоком лиадийском зазвенели ее железной волей. — Оправдай их — или уйди.

Казалось, его лицо вдруг померкло, постарело — и вдруг трансформировалось в лицо ребенка, которым он был недавно, со слезами в уголках глаз. А потом его серебристые глаза стали печальными.

— Если вы настаиваете, — сказал он, и она попыталась убедить себя в том, что слышит в его голосе только гордость неоперившегося юнца. — Я сказал, что Видел то, что будет, а меня учат не предсказывать другим...

— Подумай о меланти этой ситуации, Кер Лин! Мы одни: если бы ты сделал такое при людях, мне пришлось бы немедленно тебя выгнать! Мне необходимо знать.

Он вдруг стал жалким и маленьким, а в следующую секунду — зрелым мужчиной.

— Вы увидите брак по контракту между йос-Фелиумами и йо-Хала, — очень тихо проговорил он. — Ребенок будет отдан йос-Фелиумам, а заключенный таким образом союз будет сохраняться долго — много лет. Я стану разведчиком, а после третьего полета найду себе спутницу жизни. Позже я буду Делмом.

Ренока склонилась перед этим, потому что уже наполовину поверила услышанному.

— А в данном конкретном случае, мой мудрец? Кто заключит контракт с йо-Хала вместо тебя?

— Вы, моя тетка и Делм.

Воспоминание донесло до Новы глубокое изумление — и искру подозрительности.

— Тебе известно, что Тан Эль йо-Ланна получил мое обещание стать его женой при следующем возвращении «Молнии» в порт.

Его глаза стали серебряным льдом. Ей показалось, что она прочла в них жалость, но не позволила себе понять, в чем дело. Она эгоистично заставила его произнести все вслух.

— Скажи мне, Кер Лин.

— Не настаивайте!

В его резком голосе звучал не приказ, а боль. Однако собственная боль сделала ее безжалостной.

— Я требую!

Тогда он поклонился — очень, очень нежно.

— Тетя Ренока, простите меня! — Он помолчал, а потом посмотрел ей прямо в глаза. — У «Молнии» на краю спирали отказал двигатель. Груз был выброшен на орбиту — и, будучи уже Делмом, я получу известия о его местоположении. — Он помолчал и вздохнул. — Попытка заново запустить двигатель закончилась катастрофой. Выжил один только Дан Арт йос-Галан.

Он снова поклонился, вложив в это движение всю свою любовь и заботу, и бесшумно вышел.

— Неправда! — крикнула Ренока гулкой комнатой. — Неправда!

Она вызвала расписание полетов и, запросив информацию о прибытиях, гневно стерла с лица слезы, которые отказывались как униматься, так и становиться обильнее. Серебряные глаза... Она вздохнула и заплакала сильнее.

Оставшись в доме одна, Ренока смотрела на голубой ковер — и ждала. Спустя некоторое время кто-то — не Кер Лин — пришел сообщить ей о том, что Дан Арта Йос-Галана спасли. Когда к ней пришли, она уже была в трауре.

Нова открыла глаза — и увидела свою мебель и янтарный экран. Подняв руку, она сердито вытерла залитое слезами лицо.

К чему она прикоснулась? Какой именно из ее поступков обусловил это Воспоминание?

Она взглянула на сведения на экране: список предложенных союзов и ведущихся переговорах о брачных контрактах. И с недоверчивой ясностью услышала голос Кер Лина: «Не настаивайте!»

Она гневно провела рукой по клавиатуре.

— Дживз! — закричала она в пространство. — Дживз, принеси мне чаю!

Робот появился через три секунды — неуклюжая машина со свитой из трех кошек.

— Чай и общество, мисс Нова, вы уж извините.

Дживз поставил поднос на низкий столик у окна, налил чай в чашку и отступил.

Нова наклонилась и подняла среднюю кошку — жалкую швабру из многоцветных полосок по имени Кифа. Она немедленно заурчала, и Нова зарылась лицом в ее возмутительно, удивительно мягкую шерстку.

— Пусть останутся, — сказала она роботу. — Мне сейчас общество очень нужно.

Лиад Город Энволима

Тиль Фон сиг-Алда сидел в отведенном ему помещении и хмуро смотрел на график, висящий у него над столом. Несколько специалистов в один голос заявили, что из аккумуляторов испорченного корабля, в котором бросили Йос-Фелиума и его бабу, можно было выжать один прыжок, при условии, что человек имеет нужные знания и желание. Компьютер принял его мнение за факт и построил картину прыжков, которые были оттуда доступны.

По имеющимся сведениям, Вал Кон Йос-Фелиум обладал волей и широкими познаниями, происходя из Клана, который пре-

выше всего ценил корабли и связанную с ними мудрость. Можно было с большой вероятностью предположить, что он потребовал от усталых аккумуляторов одного последнего усилия — и получил его. Тогда он уже находится на какой-то планете, уклоняясь от отчета или мужественно пытаясь добраться до дома.

Та баба... Он помусолил пальцами доклад, который недавно получил из нескольких в высшей степени конфиденциальных источников. Бабу можно было в расчет не принимать: просто наемница-землянка, не имеющая ни образования, ни умений — если не считать умения владеть оружием. Конечно, ей удалось выжить на Кламаса — но верно и то, что много месяцев после этого ей пришлось проводить реабилитационное лечение, чтобы избавиться от зависимости от наркотика под названием летакронаксин — или, как его называли многие земляне, «облака». Это вещество было родственником состава, которым пользовались в Департаменте, чтобы вызывать стопроцентную стимуляцию памяти у агентов.

Воздействие «облака», однако, заключалось в подавлении памяти. Сиг-Алда почувствовал тень отвращения. Эта баба — просто животное: убийца с пристрастием к наркотику, который стирает вчерашние дни из памяти, едва успеешь их прожить. Как могло случиться, что Вал Кон Йос-Фелиум путешествует с подобным существом?

Если она — инструмент... Он просчитал варианты, сознательно вводя нужные сведения из досье Йос-Фелиума и данных, полученных во время собственного обучения.

0,8.

Значит, вполне в пределах вероятного, что та баба — просто подручное средство, которым управляют за счет зависимости от наркотика и от того, кто ей этот наркотик поставляет.

Итак: задание на Лафките выполнено вполне удачно, но что-то неясное произошло между моментом его завершения и моментом, когда Вал Кону Йос-Фелиуму следовало попасть на транспорт, предназначенный для доставки его домой. В какой-то момент после выполнения задания и до начала перестрелки с полицией Лафкита и местным отделением Хунтавас (факт, которой подтверждается несколькими популярными газетами с Лафкита) Вал Кон Йос-Фелиум заручился услугами Мири Робертсон, бывшего солдата-наемника и безработного телохранителя.

Скажем, Йос-Фелиум заметил, что ситуация ухудшается. И далее предположим, что он понимал существование физической потребности в сне. Случай предоставил ему существо, хорошо знакомое с охраной и умеющее пользоваться оружием. И решение сработало — обстоятельства об этом свидетельствуют.

Поскольку это решение оказалось таким удачным в одном случае и, может быть, не зная определенно, что ждет его впереди, Йос-

Фелиум взял ту бабу на борт корабля Стаи. Она по-варварски умелая и даже ему предана (он, конечно, позаботился о том, чтобы заранее запастись летаक्रонаксионом).

Сиг-Алда еще раз просчитал вероятность такого развития событий.

0,8.

Неплохо. Баба — всего лишь инструмент в руках йос-Фелиума, предоставленный случайностью, отточенный необходимостью. Было бы глупо ожидать чего-то иного. В конце концов, для чего еще хорошо подготовленному агенту может понадобиться землянка?

Сочтя цепочку умозаключений достаточно убедительной, сиг-Алда притянул к себе клавиатуру и начал наносить на звездную схему координаты планет, куда мог отправиться йос-Фелиум. Некоторые из этих миров были Запретными. Однако обязанности разведчиков заводят их на самые неожиданные орбиты, в том числе и к Запретным мирам. Стоит просмотреть отчеты разведки относительно всех этих планет и только потом строить дальнейшие планы.

Вандар Ферма «Дуновение весны»

Фру Трелу оставила своих постояльцев убираться после ужина, а сама пошла по коридору, крепко зажав в кулаке ключ. Задним числом она решила, что, возможно, ошиблась. Скоро явится этот мальчишка Мельтц настраивать рояль Джерри — она сама ему это разрешила. Только теперь она вовсе не уверена в том, что готова пойти на это.

Она остановилась у двери, переводя взгляд со скважины на ключ. Она пыталась убедить себя, что три года — это большой срок, что, может быть, спустя столько времени ключ уже не сможет открыть замок...

Не приняв решения, она возилась с ключом — а потом резко покачала головой и сжала кулак. Ес рука потянулась обратно к карману фартука.

Позади нее раздался какой-то шум.

Она резко обернулась — и увидела Мери: огромные серые глаза на остреньком личике, нерешительно протянутая рука.

— Фру Трелу, пожалуйста! Кори играть, да.

Это было сказано самым мягким тоном, но старуха уцепилась за искру раздражения, зароненную этими словами, и использовала ее жар, чтобы прогнать леденящую нерешительность.

— С какого это ветра он будет играть? — спросила она. Она понимала, что ведет себя неразумно, но ей было все равно. Потерю пережила она, и с чего вдруг эта... эта девчонка, рядом с которой стоит здоровый муж... позволяет себе судить... — Предполагалось, что вы двое будете на меня работать, а не захватывать мой дом! Еще будут меня учить, что я должна делать! Это рояль Джерри! К нему никто, кроме него, не прикасался. НИКТО! А теперь я должна подарить его какому-то... иностранцу, которого до прошлой недели и в глаза не видела? С чего бы это? Да вы оба небось только и думаете, как меня обобрать...

— Нет! — Страстный голос девушки прервал поток глупостей. — Хороший Кори! Терпеливый Кори! Много работать — чинить — помогать. Помогать тебе. Помогать мне. Кто помогать Кори? — Она раскинула руки в стороны, и фру Трелу увидела в серых глазах слезы. — Фру Трелу. Пожалуйста!!! Кори играть — да.

«И зачем, — подумала вдруг протрезвевшая старуха, — мертвецу рояль?» Она закрыла глаза и вдруг почувствовала, что сама вот-вот расплчется. Джеррел Трелу был человеком добрым — и в доме его фру никто не будет голодать без музыки.

Она медленно разжала пальцы, сжимавшие ключ, повернулась обратно к двери, секунду повозилась с замком, а потом повернула ручку и широко распахнула дверь.

— Спасибо, фру Трелу, — прошептала у нее за спиной Мери. Но когда фру Трелу обернулась, девушки там уже не оказалось.

Рояль отчаянно нуждался в настройке. Хакан был очень осторожен. Кори стоял у него за спиной и пристально наблюдал за всеми его действиями. На двойном кресле справа от инструмента Мири и Кем склонились над какой-то книгой. До Хакана изредка доносился спокойный голос Кем: похоже, она учила Мири алфавиту.

Фру Трелу сидела в простом кресле по другую сторону от лампы, делая вид, будто читает. Однако Кори, который время от времени поглядывал на нее из-под длинных ресниц, решил, что она еще ни разу не перевернула страницу.

Когда рояль был наконец настроен, Хакан закрыл крышку и с ухмылкой пригласил Кори сесть за клавиатуру. Однако худой мужчина помедлил, а потом бесшумно отошел и остановился перед старухой с ее книгой.

— Фру Трелу, — тихо позвал он, и она подняла голову и нахмурилась.

Медленно, торжественно, по всем правилам, он адресовал ей поклон человека, признающего себя в неоплатном долгу.

— Спасибо, фру Трелу. Очень.

Она хмыкнула:

— Только смотри, чтобы я не поймала тебя на том, что ты уходишь играть, вместо того чтобы работать. Работа прежде всего.

— Да, фру Трелу. — Он улыбнулся. — Я буду работать.

Она снова хмыкнула, чувствуя на себе взгляд трех пар молодых глаз.

— Ну, так чего ты ждешь? Ведь это ты рвался играть. — Она махнула рукой в сторону инструмента. — Вот и играй.

Он ухмыльнулся и, вернувшись к роялю, сел на пух и пробегал пальцами по клавишам. А потом он начал играть, просто и без украшений, главную тему той пьесы, которую три дня назад играл на своей гитаре Хакан.

Хакан радостно вскрикнул и схватился за гитару, вплетая в мелодию минорный аккомпанемент.

Кем и Мири в двойном кресле отложили книгу и стали слушать. Завороженная фру Трелу застыла в своем кресле.

Как это обычно бывает в таких случаях, одна песня притянула за собой другую. В какой-то момент принесли и открыли бутылку вина, и как бывает в ТАКИХ случаях, оно слишком быстро кончилось. Немного позже фру Трелу зевнула, попрощалась и пошла наверх к себе в спальню, отдохнувшись от Кем и Мери, которые предложили ее проводить.

Ее уход заставил Хакана вспомнить о времени. Они с Кем потеплее закутались, заручились у своих новых друзей обещанием прийти пообедать вечером в марин. Хакан обещал за ними заехать.

Когда задние огни машины Хакана наконец скрылись из виду, Мири со вздохом привалилась к стоявшему позади нее Вал Кону:

— Босс, кажется, я напилась.

Она услышала его негромкий смех и почувствовала, как сжались руки, лежавшие у нее на плечах.

— Боюсь, что я тоже напился, шатрез.

— Пара пьянчуг, — заключила она, поворачиваясь, чтобы ему улыбнуться. — Кому-то одному положено остаться трезвым, чтобы оттащить другого наверх и уложить в постель. Как быть теперь?

Он сделал вид, будто задумался над ее вопросом, а потом обхватил за талию и увел в дом.

— Полагаю, — сказал он, очень осторожно запирая дверь, — что тогда нам придется тащить друг друга.

— Ладно, — согласилась Мири, тоже обнимая его за талию.

Привалившись друг к другу, они добрались до своей спальни без всяких происшествий.

Еще не рассвело, когда Вал Кон проснулся. Он не открывал глаз, ощущая, как Мири тесно прижалась к нему, положив одну

руку ему на плечо, а другую — на грудь. Сначала он ощутил уютное тепло, а потом услышал песню.

Хотя слово «услышал» было не совсем правильным. Как и слово «песня». Не открывая глаз, он осторожно поискал песню, которая была слышна только в его сознании, и нашел ее. Это была непревзойденно яркая и теплая мелодия, которая беззаботно пелась сама себе и очень напоминала наитие.

Он какое-то время наблюдал за ней, вспоминая древние предания, почти не сомневаясь в том, что это такое, — и в нем росла радость.

«Боги сделали тебе подарок», — тихо сказал он себе.

И та часть его сознания, которая принадлежала Клану Корвал, ответила: «Давно пора. Боги у тебя в большом долгу».

«Жива и здорова, — песня, которая не была песней, звучала из залитого радостью уголка его Я. — Мири жива. Мири здорова».

На секунду в нем проснулся страх: он вспомнил, каким человеком стал теперь. Но потом он сказал себе, что в спутнице его жизни незаметно было никаких магических способностей, так что, наверное, она не сможет его услышать. И страх был изгнан.

Вал Кон слегка повернулся в предрассветной темноте, обняв лежавшую рядом с ним женщину и уткнувшись лицом в облако ее волос. Ощущая тепло внутри и снаружи, он снова погрузился в сон.

Вандар Ферма «Дуновение весны»

Вал Кон сидел за роялем, позволив своим пальцам бездумно бродить по клавишам. Из коридора до него доносились звуки включенного фру Трелу радио, где-то поблизости постанывал и возился Боррил. Попробуя угадать, где сейчас может быть Мири, он на долю секунды сосредоточился на песне о ней и ее радостном послании: «Жива и здорова, жива-и-здоровая»...

Раздвинув губы в улыбке, Вал Кон снова вернулся к нотам, которые он играл, зацепившись слухом за три, напомнившие ему пьесу, над которой они с Хаканом работали накануне вечером. Покачив головой, он непринужденно пробежал по песне, а потом вернулся к началу и сыграл ее уже всерьез.

«Изволь заниматься, — с шутиливой строгостью сказал он себе. — Если Хакану удастся найти для нас двоих работу исполнителей, ты должен быть готов и в форме».

Он не был уверен в том, что такая работа им достанется, но Хакан больше ни о чем и говорить не мог. Похоже, приближалась

какая-то ярмарка, и надежды Хакана возлагались на то, что они вдвоем смогут выступить в одном из выставочных павильонов. Плата, по мнению Хакана, была просто смешная (более того, он предложил, чтобы Кори взял все деньги себе, поскольку фру Трелу не считала нужным снабжать своих подопечных карманными деньгами). Но надо было понимать так, что единственной целью выступления — если не считать самой музыки — было показать себя. Хакан считал, что на Зимней ярмарке в Джилле бывает весь свет.

Какой-то беззвучный сигнал оторвал его от этих размышлений. Подняв глаза, он увидел неуверенно остановившуюся в дверях Мири. Замедлив бег пальцев по клавишам, он ей улыбнулся:

— Привет, Мири.

— Привет. — Ее ответная улыбка была виноватой. — Я не хотела тебе мешать. Забыла здесь книгу.

— Ты мне не помешала, — сказал он, любуясь, как грациозно она идет по комнате.

В последнее время она стала оставлять волосы распущенными, что, как он обнаружил, очень ему нравилось. Похоже было, что для них обоих этот мир — этот дом — стали убежищем.

Мири нашла свою книгу и собралась уходить.

— Ты можешь остаться, — предложил он ей, втайне желая именно этого. — Если моя игра тебе не мешает.

Она широко улыбнулась:

— Не-а. Это я боялась помешать тебе.

— Ты мне не мешаешь, — мягко повторил он. — Мне будет приятно, если ты останешься.

— Я предпочту слушать твою игру, чем радиоистории фру Трелу, — отозвалась она, свернулась в двойном кресле и открыла книгу.

— Высшая похвала, — пробормотал он и ухмыльнулся, услышав ее смех.

Его пальцы легли на клавиши, и он снова начал играть.

Вал Кон переходил от пьесы к пьесе, повторив все одиннадцать вещей, составлявших их скудный репертуар. Все его внимание было поглощено музыкой, хотя время от времени он улавливал легкий шелест переворачиваемых Мири страниц.

Последняя из одиннадцати оказалась сложной штукой: требовалось извлекать из клавиатуры резко обрывававшиеся трели. Кроме того, неровная лестница неподходящих друг к другу звуков поднималась к немыслимому крещендо. Такая фраза достаточно плохо звучала бы и на омнихоре, однако какой-то ненормальный творец решил, что она годится для такого неуклюжего инструмента как рояль...

Досадливо вздохнув из-за того, что ему снова не удалось реализовать потенциал сложной фразы, Вал Кон поднял голову и увидел свернувшуюся в кресле Мири. Ее голова склонялась над книгой, свет от лампы падал на роскошные рыжие волосы.

Его пальцы самовольно пробежали по клавишам, построив похожую на смех фразу — словно что-то прекрасное и неприрученное, увиденное лишь мельком, готовое вспорхнуть и улететь. Вторая рука переместилась ниже и нашла другой мотив — силы, верности и удивительной отваги. Две мелодии слились, превратились в одну, ненадолго разошлись и снова встретились, дополняя друг друга и составляя единое целое. Слишком быстро его пальцы завершили мелодию, и он снова поднял взгляд, заметив, что стал играть намного громче.

Мири улыбалась.

— Славная мелодия, — сказала она. — Что это было?

Он ответил улыбкой на ее улыбку.

— Ты.

— Я?!

Мири не скрыла недоверчивого удивления.

— Конечно, ты, — спокойно подтвердил он. — Вот послушай.

Он снова поднял руки, сыграв прихрамывающую старую фразу, усталую, но не немощную, предсказуемую и упрямую.

— Фру Трелу, — пробормотал он, заметив, что Мири встала с кресла и подошла ближе.

Снова сдвинув руки, он изобразил подсакивающий задиристый басовый мотив, и Мири, расхохотавшись, воскликнула:

— Боррил!

— Он самый, — отозвался Вал Кон, ухмыляясь.

Игра его увлекла. Боги, сколько лет он не позволял себе такого дурчества!

Пальцы снова прикоснулись к клавишам, и Мири кивнула:

— Кем.

— Опять правильно, — сказал он и подвинулся на пуфе, чтобы она смогла устроиться рядом с ним. Перенеся руки на верхнюю часть клавиатуры, он исполнил хаотический набор высоких аккордов, в которых беспорядочно смешались диезы и бемоли. — И Хакан, конечно...

Она рассмеялась и присела на край пуфа — словно старалась до него не дотрагиваться.

Вал Кон чуть склонил голову и начал гулкую мелодию, сопровождая ее не совсем гармоничным аккомпанементом, который время от времени перемежался торопливой россыпью высоких звуков.

— Точильщик, — сказала Мири, и он кивнул.

У нее был превосходный слух: он перебрал немногочисленный список их общих знакомых, и Мири безошибочно назвала каждого, хотя одна характеристика заставила ее расхохотаться и запротестовать:

— Ой, нет! Бедный Джейсон!

Вал Кон снова переместил руки и построил надежно уравновешенную мелодию с бескомпромиссным как камень аккомпанементом, вот только... Мири не ошиблась, услышав едва заметный смехок? Или намек на раскованность? Если они и существовали, то это был лишь призрак. Пальцы Вал Кона остановились, и последняя нота отзвучала. Мири покачала головой:

— Тут ты меня поймал. По-моему, я с ним не знакома.

— С ней, — поправил он. — Это моя сестра Нова.

— Очень приятно, — проговорила Мири без особого энтузиазма. — Надеюсь, что мне не случится ее разозлить.

Он тихо рассмеялся и заиграл новую мелодию, на этот раз нежную, непринужденную, почти нелепо добродушную — пока не расслышишь скрытую под поверхностью сталь, острую, как клинок.

— Шан, — проговорил он, а потом снова вернул пальцы на клавиши.

Новая мелодия была похожа на сверканье темных снежинок, на секунду выхваченных вспышкой молнии, или на котят, которые только что проснулись и гоняются друг за другом.

— Антора, — сказал он.

Чуть отодвинувшись от рояля, он кивнул.

— Клан Корвал, — сказал он Мири и протянул руки, чтобы закрыть клавиатуру.

Рука Мири легла ему на рукав, заставив остановиться.

— Кого-то там не хватало, правда?

Он вопросительно выгнул бровь.

— Вал Кона? — предположила Мири. — Я вроде слышала, что он — Второй представитель.

— Ну что ж, — уступил он. — Вал Кон.

Его пальцы легли на клавиши и сыграли быструю череду звуков в среднем диапазоне, которые были всего лишь эхом его негромкого голоса. А потом он снял руки с клавиатуры и осторожно закрыл крышку.

— Ага, — сказала Мири.

Он повернулся к ней — и заметил, как напряжены мышцы вокруг ее глаз.

— Шатрез! Что случилось?

Она нахмурилась и едва заметно передернула плечами, словно сбрасывая с них проблему.

— Я... Наверное, это глупо. Просто мне показалось, будто ты пытаешься от меня... спрятаться, что ли.

— Правда? — Он повернулся на пуфе так, чтобы смотреть ей прямо в лицо. — Я твой друг. И твой напарник. И твой спутник жизни. Я тебе неприятен, Мири?

— Неприятен? — Она явно удивилась, а потом резко поменяла позу, усевшись на пуф верхом лицом к Вал Кону.

Выражение ее лица было совершенно открытым, так что он прочел ее ответ прежде, чем она произнесла его вслух.

— Я люблю тебя так сильно — до боли. Так сильно, что стараюсь об этом не думать, потому что мне страшно.

Она стиснула зубы.

Он осторожно протянул руку и нежно погладил по щеке.

— Такой щедрый подарок, шатрез, для человека, которого ты не знаешь. — Он склонил голову. — И ты ведь знала меня достаточно хорошо, чтобы вступить перед фру Трелу, чтобы она разрешила мне играть на рояле.

— Откуда ты узнал?

Мири смотрела на него с подозрением. Он снова погладил ее по щеке, потом провел пальцами по изгибам бровей.

— Фру Трелу сказала мне об этом, чтобы я хорошо понимал, как сильно меня любят. — Его пальцы скользнули по ее скуле. — Ты так прекрасна...

В его голосе слышна была боль изумления.

Она осторожно убрала у него со лба непослушную прядь волос.

— Вал Кон? — В полном молчании она всмотрелась в его лицо и глаза. Ему показалось, что она заглядывает в самую глубину его души, — и, испугавшись, он затаил дыхание. — Ты меня любишь, — проговорила она наконец очень тихо, словно это открытие было для нее новым.

— Мири, — проговорил он, перейдя на самый интимный вариант низкого лиадийского и почти выпевая мелодичные слова, — ты моя мудрость и мой смех, песнь моего сердца, мой дом. Мой самый близкий друг, жена и любовь...

Мири его не понимала: эти слова ничего для нее не значили, хотя он заметил, как она прослеживает песню его голоса. Он почти резко вскинул руки и погрузил пальцы в ее волосы, удерживая ее голову так, чтобы смотреть глаза в глаза. Сознательно сохраняя интонацию разговора с близкими, он стал искать безнадежно беспомощные земные слова.

— Я люблю тебя, Мири. Ты — моя радость.

Отпустив ее, он отодвинулся — и почувствовал вспышку сильнейшей радости, когда она взяла его за руку.

— Спутники жизни — это значит именно то самое? — спросила она, слегка ему улыбаясь.

Он приподнял бровь:

— А что еще это могло значить?

— Просто проверяю. — Она встала и потянула его за собой. — Давай ложиться. Спорим, сейчас уже за полночь.

«Исполнение долга»

— Присцилла, — спросила Лина с прямою, на которую ей давала право давняя дружба, — разумно ли это?

Та на секунду перестала расстегивать пряжку ремня и удивленно подняла брови.

— Это необходимо, — сказала она и спокойно отложила ремень в сторону.

Лина подавила вздох. Считая этот безумный шаг необходимым, Присцилла его сделает, согласится подруга ее страховать или нет.

— Может, это можно отложить, — осмелилась предложить она, глядя, как Присцилла снимает брюки и аккуратно складывает их поверх рубашки, — до тех пор, пока Шан не вернется на корабль? Он ведь будет торговать только до местного заката, Присцилла. Ведь это же не настолько...

Лина с самого начала заподозрила, что это предприятие не встретило одобрения у Шана Йос-Галана — что не обещало ничего хорошего Лине Фаалдом, если ей придется найти его, чтобы сообщить: «Мой старый друг, твое сердце ускользнуло у меня на глазах, и сделала она это так, что Целитель не в состоянии последовать за ней и найти ее...»

Присцилла улеглась на кровать и улыбнулась подруге:

— Мне не грозит никакая опасность, Лина. Ведь ты же будешь со мной!

Хрупкая женщина рассмеялась:

— Да, безусловно! Мышь будет охранять льва.

Присцилла кивнула, оставшись совершенно серьезной.

— Кто же лучше с этим справится? Ты будешь внимательно наблюдать и не бросишься навстречу опасности, как это мог бы сделать другой лев. И останешься целой и невредимой и сможешь помочь. — Она снова улыбнулась, очень нежно. — Мудрая Лина.

— Ха! — Лина отмахнулась от лестной похвалы. — Ну, уж если это необходимо, то делай — и побыстрее.

— Да. Ты помнишь Слова, которые я тебе дала?

— Конечно.

Если у Лины появятся подозрения, что дело оборачивается плохо, ей велено было крикнуть слова: «Присцилла! Присцилла, иди домой!» Присцилла назвала их «словами сердца» и пообещала, что услышит их и вернется, каким бы большим ни было расстояние.

«Да, драмлизы способны на чудеса», — подумала Лина, запечатлевая в памяти слова сердца.

Лежащая рядом с ней Присцилла стала дышать медленнее и глубже, жилка у нее на шее пульсировала тревожно медленно. Взгляд Целительницы сообщил ей, что Присцилла Мендоса уходит

в себя — настолько глубоко, что это должно было быть заметно даже на обычный взгляд.

И внутренним взором Лина увидела, как странно плотная аура поднялась над спящим телом, а потом еще выше, к потолку каюты, оставляя за собой одну нить не тоньше шелковинки. Продолжая подниматься, аура прошла сквозь потолок и исчезла из поля зрения Лины.

Отключиться от шума галактики оказалось легче, чем в прошлый раз. Искомый образ явился, как только удалось найти его ауру, сияющую среди огоньков поменьше наподобие сверхновой звезды в окружении обычных.

Присцилла приближалась медленно, памятуя тот урок, который получила в прошлый раз из-за своей спешки. Не поддающееся измерению время ушло на то, чтобы преодолеть расстояние, которое одновременно показалось ей и очень большим — и всего лишь поворотом, который делаешь в постели, чтобы обнять лежащего рядом.

Внезапно она оказалась очень близко, осторожно открыла тропу от себя к нему — и чуть было не отпрянула.

Храмовое воспитание спасло ее от этой ошибки; необходимость заставила снова приблизиться и рассмотреть то, что там было.

Стены. Паренек, которого она знала, не окружал себя такими бастонами и валами, хоть и умел закрываться. Но и при всем том, несмотря на то, что он бодрствует, она была вооружена волей и Взглядом и должна была бы найти крошечные щели, чтобы проникнуть сквозь его защиту и оставить зерно мысли, что прорастет после догадкой и сном и найдет дорогу в сознание.

В неуверенности она сравнила искомое с найденным, решив было, что в своей поспешности совершила ошибку — но нет! Такого точного совпадения быть просто не могло, закрывался он или нет. И ведьминский взгляд позволил Присцилле увидеть едва заметный намек на страстность, которая прежде щедро из него истекла. Она по-прежнему пылала, но далеко в глубине, словно ритуальный костер в цитадели.

«Вал Кон!» Она с силой швырнула его имя, надеясь создать трещину в этих стенах. Возможно, он даже ее узнает!

Он ее услышал — в этом сомнений быть не могло, но стены остались нерушимыми. Присцилла уже готова была отступить, признав свое поражение, — и тут ее ведьминское зрение показало ей мостик.

Крепкое сооружение, построенное не столько умело, сколько честно, уходящее в самое сердце того окруженного крепкими стенами строения, которым почему-то стал Вал Кон йос-Фелиум. А вот второй его конец уходил... куда?

Присцилла осторожно прошла вдоль мостика, дивясь его гибкости и прочности, а потом нашла его источник и снова изумилась.

Аура сияла, жизненная страсть выбивалась отовсюду, хотя сознание в этот момент было отключено. Присцилла присмотрелась внимательнее и нашла сердцевину той, что спала за легкими запертыми дверями, тогда как все остальное оставалось открытым для всех, обладающих Зрением. Она ощутила затаенное сияние, которое могло говорить о ведьминском чувстве. Мост указывал на талант, хотя и видно было, что его строитель не обучен. Если бы Присцилла находилась в теле, она улыбнулась бы. Она нашла спутницу жизни Вал Кона — и подходящий приемник для своего послания.

Постаравшись не потревожить сна незнакомки и не поколебать моста, Присцилла поместила зерно мысли в ауру спящей и чуть отстранилась, наблюдая за результатом. Только убедившись в том, что ее действие не потревожило ни спящую, ни бодрствующего, она покинула их, чтобы вернуться по путеводной нити домой.

Вандар Ферма «Дуновение весны»

Вал Кон встал с постели и бесшумно оделся. Он несколько секунд постоял над Мири, изучая ее лицо в ярком свете луны, почему-то непомерно обрадовавшись слабой довольной улыбке, оставшейся на ее губах. А потом он бережно укрыл ее, едва прикоснувшись кончиками пальцев к медному шелку ее волос, повернулся и тенью выскользнул в коридор.

Внизу он на секунду задержался, решил не трогать рояль и вышел на кухню, где Боррил застонал, но не проснулся, пока он снимал с вешалки куртку.

За сарайчиком для скаппинов он снова остановился. Дыхание превращалось на морозе в белое облачко. Его переполняла энергия, залившая тело от макушки до ступней, — возбуждение, вызванное музыкой в купе с любовными ласками и ощущением того, что тебя любят. Он приподнялся на цыпочки и поднял руки к редким звездам. В эту ночь — в эту ночь он способен был полететь.

Или почти что. Почти воспарив к небу, он опустил руки и остановился, молча глядя в небо и думая о корабле.

Он по собственной воле доставил неразрешенную технику на Запретный мир и оставил почти без укрытия всего в трех милях от населенного пункта. Хотя корабль сломан и разграблен — даже аварийный маячок не работает, — его следовало вернуть на орбиту и в забвение в ту же секунду, как они благополучно приземлились, и не пытаться успокоить совесть разведчика соображениями необходимости.

У него нет средств, чтобы починить корабль, нет предложения для того, чтобы оставить его на планете. Просто ему не хочется лишаться такого ресурса, пусть даже разум говорит, что воспользоваться им невозможно. С самого начала — от Кантры и дальше — Клан Корвал сохранял доставшиеся ему корабли. Тридцать одно поколение Йос-Фелиумов руководило Кланом, собирая корабли везде, где можно, повинаясь завету Кантры. И на долю Вал Кона, наследника по прямой линии, седьмого обладателя этого имени, выпала обязанность отправить корабль на верную гибель и признаться самому себе, что он и его спутница жизни застряли на Запретном мире, отлучены от Клана и, возможно, здесь и умрут.

Его охватила тоска по дому — внезапная и острая. Он вспомнил библиотеку в Джелаза Казон, длинные ряды дневников в одинаковых переплетках. Еще живет он вспомнил кабинет дяди Эр Тома в Треалла Фантрол: как дядя сидел за своим столом, склонившись над какой-то работой, и как блестели в отблесках ароматного пламени его светлые волосы. Он вспомнил собственные комнаты, серого Мерлина, разлегшегося на подоконнике, моргающего желтыми глазами на полуденное солнце. Как смеется и что-то говорит Шан, как серьезно Нова. Антора, Пади, Пат Рин...

В предрассветных сумерках он услышал звук — словно кто-то невыразимо далеко позвал его по имени. Он стремительно повернулся, напрягая все чувства, — услышал, как эхо оклика замерло вдали. И больше ничего.

Спустя несколько минут он повернул обратно к дому, неся под сердцем воспоминания о родине, словно тупую боль.

Мири проснулась, как только Вал Кон открыл дверь. Она широко ему улыбнулась и с явным наслаждением потянулась:

— Доброе утро!

— Доброе утро, шатрез. — Он осторожно присел на край кровати и протянул ей кружку. — Хочешь чаю?

— Почему бы и нет? — Она села, опираясь спиной на подушки, и взяла кружку. Одеяло сползло с нежной груди. — М-м... Славно, — сказала она, сделав глоток. — И спасибо.

— Пожалуйста.

— Угу. Ты сегодня рано встал.

— Немного перебрал музыки. — Он улыбнулся. — Даже не смотря на то, что было потом, мне достаточно оказалось немного подремать.

Она рассмеялась, покачав головой и спрятав грудь за занавесью волос.

— А я-то решила, что тебя утомила! — Тут выражение ее лица резко изменилось, и она отпила еще чаю. — Видела сон, босс.

— Вот как? — пробормотал он, наблюдая за ней из-под длинных ресниц. — Расскажи мне.

— Самое странное, — медленно проговорила она, — что все было такое правдоподобное, словно я знакома с этими людьми. Словно мы... родня.

— Сны бывают очень странные, — сказал он спустя несколько секунд, видя, что она не знает, как продолжать. — Может, это были люди, которых ты уже когда-то раньше видела, но только мелчком.

— Не-а, — неуверенно возразила она. А потом уже с полной уверенностью повторила: — Нет. Я бы запомнила такую пару, какой бы короткой ни была наша встреча. — Она закрыла глаза, сосредоточенно сдвинув брови. — Они стояли... похоже, на мостике корабля, но только очень большого. Рядом, плечом к плечу. Она немного выше его — черные волосы, кудрявые, черные глаза и белая кожа. Прекрасная, босс, — иначе ее не назовешь. А он — белые волосы, но не старый. Светлые глаза, смуглая кожа, крупные руки... Держит рюмку вина, на пальце фиолетовое кольцо... Они сказали... — Ее брови удивленно дернулись. Вал Кон смотрел на нее, затаив дыхание. — Кто-то сказал: «Мы вас ищем. Помогите нам». — Она вздохнула. — Чертовски жизненно.

— Присцилла! — выдохнул он.

Мири распахнула глаза:

— Что?

— Люди, которых ты описала, — с трудом выговорил он, борясь с надеждой и страхом. — Беловолосый мужчина — это мой брат Шан, а женщина — Присцилла Мендоса, которая... э... она, скажем, первый помощник... на «Исполнении долга», а мой брат — его капитан.

Наступило секундное молчание, а потом она осторожно спросила:

— Вал Кон?

— Да?

— Как твоя родня попала ко мне в голову?

Он помедлил, а потом взял ее за руку.

— Присцилла — драмлиза. То есть она волшебница, Мири. Я... на улице мне показалось, будто меня кто-то окликнул, но... Возможно, она не в состоянии передать послание в бодрствующий разум, поэтому она выбрала разум моей спутницы жизни.

— Угу, но откуда она об этом узнала, босс?

Он ответил беспомощным взглядом:

— Мири, я-то не драмлиз. Откуда мне знать?

— И правда. — Она погладила его по щеке и убрала прядь волос с его лба. — Все в порядке, босс, честно. — Пальцы у нее дрожали. — Почему мы испугались?

— Они нас ищут, — прошептал он. — Им будет угрожать опасность. Департамент Внутренних Дел... Боги, мой Клан!..

А корабль неисправен, неисправен...

Мири показалось, будто он прошептал: «Нам надо сегодня же лететь на Лиад. Или предупредить их, чтобы они ничего не предпринимали».

Мири изумленно уставилась на него. А потом, с трудом продираясь сквозь пути страха, боли и вины, она отставила кружку в сторону, обхватила Вал Кона обеими руками и крепко прижала к себе.

Шалтрен Цессили

Горм Трогар стоял перед звездной картой, рассеянно прикасаясь то к одному драгоценному камню, то к другому: бриллиант Шалтрена, никен Талиты, топаз Форунера, розелла Джелбена. Это была роскошная карта: на ней были обозначены все миры, которые склонились перед мощью Хунтавас — перед словом Горма Трогара. Каждый был обозначен драгоценным камнем, производимым на этом мире — камень служил данью директору.

Он вытянул толстый палец и снова дотронулся до сверкающего сине-золотого никена, а потом, нахмурившись, убрал его: из переговорного устройства зазвучал мелодичный голос его секретарши:

— Господин директор?

— В чем дело? — рявкнул он.

— Извините, что я вас беспокою, сэр, — робко проговорила она. — Но вас хотят видеть две... э-э... личности. Они говорят, что их дело не терпит отлагательства. Я... они не записаны на прием, сэр, но сказали, что будут ждать.

— Вот как? — Он уставился на кнопку переговорного устройства, светившуюся в мрачном кабинете ярким красным огоньком. — Но мы ведь не настолько невежливы, правда? Пожалуйста, проводи этих... личностей... ко мне.

Наступило молчание, а потом она придушенно ответила:

— Да, сэр.

Горм Трогар усмехнулся и вернулся к себе за стол.

Горм Трогар хмуро смотрел на две огромные фигуры, стоявшие перед ним, несмотря на то, что знал: в отличие от многих, они способны разглядеть его лицо даже в полумраке его кабинета. Эта уверенность щекотала ему нервы, придавая новые оттенки игре, которая давно стала предсказуемой.

— Разведчик, древние? — переспросил он. — О Мири Робертсон я знаю. У меня есть большая потребность с ней поговорить.

Признаюсь, что видеть ее мертвой мне не так важно. Хотя и этого будет достаточно. А вот относительно разведчика, — задумчиво признался он, — и угроз, высказанных в адрес некоего другого члена вашего Клана, я в полном неведении. Я внимательно расследую этот вопрос и обещаю вам, что Джастина Хостро ждут большие неприятности, если окажется, что он предоставил мне недостаточно полный доклад.

— А какой доклад вам уже предоставил Джастин Хостро, Горм Трогар? — вежливо пророкотал Точильщик. — Там не упоминается о моем родиче?

— Там было сказано только, что Мири Робертсон была у него в руках и он ее упустил. Он умолял простить его неловкость и покорно принял назначенное взыскание. — Он раздвинул губы в том, что служило ему улыбкой. — И теперь мне ясна причина столь нехарактерной покорности. Я ваш должник, древние.

— Возможно, — предположил меньший из его посетителей, — ваш долг позволит вам отменить свое постановление относительно нашей сестры? Она молода и очень тороплива, но сердце говорит мне, что она не сделала ничего такого, за что ее следовало бы объявить вне закона. И она определенно не заслуживает безвременной смерти.

Трогар несколько раздраженно пожал плечами, и в разговор вступил больший из его посетителей.

— Вполне возможно, что в какой-то небольшой мере вам был нанесен ущерб, Горм Трогар. Назовите нанесенное вам оскорбление, и давайте мы, как старейшины, обсудим компенсацию.

Мужчина вздохнул — глубоко и печально. Право, игра шла неплохо.

— Древние, мне искренне жаль. Но истина заключается в том, что в отношении Мири Робертсон никакая компенсация не откупит моего мщения. Она убила много моих лучших бойцов — людей, которым мне нелегко будет найти замену. Моя организация оказалась под ударом — из-за Мири Робертсон.

Более того, она посмела поддержать сира Болдуина, который сам был объявлен вне закона за преступления, совершенные в отношении ма... Хунтавас. Не приходится сомневаться, что она способствовала его бегству. Из этого логически вытекает и то, что она владеет немалой долей той информации, которую Болдуин украл у моей организации. Информация — штука опасная, древнейшие. Я не могу игнорировать возможность, что эта информация вырвалась на свободу и попала в руки, недостойные ею владеть.

Он снова вздохнул:

— Поймите, я сделаю все, чтобы этому разведчику не причинили вреда в том случае, если он окажется рядом с ней в момент

захвата. А это немало, древние. Надеюсь, вы помните, что разведчики в прошлом были не слишком добры к моим людям. Они называют нас бродягами, цыганами. Они гонят нас с мест наших сборов, клеймя как воров и шакалов, приспешников икстранцев, смертельную опасность для священной Лиад. Знайте, что в обычных обстоятельствах, если бы он лежал, умирая, у моих ног, а у меня в руке была бы чашка воды, которая могла бы его спасти, я вылил бы эту воду и смеялся, глядя, как он выпускает дух.

Он покачал головой. Слишком плохо зная существ, которым он адресовал эти слова, он не смог различить признаков возмущения.

— Но мы живем в необычные времена, древние, — продолжал он. — И я — человек необычный. Я — директор Хунтавас, и я уже признал, что я у вас в долгу. И вот как я с вами расплачусь: когда Мири Робертсон будут захватывать, то, если разведчик по-прежнему будет с ней, и в том случае, если это будет в пределах возможного, он останется на свободе. Разумеется, Тому, Кто Наблюдает, которому угрожал один из наших подчиненных, можно больше ничего не бояться со стороны Хунтавас.

И он благосклонно кивнул.

— Вы заключили выгодную сделку. Когда вы вошли сюда, три жизни находились под угрозой. После нашего разговора две жизни вы получаете обратно. — Горм Трогар встал из-за стола со столешницей из стали и хрусталя и быстро поклонился. — Будьте довольны, древние. С вашей точки зрения, Мири Робертсон так или иначе умерла бы очень быстро, разве не так? Что вам за дело до того, что перед ее уходом я получу то, что причитается мне? Вот и все. Приятно было свести знакомство.

— Вы, — заявил тот, который назвался Точильщиком, — находитесь в заблуждении. Пока что знакомство не принесло ничего приятного. Однако я еще питаю некоторую надежду на то, что это будет исправлено. Вы сказали много такого, что ранило меня — как брата моего брата и моей сестры. Я нахожу ваше поведение — как старейшины со старейшиной — неприятным в чрезвычайной степени. И я бы сказал даже, если бы это высказывание не было крайне дурного вкуса, что вы мне солгали, Горм Трогар. — Он поднял огромную трехпалую руку. — Поймите: я этого не сказал. Но, если бы вежливость это допускала, я бы сказал именно так. — Он повернул голову, чтобы видеть своего родича, стоявшего от него по правую руку. — Что ты думаешь, брат?

— Я думаю, Т"карэ, — проговорил Хранитель с торопливой осмотрительностью, — что старейшина Горм Трогар, возможно, говорил, не получив всех фактов от тех членов своего Клана, которые находятся в курсе происшедшего. Возможно, именно это придает его словам некий... скользкий оттенок, Т"карэ, который создает впечатление, будто он лжет. Правда, мы узнали от нашего брата, что

люди по-другому трактуют истину, так что человек может говорить то, во что сам не верит, и тем не менее знать, что это правда.

— Твои слова, — признал Точильщик, — содержат многое. И у тебя есть рекомендации относительно нашего следующего шага, брат? Я прошу тебя почтить меня словами из твоего сердца.

Хранитель склонил голову, на секунду представил себе тот яркий клинок, которым была его сестра, и, наконец, произнес с некой долей ее понимания того, как вращаются людские миры.

— Т"карэ, мне пришло в голову, что Горм Трогар не знает, с кем он имеет дело. Возможно, нам следует провести небольшую демонстрацию, а потом уйти, чтобы дать ему время собрать необходимые сведения и заново обдумать то, что он сказал.

— Я слышал, — сказал Точильщик.

На секунду он застыл совершенно неподвижно, устремив свои светящиеся глаза на мужчину, который молча стоял за своим столом. Он тщательно обдумал идею своего брата и понял, чем она порождена и к чему ведет. Даже в ее поспешности он счел ее хорошей.

— Горм Трогар! — сказал он.

— Да, древний? Я могу быть вам еще чем-то полезен?

— Ты слышал слова моего брата, Горм Трогар. Я чувствую, что согласен с ним. Мы тебя научим, чтобы ты не пострадал из-за своего невежества в отношении Ножевого Клана Средней Реки. Потом мы на какое-то время тебя оставим, чтобы ты мог навести справки и получить факты. Мы вернемся через пять стандартных дней, чтобы снова говорить с тобой. А теперь внимай мне.

Точильщик на секунду закрыл свои огромные глаза, а потом открыл их — и спел.

Одну ноту, на границе невыносимого. Еще одну. И третью.

Миралдиновый стол для совещаний затрясся, покрылся паутиной трещин, а потом рассыпался в блестящую горку обломков и пыли.

Горм Трогар услышал, как кто-то цветисто и изумленно выругался на языке его юности. Узнав собственный голос, он заставил его замолчать.

— Знай же, — сказал Точильщик, — что это — самая простая из тех песен, которые я мог спеть тебе, Горм Трогар. Я выбрал ее потому, что ее простоты было достаточно для демонстрации, и при этом не были затронуты более сложные кристаллические структуры — например, те, которые входят в твои коммуникационные устройства. Мне жаль, что некоторые драгоценные камни в твоём произведении искусства тоже пострадали. — Он сделал знак своему брату, Хранителю, и кивнул, как это принято у людей. — Оставайся здоров, Горм Трогар. Мы вернемся через пять дней.

Двигаясь с неожиданной для столь крупных созданий быстротой, они прошли через комнату, перешагнув через рассыпавшийся стол, и

исчезли за дверь. Горм Трогар заметил, как его рука дернулась к кнопке, которая перекрыла бы им выход, сжал кулак — и дал им уйти.

Он медленно подошел к обломкам распавшегося стола, наклонился и поднял неровный синий обломок. Зажав его в руке так, что острые края впились в ладонь, он перешел к сказочной иллюстрации мощи Хунтаवास, на которой каждый из ста четырех миров был отмечен сверкающим драгоценным камнем.

И не слишком удивился, увидев, что их осталось только тридцать один.

Орбита Лиад

Лейтенант разведки Шадиа Не-Зейм была недовольна.

— Черт возьми, на целый год застрять на Лиад, — ворчала она себе под нос, пока часть ее сознания, отведенная для пилотирования, занималась такими повседневными мелочами, как калибровка пульта, анализ векторов, проверка координат и выравнивание скоростей.

— Я, конечно, не сомневаюсь, что это замечательно: Клан теперь имеет прекрасную здоровую дочку, которая сможет меня заменить, когда и если удача от меня отвернется, — продолжала она, наслаждаясь всеми оттенками своей истерики, — но все-таки, помоему, целый год моей жизни — это чересчур. Глупый обычай — эти браки по контракту. Варварство. У нас есть современная технология. Почему бы Представителям не вести переговоры относительно генов, а потом не выращивать этих чертовых детишек в банках? А не мешать остальным заниматься своими делами.

Пульт замигал и снова засветился ровно. Координаты были введены. Ее глаза скользнули к второстепенным сигналам, ожидая увидеть зеленовато-голубой индикатор, означающий разрешение диспетчерской на взлет.

Вместо этого зажглась оранжевая лампочка — и одновременно прозвучал негромкий звуковой сигнал.

Правым пальцем она ткнула в кнопку связи.

— Не-Зейм слушает.

— Лейтенант Шадиа? Радость моих ночей, неужели ты собиравалась улететь, не попрощавшись? Мое сердце разбито. Вероятно, я умру от этой раны.

Она невольно ухмыльнулась:

— Клонак тер-Мьюлин, ты старый мошенник!

— Никто не знает меня так хорошо, как ты, моя радость, моя шернубиа. Мое сердце лежит у твоих ног, все израненное. Обещай позаботиться о моей дочурке, если я умру из-за тебя, жестокая!

— Клонак, твоя дочь старше меня!

— Разве это означает, что она не нуждается в заботе? Но я расчувствовался. Несомненно, я переживу эту травму, хотя и никогда не буду прежним.

— Я дрожу от стыда, — сообщила она ему, с трудом сдерживая смех. — Ты занял эфир и задержал мой отлет с какой-то целью или тебе просто захотелось поболтать?

— Ах, вот они, преимущества почтенного маразма! Но — да, раз ты мне напомнила, у меня была причина тебя вызвать. Когда ты выполнишь свое задание, дитя, явись во вспомогательную штаб-квартиру на Невлорне и поступи в распоряжение местного командующего.

Она вздохнула:

— Надо полагать, у тебя есть относительно этого какая-то официальная бумага?

— Она уже передана и записана в твоём вахтенном журнале. Увижу ли я тебя снова, о радость моих ночей?

— Откуда мне знать? Ты будешь на Невлорне на той рельюмме?

— Ради тебя я готов даже на Невлорн.

Она рассмеялась:

— До встречи, Клонак. И пусть твоё разбитое сердце как можно скорее срастётся!

— До встречи, лейтенант Шадиа. Я в этом сомневаюсь. Тебе дают разрешение на отлет. Прыгай, как только будешь готова, и да будет с тобой удача!

— И с тобой, дружище.

Она отключила связь, нажала на кнопку включения и ввела команду: прыжок!

Откинувшись на спинку кресла, она моргала, глядя на посеревший в подпространстве экран — и поймала себя на тихом смешке.

«Целый год на Лиад! — подумала она, возвращаясь к своей гневной тираде. — И что потом? Она возвращается в разведку, она готова — она рвется снова лететь на задание, не желая ничего лучшего, чем нырнуть в просторы Неразведанного, ради славы Лиад и желанного отдыха...»

«Лейтенант разведки, первопроходец Шадиа Не-Зейм, — гласил её приказ, — по возвращении к активной службе следующие три стандартных месяца будет заниматься наблюдениями за Запретными планетами (список прилагается), отмечая для последующего подбора любые и всякие обломки, возможно, технологического характера, проводя прослушивание на предмет значительного технологического прогресса или упадка...»

— Рейс мусоросборки? — спросила она у сидевшего за столом капитана.

Тот демонстративно пожал плечами:

— Кому-то это надо делать.

Тут с его komma прозвучал сигнал, и он отвернулся, предоставив Шади кипеть. В конце концов она повернулась и ушла. Как ни верти, а приказ есть приказ...

И вот теперь Клонак тер-Мьюлин с его глупой болтовней и приказом явиться во вспомогательную штаб-квартиру по окончании мусоросборки. Слабый намек на какие-то пертурбации. Шади позволила себе улыбку и подумала, что, возможно, он все-таки будет на Невлорне.

Шалтрен Цессили

— Древние, я глубоко сожалею о том, что не нашел оснований менять свою точку зрения.

На этот раз на стенах никаких украшений не было и стол для совещаний был из простой стали. Горм Трогар сложил руки на холодной поверхности и встретился взглядом с тем, кого называли Точильщиком.

— Понимаю, — серьезно прогудел тот. — А вы собрали дополнительные факты, Горм Трогар? Вы разговаривали с Джастином Хостро, вашим родичем, и потребовали от него более полный отчет?

— Я получил от Джастина Хостро всю информацию, которая мне нужна. И я повторяю: решение Хунтавас остается прежним.

Эти слова поразили слух Хранителя, словно кристалл, вопящий под невыносимой нагрузкой, а рядом с ним очень тихо вздохнул его Т"карэ.

— В этом случае я, Т"карэ Ножевого Клана Средней Реки, требую, чтобы меня выслушал полный совет Старейшин Клана Хунтавас. Я не получил удовлетворения. Наши переговоры описывают круги, посередине которых пустота. Жизни моей сестры и моего брата, какими бы короткими или долгими они ни были, слишком важны, чтобы зависеть от твоей прихоти.

Горм Трогар усмехнулся:

— Древний, в эту минуту ты разговариваешь с верховной властью Хунтавас. Никакого совета старейшин не существует: мой голос — это окончательный закон. — Он провел руками по холодной столешнице. — Вам не к кому апеллировать.

Наступило молчание — очень короткое по меркам Стаи.

— Горм Трогар, — проговорил Точильщик, и Хранитель заморгал, изумляясь терпеливости, которую сумел проявить самый топорливый из их Клана. — Похоже, ты счел нас глупцами. Разве я

только что вылупился из яйца, чтобы поверить, будто на верхушке Клана, который простирается на множество миров, стоит одна личность, чье суждение...

У них над головой прозвучал сигнал переговорного устройства, и высокие быстрые слова секретарши перекрыли басовитый рокот Точильщика:

— Мистер Трогар? Извините, что я вас потревожила, сэр, но прибыла делегация со Стелубии.

— Спасибо.

Горм Трогар отодвинулся от стола и отвесил двум стайным черепахам ироничный поклон. Право, эти существа были хуже детей! О, хуже, чем глупцы!

— Древние, прошу меня извинить. У меня срочное дело, которое займет всего несколько минут. Прошу вас подождать меня здесь — и мы продолжим нашу дискуссию после моего возвращения.

После этого он ушел, словно получил их разрешение, — дверь быстро открылась и со стуком захлопнулась у него за спиной.

Ощутив, как в его сердце встает дух его сестры, Хранитель встал, подошел к двери, приложил руку к запирающему механизму, а через секунду убрал ее.

— Брат, дверь заперта.

— Да, — очень печально проговорил Т'карэ. — Мне показалось, что так и будет.

Вандар Ферма «Дуновение весны»

— Какое чудесное утро! — удивленно воскликнула фру Трелу.

До боли яркое солнце сверкало на снегу, лежащем на крыше сарайчика для скаппинов, небо было безоблачным и густо-синим, обледеневшие кусты чуть дрожали на едва заметном ветерке. Такой день посредине зимы был настоящим подарком!

Фру Трелу натянула толстый свитер и юбку вместо брюк, которые она обычно носила дома, причесалась и вышла из спальни бодрым шагом, мысленно составляя список.

Мери и Корвилл, как обычно, оказались на кухне раньше нее. Кори сидел на стуле, сутуля плечи, а его жена обрабатывала его волосы гребешком и ножницами.

— Сядь прямо! — скомандовала она по-бенски, пока фру Трелу шла к плите за чашкой чаю. — Мне же не видно, когда ты сутулишься! Мне надо отрезать тебе голову, да?

— Мои волосы в порядке! — слабо протестовал Кори.

Мери фыркнула:

— Очень в порядке. Так в порядке, что ты даже не видишь, когда играешь. — Она наклонилась, чтобы посмотреть на него нос к носу. — Ты похож на Боррила, — громко прошептала она.

— Нет!

Кори отшатнулся, изображая ужас.

Девушка отступила на шаг, пристально его рассматривая.

— Нет, — признала она наконец. — Боррил гораздо красивее. — Она снова подошла к нему и положила ладонь ему под подбородок, мягко заставляя поднять голову. — Обещаю — не больно. Сделаю очень быстро.

Он со вздохом позволил поднять себе голову, хотя зажмурил глаза демонстративно крепко. Ухмыляясь, Мери заработала гребешком и ножницами, укорачивая прядь, которая привычно падала Кори на лоб, так, чтобы она доставала только до его бровей. Еще несколько умелых щелчков ножницами расправились с лохматыми висками, впрочем, волосы все равно еще закрывали ему уши — к неудовольствию фру Трелу. На самом деле волосы следовало бы укоротить еще на три-четыре пальца. И усы были бы очень кстати.

Мери отступила на шаг, кивнула и взлохматила густую блестящую шевелюру:

— По-моему, будешь жить.

Он открыл глаза и поднял руки, ощупывая свою новую прическу. Мери потянулась через стол и за шнур придвинула к нему тостер, широко улыбаясь.

— Смотри! — велела она. — Я — честная. Мое слово верное.

Кори рассмотрел свое отражение в блестящей поверхности тостера, а потом с улыбкой поднял глаза:

— Спасибо тебе, шатрез. Теперь не Боррил?

— Теперь очень красиво, — заверила его она, снова улыбнувшись, и ушла в другую часть кухни, чтобы убрать ножницы и гребень на место. — Доброе утро, фру Трелу.

— Доброе утро, Мери. — Она пила чай, любуясь через окно кухни прекрасным светлым днем. — Дети, — объявила она, — таким днем надо пользоваться. Я еду в город, чтобы купить кое-какие припасы, может, зайду в библиотеку... Кое-что очень нам пригодится, когда всерьез похолодает. — Она перевела свой взгляд обратно в кухню, на двух молодых людей. — Кори, ты мне понадобишься, чтобы носить покупки.

— Да, фру Трелу, — пробормотал он, аккуратно возвращая тостер на привычное место.

Она сделала глоток чаю, понимая, что ее следующие слова разочаруют Мери. Девочка так любит книги! Но в грузовике место ограничено, а ее мысленный список пугающе разросся.

— Мери, деточка, боюсь, что на этот раз тебе придется остаться дома. В грузовике места не хватит. — Не глядя на девушку, фру Трелу поспешно добавила: — Скажешь Кори, что ему нужно в библиотеке, ладно? И решите, не нужно ли вам двоим чего-нибудь еще. — Она допила чай и поставила чашку в мойку, к другой грязной посуде. — Я буду готова ехать через пару минут.

Она вышла в коридор, чтобы захватить бумагу и карандаш. Мири посмотрела на мужа:

— Ты и правда больше ей нравишься.

— Вовсе нет, — ответил он, вставая и потягиваясь. — Ей требуются только усилия моего мускулистого тела. Тебя она воспринимает как интеллектуалку. — Он отвесил ей глубокий поклон. — Что ты желаешь получить из библиотеки, о мудрая?

Она ухмыльнулась:

— Ну ты же знаешь — что тебе приглянется. Ой! — Она прижала ладонь ко лбу. — Чуть было не забыла. Тебе надо бы прихватить те, что я брала в прошлый раз.

Последние слова она договорила, уже выходя из кухни.

Ухмыляясь, Вал Кон прошел к плите и налил себе чаю. Чтение Мири его изумляло: естественные науки, садоводство, детективы, поэзия... Он не мог вспомнить и половины вопросов, которые освещались в книгах, набранных ею. Она прочитывала каждую серьезно и сосредоточенно: одни боги знали, как ей удавалось за всем уследить. Сам он предпочитал выбрать за один прием один-два предмета и проходить по всем существующим уровням, пока у него не появлялось четкое представление об основополагающих моментах. Художественная литература была удовольствием юности, которое пришлось резко сократить сначала ради обучения, потом — ради работы.

Он повернулся, как только Мири снова вошла на кухню с большой стопкой книг; в их числе были и те шесть, которые брал он сам.

— Ты забыл!

Он вздохнул:

— Прости меня, шатрез. Но это ты забыла, насколько я стар: мне говорили, что первой отказывает память.

Она рассмеялась, плюхнув стопку на стол, а потом повернулась к нему с серьезным видом:

— Тебе понадобятся перчатки, босс. Скажи фру Трелу, ладно? Если она хочет, чтобы ты был у нее носильщиком, надо, чтобы руки у тебя были в тепле.

— А у тебя? — спросил он. — Я что-то не припомню, чтобы у тебя были перчатки.

— Я обойдусь, — начала было Мири.

Но тут от двери послышался голос фру Трелу: она требовала, чтобы Кори поспешил.

Вздохнув, он вылил остатки чая и поставил чашку в мойку. Сняв с вешалки куртку, он надел ее и снова подошел к Мири. Он очень серьезно сравнил ее пальцы со своими, а потом запечатлел поцелуй на ладошке.

— Я посмотрю, что можно будет сделать, — сказал он. — Будь здорова, шатрез, и следы, чтобы никто не обидел Боррила.

Она рассмеялась, крепко его обняла — и тут у черной двери обижено загудел астматический клаксон грузовика. Вал Кон собрал книги и выскочил за дверь, позволив ей громко хлопнуться у него за спиной.

Мири перешла к окну и проводила взглядом грузовичок, который медленно прополз по разбитой колее и осторожно свернул на дорогу. Боррил застонал на своем коврик у плиты — и это было единственным звуком в доме.

— У тебя много дел, Робертсон, — сказала она, нарушая тишину, а потом улыбнулась.

Фру Трелу уехала. И никто не помешает ей включить радио в гостиной на полную мощность.

Обрадованная такой идеей, она бесшумно скользнула по коридору. Встав на колени на кушетку, она покрутила ручку до щелчка и стала дожидаться, пока приборчик разогреется.

Невнятно забормотал диктор, и Мири напрягла слух, пытаясь разобрать его слова. Что-то насчет... бассиленцев? И армий? Профессиональное завывание репортера и множество помех оказались ей не по зубам. Она повернула ручку с делениями и цифрами: голоса что-то говорили. Голоса пели. Голоса, голоса... Музыка. Она перестала крутить ручку и прислушалась. Действительно, музыка, и такая, которая могла бы претендовать на родство с исполнением Хакана. Подойдет, решила Мири и прибавила громкость.

А потом она отправилась на кухню, на ходу закатывая рукава, чтобы приняться за мытье посуды.

Фру Трелу вела машину с тщанием, к которому не примешивалась уверенность. Последний снег сошел уже несколько дней назад, и дорога была свободна. Однако на поверхности встречались еще наледы, и по каждой фру Трелу ехала так, словно одного неверного вдоха достаточно, чтобы привести к катастрофе.

Вал Кон посмотрел на ее профиль, решил, что разговоры только увеличат ее нервозность, и стал любоваться погодой.

День был погожий, но очень холодный, — и он мысленно вознес короткую горячую благодарность за свою одежду. Ведь Лиад была планетой теплой, хотя ему и приходилось бывать в таких местах, где было еще холоднее, чем зимой в Джилле. Однако оказалось, что он предпочитает не мерзнуть.

Грузовик замедлил движение: видимо, фру Трелу крытому мосту не доверяла еще больше, чем дороге с участками гололеда. И тут ее винить не приходилось. Деревянный настил пугающе дребезжал и стонал в любую погоду, словно угрожая рассыпаться. Но в очередной раз грузовик благополучно проехал через мост и сразу же рванул, увеличив скорость почти до двадцати пяти миль в час.

Вал Кон пересел поудобнее и сощурился: отразившийся от сосульки солнечный луч ударил ему прямо в глаза. На склоне справа стадо коров паслось на редкой зимней траве, хотя они походили на тех животных, которых он в детстве научился называть «коровами», в еще меньшей степени, чем Боррил — на собаку.

«Вернисьдомой».

Удивившись, он остановился на этой мысли. Вернуться домой? Но ведь...

«Домой».

Мысль была неотступной и очень походила на предчувствие.

«Опасностьдома».

Тут у него перехватило дыхание, и он отправил свое сознание туда, где по-прежнему безмятежно пела песня: «Жива-и-здорова»...

И все же его предчувствие... Его интуиция всегда работала, никогда не ошибаясь. «Опасность. Опасностьдома».

Фру Трелу вывела грузовик на главную улицу. Вал Кон заставил себя дышать глубоко и ровно, бесстрастно проанализировать оба сообщения. Конечно, можно находиться в опасности — и все-таки быть живым и здоровым.

Грузовик остановился у кромки тротуара, и фру Трелу выключила мотор и вынула ключи.

— Фру Трелу, — проговорил он поспешно, почти задыхаясь, — нам надо вернуться домой. Сейчас.

Она изумленно уставилась на него:

— Мы же только что приехали! Нам надо много сделать до возвращения. — Ее лицо немного смягчилось. — С Мери все в порядке, Кори. Очень может быть, что она даже рада побыть дома одна.

— С Мери все в порядке, — согласился он, стараясь говорить спокойно и твердо. — Но дома опасность, и она не должна встретить ее одна.

Лицо старухи посуровело.

— Чушь! — отрезала она и открыла дверцу со своей стороны.

— Фру Трелу, — начал он снова, борясь с искушением просто отнять у нее ключи.

— Нет! — рывкнула она, вылезая из грузовика и сердито глядя на него снизу вверх. — Перестань тратить время впустую, Кори. Чем быстрее мы сделаем все дела, тем скорее сможем уехать домой.

Она захлопнула дверцу.

Поморщившись от резкого звука, Вал Кон повернул ручку со своей стороны, соскользнул на землю и мягко закрыл дверь. Повернув налево, он побежал.

— Кори! — закричала ему вслед фру Трелу. — Корвилл Робертсун, немедленно вернись!

Казалось, он ее даже не услышал.

Фру Трелу секунду постояла. Грудь ее так и вздымалась, а злость боролась с тревогой. Она мысленно призналась себе, что это совершенно на него непохоже — взять и просто убежать. Но тут гнев вспыхнул с новой силой.

— Откуда тебе знать, что на него похоже? — проворчала она себе под нос. — Пусть бежит всю дорогу до дома. Получит хороший урок.

Сказав это, она повернулась спиной к грузовику и убежавшему мужчине и прошептала по улице к магазину Бриллита.

Услышав звон колокольчика над входом, Томет Мельтц поднял голову и хмуро посмотрел на низенького темноволосого иностранца, к которому так привязался его сын.

— Хакан! — громко позвал человечек, совершенно не думая о том, как следует себя вести в приличном магазине. — Хакан, где ты?

— Послушайте, молодой человек, — начал было замур Мельтц своим лучшим тоном городского старейшины.

— Кори? — Хакан появился из задней комнаты, словно по маговению волшебной палочки. Его усатое лицо сияло. Он приветственно протянул руки. — Кори, я как раз пытался дозвониться. Мы получили работу!

— Что? — Человечек отмахнулся от этих слов и нахмурился. — Пытался дозвониться... кто ответил?

— А? — Хакан заморгал, и радость его заметно угасла. — Никто не ответил, Кори. Вы ведь здесь, так?

— Мири. — Он ответил почти шепотом. — Мири дома одна.

Он резко поднял голову и поймал на себе недоуменный взгляд друга.

— Хакан, пожалуйста... — Резко протянув руку, Вал Кон схватил его за рукав. — Там... Я чувствую, что дома опасность. Мири одна. Хакан — отвези меня домой!

Пауза длилась не больше секунды.

— Конечно. Едем.

Хакан снова нырнул в заднюю комнату, а через несколько мгновений вернулся с ключами от машины и курткой. Человечек уже открывал наружную дверь.

— Хакан! — рявкнул Томет Мельтц. — Куда это ты собрался? Тебе платят за помощь в магазине, а рабочий день только начался. Если ты думаешь, будто можешь убежать ради... ради какой-то скеввинской дури...

— Я ненадолго, папа! — крикнул Хакан, выбегая в дверь следом за своим другом. — Только отвезу Кори домой.

Томет Мельтц стоял, уставившись туда, где только что был его сын. Потом он покачал головой и осторожно прошел к двери. Открывая ее, он услышал рев мотора: Хакан увозил Кори домой.

Замур Мельтц закрыл дверь, вернулся за прилавок и снова начал подсчеты. Губы его сложились в едва заметную улыбку.

Шалтрен Цессили

Делегаты со Стелубии были настроены скептически. Что еще хуже, они, похоже, начали предварительные переговоры с этим выскочкой Охэндом, который считал себя в безопасности в своей крысиной норе на Дэфиде. Ну что ж, пусть он еще какое-то время так считает. Скоро ему придется получить урок. Но сначала надо позаботиться о Стелубии.

Горм Трогар улыбнулся и поправил на переносице темные очки, ребрами ощущая надежный вес пистолета, спрятанного под пиджаком.

— Не буду спорить, — задумчиво проговорил он, — у Хунтавас есть немало противников. Все они старательно твердят, что наша власть слабеет, что нас уже можно растаскивать на кусочки. Я уверен, что вы заметили: немногочисленные попытки отщипнуть от нас кусочек были пресечены, а их вдохновители... наказаны.

Он снова улыбнулся, хотя остальные за столом его веселье не поддержали.

— Возможно, вам будет полезно посмотреть на создания, которые в настоящий момент находятся во власти Хунтавас и ждут нашего решения. Я предлагаю вам этот урок, потому что меня огорчило бы, господа, очень огорчило, если бы вас хитростью заставили заключить союз, который мог бы оказаться... неприятным... для всех заинтересованных сторон.

Он прикоснулся к нужному диску на пульте, установленном перед ним, и большой экран зажегся, показав специально укрепленную металлическую комнату с металлическими же столом и стульями, в которой...

...Больше ничего не было!

Горм Трогар разинул рот. Размеры дыры в дальней стене оказались довольно скромными — если учесть размер большего из сбежавших: прямоугольник с равными краями, за которым виден был коридор. Стальной лист, который когда-то составлял часть стены,

был сдвинут в сторону и аккуратно уложен на пол, словно те, кто проделал эту дыру, позаботились о том, чтобы об железяку никто не споткнулся.

Он вскочил и направился к двери, стремительно обогнув секретаршу. Провели! Они его провели! Ну, это будет их последним фокусом. Печально, конечно, когда существо, способное достигнуть почетного возраста в восемьсот или девятьсот стандартных лет, не может понять, что встретилось с человеком, который ему не по зубам.

Ему не пришлось долго их искать. В главном коридоре он остановился, изумленно глядя, как они идут ему навстречу, очевидно, намереваясь уйти через парадную дверь. Можно было подумать, что они еще не погибли!

Горм Трогар преградил им дорогу, широко расставив ноги и устремив на них возмущенный взгляд. Уверенность ему придавал пистолет, пристроенный у сердца.

— Глупые рептилии! — крикнул он, не замечая тех шестерых, которые вышли следом за ним из кабинета. Не замечал он и тех, кого вызвала система тревоги: телохранителей, руководителей отделений, техников-аварийщиков. — Значит, вам настолько не дорога ваша жизнь! Вы являетесь на мою планету, в мой город, смеете торговаться со мной за жизни сучки землянки и лидийского разведчика! Вы отвергаете мое решение, ставите под вопрос мою власть! Вы слишком много себе позволили, древние. И теперь вы увидите, как придется за это платить.

— Горм Трогар, — пророкотал тот, которого звали Точильщиком. — Очевидно, ваша поспешность такова, что приносит вам ущерб. Вы явно не понимаете смысла тех слов, которые произносите. Мы дадим вам время успокоиться и созвать Совет старейшин, а потом мы вернемся, чтобы снова поговорить с вами. Разумно и спокойно...

— Молчать! — взревел мужчина, взлетая на волне ярости.

Что он — ребенок, чтобы его так поучали? Нет! Он — Горм Трогар, которому принадлежит решающий голос в самой мощной сети власти и денег в галактике!

— Это уже не смешно, древний. Знай, что не существует никакого Совета старейшин, который занимался бы твоими идиотскими сделками, и я не собираюсь его создавать, чтобы тебя умиротворить. Знай также, что все Хунтавас получают приказ охотиться за Мири Робертсон и этим твоим грязным убийцей-братом. А когда их найдут, то могу тебе обещать, что им придется умирать очень долго. Думаю, будет забавно заставить разведчика молить меня о смерти. Почти так же забавно, как убить тебя, древний. Мы с тобой стали врагами, и тебе этот поединок не выиграть!

Хранитель двинулся было, но, по знаку брата, снова застыл неподвижно, хотя что-то настойчиво требовало его внимания, заставляя руку жаждать клинка...

— Горм Трогар, — повторил Точильщик, — ты неразумно спешишь. Возможно, ты даже болен. Не может быть, чтобы ты действительно хотел объявить личную вражду между мной и тобой. Задумайся. Подумай о том, что клинки Средней Реки уже сотворили здесь. Дуэль между нами была бы полным легкомыслием. Еще раз обдумай свои слова. Мы вернемся через несколько дней и поговорим более спокойно.

Он кивнул и повернулся боком, намереваясь обойти ставшего у него на пути человека.

Пистолет заработал, как только Горм Трогар извлек его из-под пиджака. Оружие загудело, и он поднял ствол, метаясь в самое уязвимое место черепахи: туда, где шея встречалась с панцирем на плече.

Действительно, стайные черепахи часто бывают медлительными. Но они не всегда медлительны. Горм Трогар успел вскрикнуть прежде, чем его тело поняло, что мертво и упало на пол рядом с мерзкой гудящей штукой, которую уже окружала лужица крови.

Точильщик обернулся и пристально посмотрел на своего брата Хранителя, а потом повернулся снова, чтобы внимательно изучить жалкого мягкого человека, пронзенного сверкающим клинком, и на пистолет, жужжавший в расплывающейся луже крови.

Стоявшие вокруг люди не издали ни звука.

— Что ты скажешь, брат? — мягко осведомился Точильщик.

Хранитель понурил голову:

— Я нанес удар, защищая Т"карэ. Оружие — у него было оружие, брат! Он не стремился к чистому решению между вами двумя, с честью и справедливостью. Он хотел только убить... — Голос его сестры тихо зазвучал у него в сердце. Он замолчал, поднял голову и заглянул в глаза своего Т"карэ и самого старшего из братьев. — Если я совершил ошибку, я приму наказание. Нанеси удар точно, брат!

Как Т"карэ, Точильщик сделал жест отрицания. Как старший брат, он добавил знак уважительного почета.

— Возьми обратно свой клинок. Удар был нанесен правильно, в защиту Т"карэ и клана.

Он перевел свои яркие глаза на молчаливых людей, наблюдавших за ними.

— Что же до оружия... — Точильщик пропел песню из семи нот, три из которых человеческий слух уловить не мог.

Кровь Горма Трогара, окружавшая пистолет, задымилась: аккумулятор разорвался, выпуская накопленную энергию. Последовала яркая точечная вспышка, громкий шелчок — и оружие превратилось в расплавленный металл, смешавшийся с красной жидкостью.

И тут наконец люди зашевелились — кто-то придвинулся к другому, кто-то отодвинулся. Одна фигура выступила вперед и поклонилась.

— Я — Самбра Реаллен, исполняющая обязанности председателя, — негромко объявила она. — Чем я могу быть вам полезна, древние?

Вандар Ферма «Дуновение весны»

Хакан вел машину с той же сосредоточенной небрежностью, которая характеризовала его игру на гитаре. Его глаза и руки действовали согласованно, и Вал Кон обнаружил, что та часть его сознания, которая занималась такими вещами, измеряет быстроту реакции его нового друга.

Они приближались к наледи, которая по дороге в город доставила фру Трелу немало тревоги. Хакан, похоже, ее даже не заметил. Они проехали по ней так же быстро, и хотя машину немного занесло, Хакан моментально ее выровнял.

«Из него вышел бы пилот», — подумал Вал Кон.

— Хакан, — тихо проговорил он, — я сказал, что дома опасность. Может быть, эта опасность угрожает не только Мири, я не знаю. Может, там опасно и для тебя тоже. По-моему, нам следует остановиться, прежде чем...

Хакан сбросил скорость, переключил передачу на выезде из ложбины и снова прибавил скорость, качая головой:

— Не беспокойся. Я же сказал, что отвезу тебя домой, так? И я тебе помогу. Ты говоришь, что там неприятности, и я тебе верю. У тебя на эти вещи нюх. — Он с улыбкой посмотрел на своего спутника. — Мне еще не приходилось играть с кем-то, кто бы так быстро все схватывал. Не только ноты, но все настроение вещи. По-моему, ты и живешь так. Так что мне кажется, ты знаешь, что случилось.

Вал Кон нахмурился.

— Я же только что сказал, что не знаю, — тихо напомнил он Хакану, но тот отмахнулся от его возражений.

— Послушай, если Мири что-то себе повредила, так я прошел медподготовку, когда был в ополчении. И я состоял в добровольной пожарной бригаде, пока эта занудная политика меня оттуда не выжала. Я смогу помочь, что бы ни случилось.

— А ты будешь выполнять мои приказы? — спросил Вал Кон. — Будешь делать, что я скажу, без разговоров, если опасность окажется большой?

— Ты будешь боссом, — пообещал Хакан. Вал Кон с трудом проглотил изумленный вскрик. Его спутник покосился на него. — Ты бы помог мне, правда? Если бы это была Кем?

— Да...

— Ну вот видишь, — сказал Хакан.

Вал Кон опустил стекло и подставил лицо под струю ветра, а потом мысленно потянулся к тайному уголку своего создания. Жива-и-здорова.

Впереди возник крытый мост, а потом они стремительно проскаки через него. Доски скрипели, машина дребезжала — такую скорость фру Трелу сочла бы полной дурью.

— Ты был в ополчении, — негромко спросил Вал Кон. — Ты был на войне?

— Нет. В этих местах войны не было давно, очень давно. Но я помогал устранять последствия того взрыва на пиротехнической фабрике в Карнади. Люди говорили, что это было очень похоже на войну.

Вал Кон поерзал на сиденье. По мере приближения к ферме его тревога все усиливалась. Его ум требовал от него действий: оружие, сражение, даже убийство. Он сделал глубокий вдох, заставил себя успокоиться и проанализировал свою экипировку. Клинок Точильщика удобно устроился у него в рукаве. Он нагнулся и вытащил из-за голенища метательный нож.

Если Хакан и заметил этот нож, то ничего не сказал.

— У тебя есть хоть какое-нибудь оружие, Хакан?

— Ты это серьезно, да? Угу. У меня сзади есть половинник — где-то под всем барахлом.

Вал Кон перегнулся назад и стал рыться в нотах и гитарных футлярах.

Оказалось, что «половинник» — это ствол большого калибра, поверх которого установлен второй, с меньшим калибром.

— Это, конечно, штука слабая. — Голос Хакана звучал непривычно серьезно. — У меня есть несколько зарядов дробы и должно быть немало...

— Разрывных? — спросил Вал Кон, разглядывая заряд, предназначенный для большого ствола.

Хакан подавился смехом.

— Нет, это дробь — чтобы бить птиц и грызунов с малого расстояния. У ружья дальность побольше, но вообще-то оно просто для мишеней. Хотя, наверное, ранить кого-нибудь можно...

Вал Кон прикинул вес оружия, разобрался в механизме зарядки и стрельбы.

— Отдача?

— Ну, дробь...

«Глупая штука», — решил Вал Кон.

— Оставь себе, — сказал он Хакану.

До них донесся звук — нечто необычное наложилось на шум мотора и свист ветра.

— Тормози, — пробормотал Вал Кон, но Хакан уже и сам это сделал.

Звук раздался снова.

— Ружья! — бросил Хакан, снова надавив на акселератор.

— Скорострельные. Хакан, дела могут быть совсем плохи. Ты будешь слушать и делать то, что я скажу. Когда мы подъедем к дому, я выйду. Если ты увидишь, что я не иду дальше, или если я махну тебе рукой — возвращайся в Джилл! Возвращайся, но сожги за собой мост. Сожги его, Хакан, и скажи всем, что тут война!

Они въехали на последний невысокий холм, и Хакан, выключив двигатель, по инерции проехал через небольшую рощицу, а из нее — во двор фермы.

Вал Кон закончил заряжать половинник, снял его с предохранителя и положил на сиденье.

Перед крыльцом лежали четыре трупа в грязных мундирах. Двоих застрелили сзади.

Хакан сжал ружье. Его добродушное лицо посуровело и немного побледнело.

— Мири?

— Думаю, в доме, — ответил Вал Кон.

В следующую секунду он уже исчез, бесшумно соскользнув с пассажирского места и тихо прикрыв за собой дверцу.

Хакан включил передачу, дал машине немного отъехать назад, к дороге, и вытащил ключи из зажигания. Затрещали выстрелы — совсем близко. Он застыл, но звуки сразу же стихли. Он осторожно открыл отделение под сиденьем водителя и вытащил оттуда свою фуражку ополченца.

Надежно надев фуражку, он на секунду задумался: как капрал ополчения и иностранец с ножом смогут остановить силы вторжения?

А потом он подумал о том, что должен был подумать Кори: там Мири! С ключами в кармане и с половинником наготове ополчение начало просачиваться в зону боевых действий.

Никем не замеченный Вал Кон стоял в тени подростка, который фру Трелу называла кустарником, и прислушивался. Из дома раздался голоса мужчин, возбужденно разговаривавших на незнакомом языке. Ближе послышался какой-то скулж. Сжимая в руке нож, он двинулся в сторону более слабого звука.

Кровавая кипа тряпок... Нет! Протестующе зажмурившись, он снова потянулся к теплomu уголку своего сознания. Жива-и-здоров, жива-и-здоров. Он на целую минуту сосредоточил внимание на песне и тепле, а потом заставил себя отстраниться.

При более спокойном рассмотрении кипа оказалась не тряпичной, а меховой: Боррил лежал, втиснувшись между густо поросшим

иглоками кустом и стеной дома. Его хвост неровно колотил по земле. Окровавленная голова упиралась в стену.

Вал Кон трогал рукоять метательного ножа и не шевелился. Из дома доносились голоса большого количества людей, поблизости раздавались выстрелы. Нерешительно, почти задыхаясь от отвращения, он нырнул в свой разум, нашел выключатель, которым никогда не хотел бы пользоваться снова и подумал Мысль...

Он отшатнулся от самого себя. Страх таял, словно туман, по мере того, как он увеличивал расстояние, как его научили инструктора агентов. Теперешнее задание даже отдаленно не напоминало патристическое убийство какого-нибудь антилиадииски настроенного фанатика. Ему необходимо спасти Мири. Он приложил мысленное усилие, чтобы открыть заблокированную часть своего сознания, а потом чуть не потерял равновесие: программы затопили его мысли, растягивая и стирая его...

ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ: Спасти Мири Робертсон от атакующих военных сил и вытеснить силы с базы

ОГРАНИЧЕНИЯ: Никаких

ПРИОРИТЕТ ЗАДАНИЯ: Наивысший

ПРИЕМЛЕМЫЙ УЩЕРБ АГЕНТУ: Без ограничений в связи с приоритетом

БОЛЕВОЙ ПОРОГ: Не ставится

ПОЛНЫЙ АВТОМАТИЗМ: Да

КОНТУР: Вероятность выполнения задания: 0,37

СИГНАЛ К НАЧАЛУ: Начать!

Во время начальной подготовки на каждую фазу уходило несколько часов. Потом — минут. Потом — секунд. И теперь на это достаточно было времени, за которое принималось решение и думалась Мысль: «Приоритетная цель принята».

Он стал быстрее пилотов, точнее наемников, смертоноснее берсеркеров. Он снова в полной мере стал агентом перемен. Вал Кон моргнул.

Собака и куст были немного не в фокусе. Вал Кон моргнул снова. Да. Существо, лежавшее перед ним, имело неплохой шанс выжить, если ему удастся не попасть под выстрелы. Сами по себе раны не смертельны, хотя длительное кровотечение может его убить. Но, живое или мертвое, оно для выполнения задания не существенно.

Он неслышно скользнул мимо, направляясь к дому и низкому окну, которое выходило из так называемой парадной столовой. Перед ним на земле сверкали осколки стекла. Оконная рама оказалась разбита и выворочена. У самого окна лежал солдат со сломанной шеей.

Анализ показал, что убийство было совершено Мири Робертсон. Вал Кон пролез через вывороченную раму. Когда его ноги коснулись пола, он услышал какой-то звук. Резко повернувшись, метнул нож.

Часовой перед смертью дергался и, пока кровь была у него из шеи, наделал довольно много шума.

— Кветл? — окликнули из соседней комнаты.

Вал Кон подбежал к труп, вытащил из мертвой руки неуклюжий пистолет, нашел предохранитель (правда, было непонятно, отключен он или нет), выдернул свой нож и стремительно развернулся к двери.

— Кветл? — снова спросили там, уже громче, и стало слышно, как по застеленному ковром полу тяжело топают несколько пар тяжелых сапог.

В дверь вошел первый солдат.

Щелк!

Этого тоже убил нож, но он упал к ногам второго, который оказался вооружен и сразу же открыл огонь.

Вал Кон бросился под ненадежное укрытие в виде деревянного обеденного стола, перевел предохранитель в нужную позицию и выстрелил, содрогнувшись от отдачи.

С громким воплем противник рухнул на пол, прижав ладони к лицу. Вал Кон выстрелил снова, и шум прекратился.

Он мимолетно выругал себя за неточную стрельбу. Вероятность личного выживания оставалась неизвестной для всей операции, но составляла семьдесят пять процентов в течение ближайшей минуты. Со второго этажа донесся топот множества ног, потом короткая перестрелка.

Вернув себе нож, Вал Кон бесшумно скользнул по коридору. В передней комнате играло радио, показавшееся особенно громким в потрясенной тишине.

Кухня была пуста. Он уже собирался идти, когда знакомое потрескивание электричества заставило его стремительно пробежать через комнату и схватить трубку прежде, чем телефон успел зазвонить.

— Алло? Это Атна Бригсби...

— Молчать! — отрезал он. — Чрезвычайная ситуация и опасность! Пошлите...

— Кори? Ты мне объяснишь, что происходит? Я в жизни...

— Молчать, Бригсби! Вызывай армию, вызывай ополчение — вражеское вторжение!

Он еще говорил, когда за стеной дома раздался мерзкий звук выстрелов из тяжелого автоматического оружия. Ему отвечало странное пощелкивание, почти такое же тихое, как у привычного пулевого оружия.

— Захватчики? Захватчики! О боже мой... Кори, где Эстра?

— Эстра в порядке, Мири исчезла. Вызывай полицию, армию. Я иду.

Он оставил трубку болтаться на проводе, но, после секундного колебания, перерезал провод, ведущий к телефону.

В пистолете осталось всего три выстрела, и он поднял один из упавших автоматов. Он оказался грязным, с пятнами ржавчины. В магазине было всего семь патронов. Вал Кон решил, что ему повезет, если это оружие вообще действует. И отдача может его замедлить.

Наверху снова начали стрелять, а потом раздалось пронзительное улюлюканье: боевой клич Гирфалька!

Опять выстрелы, топот обутых в сапоги ног — бегущих. Громкие крики, выстрелы, топот. Вал Кон рванулся туда, перепрыгивая через две ступеньки, таща с собой дурацкий автомат.

На верхней площадке стояла толпа солдат, спиной к нему. Они смотрели на того, кто, похоже, только что выбил дверь чердака.

Тяжелый автомат был поднят и стрелял в затылки. Ему удалось сделать три выстрела, а потом оружие заклинило. Он поднял пистолет и убил еще троих.

В тесноте остальным реагировать было трудно. Позади себя они увидели только дым и резкие движения какого-то безумца.

Один из противников бросил свое оружие. Его примеру последовал еще один, произнося звуки, которые могли означать, что он сдается. Вал Кон нашел солдата с оружием в руке и убил его ударом ножа. Он стал искать новых противников, но увидел только безоружных тварей, которые испуганно жались к стенкам.

С чердака раздалось еще несколько размеренных выстрелов, а потом и оттуда послышались звуки сдачи — и клич Гирфалька.

Вал Кон бросился вперед, подхватил брошенный автомат и, наведя его на шестерых оставшихся в живых, направился к чердачной лестнице.

— Друг?

Слово было земное, голос — гортанный, знакомый.

Вал Кон помедлил секунду, пытаясь найти выключатель, который выскальзывал из его мысленной хватки, и нашел нужный ответ.

— Шатрез.

С улицы до них донеслись выстрелы. Хакан? Разве Хакан там?

С чердака по лестнице спускалась рыжеволосая женщина, толкавшая перед собой нескольких разоруженных противников. Она держала хорошо начищенное ружье с деревянной оправой. За поясом у нее был тонкий нож лиадийского разведчика.

Она поставила своих пленных к его шестерым, подошла к Вал Кону и встревоженно заглянула ему в лицо:

— Почему ты так долго возился?

На улице снова начался шум, перемежающийся с очередями.

— Охраняй их! — рявкнул Вал Кон и стремительно сбежал вниз по лестнице.

Мири застыла неподвижно, а потом посмотрела на пленных и очень внятно спросила их на земном:

— А теперь куда его понесло?

Похоже, ее тон оказался крайне угрожающим: они дрожащей толпой отступили в гостиную фру Трелу. Один из них бережно помогал пареньку с расквашенным носом и подбитым глазом.

Мири уселась на подлокотник кресла, положив ружье себе на колени. Ее пленные осторожно сели на пол, стараясь на нее не смотреть.

— Похоже, мы победили, — проговорила она спустя несколько минут, ни к кому в особенности не обращаясь. — Черт подери!

Лиад

Бесстрастность. Самообладание. Расчет. Успех.

Тиль Фон сиг-Алда размышлял над этими понятиями, пока шел в конференц-зал. В нем не ощущалось ничего, кроме уверенности в себе. Агенты, которые изредка встречались на его пути, не замечали никакого признака сомнений. Вспомогательный персонал и клерки отводили глаза, выражая агенту перемен обычное почтение.

Он провел два дня, составляя отчет, в котором отражались его рассуждения, его выводы, вероятности, рассчитанные его Контуром, и предлагаемый им способ действий.

Не прошло и четверти смены с момента его представления, как он получил приказ явиться на совещание. Затем ему пришлось три дня дожидаться в глубинном комплексе — подземном центре управления, которому предстояло в один прекрасный день стать командным комплексом всей галактики. Три дня, чтобы еще раз все обдумать и попытаться найти у себя ошибки, — а в это время Департамент неспешно продолжал осуществлять План.

Проблема: землянка.

Вторая проблема: сам йос-Фелиум.

Контур замигал, показывая, что он попадет в конференц-зал за пятнадцать секунд до намеченного срока.

Он ничего не упустил, успокоил себя сиг-Алда. Его доклад был бесстрастным. Расчетливым. Сдержанным.

Успех... Он на секунду задержался у двери.

Само открытие этой двери было знаком успеха.

Комната была рассчитана на рабочие совещания: стульев достаточно, но без избытка, доска, с которой можно было стирать написанное, и все необходимое для этого. И люди, ожидающие... его. Не было ни оборвавшихся разговоров, ни признаков удивления.

Здесь находился командующий: его присутствие объясняло, почему время встречи выбиралось с таким тщанием. Остальные трое были специалист по вооружениям, который когда-то занимался его первичной подготовкой, дежурный специалист-биомедик и специалист по экзотическим лекарственным средствам.

Один стул оставался пустым. Тиль Фон сиг-Алда поклонился присутствующим и сел. Пять стульев у стола в виде симметричного пятиугольника — красноречивая демонстрация меланти собравшихся.

— Агент, — серьезно проговорил командующий, — ваш доклад прочитан и проанализирован. Дополнительные факторы и сведения, выходящие за рамки вашей прежней сферы деятельности, были приняты во внимание. Мы собрались, чтобы выработать самый подходящий способ действий в данной ситуации. Департамент относится к этому вопросу чрезвычайно серьезно.

Сиг-Алда наклонил голову в знак того, что понял сказанное. Не просто важно, но чрезвычайно серьезно... Он прикоснулся к Контуру и включил программу, определяющую сосредоточенность на всех уровнях.

— Мы согласны с вашим заключением относительно того, что гены и атмосфера Клана йос-Фелиума играли роль в его успешной деятельности в качестве агента — и в создании текущей непонятной ситуации. Клану Корвал присущи чудачества. То, что они — лиадийцы, это скорее случайность, нежели результат намеренных действий. То, что им сопутствует успех, отрицать нельзя. Вы видели файлы: Клан и в настоящий момент разыскивает йос-Фелиума. Более того — Клан Корвал начинает вмешиваться в наши дела: их Первый представитель слишком часто в публичных разговорах упоминает о нас. Искусные запросы возникают в самых неожиданных местах.

Мы обдумывали вопрос об устранении действующей главы Клана, Новы йос-Галан. Их род запятнан земной кровью... — Командующий замолчал и обвел взглядом сидящих за небольшим столом. — Действия по искоренению главенства Корвал предпринимались и в прошлом. Время следующего прорезживания следует тщательно рассчитать. Например, нам неизвестно, почему они столь рьяно преследуют своего родича. Являются ли действительной причиной «дела Клана»? Или имеет место более глубокий план? Намерены ли они попытаться сменить нас в управлении космическими интересами Лиад? Из всех Кланов только Корвал способен создать существенную военную угрозу для Лиад, не заключая союзов.

Сиг-Алда ощутил на себе весь груз внимания своего командующего.

— Учтите, что вербовка Йос-Фелиума в качестве агента была программой, рассчитанной на пять лет, осуществление которой стоило не только больших денег, но и нескольких агентов. Он был полезен для Департамента во многих аспектах, причем немаловажной являлась и его в высшей степени высокая надежность при выполнении наших заданий. А в будущем мы намеревались использовать то, что он оставил Клан Корвал в руках торговца-полукровки.

В связи с этим все возможные варианты, которые вы упомянули в вашем докладе, а также многие другие, были проанализированы. Один тот факт, что Клан Корвал может попытаться вернуть Йос-Фелиума и утвердить его Делмом, делает наш поиск целесообразным. Его знания не должны попасть в руки полукровок. Нельзя допустить, чтобы приобретенные у нас знания — направленные на спасение Лиад! — были использованы для выгоды одного только Клана Корвал. Его способности... Тиль Фон сиг-Алда, это будет вашим самым важным заданием в роли агента перемен. Вы должны отыскать и вернуть нам агента Йос-Фелиума. Если он мертв, вы доставите нам его тело, останки, свидетелей.

Командующий назвал его! Сиг-Алда чуть было не прозевал кивок в сторону биомедика. Специалист начал говорить сразу же:

— Рабочая схема предполагает, что вы отыщете Йос-Фелиума и вам понадобится физически его обезвредить. Чтобы это сделать, вам следует знать некоторые факты.

Биомедик встал, схватил стило и начал делать пометки на доске.

— Ваш пакет с инструкциями содержит подробные графики. Общая картина такова. Во-первых, представляется, что Клан Корвал намеренно стремится выработать у своих членов быстроту и точность реакции. Только пилот может стать Делмом. Гены Делма имеют наибольший шанс передаваться по наследству.

Наши тесты показывают, что при нормальных обстоятельствах время реакции Йос-Фелиума на три-четыре процента меньше, чем ваше. В некоторых стрессовых ситуациях, проверенных во время его обучения, его реакция была еще на два процента быстрее. Вы, конечно, продолжали проходить подготовку и имеете новый вариант Контура Выживания. По нашим прикидкам, вы практически равны ему. Нехватка витаминов, изоляция, депрессия, травмы (судя по вашему докладу, он получил боевые ранения) — все эти факторы обещают вам преимущество в том случае, если ему придется напомнить о лояльности. Как я уже говорил, мы дадим вам все графики. И кроме того...

Тут биомедик кивнул сидящей напротив.

— По настоянию командующего мы продумали другие возможности, — сказала фармацевт. — И разработали новый вариант стимуляторов восприятия. Они увеличивают способность мозга обра-

бывать полученную от органов чувств информацию, тем самым повышая способность агента быстро и эффективно реагировать на внешние стимулы.

Она бросила на сиг-Алду хмурый взгляд.

— Эти стимуляторы не следует использовать во время Прыжка. Их не следует применять в количестве, превышающем шесть доз за стандартный день. И три дозы одновременно следует принимать только в самой экстремальной ситуации. Принимайте одну в том случае, если вам покажется вероятным, что вам придется действовать. И еще одну в том случае, если действия должны быть приняты быстро и сопровождаются высоким фактором риска.

Вам также будет предоставлен усилитель мышечного тонуса. Явитесь ко мне: его надо имплантировать.

На этом фармацевт закончила.

Командующий сказал почти ласково:

— Ваш анализ действий йос-Фелиума в ходе последних событий крайне бессодержателен, сиг-Алда. Мы так и не увидели причин, по которым йос-Фелиум захотел воспользоваться наемницей-землянкой. Однако другие агенты тщательно изучили наемницу.

Сиг-Алда остро ощутил укор, понимая, что ему не следовало бы подавлять свое первоначальное желание узнать что-то еще.

Командующий сделал короткую паузу — достаточную, чтобы подчеркнуть свои слова, но не потребовавшую ответа.

— Медицинские карты говорят, что случай был трудный, — продолжил он. — В течение курса лечения землянка несколько раз сбегала из закрытого наркоцентра. А последняя запись ее врача звучит так: «Пациентка избавилась от химической зависимости от летакронаксиона». Наш анализ указывает на сохранение психологической зависимости. Это дает возможность ей управлять.

Фармацевт полезла в карман и извлекла оттуда несколько маленьких пластиковых пакетиков с порошком кремового цвета.

— У этого пакета, — сказала она, протягивая один из них сиг-Алде, — на шве стоит красная точка. В нем стандартный летакронаксион — несколько наркотик вообще бывает стандартным — весьма высокого качества. В медицинской карте указано, что пациентка склонна сочетать это... э-э... «облако» с алкоголем и при этом становится одновременно забывчивой и неуправляемой. Содержащейся здесь дозы достаточно для крупного мужчины-землянина. Наркоману способ употребления должен быть известен.

Сиг-Алда осознал, что напрягся, и подключился к Контуру, чтобы успокоиться. Наркоманы... Под воздействием Контура его антипатия утихла, и он снова смог слушать специалиста с полным вниманием.

— На этом пакетишке стоит синяя точка. — Она вручила пакетик ему. — Вес у него тот же, но в нем двойная доза «облака» и двойная доза знакомого вам вещества — мемстима — с замедленным началом действия.

Сиг-Алда улыбнулся голубой точке. Ну конечно же!

— Да, — проговорила фармацевт, явно довольная его одобрением. — Агенты пользуются мемстимом во время докладов, чтобы способствовать точному извлечению из памяти всех событий. В этой смеси также содержится антиингибитор и экспериментальное вещество, способствующее полному вытеснению и связыванию рецепторов. — Фармацевт позволила себе улыбнуться. — Я разработала эту смесь несколько дней назад. Испытания на подопытных с примерно той же массой тела, как у землянки, дали интересные результаты.

Начальное действие неотличимо от летакронаксиона: все воспоминания дальше нескольких часов, а затем и нескольких минут становятся неверными, туманными. Отсюда и пошло бытовое название этого наркотика. После начала действия второго составляющего заполнение рецепторов оказывается почти мгновенным, и подопытные от полного забвения переходят в состояние глубокой стимуляции памяти. Прелесть системы вытеснения и связывания рецепторов в том, что она привязывает мемстим к тем рецепторам, которые были наиболее сильно затронуты летакронаксионом. У наркомана — как, впрочем, и у того, кто принимает мемстим, — рецепторы хорошо разработаны. В случае с пристрастием к «облаку» эти рецепторы скорее всего включают болезненные воспоминания, иначе зачем было их глушить?

Фармацевт замолчала, взглянула на командующего и получила в качестве ответа взмах руки, приглашающий ее продолжать объяснение.

— Таким образом подопытные перешли от полного подавления нежелательных воспоминаний к полной и обостренной их активизации. В зависимости от количества алкоголя и антиингибитора в организме, воспоминания подопытных были яркими вплоть до полной натуральности. В результате этого подопытные пытались покончить с собой, бредили, кусали и царапали себя или каким-либо другим образом выключались из действительности на сроки, превышавшие половину стандартных суток. Полагаю, что по достижении момента рецепторной стимуляции — то есть потребности в очередной дозе — должен наступить очередной период подобных нарушений.

Сиг-Алда бережно спрятал пакетики в свой кошелек. Контур показал десятипроцентное увеличение вероятности выполнения задания при условии, что у него будет возможность дать землянке смесь психотропных веществ.

Командующий кивнул специалисту по лекарственным средствам, а потом оружейнику, который заговорил:

— Мы проанализировали отчеты йос-Фелиума и сопоставили их с тем, что известно о его последнем задании, оставшемся без доклада. Мы получили следующие данные и сравнения.

Он перевел дыхание и устремил взгляд в какую-то точку над головой сиг-Алды.

— Во-первых, мы обнаружили некое пристрастие. Департамент пользовался способностью йос-Фелиума работать в непосредственной близости от своих объектов. Это соображение фигурировало в его последнем задании — устранении высокопоставленного земного агента в здании, защищенном от взрывов. Более внимательный анализ показал, что агент йос-Фелиум склонен пользоваться ножом или иным режущим оружием чаще, чем этого можно было ожидать, зная его подготовку. Это пристрастие делает его уязвимым для воздействия пулевого оружия со среднего расстояния. У него превосходные результаты стрельбы из пулевых пистолетов, но квалификация агента сиг-Алды находится в пределах погрешности.

Оружейник снизошел до того, чтобы встретиться с глазами сиг-Алды.

— Вы, — хладнокровно объявил он, — перед отлетом пройдете дополнительные тренировки с разнообразным оружием. Вы сравняйтесь с лучшими результатами йос-Фелиума. У нас есть записи его занятий, так что для вашей тренировки будет разработана соревновательная программа. — Он замолчал и снова стал смотреть поверх головы сиг-Алды. — Зная приверженность агента йос-Фелиума к холодному оружию, агенту сиг-Алде рекомендуется надеть гибкую кольчугу.

Командующий адресовал поклон всем трем экспертам.

— Ваши доклады были в высшей степени полезны.

Предложение уйти было недвусмысленным, и все встали. Сиг-Алда тоже поднялся со стула, но, встретив взгляд командующего, снова сел и стал дожидаться, пока эксперты покинут конференц-зал. «Бесстрастие, самообладание», — напомнил он себе.

— Ваше желание немедленно выполнить задание оценено по заслугам, сиг-Алда, — сказал командующий. — Считайте, что уже находитесь на задании. Вы уйдете из этого здания только для того, чтобы улететь с планеты в соответствии с приказом. А теперь я займусь ресурсом, о котором вы не осведомлены.

Командующий встал, подошел к двери и включил замки. А потом он посмотрел на наручное устройство и развернулся на месте.

Сиг-Алда испытывал смущение и изумление. Командующий проверяет, не следят ли за ними — здесь, в сердце Департамента?

Командующий вернулся к столу и снова сел, положив руку так, чтобы его наручное устройство было хорошо видно им обоим.

— Вы входите в число наших самых лучших агентов, — сказал он. — И тот, кого мы ищем, тоже относится к нашим самым лучшим агентам. Усвойте это четко и ясно: ваша задача — найти Вал Кона йос-Фелиума и вернуться с ним. Если он мертв, вы представите полные и убедительные доказательства его смерти. Если вы обнаружите его живым и он откажется возвращаться вопреки вашим самым веским доводам, тогда вы представите полное и убедительное доказательство того, что он мертв. Убедительным доказательством будет служить его голова или несколько кусков позвоночника.

Сиг-Алда заморгал.

— Да. Вам дается карт-бланш. Вы поняли?

— Да. — Сиг-Алда поклонился. — Йос-Фелиум должен вернуться, пусть даже в результате крайнего принуждения.

— Вот именно. На данном этапе Плана мы не можем предоставить какому бы то ни было Клану возможность поставить под вопрос наши цели или присвоить наши сведения. Имейте в виду: крайнее принуждение имеет несколько форм. Смерть — лишь одна из них.

Вы уже знаете, что проходили подготовку позже йос-Фелиума. Некоторые меры предосторожности, доступные вам, ему недоступны. Например, вы можете перейти на режим «ожидание», при котором ваш разум будет закрыт для внешнего воздействия, пока вас не вернет особый приказ, отданный мною. Таким образом можно защититься от допроса. Более ранние меры были небезопасны, и их нельзя было включить по собственной воле.

Существует установленная последовательность фраз, которая включает эхо-сигнал в Контуре агента йос-Фелиума. Когда вы представите начало последовательности, он откликнется — он не сможет не откликнуться. Если вы продолжите, он вынужден будет продолжить. При завершении этой последовательности йос-Фелиум превратится в послушного идиота. Он будет беспрекословно выполнять все приказы.

Командир посмотрел на циферблат наручного устройства, а потом опять перевел взгляд на сиг-Алду:

— Вы станете третьим человеком, которому известна эта последовательность. Вы ни при каких обстоятельствах не перескажете ее кому бы то ни было и не будете обсуждать ее ни с кем, кроме меня или того, кто меня сменит. Вам понятно?

— Да, командующий.

— Хорошо. Тиль Фон сиг-Алда клэр проб квит...

Он заморгал. Фраза не имела никакого смысла.

Командующий улыбался:

— Все в порядке, Тиль Фон. Когда вам понадобится эта последовательность, вы получите ее, назвав имя йос-Фелиума, а потом сказав: «Клэр проб квит стекл фер».

Командующий протянул руку. В ней оказался маленький голубой значок, имевший форму лиадийской светочайки с расправленными для полета крыльями.

— Вы — мой представитель, Тиль Фон сиг-Алда. Вы не имеете права на неудачу.

Агент принял знак доверия и поклонился, на секунду прикоснувшись к холодной руке командующего. Слов у него не было.

Вандар «Покой Хеллина»

Вал Кон удобно устроился в кресле, откинул голову на спинку, закрыл глаза и сознательно отключился от всех звуков, которые раздавались в тех местах дома, где находились Хакан и его отец. Он проверил свой пульс и частоту дыхания и обнаружил, что все они находятся в пределах нормы для состояния отдыха. Контур бездействовал — в конце концов, рассчитывать было нечего, поскольку задание было завершено три дня тому назад — и его мысли были ясными. Его статус соответствовал тому, каким должен быть агент в превосходном состоянии.

Не спеша, сохраняя спокойствие, он постарался найти уровень выключателя и сам выключатель.

Он отметил сопротивление — мигание, которое можно было считать свойством Контура, — и некоторое учащение дыхания.

Он терпеливо выровнял дыхание и вывел логическую структуру на первый план сознания.

«Задание выполнено. У агента нет необходимости находиться в состоянии постоянной готовности. Выключатель существует, и его действие уже было проверено. Нет оснований считать, что в этом случае он не работает».

Сопротивление исчезло. Вал Кон почти мгновенно добрался до уровня выключателя и нашел устройство, созданное им в себе на корабле Точильщика с помощью упражнений Л-апелеки, которым его научил Точильщик. Он перенес все свое внимание на уровень выключателя, сосредоточился только на нем, а потом потянулся...

Пульс резко участился, и он привстал с кресла, сжимая подлокотники, задыхаясь. Глаза его были открыты, но их взгляд был обращен внутрь, где Контур оценивал Вероятность Выполнения Задания в 0,03.

— Кори?

Тут он вскочил на ноги и стремительно повернулся к тому, кто к нему вторгся. Сердце перешло на нормальный ритм, цифры ВВЗ перед внутренним взором погасли.

Хакан держал в руках две кружки, от которых поднимались тонкие струйки пара. Он протянул Вал Кону одну из них:

— Хочешь чая?

— Спасибо.

Вал Кон принял кружку, снова сел в кресло и посмотрел на молодого человека, в мягких голубых глазах которого ясно отражалась тревога.

— Можно мне с тобой поговорить, Кори? О... о том, что случилось.

О бое. Вал Кон наклонил голову. Хакан уселся напротив него, и на его лице появилось выражение облегчения. Он уставился в свою кружку.

— В газетах пишут, что мы герои, — проговорил молодой музыкант.

Эта информация не была новой. Четыре принца, которые приезжали в Джилл за последние три дня, чтобы позать им руки, говорили то же самое. Это же заявил и командующий отряда ополчения, который явился, чтобы зачистить территорию. Вал Кон ждал продолжения.

Хакан поднял взгляд. Усы у него печально обвисли, а глаза смотрели так пристально, как это только возможно при близорукости.

— А ты ощущаешь себя героем, Кори?

Вал Кон мягко ответил:

— Хакан, откуда мне знать?

— Угу. — Хакан снова устремил взгляд в свой чай. — Я чувствую себя отвратительно. Я... — Тут он снова поднял глаза — и оказалось, что они полны слез. — Я убил трех человек. Трех! — Он стал смотреть в окно. Голос его стал едва слышным. — Скольких убил ты?

Память подсказала ему точную цифру.

— Больше трех. — Вал Кон сделал глоток чая. — Ты поступал правильно. Хакан, ты выполнил свой долг. Кроме трех убитых, ты ранил многих и не дал им вступить в бой. Помни, что ты был вооружен только охотничьим ружьем...

— Вот именно! — страстно откликнулся Хакан. — В том-то и дело! У меня было такое чувство, будто я охочусь, а не... Один парень, он... бежал через кусты, и я знал, что он собирается перепрыгнуть через ручей, и я просто дожидался его, Кори. Отслеживал его, словно оленя. И когда он прыгнул, я... — Тут его голос сорвался, но страсть помогла ему договорить. — Он прыгнул, и я его убил. А потом я переключился на следующего парня. И я даже ничего не почувствовал, только подумал, что с этим я уже разобрался...

Холодная голова в бою и реакция пилота. Корректирующая операция для устранения близорукости и недолгая подготовка — и из него получился бы неплохой агент. Вал Кон не спеша пил чай.

— Ты был в ополчении. Тебе не говорили, что в бою придется убивать? — Он помолчал. — У тебя есть охотничье ружье. Ты говоришь, что раньше охотился и убивал.

— Но не людей! — прошептал Хакан. — Я никогда раньше не убивал человека, Кори.

— А! — Вал Кон всмотрелся в красноватые глубины чая.

«Почему он пришел с этим ко мне? — раздраженно подумал он. И тут же сам себе ответил: — Ты был агентом-командиром. К кому еще ему обратиться?»

— Это... прискорбно, — медленно проговорил он, продолжая изучать свой чай, — что в бою приходится убивать людей. Было бы лучше, если бы никому никогда... не нужно было... убивать других. — Он вздохнул, пытаясь отыскать идеи, которые не должны были бы казаться такими призрачными. В своих идеях он не ощущал убежденности, хоть и знал, что где-то в самой глубине своего сознания верит в них со страстью, сила которой равна переживаниям Хакана. — То, что ты сделал... Когда тот человек прыгнул и умер... у него было большое оружие... тяжелое и скорострельное. Это так?

— Ты его видел? Угу, он нес пулемет. Мне один раз пришлось стрелять из такого в ополчении. Превращает мишень в решето.

— Так. Представь себе этого человека с этим оружием, и еще одного, чтобы прикрывать его сзади, — и представь его на главной улице в Джилле. — Он поднял взгляд, увидел, что Хакан слегка позеленел, и довел цепочку рассуждений до конца. — Один человек с одним пулеметом — скольких людей он бы убил? Людей, которые не имели оружия, не были солдатами... или... детей, продавцов. Фру Трелу. Кем.

Он подался вперед и дотронулся до плеча своего собеседника. Похоже, сейчас требовался именно такой жест.

— Ты все сделал правильно, Хакан. Я не вижу, что ты мог бы сделать лучше — после того, как решил нарушить мой приказ и остаться.

Хакан по-настоящему улыбнулся, хотя уголки его губ еще немного дрожали.

— Ну а что мне оставалось делать? Мири была в доме, и ты туда пошел, спокойный такой — с одним только ножом... Я решил, что самое малое, что я могу сделать, это... отвлечь их внимание. Занять тех парней, которые оставались вокруг дома, чтобы им не пришлось в голову зайти внутрь. Дать тебе и Мири шанс выйти живыми.

— И ты своей цели добился. Ты остался жив в бою. Ты нашел в себе способности, о которых не подозревал. И все это хорошо, Хакан. — Вал Кон неловко шевельнулся в кресле. — Ты спросил меня... Я никогда не встречал героев. Я не знаю, что ощущает герой. По-моему, не важно, сколько именно людей ты убиваешь. По-моему,

только звери убивают без жалости, даже когда нет иного выхода — только убивать. И еще... ты не играл на своей гитаре, Хакан. Когда у меня... бывали неприятности... раньше... я обнаружил, что музыка... помогает. Дай музыке помочь — разобраться в случившемся.

— Мы оба не играли, — согласился Хакан. — Наверное, это неплохая мысль... — Он сделал над собой усилие, и на этот раз улыбка у него получилась гораздо более уверенной. — Нам ведь еще надо готовиться к фестивалю. — Он наклонил голову. — Отец сегодня на заседании совета. Я приглашу Кем на ужин, а потом мы могли бы порепетировать, ладно?

Репетировать? Муниципировать? Реакция была отмечена как паническая — и была подавлена.

— Хорошо...

Хакан пристально посмотрел на него:

— Может, мы могли бы заехать захватить Мири. Готов биться об заклад: она уже на стенку лезет, живя с фру Трелу и фру Бригсби.

Мири? К панике добавилось еще что-то — и было так же быстро подавлено.

— Спасибо, Хакан. Не думаю.

Наступило молчание. Выражение лица молодого музыканта стало непонятным.

— Ну, хорошо, дружище. Но если ты передумашь...

— Спасибо, Хакан.

Просторы вселенной

Курьерский корабль вышел в нормальное пространство на краю системы, ведя передачу на всех частотах. Передав сообщение трижды, он нырнул обратно в гиперпространство.

На Филомене Чивер Мак-Фарланд изумленно воззрился сначала на передатчик, а потом — на своего нанимателя:

— Ваш родич?

Пат Рин йос-Фелиум повернул к нему невозмутимое лицо. Его карие глаза были бездонными и непроницаемыми.

— Йос-Фелиум в родстве с йос-Фелиумом, конечно. Вы сможете решить эту проблему? Как скоро?

Чивер стремительно соображал.

— Если я все сделаю по инструкциям, то можно будет повернуть примерно в полночь. Но я могу срезать кое-какие углы, чтобы мы отправились раньше.

Пат Рин приподнял ровные брови.

— Я не предвижу необходимости спешить, пилот. Продолжайте свою работу. — У выходного люка он повернулся и слегка поклонился. — Пожалуйста.

Дверца люка закрылась, и он ушел.

В противоположном секторе Шадиа Не-Зейм резко выпрямилась в кресле пилота, включила следящее устройство, определила координаты корабля — и потеряла его, поскольку он тут же ушел в Прыжок.

«Отличное пилотирование, Шадиа, — сказала она себе. — Тебе бы следовало у него поучиться. Ну и что теперь?»

Нахмурившись, она внесла в вахтенный журнал новую запись.

В штабе на Невлорне приняли сообщение — а два корабля охраны стремительно вышли из построения и бросились вслед курьеру. Однако вскоре пришелец растаял — вместе с одним из кораблей охраны. Второй медленно развернулся и направился обратно в строй.

— Мы его потеряли, — сообщил по общей связи жизнерадостный юный голос. — Но Ча Лор сидит у него на хвосте.

Клонак тер-Мьюлин зарегистрировал происшествие, а потом воспроизвел сообщение курьерского корабля. Когда в конце вахты пришел его сменщик, ветеран все еще продолжал хмуриться.

— Только что принято сообщение по широкому лучу, кэп. — Расти протянул распечатку, чуть наклонив вперед свой плотный корпус. — Я подумал, вам это будет интересно.

— Поклон, Расти? Похоже, Лина учит тебя этикету.

— Пытается время от времени.

Радист пристально смотрел на него, и его лицо и аура выражали тревогу. Шан принял шуршащий лист и посмотрел на сообщение.

«Внимание Внимание Внимание. Все члены, сторонники, помощники и союзники Хунтавас по получении данного сообщения и впредь будут оказывать помощь, поддержку и услуги сержанту Мири Робертсон, гражданке Земли, и командору разведчиков Вал Кону йос-Фелиуму, гражданину Лиад, в случае необходимости прерывая свою деятельность. Повторяю: помощь и поддержка Мири Робертсон и/или Вал Кону йос-Фелиуму безусловна и имеет высший приоритет.

Повторение сообщения...»

— Как мило, когда о тебе заботится стайная черепаха, — пробормотал Шан, чувствуя, как у него холодеет сердце. Он поднял голову и улыбнулся встревоженному Расти. — Переправь, пожалуйста, это сообщение по узкому лучу моей сестре, Расти.

— Да, сэр. — Он секунду поколебался, а потом выпалил: — Все в порядке?

— Все в порядке, — ответил Шан, словно успокаивал ребенка. — Хунтаवास взяли моего брата и его даму под свое крыло — что, ты должен признать, предпочтительнее, чем когда на тебя объявлена охота по всей галактике.

— Ну да...

На круглом простодушном лице ясно читалась неуверенность. Шан сжал плечо Расти.

— Старина, мой брат попал в заварушку. — Он встряхнул сообщением. — Похоже, счета подведены.

— Так что все в порядке, — заключил его собеседник, просветлев.

— Все в порядке, — подтвердил Шан.

Провожая взглядом Расти, он и сам не мог сказать, были ли его слова правдой или ложью.

Вандар «Покой Хеллина»

— Но это же... — Сидевшая на пассажирском месте Кем вернулась так, чтобы видеть его лицо. — Хакан, Кори и Мири ведь женаты! Как она могла остаться с фру Трелу и позволить Кори жить у тебя?

Хакан пожал плечами.

— Капитан ополчения нас разделил и велел оставаться на месте. По-моему, они не поняли, что Кори и Мири женаты. А Кори только пробормотал что-то насчет того, что теперь она в безопасности. — Он с трудом вспомнил тот момент. — По-моему, самой Мири это не слишком понравилось.

— Надо думать! — Кем обеспокоенно посмотрела на своего жениха, решила, что разговор на любую тему лучше, чем очередной приступ совершенно нетипичного для Хакана молчания, и предложила, чтобы они по дороге домой заехали за Мири. — Тогда им просто придется поговорить друг с другом.

— Я спросил Кори, не заехать ли мне за Мири. Он сказал, что время неподходящее. — Вглядываясь в дорогу сквозь усиливающийся снегопад, Хакан сбросил скорость у поворота. — Не надо в это лезть, Кемми, — неуверенно проговорил он. — Кори очень напряжен, и я... Война имеет свои последствия. Он сам знает, что ему делать — и чего не делать.

— Ладно, — тихо отозвалась Кем.

Хакан проехал по подъездной дороге и выключил мотор. Он секунду сидел, сжимая пальцами рулевое колесо и глядя на вихри снега и серое небо.

— Кем? — проговорил он. А потом он быстро повернулся, и его сильные пальцы осторожно сжались у нее на запястье. — Кемми, я по тебе скучал.

— Я тоже по тебе скучала, Хакан. — Она помедлила. Ей было очень неловко, но она твердо знала, что пришло время говорить правду. — Я хочу, чтобы мы больше никогда не расставались.

Его лицо разгладилось, а улыбка получилась почти такой же яркой, какой была раньше. Но потом он снова стал серьезен.

— Нам надо о многом поговорить. Но сегодня... давай просто побудем вместе, хорошо?

— Хорошо. Мне это нравится.

Кем улыбнулась, и Хакан смущенно откашлялся.

— Ну... Пойдем посмотрим, что за безобразие устроил нам на ужин Кори.

Ужин Кори был произведением искусства. Он превратил обычные мясо и овощи в экзотические блюда, чуть пряные и удивительные. Хакан достал бутылку отцовского вина из осеннего отжима, и трапеза прошла настолько приятно, насколько может быть приятной трапеза для молодой девушки в обществе двух почти безмолвных джентльменов.

Кори со слабой улыбкой и поклоном выслушал комплименты по поводу своего кулинарного искусства. Как всегда, он очень уклончиво ответил на вопрос, где научился так готовить, и замолчал, как только Кем перестала спрашивать.

Вино помогло Хакану немного расслабиться, и когда послеобеденные фрукты были съедены, а посуда аккуратно поставлена в мойку, он уже очень походил на того Хакана, которого Кем знала. Телефонный звонок, которым замур Мельтц сообщил своему сыну, что останется ночевать в Джилле, не желая пускаться в дорогу под сильным снегопадом, похоже, помог ему восстановиться окончательно. Он широко улыбнулся Кем:

— Кажется, тебя тоже отрезал снегопад, киска. Если, конечно, ты захочешь.

— Хакан!

Она кивком указала на Кори, но тот, похоже, был целиком поглощен отмыванием суповых тарелок.

Улыбка Хакана стала еще шире.

— Эй, Кори! Оставь все это до завтра, друг. После завтрака мы втроем все быстро перемоем. А сейчас нам надо порепетировать! До фестиваля осталось совсем немного!

Кори повернулся, и на его перерезанном шрамом лице Кем прочла тревогу.

— Хакан...

Но Хакан схватил ее за руку и потащил по коридору в гостиную, насвистывая на ходу.

Кори бесшумно вошел в гостиную, когда Хакан уже начал настраивать гитару.

— Садись за инструмент, дружище, и пусти дым из клавиатуры!

— Хакан... — снова начал Кори, но тот с ухмылкой прервал его быстрым перебором.

— В чем дело? Играть разучился?

— Нет...

— Ну, так чего ты ждешь?

Гитара начала плести сложный узор аккордов. Спустя секунду Кори прошел за рояль, сел на табурет и поднял крышку.

Он так долго сидел, подняв руки над клавиатурой, что Кем уже подумала, не откажется ли он играть. Но потом, очень осторожно, словно ожидая не музыки, а взрыва, он прикоснулся к клавишам и негромко сыграл несколько гамм.

Гитара перешла на ритм, называвшийся «Бит Байли». После секундного колебания рояль подхватил свою партию.

Кем откинулась в кресле, не сводя глаз с лица Хакана, приготовившегося отдаться музыке. Ее жених неожиданно нахмурился — а ее собственные уши запротестовали.

Она повернулась и изумленно посмотрела на Кори. Рояль послушно издавал ноты, нужные и в должном темпе. Кем почувствовала, что с технической точки зрения мелодия сыграна безупречно: даже безумный зигзаг звуков, который обычно заставлял Кори качать головой, получился правильно, безукоризненно.

Но это играл не Кори! В музыке не было радости, горячности, тонких оттенков. Так могла бы сыграть музыкальная шкатулка, а не такой музыкант, как Кори.

Кем беспокойно шевельнулась в кресле, подумывая, не пойти ли ей к роялю, чтобы заставить его перестать. Но потом она замерла и наклонила голову — за роялем и гитарой она уловила еще какой-то звук.

Видя, как все сильнее хмурит брови Хакан, она тихонько встала с кресла и пошла, чтобы открыть дверь.

В круге желтого света на крыльце стояла крошечная фигурка. Капюшон куртки был откинут, и рыжие волосы припорошил снег.

— Мири, ветров ради! Да ты же совсем закоченела! — Кем схватила подругу за руку и втянула в дом, вглядываясь в темную дорогу. — Как ты сюда добралась?

— Пришла пешком, — спокойно сообщила Мири.

Кем изумленно уставилась на нее:

— От Бригсби? В такой снегопад? Мири...

Мири пожала плечами:

— Я пришла повидать Кори.

— Да, моя хорошая, но ты же могла нам позвонить! Хакан бы за тобой съездил. Давай мне свою куртку, ты ведь промокла насквозь! Что это на тебя нашло?

— Я пришла повидать Кори, — повторила Мири и крепко обняла Кем. — Не суетись, Кем. Тут же недалеко. И там, откуда я родом, такой снег бывает... еще как часто!

Она вздрогнула и повернула голову в сторону гостиной.

— Хакан с Кори репетируют, — робко начала Кем, но Мири прервала ее, стремительно повернувшись обратно.

Ее серые глаза стали огромными.

— Он так не играет!

Кем беспомощно развела руками и снова заметила снег в волосах подруги.

— Иди к огню, — приказала она, радуясь тому, что хоть эту проблему можно легко решить. — Сейчас я принесу тебе горячего чаю с виски. Тебе повезет, если ты не подхватишь просто чудовищную простуду!

Мири слабо улыбнулась и направилась к гостиной.

Она двигалась с бесшумной грацией, которая могла бы поспорить с изяществом движений самого Кори. Кем секунду наблюдала за ней, а потом направилась на кухню.

Руки Кори тяжело опустились на клавиши, завершив бездушно-безупречную мелодию диссонансом. Хакан с облегчением прижал струны ладонью и поднял голову.

Его друг смотрел на дверь, и лицо его ничего не выражало. Хакан обернулся туда же.

Мири стояла в центре двустворчатой двери, не видя ничего, кроме сидевшего за роялем мужчины. Она не двигалась долгие секунды, а потом вдруг шевельнулась, перевела взгляд и тепло улыбнулась.

— Хакан! — Она прошла к нему, приветственно протягивая свои хрупкие руки. — Я не успела поблагодарить тебя за помощь. Храбрый ты был. Очень друг. — Она вложила свои руки в его ладони и наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку. — Спасибо, — снова поблагодарила она его и выпрямилась.

А потом она наклонила голову, и ее улыбка погасла.

— Хакан, я пришла повидать Кори. Поговорить нам нужно. Это твой дом, и мне жаль... беспокоить? Эта комната, другая? Чтобы дверь закрывалась? Ты можешь нам одолжить?

— Эта комната, — ответил он ей. — Никакого беспокойства. Для того друзья и существуют. — Он близоруко прищурился и убедился в том, что обернутая вокруг ее головы коса действительно вся промокла. — Только нам надо бы тебя высушить. Иначе получишь воспаление легких или еще что.

— Кем несет чай, а огонь здесь хороший. Я скоро сухая. Еще раз спасибо, Хакан. Ты — хороший друг.

Это было недвусмысленным приглашением уйти. Хакан встал и, неся в руке гитару, направился к двери. Проходя мимо рояля, он

улыбнулся Кори, но тот, похоже, этого не заметил. В дверях он чуть не налетел на Кем.

Она поставила на низкий столик у огня большую кружку.

— Сейчас же выпей все до капли! — строго велела она Мири. — Не годится, чтобы ты заболела.

Повернувшись, Кем вышла из гостиной, плотно закрыв за собой обе створки двери.

Вал Кон развернулся на табурете и теперь сидел спиной к роялю.

— Привет, Мири.

— Привет.

Она подошла и остановилась перед ним, с ужасом отметив бесстрастность его лица. Теперь она застыла уже не только от холода.

— Я тебя сильно не задержу, — решительно проговорила она. — Я просто хотела услышать, как ты это скажешь, ладно? Чтобы я знала.

Он опасливо посмотрел на нее:

— Скажу это?

— Ага, — резко подтвердила она. — Скажи это. Думаю, все и так достаточно понятно: ты отправил меня со старухами, а потом — молчание. Немного удивилась — думала, это не в твоём стиле. Думала, ты скажешь мне прямо. Что-нибудь типа: «Мири, уходи». — Она перевела дыхание, не отрывая взгляда от его лица. — И я пришла, чтобы это услышать.

Смятение было отмечено и подавлено. Вспыхнул Контур, показав, что с удалением женщины из уравнения ВВЗ достигает приблизительно 0,96. Его губы приоткрылись. Они оказались сухими, и он их облизнул.

Мири приблизилась еще на шаг. Ее руки были демонстративно на виду, поза подчеркнута неагрессивна.

— Это ведь очень просто, — тихо сказала она. — Вот так: «Мири, уходи». — Наступило короткое молчание, а потом она чуть подалась вперед, не отпуская его взгляда. — Не то чтобы я прежде этого не слышала.

Напряжение росло. Вал Кон на мгновение сосредоточился на нем, не нашел ему причины и решил не принимать во внимание. Он снова облизнул губы.

— Мири...

Он с трудом выдавил это слово. Напряжение усилилось настолько, что игнорировать его было невозможно. В нем боролись противоречивые чувства: ему не удавалось отделить личное желание от требований миссии.

Стоявшая перед ним женщина подалась чуть ближе:

— Уже начало. Осталось еще слово.

— Почему?

Это слово было порождено смятением, наполнено напряжением и прозвучало почти как крик.

— Ты же хочешь, чтобы я ушла, — сказала она. А потом едва слышно спросила: — Разве нет?

Хочет ли он этого? Чего он хочет? Конечно же, ничего похожего на то, что предположила она. Конечно же, то, чего он хочет, это не что-то столь смертоносное, что от одного только желания он испытывает боль и тошноту. Он попытался вспомнить прошлое, борясь с отчаянной напряженностью. Когда-то он определенно чего-то хотел...

— Я хочу... — Собственный голос донесся до него из заполненной гулом дали. — Я хочу поговорить с братом. Три года... четыре... и я не посылал ему известий, не возвращался домой. Не смел вернуться домой — он увидел бы! Он начал бы спрашивать, он стал бы проверять. Он поставил бы себя под угрозу... Зеркамка... братоубийца...

Руки у него похолодели. Его била дрожь.

— Вал Кон!

Она держала его за плечи. Ему не следует позволять ей держать его за плечи. Она опасна, она — Мири...

— Босс. — Ее пальцы откинули прядь волос у него со лба, прикоснулись к его щеке. — Твой брат в безопасности, Вал Кон. Ты не возвращался домой.

— Но мне хотелось! — воскликнул он. — Шан... — Он поднял руки, обхватил ее лицо холодными дрожащими ладонями. — Ты делаешь то же самое... задаешь вопросы, ставишь себя под угрозу. Мири... — Он отнял руки, поняв, что с ней следует делать — что он когда-то сделал с Шаном. — Мири, беги.

— Нет смысла, — ответила она потрясаясь спокойно. — Ты же очень быстрый, босс. Поймаешь меня в секунду. — Она снова прикоснулась к его щеке, а потом положила обе руки ему на плечи и начала их разминать. — Напряжен, как доска. Ты хоть спал после боя?

— Немного...

— Так я и подумала. Вы с Хаканом похожи на пару зомби.

— Хакан сказал мне, что никогда раньше не убивал людей, — сказал он, сам толком не понимая, какое это имеет отношение к чему бы то ни было.

— Проклятье... — Тонкие пальчики продолжали массаж, даря успокоение, которое не было только физическим. — Вот что я тебе скажу, босс, — гражданским нельзя давать оружие.

— А солдатам нельзя иметь агентов, — проговорил он почти сонным голосом. — Мири...

— Я сегодня больше не желаю слышать от тебя «беги», аккази? Не знаю, в курсе ли ты — но на улице сейчас метель. Я уже прошла через нее пять миль и определенно не намерена никуда через нее бежать.

Одна рука поднялась с его плеча, легла ему под подбородок и подняла голову так, что он смотрел ей в глаза.

— Босс, что происходит?

— Я... — Контур вспыхнул, предвещая катастрофу, выброс адреналина заставил его вскочить на ноги, но какая-то непонятная сила удержала его на месте, так что он продолжал смотреть ей в глаза, пытаясь найти на земном или торговом такие слова, которые помогли бы ей понять, что случилось и какая ей угрожает опасность.

— Я... не могу... найти... выключатель.

— Выключатель?

Она недоуменно нахмурилась.

— Выключатель.

Он замолчал, пытаясь отыскать более точные слова. Выключатель? Не точно. Ключ? Нет. Модель мышления? Ближе, но земной исказит это до полной бессмыслицы.

«Боги, что за язык! — яростно подумал он. — На нем совершенно невозможно что бы то ни было объяснить!»

Вал Кон не заметил, что сказал это вслух, пока не услышал ее негромкий ответ:

— Да, но, по-моему, они сделали это не специально, правда ведь? Наверное, это было самое удачное, что удалось придумать на месте, и они хотели потом вернуться и все уточнить... — Она пристально посмотрела ему в глаза и снова передвинула руку, чтобы погладить его по щеке. — Ты не мог бы очертить мне все хотя бы приблизительно? Когда мы выберемся из этой заварушки, я выучу низкий лиадийский, договорились?

Как это ни невероятно, но Вал Кон улыбнулся — улыбнулся по-настоящему! Мири увидела, как в его глазах зажглась радость, губы раздвинулись — и на секунду ей показалось, что они справились. Но эта секунда миновала, и потом она все еще видела его, но сквозь того, другого — агента, словно он сидел за решеткой.

Он закрыл глаза, и она ощутила, какое усилие он делает, словно оно потребовалось от нее самой. Она закусила губу и не решалась шевельнуться, едва смела дышать, пока он снова не открыл глаза.

— Когда мы были на корабле Точильщика, я на какое-то время оставил тебя, чтобы танцевать Л-апелеку и восстановить... должный... образ мышления.

Мири кивнула, замороженно наблюдая за тем, как его рука поднялась — мучительно трудно, преодолевая сопротивление собственных мышц — и обхватила ее пальцы, все еще лежавшие у него на плече. Она стиснула его пальцы — и ей показалось, что она ощутила едва заметное ответное пожатие.

— То, что я тогда сделал... — медленно проговорил он. — Пойми, что я... собрал все, что было... что мне казалось... неправиль-

ным — и убрал в один небольшой чулан, Мири. Чулан у меня в мозгу. Я установил на чулане... замок. А потом я убрал ключ в кошель и сделал вид, будто чулана не существует. — Он замолчал, перевел дыхание — и его рука сжала ей пальцы. — Или иначе: я загнал джинна в угол, нашел бутылку, засунул его внутрь и плотно закупорил горлышко пробкой.

— А когда армия атаковала, джинн вырвался на волю.

— Нет, — возразил он. — Нет. Это я открыл дверь. Повернул выключатель. Это было моим решением. Замок был надежный.

— Зачем?

Действительно, зачем? Он попытался отыскать в своей памяти нужный момент, отмахнувшись от факта, который она сочла бы бессмысленным.

— Я испугался, — сказал Вал Кон через несколько долгих секунд. — Я... Ты была в доме, там было опасно. Нас разделяло много врагов, и я не знал, что делать. Я... хотел, чтобы ты была в безопасности, и понимал, что мне надо действовать... эффективно и очень быстро. И я... — Теперь он уже крепко сжимал ее пальцы, но если ей и было больно, то она ничем этого не выдала. — У меня нет природных способностей убивать людей, Мири.

Она заморгала, а потом усмехнулась:

— Люди редко из-за этого извиняются. — Она помолчала. — Значит, ты решил, что ворвешься туда, уничтожишь противника, повернешь тот выключатель и все будет *гумекно*, так? Только теперь ты не можешь найти бутылку, а джинн оказался крупнее, чем тебе запомнилось.

— Я... — Чутье разведчика подсказало ему, что сравнение получилось правильным, и он кивнул. — Что-то в этом роде, да.

— Надеюсь, это близко к истине. — Мири нахмурилась. — Ты завяз в этой... а, дьявол!.. в этой управляющей программе, которую тебе навязали в шпионской школе, и она не даст тебе отыскать средство, чтобы из нее выбраться. Картина дрянная: ты не спишь, все сильнее нервничаешь, растерян... Программа предпочла бы, чтобы ты погиб, но больше ее не отключал, босс. — Опять наступило молчание. — Ты уже один раз перехитрил ее твоей Л-апелекой. А в последнее время не пробовал?

— Здесь нет места...

— Место мы тебе найдем. — Она задумчиво покусала губу. — Ладно, вот что: ложись на ковер у огня, пройдишь по «Радуге» и зайди к себе в комнату. Когда ты туда попадешь, то сможешь отдохнуть, а я схожу и арендую для тебя местный спортивный зал.

— Нет...

Мири замерла, пристально глядя на него:

— Нет? А почему нет?

— Я... Сюда приходил капитан ополчения, чтобы поговорить со мной. Его отряд будет прочесывать перевал, и ему нужна была от меня любая информация, поскольку мы так недавно пришли оттуда. — Он помедлил. — Они найдут корабль, Мири. Он не настолько хорошо спрятан, чтобы его можно было не заметить, прочесывая местность. Мне надо пойти и отправить его.

— Это факт.

— Да.

И это было фактом, хоть он и не намеревался — не хотел о нем говорить.

— Когда ты собирался туда идти?

Она говорила почти небрежно, но пристальный взгляд ее выдал.

— Завтра, после рассвета. Одному человеку нетрудно опередить отряд. Я доберусь до корабля к полудню, отправлю его на орбиту и к вечеру уже буду с Хаканом.

— Проще простого, — согласилась она. — Только тебе не обязательно идти, босс. Л-апелека важнее. А я избавлюсь от корабля.

— Ты не пилот, Мири.

— А я разве называла себя пилотом? Заткнись и не мешай думать.

Ее размышления длились не больше дюжины ударов сердца. Она нежно сжала его пальцы.

— Мне нужно немного подвигаться. Ты будешь в порядке?

— Я буду в порядке.

Став коленями на табурет рояля, она около минуты что-то сосредоточенно чертила, а потом выпрямилась и указала на результат своих трудов:

— Вот как выглядел пульт, когда мы уходили. А теперь покажи мне, как он должен выглядеть для взлета.

Он встал на колени, ощущая тепло ее тела, словно горящий рядом факел, и рассмотрел ее рисунок.

Изображение оказалось абсолютно точным. Нарисовав под ним черту, он изобразил нужные приборы и то, как их следует включить, чтобы пошла энергия и можно было начать взлет.

Мири изучила его рисунок, чуть сдвинув брови, а потом коротко кивнула:

— Будет сделано. — Сняв рисунок в комок, она бросила его в огонь. — Об этом ты позаботился. А теперь ложись и закрывай глаза.

— Нет.

— Ну а теперь в чем дело?

— Мири... — Признание пришло, как прорвавшаяся плотина. Он вдруг сел на вытертый ковер, и ее лицо расплылось в заслезившихся глазах. — На корабле Точильщика, когда я получил... ты назвала это «боевым шоком»... но я завяз в «Радуге». Мне очень нужно было расслабиться, и я ухватился за самый верный способ... самый надежный способ. Это — прием разведчиков, Мири, кля-

нись тебе! Я открылся — и та, другая... программа эффективности использования оружия... меня поймала... Безопасности не существует: они этому учат. И это правда — единственная правда, из всего, что они говорят. Мири, я не смею...

Она подалась к нему, обхватив обеими руками. Ему следовало бы вырваться, но вместо этого он наклонил голову, уткнулся лицом в мягкую выемку у основания шеи и услышал, как она говорит.

— Ничего. Ничего, малыш. Вал Кон, Вал Кон, послушай! Ты меня слушаешь?

Не прерывая контакта с ее кожей, он кивнул.

— Вот и хорошо. А теперь ты мне доверишься, ладно? Я ведь прикрывала твою спину, правда?

— Да.

— Ладно. Мы доведем тебя до твоего убежища — до твоей комнаты. Я пройду с тобой все шаги. Если увидишь что-то страшное, только крикни, и я тебя вызволю оттуда. — Ее руки горячо сжались. — Никто больше тебя не поймает, босс: я тебе это обещаю.

Ее руки разжались. Он почувствовал, что его нежно отстраняют, и встретился с парой очень серьезных серых глаз.

— Ляг, Вал Кон. Пожалуйста.

Это может получиться. Какой-то далекий уголок его сознания, работу которого он почти не замечал, вопил, требуя, чтобы он сделал так, как она сказала. Как это ни странно, Контур не вмешивался.

Вал Кон медленно поднялся на ноги, подошел к огню и лег на спину, вытянув руки вдоль тела. Сев рядом с ним, Мири улыбнулась — и получила в ответ его призрачную улыбку.

— Ладно, — сказала она, заставляя себя найти тот тон дружелюбной решительности, к которому прибегала в самых безнадежных боевых ситуациях. — Закрой глаза и сделай глубокий-преглубокий вдох.

Она тоже глубоко вздохнула, не отрывая взгляда от его лица.

— А теперь представь себе красный цвет...

Когда они добрались до фиолетового, она спросила:

— Ты видишь лестницу, Вал Кон?

— Да, — тихо ответил он. — Лестница... по-прежнему на месте.

— И у тебя все в порядке? — спросила она, уловив слабую неуверенность. — Тебе не страшно? Тебе ничто не угрожает?

— У меня... все хорошо.

— Тогда ты готов спуститься по лестнице?

После короткой паузы он сказал:

— Дверь тоже на месте.

В его голосе прозвучало легкое удивление.

— Ты откроешь дверь? — спросила Мири. — Войдешь в комнату?

— Сейчас...

Она осторожно перевела дыхание.

— Вал Кон! Что-то не так? Может, я смогу тебе помочь.

— Нет, так. Просто... я не был... внутри... с тех пор как...
Мири! — вдруг окликнул он ее.

— Угу?

— Спасибо тебе... Неужели можно только сказать «спасибо»? И все? Шатрез, спасибо тебе за то, что ты любишь меня... любишь меня так сильно.

— Еще и не то будет, — сказала она, сумев найти нужный тон. — Но — на здоровье. Ты туда зайдешь или так всю ночь и постоишь у двери?

Его губы изогнулись в улыбке.

— Зайду...

И наступила тишина. Мири сидела, впившись короткими ногтями себе в ладони, не отрывая глаз от его лица, закусив губу, чтобы не закричать и не разорвать сеть.

— Мири? — шепотом окликнул он ее. А потом уже громче: — Мири!

— Я здесь.

И что она будет делать, если что-то все-таки не так? После своего блефа, когда она пообещала, что не допустит, чтобы с ним случилось что-то плохое...

Но на его лице она прочла радость, и когда он заговорил снова, то это прозвучало почти песней торжества:

— Мири, все на месте! Все в порядке! Они сюда не заходили!

— Ты счастлив? — по-идиотски спросила она, чуть не захлебнувшись собственной радостью и не вполне понимая, что происходит.

Казалось, он готов расхохотаться.

— Давай не будем преувеличивать... Секунду... — Наступило долгое молчание. — Сейчас я засну, — проговорил он потом, — и настроюсь на то, чтобы завтра начать сеанс Л-апелеки. Большое помещение, шатрез, если можно. А если не получится, я буду танцевать на улице.

— И бедняге Хакану придется объяснять соседям, что еще вчера ты был в полном порядке, а потом вдруг сбрендил? Я найду тебе какое-нибудь место под крышей. И не тревожься насчет корабля. Считаю, что он уже на орбите.

— Да, Мири.

— Нахал.

Невольно улыбнувшись, она выпрямилась и секунду стояла, глядя на него.

Его грудь поднималась и опускалась в ритме отдыха, тело было расслаблено, лицо помолодело... Лицо мальчишки, который крепко спит.

Она осторожно проверила новую картинку, возникшую у нее в голове, и спустя несколько мгновений смогла успокоиться. Она уже не была так взвинчена, как в начале дня, когда она решила прийти сюда и поговорить с ним лицом к лицу. «Может, все получится, Робертсон», — подумала она и бесшумно вышла, постаравшись плотно прикрыть за собой дверь.

Вандар «Покой Хеллина»

Когда Мири вошла в кухню, Хакан поднял голову и, заглушив ладонью струны, отложил гитару в сторону.

— Как Кори? — спросил он почти мягко.

— Лучше, — сказала она, плюхнувшись на стул, который придвинула ей Кем. — По-моему, лучше. Он... заснул.

— Хорошо, — пробормотал Хакан. Чуть подавшись вперед, он заглянул ей в лицо. — В Порлинте не холодно, Мири. Он близко к экватору, так что там почти не бывает снега.

Она недоуменно моргнула, а потом наклонила голову почти так же торжественно, как это делал Кори:

— Спасибо, Хакан. Я постараюсь запомнить.

— Не за что. — Он сел прямее. — Хочешь вернуться к фру Бригсби? Я могу тебя отвезти.

— Завтра, — тихо уточнила Кем.

Мири быстро придвинулась к нему и прикоснулась к его руке, одновременно улыбнувшись девушке.

— Хакан, еще раз спасибо тебе. Но было бы лучше... Ты не знаешь места — большого, пустого места... которое Кори мог бы занять на пять дней — или шесть? Если знаешь, то ему надо идти туда. А мне завтра надо пойти еще куда-то, а потом я вернусь к фру Бригсби.

Встретив непонимающий взгляд Хакана, Мири покусала губу и сделала новую попытку:

— Сражаться Кори было трудно — он пошел только потому, что он мне нужен...

— Кори был в Джилле! Как он узнал, что он тебе нужен? Он вбежал в магазин, попросил, чтобы я отвез его домой...

Мири почувствовала острое желание сделать добрый глоток кинака и спрятаться где-нибудь с книгой, но вместо этого она мысленно расправила плечи.

— Вы с Кем будете вместе достаточно долго — будете чувствовать, когда с другим плохо.

— Это правда, милый, — сказала Кем. — Но зачем Кори большое пустое помещение? Если у него депрессия после боя, то не лучше ли ему быть с тобой?

— Только после того, как он... — Она вздохнула и услышала досадливый возглас Вал Кона: «На этом языке ничего нельзя объяснить!» — Он должен... упражняться, чтобы тело и мысли бежали вместе.

Она резко развела руки, мысленно посылая к черту слезы, которые снова навернулись ей на глаза.

— Хакан, я не хорошо объясняю, и мне жаль... Вам с Кори пришлось сражаться, и это я виновата!

— Ты виновата? На тебя напал отряд бассиланских повстанцев, и ты в этом виновата? Мири...

— Милочка, ты совсем не виновата, — начала было Кем, но Мири прервала их уверения:

— Виновата! Потому что один вышибает дверь, входит и наставляет на меня ружье. Боррил прыгает, и тот человек бьет его ружьем. Боррил снова прыгает, и я отнимаю у него ружье, убиваю его. Входит еще один человек, и я стреляю в него. Я дура, понимаете? Я думаю, они бандиты, их пять или шесть. Ружье — оно плохое, ржавое, нечищенное. Я думаю, что могу остаться и сражаться...

— Остаться и сражаться? — спросил Хакан. — С шестью вооруженными мужчинами?

— Хакан, если их шесть, двух я уже убрала — проблема не такая страшная. Но третий мужчина — он не идет искать своих товарищей. У этого... большое ружье... и я вижу, как он его ставит, и вижу за ним других, и понимаю, что я дура и бежать некуда. У меня это плохое ружье. У меня нож, но я не Кори, который умеет ножом. Я тревожусь — Кори приходит и приводит тебя... и оба не солдаты! Я виновата, Хакан. Мне надо было взять Боррила и бежать.

— Кори убил много солдат, Мири. И я тоже убил нескольких.

— Кори сказал — трех. — Она нахмурилась. — Хакан, почему у тебя ружье?

— А? — Он растерянно моргнул. — Я... Ну, это охотничье ружье, на...

— Охота? Почему ты охотишься? Нет магазинов? У тебя не хватает денег купить еду?

— Ну, ведь...

— Ты не должен был стрелять в тех людей из такого ружья! — воскликнула она. Заметив, как лицо его исказилось от боли, она резко метнулась вперед и схватила его за плечи. — Хакан, ты был очень смелый. Может, ты спас мне жизнь. В бою разве скажешь? Теперь ты что-то узнал. Ты узнал, что можешь убивать людей. Ты узнал, как ты себя потом чувствуешь. — Она отодвинулась и выпустила его плечи. — Может, тебе надо отдать ружье.

— А как же ты?

Он говорил хрипло, и на его лице еще видна была тень обиды.

— Я? Я долго была солдатом, Хакан. Солдаты не ломают двери и не убивают людей. Солдаты приходят, говорят, что захватили это место, просят людей уйти и дают им сопровождение, если противник близко. — Она пожалала плечами. — Люди иногда думают, что пули не пройдут через дверь. Думают, их дом не загорится. Я не знаю, что люди думают. — Она покачала головой. — Вы с Кори не солдаты. Ты знаешь, что ты чувствуешь. Ты слышал, как Кори играл.

— Плохо...

— Как машина, — добавила Кем, и Мири кивнула.

— Вот почему ему нужно место... чтобы быть одному и упражняться. Пожалуйста, Хакан... ты не знаешь? Кем? Все равно какое, только чтобы туда никто не заходил.

Наступившее молчание настолько затянулось, что Мири уже не надеялась получить их помощь. Но тут Кем тихо сказала:

— Хакан, а как насчет сарая?

Он обдумал ее предложение, устремив свой близорукий взгляд в пространство.

— Может подойти. Он крепкий, и там осталась печка с того времени, когда тот дурной турист устроил там себе ателье. — Он кивнул. — Так и сделаем. Кори может упражняться в сарае, пока не отрастит себе длинную седую бороду.

Мири облегченно рассмеялась:

— Ничто не бывает так долго. Завтра я покажу ему где, а потом пойду по своему делу и вернусь к фру Бригсби. — Она посмотрела на Кем. — Если позвонит фру Трелу, ты можешь... что-нибудь ей сказать? Я много прошу...

Кем улыбнулась:

— На день я могу тебя прикрыть, моя хорошая. Не беспокойся.

Слезы снова оказались опасно близко, так что она видела своих друзей сквозь сверкающий калейдоскоп.

— Спасибо, — сказала она, с трудом поднимаясь на ноги. — Спасибо вам обоим.

Она уже прошла полкухни, когда ее остановил голос Хакана.

— Мири?

«Ну, что еще?» — подумала она, поворачиваясь обратно.

— Да, Хакан?

Его лицо было более спокойным, и руку Кем он держал уже увереннее, но взгляд его выражал недоумение.

— Откуда ты на самом деле, милая? В Порлинте...

— В Порлинте, — устало прервала она его, — маленькие девочки — не солдаты. Знаю, Хакан. Доброй ночи.

В следующую секунду дверной проем уже был пуст. Они не слышали ни звука, пока она шла по коридору, а потом — только как открылась и закрылась за ней дверь гостиной.

Вандар Перевал Форнем

«Похоже на правду, Робертсон. Включай таймер и вали отсюда».

Тем не менее ее рука застыла над последним тумблером. Она с проклятием отвернулась от пульта управления и отошла на два шага. Остановившись, она стала рассматривать окружавшую ее со всех сторон карту Вал Кона.

«Боги!»

Она села на пол посредине карты и дотронулась до сделанной из переходника горы, потом взяла бумажный космический корабль. Один мир. Один мир, чтобы провести в нем остаток жизни — после того, как она могла выбирать среди сотен...

«Ты застряла, Робертсон. Смотри в лицо фактам и прекрати ныть! Не понимаю, что на тебя в последнее время нашло: превратилась в настоящую лейку. Ты думаешь, тебе трудно? А Вал Кону легко? Вырос на Лиад, был разведчиком-первопроходцем... Везде бывал, все видел. У него семья, он скучает по брату. Ты слышала, чтобы он квасился?»

Она еще немного посидела, устремив невидящие глаза на карту и вспоминая Лиз, Джейса и Судзуки и еще десяток других. Вспомнила Скела, что уже вовсе не имело смысла, потому что Скел давно погиб и сгнил на Кламасе. Если Кламас еще существует.

«Бывают места и похуже, Робертсон. Шевелись».

Она медленно поднялась на ноги, вернулась к пульта, проверила его еще раз и установила таймер. А потом застегнула куртку и побежала к выходу.

Она выкатилась из аварийного люка, развернулась при приземлении и забросила ключи от корабля в стремительно закрывающееся отверстие. А потом быстро заковыляла по глубокому снегу, направляясь к расположенным ниже по склону кустам.

Земля, снег и кусты затряслись. Раздался мерзкий вопль за пределами слухового восприятия, и Мири упала, повернувшись так, чтобы видеть. Корабль был уже на высоте двадцати метров и направлялся прямо в затянутое тучами небо.

Она провожала его взглядом, пока он не превратился в отблеск солнца на выщербленном металле, смотрела, пока он не исчез полностью. Смотрела, пока у нее не заболели глаза, и она опомнилась, потому что замерзшие слезы обжигали ей щеки.

Она стерла остатки слез покрасневшими от холода руками. А потом, заставляя себя не обращать внимания на пустоту под сердцем, она повернулась и зашагала обратно к Джиллу.

* * *

Тело сообщило, что за закрытыми глазами царят темнота и холод. Внутренний страж, получивший задание следить за внешними условиями, позволил телу сжигать больше калорий, чтобы выработать больше тепла. Темнота значения не имела.

Он танцевал: ритм, дыхание, мысль, движение были нераздельны. Был только разум и атрибуты разума, имевшие имя Вал Кон Йос-Фелиум Разведчик, Художник Преходящего, Убийца Старшего Дракона, Весеннего Помета Фермера Зеленодрева из Логова Копьеделов Клана Средней Реки, Крепкий Парень.

Он прошел через три начальные Двери, предался необходимому отдыху и, наконец, приблизился к четвертой Двери, Бэнел-каратак, Месту Величания Фрагментов.

Он еще раз вернулся к своему имени и сосредоточил величание и понимание на особой его части: Крепком Парне.

Его охватила волна яркого тепла, воспринятого целостно: имя потребовало величания той, кто наименовала. Он жил радостью, и незамеченные слезы струились из-под опущенных ресниц, и танец изменился, прославляя столь острый клинок, столь яркое пламя, столь неожиданную спутницу жизни — столь любимого друга.

Танец сделал круг, радость не прекращалась — и он приблизился к Двери, открыл свой разум для фрагмента своего имени — и громко вскрикнул. Глаза открылись в темноту, тело содрогнулось, радость растворилась в едком потоке отвращения к себе.

Он с трудом нашел крупницу самообладания. Он заставил тело приблизиться к печке в углу, вынудил руки взять дерево и сложить по системе, почерпнутой из навыков того человека, которым он был когда-то.

Согнувшись над огнем, он пытался согреть свое тело, а бушующий в нем самый холод наполнял рот металлическим привкусом, а душу — отчаянием.

— Мири! — Он протянул руки к язычкам пламени и обратился к ней так, как будто она стояла рядом, в тених за печкой. — Это, другое — оно очень сильно, Мири. А я совсем не очень силен. Я провел тебя — сделал тебя спутницей жизни человека, которого не существует. О боги... — Его голос сорвался от ужаса. — Боги, какие вещи я творил!

«Когда тебя переделывают по чужой программе — это ведь смерть, правда?»

Он застыл, прислушиваясь к ее словам чутким слухом памяти.

«Программа предпочтет, чтобы ты погиб, но больше ее не отключал, босс».

Сколько всяких ловушек они установили, чтобы заставить его действовать против себя самого? Чтобы заставить работать на Департамент — или умереть, но не освободиться?

Он уже один раз победил их — на корабле Точильщика. Он побил их с помощью одного осколка уверенности, который сохранился в течение четырех лет безумного расставания с собственной душой: Они лгут.

Он добровольно разбил то, что создал во время того танца на корабле Точильщика, но этот осколок истины по-прежнему был с ним. Это было началом, хотя и не таким началом, которое он выбрал бы добровольно. Как это свойственно людям, он очертя голову нырнул в Л-апелеку прежде, чем были проведены должные размышления. Он смущенно улыбнулся темноте за печкой.

— Танец будет долгим, — тихо сказал он. — Дождись меня, шатрез...

Мусоросборка

Прозвучал сигнал возвращения в нормальное пространство. Шадиа проснулась и вернула кресло пилота в вертикальное положение, одним ловким движением убрав сеть безопасности и уже проверяя показания пульта. Она отметила набор нормальных показаний, дала сигнал готовности пилота и включила экраны. Корабль разведки плавно вошел в нормальное пространство.

В экране по направлению полета зависла планета средней величины — одна из трех в системе, единственная обитаемая. Планета И-2796-893-44 — Вандар, как называют ее местные жители. Запретный мир, где торговля и все контакты исключены по причине неразвитости общества.

Она со вздохом включила вахтенный журнал и снова вздохнула, когда на нижней части главного экрана возникла надпись «Начать процедуру подлета». Скорее от скуки, чем из-за сомнений в автопилоте корабля, она перевела управление на ручное и лихо положила корабль в предписанную спираль.

— Можно подумать, — проворчала она на вимдиаке — языке, который она предпочитала для разговора с самой собой, — у них есть хоть что-то настолько мощное, чтобы они могли меня увидеть. Ах, ладно, Шадиа — рассматривай это как небольшую практику пилотирования, хотя эту задачу трудной не назовешь. Ха! Что-то мы стали слишком умные, а? И насколько точно ты сможешь выдержать траекторию, хвастунья?

Некоторое время она занималась тем, что вела корабль по расчетной траектории — без погрешностей. На втором вспомогательном экране синяя линия движения корабля безжалостно пе-

рекрывала черную расчетную. Сосредоточенная Шадиа довольно мурлыкала себе под нос какую-то мелодию.

— Спорим на кантру, что ты собьешься при входе на орбиту? Вечно ты... Дети Камчеки, а это еще что такое?

«Это» блестело в лучах желтого солнца, выйдя на своей орбите из-за горизонта. Средняя орбита, стабильная. Шадиа усилила увеличение, настроила датчики. — и чуть было не обругала компьютер. Второй вспомогательный экран показывал, что подлет корабля по-прежнему совпадает с расчетным.

Компьютер сообщил ей, что это — корабль (собственное чутье подсказало то же самое на несколько секунд раньше). Аккумуляторы полностью вышли из строя, добавили датчики, а компьютер вывел изображение на третий вспомогательный экран, охарактеризовав орбиту как быстро снижающуюся. Показатели наличия форм жизни оставались непримиримо отрицательными: на корабле не было и живой блохи, хотя, судя по показаниям датчиков, система жизнеобеспечения находилась в рабочем состоянии.

Шадиа нажала было кнопку навигационного расчета, вспомнила, что корабль находится на ручном управлении, и провела вычисления в уме, чтобы выйти наперехват испорченному кораблю. Уравняв скорость и включив датчики и сканеры на максимальное разрешение, корабль разведки начал сближение.

Уже через несколько секунд ее корабль завис рядом с пустой яхтой. Она вывела справочник. У корабля не было лиадийских обозначений, а вместо них стояли две цифры, семь и одиннадцать, соединенные дефисом. Обозначение порта приписки было замазано краской и на экране не появилось.

Дефекты корабля были заметными: шрамы, царапины, яркие пятна металла. Можно было подумать, что он прошел через метеоритный рой, не включив защитного экрана. Чем дольше она его рассматривала, тем сильнее ждала, что он поведет себя так, как положено кораблю: развернется, сориентируется, отреагирует на присутствие другого корабля.

Хорошей новостью — если ее можно было считать хорошей — было отсутствие крупных протечек. На спектро스코пе не появилось нежелательного газового пятна, никаких указаний на то, что корабль был открыт вакууму.

Плохой новостью было его положение, которое в очередной раз подтверждало необходимость мусоросборочных полетов. Проклятье! Когда в прошлый раз на орбите запретного мира нашли что-то, то три года ушло на то, чтобы все собрать и составить отчеты.

На секунду ей захотелось забыть о том, что она здесь видела, однако Шадиа прекрасно понимала, что рано или поздно ее записи проверят и кто-то этот корабль заметит.

— Чертовы правила! — пробормотала она. — Страница 437, параграф 4: «Доложить прежде, чем входить на борт любого подозрительного или не имеющего разрешения находиться в запретной зоне корабля».

Шадиа неохотно ввела координаты ближайшего комм-ретранслятора и включила узкий луч экстренной связи. Продолжая проклинать свое невезение, она нажала переключатель, который отправит показания ее датчиков на резервной частоте.

Немного позже она уже стояла в рубке брошенной яхты, хмуро рассматривая карту на полу. Яхта побывала в руках икстранцев — это было видно невооруженным глазом, — однако икстранцы обычно не прерывали налета, чтобы заняться подробной картографией. И, видя под собой незащищенный мир, они тем более не стали бы тратить и доли секунды на составление карты.

Шадиа присела на корточки, словно с близкого расстояния проще было понять, за каким чертом карта сделана, и провела пальцем по знакомому обозначению реки.

Какими бы ни были цели икстранцев, они не стали бы использовать в своей карте лиадийские символы.

И наверняка, решила она, рассматривая странный макет новыми глазами, они не составили бы карту именно так, как это сделал бы разведчик, не пожалев времени и трудов, добыв крупницы информации от жалких датчиков яхты и превратив их в свод фактов, которые можно было бы изучать и осваивать. Компьютер на таком корабле не мог обладать возможностями, упрощающими эту задачу, даже если бы корабль не имел повреждений в момент составления карты...

— Кто-то стал экдикти.

Шадиа села на пятки. Такие вещи случались. Разведчики имели привычку пропадать из виду, обживаясь на какой-нибудь планете, которую они нашли и о которой не стали сообщать, или на любой планете, которая подходила им больше, чем чопорная, душная Лиад. Вполне возможно, что и Вандар пришелся кому-то по вкусу.

Она задумалась, продолжая рассматривать карту. Незвестный разведчик прилетает к Вандару (оставим на время вопрос о том, почему он мог прибыть на чем-то столь нелепом, как личная яхта, и с такими скудными сведениями о выбранной им планете, что ему пришлось потратить несколько дней на составление карты и принятие решения). Скажем, он прилетел и в свое время высадился на поверхность планеты, возможно, запрограммировав яхту на вылет из системы... или перелет в глубь системы, вдруг подумалось ей. Лучше всего избавиться от корабля, направив его в солнце.

Затем пустую яхту перехватывают икстранцы, которые ее обчищают и оставляют, чтобы потом утилизировать.

— И оставляют на орбите вокруг обитаемого мира? Право, Шадиа!

Она резко вздохнула и стремительно встала. Ясно одно: брошенной яхте не место у Вандара, как бы она сюда ни попала. Тут ее долг совершенно ясен. Сканирование поверхности не показывало возмущений, какие вызвало бы вторжение икстранцев. И у нее не было приказа искать разведчика, который предпочел стать эклипти. Догадки можно отложить на потом. Это поможет ей занять оставшиеся часы мусоросборки.

Она провела вокруг себя ручным сенсором, записывая все детали, которые могли бы укрыться от человеческого взгляда. Возможно, она лишит кого-то возможности вернуться, но это не ее проблема. И потом, судя по наклону орбиты, кораблю осталось вращаться не больше пары сотен дней. С тем же успехом можно разделиться с ним, как положено.

Она решительно подошла к пульту, повернула выключатели и начала процедуру отмены блокировок. На секунду ее брови изумленно взлетели: датчики показали, что несколько обязательных регуляторов энергии вообще отсутствуют. Она включила контуры — и от их воя у нее заложило уши. А потом она направила всю энергию, включая и жизнеобеспечение, в одну критическую ячейку и бросилась к выходу.

Упав в кресло пилота, она стремительно нажала нужные кнопки, даже не воспользовавшись сетью безопасности, и положила корабль разведки в головокружительный вираж, так что весь пульт расцвел желтыми сигналами тревоги. Стремительно нарастив скорость, она ушла в невероятный Прыжок. Позади нее брошенная яхта взорвалась, засыпав планету дневным звездным дождем.

Вандар **Ферма «Дуновение весны»**

До рассвета оставалось еще три часа, когда от теней, окруживших сарайчик скаппинов, отделилась еще одна тень, которая бесшумно скользнула по тонкому насту к ведущим на кухню ступенькам. На крыльце распахнулась дверь на свежесмазанных петлях, и из нее выглянула вторая тень — более низкая и хрупкая. Вырвавшийся из комнаты желтый свет отразился на массе медных волос.

— Привет, — проговорила она, словно ясно его видела, хотя свет не достигал настолько далеко. — Так ты заходишь или нет?

— Доброе утро, — пробормотал он, неслышно поднимаясь по лестнице. На крыльце он становился, улыбнулся и сделал поклон. — Мне бы очень хотелось войти, спасибо, Мири.

— Вот и хорошо. — Она широко улыбнулась и вернулась в комнату. — Завтрак почти готов. Я уж было решила, что твою половину придется отдать псу.

— Я опоздал? — спросил он, закрывая дверь и расстегивая куртку.

Лежавший на коврик в углу Боррил застучал хвостом и приветственно застал.

— Не опоздал, — ответила Мири от плиты. — Думаю, ты как раз вовремя.

Он ухмыльнулся, повесил куртку на крючок между ее синей и потрепанной клетчатой фру Трелу и наклонился потрепать Боррила за ухо:

— Привет, пес. Так ты остался жив, да? Настоящий герой. Газеты пишут о тебе очень трогательно.

Боррил громко застонал, завалился на бок и в экстазе закатил желтые глаза.

Вал Кон рассмеялся, обхватил рукой тупую морду и решительно ее встряхнул:

— Бесстыдная тварь. Думаешь, я вернулся только для того, чтобы дергать твои глупые уши? Да, я вижу твой гипс. Сам виноват — нечего было ломать ногу. Неужели ты не мог придумать ничего получше?

Собака отозвалась еще одним прочувствованным стоном, который перешел во вздох, когда человек выпрямился и пошел к плите.

Мири подняла голову и быстро ткнула пальцем в сторону чашки, исходившей паром на столике:

— Ты шел пешком от самого дома Хакана, босс?

Он с удовольствием обхватил чашку замерзшими руками и наклонил голову над ароматным паром.

— Очень красивая ночь. Ясная. В этой системе действительно немного звезд, но, по-моему, сегодня их все можно было бы пересчитать. — Он сделал осторожный глоток. — Увы, у меня терпения не хватило.

— Мог бы подождать до утра, — сказала Мири, умело манипулируя лопаточкой и сковородой. Вал Кон с удовольствием принял. — Хакан бы завез тебя по дороге в город.

Вал Кон выгнул бровь:

— Но, видишь ли, я хотел поговорить с моей женой уже этой ночью, а Хакан, боюсь, уже лег к тому моменту, когда моя потребность дала о себе знать.

— Есть же телефон...

Вал Кон засмеялся:

— Он не годится. — Подойдя к буфету, он принялся вынимать приборы и салфетки. — Поставить сюда тарелки?

— Угу... — ответила она, сосредоточив почти все внимание на своей задаче.

Вал Кон разложил ножи, вилки, ложки и салфетки — ей желтую, себе — голубую, оставил тарелки у плиты и налил вторую чашку чаю. Перенеся обе чашки на стол, он вернулся, чтобы найти в леднике хлеб и масло.

— Завтрак, — объявила Мири, ставя тарелки на стол. — Надеюсь, ты проголодался.

— Только что не до смерти, — ответил он, усаживаясь за стол и берясь за вилку.

Мири улыбнулась и принялась за свою порцию, удивляясь внезапно проснувшемуся аппетиту.

Справа от нее раздался вздох. Она подняла глаза и увидела, что Вал Кон ей улыбается.

— Очень вкусно. Спасибо, шатрез. Видишь ли, я боялся, что мне придется съесть собственную куртку.

Она засмеялась и потянулась за своей чашкой, укоризненно качая головой:

— Фру Трелу решила, ты сбежал. Хочет, чтобы я вызвала полицию и призвала тебя к ответу.

— Мерзавец, — скорбно сообщил он своей тарелке. — Бесчестный человек. — Он быстро взглянул на нее из-под ресниц. — А ты в это не поверила?

Она моргнула:

— Нет.

— Прогресс, — обрадовал он тарелку, подцепляя вилкой очередной кусок. — Хорошо.

Зеленые глаза устремились на нее снова, не дав ей времени подыскать подходящий ответ.

— Фру Трелу снова покупала тебе одежду, шатрез? Рубашка очень красивая.

Мири покачала головой:

— Забавно: люди со всего Бентрилла присылают нам одежду, книги и... а, дьявол, я и в половине этого барахла не разбираюсь. Деньги. Похоже, много денег. Фру Трелу пыталась объяснить мне, сколько у нас сейчас денег, но, кажется, я ее не поняла. Куча вещей для тебя лежит у рояля...

Она внезапно замолчала, заметив, как он закаменел.

— Премия? — тихо спросил он, забыв про вилку. — За солдат, которых мы убили?

Так вот оно что. Премии получают икстранцы. Лиადийцы ведут счета.

— По-моему, это не премия, — осторожно проговорила она. — Кем объяснила это так: люди считают нас героями и... благодарны нам за то, что мы тогда остановили армию. Было бы гадко, если бы они добрались до Джилла. — Она помолчала, кусая губу. — По-

моему, они хотят быть с нами квиты, потому что им кажется, будто они у нас в долгу за то, что мы оказали им услугу.

— Понятно, — пробормотал он, снова принимаясь за завтрак.

Мири расправилась со своей порцией, наслаждаясь ее вкусом, радуясь самому его присутствию, даже когда они просто сидели рядом. Она неуверенно посмотрела в себя и прикоснулась к месту, где была его картинка — и чуть было не уронила вилку.

Картинка сияла. Она светилась. Она лучилась светом. Мири заставила свой внутренний взор проследить переплетения и ответвления узора — и ощутила его целостность, здоровье и тепло, словно радость собственного сердца.

Она судорожно вздохнула, не замечая на себе его взгляда, пока он ее не окликнул:

— Эй?

Она с трудом оторвалась от созерцания картинки-узора.

— О чем ты думала, Мири?

— Я... — Она растерянно заморгала. — А где джинн, босс?

— А! — Он откинулся на спинку стула, не отрывая глаз от ее лица. — Низложен, сказала бы ты, наверное. Его силы отняты, зрение уничтожено.

— И этого больше не повторится? Если тебе снова придется сражаться, ты не завязнешь? — Она пожалала плечами. Глаза у нее подозрительно заблестели. — Я в жизни ничего страшнее не видела, когда эта штука пошла вразнос. Все ведь случилось прямо у меня на глазах! Только что все было в порядке — а в следующую секунду она совершенно сбрендилась.

— Мне очень жаль, — отозвался он, — что ты испугалась. И — нет, я больше не попадусь в ловушку. Ловушек внутри больше не осталось — там только Вал Кон, вещи, которые он знает, и способности, которыми он обладает.

Мири нахмурилась:

— А Контур?

— Существует, — спокойно ответил он. — В конце концов, это — способность, которая у меня есть: наблюдать и определять шансы. — Он заметил, как по ее лицу пробежала тень, и подался вперед, протягивая руку. — Мири!

Она медленно вложила пальцы в его руку:

— Вал Кон?

— Да, — заверил он ее очень мягко. — Кто же еще? Тебе страшно, Мири? Я...

Но она уже качала головой, полузакрыв глаза и прикасаясь к картинке у себя в голове.

— Не страшно. Картинка... правильная. Не совсем такая, как раньше — но это ничего.

Вал Кон судорожно вздохнул, но она уже улыбалась, широко раскрыв глаза и сжимая его пальцы.

— И вообще, откуда ты взял джинна? Я-то считала, что это — наше, земное.

— Так оно и есть, — ответил он, снова откидываясь на спинку стула и отпуская руку. — Но моя мать была землянка, забыла? И она рассказывала нам сказки. В одной речь шла о человеке, который нашел на берегу бутылку. Он вытащил пробку, и оттуда выбрался джинн. Он простерся ниц перед человеком и объявил себя его должником. Он предложил исполнить три желания, чтобы заплатить свой долг.

— Похоже на стандартный сюжет, — согласилась Мири, наблюдая за выражением его лица. — Но доверять им нельзя. Джинны — народ скользкий.

— Так оно и оказалось. Но надо признать, что человек, нашедший бутылку, не входил в число мудрецов. — Он взял свою чашку. — Меня эта история заворожила: она завладела моим воображением, и я обнаружил, что думаю, как бы поступил я, если бы джинн предложил оказать три услуги мне.

Он весело улыбнулся, озорно блестя глазами.

— После долгих размышлений я решил, что у меня есть безупречный план. Мне ведь было шесть лет — и я был очень мудр для своих лет. Оставалось только заполучить бутылку с джинном. — Он тихо засмеялся и поставил чашку на стол. — И я отправился к дяде в погреб...

— Ой, нет!

У Мири округлились глаза.

— Ой, да, — заверил он ее. — Возможно, с моей стороны было не очень разумно отправиться на поиски в то время, когда мой дядя был дома. Хотя я до сих пор не понимаю, почему он поднял такой шум. Можно подумать, я снова не заткнул пробками те бутылки, в которых оказалось только вино...

Она хохотала, запрокинув голову и открыв стройную шею.

— И он оставил тебя в живых?

— Чуть было не убил, — признался он.

Плечи у Мири вздрагивали от смеха, и она утирала глаза дрожащими пальцами. Его глаза следили за ее движениями, и она вдруг смутилась и протянула ему руку.

Он нежно улыбнулся серебряной змее, обвившейся вокруг ее пальца и крепко зажавшей во рту голубой камень.

— Я рад, что ты решила снова его надеть, шатрез. Спасибо.

Она пожала плечами и потупилась.

— Было трудно носить его, пока мы здесь работали. Я боялась его сломать или потерять. Но королевские плотники, кто бы они

ни были, так хорошо поработали, приводя в порядок ферму, что здесь и дел не осталось — только кормить скаппинов. — Она с полуулыбкой подняла глаза. — Мы остались без работы, босс.

— Тогда мы найдем другую. — Он выгнул бровь. — Какая картинка?

Мири ответила не сразу, и он подался вперед, вспомнив свои прежние страхи.

— Тебе от нее больно, шатрез?

— Больно? — Она покачала головой. — Не-а, она хорошая. Как правило, хорошая, — уточнила она. — Когда во время боя ты пошел вразнос, она перестала быть хорошей, но больно не было, даже тогда. Она просто была... неправильная. — Она прикусила губу и встревоженно посмотрела на него. — Вал Кон, а это не ты ее сделал? Я была уверена... она ощущается как твоя!

Ее плечи начали наливаясь напряжением, а недоумение — сменяться тревогой. Вал Кон отодвинулся от стола, поймал ее руку и притянул Мири к себе на колени. Сев лицом к нему, она заглянула ему в глаза:

— Босс, это должен был быть ты! Я знала, что ты в беде. Знала! Видела. Не трогала тебя три ужасных дня, как дипломированная кретинка, думала, ты выберешься...

— Мири. Мири! Не надо, шатрез... — Он нежно провел пальцами по ее лицу, пытаясь стереть следы боли. — Пожалуйста, Мири, ты не виновата.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Мири?

— Все в порядке.

Она открыла глаза, чтобы это продемонстрировать, и Вал Кон чуть заметно улыбнулся.

— Вот и хорошо. — Он немного помолчал. — Давай решим, что это я, — начал он, пытаясь найти нужный способ расположения неловких земных слов. — Она тебя действительно не беспокоит? Я счастлив, что это так. Я боялся, что ты сможешь... услышать... и это причинит тебе боль.

— Почему? — Она нахмурилась, пристальнее вглядываясь в его лицо. — Нет, подожди... У тебя в голове есть узор для меня? А тебе от него больно?

— Не узор, — мягко уточнил он. — Песня. Она очень мне нравится. Она... утешает.

Мгновение или два длилось молчание.

— Вал Кон? — сказала она потом.

— Да?

— Что это? Если не ты создаешь песню, но получается, что ты... — Она встряхнула головой. — Я не понимаю.

— Я пытаюсь объяснить, шатрез, но это непросто — на земном. — Она беспокойно шевельнулась, и он улыбнулся. — Я тебя

не виною, Мири. Просто то, что мне надо тебе объяснить, — это диадийское. Если бы ты говорила на низком лиадийском, то само название сказало бы тебе, что это за явление. А на земном мне понадобится изгибать слова — но только не слишком сильно, да? Иначе они станут бессмыслицей.

— Ладно. — Она потянулась и переплела их пальцы, а потом посмотрела на него. — Говори.

— Давай, — сказал он после короткой паузы, — проверим, будет ли понятно так. То, что в твоей голове — и в моей, — это кусочек эмпатии. У тебя — ко мне. У меня — к тебе. Мне кажется, что моя песня говорит: «Жива-и-здорова». А еще я сегодня выяснил, что она направленная. Когда я вышел от Хакана, то направился к дому фру Бригсби. А потом мне пришлось в голову дотронуться до моей песни о тебе, и оказалось, что ты вернулась сюда. — Он улыбнулся. — Может, я из-за этого чуть было и не опоздал к завтраку. А как ты узнала, что я иду?

Не сводя с него глаз, Мири пожала плечами:

— Я... А, проклятье! Наверное, я почувствовала, как ты направляешься домой. Что бы это ни означало. — Она нахмурилась. — И я почувствовала, когда тебе было плохо.

— Да. И я узнаю, если тебе больно или ты сильно расстроена. Думаю, что со временем можно научиться различать более тонкие оттенки. — Он вздохнул. — Не слишком удачное объяснение. Тебе его достаточно?

— Дай мне пару столетий... Вал Кон!

— Да?

— А эта самая эмпатия бывает у всех спутников жизни? Ты поэтому на мне женился? Потому что услышал эту песню или что это там?

Он покачал головой.

— Такое дается редко... — начал он, мысленно проклиная невозможность в полной мере разделить с ней ощущение чуда. — И я начал тебя слышать недавно. Определенно после того, как мы оказались здесь. Кажется, в давние дни это было чем-то большим, что спутниками жизни действительно были люди, которые... соединились. Я... Рассказывают... Опять-таки в старину, когда такие вещи встречались чаще — что те, кто так соединился, становились как будто... одним человеком. Ах, это не так! Что мысли шли туда и обратно, от одного к другому, и слова были не нужны. Что они делились... — Он прервал объяснения и резко покачал головой. — Шатрез, я ужасно глуп.

— Не-а, это просто идея дурацкая. Ни один трезвый землянин тебе не поверит. — Она на секунду задумалась. — Это... соединение — оно с нами будет?

— Не думаю. В конце концов, мы же простые люди, а не волшебники в полном расцвете способностей.

— Конечно. — Она вздохнула, пристально всмотрелась в никуда, а потом вдруг ухмыльнулась. — Думаю, мне надо поскорее выучить низкий лиадийский.

— Мне это было бы приятно, — сказал он, нежно пожимая ей руку. — Тебе правда хочется его выучить?

— Да! — ответила она с неожиданной страстностью, и ее серые глаза вспыхнули.

У него внезапно перехватило дыхание. Вал Кон нахмурился.

— Что случилось?

— Это... странно, Мири. Мне только сейчас это пришло в голову. — Он улыбнулся, но ей не удалось разобрать, что выражал его взгляд. — Если бы Департамент Внутренних Дел меня не завербовал, мне вообще не понадобилось бы лететь на Лафкит, и я не оказался бы в некоем переулке в такой момент...

«И всю мою жизнь, — подумал он, — я жил бы непробужденным и холодным, не подозревая, что мне не хватает груза некоей головы на моем плече. И я становился бы все молчаливее, даже не подозревая о том, что прислушиваюсь к звуку одного голоса, который смеется рядом со мной. Говорят, в старые времена человек мог звать, искать возлюбленную, которой он пока не знает...»

— А вот это уже дурь, на каком языке это ни скажешь, — отрезала Мири. — Лучше бы ты остался разведчиком и был на другом конце галактики от Лафкита, чем все на свете ковырялись бы у тебя в голове, делали бы тебе больно...

Она замолчала, снова ужаснувшись тому, что глаза у нее на мокром месте.

Вал Кон подался вперед, так что его губы соприкоснулись с ее губами, намереваясь только утешить ее, но почувствовал вспышку желания и встал, держа ее на руках.

— Что, скажи на милость, ты делаешь? — возмущенно спросила она.

— Держу тебя. — Он тихо засмеялся. — Мне тебя поставить?

— Не-а. Просто пытаюсь вспомнить, когда кто-то в последний раз взял меня на руки и остался жить. — Она закрыла глаза, словно вела мысленный подсчет. — Кажется, мне было около десяти.

— Тогда это было совсем недавно, — сказал он. — Пять или шесть лет назад?

— Скорее, восемнадцать или девятнадцать. — Она фыркнула. — Лыстец.

Он выгнул бровь, оглядывая ее небольшое тело.

— Неужели так много? — серьезно спросил он.

— Как минимум столько.

Он снова перевел взгляд на ее лицо:

— Но... когда же ты вырастешь большая?

Она засмеялась:

— Как только это сделаешь ты. Ты так и намерен всю ночь стоять и держать меня на руках?

— Это предложение не лишено смысла, — признал он. — Но я думаю, что нам лучше пойти лечь.

— Ты так считаешь? Я не устала.

— Вот и отлично.

«Исполнение долга»

Она отправилась в путь, не оставив никого охранять ее тело, но путь был знакомым, а она научилась действовать осторожно. Прошло достаточно времени, и семя должно было прорасти в сознание. И давно пора пойти за ответом.

Знакомая аура ярко сияла. Ее путь длился столько, сколько нужно было, и она знала, что она у цели.

Она осторожно открылась — и снова оказалась перед этим непонятым набором мощных защит. Расширив свою тропу, она нашла его в самом центре: он мирно спал, чуть мерцаая слабым лиловым сиянием, которое указывало на удовлетворенную страсть.

Вал Кон лежал за своими стенами, и там она его увидела — и при этом он оставался все таким же недостижимым, словно она его и не находила. Присцилла испытала острое желание схватить его за плечи, встряхнуть как следует и заставить проснуться. И потребовать, чтобы он объяснил ей, ради Богини, зачем ему понадобилось строить вокруг своей души такую крепость. Если бы она имела телесную оболочку, то непременно так и сделала бы.

А теперь она заставила себя облечься в Спокойствие и перенесла свое внимание на мост, простой и красивый, и по его сверкающей поверхности перешла к спутнице его жизни.

Она тоже спала, крепко заперев свою душу за одной дверью. Присцилла заставила форму и ощущение этой преграды приблизиться к ее внутреннему зору — и вдруг четко увидела большую деревянную дверь с замочной скважиной в узорчатой накладке из сверкающего металла. Дерево блестело от старости и заботливого ухода.

Присцилла усилием воли приблизилась к двери настолько, чтобы попытаться повернуть дверную ручку, — и задержалась, чтобы площадка яснее вырисовалась вокруг нее.

Присцилла вдруг поняла, что мышление спутницы жизни отличается большой конкретностью: ее аналоги составлены так твердо, что почти обретают физическую реальность. Дверь обязательно долж-

на выходить на площадку — и поэтому площадка создана: оставить дверь вне контекста было бы проявлением невоспитанности.

И в тот самый момент, когда площадка стала четкой, за секунду до того, как ее внимание полностью сосредоточилось на дверной ручке, она увидела на полу у двери... пакет!

Присцилла снова сосредоточила внимание, различила знакомые желтые и черные полосы Галактической курьерской службы и нашла там же квитанцию, заполненную округлым четким почерком:

«Кому: Присцилле Мендоса лично

Роспись получателя _____».

Смех чуть было не нарушил ее сосредоточенности и не отправил обратно без пакета и контакта.

Она строго заставила себя облечься в Спокойствие, а потом тщательно рассмотрела аналог, расписалась, оторвала верхнюю часть квитанции и надежно пристроила ее между ручкой и замком. А потом она приостановилась и совершила действие, которое в телесной форме было бы благословляющим прикосновением руки к двери.

«Да пребудет с тобой Богиня, сестра».

Повинуясь потребности другого, она наклонилась, взяла пакет и наконец отправилась домой.

Орбита Запретный мир И-2796-893-44

Тиль Фон сиг-Алда с фанатичной сосредоточенностью изучал планету, расположенную внизу. Он измерял магнитные поля, отслеживал погодные явления, нашел места возможных извержений и тектонических разломов. Он сравнил светимость солнца с данными разведки, потом сверил компьютерную модель с реальностью и смог с достоверностью, которая устроила бы даже командующего, сказать, что наконец оказался близко от цели.

До сих пор его сведения были превосходными. Следует отдать должное разведке: доклад сделан точно. Выяснилось, что облако осколков, вращающихся вокруг третьей планеты, содержит большое количество изотопов и сплавов, пока не найденных в природе.

На второй день были найдены поддающиеся идентификации обломки — первыми были узнаны металлическая отвертка, соответствующая земным стандартам, и керамический нимлет, который используется в адаптирующихся системах очистки. На третий день были найдены новые подтверждения.

Контур показал, что с вероятностью, приближающейся к уверенности, он нашел обломки корабля, на котором улетел Вал Кон йос-Фелиум.

Довольный результатом, сиг-Алда поручил компьютеру скучную задачу проследить обломки до общей точки разлета и сосредоточил свое внимание на радиопередачах.

Он не был сильно разочарован, когда изучение частот, мощностей и времени передач не дало никаких признаков сигнала о помощи, который давали бы с планеты. Нельзя было ожидать, чтобы бывший разведчик объявил себя инопланетянином и потребовал доступа к самым мощным передатчикам планеты.

Следуя правилам, сиг-Алда включил первую «модель выживания», составленную Департаментом.

Она предполагала, что йос-Фелиум желает выбраться с планеты как можно скорее и ему все равно, в чьи руки он попадет — разведчика, агента, мошенника или торговца. Это соответствовало модели «простая попытка выжить», и сиг-Алда не рассчитывал на то, что дело будет обстоять именно так. Тем не менее он поручил компьютеру провести проверку этой модели: голосовые передачи на торговом, лиадийском или земном на стандартных галактических частотах, передачи на торговом коде, наложенные на планетное вещание, и параллельные передачи с использованием планетных частот, как открытым текстом, так и закодированные.

Вторая модель — которой он сам отдавал предпочтение, основываясь на внимательном знакомстве с йос-Фелиумом, — представляла собой модель «обдуманная попытка выжить». Она предполагала осторожность: с запретной планеты не следует как попало вести передачи на галактическом языке. Вместо этого для передачи должны использоваться частоты разведки или Департамента, и существовала небольшая вероятность того, что выбрана будет частота Клана Корвал. Код или сжатый текст будут использованы для того, чтобы привлечь внимание к нужной частоте, и на этом этапе слушающий должен будет ответить, инициировав диалог и возможность краткого обмена в коде или открыто.

Третья модель называлась «попытка выжить с заранее обдуманным намерением». Согласно этой модели, йос-Фелиум выбрал именно данный мир намеренно. По этой модели он должен дожидаться сообщения или определенного момента или события. Либо он предпочел поступок, который разведчики величали «экликты» — вхождение в число Невернувшихся. В этом случае его надо будет выследить и найти — и, возможно, убедить (каковую задачу сиг-Алда отнюдь не горел желанием решать).

Четвертая была модель «жертва обстоятельств», и сиг-Алда считал ее наименее вероятной. В разновидности этой модели входила смерть йос-Фелиума или его безнадежные скитания по варварско-

му миру. Сиг-Алда поморщился. Скорее он сам будет бесцельно бродить, ничего не предпринимая, — так по крайней мере считал Контур. В конце концов, йос-Фелиум был командором разведки, человеком, имеющим дар изучать миры, осваивать языки и процветать в самом непривычном окружении.

Когда компьютер выявил наиболее вероятный континент — к глубокому неудовольствию сиг-Алды, им оказался тот, который покрывал наиболее густой смог, — агент проанализировал материалы, полученные из штаб-квартиры разведки, отыскал нужный язык и воспользовался гипноучителем. Через несколько часов он уже будет знать названия гор и морей, уметь правильно держать чашку с чаем и разбираться в политике в соответствии с последними известиями.

Приказав компьютеру разбудить себя в том случае, если будет обнаружено что-то похожее на любую из четырех моделей поведения, Тиль Фон сиг-Алда вошел в транс и начал учиться.

Владение местным языком не умерило его отвращения ко всему нелиадийскому. Язык, записанный разведчиками, был лишен тонкости. У человека, не принадлежащего к элите, мало было возможностей себя отличить от прочих. Язык не предоставлял возможности выразить превосходство или авторитет. А для мужчин это было даже немного труднее, чем для женщин.

Само общество было прямо-таки идилическим. Хотя возможность оскорбить другого существовала, культура была не из тех, где случайное оскорбление может привести к кровной мести или хотя бы драке.

Разведчики отметили, что скорость развития ничего особенного собой не представляет, хотя и предупредили, что местная технология приближается к точке Суареца — тому моменту, когда на протяжении трех или четырех поколений внимание общества будет сосредоточено на развитии техники, а само общество будет раздробленным, пока результаты роста не будут освоены.

Гипнозаписи также позволили ему взглянуть на пищу, которая оказалась неизменно отвратительной. В большинстве областей он может рассчитывать на плоть каких-либо животных, а также фрукты и овощи, которые станут несвежими к тому моменту, когда он будет их есть. Система перевозок на планете оказалась прискорбно неразвитой.

Бывали случаи, когда разведчики с их требованием независимости для таких «развивающихся» планет создавали только уродство и пустую трату ресурсов. Если бы только управление здесь передали лиадийцам, этот мир быстро стал бы производить полезные товары. Как только Департаменту удастся все устроить должным образом, подобная расточительность будет исключена.

А пока сиг-Алда изучил материалы по местному костюму и убедился, что по крайней мере ему не придется менять оттенок своей кожи или заставлять автомедика трансплантировать бороду. Он немного воспрянул духом при мысли о том, что йос-Фелиум тоже не станет сильно менять — или прятать — свою внешность.

Сиг-Алда также изучил компьютерную карту, провел расчеты вероятностей и наконец выбрал место первого поиска: крупный промышленный город на южном берегу континента в форме бутылки. Все, что он знал о йос-Фелиуме, указывало на то, что он устроит себе штаб-квартиру именно в таком месте — жалком авангарде технологии этого захолустного мирка. Там йос-Фелиум получит доступ к самому мощному передатчику на планете, ему быстро станут доступны все новшества, и при необходимости он сможет заставить какую-нибудь группу местных жителей выполнять его приказы и служить его интересам. Кроме того, климат был несколько более теплым, чем в том месте, которое было вторым по порядку предпочтения, дальше на севере.

Довольный своим выбором и показаниями Контура (BV3 0,45; ВЛВ 0,76), Тиль Фон сиг-Алда приготовился начать вторжение на Вандар.

«Исполнение долга»

— Добрый вечер, Присцилла. Как приятно видеть, что ты вернулась.

Она с трудом отыскала нужный механизм и открыла глаза:

— Шан.

— Как мило, что ты это помнишь. Может, спустя еще секунду ты припомнишь и то, что обещала больше не подвергать себя такой опасности.

Его глаза напоминали серебряный лед, аура отражала ужас и ярость.

— Какого черта ты делала? — рявкнул он, и ужас почти заглушил ярость.

Что она делала? Присцилла с усилием надежнее устроилась в собственном теле — и воспоминание пришло с приступом истерического смеха.

— Присцилла... — Он мгновенно вскочил с кресла, схватил ее за плечи и встряхнул лежащее на кровати тело. — Присцилла!

— Я была там... — да возлюбит ее Матерь! — была там, чтобы забрать пакет! — Присцилла справилась с приступом смеха, икнула, опомнилась и заглянула ему в глаза. — У меня послание от твоего брата.

Его лицо и аура застыли.

— Вот как.

— Вернее, — уточнила она, выскальзывая из его рук и усаживаясь на одеяле, поджав под себя ноги, — у меня пакет от спутницы жизни твоего брата. Я решила, что в нем содержится послание.

— Но не от самого Вал Кона.

Ей не удалось расшифровать нюансы его чувств. Она покачала головой.

— У Вал Кона... мощная защита. Я пыталась дважды — когда он бодрствовал и когда спал, — но так и не смогла до него добраться. — Она спокойно встретилась взглядом с Шаном. — Некоторое время тому назад я совершила поход души и оставила его спутнице послание: «Мы вас ищем. Помогите нам». Я наполнила его теплом и родственной заботой. — Она помолчала, а потом тихо добавила: — Лина дежурила у моего тела.

— Да неужели? Какое сокровище мы находим в наших друзьях. Присцилла виновато поморщилась:

— Шан...

Он помахал своей крупной кистью, а потом вдруг сел рядом с ней на кровати.

— Не обращай внимания. Ты сказала Лине, что в этом есть необходимость — а она, конечно же, была. Для Клана Корвал. — Он посмотрел на нее, и гнев полностью исчез. Страх тоже начал пропадать. — Очень трудное у тебя меланти, Присцилла. Прости меня.

— Спутники жизни, — проговорила она, ощутив в своих словах нотки Провидения, — близки сердцами. Он и мне брат.

— Теория, которую Нова с удовольствием не стала бы рассматривать. Но мы отвлеклись от твоего рассказа относительно пакета.

Шан вздохнул, и Присцилла почувствовала, как он работает над своим сознанием, меняя внутренний баланс, увидела, как он превращает интуитивную догадку в ясно видимое зерно мысли.

Она подумала, что целителей таким вещам не учат, и не в первый раз предположила, что годы близости отточили и изменили таланты их обоих.

— Возможно, я могу понять, как ты могла оставить сообщение жене моего брата, — заметил Шан, мысленно поворачивая свою конструкцию в разные стороны. — Но я никак не представляю себе, как она могла оставить тебе пакет!

Присцилла ухмыльнулась:

— Тебя учили, милый. А ее никто не учил. Она не знает, что это невозможно — оставить в уме пакет, чтобы его забрали оттуда. — У нее снова вырвался веселый смех. — И, похоже, она его оставила, а я, кажется, его забрала с собой. Так что, наверное, это все-таки не невозможно!

— Забрала с собой?.. — Он осмотрел комнату, приподнимая брови. — Ты хочешь сказать мне, что этот пакет при тебе?

— О да!

Присцилла нашла его у себя в мыслях, прочла надпись на квитанции и собственную угловатую подпись.

— Мне можно его увидеть, Присцилла? Пойми, я никоим образом не хочу усомниться в твоих словах...

— Конечно.

Она накрыла его руку своей и услышала, как он резко втянул в себя воздух, когда его внутреннее зрение увидело пакет.

— Присцилла!

— Да?

— Он пыльный.

— Он несколько недель лежал на крыльце, дожидаясь, пока я его заберу. А мышление у нее чрезвычайно конкретное, — с наслаждением отметила Присцилла. — Абсолютно необученная, но сила воли у нее огромная.

— Спутница жизни Вал Кона должна иметь сильную волю, иначе она не выдержала бы союза, — пробормотал он. — На квитанции написано, что он предназначен только тебе.

— Если хочешь, мы можем открыть его вместе.

Ощувив его страстное согласие, она вскрыла пакет — и чуть было снова не расхохоталась.

Осторожно, стараясь точно воспроизвести движения реальных рук, она развернула лист желтой бумаги и ощутила бессловесный взрыв чувств Шана, когда обнаружились приколотые к бумаге две плоские фотографии.

На первой был мужчина с плохо подстриженными темными волосами и ошеломляющей линией шрама на гладкой золотистой щеке. В его зеленых глазах блеснула радость, полные губы изгибались в улыбку. Все изображение ярко сияло, словно было наполнено внутренним светом. При виде этой отраженной любви у Присциллы перехватило дыхание.

Второе изображение было менее четким: просто рыжеволосая женщина с россыпью веснушек на носике, прямым взглядом серых глаз и волевым и умным лицом.

Присцилла услышала вздох Шана, но была настолько занята своими впечатлениями, что не смогла прочесть его чувства.

Она заставила себя переключиться на само письмо, снова увидев округлые каллиграфически аккуратные буквы, выведенные, похоже, ярко-фиолетовыми чернилами.

С нами все в порядке. Клан Корвал в опасности. Не разговаривайте с Департаментом Внутренних Дел. Если дела будут плохи, обратитесь к Тоильщику. У корабля полетели аккумуляторы — мир под запретом. Передайте Шану: Сеть доступа семь-ноль-три\ Тримекс: Вельдрод. Повторяю: Сеть доступа 703\ Тримекс: Вельдрод. Всем привет.

Присцилла открыла глаза и увидела, что Шан смотрит прямо на нее.

— Ну что же, — проговорил он, но ее не обманул его жизнерадостный тон, — похоже, мы все сделали не так, как надо! Мало того, что моя сестра имела как минимум один чудесный разговор с Департаментом Внутренних Дел, так теперь еще и Точильщик! И ты обратила внимание, Присцилла: о Хунтавас даже не упоминается? Как будто это сущий пустяк.

Он вытащил руку из-под ее ладони и потер кончик носа.

— Она говорит — у них все в порядке. А у Вал Кона вид совершенно измученный. Шрам получил в драке, наверное, или при крушении... — Он вздохнул. — Сеть доступа 703, так? Ну что ж, посмотрим.

Но сделанный корабельному компьютеру запрос слишком долго оставался без ответа, а полученная затем информация оказалась неудовлетворительной: «Адрес на Первой станции Лиад».

Шан снова вздохнул и покачал головой. Присцилла ощутила его глубокую тревогу как свою собственную.

— Похоже, надо послать эти сведения Нове, любимая, — сказал он. — И ждать развития событий. Боги, как я ненавижу ждать развития событий!

Он взял ее за руку и улыбнулся — слабо, но с самыми благими намерениями.

Мири проснулась в сером рассвете, приподнялась на локте и нежно прикоснулась к его шраму.

Вал Кон открыл глаза, и его губы раздвинулись в ленивой улыбке:

— Шатрез...

— Привет. — Она пригладила его сбившуюся прядь, а потом наклонилась и поцеловала его в лоб. — Письмо исчезло, босс.

— А! — Он поднял руки и притянул ее к себе. — Вот и хорошо.

Лиад Треалла Фантрол

— Все готово, мисс Нова, — сказал Дживз у нее за спиной.

Однако Нова продолжала сидеть, приподняв руки над клавиатурой и покусывая губу в совершенно нехарактерной для нее нерешительности.

Дело не в том, твердо сказала она себе, каким путем они получили это известие. В конце концов, Клан Корвал дал в течение многих поколений немало драмлиз, включая ее собственную сестру Антору.

Дело в том, неожиданно поняла она, что она боится самой Сети доступа 703. Что, конечно же, глупо и в любом случае не может помешать ей выполнять свой долг и заботиться о сохранении Клана.

Она заставила себя спокойно включить связь и ввести адрес.

— Мгновенное считывание, Дживз, — пробормотала она, хотя он уже сообщил о своей готовности.

И она прочла:

Цели и инструкции

Агент должен помнить из курса подготовки, что приверженность одному Клану — это нездоровая зависимость от устаревшей и опасной для выживания философии. В течение столетий Кланов, каждый из которых преследовал собственные интересы, душили Лиад, заключая разумных людей в ложные эмоциональные сети и тем самым лишая детей Лиад принадлежащего им по праву места среди звезд.

Плоды этого не направленного на выживание образа жизни теперь очевидны: Земля стремится нас победить и уничтожить. Заботясь о своих мелких интересах, несколько Кланов допустили, чтобы лиадийская кровь оказалась разбавлена, и дали полукровкам полные права. Хорошо известно, что Земля приветствует такие браки, стремясь победить Лиад и на всех других фронтах. Ввиду этой угрозы мыслящие личности должны отказаться от верности Клану и вместо этого встать на сторону Лиад, действуя через Департамент.

Главная цель данного Департамента заключается в утверждении превосходства Лиад и истинных лиадийцев. Для достижения этой цели...

Изображение на экране задрожало, рассыпалось и погасло.

— Что? — вскрикнула Нова, ощущая боль в сердце.

Она потянулась к клавиатуре, заметив, что канал связи по-прежнему открыт.

«Явитесь на доклад».

— Да, а как же, — пробормотала она и быстро набрала команду: «Вернуть файл».

«Явитесь на доклад», — настаивал ее собеседник, а в качестве объяснения добавил: «Приказ командующего».

«Вернуть файл», — повторно скомандовала Нова.

— Дживз! Отключи связь.

— Отключил, мисс.

«Файл будет возвращен после доклада. Вы должны явиться немедленно. Подтвердите получение».

«Сообщение получено, — быстро напечатала Нова. — Сожалею о невозможности явиться с докладом. Мои извинения командующему. Файл нужен не настолько срочно».

Наступила пауза, словно ее собеседник достаточно хорошо знал Вал Кона, чтобы почувствовать достоверность такого ответа. Нова

опустила глаза, увидела, что индикатор связи по-прежнему горит, и сложила руки на коленях.

«Оставайтесь на месте, — гласило следующее сообщение. — Будет прислано сопровождение».

Индикатор связи погас.

Штаб-квартира Невлорна

— Ну же, Шадиа, — прошептала она себе на вимдиаке, — кто может охотиться за тобой во вспомогательной штаб-квартире? — Затылок у нее упрямо покалывало, словно под чьим-то пристальным взглядом, и она шутливо добавила: — Я хочу сказать — кроме Клонака тер-Мьюлина.

Бесполезно. Та часть ее существа, которая отвечала за ее безопасность в условиях, когда за ней действительно могли охотиться, упорно посылала ей сигнал тревоги, и вопреки здравому смыслу она поймала себя на том, что настороженно осматривается, пересекая полосу и направляясь к пульту дежурного.

И полудюжины шагов хватило для того, чтобы ее убедить. Видно, либо слишком много техников, либо слишком мало. В ее сторону направлены взгляды, которым не должно быть дела до ее появления. Ощущая прилив адреналина, она начала оглядываться уже по-настоящему, пытаясь найти лицо, которое она бы узнала. Пытаясь найти друга.

Она увидела, как он направляется к ней: его морщинистое лицо выражало удивление и немного походило на обезьянье, светлогризовые глаза не выказывали никаких чувств, а под курносом носом красовались в высшей степени не лиадийские усы.

Шадиа чуть было не окликнула его во весь голос, но тревога и опыт помогли ей справиться с порывом. Что бы дурное ни происходило, это надо пережить. Выживание зависело от того, сможет ли она не обратить внимания, заставить их поверить в то, что она ничего особенного не заметила. «Кем бы эти «они» ни были», — с горечью сказала она себе.

Она ускорила шаги. У нее в голове начал складываться план. Последние несколько шагов, разделявших ее с усачом, она преодолела почти бегом и бросилась ему на шею. Обхватив ладонями его изумленное лицо, она пропела тоном, подразумевавшим самые интимные отношения:

— Клонак, поверь моей глубочайшей радости от встречи с тобой!

Он поймал ее выразительный взгляд и понял, что она уже почувствовала какую-то опасность. «Сообразительная, о, какая же

ты сообразительная, Шадиа!» Подумав это, он разжал свои объятия. Тепло их встречи мгновенно рассеялось, как только его глаза отметили ситуацию, которой он так надеялся избежать.

— А теперь, милая, боюсь, что мы должны ненадолго вернуться к тебе на корабль.

Он положил руку ей на талию и почувствовал, как ее сопротивление моментально исчезает. Сообразительная девочка!

— И как прошел твой полет, а, Шадиа? Успела отоспаться, успела как следует соскучиться по...

Он продолжал болтать, сумев вплести в свою речь слова «вон там, трое слева, двое справа» так, словно они были частью разговора. Картина стала целенаправленно меняться: они передвигались так, чтобы отрезать их с Шадией от корабля!

— Насколько плохо? — пробормотала она, бросая на него радостный взгляд и ускоряя шаг.

— Надо будет взлететь... да, через пятнадцать секунд после того, как мы встанем на трап.

— Мы кого-нибудь убьем!

— Сделай пятисекундное предупреждение. А если хочешь, взлет могу провести я.

— Я сама.

— Ладно, — согласился он.

Они вышли за край горячей зоны. Стали слышны быстрые шаги — слишком близко. А потом преследователи перешли на бег, увидев, что Шадиа прикоснулась к замку люка.

Клонак ухватился за брошенный ею ремень, выдернул первый попавшийся пистолет и послал ракету в горячую зону.

Завершали сирены. Он захлопнул люк в ту секунду, когда предупреждающий сигнал о срочном взлете корабля разнесся по взлетной зоне. Последнее, что он успел увидеть на базе, были фигуры нескольких человек, застывших на месте, тогда как более опытные бежали и ныряли за укрытия.

— Давай!

Он ухватился за спинку сиденья в тот момент, когда сигнал предупреждения смолк, и чуть не перелетел через него, когда начался взлет.

— Не хватало еще в кабине угробиться, — пробормотал он тихо, с трудом усаживаясь в кресло второго пилота.

— Девять секунд! — бросила Шадиа.

— О! Хорошо. Давай послушаем комм?

Комм издавал почти не поддающуюся расшифровке мешанину из криков, требований и просьб. Каналы экстренной связи трещали. Уже через несколько секунд поступили сообщения о пяти жертвах — и у некоторых травмы были серьезные.

— Не-Зейм, отзовитесь! Не выходите на орбиту. Повторяю: не выходите на орбиту! Немедленно поворачивайте и возвращайтесь на базу!

Корабль стремительно набирал скорость. Клонак чувствовал, как ускорение вжимает его в кресло, однако он сумел приложить палец к губам в древнем знаке призыва к молчанию.

Наземный контроль требовал действий. И неожиданно в действие вmeshался орбитальный контроль.

— В чем дело? — спросила наконец Шадиа, продолжая управлять кораблем вручную.

— Департамент Внутренних Дел. Не мог тебя предупредить...

Он жадно хватал ртом воздух. Прошло уже много лет — а может, и десятилетий — с тех пор, как ему приходилось так летать.

— Мне уменьшить ускорение? — спросила она с явной тревогой.

— Веди корабль!

Она прекрасно вела его. Он наблюдал за ее глазами и руками: она должна справиться. Реакции у нее на высоте.

— Готовься прыгать! — с трудом выдавил он.

— Мы же в атмосфере!

— Просто будь готова. Куда угодно. Как только мы выйдем...

Ни одного лишнего движения. Хорошо. Никакой паники. Еще лучше.

— Не-Зейм, оставайтесь на орбите и приготовьтесь принять людей на борт. Это Департамент Внутренних Дел. Оставайтесь на орбите и готовьтесь принять людей на борт!

Шадиа бросила взгляд на своего спутника. Клонак улыбнулся.

— Лучше? — спросила она.

— «Радуга», — коротко ответил он. — Прости меня, дитя: у меня не было возможности раньше с тобой связаться. И я во всем окончательно уверился только тогда, когда увидел всех этих техников совершенно не на месте. Департамент Внутренних Дел залезал в наши файлы, забирал наших людей... Мы создали вспомогательную базу на Невлорне, чтобы их нейтрализовать, — и будь все проклято, если они не последовали за нами сюда! Наверное, решили, что мы этого не знаем. Похоже, принимают нас за дурачков, Шадиа...

— Не-Зейм! — крикнул диспетчер. — Выйдите на орбиту и снимите защиту, или мы будем брать ваш корабль штурмом! Кто разрешил этот незарегистрированный полет...

Клонак протянул руку и нажал кнопку комм.

— Это Клонак тер-Мьюлин, — хладнокровно сообщил он. — Это я разрешил данный незарегистрированный полет. Приказ старшего по должности.

— Мы не признаем ваших приказов, тер-Мьюлин. Не-Зейм откомандирована к нашему Департаменту! Выходите на орбиту и отключайте защиту!

На экранах корабля было множество обычных рейсов, и по мере набора высоты на них стали отслеживаться траектории орбитальных кораблей, медленное перемещение суборбитальных аппаратов... Звука не было. Индикаторы горели ярко-желтым светом.

Клонак с улыбкой взглянул на Шадию.

Она поморщилась:

— Предупреждение о перехвате. Мой третий экран.

— Я не сомневался. Три корабля на третьем экране. Один — военный. А что случилось бы, если бы ты спала?

— Знаю, знаю. Полагается, чтобы звуковой сигнал работал, но это настолько бесполезно в метеорном...

— Не думай об этом, прелесть моя. Нам нужен прыжковый статус.

— Все готово. Но давление еще великовато...

— Конечно. А где луна? А! Давай я дам тебе орбитальную траекторию.

Шадиа изумленно на него воззрилась:

— Без компьютера?

— Конечно, без компьютера! Они считывают все подряд и могут поймать и наши коды управления.

Клонак забыл о ноющей боли в груди, забыл о значении трех красных точек, которые приближались к их крохотному кораблю разведки, забыл обо всех людях — врагах? — которые умерли или умирают на стартовой площадке. Считывая данные с экрана, он вычислил орбиту, на которую им надо было выйти, а потом начал диктовать ее, вполглаза наблюдая за пультом.

— Давление снизилось, — деловито сообщила Шадиа. — А эту мою командировку могут подтвердить? У тебя будут неприятности?

Прежде чем ответить, он назвал еще шесть цифр.

— У меня уже неприятности. И у тебя тоже. Департамент внутренних дел искал информацию о тебе с того дня, когда ты нашла тот корабль у Вандара. Наверное, перехватили твое сообщение по лучу. Твое невезенье, Шадиа.

— Вот что бывает, когда выполняешь правила. Проклятье!

Корабль содрогнулся. Шадиа нажала несколько кнопок и вслух считала информацию.

— Лазер с заряженным лучом. Близко. Что будем делать?

— Начни поворачивать — как будто собираешься лечь на орбиту. А когда я скажу «давай» — мы прыгнем. Немедленно.

— Клонак, в такой близости от планеты это может нас убить!

— Иначе нас убьют они, милая моя. Обязательно. Прыгай по моей команде.

Она очистила экран и стала наблюдать за показаниями притяжения спутника и Невлорна и небольшие помехи, создаваемые другими кораблями.

— Будет сделано.

Корабль снова содрогнулся. Она не колеблясь включила запасной пульт.

— Чуть все цепи мне не посадили!

Заработали сигналы тревоги — как звуковые, так и световые.

— Они произвели выстрел. Ракетами, — тихо проговорила она.

— Верно.

Ее руки прикоснулись к кнопкам на микросекунду после того, как сработала автоматика: все экраны включились.

— А что будет с Невлорном? — вдруг спросила она.

— Предполагаю, что в считанные минуты он опустеет. Вступит в действие Оранжевый план, и, если повезет, Департамент Внутренних Дел получит неприятный сюр...

Огонь!

Ослепительный свет взорвался внутри корабля, со стен посыпались искры.

— Убить мой корабль, ах вы, бесклановые... — Она задержала палец на кнопке. — Лиадийцы. Клонак, что мне делать? Они же лиадийцы! Как я могу ответить на их огонь — даже моей хлопушкой?

— Приказ старшего по должности, милая моя. Я приказываю тебе — как начальник службы безопасности пилотов — отвечать в соответствии с ситуацией. У тебя до прыжка полминуты.

Ее руки заперхали над пультом. Получив команду, корабль начал вращение, а его оборонительные ракеты отчаянно и беспомощно полетели в пространство, в сторону истребителя, который быстро к ним приближался.

Огонь!

Пульты снова отключились — и она снова смогла восстановить их работу.

Еще одно попадание, и корабль запротестовал: раздался пронзительный вопль воздуха...

— Герметичность нарушена! — крикнула она.

— Прыгай, Шадиа.

Ее руки продолжили движения: последний оборонительный залп в знак вызова. Продолжая движение, ее палец с силой вдавил ярко-красную кнопку.

Выстрел противника ударил в них в тот момент, когда она нажала кнопку, — и в прыжке корабль начал разваливаться.

Лиад Треалла Фантрол

Воспоминание было мощным, и Нова постаралась принять его так, как ее учили Целители: пытаюсь забыть, как она ненавидит свой талант и как всегда его ненавидела. И как она беспомощна перед приливом Памяти.

Это Воспоминание принадлежало женщине, которую звали Биндрея Йос-Фелиум. Древнее Воспоминание — при жизни Биндреи Треалла Фантрол еще не была построена, — однако это не помешало ему быть мощным и нетерпеливым. В момент его прихода Нова чуть было не потеряла управление автомобилем. Ей удалось удержать машину, только увеличив скорость намного больше, чем хотелось бы — при любой ситуации, пусть даже самой безотлагательной.

Было безумием ехать настолько быстро, как бы хорошо ни была ей знакома дорога. Нова пожала плечами. Все, что она сейчас делала, было безумием.

Дети уже сейчас должны находиться вне планеты, как и кузина Карин Йос-Фелиум и наследник господина дэа-Гаусса. Сам старый джентльмен от эвакуации отказался.

— Но подумайте об опасности, сударь! — запротестовала Нова, тратя драгоценные минуты собственного отступления.

— Я в полной безопасности, леди Нова, — спокойно ответил он. — Гильдия Бухгалтеров получила сообщение от моего имени на тот случай, если со мной произойдет нечто непредвиденное.

— Гильдия Бухгалтеров? — спросила она, потеряв еще минуту.

— Вот именно. И можно надеяться на то, что... лица... о которых идет речь, окажутся достаточно сообразительными, чтобы задать себе вопрос, что случится, если все бухгалтеры Солсинтры одновременно отойдут от своих компьютеров. — Он холодно улыбнулся. — А еще я сделал запросы относительно интересов Клана Корвал. Так что мне следует оставаться на месте, чтобы получить ответы.

— Как вы пожелаете, сударь, — сказала она и без дальнейших церемоний закончила связь, ибо как раз в эту минуту на нее всей тяжестью обрушилось Воспоминание.

Время внезапно оказалось слишком коротким и использование даже кодированной линии в течение длительного периода — неразумным.

Антора также отказалась уезжать, и время бежало так быстро, что Нова смогла только яростно обнять сестру, прижаться щекой к ее щеке и уехать, оставив сестру — члена прямого наследного рода — одну в опустевшем доме.

«Совершенно правильно, — вмешалась в ее мысли Память Биндреи. — Нельзя оставить Дерево без защиты. Нельзя оставить Клан

без представительства. Может понадобится вернуться. Проклятие богов на тебя, девочка! Быстрее!!! Ты спасаешь свою жизнь или в бирюльки играешь?»

Нова прибавила скорости, что, похоже, умиротворило Воспоминание, а потом снова принялась размышлять над своими безумными поступками.

Были отправлены извещения Шану и Пат Рину. И Шан получил также копию инструкций Департамента Внутренних Дел. Нова содрогнулась. Вал Кон привязан долгом к этим людям — Вал Кон, который рос как брат со своими двоюродными братом и сестрами, наполовину землянами! Вал Кон, который называл землянку «матерью», который был разведчиком и который, судя по всем известиям, пожелал соединить свою жизнь с женщиной, считавшей себя землянкой!

Безумие царило повсюду, и это в равной мере относилось и к тому, что Первый представитель сбежала из своего родового дома всего за несколько минут до появления тех, кого следует считать убийцами — или кем-то еще более страшным.

Машина вильнула, стремительно прошла поворот на подъездную аллею Джелаза Казон, выровнялась, словно собираясь врезаться в само Дерево, которое было нелепым высоким. И оно нисколько ее не утешало — хотя раньше всегда это делало.

Машина с ревом влетела во двор и даже не притормозила: Воспоминание Биндреи направило ее в проезд между двумя гаражами.

Проезд оборвался перед хозяйственной постройкой в старинном стиле, сложенной из грубо отесанного красного камня. Нова выключила двигатель, неловко нащупала ручку дверцы... И Биндрея полностью овладела ею, вытащив из машины и заставив стремительно бежать через узкий двор к дверям постройки.

Именно Биндрея ударила по двум замкам: одному видимому, на уровне плеча, второму — невидимому, на уровне колена. И та же Биндрея с облегчением увидела, что скоростной двухместный корабль по-прежнему стоит там, где она его оставила.

Нова уже захлопнула дверцу люка, включила питание прыжковых аккумуляторов, антигравитационные двигатели взлета и начала предполетную проверку. Она включила навигационный компьютер и начала вводить обманные маневры, основанные на том, что ей было известно о защитном экране планеты. Ее пальцы двигались так быстро, что почти не важно было, кто именно ими командует. Она запустила полетный план, краем глаза отметила зеленый индикатор и, хмурясь, устремила взгляд на нестандартные показатели.

«Все в порядке, — успокоило ее Воспоминание. — Мы просто включились в планетарную сеть. Джелаза Казон была первой оборонительной базой. И после того, как установили постоянную систе-

му, мы остались подключенными к ней — неофициально. Так было тогда, когда Делмом была я. Любой Делм, который допустил бы прекращение этой связи, был бы полным дураком, если не хуже. В мое время Йос-Фелиумы не рожали таких безнадежных идиотов».

Маленький корабль сообщил о своей готовности, и Нова ввела команду «Старт», запоздало закрепив сеть безопасности, когда он уже плавно скользнул над газоном и легко начал подъем, задрав нос к зеленоватому вечернему небу.

На Пятой оборонительной станции Лиад Пекки пель-Мундо чертыхнулась и нажала кнопку «Перезагрузка». Ее экран моргнул и заполнился серыми помехами. Она включила вспомогательные пульта, снова выругалась, когда экран остался серым... а потом на нем вновь возникло нормальное изображение. На верхнем поле появилась надпись: «Отключение питания на микростанции 392. Самопроверка: неисправностей не обнаружено. Перезагрузка».

Пекки вздохнула, снова включила основной пульт и принялась следить за тем небольшим участком планетарного защитного экрана, находившимся в ведении Пятой станции.

Лиад Треалла Фантрол

Главный агент Рел Вад Йолтак приложил руку к дверной связи. Пять дополнительных агентов, вошедших в его боевую группу, сосредоточились в соответствии с приказом. Йолтаку показалось, что они над ним смеются. За что, честно говоря, он не мог их винить.

Шесть человек — двое из них опытные агенты-межпланетники — отправлены, чтобы взять одного человека! Это было просто смешно. И то, что в родовом доме, куда их направили, чтобы совершить арест, не видно было суеты и деловой активности обитаемого дома, делало эту шутку еще пикантнее.

Он приостановился. Контур предположил, что вероятность сопротивления здесь равна двадцати двум процентам: отмечены аномальные условия.

Йолтак снова приложил руку к звонку.

Дверь чуть приоткрылась, а потом вдруг распахнулась шире, и в ней возникла темноволосая женщина с удивительно светлыми голубыми глазами, непривлекательно пышными грудями и бедрами и, возможно, к тому же пестрого высоковатая. На ней была домашняя туника и мягкие сапожки, а за спиной у нее высился чудовищный робот.

— В чем дело? — проговорила женщина, адресуя ему приветливую улыбку.

Спустя мгновение ее взгляд поменял направление и скользнул по двору, задержавшись прямо на каждом из шестерых, даже на йос-Риде, который пригнулся за бронированным автомобилем и не был виден от двери. Контур не смог истолковать, что это значит: отмечены аномальные условия.

Рел Вад Йолтак чуть поклонился.

— Мы явились, — объявил он тоном Приказа, — за Вал Коном йос-Фелиумом.

— Правда? — Светлые глаза невинно округлились. — Тогда я, к сожалению, вынуждена сообщить вам, сударь, что он здесь не появлялся уже несколько релюмм. Будьте любезны, назовитесь, и я передам ему ваше имя, когда он вернется.

Йолтак нахмурился: тактический передатчик у него в ухе пропел негромкую ноту, сообщая ему, что все ручное оружие его группы, за исключением его собственного, уже находится в боевой готовности.

— Нам достоверно известно, что Вал Кон йос-Фелиум был здесь не более часа назад, — повелительно заявил он женщине в дверях. — У нас к нему срочное дело, касающееся его обязанностей в отношении Департамента Внутренних Дел.

На гладком лбу появились морщинки, широко раскрытые глаза потемнели.

— Департамента Внутренних Дел? — спросила она, а потом по-земному покачала головой.

Йолтак заскрипел зубами.

— Вы сию же минуту, — резко сказал он, — выдадите нам Вал Кона йос-Фелиума, иначе мы войдем и сами его заберем.

— Нет, — мягко ответила Антора. — Нет, я так не думаю, сударь.

Позади него агент взялась за приклад автомата, который она пристроила на бедро, — и вскрикнула, отдернув руку от неожиданно раскалившегося металла.

Луч прошел всего в нескольких миллиметрах от Йолтака, так что кожа его лица все еще ощущала тепло. Контур дал почти полную вероятность того, что робот вооружен. Отмечены аномальные условия.

— В границах долины Корвал не разрешается доставать оружие, — негромко сказала Антора. — Пожалуйста, постарайтесь это запомнить. Следующее напоминание будет не таким мягким.

Йолтак приподнял правую руку, намереваясь дать сигнал к атаке, — и обнаружил, что удивительные серебристые глаза его остановили.

— Рел Вад Йолтак, — проговорила она, примериваясь, хотя он не называл ей своего имени. — Как странно, что вы решили, будто

можете войти в этот дом, когда пожелаете. Я совершенно уверена в том, что род Йолтаков не имеет союза с Кланом Корвал. Конечно, я могу и ошибаться, но мне кажется, что Йолтаки входят в Клан Симеста и ими руководит Дерани сел-Миндрук, их Делм.

— Ну и что? — огрызнулся он по-прежнему в тоне Приказа.

Антора вздохнула:

— Ну, только то, что вы страшно заблудились, сударь, и вам следует со всей поспешностью вернуться в Солсинтру. Я уверена, что там вы сможете найти шаттл, который доставит вас в Чонселту, где расположено поместье вашего Клана, если у вас столь сильная необходимость войти в дом клана. А это — Треалла Фантрол, дом рода Йос-Галан и резиденция Первого представителя Клана Корвал. Вы... не обижайтесь... не получали сюда приглашения и не можете считаться желанным гостем.

— Нас Клану не касаются! Я уже сказал, что мы пришли за Вал Коном Йос-Фелиумом. И мы без него не уйдем.

— А я, Антора Йос-Галан, сказала, что Вал Кон Йос-Фелиум здесь уже давно не появлялся. Еще раз прошу прощения, что вынуждена отправить вас ни с чем. — В ее бархатистом голосе послышались стальные нотки, хотя взгляд остался все таким же невинным. — Вам было позволено попасть на нашу территорию, поскольку не было уверенности в том, что вы представляете опасность. После того, как вы высказали угрозы, дом признает вас... нежелательными. — Она оглянулась на стоявшее позади нее чудовище. — Дживз?

— Действую, мисс Антора. У представителей Департамента Внутренних Дел есть четыре минуты на то, чтобы выехать на дорогу, ведущую из долины, прежде чем Треалла Фантрол предпримет дальнейшие действия по самозащите.

Рел Вад Йолтак сделал один шаг в сторону сучки полукровки в дверях — и неожиданно был отброшен на ступеньки, хотя его никто не касался! Он попытался схватиться за пистолет, но Контур остановил это движение с такой силой, что у него свело мышцы руки. Он настолько открыт, что прикосновение к оружию будет означать смерть. Отмечены аномальные условия.

— Три с половиной минуты, — бросила Антора Йос-Галан, когда он поднялся на колени. — На вашем месте я поспешила бы увести ваших людей, Рел Вад Йолтак. Не то чтобы я собиралась давать какие-нибудь советы члену другого Клана, — добавила она как бы между прочим.

На подъездной аллее вдруг ожил автомобиль, зарывав мотором. Один из агентов бросился к машине, забрался на водительское сиденье и попытался отключить двигатель. Машина взревела громче, дергаясь на тормозе.

Контур Йолтака оценил ВВЗ в 0,15 и отказался сообщить, каким образом можно перехватить дистанционное управление автомобилем.

Поблизости не видно было больше ни одного человека: только та женщина с холодными манерами, тронутыми земной порчей, да чудовишный самодельный робот. Контур сказал, что с вероятностью 0,85 йос-Фелиум побывал в доме, запросив файлы Департамента. Вероятность того, что он по-прежнему остается внутри и командует этой комедией, постоянно снижалась, оставаясь в пределах возможного.

Йолтак задействовал резервную энергию Контура, направив ее в убедительность Приказа.

— Я ПРИКАЗЫВАЮ Вал Кону йос-Фелиуму вернуться к своим начальникам в Департаменте Внутренних Дел!

При такой энергии тон должен был бы получиться мощным и совершенно непреодолимым. Вместо этого даже самому Йолтаку показалось, что он говорит, словно мальчишка-школьник.

По лицу женщины скользнула тень какого-то чувства. Контур расшифровал его как ярость. Она воззрилась куда-то вдаль, а потом снова перевела глаза на него.

— Никто из Клана Корвал не находится в подчинении Департамента Внутренних Дел, — заявила она с такой убежденностью, что Контур воспринял это как неопровержимый факт. — И как бы громко и долго вы ни кричали, на меня ваш Приказ не подействует. Время уходит. Быстро.

Ее взгляд стал пристальнее: глаза засеребрились и стали обжигать.

— Бегите, Рел Вад Йолтак, — сказала она ему. — Ваши силы малы, позиция слаба, за вами наблюдают. Бегите! И больше сюда не возвращайтесь.

Йолтак ахнул. При каждом произнесенном ею слове его Контур мигал, словно она била прямо по нему. Вероятность Личного Выживания стремительно падала.

С останавливающимся сердцем, растеряв все свои умения и навыки, Рел Вад Йолтак послушался ее совета. Машина уже трогалась с места, когда он в нее запрыгнул. Контур мелькал с такой стремительностью, что ничего нельзя было разобрать, кроме одного постоянно повторяющегося сообщения: «Отмечены аномальные условия».

Вандар Ярмарка

Фру Бригсби была герой.

Так сказал король, произнеся короткую гладкую речь насчет ее присутствия духа в момент опасности для всего народа. А потом он махнул рукой бесцветной фру, стоявшей навтыжку справа от него.

Та послушно вышла вперед и осторожно приколола аляповатую бронзовую медаль на героическую грудь фру Бригсби. А потом женщина отступила, а старуха зарозовела и, заикаясь, начала лепетать «ваше величество» и «ради ветров», пока кто-то из королевской свиты не увел ее обратно на место.

Мири с трудом подавила зевок. Боррил тоже был герой, и к его новому красному ошейнику подвесили блестящую медаль. Она решила, что в целом пес вел себя лучше, чем фру Б. Что доказывает: кровь себя покажет.

Мужчина со списком назвал имя фру Трелу. Она прошла по проходу прямо к креслу короля своей хрупкой, решительной походкой и быстро присела. Мири наморщила носик: сама она не собирается выделывать такие трюки в комнате полной народа!

С фру Трелу король был гораздо любезнее, чем с фру Бригсби, так что уважение Мири поднялось на пару градусов. Он не стал говорить штампованную чушь насчет того, какая она была сильная и отважная. Он только искренне извинился за то, что ее дом разнесли в клочья, и выразил надежду, что ремонт сделали удовлетворительно. Не став дожидаться ответа, он понесся дальше, и его тон почему-то напомнил Мири Вал Кона, когда тот идет вразнос. Он объявил, что с этой минуты дом становится национальным памятником, а Эстра Трелу — его смотрительницей и управляющей, каковую должность будет исполнять до конца своей жизни, получая годовое жалованье в 5892 спелдрона. Содержание дома и мебели, естественно, будет лежать на короне, как и жалованье и содержание отряда ополчения, который будет вести круглосуточную и круглогодичную вахту.

Король взмахнул рукой, и бесцветная фру шагнула к фру Трелу со свернутым в трубку листком бумаги, перевязанным белой лентой.

— Ваша хартия, — сказала она громким невыразительным шепотом.

Старуха на мгновение застыла, зажав трубку между двумя ладонями. Потом она твердо произнесла «Спасибо вам, ваше величество», исполнила еще одно глупое приседание и вернулась на свое место.

Мири захотелось аплодировать. Вместо этого она посмотрела на своего напарника, который улыбнулся и пожал ее пальцы.

— Нервничаешь, Мири? — тихо спросил он по-бенски.

Она недоуменно моргнула:

— С какой стати?

У него задергались плечи, и она открыла было рот, чтобы напомнить ему о данном Кем обещании вести себя солидно. А это, наверное, означало, что они не будут хохотать при людях.

— Просим выйти Хакана Мельтца, — приказал мужчина со списком. — Просим выйти Мери и Корвилла Роберсун.

Вал Кон снова сжал ей пальцы и высвободил руку, выходя в проход. Она пошла за ним, изумляясь тому, сколько народу собра-

лось, чтобы смотреть, как будут вручать медали и провозглашать их героями. Вал Кон добрался до края свободного круга, подождал там Мири, и остаток пути они прошли вместе.

Хакан остановился перед креслом короля и исполнил низкий поклон гораздо удачнее, чем ожидала Мири. Когда он выпрямился, бесцветная фру отодвинула его в сторону и сделала знак Вал Кону.

Лиадиец шагнул вперед в сопровождении Мири, а потом остановился и адресовал королю поклон равных, элегантный и короткий.

Мири изумленно моргнула. Равные?! И в точности повторила его поклон. Выпрямляясь, она поймала на себе взгляд бесцветной фру: похоже, та собиралась что-то сказать: на обеих бледных щеках у нее появились красные пятна. По взмаху королевской руки женщина проглотила свои слова и отступила назад. На лице у нее по-прежнему отражалось глубокое изумление.

— За выдающуюся службу Королевству Бентрил, — проговорил король уже совсем величественным голосом, — с этой минуты Хакан Мельтц, Мери Роберсун и Корвилл Роберсун объявляются Героями Страны. В этом качестве они имеют право на получение и получают денежную сумму, равную текущей стоимости четвертины гонтолов. Помимо этого, Мери и Корвилл Роберсун, уроженцы Порлинта, объявляются гражданами Бентрила.

Король замолчал, и его карие глаза остекленели: похоже, он забыл, что идет дальше.

«Вот и хорошо, — подумала Мири. — Никаких медалей. Интересно, что такое гонтол?»

Она искоса посмотрела на Хакана и отметила его слегка обалдевший вид.

«Может, мы стали богачами, — предположила она. — Что бы это ни означало».

Король вспомнил последнюю часть своей речи.

— От лица народа Бентрила я хочу поблагодарить каждого из вас за ту отвагу и храбрость, с которой вы предотвратили угрозу, нависшую над нашим королевством. К этому я добавляю и мою личную благодарность и прошу вас помнить: я всегда буду готов предоставить вам аудиенцию по первой же вашей просьбе.

Он вяло улыбнулся и махнул рукой бесцветной фру.

Первым медаль получил Хакан: она оказалась вдвое крупнее медали фру Бригсби и даже Боррила и ярко блестела позолотой. А еще ему дали мешочек, в котором что-то похрустывало.

Следующим шел Вал Кон. Мири посмотрела на него краем глаза: лицо у него было спокойное и сдержанное, плечи расправлены. Он смотрел мимо женщины, прикалывавшей медаль к его новой белой рубашке, а мешочек принял, не удостоив его взглядом.

Фру приблизилась к Мири с опаской, приправленной возмущением. Справившись с желанием показать ей язык, Мири воспользо-

валась стратегией Вал Кона. Она устремила взгляд в точку над плечом женщины, не заметила прикалывания медали, иотреагировала на мешочек только тем, что согнула пальцы, чтобы его удержать.

Фру встала на прежнее место у кресла короля, и Мири едва слышно вздохнула.

Ну, все...

— Мери Роберсун, Корвилл Роберсун, поднимите правую руку, — прогудел мужчина со списком.

Что? Но Вал Кон уже поднял правую руку на уровень плеча, так что она переложила мешочек в другую руку и сделала то же.

Король не без труда встал с кресла и вышел вперед: толстенький некрасивый мужчина с печальными карими глазами и седеющими коричневыми волосами.

— Властью, данною мне как монарху Государства Бентрил, я привожу вас к присяге.

Он сделал паузу, чтобы тоже поднять руку, и когда заговорил снова, его голос стал ясным и звучным.

— Клянётесь ли вы, Мери Роберсун и Корвилл Роберсун, соблюдать законы этой страны, подчиняться королевским законам, уважать королевскую власть и, в случае необходимости, вступать в бой, чтобы защитить страну от вторжения или мятежа?

Наступило короткое молчание, а потом голос Вал Кона тихо ответил:

— Да.

Король перевел взгляд.

— Да, — заверила его Мири.

Он улыбнулся.

— Я объявляю вас присягнувшими гражданами Бентрила, обладающими всеми правами и обязанностями, которые из этого проистекают. — Он еще раз улыбнулся. — Вы можете опустить руки. А теперь подойдите ко мне.

Они подошли — плечо к плечу, молча. Король поднял правую руку и прикоснулся к правому плечу Мири, а потом повторил то же самое с Вал Коном.

— Приношу вам и мою личную благодарность. Это была не ваша страна, вы не обязаны были вступать в бой. Вы легко могли убежать, позволив силам захватчика идти в Джилл. Бентрил гордится тем, что такие люди вошли в число его граждан. Если все пойдет как должно, ни вам, ни любому другому гражданину Бентрила никогда больше не придется воевать. Война жестока и, к счастью, случается редко. Но мы всегда должны быть готовы. — Он снова улыбнулся, но на этот раз его глаза остались грустными. — Спасибо вам.

Он повернулся и сел. Вал Кон поклонился, Мири поклонилась, Хакан поклонился — и потом они тоже вернулись на свои места.

«Исполнение долга»

Он сидел в полутьме ее каюты. Свет экрана окружал ореолом резкие линии скул и золотил иней волос.

Присцилла задрожала, хотя воздух был теплым. Она дрожала потому, что внутреннее тепло, которое она знала как Шана, исчезло и все ее попытки прочитать его чувства наталкивались на холодный зеркальный щит. Шан называл его Стеной: за ней любой Целитель имел возможность укрыться и собраться с силами.

И спрятаться.

Конечно, она могла бы извлечь его оттуда — у нее хватило бы сил. Однако такое не принято делать: нельзя лишать другого защиты и выгонять из своего убежища только из-за того, что в его отсутствии тебе холодно и страшно.

— Шан?

Никакой реакции.

Он сидел, глядя на экран, и, казалось, почти не дышал.

Присцилла быстро подошла к нему и положила руку ему на плечо:

— Шан!

Он вздрогнул, но тут же овладел собой и спокойно откинулся назад, припав головой к ее бедру.

— Добрый вечер, Присцилла.

— В чем дело? — решительно спросила она.

Ей отчаянно хотелось прочитать его мысли, и в то же время она приказала себе не пытаться.

Он махнул рукой в сторону экрана:

— Сообщение от Первого представителя. Как всегда, коротко и по делу.

Она хмуро всмотрелась в янтарные буквы:

— «План Б»? Что это значит?

Шан вздохнул, и она почувствовала, как напряглись под ее пальцами мышцы его плеч.

— План Б... — Он помолчал, а потом продолжил, тщательно подбирая слова: — Это значит, что с этой минуты «Исполнение долга» преследует исключительно интересы Клана Корвал. Это значит, что мы расчехляем оружие и освобождаемся от товаров. Это значит, что другие корабли Клана Корвал по возможности возьмут на себя части нашего маршрута.

Он немного изменил позу и снова застыл.

— Это значит, что Клану Корвал угрожает смертельная опасность, что Первый представитель эвакуировала Клан с Лиад. Что, возможно, Наделм не внушает доверия. Что мой брат — мой брат!..

У него сорвался голос, и он опустил голову. Присцилла впи-лась пальцами к окаменевшие мышцы его плеч и с силой его встряхнула:

— Шан, с твоим братом все в порядке!

Он приподнял голову, заглянул ей в глаза и прижал ладонь к ее щеке.

— Правда?

— Ты это знаешь. — Она всмотрелась в его лицо и прочла в его глазах мучительную боль. — Мы можем оба к нему направиться, — неуверенно предложила она, зная, что ее сил еле-еле хватит на то, чтобы доставить его в такую даль, — и ты сможешь прочитать его сам. Возможно, он услышит твои мысли яснее, чем мои.

Шан коротко засмеялся:

— И при этом подвергнуть капитана и первого помощника неиз-вестной опасности, когда мы балансируем на грани войны? Позже, Присцилла, — и при условии, что прежде мы найдем их физически.

— Мы их найдем, — объявила она, услышав характерные инто-нации в собственном голосе.

Шан тоже их услышал.

— Пророчество, Присцилла? Будем надеяться, что оно окажет-ся таким же точным, как и все твои предыдущие.

Он резко подался вперед, одним движением руки очистив эк-ран, повернулся вместе с креслом и встал, глядя на нее.

— Назначь на второй час собрание всего экипажа — явка обяза-тельна. Вахтенные должны принять участие по комм-связи.

— Да, капитан.

Она сделала поклон повиновения и уважения.

Только тогда он улыбнулся и покачал головой. Стена засвети-лась и снова стала крепче.

— Я люблю тебя, Присцилла.

«Исполнение долга»

Часть груза оставили на Арсдредде, еще часть — в Рэггтауне. Еще сколько-то — на Велсенде, так что к Криско прибыл легкий и быстрый корабль с обводами скорее крейсера, чем торговца.

Экипаж у них тоже стал меньше. Несколько человек ушли потому, что их Клан имел недостаточно близкие отношения с Кланом Корвал; другие — потому, что были слишком важны для своего рода и семьи, чтобы рисковать собой ради чужого Клана. Большинство осталось. Земляне только пожимали плечами, слыша о запутанной политике лиадийцев, хотя капитан убеждал их уйти.

Присцилла осталась, как и Горди, хотя в этом отношении уговоры Шана приближались к приказам.

Направляясь к кабинету капитана, Присцилла глубоко вздохнула. Сам Шан объяснил ей тонкости меланти, так что она прекрасно понимала, что хотя капитан может отдавать ей приказы, Шан этого делать не имеет возможности. А капитан не может приказать ей уйти: как первый помощник она слишком нужна на корабле. Конечно, это не означало, что Шан должен быть этим доволен.

Она прижала ладонь к пластине замка, и дверь отъехала в сторону. Когда она вошла, Шан повернулся к ней от экрана:

— Добрый день, Присцилла.

— Добрый день, капитан.

Его губы изогнулись, а аура говорила о печальной иронии.

— Все еще на меня злишься, любимая?

Она подошла ближе и протянула ему руку — и обмякла от облегчения, когда он взял ее.

— А мне казалось, что это ты на меня сердишься.

— Я только страшно за тебя боюсь, — ответил он, и Присцилла прочла в глубине его ауры подтверждение этих слов. — Похоже, что наступила моя очередь бояться за тех, кто мне дорог. — Он указал на экран. — Я получил сообщение по узкому лучу от Анторы.

— Она здорова? — спросила Присцилла, пытаясь расшифровать несколько новых резонансов, появившихся в его ауре: ей было совершенно непонятно, какое место и значение они имеют в душе любимого ею человека.

— Здорова? — Шан коротко хохотнул. — Она сообщает, что прогнала захватчиков от самых дверей Треаллы Фантрол, и просит моего согласия как Тоделма на включение основных защитных экранов. Что, по ее признанию, она уже сделала. А еще она дает мне знать, как то и положено, что она с несколькими кошками собирается перебраться в Джелаза Казон.

Присцилла села на подлокотник кресла и изумленно воззрилась на Шана:

— Антора все еще на Лиад? Но я думала...

— Что все благополучно эвакуировались? Я тоже так думал. Но моя сестра сообщает мне, что осталась охранять Дерево, — проговорил он с немалой горечью.

Дерево... Живой символ величия Клана Корвал, возраст которого составляет много сотен лет, достигшее в высоту четверть мили и все еще продолжающее расти. Присцилла заставила свой разум работать, оценить пользу символики и политические преимущества от пребывания на планете сторожа. Лиადийцы имели долгую традицию тонких политических ходов, а она еще по Храму помнила, какую силу имеет древний и мощный символ. Подняв глаза, она поймала на себе внимательный взгляд Шана.

— Джелаза Казон, — медленно проговорила она, двигаясь на ощупь, — это Главная резиденция Делма. Ты говорил — первый дом Клана. А Вал Кон как-то говорил мне, что самые древние помещения находятся под землей, так что, наверное, они защищены лучше, чем Треалла Фантрол. Если Антора осталась, чтобы охранять Дерево, то есть прямой смысл оставаться рядом с ним, в Джелаза Казон.

— Так и она говорит, — сухо отозвался Шан.

Присцилла успела заметить вспышку какого-то яркого, жесткого и сильного чувства, но он почти мгновенно его подавил и спрятал под свою обычную ауру.

— В свете сообщения моей сестры о попытке вторжения, — сказал он спустя секунду, — у капитана есть поручение для первого помощника.

Она наклонила голову и стала дожидаться инструкций капитана. Непонятно откуда пришел страх, скопившийся где-то под сердцем.

— От имени капитана ты передашь привет суперкаргу Йо-Ланну, — мягко проговорил Шан, — и попросишь, чтобы он немедленно ко мне пришел. После этого ты лично разместишь четыре модуля, которые будут доставлены в пятнадцать ноль шесть, по одному на каждую точку сочленения, икрепишь их. Экраны покажут, когда автоматика присоединится к главному компьютеру. После этого ты вернешься сюда, ко мне.

— Оружейные модули. — Она воззрилась на него, и страх перешел в ужас. — Но ведь «Исполнение» вооружено, Шан...

— А теперь наше вооружение будет полным. — Он повернулся, избегая встречаться с Присциллой взглядом, и она возблагодарила Богиню за то, что он не воздвиг перед ней Стену. — Антора сообщила, что к нашим дверям явились убийцы, Присцилла! Что ты предлагаешь мне делать?

Не получив от нее ответа, Шан резко втянул в себя воздух и встретился с ее глазами.

— Ты слышала, что я говорил экипажу, и тебе одной: мы преследуем исключительно интересы Клана Корвал. И теперь ты видишь, что это значит. Что это может означать. — Он наклонился к ней и протянул руку. От камня в кольце мастер-купца отразился луч света. — Мы в состоянии войны, Присцилла! Или скоро в нем окажемся. Так ты согласишься отправиться в безопасное место?

— Безопасное место? — Она покачала головой и не приняла его руки. — Оружие — здесь. Но ты ведь только что получил сообщение от Анторы! Ты прилетел сюда, чтобы загрузить оружие.

— Нет. — Он откинулся на спинку кресла и потер кончик носа. — Присцилла, Корвал — древний Клан. И очень богатый. У нас повсюду есть склады. Есть и несколько хранилищ с оружием. Так уж случилось, что одно из них находится на Криско. — Он

помолчал, а потом добавил с непонятым мерцанием в глубине аур: — По счастливому стечению обстоятельств.

— Хорошо. — Она встала на ноги и поклонилась. — Первый помощник идет исполнять приказ капитана.

— Паранойя, Присцилла. Это то слово? Корвал... — Он замылся. — В течение веков, с тех пор как Кантра йос-Фелиум посадила эвакуационный корабль на Лиад, Делмы Клана проводили политику и действовали «только ради Клана Корвал». Мы собираем корабли — для бегства, для боя. Мы накапливаем деньги, власть, влияние. Делмом может стать только пилот! Мы проводим генетический отбор на пилотов, Присцилла! Чтобы обеспечить наибольший шанс на успешное бегство для наибольшего количества членов Клана, если возникнет такая необходимость. Даже самые добропорочные из нас — ренегаты.

Она снова вернулась к нему, протягивая нити утешения и любви, которые остались незамеченными за его потребностью все ей объяснить.

— И ты, — сказал он, поймав ее руки и заглядывая ей в глаза. — Ты сказала: «защитить Дерево», словно слышала об этом с рождения, как мы... — Он покачал головой. — Кантра йос-Фелиум дала клятву защищать Дерево. Лиад существует потому, что сумасшедшей беглянке понадобилось надежное место для растения мертвеца! Железа Казон... Исполнение Джелы! Столько поколений умерло, и по-прежнему проклятое Дерево Джелы...

Он уронил руки и отступил назад. Внешне он оставался спокойным, хотя она по-прежнему ощущала в его душе почти непреодолимую потребность.

— Ты знаешь, что составляет главную задачу капитана в том случае, если его корабль потерял герметичность или должен быть оставлен? — спросил он.

— Нет.

Она послала ему мощный импульс спокойствия и едва справилась с изумлением, когда он отбросил его в сторону с такой же легкостью, с какой котенок отбивает клубок.

— Мне следует отправиться в некое хранилище и вынуть оттуда стазисную коробку, забрав ее с собой во время эвакуации. Если окажется так, что на спасательной шлюпке для капитана не найдется места, ему следует передать стазисную коробку другому, взяв с него клятву охранять коробку до тех пор, когда один из членов Клана Корвал не явится, чтобы забрать ее. — Шан склонил голову набок. — Угадай, что в этой коробке, Присцилла.

Ей не понадобилось угадывать.

— Саженцы.

— Саженцы. — Он кивнул. — На каждом корабле Клана Корвал есть стазисная коробка, каждый капитан имеет один и тот же при-

каз. «Исполнение долга» как флагман Клана вдобавок везет несколько банок с семенами, а также клонированный генетический материал. Они находятся среди груза во всех спасательных шлюпках.

Он потянулся, и его огромные ладони обхватили ее щеки.

— Присцилла, ради всех богов — и твоей собственной Богини — отправляйся в безопасное место! Я тебя умоляю.

— Я люблю тебя, — сказала она и увидела, как у Шана на глазах выступили слезы. Он закрыл их и опустил руки. Она осторожно прикоснулась к его лицу. — Шан?

Серебристые глаза открылись, и в них отразилась глубокая усталость, которую Присцилла уже прочла в его ауре.

— Что, Присцилла?

— Капитан дал мне инструкции. Я... мне по-прежнему следует их исполнить?

— Да. — Он поколебался, а потом взял ее за руку и пристально посмотрел ей в глаза. — Пойми, почему избрана ты, Присцилла, а не Кен Рик, хотя род йо-Ланна и Клан Джастус имеют тесные узы с нами. С точки зрения меланти правильное, чтобы установил вооружение и подготовил нас к встрече с неизбежным человеком из Клана Корвал. — Он помолчал, и за вспышкой собственного радостного изумления она сумела прочесть его любовь. — С твоего позволения, я объясню это Кен Рик. В начале следующего часа я встречу с тобой в столовой, и мы объявим экипажу, что стали участниками жизни.

Она погрузилась в Безмятежность и бесстрастно посмотрела на него.

— Это для защиты, конечно.

— Конечно, — подтвердил Шан, к которому вернулась небольшая доля его обычной иронии. — Но только умоляю тебя, Присцилла, не спрашивай, чьей защиты — твоей или моей.

Вандар Ярмарка

Холодная атмосфера объяснялась не только погодными условиями. Даже Хакан ее ощутил: любопытные и презрительные взгляды, перемены в тоне разговора при их появлении...

В огромном помещении кипела жизнь. Лампы и свечи горели повсюду, освещая людей, которые весело пробирались к экспозициям и местам для состязаний, которые должны были начаться сразу после открытия. В дальнем конце репетиционного зала был более темный уголок, куда, похоже, и направлялся Кори. По дороге

Хакан время от времени перебрасывался парой фраз с друзьями, и приветствия были неуверенными, а шутки — неловкими.

Груз, который нес Хакан — футляры с гитарами и сборники песен, — был не больше, чем у Кори, но по мере продвижения к дальнему углу он становился все тяжелее.

— Кори, там довольно темно!

— Тем лучше, — с полуулыбкой отозвался его невысокий друг. — Так все будут наблюдать за кем-нибудь другим и не украдут наших мелодий.

Хакан нахмурился, а потом дернул головой, услышав, как кто-то сыграл быстрый и веселый пассаж из песни, которую они репетировали.

— Угу, я понял, что ты имеешь в виду. Но... у меня такое чувство, будто нас прогнали в дальний угол!

Кори бережно поставил на пол свою порцию футляров и нот.

— Так может быть лучше, Хакан, — неохотно проговорил он. — Мы не такие, как все остальные. Мы... как бы ты это сказал? — тот порыв ветра, который ломает ветку. Здесь все знают, кто мы. Я знаю только тебя. Ты знаешь только немногих.

Хакан почувствовал, что краснеет.

— Они и правда так думают? — спросил он. — Они считают, что королевское жюри выберет нас из-за...

— Герои, — кратко подтвердил Кори, и Хакан покраснел еще гуще. — Мы играем с гандикапом, по отдельности или вместе.

— Это нечестно! — проворчал Хакан.

Он неожиданно увидел с десяток лиц, повернувшихся в их сторону, указующие на него персты, компанию любопытных подростков...

Ба-бах!

Рядом послышался негромкий смех, и Кори медленно высвободился из-под скамейки, о которую споткнулся.

Хакан ринулся к нему:

— Ты в порядке, друг? Ты ведь никогда не спотыкаешься!

— А, — нежным голосом отозвался Кори. — Ты хочешь сказать, что я не идеальный?

Хакан пристально посмотрел на него:

— У тебя есть опыт такой игры?

— Я никогда раньше не был на ярмарке, Хакан. Откуда он у меня возьмется?

— Кори, не морочь голову, ты меня отлично понял! Ты уже играл раньше — на конкурсах.

Кори улыбнулся, дружески похлопал Хакана по руке и отвернулся, чтобы открыть футляр с инструментом. Он говорил тихо, словно обращался только сам к себе:

— Хакан, я знаю, что такое конкурс. Я знаю, что играю хорошо. А как будет здесь — откуда мне знать? В Джилле я знаю только, как

играешь ты... и мне нравится работать с твоей музыкой. Но не такие уж мы великие маэстро, и, быть может, твои друзья будут говорить с тобой, если ты будешь без меня.

Хакан ухмыльнулся:

— Ну, ты и хитрец!

Кори пожал плечами:

— Надеюсь, ты взял старые струны, которые я просил тебя не выбрасывать. Надо будет с ними порепетировать — пока что.

Хакан рассмеялся и открыл футляр своей мандолетты.

— Пока они все не разорвутся?

— Вот именно, — ответил его друг, доставая гитару. — Вот именно.

Ярмарочные павильоны вызвали у Мири восхищение. Они разместились в долине, прикрытой от ветров высоким холмом, и были построены исключительно из дерева. Постоянные строения и множество высоких дорожек были деревянные, а над рядами мастерских ремесленников и аллеей парадов туго натянули холст на высоких деревянных рамах. Он защищал от снега и ветра, пропуская свет и воздух.

Кое-что происходило и в стороне от строений: спуски на санях, соревнования в резьбе по дереву, командное перетягивание саней. Однако было ясно, что в центре ярмарки находятся деревянные строения.

— Кем, кажется, что Джиллов два! Один на все время, второй — для ярмарки!

Кем рассмеялась:

— Конечно! Ярмарка — это нечто особое. Каждый год она приносит много денег, но в городе она не поместилась бы. Люди съезжаются сюда со всей страны! Посмотри вон туда — вон тот высокий шест, он для...

Не сбившись с шага, Мири отметила его местоположение, не слушая, как Кем объясняет очевидное: радиобашня выше флагштоков.

— Почему я раньше этого не видела? — спросила она, задержавшись, чтобы рассмотреть радиотранслятор.

— Ее привозят на поезде. Королевский голос бывает на всех важных событиях. Если Хакан с Кори победят на конкурсе, то их могут передать по радио на весь Бентрил!

— А электричество? — осведомилась Мири. — Я не вижу проводов!

Кем удивленно посмотрела на нее:

— Не знаю. Наверное, для электричества используют поезд.

— Правда? — сказала Мири и решительно направилась туда.

Удивленная Кем секунду смотрела ей вслед, а потом пошла за ней, надеясь, что ее подруга не сделает никаких необдуманных поступков.

* * *

Вал Кон и Мири тихо попрощались с Хаканом, стараясь не потревожить Кем, заснувшую у него на плече.

— Веди машину хорошо, мой друг, — сказал Вал Кон.

Хакан ухмыльнулся:

— Не беспокойся. — Его улыбка стала шире. — А до чего ж мы здорово играли!

Вал Кон мягко засмеялся:

— Да, Хакан. Будь осторожен. Спи спокойно. Доброй ночи.

Они стояли на крыльце и махали руками, пока задние фонари не скрылись за поворотом дороги, а потом тихо вошли в дом, бесшумно пройдя по темному коридору и лестнице. Фру Трелу ушла с ярмарки вскоре после первого выступления Хакана и Кори, сказавшись усталой. Было бы крайне неразумно будить ее в столь поздний час.

Мири с глубоким вздохом улеглась на кровать. Вал Кон присел рядом на краешке. Глаза его улыбались.

— Хорошо провела время, шатрез?

— Чудесно. И эта штука будет еще неделю? Я так разбалуюсь, что уже не смогу работать!

Он смеялся. Она прищелкнула пальцами, села и запустила руку в глубокий карман.

— Чуть не забыла, босс. У меня... — Она замялась, неожиданно смутившись. — У меня для тебя подарок.

— Подарок? Интересно, а он не взорвется? Ты поэтому села так далеко от меня?

Она улыбнулась, придвинулась ближе, так что их бедра соприкоснулись, и вручила ему синюю бархатную коробочку.

Он повернул ее в своих изящных пальцах, нашел защелку и открыл крышечку. Пристально наблюдавшая за ним Мири увидела, как на его лице выражение радостного ожидания сменилось открытым восторгом.

— Джилиата, — пробормотал он, склоняясь над серебряным драконом на черной тесьме. — Я тебя приветствую. — Он поднял на нее горящие зеленые глаза. — Лизамия кешок, шатрез.

Она улыбнулась и ответила на еще не обретшим беглость низким лиадийском:

— На здоровье, Вал Кон — муж. Мне радостно доставлять тебе радость.

Он рассмеялся и крепко ее обнял.

— Произнесено с солсинтрийским выговором! — Он протянул коробочку ей. — Ты его наденешь?

Она вынула подвеску из гнезда, расправила мягкую тесьму пальцами и надела ему на шею, закрепив сложную застежку.

— Вот так.

Он поднял голову, а потом выгнул бровь, заметив странное выражение ее лица.

— Что-то не так?

— Нет. — Она прикоснулась к его лицу, и ее пальцы порхнули по его щеке, лбу и губам. — Все так. — Она ухмыльнулась. — Я просто опьянела. Он пунша. И от ярмарки. Боги.

Наступило короткое молчание. Ее рука опустилась, и она немного отодвинулась, вспомнив вопрос, который встал перед ней утром.

— Мы теперь богатые, босс?

Он весело рассмеялся:

— Мы уже довольно давно богатые, ты и я. А сегодня нам просто дали сколько-то денег.

Теперь наступила ее очередь смеяться. Она нежно сжала его пальцы.

— Мы выбрались оттуда довольно поздно. Я все собиралась тебя спросить — тебе сказали о станции?

— О станции? — Он сдвинул брови. — Ветрового поезда?

— Не-а. О той, которую называют Королевским голосом. О радиостанции.

Он сощурил глаза:

— А! Вот оно что! А я решил, что Королевский голос — это что-то вроде Королевских глаз. Какой-нибудь представитель власти.

Мири покачала головой:

— Нет. Это передвижная радиостанция, с антенной, со всем, что нужно. Ездит по всей стране. Использует генератор с одного из поездов.

— Мне надо ее посмотреть. — Через картинку у себя в голове она ощутила почти что жажду. — Мне надо увидеть этот передатчик!

Она кивнула и снова засунула руку в карман юбки.

— Я так и решила, что ты захочешь. Вот: четыре пропуска, особое одолжение для героев. Пришлось долго уговаривать. Думала, Кем от меня отречется.

Вал Кон крепко ее обнял:

— Мири, Мири! Все идет как надо! Скоро мы уедем в Лаксако — город, где привыкли к летающим машинам и есть радиофабрики. Наверное, мы скоро отправимся домой — или хотя бы наладим связь.

— Обещай мне одну вещь, — серьезно попросила она.

Он чуть отстранился.

— Что я должен обещать?

— Что ты не утаишь нас в смог, пока ярмарка не закончится!

Он широко улыбнулся.

— Конечно! Мы останемся до конца праздника.

Тут она ответно его обняла — крепко и долго.

Вандар Ярмарка

Ледяные серые тучи плыли через перевал Форнем, гонимые мощным ветром с океана. Мири тшкетно бросала на них возмущенные взгляды. Рядом с ней, облокотившись на перила парадного крыльца, стоял Вал Кон, глядя, как королевская почетная стража шагает к дому от своего временного лагеря. Он тихо вздохнул при виде двух машин в конце подъездной аллеи: любопытные, приехавшие посмотреть на поле боя.

С аллеи послышался знакомый рев — а потом появилась машина Хакана. На ветру развевались зеленые и красные ярмарочные ленты. Стекло со стороны водителя было опущено, несмотря на холод. Из подъезжающей машины доносился голос Хакана, но слов разобрать было нельзя.

— Я сказал, — повторил он, запыхавшись, — что у нас есть хорошие новости и плохие.

— Сначала плохие, — твердо заявила Мири, открывая заднюю дверцу и начиная заталкивать туда корзинку с ленчем; корзинку с обедом и перекусы, которые фру Трелу заставила их взять.

— Всегда, — поддержал ее Вал Кон.

— Ладно. Плохая новость — это что трио «Замковый камень» все-таки не придет на ярмарку. Они все свалились с пневмонией или еще чем-то. Корреспондент с радио вчера вечером позвонил матери Кем и сказал, что надо найти им замену.

Мири пожала плечами.

— С такой плохой новостью ничему серьезному не сравниться! Хакан практически не покраснел.

— Ну, вы ведь их не слышали, так что не понимаете... А я так надеялся с ними познакомиться!

Вал Кон кончил укладывать в машину лишние одеяла, выданные фру Трелу, и устроился рядом с Хаканом на сиденье, тревожно поглядывая на большую горячую кружку, ненадежно пристроенную рядом с водителем.

— Тогда, — сказал он, — можешь поделиться с нами хорошей новостью.

— Ладно, — снова повторил Хакан. — Хорошая новость — это то, что они — директора ярмарки — решили устроить конкурс на место, которое должно было занять трио «Замковый камень». Он открыт для любого трио!

Мири пристроилась рядом с Вал Коном, захлопнула дверцу — и автомобиль начал набирать скорость.

Вал Кон смотрел прямо перед собой. Хакан немного подвинулся, чтобы видеть их обоих.

— Ну? — спросил он.

— Что — ну? — переспросила Мири, и тут же начала качать головой. — Нет. Нет. Ни за что. Ни в коем разе. Я не встану перед...

Вал Кон смеялся, продолжая смотреть вперед.

— Мири, я же слышал, как ты поешь, — это великолепно! — сказал Хакан. — У нас прекрасный шанс выиграть. Нам нужно только придумать хорошее название — я уже подобрал пару — и порепетировать сегодня, после конкурса дуэтов. — Он близоруко прищурился. — Послушай, тебе даже не обязательно много петь, если...

— Нет! — воскликнула Мири. И, ткнув Вал Кона локтем в бок, она добавила на земном: — И перестань смеяться, безобразник!

Но Вал Кон продолжал посмеиваться, не принимая участия в споре, который шел у него над головой всю дорогу до ярмарки.

Мири сердито засунула сложенные газеты под мышку. Они вышли из репетиционной и направились в зал, где проходил конкурс. Проблема была не в том, что ей пришлось слушать, как репетируют Вал Кон и Хакан. Неприятно было слушать тех, кто был вокруг, ловить их замечания — и собирать газеты. Эти двое ушли в свой собственный мирок, который едва соприкасался с Вандаром, и бормотали что-то насчет последовательности номеров и тому подобного, не замечая указующих перстов, взглядов и газет.

В основном это были вчерашние газеты. В каждой рассказывалось о битве, а в четырех или пяти, в том числе в «Королевской газете», были помещены фотографии с церемонии награждения. В других газетах были едва узнаваемые рисунки, и на одном, который превратил ее раздражение в гнев, шрам Вал Кона был самой заметной его чертой.

Снег еще не шел, что, как решила Мири, было небольшим утешением. Она покачала головой. Каким-то образом было решено, что завтра она будет с ними петь, и она даже не могла обвинить в этом решении Вал Кона, который на протяжении всего спора только хохотал. Однако ей еще придется придумать название, поскольку она категорически отвергла те три, которые предложил Хакан: «Перевальное трио» и «Трио фру Роберсун» и «Трио фермы «Дуновение весны».

— Ветер заberi все это, — проворчала она, — и будь я проклята, если...

Трррах!

— Ого! Ну, теперь уж точно снег пойдет! — воскликнул Хакан.

А потом он остановился, заметив, что оба его друга застыли на месте, подняв головы к небу.

Взгляд Мири был устремлен в одну точку затянутого тучами неба. Она едва заметно поворачивала голову, следуя за звуком.

— В чем дело? — недоуменно спросил Хакан. — Это же просто гром...

— Тихо! — шикнул на него Кори.

Хакан тоже прислушался. Действительно, гром был какой-то неожиданный. И теперь ясно слышимый грохот удалялся на северо-восток, к перевалу Форнем.

— Странно, — заметил он секунду спустя. — Кажется, будто гром разносится против ветра!

Мири произнесла что-то на языке, которым они с Кори иногда пользовались, разговаривая друг с другом. Она повторила это три раза, все громче, словно читала заклинание:

— Звуковой барьер. Звуковой барьер. Звуковой барьер.

Кори ответил ей на том же языке, повел плечами в этом своем чужеземном жесте и закончил теми же словами:

— Звуковой барьер. — А потом он вздохнул и спросил: — У вас часто бывает такой гром, Хакан? Такой отдельный? Без вспышки молнии?

— Ну, во время снежных буранов несколько раз в год бывает гром. Обычно это значит, что буран будет сильный. Но, кажется, я еще слышу этот... Вы думаете, это ветроворонка? У нас ее не было с тех пор, когда я был еще совсем маленький!

— Нет, не думаю, друг мой. Наверное, просто сильный порыв ветра. Я пару раз слышал такой гром... дома. И Мири тоже... Но здесь мы ничего похожего не слышали.

Звук стих. В толпе снова возобновились разговоры, и через несколько секунд одинокий далеко разнесшийся раскат грома уже превратился в необычное воспоминание с ярмарки.

— Ну вот! — сказал Хакан, когда они подошли к залу, где должен был проходить конкурс. — Это туча взламывала лед!

Он указал в сторону серого занавеса, который двигался вниз по склону горы, заслоняя собой все, что было за ним.

— Точь-в-точь как на Пустоши, — без энтузиазма отметила Мири на земном. — Разница только в том, что кругом слишком много веселых людей. И еще идиот космолетчик, не знающий местных ограничений!

— Шатрез, мы точно не знаем. Как бы там ни было, авиация здесь развивается быстро.

— Да что ты говоришь? Вот что я тебе скажу. Докажи, что это был местный летательный аппарат или природное явление, а я возьму на себя следующие десять вахт, когда они нам понадобятся.

— Ага, а если нам больше никогда вахты не понадобятся?

Она ухмыльнулась:

— Всегда предпочитаешь подстраховаться, лиадиец?

— Пошли! — поторопил их Хакан, хватая Кори за руку. — Уже объявляют порядок выступлений!

Широко улыбаясь, они послушно ускорили шаги.

Вандар Ярмарка

Мири вышла из двустворчатой двери, обтянутой тканью, и ее засыпало снегом. Холод обжег ей ноздри, мгновенно очистив их от запаха тысяч людей.

Выступление Хакана и Кори было назначено после следующей группы. Мири снова попыталась придумать название, стараясь избавиться от нового предложения Хакана — «Хакан и Кори и Мири» или «Мири и Хакан и Кори». Она вздохнула. Музыкальный талант Хакана уравновешивался его неспособностью выбрать имя, которое бы звучало удачно.

Несмотря на снег — или благодаря ему, — ярмарка вокруг концертного зала оставалась оживленной. Сани, которые утром без дела стояли на поле, теперь активно использовались для катания. Отдаленный холм был скрыт за белой пеленой. За разбросанными повсюду жаровнями хорошо присматривал^л, и Мири медленно направилась к одной из них, стараясь не наступить на какого-нибудь ребенка.

Как наемник, она почти не имела дела с детьми. И она определенно не выработала такого умения разговаривать с ними и терпеливо отвечать на их вопросы, как у Вал Кона. Похоже, ему дети по-настоящему нравились!

«И очень хорошо, — подумала Мири, — потому что они тут повсюду».

Как раз в это мгновение один из них пробирався к жаровне в сопровождении своей уменьшенной копии. У обоих были расстегнуты куртки, а капюшоны болтались за спиной. Они встали перед огнем и повернули лица к снегу, радостно хихикая, пока более высокий из них не заметил ее. Он улыбнулся:

— Хорошая ярмарка, фру.

— Хорошая, зама, — ответила она, чувствуя, как ее губы изгибаются в улыбке. — Застегните куртки, когда пойдете кататься на санях.

Меньший громко засмеялся.

— А мы уже покатались! — сообщил он ей. — Теперь мы идем есть!

— Правильное решение, — одобрила их Мири.

Они засмеялись и, помахав ей, ушли от жаровни.

Мири пошла по засыпанной снегом дорожке, восхищаясь яркой белизной снега, который так не походил на серые осадки Пустоши. Здесь детям хорошо...

Она не додумала до конца эту мысль, напрягая слух. Снег заглушал звуки, хлопья мягко шуршали о куртку.

Она не ошиблась! Из-за облаков донесся еле слышный гул — звук современного летательного аппарата, зависшего на одном месте.

Шум ярмарки заглушал этот звук, так что на секунду она усомнилась в собственном слухе. А потом шум послышался снова — тот звук, который был предметом ее надежд, молитв и проклятий, когда Кламас начал распадаться вокруг них, мороза их, обжигая их, убивая их... Она прогнала это воспоминание и пробежала последовательность Радуги с такой быстротой, что перед ее мысленным взглядом цвета слились в пестрое колесо.

Гул раздался снова — кажется, став громче, — и она повернулась, намереваясь бежать за Вал Коном, привести его сюда, чтобы он послушал.

«Зачем, Робертсон? — презрительно спросила она себя. — Что он сможет сделать? А? Тебе нужно радио, и быстро».

Проклятье! Радио здесь, а передать сообщение невозможно! Должен же быть способ...

Из-за угла концертного зала вышел мужчина, окутанный снегом и ослепленный им. Она увернулась, изумленно заморгала при виде его громадных размеров, и, движимая счастливыми воспоминаниями, окликнула:

— Джейсон? Точильщик?

Он остановился, вырисовался в снегу и вопросительно улыбнулся с высоты своего роста:

— Простите, фру?

Мири со смехом извинилась:

— В снегопаде я приняла вас за знакомого.

— Это бывает, когда дует снежный ветер! — добродушно прогудел он. — Удачной вам ярмарки!

И он исчез, оставив позади себя тепло и смятение.

Вдали прогудел гонг, ему откликнулись другие. Начинался новый час. Она бросилась в зал с названием трио на губах.

Хакан и Вал Кон все еще готовились к выступлению. Мири прошла к первым рядам и сразу же ощутила на себе взгляд Вала Кона. Она улыбнулась и взмахнула рукой в жесте старинного торгового, который означал «потом нужно поговорить». Он улыбнулся и махнул в ответ, успокаивая ее.

Перед объявлением их выступления Вал Кон на минуту сел за рояль, чтобы проверить его. В некоторых песнях он будет играть аккомпанемент на гитаре, в других — играть первую мелодию, а Хакан — петь. Несколько прикосновений к инструменту его успокоили. Он кивнул кому-то за кулисами, и беловолосая женщина в меховых сапогах вышла на середину сцены под топанье и свист слушателей.

— Следующим выступает новый дуэт. Хахана, конечно, многие из нас знают, а его напарник Кори в наших местах появился недавно, и у нас всех сейчас есть возможность их послушать!

Музыка началась сразу же, и публика засмеялась, глядя, как конференсье поспешно ретируется со сцены. Хакан дождался, пока она скроется за кулисами, и запел.

Мири немного успокоилась. Пока никто не упомянул о том, что Хакан и Кори — герои. Она села поудобнее и стала внимательно вслушиваться. Трио «Снежный ветер» должно чертовски хорошо выступить, чтобы пробиться на радио.

Аплодисменты стихли, и Мири прошла к сцене, присоединившись к небольшой группе, собравшейся у ступенек. Она вздохнула. Судя по количеству почитателей и продолжительности аплодисментов, Хакан и Кори не имели такого успеха, на какой надеялись.

Хакан задержался, чтобы поговорить с друзьями, а Мири слабо улыбнулась мужу, удивившись тому, что он полон радости.

Он обнял ее за талию и крепко прижал к себе, а при виде удивленно поднятых бровей рассмеялся.

— Так мы недостаточно традиционны, мы оба? — спросил он по-бенски.

— Похоже, что так, босс, — ответила она на земном.

Он скосил на нее свои яркие зеленые глаза:

— Проблема, шатрез?

Она пожала плечами и потянула его за собой подальше от сцены. Они нашли места у прохода, ближе к дверям, и уселись как раз в тот момент, когда следующая группа объявила о своей готовности и на сцену вышла конференсье.

— Проблема или решение. Я не знаю, — осторожно проговорила она и повернулась так, чтобы смотреть ему прямо в лицо. — Кто-то сидит наверху и кружит выше облаков. Не транспортный корабль. Например, незкранированный аппарат или реактивная штучка. За всем этим шумом толком не разобрать. Но делает облет.

— А! — сказал он.

Мири с трудом подавила желание спросить, что на этот раз означает это «А!».

— Дело в том, — сказала она вместо этого, — что я знаю, как привлечь их внимание. Если ты хочешь.

Вал Кон выразительно поднял бровь и стал ждать продолжения.

— Нам надо только, — проговорила она так, словно не была уверена в том, что он и сам уже об этом не подумал, — попасть на радио. Эта идея Хакана насчет трио... Если бы мы с тобой могли спеть что-нибудь на земном или лиадийском... Может, куплеты: один на бенском, один на земном, один на лиадийском. — Она увидела, как он нахмурился. — Я знаю, что это против правил, босс, но больше ничего в голову не приходит. Если только ты не собираешься захватить станцию.

— Захватывать станцию неэффективно. И ты думаешь, твой идиот космолетчик будет слушать?

— А что, по-твоему, он делает? Был бы прямой смысл провести проверку всех частот, как это сделали мы с тобой. Они вышли на радио, как на маяк, а теперь кружат рядом, пытаюсь решить, стоит ли делать остановку.

Он кивнул:

— В роли сержанта ты пропадала даром, Мири. Ты могла бы стать...

— Эй! Кори! Мири! Тут кое-кто хочет, чтобы мы научили их нашему стилю игры! — воскликнул Хакан, явившийся в сопровождении двух молодых женщин и робкого мужчины.

Вал Кон рассеянно улыбнулся подошедшим. В улыбке Мири ощущался легкий морозец.

— Хакан, это лестно, — сказала она резче, чем ей хотелось. — Но мы... нам надо репетировать. Нам надо играть лучше!

Хакан стушевался и начал бормотать что-то невнятное.

Одна из молодых женщин обратилась к Мири, как к равной:

— Я — фру Рэнд. Когда вы отрепетируете и выступите... Хакан сказал, что вы завтра собираетесь выступать... после этого мы хотим работать с вами! У Хакана с Кори есть что-то новое. Не революционное, конечно. Но новое, не такое закосневшее. Все эти традиционалисты согласны слушать только точно то же самое, что игралось годом раньше. Вот подождите, и увидите, кто победит — традиционная группа! Но на следующий год, я... мы — так выступим, что хочешь не хочешь, а заметить нас придется!

С этим она повернулась, махнула рукой своим друзьям и удалилась.

Хакан посмотрел им вслед со странным выражением лица, а потом глаза у него засияли — к ним подошла Кем.

— Хакан и Кори, вы хорошо выступили!

Она улыбнулась и взяла Хакана под руку.

— Ну, хоть кто-то так думает! — сказал Хакан, демонстративно глядя на Мири.

Вал Кон начал было что-то говорить, но Мири предупреждающе подняла руку, заставив его замолчать.

— Хакан, — очень серьезно спросила она, — ты все еще хочешь создать из нас трио?

Он заметно побледнел.

— Конечно, Мири, — промямлил он. — Я не имел в виду...

— Тихо! — приказала она.

Вал Кон наклонил голову, чтобы спрятать улыбку.

— Если мы делаем трио, то делаем как надо, — объявила Мири. — Во-первых, название. Название должно быть такое: трио «Снежный ветер», если только кто-нибудь не...

— Нет, это хорошо. Просто здорово! — Хакан улыбнулся Кем и прижал к себе ее руку.

— Прекрасно. Это мы решили. Так. — Она указала пальцем по очереди на Вал Кона и Хакана. — Вы двое, вы хорошо работаете вместе. Я? Я немного пою. Раньше я в основном пела на вечеринках, а не на сцене. А тут хорошие... лучшие группы Бентрила! Нам надо быть или очень-очень традиционными, как сказала та фру, или другими! Такими другими, что они не смогут сравнить. Быть традиционными у нас нет времени. Итак, мы готовимся быть другими!

Мири неожиданно повернулась к подруге Хакана:

— Послушай, Кем, эта ярмарка... Может, тебе не очень весело. Если будем хорошо играть, можем сделать себе имя — устроиться, как хочет Хакан. Но тогда надо, чтобы он усердно репетировал!

Кем со смехом подняла руку:

— Мири, не тревожься. Хакан счастливее всего, когда играет. Если вы с Кори поможете ему зазвучать так, чтобы его услышали, то о большем я и мечтать не могу. Годится?

— Ладно. — Мири обвела всех взглядом и улыбнулась. — Фру Трелу прислала нам много еды. Помогите нам ее съесть, и мы поговорим. А потом — репетировать.

Она направилась под снегопад таким решительным шагом, что Вал Кон не сразу смог ее догнать и взять за руку.

Вандар Ферма «Дуновение весны»

«К черту все это», — решила Мири и похлопала своего мужа по плечу.

— Вал Кон?

Он повернулся:

— Ты не спишь?

— Не-а. И ты тоже.

— Нет. Адреналин.

— Гм. А я-то думала, что ты можешь спать где угодно и когда угодно. — Она придвинулась к нему и положила руку ему на талию. — И если уж на то пошло, то я думала, что и я могу. Пыталась воспользоваться «Радугой», но все время сбиваюсь.

Вал Кон привалился к ней спиной и вздохнул:

— Не знаю. Интуиция говорит мне, что ты права насчет этого корабля и его интереса. Но есть и другие вопросы, а Контур...

— А что, к черту, может он сказать по этому поводу? — спросила она. — Если бы Контур мог помочь тебе видеть сквозь облака, тогда от него была бы польза.

Он мгновение помолчал, а потом повернулся лицом к ней.

— Контур, — жестко проговорил он, — указывает на то, что устанавливать контакт с кораблем полезно только в том случае, если мы собираемся улететь с планеты. Мы собираемся?

Она раздраженно пошевелилась.

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Мы — спутники жизни, Мири, — мягко сказал он. — Я спрашиваю, чтобы знать. Я спрашиваю, потому что здесь на самом деле не так уж плохо и потому что жизнь здесь может быть приятной. Ни Хунтавас, ни Департамента Внутренних Дел...

Мири могла бы догадаться, что Вал Кон прочтет ее тайные мысли. Она немного помолчала, пытаясь все обдумать.

— Ну, — в конце концов проговорила она, — у тебя есть планы. Тебе надо присматривать за этим своим семейством. Тебе надо кое-что сказать брату. Тебе надо кое-что сказать Точильщику. И через пару лет мне может наскучить зарабатывать себе на хлеб пением...

— Значит, собираемся, — сказал он. — Чтобы улететь с этой планеты, нам следует как можно скорее войти в контакт с теми, кто может нам это устроить — даже с Хунтавас или Департаментом. Это противопоказано в том случае, если корабль принадлежит икстранцам. Однако они вряд ли стали бы дожидаться, облетая одно поселение, когда можно грабить целый мир. Кстати, вероятность того, что это икстранцы, находится в районе одного процента.

— А какова вероятность того, что это Точильщик? — с надеждой спросила она.

— Менее десяти процентов. Ближе к девяти.

— Гм. Множество процентов остается, а? И каковы шансы, если уж использовать эту штуку?

Вал Кон нежно погладил ее по плечу:

— Двадцать два процента за то, что наверху разведчик, тридцать процентов — что это контрабандист, решивший посмотреть, что случилось с его компаньоном. Несколько меньше шансов на то, что это случайная находка, а вероятность того, что это Хунтавас, довольно мала.

Мири в темноте покачала головой:

— Ты не мог бы выдать сухой остаток? День был трудный, ночь бессонная.

— Самая высокая вероятность, — сказал Вал Кон, стараясь говорить как можно туманнее, но все же дать ей необходимую информацию, — это та, что кто-то целенаправленно нас ищет. Несколько вероятнее, что это Департамент Внутренних Дел, а не

корабль Клана Корвал. Намерения с такого расстояния определить довольно трудно.

— Все зависит от того, что твой брат решил делать с тем компьютерным кодом. И я до сих пор не уверена в том, что это была удачная мысль.

— Их надо было предостеречь, — мягко ответил он.

Мири хмыкнула:

— Тогда скажи мне, ведь традиция разведки у вас в крови — не говоря уже о твоей бабушке-контрабандистке, — какова вероятность того, что они прилетят на Запретную планету, взломав звуковой барьер и все существующие правила авиации?

Из темноты прилетел тихий вздох.

— Вопрос, конечно, риторический? Невелика.

— Посмотри на эту чертову штуку, лиадиец. Что она говорит?

Он снова вздохнул и негромко засмеялся:

— Она говорит, что, несмотря на все, это только предположение. Если окажется, что икстранский генерал решил устроить воскресную охоту, тогда все цифры Контура означают, что как ни маловероятно подобное событие, оно все равно может произойти.

— Великолепно! — проворчала Мири. — Я тебе не рассказывала, как мне нужно было выбросить пять семерок подряд, чтобы не вляпаться в неприятности?

— И получилось?

— Нет. Выбросила только четыре.

— И... что потом?

— Вляпалась в неприятности.

Вал Кон ухмыльнулся:

— Можно узнать подробнее?

— Как-нибудь потом. — Она прикоснулась к его щеке. — В сущности, ты говоришь мне, что если мы собираемся действовать по этому плану, то скорее всего попадем в беду. А если нет — то беда может нас найти сама.

— Найдут, — уточнил он, протягивая в темноте руку. Притянув Мири к себе, он нежно поцеловал ее в ухо. — Шатрез, давай сегодня пройдем «Радугу» вместе. Интуиция говорит мне, что беда в нас самих. События текут вокруг нас бурно, потому что мы пользуемся всеми возможностями.

— *Capre diem*, — пробормотала она, а потом рассмеялась. — Мы ловим день. А иногда день ловит нас!

Он засмеялся вместе с ней, а потом прикоснулся к едва различимому, но такому любимому лицу.

— Верно. А теперь давай ловить «Радугу». Красный — это цвет расслабленных мышц...

В конце концов они крепко заснули.

Орбита Макджи

Сообщение пришло, когда они вышли на орбиту. С этой минуты его босс сидел в кресле второго пилота, хмуро глядя на экран. Занимаясь расчетами орбиты, Чивер сумел бросить на окно сообщений всего пару взглядов и не заметил ничего, что могло бы объяснить хмурый вид Пат Рина йос-Фелиума: пара строчек из лиадийских букв, а в самом конце — похожее на печать изображение дракона, летящего над деревом.

— Понял, диспетчерская, — сказал он в микрофон. — Время посадки принято и зарегистрировано. Спасибо.

Он еще раз проверил все показания пульта, кивнул и откинулся на спинку кресла, гадая, что происходит.

— Пилот Мак-Фарланд!

Он сел прямо:

— Да, сэр?

Пат Рин продолжал смотреть на экран, лениво играя голубым камнем в серье в левом ухе.

— Я предоставляю вам возможность уволиться от меня, пилот. И сейчас же.

Чивер вылупил глаза:

— Вы меня увольняете?

— Разве я *это* сказал? — сухоотреагировал Пат Рин. Он резко развернул кресло, чтобы Чивер мог видеть его лицо. — Прошу прощения, пилот, — сказал он более спокойно. — Я полностью удовлетворен вашей работой. Я предлагаю дать вам рекомендательное письмо, где будет об этом сказано, и продолжу выплату вашего жалованья до тех пор, пока вы не найдете нового нанимателя.

— Я справляюсь с работой, но вы хотите от меня избавиться, — повторил Чивер, озадаченно морща лоб. — Почему?

Минуту ему казалось, что низкорослый щеголь изобразит высокомерное возмущение, прикажет ему заткнуться и идти паковать вещи.

Однако Пат Рин немного поколебался и вздохнул:

— Бывает так, что обстоятельства резко меняются. В моем... деле... привыкаешь принимать неприятности и использовать их, чтобы обеспечить будущие успехи. — Тонкие пальцы снова поправили серьгу с голубым камнем. — И поскольку мои обстоятельства резко изменились, я, как человек порядочный, должен предложить другому порядочному человеку возможность избежать вероятных... неприятностей, которые могут быть навлечены службой на меня.

Чивер обмозговал услышанное и вынужден был покачать головой.

— Сдается мне, что, если эти ваши обстоятельства окажутся гадкими, вам пригодится лишний стрелок. Я обещал вашему кузену

Шану, что присмотрю за вами: это входило в сделку, понимаете? — Он еще немного подумал, не замечая пристального взгляда Пат Рина, и наконец подвел такой итог: — Наверное, он знал, что вы подвержены переменам обстоятельств, а? Может, он решил, что на этот раз вам будет лучше иметь какую-то помощь.

— Возможно, пилот, — мягко отозвался Пат Рин. — Кто я такой, чтобы судить об этом?

Он еще несколько минут смотрел на экран, а потом лениво протянул руку и, очистив окно, снова посмотрел на своего более массивного пилота.

— Вам следует знать, — сказал он, — что опасность может существовать, а может и не существовать. В настоящее время мы просто продлим наш маршрут и оставим планы возвращения на Лиад.

Чивер нахмурился:

— На какой срок?

Пат Рин в последний раз поправил серьгу и с чувственной грацией встал с кресла. Иронически поклонившись, он улыбнулся:

— О, до тех пор, пока обстоятельства не разрешатся, пилот. Извольте меня разбудить, когда мы сядем.

С этими словами он неспешно ушел к себе в каюту.

Вандар Ярмарка

Все дело было в зеленой лампочке.

Когда она горела, трансляция шла со сцены. Когда одновременно зажигались зеленая и красная, трансляцию вели с микрофона в дальнем конце зала. Желтая лампочка говорила, что трансляции вообще нет.

Мири изучала правила конкурса, пока Вал Кон вел профессиональный разговор с радиотехниками. Он неохотно отодвинулся от пульта, когда один из техников решительно попросил его ничего не трогать, и поднялся по ступенькам на сцену.

— Не вышло? — спросила Мири.

Он повел плечами:

— Отсюда все равно ничего сделать нельзя: пульт рассчитан только на трансляцию. Чтобы перенастроить систему, мне нужно было бы попасть в главное здание. — Он адресовал ей улыбку. — А мы уже решили, что захватывать станцию неэффективно.

— И наверное, к лучшему, — сказала она. — Похоже на то, что вон та фру — которая в сером — решает, что будет транслироваться. — Она покачала головой. — В правилах сказано, что каждая

группа будет играть два раза: два выступления по три песни. Каждый раз порядок выступлений будет определяться жеребьевкой. Это дает нам два шанса поймать зеленую лампочку. Как ты думаешь, Хакан в порядке?

Вал Кон сел на скамью и похлопал рядом с собой рукой, приглашая ее устраиваться.

— С Хаканом все прекрасно, Мири. С его точки зрения, ты делала только то, что положено: фру указала, что нужно, и это будет сделано. Если он сомневается в наших шансах на победу, то мне он об этом не говорил.

— А что говорит Контур?

Он выгнул бровь:

— Ничего. Нет информации.

— Я не о победе, черт подери. Я имею в виду...

— Мири, Мири... На оба вопроса ответ одинаковый. Мы не можем предсказать судейство, потому что судьи разные. Мы не можем предсказать, кого будут транслировать, потому что не знаем, какие критерии определяют решения фру в сером.

— И даже если нас пустят в эфир, мы не знаем, будут ли еще слушать там, наверху!

— Вот именно.

Мири ухмыльнулась:

— Если это Точильщик, то могу поспорить, кто спустится.

Вал Кон улыбнулся и сжал ее пальцы:

— Я подозреваю, что даже он не будет настолько торопливым. И потом, фру Бригсби только скажет фру Трелу: «Я же говорила тебе, что эти двое какие-то странные»...

Мири вспотела — но Вал Кон и Хакан тоже. Первые две песни были приняты хорошо, и они справились с небольшой проблемой: им пришлось отказаться от песни, которую они наметили в качестве первого номера, потому что она оказалась последним номером предыдущей группы.

До этого момента они руководствовались советом Мири играть для самих себя, не пытаясь угодить слушателям. Соло, которое Вал Кон исполнил на рояле в первой песне, явно принесло им очки. А во второй Мири и Хакан поменялись ролями: он пел женскую партию, а она — мужскую, и это снова вызвало интерес. Правда, Мири не смогла определить, был ли этот интерес положительным или отрицательным. И, что самое неприятное, зеленая лампочка все еще не загоралась.

Преодолевав волну аплодисментов, Хакан приблизился к своему микрофону с улыбкой до ушей.

— А теперь, — объявил он и замолчал, чтобы перевести дыхание, — теперь трио «Снежный ветер» с удовольствием представит

вам нечто необычное. Мы споем песню, которую вы все хорошо знаете. Сначала так, как фру Роберсун выучила ее в детстве, потом — так, как замур Роберсун слышал, путешествуя на корабле своего брата, и, наконец, так, как ее выучил ребенком я здесь, в Джилле. Итак, «Танец листьев».

Слушатели замерли в ожидании. На пульте в зале загорелась зеленая лампочка, и Мири судорожно сглотнула. Услышав, как рояль Вал Кона начал вступление, она закрыла глаза и погрузилась в ритм, сосредоточившись на словах, которые она написала на бенскую музыку. Оригинал представлял собой простодушный, радостный гимн осени, великолепно разбивающийся на куплеты. Из какого-то извращенного чувства вины перед Хаканом, который по неведению помогал им нарушать галактическое законодательство, Мири постаралась как можно точнее передать дух оригинала.

Ее партия закончилась очень быстро, и эстафету принял Вал Кон: мелодичные звуки лиадийской речи превратили славеньский мотивчик в нечто экзотическое и чувственное. Мири запустила руку в карман, схватила совершенно запретную губную гармошку, которая была там спрятана, и быстро поднесла ее ко рту.

Хакану это показалось волшебством: сложенные чашечкой ладони Мири издавали странные, таинственные звуки, составившие контрапункт к исполнению Кори.

А потом настала его очередь сделать шаг к микрофону и исполнить для слушателей песню, которую они знали всю свою жизнь. И гармоника Мири добавила к знакомым словам едва слышное теплое жужжание.

Он закончил свой куплет, поймал сигнал Кори и продолжил аккомпанемент. Мири играла на гармошке соло всей планете, напоминая слушателям, что, танцуя, листья умирают. Эта мысль захватила ее, заставив вспомнить друзей, танцующих и умерших, вернув ее в те времена, когда гармошка издавала те звуки, на которые не решался отряд: смех, проклятия, рыдания.

Придя в себя, она завершила импровизацию. Сначала Хакан, а затем и Вал Кон дали своей игре затихнуть и оборваться. Мири в последний раз провела гармошкой вдоль губ и поклонилась.

Она поклонилась в тишине — такой полной, что было слышно, как бьется в тряпичную дверь ветер. А потом, в тишине, люди начали вставать с мест, и она на секунду ужаснулась, решив, что они собираются брать сцену штурмом. Не зная, что еще делать, она снова поклонилась. А потом Вал Кон взял ее за руку и поклонился вместе с ней, а его картинка у нее в голове была чудом света и тепла.

А потом начались приветственные крики, которые не смолкали очень долго.

* * *

На судей их игра произвела отнюдь не такое сильное впечатление, как на слушателей. В конце первого тура трио «Снежный ветер» разделило второе место, и это второе место по очкам сильно уступало занявшей первое место группе, которая — как решительно заявила фру Рэнд — была предельно традиционная.

С другой стороны, общее мнение было единым: трио «Снежный ветер» имеет успех. Оставался шанс, что в следующем туре, после обеденного перерыва, они наберут дополнительные очки. Тем временем, идя по залу, они привлекали к себе немалое внимание.

Хакан стоял со списком предложений в руке, по очереди оглашая их Кем, Мири и Вал Кону.

— Это — на праздник весны в Лаксако: три дня в клубе, один вечер — на праздничном концерте. Это — на турне. Кажется, не особо хорошее: однодневные выступления в небольших клубах. Здесь — предложение годового контракта: четыре вечера выступать, три — отдыхать.

— Хакан? — наконец вмешалась Мири.

— Да, Мири?

— Почему бы нам не отложить подсчет монеток до конца ярмарки? Ветер еще не перестал дуть.

— Но некоторые из них сказали, что ответ им нужен сегодня же! Например, фру Овлия...

— Могла бы взять уроки хороших манер, — вмешалась Кем, и Мири одобрительно засмеялась.

— Нет, постойте, — не сдавался Хакан. — Я хотел сказать, что она пытается быстро все устроить, и если бы мы сегодня могли сказать «да»...

— Если мы можем сказать «да» сегодня, — негромко заметил Вал Кон, — то можем сказать «да» и завтра. После второго тура мы увидим: попадем ли мы снова на радио? Получим ли мы приз? Будем ли мы вторыми или третьими? И все это сложить. Завтра у нас будет достаточно времени, чтобы понять, что мы имеем. Давайте будем терпеливыми.

— Давай ты будешь терпеливым за всех нас, — предложила ему Мири. — А я пойду и посмотрю, когда мы играем сегодня вечером.

Спустя мгновение все уже были на ногах.

По воле жребия им почти весь вечер пришлось оставаться зрителями. Их выступление было назначено последним, сразу после лидеров.

— Шатрез, ты не хочешь немного пройтись? — спросил Вал Кон, когда закончила выступать вторая группа.

Мири удивленно заморгала:

— Зачем?

Он негромко засмеялся:

— Чтобы немного успокоиться. Ты тревожишься?

— Да, черт подери, я тревожусь. И ты бы тоже тревожился, если бы у тебя вообще были нервы. Я никогда не пела перед таким количеством людей, как сегодня утром, а вечером, похоже, вообще аншлаг. У меня такое чувство, будто я вообще окаменею и забуду все слова, или растянусь во весь рост, или...

Вал Кон взял ее за руку, стараясь успокоить и поддержать.

— Мири, ты все сделаешь хорошо. Ты всегда все делаешь хорошо и даже больше чем хорошо, а потом себя принижаешь, да?

Он улыбнулся и поднял руку, чтобы погладить ее по голове, не заметив, как скандализована сидящая позади фру.

— Ты очень способная, шатрез. Не забывай: я вижу тебя так, как ты видишь меня. И это волнение, это напряжение, оно полезно. Но большего...

— У меня такое чувство, будто я готова к бою, а кругом у всех только гитары и слова! Хотелось бы мне, чтобы этот идиот наверху что-нибудь предпринял, если он еще там. А Хакан так настроился, что мы поедем с гастрольями и посмотрим мир, и у меня такое ощущение, будто мы должны сделать это ради него, чтобы его не разочаровать. — Она глубоко вздохнула, посмотрела на Вал Кона и ухмыльнулась. — Знаешь, наемникам вредно думать. Ладно, все хорошо.

Наблюдая своим внутренним взором, он заметил, как пламя Мири немного померкло и затуманилось, но в следующую секунду она уже стала ярче, чем прежде, а ее мелодия была абсолютно верной.

— Мы играем ради удовольствия, — медленно проговорила она, пересев так, чтобы их плечи по-дружески соприкоснулись. — Как я и сказала Хакану.

— Мы играем ради удовольствия, — согласился он. — Только ради этого и стоит играть.

Запретный мир И-2796-893-44

Непонятно было, как тут не начался пожар. Вся ярмарка представляла собой лабиринт из шатких деревянных построек, деревянных тротуаров, деревянных торговых рядов и разбросанных повсюду гор нарубленного дерева. И повсюду был открытый огонь: жаровни, факелы, костры... И за каждым присматривал только один полоумный варвар, максимум — два. И некоторые явно приложились к кувшину отвратительного местного алкоголя.

Но сама толпа беспокоила его даже сильнее, чем опасное сочетание дерева и огня. Вполне оправдались ожидания, что эта группа местного населения окажется такой же отсталой и невежественной,

как и население на юге. Не было неожиданностью и то, что у многих были видны признаки болезней и преждевременной старости. И все же сиг-Алду беспокоило такое множество недугов, что ему приходилось постоянно напоминать себе о том, что ему сделаны все прививки и что он не может заразиться ни одной болезнью, известной современной науке.

Из толпы местной молодежи с громкими криками и воплями вывалилось одно существо. Оно настолько потеряло равновесие, что с силой налетело на сиг-Алду и обхватило руками его колени в неуклюжей попытке остаться на ногах.

Сиг-Алда заставил себя замереть на месте и мобилизовал все свое терпение, чтобы дождаться, пока это создание опомнится и уберется восвояси. Вместо этого щенок задрал голову: бессмысленная улыбка на его толстом лице была отвратительной карикатурой на нормального и воспитанного лиадийского ребенка.

Сиг-Алда нахмурился.

— Уходи! — коротко приказал он.

Круглое лицо сморщилось, пытаясь понять смысл этого слова.

— Ламан? — Из толпы вынырнул взрослый и оторвал от него щенка, ощерив в ухмылке кривые зубы. — Извините, замур, но вы же понимаете, что такое дети!

— Да, конечно, — почти грубо ответил сиг-Алда и пошел дальше, пересчитывая деревянные строения, пока не добрался до четвертого слева.

Музыка звучала негромко: «Баллада о Розовом Венке». Они целый час учили Хакана произносить слова «Пролетай мимо», из которых и состояла его партия. У Вал Кона было несколько припевов, но в основном песню пела Мири.

Почтеннейшая публика, наверное, снова ожидала куплетов, а получила балладу на земном, историю о двух влюбленных, которые разлучились навеки, когда на Розовом Венке на свободу вырвался экспериментальный вирус.

В переводе, который они дали Хакану для слушателей, Венок стал богатым островом, пораженным заразным безумием. По мнению Мири, это было достаточно близко к истине, а мелочи роли не играли. Вирус Венка оказался смертельным, планета, которую он захватил, — богатой, и три спасательные экспедиции были сбиты автоматическими системами, пока воротилы наконец не осознали, насколько глупо расходуют средства, и не закрыли на карантин весь сектор. Влюбленный был в последней спасательной экспедиции. Для Хакана — для слушателей на ярмарке — он спасся.

Мири в последний раз пропела «Пролетай мимо» и низко поклонилась, чтобы скрыть слезы. Это ее раздосадовало, и она высоко подняла голову перед рукоплещущей толпой.

— Забыла слова, Мири? — прошептал Вал Кон ей на ухо, и она неуверенно засмеялась.

Слушатели еще мгновение удержали их у края сцены, а потом Мири достала гармошку, сыграла быструю трель, и трио нырнуло в жизнерадостную популярную бенскую песню «Попутный ветер». Гармошка придала огня песне, которая нравилась Мири, и она отступила назад, освобождая место для отрететированного ими маневра.

Хакан нырнул к роялю, передал гитару Вал Кону — и в следующее мгновение Вал Кон вышел к рампе, быстро играя мелодию под аккомпанемент гармошки. Кто-то из слушателей рассмеялся, раздался даже взрыв слишком ранних аплодисментов. А сбоку не гас зеленый огонек.

Они еще раз ускорили темп песни, и Мири снова стала дожидаться сигнала Вал Кона. Он дал сигнал — и они одновременно перестали играть, сразу же поклонившись.

Зрители повскакали с мест, выражая свое одобрение криками, рукоплесканиями и топаньем. Конферансье неуверенно стояла у края сцены, собираясь выйти вперед. Однако крики усилились — и она ушла.

— Такого никогда не бывает, — прошептал Хакан.

— Правда? — сказала Мири и шагнула к микрофону. — Спасибо вам! Спасибо вам всем! — громко сказала она, и зал стал затихать. — У нас почти кончилась музыка... — Раздался смех, и она перевела дух. — Но еще одну песню мы знаем. Хотите послушать?

Зрители радостно взревели. Хакан потрясенно застыл.

— Фру... — начал было он, но Кори уже уселся за рояль, а Мири сказала:

— Начали!

Она взмахнула рукой, давая сигнал к «Мельничной кадрили». Хакан схватил гитару и заиграл.

«Исполнение долга»

— Только не сомневайся, — повторила Присцилла в третий раз, потому что таков был ритуал — и потому что ей не нравилось его настроение: яркие эмоции, острые края и решительность.

Шан аккуратно сложил рубашку на стуле и поднял на нее глаза. В его взгляде и ауре видна была ирония.

— Полно, Присцилла, неужели я настолько робкий?

— Ты же говорил, — напомнила ему она, — что чистым безумием было бы рисковать одновременно капитаном и первым помощником, когда Клану угрожает опасность. — Она сняла брюки и

выпрямилась, суровая и прекрасная в своей нагоде. — А риск существует. Если Богиня отвернется, можем погибнуть мы оба или один из нас. — Она подалась вперед и удержала его одним только взглядом. — Не сомневайся, Шан.

— Ну, я действительно так говорил, — согласился он и сел, чтобы разуться. — Но это было до того, как в Треалла Фантрол появились наемные убийцы, Клан рассредоточился по Основным точкам, а «Исполнение» вооружилось. Хорошо Вал Кону посылать нам указания, чтобы мы не тревожились, пока он со своей дамой будет на отдыхе. Мы в беде, будь проклят этот щенок!

Он расстегнул ремень и вздохнул:

— Он нам нужен, Присцилла. Существуют веские основания, по которым Делм избирается из йос-Фелиумов, а если Кольцо попадает в руки йос-Галанов, то мы служим только как Первые представители — Опекуны и отдаем его со вздохом облегчения, как только наш долг это позволяет.

Он кончил раздеваться, сложил брюки поверх рубашки и встал прямо.

— И что теперь?

— Теперь. — Она легко скользнула через каюту, обхватила его руками и поцеловала, крепко и долго. Убедившись в том, что он полон страсти, она отступила и указала на постель: — Ложись.

В кои-то веки потеряв дар речи, он послушался, не спуская глаз с ее лица.

Присцилла кивнула.

— Когда душа путешествует, ей порой грозит опасность забыть телесные наслаждения и муки. Помни их и дорожи ими всеми, чтобы при твоём возвращении домой радость облегчила тебе обратный путь.

Она села на край кровати и легко прикоснулась к его щеке кончиками пальцев, позволив ему на секунду увидеть всю ее нежность и любовь к нему, разрешив себе на секунду ощутить напевный свет его чувства к ней. А потом она решительно закрылась и заставила себя успокоиться, чтобы учить.

— Ты погрузишься в транс, — сообщила ему она. — При этом ты оставишь внутренние двери открытыми и без охраны, совсем ничего не спрятав за своей Стеной. Ты останешься в трансе и будешь ждать моего призыва. Это будет мое дело — доставить нас обоих к твоему брату. А твое дело — держать внутреннее равновесие и сосредоточенность, да еще следить, чтобы между твоей душой и телом оставалась соединительная нить. — Она помолчала, глядя на него. — Ты сможешь это сделать, Шан?

— Да.

— Не сомневайся, — сказала она, хотя нигде в Учении не содержалось требования повторять это в четвертый раз. — Потому что

если ты потеряешь путеводную нить или не сможешь удержать равновесия, у меня не хватит сил сохранить жизнь нам обоим.

— Я понимаю, — сказал он. — Мне надо не рассыпаться на куски и оставить открытой дорогу домой. Что бы ни случилось.

— Что бы ни случилось, — подтвердила она. — Даже если что-то пойдет не так. Если окажется, что я ошиблась или ты не заметишь меня рядом, возвращайся в свое тело! — Она прочла его готовность возражать и повторила свой приказ уже мягче: — Возвращайся в свое тело, даже если тебе покажется, что меня рядом нет. Не забывай: мое тело рядом. Если я смогу, то вернусь к нему.

— А если не сможешь... — Шан закрыл глаза, и Присцилла сделала паузу, слушая гул его мыслей, наблюдая за взаимодействием желаний и долга. Наконец он со вздохом открыл глаза. — Ладно, Присцилла. Да найдет Богиня в своем сердце достаточно снисходительности, чтобы меня простить.

— Она прощает всех, милый. — Она прикоснулась к его ярким волосам. — Скажи, как только будешь готов.

Шан снова закрыл глаза, и Присцилла стала наблюдать, как он убирает свои щиты и стены, отключает сигналы тревоги. Он действовал очень умело и быстро погрузился в транс. Как только он перешел на второй уровень, его аура стала плотнее, потом уплотнилась еще раз, усиливаясь и переливаясь запасами воли. Он добрался до высшего уровня. Пульс стал медленнее, дыхание — глубоким, размеренным и спокойным. Его аура была такой густой, что казалось, будто она накладывается на его физическое тело, частично его пряча.

Присцилла подождала еще немного, проверяя ауру и тело. Только уверившись в том, что все стабильно, что транс и защита души прочны и надежны, она легла рядом с Шаном и начала свои приготовления.

Запретный мир И-2796-893-44

Тиль Фон сиг-Алда стоял в шумном вонючем зале, наблюдая за своей добычей на сцене. Конечно, он видел рисунок в примитивной газете, однако вид лиадийского джентльмена с таким обезображенным лицом оказался столь же неприятным, как и присутствие такого количества немых местных жителей.

Существовала небольшая вероятность, что йос-Фелиум заметил его со сцены, и несколько меньшая вероятность, что его заметила телохранительница-землянка. Контур сообщил, что нельзя точно предсказать, каковы будут реакции и бдительность существа, регуляр-

но употребляющего летакронаксион. Если Йос-Фелиум его видел, то задание можно будет быстро завершить. Однако похоже было, что придется дожидаться окончания непредвиденного выступления.

Трудно было понять, в чем конкретно заключается проблема. Сучка землянка была близка к бреду (вполне предсказуемая реакция прислужницы-наркоманки), а поза местного парня на сцене говорила о раздражении.

Йос-Фелиум молча стоял рядом со своей телохранительницей. Он попытался что-то сказать местной женщине, но та оборвала его резким взмахом руки и вышла к краю сцены.

Встав у крупного микрофона, она заговорила на негибком и маловнятном языке, который сиг-Алда усвоил за один гипноурок. Видимо, она старалась говорить официально, чтобы неприятная информация была принята спокойнее.

— Фру и замуры, родственники и друзья, наши судьи попросили вас последовать их примеру и не учитывать этого выступления трио «Снежный ветер». Чтобы избежать дисквалификации, группа должна будет исполнить оговоренное правилами количество номеров после завершения полуфинальных выступлений гитаристов, поскольку они превысили как время, так и количество...

Вокруг него толпа разочарованно и недовольно взывала. Даже сцена содрогнулась. Объявления женщины на несколько секунд потонули в шуме. Контур сиг-Алды начал действовать, сообщив ему, что вероятность бунта невелика.

Сиг-Алда снова сосредоточил внимание на Йос-Фелиуме, который принял деловито упаковывать инструменты. Землянка что-то горячо говорила местному мужчине. Все это происходило на некотором удалении от женщины у микрофона.

Сиг-Алда начал осторожно пробираться сквозь толпу. Йос-Фелиуму придется спуститься со сцены по боковой лестнице. При некотором везении сиг-Алда его там перехватит, и они смогут улететь отсюда и вернуться на полную спокойного достоинства Лиад.

Однако оказалось, что идея встретить их у ступенек пришла в голову десяткам местных жителей. Узкий проход был забит толкающимися и кричащими варварами, что сделало спокойную встречу с соотечественником невозможной.

Сиг-Алда уселся на скамью у прохода, дожидаясь благоприятного момента, мысленно повторяя упражнение на счет, предназначенное для сохранения терпения в раздражающих ситуациях. Добившись нужного результата, он начал оценивать переменные.

Он не знал, что Йос-Фелиум настолько хороший музыкант: в его досье говорилось только о склонности к игре на омнихоре. Однако звуки последнего произведения, хотя оно и было явно местным, благодаря усилиям агента превратились в нечто вполне

достойное. А сам агент... Сиг-Алда воспользовался режимом воспроизведения, имеющимся в Контуре, чтобы понаблюдать за последними моментами выступления... Сам агент был ничем не обременен и полон энергии. Все три исполнителя играли со страстью.

Неожиданно Контур включился без команды, а сиг-Алда поймал себя на том, что почти вслух повторяет правило: «Бесстрастность, расчет, контроль, успех».

С вероятностью 0,82 действия йос-Фелиума не соответствовали тем, которые предусмотрены для действующего агента. Сиг-Алда продолжил анализ. Оказавшись на примитивном мире без корабля, легко потерять надежду и попытаться целиком отдаться новой жизни, добиваясь в ней успеха... Он содрогнулся — отчасти от холода, который начал проникать в зал, когда из него начали выходить слушатели, а отчасти от мысли о необходимости сколько-нибудь долго жить, полагаясь исключительно на страсть.

Конечно, следует принять во внимание и такую вероятность: шрам на лице (а в конце концов, сведения Хунтаवास исходили от мелкой сошки, и к тому же пьяной) — это только малая часть серьезной травмы головы, которая привела к частичной инвалидности. Возможно, должным образом проведенного лиадийского лечения окажется достаточно, чтобы агент послушно вернулся в лоно единомышленников.

Наконец трио смогло продолжить свой путь, но местные окружали его настолько плотно, что сиг-Алда счел за лучшее просто пристроиться к хвосту процессии и пойти следом. В конце концов должен представиться удобный случай.

И можно было подумать, что эта мысль оказалась спусковым устройством: события приняли неожиданный оборот. Телохранильница отделилась от группы! Если ему удастся ее перехватить и, возможно, исключить из уравнения, варианты развития событий станут яснее. Он мгновенно помедлил — и увидел, как толпа снова сомкнулась вокруг йос-Фелиума и местного музыканта.

Получив «добро» Контура, сиг-Алда начал действовать.

Вандар Ярмарка

— Еще одно выступление? — риторически спросила Мири, пока они шли по проходу. — Она что — сбрендила?

Вал Кон улыбнулся и отбросил волосы со лба.

— По крайней мере у нас есть два часа, чтобы подготовиться — и отдохнуть.

— Угу, как же. Не знаю, как ты, а я настолько взвинчена, что не заснула бы, даже если бы ты дал мне по голове кирпичом.

— Возбуждение от выступления перед публикой, — пробормотал он. — Это значит, что ты пела с самым глубоким удовольствием.

— Наверное. — Она остановилась, глядя в сторону выхода. Высоко над головой гудел в натянутом брезенте ветер. — Вот что я тебе скажу, босс: сначала я пойду прогуляюсь. Попробую приструнить это мое возбуждение. Скажи Хакану, что я вернусь минут через десять, ладно?

— Ладно.

Он нежно пожал ей руку и собрался было идти, а потом, испытывая непонятное беспокойство, обернулся — и успел увидеть, как она скрылась к толпе, направляясь к выходу.

Женщина-землянка остановилась. Ее внимание, похоже, привлекли примитивная радиотрансляционная станция и поезд, в котором она размещалась. Тиль Фон сиг-Алда задержался на некотором расстоянии от нее, в неприятной близости от дымной жаровни. Он наблюдал за своим объектом и размышлял.

Контур рекомендовал действовать прямо, давая девяносто девять процентов вероятности того, что в настоящий момент землянка не находится под воздействием наркотика. И действительно — исполнение, которое он только что слышал, несмотря на его грубый и варварский характер, недоступно для человека, чье сознание замутнено «облаком». Сиг-Алда шагнул вперед.

Как только он поравнялся с землянкой, она повернулась — и широко раскрыла глаза. Он поклонился — не слишком низко, но достаточно, чтобы польстить и сбить с толку.

— Добрый день, — очень мягко произнес он на земном. — Вы — Мири Робертсон, не так ли?

Ее глаза и лицо выразили настороженность. Поза говорила о недоумении и нерешительности. Сиг-Алда улыбнулся, радуясь тому, что ее так легко читать.

— Угу, — сказала она, и ее голос оказался решительным и красивым. — А кто вы?

— Друг вашего нанимателя, — непринужденно ответил он. — Отмечено, что вы превосходно охраняли его при обстоятельствах, которые были как сложными, так и необычными. Теперь, когда ваши обязанности выполнены, а ваш наниматель возвращается домой, он прислал меня с этим подарком, который должен послужить знаком его уважения.

Вытащив из кармана пакетик с синей точкой, он заметил, как расширились глаза землянки, услышал ее судорожный вздох и увидел, что бледная кожа побледнела еще сильнее. Он вложил пакетик ей в руку.

— «Облако»?

Красивый голос на этом слове вдруг охрип. Сиг-Алда серьезно кивнул.

— Мы внимательно изучили ваши склонности, — проговорил он, отметив, что ее пальцы крепко стиснули пластиковый пакетик. — И когда пришло время выбирать подарок, я поделился моими сведениями о ваших вкусах, чтобы подарок обязательно был вам приятен. Надеюсь, что вы позволите себе ему радоваться и примете благосклонно.

— Конечно. — Ее голос потерял всякую выразительность. Она смотрела на него сверкающими серыми глазами — и, несомненно, рвалась отведать то, что так яростно сжимала в руке. — Большущее спасибо.

— Рад служить, — сказал он ей и снова поклонился.

Когда он уходил, она все еще смотрела на него своими сверкающими глазами, а пакетика в стиснутом кулаке даже не видно было.

Вандар Ярмарка

В репетиционном зале было жарко, и Вал Кон постарался сесть как можно дальше от очага в углу. Он натягивал на мандолетту новые струны и слушал болтовню Хакана.

— Мы могли бы, — говорил его молодой напарник, — просто сыграть те вещи, которые они дисквалифицировали. Ну, не четвертую, конечно, а первые три. Только мне страшно не хочется этого делать, чтобы не испортить впечатления от той баллады Мири, о Розовом Венке. — Он удивленно покачал головой. — А она еще говорила, будто не может выступать перед залом! Да я могу спорить, что там не осталось никого, кто бы не прослезился! Готов поставить мою долю призовых!

— Если мы получим призовые, — пробормотал Вал Кон. — Быть может, надо составить новое выступление и начать его той песней, из-за которой нас дисквалифицировали.

— В этом что-то есть, — задумчиво протянул Хакан.

А потом он встал, широко улыбнулся, раскинул руки и крепко обнял Кем на глазах у всех окружающих. Кем ответно обняла его, отказываясь смотреть на потрясенные лица вокруг. Вал Кон покачал головой и сказал себе, что они с Мири плохо повлияли на Хакана и его подругу.

Он взял последнюю струну, закрепил, продел в ушко колка и начал осторожно его заворачивать. И...

Струна лопнула в его неловких похолодевших руках, на лбу выступил пот, в груди поднялась волна ужаса. С неровно бьющимся сердцем он уронил мандолетту. На глазах у него выступили слезы.

— Кори!

Вал Кон поднял голову, с трудом проглотив вскрик. Над ним склонился Хакан.

— Что с тобой, Кори?

Вал Кон сделал глубокий вдох, прошел по «Радуге» и неуверенно улыбнулся своим собеседниками:

— Нервы. Наверное, Хакан. Я выйду и... и немного подышу.

Хакан неуверенно нахмурил лоб.

— Если хочешь, я выйду с тобой. Ты что-то неважно выглядишь, старина.

— Мири... Мири скоро придет.

Он почти неуклюже встал на ноги, схватил свою куртку и, запинаясь, пошел через набитую людьми комнату. Хакан посмотрел на Кем, а потом наклонился за мандолеттой.

Вал Кон привалился к стене из необструганных досок и наполнил легкие холодным как сталь воздухом. Всплеск паники немного угас, оставив после себя липкий осадок отчаяния. Вал Кон сосредоточил свой внутренний взор, пытаясь найти источник этих ощущений — и нашел его почти сразу же.

Он распространялся от мелодии, которая была Мири.

На этот раз ужас был его собственным, но Вал Кон хладнокровно отстранился от него и стал сосредоточенно искать, в каком направлении от него сейчас находится Мири. Песня потянула его на север, и он быстро зашагал, почти не замечая людей, мимо которых ему приходилось проталкиваться и которых надо было обходить.

Он свернул за угол, уже почти бегом минуя немногочисленных посетителей ярмарки, огибая пустые лавки ремесленников. Он ничего вокруг не замечал: все его внимание было сосредоточено внутри, где отчаяние заledenело в нечто более страшное и безымянное. Ее песня почти рассыпалась на диссонансы.

Мужчина возник ниоткуда, выведя его из сосредоточенности прикосновением к плечу и едва слышной фразой на высоком лиадийском.

— Добрый вечер, галандриа. К чему такая спешка?

Вал Кон остановился и отпрыгнул обратно. Тот тоже остановился, и Вал Кон обнаружил, что смотрит на худого мужчину в кожаной летной куртке, темноволосого и темноглазого. Лицо у него было безбородое, золотистое и странно неподвижное.

— Командующий шлет вам свои приветствия, агент Йос-Фелиум.

Его голос был воспитанным, ровным и лишенным теплоты.

Вал Кон поднял бровь.

— Это, естественно, весьма приятно слышать, — проговорил он. — Хотя я должен сказать, что недостойн такого внимания.

Он немного изменил позу, проверяя реакции своего неожиданного собеседника.

Мужчина тоже сдвинулся, нейтрализуя возможное нападение, излучая уверенность в себе и самообладание.

— Вы заблуждаетесь, — сказал он, — полагая, что командующий допустит, чтобы из виду исчез даже самый незначительный из нас, оставшись незамеченным и найденным. — Он властно протянул руку. — Отправимся, агент. Командующий требует, чтобы вы явились с докладом.

— С докладом...

Вал Кон нахмурился, считая шаги приближающихся людей, повернулся, шагнул в сторону — и между ними оказалось шестеро посетителей ярмарки. Стремительно бросившись к началу прохода, он обнаружил безымянного агента прямо перед собой, готового к броску. Вал Кон резко остановился. Слева от него была пустая лавка ремесленника, но агент был готов броситься в любую выбранную им сторону.

— Что ж, — проговорил его противник, указывая на пустую лавку. — Мы продолжим нашу дискуссию там.

— Нет.

Мири. Где Мири? Он прикоснулся к той части своего существа, которое было ее отражением, — и отшатнулся, почти содрогнувшись от ее ужаса.

Неподвижное лицо стоявшего перед ним агента отразило тень какого-то непонятного чувства.

— Вы готовы погибнуть ради такой мелочи?

Пристально наблюдая за своим противником, Вал Кон отступил назад, расслабив мышцы и почти дурачась, как в позе Лапелеки под названием «Ожидание». Осторожно, не делая движений, которые можно было бы истолковать как угрозу, он открыл дверь, вошел в лавку и отступил назад, не дойдя до задней стены.

Агент вошел вслед за ним, двигаясь уверенно и спокойно, как тигр. Он закрыл за собой дверь.

— Я повторю свои поручения, — сказал он. — Агенту Вал Кону йос-Фелиуму лично командующим приказано вернуться в штабквартиру, чтобы он мог отчитаться, пройти перекалибровку и при необходимости новый курс обучения.

Вал Кон поклонился — быстро и иронично:

— Как ни печально мне это говорить, я вижу, что слова командующего оставляют меня равнодушным. По возвращении передайте ему, пожалуйста, мой горячий привет.

— Что ж, — снова повторил агент.

Он закрыл глаза, и его следующий вздох был значительно более глубоким, чем предыдущий. Однако Вал Кон быстро изменил свою позицию, воспользовавшись преимуществом, которое ему дал этот неожиданный недосмотр. Агент открыл глаза, увернулся, парировал удар кулаком, который не достиг цели, стремительно отшатнулся, уходя из-под удара, и крикнул тоном безусловного приказа:

— Вал Кон йос-Фелиум, клэр проб квит...

Цепочка не-слов, бессмысленных в суровой необходимости боя. Вал Кон споткнулся, выгнулся и с трудом выпрямился. Его тело изобразило движение Л-апелеки.

— Кто хранит Лиад? — спросил агент.

Вал Кон услышал собственный ответ:

— Народ Лиад.

— Кто хранит народ Лиад? — не сдавался агент.

Ответ был не тем, который избрал бы он сам: он пришел незванный, по собственной воле. Еще не стихли эти слова, как он попытался их отбросить, превратив в нечто иное.

— Департамент Внутренних Дел хранит народ Лиад, — произнес его собственный голос.

Ему была отвратительна эта ложь, но его тело продолжало медленно двигаться, более полно развивая ту фразу, в которую оно вошло.

— Кто хранит Департамент Внутренних Дел?

Казалось, лавку внезапно наполнил густой туман — или между ним и агентом опустился мерцающий занавес. Сквозь него Вал Кон прочел растущую уверенность противника и стиснул зубы, пытаясь заставить замолчать свой предательский голос.

— Кто, — повторил агент свой вопрос, — хранит Департамент Внутренних Дел?

Бороться было бесполезно. Вал Кон сражался с собственными мыслями, пытаясь вспомнить, чего именно ему не следует допустить, но сквозь широкое пространство, заполненное туманом, до него донесся его голос:

— Командующий хранит Департамент Внутренних Дел.

Его тело продолжало двигаться по инерции. Он обращал на него столь же мало внимания, как и на уменьшающееся расстояние между ним и человеком, который задавал ему эти надоедливые, утомительные вопросы.

— Кто хранит командующего? — спросил ведущий допрос.

— Агенты, — ответил ему голос Вал Кона. — Агенты хранят командующего.

Стоявший перед ним мужчина улыбнулся:

— Чем агенты хранят командующего?

— Поступками и кровью.

— Когда командующий призывает тебя исполнить долг, — спросил агент, и его фраза на высоком ладийском прозвучала погребальным колоколом, — что отвечаешь ты?

Тело Вал Кона беззвучно изогнулось в танце. Он подошел к поворотной точке и безмятежно улыбнулся допрашивающему:

— *Carpe diem*.

Эти слова были похожи на яркое солнце, которое высушило туман. В момент ответа он узнал па Л-апелеки под названием «Принятие копья». Он вспомнил, что человек, отступивший перед ним, — это враг, вспомнил и то, что на этот вопрос существовал и иной ответ. Ответ, не имевший смысла. Мири дала ему нужный ответ, правильный ответ, и он танцем установил его на нужное место в сарае у Хакана...

— Вал Кон Йос-Фелиум, — снова провозгласил агент, — клэр проб квит...

На этот раз весь цикл прошел быстрее. Он снова был связан, был вынужден отвечать. Его ум постепенно затуманивался, а тело безжалостно повторяло движения «Принятия копья».

— Когда командующий призывает тебя исполнить долг, — прорычал агент, — что отвечаешь ты?

— *Carpe diem!* — воскликнул Вал Кон, и танец изобразил одобрение.

Рука агента стремительно дернулась к карману, и Вал Кон бросил метательный нож.

Нож ударил противника высоко в грудную клетку, близко от шеи, и глухо стукнулся о землю. Агент вытащил пистолет.

Вал Кон упал и перекатился по тесной лавке, а потом сложился пополам и ударил противника по ногам. Тот удачно использовал свое падение и приземлился на колени, уверенно наводя оружие. Вал Кон приготовился к прыжку, а его Контур рассчитал угол, который сделает рану не смертельной.

— Вал Кон?

Голос прозвучал в самом его ухе — немедленно узнанный, бесконечно любимый и совершенно невероятный. Стоявший перед ним агент медлил с выстрелом.

— Сдайтесь и идите со мной добровольно, — сказал он.

А у него в ухе настойчиво звучал встревоженный голос Шана:

— Вал Кон!

Он бросился вперед.

Агент упал неудачно: пистолет вылетел у него из руки, голова с размаху врезалась в прочную деревянную перегородку. Он мгновенно пришел в движение и рванулся к оружию, но Вал Кон уже выскочил из лавки и бросился бежать.

* * *

За товарной станцией ушедшая на полмили в сторону Джилла Мири содрогнулась, остановилась и подняла голову, заглядывая в глубину своего сознания. Картинка Вал Кона стала... неправильной.

На ее глазах цвета поблекли и несколько главных элементов задрожали, словно оказавшись под немыслимой нагрузкой. Ощущение направления ослабело, на секунду отключилось — а потом весь узор вернулся, став таким, как надо: ярким, сильным, нормальным.

Она позволила себе расслабиться, а потом замерла: цикл повторился. Видя, как меркнут краски, она резко повернула обратно. Тревога за него заслонила страх за себя и отвращение к пластиковому пакету, что лежал у нее в кармане.

— Проклятие, Вал Кон!

Он стремительно завернул за угол закусочной, прилип спиной к деревянной опоре и прошептал:

— Шан?

— Где ты, черт подери? — спросил голос у него в ухе — в голове, принес с собой фоновый шум тревоги-досады-решимости-любви.

— На зимней ярмарке, — прошептал он, вытягивая шею и пытаясь разглядеть на запруженном тротуаре своего врага. — А ты где?

— На «Исполнении». Дай свои координаты, приблизительное место нахождения...

— Нет! — крикнул Вал Кон, отшатываясь и прикусив губу до крови. — Шан, тебе нельзя сюда лететь! Страшная опасность...

— План Б! — перебил его мысленный голос Шана. — Ты мне еще тут будешь об опасности!

Бессильное раздражение, открытый гнев и сильный страх прибавились к обрушившемуся на него фону эмоций. Вал Кон прижался к стене, закрыв глаза, корчась под ударами мысленной атаки.

— Не надо, — прошептал он, и снежный ветер сорвал это слово у него с губ. — Брат, любимый, сегодня мне никак нельзя сходить с ума.

Атака моментально прекратилась и, прежде чем у него подкосились ноги, сменилась безусловным, согревающим душу теплом. Вал Кон глубоко вздохнул, ощущая любовь своего брата, и начал шептать ветру:

— Здесь вооруженный мужчина, который хочет меня убить, а моей спутницы жизни нет рядом со мной. У меня нет времени обсуждать с тобой тонкости меланти! Не приближайся, береги себя...

— Ты нам нужен.

Эти слова сопровождало множество самых разных чувств, но, к счастью, они были сильно приглушены.

— У вооруженного человека есть корабль, — пробормотал Вал Кон. — Должен быть корабль! Если повезет — он наш.

Тепло сменилось холодом. Внутренний слух ощутил гудящую пустоту...

— Шан!

Тепло вернулось.

— Здесь. Время на исходе: слишком много энергии тратится. Возьмем корабль за основу — что тогда?

— Я отвезу Мири к ее родным. Встречай нас...

В гуще толпы он заметил знакомую кожаную куртку на мужчине, который был значительно ниже окружающих. Мужчина приостановился, посмотрел налево, потом направо — и уверенно направился к углу закуской.

— Иди! — крикнул брату Вал Кон и вытолкнул его из... своих мыслей.

В пустоте разнеслось гулкое эхо, и Вал Кон бесшумно скользнул вдоль стены, направляясь в полутемную глубину здания.

Шан перевернулся и стремительно вскочил, протянув руки в сторону последней ужасающей картины: какой-то мужчина решительно направляется к нему — Вал Кону, а под его курткой ясно виден силуэт пистолета.

— Он был прямо здесь, Присцилла! Я его видел! Боги...

Он повернулся к кровати, пораженный тем, что находится в своей привычной каюте на «Исполнении», — и тут же рванулся вперед. Ужас затопил все его существо.

Присцилла не дышала.

Боги, чего ради нужно было так убегать?

Тяжело дыша, Мири прислонилась к стойке с лыжами и попыталась его отыскать. На секунду его картинка стабилизировалась и остановилась на одном месте — что было большим облегчением после безумного петлянья и зигзагов, которыми Вал Кон занимался последние десять минут. Она расправила плечи и двинулась дальше, умерив скорость бега, поскольку теперь вокруг нее появились пешеходы. Через всю ярмарку! Ну, до чего это похоже на его обычное упорство! Если он убегает от неприятностей, то почему не бежит в ее сторону? Нет смысла...

Она судорожно сглотнула, вспомнив о пакетике «облака» у себя в кармане, вспомнив того лиадийца, который его дал. Чутье подсказывало ей, что Вал Кон убегает от лиадийца, — только в этом не видно было совершенно никакого смысла! Вся эта ситуация была лишена смысла, но ей вдруг показалось, что нужно найти Вал Кона и встретить то, что ему угрожает, вместе, плечом к плечу. Потом... Она заставила себя отбросить эту мысль. «Никаких «потом» нет, Робертсон, — резко сказала она себе. — Привыкай».

Горе душило ее, но она заставила себя снова сосредоточиться на узоре Вал Кона — и внезапно остановилась. Крик боли застрял в сведенном судорогой горле.

Кто-то налетел на нее и громко выругался. Она отступила к ближайшей стене и прижала к ней ладони, цепляясь ногтями за шероховатое дерево. Ее глаза были устремлены вперед, но видели только то, что было в ней.

Его узор замерцал, заплесал, расширился, исказился... И все это она видела через завесу из разноцветного огненного вихря. На секунду пламя опало — а потом развернулось и на секунду застыло неподвижно. Казалось, узор полностью гаснет — и погас... Она ощутила прикосновение, словно холодный поцелуй в щеку...

И Вал Кона не стало.

— Нет... — Это был стон. Коротко остриженные ногти царапали замерзшее дерево. — Нет! — крикнула она, ощутив взрыв мучительной боли.

Она ударилась головой о стену и всем существом нырнула в пустоту, где за мгновение до этого был его узор, и ей показалось, что она пролетела насквозь и вырвалась куда-то наружу, где дул пронзительный ветер и обрушивался ледяной водопад. Отчаянно закричала какая-то женщина. Мири пошатнулась и упала на колени на снег.

Проглотив подступившую к горлу тошноту, приготовившись снова встретить молчание и пустоту, она снова мысленно вернулась к узору. И судорожно вздохнула от кружащей голову радости.

Он вернулся — невредимый, яркий, бодрый. Живой.

— Живой! — прошептала Мири.

Она встала на ноги, растирая лоб, который ушибла о стену. С трудом сориентировавшись, она решительно пошла его искать.

«Исполнение долга»

— Присцилла!

Пустота. Молчание там, где должна была звучать ее мысленная мелодия, — и гаснущий свет автономной системы.

Сработала подготовка Целителя: переживаемый им ужас был вытеснен из сознания, внимание сосредоточилось на тех деталях, из которых состоит жизнь. Дыхание отсутствует. Сердцебиение отсутствует. Автономная система отключается прямо у него на глазах... Ему нужен врач! Но времени на вызов нет: тело Присциллы умрет прежде, чем Вилт успеет прийти сюда из лазарета.

Страх впился в него — но был отодвинут в сторону. Шан положил ладонь на ее остывающую грудь. Он схватил и трансформиро-

вал свой страх так, как его никто не учил, — и освободил его в виде обжигающего разум луча энергии.

Шок бросил его на колени. Ошутив, как под его ладонью затрепетало сердце, он начал массаж: нажать — отпустить, нажать — отпустить. Тело подхватило заданный ритм, снова потеряло, опять поймало — и выровняло. Возобновилось дыхание. Автономные системы заработали на полную мощность. Шан прекратил массаж, с трепетом глядя, как тело живет без его помощи.

С трудом встав на ноги, он зрением Целителя попытался найти ту нить, которая привязывала Присциллу к ее телу.

Ее не было — ни следа, ни отзвука эмоции. Присцилла исчезла — словно никогда не существовала.

В нем снова проснулся ужас, и он принял его, используя силу этого чувства, чтобы расширить зону Поиска, прикоснуться к аурам всех, кто оставался на корабле. Шан искал намек, напоминание, ноту, которая была Присциллой.

На ауре Лины он задержался дольше всего, затем — на Горди. Но Присцилла не укрылась у своей подруги и приемного сына. Шан стал искать дальше, открыв себя так, как никогда прежде не делал, читая за пределами своих обычных возможностей...

Вот оно! Эхо, огонек воспоминания, знакомое теплое прикосновение, дарующее уют.

Следуя за отзвуком, Шан миновал россыпи человеческих аур, беспорядочный шум, который соответствовал животным с низкой организацией, почти разумные структуры нормишек... Библиотека любимцев, первое пристанище Присциллы на борту «Исполнения долга» почти восемь лет назад. Он сузил поле своего внимания, стал смотреть внимательнее — и наконец нашел ее: она плотно свернулась внутри ласковой, преданной ауры мастера Фродо, короля нормишек.

Шан опрометчиво выплеснул энергию — и на пугающую долю секунды оказался не ближе к нормишкам и своей возлюбленной, а снова в своем теле. Оно упало на тело Присциллы, и голова его оказалась у нее на груди, которая тихо опускалась и поднималась, словно во время сна.

— Нет!

Он устремился обратно, полетел к Библиотеке любимцев, держа курс на ауру мастера Фродо.

Протянув нить симпатии к крошечному эмпату, Шан получил в ответ привычное радостное приветствие. Однако на этот раз к радости крошечного создания примешивалось удивление, так что он сначала протянул нормишке нить утешения, а уже потом попытался дотронуться до самой Присциллы.

Она надежно спряталась за прочным щитом, который был укреплен природной защитой нормишки.

Шан попробовал максимально приблизиться к ней, стараясь поточнее вспомнить, как именно он вызывал Вал Кона, а потом снова энергично окликнул ее мыслями: «Присцилла!»

Поверхность ее щита замерцала, из-за него выскользнул тонкий язычок ауры, за ним последовали другие. Он смог прочесть узнавание, а затем — смятение, страх и любовь. Шан ответил любовью, утешением и чувством безопасности и снова попробовал позвать Присциллу, уговорить сменить защиту мастера Фродо на его собственную. Однако Присцилла его, кажется, не услышала.

Мягко, с бесконечным терпением, он снова послал ей любовь, утешение и защиту, протянув целительную нить спасения, — и наконец ощутил, как ее поначалу слабое прикосновение к этой нити стало крепнуть и приобретать уверенность.

Не обращая внимания на усталость, Шан укрепил связавшую их нить — и почувствовал, как она убрала щиты, немного помедлила — и вышла из-под защиты мастера Фродо, открыв сердцевину своего «я» пустоте.

Шан каким-то непонятным образом потянулся, обнял свою возлюбленную и высвободил их обоих из сферы влияния мастера Фродо.

Он вернулся в свое тело с мучительной стремительностью, и на секунду с ним оставалась Присцилла — а потом она ушла, перетекая своим сознанием по физическому контакту их тел. А в следующую секунду их связь прервалась, и контакт сознаний прекратился.

Вилт успел прийти и уйти обратно, сделав им инъекции витаминов и сурово отчитав за то, что заставило их так быстро потерять такую большую часть массы тела. Пока он еще выговаривал Шану, Присцилла связалась с Линой и попросила навестить мастера Фродо с дополнительной порцией зсрен. После этого она потребовала, чтобы в кабинет капитана им доставили два полных обеда.

С обедом тоже было покончено. Присцилла сидела на диване рядом с Шаном, положив голову ему на плечо, и обдумывала его рассказ. Наконец она вздохнула, села прямее и заглянула в его серебристые глаза:

— Шан!

— Да, Присцилла?

— Почему ты не пошел в Колледж Волшебников в Солсинтре?

Он не скрыл удивления:

— Потому что я не драмлиз, Присцилла, — я Целитель.

— Да, но видишь ли, — очень мягко заметила она, — Целители не делают того, что, по твоим словам, сделал ты. И я знаю, что ты это сделал, иначе я бы сейчас не сидела рядом с тобой. И ни один мой знакомый волшебник — да и ведьма тоже — не могут говорить прямо, разумом к разуму.

Он нахмурился:

— Чепуха. Ты сама оставила сон жене Вал Кона, а она ответила!

— Да, конечно. Но мы с ней не говорили друг с другом прямо. Подумай, насколько было бы легче, если бы такой способностью обладали многие. Антора смогла бы поговорить с Вал Коном много месяцев назад, передав ему приказ Новы о возвращении!

Он смущенно поерзал, а потом ухмыльнулся:

— Ну, я могу оправдаться только тем, что ни Вал Кон, ни я не знали, что такое невозможно, и поэтому очень мило поболтали! — Его улыбка погасла. — Больше того: он принимал меня так, как это мог бы сделать другой Целитель: попросил меня приглушить эмоции. А я смотрел его глазами!

Он выпрямился и схватил Присциллу за руку. Его пристальный взгляд стал почти гипнотическим.

— Я видел, как из толпы вышел мужчина с пистолетом. Видел, как он повернулся к Вал Кону... — Он ссутулился. — А потом связь оборвалась.

— Где он? — спросила она, выдержав паузу в несколько сердцебиений.

Шан резко расхохотался:

— Отказался говорить! Велел не приближаться и беречь себя! Некогда считаться меланти, сказал он, из чего я заключаю, что он говорил со мной не как мой брат, а как мой Делм. Ха! Как он поменял свою песню, Присцилла! И наконец, перед тем как нас вытолкнуть и чуть было не оставить меня без спутницы жизни, он велит нам встретиться с ним. Видишь ли, у мужчины с пистолетом тоже есть корабль, так что Вал Кону всего-то и нужно, что убить его — и он может не спеша улетать с планеты и отправляться искать родственников Мири. Где бы они ни находились.

— Мири, — уточнила Присцилла. — Это Мири нас вытолкнула. — Она вздохнула и добавила, поскольку Богиня требует правдивости: — Это моя вина.

— Твоя вина? — изумленно переспросил Шан. — Мири выбрасывает нас в пустоту, и это — твоя вина? Присцилла...

— Моя вина, — повторила она. — Моя гордыня. Я была так уверена в том, что могу тебя защитить! И когда ты сосредоточил внимание на Вал Конё... Ты тратил так много энергии, что я испугалась за тебя, за нашу связь с кораблем. Я дала тебе столько, сколько могла, но этого не хватало. Ты начал гаснуть, и я чуть было тебя не потеряла. И я потянулась и стала брать энергию из мостика между Вал Коном и Мири: там столько энергии!

Она замолчала и с силой стиснула его руку, черпая силы от боли, с которой в ее ладонь врезался камень его кольца. Она

вознесла благодарность Богине, которая испытала ее в полной мере и позволила еще ненадолго задержаться в мире действующих.

— Мири почувствовала, что мостик нарушен, — сказала она Шану. — Наверное, я заслонила от нее Вал Кона: наверное, ей показалось, что он в огромной опасности... погиб. Подумай, какое это потрясение, когда ты привык находиться в гармонии с кем-то, а этот человек уходит за стену и отделяется от тебя... — Она покачала головой. — Мири не обучена. Она не знает, как меня увидеть, не умеет искать. Она могла только ударить всей силой своей воли и попробовать восстановить связь со своим спутником жизни.

— И при этом отрезала нас, — договорил за Присциллу Шан. Он вздохнул. — Внушительно. — Он заглянул ей в глаза. — Но то, что ты мне сказала, показывает, что ты не виновата. Как и Вал Кон, как и Мири. Человек, на ком лежит вина — за то, что он тебя испугал, за то, что чуть тебя не убил, — это Шан Йос-Галан, его жадность и его эгоистические потребности.

— Нет!

— Да. — Он прикоснулся к ее лицу, провел пальцами по волосам. — Присцилла, ты не должна позволять, чтобы я подвергал тебя опасности! Ты видишь, что я такое — человек, насколько не владеющий своими желаниями, что может убить собственную спутницу жизни!

— Шан! — Она выпрямилась и услышала, как в ее голосе зазвучали особые ноты. — Это неправда.

Он вздрогнул, заглянул ей в лицо — одной Богине известно, что он там прочел! — и качнулся вперед. Его руки обхватили ее, щека прижалась к ее щеке.

Присцилла обняла его, и они сидели так, забыв о времени. А потом она задала вслух вопрос, который он уже задавал себе бесчисленное количество раз со времени своего разговора с братом:

— А Вал Кон может убить человека ради корабля?

Шан вздохнул, как усталый ребенок, и поменял позу.

— У Йос-Фелиумов особая страсть к кораблям, Присцилла: история семьи полна рискованных поступков, которые совершались ради кораблей. Вал Кон?.. — Шан сел прямо и покачал головой. — Мой брат рассказывал об одном случае, когда он захватил икстранца — по его словам, чтобы поговорить с ним и иметь открытый и равный обмен мнениями. Он говорил, что, когда они закончили разговор, он отпустил эту тварь, потому что убивать ее не было смысла. Хотя этот довод ни разу не помешал икстранцам убивать столько неикстранцев, сколько им заблагорассудится.

Он снова вздохнул:

— Откуда мне знать, что он сделает, Присцилла? Вот ты бы отпустила икстранца?

Вандар Ярмарка

Агент шел вперед, и в каждом его шаге читалась уверенность. Вал Кон прокрался через кухню закусочной, скользнул за угол и бросился бежать, чуть было не сбив с ног юную пару, забывшую обо всем в пылу своей страсти.

Вернувшись на центральный тротуар, он снова слился с толпой посетителей ярмарки, которые направлялись в сторону станции. Вообще говоря, агент мог сделать попытку убить его в этой ситуации: однако Контур показал, что данный агент стремится действовать более скрытно.

Его мысли бежали сразу по нескольким уровням. На одном было облегчение, вызванное тем, что мелодия Мири стала спокойнее. На другом, где сплелись агент и разведчик, взвешивалась вероятность нападения, обеспечивалось движение с минимальным количеством следов и проверялось наличие преследования.

На еще одном уровне его мысли были заняты вопросом о корабле агента: находится он на поверхности планеты или на орбите? Прилетел ли агент один, или на корабле его ждет дублер? Как найти корабль? Как получить ключи от корабля? Нельзя было рассчитывать на то, что идущий по его следу человек добровольно ответит на эти вопросы, хотя возможно применить насильственные методы допроса... Вал Кон чуть было не вздохнул. Агента убить трудно, но возможно. Неизмеримо труднее захватить его в плен.

«План Б», — сказал ему Шан. Что могло случиться? Неужели Департамент открыто выступил против Клана Корвал? Хунтаवास... Он закрыл этот уровень сознания. Такие размышления только выдвигали на первый план необузданные чувства, а сейчас ему нужно использовать все свои силы на то, чтобы сохранить свою жизнь и жизнь своей жены — и заполучить корабль!

Толпа поменяла направление движения. Он влился в другую группу зевак и прислушался к песне Мири, проверяя, что она по-прежнему недалеко от поезда.

Агент очень умелый — и сам это знает. Возможно, он чуть-чуть самонадеян. Скорость его движений указывает на ускоренные реакции — стимуляторы. А это означает, что в конечном счете он утомится быстрее. Однако на непродолжительном отрезке времени оба эти фактора несущественны. То, что на агенте боевые доспехи, говорит о том, что он изучал Вал Кона так же, как Вал Кон в прошлом изучал свои жертвы. Были ли его исследования достаточно подробными, чтобы он узнал о втором клинке — том клинке, который подарил Точильщик? Наличие оружия, которое проходит

сквозь доспехи так же легко, как сквозь воду, дает Вал Кону значительный перевес, однако нейтрализуется острой необходимостью сохранить противнику жизнь, чтобы успеть узнать о корабле.

Группа, с которой он шел, повернула. Вал Кон ускорил шаги, двигаясь в сторону Мири. Затылок у него неприятно покалывало: Контур давал почти стопроцентную вероятность, что агент идет по его следу.

Сиг-Алда идентифицировал рисунок подошвы, потерял следы, нашел, потерял снова... Это напомнило ему, что он преследует не беспомощного земного политика, а обученного агента.

Агент не может полагаться на везение. Однако сиг-Алде уже крайне повезло: если бы нож попал всего на два пальца выше, его тело сейчас остывало бы в темном сарае. Какая скорость! Какой расчет! Всего секунду назад он не мог управлять даже своими мыслями — а в следующую сумел задумать и совершить такое нападение!

От удара ножа болела грудь. Обязательно будет синяк, и немалый. Какая жалость, что такие великолепные качества утрачены Департаментом! Сиг-Алда досадливо вздохнул. Он сожалел о втором вмешательстве случая в выполнение его миссии: его объект был так близко, и вместо того, чтобы его нейтрализовать, он предложил ему выбор, который уже был отвергнут... Если бы у Йос-Фелиума был пистолет или хотя бы еще один нож, эта ошибка стала бы смертельной.

Его добыча была впереди — долю секунды он видел Йос-Фелиума.

О, но догонять его слишком рано было бы ошибкой! На свету, среди толпы...

Сиг-Алда замедлил шаг, позволив противнику немного оторваться. Контур показывал, что если они схватятся врукопашную немедленно, у Йос-Фелиума будет небольшое преимущество. Не размышляя и не сомневаясь в мудрости своих командиров, он принял третью дозу снадобья, ускоряющего реакцию.

Почему Йос-Фелиум направился именно в эту сторону? Почему он не попытался уйти туда, где стояли тягловые животные и транспортные машины, чтобы уехать и получить большее поле для маневра? Почему... Нет, постой! Сиг-Алда нашел землянку где-то в той стороне — у подножия холма, недалеко от транслятора. И в первый момент Йос-Фелиум тоже бежал в том направлении. И теперь, получив новую возможность, он опять бросился...

К транслятору. Сиг-Алда улыбнулся. Это полностью укладывалось в схему. Песни были сигналом, посланным намеренно и предназначенным тому, кто знал, где и когда надо слушать. Ему снова вспомнились слова командующего, который утверждал, что только

Клан Корвал способен представлять военную угрозу для Департамента. А что, если «Исполнение долга» — корабль крейсерского размера — уже в эту минуту находится на орбите?

Контур показал такие проценты, которые сиг-Алде очень не понравились. То, что песни служили специальными сигналами — 0,97. То, что они заранее оговорены и предназначены определенному слушателю — 0,93. Что они достигли цели? Контур давать оценку отказался.

А если предположить, что этого не случилось? Или случилось, а его собственное появление потребовало изменения планов, о чем они уже сообщили в космос?

Контур высказался за такую гипотезу.

Сиг-Алда бросился бежать, не обращая внимания на возмущенные протесты. Теперь, когда он знал, куда направляется Йос-Фелиум, в преследовании смысла не было. Когда предатель придет к транслятору, там его будет дожидаться сиг-Алда.

Мири следила за продвижением Вал Кона. Он направлялся к поезду по ту сторону станции — или, возможно, к ней: точно определить пока не получалось. Он больше не бежал наперегонки, что было хорошо, и его узор стабилизировался после всех тех странных фокусов.

Бредя по снегу, она гадала, на что стал похож ее собственный узор. Наверное, ни к черту не годится после потрясения, что ей устроил тот лиадиец...

Она подавила эту мысль. Пакет «облака» тянул карман, словно многопудовая гиря.

Вал Кон от чего-то убегал, но в его узоре она не заметила ничего такого, что заставило бы подумать, будто он кого-то убил. Это означало, что тот пилот по-прежнему где-то рядом: либо направляется к ней вместе с Вал Коном, либо преследует его. А это значит... «К черту, Робертсон! Кого ты хочешь обмануть? — резко одернула она себя. — Ты не можешь знать, что сейчас происходит». Она наблюдала за поездом. Из котлов, питавших генератор, валил пар, приводные ремни громыхали, время от времени шипели клапаны.

Ну и устройство! Ремни из ткани и резины соединяли огромный маховик, генератор и ведущий шкив. Вся эта штука передавала электрический ток от генератора на огромный старомодный гальванический аккумулятор, установленный в передней части поезда. Радиостанция питалась от аккумуляторов, что было неглупо: если порвется приводной ремень или упадет давление пара, энергии на передачу все равно хватит, и будет время, чтобы отремонтировать это чудище.

Мири покачала головой. Кто бы мог подумать, что нечто столь примитивное может оказаться столь сложным?

В одном из вагонов поезда располагалась студия, дублировавшая ту, что была установлена в концертном зале. Необходимость проникнуть туда уже отпала: они и так привлекли к себе внимание кого-то, у кого был корабль. Все прошло по плану.

Она шмыгнула носом: «Care diem, да, Робертсон? И что теперь?»

На холме, на фоне огней ярмарки, Мири увидела фигуру, быстро направлявшуюся к поезду.

Она нахмурилась и проверила узор Вал Кона. А потом медленно растаяла между тяжелой сцепкой вагонов, пытаясь отыскать что-то более действенное, чем тоненький нож в палочке и горсть серебряных монет.

Вандар Ярмарка

— Кори!

Вал Кон продолжал поспешно идти вперед, не обращая внимания на оклик.

— Кори! — настойчиво повторил голос.

Краем глаза он увидел мужчину, который неловко пытался его перехватить. Мужчина был тепло закутан, чтобы защититься от вечернего холода. Вал Кон сдвинул брови — а потом разглядел очертания носа и подбородка. Отец Хакана.

Он помахал рукой и немного изменил направление движения, чтобы пройти мимо.

— Подожди! — позвал замур Мельтц, опасно поскальзываясь на участке льда.

Он замахал руками, покачнулся и невнятно поблагодарил Вал Кона, который поймал его за руку и помог удержаться на ногах.

— Все в порядке, сударь...

Вал Кон помог пожилому мужчине выйти на более безопасное место и отступил назад. Однако его удержала неожиданно сильная рука.

— По крайней мере дай мне возможность тебя поблагодарить... и извиниться.

Вал Кон со вздохом заставил себя остановиться и не вырываться.

— Я не...

Замур Мельтц кисло улыбнулся:

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты подружился с Хаканом и стал его напарником. Я еще никогда не видел его таким энергичным и полным идей! И я хочу извиниться, потому что судьи сделали глупость. Они поставили правила выше музыки... выше искусства! Я участвовал в выборе этих судей и вижу, что принял неудачное решение.

Он склонил голову.

Вал Кон повернулся, пытаясь разглядеть Мири.

— Замур, сложилась трудная ситуация. Мири... расстроена. Ей кажется, что она сделала ошибку, когда объявила еще одну песню. То, что она совершенно правильно почувствовала настроение зрителей и что само исполнение было безупречным — это знаем ты, Хакан и я. — Он снова попытался идти и с облегчением почувствовал, что его руку отпустили. — Я сейчас пойду к Мири и попробую объяснить ей разницу между судьями и искусством.

Мельтц-старший улыбнулся:

— Тебе повезло с твоей фру, молодой человек: смелая и полная жизни. Передай ей: я уверен, что она все поймет. Я уважаю ее искусство и ее тоже, независимо от того, согласуется ее игра с их правилами или нет! — Он покачал головой. — На следующей ярмарке мы выберем в жюри не политиков, а музыкантов, пусть мне будет свидетелем ветер, гонящий листья!

Он кивнул Вал Кону и зашагал прочь, решительно расправив худые плечи.

Вал Кон еще раз проверил свое ощущение Мири и услышал долгожданную перемену в ее песне, которая снова стала связной и плавной и все больше и больше походила на ту Мири, которой он так дорожил.

И тут мелодия заострилась, в ней зазвучала тема крайней сосредоточенности, которая слышалась во время вторжения басси-ланцев. Поспешно определив, где Мири, он перешел на легкий бег, хотя сердце просило, чтобы он двигался еще быстрее.

Вал Кон торопился осторожно, пытаясь смотреть одновременно и назад, ища агента, и вперед, ища Мири.

Пока сиг-Алда бежал, уравнения трансформировались и изменялись. Если предположить, что землянка находится рядом с транслятором — заняла позицию рядом с транслятором в соответствии с заранее составленным и продуманным планом, то вероятность того, что она приняла наркотик, заметно снизилась. Хотя, конечно, для наркомана такую вероятность все равно нельзя исключить.

Контур выдавал результаты, которые говорили о небольшом перевесе в пользу того, что она воспользовалась «облаком», учитывая, что перед выступлением она его не принимала. «Облако» —

вещество сильное, и тяга к нему после привыкания становится непреодолимой.

Освещение было неверное — главным источником света служили огни оставшейся у него за спиной ярмарки да немногочисленные фонари и прожекторы, установленные у поезда. Рыжеволосой землянки не оказалось там, где сиг-Алда ее оставил, а по следам искать было безнадежно — слишком много народу протопало.

Он оглянулся. Йос-Фелиума пока не видно было. Сиг-Алда присмотрелся и увидел свой объект на территории ярмарки: похоже, он разговаривал с кем-то местным.

Разговор резко оборвался. Местный мужчина зашагал обратно, в глубь ярмарки, а йос-Фелиум почти бегом направился в сторону сиг-Аллы.

Сиг-Алда улыбнулся, довольный тем, как четко он видит освещенного сзади бегуна. На таком большом расстоянии попасть в него из пистолета было бы непросто: пришлось бы полагаться на везение, которое уже два раза его спасало, умение тут не поможет. Однако торопиться было некуда. Йос-Фелиум направлялся к передатчику. Тиль Фону сиг-Алде оставалось только найти подходящее место и дожидаться, пока его добыча окажется на удобном расстоянии.

Вандар Ярмарка

Мири пригнулась позади вагона-платформы, следя за наблюдающим лиадийцем и лихорадочно соображая, что ей делать.

Вал Кон не убил этого типа, хотя Мири не сомневалась в том, что отчасти странные изменения в его узоре были связаны с конфликтом между ними. «Следовательно... — подумала она с презрительной полуулыбкой. — Следовательно, Робертсон, эта обезьяна в живом виде представляет большую ценность, чем мертвая. Сообрази почему».

Ответ был настолько прост, настолько ясен, что у нее перехватило дыхание. Космический корабль! Будь все проклято и гори голубым пламенем! Она потрогала монеты у себя в кармане, вытащила нож, открыла его... сложила... и вздохнула. Судя по всему, у часового были две возможности.

Первая: присматривать за лиадийцем, пока не придет Вал Кон, который сможет намекнуть ей, что происходит. И вторая: если покажется, что цель уходит, его надо остановить — не убив при этом.

«Тебе всегда везет с патрульной службой, правда, Робертсон?» — сардонически спросила она, вспомнив, как Скел всегда говорил, будто она специально выбирает себе штормовую вахту, словно ее тело заранее знает, когда стрясется беда.

Лиадиец, за которым она следила, переменял позу, сунул руку в карман своей щегольской кожаной куртки и вынул пистолет. Мири выглянула из-за своего укрытия, стараясь проследить за направлением его взгляда, — и чуть было не заорала во весь голос.

Вал Кон приближался к поезду, и свет был у него за спиной. Даже не слишком меткий стрелок в такой позиции не промахнулся бы. Она проверила его узор и обнаружила, что в нем высветилось несколько уровней, и к нему прибавился тот изгиб, который она связала с ощущением опасности. Но он все равно продолжал бежать. И через несколько мгновений он окажется под выстрелом лиадийского пистолета.

«Все расчеты побоку, Робертсон», — сказала она себе и скользнула вперед, приготовив нож.

Ее мелодия снова изменилась. Она стала плотнее, искристей и невероятно бдительной, словно Мири неожиданно перешла к роли, где интуиция, рефлекс и намерения невыразимо важнее мысли.

Словно она... охотится.

Вал Кон ускорил бег, выжимая из себя максимальную скорость и не думая об опасности. Контур заработал на полной мощности, поясняя, что с вероятностью 0,85 она выслеживает агента, оценивая в 0,35 возможность, что после первого столкновения с ним она проживет больше минуты, и в 0,2 — что она вообще останется жива.

«Мири, Мири, Мири! — Он напряг всю силу воли, пытаясь говорить с ней так, как с ним говорил Шан. — Мири, НЕ НАДО!!!»

Не похоже было, чтобы она его услышала. Ее песня выровнялась в плато, сконцентрировалась — и превратилась в копье.

С воплем в сердце, с холодной определенностью в мыслях Вал Кон задействовал все резервы своего существа, ощущая, как Лапелека, программы экстремального поведения и отчаяние обеспечивают энергией еще один бросок вперед. Интуиция заставила его прибегнуть к маневру — и в следующую секунду он увидел вспышку. Одна пуля прорычала у его уха, вторая — вспорола рукав куртки.

Клинок Средней Реки был свободно вложен в специальные наручные ножны, откуда мог за долю секунды скользнуть в руку. Впереди — и все еще так далеко! — он увидел агента с поднятым пистолетом. На него летела Мири, низко пригнувшись, стремительная и беспощадная. В руке у нее блеснул нож. Вся сила ее атаки пришлась на руку, в которой агент держал пистолет. Нож ударил сверху вниз...

И пистолет отлетел в сторону.

Агент стремительно принял защитную стойку, но не смог воспользоваться позицией — Мири увернулась, нырнула вниз и нанесла низкий удар, попытавшись сбить его с ног. Успев вовремя перегруппироваться, она отбросила его нож, который серебряной дугой улетел в темноту.

Мири изогнулась, приземлилась на ноги и парировала следующее нападение — неуловимо стремительное — приемом, которому ее обучил он. Агент не ожидал встретить знакомый контрприем: он на секунду замешкался, поскользнулся на снегу и вывернулся, словно пытаясь сохранить равновесие. Его горло оказалось открытым, незащищенным.

Вал Кон откуда-то нашел силы еще ускорить свой бег. Он не осмеливался крикнуть, боясь отвлечь ее внимание. Вопреки всему он надеялся на то, что агент поскользнулся по-настоящему.

Мири рванулась вперед, заглотив наживку.

Агент принял уверенную стойку, воспользовался ее весом и инерцией, нагнулся, повернулся и завершил убийство с уверенностью прекрасно обученного бойца.

Мири взлетела вверх, перелетела через его спину, описала в воздухе дугу — худенькая рыжеволосая кукла в синей куртке с капюшоном — и рухнула на утрамбованный снег.

И осталась лежать совершенно неподвижно.

Вал Кон услышал собственный вопль — и у него в руке оказался нож. Агент нагнулся, чтобы удостовериться в своей победе, — и вдруг отшатнулся, даваясь и задыхаясь. Черт побери корабль, черт побери всю родню, и Лиад, и вселенную, и жизнь... Занесенный вверх кристаллический клинок блеснул в луче света — и Вал Кон прыгнул вперед, чтобы разделаться с убийцей своей жены.

Пушечное ядро ударило его под колени, опрокинув в снег, и над ухом у него раздался дикий крик:

— Не приближайся к нему! Это «облако» — яд!

Он перекатился и вскочил на ноги. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы показать ему, как агент выхватил из снега нечто, блеснувшее металлом. Мири закончила перекат и снова рванулась к нему, завалив набок.

Тихо кашлянул пулевой пистолет — и тело Мири сначала напряглось, а потом бессильно обмякло.

Он был жив. Второго выстрела не последовало — ни для того, чтобы завершить первое убийство, ни чтобы попытаться начать следующее. Вал Кон передвинул отяжелевшую Мири и посмотрел через рассыпавшиеся по его лицу яркие волосы. Агент стоял примерно в трех шагах от них, держа пистолет наготове и с выражением совершенно неагентского недоумения на лице.

Вал Кон перевел взгляд на свою спутницу жизни, обнаружил слабый пульс за запястье — и липкое пятно, просочившееся сквозь куртки и рубашки до его кожи. Это могла быть только кровь. Ее кровь.

Осторожно, благоговейно он выскользнул из-под нее и с ловкой неспешностью встал на ноги лицом к агенту. Клинок Средней Реки был демонстративно на виду, готов к убийству. Твердо держа пистолет в руке, агент перевел на него широко открытые мягкие глаза, но, казалось, не обратил на него особого внимания. После мимолетного колебания Вал Кон шагнул вперед, вытянул руку и отнял пистолет. Мужчина заморгал, но не пытался сопротивляться.

— Мне надо было кого-то застрелить, — проговорил он, и интонации высокого лиадийского выдавали недоумение и смятение. — Я не могу толком вспомнить... Мне надо было застрелить... кого-то...

— Что вы и сделали! — отрезал Вал Кон властным тоном. — Дайте мне ваш меднабор!

Агент ошарашенно потянулся к поясу, залез рукой под куртку и протянул меднабор Вал Кону.

Он выхватил приборчик у лиадийца из рук и стремительно повернулся к хрупкому телу на снегу.

Пулевое отверстие оказалось над правой грудью. Дрожащими руками он закрыл входное и выходное отверстия и обрызгал повязку антисептиком. Боги, боги — так близко! И он может оказать ей только самую примитивную первую помощь — хоть это и лучше, чем то, что мог бы предложить какой-нибудь местный медик. Но для уверенности, для полного и быстрого выздоровления ее необходимо было поместить в капсулу автоврача.

— Она серьезно ранена? — спросил у него за спиной агент.

Вал Кон повернулся, не вставая с колен.

— Достаточно серьезно, — ответил он, сумев держаться почти нормально.

Он проанализировал смягчившийся взгляд агента, его полусонное лицо и свободную позу. Мири сказала — «облако». Память услужливо воспроизвела отрывок из лекций: «Летакронаксион, разговорные обозначения — «облако», «лета», «момент». Ингибитор памяти. Продолжительность действия от одного до двенадцати часов. Физиологическая зависимость наряду с психологической потребностью наркомана спрятаться от болезненных ассоциаций делают летакронаксион одним из самых смертоносных запрещенных наркотических средств».

Вал Кон вздохнул:

— Как ваше имя?

Агент явно удивился, но замаскировал это поклоном первого знакомства.

— Тиль Фон сиг-Алда, — представился он, как положено. — Клан Ругаре.

— Хорошо. — Вал Кон заглянул в глаза с неестественно расширившимися зрачками и не увидел там ничего, кроме откровенного недоумения. — Где ваш корабль?

Недоумение усилилось.

— Мой... корабль, сударь? Я... Ругаре не... У меня нет корабля... в собственности. Я — наемный пилот, если у вас есть корабль, но нет желания самому им управлять...

Вал Кон прервал его. Интонации высокого лиадийского ясно указывали на то, что он не желает продолжать разговор.

— Понятно.

Мири необходимо получить помощь. А автоврач настолько пресохлодит все, что может предоставить местная больница...

В самом Джилле больницы не было — ближайшая находилась в соседнем городе, в тридцати милях к юго-востоку. Его ум и сердце кричали, что это слишком далеко. Пульс под пальцами был слабым, неровным. Он снова посмотрел на агента, пытаясь вспомнить, не знали ли его инструкторы какого-нибудь — любого — способа вывести человека из облачного забытья.

Спустя несколько мгновений он сдался. Если инструкторы агентов и имели ключ, которым можно было отомкнуть разум, окутанный «облаком», то они не стали делиться им с курсантом Вал Коном йос-Фелиумом. Однако было нечто еще...

Он медленно выпрямился, внимательно следя, чтобы оставаться между Тиль Фоном сиг-Алдой, из Клана Ругаре, наемным пилотом и агентом перемен, и Мири Робертсон, спутницей жизни, напарником, возлюбленной и другом. Темные затуманенные глаза следили за ним, а на удивительно беззащитном лице ясно читалось отстраненное недоумение.

— Вы знаете, кто я? — требовательно спросил Вал Кон.

Его собеседник продемонстрировал свое неведение, отвесив полупоклон:

— Сударь, я сожалею...

— Я — Вал Кон йос-Фелиум.

Он внимательно искал искру узнавания, надеясь, что принятые агентом стимуляторы относятся к категории самых сильных и что их дозы окажется достаточно, чтобы ускорить выведение «облака» из организма.

Сначала лицо и взгляд агента оставались пустыми, но потом до него медленно дошел смысл услышанного.

— Клан Корвал? — неуверенно спросил он.

— Вот именно, Клан Корвал! — рявкнул Вал Кон. — А та дама, которую вы застрелили в своей страстной потребности кого-то

застрелить, — это моя спутница жизни! Как у вас только рука поднялась? А теперь вы говорите мне, что у вас нет корабля, когда мне прекрасно известно, что он у вас есть, и из-за своего смертоносного упрямства лишаете меня пользования автоврачом! Вы что — хотите, чтобы моя спутница жизни умерла? Вам хочется, чтобы вся тяжесть счета пала на вашу голову? — Он придвинулся к агенту, и ему показалось, что в глубине невозможно темных глаз забрезжила крупца разума. — Разве вам не случалось слышать легенды, как сводит счета Клан Корвал? Эти рассказы правдивы, все до одного!

— Да! — В голосе агента зазвучали насмешливые нотки. — Просто ужас: тот счет, что был предъявлен Клану Племиа!

Вал Кон улыбнулся.

— Мой брат — человек сострадательный, — тихо проговорил он. — Вы думаете, я тоже окажусь таким?

Агент метнулся вперед и в сторону: все его мышцы снова стали действовать слаженно и быстро. Вал Кон повернулся и сделал захват, но почти сразу же потерял преимущество: его противник упал, сделал ложный выпад — и встал, держа в руке миниатюрный пистолет. Вал Кон застыл неподвижно, наблюдая за глазами противника, которые снова начали меняться.

Сиг-Алда держал пистолет твердо, его лицо было жестким и осмысленным. Вал Кон заметил, как начал двигаться палец на спусковом крючке — и нырнул, подшибая противника так, как его подбила Мири.

Выстрел ушел в воздух. Агент извивался, пытаясь оказаться наверху. Вал Кон не дал ему преимущества, схватил за запястье руку с пистолетом и с силой начал бить ею о плотный снег, пока пальцы не разжались. Крошечный пистолет отлетел в сторону.

Агент снова попытался вывернуться из-под него, получить преимущество. Однако Вал Кон приказал себе стать валуном — мертвым грузом, приковавшим бьющегося торопливого человечка. Сведя пальцы на тонкой шее противника, он слегка сдавил ее.

Агент застыл.

Вал Кон сделал давление постоянным, не уменьшая и не увеличивая его, и дал молчанию затянуться, ощущая, как под его пальцами отчаянно пульсирует жилка. Боги, сколько же стимуляторов принял этот человек? Или Департамент просто выдал ему самое сильное средство, потому что таинственные выкладки командующего показали приемлемо высокую вероятность, что Тиль Фон сиг-Алда успешно выполнит задание прежде, чем ускорители истощат все резервы его сердца?

— Где корабль? — требовательно спросил он.

Агент молчал.

Вал Кон решил приподняться и заглянуть ему в лицо. В черных глазах сверкала решимость, граничащая с одержимостью, лицо пылало, мышцы неестественно напряглись. Вал Кон почувствовал искру надежды. Такое состояние было ему хорошо знакомо: глубокое неистовство мемстима. Он осторожно разжал пальцы, сжимавшие шею противника, и сел на снег с ним рядом.

— Агент Тиль Фон сиг-Алда, — проговорил он, найдя в памяти кошмарный голос командующего, произнося слова на высоком лиадийском тоне безусловного приказа. — Вы сделаете доклад в соответствии с вопросом. Вы будете говорить, когда вас будут спрашивать. Вы будете молчать, когда вам будет приказано. Вы поняли?

— Понял.

Жадные глаза смотрели на него, не узнавая. Капли пота выступили на верхней губе и на лбу, жилка на шее билась еще быстрее и сильнее.

Вал Кон призвал на помощь все свое терпение, заставив сформулировать нужные вопросы и выстроить их в принятую схему.

— График ваших действий, — сказал он, — непосредственно перед моментом, когда вы определили, что объект находится на ярмарке. Вы посадили корабль и укрыли его?

— Так точно.

— Точное местоположение, в местной широте и долготе.

Сиг-Алда, не колеблясь, извлек затребованные цифры из памяти, которая не в состоянии была их забыть.

Вал Кон прикоснулся кончиком языка к пересохшим губам.

— Какие меры маскировки были применены?

— Собственное поле корабля.

Голос немного прерывался, словно говоривший запыхался. Сердечный ритм продолжал ускоряться.

— Перечислите остальные меры защиты и способы их отключения.

Они были трех типов, и все были изложены подробно. Голос начал слабеть, дыхание прерывалось.

Вал Кон посмотрел в лицо мужчины, погруженного в неистовство, и вспомнил его же в резком контрасте, затуманенным и недоумевающим. Тиль Фон сиг-Алда, Клан Ругаре...

— Кратко охарактеризуйте состав и антитоты к стимуляторам, принятым в течение последнего отрезка времени от одного до трех часов, а также вещества, которые насильно ввела вам Мири Робертсон.

— Летакронаксион — антитот неизвестен. Мемстим — антитот неизвестен. Стимулятор — название неизвестно, антитот неизвестен. Выводится из организма приблизительно за три часа.

— Показания Контура! — рявкнул Вал Кон.

— Вероятность Выполнения Задания — ноль целых одна сотая. Вероятность Личного Выживания: три сотых... падает. Две сотых, одна сотая... Вероятность Выполнения Задания — ноль! — В прерывающемся голосе звучал ужас. — Вероятность Личного Выживания...

— Нет! — Вал Кон ударил по щеке обезумевшего агента, пытаясь вывести его из транса. — Тиль Фон, он лжет!

— Вероятность Личного Выживания...

Пульс уже вышел за пределы всех норм. Сердце, которое так бьется, не может не разорваться в клочья.

— Тиль Фон сиг-Алда, Клан Ругаре!

По телу агента прошла судорога и спина выгнулась, когда все мышцы его тела окаменели — а потом он обмяк в бескостной позе, не имевшей ничего общего с жизнью. Пульс и дыхание оборвались навсегда.

Спустя несколько секунд Вал Кон наклонился и закрыл остекленевшие черные глаза, а потом быстро и безошибочно извлек все неподобающие предметы из карманов, поясного кошель и с тела агента. Кожаную летную куртку он оставил, хоть она была не с Вандара и ей не следовало попадать в посторонние руки.

— Я передам твоему Клану, — очень тихо пообещал он.

Он отыскал миниатюрный пистолет и потайной нож Мири, убрал их ко второму пистолету, вернулся к Мири и опустился рядом с ней на колени, приложив пальцы к основанию шеи.

Она пошевелилась и на секунду открыла глаза.

— Скл? — пробормотала она. — Проклятье, Скл...

Вал Кон замер, склонившись над ней, но она так и не пришла в себя полностью.

Тогда он очень бережно, испытывая смертельную усталость во всем теле и в душе, поднял ее на руки и начал очень долгий путь назад, к ярмарке, оставив Тиль Фона сиг-Алду, одинокого и непогрешенного, на потемневшем утоптанном снегу.

Вандар Ярмарка

Остались только шаги — они, и худенькое тело у него на руках. Вал Кон прислушивался к ее дыханию, страдал из-за того, что оно такое поверхностное, но радовался, что оно не прерывается. Она еще два раза шевелилась и разговаривала со Скелом. Один раз она велела ему положить ее и идти дальше самому: «Это приказ, ясно?»

В эти минуты он говорил с ней, почти не понимая собственных слов — но казалось, что звуки его голоса ее успокаивают. Но по большей части он просто шел, борясь со снегом и сосущей усталостью. Можно было подумать, что его силы не тратятся разумно, а утекают по какому-то стоку.

И ему даже понадобилось несколько мгновений, чтобы узнать долговязую фигуру со встревоженным лицом, преградившую ему путь. Он нахмурился, разглядывая светлые волосы, щеточку усов и близорукие голубые глаза.

— Хакан.

— Кори, — осторожно проговорил тот и взмахнул рукой. — Что случилось, старина?

— Я... — Вал Кон вздохнул. — У Мири травма.

— Она жива?

— Жива, — подтвердил он, снова ощутив трудное биение сердца и прислушавшись к хриплому дыханию.

— Так. Оставайся здесь, а я приведу дежурного медика...

— Нет!

Хакан застыл на месте и нахмурился:

— Кори...

— Она получила... помощь. Доктор на ярмарке большего не сделает. Я... Хакан, ты нас отвезешь? Я не должен просить...

В близоруких глазах зажглось понимание.

— Больница в Вейле, Кори. Она выдержит дорогу?

— Она выдержит дорогу туда, куда нам надо попасть, — ответил Вал Кон.

— Так, — снова повторил Хакан. Он осмотрелся и кивком указал на проход между двумя деревянными павильонами. — Ближайший путь к автостоянке.

— Ладно, — отозвался Вал Кон и пошел за ним.

Хакан молчал, пока они не вышли за пределы строений на поляну, где утром проходило перетягивание бревен.

— Я вообще-то мог бы ее понести, — неуверенно предложил он. — Чтобы ты передохнул.

Вал Кон моргнул. Чтобы ее нес Хакан? Неродич, когда ей может оказать помощь ее спутник жизни? Сделав над собой усилие, он осознал, что предложение было вызвано добротой и беспокойством, и отметил собственную растущую усталость. Ему необходимо было экономить силы, чтобы справиться с теми задачами, которые ждали впереди — иначе спутник жизни Мири в конечном счете ее подведет.

Он улыбнулся своему другу и кивнул:

— Спасибо.

— Не за что.

Хакан бережно принял драгоценную ношу и зашагал через поле, стараясь двигаться как можно ровнее.

Вал Кон пошел следом, неуклюже черпая из своего запаса танцев Л-апелеки. Ему вспомнилось па «Дух требует», и он на ходу протанцевал два движения, мысленно охватив все целиком. Его сердцебиение участилось, хотя и не до такой степени, как у Тиль Фона сиг-Алды, дыхание стало глубже, организм заработал с большей эффективностью, реализуя запасы витаминов и энергии.

— Спасибо тебе, брат, — прошептал он, обращаясь мыслями к Точильщику, и удлинил шаги, чтобы догнать Хакана.

— Поверни направо, — сказал он какое-то время спустя.

Они устроили Мири на сиденье между собой, укутав потрепанным пледом.

Хакан недоуменно заморгал.

— Больница в Вейле, Кори, — проговорил он с боязливой терпеливостью. — А это налево.

— Мы едем направо.

Вал Кон воспользовался интонацией высокого лиадийского, чтобы в его голосе прозвучал непререкаемый приказ. Хакан нахмурился, упрямо сжал губы — и медленно повернул направо.

— Спасибо, — тихо сказал Вал Кон, но Хакан не отзывался, продолжая вести машину.

Они три раза проезжали пересечения дорог, где можно было свернуть налево, в сторону Вейла и больницы. Три раза Хакан пытался повернуть в ту сторону — и три раза Вал Кон настоял на своем.

«В следующий раз, — понял он, видя решимость на лице Хакана и стиснувшие руль пальцы. — На следующем повороте он поедет налево, что бы я ни говорил. — Он тихо вздохнул. — Видимо, я обезумел от горя и не соображаю, что делаю».

— Скел? — прошептала Мири и беспокойно шевельнулась.

Вал Кон погладил ее разметавшиеся волосы и прикоснулся к слишком бледной щеке. — Скела здесь нет, шатрез. Отдыхай пока.

Но она не сдалась так легко: она повернула лежавшую у него на колене голову и попыталась сбросить с себя плед.

— Скел! — повторила она. — Чертова погода. Чертов метеоролог. Делает свои замеры по пять раз в день — и что толку? Здешняя погода правил не знает, Браннер. Планета рассыпается — материк перемешается, Браннер. Это все равно что идти по воску. Только этим утром потеряли взвод. Тот холм, где он стоял... просто рассыпался.

Она начала метаться. Хакан бросил на нее быстрый взгляд, а потом снова стал смотреть на дорогу, решительно вдавив педаль акселератора в пол.

Вал Кон поймал беспокойно дергающуюся руку и нежно ее удержал. Одна часть его сознания думала о том, как ее успокоить, тогда как в другой холодно и непрерывно шел отсчет расстояний и направлений. Надо не проехать мимо корабля.

— Машину придется бросить, Браннер. Слышишь? Отряд застрял — все, кто остались. Я обещала Лиз обезвредить оружие — тогда у них будет шанс выбраться... И вообще, что это значит — «галандария»?

— Это значит, — тихо сказал Вал Кон, поглаживая ей щеку и пытаясь внушить спокойствие, — «соотечественник», «земляк». Мири... Это Вал Кон, шатрез. Тебе надо лежать спокойно...

Она вдруг замерла:

— Вал Кон?

Значило ли это, что она ушла из своих воспоминаний, вернулась в настоящее?

— Да.

— Не оставляй меня, Вал Кон.

— Конечно, — пообещал он, нежно прикоснувшись к ее губам. — Я тебя не оставлю, Мири.

Тут она вздохнула, словно ребенок, которому сказали, что чудище из кошмара на самом деле убито насмерть, и снова провалилась в забытие.

— Останови здесь, — сказал Вал Кон и вздохнул, поймав взгляд Хакана, в котором читалось упрямое отрицание.

— Здесь ничего нет, — решительно заявил музыкант. — Только скалы и снег. Мири плохо, Кори, — ей нужна больница, а не прогулка по холоду. — Он снова устремил взгляд на дорогу. — Через полмили будет поворот, и оттуда до Вейла чуть меньше часа.

— Хакан, останови машину.

На этот раз его взгляд был немного менее твердым, и скорость машины чуть снизилась.

— Мири плохо, — тихо проговорил Вал Кон. — Ей нужна самая хорошая медицинская помощь. — Он поднял руку. — Неужели я настолько обезумел от горя, что готов убить собственную фру?

Хакан бросил на него долгий пристальный взгляд, а потом посмотрел на холодное звездное небо и дикое нагромождение покрытых снегом скал.

— Здесь? — растерянно спросил он.

— На самом деле, — ответил Вал Кон, — примерно в четверти мили позади.

Он затаил дыхание. Машина затормозила, остановилась — и поехала задним ходом.

— Спасибо, Хакан, — тихо сказал он.

Его спутник молча мотнул головой.

* * *

Сам корабль отыскать было легко — пришлось только пройти вдоль цепочки наполовину занесенных снегом следов. Когда зажегся луч оружейной башни, Вал Кон предупреждающе поднял руку.

— Постой здесь секунду, Хакан, — велел он и дальше пошел один, сжимая в руке многоцелевой ключ, взятый из кармана сиг-Алды.

Башня вращалась, ее луч искал цель. Вал Кон покрутил ключ в руках, поднес его к губам и выдул две резкие ноты. После короткой паузы он добавил еще две.

Башня прекратила вращение. Вал Кон вытащил из кармана переносной маячок, сделал лучу несколько долгих и коротких сигналов и вздохнул с облегчением, когда луч послушно погас.

— Все в порядке, Хакан! — позвал он, направляясь к брюху корабля.

Снова повернув многоцелевой ключ, он отпер им хорошо видимый замок люка, а потом нагнулся, чтобы найти скрытую защелку и отключить ее.

В безмолвии ночи дверца люка бесшумно отъехала в сторону. Включилось внутреннее освещение, позолотив серебряный снег.

Хакан стоял с Мири на руках, изумленно открыв рот.

— Это... самолет? — с сомнением спросил он.

— Летательный аппарат, — мягко уточнил Вал Кон и вытянул руки. — Я возьму Мири, Хакан. Спасибо тебе за помощь.

— Что? — К Хакану вернулось все его давешнее упрямство. — Ты заставил меня отвезти вас к какому-то летательному аппарату посреди безлюдной глуши, Мири плохо, она бредит — и я должен просто вас здесь оставить? — Он решительно покачал головой. — Ну уж нет!

Вал Кон на секунду задумался. В конце концов, он у Хакана в долгу и обязан рассчитаться. Он поклонился — почти до земли:

— Как пожелаешь. Иди со мной. Быстро.

Автоврач оказался за перегородкой, напротив входа на мостик. Вал Кон нажал кнопку срочного доступа, и прозрачная крышка люка открылась. Он велел Хакану уложить Мири на кушетку, а потом забыл о его присутствии, быстро снимая с нее залитые кровью куртку и рубашку. Потом он стянул с нее сапоги и юбку. Осмотрев пульт, он с облегчением отметил, что Департамент достаточно высоко ценил Тиль Фона сиг-Алду, чтобы оснастить его корабль автоврачом последней модели, а потом закрыл люк и стал наблюдать за миганием лампочек. Автоврач проанализировал травмы Мири, сделал анализы крови, снимки и томограммы. Прозвучал мелодичный сигнал, и на экране над окошком для наблюдения появилась цепочка букв:

«Пулевое ранение в верхней правой части грудной клетки. В грудной полости инородных тел нет. Осложнения: потеря крови, шок, переохлаждение. Обнаружены следы психостимулирующего вещества. Предположительное время восстановления: два часа со-рок пять минут».

Окошко для наблюдения потеряло прозрачность. Вал Кон вздрогнул, и у него подкосились ноги. Все будет в порядке!

— Кори?

С голосом Хакана было что-то нехорошее. Вал Кон заставил себя выпрямиться и повернулся к своему другу.

Лицо Хакана неестественно побледнело, он сотрясался от дрожи.

— Да?

— Где Мири?

Вал Кон указал на автоврач.

— В... излечивающем устройстве. Вот здесь... — тут он указал на экран, — сказано, что она будет... исправлена... через три часа. — Он слабо улыбнулся. — Ей все равно надо будет отдыхать и восстанавливать силы, но она уже будет вне опасности.

Хакан нахмурился:

— Эта машина прямо сейчас помогает Мири?

— Да.

Музыкант кивнул, осмотрелся, а потом расправил плечи:

— Мне доводилось видеть самолеты, Кори. Это — не самолет.

— Да, — тихо отозвался Вал Кон, — не самолет.

— Тогда что это?

Вал Кон вздохнул:

— Давай скажем — летательный аппарат, Хакан. А теперь забудь, что ты его видел.

Хакан устался на него, и Вал Кон со вздохом отошел от кабинки автоврача, направившись к поварскому пульта.

— Хочешь чашку чаю?

— Чаю? — Хакан помотал головой — возможно, пытаясь прочистить мозги, — а потом тоже вздохнул. — Ладно, Кори. Чай был бы кстати.

Вал Кон заказал две порции — сладкий для своего гостя, простой — для себя, а потом достал две чашки из подавальщика и вручил одну Хакану. Сам он сделал глоток, удивляясь тому, до чего хорош пряный лиадийский чай, а потом заметил, что его друг продолжает дико оглядываться, и сделал приглашающий жест в сторону кресла второго пилота:

— Садись и отдыхай, Хакан.

Хакан неуверенно сел и осторожно отпил немного чая.

— Откуда он взялся? — спросил он.

Вал Кон посмотрел ему прямо в глаза:

— Из кухни. Ты же видел.

— Я видел, как ты нажал пару кнопок вон на той стене, а потом вручил мне вот это!

Музыкант закрыл глаза и будто ушел в себя — только дышал глубоко и мерно. Вал Кон добрал до пульта управления и сел.

Спустя какое-то время Хакан открыл глаза и посмотрел на Вал Кона — на удивление спокойно:

— Откуда ты, Кори?

Вал Кон вздохнул:

— Издалека.

— Не из Порлинта? — настойчиво спросил Хакан.

— Да, — признал Вал Кон. — Не из Порлинта.

— Тогда откуда?

— Нет, — сказал Вал Кон. — Хакан, я не могу тебе сказать. Если ты снова меня спросишь, я тебе солгу, а мне не хотелось бы лгать моему другу и другу Мири. Мне не следовало приводить тебя сюда. И если бы речь не шла о жизни Мири, я бы тебя сюда не привел. — Он виновато улыбнулся. — Я сыграл над тобой плохую шутку, мой друг: ты видел нечто, чего не мог видеть. Больше того, если ты опишешь этот корабль — кухню, медицинскую машину, тебе никто не поверит.

— Почему?

Вал Кон передернул плечами.

— Ты можешь подойти к стене в любом доме Джилла, нажать пару кнопок и получить чай — горячий и идеально заваренный? Когда ты ранен или болен, разве тыходишь к врачу, чтобы он засунул тебя в аппарат на час-другой, пока тебе не станет лучше?

Хакан покачал головой:

— Значит, эти вещи не существуют, правильно? Как сказала бы фру Трелу: «И не могут существовать».

Хакан закрыл глаза.

Вал Кон пил чай, осторожно разрешая своему телу расслабиться. Он очень быстро прошел по «Радуге» — и, подняв голову, поймал на себе взгляд Хакана.

— Как давно он здесь?

— Не больше дня, — тихо сказал Вал Кон. — И к завтрашнему утру его уже не будет.

По усатому лицу пробежала тень грусти.

— Вы улетите?

— Нам здесь не место, как и этому аппарату, Хакан. Мы оказались здесь случайно. По счастливой случайности, как выяснилось. Мы нашли друзей и музыку, а за все, что приносит нам так много, следует благодарить судьбу.

Дальше оба пили чай в молчании. А потом Вал Кон немного изменил позу, что снова привлекло к нему внимание друга.

— Тебе пора идти, Хакан.

— Уже? Но... то есть... Мири...

Он растерянно замолчал.

Вал Кон немного подумал.

— Прерывать начатое лечение опасно. И Мири будет спать еще несколько часов после того, как машина ее отпустит. Она не может с тобой попрощаться, Хакан, хотя я знаю, что ей бы этого хотелось. Я... — Он пожал плечами. — Вернись на это место завтра, — медленно проговорил он, — и заberi то, что тут будет. — По его прихоти будет нарушено еще несколько правил, виновато подумал он, дотрагиваясь до плеча друга. — Береги себя, друг мой.

Хакан встал. В его голубых глазах блестели слезы.

— Кем ни за что не простит мне, что я позволил вам двоим вот так скрыться. Она... мы... любим вас обоих.

— А мы любим вас. — Поддавшись какому-то непонятному чувству, Вал Кон прикоснулся к заросшей щетиной щеке, словно Хакан был ему родичем. — Я вижу тебя, Хакан Мельтц. — Он отступил на шаг. — Живите в радости, ты и Кем, и пусть все ваши дети любят музыку.

— Угу...

Хакан поплелся следом за Вал Коном к наружному люку и остановился, глядя в ночь.

— Ты найдешь дорогу назад, Хакан? Мне не надо проводить тебя до машины?

— Найду без труда, — ответил он, надевая капюшон. — Просто пойду по следам, как мы сделали по дороге сюда. — Он замаялся. — Доброй ночи, Кори.

— Доброй ночи, Хакан.

Вал Кон смотрел вслед Хакану, пока его фигура была видна на фоне звезд и снега, а потом закрыл люк и вернулся в корабль. Таймер автоврача показал, что лечение Мири продлится еще час с четвертью. Вал Кон поставил будильник, чтобы проснуться через час, наклонил спинку кресла пилота и заснул.

Вандар Клин Косморн

«Необходимо дополнительное время для завершения лечения: двадцать пять минут».

Вал Кон прикоснулся к кнопке запроса информации. Когда причина, потребовавшая дополнительного времени, появилась на экране, он нахмурил брови.

«Фильтрация крови и повторная калибровка уровня питательных веществ, потребовавшиеся в связи с сильной негативной реакцией на введение психосоматического вещества».

— Психосоматического вещества? — повторил он вслух. А потом лицо его прояснилось, и он воскликнул: — А!

Та смесь «облака» и мемстима, которую она бросила в лицо Тиль Фона сиг-Алды: видимо, она случайно вдохнула какое-то количество. Он покачал головой и ввел указание переслать состав наркотика на третий вспомогательный экран. «Откуда у Мири появилась эта штука?» — недоуменно подумал он и снова покачал головой. Придется ждать ее объяснений.

Он наклонился, собрал ее одежду и сунул в чистку вместе со своей собственной, включив режим: «суперчистка» и «ремонт». В освежителе тоже был предусмотрен режим «супермытье». Включив его, Вал Кон встал под настоящий потоп.

Окошко для наблюдения стало прозрачным, позволяя увидеть стройное белое тело, вихрь рыжих волос и пару сонных серых глаз. Свежий шрам стал розовым пятном над ее небольшой грудью. Вал Кон улыбнулся и нажал кнопку выхода.

— Доброе утро, Мири.

— Привет. — Голос ее оставался хриловатым. Она повернула голову на плоской подушке, сумев изобразить укоризну. — Думаешь, я не умею падать?

Он вздохнул:

— Я так хорошо знаю этот смертельный прием...

— Ага. И я тоже. — Ее улыбка получилась немного кривой. — Не учи свою бабушку кушать яйцо всмятку, космолетчик.

— Не посмел бы даже пытаться.

Она хмыкнула:

— Надо полагать — если вспомнить, кто была твоя бабушка. Отчаянная была старуха, а?

— Не отчаянней других, — тихо ответил он, прикасаясь к ее щеке. — Есть хочешь, Мири?

— Не отказалась бы перекусить. — Она впервые перевела взгляд с его лица на помещение за его спиной. — Ты мне не скажешь, где мы?

— На корабле агента.

Она нахмурилась:

— Только мы двое?

— Только мы двое. — Он отвел глаза, поймал прядь медных волос и пропустил ее между пальцами, пристально наблюдая за этим процессом. — Агент... умер. Контур солгал ему — как солгал мне на корабле Точильщика, помнишь?

Он снова посмотрел ей в глаза.

— Угу.

Вал Кон вздохнул и покачал головой.

— Он был под действием стимуляторов и... других веществ. Контур прибавил мощный выброс адреналина, а организм уже был перегружен...

— У него не выдержало сердце, — очень тихо договорила Мири. Вал Кон кивнул.

— Тиль Фон сиг-Алда, — пробормотал он. — Клан Ругаре.

Мири нахмурилась:

— Вы были знакомы?

— Нет. Он назвал мне свое имя. — Вал Кон отогнал от себя это воспоминание. — Что ты хочешь на завтрак?

— Что бы это ни было, я это буду есть не здесь, — заявила она с неожиданным всплеском энергии. — В каком состоянии моя одежда?

— Камердинер с задачей справился, — ответил он. — Секунду.

Вал Кон вернулся с ее одеждой почти сразу же, но Мири уже успела подняться и теперь сидела, свесив ноги с кушетки. Он покачал головой и вручил ей рубашку, стиснув зубы, чтобы не навязывать свою помощь, надеясь, что она сама скажет, если ей нужно будет помочь.

Мири застегнула пуговицы и со вздохом посмотрела на юбку.

— Набрось эту штуку мне через голову, ладно? — Он послушался. Она застегнула юбку, а потом схватила его за руки и слезла на пол. — А ты не ранен, босс?

— Нет, — тихо ответил он, а потом с жаром начал: — Мири, никогда больше...

Она подняла руку:

— Ничего не говори, ладно? Я услышала, как ты дико кричишь, взлетая на тот холм. Готов был налететь на него и нарезать на мелкие кусочки, да? — Она вздохнула и приникла к нему, с неожиданной силой обхватив его за талию. — Пара психов.

Спустя мгновение она отстранилась:

— Кофе, наверное, не найдется.

— Это лиадийский корабль, — ответил Вал Кон. — Так что вряд ли. Однако можно проверить.

Он протянул ей руку.

Мири приняла ее без всяких колебаний, и вместе они прошли в главное помещение.

Кофе действительно не оказалось, но заказанный им чай был почти не хуже: темный, пряный и крепкий. Она допивала вторую чашку, полулежа в кресле второго пилота и глядя, как Вал Кон убирает остатки их трапезы. Ей ужасно хотелось, чтобы ее разум перестал задавать ей один и тот же вопрос: «И что теперь?»

«Он обязательно спросит тебя про «облако», Робертсон, — сказала она себе. — Независимо от того, лгал тот Тиль Фон или нет. Он обязательно спросит. И что ты ему скажешь?»

Вал Кон вернулся и сел в кресло пилота, прихватив чашку свежего чая. Устроившись, он сделал глоток, а потом посмотрел ей в лицо.

«Боги! — подумала она. — Боги, пожалуйста...»

— Мири? — тихо спросил он.

Она проглотила вздох вместе с глотком чая и в упор встретила его взгляд.

— Угу.

— Кто такой Скел?

Она удивленно встряхнула головой:

— Уже никто, босс. Он погиб на Кламасе. — Она снова вздохнула. — Откуда ты слышал про Скела?

— Какое-то время ты довольно упорно с ним разговаривала, — мягко объяснил Вал Кон. — Приказывала ему положить тебя и уходить.

Мири закрыла глаза и глубже ушла в кресло.

— Так оно и должно было быть, — монотонно проговорила она. — Приказ Лиз. Каждый сам за себя, так она сказала. — Ее голос стал звучать жестче, словно эти слова навсегда въелись в ее память. — Если твой напарник упал и не встает — беги. Если я упала — беги. Если ты ранен и рана не смертельная — вставай, черт тебя подери, и беги!

— Мири...

Она открыла глаза. Ее сжатые губы побелели от давней боли.

— Отряд противника — они нас сковали, нашли по термонаводке. К этому моменту нас осталось мало — двадцать пять или двадцать шесть. Кто-то должен был убрать это оружие, понимаешь? И я сказала Лиз, что уберу. — Ее глаза опять закрылись, и она судорожно вздохнула. — Это было естественно: я была самая маленькая и быстрая. Самый правильный выбор. Лиз это увидела, одобрила. Скел... Он остался ждать, когда оружие взорвалось. На обратном пути меня ранило, а потом... земля сдвинулась. К тому времени подвижки шли почти все время. Осыпались камни — мне перебило обе ноги. Скел меня понёс. Дотащил до Лиз, а потом попали в него. А потом меня несла она: как приказала нам не делать.

Она вздохнула. Ее глаза открылись и уставились в потолок.

— Лиз, Скандал, Мак, Уин и я. Пятеро. Всех остальных убил Кламас. Если бы не метеоролог, мы бы тоже погибли.

Она дотронулась до регулятора кресла и села прямо.

— Я его так и не смогла поблагодарить. Его звали Браннер. Икклиад Браннер. Не знаю его Клана. Подделал сообщение вроде

бы — я так толком и не узнала — и заставил прислать шаттлы со станции. Вывезли в целом человек пятьсот, а потом все полетело к чертям. Слышала, что у него потом были неприятности...

— Мири...

Вал Кон стоял совсем близко, протянув одну руку. Лицо его выражало боль и печаль. У нее мучительно сжалось сердце, и она стиснула зубы, борясь с разрывающей душу любовью к нему.

— Тебе лучше выслушать все до конца.

— Позже.

Он прикоснулся к ее щеке, погладив напряженные мышцы.

— Сейчас, — возразила она, отстраняясь. Его рука опустилась вниз, на лице помимо других неприятных чувств отразилась тревога. — Осталось не так уж много.

— Ладно, — тихо согласился он, не спуская с нее глаз. — Расскажи мне все до конца.

— Оказалась в больнице, там мне привели в порядок ноги. Спала плохо — кошмары. Мысли доставали: что все, кого я знала, мертвы, и что мне самой надо было бы умереть. Начала пить слишком много кинака, но от него воспоминания становились только ярче, понимаешь? Попробовала еще пару разного, пытаюсь избавиться от воспоминаний — от всех мертвых лиц. И наконец заполучила немного «облака». Воспоминания ушли. Я смогла спать и думать, и мне больше не было так... грустно. — Она вздохнула. — Но действие «облака» кончалось, и воспоминания начинали мучить еще сильнее, потому что ты их не совсем отключаешь, а только на время прячешь.

Она отвела глаза, заглянула в пустую чашку, а потом снова заставила себя смотреть ему в лицо.

— «Облака» было много.

Наступило молчание. Вал Кон не сел, давая понять, что желает слушать дальше. Мири вздохнула и заставила себя закончить рассказ:

— Лиз устроила мне программу реабилитации. Понадобилось много времени, но я справилась. С «облака» мало кому удается слезть. — Она резко засмеялась. — Мне повезло.

— А! — произнес он.

— И к чему это «а»?

Слезы — неожиданные, кошмарные — побежали у нее по щекам и закапали с подбородка. Она подняла руку, отчаянно их стирая. Вал Кон подошел и уселся на край ее кресла, лицом к ней.

— К тому, — мягко сказал он, — что если бы мне пришлось быть на Кламаса, увидеть, как распадается мир, а мой отряд — мои друзья, мои любимые, моя семья — гибнут, то мне тоже захотелось бы забыть.

Она встряхнула головой:

— Этот Тиль Фон передал мне пакет «облака», когда я вышла, чтобы успокоиться. Сказал, что это от тебя, за то, что я так хорошо выполнила свою работу.

— Мне нужно говорить, что он лгал? — спросил Вал Кон и вздохнул. — В том пакетике, который он тебе дал, была смесь, Мири: половина «облака», половина — мемстима, вещества, которое дают агентам, когда они делают доклад. Оно вызывает полную активизацию памяти.

Ее глаза расширились.

— Неудивительно, что у него не выдержало сердце. От полного забвения к стопроцентной памяти? Да от такого все мозги взорвутся! — Она помолчала. — Ад.

Вал Кон кивнул. Когда ее молчание затянулось на несколько минут, он прикоснулся к ее руке:

— Теперь я слышал все, что должен был сегодня услышать, Мири? Потому что, по-моему, тебе надо спать, чтобы полностью исцелиться.

Мири посмотрела на него. «Все хорошо, Робертсон, — сказала она себе. — Все и правда хорошо».

Умиротворение — такое же ошеломляющее и неожиданное, как и слезы, затопило ее. Она наклонилась вперед и прижалась щекой к его щеке.

— Знаешь, мне тоже кажется, что мне следует лечь спать, чтобы полностью исцелиться. Но если ты хочешь, чтобы я спала не здесь, а где-то в другом месте, тебе придется меня отнести.

— Это, — ответил Вал Кон, — можно устроить.

Вандар Клин Косморн

Покрытые снегом скалы сверкали на ярком солнце, так что у шедшей за Хаканом Кем слезились глаза. Если бы все это не звучало так дико — но вот же... У Мири травма, Хакан с Кори привозят ее сюда, и Кори укладывает ее во врачебную машину... А из стены появляются чашки с чаем, и световые панели на летательном аппарате, который не похож ни на какой нормальный летательный аппарат.

Кем покачала головой и сощурила глаза, пытаясь разглядеть самолет. Нечто столь крупное, как в рассказе Хакана, на ярком солнечном свете нельзя не увидеть!

Перед ней Хакан вдруг остановился, глядя на прямоугольное углубление в снегу. Она подошла к нему и вложила пальцы в его ладонь.

— Он исчез, — сказал Хакан и опустошенно посмотрел на нее. — Они исчезли, Кем.

Она беспомощно посмотрела на него, а потом снова перевела взгляд на углубление, сильнее сощурила глаза, пытаясь защититься от ослепительного блеска, и вытянула палец:

— А это что, Хакан?

«Это» оказалось плоской деревянной коробкой со сдвижной крышкой. Когда они ее открыли, то почувствовали густой терпкий запах, немного напоминавший чай. Внутри оказались лист бумаги и кошель.

«Дорогие Хакан и Кем! — начиналась записка, написанная наклонным плавным почерком Мири. — Простите, что приходится покидать вас, не повидавшись. Пожалуйста, поверьте, что мне уже намного лучше и что я не умру, наверное, еще очень-очень долго, так что посочувствуйте Кори. В коробке лежат деньги, которые мы получили от короля за то, что мы герои. Там, куда мы едем, деньги другие, так что этими пользуйтесь вы. Пожалуйста. Хакан, мне жаль, что мы не смогли закончить последнее выступление. Ты — хороший музыкант и хороший друг. Не забывай, что играть всегда надо для удовольствия. Кем, я тебе столько обязана! Мне жаль, что мы причинили вам с Хаканом столько хлопот. Спасибо вам обоим за помощь. Передайте фру Трелу, что мы ее больше не беспокоим. Мы вас любим. Мири».

Дальше было несколько пустых линеек, а потом острым почерком с обратным наклоном:

«Будьте оба здоровы и радостны. Мы будем по вам скучать и часто вас вспоминать, с любовью. Пусть для вас обоих музыка никогда не смолкает. Кори».

Вот и все. Кем сморгнула слезы и подняла взгляд от письма. Хакан обходил прямоугольное углубление, внимательно глядя во все стороны. Она подошла к нему:

— В чем дело?

Он указал ей на нетронутую поверхность снега, простиравшуюся во все стороны.

— Разбега не было, — сказал он. — Кори поднял свой летательный аппарат прямо вверх!

Она заглянула ему в лицо, потом осмотрела снег, небо над головой — и снова обеспокоенно посмотрела на него:

— Разве такое возможно, Хакан?

Он начал было что-то говорить, а потом вдруг закрыл рот и долго молча смотрел на нее. А потом прижал ее к себе и уткнулся лицом в ее волосы.

— Нет, — прошептал он. — Невозможно.

Содержание

Конфликт чести	5
Агент перемен	255
Лови день	489

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2,
тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

**Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Казань, Сибирский тракт, д. 11, тел. (8432) 78-23-20
- г. Казань, ул. Баумана, 13
- г. Новосибирск, ул. Б. Богатного, д. 260, тел. (3532) 10-17-86
- г. С.-Петербург, Невский пр., д. 116, тел. (812) 279-80-68
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Самара, пр. Ленина, д. 2
- г. Азов, б-р Петровский, д. 3
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Курган, ул. Гоголя, д. 61
- г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87, тел. (3522) 22-36-23
- г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 50, тел. (3519) 37-55-65
- г. Магнитогорск, ул. Звениягина, д. 9
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Н. Новгород, ул. Литвинова, д. 25/32, тел. (8312) 77-99-44
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Новочеркасск, ул. Московская, д. 10, тел. (86352) 2-30-53
- г. Орел, Московское шоссе, д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18
- г. Ульяновск, ул. Врача Михайлова, д. 10
- г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 12
- г. Ульяновск, ул. Железной дивизии, д. 6
- г. Челябинск, ул. Кирова, д. 7
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 52
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 68
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Иркутск, ул. Ленина, д. 15, тел. (3953) 24-28-05
- г. Пермь, ул. Крупской, д. 42, тел. (3422) 22-91-17
- г. Тюмень, ул. Республики, д. 155, тел. (3452) 22-45-50
- г. Киров, ул. Комсомольская, д. 37
- г. Киров, ул. Пролетарская, д. 22а
- г. Н. Тагил, ул. Первомайская, д. 32, тел. (3435) 25-43-92
- г. Н. Тагил, ул. Дзержинская, д. 47

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Ли Шарон
Миллер Стив
Конфликт чести
Агент перемен
Лови день

Фантастические романы

Редактор М.Б. Левин
Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва
г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

«Фантастическая сага, сравнимая только с баррарским циклом Лоис Макмастер Буджолд!»

«Локус»

«В книгах Лиаденской саги есть все — сражения, приключения, романтика, юмор, но главное — сюжет. Шарон Ли и Стив Миллер полностью заслужили все восторженные отзывы на этот сериал. Это — эпическая фантастика. В нее нельзя не влюбиться. Побольше бы таких книг!»

Кейт Эллиот

Человечество колонизировало сотни планет. Теперь в Галактике бок о бок живут, торгуют и воюют потомки землян — и «чужие». В этом мире действуют Вал Кон — галактический мастер плаща и кинжала, непревзойденный агент перемен — и Мири, наемница-землянка, опаленная огнями безжалостных космических схваток. Из мира — в мир!
От опасности — к опасности!

ISBN 5-17-015609-X

9 785170 156092